This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

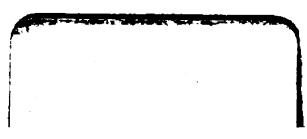
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07856212 5

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LV. — ТОМЪ CCCXXI. — 1/13 ЯНВАРЯ, 1891.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1891

Digitized by Google

Jul. 23 1891

5617

(1772)

Digitized by Google

СКОВАННЫЙ
ПРОМЕТЕЙ

ТРАГЕДІЯ ЭСХИЛА.

ВЛАСТЬ.
СИЛА—нѣмое лицо.
ПРОМЕТЕЙ—титанъ.
ГЕФЕСТЪ—Вулканъ.
ХОРЪ нимфъ океанидъ.
ОКЕАНЪ.
IO, дочь Инаха.
ГЕРМЕСЪ—Меркурій, посланникъ боговъ.

Digitized by Google

Въ горахъ Скиѳіи.

Входятъ ВЛАСТЬ и СИЛА, двѣ богини; онѣ ведутъ узника ПРОМЕТЕЯ. За ними ГЕФЕСТЪ съ молотомъ и цѣпями.

Власть.

Мы въ Скиѳіи, мы на краю земли,—
Достигли мы пустынь непроходимыхъ.
Теперь, Гефестъ, исполни приговоръ
Царя боговъ: къ вершинѣ скалъ гранитныхъ
Желѣзными цѣпями ты прикуй
Преступника. Вѣнецъ твой лучезарный,—
Огонь укравъ,—онъ людямъ въ даръ принесъ.
За тяжкій грѣхъ его накажутъ боги,
Чтобы владычество Зевеса онъ
Призналъ и разлюбилъ ничтожныхъ смертныхъ.

Гефестъ.

О, Власть! и ты, о, Сила! до конца
Исполнили вы приговоръ Зевеса.
А я... увы! дерзну ли приковать
Къ нагимъ скаламъ возлюбленнаго брата?..
Что дѣлать? Рокъ велитъ послушнымъ быть.
Бѣда тому, кто небрежетъ велѣньемъ
Всевышняго...—Ѳемиды мудрый сынъ!
Наперекоръ моей свободной волѣ,
Тебя къ скаламъ я цѣпью прикую,—
Къ пустынному, печальному граниту,
Гдѣ голоса людского никогда
Ты не услышишь, гдѣ, лучами солнца
Сожженное, твое изсохнетъ тѣло
И почернѣетъ. Темная ли ночь
Отниметъ свѣтъ у жаждущаго свѣта,
Иль высушитъ заря росу полей,
Твоя душа томиться будетъ вѣчно—
И не рождался тотъ, кому дано
Тебя спасти. Несчастный, вотъ—награда
Твоей любви и состраданья къ людямъ!
Ты самъ былъ богъ, и, не боясь боговъ,
Вознесъ людей ты къ почестямъ безмѣрнымъ.
За то теперь, прикованный къ скалѣ,
Одинъ, безъ сна, согнуть колѣнъ не въ силахъ,

Digitized by Google

Безпомощно стонать ты обреченъ,
Взывать, молить,—но непреклонно сердце
Царя боговъ: такъ новый властелинъ
Всегда жестокъ!

Власть.

Къ чему же медлишь ты
И сѣтуешь безплодно? Врагъ Олимпа,
Похитившій твой собственный огонь,
И для тебя не врагъ ли ненавистный?

Гефестъ.

Священны узы дружбы и родства!

Власть.

Священнѣе велѣнія Зевеса.
Для дружбы ли нарушить ихъ дерзнешь?

Гефестъ.

Ты жалости не вѣдаешь, богиня!

Власть.

Его жалѣть—напрасный трудъ. Повѣрь,
Участіемъ ему ты не поможешь!

Гефестъ.

О, ремесло проклятое мое!..

Власть.

Но ремесло ни въ чемъ тутъ не виновно.
Зачѣмъ его безумно проклинать?

Гефестъ.

Пусть кто-нибудь другой бы имъ владѣлъ!..

Власть.

Ты выбралъ самъ его. Свободны боги
Во всемъ: одинъ лишь Зевсъ царитъ надъ ними.

Гефестъ.

Да, онъ царитъ,—я вижу по всему!

Digitized by Google

Власть.

Спѣши надѣть преступнику оковы,
Чтобъ медлящимъ тебя не видѣлъ Зевсъ.

Гефестъ.

Смотри—для рукъ уже готовы кольца.

Власть.

Возьми скорѣй, и руки въ нихъ вложи,
И молотомъ прикуй къ скалѣ гранитной.

Гефестъ.

Исполнены велѣнія твои.

Власть.

Еще ударь, еще! Вотъ такъ, покрѣпче,
Чтобъ хитростью не могъ онъ убѣжать.

Гефестъ.

Одна рука прикована къ утесу.

Власть.

Прикуй теперь другую руку... Пусть
Титанъ могучъ, но Зевсъ еще сильнѣе!

Гефестъ.

Я сдѣлалъ все, чтобъ угодить богамъ!

Власть.

Теперь обломкомъ стали заостренной
Ему насквозь ты грудь его пронзи!

Гефестъ.

О, Прометей, я плачу, горько плачу!

Власть.

Ты плачешь надъ врагомъ боговъ: смотри,
Чтобъ не пришлось и надъ собой поплакать!

Гефестъ.

Ужасное ты зришь передъ собой!..

Digitized by Google

Власть.

Я зрю боговъ лишь праведную кару...
Но возложи ему на чресла цѣпь.

Гефестъ.

Я знаю самъ—повелѣвать не нужно.

Власть.

Повелѣвать я буду! Ну, скорѣй
Спустись къ ногамъ. Продѣнь сначала въ кольца.

Гефестъ.

Смотри, готово. Трудъ мой невеликъ.

Власть.

Вотъ такъ. Теперь прикуй гвоздями ноги,
И знай—отчетъ придется дать во всемъ.

Гефестъ.

Твои слова чертамъ твоимъ подобны!

Власть.

Ты можешь самъ мягкосердечнымъ быть,
Не осуждай другихъ за твердость духа.

Гефестъ.

Онъ изъ оковъ не вырвется. Уйдемъ!

Власть (*къ Прометею*).

Ну что-жъ? Теперь глумись надъ волей Зевса!
Воруй огонь боговъ, чтобъ въ даръ нести
Ничтожнымъ людямъ! Развѣ люди могутъ
Тебѣ помочь? А нѣкогда ты слылъ
Среди боговъ пророкомъ. Гдѣ же нынѣ
Твой прежній даръ?.. И пусть научитъ онъ,
Какъ вырваться изъ плѣна Прометею.
(*Власть, Сила и Гефестъ—уходятъ.*)

Прометей (*одинъ*).

Тебя, эѳиръ небесный, васъ, о, вѣтры
Крылатые, и рѣки, и земля,

Digitized by Google

Всеобщая праматерь, и валовъ
Подобный смѣху шумъ многоголосый,—
Я всѣхъ васъ, всѣхъ въ свидѣтели зову:
Смотрите—вотъ, что терпитъ богъ отъ бога!...
Видите: тысячелѣтія,
Пыткой истерзанный,
Буду страдать.
Царь небожителей,
Зевсъ, возложилъ на меня
Цѣпи позорныя...
О, я страдаю отъ мукъ
Нынѣшнихъ, будущихъ. Скоро ли
Скорби наступитъ конецъ?..
Что я сказалъ?! Не самъ ли я предвижу
Грядущее? Нежданная печаль
Не посѣтитъ меня. Нѣтъ, терпѣливо
Перенести я долженъ все, что Рокъ
Назначилъ мнѣ. Судьба неотвратима.
Но не могу молчать—и разсказать
Свою печаль я не могу. Огонь
Я смертнымъ далъ, и вотъ за что наказанъ.
Похитилъ я божественную искру,
Сокрылъ въ стволѣ сухого тростника,
И людямъ сталъ съ тѣхъ поръ огонь собратомъ,
Помощникомъ, учителемъ во всемъ.
Теперь плачу́ богамъ за преступленье,
На воздухѣ привѣшенный къ скалѣ!
Увы, увы!..
Что за звукъ, что за шелестъ ко мнѣ долетѣлъ?
Это голосъ земной иль небесный?
Кто-нибудь не пришелъ ли къ далекимъ горамъ,
Чтобъ взглянуть на позоръ мой и муки?
Что-жъ, смотрите: я—жалкій, закованный богъ,
Олимпійцамъ за то ненавистный,
Что безмѣрно людей я люблю... Но опять
Этотъ шумъ... Словно птицы порхаютъ,
Словно воздухъ отъ бьющихся крылій звенитъ...
Мнѣ всего, что такъ близится, страшно...

(*На крылатой колесницѣ появляется Хоръ нимфъ океанидъ.*)

Digitized by Google

Хоръ.

(*Строфа первая.*)

Нѣтъ, не бойся! Мы съ любовью
Прилетѣли къ этимъ скаламъ.
Мы едва мольбой склонили
Сердце строгаго отца.
Къ намъ донесся громъ желѣза
Въ глубину подводныхъ гротовъ,
И стыдливость позабывъ,
Не успѣвъ надѣть сандалій,
Мы примчались въ колесницѣ
Съ дуновеньемъ вѣтерка.

Прометей.

Посмотрите, о, дщери
Многодѣтной Тефіи
И отца Океана,
Что шумящимъ потокомъ
Обтекаетъ всю землю—
Посмотрите: я здѣсь,
На позоръ пригвожденный,
Сторожить буду вѣчно
Остріе этихъ скалъ!..

Хоръ.

(*Антистрофа первая.*)

Видимъ, видимъ!.. Страхъ, какъ туча,
Застилаетъ наши очи,
Отягченныя слезами;
Видимъ, сохнетъ на скалѣ
Изнывающее тѣло
Подъ желѣзными цѣпями.
Новый кормчій правитъ небомъ:
На Олимпѣ Зевсъ насильемъ
Стародавніе законы
Святотатственно попралъ!

Прометей.

Пусть бы лучше подъ землю меня онъ низвергъ,
Въ черный Тартаръ, пріемлющій мертвыхъ,
Или ниже, подъ своды Аида, и тамъ

Digitized by Google

Задушилъ бы въ оковахъ желѣзныхъ,
Чтобъ ни смертный, ни богъ не видали меня
И надъ мукой моей не глумились.
А теперь я повѣшенъ на радость врагамъ
Въ высотѣ, какъ игрушка для вихрей!..

Хоръ.

(*Строфа вторая.*)

Развѣ есть такой жестокій
Изъ блаженныхъ, кто-бъ надъ мукой
Прометея насмѣялся?
Кто тебѣ не сострадаетъ,
Кромѣ Зевса?.. Онъ одинъ,
Дерзкій, гнѣвный, непреклонный,
Всѣхъ боговъ порабощаетъ
И достигнетъ самовластья,
Если кто-нибудь насильемъ
Скиптръ не вырветъ у него.

Прометей.

Пусть я нынѣ въ оковахъ томлюсь,
Пусть меня оскорбляютъ: еще
Будетъ Зевсу нужда до меня,
Чтобы заговоръ новый открыть,
Что владыку низвергнетъ съ небесъ.
Но тогда ни медовая рѣчь,
Ни угрозы меня не смутятъ
И не выдамъ я тайны, пока
Онъ не сниметъ съ меня эту цѣпь,
Не заплатитъ за весь мой позоръ!

Хоръ.

(*Антистрофа вторая.*)

Ты могучъ и дерзновенъ,
Не уступишь лютой скорби
Никогда,—но берегись:
Слишкомъ рѣчь твоя свободна,
За тебя во мнѣ трепещетъ
Сердце страхомъ и тоской.
Гдѣ конецъ твоимъ страданьямъ,
Гдѣ прибѣжище отъ бури?..

Digitized by Google

Вѣдь у Кроносова чада—
Непреклонная душа.

Прометей.

Знаю: Зевсъ непреклоненъ и гордъ.
Онъ законъ презираетъ. Но все-жъ
Будетъ сломлена гордость его.
Онъ упрямую злобу смягчитъ;
Какъ союзникъ къ союзнику, самъ
Выйдетъ первый на встрѣчу ко мнѣ!

Хоръ.

Разоблачи мнѣ все: открой, за что же
Зевесъ тебя, невиннаго, дерзнулъ
Предать такимъ мученіямъ позорнымъ?
Скажи мнѣ, если можешь говорить!

Прометей.

Мнѣ говорить о скорби тяжело
И тяжело молчать. Повсюду—мука!
Когда въ семьѣ боговъ возникъ мятежъ
И запылалъ раздоръ непримиримый,—
Одни желали, чтобы Зевсъ царилъ,
Чтобъ Кронось былъ низринутъ, а другіе—
Чтобъ никогда не правилъ ими Зевсъ.
Я былъ въ тѣ дни сообщникомъ титановъ,
Но къ мудрости не могъ склонить дѣтей
Земли и Неба. Въ гордомъ, дикомъ сердцѣ
Всѣ хитрости лукавыя презрѣвъ,
Они враговъ смирить мечтали силой.
Но мать моя, Земля или Ѳемида
(Единая подъ множествомъ именъ),
Мнѣ предрекла, что должно не насильемъ,
А ковами могучихъ побѣдить.
И я открылъ пророчество титанамъ.
Но, дерзкіе, не внемля, мой совѣтъ
Отринули. Тогда рѣшилъ я Зевсу
Помочь въ борьбѣ, и съ матерью къ нему
Я перешелъ, къ свободному—свободный.
Лишь съ помощью моею онъ низвергъ
И скрылъ навѣкъ ихъ въ пропастяхъ подземныхъ
Съ союзниками древняго Кроноса.

Digitized by Google

И вотъ какимъ предательствомъ за все
Мнѣ отплатилъ владыка олимпійцевъ!
Не довѣрять ни близкимъ, ни друзьямъ—
Таковъ недугъ тирановъ всемогущихъ!
Но вы хотѣли знать, за что Зевесъ
Казнитъ меня. Я вамъ скажу,—внимайте:
На отчій тронъ возсѣвъ, онъ раздѣлилъ
Дары земли и неба межъ богами,
И утвердилъ незыблемую власть.
Но въ дѣлежѣ обидѣлъ жалкихъ смертныхъ:
Онъ ничего имъ нѣ далъ—и хотѣлъ,
Ихъ истребивъ, создать иное племя.
И не дерзалъ никто среди боговъ
Спасти людей. Убиты божьимъ громомъ,
Они бы всѣ погибли безъ меня,
Но я одинъ ихъ защитилъ и принялъ
Такую казнь, что страшно тѣмъ, кто смотритъ,
Страшнѣй тому, кто терпитъ. Я жалѣлъ,
Но жалости не заслужилъ отъ бога.
Да будутъ же страданія мои
Уликою, позорящею Зевса!..

Хоръ.

Нѣтъ, у того въ груди не сердце—камень,
Кто надъ тобой не плачетъ, Прометей!
О, лучше бъ мукъ твоихъ мы не видали,—
Но, увидавъ, не можемъ не скорбѣть!

Прометей.

Мой видъ, увы! не радостенъ для друга.

Хоръ.

Ты что-нибудь не сдѣлалъ ли еще?

Прометей.

Еще я смертнымъ далъ забвенье смерти.

Хоръ.

Но какъ могли про смерть они забыть?

Прометей.

Я поселилъ надежды въ нихъ слѣпыя.

Digitized by Google

ХОРЪ.

То не былъ ли твой величайшій даръ?

ПРОМЕТЕЙ.

Нѣтъ! я имъ далъ еще огонь небесный...

ХОРЪ.

Огонь—въ рукахъ такихъ созданій жалкихъ!..

ПРОМЕТЕЙ.

И многому научитъ онъ людей!

ХОРЪ.

Такъ вотъ, за что разгнѣванный Кроніонъ
Тебя на казнь обрекъ и не щадитъ!
Ужели нѣтъ конца твоимъ страданьямъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Конецъ одинъ—то приговоръ Зевеса.

ХОРЪ.

О, если такъ—надежды мало. Видишь,
Ты былъ неправъ. Сказать, что ты неправъ,
Мнѣ тягостно... тебѣ услышать горько...
Оставимъ же... подумаемъ, какъ быть...

ПРОМЕТЕЙ.

Тому, чей духъ не удрученъ страданьемъ,
Давать совѣты мудрые легко.
Вѣдь это все я зналъ и все предвидѣлъ,
Но самъ того хотѣлъ и самъ избралъ
Мою судьбу, чтобъ быть полезнымъ людямъ.
А все-жъ не думалъ я, что, такъ жестоко
Истерзанный, я буду пригвожденъ
Къ нагой скалѣ пустынной, безнадежной.
Но нѣтъ!.. Пока не плачьте надо мной!..
Приблизьтесь же, сойдите съ колесницы,
И лишь когда услышите про муки
Грядущія, тогда поймете все.
Узнайте скорбь мою и пожалѣйте!
Надъ всѣмъ живымъ витающая скорбь
Однихъ—теперь, другихъ постигнетъ завтра!

Digitized by Google

Хоръ.

Мы и такъ тебя жалѣемъ,
Сходимъ на̀ землю, покинувъ
Воздухъ, свѣтлый путь для птицъ.
Посмотри, — ногою легкой
Ужъ коснулись мы гранита,
Поскорѣй хотимъ услышать
Повѣсть грустную твою.
(*Появляется богъ Океанъ на крылатомъ чудовищѣ.*)

Океанъ.

Къ тебѣ, Прометей, я примчался
Чрезъ много земель и морей.
Дракономъ крылатымъ по волѣ
Могу безъ удилъ управлять.
Я мукамъ твоимъ сострадаю, —
Вѣдь ты мнѣ родной... Да и такъ
Сильнѣй, чѣмъ родного по крови,
Я сердцемъ тебя полюбилъ,
И вотъ докажу мою дружбу,
Я льстить никому не привыкъ:
Попробуй, проси, чего хочешь, —
Я сдѣлаю все для тебя,
И знай — не найти тебѣ друга
Вѣрнѣй, чѣмъ старикъ Океанъ!

Прометей.

И ты пришелъ взглянуть на казнь мою!
Но какъ — скажи — рѣшился ты покинуть
Для Скиѳіи, рождающей желѣзо,
Для сихъ степей, пучину волнъ родныхъ
И влажныя, скалистыя пещеры?
Ты говоришь, что поспѣшилъ затѣмъ,
Чтобъ выразить участіе страдальцу?
Смотри же — вотъ, кто Зевсу на престолъ
Помогъ взойти, смотри, какою мукой
Мнѣ отплатилъ союзникъ мой и братъ!

Океанъ.

Я вижу, другъ. Но все-жъ, хотя исполненъ
Ты мудрости, послушай старика:

Digitized by Google

Смири себя и новые законы
Спѣши признать. Знай, нынѣ новый царь
На небесахъ. Хоть далеко до Зевса,
Но берегись: онъ можетъ услыхать
Надменныя, язвительныя рѣчи.
Тогда твоя теперешняя казнь
Покажется ребяческой забавой.
Нѣтъ, лучше гнѣвъ напрасный удержи,
Подумай, какъ отъ мукъ спастись. Быть можетъ,
Совѣтами наскучилъ я тебѣ?
Что-жъ?.. Не взыщи, ты видишь самъ, какъ платимъ
Мы дорого за дерзкія слова.
Зачѣмъ же, другъ, склонить главу не хочешь
И потерпѣть? Вѣдь новую бѣду
Навлечь легко. А еслибы ты раньше
Спросилъ меня, я счелъ бы, Прометей,
Безумiемъ противиться такому
Могучему и грозному царю.
Но все-жъ теперь пойду и постараюсь
Помочь бѣдѣ, насколько хватитъ силъ.
А ты, о, братъ мой, слишкомъ вольной рѣчи
Остерегись: ты мудръ и знаешь самъ,
Что за нее караютъ дерзновенныхъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Завидую тебѣ: ты невредимъ,
А былъ, какъ я, мятежникомъ когда-то...
Но обо мнѣ не хлопочи, и знай—
Не убѣдишь ты Зевса: онъ упрямъ.
Смотри, опасно быть со мною въ дружбѣ.

ОКЕАНЪ.

Другимъ давать умѣешь ты совѣты,
А самъ себя отъ гибели не спасъ.
Но я иду—не прекословь: я буду
Ходатаемъ твоимъ; надѣюсь, Зевсъ
Въ угоду мнѣ съ тебя оковы сниметъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Чтобъ мнѣ помочь, ты сдѣлать все готовъ.
Благодарю за дружескую ревность;
Но не трудись,—нельзя меня спасти,

Digitized by Google

И всѣ твои усилья будутъ тщетны.
Оставь меня и думай о себѣ.
Гонимый самъ, я не хочу, чтобъ были
Невинные гонимы за меня.
И безъ того уже терзаетъ душу
Мнѣ Атласа, родного брата, скорбь,
Подъявшаго на раменахъ могучихъ
Земли и неба тяжкіе столпы.
И жаль мнѣ, жаль чудовища Тифона
Стоглаваго, проклятаго, во тьмѣ
Живущаго въ пещерахъ сицилійскихъ,
Низринутаго съ неба: онъ возсталъ
На всѣхъ боговъ и, свистомъ убивая,
Открылъ на нихъ зіяющую пасть,
А изъ очей металъ огонь Горгоны,
Олимпъ грозилъ разрушить. Но въ него
Ударилъ Зевсъ недремлющей стрѣлою
Громоподобной, огненной; молчать
Надменнаго перунами заставилъ:
И вдругъ Тифонъ всю силу потерялъ...
Обугленный и въ сердце пораженный,
И нынѣ онъ лежитъ у волнъ морскихъ,
Какъ мертвое, недвижимое тѣло,
Раздавленный корнями Этны. Пышетъ
Кузнецъ Гефестъ на высотѣ горы...
Когда же хлынутъ огненныя рѣки
Изъ кратера и алчныя пожрутъ
Плоды полей Сициліи цвѣтущей,—
Тогда Тифонъ все пламя изрыгнетъ,
Всю ненависть въ палящемъ ураганѣ,
Испепеленный Зевсомъ, но живой!..
Ты знаешь самъ... Ненуженъ мой разсказъ;
Заботься, другъ, лишь о своемъ спасеньѣ...
А я... терпѣть готовъ, пока Зевесъ
Не укротитъ безжалостнаго гнѣва!

Океанъ.

Ты вѣдаешь, что мудрыя слова —
Цѣлители души, объятой гнѣвомъ.

Прометей.

Въ спокойныя минуты,—не тогда,
Какъ яростью еще трепещетъ сердце.

Digitized by Google

ОКЕАНЪ.

Какой же вредъ въ попыткѣ осторожной,
Какое зло ты видишь, Прометей?

ПРОМЕТЕЙ.

Безцѣльный трудъ я вижу и безумье.

ОКЕАНЪ.

Молю, не возражай: вѣдь мудрецы
Безумными казалися нерѣдко.

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ за тебя придется дать отвѣтъ.

ОКЕАНЪ.

Ты мнѣ домой совѣтуешь вернуться?

ПРОМЕТЕЙ.

Не то, тебя накажутъ за меня.

ОКЕАНЪ.

Не новый ли владыка олимпійцевъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Смотри,—его прогнѣвать берегись!

ОКЕАНЪ.

Мнѣ казнь твоя урокомъ будетъ вѣчно...

ПРОМЕТЕЙ.

Не медли же, спасайся, прочь бѣги!

ОКЕАНЪ.

Ужъ я лечу! несетъ меня драконъ,
Могучими крылами разсѣкая
Эѳиръ небесъ, воздушный, вольный путь,
И радъ мой конь домой подъ кровъ вернуться.

(*Океанъ улетаетъ.*)

Digitized by Google

Хоръ.

(Строфа первая.)

Горько я плачу о мукахъ твоихъ, Прометей!
Слезы изъ глазъ моихъ, полныхъ
Нѣжностью, мнѣ на ланиты
Льются потокомъ обильнымъ...
Править вселенной
Богъ самовластный,
Богъ безпощадный
Къ древнимъ богамъ.

(Антистрофа первая.)

Стономъ и плачемъ окрестныя земли полны:
Люди скорбятъ надъ тобою,
Надъ вѣковѣчною славой
Братьевъ титановъ погибшихъ
Плачутъ народы
Азіи древней,
Всѣ сострадаютъ
Мукамъ твоимъ.

(Строфа вторая.)

Плачутъ и дѣвы Колхиды,
Неустрашимыя въ битвахъ,
Плачутъ кочевники-скиѳы—
Тамъ, близъ болотъ меотидскихъ,
Въ чуждой далекой землѣ,

(Антистрофа вторая.)

Цвѣтъ аравійскихъ народовъ,
Плачутъ и горцы Кавказа,
Дикое племя въ щетинѣ
Копій желѣзныхъ и пикъ.

(Эподосъ.)

Одного мы прежде знали
Бога, скованнаго цѣпью,
Знали Атласа-титана,
Что раздавленный, согнувшись,
На спинѣ могучей держитъ
Необъятный сводъ небесъ.
Волны падаютъ на волны,
Плачетъ море, стонутъ бездны,

Digitized by Google

Подъ землей въ пещерахъ черныхъ
Содрогается Аидъ,—
И текутъ, какъ слезы горя,
Родники священныхъ рѣкъ....

ПРОМЕТЕЙ.

Не думайте, что я храню безмолвье
Изъ гордаго презрѣнья! Нѣтъ, мой духъ
Сознаніемъ мучительной обиды
Весь поглощенъ. Не я ли даровалъ
Великую побѣду олимпійцамъ?
Вы знаете о ней. Не буду вамъ
Разсказывать. Но выслушайте повѣсть
О жалкихъ смертныхъ.
Это я имъ далъ,
Безсмысленнымъ, могущественный разумъ!
Не съ гордостью объ этомъ говорю,
Но лишь затѣмъ, чтобъ объяснить причину
Моей любви къ несчастнымъ. Люди долго
И видѣли, но не могли понять,
И слушали, но не могли услышать.
Подобные тѣнямъ, въ какомъ-то снѣ,
По прихоти случайностей блуждали,
И было все въ нихъ смутно. И домовъ,
Открытыхъ солнцу, строить не умѣли
Изъ кирпичей иль бревенъ, но въ землѣ,
Какъ муравьи проворные, гнѣздились,
Во тьмѣ сырыхъ землянокъ и пещеръ.
Не вѣдали отличія зимы
Отъ лѣтнихъ дней горячихъ, плодоносныхъ,
Иль отъ весны цвѣтущей. Дикари
Творили все безъ размышленья, слѣпо.
Но, наконецъ, я бѣднымъ указалъ
Восходъ свѣтилъ, закатъ ихъ, полный тайны,
Глубокую науку чиселъ, буквъ
Сложеніе и—творческую память,
Великую родительницу музъ.
Я въ первый разъ животныхъ дикихъ, вольныхъ
Поработилъ ярму, чтобъ сдѣлать ихъ
Во всѣхъ трудахъ помощниками людямъ:
Послушнаго браздамъ запрягъ коня,
Красу для глазъ и гордость человѣка,

Digitized by Google

И съ крылыми льняными изобрѣлъ
Летающія въ морѣ колесницы
Для моряковъ. Но столько дивныхъ тайнъ,
Искусствъ, наукъ открывшій жалкимъ людямъ—
Спасти себя ничѣмъ я не могу!

Хоръ.

Увы! Отъ мукъ, отъ скорби обезумѣвъ,
Бродя во мглѣ, не можешь ты найти,—
Какъ нѣкій врачъ неопытный,—лекарства,
Чтобъ исцѣлить свой собственный недугъ!

Прометей.

Еще не все: лишь до конца дослушавъ,
Увидите, какъ много я имъ далъ.
И вотъ мой даръ великій: въ дни былые
Не вѣдали они цѣлебныхъ травъ,
Лекарственныхъ напитковъ, притираній,
И умиралъ безпомощно больной.
Но я открылъ спасительные злаки,
Смѣшеніе лекарствъ, чтобъ злой недугъ
Одолѣвать. Искусство прорицаній
Установилъ и, правду ото лжи
Въ пророческихъ видѣньяхъ отдѣляя,
Я вѣщія примѣты указалъ,
Что путнику встрѣчаются въ дорогѣ,
Что видимъ мы въ полетѣ птицъ съ кривыми
Когтями—знакъ иль добрый, иль дурной;
Воздушныя собранія пернатыхъ,
Ихъ пищу, жизнь, любовь и непріязнь,
Отличія во внутренностяхъ теплыхъ,
И печени, и желчи цвѣтъ желанный—
Всѣ признаки, угодные богамъ;
И части жертвъ, обвернутыя жиромъ,
И бедра ихъ широкія сложивъ
Надъ пламенемъ на алтарѣ священномъ,
Я всесожженью смертныхъ научилъ
И знаменьямъ глубокимъ, сокровеннымъ,
Являемымъ въ пылающемъ огнѣ.
Таковъ мой даръ. И кто сказать посмѣетъ,
Что для людей не я открылъ руду,
Желѣзо, мѣдь, и серебро, и злато?..

Digitized by Google

Но въ двухъ словахъ—чтобъ кратокъ былъ разсказъ:
Все отъ меня—искусство, знанье, мудрость!

Хоръ.

Довольно ты заботился о людяхъ,
И о себѣ подумай: можетъ быть,
Еще стряхнувъ позорящія цѣпи,
Ты будешь вновь могущественъ, какъ богъ!

Прометей.

Нѣтъ! Рокъ не то судилъ, неумолимый:
Лишь тысячи страданій претерпѣвъ,
Изъ этихъ узъ я вырвусь на свободу...
Мы всѣ—ничто предъ волею судебъ!

Хоръ.

Но кто-жъ судебъ таинственный владыка?

Прометей.

Эриніи и тройственныя Парки.

Хоръ.

Ужели Зевсъ слабѣй богинь судьбы?

Прометей.

Что суждено, того онъ не избѣгнетъ.

Хоръ.

Не суждено ль во вѣкъ ему царить?

Прометей.

Я не могу отвѣтить: не просите.

Хоръ.

Ужасное скрываешь ты отъ насъ!..

Прометей.

Оставимъ же... Объ этомъ намъ не время
Бесѣдовать... Насколько хватитъ силъ,
Въ груди моей хранить я буду тайну,
Скрывать, беречь, чтобы спастись отъ мукъ!

Digitized by Google

Хоръ.

(*Строфа первая.*)

Съ волей Всевышняго лучше не спорить во вѣки!
Будемъ же чаще богамъ угождать гекатомбой,
Жертвой закланной у волнъ необъятнаго моря.
Не согрѣшимъ даже словомъ,
Божій завѣтъ въ нашемъ сердцѣ
Свято храня!

(*Антистрофа первая.*)

Сладко намъ дни проводить, если вѣримъ мы въ счастье,
Сладко намъ душу питать непорочной надеждой!..
Гордый титанъ, мы глядимъ на тебя съ содроганьемъ:
Не побоялся ты бога,
Слишкомъ возвысилъ ничтожныхъ,
Жалкихъ людей.

(*Строфа вторая.*)

Что въ ихъ любви!?.. Развѣ смертные могутъ помочь?
Развѣ не зналъ ты, что немощью
Скована племя ихъ бѣдное,
Недолговѣчное,
Грезамъ подобное?..
Не перестроить имъ міра—созданья боговъ!

(*Антистрофа вторая.*)

Вотъ чему учатъ страданья твои, Прометей!..
Пѣсни иныя мы нѣкогда
Пѣли тебѣ, новобрачному,
Пѣсни веселыя, —
Гимны счастливицѣ,
Нашей сестрѣ Гезіонѣ, невѣстѣ твоей!

(*На сцену вбѣгаетъ Іо, дочь Инаха, безумная.*)

Іо.

Что за край, что за люди?.. Кто тамъ на скалѣ,
Обвѣваемой бурями,
Тяжко стонетъ въ цѣпяхъ? О, скажите, за что
Онъ прикованъ безжалостно?
О, скажите, въ какую страну забрела
Я, несчастная?..
Увы, увы!..

Digitized by Google

Оводъ пронзилъ меня жаломъ...
Аргуса призракъ!.. Спасите...
Страшно мнѣ! Видите, вотъ онъ —
Тысячеглазый!..
Вотъ онъ—со взоромъ лукавымъ...
Мертвый возсталъ изъ земли,
Вышелъ изъ ада...
Гонитъ меня по прибрежнымъ пескамъ, исхудалую!..

(*Строфа.*)

Вздохи доносятся флейты пастушьей, унылой...
Гимнъ усыпительный... Горе,
Горе!.. куда забрела я, скиталица?
Зевсъ, о, за что ты меня на страданья обрекъ?
Мучишь, преслѣдуешь, полную ужасомъ,
Жалкую дѣву, безумную!..
Громомъ убей меня, въ землю укрой,
Брось на съѣденіе гадамъ морскимъ!
Боже, внемли
Робкой мольбѣ!..
Я ужъ скиталась довольно..
Только бы знать мнѣ,
Гдѣ мой пріютъ!..
Слышишь ли жалобы бѣдной изгнанницы?

Прометей.

Ко мнѣ достигъ твой голосъ, дочь Инаха.
Я знаю все: Зевесъ тебя любилъ...
И вѣчно ты преслѣдуема Герой,
И, оводомъ язвимая, бѣжишь.

Io.

(*Антистрофа.*)

Имя назвалъ ты отца моего. Отвѣчай мнѣ:
Кто же ты самъ, о, несчастный,
Съ дѣвой несчастною слово промолвившій?
Знаешь ты, посланный богомъ, мой страшный недугъ,
Жаломъ пронзившій меня и терзающій.
Ревностью Геры гонимая,
Всюду мечусь я, не помню себя
И, обезумѣвъ отъ боли, бѣгу!..

Digitized by Google

Можно ль страдать
Больше, чѣмъ я?..
Если ты знаешь, открой мнѣ:
Долго ли, бѣдной,
Муки терпѣть?
Молви, утѣшь ты меня, одинокую!..

Прометей.

Въ простыхъ словахъ, безъ тайнъ и недомолвокъ,
Скажу я все, о чемъ ты хочешь знать,
Какъ добрый другъ, бесѣдующій съ другомъ.
Я—Прометей, я людямъ далъ огонь.

Іо.

О, богъ несчастный, благодѣтель смертныхъ!..
За что же ты страдаешь, Прометей?

Прометей.

Я только-что разсказъ объ этомъ кончилъ.

Іо.

Но милостивъ не будешь ли ко мнѣ?..

Прометей.

Открою все. Скажи, чего ты хочешь?

Іо.

Я знать хочу, кто приковалъ тебя?

Прометей.

Велѣніе боговъ, рука Гефеста.

Іо.

Но въ чемъ твой грѣхъ? За что тебя казнятъ?

Прометей.

Я о себѣ ужъ говорилъ довольно.

Іо.

Прости, еще одно: когда настанетъ
Конецъ моимъ страданіямъ, открой!

Digitized by Google

ПРОМЕТЕЙ.

Повѣрь: тебѣ не знать объ этомъ лучше...

Іо.

Что̀ бъ ни было въ грядущемъ,—не скрывай!

ПРОМЕТЕЙ.

Я обѣщалъ, и все тебѣ открою

Іо.

Не медли же!.. Прошу, начни скорѣй!

ПРОМЕТЕЙ.

Сейчасъ начну... Боюсь я опечалить...

Іо.

Мнѣ лучше—знать! Не бойся, говори!

ПРОМЕТЕЙ.

Ты требуешь: да будетъ такъ. Внимай же!

ХОРЪ.

Нѣтъ, погоди! Хотѣли мы просить,
Нельзя ль и намъ изъ устъ ея услышать
О горестной судьбѣ ея разсказъ.
Ты ей потомъ грядущее откроешь.

ПРОМЕТЕЙ (*къ Іо*).

Исполнить ихъ желаніе—твой долгъ:
Вѣдь по отцу—онѣ тебѣ родныя.
Повѣствовать о скорби намъ легко,
Когда мы знаемъ, что слезой участья
Почтутъ разсказъ внимающіе намъ.

Іо.

Я не могу вамъ отказать, о, нимфы!
Узнайте жизнь печальную мою!
Вы видите—я плачу, вспоминая,
Какъ божій громъ ударилъ, какъ навѣкъ
Утратила я образъ человѣка...
Ночные сны летали надо мной,

Digitized by Google

Ночные сны въ моей дѣвичьей спальнѣ
Шептали мнѣ:—Къ чему ты такъ горда
И дѣвственна! Ты можешь быть супругой
Великаго царя: Зевесъ пронзенъ
Стрѣлой любви, и радости Киприды
Съ тобой, дитя, онъ жаждетъ раздѣлить.
Не отвергай ты ложе олимпійца!
Въ цвѣтущій долъ, въ лернейскія поля,
Сойди къ нему, сойди къ стадамъ отцовскимъ,
Чтобъ Зевсово желанье утолить!—
Мнѣ по ночамъ покоя не давали
Крылатыя видѣнія, пока
Объ этихъ снахъ отцу я не сказала.
Онъ много разъ въ Додону посылалъ
И къ Пиѳіи, смиренно вопрошая,
Какъ совершить угодное богамъ.
Но всѣ послы, вернувшись, приносили
Неясныя пророчества отцу.
И лишь потомъ пришелъ къ нему понятный,
Прямой отвѣтъ—велѣніе боговъ
Изгнать меня изъ отческаго дома
Въ безвѣстные, далекіе края,—
Не то, Зевесъ грозилъ весь родъ Инаха
Стрѣлой громовъ палящихъ истребить.
Родитель внялъ дельфійскимъ прорицаньямъ,
Но не хотѣлъ изгнать свое дитя,—
Противился... И богъ заставилъ силой
Безжалостный исполнить приговоръ.
Я образъ мой утратила и разумъ;
Рогатая, пріявъ телицы видъ
И оводомъ гонима съ острымъ жаломъ,
Въ неистовствѣ я бросилась бѣжать,
И по брегамъ Керхнеи тихоструйной,
И по холмамъ Лернейскимъ. Сынъ Земли
За мной слѣдилъ, жестокосердый Аргусъ,
Съ несмѣтными очами вѣчный стражъ.
Но онъ погибъ... И подъ бичемъ небеснымъ
Изъ края въ край скитаться суждено
Мнѣ, оводомъ терзаемой. Ты знаешь
Прошедшее—открой же мнѣ теперь
Грядущія страданья. Но не думай

Digitized by Google

Покоить слухъ мой лестью: ничего
Не можетъ быть постыднѣй рѣчи лживой!

Хоръ.

Подожди, подожди,
Дай намъ мысли собрать...
Іо, Іо—увы!
Твой нежданный разсказъ
Наше сердце смутилъ...
Насъ пронзилъ, какъ мечемъ,
Твой великій позоръ,
Безпредѣльная скорбь!..
О, судьба, о, судьба,
Мы дрожимъ предъ тобой!

Прометей.

Вы плачете, пугливыя созданья...
Внимайте же, внимайте до конца!

Хоръ.

Мы слушаемъ. Отрадно знать несчастнымъ
Ихъ горестямъ назначенный предѣлъ.

Прометей.

Исполнилъ я охотно вашу просьбу.
Какъ сами вы желали, отъ нея
Услышали страдальческую повѣсть.
Узнайте же, что въ будущемъ терпѣть
Ей суждено отъ Геры безпощадной.
А ты мои слова запечатлѣй
Въ душѣ, чтобъ знать конецъ своихъ скитаній,
Несчастная!..
Къ восходу обратясь,
Сперва пройди невспаханныя земли
И Скиѳіи достигни. Тамъ живутъ
Кочевники въ возахъ съ плетеной крышей,
Съ колесами большими, и у нихъ
Въ колчанахъ спятъ губительныя стрѣлы...
Ихъ нравъ жестокъ и страшенъ,—берегись!
Потомъ придешь къ мятежному потоку,
Иди за нимъ, но брода не ищи,
Пока высотъ Кавказа не достигнешь,

Digitized by Google

Гдѣ истощитъ рѣка въ тѣснинахъ горъ
Свой лютый гнѣвъ. Тогда черезъ вершины,
Что высятся до звѣздъ, спустись на югъ,
И ты полки увидишь амазонокъ,
Воительницъ, не вѣдавшихъ мужей.
(Имъ суждено уйти къ странѣ далекой,
На Термодонъ, гдѣ грозный Сальмидессъ,
Съ утесами заливъ, открытой пастью
Испуганныхъ встрѣчаетъ моряковъ.)
И съ радостью укажутъ амазонки
Тебѣ твой путь. Преддверіе болотъ—
Ты Киммерійскій минешь перешеекъ
И, переплывъ съ отвагою проливъ,
Прославишься навѣки переправой,
И въ честь твою Босфоръ получитъ имя.
Тогда ты вступишь въ Азію...
Итакъ,
Вы видите теперь, что царь Олимпа
Ко всѣмъ равно жестокъ: онъ вожделѣлъ,
Безсмертный богъ, со смертной сочетаться, —
И вотъ за что обрушилъ столько бѣдъ
На робкую, безпомощную дѣву.
Жестокаго супруга избрала
Ты, бѣдная: вѣдь сказанное мною —
Лишь первое начало мукъ твоихъ.

Іо.

Увы, увы!..

Прометей.

Ты слезы льешь?.. Но что съ тобою будетъ,
Когда ты все узнаешь до конца!

Хоръ.

Скажи,—какой конецъ ея страданій?

Прометей.

Пучина слезъ, отчаянья и бѣдъ!

Іо.

На что мнѣ жизнь!.. Зачѣмъ я лучше въ пропасть
Не кинулась съ вершины этихъ скалъ,—

Digitized by Google

Лежала бы я мертвая въ долинѣ,
Свободная отъ мукъ. Отраднѣй сразу
Намъ умереть, чѣмъ мучиться всю жизнь!..

Прометей.

А какъ бы ты мои терпѣла муки!..
Мнѣ даже Рокъ и въ смерти отказалъ.
(Была бы смерть желанною свободой!)
Но моему страданью нѣтъ конца,
Пока съ Олимпа Зевсъ не будетъ свергнутъ...

Іо.

Что ты сказалъ?.. Ужели Зевсъ падетъ?..

Прометей.

Ты будешь ли его паденью рада?

Іо.

Подумай самъ: онъ погубилъ меня.

Прометей.

Такъ радуйся: слова мои правдивы.

Іо.

Кто царскій скиптръ отниметъ у него?

Прометей.

Онъ скиптра самъ лишитъ себя безумьемъ.

Іо.

Когда и какъ, не можешь ли открыть?

Прометей.

Отъ брачнаго союза онъ погибнетъ.

Іо.

Съ богиней ли, со смертною—скажи?..

Прометей.

Не спрашивай: я не могу отвѣтить.

Іо.

Не будетъ ли супругой свергнутъ Зевсъ?

Digitized by Google

ПРОМЕТЕЙ.

Родится сынъ у нихъ сильнѣе Зевса.

Іо.

И гибели ничто не отвратитъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Ничто, пока не буду я свободенъ.

Іо.

Но кто жъ врагу боговъ свободу дастъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Потомокъ твой: такъ суждено судьбою.

Іо.

Ужель тебя освободитъ мой сынъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Въ тринадцатомъ колѣнѣ правнукъ Іо.

Іо.

Пророчество неясно для меня.

ПРОМЕТЕЙ.

Забудь его: судьба твоя ужасна!..

Іо.

Судьбу предречь ты самъ мнѣ обѣщалъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Одно изъ двухъ я для тебя исполню.

Іо.

Скажи мнѣ что: я выберу сама.

ПРОМЕТЕЙ.

Я предреку конецъ твоихъ несчастій
Иль день моей свободы: выбирай.

ХОРЪ.

Пускай ты ей одну окажешь милость,
Другую — намъ. Мы молимъ, Прометей:

Digitized by Google

Ей предскажи конецъ ея страданій,
А намъ—того, кто волю дастъ тебѣ.

Прометей.

Противиться не буду вашей просьбѣ:
Открою все, что вы хотите знать,
Сперва тебѣ—твой путь. Въ скрижаляхъ сердца
Запечатлѣй слова мои. Туда—
Къ сіяющимъ лугамъ, къ восходу солнца
Пройди чрезъ волны—грань материковъ,
И, за собой оставивъ Понтъ ревущій,
Увидишь ты Горгонскія поля,
Кисѳены долъ, гдѣ обитаютъ Парки,
Три страшныхъ дѣвы съ ликомъ лебединымъ:
Единый зубъ у нихъ, единый глазъ;
Сихъ темныхъ дѣвъ не озаряетъ во вѣки
Ни солнца лучъ, ни тихій свѣтъ луны...
Вблизи живутъ крылатыя Горгоны:
До смерти, знай, никто живой не могъ
Взглянуть на трехъ сестеръ змѣинокудрыхъ.
Я говорю—страшись, бѣги отъ нихъ!
Но скоро ты увидишь новый ужасъ:
Безжалостныхъ грифоновъ съ острымъ клювомъ,
Кроніона нелающихъ собакъ,
И Аримасповъ конныхъ, одноокихъ
На берегу золотоносныхъ волнъ
Плутоновой рѣки. Бѣги оттуда,
Бѣги на югъ, гдѣ черные народы
Вкругъ Солнечныхъ-Источниковъ живутъ,
Гдѣ катится потокъ эѳіопійскій!
Библосскихъ горъ увидишь ты хребетъ,
Оттуда Нилъ свергаетъ водопадомъ
Прозрачныя, священныя струи.
По берегамъ придешь ты къ устью Нила
Трехгранному, гдѣ суждено тебѣ
И сыновьямъ твоимъ построить городъ...
Коль что-нибудь въ словахъ моихъ темно,
Я повторю: ты видишь—слишкомъ много
Невольнаго досуга у меня!

Хоръ.

О будущихъ скитаньяхъ Іо бѣдной
Докончи твой разсказъ. А если все

Digitized by Google

Ты ей предрекъ, припомни нашу просьбу
Смиренную: ты знаешь самъ—о чемъ.

Прометей.

О будущемъ я кончилъ прорицанья.
Теперь скажу о пройденномъ пути,
И, выслушавъ меня, увидитъ Іо,
Что ей не лгутъ пророчества мои.
Но о началѣ странствія не буду
Я говорить, скажу лишь о концѣ.
Достигла ты земли молоссовъ, горы
Додонскія узрѣла, гдѣ живетъ
Во храмѣ Зевсъ, оракулъ Ѳеспротійскій,
И гдѣ шумятъ таинственной листвой
Священные, пророческіе дубы.
Ихъ голосомъ была наречена
Ты будущей супругой олимпійца.
Не правда-ль—честь завидная для жертвъ
Его любви!.. Объятая безумьемъ,
Приморскою дорогою бѣжать
Ты бросилась къ заливу Реи. Скоро
Въ неистовствѣ направила назадъ
Свои шаги. Тѣ волны назовутъ
Во славу Іо моремъ Іонійскимъ
Далекіе потомки...
Но довольно!
Вы видите, что въ сумрачную даль
Я за предѣлъ явленій прозрѣваю.
Теперь къ тому, что̀ прежде говорилъ,
Вернусь опять и мой разсказъ окончу:
Есть нѣкій градъ Канобъ на устьяхъ Нила,
Построенный на отмеляхъ рѣки.
Тамъ возвратитъ Зевесъ тебѣ твой разумъ,
Дотронувшись ласкающей рукой
До скорбнаго чела. Родишь ты сына,
И черное, могучее дитя
Ты назовешь Эпафомъ. Будетъ жатву
Онъ собирать со всѣхъ полей, что̀ Нилъ
Широкою волною напояетъ...
И пятьдесятъ цвѣтущихъ дочерей
Изъ пятаго колѣна въ Арголиду
Вернутся вновь, гонимыя стыдомъ,

Digitized by Google

Чтобъ съ братьями двоюродными ложа
Не раздѣлить. Но похотью полны,
Преслѣдуя союзъ кровосмѣшенья,
Тѣ бросятся за ними по пятамъ,
Какъ соколы за стаей бѣлыхъ горлицъ;
И мстящій богъ ихъ крови будетъ жаждать,
Земля пелазговъ приметъ жениховъ,
Рукой невѣсть закланныхъ въ часъ полночный,
На ложѣ сна, и каждая изъ дѣвъ
Глубоко въ грудь двуострое желѣзо
Вонзитъ супругу-брату... О, Киприда,
Такую страсть ношли моимъ врагамъ!..
Лишь у одной, любовью побѣжденной,
Не хватитъ силъ убить, и пощадитъ,
И, ослабѣвъ, она свое безсилье
Жестокому убійству предпочтетъ.
Произвести весь родъ царей Аргоса
Ей суждено...
Я кончилъ мой разсказъ;
Одно прибавлю: отъ того же корня
Родится въ міръ прославленный герой,
Что сниметъ цѣпь съ меня. Мнѣ предсказала
Объ этомъ мать, родимая Земля,
Кормилица могучая титановъ;
Но гдѣ и какъ онъ мнѣ свободу дастъ—
О томъ молчу и знать тебѣ не надо.

Іо (*въ припадкѣ безумія*).

Защитите, о, боги, я чувствую, вновь
Охватило мнѣ душу безумье...
Я горю, холодѣю... Пронзаетъ меня
Ненасытнаго овода жало...
Сердце въ страхѣ трепещетъ. Нѣмѣетъ языкъ...
И вращаются очи... А ярость,
Словно буря былинку, уноситъ меня...
Тонетъ разумъ въ пучинѣ страданій!..
(*Іо убѣгаетъ.*)

Хоръ.

(*Строфа.*)

Истинно мудрымъ былъ тотъ,
Кто посовѣтовалъ первый всегда заключать

Digitized by Google

Съ равными равнымъ союзъ.
Бѣдный, простой человѣкъ
Дружбы не долженъ искать
Ни богачей, ни вельможъ!

(*Антистрофа.*)

Пусть же, о, пусть никогда
Грозныя Парки меня не увидятъ женой
Ни одного изъ боговъ!
Іо, мы плачемъ, дрожимъ,
Видя страданья твои,
Попранный дѣвичій стыдъ.

(*Эподосъ.*)

Мнѣ не страшно быть женою
Тѣхъ, кто равенъ намъ и близокъ.
Только пусть меня во вѣки
Не настигнетъ олимпійцевъ
Безпощадная любовь!
Это брань—гдѣ нѣтъ спасенья,
Это путь—гдѣ нѣтъ исхода.
Если кинетъ богъ на дѣву
Страсти взоръ неотвратимый,
Что ей дѣлать? какъ несчастной
Отъ всесильнаго бѣжать?

Прометей.

Пусть нынѣ Зевсъ надмененъ: онъ смирится
И вступитъ въ бракъ, что съ горней высоты
Властителя боговъ низринетъ въ бездну.
Въ тотъ страшный день исполнится надъ нимъ
Отцовское проклятье, что на сына
Обрушилъ Кроносъ, падая съ небесъ.
Но указать отъ этихъ бѣдъ спасенье
Изъ всѣхъ боговъ могу лишь я одинъ.
Я знаю тайну! Пусть же Зевсъ на тронѣ
Пока сидитъ, довѣрившись громамъ
И молнію въ рукѣ своей сжимая.
Онъ со стыдомъ падетъ,—тогда ничто
Не защититъ отъ гибели позорной...
Вѣдь на него готовится боецъ
Невѣдомый, гигантъ непобѣдимый;
Онъ обрѣтетъ огонь сильнѣй огня

Digitized by Google

Кроніона, и громъ—сильнѣе грома
Небеснаго. Онъ въ щепки раздробитъ
Грозу морей, трезубецъ Поссейдона!
И богъ боговъ, привыкшій къ самовластью,
Тогда пойметъ, что̀ значитъ быть рабомъ!

Хоръ.

Такъ вотъ—твои мечты, твои желанья...

Прометей.

Дѣйствительность, а не мечты мои!

Хоръ.

Ужели Зевсъ предъ кѣмъ-нибудь смирится?

Прометей.

И будетъ онъ страдать сильнѣй, чѣмъ я.

Хоръ.

Что̀ говоришь? О, какъ тебѣ не страшно!

Прометей.

Мнѣ? Страшно?.. Нѣтъ: вѣдь смерть не мой удѣлъ!

Хоръ.

Но казнь твою Зевесъ удвоить можетъ...

Прометей.

Пускай удвоитъ: я на все готовъ!

Хоръ.

О, благо тѣмъ, кто чтитъ богиню Рока!

Прометей.

Такъ будьте же рабами, пресмыкайтесь,
И льстите всѣмъ богамъ! А для меня
Зевесъ—ничто! Пускай онъ правитъ міромъ,—
Царить ему недолго суждено...
Что̀ вижу?.. Вотъ глашатай олимпійца.
Должно быть, вѣсть принесъ онъ отъ боговъ.

Digitized by Google

ГЕРМЕСЪ.

Я говорю съ тобой, коварный, злѣйшій
Изъ всѣхъ враговъ Зевеса, воръ огня
Священнаго, ходатай жалкихъ смертныхъ!
Разоблачить отецъ мой повелѣлъ,
Какой союзъ губительнаго брака
Ты, хвастая, дерзнулъ ему предречь?
Но говори яснѣе, безъ загадокъ...
Смотри, титанъ, не заставляй меня
Вернуться вновь! Угрозой ты не можешь
Царя боговъ на милость преклонить!

ПРОМЕТЕЙ.

Твои слова—надменны и хвастливы;
Такъ говорить прилично слугамъ тѣхъ,
Кто сѣсть едва успѣлъ на тронъ Олимпа.
Вы думаете, новые цари,
Не можетъ скорбь проникнуть къ вамъ въ чертоги?
Я видѣлъ ужъ паденье двухъ владыкъ
Сильнѣе васъ, и очередь—за третьимъ!
Онъ гибели позорнѣйшей изъ всѣхъ
Не отвратитъ. А ты, прислужникъ Зевса,
Надѣялся, что буду я дрожать
Предъ этими ничтожными богами?..
О, я не палъ еще такъ низко! Нѣтъ!
Ты отъ меня не вывѣдаешь тайны,
Уйди, вернись къ пославшему тебя!..

ГЕРМЕСЪ.

Такою же строптивостью безумной
Ты казнь твою и цѣпи заслужилъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Но знай, Гермесъ, взамѣнъ моихъ страданій
Не взялъ бы я позора твоего:
Почетнѣй быть прикованнымъ къ граниту,
Чѣмъ вѣстникомъ проворнымъ у владыкъ
Служить, какъ ты! Обида—за обиду!

ГЕРМЕСЪ.

Ты, кажется, своимъ мученьямъ радъ?

Digitized by Google

ПРОМЕТЕЙ.

Пускай судьба пошлетъ такую радость
Врагамъ моимъ,—и ты одинъ изъ нихъ!

ГЕРМЕСЪ.

Но въ чемъ же я виновенъ предъ тобою?

ПРОМЕТЕЙ.

Всѣхъ, всѣхъ боговъ, платящихъ за добро
Предательствомъ, равно я ненавижу!..

ГЕРМЕСЪ.

Отъ горя ты разсудокъ потерялъ...

ПРОМЕТЕЙ.

Иль ненависть къ врагамъ—мое безумье?..

ГЕРМЕСЪ.

Ты не былъ бы и въ счастіи добрѣй.

ПРОМЕТЕЙ (*стонетъ*).

Увы!..

ГЕРМЕСЪ.

Вотъ крикъ, невѣдомый для Зевса!

ПРОМЕТЕЙ.

Пусть поживетъ,—научится всему.

ГЕРМЕСЪ.

Но мудрымъ быть ты самъ не научился!

ПРОМЕТЕЙ.

О, да! Когда бъ я былъ мудрѣй, не сталъ бы
И говорить съ такимъ рабомъ, какъ ты!

ГЕРМЕСЪ.

Ты угодить не хочешь олимпійцу?

ПРОМЕТЕЙ (*насмѣшливо*).

Мнѣ есть за что Зевесу угождать!..

Digitized by Google

ГЕРМЕСЪ.

Зачѣмъ со мной ты шутишь, какъ съ ребенкомъ?..

ПРОМЕТЕЙ.

Нѣтъ! ты глупѣй ребенка, если могъ
Надѣяться, что тайну я открою.
Ни хитростью, ни пытками, ничѣмъ
Изъ устъ моихъ не вырветъ онъ признанья,
Пока цѣпей не сниметъ. Пусть же Зевсъ
Сожжетъ меня огнемъ разящихъ молній,
Обвѣетъ снѣгомъ бѣлокрылыхъ вьюгъ,
Разрушитъ міръ подземными громами,—
Не покорюсь, не назову того,
Кто долженъ скиптръ отнять у Кроніона!

ГЕРМЕСЪ.

Подумай же: упрямство не спасетъ...

ПРОМЕТЕЙ.

Я все рѣшилъ, я все давно предвидѣлъ!

ГЕРМЕСЪ.

О, еслибы хоть горе научить
Тебя могло покорности разумной!

ПРОМЕТЕЙ.

Уйди, оставь! не убѣждай напрасно...
Ты думалъ, рабъ, что я паду во прахъ,
Испуганный угрозой олимпійца,
Что буду я о милости взывать,
Поднявъ съ мольбой трепещущія длани,
Какъ женщина, къ врагу!.. Нѣтъ, никогда!..

ГЕРМЕСЪ.

Я расточалъ слова мои безплодно:
Моленія не трогаютъ тебя;
Какъ юный конь, уздой непокоренный,
Ты въ ярости кусаешь удила.
Немудрое упрямство: о, повѣрь мнѣ,
Развѣется, какъ прахъ, гордыня тѣхъ,
Кто слабъ умомъ, но дерзокъ и мятеженъ.

Digitized by Google

Смириться ты не хочешь, такъ узнай,
Какой удѣлъ тебѣ готовятъ боги.
Сначала Зевсъ въ осколки разобьетъ
Вершины скалъ небесными громами:
Низверженный, исчезнешь ты, титанъ,
И въ нѣдрахъ горъ, въ объятіяхъ гранитныхъ
Задохнешься. Столѣтья протекутъ,
Пока ты вновь увидишь свѣтъ небесный.
Тогда тебя начнетъ терзать орелъ,
Крылатый пёсъ Зевеса, ненасытный.
И, прилетая, будетъ каждый день
Онъ вырывать когтями клочья тѣла,—
Незваный гость на пиршествѣ кровавомъ,
Питаясь черной печенью твоей.
До той поры не жди конца страданьямъ,
Пока другой не приметъ мукъ твоихъ
Страдалецъ-богъ, и къ мертвымъ въ темный Тартаръ,
Во глубину Аида не сойдетъ.
Мои слова—не тщетная угроза.
Зевесъ не лжетъ и совершится воля
Всесильнаго. Подумай же: покорность
Не лучше ли строптивости твоей?..

Хоръ.

Онъ правъ. Смири, смири, титанъ могучій,
Свой гордый духъ и богу покорись!
Послушайся совѣтовъ добрыхъ: стыдно
Упорствовать въ ошибкѣ мудрецу.

Прометей.

Все, что̀ молвилъ Гермесъ, я предвидѣлъ давно!
Но врагу отъ врага не позорно
Пасть въ открытой борьбѣ. Пусть же мечетъ въ меня
Богъ снопами огней смертоносныхъ,
Пусть Эѳиръ поколеблетъ раскатомъ громовъ,
Пусть такой ураганъ онъ подыметъ,
Чтобъ земля содрогнулась на вѣчныхъ корняхъ,
Пусть, безумствуя, въ бурѣ смѣшаетъ
Волны моря съ огнями небесныхъ свѣтилъ,
Увлечетъ въ глубину мое тѣло,
Въ преисподнюю сброситъ,—убить до конца
Онъ не можетъ меня: я безсмертенъ!

Digitized by Google

Гермесъ.

Это дикій бредъ безумца!
Развѣ могъ бы мужъ разумный
Не смирить въ такихъ страданьяхъ
Буйной гордости своей.
Дѣвы, полныя участьемъ
И любовью, удалитесь,
Отойдите, чтобы сéрдца
Не потрясъ вамъ грохотъ тяжкій
Оглушительныхъ громовъ!

Хоръ.

Неужель совѣтъ коварный
Мы исполнимъ? Слушать больно...
Сестры, сестры, не покинемъ
Одинокаго страдальца,
Будемъ горе съ нимъ дѣлить
И покажемъ, что измѣну
Ненавидимъ всей душой!

Гермесъ.

Если такъ, не забывайте
Вы предсказаннаго мною,
Не корите олимпійца:
Вы избрали добровольно,
Вы предвидѣли бѣду.
Не внезапно, не коварно
Скоро будете, о, нимфы,
Вы уловлены сѣтями
Неминуемой судьбы.

Прометей.

Исполняется слово Зевеса: земля
Подо мною трепещетъ.
Загудѣло раскатами эхо громовъ,
И блеснули перуны,
Закружилася вихрями черная пыль,
Налетѣли и сшиблись
Всѣ противные вѣтры. Смѣшались въ борьбѣ
Волны моря и воздухъ...

Digitized by Google

Узнаю тебя, Зевсъ! Чтобъ меня ужаснуть,
Ты воздвигъ эту бурю.
О, Земля, моя мать! о, небесный Эѳиръ,
Свѣтъ единый, всеобщій,
Посмотрите, какія страданья терплю
Я отъ бога — невинный!

(*Скала вмѣстѣ съ Прометеемъ обрушивается въ бездну.*)

Д. Мережковскій.

Digitized by Google

РЕФОРМА
КЛАССИЧЕСКИХЪ ГИМНАЗІЙ
ВО ФРАНЦІИ [1]).

I.

Всѣмъ людямъ свойственно—и не даромъ— въ тяжелыя эпохи общественной жизни обращать особенное вниманіе на свои внутреннія дѣла, задумываться надъ ними и затѣмъ устремлять всѣ свои усилія къ совершенію внутреннихъ преобразованій. Вотъ потому часто, также и послѣ внѣшнихъ бѣдствій, обыкновенно наступаетъ періодъ внутреннихъ реформъ.

Доказательствомъ тому служитъ вся исторія. Когда Пруссія, послѣ разгрома 1807 г., была принуждена уступить побѣдителю половину своей территоріи съ половиною народонаселенія, король Фридрихъ Вильгельмъ III сказалъ, что государство должно вознаградить духовнымъ усиленіемъ убытки, понесенные въ физическомъ отношеніи. Тогда наступила, подъ руководствомъ Штейна, Гарденберга и др., эпоха реформъ—не только арміи, вооруженной силы государства, но и всѣхъ внутреннихъ отношеній. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ этого реформаторскаго стремленія была забота, по иниціативѣ Вильгельма Гумбольдта, также и о преобразованіи учебныхъ заведеній. Именно тогда Пруссія создала у себя систему среднихъ учебныхъ заведеній, доведшую ее, какъ то оказалось впослѣдствіи, до слишкомъ односторонняхъ, но, во

[1]) Настоящій очеркъ находится, по своему предмету, въ связи съ двумя предшествующими статьями того же автора: „Реформа гимназій въ Германіи“ (1890 г., апр. 465 стр., и май, 57 стр.), и „Реформа гимназій въ Швеціи“ (сент., 86 стр.).—*Ред.*

Digitized by Google

всякомъ случаѣ, благопріятныхъ результатовъ. Съ Франціею, послѣ 1870 г., случилось то же самое, и во Франціи также началось съ того времени лихорадочное стремленіе къ преобразованію не только общественныхъ отношеній, вооруженной силы государства, но и народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи французскія министерства, несмотря на частыя перемѣны, соперничали съ палатами въ готовности жертвовать громадными суммами не на одинъ военныя цѣли. Дѣйствительно, расходы на народное просвѣщеніе составляли въ 1857 г. только 16.500.000 фр., а въ 1878 г. они возросли до 59.200.000 фр. и въ 1885 г. достигли громадной суммы 172.000.000 фр. Въ 1888 г. одно государство израсходовало до 135.200.000 франковъ [1]).

И само общество представило многія доказательства своей заботы о развитіи высшаго образованія. Французы обнаружили въ 1870 г. полное незнакомство съ географіей, которою пренебрегали почти совершенно въ училищахъ. Между тѣмъ уже въ 1876 г. въ 25 городахъ были открыты географическія общества, состоящія въ связи съ такимъ же обществомъ въ Парижѣ, и въ томъ же году они устроили 26 географическихъ экспедицій. Географическое общество въ Бордо учредило въ томъ же году замѣчательную географическую выставку; выходящее же „Revue de géographie“ смѣло можно сравнивать съ знаменитыми нѣмецкими изданіями Петермана.

Обращаясь засимъ непосредственно къ народному образованію во Франціи, мы увидимъ то же самое: начальное обученіе подверглось въ это время глубокому преобразованію вслѣдствіе закона 16-го іюня 1881 г., установившаго даровое первоначальное обученіе, и закона 28-го марта 1882 г., установившаго обязательное посѣщеніе начальныхъ училищъ. Образованіе женщинъ было создано закономъ 21-го декабря 1880 г., о среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и закономъ 26-го іюля 1881 г., о нормальной школѣ, имѣющей въ виду приготовленіе учительницъ для этихъ заведеній. Очень много было сдѣлано въ это время и для высшаго, университетскаго образованія. Въ 1871 г. расходы на факультеты составляли 4.300.000 фр., а въ 1889 г. они достигли 11.391.495 фр. Кромѣ того, государство и города израсходовали въ это время 88 мил. фр. на постройку новыхъ помѣщеній для факультетовъ или улучшеніе старыхъ [2]). Расходы

[1]) L'Université. Journal des questions d'enseignement secondaire. 1889, стр. 89.

[2]) Такъ напр., въ Парижѣ открыто было, 26-го декабря 1879 г., Société pour l'Etudes des questions d'enseignement secondaire, издающее свои протоколы въ журналѣ L'Université.

Digitized by Google

государства на среднія учебныя заведенія въ 1876 г. составляли 6.240.200 фр., а въ 1889 г. возвысились до 17.177.850 фр. Въ продолженіе того же времени израсходовано изъ государственнаго казначейства 110.866.666 фр. на постройку новыхъ учебныхъ заведеній, на ремонтъ старыхъ или на различныя учебныя пособія. Нельзя потому оспаривать справедливости мнѣнія, высказаннаго однимъ изъ французскихъ министровъ народнаго просвѣщенія, Ж. Ферри, что такую страсть французскаго народа и его представителей къ умственному и нравственному возрожденію Франціи слѣдуетъ считать самымъ блестящимъ доказательствомъ ея жизненности, такъ какъ только нравственное и умственное преобразованіе посредствомъ школы и науки можетъ составлять для каждаго народа основу его всесторонняго возрожденія. Очевидно, что среди столь кипучей дѣятельности во всѣхъ отрасляхъ народнаго образованія и среднія учебныя заведенія не могли остаться нетронутыми, и они должны были подвергнуться извѣстной реформѣ. Насколько же эта реформа важна, можно убѣдиться хотя бы изъ того, что она коснулась 997 учебныхъ заведеній, въ которыхъ въ 1887 г. обучалось 158.238 учениковъ [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что и общество живо занималось средними учебными заведеніями, столь важными для образованія въ особенности его руководящихъ классовъ (les classes dirigeantes). Въ доказательство тому можно привести труды Курно, Ж. Симона, Бреаля, Мильсана, Саломе, Лапрада, Фернейля и многихъ другихъ. Въ особенности Фрари, требуя радикальной реформы среднихъ учебныхъ заведеній, возбудилъ страстный споръ между приверженцами существующаго порядка вещей и сторонниками новаго направленія [2]). Тѣмъ не менѣе реформа сама подвигалась очень туго. Причину такого удивительнаго на первый видъ явленія выяснилъ Бреаль, говоря, „что никогда нельзя забывать, что Франція—страна самая упорная для всякой серьезной реформы, придерживающаяся съ величайшимъ упрямствомъ

---

[1]) По Statistique de l'ens. secondaire en 1887 г., въ этомъ году было во Франціи 100 казенныхъ лицеевъ, 246 такъ-называемыхъ collèges communaux, содержимыхъ городами съ пособіемъ отъ правительства, и 651 частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ 302 свѣтскихъ и 349 духовныхъ. Въ первыхъ было въ томъ же году 53.816 учен., во вторыхъ—36.086, въ третьихъ—20.174, а въ послѣднихъ—50.085 (Statistique, стр. LIV и др.). Въ 1889 г. количество лицеевъ увеличилось до 107, вслѣдствіе преобразованія нѣкоторыхъ коммунальныхъ коллегій.

[2]) Къ противникамъ Фрари можно причислить Vessiot., La question du latin d M. Frary. 1886.

Digitized by Google

вѣковыхъ преданій. Наша исторія усѣяна на поверхности революціями, но сущность нравственной и умственной жизни народа осталась неизмѣнною въ продолженіе двухъ послѣднихъ вѣковъ. Наши дѣти дѣлаютъ тѣ же упражненія, которыми занимались ученики Роллена; книги же, составленныя Боссюэтомъ (Bossuets) для дофина, употребляютъ и теперь дѣти нашей буржуазіи".

Этотъ консерватизмъ, бывшій основою французскаго народнаго характера, выясняетъ намъ отчасти, почему во Франціи, пережившей столько политическихъ переворотовъ и перевернувшей на первый взглядъ вверхъ дномъ всѣ отношенія, среднія учебныя заведенія выдержали всѣ эти бури и сохранили на себѣ наиболѣе средневѣкового характера. Все, что можно въ нихъ считать недостаткомъ, происходитъ изъ среднихъ вѣковъ. Всѣ эти недостатки всѣмъ хорошо извѣстны, но общество до такой степени привыкло къ нимъ въ продолженіе многихъ столѣтій, что не можетъ отказаться отъ нихъ; реформаторамъ даже недостаетъ иногда смѣлости устранить ихъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно бы, какъ гордіевъ узелъ, разрубить мечомъ возникающія затрудненія. Поэтому нельзя понять многихъ особенностей теперешняго устройства французскихъ коллегій, ихъ недостатковъ, если не обратить вниманія на то, что было прежде,— на ихъ прошедшее. А прошедшее это очень отдаленное.

Уже около 1200 г., во время возникновенія парижскаго университета возникли также и первыя collegia, подъ очень скромнымъ видомъ, безъ притязаній на самостоятельное существованіе, а тѣмъ болѣе на то значеніе для науки и образованія во Франціи, какое онѣ пріобрѣли впослѣдствіи. Сначала онѣ были только пріютами, въ которыхъ студенты, обучающіеся въ университетѣ, находили помѣщеніе и содержаніе, иногда за умѣренную плату, большею же частью даромъ. Онѣ возникали или вслѣдствіе всеобщаго тогда настроенія общества соединяться въ корпораціи, или изъ состраданія къ учащейся молодежи, находившейся вдали отъ своихъ, на чужбинѣ, среди многолюднаго города, безъ всякой защиты и попеченія. Однѣ учреждались благотворительными лицами, другія—вельможами, иныя—профессорами университета, желающими доставить учащейся молодежи помѣщеніе, въ которомъ они могли бы спокойно заниматься наукою. Уже въ XII ст. возникли двѣ такія коллегіи; впослѣдствіи же количество ихъ значительно увеличилось. Всѣ онѣ доставляли студентамъ помѣщеніе, содержаніе и научную помощь, которая составляла обязанность такъ-называемаго provisor'a.

Сначала, однакожъ, заведенія эти не имѣли никакого само-

Digitized by Google

стоятельнаго значенія въ научномъ отношеніи. Задача ихъ состояла только въ доставленіи пособія студентамъ, посѣщающимъ университетъ. Поэтому въ нихъ происходили только репетиціи лекцій, читаемыхъ профессорами въ университетѣ. Но и тогда уже обнаружились нѣкоторыя характеристическія черты коллегій, сохранившіяся до настоящаго времени. Такъ напр., онѣ были интернатами, а такъ какъ состояли въ завѣдываніи духовенства, то и все учрежденіе ихъ приняло видъ монастыря. Такимъ же образомъ, еще и теперь, управляющій казеннымъ лицеемъ, директоръ, называется провизоромъ.

Большее значеніе въ научномъ отношеніи коллегіи пріобрѣли только въ XIV ст., когда изъ благотворительныхъ сдѣлались учебными заведеніями. Эта перемѣна произошла такимъ образомъ, что университетъ, отъ котораго онѣ зависѣли, считалъ удобнымъ перенести въ нихъ преподаваніе своихъ профессоровъ. Вслѣдствіе того онѣ уже въ XIV ст. сдѣлались главными центрами образованія во Франціи. Сперва такой порядокъ былъ заведенъ въ наварской коллегіи, а такъ какъ и студенты, не обитающіе въ этой коллегіи, хотѣли пользоваться преподаваемыми въ ней науками, то они допускались къ слушанію въ ней лекцій за извѣстную плату. Такимъ образомъ коллегіи, бывшія сначала только интернатами, стали принимать и приходящихъ учениковъ, экстерновъ. Примѣру наварской коллегіи послѣдовали вскорѣ и другія, такъ что уже во время Людовика XI восемнадцать коллегій имѣли своихъ собственныхъ преподавателей и не нуждались посылать своихъ учениковъ для слушанія лекцій въ зданіе университета на rue du Fouarie. Вслѣдствіе того вся наука, насколько она существовала въ это время въ университетѣ, перенесена была, не исключая философіи и богословія, въ коллегіи. Коллегіи, въ которыхъ преподавались всѣ науки, назывались collegia plani exercitii; названіе это сохранилось и теперь, такъ какъ коллегіи, въ которыхъ находятся всѣ классы, даже философія, именуются collèges du plein exercice. И въ научномъ отношеніи нынѣшніе лицеи и коллегіи можно считать наслѣдниками средневѣковыхъ, такъ какъ и въ тѣхъ, и въ другихъ обращено было самое большое вниманіе на обученіе латинскому языку и философіи. Въ то же самое время, именно въ царствованіе Карла VII, установлены были въ коллегіяхъ цензоры, наблюдавшіе за правильностью преподаванія и сохраненіемъ въ нихъ порядка. И эта должность, съ тѣмъ же названіемъ (censeur des études) и обязанностями, сохранилась до настоящаго времени.

Паденіе университета и вообще всѣхъ учебныхъ заведеній

Digitized by Google

во время религіозныхъ войнъ XVI ст. принудило Генриха IV къ новому устройству не только университета, но и зависящихъ отъ него коллегій. Это произошло на основаніи декрета 18-го сентября 1600 г., который съ незначительными измѣненіями сохранилъ обязательную силу до конца XVIII ст. Къ болѣе важнымъ распоряженіямъ этого декрета можно причислить то, на основаніи котораго въ коллегіяхъ были заведены классы, чего до этого времени не было. Вслѣдствіе того переходъ изъ низшаго класса въ высшій зависѣлъ уже отъ выдержанія испытанія въ концѣ училищнаго года. Ни одинъ ученикъ не былъ допускаемъ къ слушанію философіи, пока не окончилъ полнаго курса грамматики и реторики. Послѣ двухгодичнаго курса философіи ученики допускались въ университетѣ къ экзамену на баккалавра artium, философіи. По истеченіи двухъ или трехъ послѣдующихъ лѣтъ они могли держать экзаменъ на лиценціата или магистра философіи.

Изъ всего этого, однакожъ, видно, что обученіе въ тогдашнихъ коллегіяхъ носило на себѣ болѣе характеръ университетскаго преподаванія; такъ какъ предметомъ его были науки, необходимыя для выдержанія экзамена на первую ученую степень въ университетѣ, а вслѣдствіе того онѣ не были еще средними учебными заведеніями въ собственномъ смыслѣ этого слова. Такими заведеніями онѣ сдѣлались только впослѣдствіи, и это совершилось такимъ образомъ, что, съ одной стороны, университетъ старался ограничить обученіе въ зависящихъ отъ него учебныхъ заведеніяхъ элементарнымъ образованіемъ, а съ другой — самъ понизилъ свое обученіе, открывая въ своихъ заведеніяхъ самые низшіе классы, такъ-называемые septima и octava, въ которыхъ ученики обучались только чтенію и письму, разумѣется, латинскому.

Первая цѣль была достигнута посредствомъ ордонанса 1629 г., опредѣлившаго, что только такіе ученики могли являться къ испытанію въ университетѣ на полученіе ученыхъ степеней, которые обучались, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе трехъ лѣтъ въ университетѣ или въ заведеніяхъ, отъ него зависящихъ.[1] Одновременно съ этимъ этотъ ордонансъ запрещалъ всѣмъ прочимъ заведеніямъ заниматься университетскимъ преподаваніемъ. Вслѣдствіе того всѣ такія заведенія могли заниматься только элементарнымъ обученіемъ, и въ самомъ лучшемъ случаѣ могли имѣть классы грамматики.

Вторая цѣль была достигнута посредствомъ рѣшенія парижскаго парламента по спору между университетомъ и капитуломъ собора „Nôtre-Dame de Paris“. Въ спорѣ этомъ университетъ

Digitized by Google

утверждалъ, что капитулъ противозаконно содержалъ школы, въ которыхъ дѣти учились не только чтенію и письму, но и грамматикѣ. Съ другой стороны, капитулъ утверждалъ, что университетъ незаконно учредилъ въ своихъ коллегіяхъ самые низшіе классы, въ которыхъ ученики обучались только чтенію и письму. Парламентъ, однакожъ, высказался въ пользу университета, запрещая содержателямъ такъ-называемыхъ малыхъ училищъ (petites écoles), заниматься въ нихъ другими науками за исключеніемъ элементарнаго образованія.

Такимъ образомъ коллегіи, развиваясь медленно и преобразуясь, только въ XVII ст. сдѣлались средними учебными заведеніями. Уже тогда онѣ были учреждаемы такимъ же образомъ, какъ и въ настоящее время, и дѣлились. какъ и теперь, на классы элементарные, division élémentaire, грамматики, division de grammaire, и высшіе, division supérieure или реторики и философіи. Онѣ управлялись провизоромъ и цензоромъ. И тогда характеристическою ихъ чертою было то, что онѣ составляли закрытыя заведенія, въ которыя, въ видѣ почти исключенія, допускались экстерны. То же самое находимъ и по отношенію къ внутреннему ихъ устройству. Главною цѣлью ихъ обученія были классическія науки, въ особенности же латинскій языкъ и философія. Правда, что въ періодъ возрожденія наукъ страстно стали заниматься греческимъ языкомъ, но вскорѣ эта страсть миновала, и греческій языкъ занималъ до послѣднихъ временъ второстепенное мѣсто въ сравненіи съ латинскимъ. Заведенія эти соприкасались, съ одной стороны, съ начальными училищами, такъ какъ доставляли элементарное образованіе. Съ другой же стороны, науки, въ нихъ преподаваемыя, превышали уровень обученія среднихъ учебныхъ заведеній, придавая большое значеніе философіи, принадлежащей, собственно говоря, къ сферѣ университетскаго, высшаго образованія. Поэтому онѣ были частью философскаго факультета, состоящаго съ нимъ въ самой тѣсной связи. Въ этомъ можно убѣдиться хотя бы изъ того, что ученики, окончившіе коллегіи, имѣли право держать экзаменъ на первую ученую степень, доставляемую университетомъ—баккалавра философіи, bachelier-ès-arts. И самый экзаменъ происходилъ не въ коллегіи, а въ университетѣ, по программѣ, имъ составленной.

Такія коллегіи возникали сначала при парижскомъ университетѣ, впослѣдствіи же и въ другихъ городахъ, гдѣ открыты были университеты въ такой же отъ нихъ зависимости, а позже и въ городахъ, въ которыхъ вовсе не было университета. Устройство ихъ было опредѣлено эдиктами 1763 и 1770 гг.

Digitized by Google

Нѣкоторыя правила, относящіяся къ этимъ коллегіямъ, произвели вліяніе и на теперешнее устройство этихъ учебныхъ заведеній. Такъ напр., по этимъ правиламъ, для управленія каждой коллегіи была назначена мѣстная коммиссія, bureau, состоящая изъ высшихъ должностныхъ лицъ, духовныхъ и значительнѣйшихъ гражданъ. Она должна была собираться два раза въ мѣсяцъ для выслушанія отчета управляющаго заведеніемъ, principal, и профессоровъ, régents. Она же назначала должностныхъ лицъ, которымъ предоставлено было право назначать учителей.

По тѣмъ же правиламъ, принципалъ вмѣстѣ съ класснымъ учителемъ долженъ былъ за недѣлю до каникулъ проэкзаменовать учениковъ для того, чтобы убѣдиться, могутъ ли они быть переведены въ высшій классъ. Отъ правила этого, однакожъ, французская практика отказалась впослѣдствіи безъ всякой видимой причины, вслѣдствіе чего ученики переходили въ высшій классъ безъ всякаго удостовѣренія въ томъ, что они сдѣлали требуемые успѣхи въ низшемъ классѣ.

Правила эти относились преимущественно къ провинціальнымъ коллегіямъ. Но и парижскій университетъ тоже не остался въ бездѣйствіи; напротивъ, онъ заботился объ улучшеніи коллегій, отъ него зависящихъ. Это оказалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что, вслѣдствіе упраздненія ордена іезуитовъ (1762 г.) и закрытія его учебныхъ заведеній, нужно было пополнить этотъ недостатокъ и возвысить обученіе въ университетскихъ коллегіяхъ. По этому поводу постановленіе 3-го мая 1766 г. образовало учрежденіе, оказавшееся благотворнымъ впослѣдствіи, до самаго настоящаго времени, и содѣйствовавшее постоянно учительской корпораціи во Франціи къ пріобрѣтенію тѣхъ качествъ и авторитета, которые отчасти вознаграждаютъ другіе недостатки французскихъ училищъ. На основаніи этого постановленія всѣ профессора коллегій должны быть назначаемы путемъ конкурса. Всѣ магистры (licenciés) имѣли право принять участіе въ этомъ испытаніи. Шестьдесятъ, выдержавшихъ самымъ лучшимъ образомъ испытаніе, получали званіе docteur-agregé; изъ нихъ же впослѣдствіи назначались профессора коллегій.

Какъ этотъ конкурсъ имѣлъ въ виду побудить учителей къ полезному соперничеству, такъ другой конкурсъ, установленный даже еще раньше, имѣлъ въ виду побудить къ тому же учениковъ. Этотъ конкурсъ возникъ по частной иниціативѣ. Парижскій каноникъ Le Gendre отказалъ въ 1744 г. извѣстную сумму университету на выдачу наградъ отличающимся ученикамъ трехъ высшихъ классовъ. Первая раздача наградъ, пріобрѣтаемыхъ пу-

Digitized by Google

темъ конкурса, происходила въ 1748 г. Впослѣдствіи количество отказовъ отъ состязанія значительно увеличилось, и къ конкурсу стали допускать и учениковъ низшихъ классовъ. Вслѣдствіе того, въ 1755 г. уже ученики класса VI (нашъ третій) могли состязаться на конкурсѣ. Таково было возникновеніе учрежденія, производящаго и до настоящаго времени могущественное и роковое вліяніе на всю систему обученія во французскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ учебномъ отношеніи французскія коллегіи стояли наравнѣ съ прочими средневѣковыми средними учебными заведеніями, такъ какъ въ нихъ ученики обучались преимущественно латинскому языку и философіи. Только въ царствованіе Генриха IV Рамусъ ввелъ, въ видѣ исключенія, греческій языкъ въ Collège de France, которая, впрочемъ, не состояла въ завѣдываніи университета. Впослѣдствіи этотъ языкъ сталъ преподаваться и въ другихъ коллегіяхъ. Тѣмъ не менѣе, латинскій языкъ всегда сохранялъ первенство, до такой степени, что въ коллегіяхъ нельзя было употреблять другого языка. Греческій языкъ пришелъ въ полное почти забвеніе уже въ концѣ XVII ст. Математика тоже стала преподаваться въ этой коллегіи въ XVI ст., но университетъ сталъ заниматься ею только въ слѣдующемъ столѣтіи. Генрихъ IV поручилъ вывести изъ школьнаго употребленія книги, составленныя на варварской, средневѣковой латыни, и употреблять сочиненія классическихъ авторовъ въ подлинникѣ. Французскій языкъ, однакожъ, былъ исключенъ не только изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ коллегіяхъ, но и изъ употребленія въ ученомъ мірѣ вообще. Тѣмъ болѣе это можетъ показаться страннымъ, что французская словесность стала процвѣтать уже во время Генриха IV, въ XVII же столѣтіи достигла золотой эпохи своего развитія. Въ преподаваніи философіи, продолжавшемся два года, Аристотель сохранилъ безусловное владычество. Эта наука преподавалась схоластически, несмотря на усилія Рамуса, Роллена и школы „Port-Royal“ дать ей другое, лучшее направленіе. Странно тоже, что въ тогдашнихъ коллегіяхъ не была вовсе преподаваема исторія.

Изъ этого видно, что въ тогдашнихъ коллегіяхъ господствовало исключительно классическое образованіе, основанное на изученіи латинскаго языка и философіи. Іезуиты только, желая соперничать съ университетомъ и привлечь въ свои заведенія большее количество учениковъ, старались ввести въ кругъ преподаванія и другіе предметы, какъ напр. музыку и даже фехтованіе, танцы и, въ числѣ увеселеній, театральныя представленія.

Digitized by Google

Сверхъ того, посредствомъ болѣе легкаго, живого преподаванія, старались сдѣлать и самое классическое обученіе болѣе занимательнымъ. Іезуитамъ, однакожъ, въ сущности обязаны французскія училища вреднымъ, чисто механическимъ методомъ обученія, который у нихъ былъ заимствованъ университетомъ и сохранился до послѣднихъ временъ.

Такимъ образомъ, въ продолженіе долгихъ столѣтій развивались коллегіи, какъ среднія учебныя заведенія. Изъ вышесказаннаго мы могли себѣ составить понятіе о ихъ внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ. Въ концѣ XVIII столѣтія революціонныя бури снесли всѣ учебныя заведенія во Франціи. Тогдашнія правительства, разрушая то, что существовало, не имѣли времени создать новыя учебныя заведенія, несмотря на то, что безпрестанно занимались этимъ вопросомъ и составляли различные проекты устройства училищъ. Въ продолженіе нѣкотораго времени Франція представляла странную картину страны безъ училищъ. Только тогда, когда Наполеонъ сдѣлался консуломъ, замѣчается поворотъ къ лучшему. Его могущественная рука была въ состояніи завести порядокъ не только въ глубоко потрясенныхъ общественныхъ отношеніяхъ, но и въ народномъ образованіи. Онъ одинъ былъ въ состояніи воскресить остатки прежнихъ временъ и соединить ихъ органическою связью съ учрежденіями, вновь возникающими, представлявшими гарантіи жизненности. Самымъ важнымъ закономъ, изданнымъ Наполеономъ и относящимся къ образованію во Франціи, былъ законъ 10-го марта 1806 г., учредившій т.-н. Université de France [1]), а также законъ 1-го мая 1802 г., устроившій среднія учебныя заведенія подъ названіемъ лицеевъ. Крупную, однакожъ, ошибку сдѣлалъ бы тотъ, кто бы подумалъ, что подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ понимать какое-то новое учрежденіе, отличающееся отъ средневѣковыхъ коллегій [2]). Напротивъ, сила навыка, консерватизмъ, о которомъ мы упоминали выше, были столь сильны, что подъ новымъ названіемъ скрывалась прежняя, старинная коллегія. Поэтому въ лицеяхъ встрѣчаемъ такое же устройство, какъ и въ прежнихъ коллегіяхъ; уже законъ 1802 г.

---

[1]) Извѣстно, что во Франціи подъ названіемъ университета не понимаютъ одного высшаго учебнаго заведенія, состоящаго изъ соединенія нѣсколькихъ факультетовъ, но всѣ казенныя или общественныя учебныя заведенія, а равнымъ образомъ всѣхъ преподавателей этихъ заведеній.

[2]) Названіе коллегій сохранили только коммунальныя коллегіи, содержимыя на счетъ городовъ. Частныя учебныя заведенія, хотя бы не отличались въ преподаваніи отъ лицеевъ и коллегій, не могутъ такъ называться.

Digitized by Google

образовалъ 6.400 стипендій (bourses) для учениковъ лицеевъ, которые въ нихъ должны были содержаться и обучаться. Такимъ образомъ были возстановлены прежніе интернаты. Впослѣдствіи были возстановлены и другія подробности внѣшняго устройства коллегій. Одна только коллегія въ Парижѣ—такъ-называемая „Collège Louis-le-Grand“—уцѣлѣла среди революціонныхъ переворотовъ. Она получала различныя названія, какъ напр.: „Institut des boursiers“, „Collège de l'Egalité“, „Prytanée Français“, но учителя оставались тѣ же самые, и науки преподавались по прежнему. Коллегія эта сдѣлалась образцомъ, по которому устроивались остальныя во всей Франціи. Вездѣ собирались прежніе профессора, спасшіеся отъ революціоннаго крушенія, и они, въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ, обучали по прежнему, по методамъ, къ которымъ привыкли, сохранившимся по преданію.

Разумѣется, что вслѣдствіе этого появились тѣ же самые недостатки, которые существовали прежде. Сверхъ того, новыя, измѣненныя отношенія присоединили къ прежнимъ новые, неизвѣстные доселѣ, недостатки, къ которымъ можно причислить чрезмѣрное обремененіе учениковъ, бывшее послѣдствіемъ введенія въ школьную программу новыхъ наукъ, безъ одновременнаго ограниченія прежде преподаваемыхъ. Это обстоятельство принуждаетъ насъ остановиться надъ недостатками теперешняго устройства среднихъ учебныхъ заведеній во Франціи, такъ какъ только такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи оцѣнить реформу послѣднихъ временъ, узнать, насколько она отвѣчала требованіямъ и удовлетворяла всѣмъ потребностямъ.

II.

Однимъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній можно считать плохой и недостаточный методъ обученія, хотя были и другіе, на которые впослѣдствіи обратимъ вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, система обученія во французскихъ коллегіяхъ пришла, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ іезуитскихъ училищъ въ продолженіе послѣднихъ двухъ столѣтій, къ такому формализму, механизму и рутинѣ, что вслѣдствіе того сдѣлалось почти невозможнымъ достигнуть серьезнаго образованія. Для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, намъ нужно разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе науки, преподаваемыя во французскихъ коллегіяхъ, и методы обученія, при этомъ употребляемые. А такъ какъ до послѣднихъ временъ клас-

Digitized by Google

сическіе языки занимали самое важное мѣсто въ школьномъ обученіи, всѣ же другія науки или находились въ пренебреженіи, или даже вовсе не преподавались, поэтому главное вниманіе обратимъ на обученіе этимъ языкамъ. Такимъ образомъ, оцѣнивъ этотъ методъ по отношенію къ классическимъ языкамъ и убѣдившись въ результатахъ, къ которымъ онъ привелъ, мы будемъ въ состояніи оцѣнить всю систему средняго образованія во Франціи. Для того намъ слѣдуетъ изучить каждую *составную*, такъ сказать, *часть* этого обученія; подъ этимъ же выраженіемъ мы понимаемъ извѣстное занятіе учениковъ, имѣющее въ виду достиженіе ими опредѣленной цѣли. Все это можетъ казаться слишкомъ сухимъ, тѣмъ не менѣе оно необходимо для оцѣнки каждой составной части въ педагогическомъ отношеніи.

Къ составнымъ частямъ ученія латинскаго языка принадлежали: грамматика, thème latin, переводъ съ французскаго на латинскій языкъ, version, переводъ съ латинскаго языка на французскій, explication des auteurs, чтеніе и объясненіе латинскихъ авторовъ, vers latins, стихотворенія, и discours latins, составленіе латинскихъ рѣчей.

Само собою разумѣется, что латинская грамматика была первою ступенью, съ которой долженъ былъ начинать каждый ученикъ съ VIII (младшаго) класса, т.-е. съ 9-лѣтняго возраста, для того, чтобы достигнуть окончательной цѣли всего школьнаго труда— основательнаго знанія латинскаго языка. Нельзя, однакожъ, сказать, чтобы цѣль эта могла быть достигнута посредствомъ грамматики, употребляемой до послѣднихъ временъ во французскихъ училищахъ. Еще въ 1848 г., Ганъ, одинъ изъ самыхъ лучшихъ знатоковъ французскихъ училищныхъ порядковъ, указывалъ на то, что, несмотря на нѣкоторыя отрывочныя попытки ввести болѣе раціональный методъ обученія, во французскихъ школахъ господствовала съ давнихъ временъ безспорно грамматика L'Homond'a, бывшая до извѣстной степени образцовымъ сочиненіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ бездушнымъ, механическимъ руководствомъ при обученіи языку. Она была собраніемъ мелкихъ практическихъ пріемовъ, имѣющихъ въ виду, посредствомъ примѣровъ, объяснить грамматическія формы, которыя ученики выучивали наизусть, машинально, безъ уразумѣнія грамматическихъ правилъ. Не подлежало, потому, сомнѣнію, что вслѣдствіе постояннаго упражненія ученики пріобрѣтали, съ помощью этой грамматики, извѣстную ловкость въ употребленіи грамматическихъ формъ, но это происходило въ ущербъ ихъ духовному развитію: они отвыкали отъ самостоятельнаго мышленія.

Digitized by Google

Такимъ же образомъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ и Бреаль, писавшій въ 1873 году. По его мнѣнію, самая большая польза отъ изученія мертваго языка состоитъ въ томъ, что ученикъ принуждается къ мышленію, вслѣдствіе того, что ему указываются другія формы говорить и думать, чуждыя тѣмъ, къ которымъ онъ привыкъ въ собственномъ языкѣ. Но цѣль эта не будетъ достигнута, если мы устранимъ ему всѣ препятствія. О томъ совершенно забыли составители грамматикъ, употребляемыхъ въ училищахъ. Подъ предлогомъ облегчить ученикамъ составленіе латинскихъ упражненій, они старались исключительно о томъ, чтобы освободить ихъ отъ всякаго напряженія мысли. Цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какъ можно легче выучить учениковъ превращать извѣстную французскую фразу въ латинскую, и наоборотъ. Такое, однакожъ, обученіе было лишено всякаго достоинства, такъ какъ вслѣдствіе того ученики отвыкали отъ самостоятельнаго мышленія. Въ этомъ отношеніи первенство принадлежало безспорно грамматикѣ L'Homond'a, составленной еще въ 1780 г., введенной вновь въ употребленіе во время первой имперіи и рекомендованной къ школьному употребленію еще въ 1852 г. Съ того времени появились многія другія грамматики, но всѣ онѣ были или сокращеніями Ломонда, или обработанными по принятымъ имъ началамъ. Всѣ онѣ имѣли въ виду только извѣстное упражненіе памяти для того, чтобы сдѣлать излишнимъ самое незначительное усиліе разума. Во всѣхъ преобладаетъ то же самое стремленіе, всѣ составляютъ только сборникъ практическихъ указаній для перевода. Поэтому на каждой ихъ страницѣ встрѣчаются выраженія: on exprime (извѣстное выраженіе) de cette façon, или: on rend ainsi, или: on tourne par... Такія указанія, очевидно, очень удобны для того, чтобы перевести извѣстную французскую фразу на латинскій языкъ, но каждый согласится съ тѣмъ, что онѣ оставляютъ умъ ученика въ совершенномъ бездѣйствіи. Ученикъ, вооруженный грамматикою Ломонда, не нуждается въ мышленіи, у него есть готовый механизмъ, работающій за него. Это исключительное господство Ломонда или его подражателей до такой степени укоренилось во французскихъ школахъ, что сдѣлалось невозможнымъ ввести новыя, улучшенныя грамматики, напр. Бюрнуфа. Бюрнуфъ удержался только въ высшихъ классахъ, но и тогда уже умъ учениковъ до такой степени былъ пропитанъ Ломондомъ, что отъ Бюрнуфа они не могли вынести значительной пользы. Они обращались къ нему только въ случаѣ затрудненій. На этомъ основаніи Бреаль пришелъ къ грустному убѣжденію, что въ послѣднее

Digitized by Google

время знаніе латинскаго языка во Франціи не только не сдѣлало успѣховъ, но, напротивъ, попятилось назадъ. И это не могло быть иначе, такъ какъ методъ, употребляемый въ училищахъ, долженъ былъ повести неизбѣжно къ гибели самаго понятія о грамматикѣ. Бреаль идетъ въ этомъ отношеніи столь далеко, что приписываетъ затрудненіе, встрѣчаемое французами въ изученіи иностранныхъ языковъ вообще, большею частью, употребленію скверная метода (à l'usage de méthodes détestables). Когда только разъ ученикъ привыкъ къ tourner la phrase, онъ потерялъ навсегда способность наблюдать правила другихъ языковъ, отвыкнулъ отъ самостоятельнаго мышленія. Этому методу слѣдуетъ приписать тотъ недостатокъ любопытства, ту лѣность мысли, поражающую въ молодежи, воспитанной въ лицеяхъ. Ему слѣдуетъ приписать пренебреженіе всякими грамматическими изслѣдованіями. Сколько профессоровъ и учителей, изъ этихъ тысячъ, для которыхъ латинскій языкъ составляетъ ежедневное занятіе,— спрашиваетъ Бреаль,—въ продолженіе послѣднихъ 20—30 лѣтъ выяснило какой-нибудь спорный вопросъ изъ латинской грамматики? А это, по его мнѣнію, происходило отъ того, что грамматика, употребляемая во Франціи, исключала всякую идею прогресса.

Другою составною частью обученія латинскому языку былъ, такъ называемый, thème latin, переводъ съ французскаго языка на латинскій, которымъ занимались съ большимъ пристрастіемъ во французскихъ коллегіяхъ и посредствомъ котораго онѣ успѣли внушить въ обществѣ убѣжденіе, что классическія науки находились въ нихъ въ блестящемъ состояніи. Поэтому thèmes требовались съ самаго низшаго класса до класса реторики, въ которомъ были замѣнены латинскими рѣчами. И этотъ переводъ былъ заимствованъ у метода, употребляемаго іезуитами, противъ котораго напрасно возставалъ уже Rollin въ „Traité des études“, считая, что занятіе это было преждевременно для дѣтей, недостаточно къ нему подготовленныхъ. Поэтому онъ требовалъ совершеннаго устраненія его. Несмотря на то, и учителя, и ученики обращали самое большое количество времени на эти занятія. Если, однакожъ, можно было дѣлать многія возраженія противъ метода обученія латинской грамматикѣ, то тѣмъ болѣе представлялось ихъ и противъ thème latin.

Первое возраженіе состояло въ томъ, что „тэма“ ставила себѣ ложную задачу, ложную цѣль, именно выучить учениковъ писать на латинскомъ языкѣ. Относительно этого нѣтъ разногласія между самыми основательными знатоками французскихъ

Digitized by Google

школьныхъ порядковъ. Ганъ, напр., утверждалъ, что воззрѣніе, на основаніи котораго обученіе латинскому языку вмѣсто средства къ пріобрѣтенію образованія сдѣлалось цѣлью, неправильно, что воззрѣніе это удерживается только вслѣдствіе упорнаго сохраненія преданій средневѣковыхъ іезуитскихъ коллегій, считавшихъ латинскій языкъ живымъ языкомъ ученыхъ, почему и ученики должны были изучать его для ежедневнаго употребленія и обращать самое большое количество времени на латинскіе переводы. Въ настоящее время, однакожъ, „тэма“ должна имѣть значеніе только повѣрки, имѣющей въ виду удостовѣриться, насколько ученики сдѣлали успѣхи въ пониманіи языка. Такимъ же образомъ Бреаль говоритъ, что въ настоящее время самые знаменитые филологи согласились въ томъ, что переводъ этотъ не можетъ принести другой пользы, какъ только повѣрку грамматическихъ познаній ученика, а также его успѣховъ въ пониманіи авторовъ. По мнѣнію Ж. Симона, „слѣдуетъ считать непостижимою мечтою желаніе выучиться писать на мертвомъ языкѣ, извѣстномъ намъ только изъ сочиненій, или, лучше сказать, изъ ихъ отрывковъ, на языкѣ, относящемся къ чуждой совершенно намъ культурѣ, отдѣленной отъ насъ столькими столѣтіями. Кому въ настоящее время придетъ въ голову писать на латинскомъ языкѣ, вмѣсто французскаго? А поэтому зачѣмъ учиться писать на этомъ языкѣ? Между тѣмъ ученики въ продолженіе четырехъ лѣтъ занимаются обыкновенными переводами, послѣ чего три года (въ IV, III и II классахъ) занимаются такъ-называемыми thèmes d'élégance, въ которыхъ стараются выражаться на изящной латыни. Этотъ, однакожъ, изящный латинскій языкъ такъ относится къ употребляемому римлянами, какъ моды Шпицбергена—къ парижскимъ модамъ“. Изученіе иностранныхъ языковъ можетъ преслѣдовать двѣ цѣли. Первая имѣетъ въ виду основательное изученіе строя языка, вторая—такое его изученіе, чтобы ученикъ былъ въ состояніи говорить на немъ. Эта послѣдняя цѣль—безполезная мечта по отношенію къ латинскому языку. Поэтому и онъ тоже, хотя не требовалъ еще полнаго устраненія переводовъ, домогался устраненія, по крайней мѣрѣ, такъ-называемыхъ thèmes d'élégance.

Хотя латинскіе переводы имѣли въ виду достиженіе подобной неосуществимой задачи, тѣмъ не менѣе они занимали во французскихъ коллегіяхъ самое большое количество времени и труда. Къ тому присоединилось еще и то обстоятельство, что „тэма“ была предметомъ конкурса, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Здѣсь обратимъ только вниманіе на то, что хотя конкурсъ, на первый

Digitized by Google

взглядъ, казался полезнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду отличить самыхъ способныхъ учениковъ, тѣмъ не менѣе—оказался вреднымъ въ своихъ послѣдствіяхъ. Это происходило вслѣдствіе того, что такъ какъ полученіе преміи на конкурсѣ влекло за собою важныя для учениковъ послѣдствія, такъ какъ по количеству полученныхъ въ извѣстной школѣ премій судили о достоинствѣ и заслугахъ ея профессоровъ, то и ученики, и учителя заботились всѣми силами о томъ, чтобы обезпечить за собою побѣду, удовлетворить своему тщеславію и даже вынести изъ того нѣкоторыя матеріальныя выгоды.

Поэтому профессора старались усердно о томъ, чтобы съ самаго низшаго класса упражнять учениковъ въ выраженіяхъ, которыя могли имъ пригодиться впослѣдствіи. Для того, чтобы пріучить ихъ къ преодолѣнію всякихъ трудностей, они не начинали съ переводовъ легкихъ, описательнаго или историческаго содержанія, но съ самыхъ трудныхъ, философскихъ или дидактическихъ, напр. Фенелона, Боссюэ, Роллена, которыхъ большинство учениковъ не понимало даже по-французски, и переводъ которыхъ представлялъ затрудненія и для основательно образованнаго филолога Очевидно, что ученики, занимаясь такимъ образомъ переводами съ 8-лѣтняго возраста, по 6—8 часовъ въ день, въ концѣ должны были достигнуть извѣстнаго въ этомъ отношеніи совершенства. Слѣдуетъ еще прибавить, что они обязаны были ежедневно выучивать наизусть отрывки латинскихъ авторовъ, вслѣдствіе чего у нихъ оставалось всегда въ головѣ извѣстное обиліе выраженій и нѣкоторая ловкость въ употребленіи грамматическихъ формъ. Переводы, исправленные учителемъ въ классѣ, ученики переписывали и опять выучивали наизусть. Сверхъ того, были такъ-называемые cahiers d'expressions, въ которыхъ ученики записывали самыя изящныя выраженія, для того чтобы выучить ихъ наизусть и повторить передъ каждымъ конкурсомъ.

По мнѣнію Гана, весь этотъ методъ обученія доказывалъ необыкновенную энергію и знаніе дѣла въ выборѣ соотвѣтственныхъ средствъ для достиженія предположенной цѣли, но былъ ошибоченъ, такъ какъ забывалъ о главной цѣли образованія, а именно о развитіи самостоятельнаго мышленія. Только 6 или 7 учениковъ на 60—70 думали при этомъ самостоятельно; для остальныхъ, громаднаго большинства, „тэма“ была дѣломъ чисто механическимъ, дѣломъ рутины, памяти. Ученики съ 8—16-лѣтняго возраста посвящали на это самое большое количество школьнаго времени; а такъ какъ они учились чисто механически, то результатъ ихъ труда, т.-е. извѣстная опытность въ составленіи переводовъ, не от-

Digitized by Google

вѣчалъ вовсе усиліямъ. Бреаль признавалъ, что такой методъ обученія долженъ былъ принести извѣстные результаты, что ученики IV класса во Франціи были въ состояніи дѣлать такіе переводы, которые были недоступны ученикамъ II кл. въ Германіи. Тѣмъ не менѣе, онъ говорилъ, что было бы обманомъ для самого себя судить по этому о дѣйствительномъ умственномъ развитіи учениковъ и о ихъ знакомствѣ съ античнымъ міромъ. Вся работа учениковъ совершалась чисто механически, рутиною, безъ всякаго вліянія на ихъ умственное развитіе или обогащеніе ихъ знанія. Это былъ трудъ неблагодарный и грустный. Ученикъ пріискивалъ въ головѣ тѣ крохи латыни, которыя пріобрѣлъ въ школѣ, или терялъ время на поиски подходящаго выраженія въ своихъ cahiers d'expressions или въ словарѣ. Такое постоянное занятіе учениковъ переводами производило на нихъ еще болѣе вредное вліяніе потому, что пропитывало ихъ просто *отвращеніемъ* къ грекамъ и римлянамъ,—отвращеніемъ, обыкновенно замѣчаемымъ въ концѣ школьнаго времени.

Переводы на латинскій языкъ не приносили во Франціи соотвѣтственной пользы еще по двумъ причинамъ.

Первая состояла въ томъ, что французскіе словари, вообще слишкомъ обильные и подробные, помогали ученикамъ, безъ всякаго напряженія мысли, преодолѣвать затрудненія перевода. Какъ грамматика, такъ и словари—составлены были такъ, чтобы ученики безъ всякихъ усилій могли исполнить свою задачу, въ сущности непосильную. Всѣ имѣли въ виду уменьшить, на сколько возможно, дѣятельное участіе ума. Такимъ образомъ, продолжительная рутина доходила до забвенія о томъ, что составляетъ истинную цѣль обученія. Ученикъ, дѣлая переводъ, не нуждался даже въ томъ, чтобы припомнить себѣ подходящую грамматическую форму. Довольно было просмотрѣть хорошенько словарь—и онъ находилъ ее совершенно готовую.

Другою, несравненно болѣе важною, причиною, по которой „тэма“ не приносила соотвѣтственной пользы, былъ конкурсъ, о которомъ мы упомянули выше, но на который французскіе педагоги и писатели не обратили еще, насколько кажется, должнаго вниманія, между тѣмъ какъ конкурсъ производитъ самое гибельное вліяніе на всю французскую школьную систему. Чѣмъ болѣе учениковъ успѣло получить награду на конкурсѣ, тѣмъ болѣе было славы для профессора, приготовившаго ихъ къ тому, а также и для самого заведенія, котораго воспитанники отличились. Поэтому каждый профессоръ, изъ числа преподающихъ конкурсный предметъ, обращалъ съ самаго низшаго класса особенное вни-

Digitized by Google

маніе на 6—7 болѣе способныхъ учениковъ, относительно которыхъ можно было полагать, что они впослѣдствіи будутъ въ состояніи успѣшно состязаться. Онъ занимался исключительно этими учениками, не заботясь объ остальныхъ, о громадномъ большинствѣ, которое, вслѣдствіе того, было приносимо въ жертву конкурсной лихорадкѣ. Понятно, какое вліяніе обстоятельство это должно было произвести на обученіе учениковъ вообще, въ особенности если вспомнимъ, что во французскихъ коллегіяхъ ученики переходили изъ низшаго класса въ высшій безъ переходнаго испытанія, безъ удостовѣренія въ томъ, оказали ли они достаточные успѣхи?

На основаніи этого можно бы спросить съ Бреалемъ: слѣдуетъ ли искусство писать на латинскомъ языкѣ считать до такой степени драгоцѣннымъ и полезнымъ для образованія молодежи, чтобы стоило употреблять такія средства для его пріобрѣтенія? Стоило ли жертвовать самыми прекрасными годами въ жизни учениковъ на доставленіе похвалъ за ихъ искусство въ приготовленіи преждевременныхъ талантовъ въ составленіи thèmes latins? Такой методъ противенъ здравому смыслу, а сверхъ того безполезенъ и для учениковъ, и для общества, и для государства. Поэтому на этотъ вопросъ слѣдовало бы дать отрицательный отвѣтъ. Въ этомъ смыслѣ отвѣтила на него и реформа послѣдняго времени.

Другимъ средствомъ для изученія латинскаго языка было version, переводъ съ латинскаго языка на французскій, и explication des auteurs, чтеніе и объясненіе латинскихъ авторовъ. Во французскихъ коллегіяхъ version практиковалось вообще способомъ, заслуживающимъ одобренія, но explication находилось въ полномъ пренебреженіи. Еслибы въ этихъ училищахъ дѣйствительно заботились объ изученіи классической древности, то непремѣнно слѣдовало бы отдать предпочтеніе чтенію авторовъ. Но такъ какъ, по вѣковому обычаю, version было конкурснымъ предметомъ, потому оно и заняло главное мѣсто, чтеніе же авторовъ считалось только добавленіемъ.

Въ переводѣ съ латинскаго языка на французскій ученики обязаны были прежде всего составить буквальный переводъ mot-à-mot, такъ что они въ одной графѣ помѣщали слова латинскаго текста, а въ другой—соотвѣтственныя имъ французскія слова. Впослѣдствіи только они обязаны были составить ту же фразу на отборномъ французскомъ языкѣ. Для переводовъ, однакоже, не употреблялись латинскіе авторы въ подлинникѣ, а только хрестоматіи, изъ которыхъ профессоръ диктовалъ отрывки на одной

Digitized by Google

лекціи для слѣдующей. И этотъ обычай былъ заимствованъ также у іезуитскихъ училищъ, въ которыхъ учителя старались доставить ученикамъ классическое образованіе, но, съ другой стороны, хотѣли оградить ихъ отъ вреднаго вліянія языческихъ понятій, съ которыми они могли встрѣтиться у классическихъ авторовъ. Поэтому въ хрестоматіяхъ были помѣщаемы только невинныя извлеченія или изъ древнихъ авторовъ, или даже изъ болѣе новыхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что такимъ образомъ ученики могли выучиться переводить съ латинскаго языка на французскій; но, съ другой стороны, было также несомнѣнно, что, дѣйствуя такимъ образомъ, нельзя было изучить ни классическихъ авторовъ, ни вообще культуры древняго міра. Поэтому справедливо сказалъ объ этомъ Ганъ, что ученики въ этихъ переводахъ занимались латинскимъ и греческимъ языкомъ (такъ какъ то же самое относилось и къ этому послѣднему языку), но не греками или римлянами. Такъ какъ versіon играло важную роль въ конкурсѣ, то профессора усиливались, чтобы пріучить учениковъ сначала преодолѣвать затрудненія. Поэтому уже въ VI или V классѣ ученики переводили Тацита, Сенеку и другихъ болѣе трудныхъ авторовъ. Разумѣется, что при этомъ обращалось болѣе вниманія на форму, чѣмъ на содержаніе. Хорошею стороною этихъ переводовъ была забота о приданіи имъ самой блестящей формы, и точность и сжатость выраженій. Такимъ образомъ, лучшіе, по крайней мѣрѣ, ученики усвоивали себѣ извѣстную ловкость и искусство въ употребленіи отечественнаго языка и тѣмъ пополняли почти совершенный недостатокъ его преподаванія.

Чтеніе же самихъ авторовъ, посредствомъ котораго ученики могли бы познакомиться съ античнымъ міромъ, находилось въ полномъ пренебреженіи. Правда, что произведенія древней словесности были постоянно приводимы и прославляемы въ циркулярахъ министровъ и въ рѣчахъ профессоровъ, тѣмъ не менѣе въ школьномъ обученіи они занимали второстепенное мѣсто, за исключеніемъ, можетъ быть, Виргилія, необходимаго для латинскихъ стихотвореній. Обыкновенно чтеніемъ занимались въ концѣ урока, если оставалось сколько-нибудь времени отъ исправленія другихъ письменныхъ работъ. Поэтому было еще хорошо, если ученики реторики, въ концѣ своихъ научныхъ занятій, видѣли $^3/_4$ одной трагедіи Софокла и $^2/_3$ рѣчи Демосѳена, изъ греческихъ авторовъ, и около 50 страницъ изъ Цицерона съ нѣсколькими отрывками Горація—изъ латинскихъ. Этимъ оканчивалось ихъ обращеніе съ великими умами древности. Въ училищахъ всегда выставляли на видъ обожаніе Рима и Аѳинъ, но ученикамъ едва по-

Digitized by Google

казывали тѣхъ авторовъ, которыхъ имена постоянно восхвалялись. Мѣсто ихъ занимали отрывки, безъ связи и названія, медленно и трудолюбиво переводимые на французскій языкъ. И къ этому чтенію былъ примѣненъ методъ, употребляемый при переводахъ. Прежде всего переводъ буквальный, mot-à-mot, а потомъ только переводъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Очевидно, что такое чтеніе, продолжающееся съ VII кл. до окончанія коллегіи, сверхъ громадной потери времени, не могло принести значительной пользы, такъ какъ оно своимъ однообразіемъ дѣйствовало вредно на учениковъ въ нравственномъ отношеніи. Оно не было въ состояніи внушить даже хорошимъ ученикамъ любви къ классическимъ авторамъ. Поэтому-то, по мнѣнію Бреаля, древность была столь мало извѣстна во Франціи; древнихъ же авторовъ никто не читалъ по окончаніи училища, даже тѣ, которыхъ задача состояла въ обученіи другихъ латинскому и греческому языкамъ. Первымъ дѣломъ ученика послѣ окончанія коллегіи было сжечь свои словари.

Латинскія стихотворенія, versification latine, были дальнѣйшимъ занятіемъ учениковъ, начиная съ IV класса, гдѣ имѣлось въ виду обученіе ихъ латинскому языку. Занятіе это происходило такимъ образомъ, что какъ только ученики познакомились съ началами піитики—они сейчасъ приступали къ передѣлкѣ стихотвореній латинскихъ авторовъ, а затѣмъ переходили, будто бы, къ самостоятельному составленію латинскихъ стихотвореній, на заданную имъ тэму. Такъ какъ ученики уже III класса были въ правѣ состязаться на конкурсѣ изъ латинскихъ стихотвореній то профессора старались какъ можно скорѣе приготовить нѣсколько отборныхъ учениковъ, которые были бы въ состояніи написать отъ 50 до 80 латинскихъ стиховъ, кое-какъ отвѣчающихъ формальнымъ требованіямъ, хотя бы содержаніе ихъ вовсе не удовлетворяло требованіямъ критики. Достиженіе этой цѣли стоило много труда и усердія. Кромѣ постояннаго занятія выдѣлкою стиховъ,—такъ какъ это занятіе иначе и нельзя называть—ученики выучивали наизусть цѣлыя книги Виргилія, чтобы во всякое время имѣть извѣстный запасъ стиховъ, которые, послѣ соотвѣтственной передѣлки, можно бы было выдать за свои. Были, впрочемъ, книги, какъ „Gradus ad Parnassum“ или „Thesaurus linguae latinae poeticae“, къ которымъ ученики прибѣгали въ минуту затрудненій. Очевидно, что занятіе это не имѣло ничего общаго съ истиннымъ классическимъ образованіемъ. Тѣмъ не менѣе, оно сохранялось, благодаря конкурсу и рутинѣ, господствующей во французскихъ училищахъ, несмотря на всѣми признаваемую его безполезность и даже вредность.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ французскимъ писателямъ, мы не найдемъ между ними ни одного защитника „латинскихъ стихотвореній". Они всѣ говорятъ, что Франція, занимая такимъ образомъ своихъ дѣтей въ школѣ, опоздала на цѣлое столѣтіе. Латинскія стихотворенія произвели пагубное вліяніе на науку вообще, такъ какъ они повели къ безплодному занятію латинскимъ языкомъ, вмѣсто того чтобы заботиться объ изученіи древности. Въ защиту ихъ приводили два основанія, изъ которыхъ, однакоже, каждое оказалось ложнымъ. Во-первыхъ, говорили, что молодые люди не будутъ въ состояніи понять древнихъ поэтовъ, если сами не попробуютъ составлять стиховъ. Во-вторыхъ, утверждали, что въ этомъ состоитъ самое лучшее средство развить въ ученикахъ воображеніе, вкусъ, чувство эстетической красоты; что такимъ образомъ можно пробудить новые поэтическіе таланты. Несомнѣнно однакоже, что ни первая, ни вторая цѣль не были достигнуты посредствомъ составленія латинскихъ стиховъ. Ученики, имѣя въ виду конкурсъ изъ латинскихъ стихотвореній, съ самаго начала своихъ занятій древними поэтами, обращали вниманіе на то только, что могло имъ пригодиться въ будущемъ, старались сохранить въ памяти извѣстныя фразы, которыми впослѣдствіи могли бы воспользоваться. Вслѣдствіе этого они читали ихъ поверхностно, не стараясь вникнуть въ духъ авторовъ, принимая во вниманіе только форму. Не подлежитъ также сомнѣнію, что латинское стихотвореніе было вовсе несоотвѣтственнымъ средствомъ для развитія поэтическихъ способностей въ молодыхъ людяхъ, которые не были еще въ состояніи выразить порядочно двухъ мыслей на своемъ родномъ языкѣ. Дельтуръ, принимавшій, въ качествѣ академическаго инспектора, участіе въ оцѣнкѣ конкурсныхъ стихотвореній и латинскихъ рѣчей въ 1872 г., говорилъ, что на сто работъ этого рода нашлась едва одна, которая могла быть признана достойной напечатанія въ оффиціальномъ сборникѣ такого рода работъ. А вѣдь это были работы самыхъ лучшихъ учениковъ, отборной молодежи! Стоило ли посвящать столько трудовъ для достиженія такого результата? Такое обученіе было приговорено, по его мнѣнію, къ неизбѣжной смерти. А что сказать о плохихъ ученикахъ? Еще во время школы въ Port-Royal, одинъ изъ знаменитѣйшихъ ея учителей—Арнольдъ—говорилъ, что на 70—80 учениковъ два или три были въ состояніи сдѣлать что-либо заслуживающее вниманіе, работы же остальныхъ ни къ чему не годились. Такимъ же образомъ и теперь $^{9}/_{10}$ учениковъ не въ состояніи написать 20 стиховъ, не вызывающихъ смѣха. Даже Лависсъ признавалъ, что въ цѣ-

Digitized by Google

ломъ классѣ 3, 4 ученика занимались стихотвореніемъ, остальные же ничего не дѣлали. Ученикъ, сознающій, что онъ напрасно теряетъ время въ школѣ, утрачиваетъ уваженіе къ наукѣ и охоту къ труду.

Перейдемъ теперь къ занятію латинскимъ языкомъ въ классѣ реторики—занятію, къ которому все прочее въ низшихъ классахъ было только приготовленіемъ, и которое, въ глазахъ профессоровъ, учениковъ и общества, составляло вѣнецъ и гордость классическаго образованія во Франціи,—именно, къ латинскимъ рѣчамъ, discours latin, и къ французской рѣчи. Какъ римскіе юноши, выучившись грамматикѣ, поступали на обученіе къ риторамъ, такъ и молодые французы, послѣ приготовленія въ нившихъ классахъ, обязаны были въ классѣ реторики доказать, посредствомъ латинской рѣчи, что не теряли напрасно времени въ школѣ. Почему они должны были доказать это посредствомъ рѣчи, а не произведеніемъ другого рода? Потому,—отвѣчаетъ Бреаль,—что того требовало преданіе, происходящее отъ времени Квинтиліана и Цицерона, а чрезъ нихъ отъ временъ и греческихъ риторовъ. Потому,—отвѣчаетъ Ж. Симонъ,—что „въ средніе вѣка университетъ былъ принужденъ придавать рѣчамъ болѣе значенія, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду приготовленіе способныхъ проповѣдниковъ, бывшихъ въ состояніи съ амвона проповѣдовать народу; что предки наши имѣли пристрастіе говорить рѣчи; что въ средніе вѣка церемоніалъ игралъ большую роль въ частной и публичной жизни, вслѣдствіе чего, при каждомъ удобномъ случаѣ, произносились торжественныя рѣчи". Такимъ образомъ, преданія, консерватизмъ, сохранили во французскихъ училищахъ латинскія рѣчи, хотя практическая нужда обучаться въ такомъ направленіи давно миновала. Въ настоящее время разъ только въ годъ можно услышать латинскую рѣчь въ цѣлой Франціи. Для того однакоже, чтобы произнести такую рѣчь, нужно быть профессоромъ реторики въ одной изъ парижскихъ коллегій, назначаемымъ для того министромъ народнаго просвѣщенія, во время торжественной раздачи конкурсныхъ наградъ въ Парижѣ. Тѣмъ не менѣе, вся французская молодежь принуждена обучаться въ классѣ реторики составлять латинскія и французскія рѣчи.

Посмотримъ, какой видъ имѣло въ школьной практикѣ это занятіе, и какое вліяніе оно производило на образованіе молодежи вообще. И здѣсь также конкурсъ производилъ рѣшительное вліяніе на школьное обученіе. Такъ какъ le grand prix de réthorique считалось самою высшею почестью, которой можно было добиться на конкурсѣ, то и ученики, и учителя, съ самыхъ низшихъ клас-

Digitized by Google

совъ, направляли всѣ свои усилія, чтобы пріобрѣсти опытъ въ составленіи блестящихъ рѣчей. Разумѣется, что они стремились къ достиженію этой цѣли посредствомъ различныхъ, преимущественно практическихъ пріемовъ, которые преобладали вообще въ обученіи латинскому языку. Ученики приступали непосредственно къ составленію рѣчей, не имѣя даже понятія о различныхъ родахъ краснорѣчія. Профессоръ прежде всего диктовалъ такъ-называемое matière, то-есть краткое содержаніе, вмѣстѣ съ планомъ рѣчи, которое ученики обязаны были обработать и развить подробнѣе. Только работы болѣе способныхъ, могущихъ состязаться на конкурсѣ, были поправляемы въ классѣ профессоромъ, который дѣлалъ тогда нѣкоторыя реторическія указанія. Сверхъ того, если въ началѣ года, на 80—90 учениковъ, 30 занималось этимъ, то постепенно количество ихъ уменьшалось, такъ что въ концѣ года оставалось 10—15. Въ результатѣ оказывалось, что двое, трое думали болѣе самостоятельно, остальные же составляли неудачныя переработки изъ сборника рѣчей такъ-назыв. Cenciones rhetoricae sive orationes ex Titi Livii, Salustii, Taciti et Quinti Curtii Historiis collectae.

Подобное механическое составленіе рѣчей, поддерживаемое конкурсомъ, производило, очевидно, самое вредное вліяніе на образованіе учениковъ. Бреаль, одинъ изъ самыхъ лучшихъ знатоковъ французскихъ школьныхъ порядковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ французскихъ педагогическихъ писателей, не находитъ достаточно словъ для осужденія въ особенности латинской рѣчи, какъ школьнаго занятія. И его мнѣніе было подтверждено и другими педагогами.

„Нѣтъ ничего болѣе безсмысленнаго,—говоритъ онъ,—какъ требовать отъ учениковъ составленія латинскихъ рѣчей тогда, какъ въ продолженіе семилѣтняго ихъ пребыванія въ коллегіи никто не потребовалъ отъ нихъ ни разу, чтобы они выразили самостоятельно свою мысль, хотя бы на французскомъ языкѣ. Отъ учениковъ, не писавшихъ никогда въ низшихъ классахъ ни французскихъ, ни латинскихъ упражненій, проводившихъ все свое время за изученіемъ грамматики и составленіемъ переводовъ, съ перваго же раза требовали, чтобы они поставили себя въ положеніе св. Бернарда, Ришельё, Людовика XIV, Мирабо, Тюрго или другого государственнаго человѣка, и говорили ихъ словами. Очевидно, ученики, отъ которыхъ это требовалось, усиливались создать что-то замѣчательное, выдающееся; а такъ какъ ихъ умъ оставался въ бездѣйствіи въ продолженіе многихъ лѣтъ, такъ какъ они учились только словамъ и фразамъ, то результатъ не

Digitized by Google

могъ отвѣчать ихъ стараніямъ. Вмѣсто возвышенныхъ мыслей, они были въ состояніи помѣстить въ своей matière только отрывочныя фразы, которыхъ не позабыли изъ своихъ книгъ. Ихъ честолюбіе устремлялось высоко, составляя прискорбное противорѣчіе съ бѣдностью мысли, которую они обнаруживали. Иначе, однакожъ, и быть не могло, такъ какъ если въ низшихъ классахъ считали учениковъ неспособными къ самому простому разсужденію, если старались только о доставленіи имъ извѣстнаго опыта въ употребленіи латинскаго языка,—то нельзя было требовать отъ нихъ самостоятельныхъ мыслей впослѣдствіи. Нужно было собирать то, что было посѣяно — пустыя слова, фразы, риторическіе обороты. Поэтому самый незначительный трудъ, который пріучалъ бы учениковъ къ самостоятельному мышленію, былъ бы, по мнѣнію Бреаля, несравненно лучше, чѣмъ это безплодное, продолжительное мытарство, чрезъ которое они проходили въ низшихъ классахъ".

Можно было бы, пожалуй, пощадить риторическія занятія, если бы они соотвѣтственно вознаграждали потерянное время. Но и этого, однакожъ, нельзя о нихъ сказать. Никогда не требовали отъ ученика, чтобы онъ написалъ что-либо изъ своей собственной головы, чтобы сказалъ, что самъ знаетъ,—и вдругъ требуютъ, чтобы онъ высказывалъ мнѣнія и мысли другихъ лицъ, царей, великихъ полководцевъ, иностранныхъ посланниковъ, министровъ и т. п. Это обстоятельство,—говоритъ Бреаль,—и составляетъ большой недостатокъ образованія, именно—недостатокъ искренности (le défaut de sincérité). Какая связь существуетъ между ученикомъ, размышляющимъ о своемъ испытаніи на степень баккалавра, и Людовикомъ XIV, произносящимъ рѣчь въ парламентѣ, или другимъ знаменитымъ человѣкомъ. Ученикъ, отъ котораго никогда не требуютъ, чтобы онъ былъ самимъ собою, очевидно, долженъ пріобрѣсти навыкъ выражать только условныя чувства. Упражненія будутъ для него тѣмъ, чѣмъ театръ для актера. Это первыя проявленія умственнаго недуга, обнаруживающагося въ погонѣ за благозвучными фразами, въ принятіи на себя чужой роли, въ выраженіи, съ обдуманнымъ хладнокровіемъ, страстей.

Поэтому Бреаль и утверждалъ, что ученикамъ слѣдовало задавать другія, болѣе скромныя, но болѣе полезныя упражненія, какъ напр.: описанія, разсказы и т. п., и даже простыя письма, которыхъ ученики риторики писать не умѣли. Всѣ такого рода упражненія были во французскихъ коллегіяхъ совершенно забыты. Одною изъ причинъ этого явленія было, по мнѣнію Бреаля, то, что классическое образованіе цѣнилось слишкомъ высоко для

Digitized by Google

того, чтобы заниматься простыми упражненіями, напоминающими начальное училище. Полагали, что наука была бы унижена, еслибы занимались такими работами въ лицеяхъ. Это было замѣчательнымъ доказательствомъ той силы, какою обладали нѣкоторые, такъ сказать, наслѣдованные предразсудки. Такъ какъ укоренилось убѣжденіе, что латинскій языкъ облагораживаетъ преподающаго его, то вслѣдствіе этого не было признано для учащаго обиднымъ заниматься исправленіемъ латинскихъ ошибокъ, но образованіе ума молодежи, какъ то дѣлали начальные учителя, признавалось унизительнымъ для достоинства профессора. Предразсудокъ этотъ имѣлъ болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ обыкновенно полагали, такъ какъ онъ былъ источникомъ поверхностныхъ отношеній между учениками и профессорами. Такъ какъ профессоръ не могъ узнать мыслей ученика, то оставался безъ всякаго вліянія на его нравственное развитіе. Онъ былъ профессоромъ латинскаго и греческаго языковъ, но по отношенію къ нравственному вліянію стоялъ несравненно ниже начальнаго учителя. Вслѣдствіе того Бреаль утверждаетъ, что коллегіи лишились самой лучшей части своей задачи, доставляя молодежи только образованіе, но не воспитаніе [1]). И это составляло самый серьезный упрекъ, который можно было сдѣлать корпораціи, получившей отъ государства призваніе воспитывать будущія поколѣнія.

Рѣчи, какъ классныя занятія, влекли за собою еще и другія невыгодныя послѣдствія. И ученики, и профессора выражали при этомъ мнѣнія, понятія, вытекающія не изъ ихъ собственнаго убѣжденія. Фиктивное лицо, произносившее рѣчь, было до извѣстной степени манекеномъ; ученики же и профессора разбирали только доказательства, выводы, убѣжденія, имъ высказываемые. При этомъ обращено было вниманіе главнымъ образомъ не на содержаніе, сущность дѣла, но на развитіе извѣстнаго доказательства, на постройку рѣчи, ораторскія упражненія, слогъ. Каждый, однакожъ, долженъ признать, что такое обученіе неминуемо должно было имѣть вредное вліяніе на молодежь, которая съ шестнадцатилѣтняго возраста пріучалась обращать болѣе вниманія на внѣшнюю форму, ораторскія качества, чѣмъ на содержаніе, сущность дѣла. Такой недостатокъ былъ бы вреднымъ для критика, но тѣмъ болѣе представлялъ опасности для нравственнаго и умственнаго развитія всего народа, у котораго вся молодежь была воспитываема въ исключительномъ стремленіи къ прекрасной формѣ въ литературныхъ произведеніяхъ.

[1]) Совершенно сходную съ тѣмъ мысль высказалъ недавно и германскій императоръ въ своей извѣстной рѣчи о вредѣ господствующей системы классицизма.

Digitized by Google

Другимъ вреднымъ послѣдствіемъ рѣчи, какъ класснаго занятія, было то, что она принуждала учениковъ выражать мысли въ формѣ доводовъ. Вслѣдствіе того они учились не искать истины и высказывать ее, но защищать дѣло, à plaider une cause. Даже лучшіе профессора были принуждены указывать ученикамъ, какъ слѣдуетъ умалчивать о неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, или уменьшать ихъ значеніе, какъ слѣдуетъ, напротивъ, выдвигать впередъ полезные факты. Развѣ всѣ наши дѣти—спрашивалъ вслѣдствіе того Бреаль—должны быть адвокатами? Развѣ эта діалектическая ловкость въ состояніи развить ихъ умъ? По его мнѣнію, занятіе рѣчами въ классахъ произвело вліяніе даже на періодическую печать, которая вслѣдствіе того именно приняла такой ораторскій характеръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ странахъ съ парламентскимъ правленіемъ, гдѣ находятся многія учрежденія, въ которыхъ произносятся рѣчи публично, необходимо, чтобы молодежь уже въ школѣ достигала извѣстнаго искусства въ произношеніи рѣчей. Но, съ другой стороны, не подлежитъ тоже сомнѣнію, что направленіе образованія молодежи къ достиженію исключительно этой цѣли можетъ произвести на нее одно вредное вліяніе. Поэтому самые серьезные люди высказывали мнѣніе, что французы вообще, въ особенности же руководящіе классы, les classes dirigeantes, должны болѣе чѣмъ гдѣ-либо бороться противъ тщетнаго и поверхностнаго ораторства, такъ какъ въ обществѣ, которое само рѣшаетъ о самыхъ важныхъ своихъ дѣлахъ, вліяніе пустословныхъ и звучныхъ фразъ можетъ повлечь къ самымъ вреднымъ для него послѣдствіямъ. Успѣшное веденіе общественныхъ дѣлъ болѣе требуетъ положительныхъ знаній, точности, чѣмъ реторики, для того, чтобы рѣшать вопросы не на основаніи какихъ-либо теоретическихъ, апріористическихъ началъ, но послѣ тщательнаго ихъ изслѣдованія. Эта система внушала всей молодежи наклонность къ эмфатическому слогу, къ ораторскимъ украшеніямъ, къ фразеологіи. Она выясняетъ намъ тотъ реторическій, а отчасти и поверхностный характеръ, замѣчаемый въ настоящее время въ большинствѣ французскихъ литературныхъ произведеній, котораго не лишены не только беллетристическія произведенія, но и сочиненія болѣе серьезныя, научныя. Изъ этого видно, что обычай развивать, образовывать литературный вкусъ только на рѣчахъ произвелъ громадное вліяніе на все литературное направленіе народа, и нельзя сказать, чтобы вліяніе это было благотворнымъ. Думая ошибочно, что всѣ французы должны быть ораторами,—всѣмъ имъ доставляли образованіе, годное для адвока-

Digitized by Google

товъ и членовъ парламента. Было бы, однакожъ, лучше, еслибы вмѣсто того, чтобы возбуждать и безъ того пылкую и впечатлительную французскую молодежь ораторскими фейерверками, ей было доставлено болѣе серьезное образованіе, воздерживающее взрывы страстей.

Есть еще одно вредное послѣдствіе исключительнаго занятія учениковъ въ классахъ рѣчами, состоящее въ томъ, что они тѣмъ пріучаются къ поверхностному сужденію о вещахъ. Понятно, что если отъ нихъ требовать, чтобы они говорили о фактахъ, которые знали только поверхностно, по замѣткамъ, собраннымъ на скорую руку, то въ нихъ разовьются вредная наклонность и ловкость говорить обо всемъ поверхностно. Иначе и быть не можетъ. Именно, если зрѣлый человѣкъ—юристъ или политикъ, литераторъ или историкъ—только на основаніи тщательнаго, глубокаго и серьезнаго изученія можетъ придти къ заключенію, что онъ выяснилъ извѣстный спорный вопросъ, добылъ лучъ истины,—то какимъ образомъ школьная молодежь можетъ съ рѣшительностью вести споръ одинъ разъ между Маріею Стюартъ и Елисаветою, другой разъ—между Гракхами и римскими патриціями, и т. п.? Это была самая плохая система,—говоритъ Бреаль,—приготовлять учениковъ къ серьезному изслѣдованію истины. Такимъ образомъ приготовлялись странѣ только малосвѣдущіе адвокаты и невѣжды-журналисты. Уже послѣ оставленія учениками коллегіи, въ практической жизни, обнаруживались пагубныя послѣдствія фикцій и декламацій, которыми питали ихъ въ школѣ, этого à peu près, къ которому привыкли.

Такъ обучали въ коллегіяхъ латинскому языку. Посмотримъ, какъ преподавались въ нихъ другіе предметы, въ особенности же другой классическій языкъ, греческій.

Вскорѣ послѣ возрожденія наукъ и во Франціи также стали съ особымъ увлеченіемъ заниматься греческимъ языкомъ. Но увлеченіе это вскорѣ миновало. Причину того слѣдуетъ видѣть въ томъ, что іезуиты въ своихъ училищахъ мало о немъ заботились. Будучи убѣждены, что греческій языкъ, посредствомъ гуманистическаго образованія, содѣйствовалъ религіозной реформѣ, что онъ былъ языкомъ, на которомъ составленъ былъ подлинникъ священнаго писанія, на который ссылались протестанты въ борьбѣ съ католицизмомъ, они смотрѣли на него съ извѣстнымъ недовѣріемъ и подозрительностью. Поэтому іезуиты въ своихъ училищахъ считали его только добавочнымъ къ латинскому языку. Примѣру ихъ слѣдовали и въ другихъ училищахъ. Такимъ же образомъ, и послѣ

Digitized by Google

революціи, разрушившей всѣ училища, обучали ему только добавочно. Впослѣдствіи, изъ 13 часовъ, предназначенныхъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ, начиная съ VI, на такъ-называемые классическіе языки, т.-е. латинскій, французскій и греческій, преподаваемые однимъ профессоромъ, греческому доставался только остатокъ времени, остававшійся отъ занятія латинскимъ языкомъ, на который было обращено главное вниманіе,—и французскимъ, который все-таки находился въ пренебреженіи. Разумѣется, что при обученіи этому языку употреблялся такой же методъ, какой былъ употребляемъ при обученіи латинскому. Не заботясь много о доставленіи ученикамъ солиднаго знанія грамматики, приступали во второмъ, а иногда и въ первомъ году обученія, то-есть въ V или въ VI классѣ, къ thême grec, т.-е. переводамъ съ французскаго языка на греческій. При этомъ думали не о сохраненіи синтаксическихъ правилъ, а о буквальномъ переводѣ, такъ-называемомъ calquer. Довольствовались тѣмъ только, чтобы слово было греческое, но не смотрѣли на то, былъ ли оборотъ греческимъ или французскимъ. Такъ какъ thême grec принадлежитъ къ конкурснымъ предметамъ, то для переводовъ избирались самые трудные авторы. Подобнымъ же образомъ занимались переводами съ греческаго языка на французскій. Но вовсе не было ни греческихъ стихотвореній, ни рѣчей; чтеніе же авторовъ ограничивалось самыми незначительными размѣрами.

Понятно, что успѣхи учениковъ въ подобномъ изученіи греческаго языка были очень незначительны, несмотря на то, что обученіе ему начиналось очень рано. По мнѣнію французскихъ писателей, если въ прежнихъ училищахъ ученики вовсе не обучались греческому языку, то въ новыхъ они показывали только видъ, будто бы ему обучались. Въ сущности, въ концѣ своего обученія они были въ состояніи только складывать по-гречески. Для устраненія этого неудобства были употребляемы различныя средства. Приступали къ обученію греческой грамматики раньше, чѣмъ латинской; даваемы были добавочныя награды ученикамъ, отличившимся на конкурсѣ по греческому языку; заведено было новое произношеніе, имѣя въ виду облегчить сношенія съ современными греками. Все напрасно. Сдѣлалось очевиднымъ фактомъ то, что училища не были въ состояніи обучать греческому языку. По этому поводу Бреаль задавалъ себѣ вопросъ, откуда происходитъ эта неспособность школъ въ обученіи не только греческому, но и вообще всякому иностранному языку, за исключеніемъ латинскаго? И на вопросъ этотъ онъ не находилъ другого отвѣта, какъ только обвинялъ школу въ плохомъ методѣ самаго обуче-

Digitized by Google

нія. Университетъ, обучающій латинскому языку, не для того, чтобы его знать, но для того, чтобы на немъ писать, употреблялъ и средства имѣющія въ виду достиженіе послѣдней только цѣли. Тѣ же самые переводы, тѣ же самые словари, набитые готовыми выраженіями, такая же грамматика и никакого чтенія авторовъ— вотъ средства, употребляемыя въ коллегіяхъ для изученія греческаго языка, отличающагося самымъ большимъ обиліемъ, богатствомъ формъ. Разумѣется, ученики не только не были въ состояніи усвоить себѣ хотя бы кое-какъ греческій языкъ, но не могли вовсе сочувствовать его красотамъ, столь прославляемымъ профессорами.

Французскому языку обучали преимущественно въ элементарномъ отдѣленіи коллегій, division élémentaire. Языкъ этотъ для французовъ имѣлъ болѣе значенія, чѣмъ всякій другой, и тѣмъ не менѣе онъ занималъ только второстепенное мѣсто, уступая первенство латинскому языку. Ученики въ продолженіе всего времени должны были, сверхъ грамматики, изучать посредствомъ чтенія авторовъ и французскую классическую литературу. И это требованіе было строго соблюдаемо. Но недостаткомъ этого обученія было то, что въ низшихъ классахъ ученики не дѣлали никакихъ письменныхъ упражненій, вслѣдствіе чего, безъ всякаго приготовленія къ письменному изложенію своихъ мыслей, приступали въ классѣ реторики непосредственно къ составленію французскихъ рѣчей, которымъ, какъ конкурсному предмету, было придаваемо большое значеніе. Другой упрекъ, который можно было сдѣлать этому обученію, состоялъ въ томъ, что въ чтеніи авторовъ обращено было вниманіе только на такъ-называемую классическую эпоху, Мольера, Расина и др. Между тѣмъ не занимались вовсе ни предшествующими, ни послѣдующими писателями, не старались выяснить связи, существующей между латинскимъ и французскимъ языкомъ, не изучали этого послѣдняго языка, такъ сказать, исторически. Такое обученіе родному языку могло бы быть очень полезнымъ, такъ какъ если чисто классическое, или, лучше говоря, латинское образованіе въ коллегіяхъ вырыло глубокую пропасть между высшими и низшими классами общества, если оно содѣйствовало къ возникновенію равнодушія высшихъ классовъ къ умственному развитію простого народа, то такое историческое изученіе французскаго языка было бы въ состояніи сблизить опять оба эти класса, болѣе, можетъ быть, прочно, чѣмъ то являлось на шаткомъ политическомъ поприщѣ. Другую пользу отъ такого изученія французскаго языка Бреаль видѣлъ въ томъ, что французы, вслѣдствіе постояннаго употребленія въ школахъ латинскаго языка, потеряли вообще смѣлость

Digitized by Google

въ употребленіи своего собственнаго, который стали считать мертвымъ; они отыскали бы свободу въ образованіи новыхъ словъ, оборотовъ, посредствомъ изученія своего языка исторически и сближенія съ народными говорами; они успѣли бы возродить языкъ высшихъ классовъ общества.

Чтобы покончить съ лингвистическимъ образованіемъ, нужно еще сказать нѣсколько словъ объ обученіи новымъ языкамъ. Эти языки были введены въ школьную программу только при Гизо, въ 1842 г. По регламенту, имъ изданному, обученіе нѣмецкому или англійскому языкамъ должно было происходить по два часа въ недѣлю, только факультативно, внѣ классныхъ занятій. Вслѣдствіе этого преподаваніе ихъ не могло принести значительной пользы. Только $^1/_5$ или $^1/_6$ учениковъ считали полезнымъ обучаться новымъ языкамъ, и то болѣе номинально, чѣмъ дѣйствительно. Но и эти ученики не выносили изъ того надлежащей пользы, такъ какъ университетъ, т.-е. учительская корпорація, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на новые языки, а понятія его сообщались и ученикамъ.

Перейдемъ теперь къ преподаванію исторіи и географіи, столь важныхъ для гуманистическаго образованія молодежи. На оба эти предмета вмѣстѣ назначена была одна (двухчасовая) лекція въ недѣлю въ низшихъ классахъ; въ высшихъ же, начиная съ IV-го, по двѣ лекціи. На каждый классъ былъ назначенъ извѣстный періодъ исторіи, такъ что курсъ низшихъ классовъ не повторялся уже въ высшихъ. Географію преподавали какъ пополненіе къ извѣстному періоду исторіи; поэтому она не обнимала вовсе цѣлости этой науки, иногда же вовсе не преподавалась. Преподаваніе исторіи отличалось тѣмъ недостаткомъ, что курсъ низшихъ классовъ уже не повторялся въ высшихъ, вслѣдствіе чего слѣдовало его вести въ одинаковомъ объемѣ въ высшихъ и низшихъ, несмотря на то, что ученики сихъ послѣднихъ не достигли еще надлежащей умственной зрѣлости къ такому преподаванію. Вслѣдствіе того ученики были слишкомъ обременены работою. Этому обремененію содѣйствовало и то, что исторія была конкурснымъ предметомъ, на которомъ ученики писали такъ-называемый question de raisonnement на заданную тэму. Въ работахъ этихъ требовались, кромѣ извѣстнаго общаго введенія и философскаго заключенія, мельчайшія подробности, относящіяся къ извѣстному историческому факту. Поэтому ученики, намѣревающіеся состязаться на конкурсѣ, были принуждены помнить такія даже подробности, которыхъ сами ученые

Digitized by Google

не знали съ достовѣрностью. Съ другой стороны, профессора были обязаны соображаться съ этими требованіями, и потому въ низшихъ даже классахъ они распространялись въ философскихъ и политическихъ разсужденіяхъ, которыя были бы болѣе умѣстны въ университетѣ. Съ цѣлью приготовить учениковъ къ конкурсу, имъ были задаваемы каждыя пять недѣль, въ видѣ опыта, тэмы, превышающія, очевидно, ихъ способности и знанія. Такъ напр., ученикамъ VI и V классовъ (11 и 12-лѣтнимъ) были задаваемы слѣдующія тэмы:—причины паденія Персіи;—должна ли была внутренняя исторія этого государства повести къ его паденію?—состояніе Греціи, Азіи и Африки до и послѣ Александра Великаго;—состояніе міра во время сраженія при Магнезіи;—сравнить условія договора Кимона съ договоромъ Анталкида и т. п. Еще въ 1873 г. ученикамъ IV класса была задана тэма: о состояніи арміи у римлянъ во время пуническихъ войнъ, военная служба, способъ набора, повышеніе, дисциплина, вооруженіе, тактика;—указать между причинами величія римлянъ тѣ, которыя состояли въ связи съ арміею".

Ученики, желавшіе написать на подобную тэму отъ 6 до 12 страницъ, должны были исторіею заниматься съ неслыханною энергіею, не отвѣчавшею ихъ возрасту, и всѣ свои усилія должны были устремить къ сохраненію въ памяти самаго большаго количества фактовъ. Вслѣдствіе того изъ преподаванія исторіи выносили пользу только лучшіе ученики, приготовляющіеся къ конкурсу; для остальныхъ, громаднаго большинства, преподаваніе это было почти безплоднымъ. Впрочемъ, все преподаваніе и имѣло въ виду только приготовленіе къ конкурсу, а потому происходило такимъ образомъ, что профессоръ каждую недѣлю указывалъ извѣстный періодъ или историческій фактъ, который ученики должны были письменно обработать (rédaction). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ источники, въ которыхъ факты эти были лучше всего описаны. Лучшіе ученики старались сдѣлать болѣе обширную компиляцію изъ нѣсколькихъ книгъ, худшіе старались отдѣлаться отъ этого кое-какъ. На слѣдующемъ урокѣ профессоръ исправлялъ лучшія работы и задавалъ тэму на будущую недѣлю. Такимъ образомъ, преподаваніе исторіи ограничивалось преимущественно письменными работами. Изъ этого видно, что оно отвѣчало болѣе требованіямъ университета, чѣмъ гимназіи, такъ какъ содѣйствовало къ приготовленію нѣсколькихъ преждевременныхъ ученыхъ, побуждаемыхъ къ усиліямъ надеждою побѣды на конкурсѣ, во вредъ громадному большинству учениковъ, остав-

Digitized by Google

лявшихъ коллегію съ полнымъ незнаніемъ исторіи, или даже съ отвращеніемъ къ историческимъ наукамъ.

Нельзя также сказать, чтобы и обученіе математико-естественнымъ наукамъ, такъ-называемыя sciences, находилось въ удовлетворительномъ состояніи. Въ этомъ можно убѣдиться изъ школьныхъ программъ еще 1865 г. По нимъ, въ приготовительномъ классѣ ученики обучались четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики и системѣ мѣръ и вѣсовъ практически. Въ классахъ VIII, VII, VI и V были практическія ариѳметическія занятія (exercices pratiques de calcul) по одному часу въ недѣлю. Только въ IV классѣ были теоретическія начала ариѳметики (éléments d'arithmétique) и начальныя свѣденія изъ геометріи, по два часа въ недѣлю. Въ III классѣ—по 4 часа ариѳметики и геометріи; во II—начало алгебры, планиметрія и естественная исторія, но эта послѣдняя только въ одномъ полугодіи, также по 4 часа. Въ классѣ реторики было по два часа стереометріи и космографіи; во зато въ классѣ философіи было назначено по 10 часовъ въ недѣлю на математическія и естественныя науки. Преподаваніемъ этимъ, однакожъ, мало кто пользовался, потому что вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, никто почти не доходилъ до этого класса.

Разумѣется, что столь ограниченное преподаваніе математико-естественныхъ наукъ не было достаточнымъ приготовленіемъ ни для выдержанія испытанія на степень баккалавра ès-sciences, ни для поступленія въ политехническую школу или другое тому подобное учебное заведеніе. Поэтому уже въ 1845 г., когда преподаваніе это было еще болѣе ограничено, устроены были особые классы, такъ-называемые—de mathématiques élémentaires и spéciales, въ которыхъ ученики могли бы найти соотвѣтственное приготовленіе. Такіе классы, однакожъ, находились только въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ. Математика спеціальная была тоже конкурснымъ предметомъ.

Наконецъ, намъ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о философіи, бывшей предметомъ преподаванія въ самомъ высшемъ классѣ французскихъ коллегій, и отъ которой классъ этотъ получилъ свое названіе. Въ 1865 году философія преподавалась въ этомъ классѣ въ числѣ четырехъ уроковъ, по два часа каждый. Перевѣсъ философіи въ этомъ классѣ происходилъ оттого, что, какъ намъ извѣстно, теперешнія коллегіи основывались на средневѣковомъ преданіи, когда онѣ были не приготовительными, соб-

Digitized by Google

ственно говоря, заведеніями къ университету, но отвѣчали болѣе нашимъ понятіямъ о факультетахъ, вслѣдствіе чего сами доставляли философское образованіе.

Преподаваніе философіи происходило, вообще говоря, такимъ образомъ, что сперва профессоръ диктовалъ ученикамъ краткое содержаніе того, о чемъ долженъ былъ говорить впослѣдствіи, для того, чтобы дать имъ указаніе относительно того, на что они должны были обращать особенное вниманіе, и тѣмъ доставить имъ основаніе для обработки самимъ этой лекціи. Впослѣдствіи профессоръ излагалъ то же самое словесно, болѣе подробно; ученики же могли дѣлать изъ его изложенія письменныя замѣтки. На слѣдующей недѣлѣ ученики обязаны были на основаніи этого изложенія приготовить письменное философское разсужденіе, по очереди, на французскомъ и латинскомъ языкѣ (dissertation). Они могли при этомъ пользоваться другими источниками, но во всякомъ случаѣ обязаны были придерживаться главныхъ основъ, указанныхъ профессоромъ. Сверхъ того, ученики обязаны были читать сочиненія философскаго содержанія, подъ руководствомъ профессоровъ, которые объясняли имъ болѣе трудныя положенія. Изъ этихъ сочиненій тѣ же ученики обязаны были представлять отчеты.

Нѣтъ сомнѣнія, что, вслѣдствіе такого метода, болѣе прилежные ученики, приготовлявшіе еженедѣльныя разсужденія, достигали въ концѣ года того, что переработывали болѣе самостоятельно главныя начала философіи, и оставляли коллегію, снабженные основательнымъ философскимъ образованіемъ. Впрочемъ, и само преподаваніе способствовало тому. Оно было словесное, безъ механическаго выучиванія наизусть и такого же переписыванія, какъ по другимъ предметамъ. Цѣль разсужденій учениковъ состояла не въ подборѣ пустыхъ фразъ, какъ въ классѣ реторики, но въ серьезной обработкѣ научнаго матеріала. И само чтеніе авторовъ не ограничивалось нѣсколькими отрывками, какъ это было съ латинскими и греческими классиками, безъ углубленія въ ихъ духъ и содержаніе, но проникало несравненно глубже и серьезнѣе.

И это преподаваніе, однакожъ, имѣло оборотную сторону. Въ прежнихъ коллегіяхъ занимались философіею не какъ пропедевтикою къ дальнѣйшимъ философскимъ занятіямъ, но какъ самостоятельною наукою, а потому и въ новѣйшихъ лицеяхъ и коллегіяхъ философія, несмотря на существованіе особыхъ философскихъ факультетовъ, сохранила значеніе, не вполнѣ отвѣчающее среднему образованію. По этому поводу упрекали даже это преподаваніе, говоря, что оно было бы болѣе умѣстнымъ въ факуль-

Digitized by Google

тетахъ, гдѣ преподаватели пользуются большею свободою преподаванія, гдѣ программы болѣе обширны и государство не принимаетъ на себя отвѣтственности за философскія воззрѣнія, высказываемыя съ университетской каѳедры.

И конкурсъ, столь вредный въ другихъ отношеніяхъ, производилъ и на преподаваніе философіи пагубное вліяніе. Вслѣдствіе именно конкурса, оно не могло ограничиться элементарными только свѣденіями, отвѣчающими гимназическому образованію, но обратилось въ полный курсъ этой науки. Профессора, вслѣдствіе конкурса, были принуждены заботиться не только объ ознакомленіи своихъ учениковъ съ общими началами логики, психологіи, но и о томъ, чтобы двухъ, трехъ съ выдающимися способностями учениковъ поднять на уровень своего собственнаго философскаго образованія, чтобы ихъ приготовить къ конкурсу. Но уже изъ всего того, что̀ выше было сказано о преподаваніи различныхъ предметовъ, можно было придти къ убѣжденію, что только немногіе ученики переходили въ высшіе классы съ болѣе зрѣлымъ умственнымъ развитіемъ, что даже тѣ, которые добывали награду на конкурсѣ, получали ее болѣе при помощи указанной нами рутины, памяти, чѣмъ самостоятельнаго мышленія. Точно также большинство учениковъ было вполнѣ неспособно къ слушанію подобнаго преподаванія философіи. Несомнѣнно, что философское образованіе, долженствующее составлять заключеніе, вѣнецъ всего предшествующаго образованія, только тогда можетъ быть плодотворнымъ, когда это предшествующее образованіе служило приготовленіемъ къ нему. Но этого нельзя сказать о французскихъ коллегіяхъ.

Впрочемъ, слѣдуетъ еще обратить вниманіе и на то, что преподаваніе философіи приходилось на послѣдній годъ пребыванія учениковъ въ школахъ, когда они думали болѣе о приготовленіи къ экзамену на баккалавра и были принуждены повторять предметы, пройденные ими раньше. Поэтому незначительное только количество учениковъ посѣщало курсъ философіи, а еще меньшее занималось ею серьезно. На 60—80 учениковъ едва 10—15 выносили изъ коллегіи поверхностное знакомство съ философіею, а только 5—6 обработывали старательно требуемыя философскія разсужденія [1]). Правда, что между отличавшимися учениками на конкурсѣ случались и замѣчательные таланты, съ основательными знаніями, но такихъ одиночныхъ благопріятныхъ

[1]) Даже такіе лица, какъ Альберъ Дюмонъ, одинъ изъ преобразователей высшаго образованія во Франціи, желая поступить въ нормальное училище, три раза повторялъ классъ реторики, но ни разу не прошелъ класса философіи.

Digitized by Google

результатовъ, составляющихъ во всякомъ случаѣ исключеніе, никакимъ образомъ нельзя считать достаточнымъ вознагражденіемъ за пренебреженіе къ образованію громаднаго большинства учениковъ.

III.

Изъ всего вышесказаннаго мы могли убѣдиться, насколько серьезны были упреки, дѣлаемые гимназическому преподаванію во Франціи уже по поводу самихъ методовъ, при этомъ употребляемыхъ. Сверхъ того, однакожъ, существовали и другія возраженія, надъ которыми, равнымъ образомъ, намъ слѣдуетъ остановиться.

Одно изъ этихъ возраженій состояло въ томъ, что въ этомъ преподаваніи все, что не относилось къ классическому образованію, находилось въ полномъ почти пренебреженіи. Въ этомъ можно было убѣдиться прежде всего изъ того, что на преподаваніе не-классическихъ предметовъ было назначено самое ограниченное количество времени. Такъ напр., еще въ 1865 г. во всѣхъ классахъ отдѣленія грамматики, division de grammaire (т.-е. въ VI, V и IV кл.), было назначено $8^1/_2$ уроковъ, такъ-называемыхъ классныхъ или двухчасовыхъ лекцій, на классическіе языки, одинъ такой же урокъ на исторію, $^1/_2$ на ариѳметику и 2 часа на новые языки, не считая времени на законъ Божій, рисованіе, музыку и гимнастику. Такъ какъ въ недѣлю считалось всего 11 классныхъ уроковъ, то на классическія науки было назначено болѣе $^3/_4$ всего школьнаго времени. Остатокъ времени, назначеннаго на „классы“, занимали исторія, ариѳметика и новые языки ($2^1/_2$); на остальные предметы уже недоставало времени. Въ томъ же году въ division supérieure, т.-е. въ классахъ III и II, было 7 уроковъ классическихъ языковъ, а въ классѣ реторики —опять 8. Пренебреженіе не-классическими науками имѣло еще и другую причину, именно ту, что во Франціи сохранилась такъ-называемая „классная“ система. Вслѣдствіе того одинъ профессоръ, какъ главный, преподавалъ въ извѣстномъ классѣ всѣ классическіе языки. Этотъ профессоръ былъ исключительнымъ руководителемъ своего класса; ученики же всегда смотрѣли на предметы, имъ преподаваемые, какъ на главные. На исторію, математику, для преподаванія которыхъ приходилъ другой учитель на часъ или два въ школу, они смотрѣли какъ на предметы второстепенные, добавочные. Впрочемъ, и классный профессоръ, филологъ, вслѣдствіе своего односторонняго образованія, смотрѣлъ съ пре-

Digitized by Google

небреженіемъ, а иногда и враждебно, на другія науки, считая, что онѣ отнимаютъ у него время, которое съ большею пользою могло бы быть употреблено на занятія латинскимъ или греческимъ языкомъ. Вслѣдствіе того, хотя онъ и былъ класснымъ профессоромъ, тѣмъ не менѣе, не только не содѣйствовалъ своимъ товарищамъ къ достиженію ими хорошихъ результатовъ, но, напротивъ, мѣшалъ имъ въ этомъ отношеніи. Ясно, что ученики, подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній, этого антагонизма, вкореняли въ себѣ глубокое убѣжденіе, что всему, не относящемуся къ филологіи, въ особенности классической, не стоило труда и учиться.

Но если одни упрекали французское школьное обученіе, что оно грѣшило своимъ исключительно классическимъ направленіемъ, то другіе упрекали его и въ томъ, что оно, даже еще въ этомъ направленіи, стремилось къ ложной цѣли. Цѣль эта состояла въ томъ, чтобы учениковъ, начиная съ VIII кл. до реторики, довести постепенно, посредствомъ массы переводовъ, стихотвореній, и даже рѣчей, къ тому, чтобы они думали и писали на латинскомъ языкѣ. А между тѣмъ въ классическомъ обученіи отнюдь нельзя видѣть цѣли, а только еще средство для изученія античнаго міра. Цѣль эта, впрочемъ, какъ мы замѣтили уже прежде, въ настоящее время даже и недостижима.

Еслибы мы даже согласились съ тѣмъ, что школьное обученіе можетъ стремиться къ такой цѣли, то тѣмъ не менѣе нѣтъ недостатка въ доказательствахъ, что французскія коллегіи, несмотря на такія напряженныя усилія, цѣли этой не достигали. Сами французскіе педагоги сознаются, что французскія коллегіи вовсе не доставляли классическаго образованія, хотя доставленіе его признавали своею исключительною задачею. Смотря на плодъ десятилѣтнихъ трудовъ учениковъ для пріобрѣтенія классическаго образованія,—говоритъ Ленорманъ,—припоминаешь басню объ обезьянѣ, которая восхваляла красоту картинъ, видѣнныхъ ею въ волшебномъ фонарѣ, въ которомъ, къ сожалѣнію, она забыла зажечь свѣчку. Желая оцѣнить дѣйствительное достоинство классическаго образованія въ школахъ, нужно принимать во вниманіе постоянныя послѣдствія, которыя оно оставляло, и плоды, которые оно приносило. Послѣдствія же эти и плоды можно узнать по количеству лицъ, которыя, получивъ образованіе въ коллегіяхъ, и окончивъ школу, полюбили бы древности и занимались бы ими. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ обращать вниманіе прежде всего на самихъ профессоровъ, а потомъ на учениковъ. На профессоровъ—чтобы убѣдиться, сдѣлались ли они опорами науки, развивали ли они ее дальше? На учениковъ—чтобы убѣдиться, со-

Digitized by Google

храняютъ ли они хотя нѣсколько пристрастія къ наукамъ, которыми столь долго занимались прежде, и занимаются ли ими въ свободное время дальше?

Относительно первыхъ Ленорманъ говоритъ: „Что дѣлается съ этою толпою профессоровъ, которыхъ университетъ содержитъ въ 86 департаментахъ? Что они творятъ въ свободное время? какое достоинство ихъ произведеній, если вообще они что-либо производятъ? какая оттуда слава для французскаго народа у другихъ народовъ? сколько появляется во Франціи хорошихъ элементарныхъ книгъ и исправленныхъ изданій? какую пользу имѣютъ типографщики изъ знанія и опыта профессоровъ? сколько появилось книгъ истинно критическихъ о древнихъ авторахъ, въ продолженіе послѣднихъ 40 лѣтъ? сколько книгъ истинно ученаго содержанія появилось у издателя Lemaire'a, съ такою щедростью покровительствуемаго правительствомъ реставраціи? чѣмъ выяснить фактъ, что когда во всей Франціи продано было едва 30 экземпляровъ Anecdota graeca, Boissonade'a, или Leo Diaconus, Hase'a, или Strabo, Covay'a,—напротивъ, изданіе, въ которомъ возлѣ латинскаго текста находился французскій переводъ, разошлось между профессорами въ тысячахъ экземпляровъ? Недостатокъ ученыхъ классиковъ во Франціи обнаружился еще болѣе тогда, когда магазинъ „Firmin-Didot“ вздумалъ выпустить новое изданіе „Thesaurus linguae graecae, Stephanus'a“, и для исполненія этого предпріятія былъ принужденъ обратиться къ нѣмецкимъ филологамъ. Корректуры даже пришлось посылать въ Лейпцигъ или приглашать въ Парижъ нѣмецкихъ ученыхъ. Все это ни для кого не было секретомъ, хотя государство содержало тысячи профессоровъ для того только, чтобы они обучали молодежь латинскому и греческому языкамъ“. По мнѣнію того же автора, Франція была тою страною въ Европѣ, въ которой уваженіе къ древности наиболѣе пало. Къ греческому языку можно было примѣнить средневѣковую поговорку: „Graecum est non legitur“. Что же касается латинскаго языка, то было бы еще хорошо, если бы нашлось въ Парижѣ двѣсти, а во всей Франціи пятьсотъ лицъ, читающихъ на этомъ языкѣ съ удовольствіемъ. Древности вообще представлялись подъ видомъ отвратительныхъ школьныхъ книгъ, возбуждавшихъ только скуку, и задачъ, дѣлаемыхъ для того только, чтобы добиться степени bachelier-ès-lettres. То же самое подтверждалось и болѣе новыми писателями. Бреаль, указывая неоднократно на паденіе серьезныхъ классическихъ занятій во Франціи, спрашивалъ: почему Франція уступила въ этомъ отношеніи первенство другимъ? Университетъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ тѣмъ, что

Digitized by Google

цѣль его при обученіи латинскому языку состояла не въ томъ, чтобы приготовить филологовъ, и латинскій языкъ былъ для него только средствомъ,—но въ томъ, чтобы посредствомъ грамматическаго изученія этого языка развить умъ молодежи. Хотя бы ученики, оставивъ школу, и забыли латинскій языкъ, все-таки они выносили изъ него извѣстную пользу. Но Бреаль не удовольствовался этимъ отвѣтомъ. Оказывается при этомъ, что и во Франціи, какъ въ Германіи, защитники исключительнаго преобладанія классическаго образованія ссылались на такъ-называемое формальное образованіе посредствомъ изученія древнихъ языковъ. Но мы знаемъ уже, что это значитъ. Это похоже, какъ выразился недавно Фрари, на того музыкальнаго артиста, который въ продолженіе десяти лѣтъ игралъ бы гаммы, не занимаясь, впрочемъ, музыкою. Симонъ, доказывая необходимость отмѣнить устарѣвшій, вѣковой методъ обученія во Франціи, вредный для науки и нравственности, говоритъ, что методъ этотъ отвратителенъ (détestable) по двумъ соображеніямъ. Первое состоитъ въ томъ, что имъ требуется восемь лѣтъ на изученіе латинскаго языка, собственно легкаго для изученія; второе—въ томъ, что въ концѣ этихъ восьми лѣтъ никто, или почти никто, не знаетъ языка. Это именно обстоятельство, что послѣ столькихъ лѣтъ работы никто не знаетъ латинскаго языка, и возбуждаетъ къ нему въ обществѣ отвращеніе. „Удивительно,—говорилъ Симонъ:—въ продолженіе восьми лѣтъ принуждаютъ учениковъ склонять, спрягать, переводить и даже составлять стихи на обоихъ языкахъ, но знаютъ ли они, по крайней мѣрѣ, эти языки въ концѣ этихъ восьми лѣтъ? На 30 учениковъ въ классѣ, которые въ продолженіе восьми лѣтъ занимались всѣми этими упражненіями, не найдется и 10, бывшихъ въ состояніи переводить Виргилія. Вмѣстѣ съ латинскимъ и греческимъ языками, всѣ прочія науки находились въ такомъ же самомъ состояніи. Грустно смотрѣть на молодыхъ людей, окончившихъ коллегіи и не имѣвшихъ понятія объ естественныхъ наукахъ, и только съ очень поверхностными свѣденіями изъ исторіи и географіи“. И Бреаль утверждаетъ, что ученики занимались латынью нѣсколько часовъ въ день въ продолженіе 8—9 лѣтъ, и, тѣмъ не менѣе, достигали очень незначительныхъ результатовъ (à un si mince résultat). Даже самые лучшіе, оканчивая школу, не выносили изъ нея вкуса къ древней словесности. Между учениками, оставляющими коллегію, даже одинъ на десять не былъ въ состояніи читать латинскаго автора, и одинъ на сто не хотѣлъ задать себѣ этого труда. Относительно греческаго языка Фрари полагаетъ, что старый университетъ пренебрегалъ имъ съ

Digitized by Google

сонливымъ равнодушіемъ, новый же не былъ въ состояніи возвысить его преподаванія. Чрезмѣрное множество новыхъ наукъ препятствовало тому рѣшительно. Вслѣдствіе того ему вовсе не обучали, и вопросъ этотъ былъ рѣшенъ уже фактически. Университетъ доказалъ свою неспособность обучать греческому языку; оспаривать же этотъ фактъ было бы оспариваніемъ неопровержимаго факта. Желать устранить его—было бы плыть противъ теченія, такъ какъ нѣтъ науки, которой ученики не старались бы забыть какъ можно скорѣе. Вообще, по мнѣнію Фрари, 19—20 учениковъ не выносятъ пользы изъ наукъ, преподаваемыхъ имъ въ школѣ.

Послѣ приведенія столькихъ авторитетныхъ мнѣній мы можемъ считать себя вполнѣ освобожденными отъ приведенія другихъ, которыя подтверждали бы то же самое, а именно: несоотвѣтственную пользу, выносимую учениками изъ школы, и очень ограниченныя познанія ихъ въ греческомъ и латинскомъ языкѣ. Впрочемъ, иначе и быть не могло, такъ какъ другіе недостатки французскихъ коллегій, о которыхъ дальше будемъ говорить, неминуемо вели къ тому же результату. Недостаточное, однакожъ, знаніе древнихъ языковъ, бывшее послѣдствіемъ плохой программы преподаванія и плохого метода обученія, можно бы еще до извѣстной степени оправдать, еслибы одновременно съ этимъ не вытекали изъ этого еще болѣе вредныя и болѣе опасныя послѣдствія. Къ послѣдствіямъ же такимъ можно прежде всего причислить отвращеніе вообще молодежи къ наукѣ, истребленіе въ ней всякой наклонности къ самостоятельному мышленію и къ умственному труду. Еще въ 1831 г., Гизо писалъ, „что сынъ его преисполненъ отвращенія къ древнему міру, est dégouté de l'ancien monde; что нужно было употребить на него все вліяніе, чтобы послѣдній годъ латинскаго и греческаго языка въ школахъ не опротивѣлъ ему окончательно. Очевидно, что-то кроется въ школьномъ обученіи, что̀ не отвѣчаетъ настоящему положенію вещей, естественнымъ наклонностямъ общества и умовъ. Обученіе это слишкомъ сухо и слишкомъ медленно. Слишкомъ большое разстояніе отдѣляетъ коллегію отъ умственной сферы дѣйствительнаго міра. Правду сказать, вся система нашего школьнаго образованія устроена по образцу нашего древняго общества“. Отвращеніе это, на которое жаловался Гизо, сдѣлалось впослѣдствіи явленіемъ общимъ у молодежи. Фернейль говоритъ, что вообще всѣ жалуются на то, что молодежь руководящихъ классовъ ничѣмъ не интересуется, что всѣ умственныя удовольствія оставляютъ ее холодною и равнодушною, что она теряетъ все

Digitized by Google

болѣе и болѣе вкусъ къ чтенію и даже къ разговору. Но иначе быть не могло, такъ какъ интернаты, методъ обученія, дрессировка, на которую была присуждена молодежь, экзаменныя требованія на степень баккалавра,—все это, вмѣстѣ взятое, по словамъ Симона, способствовало къ тому, чтобы школьное обученіе дѣйствовало притупляющимъ, но не развивающимъ образомъ: „Молодежь, не видя непосредственной пользы отъ образованія, доставляемаго ей въ школѣ, пропитывалась къ нему отвращеніемъ, торопилась закрыть свои латинскія и греческія книги и поскорѣе забыть ту кроху знанія, которую изъ нихъ выносила. Потомъ лѣнивымъ не хотѣлось начинать съизнова образованія, болѣе отвѣчающаго ихъ потребностямъ; болѣе трудолюбивые, хотѣли бы вознаградить потерянное время, но ежедневныя занятія мѣшали имъ въ этомъ“... „Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что средняго образованія нельзя оцѣнивать по его непосредственной полезности, что цѣль его состоитъ не въ приготовленіи молодежи къ извѣстнымъ спеціальнымъ занятіямъ, но только въ снабженіи ея общимъ образованіемъ, которое только впослѣдствіи принесетъ свои плоды. Дѣйствительность, однакожъ, обращаетъ въ ничто всѣ эти ожиданія. Безъ преувеличенія въ краскахъ, довольно поговорить нѣсколько минутъ съ большинствомъ молодыхъ людей, принадлежащихъ къ нашимъ лучшимъ семействамъ, чтобы испугаться той умственной пустоты, того недостатка всякаго умственнаго возбужденія, характеризующаго эти двадцатилѣтніе мозги“. ...„Нѣсколько лѣтъ спустя, не останется ни слѣда того научнаго лака, который былъ доставленъ имъ въ школѣ. Этого одного уже было бы достаточно для безапелляціоннаго осужденія системы образованія, ведущей къ подобнымъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ, скорѣе можно простить училищамъ то, что они не доставляютъ ученикамъ извѣстныхъ положительныхъ свѣденій, чѣмъ убиваніе въ нихъ самостоятельнаго мышленія, охоты къ труду, наукѣ, этихъ необходимыхъ условій всякаго прогресса“...

Какое же вліяніе классическая система производила во Франціи въ экономическомъ отношеніи? И на этотъ вопросъ нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта. „Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на этотъ предметъ,—говоритъ Фрари,—каждый долженъ признать, что благосостояніе всякой страны зависитъ въ значительной степени отъ того, какимъ образомъ распредѣлены въ ней различныя занятія, кто имъ посвящаетъ себя и какое вліяніе производитъ школьное образованіе на будущія занятія молодыхъ людей. Нужно, чтобы каждое мѣсто, каждая должность, общественная или частная, были заняты людьми соотвѣтственно приготовленными, чтобы

Digitized by Google

въ извѣстныхъ занятіяхъ не было избытка, а въ другихъ—недостатка людей. Уничтоженіе равновѣсія въ этомъ отношеніи доказываетъ общественную болѣзнь—ипертрофію, съ одной, и атрофію, съ другой стороны. Если слишкомъ много молодыхъ людей обращается къ извѣстному занятію, тогда они не будутъ въ состояніи найти въ немъ соотвѣтственнаго мѣста, тогда они будутъ сбиты съ пути,—а такіе люди, извѣстно, составляютъ самое большое бѣдствіе для общества. Это классъ самый опасный,—классъ недовольныхъ, постоянная причина безпорядковъ и общественныхъ смутъ. Изъ этого видно, насколько важно для государства и общества, чтобы не было этихъ déclassés, чтобы молодое поколѣніе обратилось къ продуктивнымъ занятіямъ. Между тѣмъ исключительно классическое образованіе не приготовляетъ его къ этимъ занятіямъ. Большинство bacheliers-ès-lettres стремилось на государственную службу, но хотя бы государственныхъ должностей было больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ, то и тогда не было бы ихъ довольно. На каждую должность приходилось по 10 кандидатовъ, такъ что вообще во Франціи 2 милліона людей хотѣли бы жить на счетъ государства. Нельзя, однакожъ, удивляться баккалаврамъ. Десять лѣтъ они были принуждены восхищаться красотами прошедшаго, котораго не понимали, обучаться языку, на которомъ почти читать не умѣли, получать образованіе не такое, въ какомъ нуждались, согласно своимъ будущимъ занятіямъ, но образованіе, основанное на извѣстныхъ теоретическихъ началахъ и устарѣвшемъ преданіи [1]). Къ чему же другому классики были способны въ обществѣ новомъ, въ эпоху торговли и промышленности, съ столь сухимъ и непрактичнымъ образованіемъ? Они были принуждены обратиться къ такъ-называемымъ либеральнымъ званіямъ, требующимъ извѣстной ловкости пера или слова, дѣлались журналистами или адвокатами. Изъ этого происходило переполненіе этихъ званій массою молодыхъ людей, которые на другомъ поприщѣ могли бы найти себѣ болѣе соотвѣтственное занятіе. Справедливо ли это,—заключаетъ Фрари,—по отношенію къ сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, направлять такимъ образомъ цвѣтъ молодежи только къ бюрократіи и адвокатурѣ? Нельзя сказать, чтобы для самого государства было выгоднымъ или полезнымъ направлять столько тысячъ молодежи къ чиновничьей карьерѣ, въ которой она можетъ иногда найти горькія разочарованія, вмѣсто того чтобы предоставить ей

[1]) Почти слово въ слово повторилъ то же самое германскій императоръ Вильгельмъ II въ своей послѣдней рѣчи о классицизмѣ.

Digitized by Google

другія званія, въ которыхъ она можетъ достигнуть благополучія, довольства, будучи надлежащимъ образомъ приготовленною къ жизни. Уже сорокъ лѣтъ тому, жаловались во Франціи на то, что $^4/_5$ молодежи получали образованіе вполнѣ для нея безполезное" [1]).

Мы увидимъ ниже, что отношеніе это, въ сущности, сдѣлалось теперь еще хуже, а потому и вызвало настоятельное требованіе —въ самомъ корнѣ преобразовать школьный классицизмъ и во Франціи, какъ то наблюдается одновременно и въ Германіи, и въ Швеціи.

Ант. Окольскій.

[1]) M. d'Aulteroche. Réforme des études classiques, Par. 1847, стр. 14—15.

Digitized by Google

ПЕРВЫЕ ШАГИ

ПОВѢСТЬ.

Глава I.

Въ августѣ мѣсяцѣ, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, на николаевской станціи, изъ вагона третьяго класса торопливо вышелъ заспанный, смуглолицый, мѣшковатый молодой человѣкъ съ небольшой шелковистой бородкой, въ неказистомъ сѣромъ макферланѣ, и, щуря свои большіе, лучистые черные глаза, на секунду пріостановился, любопытно озираясь вокругъ, и затѣмъ рѣшительно двинулся въ толпу пассажировъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ съ утреннимъ московскимъ поѣздомъ.

И костюмъ, и манеры, и нѣсколько растерянный видъ—обличали провинціала. Онъ былъ средняго роста, плечистъ, плотенъ, очень недуренъ собой, и въ своей потертой „сомбреро", изъ-подъ которой выбивались славныя черныя кудри, сильно смахивалъ на итальянца, хотя ни одного итальянца въ числѣ своихъ предковъ не считалъ и былъ коренного русскаго происхожденія.

Звали его Павломъ Стрепетовымъ.

Молодой человѣкъ медленно подвигался въ многолюдной толпѣ, и на его широкомъ, румяномъ лицѣ, дышавшемъ здоровою свѣжестью ранней молодости, отражалось чувство радости и смущенія. Ему было и весело, и жутко, что онъ, наконецъ, въ Петербургѣ, куда стремился, полный надеждъ устроить свою судьбу. И пока глаза его машинально останавливались на спинахъ и затылкахъ тѣснившихся передъ нимъ людей, въ головѣ нашего молодого человѣка проносились все тѣ же мысли, которыя не оставляли его во все время длиннаго путешествія изъ Самары, откуда,

Digitized by Google

ровно десять дней тому назадъ, старушка-мать и подростки-сестры провожали своего любимца Павлика со слезами и съ надеждами, что Павликъ скоро порадуетъ ихъ вѣстями о полученіи мѣста.

...„Разумѣется, онъ скоро получитъ мѣсто. Гдѣ же и хлопотать, какъ не въ Петербургѣ? Требованія вѣдь у него скромныя, мечты не заносчивыя. У него, слава Богу, дипломъ, въ прошломъ никакихъ „исторій“—и вдобавокъ, рекомендательныя письма!“...

И Стрепетовъ нащупалъ боковой карманъ, цѣлы ли эти сокровища.

...„Письма чего-нибудь да стоютъ! Сейчасъ видно, что не съ вѣтра человѣкъ. И, наконецъ, эта двоюродная тетушка, Валентина Марковна!.. Въ случаѣ крайности, можно и къ ней обратиться,—пусть похлопочетъ“...

Вѣроятно, подъ вліяніемъ такихъ утѣшительныхъ мыслей, молодой человѣкъ даже ускорилъ шаги и отважно проталкивался впередъ, словно закипая нетерпѣніемъ поскорѣе предъявить Петербургу рекомендательныя письма вмѣстѣ со своей особой, преисполненной добрыми намѣреніями приложить куда-нибудь молодыя силы и завоевать себѣ кусокъ хлѣба.

Стрепетовъ былъ почти уже у дверей, гдѣ особенно тѣснилась публика, какъ вдругъ остановился съ видомъ человѣка, не то пораженнаго внезапной мыслью, не то обронившаго бумажникъ съ деньгами. Не особенно обращая вниманіе на толчки, онъ повернулъ голову и искалъ глазами кого-то въ толпѣ, напиравшей сзади.

— Нашли мѣсто для наблюденій, нечего сказать! Да проходите же куда-нибудь, милостивый государь!—проговорилъ надъ самымъ его ухомъ какой-то пожилой господинъ тѣмъ придирчивымъ, раздражительнымъ тономъ, какимъ умѣютъ говорить петербуржцы, и особенно чиновники.

„Милостивый государь“ стремительно бросился въ сторону и чуть-было не сшибъ съ ногъ маленькую, толстенькую старушку съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ въ одной рукѣ и кудрявой собачонкой въ красной попонѣ—на другой. Получивъ, несмотря на самыя добросовѣстныя извиненія, брюзгливое старушечье: „невѣжа!“, Стрепетовъ выбрался, наконецъ, изъ толпы и, раскраснѣвшійся и сконфуженный, стараясь однако сохранить видъ полнѣйшаго равнодушія, вытянулъ впередъ голову, вглядываясь въ проходящихъ пассажировъ.

Вдругъ радостная улыбка разлилась широкой волной по его лицу, засвѣтилась чѣмъ-то дѣтскимъ въ глазахъ и добродушно

Digitized by Google

растянула ротъ, открывая рядъ сверкающихъ бѣлизною зубовъ. И въ то же мгновеніе молодой человѣкъ громко, слишкомъ даже громко для чиннаго Петербурга, крикнулъ, махая въ толпу шляпой:

— Римма Михайловна! Римма Михайловна!

Проходившій мимо высокій, худой, франтоватый молодой человѣкъ, въ полосатомъ длинноломъ пальто-халатѣ съ многочисленными пелеринками, даже вздрогнулъ отъ этого неожиданнаго окрика. Онъ смѣрилъ Стрепетова быстрымъ насмѣшливымъ взглядомъ черезъ монокль, усмѣхнулся и довольно громко проговорилъ, обращаясь къ своему спутнику:

— Голосиста святая провинція. Вѣрно, новый пѣвчій. Теноръ di forza!

„Провинція“, не думавшая поступать въ „пѣвчіе“, хотя и вспыхнула, но не обратила вниманія на насмѣшку, торопясь на встрѣчу къ стройной, небольшого роста молодой женщинѣ, которая плывущей, граціозной походкой, нѣсколько удивленная и сконфуженная, шла къ молодому человѣку.

„Волнуясь и спѣша“, Стрепетовъ сталъ извиняться, что осмѣлился такъ безцеремонно окликнуть Римму Михайловну. Но онъ не видалъ другого исхода, чтобы не оказаться въ ея мнѣніи невѣжей. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ ѣхали десять дней, она такъ дружески обходилась съ нимъ, познакомившись на пароходѣ, такъ обязательно отвѣчала на его безконечные разспросы о Петербургѣ, а онъ даже не поблагодарилъ ее, не простился. Что могла она о немъ подумать? Дѣло въ томъ, что онъ проспалъ Петербургъ, выскочилъ изъ вагона какъ полоумный и...

— Да вы не извиняйтесь. Право, я ничего не подумала!— остановила Стрепетова Римма Михайловна, глядя съ невольной улыбкой на этого наивнаго степняка, вздумавшаго изливать чувства признательности на платформѣ.

Но, въ качествѣ „святой провинціи“, Стрепетовъ не принялъ въ соображеніе, что его дорожная спутница торопится, и не сразу остановился въ своихъ изліяніяхъ. Ему впервые довелось познакомиться съ петербургской слушательницей медицинскихъ курсовъ, оканчивающей ученье. Восхищенный ея простотой и скромностью, тронутый заботливостью, съ какою эта дѣвушка, сама утомленная, возилась на пароходѣ съ захворавшимъ ребенкомъ палубной пассажирки, Стрепетовъ проникся къ дѣвушкѣ почтительной восторженностью, стараясь оказывать ей всякія услуги, и потому считалъ теперь своимъ „святымъ долгомъ“ еще разъ засвидѣтельствовать, что онъ не невѣжа, какъ должна была бы подумать Римма Михайловна, и затѣмъ уже воскликнулъ, нѣ-

Digitized by Google

сколько умѣряя, въ виду публики, свой звучный теноръ di forza:

— Отъ всего сердца желаю вамъ сдѣлаться знаменитымъ докторомъ, быть счастливой, здоровой, веселой... ну, однимъ словомъ, всего, всего хорошаго!—съ искреннимъ чувствомъ прибавилъ Стрепетовъ, не зная, чего еще пожелать, но очевидно готовый пожелать Риммѣ Михайловнѣ хоть корону, еслибы она захотѣла ее.

Римма Михайловна даже нѣсколько сконфузилась отъ такой горячности пожеланій своего дорожнаго спутника.

— Спасибо, спасибо вамъ!—торопливо отвѣчала она, тихимъ, необыкновенно мягкимъ, голосомъ съ контральтовыми нотами.— Желаю и вамъ успѣховъ въ Питерѣ! Здоровья вамъ, кажется, желать нечего? У васъ его довольно!—привѣтно улыбнулась она, протягивая маленькую руку въ темной шведской перчаткѣ. Однако, пойдемте!

Они пошли вмѣстѣ къ выходу. Дорогой Стрепетовъ спросилъ:

— А васъ такъ и не встрѣтили? Вы, кажется, ждали кого-то, Римма Михайловна?

При этомъ неожиданномъ вопросѣ Римма Михайловна встрепенулась, слегка покраснѣла, и губа ея, подернутая темнымъ пушкомъ, судорожно вздрогнула.

— Вѣрно моя телеграмма опоздала! — проронила она нѣсколько словъ, наклоняя свою маленькую, красиво посаженную голову.

— Да вѣдь вы ее вчера послали! — продолжалъ Стрепетовъ, не замѣтившій волненія Риммы Михайловны.

— Такъ что-жъ? Все равно, могла опоздать! — нетерпѣливо проговорила дѣвушка, прибавляя шагу.

Молодой человѣкъ догадался замолчать.

Они вошли въ большія сѣни у выхода съ дебаркадера и смѣшались съ толпой.

Тамъ, въ ожиданіи багажа, шла обычная шумливая суета.

Поминутно раздавались безпокойные окрики, торопливыя, отрывистыя восклицанія, то гнѣвныя, то испуганныя, всѣхъ этихъ волнующихся пассажировъ, въ особенности дамъ, безтолково метавшихся и спѣшившихъ словно на пожаръ.

Ловко лавируя въ толпѣ и прося поберечься, то-и-дѣло сновали коренастые носильщики съ большими чемоданами и сундуками на могучихъ плечахъ, а выстроившіеся въ рядъ отельные швейцары, галантно приподнимая свои фуражки, выкрикивали въ упоръ проходящимъ названія гостинницъ, выхваливая ихъ удобства.

Digitized by Google

Пассажировъ съ этимъ поѣздомъ пріѣхало множество. Особенно было много отцовъ и маменекъ съ подростками и молодыхъ людей и барышенъ, наѣзжающихъ въ столицу ко времени пріемныхъ экзаменовъ. Вся эта, нахлынувшая изъ разныхъ угловъ Россіи, молодая, шумливая публика, съ румяными, свѣжими щеками, рѣзко выдѣлявшимися среди истощенныхъ, блѣдно-зеленыхъ петербургскихъ лицъ, пріѣхавшая въ Петербургъ, полная надеждъ пробраться въ тѣсныя двери разныхъ храмовъ науки, глядѣла бодро и весело, не предвидя еще ни грядущихъ бѣдъ и разочарованій изъ-за какой-нибудь одной „тройки“, ни скорой потери свѣжаго цвѣта лица, здоровья и часто самой надежды добиться высшаго образованія и куска хлѣба...

На этомъ небольшомъ пространствѣ случайнаго сборища жизнь проявлялась въ своихъ обычныхъ поразительныхъ контрастахъ, не обращая на себя ничьего особеннаго вниманія. Тутъ сцена радостнаго свиданія счастливыхъ молодыхъ супруговъ, веселье, улыбки и смѣхъ, а рядомъ—печальныя лица, глубокій трауръ, молчаливая скорбь и тихо льющіяся слезы при встрѣчѣ. Неизбѣжная на вокзалѣ почтенная старушка, только-что потерявшая сакъ-вояжъ, гдѣ лежали деньги, и которая съ обезумѣвшимъ отъ ужаса лицомъ безпомощно мечется во всѣ стороны, удивляясь всеобщему равнодушію, конечно, была тутъ, дополняя обычную картину, также какъ и вотъ этотъ, непомѣрно толстый и неуклюжій купчина съ обличьемъ захолустнаго „медвѣдя“, неожиданно попавшаго въ толпу, который, смущенно озираясь вокругъ тупымъ взоромъ, еще разъ прощается съ подкрашенной, пестрой, вертлявой дамой подержаннаго вида, своей случайной знакомой между Петербургомъ и Москвой, развлекавшей богатаго сибирскаго „медвѣдя“ въ уединеніи отдѣльнаго купэ.

Эта разнообразная толпа волнуется, шумитъ и суетится. У многихъ на лицахъ озабоченность, нетерпѣніе и то выраженіе безпричиннаго тупого испуга, которое обыкновенно бываетъ на физіономіяхъ русскихъ людей во всякихъ публичныхъ мѣстахъ и на всякихъ сборищахъ.

Римма Михайловна послала носильщика за своимъ багажемъ, а сама отошла къ окну. Грустная стояла она среди этого шума, бросая по временамъ въ толпу безпокойные взгляды, словно поджидая кого-то.

Вся ея небольшая, стройная фигурка дышала изяществомъ и застѣнчивой простотой мало думающихъ о себѣ женщинъ. Ея худощавое, нѣсколько утомленное лицо съ густыми черными бро-

Digitized by Google

вями, красивымъ носомъ и тонко очерченными линіями губъ и подбородка не бросалось сразу въ глаза, но чѣмъ болѣе вы въ него вглядывались, тѣмъ милѣе и привлекательнѣе становилась его красота. Что-то строго-цѣломудренное, самоотверженное и кроткое, напоминающее лица монахинь, какими писали ихъ старые мастера, было въ мягкихъ, красивыхъ чертахъ дѣвушки и особенно въ выраженіи ея большихъ бархатныхъ черныхъ глазъ, полуприкрытыхъ длинными густыми рѣсницами. Трудно было опредѣлить на видъ, сколько ей лѣтъ: могло быть и двадцать-пять, могло быть и значительно больше.

И въ костюмѣ ея было что-то монастырское, строгое, но въ то же время полное вкуса и изящной простоты. Темное, наглухо застегнутое пальто плотно охватывало ея гибкій, нѣжный станъ; черная кашемировая юбка оставляла открытыми маленькія ноги въ ботинкахъ на двойной подошвѣ; бѣлоснѣжный фуляръ окутывалъ ея шею, а круглая шляпа изъ черной соломы, съ черной лентой вокругъ, покрывала роскошные черные волосы, судя по тяжелымъ густымъ косамъ, собраннымъ сзади.

— Что-жъ вы не нанимаете комнаты?—сказала Римма Михайловна, замѣтивъ снова подлѣ себя Стрепетова, робко посматривавшаго на стоявшихъ невдалекѣ многочисленныхъ представителей меблированныхъ комнатъ, которые, словно собаки, бросались на пассажировъ, выхваляя свои удобные, превосходные и дешевые номера.

— Да не знаю, кому изъ этихъ разбойниковъ вручить свою судьбу!

— Все равно. Пока остановитесь гдѣ-нибудь, а потомъ пріищите комнату отъ жильцовъ, какъ я вамъ говорила. А вашъ багажъ?

— Я еще не взялъ.

— Такъ берите. Въ той залѣ выдаютъ. Вотъ и мой чемоданъ!—обрадовалась Римма Михайловна, замѣтивъ носильщика.—Еще разъ прощайте, Павелъ Сергѣевичъ!

— Неужто такъ и конецъ нашему знакомству, Римма Михайловна?—неожиданно воскликнулъ молодой человѣкъ.

И, не выждавъ отвѣта, прибавилъ:

— Простите мою назойливость, позвольте какъ-нибудь навѣстить васъ. Можно? У меня вѣдь здѣсь ни души знакомыхъ!—прибавилъ онъ, какъ бы въ оправданіе своей просьбы.

Римма Михайловна мгновеніе колебалась. Но, взглянувъ на сконфуженное лицо Стрепетова, который, казалось, самъ испугался своей храбрости, торопливо проговорила:

Digitized by Google

— Заходите, заходите, пожалуйста. Но только я васъ должна предупредить, что зимой у мена экзамены, и я буду очень занята!—серьезно и внушительно прибавила дѣвушка.

— О, я вамъ не помѣшаю!—воскликнулъ молодой человѣкъ, видимо обрадованный.—Я какъ-нибудь забѣгу къ вамъ на четверть часа, всего на четверть часа, если позволите. А коли не во-время, вы только заикнитесь: „Стрепетовъ, исчезните!"—и я исчезну.

Римма Михайловна невольно улыбнулась, слушая эти слова и глядя на это жизнерадостное, красивое лицо, отъ котораго такъ и вѣяло свѣжестью непотраченныхъ силъ и какой-то наивной восторженностью довѣрчивой души, полной надеждъ и жаждущей счастья. Она сказала Стрепетову свой адресъ, прибавивъ, что по воскресеньямъ вечеромъ бываетъ свободна.

И Стрепетовъ порывисто благодарилъ, точно ему сдѣлали величайшую услугу.

Глава II.

— А я-то васъ вездѣ ищу, Римма Михайловна! — совсѣмъ неожиданно раздались около нихъ звуки мягкаго, нѣжнаго баритона, и высокій, плотный, представительный господинъ лѣтъ за тридцать, гладкій, чистый и свѣжій, какъ и безукоризненный его лѣтній костюмъ, дружески протягивалъ дѣвушкѣ руку.

Онъ мелькомъ взглянулъ на отошедшаго молодого человѣка и продолжалъ:

— Чуть было, благодаря извозчику, не опоздалъ. Отвратительно везъ. Да какъ же вы поправились, Римма Михайловна! Совсѣмъ расцвѣли, право! Кумысъ оживилъ васъ!—говорилъ онъ тѣмъ же мягкимъ, ласковымъ тономъ, вглядываясь съ улыбкой въ лицо дѣвушки и тихо выпуская ея вздрагивавшую руку.—Давайте-ка ваши доспѣхи!—И онъ принялъ изъ рукъ Риммы Михайловны сакъ-вояжъ и зонтикъ.—Чемоданъ одинъ? А какой, братецъ, у тебя нумеръ?—обратился онъ къ носильщику.—Девятнадцатый? Отлично! Ну, какъ вы проводили время въ степи? Зубрили и тамъ?—продолжалъ онъ, ласково улыбаясь.—А Вѣнецкая не могла пріѣхать. Я показывалъ ей вчера вашу телеграмму. Сегодня у нихъ въ больницѣ операція, и она, разумѣется, не могла лишить себя такого удовольствія.

Первую минуту Римма Михайловна, казалось, не слыхала, что̀ ей говорятъ, о чемъ спрашиваютъ. Смущенная, глядѣла она на этого господина долгимъ, неотрывающимся взглядомъ, и яркая

Digitized by Google

краска тихо заливала ея щеки, а большіе глаза загорались блескомъ счастія.

Смущеніе длилось нѣсколько секундъ. Она вдругъ какъ-то вся ушла въ себя, отвела глаза и поспѣшила отвѣчать на вопросы.

„Она чувствуетъ себя отлично, кумысъ ее поправилъ; работала мало, больше читала“,—говорила Римма Михайловна, повидимому, спокойно, но гдѣ-то далеко въ груди дрожала нотка, обличавшая душевное волненіе.

Стрепетовъ, стоявшій въ сторонѣ, былъ невольнымъ свидѣтелемъ перваго момента этой встрѣчи, и его поразила перемѣна, происшедшая съ Риммой Михайловной. Такою онъ ее не видалъ. Она точно преобразилась: помолодѣла, похорошѣла, оживилась. И только теперь, въ первый разъ, нашъ молодой человѣкъ замѣтилъ, что его дорожная спутница очень недурна собой и вовсе не старая дѣва, какъ она себя называла и какою сперва казалась Стрепетову.

„Она положительно красива!“—мысленно повторялъ молодой человѣкъ, любуясь Риммой Михайловной.

Ему даже стало обидно, что этотъ благоухающій, представительный блондинъ, съ свѣтло-русой выхоленной бородой и голубыми глазами, повидимому, не такъ былъ обрадованъ встрѣчей, какъ обрадована была Римма Михайловна. Ему казалось, что во взглядѣ блондина, мягкомъ и ласковомъ, совсѣмъ не было того трепета радостнаго счастья, который охватилъ все существо дѣвушки въ первый моментъ свиданія.

„И на извозчика жаловался. И нумеръ не забылъ спросить у носильщика! Какой аккуратный!“—почему-то вспомнилъ Стрепетовъ и сдѣлалъ мысленную оцѣнку, далеко не благопріятную для блондина, стараясь надѣлить его всѣми отрицательными качествами.

„Такъ вотъ кому посылала она телеграмму и кого такъ ждала! А онъ чуть не опоздалъ!“—подумалъ молодой человѣкъ, обиженный за дѣвушку и положительно не взлюбившій красиваго блондина.

Онъ обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на нихъ. Но ихъ уже не было.

„Чудная дѣвушка!“—восторженно прошепталъ молодой человѣкъ, чувствуя себя теперь еще болѣе одинокимъ среди шумной толпы,—и записалъ ея адресъ въ свою записную книжку.

Digitized by Google

Глава III.

— Вамъ требуется комната, господинъ?

Съ этими словами, произнесенными почти шопотомъ, къ Стрепетову обратился низенькій, бѣлобрысый старичокъ въ лѣтней коломянковой парѣ, прикладывая два пальца къ козырьку фуражки, на околышѣ которой красовалась мѣдная бляха съ надписью: „Меблированныя комнаты".

Съ таинственнымъ видомъ, словно собираясь сообщить необыкновенно важный секретъ, этотъ старичокъ, напоминавшій гладко выбритымъ птичьимъ лицомъ и всей своей повадкой прежняго дворовaго, выдресированнаго столицей, продолжалъ тѣмъ же конфиденціальнымъ тономъ:

— Могу отрекомендовать вамъ, господинъ, у себя преотличный номерокъ... Самъ хозяинъ... Прихожу самолично встрѣчать путешественниковъ.. Ипатъ Никитичъ Лукачевъ! — отрекомендовался онъ, снова прикладываясь подъ козырекъ и оглядывая маленькими юркими глазками и самого Стрепетова, и ручной его багажъ, съ видомъ опытнаго цѣнителя и людей, и ихъ имущества.

И, не дожидаясь согласія, онъ уже протягивалъ руку за чемоданомъ.

— А гдѣ ваши нумера?

— Мои нумера?—переспросилъ онъ тономъ удивленія, что не знаютъ его номеровъ.—Рукой подать, на Лиговкѣ, близь Невскаго... Не изволите знать-съ? Въ первый разъ посѣщаете нашу столицу?

— Въ первый.

Этотъ отвѣтъ произвелъ, повидимому, на господина Лукачева весьма пріятное впечатлѣніе, и онъ съ большимъ оживленіемъ продолжалъ:

— Такъ доложу вамъ, господинъ, мои нумера, чтобъ не соврать, этакъ шагахъ во ста отъ вокзала, сейчасъ за мостомъ. Извозчикъ—и въ карманѣ-съ! А мѣсто хорошее, бойкое мѣсто... Невскій—плюнуть! Конки—куда угодно-съ!.. Пожалуйте чемоданчикъ?

— У васъ, быть можетъ, дорогіе нумера, а мнѣ бы недорогую комнату!—все еще не рѣшался Стрепетовъ, напуганный разсказами о дороговизнѣ въ столицѣ.

— Зачѣмъ дорогую!.. Дорогихъ нумеровъ, признаться, господинъ, я и не держу, по причинѣ, что мое гарни, прямо сказать, семейное, болѣе для скромнаго и образованнаго путеше-

Digitized by Google

ственника, а не то чтобы для какихъ-нибудь капиталистовъ.. Семьдесятъ-пять копѣекъ въ сутки, съ самоваромъ, а ежели помѣсячно, такъ очень даже сходно сойдемся... Препріятный есть у меня для васъ нумерокъ, господинъ!

И, взявъ изъ рукъ Стрепетова чемоданъ, Ипатъ Никитичъ предложилъ идти.

— А багажъ? У меня еще сундукъ есть!

— Есть?—пріятно удивился старикъ.—А я, извините, полагалъ... Многіе путешественники, случаются, прибываютъ и безъ онаго, на легкѣ-съ... Багажъ послѣ слѣдуетъ... Но если одновременно, то оно даже и лучше-съ. Пожалуйте квитокъ... Я однимъ моментомъ... Тутъ у меня носильщикъ есть знакомый, такъ онъ намъ за полтину какой угодно сундукъ сволокетъ!—таинственно говорилъ Ипатъ Никитичъ.—А извозчикъ меньше рубля не возьметъ. Здѣсь народъ! Рады оболванить пріѣзжаго человѣка!—негодующимъ тономъ прибавилъ старикъ, соображая, что четвертакъ останется въ карманѣ.—У насъ въ Петербургѣ, господинъ, надо очень съ разсудкомъ!

Черезъ нѣсколько минутъ Ипатъ Никитичъ вернулся въ сопровожденіи носильщика, и они втроемъ вышли съ вокзала.

Петербургъ встрѣтилъ новаго своего гостя привѣтливо: яркимъ солнечнымъ августовскимъ утромъ. Оно весело сверкало на куполѣ Знаменья, искрилось въ окнахъ, обливало блескомъ площадь, оживленную разъѣздомъ экипажей, движеніемъ конокъ и толпой мужиковъ и бабъ, прибывшихъ съ поѣздомъ, и словно отвѣчало бодрому и радостному настроенію, охватившему молодого человѣка при видѣ столицы.

Между тѣмъ любопытный Ипатъ Никитичъ разспрашивалъ Стрепетова: на долго ли онъ пріѣхалъ, для ученія или такъ, по своимъ дѣламъ, и когда узналъ, что молодой человѣкъ пріѣхалъ искать мѣста, то замѣтилъ:

— Мои нумера, господинъ, насчетъ мѣстовъ счастливые... Недавно еще одинъ маіоръ изъ Смоленска очень одобрялъ: жилъ, говоритъ, въ гостинницѣ, и все не выходило мѣста, а отъ васъ, говоритъ, сразу вышло... Третьяго дня только въ Ташкентъ уѣхалъ... А сами, господинъ, издалека?

— Изъ Самары.

— Сродственники здѣсь?—допрашивалъ Ипатъ Никитичъ.

— Тетка есть...

— Это хорошо, ежели тетенька,—все родная кровь, не одни будете. А то другой пріѣдетъ, и какъ перстъ... Смотришь, отъ скуки и ухаетъ деньги по трактирамъ да по театрамъ...

Digitized by Google

Они перешли мостъ черезъ Лиговку и, своротивъ налѣво по набережной, скоро пришли къ небольшому, покосившемуся двухъ-этажному деревянному дому, казавшемуся совсѣмъ маленькимъ и мизернымъ между двумя, сдавившими его, красивыми домами-великанами.

— Сюда-съ!

Когда, поднявшись на площадку второго этажа, Стрепетовъ, вслѣдъ за Ипатомъ Никитичемъ, вошелъ въ измызганныя двери и очутился въ узкомъ, полутемномъ корридорѣ, его сразу обдало тѣмъ тяжелымъ, прокислымъ запахомъ, который составляетъ специфическую особенность дешевыхъ меблированныхъ комнатъ.

— Однако, вонь!—замѣтилъ молодой человѣкъ, останавливаясь въ нерѣшительности.

— Не извольте безпокоиться, господинъ... Это съ улицы будто оказываетъ, а то у насъ воздухъ вольный!—успокоивалъ старикъ и поспѣшилъ ввести пойманнаго жильца въ одну изъ комнатъ, въ концѣ корридора.

— Не правда ли, веселенькій нумерокъ, господинъ?—не безъ торжественности воскликнулъ Ипатъ Никитичъ, смахивая по пути толстый слой пыли съ кривоногаго стола и отворяя окно.

„Веселенькій нумерокъ“ оказался крошечной, грязной комнатой въ одно окно, выходящее на дворъ, съ разнокалиберной, жалкой мебелью, попавшей сюда, очевидно, изъ апраксинскихъ трущобъ.

На Стрепетова, никогда не жившаго въ меблированныхъ комнатахъ и привыкшаго къ семейному уюту, эта мрачная, затхлая конура произвела неблагопріятное впечатлѣніе. Замѣтивъ это, господинъ Лукачевъ предложилъ другую комнату—„настоящій салонъ“, за которую никакъ нельзя взять меньше рубля въ сутки, но Стрепетовъ отклонилъ предложеніе.

Между тѣмъ Ипатъ Никитичъ видимо желалъ прилучить жильца, стараясь очаровать его своей предупредительностью. Онъ помогъ носильщику внести „сундучокъ“, подалъ совѣтъ, куда „приличнѣе“ его поставить, заглянулъ, есть ли въ рукомойникѣ вода, похлопалъ рукой по сбитому въ блинъ тюфяку, проговоривъ: „чистый волосъ!“—предложилъ распорядиться насчетъ чаю или кофе и кстати порекомендовалъ свои обѣды.

— За тридцать копѣекъ у меня обѣдъ изъ трехъ блюдъ, и по совѣсти могу сказать, что провизія у меня честная, не то что въ здѣшнихъ трактирахъ, гдѣ сдерутъ съ васъ деньги и подадутъ вамъ, съ позволенія сказать, дохлую кошку подъ соусомъ томатъ. А у меня нѣтъ заведенія, чтобы обманывать человѣка.

Digitized by Google

Я, сударь, люблю на честь... Котлета—такъ котлета! И прямо осмѣлюсь доложить вамъ: много вы денегъ сохраните въ вашемъ портуфелѣ, если наймете комнату помѣсячно и со столомъ. Я бы дешево вамъ уступилъ...

— „Убѣдительно, собака, убѣдительно поетъ!“ — раздался вдругъ изъ-за сосѣдней двери чей-то сиплый, пьяный голосъ, сопровождаемый заразительно веселымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

Ипатъ Никитичъ безпокойно повелъ плечами и, возвысивъ голосъ, предложилъ Стрепетову сейчасъ же подать самоварчикъ, какъ тотъ же голосъ изъ сосѣдней комнаты продолжалъ:

— Ахъ, Ипатъ, Ипатъ, практическій философъ Ипатъ! Затвни свой фонтанъ краснорѣчія и не ври какъ сивый меринъ!.. Несчастный путникъ, попавшій въ сію обитель, полную клопами,— кто бы ты ни былъ,—не вѣрь его котлетамъ, если не хочешь имѣть катарра желудка!.. Аминь!

И снова раздался оглушительный хохотъ, затѣмъ зашлепали туфли, и черезъ минуту все смолкло.

Въ отвѣтъ на вопросительный, улыбающійся взглядъ Стрепетова, смущенный Ипатъ Никитичъ проговорилъ таинственнымъ шопотомъ, укоризненно кивая головой:

— Запѣемъ страдаютъ-съ!.. Не извольте смущаться... Онъ въ другомъ нумерѣ стоитъ... Съ пьяна въ сосѣдній забрался; я двери-то на ключъ запру. А подите, образованный господинъ, изъ хорошей фамиліи, а до какой точки, можно сказать, дошелъ... Но только онъ смирный, очень смирный господинъ... а то бы я не держалъ, потому у меня, такъ сказать, гарни семейное. Господинъ Галанинъ почти-что ничего и не кушаетъ—какая ѣда при такой низкой слабости? ему бы сухарикъ пожевать, только и всего, а онъ—катарръ! А отказать—опять же жалко. Годъ у насъ живетъ... И господинъ-то хорошій; только какъ начнется у него эта болѣзнь, непремѣнно колѣнца отпускаетъ насчетъ будто котлетъ... Шутливаго нрава человѣкъ. А не будь у него этой самой слабости, пошла бы совсѣмъ другая, такъ сказать, абонировка жизни... Какое бы мѣсто могъ получить! Образованіе— первый сортъ, товарищи-то его все при большихъ мѣстахъ, многіе въ генеральскихъ званіяхъ... Нѣкоторые, которые не гнушаются, навѣщаютъ изрѣдка, а одинъ платитъ за него... Такъ ужъ вы не извольте, сударь, безпокоиться... Поживите у насъ да попробуйте наши обѣды, тогда и узнаете: катарръ или нѣтъ.

Стрепетовъ обѣщалъ подумать.

— То-то подумайте, а ужъ я вамъ, господинъ, и комнатку побольше дамъ, и мебель получше поставлю, и если насчетъ чего

Digitized by Google

прочаго, завсегда могу служить!—подчеркнулъ Ипатъ Никитичъ, подмигивая глазкомъ.—Я Петербургъ довольно отлично знаю, гдѣ и какъ молодому человѣку получить удовольствіе, чтобы благородно и недорого... А затѣмъ, позвольте обезпокоить касательно вашего документа... Нынче на этотъ счетъ весьма, можно сказать, требовательно...

Получивъ паспортъ и пожелавъ Стрепетову пріятнаго новоселья, Ипатъ Никитичъ ушелъ, не совсѣмъ увѣренный: побѣдилъ ли онъ жильца своимъ краснорѣчіемъ.

„И надо было этому пьяницѣ по нумерамъ шататься!“

Глава IV.

Заперевъ двери пустого сосѣдняго нумера на ключъ, Ипатъ Никитичъ тихо направился въ кухню. Вошелъ онъ туда словно крадучись, боязливо взглядывая на стоявшую у плиты, передъ закипавшимъ кофейникомъ, супругу, высокую, дебелую, нестарую еще женщину, въ грязноватомъ ситцевомъ капотѣ, плотно облегавшемъ формы внушительныхъ размѣровъ. Ея рыхлое, изжелта-бѣлое лицо съ веснушками сохраняло еще слѣды былой красоты. Она была, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на пятнадцать моложе мужа и казалась совсѣмъ великаншей передъ маленькимъ, тщедушнымъ Ипатомъ Никитичемъ.

— Кого привелъ?—отрывисто спросила она.

— Молодого господина. Изъ Самары пріѣхалъ мѣста искать. И съ багажемъ! Надо полагать, жилецъ будетъ аккуратный и долговременный, — прибавилъ Ипатъ Никитичъ задабривающимъ голоскомъ.

— Долговременный!? — передразнила жена, обращаясь къ мужу.

Въ ея большихъ голубыхъ, съ рѣзкимъ блескомъ, глазахъ засвѣтилось глубочайшее презрѣніе къ Ипату Никитичу.

— Долговременный!? — снова повторила она. — Простоитъ сутки, да и плюнетъ въ твою подлую харю.

— Никакъ не плюнетъ, Анна Ивановна!—осторожно возразилъ Ипатъ Никитичъ, пробираясь къ окну:—онъ первый разъ въ Петербургѣ и вообще...

— Что вообще? — опять передразнила супруга, перебивая рѣчь. — Ну, чего ты мажешь своимъ языкомъ?

— Простоватый, должно быть, господинъ. Въ родѣ будто пижона.

Digitized by Google

— Ты-то у насъ соколъ! Ахъ, какой соколъ, посмотрите, пожалуйста!—воскликнула Анна Ивановна, бросая на мужа уничтожающій взглядъ.—Туда же, какъ люди, вздумалъ завести гарни, а стула цѣлаго нигдѣ нѣтъ, вездѣ одна мерзость. Какой дуракъ станетъ жить въ такихъ трущобахъ!—продолжала она съ постепенно закипавшей злостью, подготовляясь, повидимому, къ дальнѣйшимъ, болѣе серьезнымъ, счетамъ.

Ипатъ Никитичъ съ виноватымъ видомъ стоялъ у окна, готовый выслушать потоки брани, лишь бы только Анна Ивановна не дошла въ своемъ гнѣвѣ до желанія задать Ипату Никитичу встрёпку.

Онъ привыкъ къ подобнымъ сценамъ. Онѣ повторялись почти каждый день, послѣ возвращенія съ вокзала, особенно если Ипатъ Никитичъ возвращался безъ путешественника, не успѣвши заманить кого-нибудь своимъ краснорѣчіемъ, сила котораго въ значительной мѣрѣ подогрѣвалась страхомъ передъ супругой.

Обыкновенно, Ипатъ Никитичъ не только выслушивалъ упреки и брань, но и переносилъ болѣе вразумительныя внушенія своей энергичной супруги со стоицизмомъ философа, въ почтительномъ молчаніи, пріученный къ манерѣ обращенія Анны Ивановны чуть ли не съ первыхъ же дней медоваго мѣсяца. Женатъ былъ Ипатъ Никитичъ всего лѣтъ пять, и хотя онъ женился въ пожилыхъ лѣтахъ, но—надо правду сказать—крайне легкомысленно, увлеченный роскошными формами бывшей ключницы одного ветхаго адмирала и не принявъ въ соображеніе другихъ ея качествъ.

Самая ядовитая и отборная брань сыпалась на голову Ипата Никитича, а гнѣвъ Анны Ивановны все еще не истощался, и Ипатъ Никитичъ уже готовился къ разрѣшающему аккорду, въ видѣ финальной встрёпки, какъ на порогѣ кухни появилась молодая дѣвушка, хорошенькая блондинка съ сѣрыми бойкими глазками и вздернутымъ носикомъ, придававшимъ ея свѣжему личику задорное выраженіе.

— Маменька! Вы опять на всю квартиру скандалите!—проговорила съ упрекомъ дѣвушка.

При звукахъ этого свѣжаго, звонкаго голоска Анна Ивановна нѣсколько смутилась и тотчасъ же понизила тонъ, а Ипатъ Никитичъ благодарнымъ взглядомъ смотрѣлъ на свою спасительницу.

— Идите, Ипатъ Никитичъ, въ комнату. Я вамъ сейчасъ принесу кофе. Вѣдь вы съ утра ничего не пили! — продолжала дѣвушка.

Ипатъ Никитичъ, разумѣется, не заставилъ себя ждать. Подъ охраной падчерицы онъ торопливо вышелъ изъ кухни въ ком-

Digitized by Google

нату, занимаемую супругой и ея дочкой, и, пріотворивъ двери, слышалъ, какъ дѣвушка упрекала мать за ея обращеніе съ Ипатомъ Никитичемъ.

— А еще чужая!—повторялъ растроганный старикъ, удивляясь въ то же время, что на свѣтѣ есть люди, которые не боятся Анны Ивановны и могутъ ей противорѣчить.

Глава V.

Стрепетовъ рѣшилъ не терять золотого времени и въ тотъ же день развезти письма. Онъ вынулъ изъ бумажника и бережно разложилъ на столѣ эти письма, отъ которыхъ зависѣла его судьба, и списалъ въ записную книжку адресы. Цѣлыхъ пять писемъ и въ нихъ пять отличныхъ рекомендацій! И все къ болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ! Его превосходительству Николаю Петровичу Чиркову... Его превосходительству Вадиму Кировичу Неустроеву... Его высокородію Анатолію Викторовичу Кирьякову... Его высокоблагородію Эрнсту Богдановичу фонъ-Гринбекъ...

Только вотъ этотъ маленькій конвертъ, безъ всякихъ титуловъ, съ надписью: „Ивану Николаевичу Поручневу“,—адресованъ совсѣмъ не вліятельному лицу—литератору. Но вѣдь и знакомство литераторомъ тоже чего-нибудь да стоитъ!..

Эти рекомендательныя письма достала отъ разныхъ знакомыхъ мать Стрепетова, снаряжая своего любимца въ Петербургъ. Съ письмами все же лучше! Только Чиркову, бывшему товарищу и пріятелю покойнаго ея мужа, она написала сама.

Да и не въ однихъ только этихъ письмахъ сказывалась заботливость нѣжной матери!

Когда молодой человѣкъ, наскоро напившись чаю, сталъ разбирать сундукъ, чтобы достать новую фрачную пару, сшитую лучшимъ самарскимъ портнымъ, эта заботливость и любовь говорили о себѣ каждой аккуратно сложенной вещью, каждымъ маленькимъ сюрпризомъ, приготовленнымъ сыну.

И вышитыя полотенца, и бѣлье съ крупными мѣтками, и туфли, и маленькій бюваръ съ почтовой бумагой и конвертами, однимъ словомъ, почти каждый предметъ, каждая бездѣлка напоминали Стрепетову работу нѣжной любящей руки и трогательную, чисто женскую, предусмотрительность.

Отъ всѣхъ этихъ вещей, пріобрѣтавшихъ теперь, въ разлукѣ, особенное значеніе и прелесть, на него пахнуло славнымъ запахомъ родного гнѣзда, свитаго женской рукой. Невольно припо-

Digitized by Google

мнился и тотъ памятный недавній вечеръ, наканунѣ отъѣзда, когда мать, окончивъ поздно уборку сундука, грустная и притихшая, со сбившимся на бокъ чепцомъ, обнажившимъ ея рано посѣдѣвшіе волосы, присѣла къ растворенному окну и долгимъ нѣжнымъ взглядомъ глядѣла на сына. Изъ маленькаго садика тянуло душистымъ ароматомъ и звѣзды загорались въ небѣ. Оба они сидѣли молча, не находя словъ, стараясь скрыть другъ отъ друга тягость разлуки. Наконецъ, она не выдержала. Съ порывистой страстностью прижала она кудрявую голову сына къ своей груди, молча покрывая ее поцѣлуями и слезами.

Она старалась улыбаться, глотая слезы, когда, оторвавшись отъ сына, проговорила:

— Тебѣ полезно, Павликъ, пожить одному, а то вѣдь ты все былъ около меня. Ни разу мы съ тобой не разлучались. Поживи-ка, родной, безъ своей мамуни.

— Опять вмѣстѣ будемъ, мамаша. Дай только получить мѣсто!

Въ отвѣтъ она улыбнулась своей тихой, кроткой улыбкой, освѣтившей ея блѣдное, больное лицо чарующимъ выраженіемъ доброты, и сказала:

— Прежде самъ устройся, мой милый, а тамъ что Богъ дастъ. Я, впрочемъ, увѣрена, что ты скоро получишь мѣсто. Письма помогутъ. Больше всего я надѣюсь на Чиркова. Онъ любилъ твоего отца и прежде былъ порядочнымъ человѣкомъ. Если служба не засушила его, онъ вѣрно приметъ участіе. И у Валентины Марковны побывай. Признаться, не нравится она мнѣ: слишкомъ занимается собой и своимъ богатствомъ — ну, да разбирать нечего. И, наконецъ, не кланяться же ты пойдешь. Впрочемъ, увидишь, какъ приметъ двоюродная тетка, и, разумѣется, второй разъ не пойдешь, если пріемъ будетъ сухой! — гордо прибавила Стрепетова.

— Надѣюсь! — улыбнулся сынъ.

Она пожала руку сына. Потомъ, послѣ минутнаго молчанія, заговорила дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— Совѣтовъ мнѣ нечего тебѣ давать. Ты славный и честный человѣкъ и никогда не сдѣлаешь ничего дурного. Я знаю тебя. Но объ одномъ я тебя попрошу... Ты не сердись только, голубчикъ...

Павликъ крѣпко поцѣловалъ руку матери и ласково усмѣхнулся.

И эта усмѣшка, и этотъ нѣжный поцѣлуй, казалось, говорили: „Развѣ на тебя можно сердиться?“

И затѣмъ спросилъ:

Digitized by Google

— О чемъ ты безпокоишься, мама?

— Будь остороженъ, родной мой, въ Петербургѣ. Остерегайся знакомствъ. Ты вѣдь знаешь, какія нынче времена?.. Изъ-за случайной встрѣчи, изъ-за какой-нибудь книги можно безцѣльно погибнуть. Береги себя... побереги меня. Дай мнѣ слово!

Молодой человѣкъ успокоилъ ее. Кажется, онъ не подавалъ повода для такихъ опасеній. Они объ этомъ не разъ говорили. Она вѣдь знаетъ, что онъ не ищетъ бурь; онъ любитъ миръ и тишину. И, наконецъ, развѣ онъ не помнитъ, что на немъ лежатъ обязанности? Развѣ не его дѣло теперь работать, чтобы мать, отдавшая всю свою жизнь ему и сестрамъ, могла, наконецъ, отдохнуть отъ заботъ? Довольно ей бѣгать по урокамъ. И безъ того она надорвала здоровье.

Такъ говорилъ взволнованный сынъ. И счастливая, гордая сыномъ мать утирала навертывавшіяся слезы.

Стрепетовъ любилъ мать до обожанія. Она съ ранняго дѣтства была его пѣстуномъ, воспитательницей, другомъ, отъ котораго не было секретовъ. Онъ выросъ около материнской юбки, привыкшій къ ласкѣ, привыкшій любить эту „юбку“. Только юношей понялъ онъ, что сдѣлала эта женщина ради дѣтей, и къ восторженной любви его присоединялось благоговѣйное уваженіе. Онъ считалъ себя ея неоплатнымъ должникомъ и ждалъ только окончанія курса, чтобы снять съ нея непосильное бремя дальнѣйшихъ заботъ.

А вынести ей пришлось не мало, когда, послѣ смерти мужа, она осталась безъ всякихъ средствъ, съ тремя маленькими дѣтьми. Въ эту тяжкую пору Стрепетова обнаружила такую энергію, которую, казалось, трудно было ожидать отъ бывшей институтки, привыкшей къ спокойной, обезпеченной жизни, подъ крыломъ мужа, занятой дѣтьми да музыкой, которую она страстно любила.

Она не потерялась, не упала духомъ подъ неожиданнымъ ударомъ, а храбро приняла битву жизни и не раздала дѣтей по казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, какъ предлагали родные. Въ отвѣтъ на родственные соболѣзнованія и совѣты, подъ мягкими словами которыхъ слышалась боязнь за карманъ, Стрепетова отвѣчала, что не разстанется съ дѣтьми и постарается сама поднять ихъ, не разсчитывая ни на чью помощь.

Этотъ отвѣтъ удивилъ и обрадовалъ богатыхъ родныхъ ея мужа. „Сама? На что-жъ надѣется эта женщина, такъ рѣзко отклонившая предложеніе похлопотать о дѣтяхъ?“ Рѣшили, что

Digitized by Google

у нея мало родственныхъ чувствъ, и что вѣрно остались послѣ покойнаго деньги—не даромъ онъ долгое время занималъ видное мѣсто въ провинціи, на которомъ нажиться было легко, и забыли о ней и ея дѣтяхъ.

Стрепетова круто измѣнила жизнь. Она продала всю прежнюю обстановку, лошадей, экипажи, всѣ свои цѣнныя вещи и дорогія платья, перебралась въ двѣ маленькія комнаты въ одну изъ дальнихъ улицъ и, къ изумленію провинціальнаго бо-монда, объявила въ мѣстной газетѣ, что даетъ уроки музыки, англійскаго и французскаго языковъ. Уроки скоро нашлись и съ каждымъ годомъ прибавлялись. Работала она, не покладая рукъ, училась сама, повторяя зады, чтобы репетировать съ Павликомъ, только-что поступившимъ въ гимназію, и заниматься съ дѣвочками. Ради этихъ любимыхъ существъ, молодая еще женщина совсѣмъ отказалась отъ личной жизни и безъ колебанія отвѣтила отказомъ на предложеніе, сдѣланное два года спустя однимъ богатымъ помѣщикомъ, который ей нравился. Чтобы не отнимать отъ дѣтей всей силы привязанности, она предпочла жизнь отшельницы, жизнь, полную заботъ и лишеній, обезпеченной и спокойной жизни новаго замужства, и несла бремя труда съ горделивымъ чувствомъ самоотверженной матери. Вся жизнь проходила въ назойливыхъ мелочахъ. Рано утромъ приходилось торговаться на базарѣ, выгадывая копѣйки, днемъ бѣгать по урокамъ, и поздніе вечера, когда дѣти спали въ своихъ чистыхъ, уютныхъ постелькахъ, просиживать за починкой бѣлья или штопаньемъ чулокъ... А тревоги во время болѣзни кого-нибудь изъ дѣтей?.. Безсонныя ночи, проведенныя у изголовья, и страхъ въ теченіе дня, когда приходилось оставлять ихъ на попеченіе няни, а самой, скрывая душевную муку, слушать ученическія гаммы?

Но всѣ эти заботы, всѣ эти мелочи жизни не пригнули ея къ будничной пошлости, душа не потеряла отзывчивости, умъ—способности отвлекаться отъ житейской прозы. Поэтическая струнка страстной музыкантши жила въ ней, и она находила время чтеніемъ освѣжать свой умъ.

Когда Павликъ окончилъ курсъ гимназіи, они всѣ переѣхали въ Казань. Не даромъ же мать такъ ревниво берегла деньги, вырученныя отъ продажи вещей послѣ смерти мужа, лелѣя мысль объ образованіи дѣтей. Этихъ денегъ хватитъ на прожитокъ, пока Павликъ и дѣвочки будутъ учиться въ Казани, да и сама она не будетъ сидѣть сложа руки,—найдетъ и въ Казани уроки.

По окончаніи Павликомъ курса, Стрепетовы опять вернулись

Digitized by Google

въ Самару, къ которой привыкла мать. Но силы ея были вконецъ подорваны, хроническій недугъ подтачивалъ ее незамѣтно. Ей не было и пятидесяти лѣтъ, а она казалась совсѣмъ старухой.

Но что за бѣда?! Зато сынъ получилъ высшее образованіе и теперь на своихъ ногахъ, дочери кончаютъ курсъ гимназіи, всѣ они здоровые, свѣжіе, добрые, хорошіе. Любуясь съ гордостью выведенными птенцами, она забывала о своемъ недугѣ и втайнѣ ликовала, что ея первенецъ благополучно миновалъ подводные камни и мели русской студенческой жизни и могъ кончить курсъ. Не напрасно же она поѣхала вмѣстѣ съ сыномъ въ Казань! Она и тамъ пѣстовала сына, ревниво, какъ зоркая насѣдка, оберегая его отъ опасностей юношескихъ увлеченій, отъ подозрительныхъ знакомствъ...

Теперь, слава Богу, меньше опасеній... Острота порывовъ юности прошла!

Пароходъ тихо отошелъ отъ пристани, и мать, вся въ слезахъ, долго еще махала платкомъ уѣзжавшему сыну.

Пароходъ уже скрылся, а она все еще жадно всматривалась въ разстилающійся дымокъ, и сердце ея тоскливо сжималось.

„Что-то пошлетъ судьба дорогому Павлику на первыхъ порахъ его самостоятельной жизни?“

Глава VI.

Умиленный нахлынувшимъ воспоминаніемъ, молодой человѣкъ торопливо оканчивалъ свой туалетъ, полный бодрой вѣры, что достанетъ себѣ во что бы ни стало мѣсто и скоро будетъ имѣть возможность успокоить закатъ дней своей милой, любимой матери. Ей невозможно бѣгать по урокамъ!.. Ей надо лечиться, отдохнуть! Онъ возьметъ всякую работу, лишь бы она давала заработокъ, котораго нельзя стыдиться!

Сіявшій отвагой молодости, свѣжій и красивый въ своей новой фрачной парѣ, съ пятью рекомендательными письмами и пятидесятью рублями въ карманѣ, Стрепетовъ ужъ былъ готовъ идти на завоеваніе мѣста, какъ въ двери тихо постучали.

— Войдите!

На порогѣ показалась хорошенькая бѣлокурая головка хозяйской дочери.

— Извините!—проговорила она, входя въ комнату, слегка смущенная при видѣ красиваго молодого человѣка.—Я дочь

Digitized by Google

здѣшней хозяйки... Мнѣ надо сказать вамъ два слова!—прибавила дѣвушка, понижая голосъ и оправляя прядку свѣтлорусыхъ волосъ, спускавшихся на лобъ мелкими колечками.

— Что прикажете?—спрашивалъ Стрепетовъ, недоумѣвая этому таинственному вступленію.

— Вы вѣдь пріѣзжій?

— Да.

— Я, видите ли, нарочно зашла къ вамъ, чтобы сказать, что здѣсь нужно быть осторожнымъ!—продолжала она все тѣмъ же таинственнымъ шопотомъ, оглядываясь на двери.—Понимаете?—значительно подчеркнула она.—Такъ примите это во вниманіе и будьте на-сторожѣ... Береженаго и Богъ бережетъ. И когда будете уходить со двора, хорошенько запирайте всѣ свои вещи, чтобы не смущать любопытныхъ.

Стрепетовъ удивленно выслушалъ этотъ торопливый, таинственный шопотъ, горячо поблагодарилъ дѣвушку и промолвилъ:

— По счастью, у меня рѣшительно ничего нѣтъ такого, что бы нужно прятать.

— И слава Богу! Я, значитъ, напрасно испугалась за васъ!—отвѣчала, краснѣя, дѣвушка.—Пожалуйста, только никому ни слова!—прибавила она и, ласково кивнувъ головой, повернулась, чтобы уходить.

— Извините, еще одну минуту!—остановилъ ее Стрепетовъ.—Скажите, кто же здѣсь такіе любопытные, какъ вы говорите?.. Прислуга, что-ли?

— Мало ли кто! Всякіе жильцы здѣсь живутъ!—уклончиво отвѣтила дѣвушка, видимо избѣгая входить въ дальнѣйшія подробности.

— Но отчего вы меня сочли нужнымъ предупредить объ этомъ?

Дѣвушка пожала плечами, точно удивляясь этому вопросу.

„И въ самомъ дѣлѣ пижонъ!“—вспомнила она оцѣнку Ипата Никитича.

— Я только-что узнала,—Ипатъ Никитичъ, вотчимъ мой, сказалъ,—что вы первый разъ въ Петербургѣ. Ну, я и подумала, что вы, можетъ быть, не знаете, что въ меблированныхъ комнатахъ надо остерегаться. Да вотъ еще что: не заводите знакомства съ однимъ здѣшнимъ жильцомъ.

— Не съ Галанинымъ ли?

— Ахъ, что вы! Онъ хорошій. Нѣтъ, вы остерегайтесь господина Ефратова... Его всѣ здѣсь поручикомъ зовутъ. Такой противный, полный мужчина, воображаетъ, что красавецъ!—съ

Digitized by Google

чувствомъ отвращенія прибавила она.—А затѣмъ, до свиданія!.. Надѣюсь, разговоръ останется между нами, а то мнѣ достанется!—улыбаясь, проговорила дѣвушка.

Стрепетовъ далъ слово, что никому не скажетъ, и спросилъ, какъ звать дѣвушку.

— Имя мое нехорошее,—усмѣхнулась она:—Ѳеона!

— А по отчеству?

— Арсеньевна... Только всѣ меня больше Ѳеничкой зовутъ.

— Еще разъ большое, душевное вамъ спасибо, милая Ѳеона Арсеньевна, за ваше доброе намѣреніе!—съ горячностью промолвилъ Стрепетовъ и крѣпко пожималъ ея маленькую руку, ласково глядя въ бойкіе, смѣющіеся сѣрые глазки дѣвушки.

— Не за что, не за что!—весело отвѣчала Ѳеничка.—Только смотрите,—шепнула она,—не съѣзжайте отъ насъ сегодня. Хоть нѣсколько дней да проживите; а то мнѣ будетъ передъ Ипатомъ Никитичемъ стыдно... Онъ, бѣдный, старался, старался заманить жильца, а я его спугиваю... Дѣла-то у насъ не важныя! — усмѣхнулась Ѳеничка.—Еще разъ прощайте... И то заболталась!

Съ этими словами Ѳеничка подбѣжала къ дверямъ, съ секунду прислушалась, быстро распахнула двери и, остановившись по ту сторону порога, громко спросила съ плутовской улыбкой шаловливаго ребенка, удачно совершившаго шалость:

— Обѣдать будете сегодня дома?

— Не буду!—такъ же громко отвѣтилъ Стрепетовъ, невольно улыбаясь хитрому маневру Ѳенички.

Она затворила двери, и Стрепетовъ тотчасъ же послѣдовалъ ея совѣту: заперъ сундукъ на ключъ и вышелъ изъ своей мрачной каморки, нѣсколько смущенный первыми петербургскими сюрпризами и тронутый поведеніемъ этой странной дѣвушки, выказавшей такую заботливость о совершенно незнакомомъ человѣкѣ.

„И лицо у нея какое умненькое, бойкое!“—подумалъ онъ.

Когда онъ проходилъ по корридору, изъ одного нумера выглянуло полное, румяное лицо съ черными бакенбардами и большими глазами.

— Марѳа!.. Самоваръ!—раздался громкій, съ сипотою, голосъ.

„Видно, это и есть поручикъ!“—рѣшилъ Стрепетовъ, успѣвшій мелькомъ взглянуть на высунувшуюся физіономію. „Дѣйствительно, противный мужчина!“—невольно подтвердилъ онъ Ѳеничкину аттестацію, спускаясь по лѣстницѣ.

Онъ вышелъ на улицу и сталъ рядить извозчика на Васильевскій Островъ. Извозчикъ обѣщалъ за полтинникъ „мигомъ доста-

Digitized by Google

вить" барина на своей „американской шведкѣ". Худая „американская шведка", съ угрюмымъ видомъ отчаянной клячи, настороживъ уши, слушала клятвы извозчика и, словно бы понимая, какой предстоитъ ей дальній конецъ, безнадежно махнула хвостомъ, замѣтивъ, что сѣдокъ сѣлъ на дрожки.

Глава VII.

I.

Былъ на исходѣ двѣнадцатый часъ, когда, послѣ убійственно медленной ѣзды, извозчикъ, пустившій за нѣсколько саженъ до мѣста назначенія, свою клячу вскачь, „подкатилъ" нашего молодого человѣка къ большому, многоэтажному дому, въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго Острова.

— Здѣсь живетъ Чирковъ?

Пожилой, подстриженный, рыжеусый швейцаръ, сидѣвшій на табуреткѣ около настежъ раскрытыхъ дверей подъѣзда, бросилъ изъ-подъ очковъ не особенно благосклонный взглядъ на молодого человѣка, оторвавшаго его отъ газеты, и послѣ того, какъ Стрепетовъ повторилъ вопросъ, не спѣша отвѣтилъ, внушительно поправляя молодого человѣка:

— Генералъ Николай Петровичъ Чирковъ квартируютъ здѣсь.

И, не мѣняя своей лѣнивой позы, послѣ бѣглаго осмотра неказистой сѣрой „крылатки" Стрепетова, бравый унтеръ прибавилъ:

— Вамъ, можетъ быть, какого-нибудь другого господина Чиркова нужно. Не генерала?

— Мнѣ именно генерала нужно!—усмѣхнулся Стрепетовъ.

— Ступайте наверхъ. Въ третьемъ этажѣ, седьмой нумеръ.

— Онъ дома?

— Генералъ не выходили еще, а принимаютъ или нѣтъ, не знаю!—снова подпустилъ шпильку швейцаръ, принимаясь за прерванное чтеніе.

Стрепетовъ взбѣжалъ наверхъ. Остановившись у дверей, на которыхъ блестѣла вычищенная мѣдная дощечка съ фамиліей, выгравированной крупной славянской вязью, онъ перевелъ духъ, оправился и не безъ нѣкотораго волненія тихо надавилъ пуговку электрическаго звонка.

Прошло, по крайней мѣрѣ, минуты двѣ-три—никто не отворилъ. Среди тишины, царившей на прохладной лѣстницѣ, изъ-за

Digitized by Google

дверей квартиры доносились слабые звуки рояля. Стрепетовъ выждалъ еще минуту, другую, и надавилъ пуговку сильнѣе. Послышались неторопливые, мягкіе шаги, щелкнулъ крюкъ запора, и щеголеватая горничная, молодая, румяная и свѣжая, въ маленькомъ чепцѣ и ослѣпительно бѣломъ фартукѣ, отвѣтивъ, что „Николай Петровичъ дома и принимаетъ", впустила молодого человѣка.

— Сюда, за мной пожалуйте!—съ привѣтливой фамильярностью сказала она, послѣ того, какъ Стрепетовъ, нѣсколько смущенный ея представительнымъ видомъ, не допустилъ снять съ себя накидку и самъ ее повѣсилъ.

Она провела его въ гостиную, полную разноцвѣтной мягкой мебели, растеній и цвѣтовъ, и, останавливаясь у портьеры, указала своей бѣлой, слишкомъ выхоленной для горничной, рукой на раскрытыя двери дальней комнаты, проговоривъ тѣмъ же фамильярнымъ тономъ:

— Николай Петровичъ въ кабинетѣ, играетъ на фортепьянахъ. Идите прямо въ кабинетъ!.. Идите, идите, не бойтесь! Докладывать не нужно!—прибавила она съ улыбкой поощренія, замѣтивъ нерѣшительность молодого человѣка.

И съ этими словами ушла.

Стрепетовъ вошелъ въ столовую, отдѣлявшую кабинетъ отъ гостиной, не зная, идти ли далѣе, или нѣтъ. Одинъ приборъ сиротливо стоялъ на накрытомъ, хорошо сервированномъ столѣ съ разставленной холодной закуской и нѣсколькими бутылками. И здѣсь, какъ и въ гостиной, все сіяло чистотой, порядкомъ, все говорило о комфортѣ, но сразу же чувствовалось жилище холостяка. Не было того вида домовитости, который неразлученъ съ присутствіемъ женщины и дѣтей.

Нашъ молодой человѣкъ не рѣшился идти въ кабинетъ, изъ глубины котораго лились мощные суровые звуки largo десятой бетховенской сонаты, хорошо знакомой Стрепетову по игрѣ матери, и не мало изумленный, что засталъ важнаго петербургскаго чиновника за музыкальными занятіями, онъ остановился у раскрытыхъ дверей, съ рекомендательнымъ письмомъ на-готовѣ. Слушая отчетливое, мастерское исполненіе, онъ посматривалъ на широкую, слегка наклоненную, спину небольшого плотнаго господина въ темно-синей кургузой жакеткѣ, на коротко остриженную, крѣпко посаженную, круглую голову съ черными, чуть подернутыми серебристымъ отливомъ, волосами, на красноватый, мясистый затылокъ, подпиравшійся тугимъ стоячимъ воротничкомъ безукоризненной бѣлизны, стараясь вообразить себѣ: какое должно быть лицо у этого музыканта-бюрократа, такъ хорошо играющаго Бетховена.

Digitized by Google

„Навѣрное выразительное и интеллигентное. И навѣрное онъ мнѣ скоро устроитъ мѣсто, когда я откровенно объясню ему всѣ обстоятельства!“—рѣшилъ молодой человѣкъ и, набравшись храбрости, переступилъ порогъ кабинета.

Игра продолжалась. Чирковъ, увлеченный музыкой, не оборачивался, и Стрепетовъ, въ ожиданіи конца сонаты, любопытнымъ взоромъ оглядывалъ кабинетъ, совсѣмъ непохожій на тѣ святилища бюрократовъ, которыя представлялъ себѣ молодой человѣкъ по различнымъ описаніямъ и по тому образцу, который онъ видѣлъ, бывши однажды въ кабинетѣ губернатора.

Темные, внушительные шкафы, занимавшіе бо́льшую часть комнаты, были полны книгъ; бюсты Вольтера, Руссо, Гумбольдта, Шекспира и Гёте, нѣсколько картинъ, большой шкафъ, наполненный древностями—горшечками, вазами, мѣдными и бронзовыми орудіями, старинное оружіе и коллекція полотенецъ древняго узора, развѣшенная на стѣнѣ, большой письменный столъ по срединѣ, оттоманка, нѣсколько креселъ, обитыхъ темнымъ сафьяномъ, и рояль въ дальнемъ углу—таково было убранство этой большой комнаты, свѣтлой, необыкновенно аккуратно прибранной и походившей скорѣе на кабинетъ какого-нибудь ученаго дилетанта или доктора, чѣмъ на мѣсто административныхъ трудовъ крупнаго чиновника.

II.

— Что же вы? Такъ вѣдь долго прождете!—шепнула надъ самымъ ухомъ Стрепетова появившаяся сзади щеголеватая горничная.

И съ этими словами она прошла, шелестя платьемъ и повиливая турнюромъ, къ роялю и, доложивъ о молодомъ человѣкѣ, исчезла въ боковой дверкѣ между библіотечными шкафами.

Игра оборвалась. Чирковъ поднялся съ мѣста и лѣнивой, неспѣшной походкой, словно бы нехотя, направился къ письменному столу, слегка морщась и всматриваясь прищуреннымъ взглядомъ въ незнакомаго молодого человѣка.

Онъ остановился передъ столомъ, вѣжливо наклонивъ голову въ отвѣтъ на поклонъ Стрепетова, и, сразу угадывая просителя, принялъ сосредоточенно-серьезный, оффиціальный видъ и, какъ бы приготовляясь выслушать впередъ извѣстныя и не особенно интересныя слова, чуть-чуть склонилъ на бокъ круглую темную голову, подавшись немного впередъ своимъ плотнымъ корпусомъ.

Digitized by Google

Лицо Чиркова далеко не оправдало ожиданій Стрепетова; круглое, гладко выбритое, безъ бороды и усовъ, хотя и моложавое, но значительно поношенное, съ рыхлой полнотой и желтизной щекъ, съ мѣшками подъ небольшими карими глазами, оно съ перваго взгляда казалось самымъ заурядным лицомъ.

„Какъ есть чиновникъ!“—промелькнуло въ головѣ Стрепетова, разочарованнаго въ своихъ ожиданіяхъ.

Нѣсколько застланный, вопросительно-скучающій, серьезный взглядъ, которымъ Чирковъ словно приглашалъ молодого человѣка поскорѣй изложить свою просьбу и затѣмъ оставить его въ покоѣ, смутилъ Стрепетова.

— Кандидатъ университета... Пріѣхалъ изъ Самары... Имѣю къ вамъ письмо отъ матери!—спѣшилъ какъ можно скорѣй проговорить Стрепетовъ, испытывая непріятное волненіе просителя.

И, отбарабанивъ эти слова, онъ порывистымъ, рѣзкимъ движеніемъ, точно желая поскорѣе избавиться отъ стѣсняющей его обузы, протянулъ, подойдя къ столу, руку съ письмомъ.

— Ваша фамилія? — тихо и медленно, любезно-холоднымъ тономъ спросилъ Чирковъ, чуть-чуть улыбаясь глазами и повертывая принятый конвертъ въ короткихъ, толстыхъ, бѣлыхъ пальцахъ.

— Стрепетовъ!—громко отвѣтилъ молодой человѣкъ и снова вспыхнулъ, вспомнивъ, что раньше забылъ назвать себя, и сталъ смотрѣть на эти медленно переворачивающіе конвертъ пальцы съ какимъ-то непріязненнымъ чувствомъ.

— Стрепетовъ?—протянулъ Чирковъ, всматриваясь въ просителя припоминающимъ что-то взглядомъ.—Вы не сынъ ли покойнаго Сергѣя Александровича?

— Да-съ.

— Очень радъ! Очень радъ съ вами познакомиться!—вдругъ заговорилъ Чирковъ, оживившимся, привѣтливымъ, совсѣмъ не оффиціальнымъ тономъ, протягивая черезъ столъ свою бѣлую, пухлую руку, и въ ту же минуту съ его желтаго, безбородаго лица исчезло оффиціально-скучающее выраженіе, пропала серьезная застланность взгляда, и маленькіе каріе глаза его засвѣтились умнымъ, ласковымъ блескомъ.

Точно самъ обрадовавшись, что можно оставить роль авгура и быть обыкновеннымъ человѣкомъ, Чирковъ продолжалъ:

— Мы вѣдь съ Сергѣемъ Александровичемъ были большими друзьями... Какъ же! Вмѣстѣ въ школѣ шли... и потомъ вмѣстѣ служили... Садитесь... Курите, пожалуйста... папиросы возлѣ васъ! —любезно предложилъ Чирковъ, опускаясь въ кресло.—А вы

Digitized by Google

на отца похожи... Тѣ же глаза!—мягко улыбнулся онъ, глядя на румяное, свѣжее лицо молодого человѣка.—Давно кончили курсъ?

— Въ нынѣшнемъ году.

— По какому факультету?

— По математическому.

Затѣмъ господинъ Чирковъ освѣдомился о здоровьѣ матери. Тонъ показался Стрепетову ласковымъ, и онъ отвѣчалъ, что здоровье матери совсѣмъ плохо.

— Что съ вашей матушкой?—участливо спросилъ Чирковъ.

Молодой человѣкъ заволновался.

— Непосильные труды и заботы о насъ совсѣмъ разстроили ея здоровье... Вѣдь наша мать сама, безъ чужой помощи, выростила двухъ сестеръ и меня; а чего это ей стоило!.. Она по цѣлымъ днямъ бѣгала по урокамъ, отказывала себѣ во всемъ ради насъ... ну и поплатилась за свое самоотверженіе!—горячо и съ сердцемъ, словно обвиняя кого-то за это, закончилъ Стрепетовъ.

— Какъ же, какъ же... слышалъ... Энергичная женщина ваша матушка!—промолвилъ въ отвѣтъ Чирковъ, сочувственно взглядывая на молодого человѣка.

— Это святая женщина!—возразилъ молодой человѣкъ, которому показалось, что въ словахъ Чиркова не было достаточно благоговѣйнаго чувства къ такой женщинѣ, какъ его мать.

Чирковъ едва замѣтно улыбнулся и, не спѣша, аккуратно взрѣзавъ конвертъ красивымъ ножомъ изъ слоновой кости, сталъ читать письмо.

По мѣрѣ того, какъ Чирковъ читалъ это письмо, въ которомъ мать, вспоминая прежнюю дружбу Чиркова съ покойнымъ мужемъ, въ теплыхъ выраженіяхъ просила его помочь сыну устроиться и вообще не оставить его совѣтами, лицо его превосходительства становилось серьезнѣе и озабоченнѣе.

Глядя теперь на это гладко выбритое, холеное, серьезное и, казалось, безстрастное лицо, Стрепетовъ почувствовалъ горькое чувство обиды. „Зачѣмъ онъ пустился въ интимности съ этимъ петербургскимъ „чиновникомъ“, распространяясь о матери? Какое ему дѣло до его матери? Простая любезность со стороны Чиркова, и онъ раскисъ!“ И та, чуть замѣтная, улыбка его превосходительства, которою онъ отвѣтилъ на рѣзкое восклицаніе Стрепетова, показалась теперь молодому человѣку снисходительно-обидной улыбкой сытаго и довольнаго человѣка, слушающаго дѣтскія жалобы.

Digitized by Google

Досада на свое „ребячество“ и невольное непріязненное чувство къ этому „музыканту-генералу“ охватило молодого человѣка, и онъ такъ же легковѣрно, какъ прежде, надѣялся, ожидалъ теперь, что ему непремѣнно откажутъ въ просьбѣ и мѣста не дадутъ.

Окончивъ чтеніе письма, Чирковъ аккуратно сложилъ его, положилъ подъ прессъ-папье, нѣсколько секундъ пристально и молча смотрѣлъ на молодого человѣка и, закуривъ папиросу, проговорилъ:

— Я очень хотѣлъ бы вамъ помочь, но, къ сожалѣнію, сейчасъ не могу предложить мѣста, для васъ подходящаго... Вѣрьте, что это не обычная отговорка, а правда!—прибавилъ Чирковъ значительно. — Вамъ придется подождать и, быть можетъ, подождать нѣсколько мѣсяцевъ... Но вѣдь это васъ не устраиваетъ?.. Вамъ нужны занятія сейчасъ же?

Молодой человѣкъ отвѣчалъ утвердительно.

— То-то и есть!—въ раздумьѣ промолвилъ его превосходительство.

И, помолчавъ, продолжалъ:

— Пожалуй, причислить васъ и дать триста рублей въ годъ я бы могъ и теперь же, но вамъ невыгодно работать за такое жалованье... Придется, повторяю, ждать... У насъ все полно, и множество кандидатовъ,—о которыхъ хлопочутъ люди болѣе вліятельные, чѣмъ вашъ покорный слуга,—ждутъ, и очень долго ждутъ иногда вакансій.

Это объясненіе, несмотря на его основательность и любезность, мало однако утѣшило молодого человѣка.

„Ну, и пусть себѣ ждутъ, а я ждать не могу!“—невольно пронеслось у него въ головѣ, и онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы подняться, извиниться за причиненное безпокойство и ѣхать дальше искать вакансій.

— Куда же вы?—любезно остановилъ его Чирковъ.—Если не особенно спѣшите, позавтракаемъ вмѣстѣ и кстати потолкуемъ, какъ вамъ быть...

Тронутый такимъ вниманіемъ и чувствовавшій вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣйшій аппетитъ, Стрепетовъ охотно выразилъ согласіе почтительнымъ наклоненіемъ своей кудрявой головы и въ ту же минуту легкомысленно и дерзко подумалъ: „Быть можетъ, и мѣстечко выгоритъ! Какая-нибудь вакансія да найдется!“

— Давно вы въ Петербургѣ?—спросилъ Чирковъ, все время зорко наблюдавшій за молодымъ человѣкомъ.

— Сегодня только-что пріѣхалъ.

Digitized by Google

— Сегодня?.. Ретиво же вы принялись за хлопоты, — съ улыбкой замѣтилъ Чирковъ.—Остановились гдѣ?

Стрепетовъ сказалъ. Оказалось, что его превосходительство знаетъ „эту трущобу". Тамъ живетъ одинъ его несчастный товарищъ...

— Совсѣмъ пропалъ, а могъ быть человѣкомъ!—прибавилъ Чирковъ.

Съ минуту помолчавъ и морща лобъ, словно о чемъ-то соображая, его превосходительство снова спросилъ:

— Вы, конечно, хотите здѣсь устроиться?

— Хотѣлось бы здѣсь, но если здѣсь нельзя, я и отъ службы въ провинціи не прочь.

— Не прочь?—переспросилъ Чирковъ.

Въ тонѣ вопроса звучало удивленіе. Темныя густыя брови Чиркова сдвинулись, лицо его сдѣлалось серьезнѣе.

— Все равно гдѣ ни работать!

— Вы такъ думаете?—протянулъ его превосходительство и, пристально взглянувъ на Стрепетова, сказалъ послѣ небольшой паузы:—Мѣсто въ провинціи я могъ бы устроить.

Стрепетовъ просіялъ. Его превосходительство, напротивъ, еще болѣе нахмурился и принялъ прежній видъ административнаго авгура.

— Но долженъ васъ предупредить,—продолжалъ онъ, отчеканивая каждое слово,—что эти мѣста въ провинціи не совсѣмъ...

Чирковъ на секунду остановился, словно бы пріискивая подходящее выраженіе.

— Не совсѣмъ... удобныя!—промолвилъ онъ, чуть-чуть морщась и опуская глаза, какъ бы этимъ дополняя значеніе не совсѣмъ опредѣленнаго эпитета.

Стрепетовъ, очевидно не понявшій вполнѣ смысла замѣчанія Чиркова, насторожилъ уши, ожидая объясненія.

— Но если, впрочемъ, вы полагаете, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто, и если считаете себя способнымъ исполнять то, что вамъ. покажется, быть можетъ, не совсѣмъ удобнымъ, то получить такое мѣсто, при нѣкоторыхъ условіяхъ, возможно. Хотите такого мѣста? — прибавилъ, понижая голосъ, Чирковъ съ какой-то странной улыбкой во взглядѣ слегка прищуренныхъ глазъ, сохраняя въ то же время безстрастную серьезность физіономіи.

— О неудобныхъ мѣстахъ я вовсе не думалъ!—рѣзко воскликнулъ молодой человѣкъ, краснѣя какъ маковъ цвѣтъ отъ охватившаго его волненія.

Digitized by Google

„Ну, теперь никакого мѣста онъ не дастъ, и чортъ съ нимъ!“ — промелькнуло въ головѣ Стрепетова, когда въ слѣдующую же секунду онъ сообразилъ, что отвѣтилъ не совсѣмъ дипломатически.

Но, къ немалому изумленію неопытнаго провинціала, это рѣзкое восклицаніе не только не разсердило его превосходительства, но напротивъ, повидимому, именно оно и согнало съ его лица оффиціальную серьезность и разгладило его нахмуренныя брови.

— Ну, вотъ видите ли,—заговорилъ Чирковъ съ веселымъ смѣхомъ, ласково глядя на взволнованнаго молодого человѣка:— такія неудобныя мѣста вамъ не нравятся... Еще бы!.. Мы, оказывается, не поняли другъ друга, и вышло маленькое qui pro quo...

Онъ пустилъ дымкомъ разъ-другой и замѣтилъ:

— И знаете ли что, мой милый Павелъ Сергѣевичъ! Еслибы вы и согласились принять подобное мѣсто, я бы вамъ его не далъ, ради памяти вашего отца, котораго я привыкъ уважать!— проговорилъ онъ серьезно и ласково.—На мѣстахъ, о которыхъ я говорилъ, есть особый сортъ людей, выработанный существующимъ на нихъ спросомъ. И они, разумѣется, необходимы, но мало ли что въ природѣ необходимо!.. *Тамъ* нужны воловьи нервы, поменьше развитія и... и особаго рода мужество!—подчеркнулъ Чирковъ.—А у васъ, какъ кажется, и нервы чувствительные, и, вѣроятно, мужество не то... Да и что вамъ за охота искать мѣста у насъ, да и вообще искать службы?—совершенно неожиданно прибавилъ его превосходительство.

И безъ того удивленный интимной откровенностью бесѣды Чиркова, нашъ молодой человѣкъ совсѣмъ былъ изумленъ послѣднимъ вопросомъ, и въ первую минуту рѣшительно не нашелся, что отвѣтить.

„Ужъ не смѣется ли онъ надо мной?“ —простодушно подумалъ Стрепетовъ.

Но его превосходительство, казалось, нисколько не смѣялся.

— Или вы честолюбивы и, начиная жизнь, мечтаете о блестящей карьерѣ? Надѣетесь со временемъ, пожалуй, сдѣлаться министромъ?—продолжалъ между тѣмъ, съ шутливой ироніей въ голосѣ, этотъ скептикъ-генералъ, посматривая на ошалѣвшаго искателя мѣста насмѣшливо-снисходительнымъ взглядомъ, какимъ смотрятъ на неразумныхъ дѣтей.—Такъ я вамъ на это скажу, милѣйшій Павелъ Сергѣевичъ, что намъ съ вами министрами не быть, да это и вовсе не такъ привлекательно, какъ кажется... Замѣтьте, что поговорка о фельдмаршалѣ и солдатѣ значительно устарѣла, и что карьера, которую вы хотите избрать, не изъ

Digitized by Google

пріятныхъ и обѣщающихъ... Да и выдвинуться изъ толпы, при всемъ желаніи, далеко не такъ просто. Кромѣ людей слѣпого случая, принимать который въ разсчетъ нельзя, блестящія карьеры дѣлаютъ или люди съ большими связями, или, въ видѣ исключенія, люди, выдающіеся по способностямъ, умѣющіе въ то же время не выдаваться независимостью мнѣній. И ужъ во всякомъ случаѣ всегда надо быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ... Думаете вы, что можете удовлетворить такимъ условіямъ?

— Я не мечталъ никогда о блестящей карьерѣ. Я просто хотѣлъ служить, чтобы имѣть кусокъ хлѣба и приносить долю пользы, исполняя честно свои обязанности!—сконфуженно проговорилъ Стрепетовъ.

— Это дѣлаетъ честь вашимъ намѣреніямъ, но дѣло, видите ли, въ томъ, что и приносить пользу не такъ легко, какъ вамъ кажется, и, въ концѣ концовъ, нерѣдко случается, что приносить вредъ несравненно легче!—усмѣхнулся Чирковъ.—Впрочемъ и обязанности ваши по службѣ гораздо проще: исполнять то, что прикажутъ не разсуждая, приноситъ ли это пользу или вредъ, умно или глупо, то-есть, составлять бумаги, которыя поручитъ вамъ столоначальникъ или начальникъ отдѣленія, и, разумѣется, не выражать своего неудовольствія, если порученіе вамъ не нравится... Такого чиновника мы называемъ исполнительнымъ чиновникомъ и такого мы любимъ. Онъ удобенъ для насъ, такъ какъ съ нимъ нѣтъ никакихъ недоразумѣній!.. Короче говоря, поступая на службу, вамъ, молодой человѣкъ, надо припрятать куда-нибудь подальше свои убѣжденія и заранѣе приготовиться къ обезличенію.

Чирковъ на минуту остановился и продолжалъ:

— И затѣмъ, если вы съумѣете поладить со своимъ начальствомъ и будете изводить бумагу съ достаточной литературностью, то со временемъ, когда служба сдѣлаетъ васъ настоящимъ чиновникомъ, неспособнымъ ни на что, кромѣ составленія докладовъ и записокъ, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, мѣсто вице-директора будемъ вѣнцомъ вашей карьеры. Вотъ вамъ болѣе или менѣе вѣроятный служебный гороскопъ. Блестящаго въ немъ мало!—прибавилъ Чирковъ.

Добродушное лицо Стрепетова, внимательно слушавшаго эти несомнѣнно искреннія признанія человѣка, занимающаго видный служебный постъ, — выражало собой нескрываемое изумленіе, и съ толстыхъ, полураскрытыхъ губъ молодого человѣка чуть-было не сорвался вопросъ, давно уже носившійся въ головѣ:

„Но какъ же вы сами служите?“

Digitized by Google

Онъ, однако, не задалъ такого щекотливаго вопроса, вѣроятно принявъ къ свѣденію только-что преподанные совѣты служебной морали, и только стыдливо потупилъ глаза и сталъ, безъ всякой надобности, разглаживать обшлагомъ фрака только-что купленный цилиндръ.

Но Чирковъ обязательно пришелъ къ нему на помощь.

— Васъ, конечно, удивляетъ, что я говорю такія неутѣшительныя вещи?.. Другому, разумѣется, я не сказалъ бы этого, но дружба къ вашему отцу и просьбы вашей матушки вынуждаютъ меня предупредить о томъ, что васъ ожидаетъ... По крайней мѣрѣ, вы не оговоритесь невѣденіемъ,—улыбнулся Чирковъ, —если впослѣдствіи вамъ придется дѣлать то, что вы сами будете считать безполезнымъ или безсмысленнымъ, какъ приходится дѣлать многимъ только потому, что хорошо платятъ и что ужъ поздно мѣнять привычки...

— Но развѣ возможно дойти до такого цинизма? Развѣ можно дѣлать то, что считаешь безполезнымъ или безсмысленнымъ? —взволнованно воскликнулъ Стрепетовъ, охваченный негодованіемъ молодости, не понимавшей еще компромиссовъ, и совсѣмъ забывшій объ осторожности.—Вѣдь это... это...

Онъ не осмѣлился, однако, докончить фразы, спохватился, переконфузился и умолкъ.

Давно, очень давно, не приходилось Чиркову слышать такихъ юношески-свѣжихъ, наивныхъ рѣчей. И, вѣроятно, что-то безвозвратно минувшее, молодое и свѣжее вспомнилось ему самому, потому что съ лица Чиркова исчезла его характерная ироническая усмѣшка, и онъ смотрѣлъ на взволнованное, сконфуженное лицо молодого человѣка съ мягкой, сочувственной улыбкой, какъ будто приглашая его продолжать.

— Что-жъ вы не договариваете, Павелъ Сергѣевичъ?.. Разъ начали, говорите до конца!...—подзадоривалъ Чирковъ.—Вѣдь я пока не вашъ начальникъ!—пошутилъ Чирковъ.

Стрепетовъ, совсѣмъ озадаченный этимъ тономъ, еще болѣе смутился.

— Такъ по вашему это—выразимся помягче—неблаговидно?

— Еще бы!

— И дойти до такого „цинизма“ невозможно?

Чирковъ точно нарочно подчеркнулъ слово: „цинизма“.

— Мнѣ кажется...

— Вамъ кажется?..—переспросилъ Чирковъ:—а между тѣмъ все это бываетъ, и съ людьми не совсѣмъ ужъ дурными, а только слабыми и... боящимися потерять свое положеніе... И они,

Digitized by Google

вѣроятно, начинали жизнь съ такими же свѣтлыми надеждами, какъ вы, а затѣмъ... мало-по-малу кончали тѣмъ, что привыкали, утѣшая себя мыслью, что на ихъ мѣстахъ могли быть люди еще хуже. Не забудьте при томъ, что люди извѣстныхъ привычекъ скоро утѣшаются болѣе или менѣе подходящими объясненіями, и особенно въ такіе годы, когда уже поздно и трудно мѣнять жизнь. А вы, молодой человѣкъ, еще на распутьи. У васъ нѣтъ еще привычекъ, нѣтъ потребности къ извѣстной обстановкѣ, къ комфорту, къ обезпеченному покою, словомъ—вы еще молоды. Потому-то я и совѣтую, прежде чѣмъ избрать карьеру, хорошенько подумать. Развѣ у васъ нѣтъ никакого другого призванія?

— Къ сожалѣнію, никакого!—промолвилъ молодой человѣкъ, все еще находившійся въ подавленномъ состояніи подъ впечатлѣніемъ рѣчей Чиркова.

— Въ такомъ случаѣ, ищите себѣ частной службы. По крайней мѣрѣ, будете хоть лучше вознаграждены... Попробуйте... Службу оставьте, какъ послѣдній рессурсъ, а если нужно будетъ все-таки служить, служите въ такихъ учрежденіяхъ, гдѣ вамъ не придется имѣть дѣло непосредственно съ людьми, съ ихъ судьбою... Напримѣръ, въ банкѣ, что-ли... Я охотно похлопочу за васъ, но предупреждаю: не ручаюсь за скорый успѣхъ. Я недостаточно вліятеленъ для этого, и вообще у меня мало связей въ служебномъ мірѣ. Да и вездѣ кандидатовъ больше, чѣмъ мѣстъ. Всѣ идутъ въ чиновники.

Стрепетовъ не успѣлъ еще поблагодарить за обѣщаніе, какъ явившаяся въ кабинетъ горничная доложила, что завтракъ готовъ.

— Пойдемте-ка, Павелъ Сергѣевичъ,—весь оживляясь, проговорилъ Чирковъ и быстро поднялся съ кресла.—Да вы не унывайте пока. Еще время есть, что-нибудь и придумаемъ для васъ!—ласково успокаивалъ Чирковъ обезкураженнаго молодого человѣка.—Проходите, проходите!—любезно подтолкнулъ Чирковъ, пропуская Стрепетова впередъ въ дверяхъ столовой.—Милости просимъ. Водку пьете?

— Нѣтъ.

— Такъ закусите... Пожалуйста, безъ церемоній!

Чирковъ выпилъ рюмку алаша и принялся закусывать съ жаднымъ аппетитомъ. Закуска была превосходная и разнообразная, свидѣтельствовавшая о привычкѣ хозяина хорошо и тонко ѣсть. Онъ проглотилъ вторую рюмку и, самъ пробуя всѣ сорты закусокъ, предлагалъ гостю то то, то другое.

— Рекомендую икру... превосходная!—говорилъ онъ, на-

Digitized by Google

кладывая себѣ полную тарелочку крупной свѣжей икры и посыпая ее зеленымъ лукомъ.—У насъ въ Петербургѣ, въ Милютиныхъ лавкахъ, она, пожалуй, лучше, чѣмъ у васъ на Волгѣ!—продолжалъ Чирковъ, кушая икру съ видимымъ наслажденіемъ.—Ну, теперь подавайте, Аксюша!—приказалъ онъ щеголеватой Аксюшѣ, дожидавшейся у двери.

— Прошу садиться!—весело сказалъ онъ, указывая гостю рукой на стулъ.

И, опустившись самъ на дубовый, съ рѣзной спинкою, стулъ, Чирковъ не спѣша расправилъ салфетку, заткнулъ ее за воротникъ рубашки, осторожно придвинулъ къ себѣ горячую тарелку и принялъ нѣсколько сосредоточенный, серьезный видъ, словно бы приготовляясь не просто завтракать, а свершать культъ чревоугодія.

Аксюша не заставила себя ждать и торопливо внесла блюдо подъ металлическимъ колпакомъ.

Плотоядный огонекъ заблисталъ въ маленькихъ карихъ глазахъ Чиркова при видѣ разварной, красиво гарнированной, форели, отъ которой шелъ тонкій паръ, и онъ даже сдѣлалъ невольное движеніе губами, потягивая носомъ вкусный запахъ трюфельнаго соуса. Торопливо предложивъ Стрепетову взять первому, Чирковъ наложилъ къ себѣ на тарелку рыбы и, обливъ ее соей, сталъ ѣсть, чуть-чуть причмокивая, необыкновенно вкусно и аккуратно, изрѣдка обращаясь къ Стрепетову съ отрывистыми, короткими вопросами.

— Что-жъ вы не пьете вина? Пейте бѣлое вино!—почти приказалъ онъ, замѣтивъ, что Стрепетовъ берется за бутылку съ краснымъ виномъ.

Молодой человѣкъ видимо затруднялся, не зная, въ какую рюмку наливать, и Чирковъ самъ налилъ ему въ зеленую рюмку, вновь наполнивъ потомъ и свою.

— Вино доброе!—какъ бы про себя промолвилъ онъ, смакуя небольшими глотками золотистую влагу съ наслажденіемъ гурмана.

Послѣ рыбы Аксюша подала сочный, дымящійся ростбифъ. Чирковъ ѣлъ кровавый ростбифъ и острыя пикули съ прежнимъ аппетитомъ, запивая чуть-чуть тепловатымъ бургонскимъ віолетомъ изъ маленькаго стаканчика, который то-и-дѣло наполнялъ, не доливая, по обычаю любителей, до краевъ. Бутылка скоро убывала.

„Чревоугодникъ!“—мысленно окрестилъ Чиркова молодой человѣкъ, бросая взгляды на оживившееся, чуть-чуть зарумянившееся лицо хозяина, на его подернутые маслянистымъ блескомъ,

Digitized by Google

съузившіеся глаза. Что-то животное, грубо-чувственное было теперь въ этомъ кругломъ, обрюзгшемъ, полномъ лицѣ.

Неужли ради чрева и онъ сознательно готовъ дѣлать „безполезное и безсмысленное?“—спрашивалъ Стрепетовъ, стараясь уяснить себѣ этого страннаго человѣка, возбуждавшаго въ немъ самыя разнородныя чувства.

И эта свѣжая, пригожая, щегольски одѣтая Аксюша, державшая себя слишкомъ непринужденно для обыкновенной горничной, и этотъ, намекавшій на что-то интимное, тонъ ласковой фамильярности, съ какимъ говорилъ съ ней Чирковъ,—все показалось теперь нѣсколько страннымъ и подозрительнымъ нашему молодому провинціалу.

— Теперь кусочекъ рокфора!—предложилъ Чирковъ.

Но Стрепетовъ, никогда не ѣдавшій этого сыра и испугавшійся его вида, отказался.

— Напрасно... напрасно! — проговорилъ Чирковъ не безъ сожалѣнія къ „варвару“, не понимающему еще пикантной прелести рокфора.—Это превосходный сыръ!—прибавилъ Чирковъ, отрѣзывая ломоть.

Онъ затѣмъ снялъ съ себя салфетку, чуть-чуть отодвинулся отъ стола, вздохнувъ съ довольнымъ видомъ насладившагося человѣка, и закурилъ сигару. Аксюша между тѣмъ, убравъ со стола, принесла двѣ маленькія чашки кофе и графинчикъ съ коньякомъ.

— Это хорошо для пищеваренія!—замѣтилъ Чирковъ, наливая себѣ крохотную рюмку fine champagne въ чашку.—Совѣтую...

Но Стрепетовъ и отъ этого уклонился.

— Ну, теперь разсказывайте, кто у васъ есть въ Петербургѣ?.. Кажется, родные вашего покойнаго отца здѣсь?

— Только одна двоюродная тетка... Варницкая...

— Варницкая? Вдова извѣстнаго богача Варницкаго?

— Она самая.

— Такъ она можетъ быть вамъ очень полезна, ваша двоюродная тетушка. У нея большія знакомства и связи. При томъ ваша тетушка очень хорошенькая женщина.

— Я никогда ее не видалъ.

— Такъ поскорѣе познакомьтесь съ ней. Она, повторяю, можетъ быть очень полезна. Женщины, да еще хорошенькія, могутъ сдѣлать, коли захотятъ, болѣе чѣмъ кто-либо!—промолвилъ Чирковъ.—Особенно такая, какъ Валентина Марковна. Она вамъ родня по матушкѣ?

Digitized by Google

— Кажется...

— А вы даже точно и не справились?—улыбнулся Чирковъ.

И, помолчавъ съ минуту, спросилъ:

— Ну, а знакомые среди молодежи здѣсь есть?

— Ни души...

— И ни къ кому васъ не рекомендовали?

— Нѣтъ.

— И не ищите подобныхъ знакомствъ, а главное, не посѣщайте никакихъ кружковъ, а то, того и гляди, впутаетесь въ какую-нибудь исторію и... конецъ извѣстный. Шутить не будутъ!— съ усмѣшкой прибавилъ Чирковъ.

Стрепетовъ невольно вспомнилъ, что въ первый же день пріѣзда его уже во второй разъ предупреждаютъ объ осторожности, хоть онъ, казалось, и не подавалъ къ тому ни малѣйшаго повода.

— Надѣюсь, вы вѣдь не изъ безпокойныхъ элементовъ?— полушутя, полусерьезно допрашивалъ Чирковъ.

Стрепетовъ отвѣчалъ, что нѣтъ.

— То-то... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сколько-нибудь здравомыслящему человѣку витать въ нелѣпыхъ мечтаніяхъ. И гдѣ же? У насъ, въ Россіи, въ соломенномъ царствѣ, гдѣ семьдесятъ милліоновъ до сихъ поръ живутъ въ родѣ дикарей, а остальные классы индифферентны ко всему, что не касается ихъ лично... Снова повторяю вамъ: берегитесь знакомствъ... При вашей экспансивности, вы и не замѣтите, какъ поддадитесь вліянію разныхъ сумасбродныхъ рѣчей. Мечтайте про себя, если вамъ это нравится, о чемъ угодно, но только будьте мудры, какъ змій, и чисты, какъ голубь... Это испытанная мораль!..—весело засмѣялся Чирковъ.—Такъ, кромѣ тетушки, у васъ здѣсь никого?

— Рѣшительно никого!

— И вы пріѣхали сюда искать мѣста, надѣясь на тетушку и на рекомендательное письмо ко мнѣ?

— У меня есть еще рекомендательныя письма! — быстро возразилъ Стрепетовъ, задѣтый этимъ допросомъ.

— Ну, не очень-то на нихъ надѣйтесь... Письма эти достигаютъ своей цѣли только тогда, когда рекомендующій нуженъ тому лицу, которому пишетъ. Въ противномъ случаѣ, письма рвутъ и говорятъ рекомендованнымъ обычныя фразы соболѣзнованія... Къ кому у васъ письма?

Стрепетовъ сказалъ.

— И къ Неустроеву? — усмѣхнулся какъ-то странно Чирковъ.—Отъ кого, если не секретъ?

Digitized by Google

Молодой человѣкъ сообщилъ, что отъ дальняго его родственника.

— Что-жъ, развезите свои письма. Во всякомъ случаѣ, познакомиться съ разными лицами не безполезно для житейскаго опыта. Но если успѣха не будетъ, навѣдайтесь ко мнѣ. У меня въ ожиданіи лучшаго найдется для васъ работа, — небольшая, правда, но все же лучше, чѣмъ ничего. Я, видите ли, давно собираюсь привести въ порядокъ свою библіотеку и составить каталогъ моимъ коллекціямъ.

„Ужъ не нарочно ли для меня онъ сочиняетъ работу?“ —почему-то пришло на умъ Стрепетову.

— Вы четко пишете?

— Кажется...

— Такъ кстати мнѣ нужно было бы и переписать одну мою работу.

Молодой человѣкъ любопытно взглянулъ на Чиркова. „Неужели этотъ музыкантъ-генералъ и литературой занимается?“

— Я кое-что пишу по археологіи въ часы досуга!—скромно промолвилъ онъ. — Однако, второй часъ. Пора и отбывать повинность! — прибавилъ, усмѣхнувшись, Чирковъ и лѣниво поднялся съ мѣста.

Стрепетовъ сталъ-было откланиваться, но Чирковъ остановилъ его.

— Подождите минутку... Я васъ подвезу... Вы отсюда куда? Развозить свои письма?—съ ласковой шуткой спросилъ Чирковъ.

— Да.

— Къ Неустроеву поздно. Онъ, я знаю, принимаетъ отъ 10-ти до 12-ти. Лучше всего вамъ ѣхать къ Гринбеку. Онъ сидитъ у себя въ банкѣ и всегда принимаетъ!—замѣтилъ Чирковъ, уходя въ кабинетъ.

Минуты черезъ двѣ онъ вышелъ въ вицмундирѣ, со звѣздой, съ небольшимъ портфелемъ въ рукахъ.

— Ѣдемте, молодой человѣкъ!

Они спустились по лѣстницѣ. Маленькая, хорошенькая каретка, запряженная парою шведскихъ крѣпкихъ лошадокъ, стояла у подъѣзда. Рыжеусый швейцаръ былъ тутъ же, вытянувшись въ струнку и готовый подсадить генерала.

— У Земледѣльческаго банка остановишься!—сказалъ Чирковъ кучеру и, пригласивъ молодого человѣка садиться, сѣлъ въ карету.

Черезъ четверть часа карета остановилась у подъѣзда банка, и Стрепетовъ вышелъ изъ кареты.

Digitized by Google

— Дай Богъ вамъ успѣха, милый Павелъ Сергѣевичъ!— ласково промолвилъ Чирковъ, пожимая руку молодого человѣка.— Не забудьте же моего предложенія, если, къ сожалѣнію, не найдете ничего лучшаго. Въ шесть часовъ, кромѣ субботъ, я всегда дома. Приходите прямо къ обѣду. Привѣтъ вашей матушкѣ отъ меня!..

Карета покатилась, и молодой человѣкъ вошелъ въ широкія двери внушительнаго подъѣзда Земледѣльческаго банка.

К. Станюковичъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

СОНЕТЪ.

(Изъ Альфреда Мюссэ.)

Дитя, еслибъ даже былыя страданья
Опять въ моемъ сердцѣ проснуться могли,
И съ прежней тоскою и силой—желанья,
Какъ осени поздней цвѣты, расцвѣли,

И еслибъ—невинна, чиста и прекрасна—
Меня ты, мой другъ, захотѣла плѣнить,—
Разбитое сердце не билось бы страстно,
Тебя я не могъ и не смѣлъ бы любить.

Но знаю я, другъ мой, обычной чредою
Придетъ и къ тебѣ мигъ волшебный любви,—
Онъ счастьемъ освѣтитъ всѣ грёзы твои,

Ничтожнымъ весь міръ будешь звать ты съ тоскою...
Тогда я, какъ братъ, свое сердце отдамъ
Мечтамъ твоимъ свѣтлымъ... и горькимъ слезамъ.

Digitized by Google

НА РОДИНѢ.

Я приближался вновь къ полямъ моимъ роднымъ,
Я бросилъ повода, мой конь прибавилъ шагу...
Вонъ—церковь бѣлая съ крестомъ своимъ святымъ,
Вотъ—бѣдное село ютится по оврагу.
Внизу синѣетъ прудъ. Надъ гладью сонныхъ водъ
Ветла объятія простерла одиноко,
Склонясь надъ прудомъ садъ заброшенный цвѣтетъ,
И роща вдалекѣ задумалась глубоко.
Просторъ и тишина. Въ душѣ—опять покой;
Стихаетъ гнѣвный споръ мучительныхъ сомнѣній,
Воспоминанія—такъ полны стариной
И дѣтства чистаго забытыхъ вдохновеній,
Что, кажется, сейчасъ я въ рощу убѣгу,
И въ шелестѣ дубовъ причудливую сказку
Услышу снова я, и лягу на лугу,
И встрѣчу вѣтерка задумчивую ласку.
Потомъ—въ старинный домъ, теперь давно пустой,
Войду я радостный и, встрѣченный любовью,
Усну я тихимъ сномъ, и грёзы надо мной,
Сплетаясь въ хороводъ, приникнутъ къ изголовью...
Возможность счастія я сердцемъ вновь постигъ
И чувства разбудилъ давно въ душѣ нѣмыя.
Пусть это только мигъ—за этотъ свѣтлый мигъ
Спасибо вамъ, поля мои родныя!

Вл. Ладыженскій.

Digitized by Google

ЗАГРОБНАЯ ТОСКА

Посвящается гр. Л. Н. Толстому.

Ты разлюбилъ душой суровой
Красу земного бытія,
И строго мудрствуешь, готовый
Съ себя совлечь его оковы, —
Но не таковъ далёко я.
Я жизнь люблю любовью страстной,
Любовью, можетъ быть, слѣпой,
И отдаюсь ей ежечасно
Я весь и тѣломъ, и душой.
Мнѣ страшно смерти приближенье,
И страшно больше потому,
Что, какъ ни бьюсь, все не пойму
Души моей исчезновенья.
Не странно ль это? А межъ тѣмъ
Кто скажетъ мнѣ, что мыслю ложно?
Загробный міръ предъ нами—нѣмъ.
Все неизвѣстное—возможно.
О, еслибъ знать, что цѣликомъ,
Истлѣвъ въ могилѣ, я исчезну;
Что душу смерть въ пустую бездну
И въ тьму не выброситъ живьемъ!
Печально знать, что весь я сгину
И буду чуждъ родной средѣ,—
Но умереть лишь вполовину
И все же быть, но быть нигдѣ;

Digitized by Google

Мечтать о прошломъ понапрасну;
Любить, и помнить, и страдать;
То пламенѣть, то потухать,
И ждать: когда жъ совсѣмъ погасну?
О, страшно!..
„Выражу мой страхъ
И замогильную истому“ —
Такъ я сказалъ себѣ—„въ стихахъ,
И посвящу ихъ Льву Толстому“.
И вотъ тебѣ—тѣнь мертвеца!
Еще блѣднѣй она — нѣтъ спора —
Чѣмъ призракъ Гамлета-отца
И чѣмъ статуя командора:
Не разглядишь ее почти.
Но хоть межъ дѣломъ, для забавы,
А все же ты, мой другъ, прочти
Мной переложенный въ октавы
Теперь, на грустномъ склонѣ лѣтъ,
Меня преслѣдующій бредъ.

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые, —
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы...
Пушкинъ.

I.

Ненастна ночь осенняя была,
Смѣнившая день сѣрый и унылый.
Клубилась въ воздухѣ сырая мгла,
И выла буря, съ бѣшеною силой
Носясь по темной улицѣ села.
Близъ церкви только надъ одной могилой,
Межъ тѣмъ какъ мракъ повсюду былъ глубокъ,
Все вспыхивалъ и бѣгалъ огонекъ.

Digitized by Google

II.

Въ могилѣ той тревожно тосковала
Со свѣта въ тьму ушедшая душа.
Ужъ много лѣтъ съ той ночи миновало,
Какъ онъ на грудь склонился, не дыша,
И сердце въ немъ на вѣки замолчало;
Но жизнь ему была такъ хороша,
Такъ сильно онъ любилъ ее когда-то,
Что въ немъ еще болитъ ея утрата.

III.

Крестъ-на-крестъ руки на груди сложивъ,
Но все въ борьбѣ съ судьбою неминучей,
Онъ тосковалъ по днямъ, когда былъ живъ,
Когда въ немъ кровь текла струей кипучей,
Когда, во цвѣтѣ лѣтъ, онъ былъ счастливъ,
И ни одной не омрачились тучей
Тѣ небеса, сіявшія надъ нимъ
Во дни, когда, любя, онъ былъ любимъ.

IV.

Всегда за человѣчныя начала
Онъ честно велъ упорную борьбу;
Постыдныхъ сдѣловъ жизнь его не знала...
И, міру чуждъ, лежа теперь въ гробу,
Онъ своего не бросилъ идеала,
И проклиналъ жестокую судьбу
За то, что, въ узахъ смерти молчаливой,
Былъ празденъ духъ его вольнолюбивый.

V.

Изяществомъ врожденнымъ одаренъ,
Въ себѣ онъ вкусъ развилъ и пониманье.
Теперь, во тьмѣ, порою грезилъ онъ
Созданьями то кисти, то ваянья;

Digitized by Google

То передъ нимъ мелькали, какъ сквозь сонъ,
Всѣ зодчества великія созданья...
Чудесъ онъ видѣлъ много, и рвался
Опять взглянуть на эти чудеса.

VI.

И музыки ему недоставало.
По ней грустя, онъ помнилъ до сихъ поръ,
Какъ сердце въ немъ когда-то замирало
И на эстраду устремлялся взоръ,
Когда, въ виду замолкнувшаго зала,
Передъ большимъ оркестромъ дирижеръ
Начало возвѣщалъ рукой подъятой
Симфоніи Бетховена девятой.

VII.

Изъ геніевъ поэзіи—Шекспиръ,
Страстей людскихъ всевѣдущій историкъ,
Бывалъ съ нимъ чаще. Но хоть взглядъ на міръ
Былъ Гамлета его глубокъ и горекъ:
„Быть, иль не быть?.. Червей могильныхъ пиръ...
Привѣтъ меланхолическій: poor Yorick!“...
Такъ можно—думалъ онъ—хандрить, живя,
А не лежа въ сообществѣ червя.

VIII.

И началъ онъ, въ гробу, на тѣ же темы
Слагать стихи. Предъ воплемъ мертвеца
Всѣ вопли Гамлета живого—нѣмы.
Скорбями неземными безъ конца,
На языкѣ земномъ своей поэмы,
Заполонить онъ могъ бы всѣ сердца, —
Такъ пѣснь его тоской смертельной дышетъ...
Но чудныхъ строфъ ея никто не слышитъ.

Digitized by Google

IX.

Любилъ природу онъ, и видъ родной
Милѣе былъ ему всѣхъ видовъ свѣта.
И грезились ему—то садъ, весной;
То знойное, сверкающее лѣто;
То видъ задумчивый глуши лѣсной,
Ужъ красками осенними одѣтой;
То будто въ тепломъ домѣ изъ окна
Ему снѣговъ виднѣлась пелена.

X.

Онъ по семьѣ грустилъ, любимой нѣжно,
Въ ту ночь, которой начатъ мой разсказъ.
„Здорова ли? Счастлива ль?“... И мятежно
Его душа, тоскуя, къ ней рвалась,
Хотя мечтой не льстилась безнадежной
Ее увидѣть. Но на этотъ разъ
Онъ зовъ жены такъ явственно услышалъ,
Что онъ возсталъ и изъ могилы вышелъ.

XI.

Въ обличьѣ прежнемъ къ дому подходя,
Онъ могъ игру разслышать на роялѣ
Сквозь шумъ глухой деревьевъ и дождя.
И сталъ онъ пьесу ту, что̀ исполняли,
Припоминать, за музыкой слѣдя.
Когда жъ въ andante звуки зарыдали:
„Trio B-dur!“ [1])—воскликнулъ онъ.—Мое
Любимое Бетховена trio!“

XII.

Тогда, припавъ къ стеклу оконной рамы,
Онъ заглянуть спѣшилъ въ свой домъ родной.

---

[1]) Op. 97.

Digitized by Google

Видъ комнаты съ роялемъ—тотъ же самый;
Играютъ же на немъ, къ окну спиной,
Двѣ дѣвушки иль, можетъ статься, дамы,
А слушаетъ мужчина молодой.
Зачѣмъ же здѣсь чужіе люди эти?
И гдѣ жъ его жена? И гдѣ же дѣти?

XIII.

Межъ тѣмъ какъ онъ, печальный, у окна
Смотрѣлъ, ему видѣніе явилось...
Предъ нимъ въ дверяхъ—она! его жена!
Но, Боже мой, что съ нею совершилось?
Ужъ въ волосахъ бѣлѣетъ сѣдина...
О, какъ состарѣлась! Какъ измѣнилась!
Не измѣнились лишь глаза одни,
И, кажется, заплаканы они.

XIV.

На юныхъ музыкантшъ она сначала
Глядѣла нѣжно, стоя у дверей,
Покуда темпъ игриваго финала,
Рѣзвясь, къ концу стремился все скорѣй;
А при концѣ ихъ такъ поцѣловала,
Какъ только мать цѣлуетъ дочерей.
Тѣ обернулись, и при первомъ взглядѣ
Онъ ихъ узналъ. Вотъ Маня, а вотъ Надя!

XV.

Его уму теперь разъяснены
И дочерей роскошный видъ расцвѣта,
И красота поблекшая жены.
Знать, ужъ давно исчезнулъ онъ со свѣта,
Загробные давно ужъ видитъ сны;
И многія, полны событій, лѣта
Прошли съ тѣхъ поръ средь жителей земли,
Какъ трупъ его, оплакавъ, погребли.

Digitized by Google

XVI.

Въ тотъ мигъ, когда онъ вышелъ изъ гробницы
И жизнію повѣяло ему,
Безвѣстны были времени границы
Блуждавшему въ мечтахъ его уму.
Онъ, въ міръ явясь изъ нѣдръ своей темницы,
Не понималъ, когда увидѣлъ тьму
И на часахъ церковныхъ семь пробило—
Въ исходѣ ль ночь, иль только наступила.

XVII.

Но осень онъ по признакамъ узналъ:
И по вѣтвямъ кладбищенской березы,
И по тому, какъ вѣтеръ бушевалъ,
То жалобы кидая, то угрозы;
А сводъ небесъ безъ умолку ронялъ
Свои неизсякаемыя слезы...
О времени узналъ онъ лишь потомъ,
Какъ увидалъ весь освѣщенный домъ.

XVIII.

А въ домѣ ужъ идетъ чредой обычной
Тотъ вечеровъ любимый имъ обрядъ,
Въ которомъ самъ участвовалъ онъ лично
Лѣтъ десять, можетъ быть, тому назадъ:
Всѣ, слѣдуя потребности привычной,
Вокругъ стола накрытаго сидятъ,
И посреди—жена у самовара,
Порой заслонена клубами пара.

XIX.

Куда смотрѣть? И любоваться кѣмъ?
На комъ изъ пихъ остановить вниманье?
Онъ такъ ихъ всѣхъ любилъ! Такъ радъ имъ всѣмъ!
И, радостный, онъ сдерживалъ рыданья...

Digitized by Google

На нихъ глядя́, онъ вспомнилъ, между тѣмъ,
Что вызванъ былъ женою на свиданье.
Она—лицомъ обращена къ нему—
Въ оконную все всматривалась тьму.

XX.

Сидѣла Маня отъ нея направо;
Близъ Мани—незнакомецъ молодой;
Налѣво—Надя. Всѣ черты ихъ нрава
Остались тѣ же. Съ доброй простотой
Держалась Маня; Надя же, лукаво
Переглянувшись съ старшею сестрой,
Ея сосѣда, кажется, дразнила;
Причемъ смѣялись обѣ очень мило.

XXI.

О, какъ близка теперь его семья!
Какъ онъ хотѣлъ бы съ ней быть снова вмѣстѣ!
Войти, сказать: „Не бойтесь. Это—я.
Хочу за столъ присѣсть на прежнемъ мѣстѣ
И слушать васъ. О, дайте мнѣ, друзья,
Подробныя о вашей жизни вѣсти!“...
И, все въ окно смотря, онъ встрѣтилъ взоръ
Жены, глядѣвшей на него въ упоръ.

XXII.

Тогда, всю власть утративъ надъ собою,
Онъ постучалъ въ окно. Вскочили вдругъ
Всѣ съ мѣстъ... Жена съ простертою рукою
Къ окну... На лицахъ дочерей—испугъ...
Изъ караулки тою же порою
Послышался доски чугунной звукъ,
И вторить ей, протяжно завывая,
Собака начала сторожевая.

XXIII.

Жена, очнувшись, къ Манѣ подошла
И къ юношѣ, стоявшему съ ней рядомъ,

Digitized by Google

И за руки къ окну ихъ подвела.
Она, глядя въ окно, молила взглядомъ,
И та мольба ему ясна была:
Благословить ихъ въ путь къ земнымъ отрадамъ.
Онъ понималъ, втроемъ увидѣвъ ихъ,
Что юноша былъ дочери женихъ.

XXIV.

И онъ благословилъ. Осталось тайной
Для всѣхъ благословеніе его.
Жена, придя въ экстазъ необычайный,
Не видѣла, казалось, никого;
Женихъ же говорилъ: „то стукъ случайный;
Бываютъ стуки мало-ль отъ чего!
И птица на огонь летитъ нерѣдко,
И кустъ въ окно стучитъ сухою вѣткой“.

XXV.

И всѣ опять сидятъ вокругъ стола.
Сперва задумчивы. Но Надя вскорѣ
Молчанье оживленно прервала.
И видитъ онъ, что въ общемъ разговорѣ
Жена участье также приняла,
Съ веселостью такою въ ясномъ взорѣ,
Какъ словно спалъ съ души тяжелый гнетъ
Ее недавно мучившихъ заботъ.

XXVI.

Онъ долго на нее глядѣлъ, но болѣй
Не уловлялъ ея привѣтныхъ глазъ.
Уже она успѣла силой воли
Нарушить сонъ его, чтобъ въ этотъ часъ
Онъ дочь свою увидѣлъ въ новой долѣ,—
И связь опять межъ ними порвалась.
На зовъ жены явился онъ изъ гроба,
И—кончено. Свой долгъ свершили оба.

Digitized by Google

XXVII.

Межъ тѣмъ желаньемъ жить онъ былъ томимъ,
Какъ—весь въ жару—больной томится жаждой.
Онъ наблюдалъ, какъ жизнь текла предъ нимъ,
И жадно мигъ ея ловилъ онъ каждый.
Тотъ знаетъ цѣну радостямъ земнымъ,
Кто сталъ имъ чуждъ, извѣдавъ ихъ однажды.
Несчастнѣе судьба не можетъ быть,
Какъ мертвеца, который хочетъ жить.

XXVIII.

Пусть въ немъ заснетъ всѣхъ высшихъ думъ тревога;
Вѣдь жизнь полна иныхъ, вседневныхъ чаръ
Тамъ, за чертой домашняго порога.
Ему теперь лишь нуженъ жизни даръ,
А жизнь сама пусть дастъ хотя немного:
Тепло, покой, рояль да самоваръ.
Отыщутся на этомъ свѣтѣ блага
Для каждаго мгновенія и шага.

XXIX.

Онъ наслаждался бъ жизнію такой!
Безумцами она зовется—скука;
Но нѣтъ отрадъ блаженнѣй, какъ покой
И тишина. Есть рай въ „Орфеѣ“ Глюка.
Какъ тотъ, могла бъ и этотъ рай земной
Изобразить прозрачность та же звука.
Онъ лучшаго не хочетъ ничего;
Но рай живыхъ—уже не для него.

XXX.

А еслибъ даже съ нимъ свершилось чудо—
Онъ ожилъ бы—вѣдь было бъ для семьи
Добра, пожалуй, менѣе, чѣмъ худа.
Привычки бы всѣ бросили свои,
И этотъ бытъ, уютный такъ покуда,
Съ возлюбленной сошелъ бы колеи.
Сама жена, хоть не сказала бъ громко,
Подумала бъ: „какая въ жизни ломка!“

Digitized by Google

XXXI.

И онъ, взглянувъ въ послѣдній разъ на всѣхъ,
Уйти отъ нихъ рѣшился, гость незваный.
Онъ пожелалъ имъ счастья и утѣхъ,
Исполненъ самъ печали несказанной...
И въ этотъ мигъ раздался въ домѣ смѣхъ,
Его кольнувъ случайностію странной.
Онъ повернулъ за садъ, и за угломъ
Исчезъ на вѣкъ родной и милый домъ.

XXXII.

Онъ шелъ, во тьмѣ, по вспаханному полю.
Кругомъ тоскливой пѣсней вѣтеръ выл,
Какъ бы его оплакивая долю,
И мелкій дождь немолчно моросилъ.
И съ ними онъ стоналъ и плакалъ вволю.
Опять лежать въ землѣ, среди могилъ!
Опять тоска, которой онъ наказанъ
За то, что страстно къ бытію привязанъ!..

XXXIII.

И такъ взывалъ онъ къ силѣ міровой:
„Душа безъ тѣла мучится, больная;
И если есть за гробомъ міръ иной,
И тамъ насъ ждетъ, умершихъ, жизнь иная,—
О, прекрати тяжелый искусъ мой!
Дай мнѣ тотъ міръ увидѣть, оживая!
Ужъ не жилецъ на этомъ берегу,—
Зачѣмъ на тотъ вступить я не могу?“...

XXXIV.

Такъ ночь прошла. На небѣ забѣлѣло;
Туманная яснѣй виднѣлась муть.
Хотѣла ль воля въ немъ, иль не хотѣла,
Но онъ къ кладбищу свой направилъ путь;
Въ немъ мысли гасли; голова слабѣла...
Онъ прошепталъ въ бреду: „счастлива будь!“
И, потерявъ свою ночную силу,
Покорно легъ подъ памятникъ въ могилу.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Digitized by Google

СРЕДНЕВѢКОВОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ

ЕГО

ВОЗНИКНОВЕНІЕ и ИДЕАЛЪ

I.

Подобно тому, какъ надъ каждымъ изъ средневѣковыхъ городовъ высоко поднимается его массивный соборъ съ своей направленной къ небу остроконечной башнею,—такъ надъ всею средневѣковою жизнью царитъ одно общее, величественное сооруженіе человѣческаго духа. Оно теперь уже обветшало, несмотря на неоднократныя реставраціи,—число его поклонниковъ, однако, еще очень велико, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ возростаетъ и число тѣхъ, которымъ оно мѣшаетъ и которые хотѣли бы его снести, чтобы поставить на его мѣсто что-нибудь другое по своему вкусу и потребностямъ—казарму, фабрику или фаланстерій. Но кромѣ поклонниковъ, собирающихся массами около этого сооруженія, и кромѣ враговъ, нетерпѣливо ожидающихъ его паденія, къ нему ежегодно тянутся длинной вереницей любознательные путешественники, чтобы взглянуть на него, развѣдать, какъ оно строилось, побывать подъ его могучими, тускло освѣщенными сводами, подивиться обширнымъ его размѣрамъ и небывалой высотѣ. Однако, какъ при посѣщеніи готическаго храма нельзя ограничиться однимъ техническимъ или эстетическимъ интересомъ,—невольно отдаешься чувству и воображенію, вспоминаешь о тѣхъ тысячахъ благочестивыхъ труженикахъ, которые на своихъ плечахъ сносили камни для храма, и о цѣломъ рядѣ поколѣній, для которыхъ онъ служилъ центромъ и выразителемъ всей духовной жизни, утѣшите-

Digitized by Google

лемъ въ горѣ, источникомъ благороднаго энтузіазма и нравственнаго героизма, — такъ и при видѣ сооруженія, которое мы разумѣемъ, трудно оставаться равнодушнымъ наблюдателемъ и сухимъ изслѣдователемъ старины, ибо никакой другой памятникъ не говоритъ такъ краснорѣчиво о величіи человѣческаго замысла и о мощи человѣческой воли, о благородствѣ и въ то же время о низменности человѣческой натуры, о высокомъ нравственномъ подъемѣ и жалкомъ паденіи, — ни въ какомъ другомъ случаѣ не достигнутъ такой высокій предѣлъ и не потрачена такая сила человѣческаго *идеализма*. Этотъ великій историческій памятникъ называется „средневѣковымъ" католичествомъ, или *папскою теократіей*.

Кромѣ такого своего истерическаго или нравственно-культурнаго интереса, судьба средневѣковой теократіи заманчива еще потому, что она заключаетъ въ себѣ любопытную психологическую проблемму. Подобно тому, какъ высокій готическій сводъ держится на своихъ двухъ колоннахъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга въ своихъ основаніяхъ и смыкающихся на высотѣ своими заостренными верхушками, — такъ и вѣковое сооруженіе папской теократіи выросло столь мощно въ высоту и въ объемѣ, благодаря двумъ основнымъ принципамъ, другъ друга исключавшимъ и одинаково служившимъ общей цѣли. Это — принципъ аскетизма, или отреченія отъ міра, и принципъ всемірной власти, или владычества надъ міромъ. Достаточно поименовать эти принципы, чтобы усмотрѣть ихъ противоположность, и достаточно самаго бѣглаго знакомства съ исторіей папства, чтобы убѣдиться въ ихъ постоянномъ взаимодѣйствіи. На самомъ дѣлѣ, подъ знаменемъ, на которомъ было написано презрѣніе къ міру, папство достигло своихъ величайшихъ побѣдъ надъ міромъ: во имя аскетическаго идеализма, папы преобразили церковь и дали ей ту организацію, которая послужила прочнымъ основаніемъ для ихъ всемірнаго могущества; монахи, умершіе для міра, пробуждались къ жизни, чтобы проводить въ церкви и въ мірѣ идею всемірной папской власти, отстаивать ея интересы, содѣйствовать ея укрѣпленію и расширенію; покидая свои монастыри, они сами, въ качествѣ прелатовъ и папъ, завоевывали міръ во имя идеи единовластія.

Такое очевидное противорѣчіе не могло ускользнуть отъ вниманія историковъ, тѣмъ болѣе, что оно представляло имъ прекрасное средство для яркаго освѣщенія эпохи и твердую точку опоры для критики и приговора надъ отдаленной стариной. Разсматривая съ этой точки зрѣнія дѣятельность самыхъ великихъ или блестящихъ папъ, историкъ легко могъ придать своему изложенію за-

Digitized by Google

манчивую бойкость и своимъ характеристикамъ поражающую рельефность; въ особенности выгодна оказывалась эта точка зрѣнія *въ полемикѣ* — для историковъ, которые на почвѣ средневѣковой исторіи вели борьбу съ принципами и притязаніями современнаго католицизма. Поэтому всего ярче выступаетъ и всего послѣдовательнѣе проведена эта точка зрѣнія на средніе вѣка въ извѣстномъ сочиненіи бельгійскаго историка Лорана [1]), который посвятилъ свою выдающуюся начитанность, свой талантъ и свою трудовую жизнь, главнымъ образомъ, тому, чтобы спасти свое отечество отъ угрожавшаго ему порабощенія клерикализмомъ. Но, съ другой стороны, не только католическіе историки-апологеты [2]), но и на ряду съ ними другіе, вовсе не имѣвшіе въ виду прославленіе средневѣковаго католицизма,— стали указывать на то, что между монашескимъ аскетизмомъ и завоевательной политикой папъ нѣтъ никакого противорѣчія. Какъ аскетическій идеализмъ, такъ и стремленіе къ міровому владычеству папъ вытекаютъ изъ одного источника, изъ общаго средневѣковаго міровоззрѣнія, въ основаніи котораго лежитъ идея „божескаго царства“. Всего сознательнѣе и яснѣе поставленъ вопросъ о противорѣчіи между упомянутыми принципами, и всего категоричнѣе разрѣшенъ онъ въ отрицательномъ смыслѣ въ вышедшемъ три года тому назадъ замѣчательномъ сочиненіи Эйкена: „Исторія и система средневѣковаго міровоззрѣнія“ [3]).

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью доказать, что оба стремленія,— какъ стремленіе къ отрицанію міра, такъ и къ завладѣнію міромъ,— въ одинаковой степени выступающія въ средневѣковой церкви, хотя и представляются совершенно противоположными и вполнѣ другъ друга исключающими, однако по существу своему и цѣли —едины; что переходъ отъ отвращеннаго отъ міра, аскетическаго ученія христіанства къ обращенной на міръ завоевательной политикѣ папства былъ логически необходимымъ процессомъ; что, вслѣдствіе этого, притязанія средневѣковой іерархіи на власть имѣли свое основаніе не въ произволѣ отдѣльныхъ личностей, а въ самой логикѣ религіозной системы католичества. Къ сожалѣнію, ученый и проницательный авторъ только намѣтилъ свою задачу, но не осуществилъ ее. Двадцать лѣтъ работая надъ нею и собравъ громадный матеріалъ для разрѣшенія ея, онъ былъ

[1]) Laurent: Etudes sur l'histoire de l'humanité, 12 т. и 2 т. прил.

[2]) Сюда относится сочиненіе наиболѣе научнаго изъ католическихъ историковъ епископа, потомъ кардинала: Hefele, Conciliengeschichte.

[3]) H. v. Eicken: Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung. Cotta, 1887, 822 стр.

Digitized by Google

охваченъ имъ, и его мысль поглощена другою задачею. Оставивъ собственно въ сторонѣ вопросъ о противорѣчіи или согласіи двухъ основныхъ принциповъ средневѣковой теократіи, Эйкенъ далъ намъ въ небывалой полнотѣ и въ яркомъ изложеніи исторію *развитія* и затѣмъ *разложенія* средневѣкового міросозерцанія. Въ этомъ именно заключается значеніе книги. Не идея противоположности между „аскетизмомъ и іерархіей“ проходитъ красной нитью черезъ эту книгу, а изображеніе другого, не менѣе поразительнаго контраста. Мы становимся зрителями колоссальной борьбы, которую ведутъ въ мірѣ поборники аскетизма и іерархіи, чтобы общими силами установить надъ нимъ торжество теократіи и подчинить средневѣковому міровоззрѣнію всѣ области человѣческаго духа и жизни: государство, общественное устройство, семью, право, экономическую жизнь, литературу и науку, а съ другой стороны, мы видимъ все болѣе усиливающееся *противодѣйствіе* мірянъ и духа новаго времени господству теократической системы. Такимъ образомъ и изложеніе Эйкена принимаетъ невольно и, нужно сказать, слишкомъ часто обличительный характеръ и приближается къ противоположной тенденціи Лорана, котораго Эйкенъ впрочемъ не знаетъ, какъ своего предшественника.

Во всякомъ случаѣ, проблемма имъ ясно поставлена и отъ ея разрѣшенія въ томъ или другомъ смыслѣ будетъ зависѣть не только оцѣнка отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей среди монаховъ и папъ, но и вся окраска средневѣковой исторіи съ самой выдающейся ея стороны.

Однако, находимся ли мы дѣйствительно въ этомъ случаѣ передъ дилеммой и принуждены признать или основное противорѣчіе во всѣхъ заявленіяхъ и стремленіяхъ поборниковъ теократической организаціи міра, или же, наоборотъ, мы должны допустить, что чрезъ всѣ ихъ идеи, стремленія и дѣйствія проходятъ полное единство и строгая послѣдовательность?

Процессъ исторической жизни обыкновенно много сложнѣе отвлеченныхъ формулъ, подъ которыя историкъ желалъ бы его подвести. И въ данномъ случаѣ на вопросъ о противорѣчіи нельзя ограничиться простымъ отвѣтомъ: „да“ *или* „нѣтъ“; справедливо, что между аскетизмомъ и іерархіей, монашествомъ и папствомъ нѣтъ принципіальнаго противорѣчія, ибо и то, и другое вытекаетъ изъ одного общаго источника—изъ идеи „божескаго царства“ на землѣ; но въ то же время несомнѣнно, что черезъ всю средневѣковую жизнь дѣйствительно проходитъ коренной или принципіальный *разладъ*. Этотъ разладъ, однако, обусловливается не противорѣчіемъ между принципами отреченія

Digitized by Google

отъ міра и завладѣванія имъ, но болѣе общимъ и существеннымъ противорѣчіемъ или, вѣрнѣе сказать, *антиноміею* между *идеаломъ* и дѣйствительностью, между идеей и учрежденіемъ, между духовнымъ складомъ личности и ея проявленіемъ въ окружающей ее дѣйствительности. Разладъ такимъ образомъ двоякій: историческій и психологическій, сообразно тому, что и самый идеалъ божескаго царства подлежалъ двойному осуществленію—въ учрежденіи, т.-е. въ церкви, и въ личной жизни монаха. Въ первомъ случаѣ разладъ обусловливался все болѣе и болѣе увеличивавшимся разстояніемъ между идеальной цѣлью теократіи и реальною формою, въ которой она осуществилась—въ царствѣ Христова намѣстника въ Римѣ. Какъ скоро идея „божескаго царства" на землѣ начала обнаруживаться въ дѣйствительности, она стала подлежать вліянію историческихъ и культурныхъ условій вѣка, римской традиціи, феодализма, анархіи, невѣжества, людскихъ страстей и столкновеній; для утвержденія „божескаго царства" на землѣ понадобилась универсальная власть римскаго первосвященника, а для укрѣпленія этой духовной власти понадобилось подчиненіе ей всѣхъ свѣтскихъ властей и силъ, т.-е. постепенное превращеніе ея въ свѣтскую и матеріальную власти. Другой же разладъ—психологическій—обусловливался двойнымъ отраженіемъ въ душѣ монаха идеи божескаго царства, двойнымъ его призваніемъ: спасать себя и спасать міръ, содѣйствуя торжеству надъ міромъ божескаго царства.

Этотъ двойной разладъ вноситъ въ средневѣковую исторію разнообразіе, жизнь и глубокій трагическій интересъ; природа человѣка проявляется на ея общемъ психологическомъ основаніи въ многочисленныхъ и тонкихъ оттѣнкахъ; какъ въ другія времена, такъ и здѣсь мы видимъ передъ собою, въ ряду монаховъ и папъ,—идеалистовъ, которые хотятъ преобразить дѣйствительность, не взирая на ея требованія и условія, и политиковъ, въ рукахъ которыхъ самыя идеи превращаются въ политическія средства,—аскетовъ, которые умираютъ для міра, и фанатиковъ, закалившихся въ монашеской дисциплинѣ лишь для того, чтобы наложить на міръ ея желѣзное ярмо.

Вся жизнь превращается въ борьбу и драму. Эта драма происходитъ въ душѣ монаха, когда онъ отрывается отъ семьи, отрекается отъ всего, что̀ ему было дорого въ жизни, что̀ его манило и прельщало въ будущемъ; она продолжается въ монастырской кельѣ въ борьбѣ монаха съ своими привычками и страстями; она повторяется, когда монахъ, уступая голосу идеала или внутреннему влеченію, покидаетъ келью, чтобы снова сдѣ-

Digitized by Google

ляться борцомъ въ мірѣ. Но подобная же драма разыгрывается въ обширныхъ размѣрахъ на всемірной сценѣ въ исторіи папства: подъ знаменемъ аскетизма, во имя божескаго царства, возводятъ свое величественное зданіе идеалисты между монахами и папами, великіе зодчіе средневѣковой теократіи, и съ каждымъ новымъ торжествомъ, съ каждой новой побѣдой надъ міромъ царство теократіи удаляется отъ своего идеала. Въ жизни нѣкоторыхъ выдающихся поборниковъ „божескаго царства“ можно лучше всего прослѣдить этотъ разладъ между идеей и учрежденіемъ въ исторіи папства, между идеаломъ и требованіями дѣйствительности въ душѣ монаха. Но для этого необходимо прежде всего выяснить хоть въ краткомъ очеркѣ историческое происхожденіе идеи „божескаго царства“ и смыслъ, который она получила въ началѣ среднихъ вѣковъ среди условій, въ которыхъ тогда находились европейскіе народы.

Такъ какъ, въ виду указанной нами цѣли, нѣтъ основанія углубляться въ подробную исторію идеи „божескаго царства“ на землѣ, то всего цѣлесообразнѣе будетъ въ настоящемъ случаѣ подойти, такъ сказать, прямо къ ея колыбели и познакомиться съ памятникомъ, въ которомъ эта идея впервые получила свое логическое развитіе и свою теоретическую формулу.

Такое значеніе имѣетъ трактатъ или сочиненіе Августина Civitas Dei (Царство Божеское). Это имя переноситъ насъ къ началу V вѣка нашей эры. Здѣсь на грани двухъ міровъ, римско-языческаго и христіанско-европейскаго, и подъ вліяніемъ ихъ антагонизма зародилась та величественная идея, которую средневѣковая Европа пыталась осуществить; здѣсь сложилось то ученіе, которое представляетъ собою философію исторіи среднихъ вѣковъ. Здѣсь мы можемъ прослѣдить самые корни изучаемаго нами явленія, если вникнемъ въ духъ эпохи, разсмотримъ обстановку, среди которой росъ и развивался Августинъ, если дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, какія задачи должны были занимать его пытливый и геніальный умъ, какими впечатлѣніями питалось его пламенное воображеніе, какія событія имѣли рѣшающее для него значеніе.

По своему времени и личному развитію самъ Августинъ является олицетвореніемъ коренного антагонизма древняго римскаго и христіанскаго міровъ; онъ въ самомъ себѣ пережилъ и побѣдилъ этотъ антагонизмъ и въ силу этого сдѣлался главнымъ руководителемъ современнаго ему общества при переходѣ отъ стараго

Digitized by Google

міра къ новому. Начнемъ съ эпохи, когда родился Августинъ—въ 353 г.—язычество уже было побѣждено, но еще находилось въ полной силѣ. Еще не были тогда изданы строгіе указы императора Ѳеодосія противъ язычества, и даже жертвоприношенія животныхъ языческимъ богамъ еще не возбранялись, а съ дѣтствомъ Августина совпала извѣстная попытка императора Юліана возстановить торжество язычества. Въ самомъ Римѣ язычество даже имѣло перевѣсъ: оно находило себѣ крѣпкій оплотъ въ римской аристократіи, въ тѣхъ сенаторскихъ фамиліяхъ, которыя остались вѣрными блюстительницами римскихъ преданій и римской старины. Другой крѣпкій оплотъ язычество находило въ тогдашнемъ образованіи, основанномъ на изученіи языческой литературы и языческой философіи. Императоръ Юліанъ даже запретилъ христіанамъ преподавать литературу и риторику, т.-е. искусство, которымъ такъ дорожилъ древній міръ. Изъ разсказовъ самого Августина о своей жизни, изъ его знаменитыхъ *Признаній* мы узнаемъ, что прославившійся въ то время преподаватель литературы и риторики, Викторинъ, убѣдившись уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ въ истинѣ христіанства, долженъ былъ, въ силу императорскаго запрещенія, разстаться съ дорогой ему дѣятельностью. Итакъ, кто любитъ образованіе, литературу, искусство и философію, тотъ чуждается христіанства, а кто полюбитъ христіанство, тотъ отрекается отъ всего, что входило въ тогдашнее образованіе.

Августинъ, какъ уже упомянуто, пережилъ въ самомъ себѣ антагонизмъ и борьбу этихъ двухъ міровоззрѣній—дряхлѣвшаго, уходившаго,—и грядущаго, полнаго жизни и будущности. Его отецъ былъ язычникъ, его мать, Моника, была ревностная и благочестивая христіанка, своими нравственными достоинствами доказывавшая преимущество новаго ученія и повліявшая на обращеніе мужа и сына. Но для молодого Августина часъ обращенія долго не наступалъ. Въ чтеніи языческихъ сочиненій, въ твореніяхъ Цицерона и въ діалогахъ Платона Августинъ почерпнулъ любовь къ мудрости, а эта мудрость приковала его къ язычеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ весь отдался тому призванію, которое наиболѣе соотвѣтствовало его таланту, и которое въ то время представляло лучшее средство прославиться и пріобрѣсти почести. Онъ отдался риторикѣ и занялъ мѣсто профессора этого искусства въ Миланѣ, тогдашней столицѣ западной римской имперіи.

Такъ прошла его молодость, и ему наступилъ 32-ой годъ. Примѣръ и вліяніе матери сблизили Августина съ христіанствомъ;

Digitized by Google

онъ углубился въ книги Христовы и, по своимъ *Признаніямъ*, теоретически уже усвоилъ себѣ божественную истину. Но его обращеніе замедлялось привязанностью къ міру, и даже тогда, когда, по его словамъ, въ немъ погасли страсти, когда его уже не волновала надежда на почести и богатство, онъ все еще медлилъ — его отвлекала любовь къ семейной жизни, любовь къ женщинѣ, которая дала ему сына.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что переходъ Августина къ христіанству представлялся ему разрывомъ—со всѣмъ тѣмъ, что̀ ему было дорого и цѣнно въ жизни.

Дòлги и мучительны были его колебанія; онъ самъ подробно посвятилъ насъ въ тайны души своей. Онъ ободрялъ себя примѣромъ Викторина, который, по его выраженію, не устыдился признать себя рабомъ Христа, „согнуть шею свою подъ игомъ смиренія и склонить гордое чело къ орудію позора—къ кресту“. Августинъ испытывалъ въ себѣ полное раздвоеніе; онъ различалъ въ себѣ двѣ воли: одну старую—другую новую, одну плотскую, другую духовную. И чѣмъ дольше продолжался этотъ раздоръ въ его душѣ, тѣмъ больше міръ представлялся ему тяжкимъ, ненужнымъ бременемъ, которое надо сбросить съ себя, чтобы свободно идти къ Христу.

Въ такомъ настроеніи находился Августинъ, когда одна случайная встрѣча порѣшила дѣло, и разсказъ о подвигѣ другихъ далъ ему силу совершить тотъ подвигъ, который давно занималъ его душу. Этотъ моментъ въ жизни Августина весьма характеренъ: онъ показываетъ, въ какомъ духѣ и съ какими мотивами совершилось его обращеніе въ христіанство, и какое значеніе оно имѣло для всего его міровоззрѣнія.

Въ то время,—разсказываетъ Августинъ,—когда онъ еще ни въ чемъ не измѣнилъ своей житейской обстановки, хотя тревога въ немъ росла съ каждымъ днемъ и онъ посѣщалъ церковь, насколько это ему дозволяло занятіе риторикой, его посѣтилъ его землякъ, Понтиціанъ, занимавшій видное мѣсто на службѣ императора. Бесѣдуя съ Августиномъ, Понтиціанъ замѣтилъ на игорномъ столѣ книгу и взялъ ее въ руки; онъ думалъ, что это какое-нибудь сочиненіе по риторикѣ, и съ изумленіемъ увидѣлъ, что это были творенія апостола Павла.

Понтиціанъ былъ христіанинъ; съ улыбкою удовольствія онъ высказалъ Августину свое удивленіе, и когда узналъ, что его другъ съ усердіемъ изучаетъ священное писаніе,—сталъ ему разсказывать объ отшельникѣ Антоніѣ въ Египтѣ, который уже успѣлъ прославиться среди христіанъ, но имя котораго еще было

Digitized by Google

совершенно неизвѣстно Августину. Теперь уже Августину пришлось изумляться, когда онъ изъ словъ Понтиціана узналъ, „какъ плодородны стали египетскія пустыни, какъ роскошно они процвѣли отшельниками и кельями, и какую святую жизнь въ нихъ вели".

Въ особенности же поразилъ Августина разсказъ о событіи, очевидцемъ котораго былъ самъ Понтиціанъ. За нѣсколько времени предъ тѣмъ Понтиціанъ находился въ Трирѣ при дворѣ императора. Однажды послѣ обѣда императоръ отправился съ своей свитой въ циркъ, чтобы посмотрѣть на игры. Понтиціанъ же съ тремя изъ своихъ друзей отправился въ рощу, примыкавшую къ крѣпостной стѣнѣ.

Тамъ двое изъ прогуливавшихся, случайно отдѣлившіеся отъ другихъ, пошли наугадъ впередъ, и въ глубинѣ рощи нашли хижину, въ которой поселились христіанскіе отшельники. Вошедши въ хижину, они увидѣли тамъ книгу, заключавшую въ себѣ жизнеописаніе Антонія. Взявъ книгу, одинъ изъ нихъ началъ читать въ ней, все сильнѣе и сильнѣе становилось впечатлѣніе, его охватившее, и, наконецъ, онъ обратился къ своему товарищу съ слѣдующими словами: „Скажи, пожалуйста, чего мы добиваемся цѣною всѣхъ этихъ нашихъ трудовъ? чего мы ищемъ? изъ-за чего несемъ нашу службу? Не составляетъ ли крайній предѣлъ нашихъ надеждъ по службѣ при дворѣ добиться званія „друзей императора"? А какъ непрочно это званіе, какъ полно опасностей, и когда еще мы его достигнемъ? если же я захочу быть другомъ Господа, то сейчасъ могу имъ сдѣлаться".

По мѣрѣ того, какъ онъ продолжалъ чтеніе, „его духъ совлекалъ съ себя все земное", и, наконецъ, онъ объявилъ своему товарищу свое твердое рѣшеніе тутъ же немедленно отречься отъ всѣхъ земныхъ надеждъ и посвятить себя служенію Богу. Его другъ согласился послѣдовать его примѣру, и оба они порѣшили вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ всего своего достоянія. Въ эту минуту Понтиціанъ съ своимъ спутникомъ разыскали товарищей; но напрасно они ихъ убѣждали возвратиться съ ними во дворецъ; устремивъ всѣ свои вожделѣнія къ небу, они остались въ хижинѣ. У обоихъ были невѣсты, и дѣвушки, узнавъ о намѣреніи своихъ женіховъ, подобно имъ, посвятили свое дѣвство Богу.

Мы не станемъ описывать того, что происходило въ душѣ Августина подъ впечатлѣніемъ разсказа Понтиціана, и не станемъ приводить его краснорѣчивыя признанія. Чѣмъ болѣе симпатіи ему внушали молодые люди, покинувшіе императорскій

Digitized by Google

дворецъ для хижины отшельника, тѣмъ болѣе злобы чувствовалъ онъ противъ самого себя. Предъ его воображеніемъ снова прошла вся пережитая имъ жизнь съ той минуты, когда онъ, 19-лѣтнимъ юношей, раскрылъ Гортензія, философскій трактатъ Цицерона. Теперь всѣ наслажденія, которыя ему доставляла наука, всѣ увлеченія юношескихъ страстей, представлялись ему иллюзіей и зломъ, такъ какъ, благодаря имъ, онъ откладывалъ то, что признавалъ теперь высшимъ для себя блаженствомъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ подготовлялось обращеніе Августина; переходъ въ христіанство означалъ для него переходъ отъ земного и суетнаго къ небесному и вѣчному благу.

Въ 387 году, Августинъ принялъ св. крещеніе и, тотчасъ оставивъ свою профессуру, удалился съ матерью и нѣкоторыми друзьями въ уединенную виллу, гдѣ написалъ свои первыя сочиненія религіознаго содержанія. По смерти же матери онъ, по ея совѣту, возвратился на родину; тамъ онъ роздалъ свое имущество и устроилъ съ друзьями религіозное общежитіе, послужившее образцомъ для возникшаго позднѣе въ XII вѣкѣ августинскаго монашескаго ордена. Впослѣдствіи онъ сдѣлался пресвитеромъ, а потомъ епископомъ Гиппона въ Африкѣ.

Среди его епископской и проповѣднической дѣятельности застигло Августина то міровое событіе, подъ впечатлѣніемъ котораго окончательно сложилось его міровоззрѣніе и выразилось въ его великомъ твореніи—Civitas Dei.

Уже болѣе тысячи лѣтъ продолжалось въ то время существованіе Рима, и историческій подвигъ этого города вполнѣ завершился. Подчинивъ себѣ оружіемъ другіе города Италіи и царства древняго міра, Римъ образовалъ громадную державу, превратился въ цѣлый міръ. Но къ началу V вѣка могущество римской державы миновало. Имперія раздѣлилась, чтобы лучше охранять свои предѣлы отъ вторженія враговъ; но это раздѣленіе стало началомъ распаденія, которое особенно быстро обнаружилось въ западной, чисто-римской, части имперіи. При этомъ разложеніи міровой державы особенно печальна была судьба самого Рима. Римъ давно уже пересталъ быть столицей не только всей имперіи, но даже и западной ея части. Чтобы быть ближе къ границѣ Италіи, подвергавшейся нападеніямъ, западные императоры перенесли свое мѣстопребываніе въ Миланъ, а потомъ въ Равенну. Съ своими историческими воспоминаніями, съ своими тріумфальными арками, напоминавшими о прежнихъ побѣдахъ, съ своимъ безчисленнымъ сонмомъ статуй консуловъ и императоровъ, создавшихъ могущество Рима, этотъ городъ оставался

Digitized by Google

одинокъ и пустыненъ. Въ трогательныхъ выраженіяхъ изобразилъ языческій поэтъ Клавдіанъ плачъ Рима, обращенный къ императору Гонорію по случаю его посѣщенія вѣчнаго города: „въ теченіе цѣлаго вѣка,—жалуется гордая Рома своему повелителю,—я видѣла только трехъ императоровъ въ своихъ стѣнахъ, и каждый разъ они въѣзжали въ городъ на колесницахъ, обагренныхъ кровью римскихъ гражданъ". Въ его одиночествѣ Римъ можно сравнить съ старикомъ, который среди многочисленной родни, къ нему равнодушной, въ угрюмомъ уединеніи и всѣми покинутый доживаетъ свой вѣкъ.

Наконецъ, эта дряхлость и безпомощность Рима обнаружилась роковымъ для него образомъ въ страшной катастрофѣ, постигшей его въ 410 году.

Вестготы, подъ предводительствомъ своего короля Алариха, давно уже стояли у воротъ Италіи, въ имперіи, грозя своимъ вторженіемъ. Спасеніе Италіи и Рима было въ рукахъ другого варвара, вандала Стилихона, занимавшаго первое мѣсто при дворѣ императора Гонорія. Когда придворная интрига лишила Стилихона власти и жизни, Аларихъ вступилъ въ Италію. Предложенія, сдѣланныя имъ императору, вступить съ готскимъ ополченіемъ къ нему на службу, были отвергнуты Гоноріемъ, считавшимъ себя безопаснымъ за крѣпкими стѣнами Равенны. Оставивъ въ сторонѣ Равенну, Аларихъ два раза подступалъ къ Риму, поставилъ тамъ другого императора—изъ среды сенаторовъ, а потомъ, убѣдившись, что онъ для него безполезенъ, развѣнчалъ его. Наконецъ, Аларихъ въ третій разъ подошелъ къ Риму съ намѣреніемъ овладѣть имъ. Римъ былъ въ безпомощномъ состояніи. У него не было вождей; даже римскій епископъ Иннокентій во время нашествія готовъ оставался въ Равеннѣ и, по выраженію одного современнаго свидѣтельства, подобно Лоту, отвернулся отъ гибели нечестиваго Содома.

Не будучи въ силахъ взять Римъ приступомъ, Аларихъ рѣшился покорить его голодомъ; при густомъ населеніи Рима, не приготовившагося къ осадѣ, голодъ далъ себя чувствовать скоро со всѣми своими страшными послѣдствіями. Достаточно одной черты, чтобы характеризовать положеніе: указать на ту мать, которая, въ припадкѣ безумія, утолила свой голодъ своимъ грудным ребенкомъ.

Среди этихъ ужасовъ наступила роковая для Рима ночь 24-го августа. Отчаяніе или измѣна отворили ворота врагу, и въ ночномъ мракѣ готы густою толпой ворвались въ городъ. Озлобленные долгимъ ожиданіемъ, они зажгли дома, стоявшіе имъ по

Digitized by Google

пути, и отъ окраинъ города огонь сталъ быстро распространяться. Поднявшаяся буря разнесла его по всему Риму, а къ довершенію ужаса буря сопровождалась грозой, во время которой многіе языческіе храмы и статуи на форумѣ были поражены ударомъ молніи. Христіане видѣли въ этомъ знаменіе божественнаго гнѣва, обращеннаго на греческій Римъ, и постигшее ихъ бѣдствіе получило въ ихъ глазахъ религіозное значеніе.

Но страшнѣе еще и немилосерднѣе огня были мечи готовъ и ихъ хищность. Не получивъ возможности содержать свое ополченіе жалованьемъ императора, Аларихъ предоставилъ готамъ вѣками накопленныя богатства Рима въ вознагражденіе за лишенія и долгія ожиданія, и готскіе воины брали все, что имѣло цѣнность въ ихъ глазахъ. Преимущественно же они искали денегъ и золота, и тамъ, гдѣ не находили ихъ въ достаточномъ количествѣ, или гдѣ уже до нихъ побывали грабители, они безжалостными истязаніями принуждали жителей выдать скрытыя, по ихъ мнѣнію, сокровища. А возбужденные при этомъ звѣрскіе инстинкты дикихъ людей уже не знали предѣловъ ни въ какомъ отношеніи. На этой темной картинѣ свѣтлыми точками выдѣляются нѣсколько подвиговъ благородства и великодушія со стороны отдѣльныхъ готовъ; но подробности, дошедшія до насъ объ этихъ первыхъ проблескахъ рыцарства, выставляютъ въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ трагическую судьбу большинства населенія.

Участь римскихъ христіанъ была нѣсколько смягчена тѣмъ, что вестготы были крещены и смотрѣли на христіанъ какъ на единовѣрцевъ. Но участіе вестготовъ къ христіанамъ ограничилось главнымъ образомъ тѣмъ, что, по распоряженію Алариха, обширныя базилики св. Петра въ Ватиканѣ и св. Павла за воротами Рима были изъяты изъ грабежа, и всѣмъ христіанамъ, спасавшимъ тамъ свою жизнь и имущество, была предоставлена полная безопасность.

Несмотря, однако, на эту милость побѣдителя, многіе христіане сдѣлались жертвой разоренія и разграбленія Рима. Объ ихъ страданіяхъ мы имѣемъ даже болѣе точныя свѣденія, чѣмъ о бѣдствіяхъ языческой части населенія, и по судьбѣ христіанъ можно сдѣлать заключеніе о еще болѣе печальной участи язычниковъ. Дѣло въ томъ, что дошедшія до насъ свидѣтельства принадлежатъ христіанамъ, и потому въ подробностяхъ болѣе касаются христіанъ. Жившій въ это время въ Виѳлеемѣ, св. Іеронимъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми христіанскими семьями изъ римской аристократіи, и изъ его писемъ мы узнаемъ печальную судьбу, ихъ постигшую. Благодаря этому источнику, намъ живо

Digitized by Google

представляется страшное зрѣлище, происходившее въ домѣ знатной Марцеллы, имя которой такъ напоминаетъ самыя блестящія времена Рима. Толпа разсвирѣпѣвшихъ готовъ овладѣла Марцеллой и безчеловѣчно ударами розогъ вымогала у нея сокровища, которыя соотвѣтствовали бы внѣшнему блеску ея обширнаго дома. Истязанія были такъ жестоки, что Марцелла умерла черезъ нѣсколько дней. Но среди этихъ мученій она думала только о воспитанной въ ея домѣ молодой дѣвушкѣ, которая также находилась въ рукахъ дикарей, и молила пощадить ее.

Такъ палъ Римъ въ огнѣ и въ крови, какъ бы искупая подобную участь, которой онъ такъ часто подвергалъ другіе города. Но паденіемъ Рима страданія римлянъ не окончились. Они вынесли ихъ съ собой изъ обгорѣлыхъ стѣнъ и разнесли по всему міру. Объятые ужасомъ, они спѣшили покидать городъ, ища убѣжища на островахъ или дальше, въ Африкѣ и въ Азіи. Потерявши все, многіе при этомъ были принуждены кормиться милостыней, а тѣ, которые спасли что-нибудь, подвергались новому ограбленію; корабельщики, пользуясь безпомощнымъ положеніемъ бѣглецовъ, вымогали у нихъ послѣдній динарій. Но не одна только нищета постигала бѣглецовъ,—ихъ часто ожидали рабство и позоръ. Губернаторъ Африки, Гераклианъ, разсчитывая въ эти смутныя времена на полную безнаказанность, налагалъ на всѣхъ, причаливавшихъ къ берегамъ его провинціи, громадную пошлину, и тѣхъ, кто не могъ откупиться, продавалъ въ рабство сирійскимъ корабельщикамъ, которыхъ онъ, какъ говорятъ наши источники, нарочно выписалъ. Такой печальной судьбѣ подверглись многія матроны изъ римской аристократіи съ своими дочерьми. Письма Іеронима знакомятъ насъ съ участью вдовы Проба, Фельтоніи, и ея семьи. Это была когда-то самая богатая изъ римлянокъ; но при разореніи Рима она оставила въ рукахъ готовъ, выручая отъ нихъ свою семью, большую часть своего состоянія, а теперь въ Африкѣ, чтобы спасти свою внучку Деметріалу отъ продажи въ рабыни, она должна была отдать послѣднее, что при себѣ имѣла.

По этимъ немногимъ даннымъ можно себѣ представить, какое глубокое, потрясающее впечатлѣніе произвело на современниковъ паденіе Рима. Но о силѣ этого впечатлѣнія можно судить лучше всего по его послѣдствіямъ: гибель Рима вызвала переворотъ въ умахъ; она послужила исходною точкою для новаго взгляда на жизнь и для новой эпохи въ исторической жизни. Катастрофа, постигшая Римъ, разожгла до крайности антагонизмъ, существовавшій между язычниками и христіанами. Язычники были возму-

Digitized by Google

щены; въ гибели Рима они видѣли убѣдительное доказательство того вреда, который христіанство принесло Риму. Римъ былъ могущъ и цвѣтущъ, пока въ немъ не было христіанъ. Оскорбленные христіанами боги лишили Римъ своего покровительства; зачѣмъ были воспрещены жертвоприношенія языческимъ богамъ? зачѣмъ вынесли изъ сената, по распоряженію императора, статую Викторіи? по винѣ христіанъ римляне, такъ сказать, сами отреклись отъ побѣды, обрекли себя на пораженіе и позоръ.

Но что огорчало язычниковъ, то радовало христіанъ. Римъ, въ ихъ глазахъ, былъ достоинъ гибели, потому что хранилъ въ своей средѣ идоловъ и коснѣлъ въ язычествѣ. Мы видѣли, что римскіе христіане оправдывали отсутствіе своего пастыря тѣмъ, что ему не слѣдовало дѣлить участь нечестиваго Содома. Moab capta est, съ пренебреженіемъ восклицалъ св. Іеронимъ, принимая къ Риму чувство презрѣнія и ненависти, которымъ былъ одушевленъ избранный народъ, израильтяне, къ языческимъ моавитянамъ.

Но на этой отрицательной точкѣ зрѣнія не могли остановиться христіанскіе проповѣдники и учители, и христіане не мало пострадали отъ гибели Рима; надо было ихъ утѣшить, нравственно подкрѣпить, а тѣхъ, которые не пострадали непосредственно, охранить отъ софизмовъ язычниковъ; надо было ихъ наставить и объяснить имъ великій промыслъ Божій, выразившійся такъ наглядно въ этомъ роковомъ событіи.

Подобно другимъ христіанскимъ проповѣдникамъ, и Августинъ часто касался гибели Рима въ своихъ поученіяхъ; но чѣмъ болѣе онъ вдумывался въ это событіе, тѣмъ болѣе охватывала его глубокая истина, которую онъ въ немъ прозрѣвалъ. Объясняемый имъ фактъ сдѣлался для него источникомъ цѣлаго міровоззрѣнія, и задача предъ нимъ все расширялась, вслѣдствіе разныхъ перерывовъ; онъ трудился надъ нею 16 лѣтъ, и 73-хъ лѣтъ окончилъ свое сочиненіе De Civitate Dei. Оно состояло изъ 22 книгъ и заключало въ себѣ двѣ части. Первая была обращена къ язычникамъ, къ языческому Риму,—къ тому, что погибло и *должно* было погибнуть. Августинъ не ограничивается въ ней опроверженіемъ упрека, что Римъ палъ по винѣ христіанъ; возражая язычникамъ доводами, взятыми изъ ихъ же исторіи, онъ доказывалъ имъ, что Римъ и прежде терпѣлъ бѣдствія и горѣлъ при полномъ владычествѣ языческихъ боговъ; но затѣмъ онъ идетъ далѣе, и его полемика съ языческимъ Римомъ расширяется до систематическаго обличенія всего мнимаго римскаго величія, всей языческой культуры, всей исторіи древняго міра.

Digitized by Google

Что же, однако, сгорѣло и погибло?—погибло дѣло рукъ человѣческихъ, горѣли дерево и камни, дома и стѣны; истинный же Римъ будетъ жить, если римляне перестанутъ довѣрять богамъ изъ дерева и мрамора, и обратятся къ живому Богу.

Вторая часть поэтому обращена къ христіанамъ. Представивъ имъ все, что могло быть для нихъ утѣшительнаго среди всеобщаго бѣдствія, что было способно успокоить ихъ недоумѣніе и смягчить ихъ скорбь, Августинъ переноситъ вопросъ на болѣе высокую почву.

Дѣло вовсе не въ земныхъ благахъ и не въ земномъ счастьѣ. Господь никогда не давалъ обѣщанія обезпечить за христіанами земное благосостояніе. Христіане предназначены не для того, чтобы имѣть прочное убѣжище на землѣ, но чтобы на землѣ пріобрѣсть небо. Если ихъ земная родина разорена и болѣе не существуетъ, то у нихъ есть духовное, несокрушимое отечество, и только оно имѣетъ существенное значеніе для христіанъ. Это духовное отечество Августинъ и изобразилъ въ своей книгѣ „О Божескомъ Царствѣ“. Такимъ образомъ, антагонизмъ между языческимъ и христіанскимъ Римомъ былъ идеализованъ и преобразованъ въ противоположеніе земному міру духовнаго міра, и на развалинахъ Рима было произнесено слово, которое изъ пепла зажгло новую жизнь и, открывъ предъ христіанами перспективу ихъ новаго истиннаго отечества, вмѣстѣ съ тѣмъ воскресило Римъ къ новой мощи и власти.

Что же именно представляетъ себѣ Августинъ подъ *божескимъ царствомъ*, и какое онъ даетъ ему опредѣленіе? Божеское царство у Августина нѣчто само собою понятное, и въ то же время неуловимое для точнаго опредѣленія и высоко парящее въ воображеніи, нѣчто конкретное и въ то же время мистическое, нѣчто существующее въ мірѣ и выходящее изъ предѣловъ его; это обобщеніе изъ исторіи человѣческой, какъ ее зналъ и понималъ Августинъ, и въ то же время *постулатъ* его религіозной этики. Такъ какъ понятіе о civitas Dei сложилось преимущественно подъ вліяніемъ противоположенія христіанской общины и христіанской этики язычеству и римскому царству, то опредѣленіе божескаго царства Августина лучше всего можетъ быть установлено путемъ сравненія или параллели между нимъ и противоположными ему понятіями. Въ трехъ отношеніяхъ можно провести эту параллель и показать, слѣдуя Августину, преимущество царства божескаго надъ царствомъ земнымъ: по происхожденію ихъ, по ихъ назначенію и по достоинству.

Понятіе „civitas“ обозначаетъ общину гражданъ, т.-е. людскую

Digitized by Google

общину, и потому въ тѣсномъ смыслѣ, какъ божеское, такъ и земное царства могли возникнуть лишь съ появленіемъ на землѣ людей. Согласно съ этимъ и Августинъ относитъ начало обоихъ царствъ къ сотворенію человѣка. Но въ другомъ, болѣе обширномъ смыслѣ оба царства существуютъ у него уже до появленія въ мірѣ человѣка. Начало царства божескаго Августинъ видитъ въ сотвореніи ангеловъ. Часть этихъ ангеловъ возмущается противъ своего творца и отпадаетъ отъ него; они образуютъ собою царство сатаны, царство падшихъ ангеловъ или демоновъ, которымъ поклоняются язычники, признавая ихъ своими богами.

Такимъ образомъ, характеръ земного государства, такъ сказать, уже предрѣшенъ. Оно является продолженіемъ царства дьявола, которое стоитъ въ прямой связи съ язычествомъ. На землѣ же начало людскому государству полагаетъ Каинъ, который, по свидѣтельству писанія, былъ первымъ строителемъ города. Слѣдовательно, основателемъ земного царства является братоубійца; Каинъ, изъ зависти убившій своего брата Авеля, становится не только основателемъ земного государства въ общемъ смыслѣ, но и какъ бы типическимъ первообразомъ основателей земныхъ государствъ. Подобнымъ же братоубійствомъ, много вѣковъ спустя послѣ Каина, было положено начало того города, который сдѣлался столицею міра и путемъ насилія соединилъ всѣ прочіе города и державы въ одномъ земномъ государствѣ.

Начавъ, такимъ образомъ, съ Каина, Августинъ слѣдитъ въ своей книгѣ за судьбою „земного“ государства: онъ излагаетъ его исторію лишь въ общихъ чертахъ, держась хронологическаго порядка, но останавливаясь только на тѣхъ лицахъ и событіяхъ, которыя имѣли для него типическое значеніе. Параллельно ему, но также отрывочно и эпизодично, Августинъ ведетъ исторію „божескаго“ царства, которое проявляется въ праведникахъ и патріархахъ ветхаго завѣта, въ различныхъ моментахъ исторіи избраннаго Богомъ еврейскаго народа и въ судьбѣ христіанской общины, много натерпѣвшейся отъ еретиковъ и язычниковъ.

Но если преслѣдованія, которымъ подвергались христіане отъ языческихъ императоровъ и властей, могли служить достаточной причиной для полнаго противоположенія земного государства божескому, то существовало ли основаніе выставлять ихъ въ такомъ же контрастѣ и взаимномъ антагонизмѣ во время Августина, когда эта вражда земного государства къ божескому прекратилась, когда императоръ и представители власти сдѣлались сами членами христіанской общины? Этотъ контрастъ между ними, однако, продолжается и мотивируется въ изображеніи Авгу-

Digitized by Google

стина различіемъ ихъ *назначенія*. Цѣль земного государства есть установленіе и сохраненіе мира. Земной миръ, правда, великое благо; онъ необходимъ и для гражданъ божескаго царства. Но этотъ миръ земной непроченъ и къ тому же часто пріобрѣтается лишь цѣною тяжелыхъ войнъ. Но всякая война, хотя бы и справедливая, возникаетъ изъ грѣха и ведетъ къ грѣху, и всякая побѣда, хотя бы и ниспосланная божескимъ промысломъ, является средствомъ кары и исправленія.

Всегда ли, впрочемъ, земными государствами руководитъ справедливость? а безъ справедливости—восклицаетъ Августинъ—что же иное земныя государства какъ—magna latrocinia?

Земное государство основано на себялюбіи, которое доходитъ до пренебреженія Богомъ. Небесное государство основано на любви къ Богу, которая ведетъ къ пренебреженію собою. Одно кичится своей собственной силой и ищетъ свою славу среди *людей*; для другого—высшая слава въ Богѣ, судьѣ совѣсти. Въ первомъ изъ нихъ преобладаетъ страсть властвовать надъ покоренными народами; въ другомъ—граждане проявляютъ любовь въ взаимныхъ услугахъ; первое любитъ въ своихъ правителяхъ свою собственную мощь; въ другомъ—говорятъ: „люблю Тебя, Господи, въ Тебѣ моя добродѣтель".

При такомъ различіи, все преимущество достоинства на сторонѣ божескаго царства, и Августинъ прославляетъ его въ патетическихъ и благозвучныхъ періодахъ своего ораторскаго краснорѣчія.

Царство это—вѣчное и несокрушимое; оно не знаетъ смѣны жизни и смерти; въ немъ нѣтъ рожденія, ибо никто въ немъ не умираетъ; въ немъ не восходитъ солнце надъ праведными и нечестивыми вмѣстѣ, но солнце праведности всегда одинаково сіяетъ надъ одними благочестивыми; оно не знаетъ искусства обогащать государственную казну истощеніемъ частнаго кошелька, но обладаетъ общимъ сокровищемъ божественной правды.

При такомъ положеніи дѣлъ, гражданинъ земного государства естественно становится безучастенъ къ его судьбамъ. Суетное благо видитъ Августинъ въ обширности власти и державы. Расширеніе предѣловъ государства только нечестивому представляется счастьемъ; благочестивые же видятъ въ самой защитѣ предѣловъ лишь роковую необходимость; мало того, гражданинъ божескаго царства даже вполнѣ равнодушенъ къ тому, въ какомъ земномъ государствѣ ему приходится провести мимолетную жизнь. „Не все ли равно,—восклицаетъ Августинъ,—подъ чьей властью живетъ человѣкъ, обреченный на скорую смерть—homo moriturus?

Digitized by Google

Въ виду лучезарной картины, изображающей божеское царство, не только земное государство, но и вся земная жизнь человѣка, всѣ его интересы и привязанности теряютъ свою цѣну. Съ этой точки зрѣнія Августинъ разсматриваетъ въ своей 19-ой книгѣ жизнь человѣка въ трехъ сферахъ его дѣятельности, начиная съ самой тѣсной и близкой человѣку семейной жизни. Описывая невзгоды семейнаго быта и непрочность счастья, которое семья даетъ человѣку, Августинъ пользуется и языческой литературой, приводя стихъ Теренція:

„Взялъ я жену, и сколько отъ этого увидѣлъ я бѣдъ;
„Родились сыновья, и новая пошла мнѣ забота"...

Если даже домашній очагъ, первое и общее убѣжище людей, ищущихъ мирнаго счастья, не обезпечиваетъ его, то что же сказать объ общественной жизни, о форумѣ съ его тяжбами и уголовными процессами, въ которыхъ судятъ судьи, не вѣдающіе совѣсти того, надъ кѣмъ произносятъ приговоръ? что сказать о вѣчныхъ раздорахъ между гражданами и кровавыхъ смутахъ, отъ которыхъ не обезпечено никакое государство?

Переходя къ третьей сферѣ общежитія, къ международнымъ отношеніямъ, Августинъ указываетъ на то, сколько и тутъ источниковъ зла и бѣдствій. Уже одно разнообразіе языковъ—великое зло; оно настолько разобщаетъ людей между собою, что общая природа ихъ при этомъ какъ будто исчезаетъ,— человѣкъ чуждается человѣка, и охотнѣе проводитъ время съ своей собакой, чѣмъ съ иноземцемъ.

Правда, люди стараются противодѣйствовать этому разобщенію; они стремятся расширить предѣлы своего государства и навязать побѣжденнымъ не только свое иго, но и свой языкъ. Но сколько для достиженія такой цѣли приходится вести тяжкихъ войнъ, сколько погибаетъ людей, сколько проливается крови!

А когда цѣль достигнута, то за предѣлами государства остаются еще другіе враждебные народы,—и когда, наконецъ, государство доведено до огромныхъ размѣровъ, то въ его собственныхъ предѣлахъ возникаютъ новыя замѣшательства и войны.

Всѣ эти бѣдствія такъ велики,—продолжаетъ Августинъ,—что о нихъ нельзя думать безъ глубокой скорби; а кто это можетъ, о томъ слѣдуетъ еще болѣе сожалѣть, такъ какъ онъ утратилъ разумную природу человѣка.

Такимъ образомъ, предъ красотою духовнаго міра блѣднѣютъ всѣ земныя блага, которыми дорожитъ человѣкъ: богатство теряетъ свою цѣну, какъ краснорѣчиво доказываетъ Августинъ въ утѣ-

Digitized by Google

шеніе тѣхъ, кто при погромѣ Рима утратилъ свое имущество, и исчезаетъ обаяніе, которое имѣютъ для человѣка семья, общество и государство. Всѣ эти интересы, однако, Августинъ не безусловно осуждаетъ. Какъ „земное“ государство, если оно содѣйствуетъ цѣлямъ „божескаго“ царства, такъ и семья, и собственность могутъ быть освящены церковью, но само по себѣ все это—не благо, а зло, такъ какъ отвлекаетъ отъ истинныхъ и вѣчныхъ благъ.

Вотъ краткое указаніе на руководящую мысль той книги, которая имѣла такое сильное воспитательное вліяніе на средніе вѣка, откуда грамотные люди той эпохи черпали не только свои историческія и другія научныя свѣденія,—вообще все свое образованіе,—но и свое міровоззрѣніе, и свой жизненный идеалъ.

Но гдѣ же найти это „божеское царство“, къ которому человѣкъ, странникъ на этой землѣ, долженъ направить свой путь?

Божеское царство у Августина, сложившись подъ вліяніемъ двойного антагонизма, носитъ въ себѣ два смысла, двѣ идеи, возможность двойного толкованія и осуществленія.

Оно возникло изъ противоположенія христіанской общины языческой имперіи, а потомъ—вообще земному государству. Съ этой точки зрѣнія, божеское царство Августина олицетворялось въ церкви, которая возвышалась надъ земными царствами, превосходя ихъ святостью, своимъ происхожденіемъ и высотою своего назначенія. Къ церкви и было примѣнено все, что Августинъ говорилъ о божескомъ царствѣ, и это въ значительной степени помогло западной церкви одержать побѣду въ борьбѣ съ имперіей, самой стать царствомъ и дать себѣ царственную организацію, среди которой Римъ снова присвоилъ себѣ то центральное положеніе и ту господствующую завоевательную роль, которая ему принадлежала въ языческомъ мірѣ.

Но въ основаніи идеи божескаго царства лежитъ еще другой, болѣе глубокій и болѣе обширный антагонизмъ. Обращеніе Августина въ христіанство было не только отреченіемъ отъ язычества, но и отреченіемъ отъ мірскихъ интересовъ и благъ. Погромъ Рима былъ въ глазахъ Августина знаменіемъ того, что христіане должны перенести свои заботы и помыслы отъ земной родины къ небесному отечеству. Божеское царство, по ученію Августина, существуетъ уже до возникновенія христіанской общины или церкви, его начало восходитъ даже за предѣлы сотворенія міра; слѣдовательно, божеское царство является у Августина также понятіемъ идеальнымъ, отличнымъ отъ христіанской общины, про-

Digitized by Google

тивоположнымъ всему земному и конкретному. Божеское царство въ этомъ смыслѣ есть не столько извѣстное учрежденіе, сколько извѣстное духовное общеніе, основанное на отреченіи отъ всего земного и суетнаго.

А именно эту основную идею божескаго царства, этотъ, такъ сказать, трансцендентальный принципъ его осуществляло на землѣ *монашество*.

Вотъ почему монашество въ средніе вѣка знаменуетъ собою не какой-нибудь особый родъ жизни, какой-нибудь особый классъ или разрядъ людей, а становится *типическимъ* явленіемъ средневѣковой жизни и культуры, выраженіемъ и осуществленіемъ господствующаго жизненнаго идеала.

Такъ понимало свое призваніе средневѣковое монашество. Среди монаховъ все болѣе и болѣе укоренялось убѣжденіе, что міръ не только не имѣетъ никакой цѣны для христіанина, но что онъ представляетъ область, гдѣ безусловно господствуетъ злое, грѣховное начало. „Весь міръ есть царство сатаны“, —рѣшительно, напр., заявляетъ аббатъ Геро (Gerhoh), принимавшій дѣятельное участіе въ борьбѣ папства съ имперіей.

Съ другой стороны, укрѣпляется въ умахъ мысль, что существованіе монаха есть уже начало небесной жизни. Аббатъ Гвилельмъ въ своемъ трактатѣ о жизни отшельниковъ указываетъ на то, что не даромъ названіе монашеской кельи (cellula) происходитъ отъ названія неба (caelum), ибо монахи, подобно святымъ, всю жизнь славятъ Бога и живутъ въ мысли о Богѣ. Монахи среди общаго числа христіанъ представляютъ собою избранниковъ неба. „Іисусъ Христосъ,—говоритъ кардиналъ Даміани въ XI в., —вырываетъ монаховъ изъ міра, подобно доброму пастырю, вырывающему нѣсколько ягнятъ изъ пасти хищнаго звѣря. Блаженны избранники, которыхъ Господь спасаетъ среди огромнаго числа погибающихъ, принимая ихъ въ свой святой ковчегъ“.

Поэтому „небеса ликуютъ, земля трепещетъ, всѣ языцы славятъ Господа“, когда кто-либо обращается изъ міра въ монастырь. Вступленіе въ монашество признается какъ бы вторымъ крещеніемъ. Оно есть возрожденіе къ новой жизни, и, благодаря этому возрожденію, монахи становятся причастны ангельскаго чина. Соборъ въ Нимѣ, созванный папою Урбаномъ II въ эпоху перваго крестоваго похода, догматически установилъ, что монахи подобны ангеламъ, потому что возвѣщаютъ повелѣнія Божіи, и на основаніи аналогіи между монашеской одеждой и шестью крыльями серафимовъ, соборъ даже опредѣлилъ мѣсто монаховъ среди ангельской іерархіи.

Digitized by Google

Хотя католическое монашество такимъ образомъ уже съ самаго начала, по самой идеѣ своей, является реализаціей на землѣ божескаго царства, оно тѣмъ не менѣе представляетъ собою восходящее явленіе, т.-е. проявляетъ цѣлый рядъ попытокъ осуществить этотъ идеалъ въ возможномъ совершенствѣ. Каждая изъ такихъ попытокъ вызываетъ къ жизни новый типъ монашескаго быта, новый уставъ и новый орденъ. Новые ордена возникаютъ какъ въ виду несоблюденія устава и ослабленія дисциплины въ прежнихъ монастыряхъ, такъ и потому, что относительно самого монашескаго идеала предъявляются все болѣе и болѣе высокія требованія.

Это восходящее движеніе среди западно-европейскаго монашества беретъ свое начало въ X-мъ вѣкѣ, когда изъ могущественнаго французскаго монастыря Клюньи, въ Бургундіи, раздается призывъ къ реформѣ,—этотъ монастырь становится центромъ и главою особой, болѣе аскетической конгрегаціи среди бенедиктинскихъ монастырей. Исходъ X вѣка, т.-е. перваго тысячелѣтія, вызвалъ у современниковъ мысль о предстоящемъ концѣ міра и чрезвычайно усилилъ религіозное чувство въ смыслѣ аскетизма. Число монастырей и монаховъ такъ быстро возросло, что очевидецъ этого движенія, монахъ Радульфъ Глаберъ, изображаетъ это движеніе словами: „казалось, какъ будто весь міръ скинулъ съ себя великую одежду и облекъ себя въ бѣлый покровъ церкви“.

Этому новому приливу аскетическаго идеализма становится тѣсно въ монастыряхъ, и онъ проявляется въ стремленіи къ отшельничеству. Главный представитель этого направленія, св. Ромуальдъ, хотѣлъ бы, по словамъ его біографа, превратить весь міръ въ скитъ. Подъ его вліяніемъ и руководствомъ неприступныя вершины Апеннина усѣялись цѣлымъ сонмомъ обителей, въ которыхъ отшельничество было сопряжено съ извѣстнымъ общежитіемъ.

Религіозное движеніе, вызвавшее и сопровождавшее первый крестовый походъ, выразилось опять въ цѣломъ рядѣ новыхъ монашескихъ орденовъ. Въ 1084 былъ учрежденъ орденъ картезіанцевъ—Chartreux, а 14 лѣтъ спустя бенедиктинскій орденъ выдѣлилъ изъ себя новую, еще болѣе строгую конгрегацію—цистерціенскую, центромъ которой былъ монастырь Citeaux, также въ Бургундіи, и главнымъ руководителемъ ея сталъ Бернардъ Клервальскій.

И еще 20 лѣтъ спустя св. Норбертъ, недовольный всѣми существовавшими до него орденами, далъ учрежденному имъ монастырю, Премонтре, особый суровый уставъ и для новыхъ монастырей своего ордена сталъ нарочно избирать нездоровыя мѣст-

Digitized by Google

ности, для того чтобы монахи постоянно имѣли передъ собою смерть и свыкались съ мыслью о ней.

Въ продолженіе XII вѣка возникъ еще цѣлый рядъ новыхъ монашескихъ орденовъ—тринитаріи, цѣлью которыхъ было избавленіе христіанъ, находившихся въ плѣну или въ рабствѣ у мусульманъ, и различныя другія конгрегаціи, которыя потомъ были слиты общимъ уставомъ въ орденъ августинцевъ.

Наконецъ, въ началѣ XIII в. аскетическая идея достигла высшаго своего напряженія въ двухъ нищенствующихъ орденахъ, францисканцевъ и доминиканцевъ. Если прежніе ордена требовали отъ человѣка при вступленіи въ монастырь отреченія отъ личной собственности, то эти новые ордена ставили такое требованіе уже самой корпораціи. Самый монастырь не долженъ былъ владѣть собственностью, и монахи должны были жить одною милостыней. И если прежніе ордена требовали, чтобы монахъ давалъ обѣтъ повиновенія своему духовному начальству, то св. Францискъ въ этомъ отношеніи пошелъ еще дальше и выразилъ это требованіе словами, что монахъ настолько долженъ отрѣшиться отъ своей воли и своего индивидуальнаго существованія, чтобы стать какъ бы бездыханнымъ трупомъ.

Такимъ образомъ, аскетическій идеализмъ не только покрылъ Европу цѣлой сѣтью монастырей и орденовъ, но и стремился все новыми и новыми усиліями превзойти свои прежніе результаты. „Какъ одна звѣзда,—сказалъ Іоаннъ Сольсберійскій,—отличается отъ другой большею яркостью, такъ одинъ орденъ отличается отъ другихъ большею святостью". Современному же историку всѣ они представляются въ своей хронологической очереди послѣдовательнымъ проявленіемъ великой идеи побѣды духа надъ міромъ, —*ступенями*, по которымъ нравственная энергія человѣка стремилась все болѣе и болѣе приблизиться къ совершенству поставленнаго себѣ идеала.

Торжество монашескаго принципа, выразившееся въ указанныхъ фактахъ, можно сказать, было полное; но чѣмъ выше становилось это торжество монашества надъ міромъ, тѣмъ сильнѣе стало обнаруживаться его *воздѣйствіе* на міръ. Въ этомъ заключается историческая роль католическаго монашества. Оно было стремленіемъ уйти изъ міра, забывъ его, и между тѣмъ ничто не имѣло такого громаднаго вліянія на судьбу міра, какъ именно католическое монашество.

Это вліяніе наглядно выражается уже въ самой внѣшней обстановкѣ монастырей. Строители монастырей искали уединенія, уходили въ глубь лѣсовъ, въ безлюдныя мѣста и въ горы, но

Digitized by Google

построеніемъ своего монастыря они обращали самые пустыни и лѣса въ разсадники цвѣтущей культуры. Монастырь притягивалъ къ себѣ населеніе; топоръ и заступъ монаха съ каждымъ годомъ расширяли площадь обработанной земли или виноградниковъ, ставшихся по склонамъ неплодородныхъ горъ, а амбары и погреба монастырей, давая пищу и работу сотнямъ людей, становились центрами хозяйственной жизни Европы.

Это было воздѣйствіе матеріальное, такъ сказать—невольное. Сильнѣе и значительнѣе по своимъ послѣдствіямъ было вліяніе самой идеи монашеской на духовную жизнь Европы.

Эту идею нельзя было заключить въ монастырскихъ стѣнахъ, и она изъ-за нихъ озарала міръ. Если она была такъ сильна, что тысячи увлекала въ монастырь, то и тѣ, которые оставались въ мірѣ, не могли не чувствовать на себѣ ея вліянія.

Прежде всего вліяніе аскетическаго идеализма должно было отразиться на ближайшей къ монашеству сферѣ—на духовенствѣ. Первыя попытки приблизить духовенство къ монашеству относятся еще къ VIII вѣку. Въ эту эпоху епископъ мизскій, Хродегангъ, соединилъ священниковъ своей соборной церкви въ общежитіе и возложилъ на каждаго изъ его членовъ, кромѣ обѣта безбрачія, обязанность передать свое имущество общежитію, сохраняя за собою лишь право пользованія. Такія общежитія священниковъ при церквахъ стали называться „каноникатомъ“.

Каноникаты стали быстро распространяться по Европѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается стремленіе подчинять канониковъ все болѣе строгому уставу. Многіе стали, напр., считать соблазномъ, что каноники не отказывались отъ права пользованія своимъ личнымъ имуществомъ. Кардиналъ Даміани видѣлъ въ этомъ источникъ вѣчной гибели для канониковъ, а аббатъ Геро говорилъ, что пока не будетъ вырвана съ корнемъ собственность канониковъ, отъ этого гнилого корня всегда будутъ идти такіе же негодные ростки. Такъ постепенно подготовлялась та знаменитая реформа, которая въ концѣ XI вѣка коснулась уже всего католическаго духовенства и, подобно канонникамъ, возложила и на всѣхъ прочихъ священниковъ монашескій обѣтъ безбрачія.

Этотъ коренной переворотъ, который, конечно, совершился не сразу, не только измѣнилъ характеръ духовенства, оторвавъ его отъ почвы земного государства, но этимъ путемъ преобразилъ и самый строй церкви западной Европы. Извѣстно, какъ много содѣйствовало введеніе безбрачія развитію папской власти.

Но монашество явилось союзникомъ Рима не въ этомъ только отношеніи...

Digitized by Google

Старинные бенедиктинскіе монастыри, владѣя обширными землями, пользовались и тѣми правами, которыя въ феодальную эпоху были сопряжены съ землевладѣніемъ. Составляя особую волость среди другихъ, особый мірокъ, эти монастыри стали стремиться къ полному обособленію. Они добивались не только автономіи въ области свѣтской власти, но и относительно своихъ епископовъ, которые часто злоупотребляли духовною властью для мірскихъ цѣлей. Этимъ монастырямъ представлялся весьма удобный путь, для освобожденія отъ епархіальной власти, въ непосредственномъ подчиненіи римскому епископу, и свѣтскіе государи охотно даровали имъ эту привилегію. Крупные бенедиктинскіе монастыри составляли, такимъ образомъ, во всей Европѣ островки, входившіе въ составъ епархіи *римскаго* епископа.

На развитіе власти послѣдняго повліялъ затѣмъ еще другой моментъ въ исторіи монашества: *централизація* новыхъ монашескихъ орденовъ. Когда въ Клюньи была совершена реформа, многіе монастыри послѣдовали его примѣру; при этомъ самая реформа обыкновенно проводилась присланными изъ Клюньи монахами. Реформированные ими монастыри сохранили и послѣ того тѣсную связь съ главнымъ монастыремъ, составляли съ нимъ особую конгрегацію и оставались подъ его руководствомъ. То же самое повторилось потомъ при реформѣ, центромъ которой былъ монастырь Ситò. Во время св. Бернарда, т.-е. весьма скоро по проведеніи реформы, цистерціенская конгрегація состояла уже изъ 500 монастырей, а въ слѣдующемъ вѣкѣ уже изъ 1.300, разсѣянныхъ по всѣмъ странамъ Европы. Ежегодно въ главномъ аббатствѣ должны были собираться аббаты другихъ монастырей, и только самымъ отдаленнымъ разрѣшалось являться рѣже. Такая конгрегація составляла, такимъ образомъ, особое царство, сплоченное невидимою связью, настоящее „божеское царство“ среди земныхъ государствъ и враждующихъ народовъ.

Но всѣ эти монастыри и конгрегаціи составляли только волости и провинціи другого, болѣе обширнаго царства,—державы римскаго епископа или римской церкви, которая по извѣстнымъ историческимъ причинамъ все болѣе и болѣе подчиняла себѣ другія церкви и стала для западной Европы церковью вообще.

Монашество и папство—двѣ историческія силы, находящіяся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи. Монашество, живя для своего идеала, не могло не заботиться о торжествѣ этого идеала въ мірѣ. Оно преобразило по своему образцу духовенство, самой церкви старалось придать тотъ строй, который всего нагляднѣе осуществлялъ идею божескаго царства, и стремилось обезпечить за ней

Digitized by Google

то положеніе, которое наиболѣе могло содѣйствовать торжеству идеально-божескаго царства надъ міромъ. Монахи сдѣлались, такимъ образомъ, главными зодчими средневѣковой теократіи. Но, въ силу этого, монашество, отказавшись первоначально отъ міра, вернулось снова къ нему, приняло на себя миссію дѣйствовать въ мірѣ и руководить имъ, какъ бы для вящшаго торжества божескаго царства.

Такое двойное призваніе монаха—спасать себя отъ міра и спасать міръ отъ господствующаго въ немъ зла—вполнѣ соотвѣтствуетъ двойной идеѣ, заключающейся въ понятіи о божескомъ царствѣ у Августина.

Но какъ же уживалось въ душѣ монаха это двойное призваніе—уйти отъ зла въ мірѣ и въ то же время содѣйствовать торжеству добра въ мірѣ? Въ личности и судьбѣ Бернарда Клервальскаго намъ нагляднѣе всего представится разрѣшеніе этого вопроса.

В. Герье.

Digitized by Google

ДЭМОСЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

Соч. Гиссинга.

ЧАСТЬ I.

I.

Гора Станбэри, съ западнаго склона которой спускается веселая долина, утопающая въ зелени луговъ и виноградниковъ, находится на разстояніи не болѣе двухъ часовъ пути отъ мѣстности, изрытой копями и застроенной фабриками, дымящимися день и ночь. Если глядѣть со склона горы, гдѣ воздухъ такъ дѣвственно чистъ и свѣжъ и такъ легко дышется, на это промышленное мѣстечко, то оно представляется какимъ-то мрачнымъ, чернымъ жерломъ.

Къ одному боку котловины примыкаетъ деревня Ванлей; по другому идетъ земляная насыпь, засаженная деревьями; около нея извивается неглубокій ручей, впадающій въ Севернъ.

Деревенька Ванлей состоитъ всего изъ одной улицы. Дома въ ней каменные. Четыре изъ нихъ, старинной постройки, принадлежали некогда Бельвикскому аббатству, и его развалины до сихъ поръ еще занимаютъ собой порядочный участокъ земли.

Въ этой мѣстности каменноугольный пластъ достигаетъ наибольшей толщины, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Англіи. Толстыя стѣны древняго зданія совершенно почернѣли отъ дыма и мало-по-малу осыпаются, сотрясаемыя работающими около нихъ громадными машинами.

Digitized by Google

Когда вечеромъ солнце закатывается за вершину Станбэри, то кажется, что оно багровѣетъ отъ гнѣва, видя на востокѣ яркое зарево, производимое пылающими горнами мѣстечка. Тогда въ бинокль можно различить въ окутывающей его дымкой пеленѣ сверкающія полоски: это блестятъ немногія уцѣлѣвшія стекла въ окнахъ полуразрушеннаго монастыря. Еслибы монахи могли встать изъ гроба, они не узнали бы въ этомъ закоптѣломъ каменномъ остовѣ своего мирнаго убѣжища, куда стекались благочестивые паломники, гдѣ все дышало невозмутимымъ спокойствіемъ и тишиной. Удушливый дымъ, грохотъ машинъ, пылающіе огни —все это произвело бы на нихъ впечатлѣніе ада, постояннаго предмета ихъ страха при жизни, но, какъ надо надѣяться, не возмущающаго теперь ихъ вѣчнаго сна.

На холмѣ, господствующемъ надъ всею долиною, возвышается замокъ Ванлей—большое зданіе, стоящее особнякомъ и окруженное столѣтними деревьями. Въ XV вѣкѣ оно принадлежало монастырю, и монахи жили въ немъ до самаго упраздненія монашескихъ орденовъ. Немного позднѣе, королева Елисавета пріобрѣла его въ свою собственность. Въ концѣ XVIII столѣтія замокъ поступилъ во владѣніе фамиліи Эльдоновъ, вмѣстѣ съ прилегающими къ нему землями.

Одинъ изъ Эльдоновъ, при Вильгельмѣ IV, совершенно запустилъ свои дѣла; сынъ его взялся ихъ поправить и, отложивъ въ сторону сословные предразсудки, занялся коммерціей. Однако этимъ онъ окончательно разорилъ свое имѣніе, и не сохранись приданаго его жены, послѣ его смерти, Эльдоны стали бы нищими.

Тогда-то замокъ перешелъ въ руки нѣкоего Мотимера, разбогатѣвшаго кузнеца. Однако, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, лэди Эльдонъ со своими двумя сыновьями продолжала жить въ Ванлеѣ. Всѣ трое, благодаря утонченности своихъ вкусовъ, придавали замку особенный аристократическій лоскъ; при томъ, благодаря способности цѣнить прекрасное и хорошему вкусу, не такъ часто встрѣчающимся въ людяхъ, вышедшихъ изъ низшаго сословія, новый собственникъ Ванлея оставилъ замокъ въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ его. Онъ не вырубилъ парковъ и не обезобразилъ долину неуклюжими фабричными зданіями. Тѣмъ удивительнѣе было это, что долина въ нѣдрахъ своихъ таила неисчерпаемыя богатства каменнаго угля и желѣза. Напрасно промышленники льстили себѣ надеждой, что въ рукахъ практическаго, дѣльнаго человѣка сокровища, лежавшія втунѣ столько вѣковъ, выйдутъ, наконецъ, на свѣтъ

Digitized by Google

Божій и долина, какъ и Бельвикъ, утративъ свою красоту, сдѣлается зато промышленнымъ центромъ. Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ они съ завистью посматривали изъ своей закоптѣлой ямы на смѣющійся склонъ Станбэри, и даже имя Ванлея мѣшало имъ покойно спать.

Въ эпоху, когда начинается нашъ разсказъ, самымъ респектабельнымъ въ околоткѣ послѣ Эльдоновъ считалось семейство Вальтамовъ, состоявшее изъ матери, женщины среднихъ лѣтъ, сына, юноши двадцати-одного года, и восемнадцати-лѣтней дочери. Хотя только второй годъ, какъ Вальтамы поселились въ этой мѣстности, но они пользовались всеобщимъ уваженіемъ, въ особенности благодаря своей короткости съ Эльдонами.

Мужъ м-съ Вальтамъ былъ акціонеромъ одного банка, въ концѣ концовъ прекратившаго свои платежи. Несмотря на это, капиталъ, какой удалось спасти при крушеніи, вполнѣ обезпечивалъ для него и его семейства извѣстный достатокъ и скромное довольство. Быть можетъ, дѣла его весьма скоро пришли бы въ прежнее блестящее состояніе, еслибы смерть не наложила внезапное veto на его новыя попытки къ обогащенію. Спустя два года послѣ смерти мужа, м-съ Вальтамъ переѣхала въ Ванлей съ своимъ сыномъ Альфредомъ и дочерью Аделью. Они заняли маленькій домикъ, стоявшій у подошвы горы и одной стороной выходившій на деревенскую улицу. Эта необыкновенно настойчивая, дальновидная и практическая дама поступила такъ не по минутной прихоти, но по заранѣе обдуманному плану. Надо принять во вниманіе, что молодой Эльдонъ жилъ по сосѣдству и былъ всего на четыре года только старше Адели. Весьма естественно, если молодой человѣкъ, въ настоящемъ не располагавшій никакими особенными средствами, но несомнѣнно могшій разсчитывать въ будущемъ получить немалое состояніе, не спѣшилъ жениться.

Наступила великая пятница.

Въ этомъ году пасха пришлась очень поздно; деревья уже убрались нѣжною, изумрудной листвою и наполняли воздухъ своимъ благоуханіемъ. И на м-съ Вальтамъ весна дѣйствовала животворно, и она, хотя и безсознательно, наслаждалась ею. Она стояла у открытаго окна и глядѣла на перспективу деревенской улицы и на широкую долину, подымавшуюся за нею террасами, поросшими густымъ лѣсомъ, зеленѣвшимъ свѣжею листвой, которая точно дымка окутывала его вершины. По склонамъ долины пестрѣли виноградники и поля. Однако было въ этомъ пейзажѣ нѣчто нарушавшее гармонію всей картины, а именно какіе-то

Digitized by Google

глубокіе рвы и насыпи, виднѣвшіеся на горизонтѣ. Едва ли такія работы могли производить съ цѣлью осушенія почвы, тѣмъ болѣе, что мѣстами уже были проложены рельсы. Дня три, какъ начатыя работы остановились, благодаря внезапной смерти м-ра Мотимера, и всѣхъ занималъ вопросъ, намѣренъ ли наслѣдникъ продолжать ихъ. Хотя м-съ Вальтамъ относилась совершенно равнодушно къ красотамъ природы, но и она чувствовала, какую дисгармонію внесла во всю картину святотатственная рука алчнаго человѣка. Но она была женщина положительная, предпочитала полезное пріятному, и деньги—всякимъ красотамъ природы, а поэтому ее такъ же очень интересовалъ вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ Губертъ Эльдонъ намѣренъ продолжать эксплуатацію каменноугольныхъ копей, или нѣтъ?

М-съ Вальтамъ задумалась, держа въ рукахъ нумеръ мѣстной газеты, который собиралась-было читать.

На деревенской колокольнѣ часы пробили четыре. М-съ Вальтамъ очнулась отъ своей задумчивости. Взглянувъ на улицу, она увидѣла, что на тропинкѣ, ведшей къ ея котеджу, показалась молодая дѣвушка.

—. Дома Адель?—спросила она быстро.

— Нѣтъ еще,—отвѣчала м-съ Вальтамъ:—она пошла съ братомъ гулять.

— Тѣмъ хуже для нея! —сказала дѣвушка. Голосъ ея былъ такъ же свѣжъ и пріятенъ, какъ и ея хорошенькое, цвѣтущее личико.

— Я пришла звать ее играть въ крокетъ, и еслибы вы знали, чего мнѣ это стоило!—продолжала она.

— Почему же?

— Потому что я знала, что м-ръ Альфредъ вернулся.

Говоря это, дѣвушка засмѣялась, и легкій румянецъ покрылъ ея щеки.

— Какъ могло это васъ останавливать? Неужели вы боитесь Альфреда?

— Да,—отвѣчала она, кокетливо опуская глазки; потомъ продолжала безъ всякаго перехода:—что вы думаете, м-съ, о нашемъ новомъ пасторѣ?

— У него удивительный голосъ,—отвѣчала м-съ Вальтамъ.

— А волосы! это настоящая грива. Но проповѣдь его ужасно шаблонная,—не правда ли, м-съ?

— Я люблю, когда пасторъ говоритъ просто.

— М-ръ Эльдонъ скоро пріѣдетъ, м-съ?

Digitized by Google

— Его ждали сегодня утромъ, но, ко всеобщему удивленію, онъ не пріѣхалъ. Вѣроятно еще путешествуетъ.

— Во всякомъ случаѣ, его мать должна знать, гдѣ онъ находится.

Во время этого разговора дѣвушка то-и-дѣло взглядывала въ окно.

— Кажется, м-ръ Вейвернъ еще не былъ у васъ съ визитомъ, да? Ну, такъ вонъ онъ идетъ! Ради Бога, м-съ, позвольте мнѣ убѣжать!—И дѣвушка вскочила и бросилась со всѣхъ ногъ прочь. М-съ Вальтамъ съ улыбкой на губахъ смотрѣла ей вслѣдъ. Наружность новаго пастора, съ его могучимъ сложеніемъ и львиной гривой, была не изъ тѣхъ, какія могутъ нравиться и привлекать молодыхъ дѣвушекъ, хотя его суровое, печальное и вздумчивое, но не злое лицо внушало довѣріе и уваженіе. Когда на его губахъ появлялась легкая улыбка, онъ походилъ на довольнаго медвѣдя. Ему было уже за сорокъ.

Войдя въ комнату, онъ торжественно протянулъ руку м-съ Вальтамъ, уставивъ на нее свои черные громадные глаза. Затѣмъ, окинувъ взглядомъ всю комнату, онъ грузно сѣлъ на кресло, затрещавшее подъ его тяжестью, продолжая изучать физіономію м-съ Вальтамъ.

Это была полная блондинка съ двойнымъ подбородкомъ, одѣтая скромно, но къ лицу. На ея шеѣ висѣла золотая цѣпочка; на бѣлыхъ и тонкихъ пальцахъ блестѣли кольца. Пристальные взгляды пастора, казалось, болѣе льстили ей, чѣмъ стѣсняли. Онъ имѣлъ видъ мужчины еще во цвѣтѣ силъ,—оригинала, мало заботящагося объ обычаяхъ и приличіяхъ. Разговоръ завязался по поводу вида, разстилавшагося передъ ихъ глазами.

Она опасалась вначалѣ, чтобы онъ не обратился къ ней съ какимъ-либо вопросомъ, касающимся ея прошлаго, но, благодаря своей проницательности, скоро замѣтила, что клерджименъ слушалъ ее разсѣянно и, казалось, совершенно углубился въ свои мысли.

Привыкшая, чтобы ее слушали какъ оракула, м-съ Вальтамъ была немного удивлена невнимательностью ея собесѣдника. Однако, она нашла возможнымъ извинить его, такъ какъ человѣкъ озабоченный спасеніемъ душъ всего прихода, естественно могъ быть задумчивымъ.

— Скажите, неужели этотъ прелестный видъ такъ-таки будетъ испорченъ работами? — спросилъ клерджименъ, медленно скандируя слова.

Digitized by Google

— Вѣроятно. Впрочемъ, кто знаетъ, будетъ ли м-ръ Эльдонъ продолжать разработку копей?—отвѣчала м-съ Вальтамъ.

— А!—произнесъ съ разсѣяннымъ видомъ пасторъ; потомъ, помолчавъ, прибавилъ:—Вѣдь, кажется, м-ръ Губертъ Эльдонъ зять м-ра Мотимера?

— Нѣтъ, это его братъ, Годфридъ.

— Да-а-а! Это который умеръ? Я, знаете, съ трудомъ запоминаю генеалогію моихъ прихожанъ. Вы оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе, м-съ, еслибы сообщили мнѣ такъ кратко, какъ только возможно, съ кѣмъ въ родствѣ фамилія Эльдоновъ и изъ кого она состоитъ.

— Она состоитъ изъ лэди Эльдонъ и ея сына Губерта. Старшій, Годфридъ, женился на дочери м-ра Мотимера и съ молодою женой погибъ во время бури по пути въ Новую Зеландію.

— Онъ служилъ во флотѣ?

— Нѣтъ, онъ затѣвалъ разныя предпріятія въ Бельвикѣ. Отецъ его спекулировалъ на пенькѣ и потерялъ на этомъ все состояніе. Сынъ тоже вздумалъ пойти противъ традицій семьи и заняться торговыми предпріятіями, и вотъ такъ ужасно кончилъ. Какая страшная катастрофа! Они только-что женились... Конечно, бракъ этотъ очень не нравился лэди Эльдонъ. Она говорила мнѣ, что у м-ра Мотимера въ Лондонѣ—цѣлый легіонъ бѣдныхъ родственниковъ.

— Завѣщаніе покойнаго обогатитъ ихъ, надо такъ полагать.

— Я въ этомъ сомнѣваюсь; Губерта Эльдона считаютъ наслѣдникомъ всего имущества покойнаго.

— Это изумительно!—воскликнулъ пасторъ, повидимому думавшій совершенно о другомъ.

— М-ръ Мотимеръ, вѣроятно, поступилъ такъ ради памяти своей дочери, которую страстно любилъ. Вѣроятно, поэтому онъ и рѣшился обогатить брата несчастнаго Годфрида Эльдона.

— М-ръ Мотимеръ купилъ замокъ Ванлей у Эльдоновъ?

— Да, еще до того, какъ онъ сталъ затемъ м-ра Мотимера, Годфридъ Эльдонъ, нуждаясь въ деньгахъ, продалъ ему Ванлей. М-ръ Мотимеръ требовалъ, чтобы молодые поселились съ нимъ въ замкѣ. Старикъ вообще отличался большой добротой и всячески старался помогать лэди Эльдонъ. Кто не видѣлъ своими глазами всего этого, тому трудно будетъ понять отношенія, установившіяся между нимъ и лэди Эльдонъ. Надо сказать, что м-ръ Мотимеръ вообще былъ человѣкъ необыкновенно благородный, въ немъ даже замѣчалось что-то аристократическое. Не знай я

Digitized by Google

навѣрное его происхожденія, я подумала бы, что онъ принадлежитъ къ какой-нибудь старой, аристократической фамиліи.

— Однако, вѣдь это ему пришло въ голову разработывать копи въ долинѣ!—сказалъ м-ръ Вейвернъ, взглянувъ на безобразныя груды земли, наваленныя по краямъ глубокихъ канавъ.

— Эта мысль и въ голову не приходила Вальтамамъ,—отвѣчала его собесѣдница,—да къ тому же и земля ихъ была вся распродана по кускамъ, такъ что м-ру Мотимеру пришлось скупать ее мало-по-малу, по участкамъ.

М-ръ Вейвернъ, казалось, былъ совершенно поглощенъ своими мыслями.

М-съ Вальтамъ спросила:

— Вы видѣли лэди Эльдонъ?

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ онъ:—состояніе ея здоровья не позволяетъ ей принимать кого бы то ни было.

— Бѣдная женщина! она очень страдаетъ. Конечно, ваше званіе пастора могло бы, кажется... Но она такъ любитъ уединеніе. Согласитесь, что отсутствіе м-ра Эльдона на похоронахъ ея стараго друга, м-ра Мотимера, болѣе чѣмъ странно.

— Да, очень странно,—повторилъ м-ръ Вейвернъ.

— Даже совершенно необъяснимо. Отношенія между ними, повидимому, были самыя дружественныя.

— М-ръ Эльдонъ теперь, вѣроятно, на континентѣ,—сказалъ пасторъ.

— Я этого не думаю. А вы слышали это отъ кого-нибудь?

М-ръ Вейвернъ сдѣлалъ отрицательный знакъ. Его собесѣдница произнесла съ нѣсколько взволнованнымъ видомъ:

— Онъ въ Оксфордѣ.

— Въ университетѣ?—спросилъ пасторъ.

— Да. Онъ еще очень молодъ. Ему только что минуло двадцать-два года.

Въ эту минуту раздался стукъ въ дверь. Появившаяся вслѣдъ затѣмъ горничная спросила, не прикажетъ ли м-съ подавать чай.

— Угодно вамъ выпить чашку чаю съ нами?—спросила пастора хозяйка дома.—Вѣроятно, мой сынъ и дочь сейчасъ придутъ. Это у насъ нѣчто въ родѣ полдника.

— Я очень радъ буду съ ними познакомиться.

— Мой сынъ пріѣхалъ на пасхальныя каникулы. Хотя Бельвикъ и очень недалекъ отъ Ванлея, но все-таки онъ не можетъ жить съ нами.

— Сколько лѣтъ вашему сыну?

— Двадцать-одинъ.

Digitized by Google

— Столько же значитъ, сколько и моему,—сказалъ пасторъ.

— А у васъ есть сынъ?

— Да. Онъ учится музыкѣ въ Германіи.

— Я была бы очень рада, еслибы мой Альфредъ избралъ подобную дорогу. Но послѣ смерти моего мужа друзья приняли большое участіе въ Альфредѣ, и я посовѣтовала ему принять мѣсто, которое они ему предложили. Это очень развитой мальчикъ, но зараженъ радикальными идеями. Адель съ нимъ всегда на ножахъ. Я думаю, что и теперь ихъ задержалъ одинъ изъ ихъ безконечныхъ споровъ. Не могу понять, гдѣ онъ могъ наслушаться такихъ ужасныхъ идей! Впрочемъ, онѣ теперь носятся въ воздухѣ.

— Онѣ теперь носятся въ воздухѣ, м-съ Вальтамъ! онѣ носятся въ воздухѣ!—подтвердилъ пасторъ. Приходъ Альфреда прервалъ этотъ разговоръ объ идеяхъ. Это былъ невысокаго роста, но хорошо сложенный молодой человѣкъ. Выраженіе лица даже неглупое, хотя во всей фигурѣ сказывалась какая-то неестественность, тривіальность и фатовская заносчивость. Чтобы какъ-нибудь скрыть недостатокъ роста, онъ держался такъ, будто аршинъ проглотилъ. Здороваясь, онъ трясъ вамъ руку, словно дергалъ ручку колокольчика. Когда онъ поклонился м-ру Вейверну, насмѣшливая улыбка играла на его губахъ. Казалось, онъ хотѣлъ дать понять тому, что клерикальная одежда въ его глазахъ не имѣетъ никакого значенія и вовсе не внушаетъ ему уваженія. Вообще относиться къ чему-либо съ уваженіемъ,—прибавимъ мы отъ себя,—было не въ характерѣ Альфреда.

Пожавъ руку пастору, онъ покраснѣлъ и затѣмъ, сѣвъ въ кресло, зѣвнулъ. Этимъ онъ думалъ заявить о независимости своихъ взглядовъ!

— Кстати,—обратился онъ къ матери:—Эльдонъ, наконецъ, вернулся. Онъ проѣхалъ мимо насъ въ каретѣ. Я не обратилъ на него вниманія, но Адель видѣла.

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнула м-съ Вальтамъ:—онъ, вѣроятно, ѣхалъ съ вокзала?

— Можетъ быть. На верху кареты привязанъ чемоданъ. Адель нашла, что у Эльдона больной видъ. Не могу понять, какъ она успѣла это замѣтить.

По своей привычкѣ м-ръ Вейвернъ дѣлалъ видъ, что внимательно вслушивается въ разговоръ, наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ и упершись въ колѣни руками.

Чай уже настоялся, и м-съ Вальтамъ собиралась его разливать, когда въ комнату вошла Адель.

Digitized by Google

Она была ростомъ выше своего брата, стройна и граціозна. Она улыбнулась, привѣтствуя клерджимена, и эта улыбка сдѣлала ее еще милѣе.

Пасторъ устремилъ на нее свой пристальный взглядъ и отечески положилъ руку ей на голову.

„Каковъ нахалъ!“—говорилъ всѣмъ своимъ видомъ Альфредъ.

— Наконецъ-то м-ръ Эльдонъ пріѣхалъ! — сказала м-съ Вальтамъ, вопросительно взглянувъ на дочь.—Альфредъ находитъ, что у него очень нездоровый видъ.

— Мама, — воскликнулъ молодой человѣкъ, — пожалуйста, не переиначивайте моихъ словъ. Говорю вамъ, я не обратилъ на него никакого вниманія и не видалъ, какой онъ тамъ, больной или здоровый. Вся честь этого открытія принадлежитъ Адели.

— Да, мнѣ дѣйствительно онъ показался не совсѣмъ здоровымъ, — сказала Адель и предложила м-ру Вейверну чернослива наго пирога.

Въ своей разсѣянности клерджименъ, придвинувъ къ себѣ блюдо, сталъ уничтожать пирогъ, и когда сообразилъ, что вѣдь онъ данъ не для него одного, блюдо было почти пусто. Альфредъ кусалъ себѣ губы и дѣлалъ сестрѣ знаки. Адель опустила глаза, чтобы не замѣчать ихъ. Наконецъ, м-ръ Вейвернъ поднялся, прощаясь.

Какъ только онъ скрылся за дверью, Альфредъ, прыснувъ со смѣху, воскликнулъ:

— Небо и земля! можно ли такъ объѣдаться! четвертой части того, что онъ проглотилъ, было бы достаточно, чтобы разстроить желудокъ.

— Ваше замѣчаніе неприлично!—сказала м-съ Вальтамъ, съ трудомъ, однако, сохраняя серьезный видъ:—м-ръ Вейвернъ можетъ быть разсѣянъ, онъ весь поглощенъ заботами о своей паствѣ.

— Согласитесь, однако, что не будь онъ такъ поглощенъ ими, онъ поглощалъ бы еще болѣе. Скажите, мама, вы довольны его проповѣдью?

— Не слѣдуетъ никого осуждать,—сказала недовольно м-съ Вальтамъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Мнѣ м-ръ Вейвернъ очень понравился,—объявила Адель, глядя въ окошко.

— Иначе и быть не могло! ты готова сдѣлать себѣ фетиша изъ каждаго клерика!—насмѣшливо замѣтилъ Альфредъ.

Онъ вышелъ въ садъ и прохаживался тамъ, куря сигару; когда онъ намѣревался подняться наверхъ, внизу лѣстницы его

Digitized by Google

встрѣтила Адель, которая сошла къ нему изъ жалости, чтобы предупредить его о приходѣ м-съ Мьюлингъ.

— Боже мой! Какъ мнѣ спастись отъ этой несносной болтуньи! Пойдемъ въ твою комнату—тамъ я буду въ безопасности.

Замѣтивъ на пюпитрѣ сестры картинки религіознаго содержанія, которыя она раскрашивала, молодой человѣкъ воскликнулъ:

— Ради самого Бога! если ты хочешь научиться рисовать, относись къ дѣлу серьезно. Ты должна помнить, что тебѣ уже восемнадцать лѣтъ.

— Я это отлично помню.

— Если ты будешь заниматься такими пустяками, то и въ 28-мь останешься такой же неразвитой.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ужъ такъ, видно, мнѣ на роду написано!

— Ты могла бы развить себя, еслибы читала тѣ книги, которыя я тебѣ рекомендовалъ прочесть. Такъ ты думаешь, что онъ серьезно боленъ?

— О комъ ты говоришь?

— Ну, объ этомъ... объ Эльдонѣ!

— Я не понимаю, почему ты о немъ говоришь всегда такимъ презрительнымъ тономъ!

— Ты отлично знаешь, какъ онъ мнѣ несимпатиченъ.

— Но почему?

— Потому что это фертъ, франтъ, и проч., и проч.

— Я тебя не понимаю.

— Вотъ что значитъ ничего не читать! Подъ этими словами подразумѣвается человѣкъ съ громадными претензіями и безъ всякаго содержанія.

— М-ръ Эльдонъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Я не знаю, въ чемъ его можно упрекнуть!

— Джентльменъ!—вскричалъ Альфредъ съ пренебреженіемъ: —въ наше время это слово не имѣетъ никакого смысла. Человѣкъ есть человѣкъ—и больше ничего. Титулы не придадутъ ему достоинствъ, которыхъ у него нѣтъ. Слава Богу! мы живемъ не въ феодальныя времена. Впрочемъ, мы глядимъ разными глазами на м-ра Эльдона.

— Ты предубѣжденъ противъ него.

— Онъ несносенъ! Надо видѣть, какъ онъ тебя мѣряетъ съ ногъ до головы! Можно подумать, что у него просятъ мѣсто на его конюшнѣ. Впрочемъ, я презираю его не за одно тщеславіе. Всѣ знаютъ и повторяютъ на его счетъ довольно.

— Можетъ быть. Но никто не осуждаетъ его такъ строго,

Digitized by Google

какъ ты. Я не знаю за нимъ ничего такого, за что можно было бы его серьезно упрекнуть.

— Это паразитъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ одѣвается и пьетъ, и ѣстъ на счетъ богатаго буржуа, котораго въ душѣ презираетъ, и, благодаря его щедрости, ведетъ жизнь тунеядца и мота.

— Ну, можно ли такъ говорить! До самой смерти Годфрида лэди Эльдонъ ничѣмъ не пользовалась отъ стараго Мотимера и жила совершенно независимо отъ него.

— Ты думаешь? Двѣнадцать тысячъ фунтовъ годового дохода—недурной кушъ, а? Обойти стараго Мотимера и убѣдить его оставить свое состояніе имъ—вѣдь это довольно ловкая афера! Въ наши демократическія времена нельзя сказать, чтобы аристократы выказали себя образцомъ безкорыстія,—тоже охулки на руку не положатъ! М-ръ Годфридъ сватается къ дочери милліонера,—разумѣется, не ради ея приданаго! Старикъ до того польщенъ честью породниться съ такой древней фамиліей, каковы Эльдоны, что съ радостью соглашается на свадьбу. Благороднымъ Эльдонамъ того только и надо: они присасываются къ нему, какъ піявки, и эксплуатируютъ самымъ наглымъ образомъ довѣрчиваго плебея!

— Ты нарочно стараешься все представить въ худомъ свѣтѣ, Альфредъ. То же самое можно разсказать совершенно иначе. А главное, исходная точка твоихъ обличеній совершенно ложная. Отъ этого и все послѣдующее похоже на отраженіе въ кривомъ зеркалѣ. Я никакъ не могу согласиться, что женитьба м-ра Годфрида на м-съ Мотимеръ была только простой спекуляціей.

— Разумѣется, спекуляція!—вскричалъ Альфредъ съ хохотомъ.—Женщины не допускаютъ подобныхъ вещей. Ихъ чувства имъ этого не позволяютъ.

— Что же, новыя идеи отрицаютъ и эти чувства?—спросила Адель.

— Безъ сомнѣнія. Когда женщины будутъ получать болѣе здравое воспитаніе, онѣ научатся принимать и міръ, и людей—такими, какіе они есть на самомъ дѣлѣ, и перестанутъ увлекаться пустыми иллюзіями.

— Я предпочитаю остаться при своемъ невѣжествѣ,—сказала Адель тономъ, показывавшимъ, однако, что она нѣсколько поколеблена авторитетностью разсужденій Альфреда. Въ то время, какъ братъ препирался съ сестрой, между м-съ Мьюлингъ и м-съ Вальтамъ тоже шелъ оживленный разговоръ.

М-съ Мьюлингъ своею главною спеціальностью избрала со-

Digitized by Google

бираніе и распространеніе новостей. Сегодня ея торжествующая физіономія показываетъ, что она собрала богатую жатву.

— Я только-что изъ Бельвика,—сказала она, придвигаясь насколько можно ближе къ своей собесѣдницѣ.—Я видѣла м-съ Готингъ, жену нотаріуса, ведущаго всѣ дѣла Мотимера.

— Ну, и что же она вамъ говорила?—спросила нетерпѣливо м-съ Вальтамъ, не сомнѣваясь, что рѣчь пойдетъ относительно Эльдоновъ.

— Удивительная вещь! непостижимая, просто непостижимая вещь!—воскликнула м-съ Мьюлингъ, наслаждаясь возможностью сообщить несомнѣнную и очень интересную новость:—м-ръ Мотимеръ не оставилъ завѣщанія!

— Быть не можетъ!—воскликнула м-съ Вальтамъ, которой даже дыханье перехватило отъ неожиданности.

— Искали повсюду, перерыли всѣ ящики, пересмотрѣли бумаги, книги, рѣшительно все обшарили—нѣтъ и нѣтъ! М-ръ Мотимеръ умеръ, не оставивъ завѣщанія!— М-съ Вальтамъ сидѣла въ оцѣпенѣніи, безгласная какъ истуканъ.

— Вотъ какъ все произошло,—продолжала, захлебываясь, м-съ Мьюлингъ:—за два дня до своей смерти м-ръ Мотимеръ взялъ у нотаріуса завѣщаніе. Изъ его словъ видно было, что онъ хотѣлъ только сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Надо думать, онъ разорвалъ его, намѣреваясь написать новое, но не успѣлъ—смерть внезапно его постигла.

— Быть можетъ, онъ намѣревался сдѣлать только какую-нибудь приписку, включить кого-нибудь въ свое завѣщаніе?

— Слушайте, дорогая моя, что я вамъ скажу. М-ра Мотимера возмутило поведеніе Губерта Эльдона, извѣстнаго гуляки, развратника и прожигателя жизни. Разумѣется, это все останется между нами!

— Будьте спокойны.

— Видите, пронесся слухъ, будто молодой Эльдонъ, въ послѣднее время, съ какой-то актрисой или пѣвицей... вы понимаете?.. Это надѣлало много шуму. Конечно, нашлись люди, которые донесли обо всемъ м-ру Мотимеру. Знаете, такъ много людей, которымъ м-ръ Эльдонъ внушаетъ антипатію, что, право, не знаешь, кому изъ нихъ приписать этотъ доносъ. Эльдонъ всего мѣсяцъ, какъ оставилъ Англію, а уже успѣлъ совершить цѣлый рядъ самыхъ безразсудныхъ, безумныхъ, можно сказать, поступковъ! Вы знаете этихъ женщинъ! а эта, говорятъ, пользуется европейской извѣстностью... Понятно, обо всемъ этомъ говорятъ подъ величайшимъ секретомъ. Я, съ своей стороны, удивляюсь нынѣш-

Digitized by Google

нимъ молодымъ людямъ... Какъ бы то ни было, м-ръ Эльдонъ дорого заплатилъ за свои увлеченія!

— Но кому же достанется, въ такомъ случаѣ, Ванлейскій замокъ?

— Родственникамъ м-ра Мотимера. Это простые, бѣдные, невѣжественные люди. По истинѣ, если эти плебеи поселятся въ замкѣ, они съумѣютъ превратить въ адъ это прелестное мѣстечко. Представить только себѣ ихъ на мѣстѣ аристократическихъ Эльдоновъ!

— Но что же будетъ дѣлать Губертъ Эльдонъ! — воскликнула м-съ Вальтамъ, совершенно сбитая съ толку. Всѣ ея воздушные замки и хитрые планы внезапно разрушились.

— О немъ не стоитъ болѣе сожалѣть, чѣмъ о другихъ. Онъ можетъ заняться адвокатурой, вернувшись въ Англію.

— Онъ уже возвратился!—сказалъ м-съ Вальтамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Альфредъ и Адель видѣли его на дорогѣ.

— Какъ должна страдать его бѣдная мать! Воображаю, пріятная будетъ ихъ встрѣча! Впрочемъ, строго говоря, онъ не имѣлъ никакихъ правъ на это наслѣдство. Во всякомъ случаѣ, для него это будетъ жестокимъ разочарованіемъ. Сколько людей теперь, я думаю, потираютъ руки отъ удовольствія—м-ръ Эльдонъ вѣдь очень непопуляренъ. Этотъ молодой человѣкъ дерзокъ, заносчивъ и держитъ себя неприступно, какъ какая-нибудь коронованная особа. Теперь, когда фортуна отъ него отвернулась, его не пощадятъ. Но, какъ бы то ни было, намъ остается только быть молчаливыми зрителями этой трагикомедіи.

М-съ Мьюлингъ понизила голосъ и продолжала конфиденціальнымъ тономъ:

— Кстати, относительно возвращенія Эльдона... я надѣюсь, мой вопросъ не покажется нескромнымъ... какъ же теперь съ вашими проектами? Я говорю объ Адели.

— Я не знаю, о какихъ проектахъ вы говорите,—сказала м-съ Вальтамъ холодно

— Ахъ! вѣдь я знаю... я опасаюсь...

— Будьте спокойны, пожалуйста.

— А! тѣмъ лучше! сохранимъ все это въ тайнѣ. Что касается этой поразительной новости, то, я думаю, она тотчасъ станетъ всѣмъ извѣстна.

М-съ Мьюлингъ имѣла полное основаніе это думать.

Digitized by Google

II.

Карета, которую видѣла Адель, гуляя съ братомъ недалеко отъ Ванлея, привлекала всеобщее вниманіе. Изъ всѣхъ оконъ высовывались головы любопытныхъ; повидимому, экипажъ, нагруженный багажемъ, возвращался со станціи. Чтобы избавиться отъ любопытныхъ взглядовъ, путешественникъ задернулъ занавѣски на стеклахъ кареты, что, конечно, только еще болѣе подстрекало любопытство.

Возвращеніе Губерта придавало еще большій интересъ его приключеніямъ на континентѣ. Чтобы достигнуть замка Ванлей, надо одолѣть подъемъ, по крайней мѣрѣ, въ двѣсти метровъ. Замокъ совершенно спрятанъ за деревьями, такъ что его можно замѣтить не раньше, какъ очутившись передъ самымъ его фасадомъ.

Въ этотъ вечеръ почти всѣ ставни были заперты, такъ что домъ казался необитаемымъ. Надъ массивной, окованной желѣзомъ входной дверью, производившей впечатлѣніе тюремной, на тяжеломъ фронтонѣ можно было прочесть слова: Nisi Dominus.

Блѣдный молодой человѣкъ, въ запыленномъ дорожномъ костюмѣ, вышелъ изъ кареты и сильно дернулъ за желѣзную цѣпочку звонка. Слуга, одѣтый въ черное съ ногъ до головы, отворилъ Губерту Эльдону. Этотъ сдѣлалъ ему знакъ снять чемоданъ и, щедро расплатившись съ кучеромъ, вошелъ въ темную переднюю, гдѣ быстро снялъ шляпу, перчатки и пальто.

— Матушка въ своей комнатѣ? — спросилъ онъ слугу.

— Милэди чувствуетъ себя очень дурно и опасается, что будетъ не въ состояніи видѣть васъ сегодня вечеромъ, сэръ.

— Вы затопили каминъ?

— Да, въ библіотекѣ.

— Я тамъ и буду обѣдать. Затопите также въ моей комнатѣ.

Слуга безшумно удалился, а Губертъ Эльдонъ прошелъ въ библіотеку. Здѣсь все оставалось неизмѣннымъ со смерти не только его отца, но и дѣда. Губертъ былъ страстный библіофилъ. Это, вмѣстѣ со страстью къ роскоши и расточительности, поглотило послѣдніе остатки фамильнаго состоянія. Окинувъ взглядомъ свои сокровища, Губертъ легъ на оттоманкѣ противъ камина, заложивъ руки за голову. Нѣсколько времени онъ оставался неподвижнымъ, затѣмъ всталъ и, позвонивъ, приказалъ вошедшему слугѣ приготовить ему ванну.

Два часа спустя онъ пообѣдалъ безъ всякаго аппетита, вы-

Digitized by Google

курилъ сигару и отправился къ матери. Онъ нашелъ ее въ ея будуарѣ, меблированномъ роскошно, но довольно безвкусно.

Хотя лэди Эльдонъ не было еще и пятидесяти, но ей можно было дать семьдесятъ. Серебряныя пряди пробивались въ ея аккуратно зачесанныхъ волосахъ. Тѣмъ не менѣе, она сохранила слѣды былой красоты. Въ эту минуту лицо ея выражало необычную суровость,—необычную, говоримъ мы, такъ какъ обыкновенно оно свѣтилось добротой и кротостью. Когда Губертъ обнялъ свою мать, она холодно сказала:

— Сядь, Губертъ. Мнѣ надо поговорить съ тобою.

Она, также какъ и сынъ ея, говорила властнымъ и нѣсколько приподнятымъ тономъ.

Губертъ не унаслѣдовалъ красоты своей матери. Сурово сведенныя брови придавали ему почти свирѣпый видъ.

— Почему ты такъ долго не возвращался? — спросила его лэди Эльдонъ.

— Я былъ боленъ.

Блѣдность Губерта подтверждала его слова.

— Гдѣ ты заболѣлъ?

— Въ Германіи. Я немедленно пустился въ путь, лишь только получилъ ваше письмо, извѣщавшее о смерти м-ра Мотимера.

— Почему же ты не отвѣчалъ на другія мои письма?

— Я не могъ поступить иначе.

— Очень жалко, что ты не могъ иначе поступить, Губертъ. Твое молчаніе дорого обошлось тебѣ. М-ръ Мотимеръ разорвалъ завѣщаніе,—продолжала она дрогнувшимъ голосомъ,—за два дня до своей смерти.

Губертъ не произнесъ ни слова, только пальцы его нервно искривились. Лицо его оставалось совершенно спокойнымъ, и на немъ нельзя было прочитать его чувствъ.

— Еслибы ты исполнилъ то, о чемъ я тебя просила, еслибы ты внялъ моимъ мольбамъ, моимъ просто даже приказаніямъ, тебя не постигло бы подобное разочарованіе. М-ръ Мотимеръ показалъ себя въ этомъ случаѣ истинно-благороднымъ человѣкомъ. Когда здѣсь стали ходить слухи на твой счетъ, онъ извѣстилъ меня обо всемъ. Я, конечно, не хотѣла вѣрить. М-ръ Мотимеръ тоже радъ былъ бы убѣдиться въ ихъ лживости. Если онъ тебѣ не написалъ, то только въ надеждѣ на то, что ты послушаешься меня, опомнишься. Онъ хотѣлъ испытать тебя, но ты не выдержалъ испытанія. Скажи мнѣ: вѣдь ты получилъ мои письма? Я знала, что ты оставилъ Англію, но надѣялась, что письма тебя догонятъ.

Digitized by Google

— Я ихъ получилъ почти безъ всякаго промедленія.

— Итакъ, значитъ, ты съ умысломъ оставался глухъ на мои мольбы?

— Да.

Лэди Эльдонъ продолжала, понизивъ голосъ, со слезами на глазахъ:

— М-ръ Мотимеръ сообщилъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ: „Я вполнѣ довѣряю Губерту,—говорилъ онъ,—и считаю его такимъ же честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, какимъ былъ его братъ. Я не могу повѣрить, чтобы онъ могъ вести такую безпорядочную жизнь, какъ о немъ гласитъ молва. Нѣтъ... нѣтъ... Я не желаю имѣть ничего общаго съ современными развратниками! Если онъ таковъ, если я дѣйствительно обманулся въ немъ, то я отрекаюсь отъ него“... Ты знаешь м-ра Мотимера, знаешь, что̀ значило, когда онъ такъ говорилъ. Увы! скандальные слухи о тебѣ подтвердились несомнѣнными фактами. Ты не отвѣчалъ мнѣ ни слова! Я не могла тебѣ даже намекнуть о томъ, что̀ тебя ожидаетъ; меня останавливало и чувство чести, и, наконецъ, самъ м-ръ Мотимеръ желалъ, чтобы его намѣреніе лишить тебя наслѣдства оставалось въ тайнѣ. Да и разъ ты пренебрегъ моими мольбами, я не желала подвергать себя униженію видѣть, какъ матеріальныя выгоды заставили бы тебя уступить.

Губертъ поднялъ голову и отвѣчалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Эта денежная потеря для васъ ничего не составитъ, вы выше подобныхъ мелочей. Что же касается меня, то я положительно благословляю судьбу. А теперь позвольте мнѣ удалиться,— я чувствую себя очень дурно. Мы завтра обо всемъ поговоримъ подробно.

Лэди Эльдонъ приподнялась, стараясь разглядѣть въ сумракѣ, царствовавшемъ въ будуарѣ, лицо Губерта.

Бросившись къ ней, Губертъ заключилъ ее въ свои объятія. Лэди Эльдонъ зарыдала. Губертъ помогъ ей сѣсть и, ставъ передъ ней на колѣни, прижался къ ея лицу, съ жаромъ обнимая ее.

— Ты боленъ?—слабымъ голосомъ спросила она.

— Не будемъ говорить обо мнѣ, пожалуйста!—отвѣчалъ Губертъ.—Скажите лучше, какъ умеръ м-ръ Мотимеръ. Въ письмѣ вы не сообщаете никакихъ подробностей о его смерти.

— Подробностей очень немного. Въ воскресенье утромъ, когда всѣ вышли изъ церкви, сторожъ нашелъ м-ра Мотимера мертвымъ на его скамейкѣ.

— Но вѣдь пасторъ долженъ былъ бы видѣть его съ своего мѣста.

Digitized by Google

— Занавѣска была задернута.

— Странно. Почему бы это?

Вмѣсто отвѣта лэди Эльдонъ пожала плечами. Потомъ замѣтила:

— Какъ ты тяжело дышешь, Губертъ! ты сильно боленъ.

— Да, мнѣ нездоровится, но это ничего. Завтра я посовѣтуюсь съ докторомъ.

Нѣсколько секундъ оба хранили молчаніе. Наконецъ, Губертъ спросилъ:

— Уже сдѣланы какія-нибудь распоряженія?

— Нѣтъ,—равнодушно отвѣчала лэди Эльдонъ.—М-ръ Іоттль ожидалъ твоего возвращенія, чтобы извѣстить родственниковъ м-ра Мотимера, проживающихъ въ Лондонѣ, о его смерти.

— Я буду завтра утромъ въ Бельвикѣ, — сказалъ Губертъ задумчиво и, помолчавъ прибавилъ:—вамъ самъ м-ръ Мотимеръ сказалъ, что онъ разорвалъ завѣщаніе?

— Нѣтъ. За два дня до своей смерти онъ взялъ завѣщаніе у нотаріуса. Въ понедѣльникъ утромъ нотаріусъ долженъ былъ явиться для составленія новаго. Вѣроятно, какъ только покойный получилъ завѣщаніе, сейчасъ же и разорвалъ его.

— Да, это вполнѣ возможно,—сказалъ Губертъ съ поддѣльной безпечностью.

— М-ръ Іоттль мнѣ говорилъ, что такъ же было разорвано завѣщаніе, составленное передъ свадьбою Годфрида.

— Кто же наслѣдникъ?

— Внучатный племянникъ, носящій ту же фамилію, что и его дядя. Въ томъ завѣщаніи, которое не существуетъ болѣе, м-ръ Мотимеръ никого не забылъ изъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ. Теперь замокъ Вандей перейдетъ къ его племяннику, младшіе же члены фамиліи получатъ лишь свою законную часть.

— Что вы предполагаете предпринять теперь, мама?

— Развѣ это тебя интересуетъ, Губертъ? Состояніе моего здоровья не позволяетъ мнѣ покинуть эти мѣста. Я куплю здѣсь небольшой домикъ и буду доживать свой вѣкъ. Ну, а ты какъ думаешь?

— Эгоистъ всегда съумѣетъ устроиться такъ, чтобы непріятности жизни не отравляли ему существованіе. Онъ предоставляетъ ихъ слабымъ: такъ ужъ искони ведется!

— Человѣкъ предполагаетъ, мой милый, а Богъ располагаетъ! Ну, а теперь пора и на покой. Если ты завтра утромъ будешь чувствовать себя такъ же дурно, какъ и сегодня, то по-

Digitized by Google

жалуйста пошли въ Бельвикъ за докторомъ. Ты блѣденъ, ужасно блѣденъ.

Губертъ пожалъ руку своей матери и поцѣловалъ ее въ щеку.

На другой день утромъ слуга, явившійся на рѣзкій звонокъ Губерта, нашелъ его въ полусидячемъ положеніи—поддерживаемымъ подушками. Хотя было уже совершенно свѣтло, на столѣ стояла горѣвшая лампа. Очевидно, онъ не тушилъ ее всю ночь.

— Пошлите поскорѣе за докторомъ Манномъ,—сказалъ Губертъ слабымъ голосомъ:—но, пожалуйста, ничего не говорите никому.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ явился докторъ, худощавый господинъ въ очкахъ. По его костюму замѣтно было, что его внезапно разбудили, и онъ, одѣвшись во что попало, поспѣшилъ въ замокъ.

— Ну-съ, что у васъ такое, молодой человѣкъ? — сказалъ онъ:—я не зналъ, что вы уже возвратились.

— Я провелъ очень дурную ночь, докторъ.

— Лихорадочка, а?

— Да, это послѣдствіе раны... Только, докторъ, прошу васъ сохранить это въ тайнѣ.... Видите ли... когда я пріѣхалъ? сегодня суббота, кажется? ну, такъ десять дней тому назадъ, пуля попала мнѣ вотъ сюда...

И Губертъ указалъ на правый бокъ.

— Пулю вынули,—продолжалъ онъ,—и, я думалъ, этимъ все кончится... Я пріѣхалъ изъ Германіи.

Докторъ скептически покачалъ головою.

— Сегодня,—сказалъ Губертъ, стараясь улыбнуться,—я чувствую себя какъ-то особенно скверно. Я положительно не въ состояніи пошевельнуться. Я самъ замѣчаю, что порой начинаю бредить. Вы мнѣ пришлете сидѣлку, да? Я на васъ разсчитываю. Мнѣ не хочется быть въ тягость нашимъ людямъ. Тутъ нуженъ опытный человѣкъ, не правда-ли?

Докторъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и приступилъ къ осмотру больного.

III.

На окраинѣ мрачныхъ кварталовъ Ислингтона и Окстона, ньюнортская дорога, пересѣкаясь съ каналомъ Регента, образуетъ неправильный треугольникъ, застроенный маленькими домиками и носящій названіе Вильтонъ-сквера.

Digitized by Google

Строенія здѣсь самой разнокалиберной архитектуры. Къ одному изъ домиковъ, не отличающемуся особенной красотой, примыкаетъ не менѣе неуклюжая церковь, окруженная рѣшеткой, за которой зеленѣютъ чахлыя деревца.

Кромѣ этой церкви есть и другая, служащая мѣстомъ собранія кальвинистовъ-методистовъ, какъ свидѣтельствуетъ надпись. Дома, по большей части, одноэтажные. Окна кухонъ выходятъ на тѣсные, маленькіе дворы.

Мутныя воды канала медленно омываютъ угольныя и дровяныя пристани. Съ этого треугольника открывается видъ на двѣ діаметрально противоположныя по своему характеру мѣстности. На югъ разстилается Окстонъ. Это—грязный рабочій кварталъ съ узкими, душными улицами; закоптѣлыя, мрачныя фабрики, дровяные дворы, переулки, наполненные лавчонками со всякимъ хламомъ и оканчивающіеся сырыми тупиками,—все здѣсь говоритъ о нуждѣ, каторжномъ трудѣ, всюду встрѣчается нищета въ самыхъ отвратительныхъ формахъ.

Громадныя фуры, тяжелыя тачки катятся съ глухимъ стукомъ по мостовой; оборванные рабочіе, съ угрюмыми, испитыми лицами, шныряютъ взадъ и впередъ.

На сѣверъ взору наблюдателя представляется совершенно иная картина. Здѣсь воздухъ сравнительно чище, улицы шире; здѣсь уже не встрѣтишь толпы оборванцевъ. На улицахъ попадаются только молочницы, продавцы печонки для кошекъ и торговцы овощами. Дома опрятны, красивы, то-и-дѣло на окнахъ читаешь: „Отдается квартира“. Попадаются дома необыкновенно элегантные, съ колоннами и балкономъ, окруженные изящными садиками.

Здѣсь живутъ тѣ, которые съумѣли воспользоваться трудомъ рабочаго, принужденнаго биться какъ рыба объ ледъ изъ-за куска насущнаго хлѣба и ютящагося въ грязныхъ трущобахъ Окстона.

Сюда переселяются на покой также тѣ изъ рабочихъ, которымъ удалось выбиться изъ нищеты, скопить капиталъ,—немногіе счастливцы изъ великой арміи трудящагося пролетаріата.

Контрастъ этихъ двухъ кварталовъ поразителенъ, и невольно заставитъ задуматься.

Вильтонъ-скверъ представляетъ изъ себя нѣчто среднее между ними; онъ не такъ мраченъ, какъ Окстонъ, но очевидно населеніе его лишь чуть-чуть побогаче. Здѣсь-то и проживала семья, въ судьбѣ которой, благодаря капризу фортуны, произошла такая чудесная перемѣна. Жозефъ Мотимеръ, племянникъ скоропостижно

Digitized by Google

скончавшагося владѣльца Ванлея, умеръ пятидесяти лѣтъ, оставивъ жену и трехъ дѣтей.

Онъ работалъ всю жизнь, скопилъ кое-какія деньжонки и даже далъ нѣкоторое образованіе своимъ дѣтямъ.

Отецъ его, Генри Мотимеръ, пользовавшійся большою извѣстностью въ свое время, родился въ началѣ нашего столѣтія и былъ хорошимъ механикомъ. Его братъ, Ричардъ, моложе его на десять лѣтъ, совершенно не сходился съ нимъ ни характеромъ, ни наклонностями, ни убѣжденіями. Братья, въ концѣ концовъ, совершенно разошлись. Генри, страстный политикъ, агитаторъ и демагогъ, отличался способностью говорить долго и хлёстко, и вообще, что называется, за словомъ въ карманъ не лазилъ. Вообще же это былъ по натурѣ энтузіастъ, способный увлекаться революціонными идеями до самозабвенія. Чартистское движеніе дало, наконецъ, ему возможность заявить о себѣ.

Въ 1839 году онъ былъ избранъ членомъ національнаго собранія въ Бирмингамѣ. Тогда онъ уже успѣлъ заставить говорить о себѣ, такъ какъ участвовалъ въ знаменитой процессіи съ факелами и попалъ за это въ тюрьму. Это придало ему ореолъ мученичества и только разожгло въ немъ политическія страсти.

Съ семьею онъ видался рѣдко. Жена его, энергическая и трудолюбивая женщина, сама содержала себя и своего сына Жозефа, единственнаго оставшагося въ живыхъ изъ семи человѣкъ дѣтей, бывшихъ у нея. Агитаторская дѣятельность мало-по-малу совершенно поглотила ея мужа.

Онъ писалъ своей женѣ разъ въ полгода. За нимъ упрочилась репутація яраго радикала. Имя его часто упоминается тогдашними газетами. Въ 1842 году онъ принималъ дѣятельное участіе въ бунтахъ на югѣ Англіи. Кончилъ онъ тѣмъ, что былъ раненъ шальною пулею въ голову, и умеръ въ госпиталѣ прежде чѣмъ успѣли извѣстить его жену и родныхъ.

Ричардъ, братъ его, съ ужасомъ относился къ идеямъ, за которыя боролся и умеръ Генри. Съ ранняго дѣтства характеръ его ясно опредѣлился; это былъ человѣкъ съ желѣзной волей и сильнымъ, независимымъ умомъ, человѣкъ практическій въ полномъ смыслѣ этого слова.

Онъ хорошо понялъ, что прежде всего на землѣ всякій долженъ стремиться честнымъ путемъ обезпечить себѣ скромное довольство, ибо, въ противномъ случаѣ, міръ обратится для него въ обширную долговую тюрьму. Понятно, что на всѣхъ желавшихъ низвергнуть капиталистическій строй онъ долженъ былъ смотрѣть

Digitized by Google

какъ на преступниковъ, подрывающихъ развитіе промышленности и мѣшающихъ честнымъ труженикамъ обогащаться.

Когда его братъ примкнулъ къ чартистскому движенію, Ричардъ Мотимеръ, въ свою очередь, поспѣшилъ завербоваться въ число защитниковъ порядка, составившихъ добровольный полицейскій союзъ и рѣшившихся самымъ энергическимъ образомъ преслѣдовать зачинщиковъ бунта.

Онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ своемъ околоткѣ. Состояніе его увеличивалось съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивалось и его положеніе. Когда онъ узналъ о смерти брата, то холодно сказалъ: „По правдѣ, это большое счастье для него!“

Тѣмъ не менѣе, онъ почелъ своимъ долгомъ устроить блестящія похороны брату-чартисту и съ презрѣніемъ отвергъ попытки его почитателей и единомышленниковъ взять на себя погребеніе мученика. Онъ также хотѣлъ обезпечить жену покойнаго и своего племянника, которому тогда было уже двадцать-два года.

Но тѣ заявили, что не желаютъ съ нимъ имѣть никакого дѣла, и съ тѣхъ поръ Ричардъ держалъ себя по отношенію къ нимъ какъ чужой.

Когда Ричардъ Мотимеръ могъ считать себя вполнѣ обезпеченнымъ и даже богатымъ человѣкомъ, онъ достигъ уже средины жизни.

Онъ женился на безприданницѣ, дѣвушкѣ, не отличавшейся красотой, но тѣмъ не менѣе женщинѣ рѣдкихъ достоинствъ. Ей было уже подъ тридцать. Въ своемъ выборѣ Ричардъ руководился болѣе разумомъ, чѣмъ сердцемъ, но онъ умѣлъ цѣнить то, что даетъ женщинѣ утонченное воспитаніе.

Необходимо принять во вниманіе, что Ричардъ желалъ обогатиться не изъ одной страсти къ наживѣ,—нѣтъ, богатство въ его глазахъ являлось средствомъ вступить въ тотъ избранный кругъ образованныхъ и воспитанныхъ людей, къ которымъ всегда влекла его природная способность цѣнить достоинства настоящей аристократіи.

Теперь мечта его осуществилась. Скоро у него родилась дочь, наслѣдовавшая прекрасныя качества своей матери. Когда она стала взрослой дѣвушкой, онъ выдалъ ее за Годфрида Эльдона. Это событіе явилось кульминаціоннымъ пунктомъ его карьеры. Онъ достигъ верха благополучія, но скоро трагическая смерть молодыхъ супруговъ нанесла ему глубокую и никогда уже не закрывавшуюся рану. Конецъ его жизни былъ отравленъ этимъ

Digitized by Google

горестнымъ событіемъ, но тутъ его поддержала возвышенная дружба лэди Эльдонъ.

Но, несмотря на свои аристократическія наклонности, Мотимеръ все-таки оставался промышленникомъ и дѣльцомъ. Завѣтною мечтой его была разработка рудниковъ, и, какъ мы уже знаемъ, передъ своею смертью онъ приступилъ къ ея осуществленію.

Но вернемся, однако, къ Вильтонъ-скверу, гдѣ въ скромномъ домикѣ обитали младшіе члены фамиліи Мотимеровъ. Племянникъ Ричарда Мотимера, Жозефъ, женился двадцати пяти-лѣтъ. Конечно, женитьба эта не улучшила его матеріальнаго положенія. Въ концѣ концовъ, онъ даже раскаялся въ томъ, что отвергъ помощь, которую предлагалъ ему его дядя-капиталистъ. Онъ назвалъ своего сына Ричардомъ въ надеждѣ, что богатый дядюшка обратитъ вниманіе на это желаніе почтить его имя и возвратитъ имъ свою милость. Этотъ сынъ его былъ механикомъ на заводѣ свинцовыхъ издѣлій. Кромѣ Ричарда, семья Жозефа Мотимера состояла изъ дочери Алисы, девятнадцати-лѣтней дѣвушки, уже два года какъ поступившей продавщицей въ одинъ очень богатый магазинъ.

Самому младшему, Генри, едва минуло семнадцать лѣтъ—тѣмъ не менѣе, сравнительно съ прочими членами семьи, онъ занималъ блестящее мѣсто комми на мануфактурѣ водопроводныхъ трубъ.

IV.

Девять часовъ вечера. М-съ Мотимеръ занята приготовленіемъ ужина. Поставивъ шесть приборовъ, она положила на блюдо около пудинга, уже значительно початого, большой кусокъ холодной вареной говядины. Потомъ, очистивъ и накрошивъ картофеля и капусты, приготовилась отправить все это на сковороду, гдѣ трещалъ растапливающійся жиръ.

Огонь, горѣвшій въ печкѣ, и газовый рожокъ освѣщали маленькую кухню.

Красныя занавѣски на окнахъ придавали комнатѣ нѣкоторую комфортабельность. Все блестѣло идеальной чистотой и порядкомъ. Различная утварь на полкѣ, шкафы и стулья у стѣнъ, все до послѣдней мелочи стояло на своемъ обычномъ мѣстѣ, аккуратно прибранное.

Хозяйкѣ, живой и дѣятельной особѣ, можно было дать лѣтъ подъ пятьдесятъ. Маленькіе глаза съ высматривающимъ взглядомъ, рѣзкое очертаніе губъ показывали, что она чувствуетъ себя

Digitized by Google

на высотѣ положенія, какъ мать и хозяйка, на отвѣтственности которой находится вся семья.

Въ общемъ, лицо ея, безъ единой морщинки, выражало болѣе добродушія, чѣмъ ума. Теперь она была въ страшномъ нетерпѣніи. Давно наступилъ часъ ужина, а никто изъ домашнихъ не шелъ.

— Надо полагать, имъ тамъ очень весело, что они не идутъ до сихъ поръ,—пробормотала она, отодвигая отъ огня сковороду.

Внезапно раздался стукъ въ дверь. Хозяйка пошла отворять, и скоро возвратилась, въ сопровожденіи молодой дѣвушки, довольно миловидной, несмотря на блѣдность и выраженіе какой-то скрытой тоски и страданія на лицѣ. Простота ея костюма говорила, что она очень бѣдна. На ней была надѣта коротенькая кофточка съ мѣховой оторочкой ва воротникѣ, темное платьице, валеная шляпа и черныя вязаныя перчатки.

— Неужели никого еще нѣтъ?—вскричала она.

— Богъ ихъ знаетъ, гдѣ они всѣ запропастились!—отвѣчала м-съ Мотимеръ.—Дикъ, безъ сомнѣнія, на митингѣ; Алиса и Генри должны скоро придти. Садитесь за столъ, Эмма; безполезно ихъ ждать; жаль только, что у меня нѣтъ пива.

— Нѣтъ, я не ужинать пришла,—отвѣчала Эмма;—я хотѣла только сказать вамъ, что бѣдную Жанну опять бьетъ лихорадка.

— Не можетъ быть! Ахъ, она бѣдная! — воскликнула м-съ Мотимеръ, державшая сковородку на огнѣ и поворачивавшая ножомъ ея содержимое.—Кажется, съ нею это уже пятый припадокъ?

— Кажется. И главное, съ каждымъ припадкомъ хуже и хуже. Мы боимся, что ей придется пролежать до конца осени.

— Да, лихорадка, да еще ревматическая, хоть кого сломитъ. Кстати, знаете, что случилось съ Дикомъ?

— Что такое?.

— Я думала, вы уже знаете. Онъ потерялъ мѣсто.

— Потерялъ мѣсто?—повторила испуганно дѣвушка.—Почему же?

— Смѣшной вопросъ! Развѣ можетъ сохранить мѣсто работникъ, когда онъ возбуждаетъ недовольство въ товарищахъ и ругаетъ на каждомъ перекресткѣ своихъ хозяевъ? Я этого уже давно ждала. Вчера его призвалъ одинъ изъ директоровъ и вѣжливо объявилъ ему, что и для него, и для его хозяевъ будетъ лучше, если онъ себѣ поищетъ другое мѣсто по своему вкусу. Ну, Дикъ отвѣчалъ, разумѣется: „И безъ васъ обойдусь!“ Вы вѣдь знаете, какой онъ у меня!

Молодая дѣвушка сидѣла неподвижно, опустивъ глаза, и, ка-

Digitized by Google

залось, совершенно спокойно слушала. Наконецъ, она безнадежно вздохнула.

Неправильное личико ея выражало доброту и честность. По движенію губъ замѣтно было, что ей часто приходится подавлять слезы. Въ голосѣ ея не слышалось обычныхъ у работницъ рѣзкихъ и вульгарныхъ нотъ.

Когда м-съ Мотимеръ кончила свой разсказъ, Эмма, по прежнему храня полное молчаніе, въ тоскѣ заломила руки.

— Вы понапрасну только себя мучаете, — сказала добродушно м-съ Мотимеръ. — Дикъ ни капельки не разстроенъ тѣмъ, что случилось. Напротивъ, онъ ходитъ съ такимъ торжествующимъ видомъ, точно получилъ наслѣдство. Да вотъ погодите, онъ придетъ и самъ все подробно разскажетъ. Поужинайте, мое дитя. Я сейчасъ вамъ дамъ картофелю. Я знаю, вы не любите капусты.

Во время этого разговора сало продолжало трещать на сковородѣ.

— Какъ это досадно,—вскричала она нетерпѣливо,—какъ это досадно, что каждое воскресенье Генри приходитъ все позднѣе и позднѣе! Онъ долженъ мнѣ принести пиво!

— Позвольте, я схожу за пивомъ,—предложила Эмма, поднимаясь.

— Нѣтъ, Дикъ разсердится, когда узнаетъ, что я посылала васъ въ пивную.

— Одинъ-то разъ ничего.

— Такъ-то такъ. Онъ, можетъ быть, и не заворчитъ. Главное, я должна всегда ихъ дожидаться. Имъ бы слѣдовало подумать, что въ мои годы это совсѣмъ не пристало. И Алиса тоже! Ну, гдѣ она теперь шляется, я васъ спрашиваю? Ужъ эта нынѣшняя молодежь! Слава Богу, что вы не похожи на нихъ, Эмма! Но ужинайте, пожалуйста, а то я, право, разсержусь. Не тревожьтесь,—Дикъ найдетъ другое мѣсто.

— Увы, и на новомъ мѣстѣ съ нимъ повторится та же исторія! — сказала печально дѣвушка. Она едва дотронулась до кушанья, которое предлагала ей м-съ Мотимеръ.

— Съ своей стороны, я сдѣлаю ему выговоръ; на вашемъ мѣстѣ, я бы сказала ему, что онъ поступаетъ какъ эгоистъ. Скажите ему, что онъ долженъ исправиться.

— Я не посмѣю,—сказала Эмма, прислушиваясь. На лѣстницѣ раздался шумъ шаговъ.

— Ну, кажется, это они, наконецъ!—воскликнула м-съ Мотимеръ:—это Дикъ хохочетъ. Главное, дайте ему понять, какъ онъ глупо поступилъ.

Digitized by Google

Черезъ минуту дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Дикъ въ сопровожденіи друга семьи, нѣкоего Даніеля Даббъ.

— Здравствуйте, Эмма, что скажете хорошаго?—вскричалъ Ричардъ, холодно пожимая руку молодой дѣвушки.—Вѣрно мама уже успѣла вамъ на меня наговорить; а я такъ благословляю все случившееся. Каковъ вышелъ сегодня митингъ, Даніель!

Въ той средѣ, къ которой Ричардъ принадлежалъ, онъ представлялъ рѣдкое явленіе. Происходя изъ трудолюбивой и бережливой семьи работниковъ, которая уже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ пользовалась относительнымъ довольствомъ, хорошо питалась и имѣла хорошее помѣщеніе, Ричардъ отличался необыкновенной физической силой и здоровьемъ. Высокаго роста, широкоплечій, съ гордо приподнятой головой, онъ держалъ себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ, какое рѣдко встрѣтишь даже у людей высшаго класса. Лицо его не выражало тупости, какую видишь иногда на лицахъ забитыхъ рабочихъ, ни угрюмой неподвижности, указывающей на атрофію мозга, вслѣдствіе тяжелаго, непосильнаго труда при худомъ питаніи. Испорченный воздухъ душной мастерской покрылъ матовой блѣдностью его щеки, но эта блѣдность только придавала оттѣнокъ интеллигентности его красотѣ. Густые, длинные волосы были темнѣе бороды; глаза его, сверкавшіе умомъ, напоминали глаза его матери, хотя въ нихъ не было той подвижности и того озабоченнаго, высматривающаго выраженія, какимъ отличались ея глаза. Въ нихъ сквозила суровая душа, и невозможно было представить, чтобы они могли выражать нѣжность или мечтательную задумчивость.

Ричардъ вообще склоненъ былъ видѣть все въ худомъ свѣтѣ.

Властный, полный страсти, голосъ его непріятно поражалъ въ разговорѣ и показывалъ привычку ораторствовать передъ толпою.

Весь надменный видъ его говорилъ о непоколебимой вѣрѣ въ себя и свои силы.

Въ эту минуту всѣ—и дурныя, и хорошія—качества его характера выказывались особенно ясно и рѣзко. Онъ былъ героемъ митинга, съ котораго теперь возвратился. Воодушевленіе, съ какимъ онъ громилъ за полчаса эксплуататоровъ, порабощающихъ труженика-рабочаго, еще горѣло на его лицѣ и придавало ему еще болѣе гордое и властное выраженіе. Даніель Даббъ являлся полнѣйшей противоположностью своему другу, Ричарду Мотимеру, и представлялъ чистокровный типъ пролетарія - рабочаго; онъ ходилъ раскачиваясь, опустивъ голову и сгорбившись. Застѣнчивый взглядъ придавалъ что-то смиренное всей его фигурѣ. А между тѣмъ его черные, блестящіе волосы, бронзовая кожа, шея

Digitized by Google

быка, желѣзная рука съ напряженными жилами и стальными мускулами, мозолистая ладонь, короткіе, толстые пальцы съ грязными ногтями—все показывало въ немъ привычку къ ручному труду и геркулесовскую силу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушный видъ и громкій хохотъ свидѣтельствовали, что Даніель обладалъ доброй натурой.

— Ну, что̀, Ричардъ хорошо говорилъ? Понравились вамъ его теоріи?—спросила м-съ Мотимеръ у Даніеля.

— Теоріи-то я его одобряю,—отвѣчалъ тотъ:—что же касается его хозяевъ, то, по моему, они совершенно правы, пожелавъ избавиться отъ такого опаснаго врага, какъ онъ. Директоръ ему сказалъ: „Мы не можемъ на васъ пожаловаться, какъ на работника; но намъ извѣстно, что вы сами высказываете свое недовольство нами, какъ хозяевами, а въ такомъ случаѣ всего разумнѣе вамъ оставить нашу фабрику и поискать себѣ мѣста по вкусу“... И говоритъ, значитъ, больше не о чемъ. Не сошлись характерами, и все тутъ.

— А не сходить ли кому-нибудь за пивомъ, прежде чѣмъ начать болтовню?—спросила м-съ Мотимеръ.

— Вотъ это вѣрно! — вскричалъ Даніель:—надо прилагать теорію къ практикѣ. Передъ кружкой пива всѣ люди равны. Мы умираемъ отъ жажды. Я сейчасъ сбѣгаю и принесу.

— Они меня боятся,—говорилъ Ричардъ, возбужденно шагая по комнатѣ,—и я горжусь этимъ. На этой недѣлѣ мы все дѣло разскажемъ въ газетѣ; это еще подольетъ масла въ огонь.

— Ну, а чѣмъ ты будешь жить?

— Я объ этомъ еще подумаю. Я желалъ бы, однако, чтобы мнѣ еще нѣсколько разъ такъ же отказали. Это имѣло бы великое значеніе для нашего дѣла.

— Бѣдная Жанна опять захворала,—сказала Эмма, устремивъ долгій взглядъ на молодого человѣка. Озабоченное лицо ея выражало глубокую печаль.

— Опять возвратилась лихорадка?—спросилъ Ричардъ.

— Да, возвратилась!—грустно отвѣчала Эмма.

— Чортъ возьми! она, вѣрно, попала подъ дождь, идя на работу,—сказалъ Ричардъ, пожавъ плечами.

Болѣзнь бѣдной Жанны въ его глазахъ являлась новымъ подтвержденіемъ гнусной тиранніи капитала и безчеловѣчности хозяевъ-эксплуататоровъ: Жаннѣ, получавшей ничтожную плату, приходилось ежедневно дѣлать громадный конецъ на фабрику, гдѣ она работала!

Даніель возвратился, между тѣмъ, неся два кувшина съ пѣ-

Digitized by Google

нившимся пивомъ. Физіономія его сіяла отъ удовольствія. Онъ предвкушалъ наслажденіе утолить жажду холоднымъ пивомъ.

— Ея высочество еще не возвращалась?—спросилъ онъ.

Даніель такъ говорилъ объ Алисѣ, которой покойный Жозефъ Мотимеръ далъ это имя въ честь одной изъ дочерей королевы. Въ семьѣ ее въ шутку и называли „принцессой“ и „ваше высочество“.

— Она хотѣла пойти къ м-съ Тоокъ,—отвѣчала м-съ Мотимеръ,—и, быть можетъ, останется тамъ и ужинать.

Ричардъ принялся опять толковать съ своимъ другомъ о соціализмѣ и рабочемъ союзѣ.

Даніель не могъ относиться къ чему-либо особенно серьезно; онъ искалъ въ каждой вещи ея пріятную или смѣшную сторону. Митинги позволяли ему весело проводить время; ему нравилось стучать ногами, оглушительно хлопать или испускать нечеловѣческій ревъ въ отвѣтъ на зажигательныя рѣчи демагоговъ. Онъ готовъ былъ ругать хозяевъ и участвовать въ чествованіи героевъ и мучениковъ рабочаго вопроса, но лишь въ томъ случаѣ, когда онъ могъ быть увѣренъ, что ему не придется платить за „разбитый горшокъ“. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ болтуновъ, которые охотно поддерживаютъ чужое безуміе, но никогда не страдаютъ за него.

Напротивъ, Ричардъ относился къ дѣлу съ трагической страстностью, въ особенности если оно касалось его личности. Его самолюбію льстило играть роль вожака. Въ мечтахъ онъ уже видѣлъ себя въ парламентѣ, отстаивающимъ права рабочихъ и ведущимъ аттаку противъ капитала. Первый успѣхъ воспламенилъ его и еще болѣе возвысилъ въ собственныхъ глазахъ. Въ немъ сказалась кровь его дѣда, Генри Мотимера. О, какъ счастливъ былъ бы его дѣдъ, еслибы, умирая въ госпиталѣ отъ шальной пули, могъ предузнать, что его внукъ пойдетъ по его слѣдамъ и будетъ играть въ рабочемъ движеніи роль еще болѣе значительную, чѣмъ какую игралъ онъ самъ! Стукъ стакановъ и тарелокъ и громкій говоръ раздавались теперь въ кухнѣ м-съ Мотимеръ. Всѣ такъ были увлечены ѣдой, пивомъ и спорами, что и не замѣтили, какъ вошла Алиса, молодая, живая дѣвушка съ умнымъ лицомъ. Костюмъ ея состоялъ изъ клѣтчатаго платья, маленькой шляпки съ краснымъ перомъ и мѣховой пелеринки. Въ рукахъ она держала мѣховую же муфту. Она находилась въ той порѣ, когда красота достигаетъ полнаго развитія и блещетъ всею прелестью юности.

Мѣсто продавщицы въ магазинѣ не было сопряжено съ уто-

Digitized by Google

мительнымъ, истощающимъ трудомъ. Легкая работа не вліяла на ея здоровье, щеки ея не поблѣднѣли, какъ у ея товарокъ, и глаза не потеряли своего живого блеска. Полуоткрытыя губы ея позволяли видѣть зубы удивительной бѣлизны. Она была необыкновенно похожа на своего брата: такой же сильный характеръ, нетерпѣливый и властный.

Остановившись въ дверяхъ, она крикнула:

— Скоро ли вы перестанете шумѣть!

Даніель подвинулся со своимъ стуломъ, чтобы загородить дорогу дѣвушкѣ.

Онъ такъ пожалъ ей руку, что та вскрикнула.

— Какъ жалко,—сказала она,—что я не могу вамъ отплатить тою же монетою!

Даніель захохоталъ и закричалъ:

— Садитесь!

Алиса ударила его по плечу и, пробравшись на другую сторону стола, съ нѣжностью обняла Эмму.

— Ахъ, какъ мнѣ хочется пить! — сказала она.—Надѣюсь, вы оставили мнѣ пива?

— Едва-ли, развѣ на самомъ донышкѣ,—отвѣчалъ Даніель. —Стыдно и подать столько принцессѣ!

И выливъ остатки пива въ стаканъ, онъ поднесъ его Алисѣ. Та мигомъ опорожнила его; затѣмъ сняла шляпу, пелеринку, перчатки и сѣла за столъ.

— У насъ нѣтъ пикулей, мама? — спросила она м-съ Мотимеръ.

— Я хотѣла купить вчера вечеромъ, да не успѣла. Хоть одинъ-то разъ сами сходите.

Алиса оттолкнула отъ себя тарелку и сказала, надувшись:

— Въ такомъ случаѣ я не буду ужинать. Я не могу ѣсть холодную говядину безъ пикулей.

— Дайте мнѣ какую-нибудь посудинку, я схожу въ лавочку за пикулями,—предложилъ Даніель.

— Отлично, сходите!—засмѣялась Алиса:—старайтесь быть услужливымъ кавалеромъ.

Даніель возвратился черезъ минуту, неся баночку съ орѣхами въ уксусѣ. Алиса выложила ихъ себѣ на тарелку и принялась ужинать. Какъ всѣ молодыя дѣвушки ея сословія, она имѣла привычку все поливать уксусомъ—рыбу, овощи и даже свиное сало.

— А вы не желаете пикулей?—предложилъ Даніель, обращаясь къ Эммѣ, все время молчавшей и не принимавшей никакого участія въ общемъ оживленіи. Она не отвѣчала и, поднявъ-

Digitized by Google

шись, шепнула на ухо м-съ Мотимеръ, что она хочетъ идти домой.

— Вы хорошо дѣлаете, мое дитя. Вы, вѣрно, всю ночь продежурите около Жанны?—сказала та.

— Надѣюсь, что не всю.

Ричардъ замѣтилъ, что молодая дѣвушка хочетъ уходить, и вызвался ее провожать. Онъ надѣлъ шапку, и они вышли вдвоемъ.

— Я думаю, вамъ очень досадно было потерять работу, — спросила его Эмма, когда они очутились на улицѣ.

— Нимало! я могъ бы сейчасъ же получить мѣсто, еслибы захотѣлъ. Но я болѣе не намѣренъ порабощать себя—благодарю покорно, довольно съ меня!

— Какъ! вы хотите сидѣть сложа руки?

— Нѣтъ, не сидѣть сложа руки, а только иначе устроиться. Соціалистической партіи необходимы преданные и способные люди для пропаганды,—ну, и для другихъ цѣлей. На это не всякій способенъ, конечно,—прибавилъ Ричардъ, давая понять, что онъ самъ вполнѣ достоинъ играть подобную роль.

— И вамъ будутъ платить за это, Ричардъ?

— Навѣрное.

Перейдя каналъ, они очутились въ зловонномъ, рабочемъ кварталѣ съ узкими улицами и грязными, скученными домами, о которомъ мы говорили въ началѣ главы. Пивныя были открыты. У дверей ихъ стояли кучки мужчинъ и женщинъ. Слышался смѣхъ, ругань и визгливые голоса ссорившихся.

Была пасха, и рабочіе гуляли, пропивая послѣднія деньжонки.

Эмма съ Ричардомъ остановились около одного четырехъ-этажнаго дома. Ричардъ спросилъ, не придется ли позвать доктора?

— Да,—отвѣчала Эмма:—Жанна и слышать не хочетъ о госпиталѣ, а между тѣмъ ей все хуже и хуже.

Ричардъ всунулъ въ руку Эммы необходимую сумму на леченье.

— Возьмите,—сказалъ онъ,—это на лекарство. Я знаю, что вамъ съ Катериной не справиться. Почему вы меня не зовете просто Дикомъ, какъ всѣ?—прибавилъ онъ, помолчавъ:—я давно уже хотѣлъ это сказать вамъ.

— Быть можетъ, потому, что я для васъ не то, что всѣ,—отвѣчала Эмма съ улыбкой.

— Становится холодно, идите къ себѣ. Постарайтесь придти къ намъ во вторникъ или въ среду.

— Хорошо, приду.

— Ну, прощай!—сказалъ Ричардъ и, нагнувшись, поцѣловалъ дѣвушку въ голову.

Digitized by Google

Домъ, гдѣ жила Эмма, былъ, кажется, самый грязный въ переулкѣ. Она подняла голову и въ четвертомъ этажѣ, въ одномъ изъ оконъ, замѣтила слабый, мигающій огонекъ.

Когда Ричардъ вернулся домой, онъ засталъ мать въ страшномъ гнѣвѣ. Она говорила, размахивая руками, рѣзкимъ, раздраженнымъ голосомъ. Даніель уже ушелъ; со стола убрали; Алиса, сидя у печки, грѣла свои элегантно обутыя ноги. Причиною гнѣва м-съ Мотимеръ былъ поздній приходъ ея младшаго сына Генри, красиваго семнадцати-лѣтняго мальчика, ростомъ почти равнявшагося своему брату. Сильный и хорошо сложенный, онъ могъ бы считаться очень красивымъ, еслибы его не портила излишняя небрежная развязность манеръ. Портили его также волоса, похожіе на паклю, и выраженіе тупости въ лицѣ. Впрочемъ мы застаемъ его въ самую неблагопріятную минуту. Онъ смущенъ, и его растерянный видъ придаетъ ему что-то похожее на обезьяну. Это былъ недалекій малый, гуляка, съ сильно развитыми чувственными наклонностями.

— Это невозможно!—кричала мать:—скоро ты и въ будни будешь возвращаться въ двѣнадцатомъ часу. И въ какомъ ты видѣ! Стыдись!

Генри пошатнулся и упалъ на стулъ. Онъ носилъ костюмъ съ покушеніями на моду, какіе шьютъ по модным картинкамъ портные средней руки: панталоны въ обтяжку, яркій жилетъ, коротенькая, кургузая жакетка съ безчисленными карманами, красный галстухъ съ длинными концами, пропущенными сквозь кольцо. По жилету—толстая часовая цѣпочка изъ никеля.

— Я не болѣе пьянъ, чѣмъ всѣ,—говорилъ онъ заплетающимся языкомъ.—Что тутъ особеннаго: погулять съ друзьями для праздника...

— Самый прекрасный способъ встрѣчать праздникъ!—вскричала м-съ Мотимеръ.—Иди спать, Генри! Завтра ты долженъ рано встать на работу.

— Иди спать... Но я вѣдь еще не ужиналъ!

— Такъ и будутъ для тебя готовить второй ужинъ!—сказалъ Ричардъ, входя.—Ступай, ступай въ свою комнату!

— Я не намѣренъ слушаться твоихъ приказаній!—отвѣчалъ Генри наглымъ тономъ.

— Не намѣренъ слушаться? — переспросилъ Ричардъ. Въ голосѣ его послышались такія грозныя ноты и въ глазахъ вспыхнулъ такой зловѣщій огонекъ, что Генри сейчасъ же поднялся на ноги и, шатаясь, пошелъ изъ комнаты. Слышно было, какъ онъ тяжело оступался, взбираясь по лѣстницѣ.

Digitized by Google

V.

Ричардъ имѣлъ обыкновеніе и въ праздничные дни вставать такъ же рано, какъ и въ будни.

— Тѣло,—говорилъ онъ,—должно быть рабомъ человѣческой воли. Семь часовъ сна совершенно достаточно для отдыха.

На слѣдующій день онъ поднялся, какъ и обыкновенно, въ половинѣ восьмого. М-съ Мотимеръ, ради праздника, позволила себѣ провести лишній часокъ въ постели. Генри вышелъ только къ завтраку; что же касается Алисы, то она всегда была готова послѣдней.

Ричардъ занималъ комнату, выходившую окнами на улицу. Обстановка ея ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенной обстановки квартиръ болѣе или менѣе зажиточныхъ и обезпеченныхъ рабочихъ.

Все отличалось чистотой и содержалось въ блестящемъ порядкѣ, но на всемъ лежалъ отпечатокъ банальности и мѣщанскаго безвкусія.

Зеркало въ золоченыхъ рамахъ; часы, стрѣлка которыхъ показывала все одинъ и тотъ же часъ; корзинка съ восковыми цвѣтами, накрытая стекляннымъ колпакомъ; коверъ съ яркими, аляповатыми цвѣтами. Передъ жесткимъ диваномъ столъ и на немъ нѣсколько книгъ въ богатыхъ переплетахъ.

На стѣнѣ висѣлъ швейцарскій пейзажъ съ необыкновенно пасмурнымъ колоритомъ, портретъ Гарибальди и большая хромолитографія, вырванная, очевидно, изъ какого-нибудь иллюстрированнаго журнала.

Въ шкафу за стеклами виднѣлись корешки книгъ. Это была библіотека Ричарда, лично имъ собранная. Говорятъ: скажи, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ; съ неменьшимъ правомъ можно перефразировать эту поговорку въ томъ смыслѣ, что о человѣкѣ можно судить по книгамъ, которыя онъ читаетъ. Крайнія мнѣнія Ричарда несомнѣнно руководили имъ при выборѣ книгъ.

Тутъ были сочиненія, разсматривавшія религіозные, политическіе и соціальные вопросы съ матеріалистической точки зрѣнія; сочиненія Мальтуса, Роберта Овена и нѣсколько томовъ Вольтера стояли на самомъ видномъ мѣстѣ. Наконецъ, тутъ находилась цѣлая коллекція памфлетовъ и брошюръ съ необыкновенно замысловатыми заглавіями и не менѣе удивительнымъ содержаніемъ. Въ нихъ толковалось о томъ, что сатаны не существуетъ,

Digitized by Google

и черти—одинъ миѳъ; доказывалось, что исторія творенія, изложенная въ первой книгѣ Моисея, старая сказка, что производить на свѣтъ дѣтей—печальная необходимость, что ѣсть говядину недостойно цивилизованнаго человѣка, что если разложить трудъ на всѣхъ членовъ общества поровну, то каждому придется работать часъ и 37 минутъ въ день, ни секундой больше!

Въ концѣ концовъ объявлялось, что только защитники вышеизложенныхъ принциповъ могутъ обновить выродившееся человѣчество, учредить на землѣ царство правды и сдѣлать всѣхъ счастливыми.

Ричардъ съ малыхъ лѣтъ зачитывался всѣмъ этимъ. Литература въ ея великихъ представителяхъ, поэзія, исторія не интересовали его. По этимъ разнокалибернымъ трактатамъ можно судить, каковъ будетъ вѣкъ полнаго торжества матеріалистическихъ идей, когда искусство утратитъ свои идеалы, библія станетъ только служить тэмою для юмористическихъ изданій и Шекспира провозгласятъ реакціонеромъ. Въ это утро Ричардъ былъ занятъ приготовленіемъ рѣчи, которую намѣревался сказать на митингѣ въ слѣдующее воскресенье. Вдругъ у дверей постучалъ почтальонъ. Ричардъ вышелъ, и тотъ вручилъ ему письмо. Адресъ былъ написанъ незнакомымъ ему почеркомъ. Онъ машинально распечаталъ пакетъ. Пробѣжавъ письмо, онъ все продолжалъ сидѣть согнувшись, и долго взглядъ его безцѣльно бродилъ по разбросаннымъ на столѣ бумагамъ. Казалось, онъ не могъ собрать своихъ мыслей—такъ поразила его неожиданная новость. Перечитавъ еще письмо, онъ запустилъ пальцы въ бороду и погрузился въ глубокое раздумье.

М-съ Мотимеръ явилась звать его къ завтраку, состоявшему изъ селедки, масла и кофе.

— Ты получилъ письмо?—спросила она у сына, когда они сидѣли за столомъ въ кухнѣ.

Ричардъ сдѣлалъ утвердительный знакъ, старательно выбирая рыбьи косточки.

Вошелъ Генри и занялъ свое мѣсто, украдкой взглянувъ на брата, но тотъ не обратилъ на него никакого вниманія и продолжалъ молча завтракать.

Когда завтракъ былъ конченъ, Ричардъ сказалъ матери:

— Гдѣ у васъ расписаніе поѣздовъ, которое я принесъ на дняхъ?

— Поищи въ ящикѣ, въ столѣ,—отвѣчала м-съ Мотимеръ.

Разглядывая расписаніе, Ричардъ заявилъ:

— Я долженъ уѣхать на день или на два.

Digitized by Google

Затѣмъ онъ, посвистывая, поднялся въ свою комнату. Одѣвшись въ новое платье, онъ ушелъ.

Такъ какъ онъ не являлся до вечера слѣдующаго дня, то всѣ рѣшили, что онъ отправился искать себѣ мѣсто. Алиса съ матерью пили чай въ кухнѣ, когда Ричардъ вернулся.

— Я вижу по твоему лицу,—сказала весело молодая дѣвушка,—что ты нашелъ работу.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила мать.

— Разумѣется, и кое-что болѣе надежное вдобавокъ.

— Въ добрый часъ. Гдѣ же это?

— Довольно далеко отъ Лондона. Налейте-ка и мнѣ чашечку, мама. Гдѣ Генри, не знаете?

— Ушелъ, по обыкновенію.

— Отчего ты пьешь чай въ шляпкѣ?—спросилъ онъ сестру.

— Ахъ, еслибы ты зналъ, какъ я спѣшу!—отвѣчала та.— Быстро допивъ свою чашку, она вскочила и направилась къ двери. М-съ Мотимеръ молча стала снимать скатерть со стола. Когда все было убрано, Ричардъ попросилъ ее взять работу и подняться къ нему.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами,—сказалъ онъ.—Вы давно уже не получали извѣстій отъ дяди?

— Почему ты меня о немъ спрашиваешь?

— Онъ умеръ.

М-съ Мотимеръ вздрогнула и уставила на него глаза отъ удивленія.

— Давно вы отъ него не получали писемъ?—повторилъ вопросъ Ричардъ.

— Въ послѣдній разъ онъ писалъ твоему покойному отцу за два года до нашей свадьбы. Потомъ я никогда и не слыхала о немъ.

— Нотаріусъ мнѣ говорилъ, что дядя зналъ всѣ обстоятельства нашей жизни.

— Нотаріусъ?

— Я все вамъ разскажу подробно. Дядя умеръ, не оставивъ завѣщанія. Вся недвижимая собственность поступитъ въ мои руки; изъ капитала, разнаго скарба и прочей движимости, получатъ свою часть и Генри съ Алисой. Что же касается васъ, мама, то вы не будете въ числѣ наслѣдниковъ.

Ричардъ говорилъ это съ радостнымъ видомъ, но м-съ Мотимеръ, повидимому, не раздѣляла его чувствъ. Она съ тревогой слушала его, сложивъ руки и устремивъ на него растерянный взглядъ.

Digitized by Google

— Недвижимая собственность?—повторила она.

— Нотаріусъ далъ мнѣ всѣ нужныя разъясненія насчетъ наслѣдства. У дяди было два дома въ Бельвикѣ и, кромѣ того, обширное помѣстье Ванлей съ замкомъ. Изъ замка еще не выѣхали, поэтому я не могъ осмотрѣть его. Что же касается капитала,—продолжалъ Ричардъ, перелистывая свою записную книжку,—то онъ въ различныхъ желѣзнодорожныхъ акціяхъ и бумагахъ... Акціи бельвикскихъ каменноугольныхъ копей, разныхъ заграничныхъ компаній, всего...

— Довольно, Ричардъ, перестань!—сказала м-съ Мотимеръ. Она задыхалась.—Это слишкомъ большое богатство... Такой богачъ не могъ умереть безъ завѣщанія,—я никогда не повѣрю этому, Ричардъ, никогда!

Молодой человѣкъ видимо былъ взволнованъ восклицаніемъ матери. Съ нервнымъ смѣхомъ онъ отвѣчалъ:

— Вы, конечно, совершенно свободны, мама, вѣрить или не вѣрить. Мои глаза и уши не могли меня обмануть. Въ силу какихъ-то своихъ соображеній, до которыхъ мнѣ нѣтъ ровно никакого дѣла, м-ръ Мотимеръ сжегъ свое завѣщаніе, а новаго не написалъ. Онъ скоропостижно умеръ въ церкви въ воскресенье утромъ. Не сказки же я вамъ какія-нибудь разсказываю!

— Ахъ, это все такъ неожиданно!—воскликнула м-съ Мотимеръ:—я еще ничего и сообразить хорошенько не могу. Нѣтъ, тутъ что-то не такъ,—продолжала она послѣ минутнаго раздумья:—самое большее онъ могъ намъ оставить нѣсколько сотъ фунтовъ... Какъ хочешь, а тутъ что-то неладно! Нѣтъ, я совсѣмъ не рада этому наслѣдству, совсѣмъ не рада!

— Если вы не рады наслѣдству, мама, то что же васъ послѣ этого можетъ обрадовать, чортъ побери! Вы боитесь, что-ли, за меня? Боитесь, что я съ радости начну пьянствовать и мотать? Кажется, вы за-одно съ нашими врагами думаете, что человѣкъ изъ рабочаго сословія неспособенъ ни на что благородное! Я употреблю наслѣдство какъ слѣдуетъ,—въ этомъ я глубоко убѣжденъ,—и всѣ скоро увидятъ, что оно попало въ хорошія руки.

М-съ Мотимеръ молчала. Она знала, что въ спорахъ съ сыномъ всегда будетъ побѣждена. Кромѣ того, ей очень легко было подчиниться въ данномъ случаѣ сыну, такъ какъ материнская гордость и любовь къ нему помогали ей въ этомъ. Но все-таки ея авторитетъ оставался непоколебимымъ въ глазахъ Ричарда, и стоило ей наморщить брови, чтобы заставить его замолчать. Что касается Генри и Алисы, то надъ ними, какъ еще надъ несо-

Digitized by Google

вершеннолѣтними, она сохраняла полную власть, и они ей повиновались безпрекословно. Давно уже между ними не возникало никакой ссоры.

Принадлежа по убѣжденіямъ къ консервативному лагерю, она никогда не придавала серьезнаго значенія разрушительнымъ теоріямъ, которыми увлекался ея старшій сынъ. Но она не противорѣчила ему, хорошо понимая, что политика отвлекаетъ его отъ кабаковъ и гульбы съ пріятелями.

— Нотаріусъ говоритъ,—продолжалъ Ричардъ,—что по старому, теперь несуществующему, завѣщанію наслѣдникомъ всего его имущества долженъ былъ сдѣлаться нѣкій Эльдонъ. На его обязанности лежало бы выдавать намъ ежегодную пенсію. Нотаріусъ, кажется, думаетъ, что я долженъ отказаться отъ наслѣдства. Онъ съ настойчивостью все мнѣ старался втолковать, что покойный-де желалъ оставить все молодому Эльдону. Но намъ этимъ нечего смущаться; разъ счастье повернулось въ нашу сторону—надо пользоваться минутой.

— Отчего ты не хотѣлъ говорить при Алисѣ?

— Видите ли, я думаю, до времени, ни Генри, ни Алиса не должны знать, что они богаты. Я боюсь, это вскружитъ имъ голову. Да и вообще не надо болтать объ этомъ. Если дѣвушка богата, то за ней увиваются болѣе ради ея приданаго, чѣмъ ради нея самой. Генри же обезпеченность совсѣмъ можетъ погубить. Боюсь, съ нимъ будетъ много хлопотъ. Конечно, нужно имъ сказать о полученіи наслѣдства, да и скрыть это отъ нихъ невозможно, хотя бы потому, что не останемся же мы здѣсь жить. Не надо только говорить о размѣрахъ наслѣдства. Пусть даже они меня одного считаютъ наслѣдникомъ. Конечно, Алисѣ нечего будетъ теперь торчать въ магазинѣ,—она станетъ помогать вамъ въ хозяйствѣ. А Генри, покамѣстъ, пусть остается на томъ же мѣстѣ. Въ головѣ у меня масса плановъ; я потомъ еще поговорю о нихъ съ вами подробнѣе.

— Ты хочешь нанять для насъ домъ?—спросила м-съ Мотимеръ.

— Я не думаю нанимать какое-нибудь особенное роскошное помѣщеніе, но все же не оставаться же намъ жить въ этой тѣснотѣ! Я не хочу пускать пыль въ глаза своимъ богатствомъ, но, разумѣется, вся наша жизнь теперь пойдетъ на новый ладъ. Мнѣ кажется, вы имѣете право отдохнуть, мама. Я найму домъ въ Гринлэнѣ или въ Гайбери. Я уже все это ночью обдумалъ. Завтра я, вѣроятно, отправлюсь въ Бельвикъ.

— Ты разскажешь обо всемъ Эммѣ, не правда ли?

Digitized by Google

— Да, я къ ней сейчасъ и отправлюсь,—отвѣчалъ Ричардъ, поднимаясь съ мѣста.

Черезъ минуту онъ былъ уже на улицѣ. Онъ шелъ въ глубокой задумчивости, съ еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, сосредоточеннымъ видомъ. По природѣ своей сдержанный и скрытный, Ричардъ умѣлъ таить свои чувства. Неожиданное счастье не повергло его въ то возбужденное состояніе, въ какое приходятъ въ такихъ случаяхъ экспансивныя натуры. Но во всякомъ случаѣ въ немъ прибавилось благодушія; онъ почувствовалъ симпатію ко всему человѣческому роду, и всякое желаніе обличать капиталистовъ и негодованіе на эксплуатацію рабочаго человѣка въ немъ теперь на время улеглось, быть можетъ, потому, что онъ самъ теперь принадлежалъ къ этому—еще столь недавно ненавистному для него—классу богатыхъ собственниковъ. Но нѣтъ, онъ явится исключеніемъ изъ правила! Онъ употребитъ свое богатство на дѣла благотворительности, онъ протянетъ руку помощи своимъ братьямъ-рабочимъ! О, какъ онъ презираетъ этихъ надменныхъ аристократовъ и алчныхъ буржуа! Теперь ему представляется случай показать себя. Доселѣ онъ говорилъ только кучкѣ рабочихъ, гдѣ-нибудь въ крошечной, закоптѣлой залѣ; теперь голосъ его раздастся смѣло и свободно, и всему міру возвѣститъ новое ученіе!

Такъ, или почти такъ, мечталъ онъ, когда, наконецъ, очутился въ темномъ переулкѣ, передъ домомъ, гдѣ жила Эмма со своими сестрами. Онъ дернулъ колокольчикъ. Дверь ему отворила сама Эмма.

— Вы пришли узнать о здоровьѣ Жанны? — спросила она, радостно улыбаясь:—ей сегодня гораздо лучше.

— Ну, вотъ и отлично. Могу я войти?

— Разумѣется.

— Погодите, я вамъ посвѣчу; у насъ такая темнота и тѣснота; осторожнѣе, ради Бога!

На каждой площадкѣ крутой, грязной лѣстницы посѣтителя обдавалъ особый запахъ. Тамъ несло жаренымъ лукомъ, тутъ мокрымъ бѣльемъ, еще выше—терпентиномъ. Въ пятомъ этажѣ хотя тоже воздухъ былъ зараженъ всевозможными міазмами, но все-таки легче дышалось. Они вошли въ комнату, служившую вмѣстѣ и спальной, и столовой, и рабочимъ кабинетомъ. Понятно, при такомъ условіи ее трудно было содержать въ порядкѣ. Въ углу стояла кровать,—на ней спало двое маленькихъ дѣтей; у окна—швейная машина, заваленная бѣльемъ; по срединѣ

Digitized by Google

столъ, на которомъ лежалъ хлѣбъ и масло; на потолкѣ черный кругъ обозначалъ мѣсто, гдѣ висѣла лампа.

Старшая сестра Эммы, Катерина, овдовѣвшая годъ тому назадъ, еще молодая женщина, оставшаяся послѣ мужа съ двумя крошечными дѣтьми, расхаживала взадъ и впередъ по комнатѣ. Ея блѣдное, печальное лицо носило отпечатокъ безсонныхъ ночей и утомленія отъ непосильной работы.

— Эта комната настоящій свиной хлѣвъ, — сказала она.— Хоть бы сколько-нибудь поприбрать ее!! Что это, куда дѣвался стулъ?.. Не говорите громко, пожалуйста, а то дѣти проснутся. У Берти болитъ ухо, и она кричала съ ранняго утра. Она и Жанна не даютъ намъ ни минуты покоя. Можно убрать со стола, Эмма?

— Что-жъ ты сама-то ничего не ѣла?

— Мнѣ совсѣмъ не хочется. Я пойду взглянуть на Жанну.

Семейство Ричарда никогда не испытывало той крайней нищеты, когда человѣкъ уже перестаетъ думать о чистотѣ и порядкѣ и стыдиться неряшливости. Извѣстная порядочность и прежде была въ крови Мотимеровъ, и Ричардъ съ невольнымъ чувствомъ гадливости осматривалъ это печальное убѣжище. Онъ очень рѣдко и не надолго заходилъ къ Эммѣ.

— Вы бы затопили,—сказалъ онъ.

— Каминъ топится въ другой комнатѣ. Мы его только и топимъ.

— Неужели же вы и кушанье тамъ готовите?

— Кушанье?—переспросила Эмма:—кромѣ варенаго картофеля, мы ничего не можемъ себѣ позволить.

Въ эту минуту дверь сосѣдней комнаты отворилась, и Катерина, высунувшись, сдѣлала Эммѣ знакъ, очевидно условленный, между ними. Эмма качнула головой въ знакъ согласія. Затѣмъ, убравъ посуду на полку, она подошла къ Ричарду и, довѣрчиво опершись на его плечо, сказала:

— Бѣдная Катерина совсѣмъ замучилась. Ей приходится не спать почти всю ночь напролетъ. Дѣти ее изводятъ. Сегодня утромъ она носила Альфреда въ госпиталь. Докторъ прописалъ какую-то микстуру,—я забыла, право, какъ ея названіе. Но гдѣ же намъ покупать такое дорогое лекарство: маленькая стклянночка — шиллингъ. У маленькаго не прорѣзываются зубы отъ истощенія.

— Все обойдется! Теперь все пойдетъ иначе! — произнесъ успокаивающимъ тономъ Ричардъ, обнимая за талію дѣвушку, тихо опустившуюся возлѣ него на колѣни.

Digitized by Google

— Я такъ устала, — прошептала бѣдняжка: — сегодня мнѣ пришлось сдѣлать два такихъ длинныхъ конца... Я боюсь, что не буду въ состояніи сидѣть эту ночь около Жанны, а Катерина еще больше моего устала.

Она говорила это Ричарду не затѣмъ, чтобы пробудить въ немъ симпатію къ себѣ, а просто чтобы излить накопившееся горе. Она слишкомъ привыкла къ вѣчной усталости, чтобы это одно могло вызвать у нея жалобу. Бѣдная Эмма была счастлива тѣмъ, что могла прижаться къ сердцу человѣка, любовь къ которому составляла всю радость ея жизни. Другой бы на мѣстѣ Ричарда не удержался, чтобы не поцѣловать эту хорошенькую головку съ темными шелковистыми волосами, прижавшуюся къ нему. Но Ричардъ думалъ въ эту минуту о самыхъ прозаическихъ вещахъ. Въ другое время, слыша жалобы бѣдной молодой дѣвушки, онъ почувствовалъ бы живое негодованіе противъ эгоистовъ-хозяевъ, порабощающихъ бѣдныхъ рабочихъ, но теперь онъ находился въ слишкомъ благодушномъ настроеніи для того.

— На вашемъ мѣстѣ, Эмма,—сказалъ онъ,—я бросилъ бы работу.

— Бросить работу? — переспросила дѣвушка въ удивленіи: —то-есть, что вы этимъ хотите сказать?

— Я серьезно говорю вамъ. У васъ тогда найдется время, чтобы ухаживать за Жанной, да и отдохнуть вамъ можно будетъ. И не лучше ли вамъ перебраться изъ этого скверная помѣщенія въ болѣе просторное, гдѣ бы не было ни духоты, ни сырости?

— Я не понимаю, Ричардъ, что вы это такое говорите?

— Вѣдь вамъ бы хотѣлось пожить въ деревнѣ? Катерина съ Жанной могутъ остаться въ Лондонѣ и занять домикъ въ родѣ того, въ какомъ мы теперь живемъ, выбрать себѣ двѣ, три комнаты по вкусу... Мы теперь свободны поселиться тамъ, гдѣ намъ понравится. Я завтра отправлюсь въ одно изъ среднихъ графствъ— тамъ у меня дѣла. Тамъ я уже намѣтилъ одно помѣщеніе; я увѣренъ, оно и вамъ понравится. Правда, оно, пожалуй, слишкомъ велико для насъ двоихъ—семнадцать или двадцать комнатъ. При немъ прекрасный садъ съ большими, старыми деревьями.

Эмма принужденно улыбнулась. Шутка казалась ей очень горькой. Она могла представить себѣ такой домъ; она читала въ еженедѣльномъ журналѣ описанія подобныхъ роскошныхъ помѣщеній, гдѣ жить, должно быть, такъ сладко, какъ въ раю.

— Я говорю совершенно серьезно, Эмма. Вотъ сядьте на стулъ, и я вамъ все разскажу. Можетъ быть, тогда вы повѣрите мнѣ.

Digitized by Google

И онъ разсказалъ подробно о неожиданномъ полученіи наслѣдства, и какой онъ теперь богачъ.

— Все это будетъ принадлежать намъ съ вами, — закончилъ онъ.

Наблюдали вы когда-нибудь за ребенкомъ, которому разсказываютъ волшебную сказку? Глазки его мало-по-малу загораются восторгомъ, ротъ раскрытъ, все личико освѣщается радостнымъ любопытствомъ.

Точно съ такимъ видомъ слушала Эмма разсказъ Ричарда. Ей казалось, что она видитъ сонъ. Вдругъ она услышала плачъ ребенка въ сосѣдней комнатѣ. Она вскочила и хотѣла бѣжать къ нему, но сейчасъ же сѣла опять.

— Ну, какъ же вамъ кажется—поселиться намъ въ деревнѣ? —спросилъ Ричардъ самодовольно.

— Я, право, не знаю... Я положительно не въ состояніи соображать теперь!—отвѣчала бѣдная дѣвушка.

— Пожалуй, вы такъ же мало рады тому, что я получилъ наслѣдство, какъ и моя мать?

Эмма вздрогнула, но молчала.

— Въ самомъ дѣлѣ, — продолжалъ Ричардъ, — она, узнавъ о томъ, что намъ съ неба упало богатство, не нашла ничего лучше, какъ начать вздыхать и жаловаться невѣдомо на что,—честное слово! У нея дурныя предчувствія; по ея словамъ, она боится этого наслѣдства. Я желаю, чтобы до времени Алиса и Генри знали какъ можно менѣе о величинѣ нашего состоянія. Лучше всего, еслибы до ихъ совершеннолѣтія они думали, что полученное наслѣдство весьма незначительное и только-что можетъ намъ доставить нѣкоторую обезпеченность. Поэтому я васъ убѣдительно прошу, Эмма, не говорите имъ ничего. Признайтесь,—вѣдь вамъ никогда и въ голову не приходило, что вы будете женою богатаго человѣка и станете важной дамой! Я теперь же найму для матери помѣщеніе получше и попросторнѣе; вы же съ сестрами пока переѣдете въ наше теперешнее помѣщеніе. Не знаю, сколько времени надо Эльдонамъ, чтобы выбраться изъ Ванлейскаго замка, но, когда они выѣдутъ, ничто намъ не воспрепятствуетъ занять ихъ мѣсто. Вы ничего противъ этого не имѣете,—не правда ли, Эмма?

— Да, да, конечно! Боже мой, это сонъ! Это совершенный сонъ!

— Вѣроятно, еще много хлопотъ предстоитъ. Обстановка, конечно, принадлежитъ Эльдонамъ, и они увезутъ ее съ собою, такъ что еще придется купить мебель.

— Можно мнѣ будетъ разсказать все сестрамъ?

Digitized by Google

— Вы такъ имъ скажите: Ричардъ получилъ въ наслѣдство домъ и небольшой капиталъ, и больше не о чемъ распространяться. Я вамъ оставлю банковый билетъ на первые расходы. Теперь вы можете выкинуть за окошко швейную машину. Довольно помучились—не грѣхъ и отдохнуть! И бѣдную Жанну поставимъ на ноги! Ну, подите, разскажите ей.

— Я не знаю, Ричардъ... Эти деньги...

— Меня снабдилъ деньгами нотаріусъ въ виду наслѣдства. Не безпокойтесь. Однако, уже поздно, и я долженъ идти. Я еще напишу вамъ прежде возвращенія.—Онъ протянулъ ей руку, но она молча приподнялась и обняла его съ нѣжностью, говорившей болѣе, чѣмъ она могла бы выразить словами.

— Ты рада, Эмма, не правда ли?

— Очень рада, милый,—за тебя рада.

— Ну, да и за себя, я думаю.

— Я никогда не мечтала о богатствѣ; съ меня довольно, если ты будешь моимъ мужемъ.

Она говорила правду.

VI.

На слѣдующій день, въ одиннадцать часовъ утра, Ричардъ стоялъ у дверей дома, гдѣ проживалъ м-ръ Уэстлекъ, редакторъ соціалистическаго органа. Онъ принялъ Ричарда въ своемъ кабинетѣ—большой, богато убранной комнатѣ, окна которой выходили на лужайку. Хотя день стоялъ теплый и солнечный, въ каминѣ для уравненія температуры горѣлъ яркій огонь. Запахъ дорогого табаку смѣшивался съ запахомъ сафьяна, которымъ была обита мебель.

Ричардъ въ первый разъ еще вступалъ въ роскошные апартаменты м-ра Уэстлека. Нѣсколько дней тому назадъ онъ смутился бы при видѣ лакеевъ въ ливреяхъ, великолѣпныхъ сѣней и лѣстницы, устланной ковромъ, и, вѣроятно, не безъ внутренняго трепета вступилъ бы въ кабинетъ хозяина; но теперь онъ не чувствовалъ никакого стѣсненія и съ улыбкой осматривалъ убранство покоя, съ пріятнымъ сознаніемъ, что и онъ можетъ завести такую же роскошь въ своемъ домѣ, если пожелаетъ.

Хозяинъ дружески пожалъ ему руку. Это былъ хорошо сложенный и, очевидно, пользовавшійся прекраснымъ здоровьемъ человѣкъ, съ умнымъ и пріятнымъ лицомъ, невольно располагавшимъ къ нему. Онъ носилъ сѣрый бархатный пиджакъ и туфли,

Digitized by Google

подбитыя мѣхомъ; батистовыя манжеты почти закрывали кисти его рукъ. Длинные волосы и приподнятая голова придавали ему нѣсколько мечтательный видъ. Онъ благосклонно улыбался.

Ему долго приходилось бороться съ нуждой, и теперь онъ наслаждался достигнутымъ благосостояніемъ; до тридцати-пяти лѣтъ онъ бился какъ рыба объ ледъ, тщетно стараясь выйти изъ тягостнаго положенія, и, наконецъ, счастье ему улыбнулось: онъ достигъ богатства и значенія. Отнынѣ грозный призракъ нужды не смѣлъ переступить порога его роскошнаго дома. Блестящій ораторъ и выдающійся писатель, пропитанный соціалистическими идеями, м-ръ Уэстлекъ, если судить по тому, съ какимъ жаромъ онъ защищалъ ихъ, очевидно, въ случаѣ надобности, готовъ бы былъ понести на себѣ послѣдствія своего разрушительнаго ученія. Но, съ другой стороны, этому противорѣчили его изысканные вкусы и любовь къ роскоши, вовсе не напоминавшіе демократическую суровость нравовъ и гражданскую стоическую воздержанность.

Ричардъ Мотимеръ съ большимъ апломбомъ началъ разговоръ и объявилъ м-ру Уэстлеку, что разсчитываетъ на его благосклонную помощь.

— А! знаю—вы насчетъ этой непріятной исторіи?—сказалъ м-ръ Уэстлекъ. Онъ, въ качествѣ редактора журнала, все узналъ необыкновенно быстро и теперь предполагалъ, что Ричардъ хочетъ сообщить, какъ ему отказали отъ мѣста, благодаря его смѣлымъ обличительнымъ рѣчамъ.

— Нѣтъ, я хочу поговорить кое о чемъ другомъ!

И Ричардъ разсказалъ о неожиданномъ полученіи наслѣдства и какимъ онъ сталъ теперь богачомъ. По мѣрѣ того, какъ онъ разсказывалъ, физіономія м-ра Уэстлека становилась все привѣтливѣе и благосклоннѣе.

— Я боюсь, — воскликнулъ онъ, смѣясь, когда Ричардъ умолкъ,—что вы, получивъ это наслѣдство, покинете ряды нашей партіи.

Ричардъ поспѣшилъ изложить причины, заставившія его обратиться къ м-ру Уэстлеку.

— Позвольте мнѣ вамъ теперь изложить дѣло,—началъ онъ,—болѣе важное, и съ которымъ я едва-ли справлюсь безъ вашей помощи. Надѣюсь, вы безъ труда повѣрите мнѣ, если я скажу вамъ, что богатство не повліяетъ на мои убѣжденія и не сдѣлаетъ изъ меня алчнаго эксплуататора и эгоиста-собственника. У меня есть идея, уже разработанная въ общихъ чертахъ, но примѣнить ее къ практикѣ, найти подходящія средства для ея

Digitized by Google

осуществленія—съ этой задачей мнѣ едва-ли справиться одному. Тутъ есть затрудненія; потому-то я хочу обсудить все дѣло съ вами и воспользоваться вашими указаніями.

Въ это время дверь кабинета отворилась, и вошла молодая женщина.

— Извините,—сказала она,—я думала, вы одинъ.

— Ничего, войдите, мы толкуемъ съ м-ромъ Мотимеромъ... Вы, кажется, уже знакомы съ моей женой?

Дѣйствительно, Ричардъ на послѣднемъ митингѣ обмѣнялся нѣсколькими фразами съ м-съ Уэстлекъ, обычной посѣтительницей всѣхъ соціалистическихъ митинговъ.

— Я думаю, васъ не стѣснитъ ея присутствіе? Вы и при ней можете излагать ваши проекты; она въ состояніи дать вамъ дѣльный совѣтъ.

М-съ Уэстлекъ можно было дать самое большее двадцать-четыре года; сильная брюнетка съ строгимъ греческимъ профилемъ, она носила короткіе волосы, темными прядями обрамлявшіе ея красивое, серьезное лицо.

Она всегда внимательно прислушивалась къ тому, что говорили около нея, пристально всматриваясь въ лица говорившихъ, причемъ глаза ея казались еще больше и принимали нѣсколько удивленное выраженіе. Она сѣла на низенькое кресло и, поставивъ локоть на колѣно, оперлась подбородкомъ на руку.

— Проектъ мой состоитъ въ слѣдующемъ,—началъ Мотимеръ:—я хочу основать на соціалистическихъ началахъ дѣло разработки каменноугольныхъ копей въ Ванлеѣ, составляющее гигантское промышленное предпріятіе. Я употреблю мое состояніе на устройство необходимыхъ машинъ, инженерныя работы и постройку помѣщеній для рабочихъ,—короче говоря, постараюсь разработать всю долину, чтобы начать эксплуатацію ея естественныхъ богатствъ въ возможно широкихъ размѣрахъ. Что касается до моихъ личныхъ тратъ, то я постараюсь ограничиться лишь самымъ необходимымъ, такъ что ихъ можно теперь пройти молчаніемъ. Я желаю, чтобы дѣло контролировалось членами рабочаго союза, къ которому я теперь принадлежу. Слишкомъ долго пренебрегали правами рабочихъ; я желаю, чтобы они явились участниками въ дѣлѣ, какъ равноправные компаньоны. Какъ вы думаете—возможно осуществить этотъ планъ?

М-ръ Уэстлекъ утвердительно качнулъ головой.

— Мой планъ,—продолжалъ Ричардъ, — совершенно отличается отъ всѣхъ попытокъ, сдѣланныхъ до сихъ поръ соціалистами. До сихъ поръ всякій трудился ради своей личной выгоды;

Digitized by Google

мы составимъ дружную семью, члены которой станутъ работать на общую пользу, и я увѣренъ, при такой постановкѣ дѣла добьемся безконечно большихъ результатовъ, чѣмъ какихъ достигаютъ теперь бельвикскіе капиталисты. По моему, формула: каждый долженъ быть вознагражденъ соразмѣрно своему труду,— отжила свое время. Мой идеалъ иной. Я хочу совершенно уничтожить заработную плату, образовать рабочую общину, въ которой всѣ, какъ пчелы въ ульѣ, безкорыстно отдавали бы свой трудъ и одинаково со всѣми пользовались его плодами. Дѣло перейдетъ, какъ я уже говорилъ, въ руки работниковъ, составляющихъ нашу партію. Отнынѣ они станутъ еще солидарнѣе. Мы будемъ издавать газеты, устроимъ залы для собраній, мы станемъ пропагандировать въ странѣ наши идеи и бороться съ капиталистами равнымъ оружіемъ. Конечно, вначалѣ намъ придется преодолѣть не мало трудностей. Вся Англія поднимется противъ насъ, но я вѣрю, что, въ концѣ концовъ, мы восторжествуемъ. Такова цѣль, которую я составилъ себѣ. И я увѣренъ, что наше дѣло окажется въ тысячу разъ продуктивнѣе грабительской рутины батрачества.

— Браво, м-ръ Мотимеръ! — вскричалъ редакторъ.—Вашъ проектъ превосходенъ и составитъ нашу славу. Наконецъ-то пришла пора осуществить на дѣлѣ наши идеи! Я съ радостью готовъ вамъ помогать въ этомъ святомъ дѣлѣ. Нуженъ именно такой человѣкъ, какъ вы, человѣкъ практическій и знающій дѣло; вы вѣдь, я полагаю, прекрасно знаете эксплуатацію каменноугольныхъ залежей?

— Вчера я говорилъ съ однимъ инженеромъ, м-ромъ Родманомъ. Онъ вполнѣ годенъ для нашего дѣла. Это убѣжденный соціалистъ. Онъ съ жаромъ ухватился за мысль примѣнить наши теоріи къ практикѣ.

— Прекрасно. Вы передадите предпріятіе въ руки комитета нашего союза, въ его настоящемъ составѣ, не правда ли? Или, быть можетъ, вы желаете образовать комитетъ изъ другихъ лицъ?

— Нѣтъ. Пока пусть останется все по старому. Прежде всего надо составить обстоятельную смѣту и обсудить хорошенько финансовую сторону предпріятія. Теперь я долженъ отправиться въ Бельвикъ. Мой нотаріусъ составитъ проектъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, поселитесь въ Ванлеѣ?

— Да, въ замкѣ. Покамѣстъ онъ еще занятъ, но когда выѣдутъ...

— Вы знаете эту часть Англіи?—спросилъ м-ръ Уэстлекъ свою жену.

Digitized by Google

Та подняла голову, вздохнула и сдѣлала отрицательный знакъ.

— Я надѣюсь,—сказалъ Мотимеръ,—что когда я устроюсь на новомъ мѣстѣ, вы почтите меня посѣщеніемъ. Желѣзная дорога проходитъ очень близко отъ замка. Родманъ говорилъ мнѣ, что можно будетъ безъ труда провести небольшую боковую вѣтвь отъ станціи Эгвортъ до Ванлея. Мы обсудимъ этотъ вопросъ на митингѣ въ субботу.

— Итакъ, вы будете въ Лондонѣ въ этотъ день?

— Да, я долженъ сдѣлать сообщеніе въ Ислингтонѣ.

— Въ такомъ случаѣ до субботы. Я думаю, покамѣстъ лучше, чтобы наши планы оставались въ секретѣ?

— Разумѣется. Вы вполнѣ можете положиться на меня въ этомъ отношеніи.

Ричардъ подумалъ про себя, что замѣтка въ журналѣ союза о его великодушныхъ намѣреніяхъ ничему не помѣшала бы. Онъ не боялся гласности въ этомъ дѣлѣ; его останавливало лишь то, что оно еще было только въ проектѣ, да и самый проектъ намѣченъ лишь въ общихъ и весьма неопредѣленныхъ чертахъ; говорить печатно о немъ надо было съ большою осторожностью. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ могъ положиться на м-ра Уэстлека, редактора, отличавшагося большою разсудительностью и сдержанностью. Популярность Ричарда необыкновенно возросла послѣ того, какъ онъ пострадалъ за общее дѣло и потерялъ мѣсто.

На предстоявшемъ собраніи онъ готовился произнести рѣчь, и такъ какъ опасался, что зала не вмѣститъ всѣхъ, желающихъ послушать его, а комитетъ союза пожалѣетъ денегъ, то м-ръ Уэстлекъ обязательно взялся на свой счетъ нанять большую залу рядомъ съ одною кофейней.

Теперь въ ней соорудили эстраду для ораторовъ и поставили скамейки. На стѣнахъ залы общество трезвости наклеило афиши съ поучительными изреченіями. Запахъ табаку, кофе и селедокъ невольно наводилъ на мысль, что сюда въ обыкновенное время по утрамъ приходятъ завтракать.

Ричардъ, всегда отличавшійся большою аккуратностью, на этотъ разъ опоздалъ минутъ на десять. Кучка друзей, ожидавшая его прибытія, встрѣтила его шумными привѣтствіями. Онъ спокойно прошелъ черезъ залу и поднялся на эстраду. Даніель Даббъ подалъ знакъ, и начался невообразимый гвалтъ: одни топали ногами, другіе кричали... Ричардъ, не теряя хладнокровія, обводилъ залу спокойнымъ взглядомъ. Публики набралось до семидесяти человѣкъ. Между ними три или четыре женщины. Пред-

Digitized by Google

сѣдатель и два члена комитета совѣщаются съ Мотимеромъ; половина девятаго—предсѣдатель, наконецъ, встаетъ и, обращаясь къ собранію, произноситъ нѣсколько предварительныхъ словъ. Это человѣкъ съ добродушнымъ и веселымъ лицомъ, съ вульгарными манерами и произношеніемъ.

— Я имѣю удовольствіе,—началъ онъ,—представить вамъ нашего друга и сотоварища, уже не разъ выступавшаго на эстрадѣ въ качествѣ докладчика. Мы всегда его слушали съ удовольствіемъ; сегодня же сообщеніе его будетъ интереснѣе обыкновеннаго. Онъ намѣренъ разсмотрѣть аграрный вопросъ, еще мало изученный. Нашъ товарищъ, Мотимеръ, изучилъ этотъ вопросъ, какъ никто, и можно смѣло утверждать, что выводы, къ которымъ онъ пришелъ, вполнѣ достойны практическаго и убѣжденнаго человѣка.

Обыкновенно Мотимеръ говорилъ рѣзко и съ злобной ироніей, но на этотъ разъ рѣчь его дышала болѣе мирными чувствами. Легкая улыбка бродила на его губахъ. Заложивъ одну руку за спину, въ другой онъ держалъ бумагу съ текстомъ рѣчи. Во всей позѣ его было что-то мелодраматическое. Онъ говорилъ о тѣхъ временахъ, когда общество сознаетъ нелѣпость права собственности, все станетъ общимъ, и полученіе наслѣдства будетъ считаться такимъ же ненормальнымъ явленіемъ, какъ присвоеніе себѣ найденнаго на дорогѣ.

Онъ прибѣгалъ къ обычнымъ своимъ средствамъ убѣдить и потрясти слушателей. Приводилъ статистическія данныя, примѣры изъ прошлаго и изъ современной жизни неправедно нажитыхъ богатствъ, громилъ лордовъ и капиталистовъ.

Политико-экономическія теоріи смѣшивались съ лирическими изліяніями; рабочій пролетаріатъ сравнивался съ плѣнниками, сидящими на рѣкахъ Вавилонскихъ... Онъ говорилъ съ горячностью народнаго оратора и трибуна, не заботясь о правильности оборотовъ рѣчи, но какъ человѣкъ, слѣпо убѣжденный въ своей правотѣ и вполнѣ вѣрующій въ неотразимость своихъ доводовъ.

Когда онъ кончилъ, предсѣдатель спросилъ: не желаетъ ли кто-нибудь возразить оратору. Одинъ изъ присутствующихъ немедленно всталъ и со своего мѣста предложилъ Мотимеру семь различныхъ вопросовъ. Тотъ отвѣчалъ, не задумываясь, точно, ясно и обстоятельно. Тѣмъ не менѣе, господинъ, задававшій вопросы, остался крайне недовольнымъ и вышелъ изъ залы, повидимому, въ скверн ѣйшемъ расположеніи духа. За нимъ поднялся другой

Digitized by Google

и заявилъ, что боится говорить, что слова его, вѣроятно, не понравятся собранію.

— Почему? Говорите!—закричали со всѣхъ сторонъ.

Смиренный и робкій видъ оратора показывалъ, что это—нынѣ рѣдкій—типъ рабочаго консерватора.

— Я не вижу,—началъ онъ,—какую практическую пользу могутъ принести теоріи, которыя развивалъ въ своей рѣчи Мотимеръ. Развѣ отъ нихъ повысится заработная плата и хлѣбъ подешевѣетъ? Все это однѣ фразы, не болѣе. Честное слово, меня поражаютъ эти теоріи! Какъ будто когда-нибудь богачъ уступитъ бѣдному свою собственность! Въ природѣ человѣка хранить и защищать принадлежащее ему, то, что онъ скопилъ своимъ трудомъ...

— Свиньи только стоятъ за собственность!—крикнулъ кто-то, перебивая оратора.

— Ну, не правъ ли я былъ, говоря, что вы не пожелаете меня слушать!—воскликнулъ ораторъ горестно.

Поднялся гвалтъ, стукъ. Предсѣдатель вмѣшался, стараясь водворить порядокъ. Наконецъ, немного успокоились. Но раздосадованный консерваторъ не желалъ продолжать, надѣлъ шапку и ушелъ въ сосѣднее кафе, чтобы тамъ на свободѣ, въ кружкѣ сочувствующихъ, излить свой гнѣвъ.

Третій ораторъ, м-ръ Кулленъ, поднялся со своего мѣста и попросилъ слова. У этого „эксплуататоры“ и „новые соціальные слои“ не сходили съ языка. Положенныя десять минутъ, которыя могъ говорить каждый ораторъ, прошли, и предсѣдатель напомнилъ м-ру Куллену, что пора кончать; но тотъ продолжалъ, не обращая на него вниманія; наконецъ ужъ сосѣдъ силой заставилъ его сѣсть, дернувъ сзади. Ораторъ шлепнулся на свое мѣсто, при всеобщемъ смѣхѣ.

Поднялся м-ръ Коусъ, высокій, худой господинъ. Онъ говорилъ—точно ручеекъ журчалъ, гладко, жеманно съ претензіей на высшую красоту и изящество рѣчи.

Проговоривъ свои десять минутъ, онъ сѣлъ, съ озабоченно-недовольнымъ и ворчливымъ видомъ оглядывая сосѣдей. Громкій смѣхъ встрѣтилъ выскочившаго вслѣдъ за нимъ оратора. Этотъ обратился къ аудиторіи съ видомъ кафе-шантаннаго актера; съ театральными жестами и гримасами онъ сталъ описывать воображаемую страну, куда еще не проникла разъѣдающая язва капитализма, гдѣ царствуетъ полное равенство и братство. Дымъ фабричныхъ трубъ не затмѣваетъ тамъ дѣвственной лазури неба! Гигантскія тропическія растенія осѣняютъ быстрыя воды сереб-

Digitized by Google

ристыхъ ручьевъ! Жизнь катится тамъ тихо и безмятежно; счастливыя, влюбленныя парочки плывутъ по ея волнамъ, распѣвая пѣсни любви!

Эта прѣсная риторика необыкновенно какъ всѣмъ понравилась и вызвала шумные аплодисменты.

Наконецъ, вновь поднялся Ричардъ Мотимеръ.

— Никто не станетъ возражать,—началъ онъ,—и я менѣе всѣхъ, что рабочіе классы имѣютъ свои недостатки и даже пороки. Увы, факты на-лицо! Загляните въ гокстонскія и ислингтонскія таверны, не запирающіяся до поздней ночи—какое печальное зрѣлище предстанетъ вашимъ глазамъ! Но гдѣ корень нашихъ пороковъ? На кого падаетъ отвѣтственность за нихъ? Вина ли рабочаго, если онъ напивается въ душныхъ пивныхъ и кабакахъ, если онъ падаетъ подъ бременемъ нужды и непосильнаго труда? Его ли винить за то, что онъ не получилъ образованія, что вкусы его грубы? У него нѣтъ развлеченій, а страсть къ вину онъ получилъ отъ своихъ отцовъ, такихъ же рабовъ капитала, такихъ же нищихъ, какъ и онъ самъ! Кто осмѣлится бросить въ него камнемъ? Никто!

Взрывъ оглушительныхъ аплодисментовъ. Ричардъ продолжаетъ:

— Если каждый разъ, какъ у него скопится нѣсколько лишнихъ шиллинговъ, рабочій тратитъ ихъ на вино, онъ не виноватъ. Несчастный, голодный, онъ проводитъ жизнь въ грязной лачугѣ, часто далеко уступающей помѣщенію лошади какого-нибудь лондонскаго аристократа,—посмѣютъ ли его укорять за то, что онъ ищетъ забвенія на днѣ стакана? Прошу васъ, друзья мои, прекратите ваши аплодисменты. Подумайте надъ тѣмъ, что я вамъ говорилъ, разскажите это вашимъ женамъ и дѣтямъ. Зрѣлище народныхъ страданій сдѣлало изъ меня соціалиста. Клянусь! доколѣ дышу, я буду бороться противъ угнетателей и защищать угнетенныхъ. Я всегда останусь слугою народа. Никто въ мірѣ не скажетъ никогда, что Ричардъ Мотимеръ упустилъ случай быть полезнымъ своимъ братьямъ, что онъ эксплуатировалъ тѣхъ, участь которыхъ могъ бы улучшить.

Восторженные крики покрыли голосъ Мотимера. Слѣдуя установившемуся обычаю, м-ръ Кулленъ предложилъ выразить благодарность оратору.

Предсѣдатель собирался что-то сказать, но всѣ повскакали съ мѣстъ и устремились на эстраду съ намѣреніемъ пожать руку Ричарду. Затѣмъ митингъ кончился, и всѣ оставили залу. Вы-

Digitized by Google

ходя, м-ръ Кулленъ бросилъ взглядъ на расположенную напротивъ пивную.

Въ окнѣ онъ замѣтилъ м-ра Коуса, глубокомысленно курившаго трубку передъ стаканомъ грога.

М-ръ Кулленъ подумалъ и вошелъ въ пивную съ намѣреніемъ заказать и себѣ грогъ.

Краснорѣчивые защитники трезвости—въ принципѣ, конечно,—сдѣлали другъ другу дружескій знакъ головой.

— Не правда-ли, хорошая рѣчь?—спросилъ м-ръ Кулленъ.

— Мотимеръ можетъ говорить краснорѣчиво, когда захочетъ,—отвѣчалъ м-ръ Коусъ.

— Да, это такъ... Онъ умѣетъ говорить... Гмъ! гмъ! У меня, однако, что-то пересохло въ горлѣ.

— Въ залѣ было ужасно душно... У васъ есть огонь?

И онъ приблизилъ носъ къ носу своего пріятеля.

Закуривъ сигарку, м-ръ Коусъ сказалъ сентенціознымъ тономъ:

— Нельзя предвидѣть, что̀ намъ готовитъ будущее.

— Да вѣдь наобѣщать-то съ-три-короба легко.

— А обмануть и того легче!

— Ну, а какъ вы думаете: мы много отъ этого выиграемъ?

— Да, вѣроятно, ровно ничего.

Затѣмъ пріятели принялись толковать о всевозможныхъ предметахъ и просидѣли другъ противъ друга до самаго закрытія таверны.

А. Э.

Digitized by Google

НАРОДНАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Въ многочисленномъ рядѣ вопросовъ, которые возникли съ началомъ прошлаго царствованія, въ виду крестьянской и иныхъ реформъ, особенное вниманіе привлекъ вопросъ о народномъ образованіи. Это былъ вопросъ величайшей важности, и естественно было, что съ тѣхъ поръ и донынѣ онъ не переставалъ вызывать самый горячій интересъ не только у спеціальныхъ народниковъ, но и у всѣхъ, кто способенъ сознательно смотрѣть на основныя потребности жизни народной и самого государства. Что сила народа и государства заключается не въ одной „стальной щетинѣ", а также и, можетъ быть, еще болѣе, въ развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ націи—это стало пониматься въ массѣ общества, когда еще не успѣла кончиться Крымская война. Не только для людей болѣе образованныхъ, но и для самой толпы становилось наглядно, что передъ тѣмъ національное могущество было понимаемо слишкомъ односторонне и тѣмъ самымъ невѣрно; что необходимо поднятіе народнаго и общественнаго духа и развитіе просвѣщенія и гражданственной самодѣятельности. Теперь, когда само правительство, отвѣчая на давній общественный голосъ и становясь впереди общества въ одной изъ величайшихъ реформъ, какія знала русская исторія, когда оно поднимало вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, тотчасъ присоединился и вопросъ о народномъ образованіи: освобожденный народъ не долженъ былъ оставаться во мракѣ; въ числѣ правъ, какія онъ долженъ былъ получить, должно было явиться и право на образованіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, это была самая настоятельная необходимость, потому что только при помощи какого-либо образованія онъ могъ должнымъ образомъ

Digitized by Google

понять и свое новое положеніе, и достигать самыхъ матеріальныхъ улучшеній своего быта и труда.

Въ старыя времена говорить о „народномъ“ образованіи, когда огромный процентъ народа находился въ крѣпостномъ состояніи, было бы очень странно, даже нелѣпо. Кто могъ бы заботиться объ этомъ образованіи; на какія средства оно могло бы установиться; къ чему бы оно вело? Для огромнаго большинства старыхъ помѣщиковъ крѣпостная масса составляла рабочую силу—и только; „хорошій“ помѣщикъ заботился о матеріальномъ благосостояніи своихъ крестьянъ — въ этомъ былъ, между прочимъ, простой разумно понятый разсчетъ; въ этой заботѣ сказывалось и благодушіе, но дальше матеріальнаго благосостоянія эта забота обыкновенно не шла, и „народная школа“ не существовала. Въ видѣ исключенія, бывали, конечно, и грамотные крѣпостные: они учились сами, когда былъ на это досугъ и достатокъ; проводниками грамотности бывали собственные грамотѣи, державшіеся, по старому преданію, въ самой крестьянской средѣ; или они отдавались въ выучку помѣщиками, также какъ отдавались въ выучку ремесламъ, необходимымъ въ домашнемъ быту, или поварскому искусству; нужны бывали и грамотѣи, чтобы быть конторщиками, писарями и иной деревенской администраціей. Но правильной школы все-таки не было, и надо было почти радоваться, что ея не было. Положеніе крѣпостного, которому удалось бы достигнуть какого-либо дѣйствительнаго результата, доставляемаго образованіемъ, было бы по истинѣ ужасно: онъ могъ бы достигнуть сознанія своего рабства, состояніе было бы по истинѣ безвыходно. Примѣры этого и бывали... Салтыковъ въ „Пошехонской Старинѣ“ рисуетъ одинъ типъ, который дѣйствительно существовалъ въ крѣпостныя времена, но, кажется, только имъ однимъ былъ подмѣченъ — типъ рабафанатика, который терпѣливо сносилъ свое рабство въ глубокой вѣрѣ, что это есть право его на высокую награду въ будущемъ мірѣ, гдѣ, напротивъ, будетъ весьма прискорбно положеніе его настоящихъ владыкъ: этой вѣры, конечно, не могъ бы имѣть рабъ образованный.

Въ иномъ положеніи было дѣло у крестьянъ другого рода— государственныхъ: здѣсь не было личнаго рабства, была возможна школа, которая и была распространяема министерствомъ государственныхъ имуществъ, насколько подобное дѣло можетъ быть поставлено департаментскимъ и канцелярскимъ порядкомъ; но и эта школа была весьма умѣренна, и трудно сказать, насколько осязательны были ея результаты. Не было недостатка и въ ли-

Digitized by Google

тературныхъ попыткахъ придти на помощь народному образованію, и въ сороковыхъ годахъ основано было княземъ Одоевскимъ и Заблоцкимъ извѣстное тогда „Сельское Чтеніе“, одинъ изъ замѣчательныхъ опытовъ популярной литературы, который, съ другой стороны, и былъ, вѣроятно, поводомъ, внушившимъ Некрасову нѣсколько стиховъ его „Филантропа“: дѣйствительно, „вразумлять мужика объ электричествѣ“, даже продавая книжки „дешевле пятака“, могло казаться горькой насмѣшкой надъ этимъ мужикомъ, у котораго не были удовлетворены несравненно болѣе элементарныя потребности его матеріальнаго и нравственнаго существованія, чѣмъ познаніе электричества.

При началѣ реформъ прошлаго царствованія, какъ мы сказали, вопросъ народнаго образованія сталъ однимъ изъ первыхъ, на который обратилось вниманіе литературы, возбужденной тогда ожиданіемъ цѣлаго новаго періода нашей жизни. Лишь очень немногимъ людямъ, которые увлечены были тогдашнимъ возбужденіемъ, приходила въ голову мысль о большой непрочности тѣхъ надеждъ, которыя распространялись въ обществѣ; даже люди стараго вѣка и стараго порядка, нимало не сочувствовавшіе новымъ идеямъ, не были увѣрены, что этотъ порывъ скоро кончится и что вернутся давно знакомые нравы; понятно поэтому, что тогдашніе толки объ этомъ вопросѣ, какъ и о многихъ другихъ, велись съ увѣренностью, которая показалась бы довольно странной и наивной въ наше время, уже богатое опытами. Вопросъ затрогивался съ разныхъ сторонъ, и съ общей, такъ сказать, народно-филантропической стороны, когда доказывалась необходимость народнаго образованія съ точки зрѣнія народной нравственности и достоинства, и со стороны практической, такъ какъ этимъ путемъ долженъ былъ войти въ народъ запасъ полезныхъ знаній; правительство предпринимало организацію народной школы, и, какъ нерѣдко бывало въ то время, собирались свѣденія о постановкѣ школы въ западной Европѣ, а нетерпѣливые народные патріоты торопились уже просвѣщать народъ собственнымъ трудомъ, учреждая воскресныя и иныя даровыя школы, какъ будто эта капля школьнаго знанія могла что-нибудь помочь въ цѣломъ морѣ незнанія. Починъ, конечно, былъ прекрасный и въ болѣе благополучныхъ условіяхъ онъ могъ бы имѣть благіе результаты, сближая въ полезномъ дѣлѣ образованные классы съ народомъ; но въ ту минуту сами энтузіасты воскреснаго обученія не думали о томъ, какъ могло бы впредь установиться это дѣло; главное было то, что здѣсь находили

Digitized by Google

себѣ какой-нибудь исходъ идеалистическіе порывы тогдашнихъ поколѣній.

Не молчала, впрочемъ, и другая сторона. Для людей стараго вѣка эти толки о народной школѣ казались просто однѣми бреднями, и въ ихъ аргументаціи противъ народной школы, даже противъ простой грамотности, ясно сквозили старыя привычки крѣпостныхъ временъ: эти привычки не могли никакъ помириться съ тѣмъ, что „либералы“ начали серьезно говорить о тѣхъ мужикахъ или тѣхъ дворовыхъ, которые еще наканунѣ трактовались только съ великимъ пренебреженіемъ. Доказательства противъ народной грамотности извлекались именно изъ крѣпостныхъ временъ и крѣпостныхъ нравовъ: къ чему народу грамота? народу совсѣмъ не нужны новѣйшія популярныя книжки съ научными свѣденіями; онъ любитъ одно только чтеніе — „божественное“; грамотный мужикъ только портится отъ грамоты, отстаетъ отъ крестьянскаго труда и употребляетъ грамоту на всякія приказныя кляузы. Именно въ этомъ родѣ говорилъ въ тѣ годы знаменитый Даль, который считался авторитетнымъ знатокомъ русскаго народа и народнаго быта. Такъ, у людей стараго вѣка это знаніе народности могло совершенно удобно соединяться съ великимъ пренебреженіемъ къ народу, за которымъ не признавалось ни способности воспринять долю новаго знанія, ни даже потребности въ ней: народъ долженъ былъ оставаться въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ. Это положеніе, которое въ дѣйствительности было прискорбнымъ невѣжествомъ, у людей и „знатоковъ“ стараго вѣка выдавалось за патріархальную наивную простоту нравовъ, соединенную однако съ здравымъ умомъ, „смѣткой“ и т. п., которымъ вовсе не нужна школа и которые могутъ отъ нея только испортиться. Эта старинная точка зрѣнія, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, продолжаетъ существовать и до сихъ поръ: есть цѣлая система взглядовъ, по которой народу совсѣмъ не требуется образованіе, кромѣ развѣ умѣнія читать и писать, и счета; что-либо выше этого низменнаго уровня считается не только лишнимъ, но и въ разныхъ отношеніяхъ вреднымъ; учрежденіе народной школы съ нѣсколько расширенной программой считается даже нарушеніемъ желанія самого народа, и противники народной школы, собственно говоря обскуранты, ссылаются, въ тонѣ народниковъ, на собственное желаніе народа (на которое въ другомъ случаѣ не обратили бы ни малѣйшаго вниманія): народъ не хочетъ такихъ школъ; ему нужна только церковная книга и т. д. Къ сожалѣнію, упадокъ стараго идеалистическаго отношенія къ этой сторонѣ народной жизни

Digitized by Google

доходитъ къ нашему времени до такихъ размѣровъ, что съ учрежденіемъ новаго типа церковно-приходскихъ школъ многія земства начинаютъ покидать свое собственное школьное дѣло, хотя приходскія школы еще далеко не доказали своей компетентности, нерѣдко доказали свою несостоятельность и во всякомъ случаѣ имѣютъ гораздо болѣе ограниченный кругъ ученія, чѣмъ обычныя земскія школы.

Вопросъ и по сію минуту находится въ томъ спорномъ положеніи, въ какое онъ попалъ, какъ мы видѣли, при самомъ своемъ возникновеніи въ концѣ 50-хъ годовъ. Положеніе — совершенно своеобразное и которому довольно трудно найти параллель въ жизни западно-европейской. Въ католическихъ земляхъ западной Европы бывали примѣры упорной борьбы изъ-за того, должна ли народная школа быть въ рукахъ свѣтскаго или клерикальнаго управленія и педагогіи; велась борьба не только о характерѣ образованія, который долженъ получать народъ, но и о характерѣ политическихъ мнѣній, которыя могли быть распространяемы въ его средѣ въ томъ или другомъ случаѣ; словомъ, на народной школѣ отражалась борьба политическихъ партій,—но тамъ не говорилось, однако, чтобы народу совсѣмъ не нужна была школа. Съ другой стороны, западная жизнь едва ли представитъ примѣры такого народническаго увлеченія, какое мы наблюдаемъ у себя въ послѣдніе годы, и которое, между прочимъ, распространяется на народную школу и на народное чтеніе. Это послѣднее движеніе, которому, между прочимъ, давно уже содѣйствуетъ комитетъ грамотности въ Петербургѣ и ревностныя усилія многихъ частныхъ лицъ, преданныхъ дѣлу народнаго образованія, заслуживаетъ нерѣдко величайшаго сочувствія и, безъ сомнѣнія, приноситъ уже теперь великую, хотя довольно трудно уловимую пользу этому дѣлу; но, очевидно, въ этой борьбѣ противниковъ и друзей народнаго образованія, какую мы теперь наблюдаемъ, мы имѣемъ передъ собой чисто стихійное состояніе самого вопроса. Бросается въ глаза, что положеніе нашей народной школы является крайне неопредѣленнымъ, неустойчивымъ, случайнымъ, и вслѣдствіе того неорганизованнымъ; народное образованіе, въ сущности, представляется если не оставленнымъ на произволъ судьбы, то подверженнымъ всякимъ случайностямъ. Есть школы такъ-называемыя министерскія, земскія, церковно-приходскія; бываютъ школы отдѣльныхъ вѣдомствъ, школы частныя землевладѣльческія, наконецъ—„вольныя“. Въ то время, какъ въ западной Европѣ народная школа давно получила извѣстную организацію и, напримѣръ, Германія достигла высшей ступени этого

Digitized by Google

дѣла, установивъ всеобщую обязательность обученія для дѣтей школьнаго возраста, такъ что никто (кромѣ рѣдкихъ случайныхъ исключеній) *не имѣетъ права* быть безграмотнымъ, у насъ, какъ видимъ, школа все еще остается въ періодѣ стихійнаго броженія. Германская школа, со временъ реформаціи, стала великой движущей силой въ цѣломъ образованіи національнаго характера: тѣ великіе успѣхи, какіе оказаны германскимъ народомъ въ области науки, литературы, общественности, наконецъ даже войны, въ огромной степени должны быть приписаны не только школѣ высшей и обилію умовъ и дарованій, но также именно народной школѣ. Эта послѣдняя открывала доступъ къ знанію громадному проценту населенія (въ настоящее время открываетъ его всему населенію) и, слѣдовательно, даетъ извѣстную возможность выдвинуться всѣмъ дарованіямъ, какія могутъ найтись въ народной массѣ, и, слѣдовательно, увеличить процентъ тѣхъ высшихъ дарованій, которыя становятся дѣятелями науки, литературы и общественной жизни. Съ развитіемъ элементарной народной школы обыкновенно идетъ параллельно и развитіе школы средней, наконецъ высшей: школы въ объемѣ, приближающемся къ объему гимназіи (напр., съ преподаваніемъ классическихъ языковъ, и даже еврейскаго,—послѣднее по причинамъ теологическимъ), издавна существовали въ Германіи, даже въ мелкихъ городахъ, и въ біографіяхъ замѣчательныхъ людей Германіи мы нерѣдко читаемъ, что эти люди, выходя изъ семей самаго скромнаго, даже бѣднаго достатка (какимъ у насъ желали совсѣмъ закрыть доступъ въ гимназіи), имѣли однако возможность получить среднее образованіе, подготовившее ихъ къ университету, въ какомъ-нибудь скромномъ маленькомъ мѣстечкѣ, какія у насъ едва имѣютъ школу грамотности. Въ числѣ людей, этимъ путемъ начинавшихъ свое образованіе, бывали, между прочимъ, знаменитыя имена нѣмецкой литературы. Кромѣ того, что школа, такимъ образомъ, открывала пути знанія выдающимся дарованіямъ, она создавала также и громадную массу читающаго люда, изъ котораго собиралась многочисленная образованная нѣмецкая публика. Писатель безсиленъ безъ публики: его самыя возвышенныя созданія, если не пропадутъ, то потеряютъ большую долю своей силы и нравственнаго вліянія, когда не находятъ отзыва и сочувственной опоры въ читающей массѣ, и, напримѣръ, нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи русской литературы, во всякомъ случаѣ имѣвшей замѣчательное развитіе съ прошлаго вѣка, въ большой мѣрѣ задержаны были и задерживаются донынѣ малочисленностью образованныхъ читателей. Далѣе, германская школа несомнѣнно воздѣйствовала,

Digitized by Google

какъ мы замѣтили, на цѣлый національный характеръ, воспитывая національное сознаніе на произведеніяхъ науки и искусства. У насъ донынѣ привыкли думать, и даже создаются и прославляются теоріи (въ родѣ теорій Данилевскаго, превозносимыхъ г. Страховымъ), гдѣ „національный типъ“ представляется самъ по себѣ фаталистической силой, которая впередъ создаетъ исторію и не особенно нуждается—или совсѣмъ не нуждается—въ пособіяхъ общечеловѣческаго развитія; но очевидно, что „національный типъ“ нуждается, по крайней мѣрѣ, въ сознательности, а это послѣднее во всякомъ случаѣ дается только знаніемъ. Мнимонаучная теорія національныхъ типовъ, къ сожалѣнію, въ практическихъ выводахъ совпадаетъ съ двумя у насъ весьма распространенными наклонностями, которыя были бы настоящимъ національнымъ бѣдствіемъ, еслибы утвердились и распространились: одна—наклонность къ національному самодовольству и самохвальству; другая—грубая и фальшивая мысль, что образованія у насъ черезъ-чуръ довольно, что мы страдаемъ его „излишкомъ“. Достаточно оглянуться на другіе народы, напр. французовъ и на тѣхъ же германцевъ, чтобы увидѣть, съ одной стороны, что національное самодовольство, отуманивая даже ярко даровитые народы, кончается иногда весьма печально: изъ чистаго самодовольства французы потерпѣли жестокое пораженіе во время франко-прусской войны; съ другой стороны, что у народовъ истинно-просвѣщенныхъ и понимающихъ настоящее національное достоинство, не считается излишнимъ то широкое образованіе, какимъ обладаетъ, напримѣръ, Германія. Было бы верхомъ неразумія и настоящимъ покушеніемъ противъ національнаго блага ограничить предѣлы образованія для націи: сила просвѣщенія даетъ тотъ глубоко-важный результатъ, что, облагораживая индивидуальную жизнь, въ то же время даетъ просторъ развитія всему тому запасу умственныхъ силъ, со всѣми ихъ практическими приложеніями, и запасу силъ художественныхъ, какими нація обладаетъ; кромѣ болѣе высокой степени культуры, просвѣщеніемъ достигается и болѣе широкое развитіе матеріальнаго и поэтическаго могущества. Разница просвѣщеннаго народа и орды, кажется, не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій.

Тѣ неустановленность и случайность въ положеніи народной школы, о которыхъ мы говоримъ, между прочимъ выразились явленіемъ, подобнаго которому мы едва ли найдемъ въ жизни западно-европейской. За недостаточностью правильной и всеобщей организаціи этого дѣла, въ послѣдніе десятки лѣтъ развивается у насъ частная иниціатива въ оригинальной формѣ, за которой

Digitized by Google

утверждается названіе народничества. Правда, и въ развитіи школы западно-европейской частная иниціатива имѣла также свою немалую роль въ разъясненіи самыхъ принциповъ дѣла, въ развитіи народно-школьной педагогіи и дидактики и т. д., но, по условіямъ западно-европейской жизни, гдѣ весь вопросъ стоитъ открыто, частная иниціатива, въ случаѣ ея внутренняго достоинства, тотчасъ дѣлается достояніемъ общественной жизни, получаетъ то или другое примѣненіе или школьно-правительственную санкцію, словомъ, входитъ въ общее положеніе вопроса, непосредственно содѣйствуетъ развитію самаго дѣла. У насъ эта иниціатива остается въ узкихъ предѣлахъ частнаго интереса, пріобрѣтаетъ себѣ друзей лишь въ небольшомъ кругу одномыслящихъ ревнителей, и ихъ труды остаются отдѣльными попытками, не проникающими въ массу общества и достигаютъ результата развѣ только по отдѣльнымъ пунктамъ дѣла, не затрогивая и не совершенствуя его цѣлаго объема. Какъ извѣстно, „народничество“ направилось къ изученію и разъясненію различныхъ сторонъ народнаго быта, къ постановкѣ тѣхъ идей, какія, по его мнѣнію, заключались въ этомъ бытѣ, и, наконецъ, къ практической дѣятельности въ самой средѣ этого быта и въ смыслѣ этихъ идей. Въ „Вѣстникѣ Европы“ было не однажды говорено о качествахъ идей народничества и указывались нѣкоторыя слабыя стороны этого движенія; но говорилось не однажды и о томъ, что бывало въ немъ сочувственнаго и въ общественномъ отношеніи знаменательнаго. Такъ-называемое „опрощеніе“ слишкомъ часто бывало только дѣломъ идеалистическаго увлеченія, порывомъ чувства, не соразмѣрявшаго ни своихъ средствъ, ни той цѣли, которая ставилась для дѣятельности въ народной средѣ. Многимъ, къ сожалѣнію, казалось, что „опрощеніе“ (которое они считали необходимымъ) должно заключаться почти въ отрицаніи отъ общества (какъ не-народнаго), отъ котораго считалось нужнымъ сохранить только нѣкоторый запасъ полученнаго въ немъ научнаго знанія; но, во-первыхъ, можно было усомниться въ томъ, нужно ли „опрощеніе“, даже еслибы оно заключалось только въ перемѣнѣ костюма и внѣшняго обычая, а въ особенности еслибы въ немъ подразумѣвался и отказъ отъ нѣкоторыхъ обычаевъ цивилизованнаго общества; во-вторыхъ, можно было бы спросить, что еслибы первая серія народниковъ, слившись (послѣ опрощенія) съ народомъ, принесла съ собою въ новую среду нѣкоторыя воспоминанія о научномъ знаніи (предполагая его бытовыя примѣненія къ народнымъ пользамъ), откуда могло бы почерпаться это знаніе во второй серіи народниковъ, въ ихъ новомъ поколѣніи, которому,

Digitized by Google

повидимому, не слѣдовало бы уже выходить изъ народной среды, воспринятой ихъ предшественниками? Надо было бы или пребывать въ этой средѣ, для возврата въ которую была прежде принесена жертва „опрощенія“, и слѣдовательно пребывать въ тьмѣ невѣжества, которая отличаетъ эту среду, предоставленную самой себѣ, или опять выходить изъ нея для пріобрѣтенія знаній, возможнаго только въ средѣ отрицаемаго „общества“, выходить съ рискомъ снова оторваться отъ этого народа и съ необходимостью опять новаго „опрощенія“. Очевидно, что этотъ безъисходный кругъ происходитъ отъ той или другой неправильности въ пониманіи цѣлаго вопроса о народной жизни и образованіи: желаніе служить народу встрѣчается съ историческимъ удаленіемъ народа отъ образованнаго класса, и личный энтузіазмъ къ народному интересу внушаетъ мысль о непосредственномъ, совершаемомъ тотчасъ, наполненіи той пропасти, которая въ теченіе вѣковъ дѣлила народъ отъ образованнаго и вмѣстѣ привилегированнаго класса, или, другими словами, такъ или иначе устранить историческій результатъ, лишавшій народную массу возможности просвѣщенія, какъ въ то же время онъ находился въ экономическомъ рабствѣ.

„Народничество“ исходило изъ порывовъ чувства и изъ извѣстныхъ теорій и само создавало извѣстныя общественныя чувства и теоріи: съ одной стороны, были здѣсь отголоски ожиданій, возбужденныхъ нѣкогда крестьянскою реформой; съ другой, несомнѣнно отражались въ немъ ученія новѣйшаго соціализма, до государственнаго соціализма включительно; наконецъ, были здѣсь и отголоски того спеціальнаго и исключительнаго народолюбія, которое нѣкогда высказывалось въ славянофильствѣ. На первомъ планѣ сталъ народный интересъ и „народная идея“. Во имя ихъ послѣдователи новаго ученія усиливались установить теоретическія „основы народничества“, гдѣ всякіе, самые глубокіе вопросы философіи, исторіи, соціологіи, этики, даже поэзіи, рѣшались за-ново по предполагаемымъ требованіямъ нашей народной идеи. Рядомъ съ этимъ шли разнообразныя практическія попытки сблизиться съ народомъ, проникнуться на дѣлѣ его идеями, раздѣлить съ нимъ даже его матеріальную, земледѣльческую жизнь, для чего основывались „интеллигентныя земледѣльческія колоніи“ и т. п. Возвращеніе къ народу произвело цѣлый рядъ различныхъ формъ „опрощенія“, въ которыхъ въ послѣднее время такую роль играютъ туманныя ученія графа Л. Н. Толстого. Еще раньше народники додумывались до извѣстнаго противоположенія интеллигенціи и народа, при чемъ первая отвергалась, какъ неправильно существующая на свѣтѣ; теперь сталъ проповѣдоваться

Digitized by Google

земледѣльческій трудъ, какъ самая разумная форма человѣческаго труда; предавались осужденію города и „городская цивилизація“, при чемъ интеллигенціи предлагалось выселиться въ деревню (неизвѣстно на чей счетъ и на чьи земли) и т. д. Кончалось невообразимой путаницей мыслей, гдѣ забывались, наконецъ, самые элементарные факты дѣйствительности. Та стихійность вопроса, о которой мы говорили, выказывалась во всемъ ея объемѣ.

Но давно была и, если не ошибаемся, возростаетъ другая сторона народничества, которая, напротивъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія и, представляя не мало разумныхъ начинаній, обѣщаетъ и гораздо болѣе прочные результаты. Эта сторона заключается въ практическихъ, хотя единичныхъ, усиліяхъ содѣйствовать народному образованію, и рядомъ съ этимъ въ изученіи его настоящаго положенія и въ изысканіи средствъ, которыя могли бы его улучшать. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи чрезвычайно любопытна книга г. Пругавина, о которой была уже отчасти рѣчь въ „Вѣстникѣ Европы“ [1]). Авторъ—ревностный народникъ, не того разряда, который предпочитаетъ облекать народолюбіе, теоретическое и даже практическое, въ тѣ или другія фантастическія формы, а того, который направляется въ особенности на изученіе данныхъ фактовъ народной жизни, ихъ критическую оцѣнку и на указаніе ближайшихъ средствъ содѣйствовать народному интересу. Настоящая книга посвящена спеціально вопросу народнаго образованія, касаясь различныхъ формъ, въ какихъ оно движется: авторъ говоритъ о народной школѣ, о распространеніи грамотности, о народныхъ читальняхъ, о разносной книжной торговлѣ, о публичныхъ чтеніяхъ для народа и т. п., обращается и къ старинѣ, чтобы указать состояніе народной грамотности въ прежнія времена. Въ Литературномъ Обозрѣніи было указано, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи авторъ впадаетъ въ нѣкоторыя преувеличенія; именно было указано, что старинная грамотность не представляла чего-либо прочнаго и вполнѣ цѣлесообразнаго, на чемъ можно было бы основать традицію современной „вольно-народной“ школы. Собственно говоря, эта послѣдняя не нуждалась бы въ аргументахъ изъ XV-го вѣка; для ея защиты довольно было бы и того, что она существовала въ XIX столѣтіи, еслибы сама по себѣ она заключала въ себѣ упомянутую прочность и цѣлесообразность. Содержаніе книги г. Пругавина чрезвычайно любопытно и независимо отъ этой исторической справки,

[1]) А. С. Пругавинъ. „Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія“. М. 1890. См. „Вѣстн. Европы“ 1890, декабрь, Литературное Обозрѣніе, гдѣ указаны рубрики, на какія распадается книга.

Digitized by Google

и мы извлечемъ изъ нея нѣсколько данныхъ, рисующихъ положеніе вещей и народническій взглядъ на самый вопросъ.

Этотъ взглядъ обнаруживается въ самой общей постановкѣ дѣла, который выражается и въ заглавіи книги: „*Запросы* народа и *обязанности* интеллигенціи“. Мы нисколько не думаемъ противорѣчить ожиданію почтеннаго автора, что „интеллигенція“, то-есть образованное общество, должна съ своей стороны содѣйствовать успѣхамъ народнаго образованія; но мы далеко не раздѣляемъ того противоположенія, какое ставится обыкновенно у народниковъ между этими двумя долями націи и которое какъ бы предполагается заглавіемъ книги. Объ этомъ противоположеніи народа и интеллигенціи было говорено очень много; не повторяя того, что было сказано по этому предмету, между прочимъ, въ „Вѣстн. Европы“, замѣтимъ, что едва ли гдѣ-нибудь кромѣ нашей литературы дѣлалось подобное противоположеніе. Въ другихъ обществахъ ставились и ставятся, и иногда въ самой рѣзкой формѣ, противоположенія между различными классами относительно правъ политическихъ, относительно положенія соціальнаго, но, кажется, только у насъ ставится антитеза: народъ и образованные люди. Во всякомъ другомъ обществѣ такая антитеза не имѣла бы смысла; образованность не заключаетъ въ себѣ ничего противоположнаго народному, и нужна была большая путаница понятій, чтобы изобрѣсти такое противоположеніе. Можно было бы думать, что словомъ „интеллигенція“ хотѣли сказать нѣчто другое; но народническая литература убѣждаетъ, что дѣйствительно хотѣли противоположить народъ и образованныхъ людей, спутывая старинные толки объ оторванности высшихъ классовъ отъ народа, изобрѣтая особое народное міровоззрѣніе, не похожее на науку образованныхъ классовъ (въ параллель съ нападеніями Л. Н. Толстого на „научную науку“ и язвительнымъ осмѣяніемъ „работы головой“), отвергая городъ для деревни, восхваляя земледѣльческій трудъ и печное мастерство (для „бѣдныхъ вдовъ“) предпочтительно передъ трудомъ интеллигентнымъ, и т. п. Весьма вѣроятно, что авторъ настоящей книги не раздѣляетъ этого противоположенія, и мы упоминаемъ о немъ, чтобы устранить возможное недоразумѣніе. Спеціальные народники, которые вообще считаютъ за интеллигенціей какую-то провинность относительно народа, могли бы поэтому считать за нею тѣ или иныя обязательства къ народу, и еслибы они считали, что интеллигенція можетъ чему-нибудь учить народъ (нерѣдко, какъ мы видѣли, полагается, наоборотъ, что интеллигенція должна учиться у народа), они говорили бы объ „обязанностяхъ интеллигенціи“. Такимъ образомъ, мы обрѣ-

Digitized by Google

таемся въ недоразумѣніи: въ чемъ заключается обязанность? Кто установилъ ее? Имѣетъ ли интеллигенція возможность исполнить эту обязанность?

Обязанность, еслибы она существовала, заключалась бы, очевидно, въ возможно широкомъ или, въ сущности, повсемѣстномъ устройствѣ народныхъ школъ, потому что въ принципѣ невозможно дать школу однимъ слоямъ населенія и однимъ мѣстностямъ и не дать ея другимъ. Далѣе, очень затруднительно отвѣтить на вопросъ, кто установилъ эту обязанность. Если устанавливаетъ ее сама группа народниковъ, которая все-таки немногочисленна, то понятно, что ея требованіе не имѣетъ въ обычномъ порядкѣ вещей ни малѣйшаго авторитета. Единственное, чѣмъ могла бы быть мотивирована такая „обязанность", была бы или простая христіанская обязанность помогать ближнему, или общественное чувство, побуждающее заботиться о всенародномъ благѣ; но, къ сожалѣнію, различныя общественныя группы весьма расходятся въ пониманіи этого блага и, между прочимъ, группы весьма вліятельныя полагаютъ, что народу совсѣмъ не нужна такая школа, въ необходимости которой убѣждены другія группы общества. Если мы захотимъ серьезно отвѣтить на вопросъ о томъ, имѣется ли у интеллигенціи возможность исполнить предполагаемую обязанность, мы должны будемъ отвѣтить отрицательно. Что могъ разумѣть авторъ подъ названіемъ интеллигенціи? Это слово обозначаетъ просто образованныхъ людей, то-есть обширную массу частныхъ лицъ, разсѣянныхъ по всѣмъ угламъ имперіи, ничѣмъ не связанныхъ, не представляющихъ даже никакой возможности организаціи, лицъ единичныхъ и тѣмъ самымъ безсильныхъ и безправныхъ для какого-либо предпріятія въ томъ громадномъ размѣрѣ, какой предполагается „обязанностью" служить образованію цѣлаго народа. Очевидно, для этихъ лицъ остается только возможность питать благія пожеланія или, самое большее, содѣйствовать народному образованію какимъ-нибудь личнымъ трудомъ, денежнымъ пожертвованіемъ и т. п., которые окажутся, конечно, микроскопическими въ сравненіи съ громадностью предстоящаго дѣла. Не надо забывать притомъ, что даже этотъ личный трудъ и пожертвованіе могутъ не дойти до своего назначенія: какой-либо учитель-доброволецъ, какая-нибудь книжка („дешевле пятака"), изданная спеціально для народной школы или для народнаго чтенія, легко могутъ быть отвергнуты лицами или вѣдомствами, завѣдующими школой. Подобнымъ образомъ можетъ представиться вопросъ: въ чемъ состоятъ „запросы народа" и кто ихъ опредѣлилъ? Извѣстно, что именно по поводу

Digitized by Google

народной школы эти „запросы“ опредѣляются весьма различнымъ, даже прямо противоположнымъ, образомъ, а именно, для народа съ разныхъ сторонъ предлагаются два совсѣмъ разные типа школъ и два разряда чтенія. Какіе „запросы“ дѣлаетъ самъ народъ, это въ сущности неизвѣстно: никто не могъ бы сказать, къ чему пришла бы въ этомъ случаѣ всеобщая подача голосовъ, еслибы она могла быть устроена.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ положеніи вещей авторъ настоящей книги поступилъ бы вѣрнѣе, во-первыхъ, еслибы самые запросы народа поставилъ дѣломъ не рѣшеннымъ, а искомымъ, а во-вторыхъ, еслибы „обязанности“ направилъ не къ интеллигенціи, которая есть классъ весьма неопредѣленный, совершенно неорганизованный и, наконецъ, не имѣющій ни права, ни возможности распоряжаться народной школой и грамотностью, а къ тѣмъ вѣдомствамъ правительственнымъ, городскимъ и земскимъ, которыя имѣютъ власть надъ народной школой или имѣютъ извѣстное право участія въ ея устройствѣ: это—министерство народнаго просвѣщенія, духовное, военное и иныя вѣдомства, имѣющія свою школу, наконецъ городское и земское представительство. Въ этой постановкѣ дѣло было бы совершенно ясно: писатель, принимающій къ сердцу интересы народной грамотности и образованія, обращался бы прямо къ тѣмъ властямъ или тѣмъ представителямъ общества, которые имѣютъ дѣйствительное право и возможность принимать тѣ или другія общія мѣры по этому предмету. Когда, вмѣсто того, онъ обращается къ интеллигенціи, онъ ставитъ вопросъ на чрезвычайно колеблющуюся почву: „интеллигенція“, какъ таковая, не можетъ принимать никакихъ мѣръ; еслибы даже она, вслѣдствіе убѣжденія автора, увѣрилась въ необходимости работать для народной школы, она, въ нынѣшнихъ условіяхъ дѣла, не имѣла бы ни малѣйшаго права вмѣшательства въ это дѣло и вся въ цѣломъ своемъ составѣ была бы безсильна передъ первымъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Конечно, пожертвованія для народной школы не запрещены, но жертвователю пришлось бы отказаться отъ всякаго участія въ употребленіи его пожертвованія, и еслибы случилось, что онъ имѣетъ одинъ взглядъ на „запросы“ народа, а школьная администрація—другой, то оказалось бы, что пожертвованіе можетъ быть употреблено противъ мыслей жертвователя. Подобнымъ образомъ, еслибы ревнитель народнаго образованія, у котораго надо бы предположить извѣстный опредѣленный взглядъ на задачи этого образованія, рѣшилъ отдать ему свой личный трудъ, и эта форма пожертвованія снова могла бы встрѣтиться съ препятствіями. Наконецъ,

Digitized by Google

какъ ни заслуживаетъ уваженія любовь къ ближнему и филантропія, намъ кажется, что столь великое дѣло, какъ народное образованіе, не можетъ быть основываемо на одной филантропіи.

Такимъ образомъ, вопросъ, который авторъ книги, повидимому, хотѣлъ поставить весьма универсально, въ сущности, поставленъ очень тѣсно. Здѣсь, какъ и во всѣхъ иныхъ вопросахъ нашей общественной и народной жизни, та интеллигенція, какую хочетъ подразумѣвать г. Пругавинъ, почти совсѣмъ безсильна, а интеллигенція вообще, какая есть на дѣлѣ, представляетъ нѣчто весьма неопредѣленное, безхарактерное, и извѣстная часть ея (трудно сказать, въ какомъ объемѣ, въ большинствѣ или меньшинствѣ) смотритъ на вещи совсѣмъ иначе и вовсе не предполагаетъ той „обязанности", какую возлагаетъ на нее г. Пругавинъ. Авторъ можетъ возразить намъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ, что людей такого рода онъ и не причисляетъ къ интеллигенціи; но они носятъ всѣ ея признаки—получили среднее или высшее образованіе, читаютъ газеты и журналы, служатъ въ канцеляріяхъ и департаментахъ, дѣйствуютъ въ литературѣ и т. д. Приходится, слѣдовательно, опредѣлять и то, о какой интеллигенціи идетъ рѣчь, кого надо къ ней причислить.

Таковы многоразличныя недоумѣнія, какія возбуждаетъ тема, поставленная г. Пругавинымъ. Дѣло оказывается совсѣмъ не такъ просто, какъ оно представляется съ народнической точки зрѣнія. Но за всѣмъ тѣмъ, въ томъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, въ которомъ слѣдуетъ понимать поставленный вопросъ, именно въ смыслѣ указаній на частную, иногда единичную, дѣятельность преданныхъ ревнителей народнаго образованія: книга г. Пругавина представляетъ, какъ мы говорили, величайшій интересъ. Начать съ его собственнаго труда, внушеннаго, очевидно, самой преданной любовью къ дѣлу народнаго образованія: авторъ слѣдилъ это дѣло по множеству отрывочныхъ свѣденій, разбросанныхъ по газетамъ и мѣстнымъ изданіямъ, собирая данныя о народныхъ школахъ, читальняхъ, о народной книжной торговлѣ, стараясь прослѣдить взгляды народа на различные типы школы, впечатлѣнія народныхъ читателей отъ книгъ, попадающихся въ ихъ обиходѣ, и т. д. Самъ онъ, конечно, убѣжденъ въ томъ, что народъ дѣйствительно ищетъ образованія; онъ собираетъ факты дѣятельности частныхъ лицъ, такъ или иначе близкихъ и прикосновенныхъ къ народной школѣ и грамотности, и т. д. Понятно, что собранные факты могутъ быть очень размножены, и могутъ быть точнѣе опредѣлены различныя подробности народныхъ взглядовъ и фактическое положеніе школы; но важно во всякомъ случаѣ, что дѣло начато, и

Digitized by Google

вмѣстѣ съ другими трудами, которые соприкасаются съ тѣмъ же вопросомъ, эта работа послужитъ къ выясненію вопроса въ общественномъ мнѣніи, а послѣднее, рано или поздно, воздѣйствуетъ на оффиціальныя мѣры по этому предмету. Книга г. Пругавина и въ настоящемъ своемъ объемѣ сообщаетъ много любопытнѣйшихъ свѣденій о томъ важномъ общественномъ и—скажемъ даже—государственномъ интересѣ, какой представляетъ умственная жизнь народа, степень его развитія, количество и содержаніе знаній, какими онъ владѣетъ. Далѣе, она сообщаетъ столь же любопытныя свѣденія о тѣхъ бытовыхъ формахъ, въ какія складывается удовлетвореніе умственныхъ потребностей; наконецъ, приводитъ рядъ фактовъ частной дѣятельности на пользу народнаго образованія, примѣры которой внушаютъ нерѣдко глубокое уваженіе къ безкорыстнымъ дѣятелямъ на этомъ трудномъ поприщѣ.

Собранные факты, конечно, весьма разнородны. Наблюдателю приходится отмѣчать и успѣхи народнаго образованія, и его застой, и благополучное развитіе школъ и ихъ упадокъ, и благопріятныя условія дѣла и неблагопріятныя. Въ главѣ подъ названіемъ: „грамотность прежде и теперь“, авторъ указываетъ жалкое положеніе дѣла въ прежнее время. Число школъ было крайне незначительно; въ то „доброе старое время“ никто не задумывался также надъ необходимостью какой-то особенной подготовки для учителя народной, „мужицкой“ школы. Самое званіе народнаго учителя считалось въ глазахъ тогдашняго помѣщичьяго общества презрѣннымъ, и сельскій учитель въ этой средѣ являлся въ полномъ смыслѣ слова паріемъ—жалкимъ и отверженнымъ.

„Чтобы наглядно убѣдиться, насколько въ самомъ дѣлѣ безотрадно было положеніе народнаго образованія 15—20 лѣтъ тому назадъ, намъ совершенно незачѣмъ уходить въ какую-нибудь глушь провинціи, а достаточно припомнить, каково было состояніе народнаго просвѣщенія въ главныхъ центрахъ нашей умственной жизни—въ столицахъ“.

Въ примѣръ авторъ приводитъ извѣстныя цифры городскихъ начальныхъ училищъ въ Петербургѣ на пространствѣ десяти лѣтъ, отъ 1876 по 1886 г.; въ началѣ этого десятилѣтняго періода въ Петербургѣ было всего 16 городскихъ начальныхъ училищъ, въ которыхъ кончало курсъ около 80 человѣкъ—на 750.000 жителей, составлявшихъ тогда населеніе Петербурга; затѣмъ эти начальныя училища перешли въ завѣдываніе городского управленія и въ 1887 году число школъ съ 16 возросло до 230, а число учащихся—отъ 800 до 11.000 (въ настоящую минуту эти цифры еще больше). Авторъ прибавляетъ къ этому, что первое

Digitized by Google

народное училище въ Петербургѣ основано было знаменитымъ Новиковымъ въ 1777 году, и что должно было пройти цѣлое столѣтіе для того, чтобы число начальныхъ школъ въ Петербургѣ выросло до 16.

Въ Москвѣ въ 1869 году было только 5 народныхъ школъ съ 250 учениками; въ 1881, школъ было 43 и число учениковъ дошло до 4.700; въ 1886 году школъ было уже 73 и число учениковъ доходило до 8½ тысячъ.

Эти примѣры нельзя, однако, не назвать исключительными, особенно примѣръ Петербурга. Что необычайное увеличеніе числа школъ было здѣсь счастливою случайностью, зависѣвшею отъ счастливо-случайнаго подбора городскихъ представителей, имѣвшихъ убѣжденіе въ необходимости школы, видно изъ того, что нигдѣ въ остальной Россіи не было достигнуто такого блестящаго результата; далеко отстала даже Москва, первопрестольная столица, которая гордится обыкновенно, что идетъ впереди русскаго просвѣщенія; въ другихъ городахъ и уѣздахъ мы тѣмъ менѣе могли бы найти что-нибудь подобное.

Авторъ съ удовольствіемъ собираетъ свѣденія объ увеличеніи числа школъ въ провинціи, не только въ областяхъ, имѣющихъ земства, которыя вообще сильно подвинули народную школу, но и въ провинціяхъ, не имѣющихъ земскаго представительства. Онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ различныя мѣстныя свидѣтельства о томъ, какъ крестьяне цѣнятъ школу; но во всякомъ случаѣ успѣхъ еще крайне относителенъ. Отношеніе народа къ школѣ все еще неясно, и за послѣднее время, особливо со времени появленія церковно-приходскихъ школъ, предстоитъ выяснить, насколько сознательно крестьяне „цѣнятъ школу“. По крайней мѣрѣ именно въ послѣднее время приходилось не разъ читать извѣстія изъ провинціи о томъ, что и въ средѣ земскихъ собраній, и въ самомъ крестьянскомъ народѣ высказывалось порядочное равнодушіе къ земской школѣ и даже полная готовность закрыть ее, изъ-за того, конечно, что польза ея мало вразумительна и земскіе люди желаютъ удержать деньги, которыя шли на ея содержаніе [1]). Подобныхъ фактовъ, безъ сомнѣнія, могло

[1]) Въ одной мѣстной газетѣ читаемъ, въ ноябрѣ 1890 года:

„Обскуранты, приверженцы мрака и невѣжества поднимаютъ понемногу головы даже въ земскихъ собраніяхъ. Наши общественные дѣятели со ступеньки на ступеньку дошли, наконецъ, до требованія водворить поголовное невѣжество среди крестьянъ. Гласный горбатовскаго земскаго собранія, В. Д. Обтяжновъ (да будетъ безсмертно это имя), заявилъ громогласно, что всѣ усилія государства, земства и т. д. на поприщѣ развитія грамотности и образованности среди крестьянъ—излишни и

Digitized by Google

бы быть собрано очень много, и для правильной оцѣнки дѣйствительнаго положенія школы слѣдовало бы принять въ соображеніе и такіе факты, чтобы не питать себя иллюзіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотя бы теоретически сообразить, чѣмъ могла бы быть школа обезпечена отъ подобныхъ вмѣшательствъ, грозящихъ самому ея существованію.

Среди такого запутаннаго положенія школы отрадное впечатлѣніе производитъ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ (опять не знаемъ, какъ велико ихъ число на пространствѣ Россійской имперіи), по глубокому убѣжденію отдающихъ свой трудъ и свои молодыя силы на это скромное и, однако, въ разныхъ отношеніяхъ тяжелое поприще. Въ книгѣ г. Пругавина мы читаемъ о такой дѣятельности князя Д. И. Шаховского: „Кн. Д. И. Шаховской —молодой человѣкъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ окончившій курсъ въ одномъ изъ столичныхъ университетовъ. По происхожденію, по родственнымъ связямъ и т. п., ему предстояла полная возможность занять извѣстное, болѣе или менѣе видное, болѣе или менѣе выгодное съ точки зрѣнія личнаго благополучія положеніе въ томъ привилегированномъ кругу, къ которому онъ принадлежалъ по своему рожденію. Но не сюда, не въ эту среду такъ-называемаго „высшаго общества“, аристократическихъ связей, привилегій и блестящихъ карьеръ, клонились его симпатіи. Онъ хотѣлъ живого, реальнаго дѣла; онъ стремился къ дѣятельности, которая бы непосредственно направлялась на пользу народа, ко-

---

даже вредны, что грамотность крестьянамъ вредна (полезна она, видите ли, только не-крестьянамъ, давая имъ возможность, получивъ образованіе, облапошивать крестьянъ и вообще наживать деньги). Дикая выходка г. Обтяжнова нашла поддержку со стороны гласнаго Шванвича, сказавшаго, что за 12 лѣтъ службы уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ онъ тоже наблюдалъ, что грамотные новобранцы—по большей части безнравственные сорванцы и люди пропащіе... Гласный изъ крестьянъ А. А. Сѣряковъ замѣтилъ: „Помилуйте, Иванъ Дмитріевичъ! Вѣдь и я 9 лѣтъ состою членомъ воинскаго присутствія, и всегда вы были въ восторгѣ отъ грамотныхъ новобранцевъ. Вы говорили: „вотъ посмотрите на грамотнаго новобранца—онъ и умнѣе, и нравственнѣе, и понятливѣе неграмотнаго“. У насъ въ Подъяблонской волости самая бѣдная сирота на послѣднія крохи старается обучить грамотѣ своего сына, затѣмъ отправляетъ его въ услуженіе въ Астрахань, Оренбургъ, Саратовъ и пр. Смотришь—года черезъ 3—4 парень получаетъ 200—500 руб. жалованья, возвращается въ деревню, женится и становится исправнымъ крестьяниномъ“. Гл. Шванвичъ сконфузился, а г. Обтяжновъ сталъ доказывать, что крестьянину и незачѣмъ зарабатывать такія большія деньги“, и т. д.

Въ декабрьской книгѣ „В. Европы“ 1890 („Изъ общественной хроники“) разсказана была исторія одной земской школы, которая едва не сдѣлалась жертвою возмутительной интриги, пособникомъ или исполнителемъ которой явилось крестьянское общество, конечно, не показавшее этимъ, что оно „цѣнитъ школу“.

Digitized by Google

торая поставила бы его лицомъ къ лицу съ массой деревенскаго люда, со всѣми его нуждами и запросами. И вотъ онъ ѣдетъ въ провинцію, занимаетъ скромное мѣсто „завѣдующаго хозяйственною частью училищъ“ въ весьегонскомъ земствѣ, тверской губерніи, и начинаетъ работать на этомъ поприщѣ съ увлеченіемъ искренно убѣжденнаго человѣка“ (стр. 23).

Понятно, что кн. Шаховской отнесся къ дѣлу съ желаніемъ изучить его въ основѣ, и къ счастью въ томъ краѣ, гдѣ онъ работаетъ, онъ могъ наблюдать весьма благопріятные результаты, достигаемые земской школой. „Князь Шаховской задался слѣдующими вопросами: какое вообще имѣетъ значеніе въ уѣздѣ школа, на которую тратится не мало земскихъ денегъ? Окупаетъ ли она издержки, на нее производимыя? Такъ ли стоитъ дѣло, какъ оно должно стоять, и что слѣдуетъ измѣнить въ немъ, чтобы школа исполняла свое назначеніе?

„Прежде всего,—говоритъ князь Шаховской, — *совершенно несомнѣнно чрезвычайное развитіе грамотности въ уѣздѣ*. На памяти у многихъ еще такое время, когда въ деревнѣ грамотный былъ въ рѣдкость, когда некому было прочесть въ церкви, кромѣ дьячка, когда и письмо-то прочесть или написать мужику было трудно. Теперь ужъ все это—давно минувшее... Наплывъ учениковъ въ земскія школы такъ великъ, что „въ большинствѣ мѣстностей уѣзда школа не въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ поступить въ нее. Приходится или отказывать въ пріемѣ, или принимать учениковъ больше, чѣмъ сколько позволяютъ самыя умѣренныя требованія гигіены“.

На основаніи личныхъ, непосредственныхъ наблюденій надъ школами весьегонскаго уѣзда, князь Шаховской пришелъ къ слѣдующему заключенію: „*Всюду крестьяне цѣнятъ школу*, охотно посылаютъ учиться дѣтей своихъ, готовы нести довольно значительныя затраты на дѣло обученія; они обыкновенно внимательно слѣдятъ за тѣмъ, какъ ведетъ дѣло учитель, и у нихъ есть довольно опредѣленныя требованія отъ школы“.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же объ отношеніи крестьянъ къ школѣ относительно другихъ мѣстностей, гдѣ совершаются, напримѣръ, безобразныя явленія, образчикъ которыхъ мы выше указывали. И къ сожалѣнію также, въ общемъ порядкѣ вещей нельзя разсчитывать на примѣры великодушнаго самопожертвованія, которые всегда будутъ исключеніемъ.

Слѣдующую главу авторъ посвящаетъ „вольнымъ крестьянскимъ школамъ“, или „домашнимъ школамъ грамотности“, какъ принято называть ихъ въ педагогическомъ мірѣ. Начало ихъ авторъ ведетъ

Digitized by Google

съ древней Руси, сожалѣетъ, что исторія ихъ доселѣ остается совершенно неразработанною, хотя прослѣдить ее было бы весьма интересно и поучительно. Авторъ находитъ крайне несправедливымъ то пренебреженіе, съ какимъ до послѣдняго времени относились къ этой самодѣльной крестьянской школѣ.

„Чернички, солдаты, дьячки и т. п. лица,—говоритъ г. Пругавинъ,—силившіеся обучить грамотѣ крестьянскихъ ребятишекъ, не только не возбуждали ни въ комъ изъ образованнаго общества сочувствія къ своей дѣятельности, но, напротивъ, почти всюду встрѣчали прямо враждебное отношеніе къ себѣ. Особенно же враждебно относились къ этимъ доморощеннымъ труженикамъ народнаго просвѣщенія оффиціальные представители нашего педагогическаго міра.

„Оффиціальные педагоги, вполнѣ убѣжденные въ томъ, что „непатентованные“ школьные учителя ничего кромѣ вреда не могутъ принести населенію, энергически старались всѣми способами пресѣчь ихъ дѣятельность. За содѣйствіемъ въ этихъ случаяхъ они обыкновенно обращались къ полиціи, которая и обязывала непатентованныхъ учителей-добровольцевъ подпиской прекратить обученіе крестьянскихъ ребятъ. Нарушителей такой подписки постигали наказанія, нерѣдко весьма суровыя. О томъ же, что съ прекращеніемъ дѣятельности этихъ учителей-самоучекъ въ той или другой мѣстности зачастую отнималась у населенія возможность обучать ребятъ грамотѣ, никто не думалъ“ (стр. 33). Авторъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что въ послѣднее время „отношеніе общества къ самобытнымъ крестьянскимъ школамъ начинаетъ радикально измѣняться“; главное, въ 1882 г. вышелъ циркуляръ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, барона Николаи, которымъ впервые признано было за вольными учителями право на существованіе, право на педагогическую дѣятельность. До этого циркуляра „о вольныхъ школахъ нельзя было говорить иначе, какъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, потому что всякое указаніе точныхъ опредѣленныхъ данныхъ могло вызвать разныя репрессивныя мѣры со стороны полиціи“ (стр. 34), дѣйствовавшей, конечно, не по собственному усмотрѣнію, а только въ исполненіе взглядовъ министерства народнаго просвѣщенія.

Сообщая далѣе нѣкоторыя подробности о „заслугахъ мастеровъ-грамотѣевъ“ и о томъ, „чѣмъ вызывается возникновеніе вольныхъ школъ“, авторъ указываетъ фактъ, въ особенности важный и вполнѣ естественный, что обыкновенно вольныя школы появляются именно тамъ, гдѣ недостаетъ болѣе правильныхъ

Digitized by Google

школъ—земскихъ. Между прочимъ, недостатокъ этихъ послѣднихъ школъ такъ великъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ 74% населенія лишены возможности пользоваться оффиціальными школами (стр. 44),—и въ такихъ-то условіяхъ министерство народнаго просвѣщенія, до барона Николаи, не считало ниже своего достоинства преслѣдовать отставныхъ солдатъ и черничекъ, добывавшихъ свой хлѣбъ обученіемъ простой грамотѣ.

По многимъ свѣденіямъ, собраннымъ у г. Пругавина, и вѣроятно въ громадномъ большинствѣ, если не вездѣ, земскія школы переполнены учащимися, приходится отказывать въ пріемѣ, и въ связи съ этимъ находится распространеніе вольныхъ школъ. Изъ данныхъ оффиціальной земской статистики оказывается, напримѣръ, что въ московской губерніи число вольныхъ школъ „находится въ прямой зависимости отъ числа организованныхъ училищъ и отъ степени бо́льшаго или мѣньшаго удобства пользованія послѣдними“: чѣмъ больше школъ земскихъ, тѣмъ меньше вольныхъ, и наоборотъ. Земскихъ школъ, какъ и „министерскихъ“, вообще недостаточно, и авторъ приводитъ нѣсколько цифръ, чтобы показать, „какъ, въ сущности, недостаточны и даже безсильны въ настоящее время стремленія *земства* и *казны* придать дѣлу народнаго образованія тѣ размѣры, какіе требуются самою жизнью, вызываются настоятельною необходимостью“. Напр., въ весьегонскомъ уѣздѣ въ настоящее время считается 45 школъ, съ 3.090 учениками, стоющихъ земству 17.000 р., но, чтобы дать обученіе всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста (7—12 лѣтъ), по вычисленію кн. Шаховского, работающаго въ этомъ уѣздѣ, требовалось бы 193 школы, съ расходомъ въ 73.340 р., и т. п.

Г. Пругавинъ приходитъ по этому поводу къ слѣдующимъ заключеніямъ, нѣсколько неожиданнымъ:

„Отсюда ясно, конечно, что ни земство, ни казна рѣшительно не въ состояніи въ настоящее время увеличить число народныхъ училищъ въ томъ размѣрѣ, который могъ бы удовлетворить существующую въ народѣ потребность. Поэтому, въ силу роковой необходимости, приходится съ самымъ глубокимъ вниманіемъ остановиться на тѣхъ школахъ, которыя создаетъ самъ народъ, по собственному почину, къ которымъ онъ привыкъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ (?) и которыя по своей дешевизнѣ являются вполнѣ доступными и отнюдь не обременительными для скудныхъ средствъ крестьянина.

„Задача и въ то же время священная обязанность интеллигенціи (?) придти на помощь этимъ мужицкимъ школамъ, по-

Digitized by Google

мочь народу въ его стремленіи устроить эти школы, расширить ихъ программу, улучшить преподаваніе, словомъ, употребить съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы эти крестьянскія школы дѣйствительно явились разсадниками просвѣщенія и развитія" (стр. 52).

Мы встрѣчаемся здѣсь съ цѣлымъ рядомъ недоумѣній. Оказывается, во-первыхъ, что гдѣ „безсильны" казна и земство, тамъ обязана помочь все та же „интеллигенція". Затрата времени и труда сводится удобно къ денежной затратѣ; неужели наша русская, извѣстная, крайне малочисленная (хотя ее многіе считаютъ въ перепроизводствѣ) интеллигенція можетъ выставить такія средства, какихъ не имѣетъ самая казна? Такихъ средствъ она, безъ сомнѣнія, не имѣетъ, особливо въ провинціяхъ нашего „мужицкаго царства", въ уѣздахъ и волостяхъ, гдѣ истинная, заслуживающая этого имени, интеллигенція составляетъ очень большую рѣдкость. Далѣе, отзывъ о безсиліи казны кажется намъ слишкомъ поспѣшнымъ. Если сравнить статистическія, русскія и западно-европейскія, цифры государственныхъ тратъ на дѣло народнаго просвѣщенія, по разнымъ его формамъ и отраслямъ, бюджетъ нашего просвѣщенія окажется крайне скромнымъ, и надо бы прежде всего желать, чтобы этотъ бюджетъ увеличился для удовлетворенія „существующей въ народѣ потребности". Вопросъ народнаго образованія есть, въ сущности, первостепенный государственный вопросъ; развитіе образованія должно увеличивать производительныя силы страны, и когда это значеніе его будетъ достаточно оцѣнено, безъ сомнѣнія, найдутся и бюджетныя средства для того, чтобы достигнуть лучшей его постановки. Средства эти не могутъ не быть крупными, и странно думать, что крупныя потребности громаднаго народа можно заштопать скудными филантропическими средствами „интеллигенціи", которая притомъ не въ силахъ обезпечить многихъ потребностей, касающихся ея собственнаго ближайшаго интереса... Далѣе, авторъ надѣется, что при бѣдности казны и земства народному образованію можетъ помочь народная вольная школа, которая можетъ стать „разсадникомъ просвѣщенія и развитія"; но сколько бы ни заслуживали уваженія эти поиски народа за грамотой, нельзя представить себѣ, чтобы эти школы, „въ которыхъ народъ привыкъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ", могли давать что-либо кромѣ самой элементарной грамоты, отъ которой еще страшно далеко не только до просвѣщенія, но и до скромнаго уровня хорошей земской школы. Правда, авторъ думаетъ, что интеллигенція можетъ и должна „расширить программу",

Digitized by Google

„улучшить преподаваніе", но это будетъ уже превращеніе вольной школы въ правильную школу, а эта школа требуетъ организаціи и средствъ, и въ какомъ качествѣ „интеллигенція" можетъ взять на себя вмѣшательство въ жизнь народной вольной школы?

Въ дальнѣйшей главѣ авторъ говоритъ о „публичныхъ чтеніяхъ для народа"—въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Ярославлѣ и пр. „Публичныя народныя чтенія,—говоритъ г. Пругавинъ,—при правильной и широкой постановкѣ дѣла могутъ явиться, безъ сомнѣнія, весьма могучимъ факторомъ народнаго просвѣщенія и развитія. Путемъ такихъ чтеній является возможность вліять развивающимъ образомъ даже на среду наиболѣе темнаго, *неграмотнаго* люда, для котораго недоступна книга и вообще печатное слово" (стр. 53).

Авторъ самъ наблюдалъ характеръ чтеній для народа въ Москвѣ. Въ теченіе одного года (1887-88 учебный годъ) въ Москвѣ коммиссія народныхъ чтеній устроила въ 39 мѣстахъ 480 духовныхъ бесѣдъ и 676 общеобразовательныхъ чтеній, при чемъ общая цифра слушателей составила больше 200.000 человѣкъ. Цифра довольно почтенная,—говоритъ авторъ,—„но мы всѣ—ужасные скептики, мы готовы съ недовѣріемъ смотрѣть даже на цифры до тѣхъ поръ, пока во-очію не убѣдимся, что это дѣйствительно не „бумажныя", а подлинныя „живыя цифры". А чтобы убѣдиться въ этомъ, чтобы лично удостовѣриться, какъ великъ въ средѣ простого люда запросъ на такого рода чтенія, стоитъ только побывать хотя на двухъ-трехъ народныхъ чтеніяхъ, устроенныхъ въ Москвѣ". Авторъ описываетъ одно изъ такихъ чтеній въ Политехническомъ музеѣ.

„Въ какихъ-нибудь пять минутъ залъ оказался переполненнымъ публикой (онъ вмѣщалъ больше пятисотъ человѣкъ). Всѣ скамьи были заняты; тѣ, кому недостало мѣстъ, размѣстились стоя вдоль стѣнъ. Я съ любопытствомъ оглядывалъ собравшуюся публику.

„Это былъ настоящій рабочій людъ: мастеровые, ремесленники, фабричные,—словомъ, „чернь", въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ убѣждали васъ и костюмы—поддевки, полушубки, чуйки—и лица, и руки со слѣдами сажи и копоти.

„Огромное большинство публики состояло изъ подростковъ и молодыхъ ребятъ, въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ. Разговорившись съ нѣкоторыми изъ этихъ подростковъ, я узналъ, что они служатъ „въ ученьи" мальчиками и подмастерьями въ слесарныхъ и портновскихъ „заведеніяхъ". Были, разумѣется, и

Digitized by Google

люди возмужалые, и старики, но они составляли меньшинство. Женщины въ общей массѣ составляли сравнительно ничтожный процентъ.

„Не только интеллигенція, но и вообще такъ-называемая „чистая публика“ совершенно отсутствовала...

„Нужно было видѣть лица слушателей, чтобы составить себѣ представленіе о томъ впечатлѣніи, которое производило чтеніе. Какимъ глубокимъ, захватывающимъ интересомъ, какимъ жаднымъ любопытствомъ дышали эти простыя, грубоватыя лица! Я никогда не забуду выраженія лица сидѣвшаго рядомъ со мной мальчугана лѣтъ пятнадцати. Бойкіе, умные глазки такъ и горятъ, такъ и искрятся. Нервно стиснувъ картузъ запачканными сажею руками, онъ весь впился глазами въ лектора, очевидно боясь пропустить хоть одно слово, хоть одинъ звукъ...

„Мнѣ пришлось потомъ побывать въ другихъ читальняхъ, и всюду я встрѣчалъ одно и то же: толпы „сѣраго“ и „чернаго“ народа, рвущагося въ читальни, залы, переполненныя слушателями изъ этой „сѣрой“ массы, и глубокое, сосредоточенное вниманіе къ чтенію“ (стр. 55—57).

Собирая свѣденія о постановкѣ и ходѣ народныхъ чтеній и распространеніи народныхъ книжекъ, авторъ встрѣчаетъ не мало замѣчательныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о постоянномъ распространеніи дѣла. Онъ приводитъ, напримѣръ, что въ Одессѣ продажа народныхъ изданій при аудиторіи народныхъ чтеній возросла съ 1.100 экземпляровъ въ 1884 году до 103.000 экз. въ 1887-мъ; что въ разныхъ мѣстахъ дѣло народныхъ чтеній и читаленъ находитъ поддержку въ участіи земства и частныхъ лицъ,—но въ цѣломъ, по признанію самого автора, дѣло остается еще на самой первоначальной ступени. Народныя чтенія происходятъ, сколько можно судить изъ свѣденій г. Пругавина, далеко не во всѣхъ губернскихъ городахъ и только изрѣдка въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ: „такихъ уѣздовъ найдется не болѣе двухъ-трехъ на всю необъятную Россію“ (стр. 76).

„Въ матеріальномъ отношеніи публичныя народныя чтенія обставлены у насъ самымъ печальнымъ образомъ: въ большинствѣ случаевъ, онѣ не имѣютъ ни опредѣленныхъ средствъ содержанія, ни собственныхъ помѣщеній, сколько-нибудь приспособленныхъ для цѣлей народной аудиторіи. Городскія думы и земскія собранія до сихъ поръ обращаютъ очень мало вниманія на дѣло публичныхъ народныхъ чтеній и, по большей части, ограничиваютъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ лишь самымъ мизернымъ, грошовымъ пособіемъ, а нѣкоторыя даже и въ этомъ отказы-

Digitized by Google

ваютъ, какъ сдѣлало, напримѣръ, недавно костромское земство“ (стр. 79).

Само министерство народнаго просвѣщенія только съ 1889 г. рѣшило выдавать постоянную субсидію на усиленіе дѣятельности коммиссіи народныхъ чтеній. Но хотя бы земства оказали и болѣе щедрое содѣйствіе этому дѣлу, хотя бы и сама „интеллигенція“ показала къ нему больше усердія, дѣло все-таки рисковало бы оставаться въ довольно жалкомъ положеніи по причинѣ, которую указываетъ самъ г. Пругавинъ. А именно, „народныя чтенія поставлены у насъ въ черезъ-чуръ тѣсныя рамки. Читать въ народной аудиторіи можно только то, что одобрено для этой цѣли ученымъ комитетомъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія“. Число чтеній, дозволенныхъ для народныхъ аудиторій, весьма ограничено. Въ каталогѣ книгъ, разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній министерствомъ просвѣщенія, значится слѣдующее:

Книгъ духовнаго содержанія	27
„ историческаго и географ. содержанія	33
„ біографіи	7
„ литературнаго содержанія	19
„ естествовѣденія	13
„ разнаго содержанія	9
Всего же . . .	108 книгъ.

„Или точнѣе говоря, —замѣчаетъ г. Пругавинъ,—108 тощенькихъ брошюрокъ.

„Помимо этихъ 108 брошюрокъ, вы не можете прочесть въ народной аудиторіи ни одной строчки. Если для столицъ и университетскихъ городовъ въ этомъ отношеніи дѣлаются кое-какія исключенія, то для обыкновенныхъ провинціальныхъ городовъ, а тѣмъ болѣе селъ, не допускается никакихъ послабленій.

„Самыя чтенія, взятыя вмѣстѣ, представляютъ собою рядъ обрывковъ, рѣшительно ничѣмъ между собою не связанныхъ. Ни по одной отрасли знаній нельзя указать сколько-нибудь законченныхъ серій—ни по исторіи, ни по естествознанію, ни по другимъ отдѣламъ; все это въ высшей степени случайно, отрывочно, безъ всякихъ признаковъ какой-нибудь системы или даже простой послѣдовательности.

„Поэтому лектору по необходимости приходится перескакивать отъ одного предмета къ другому: отъ Петра Великаго къ дезинфекціи, отъ дезинфекціи къ солнечному затмѣнію, отъ солнечнаго затмѣнія къ Ломоносову и т. д.

„По необходимости также приходится часто повторять одни и тѣ же чтенія; слушатели, усердно посѣщающіе народную ауди-

Digitized by Google

торію, скоро усвоиваютъ содержаніе произносимыхъ чтеній и, не встрѣчая ничего новаго, мало-по-малу утрачиваютъ интересъ къ чтеніямъ... „Опять то же!—не безъ грусти заявляютъ слушатели въ такихъ случаяхъ.—Мы это ужъ и такъ давно вытвердили"! Авторъ заключаетъ, что неотложной необходимостью является расширеніе программъ народныхъ чтеній (стр. 81).

Здѣсь опять мы невольно дѣлаемся „скептиками", хотя г. Пругавинъ это и осуждаетъ. Несомнѣнно, что успѣхъ народныхъ чтеній, который надо считать доказаннымъ, хотя и представляетъ отрадный фактъ сравнительно съ прежнимъ полнымъ ихъ отсутствіемъ, но, говоря безотносительно, представляетъ нѣчто весьма элементарное и весьма жалкое. Въ самомъ дѣлѣ, если взять обыкновенный уровень содержанія чтеній, мы найдемъ, что это уровень популярной *дѣтской* книги. Правда, что человѣкъ изъ народа, мало свѣдущій, очень часто неграмотный, по своему пониманію предметовъ, выходящихъ изъ его житейскаго обихода, приравнивается къ школьнику: тому и другому можно одинаково прочесть какъ новость стихотвореніе Пушкина, Некрасова, разсказать о Петрѣ Великомъ и Ломоносовѣ, и это будетъ для обоихъ любопытно и поучительно; но есть все-таки очень большая разница между умомъ и интересами школьника и взрослаго человѣка, имѣющаго свой жизненный опытъ, нерѣдко умно понимающаго тѣ цѣлыя стороны жизни, съ какими ему приходилось соприкасаться. Если народныя чтенія будутъ держать этихъ взрослыхъ людей на дѣтской пищѣ, можно усомниться, чтобы онѣ стали „могучимъ факторомъ народнаго просвѣщенія и развитія"; онѣ не могутъ стать такимъ факторомъ, когда будутъ ограничиваться обрывками элементарнаго содержанія.

Обращаясь далѣе къ разсмотрѣнію „запроса на чтеніе", авторъ указываетъ данныя, какія собраны были вѣдомствами и отдѣльными лицами по этому вопросу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ статистическое отдѣленіе московскаго губернскаго земства предложило учителямъ, учительницамъ, священникамъ и другимъ лицамъ, живущимъ въ деревнѣ, доставить свѣденія по этому предмету. Получено было до 400 отвѣтовъ, которые, за весьма рѣдкими исключеніями, указывавшими на равнодушіе къ чтенію, сводились къ тому, что потребность въ чтеніи существуетъ не только у учившихся въ школѣ, но и среди прочаго грамотнаго или даже неграмотнаго населенія. Въ иныхъ отвѣтахъ говорилось, что грамотные „просто осаждаютъ просьбами книгъ для чтенія", но что библіотекъ нѣтъ, что, наконецъ, читаютъ что попало, даже учебники. Подобные факты отмѣчаются и другими земскими и

Digitized by Google

школьными отчетами, а также свѣденіями петербургскаго комитета грамотности, котораго секретарь, г. Кетрицъ, на свой запросъ о томъ же предметѣ, получилъ нѣсколько сотъ писемъ народныхъ учителей изъ различныхъ мѣстностей Россіи, „отъ Варшавы до Камчатки“. Эти послѣднія письма, какъ заявлялъ г. Кетрицъ въ докладѣ комитету, „свидѣтельствуютъ о жаждѣ молодого крестьянскаго населенія къ просвѣщенію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о полной скудости мѣстныхъ средствъ для удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей“.

Тому же вопросу посвящены далѣе главы: „Газеты и журналы въ народной средѣ“, „Народныя библіотеки и читальни“, гдѣ сопоставлены свѣденія, собранныя наблюдателями народной грамотности, и въ ихъ числѣ самимъ г. Пругавинымъ. Народъ, конечно, не читаетъ журналовъ; г. Пругавинъ объясняетъ, со словъ одной сельской учительницы, что „крестьяне любятъ читать только такія книги, начало и конецъ которыхъ заключаются въ одномъ переплетѣ“, но здѣсь дѣло, разумѣется, не въ переплетѣ, а въ недоступности для крестьянъ журнальнаго содержанія. Зато газеты, кажется, начинаютъ ихъ интересовать; г. Пругавинъ привелъ, по свѣденіямъ почтовыхъ конторъ, нѣсколько указаній о выпискѣ газетъ самими крестьянами; деревенскіе трактирщики начинаютъ держать у себя газеты для привлеченія своей публики; по словамъ автора, лѣтъ 5—10 тому назадъ этого почти не встрѣчалось.

„О томъ,—продолжаетъ г. Пругавинъ, — насколько всѣ эти изданія въ состояніи удовлетворить требованія и вкусы народа, а также насколько желательно широкое распространеніе ихъ въ народной средѣ, мы предоставляемъ судить самимъ читателямъ“. Судить, конечно, не трудно. Общій типъ современной газеты (за крайне рѣдкими исключеніями) представляетъ нѣчто столь мало привлекательное, что не можетъ быть сомнѣнія о томъ, желательно или нѣтъ распространеніе ея въ народѣ; эта газета не только мало служитъ потребностямъ самого общества, но нерѣдко прямо развращаетъ его отсутствіемъ всякаго прочнаго убѣжденія, угожденіемъ минутѣ и грубымъ инстинктамъ толпы, а иногда и невѣжествомъ. Для народа, очевидно, была бы нужна газета совсѣмъ иного склада. Г. Пругавинъ упоминаетъ, что еще покойный В. И. Орловъ, извѣстный дѣятель земской статистики, работавшій въ Москвѣ, указывалъ необходимость „созданія такого газетнаго органа, который былъ бы приноровленъ къ потребностямъ сельской жизни и мысли и доступенъ населенію по цѣнѣ“. Г. Пругавинъ подтверждаетъ, что подобный органъ „при-

Digitized by Google

несъ бы огромную пользу народному просвѣщенію, конечно, въ томъ случаѣ, еслибы онъ не задавался коммерческими цѣлями, а честно бы служилъ распространенію среди населенія началъ христіанской любви, расширенію кругозора народной мысли и умноженію различныхъ практическихъ знаній". Наиболѣе распространены дешевыя газеты, какъ „Сельскій Вѣстникъ", „Свѣтъ" и т. п., но онѣ не совсѣмъ отвѣчаютъ тому, что предполагалъ Орловъ, и что дѣйствительно желательно. Несмотря на существованіе уже весьма значительной „народной литературы", у насъ до сихъ поръ еще не выработалась настоящая манера писать для народа. Выучились писать только легкіе разсказы; иногда удачно пишутся разнаго рода книжки по практическому народному хозяйству, но всего менѣе выработалось умѣнье писать о тѣхъ предметахъ общественнаго характера, которыхъ народъ именно ищетъ въ газетѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, интересуется и внутренними дѣлами, и даже политикой, но объ этихъ вещахъ пишется или тѣмъ оффиціальнымъ, или учено-юридическимъ языкомъ, который недоступенъ для простого читателя; статьи о внѣшней политикѣ предполагаютъ такія знанія, которыхъ народъ не имѣетъ. Очевидно, что обыкновенную газету народъ понимаетъ только съ пятаго на десятое, и газета истинно народная не можетъ не принять въ соображеніе этой ступени умственнаго развитія и познаній. Это одна сторона трудностей подобнаго дѣла, представляемая состояніемъ самой народной публики. Но, съ другой стороны, недостатки народной литературы являются виною самихъ авторовъ. Послѣдніе въ большинствѣ случаевъ не умѣютъ опредѣлить тона, въ какомъ можно и должно обращаться къ простонародному читателю: всего чаще принимается мнимо-народный тонъ, состоящій въ слащавой чувствительности, прибауточномъ стилѣ, въ предположеніи народа совсѣмъ неразумнымъ младенцемъ, не умѣющимъ сосчитать дважды-два, или, наконецъ, въ весьма безвкусномъ самохвальствѣ. Если не ошибаемся, народный читатель самъ не любитъ вещей, писанныхъ въ „народномъ" стилѣ; онъ чувствуетъ въ немъ натянутость и ложь. Народъ у насъ часто смѣшиваютъ съ дѣтьми и изложеніе народной книги—съ изложеніемъ книги дѣтской; но это смѣшеніе, конечно, совершенно ошибочно. Если изложеніе той и другой книги можетъ иногда совпадать, какъ напримѣръ въ разсказахъ изъ естественной исторіи, путешествій и подобныхъ предметовъ, далекихъ отъ непосредственнаго народнаго быта и знанія, то во множествѣ другихъ случаевъ эти ступени пониманія и умственнаго интереса ни мало не совпадаютъ: таково все, что относится къ предметамъ нравствен-

Digitized by Google

нымъ, общественнымъ, историческимъ, не говоря о практически хозяйственныхъ предметахъ. Разумные люди изъ народа, особливо грамотные, могутъ имѣть весьма серьезное любопытство къ этимъ вопросамъ нравственнаго и общественнаго характера, и къ сожалѣнію до сихъ поръ нѣтъ литературы, которая отвѣтила бы этому интересу.

Вопросъ очень сложенъ и связанъ, конечно, со всѣмъ положеніемъ народнаго образованія. Народъ получаетъ въ своей школѣ только самое элементарное обученіе, и главное не въ томъ, что это существуетъ, какъ фактъ, а въ томъ, что существуетъ въ авторитетныхъ педагогическихъ сферахъ убѣжденіе, что онъ не можетъ и не долженъ имѣть другой ступени образованія (выше мы указывали мнѣнія, что народу и совсѣмъ не нужна грамота). Понятно, однако, что въ болѣе разумныхъ людяхъ народа, мысль которыхъ пробуждена школой и послѣдующимъ чтеніемъ, можетъ естественно развиваться любознательность. Очевидно, отсюда происходитъ та жажда къ чтенію, которую указываетъ нашъ авторъ на основаніи множества свидѣтельствъ мѣстныхъ знающихъ людей; и если разъ она существуетъ—понятно, что въ нормальномъ положеніи вещей (къ которому должно стремиться общество и само государство) она имѣетъ право на удовлетвореніе. Еслибы это право было признано, безъ сомнѣнія нашлись бы средства для его удовлетворенія. Эти средства уже существуютъ у другихъ народовъ, отчасти были, правда въ минимальной степени, испробованы и у насъ, какъ напримѣръ школы повторительныя, воскресныя школы для взрослыхъ, народныя чтенія, но все это должно быть не въ тѣхъ крайне узкихъ, почти ребяческихъ, размѣрахъ, какъ это пробовалось у насъ. Ничто не мѣшало бы при желаніи и согласіи поднять нѣсколько выше уровень народнаго образованія, расширить и повысить программы воскресныхъ школъ и народныхъ чтеній; мы читали недавно, въ разсказѣ г-жи Ковалевской, что, напримѣръ, въ Швеціи забота о народномъ образованіи создала даже столь замѣчательное явленіе, какъ „крестьянскіе университеты“. У насъ обыкновенно ссылаются на скудость матеріальныхъ средствъ народа; но и эти крестьянскіе университеты существуютъ на гроши, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы самъ народъ дѣйствительно понялъ пользу образованія, которое расширяло бы не только его общія понятія, но и производительность его труда, то-есть самые заработки, онъ, вѣроятно, согласился бы и на лишнюю затрату для этой новой ступени образованія. Не весь же народъ бѣденъ; есть, конечно, не мало „богатыхъ мужиковъ“, и по крайней мѣрѣ они могли

Digitized by Google

бы сдѣлать подобныя затраты для своего молодого поколѣнія... Г. Пругавинъ изображаетъ намъ „запросъ на чтеніе", какъ несомнѣнный и весьма значительный; сообщая о томъ, какъ деревенскіе читатели „осаждаютъ просьбами о книгахъ", напримѣръ, сельскихъ учителей и учительницъ, онъ предвидитъ возраженіе и замѣчаетъ, что народные читатели не желаютъ получать книги только даромъ, но и сами тратятся на ихъ покупку, вслѣдствіе чего и развивается торговая дѣятельность книгопродавцевъ-лубочниковъ. Можетъ быть; но вообще говоря, едва ли не слѣдуетъ признать, что, за исключеніемъ особыхъ любителей, крестьянинъ меньше покупаетъ книжку, чѣмъ было бы вообще желательно, и предпочитаетъ взять ее у другого, какъ это до сихъ поръ распространено и въ самомъ образованномъ обществѣ, нерѣдко до неприличной степени: бросая деньги на что угодно, у насъ слишкомъ часто избѣгаютъ купить книгу. Настоящій „запросъ на чтеніе" бываетъ тогда, когда книга покупается или, другими словами, когда въ книгѣ цѣнится умственная пища, въ которой чувствуется потребность, а не тогда, когда предпочитаютъ почитать чужую книжку для одного развлеченія, можетъ быть, даже для простого „процесса чтенія". Опасаемся, что въ томъ запросѣ, какой изображается г. Пругавинымъ, не малый процентъ приходится на это безразличное и потому всего чаще безполезное развлеченіе.

Далѣе, г. Пругавинъ посвятилъ нѣсколько главъ современному состоянію той книжной торговли, которая посвящена именно народнымъ книгамъ и которую онъ называетъ лубочной. Таковы главы: Почему „хорошія книжки" не доходили до народа? Лубочные издатели; Издатели съ „Никольской" (литература улицы); Офени-книгоноши; Современная лубочная литература; Лубочный романъ. Эти главы очень интересны между прочимъ какъ черта книжныхъ нравовъ русскаго народа, и можно развѣ пожалѣть, что авторъ не разсказалъ обо всемъ этомъ еще подробнѣе, чѣмъ это у него сдѣлано. Литературные народники только недавно стали задавать себѣ вопросъ о томъ, что должна быть создана для народа серьезная и здравая литература вмѣсто той, какую до сихъ поръ исключительно поставляли ему издатели „съ Никольской". Вскорѣ, однако, оказалось, что бороться съ этими издателями было не такъ легко. Уже давно, съ сороковыхъ или еще съ тридцатыхъ и двадцатыхъ годовъ, критика съ пренебреженіемъ говорила объ этихъ издателяхъ „съ Никольской", которые наводняли среднюю и простонародную публику своими изданіями, гдѣ были страшные романы, приключенія разбойниковъ, гада-

Digitized by Google

тельныя книги, сонники, пѣсенники, всеобщіе письмовники, лечебники, лубочныя сказки и т. п.; но эти книги упорно держались въ своей публикѣ и удержались въ ней даже и до сихъ поръ. Надо было признать, что это издательство съумѣло извѣстнымъ образомъ удовлетворить книжныя потребности народа, дать ему цѣлую энциклопедію полезныхъ и увеселительныхъ книгъ, по его умственнымъ и по его матеріальнымъ средствамъ. Народный и средній (мѣщанскій и купеческій) читатель отчасти и не могъ купить серьезной книги, а отчасти не могъ ее понять: онъ не могъ читать спеціальныхъ медицинскихъ книгъ и покупалъ популярный лечебникъ; онъ не могъ читать настоящаго Пушкина или Жуковскаго (не говоримъ о немногихъ исключеніяхъ въ родѣ сказокъ), потому что ему недоступенъ былъ весь этотъ уровень литературнаго развитія, и читалъ Бову Королевича, пѣсенники и подобную беллетристику; онъ мало учился грамматикѣ и письменному изложенію, но велъ разныя практическія дѣла, и ему предлагали письмовникъ съ готовыми формами писемъ на разные случаи и съ другими дѣловыми совѣтами; онъ еще обрѣтался въ средѣ старинныхъ суевѣрій, и къ его услугамъ были сонники и гадательныя книги, и т. д. Тѣ негодующія осужденія, съ какими относились и относятся къ издателямъ съ „Никольской“, грѣшили тѣмъ, что направлялись не туда, куда слѣдуетъ: издатели „съ Никольской“ были только продуктомъ культурнаго состоянія огромной массы русскаго народа, которое должно было такъ или иначе найти удовлетвореніе своихъ книжныхъ потребностей на своемъ уровнѣ. Не будь книгъ, были бы рукописи, какъ это дѣйствительно и бывало въ старое время: популярная литература еще въ XVIII вѣкѣ жила въ значительной степени старыми до-Гуттенберговскими средствами; издатели „съ Никольской“ только послѣдовали этому уровню и лишь замѣнили списываніе книгъ печатаніемъ, прибавивъ, правда, нѣчто и новое, но въ томъ же стилѣ. Зная одну свою публику, они выработали и способы распространенія своихъ книгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣли и вкусы этой публики, такъ что когда новѣйшіе ревнители народнаго образованія думали бороться съ ними на этомъ поприщѣ, желая замѣнить ихъ частенько вульгарныя издѣлія своими разумными книжками, эти ревнители оказались безсильны: они не знали ни худо ли хорошо ли, но прочно установившихся вкусовъ народной публики, ни средствъ довести свои книги до рукъ народнаго читателя.

Г. Пругавинъ вѣрно подмѣтилъ эти слабыя стороны новѣйшихъ интеллигентныхъ изданій сравнительно съ изданіями Ни-

Digitized by Google

кольскаго рынка: первыя съ трудомъ проникали въ народъ, послѣднія расходятся въ немъ какъ нельзя лучше.

„Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? Неужели вкусы народа такъ испорчены, такъ извращены, что онъ сознательно предпочитаетъ „нелѣпыя и безграмотныя изданія“ Никольскаго рынка „хорошимъ книжкамъ“, вышедшимъ изъ рукъ людей образованныхъ и интеллигентныхъ?..

„Различные „комитеты грамотности“, „общества распространенія полезныхъ книгъ“, „коммиссіи по устройству народныхъ чтеній“ и т. п. учрежденія, а также многія частныя лица изъ интеллигенціи составляли, печатали и издавали очень много книгъ и книжекъ спеціально „для народа“. Среди этихъ изданій, хотя и не часто, встрѣчались, разумѣется, и удачныя, хорошія, полезныя книги, доступныя народному пониманію.

„Но—странное дѣло!—всѣ эти „хорошія книжки“ обыкновенно преспокойно оставались на полкахъ столичныхъ магазиновъ. Въ лучшемъ случаѣ онѣ расходились среди той же интеллигентной публики, изрѣдка попадая въ болѣе обезпеченныя школы и училища...

„По нашему мнѣнію, главная причина этого заключалась въ томъ, что лица, бравшіяся за изданіе книгъ „для народа“, въ сущности почти совсѣмъ не знали этого народа, не знали условій деревенской среды, не знали потребностей мужика, его привычекъ и вкусовъ, которые, во всякомъ случаѣ, необходимо было принять во вниманіе. Затѣмъ у этихъ людей не было, собственно говоря, никакихъ связей съ селомъ или съ деревней.

„Интеллигентные издатели народныхъ книжекъ обыкновенно упускали изъ вида, что еще мало напечатать и издать хорошія книжки для народа, но что необходимо позаботиться о распространеніи ихъ въ народной средѣ. Думать, что мужики будутъ сами выписывать хорошія книжки изъ столичныхъ магазиновъ, по меньшей мѣрѣ, наивно. Необходимо, чтобы книжки эти были занесены въ село и деревню, чтобы онѣ появились на ярмаркахъ и базарахъ, на которые стекаются крестьяне для закупки всего необходимаго для себя.

„Затѣмъ всѣ эти изданія „для народа“ обыкновенно были черезъ-чуръ дороги, совсѣмъ не по карману мужику. Маленькія, тощенькія брошюрки стоили отъ 20 до 50 копѣекъ и дороже. Было бы, однако, совершенно несправедливо видѣть въ этомъ корыстные разсчеты со стороны интеллигентныхъ издателей народныхъ книжекъ. При всемъ желаніи удешевить свои изданія, они не могли этого сдѣлать, главнымъ образомъ потому, что, въ виду

Digitized by Google

крайне ограниченнаго сбыта и распространенія, принуждены были печатать свои книжки въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ—одну, двѣ тысячи, не болѣе.

„Наконецъ, и самая внѣшность этихъ изданій „для народа“ не внушала довѣрія крестьянамъ и не располагала ихъ къ покупкѣ. Дѣло въ томъ что народъ въ теченіе долгихъ лѣтъ уже пріученъ лубочными изданіями къ извѣстной внѣшности и даже къ извѣстному формату книжекъ. Ему нравятся ярко раскрашенныя картинки, которыя всегда находятся на обложкахъ книжекъ, вышедшихъ изъ лавокъ „Никольскаго рынка“. А тутъ какая-то сѣренькая, тусклая обложка прикрываетъ тощую, длинную и нескладную брошюрку; на обложкѣ, вмѣсто заманчиваго названія, возбуждающаго любопытство или фантазію, стоятъ какія-то непонятныя слова: „изданіе Народной Библіотеки“, или „изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности, состоящаго при императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ“, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Прочтетъ эти слова мужикъ и задумается: что это такое? Что-то непонятное, чуждое, странное... и оставитъ книжку, не купитъ“ (стр. 118—120).

Только въ послѣднее время издатели народныхъ книгъ, какъ напримѣръ извѣстная фирма „Посредникъ“, обратились къ тѣмъ средствамъ распространенія и къ тѣмъ внѣшнимъ формамъ изданія, какими пользовались издатели-лубочники, и къ какимъ народъ привыкъ, и это въ первый разъ даетъ возможность вывести народную литературу на болѣе правильный путь. Г. Пругавинъ сообщаетъ, между прочимъ, любопытныя подробности того, какъ ведется народная книжная торговля, и какъ образуются ея дѣятели, нерѣдко самоучки, иногда въ началѣ дѣла даже неграмотные. Глава о „современной лубочной литературѣ“ могла бы, впрочемъ, быть полнѣе.

Въ послѣдней главѣ книги, озаглавленной: „Частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія — къ вопросу о расплатѣ съ народомъ“, авторъ снова поднимаетъ общій вопросъ, исчисляетъ многочисленныя пожертвованія на пользу народнаго образованія и труды, совершаемые съ тою же цѣлью частными лицами; приводитъ цѣлую программу задачъ того „огромнаго, грандіознаго дѣла, въ которомъ каждый можетъ принять участіе, каждый можетъ приложить свои силы“.

Вкратцѣ эта программа заключается въ слѣдующемъ:

— Изданіе книгъ и картинъ для народа при участіи и содѣйствіи наиболѣе компетентныхъ представителей литературы, науки и искусства...

Digitized by Google

— Распространеніе книгъ и картинъ въ народѣ путемъ: 1) устройства въ городахъ, селахъ и деревняхъ книжныхъ складовъ для продажи народныхъ чтеній; 2) чрезъ офеней, ходебщиковъ, коробейниковъ и т. д., и 3) путемъ организаціи особыхъ артелей книгоношъ для разносной торговли.

— Устройство библіотекъ и читаленъ при школахъ, а также при волостныхъ правленіяхъ, фабрикахъ, больницахъ, тюрьмахъ и т. д. Устройство уличныхъ передвижныхъ библіотекъ въ пунктахъ наибольшаго скопленія народныхъ массъ.

— Собираніе точныхъ и подробныхъ свѣденій о ходѣ начальнаго народнаго образованія въ Россіи: о числѣ и положеніи школъ...

— Знакомить общество съ положеніемъ начальнаго народнаго образованія въ Россіи и за границей; неустанно будить и поддерживать въ обществѣ интересъ и живое сочувствіе къ дѣлу народнаго образованія и развитія путемъ изданія ежегодныхъ обозрѣній и отчетовъ...

— Снабженіе бѣднѣйшихъ школъ учебными пособіями и руководствами.

— Устройство подвижныхъ библіотекъ для учителей и учительницъ народныхъ школъ.

— Особенное попеченіе о частныхъ крестьянскихъ (неоффиціальныхъ) школахъ, такъ-называемыхъ „домашнихъ школахъ грамотности“.

— Устройство воскресныхъ школъ.

— Устройство *постоянныхъ* народныхъ чтеній, по возможности съ тѣневыми картинами, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ...

— Изданіе ежемѣсячнаго журнала и ежедневной газеты, приноровленныхъ къ потребностямъ грамотнаго люда изъ народа...

— Изысканіе и привлеченіе матеріальныхъ средствъ на дѣло народнаго образованія: на изданіе книгъ и картинъ для народа, на устройство библіотекъ, читаленъ, книжныхъ складовъ и т. д.

Авторъ не допускаетъ сомнѣній въ томъ, чтобы общество не приняло къ сердцу эти интересы народа. „Мысль о необходимости придти на помощь дѣлу народнаго образованія все глубже и глубже проникаетъ въ сознаніе общества, и въ послѣднее время все чаще и чаще приходится слышать о болѣе или менѣе значительныхъ пожертвованіяхъ на дѣло народнаго образованія“. Указавши рядъ такихъ пожертвованій, г. Пругавинъ продолжаетъ: „Подобные факты даютъ полное право надѣяться, что за мате-

Digitized by Google

ріальными средствами дѣло не остановится, разъ въ обществѣ вполнѣ созрѣваетъ сознаніе о крайней, неотложной и вопіющей необходимости скорѣйшаго удовлетворенія умственныхъ запросовъ стомилліонной массы русскаго народа. Думать иначе — значило бы прямо оскорблять общество, не вѣрить въ присутствіе въ немъ лучшихъ сторонъ человѣческаго духа" (стр. 261).

Противъ такой прекрасной увѣренности не хочется спорить; но бываетъ иногда необходимо спорить, именно для того, чтобы предметъ не былъ односторонне понятъ, чтобы такая увѣренность не закрывала глазъ на трудность дѣла. Надобно думать, что и въ прежнее время въ нашемъ обществѣ присутствовали „лучшія стороны человѣческаго духа", и однако для народнаго образованія не дѣлалось ничего, и въ настоящее время эти лучшія стороны дѣйствуютъ такъ слабо, сравнительно съ задачей, что народное образованіе по сію минуту находится въ младенческомъ состояніи. Далѣе, авторъ хочетъ удостовѣрить, что даже нѣтъ надобности въ особыхъ затратахъ, напримѣръ на изданіе книги, и что эти затраты вернутся при разумномъ веденіи дѣла; но во всякомъ случаѣ онъ всего больше разсчитываетъ на филантропію, которой даетъ видъ „расплаты съ народомъ". Мы замѣчали выше, что филантропія есть несомнѣнно прекрасное дѣло, какъ исполненіе христіанскаго долга, но ставить удовлетвореніе потребностей „стомилліонной массы русскаго народа" въ зависимость отъ пожертвованія, т.-е. отъ подаянія, намъ кажется даже не унизительно ли какъ будто для достоинства этой стомилліонной массы? Честь и слава тѣмъ добровольнымъ и безкорыстнымъ ревнителямъ, которые полагаютъ свое время, трудъ и средства на пользу народнаго образованія; но это — подвижники, ихъ не можетъ быть много; ихъ помощь дѣлу всегда будетъ только случайна, и цѣлесообразно ли, чтобы дѣло столь великой важности, какъ народное образованіе, ставилось, *въ принципѣ*, на почву личнаго благодѣянія, притомъ по необходимости случайнаго и ограниченнаго? Если мы ставимъ столь высоко народный интересъ и даже призываемъ на служеніе ему „лучшія стороны человѣческаго духа", имѣющіяся въ русскомъ обществѣ, то въ принципѣ мы должны бы, кажется, весь вопросъ ставить иначе—развивать мысль не о томъ, что какая-то „интеллигенція" обязана за что-то расплатиться съ народомъ, устроивая для него филантропическія школы, а о томъ, чтобы народное образованіе, независимо отъ всякой личной филантропіи, поставлено было тѣмъ нормальнымъ образомъ, какимъ оно могло быть, и было, поставлено у другихъ народовъ, чтобы на-

Digitized by Google

родъ пользовался извѣстной долей образованія не вслѣдствіе случайной благотворительности, а въ правильномъ, законномъ порядкѣ вещей. Правда, современное положеніе вещей не таково, чтобы скоро можно было ожидать такой единственно правильной постановки дѣла,—и въ этихъ условіяхъ данной минуты можно взывать къ филантропіи, потому что нужда въ ней налицо, — но невозможно строить все дѣло на филантропіи: во-первыхъ, она никогда не въ состояніи дать все, что нужно, а во-вторыхъ, эта проповѣдь питаетъ заблужденіе, отводитъ глаза отъ необходимости ставить вопросъ во всей его національной, государственной широтѣ. Дѣйствительно, прежде всего и выше всего—это вопросъ государства: еслибы въ настоящую минуту оно и было не въ состояніи сразу поставить нормальнымъ образомъ дѣло, запущенное цѣлыми вѣками исторіи, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ стремиться къ тому, чтобы это могло быть сдѣлано въ будущемъ. Одно государство въ состояніи принять широкія и обязательныя мѣры по устройству народной школы: усиливъ бюджетъ на народное просвѣщеніе, оно въ нѣсколько лѣтъ можетъ сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлаетъ частная филантропія въ десятки лѣтъ; оно одно можетъ дать большій просторъ и авторитетъ тѣмъ мѣстнымъ представительнымъ учрежденіямъ, городскимъ и земскимъ, которыя, вообще говоря, поставлены теперь все еще не весьма удовлетворительно, и однако успѣли достигнуть, за время своего существованія, столь блистательныхъ результатовъ (городскія училища въ Петербургѣ и Москвѣ, многія земскія школы въ провинціи). Частной дѣятельности никогда не будетъ закрыта дорога; но было бы большимъ самообольщеніемъ, и введеніемъ въ обманъ другихъ—думать и утверждать, что столь громадный вопросъ можетъ быть рѣшенъ путемъ частной благотворительности: это съуживаетъ и самые размѣры дѣла,—частная благотворительность можетъ давать только крохи.

Что касается „расплаты съ народомъ“,—намъ кажется, что эту терминологію лучше бы совсѣмъ оставить.

А. Пыпинъ.

Digitized by Google

НА МОТИВЪ СТЕКЕТТИ.

I.

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

Темнѣетъ... Черныхъ тучъ несутся вереницы,
Долина и холмы окутались мглой
И съ крикомъ носятся испуганныя птицы,
Кружася низко надъ землей...

Все стихло—странною, зловѣщей тишиною,
Но скоро молнія блеснетъ изъ темныхъ тучъ,
И вихрь поднимется надъ сонною рѣкою,
И грянетъ громъ—ужасенъ и могучъ.

И сердце у меня такой же мглой объято,
Такія жъ облака сулятъ и мнѣ бѣду,
И въ страхѣ перваго громоваго раската
Я также жду...

Digitized by Google

II.

* * *

That May will not bloom again...

Я не вѣрю возможности счастья
Въ эти дни непогоды и бурь,
Я не вѣрю, что послѣ ненастья
Въ небесахъ засіяетъ лазурь.

Я не вѣрю, чтобъ новой красою,
Расцвѣтая, воскреснуть могло
Все, что душу живило собою
И—какъ все на землѣ—отцвѣло.

Но, увы, еслибъ даже и снова
Возвратились минувшіе дни,
То явились бы тѣнью былого,
Только блѣдною тѣнью они.

Таковы и осеннія розы,
Что красивы и пышны на взглядъ,
Но въ которыхъ убили морозы
Всю ихъ свѣжесть и весь ароматъ.

О. М—ва.

Digitized by Google

ИЗЪ
ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО
ДВУХЪ АКАДЕМІЙ

По поводу смерти проф. казанской духовной академіи И. Я. Порфирьева.

Въ Россіи въ настоящее время существуетъ четыре духовныхъ академіи. Слухи носятся, что въ скоромъ времени предполагается открытіе таковой же—пятой, въ Вильнѣ.

Духовныя академіи считаются высшими учебными заведеніями, и по отраслямъ знаній, въ нихъ преподаваемыхъ, представляютъ собой какъ бы особо существующіе факультеты университета: филологическій и богословскій. Знанія, въ нихъ преподаваемыя, предполагаются настолько солидными, что изъ всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній только духовнымъ академіямъ предоставлено право давать наравнѣ съ университетами своимъ слушателямъ ученыя степени: доктора, магистра, кандидата, дѣйствительнаго студента. Нынѣ, какъ я вижу по газетамъ, академіи даютъ степени исключительно по богословскимъ отраслямъ знанія. Но сколько я помню свой дипломъ, то я въ немъ признанъ былъ конференціею академіи магистромъ всѣхъ отраслей знанія, преподаваемыхъ въ академіи. Я не знаю, состоялся ли какой-нибудь новый законъ, уменьшившій компетенцію академій на раздачу дипломовъ, въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ получилъ я. Потому предполагаю, что постоянный, въ настоящее

Digitized by Google

время, все болѣе и болѣе увеличивающійся прогрессъ знаній въ университетахъ по наукамъ общаго образованія, а вмѣстѣ съ этимъ все болѣе и болѣе возростающія требованія отъ лицъ, ищущихъ магистерскихъ и докторскихъ дипломовъ,—и сравнительно съ этимъ далеко не въ такой же степени прогрессирующее преподаваніе этихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ—заставили академическое начальство признать tacito свою некомпетентность въ раздачѣ степеней по другимъ какимъ-нибудь наукамъ, кромѣ богословскихъ.

Но если есть университеты, въ которыхъ преподаются тѣ же самыя науки и преподаются гораздо лучше, нежели въ академіяхъ, то зачѣмъ тогда нужны духовныя академіи? Я понимаю цѣль существованія академіи кіево-могилянской, основанной для борьбы съ католичествомъ и уніей, при полномъ отсутствіи у насъ въ то время какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній. Понимаю и существованіе московско-славяно-греко-латинской академіи съ ея знаменитыми братьями Лихудами, когда также у насъ не было никакихъ другихъ разсадниковъ не только высшаго, но и средняго образованія. Но основательно ли въ наше время содержать особыя высшія духовныя учебныя заведенія, когда рядомъ ведется обученіе того же самаго юношества въ университетахъ, особенно если предположить, что университеты могутъ имѣть въ своемъ составѣ и богословскій факультетъ—это вопросъ.

Въ началѣ нашего возрожденія или, говоря проще, въ шестидесятыхъ годахъ, нерѣдко уже высказывались мысли о слiяніи нашихъ духовныхъ академій съ университетами. И сколько помнится, едва ли тогда не первый М. Н. Катковъ подалъ эту мысль и горячо ее отстаивалъ. Но потомъ эта мысль была оставлена, и академіи остались въ своемъ прежнемъ положеніи,—а теперь, можетъ быть, и совсѣмъ возвратились къ мысли о необходимости существованія духовныхъ академій въ обособленномъ отъ университетовъ видѣ; какихъ чрезъ это предполагается достигнуть цѣлей—мы не знаемъ. Можетъ быть, теперь, какъ и прежде, полагаютъ, что при обособленномъ существованіи духовныхъ академій есть бо́льшая вѣроятность воспитать духовное юношество въ духѣ христіанскаго благочестія, утвердить въ немъ расположеніе и привычку къ обрядности, до сихъ поръ еще столь крѣпкой въ народѣ? Но въ дѣйствительности эта вѣроятность ничѣмъ не оправдывается. Я самъ былъ въ двухъ духовныхъ академіяхъ въ старое, Николаевское время: въ одной учился четыре года, въ другой—восемь лѣтъ былъ наставникомъ. И могу съ

Digitized by Google

полнымъ убѣжденіемъ сказать, что духа благочестія въ обѣихъ академіяхъ было никакъ не больше, если не менѣе, чѣмъ и въ находящихся подлѣ нихъ университетахъ. Молодежь — всегда молодежь, съ одинаковыми наклонностями и стремленіями,—и стремленія, нравы, характеръ даннаго общества непремѣнно вторгаются въ нее и овладѣваютъ ею, какъ бы мы ни старались ее оградить.

Далѣе, говорятъ, что нѣкоторыя богословскія науки настолько спеціальны, что преподаваніе ихъ—очень нужное и понятное въ духовныхъ заведеніяхъ—не имѣло бы смысла въ университетахъ; даже богословскія науки общаго характера, преподаваемыя въ университетахъ, какъ напримѣръ церковная исторія,—по извѣстнымъ условіямъ мѣста и времени принимаютъ иногда такую дробную спеціализацію, такое мелкое приспособленіе къ бывшимъ и продолжающимся случайностямъ, что послѣднія уничтожаютъ въ ней общій характеръ науки и превращаютъ ее въ несвязный сборъ ничѣмъ необусловленныхъ и необъяснимыхъ встрѣчныхъ фактовъ, дѣлаютъ ее чѣмъ-то въ родѣ исторіи военной, подробности которой для человѣка военнаго знать интересно и полезно, но для человѣка общаго образованія это излишняя роскошь, безъ которой онъ легко можетъ обойтись, и сдѣлаетъ, пожалуй, лучше, если употребитъ свое время на пріобрѣтеніе другихъ знаній, болѣе ему пригодныхъ. Все это совершенно справедливо. Но вѣдь предполагалось, что университетъ будетъ имѣть *особый* богословскій факультетъ, слушателями котораго будутъ исключительно лица, желающія посвятить себя на служеніе церкви, въ качествѣ ли наставниковъ по богословскимъ наукамъ въ семинаріяхъ, въ качествѣ ли пастырей церкви. Слѣдовательно, всѣ богословскія науки, которыя считаются нужными, со всею ихъ спеціализаціею и приспособленіемъ къ современнымъ нуждамъ и потребностямъ церкви, будутъ имѣть такое же законное мѣсто здѣсь, какое они имѣютъ теперь и въ духовныхъ академіяхъ.

Впрочемъ, довольно объ этомъ. Зачѣмъ поднимать споръ о мечтахъ, когда-то жившихъ, а теперь давно уже исчезнувшихъ. Признаемъ за лучшее то, что за лучшее признается теперь, т.-е. отдѣльное существованіе академіи отъ университетовъ. Но какихъ бы цѣлей ни предполагалось этимъ достигнуть,—необходимо всегда одно, чтобы духовныя академіи, представляющія собой два оторванные отъ университета факультета: богословскій и филологическій, стояли на томъ же уровнѣ знанія, на какомъ стоятъ современные имъ университеты. Ибо не можетъ подлежать спору, что духовныя академіи, въ качествѣ высшихъ учебныхъ заведеній,

Digitized by Google

должны быть такими же настоящими храмами науки, такими же дѣйствительными разсадниками высшаго знанія въ странѣ, какъ и университеты. Посмотримъ на наши духовныя академіи съ этой точки зрѣнія.

Настоящими жрецами храмовъ высшаго человѣческаго знанія—назовемъ ли эти храмы университетами, академіями или другими именами—могутъ быть только люди геніальные, пролагающіе новые пути въ той или другой отрасли знаній, или помогающіе этой отрасли въ короткое время сдѣлать гигантскіе шаги уже въ принятомъ ею направленіи. Но геніальные умы въ человѣческомъ родѣ представляютъ собой вообще явленіе рѣдкое и исключительное. Поэтому обычными слушателями науки въ храмахъ высшаго человѣческаго знанія бываютъ люди, преимущественно передъ другими даровитые, способные понимать высшія задачи науки во всей ихъ широтѣ, въ направленіи, проложенномъ геніальными умами, и постепенно, мало-по-малу, подвигать ихъ впередъ совокупными силами всѣхъ этихъ даровитыхъ умовъ, дружно трудящихся надъ одною и тою же отраслью знанія. Но и такіе по преимуществу даровитые люди, способные постепенно двигать науку впередъ, и слѣдовательно, сдѣлаться ея признанными жрецами, составляютъ въ обществѣ явленіе не частое.

Вотъ поэтому все стараніе высшихъ учебныхъ заведеній, этихъ привилегированныхъ храмовъ науки, должно быть прежде всего направлено на то, чтобы умѣючи выбирать такихъ людей, отмѣченныхъ самою природою для науки изъ множества другихъ юношей,—а разъ они удачно выбраны, ничего не жалѣть для такого ихъ приготовленія, по той отрасли знаній, каѳедру которой они предназначаются занять,—чтобы они, предварительно торжественнаго объявленія ихъ жрецами науки, внутренно почувствовали и сознали, что они стоятъ вполнѣ на высотѣ того знанія, которое до сего момента уже пріобрѣтено человѣчествомъ, по ихъ каѳедрѣ. Разъ это сдѣлано, и юноша оказался дѣйствительно даровитый, ему была дана полная самостоятельность въ дальнѣйшемъ развитіи излюбленной имъ науки,—онъ является прикованнымъ къ храму науки навсегда. Наука ревнива. Она завладѣваетъ всѣми силами души своего любимца, чѣмъ далѣе, тѣмъ шире и глубже развертываетъ передъ нимъ свои задачи, и чѣмъ далѣе, тѣмъ страстнѣе привязываетъ его къ себѣ. И онъ никогда не вырвется изъ ея крѣпкихъ объятій. Разъ избранные юноши достигли такого состоянія, не нужно уже употреблять никакихъ мѣръ, чтобы удержать ихъ въ храмѣ науки. Они сами не уйдутъ изъ него. Нужно только сохранять полное ува-

Digitized by Google

женіе къ ихъ человѣческому достоинству. Они гораздо болѣе чутки къ этому, чѣмъ другіе люди. Они самолюбивы, и по праву, —всякое неосторожное, неправильное прикосновеніе къ ихъ личности можетъ возмутить ихъ болѣе всего. Далѣе, ихъ нужно матеріально настолько обезпечить, чтобы они и ихъ семейства могли жить, не только не чувствуя нужды въ необходимомъ, но и пользуясь извѣстнымъ достаткомъ и удобствами, чтобы они видѣли, что ихъ знаніе и труды цѣнятся и вознаграждаются труды ихъ товарищей, занимающихъ равныя и даже высшія по рангу мѣста въ другихъ отрасляхъ государственной службы.

Какъ ни далеки наши университеты отъ совершенства, но въ нихъ и въ настоящее время очень сильная заботливость сосредоточивается на томъ, чтобы сохранить за университетами высокое имя храмовъ науки. Тамъ иногда не щадятъ никакихъ средствъ, чтобы избранныхъ въ кандидаты на профессорство молодыхъ людей вполнѣ достаточно приготовить къ ихъ званію. Молодыхъ, даровитыхъ людей, по выслушаніи полнаго университетскаго курса, посылаютъ за границу, въ разные университеты, слушать лекціи, по предназначаемой имъ каѳедрѣ, выдающихся иностранныхъ профессоровъ; затѣмъ оставляютъ извѣстное время приготовляться къ наукѣ этой каѳедры дома; потомъ они держатъ устный экзаменъ и пишутъ диссертацію по какому-нибудь болѣе существенному изъ вопросовъ своей науки, недостаточно еще изслѣдованному, и только тогда, когда диссертація будетъ признана удовлетворительною, кандидатъ признается магистромъ и доцентомъ университета, съ обязательствомъ представить опять диссертацію на степень доктора, которая показывала бы въ немъ вполнѣ компетентнаго мастера науки по разумѣнію основной ея идеи, по критическому разсмотрѣнію существующихъ въ ней пріемовъ и по указанію новыхъ намѣченныхъ и дѣлаемыхъ въ ней попытокъ, съ надлежащею ихъ оцѣнкою. Только послѣ этого такое лицо признается профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Вмѣстѣ съ этимъ профессоръ признается и трактуется какъ личность вполнѣ самостоятельная, ни отъ кого независимая, кромѣ своего внутренняго убѣжденія или университетской профессорской конференціи или совѣта, котораго самъ состоитъ членомъ. Матеріальное положеніе университетскаго профессора также болѣе или менѣе достаточно обезпечено.

Конечно, и университеты не вполнѣ точно выполняютъ ту программу, которую мы представили. Отступленій отъ нея бываетъ не мало и по собственной ихъ винѣ, и по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Но эти отступленія не уничтожаютъ

Digitized by Google

законнаго, вошедшаго въ плоть и кровь университетовъ, стремленія, чтобы лица, занимающія мѣста профессоровъ, были достойными представителями науки.

Ничего подобнаго не было въ духовныхъ академіяхъ. Здѣсь не только не прилагалось никакой особенной заботливости о достаточномъ приготовленіи избранныхъ юношей на профессорскія каѳедры въ академіяхъ, но часто за мѣсяцъ впередъ, за недѣлю, даже вплоть до дня своего назначенія, юноша не могъ знать хотя бы о томъ, поступитъ ли онъ наставникомъ въ академію или въ семинарію—и по какой наукѣ. Правда, тотъ списокъ выпускаемыхъ студентовъ, который составлялся конференціею академіи, студенты, большею частью, тѣми или другими путями обыкновенно узнавали скоро, несмотря на то, что онъ держался въ секретѣ отъ нихъ,—и по той цифрѣ, подъ которой записанъ студентъ, онъ могъ разсчитывать—если только онъ стоитъ въ числѣ перваго пятка—попасть въ наставники академіи. Но будетъ ли столько вакантныхъ мѣстъ въ четырехъ академіяхъ, и по какимъ наукамъ окажутся эти вакантныя мѣста,—ему было совершенно неизвѣстно. Опредѣленіе окончившихъ курсъ въ академіяхъ на мѣста наставниковъ академій или семинарій дѣлалось въ Петербургѣ. Сюда доставлялись всѣ свѣденія о вакантныхъ наставническихъ мѣстахъ какъ въ академіяхъ, такъ и въ семинаріяхъ, изъ всей Россіи. Сюда же посылались и списки выпускаемыхъ студентовъ. И назначенія дѣлались совершенно лотерейнымъ способомъ. Первый пятокъ студентовъ по списку назначался на наставническія мѣста въ академіяхъ, если есть такое количество вакантныхъ мѣстъ въ академіяхъ; если же вакантныхъ мѣстъ менѣе,—а иногда ихъ бывало не болѣе двухъ или одного,—то и весь почти первый пятокъ студентовъ назначался, съ слѣдующими за ними по списку, въ наставники семинарій. Какая кому наука или науки достанутся при такомъ распредѣленіи, въ академіяхъ или въ семинаріяхъ, —это все равно. Предполагалось, что каждый студентъ, оканчивающій курсъ въ академіи, долженъ знать всѣ тѣ науки, которыя онъ слушалъ въ академіи, настолько, чтобы преподавать ихъ другимъ—даже и въ академіи.

Понятно, что такой выборъ наставниковъ не всегда могъ быть удаченъ; въ особенности, онъ долженъ былъ плачевно отзываться на академіи, которая должна по идеѣ стоять на высотѣ современной науки, и одна изъ самыхъ главнѣйшихъ ея обязанностей состоитъ именно въ приготовленіи хорошихъ наставниковъ для семинарій.

Къ этому оригинальному выбору присоединялось если не бо-

Digitized by Google

лѣе, то никакъ не менѣе оригинальное отношеніе къ послѣдующей дѣятельности и судьбѣ этихъ наставниковъ. Случалось, что на каѳедры въ академіяхъ попадали иногда люди замѣчательно даровитые или, по крайней мѣрѣ, очень талантливые, причемъ, благодаря той же случайности, и каѳедра, имъ доставшаяся, приходилась имъ по душѣ, они начинали усиленно заниматься, и мало-по-малу вполнѣ овладѣвали предметомъ такъ, что являлись заправскими профессорами и сдѣлали бы своими знаніями и преподаваніемъ честь любому высшему заведенію. Академіи слѣдовало бы беречь такихъ профессоровъ, какъ свое лучшее сокровище, и не жалѣть ничего, чтобы удержать ихъ у себя. Но нерѣдко случалось, что она относилась къ нимъ не только равнодушно, но нѣкоторымъ образомъ пренебрежительно.

Что такое именно отношеніе преобладало въ нашихъ академіяхъ,—мы это всего яснѣе можемъ видѣть на исторіи нашей богословской науки, представительницею которой должны и могутъ быть въ Россіи только духовныя академіи. Можно утверждать только одно, что у насъ были замѣчательные пастыри, отличавшіеся даромъ слова и проповѣданія слова Божія; нѣкоторые изъ нихъ составили два и три учебника по догматическому богословію, нѣсколько толкованій на тѣ или другія книги священнаго писанія, написанныя ими въ молодыхъ лѣтахъ. Но спеціальныхъ ученыхъ богослововъ, постоянно разрабатывающихъ богословскую науку *во всѣхъ ея отрасляхъ*, у насъ совсѣмъ нѣтъ. И мы не можемъ назвать ни одного русскаго имени по какой-нибудь отрасли богословскихъ наукъ, которое могли бы съ гордостью поставить на ряду съ безчисленными именами знаменитыхъ иностранныхъ богослововъ-догматиковъ, герменевтовъ, патрологовъ, богослововъ-историковъ, богослововъ-археологовъ, изслѣдователей древностей—библейскихъ, христіанства первыхъ вѣковъ, византійскихъ и т. д. Но почему у насъ до сихъ поръ не положено прочнаго основанія богословской наукѣ? Прежде всего потому, что сами духовныя академіи мало старались насадить у себя свою науку, не прилагали объ этомъ должнаго попеченія. Каѳедры богословія въ академіяхъ большею частью занимались лицами монашествующими, иногда очень даровитыми, но они быстро отрывались отъ разработки науки, безъ малѣйшаго протеста со стороны академіи. Это тѣмъ болѣе печально, что они, какъ и другіе студенты духовныхъ академій, спеціально на каѳедру для той или другой богословской науки не готовились, но, получивъ каѳедру по той или другой наукѣ случайно, начинали внимательно изучать ее, знакомились съ нею, мало-по-малу усвоивали ее настолько, что

Digitized by Google

были готовы сдѣлаться настоящими въ ней профессорами,—какъ вдругъ въ это самое время ихъ берутъ изъ академіи и назначаютъ ректорами семинарій. Передъ ними открывается совершенно другая перспектива, не имѣющая почти ничего общаго съ прежнею. Бо́льшая часть времени отъ ученыхъ занятій у нихъ отнимается на дѣла управленія семинаріею и отчасти дѣлами консисторіи. Уровень ученыхъ занятій понижается до занятій школьныхъ, элементарныхъ. Аудиторія ихъ состоитъ уже не изъ студентовъ академіи, готовящихся въ профессора, а изъ учениковъ семинаріи, приготовляющихся почти исключительно въ сельскіе священники. Собственно науки, съ ея глубокими изслѣдованіями, широкими взглядами, со всестороннимъ освѣщеніемъ предмета—тутъ совсѣмъ и не нужно. Тутъ требуется только педагогическое искусство, умѣнье прочно утвердить въ большинствѣ умовъ, далеко не блистательныхъ, основныя истины христіанства и основательно преподать имъ тѣ способы, которыми эти истины могутъ легко и успѣшно быть передаваемы паствѣ. Такимъ образомъ, собственно для ученой разработки богословской науки человѣкъ совершенно теряется.

Нѣсколько менѣе чувствительна бываетъ такая потеря для богословской науки, когда даровитый человѣкъ, занимающій каѳедру по той или другой богословской наукѣ въ академіи, дѣлается ректоромъ академіи, съ удержаніемъ каѳедры по той же наукѣ. Менѣе чувствительна, говорю я, потому, что хотя, въ качествѣ ректора, и здѣсь онъ бо́льшую часть своего времени долженъ отдавать на управленіе академіею, на дѣла консисторіи, къ чему присоединяется еще не мало дѣлъ по управленію семинаріями, входящими въ учебный кругъ данной академіи,—но все-же передъ нимъ здѣсь остается та же аудиторія студентовъ, и ему нѣтъ надобности понижать уровень своего знанія; насколько у него остается времени отъ занятій, обусловливаемыхъ административною должностью ректора, онъ можетъ посвящать его на ученую разработку своей науки. Но такимъ образомъ въ званіи ректора академіи даровитый человѣкъ все-же невольно дѣлается на половину оторваннымъ отъ науки. Впрочемъ, и такая, скорѣе дилеттантская, чѣмъ серьезная разработка науки продолжается не долго. Съ мѣста ректора академіи монашествующіе очень скоро переходятъ на епископскія каѳедры.

Такая постоянная смѣна даровитыхъ монашествующихъ лицъ, занимающихъ богословскія каѳедры, и перемѣщеніе ихъ на ректорскія мѣста въ академіяхъ и семинаріяхъ, съ единственною цѣлью выдвинуть ихъ на административную дорогу,

Digitized by Google

отнявъ ихъ или совершенно, или сначала только отчасти, какъ мы видѣли, отъ науки, и этимъ проложить имъ дальнѣйшій путь на архіерейскую каѳедру—никакъ не могла способствовать развитію и преуспѣванію нашей богословской науки ни вообще, ни въ академіяхъ, а о семинаріяхъ и говорить нечего.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ректорство лицъ монашествующихъ въ нашихъ академіяхъ препятствовало развитію и процвѣтанію и другихъ наукъ не тѣмъ только, что ректоры академій часто перемѣнялись, быстро переходя на каѳедры епископскія, а и самой постановкой должности ректора въ академіяхъ, совершенно разнящейся не по идеѣ, а на практикѣ, отъ постановки ректора въ университетахъ. Всякая профессорская корпорація въ подобныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ есть нѣкоторымъ образомъ самоуправляющаяся единица. Члены, ее составляющіе, всѣ люди одинаковаго образованія, одинаково всѣ признанные самостоятельными и вполнѣ компетентными на каѳедрѣ по своей наукѣ, такъ что никто изъ товарищей корпораціи не предполагается знающимъ данную науку лучше, чѣмъ тотъ, кто дѣйствительно занимаетъ по ней каѳедру. Поэтому и ректоръ университета или академіи, будучи самъ профессоромъ, есть только товарищъ, совершенно равный остальнымъ своимъ товарищамъ, членамъ той же корпораціи, и никому изъ нихъ не можетъ указывать въ дѣлахъ спеціальной ихъ науки, ни они—ему. Въ качествѣ ректора университета или академіи, онъ только посредникъ между этою корпораціею и высшимъ начальствомъ, потому, какъ это было и въ академіяхъ духовныхъ, и въ университетахъ, онъ выбирался самою корпораціею профессоровъ изъ собственной среды. Такимъ образомъ, ректоръ университета и академіи—никакъ не начальникъ для профессорской корпораціи, а только блюститель внѣшняго и внутренняго въ заведеніяхъ порядка, проектируемаго и утверждаемаго ею самою; онъ начальникъ только для студентовъ и остальныхъ служащихъ въ этихъ заведеніяхъ, которые не принадлежатъ къ профессорской корпораціи. Но и здѣсь важнѣйшія дѣла онъ рѣшаетъ не иначе, какъ съ согласія той же корпораціи или совѣта университета.

Объ академіяхъ невозможно было сказать въ этомъ случаѣ что-нибудь опредѣленное. При отсутствіи всякой твердой гарантіи, прочно обезпечивающей какъ личное положеніе профессора, такъ и его самостоятельность и компетентность въ преподаваніи науки, неотъемлемость у него права на ту каѳедру, на которую онъ поставленъ, хотя бы онъ занималъ ее много лѣтъ, —при частой и быстрой смѣнѣ ректоровъ академій, между ко-

Digitized by Google

торыми попадаются люди разныхъ темпераментовъ и характеровъ, иногда очень нравные,—трудно, казалось бы, представить себѣ, чтобы каждый вновь являющійся ректоръ могъ становиться членомъ-товарищемъ существующей профессорской корпораціи и считалъ себя только равнымъ между равными, и такъ относился бы къ ней въ качествѣ ректора. Однако, это бывало. Такъ было, напримѣръ, за все то время, какое покойный митрополитъ Филаретъ, будучи митрополитомъ московскимъ, оставался вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшимъ попечителемъ московской академіи. У него было принято за правило назначать ректоровъ академіи непремѣнно изъ служащихъ профессоровъ московской же академіи или изъ служившихъ въ ней, продолжавшихъ службу подъ его же вѣденіемъ въ московской семинаріи, а основный кадръ профессорской корпораціи составляли въ академіи два профессора, Ѳ. Н. Голубинскій и П. С. Делицынъ, начавшіе свою службу съ самаго начала академіи, и примкнувшій къ нимъ третій, В. А. Горскій. Всѣ эти три лица оставались въ академіи на службѣ до конца жизни: Голубинскій—36, Горскій—42, Делицынъ—45 лѣтъ. Съ большими дарованіями, громадными знаніями, пользовавшіеся всеобщею извѣстностью и уваженіемъ за свои научные труды, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, были люди высокой нравственности, любящіе, сердечные, простые и самые вѣрные товарищи. У нихъ учились, будучи студентами, всѣ профессора, дѣлавшіеся потомъ ихъ товарищами, а потомъ—даже ихъ начальниками въ качествѣ ректоровъ. Ихъ нравственное вліяніе было громадное; они создали кругомъ себя такую нравственную товарищескую атмосферу, проникнутую высокимъ чувствомъ гуманности и любви, что, конечно, трудно было представить, чтобы профессоръ, всего вчера только бывшій товарищемъ въ этомъ кругу, сегодня сдѣлавшійся ректоромъ, могъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, а не прежнимъ товарищемъ. И дѣйствительно, ректоръ, какъ монашествующее лицо, обыкновенно архимандритъ, хотя въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ и окружался всѣмъ декорумомъ подобающаго его сану почета, но въ обыденной жизни оставался вполнѣ товарищемъ для всего профессорскаго персонала. Такъ было и до, и во время моего студенчества въ московской духовной академіи. Но меня удивляло не это, а удивляло въ высшей степени гуманное и сердечное, почти такое же товарищеское, братское отношеніе ректоровъ, а за нимъ и всего академическаго начальства къ студентамъ. Я никогда не видалъ, чтобы въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи представлялась студентамъ такая свобода и въ ученіи, и въ жизни, какъ въ мое время въ московской духовной академіи, и никогда

Digitized by Google

не видалъ такой мягкости и снисходительности къ прорывавшимся иногда проступкамъ, очень значительнымъ, нарушавшимъ обыкновенно мирное теченіе академической жизни. Не было никакихъ ни карцеровъ, ни другихъ пріемовъ опозориванія провинившихся студентовъ передъ ихъ товарищами. Дѣло оканчивалось обыкновенно келейнымъ разъясненіемъ провинившимся всего недостоинства и неприличія ихъ поступковъ для людей взрослыхъ и притомъ студентовъ. Случались, наконецъ, проступки и даже преступленія совсѣмъ не школьнаго характера,—но, конечно, и не прямо уголовщина,—однакожъ такія послѣ которыхъ ни одно учебное заведеніе не стало бы терпѣть въ своихъ стѣнахъ провинившагося воспитанника. Но и такія преступленія не вызывали никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ. Провинившійся студентъ не былъ ни исключаемъ, ни подвергаемъ какому-либо опозориванію передъ товарищами. Вся особенная тяжесть наказанія выражалась въ томъ, что призывалъ студента для келейной нотаціи не инспекторъ только, а и самъ ректоръ. Одинъ такой случай былъ за нѣсколько лѣтъ до моего поступленія въ академію и при ректорѣ, который оставался въ этой должности и при мнѣ еще около двухъ лѣтъ. Случай этотъ такъ характеризуетъ и личность ректора, и отношеніе его къ студентамъ, что его стоитъ разсказать. Ректоромъ академіи былъ тогда Филаретъ (Гумилевскій). Это былъ, можно сказать, единственный дѣйствительно ученый богословъ въ Россіи, который, какъ богословъ-догматикъ, какъ богословъ-историкъ, какъ богословъ-археологъ, стоялъ если не выше, то никакъ не ниже знаменитыхъ иностранныхъ богослововъ,—впослѣдствіи онъ былъ архіепископомъ черниговскимъ,—человѣкъ, необыкновенно талантливый, всецѣло преданный наукѣ (извѣстны его догматическая богословія, исторія церкви, патристика и множество другихъ сочиненій). Ректоромъ академіи онъ назначенъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ, едва ли не 25 лѣтъ. Росту онъ былъ не высокаго, красивый собой и вообще имѣлъ наружность очень пріятную, невольно располагавшую къ нему всѣхъ, привѣтливъ и ласковъ ко всѣмъ. Студентовъ, особенно занимающихся, онъ любилъ, какъ своихъ младшихъ братьевъ. Зато и студенты благоговѣли передъ нимъ и чуть не обожали его, какъ институтки обожаютъ своихъ любимыхъ наставниковъ. Вызвать его на какое-нибудь даже легкое замѣчаніе какимъ-нибудь неосторожнымъ и необдуманнымъ поступкомъ было истиннымъ огорченіемъ не только для провинившагося, но и для другихъ студентовъ. Понятно поэтому, какъ встревоженъ былъ разъ студентъ, виновный въ преступленіи, когда его приглашали на аудіенцію къ ректору. Полный раскаянія, со

Digitized by Google

слезами на глазахъ слушалъ онъ нотацію и упреки ректора. Но когда ректоръ, болѣе и болѣе разгорячаясь, пришелъ, наконецъ, въ пафосъ и, принявъ грозный видъ, раздраженнымъ голосомъ сказалъ ему, что за будущую подобную вину онъ непремѣнно отдастъ его въ солдаты, и топнулъ при этомъ ногой,—это показалось студенту такъ несообразнымъ со всѣмъ гуманнымъ характеромъ его дѣятельности и съ его кроткою фигурою, что онъ совершенно нечаянно, невольно, самъ не сознавая того, что говоритъ, вдругъ выговорилъ, продолжая плакать: „нельзя ли потише, ваше высокопреподобіе?“—Такой неожиданный реприманъ, вырвавшійся изъ устъ проливавшаго слезы грѣшника, въ свою очередь, совершенно озадачилъ расходившагося въ порывѣ гнѣва ректора. Онъ немедленно остановился, разсмѣялся и сказалъ: „идите вонъ!“—тѣмъ дѣло и кончилось.

Я, впрочемъ, долженъ сказать, что причина подобнаго почти безприннаго благодушія къ проступкамъ, нетерпимымъ въ учебныхъ заведеніяхъ,—благодушія, граничащаго съ слабостью и распущенностью,—заключалась не въ одной крайней гуманности и снисходительности къ виновнымъ, но обусловливалась нѣкоторымъ образомъ случайными обстоятельствами, въ которыхъ находилась тогда московская академія, Митрополитъ Филаретъ былъ, не совсѣмъ, въ пріятныхъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ св. синода, графомъ Протасовымъ, и оставался недоволенъ разными мелкими преобразованіями, которыя послѣдній вводилъ или пытался ввести въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ. Онъ или совсѣмъ уничтожалъ проекты такихъ попытокъ въ самомъ ихъ началѣ, давая, въ качествѣ члена синода, свои рѣзкіе на нихъ отзывы, или отстранялъ ихъ отъ состоящей, подъ его вѣденіемъ и надзоромъ, академіи. Поэтому довести до свѣденія его, что потомъ нужно будетъ довести до свѣденія и оберъ-прокурора св. синода, а именно, что въ его академіи, академіи московской, студенты могутъ совершать проступки, не терпимые въ учебныхъ заведеніяхъ, даже и не-духовныхъ—это было бы для него очень тяжкимъ ударомъ. Вотъ почему, въ исключительныхъ случаяхъ, обыкновенная гуманность и снисходительность ректора должны были доходить до несомнѣнной слабости и явнаго потворства нетерпимымъ студенческимъ безобразіямъ.

Но я долженъ еще разъ повторить, что подобные случаи были крайне исключительными. Во время моего четырехлѣтняго студенчества подобныхъ случаевъ не было, и я слышалъ о нихъ уже, какъ преданіе или легенду изъ временъ прошлаго герои-

Digitized by Google

ческаго періода академіи, представлявшагося тогда чѣмъ-то давно уже бывшимъ и отошедшимъ навсегда въ вѣчность.

Но я нѣсколько увлекся и отклонился отъ главнаго предмета моей рѣчи. Дѣло идетъ не объ отношеніи ректоровъ къ студентамъ, а объ отношеніи ихъ къ профессорской корпораціи. Впрочемъ, и сказанное мною объ отношеніи ихъ къ студентамъ можетъ служить лучшей иллюстраціей къ тому, что я сказалъ выше, а именно, что отношенія ректоровъ къ профессорамъ оставались вполнѣ товарищескими, несмотря на частую смѣну ректоровъ. Отъ этой смѣны проигрывала только богословская наука, терявшая, большею частью, въ нихъ очень даровитыхъ людей на богословскихъ каѳедрахъ, которые могли сдѣлаться впослѣдствіи замѣчательными двигателями той или другой изъ богословскихъ наукъ, еслибы они оставались постоянно, или по крайней мѣрѣ на закономъ опредѣленный для профессорства 25-лѣтній періодъ времени, на той каѳедрѣ, которую они занимали.

Но если еще не быстрѣе, чѣмъ каѳедры богословскія, то никакъ не менѣе быстро теряли своихъ—иногда также даровитыхъ преподавателей—каѳедры другихъ, не богословскихъ наукъ, по мѣстнымъ условіямъ московской духовной академіи. Уже въ то время, о которомъ я пишу, въ Москвѣ, т.-е. въ самомъ городѣ, очень трудно было получить священническое мѣсто, не кончивъ курса въ академіи съ степенью магистра, или по крайней мѣрѣ кандидата. Поэтому изъ московской семинаріи поступало въ академію, кромѣ извѣстнаго опредѣленнаго числа воспитанниковъ, назначеннаго оберъ-прокуроромъ св. синода и избираемаго семинарскимъ начальствомъ,—много волонтеровъ. Лучшіе изъ воспитанниковъ московской семинаріи обыкновенно шли очень хорошо, и человѣка два-три оканчивали курсъ въ числѣ перваго „пятка“. Потому бо́льшая часть наставниковъ въ академіи состояла изъ бывшихъ воспитанниковъ московской семинаріи. Москвичи—всегда москвичи: куда бы ихъ ни загнала судьба, ихъ всегда тянетъ къ Москвѣ. Тутъ же Москва—рукой подать; въ ней же, Москвѣ, всѣ ихъ родные, знакомые, друзья, всѣ сердечныя привязанности, день ото дня все болѣе и болѣе усиливающіяся часто повторяемыми свиданіями, слѣдствіемъ которыхъ бываетъ почти неизмѣнно сначала легкое увлеченіе, потомъ страстная любовь, потомъ женитьба. Разъ человѣкъ женился, жену тотчасъ начинаетъ тянуть также въ Москву къ ея роднымъ и подругамъ, а въ посадѣ, гдѣ академія, кромѣ того, и жить для нея скучно: удобствъ никакихъ, развлеченій также никакихъ. Профессорское жалованье было очень ничтожно въ прежнія времена. То ли дѣло мѣсто свя-

Digitized by Google

щенника въ Москвѣ! И профессоръ-москвичъ бросаетъ профессуру и идетъ въ священники въ Москву. Но разъ человѣкъ кончилъ курсъ въ академіи и сталъ профессоромъ академіи, изъ какой бы семинаріи ни былъ онъ,—все равно, имѣетъ такое же право, какъ и москвичъ, на полученіе мѣста священника въ Москвѣ. Такимъ образомъ, и профессора академіи изъ воспитанниковъ другихъ семинарій почти постоянно дѣлали то же, что и москвичи, т.-е. женились на москвичкахъ и переходили священниками въ Москву. Единственное средство удержать ихъ въ академіи было бы дать имъ матеріальное обезпеченіе, настолько значительное, чтобы они не могли получить подобнаго никогда на епархіальной службѣ въ Москвѣ.

Съ нѣсколько иными явленіями я встрѣтился въ казанской духовной академіи, хотя, въ концѣ концовъ, результатъ былъ одинъ и тотъ же: монашествующихъ, занимавшихъ профессорскія каѳедры, по заведенному порядку, отнимали отъ науки для цѣлей административныхъ, а профессора, не-монахи, въ большинствѣ сами бѣжали съ своихъ каѳедръ, бросая науку по причинамъ, правда, другого порядка, чѣмъ въ московской академіи.

Начну рѣчь съ того, какъ сложились здѣсь отношенія ректоровъ къ профессорской корпораціи. Казанская академія была совершенно новая, только-что возникшая. Старыхъ профессоровъ, которые выдѣлялись бы своими учеными заслугами, признанными всѣми, высокимъ нравственнымъ характеромъ, пріобрѣли бы себѣ неоспоримый нравственный авторитетъ и могли имѣть неотразимое вліяніе на другихъ, однимъ словомъ, того кадра профессоровъ, какой былъ въ московской академіи и о которомъ я сказалъ выше, —здѣсь не было. Наставники академіи были все изъ молодыхъ, только-что кончившіе курсъ. Были, правда, три профессора изъ старыхъ; двое изъ нихъ служили долгое время въ семинаріи, и хотя были люди очень свѣдущіе въ своей спеціальности, одинъ въ своемъ родѣ былъ даже рѣдкимъ ученымъ въ Россіи, но—люди кроткіе отъ природы; притомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ семинарской службы придавленные тяжелымъ семинарскимъ режимомъ, они были какъ-то робки и несмѣлы, и не имѣли никакого нравственнаго авторитета; третій былъ изъ профессоровъ, не совсѣмъ старыхъ, но предварительно нѣсколько времени служившій баккалавромъ въ петербургской академіи; въ казанскую онъ былъ посланъ прямо ординарнымъ профессоромъ, а потому и въ немъ не оказалось нравственно связывающей всѣхъ силы. Это былъ Дмитрій Ѳедотовичъ Гусевъ, читавшій математику. Науку свою онъ зналъ хорошо, любилъ ее и умѣлъ заставить заниматься ею всѣхъ сту-

Digitized by Google

дентовъ единственно своимъ авторитетомъ и силою своего слова. Человѣкъ онъ былъ очень энергичный и разумный. Онъ могъ сосредоточить около себя и привлечь къ себѣ весь небольшой профессорскій кружокъ, тѣмъ болѣе, что ни въ его отношеніяхъ къ товарищамъ, ни въ обращеніи не было ничего отталкивающаго. Но въ немъ не было и ничего привлекающаго. Несмотря на свою кажущуюся разумность, начитанность, даже прогрессивность сравнительно съ обычными воззрѣніями того времени, это былъ человѣкъ—крайне узкій въ своемъ міросозерцаніи. Типъ петербургскаго чиновника Николаевскаго времени, всегда въ установленной формѣ, застегнутаго на всѣ пуговицы, бездушнаго формалиста, далѣе буквы закона ничего не видящаго, не разсуждающаго, точнаго исполнителя начальственныхъ предписаній—таковъ былъ его идеалъ, которымъ онъ нерѣдко восторгался, расхваливая порядки петербургской жизни; но этого восторга его никто не раздѣлялъ, несмотря на его энергическую рѣчь. Слушающіе, если не всегда сознательно и ясно, то инстинктивно и смутно чувствовали, что нужно что-то другое. Надобно полагать, что увлеченіе чиновническимъ типомъ было тогда болѣе или менѣе вѣяніемъ общимъ и довольно значительнымъ въ петербургской академіи вслѣдствіе сильнаго воздѣйствія оберъ-прокурора графа Протасова, который, взявъ въ свои руки духовно-учебное управленіе, возникшее на развалинахъ бывшей коммиссіи духовныхъ училищъ, далъ ему министерскую, болѣе красивую и видную постановку и обстановку, каковую стремился дать и духовно-учебнымъ заведеніямъ, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, профессорская корпорація въ казанской духовной академіи,—не имѣя среди себя ни людей, которые своими научными трудами пріобрѣли бы себѣ общественный авторитетъ, ни старыхъ профессоровъ, долго служившихъ въ другихъ академіяхъ, которые имѣли бы за собою долгую академическую практику жизни, академическія традиціи, и могли бы давать тонъ и направленіе новой академіи,—ничѣмъ не была между собою внутренно сплочена и представляла собою для всякаго приходящаго лица tabula rasa, на которой можно было писать что угодно, и гдѣ нѣтъ никакихъ элементовъ resistentiae,—не только vis majoris, но даже minoris.

Къ несчастію новой академіи, ректоровъ въ нее стали выбирать и назначать изъ лицъ, долго служившихъ ректорами семинарій, въ томъ, вѣроятно, предположеніи, что они люди болѣе опытные. Я уже сказалъ выше, что у самыхъ даровитыхъ людей, служившихъ долго ректорами въ семинаріяхъ, уровень передавае-

Digitized by Google

мыхъ, а слѣдовательно, и пріобрѣтаемыхъ ими знаній, долженъ значительно понизиться противъ ихъ прежняго академическаго, такъ какъ передъ ними теперь совсѣмъ другая, не-студенческая аудиторія, и цѣли преподаванія ея—совершенно другія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется и характеръ его личныхъ отношеній къ персоналу аудиторіи приспособительно къ ея возрасту. Пусть не забываетъ читатель, что я веду рѣчь о временахъ давно прошедшихъ. Тогда наша педагогія стояла вообще не особенно высоко, и даже собственноручная расправа съ провинившимся воспитанникомъ во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ была не рѣдкость. Что касается до грубости тона, рѣзкости выраженія, даже брани, то все это считалось вполнѣ законнымъ, по крайней мѣрѣ не запрещеннымъ. Какъ же,—говорили тогда люди совсѣмъ неглупые,—справляться иначе съ непослушными или провинившимися подчиненными? Каждый же воспитанникъ семинаріи есть несомнѣнно лицо, вполнѣ подчиненное ректору. Пробывъ въ подобной практикѣ много лѣтъ, человѣкъ, непримѣтно для себя самого, усвоивалъ себѣ эти незапрещенныя привычки и дѣлался неузнаваемымъ противъ того, чѣмъ онъ былъ, служа въ академіи, въ качествѣ скромнаго баккалавра, спустя еще два или три года по окончаніи курса. Теперь онъ не тотъ, теперь онъ чувствуетъ себя полновластнымъ начальникомъ. И онъ дѣйствительно начальникъ нѣсколькихъ сотъ учащихся, будущая судьба которыхъ всецѣло въ его рукахъ. А учащіе? Положимъ, всѣ они такіе же магистры и кандидаты академіи, какъ и онъ. Но развѣ онъ имъ не такой же начальникъ? Не отъ его ли воли зависитъ каждаго изъ нихъ, при малѣйшемъ неповиновеніи, выбросить на улицу, лишить огня и воды? Какіе же они ему товарищи?!

Съ такими привычками и воззрѣніями поступалъ долго прослужившій въ семинаріи ректоръ на должность ректора академіи, и если онъ былъ не настолько властенъ надъ собою, чтобы уничтожить въ себѣ неподходящія къ академіи привычки и воззрѣнія, то начиналась обыкновенно нескончаемая баталія, прежде всего и главнымъ образомъ, конечно, со студентами. Взрослаго человѣка, конечно, нельзя трактовать какъ мальчика, но придирки къ разнымъ мелочамъ и преслѣдованіе этихъ мелочей оскорбляютъ и раздражаютъ студентовъ. На замѣчанія они отвѣчаютъ часто такими доводами, отъ которыхъ приходится неловко, надъ серьезными увѣщаніями—смѣются, и т. д. Съ наставниками тоже не клеится. Вздумаетъ ректоръ, въ качествѣ начальника, посовѣтовать обратить на какой-нибудь предметъ вниманіе—ему не отвѣтятъ, какъ въ семинаріи, что будетъ-молъ исполнено, но норовятъ сказать ка-

Digitized by Google

кую-нибудь колкость, въ родѣ того, что, дескать, и безъ васъ, давно на это обращено вниманіе; а то еще и хуже, въ родѣ того, что это вовсе къ моей наукѣ не относится;—„совсѣмъ игнорантомъ меня третируютъ",—думаетъ про себя ректоръ и прибавляетъ: „погодите же, я заставлю себя уважать". И начинается исторія разныхъ косвенныхъ придирокъ и притѣсненій. Одинъ ректоръ такой, другой еще нравнѣе. Кому же пріятна такая борьба съ невѣжествомъ и пустымъ тщеславіемъ? Наставникъ начинаетъ подумывать о томъ, какъ половчѣе убраться изъ академіи. Куда? Объ этомъ можно подумать потомъ, а прежде всего нужно къ этому приготовиться, чтобы не налетѣлъ нежданно, вмѣсто нынѣшняго, какой-нибудь другой, быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ начальникъ, который можетъ тебя безъ приготовленія лишить „огня и воды".

Дѣло въ томъ, что пока наставникъ не перешелъ совсѣмъ изъ духовнаго званія въ свѣтское, онъ хотя и ходитъ во фракѣ, и годы его службы исчисляются по табели о рангахъ, съ полнымъ правомъ на полученіе подлежащихъ чиновъ, съ сохраненіемъ всѣхъ сроковъ на старшинство, такъ, какъ бы онъ состоялъ въ дѣйствительной гражданской службѣ,—но онъ принадлежитъ все-таки епархіальному вѣдомству, или точнѣе—вѣденію св. синода, и слѣдовательно, находится всецѣло во власти начальства того учебнаго заведенія, академіи или семинаріи, въ которой служитъ. Получить увольненіе изъ духовнаго званія въ свѣтское въ прежнее время не составляло никакого труда, если наставникъ состоялъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ своимъ начальствомъ. Прежде съ желающихъ уволиться въ свѣтское званіе наставниковъ требовали возвращенія всѣхъ тѣхъ окладовъ, которые они получали по степени магистра или кандидата. Сумма эта, если наставникъ получалъ ее нѣсколько лѣтъ, дѣлалась довольно значительна для наставниковъ, обыкновенно людей очень бѣдныхъ. Магистерскій годовой окладъ былъ, помнится, 100 руб., а кандидатскій—70 р. Впослѣдствіи эти оклады стали давать только лицамъ, уже дѣйствительно вступившимъ въ духовное званіе. Но вмѣсто этихъ окладовъ, съ увольненіемъ наставниковъ въ свѣтское званіе, стали взыскивать съ нихъ деньги за воспитаніе. Прежде, при благосклонномъ отношеніи начальства къ просившему увольненіе, дѣлалось обыкновенно такъ, что начальство, давая свое согласіе на увольненіе, вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовало объ обращеніи искавшему увольненія причитающагося съ него количества денегъ по его магистерской степени въ награду за его отличную службу. Но еслибы начальство оказалось почему-нибудь нерасположеннымъ дать увольненіе, то одинъ возвратъ денегъ за полученные оклады

Digitized by Google

на степень, или—какъ послѣ—за воспитаніе, сдѣлаетъ не мало затрудненій. А кромѣ того, не мало найдется и другихъ препятствій, разъ начальство захочетъ настоять на своемъ. Въ мое время былъ такой случай: какой-то наставникъ, помнится, въ астраханской семинаріи, захотѣлъ выйти въ свѣтское званіе. Но потому ли, что астраханская епархія имѣетъ недостаточное число духовенства вообще, или потому, что въ ней мало духовныхъ лицъ, имѣющихъ академическіе дипломы,—только астраханскій преосвященный не далъ своего согласія на увольненіе въ свѣтское званіе просителя; съ такимъ рѣшеніемъ преосвященнаго согласился и св. синодъ. Проситель вооружился разными докторскими свидѣтельствами о болѣзни, доказывавшими неблагонадежность его для духовнаго званія, и, представляя ихъ, просилъ снова объ увольненіи изъ духовнаго званія. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что всеблагій Богъ, при усердной молитвѣ, можетъ уврачевать всѣ недуги просителя, и онъ со временемъ почувствуетъ себя вполнѣ годнымъ для духовнаго званія, а до того времени онъ можетъ съ пользою служить Богу и церкви, какъ служилъ и доселѣ, въ качествѣ наставника духовной семинаріи. Проситель и этимъ не унялся, и рѣшился на самый отважный шагъ, полагая, что, если его и найдутъ возможнымъ, по силѣ какихъ-нибудь древнихъ церковныхъ правилъ, подвергнуть покаянію въ монастырѣ на два или на три года, то изъ духовнаго званія все-таки, навѣрное, уволятъ,—и подалъ снова прошеніе съ такимъ объясненіемъ, что онъ, еслибы и желалъ, то, по совѣсти и согласно заповѣдямъ церковнымъ, не можетъ принять на себя сана священства, потому что онъ не только не соблюлъ плотскаго, а вмѣстѣ и духовнаго цѣломудрія, но есть человѣкъ многогрѣшный въ разныхъ блудныхъ и прелюбодѣйныхъ дѣлахъ. Но и на это получилъ такой отвѣтъ, что „искреннее и чистосердечное покаяніе, такъ публично заявленное передъ соборомъ церкви, вполнѣ очищаетъ его отъ всякой скверны и даетъ ему предпочтительное право на принятіе и ношеніе пастырскаго сана даже предъ всѣми тѣми, кто отъ рожденія не зналъ плотскаго грѣха".

Вотъ какъ трудно бывало выходить изъ духовнаго званія наставникамъ духовно-учебнаго заведенія, когда у нихъ начинались непріятныя отношенія съ начальствомъ. Естественно, что благоразуміе заставляетъ ихъ быть предусмотрительными, и въ случаѣ начинающихся неустройствъ въ академіи и при потерѣ надежды на улучшеніе дѣла и въ будущемъ, все-таки, служитъ однимъ изъ главныхъ стимуловъ увольняться въ свѣтское званіе, иногда совсѣмъ безъ всякой опредѣленной цѣли. Потому, когда въ духовной ака-

Digitized by Google

деміи начинало появляться много профессоровъ, переименованныхъ въ гражданскіе чины, я всегда смотрѣлъ на это подозрительно и думалъ, что дѣло стоитъ неладно, потому что, собственно говоря, профессорамъ академій тутъ нѣтъ никакого разсчета, если они намѣрены оставаться и служить въ академіи; переименовываться въ свѣтское званіе въ прежнее время было даже явнымъ убыткомъ, ибо за каждый чинъ надобно было платить деньги, очень значительныя для того ничтожнаго жалованья, какое получали не только баккалавры, но и профессора академіи. Я не знаю, можетъ быть въ другихъ академіяхъ, напримѣръ петербургской, профессора вмѣстѣ съ профессорствомъ академіи занимаютъ мѣста въ какихъ-нибудь другихъ вѣдомствахъ, гдѣ необходимо извѣстное форменное представительство—слѣдовательно, и гражданскіе чины. Да и то, впрочемъ, не думаю, чтобы гдѣ-нибудь была такая необходимость. Для ученаго человѣка черный фракъ, а если его нѣтъ, то даже обычный кафтанъ съ гербовыми пуговицами, который носятъ всѣ профессора академій, — достаточное украшеніе во всякомъ представительствѣ. Но ни въ московской, ни въ казанской академіяхъ, профессора никакихъ другихъ сторонніхъ мѣстъ, кромѣ профессорскаго въ академіи, не занимали, и въ московской академіи, сколько мнѣ извѣстно, никто изъ профессоровъ не переходилъ въ свѣтское званіе, хотя нѣкоторые не желали по тѣмъ или другимъ причинамъ поступать въ священники. Такъ, извѣстный своими историческими трудами, Александръ Васильевичъ Горскій, желая посвятить себя всецѣло наукѣ, не хотѣлъ жениться, и вслѣдствіе этого съ 1832 до 1860 года, т.-е. въ теченіе 28 лѣтъ, оставался просто *фрачникомъ*, какъ называли профессоровъ въ академіи, у которыхъ узаконенною парадною формою были не ряса, не мундиръ, а только фракъ, или простой черный, или съ гербовыми пуговицами. Будучи „фрачникомъ“, Горскій получилъ и орденъ Владиміра 4-й степени, помнится, за описаніе Троицкой Лавры, по особому ходатайству митрополита Филарета, такъ какъ, по статуту орденовъ, лицамъ нечиновнымъ ордена не даются. Въ санъ священника онъ облекся только тогда, когда покойный митрополитъ московскій, на основаніи древнихъ примѣровъ, призналъ непротивнымъ установленіямъ церкви посвятить его въ этотъ санъ, безъ обязательства предварительно жениться. Покойный профессоръ Е. В. Амфитеатровъ, —прослужившій въ академіи 41 годъ и, по окончаніи двадцатипятилѣтней службы неся службу при академіи, уже сверхштатную, служилъ вмѣстѣ и головою въ Сергіевскомъ посадѣ по выборамъ,—оставался также всю жизнь „фрачникомъ“. Но въ казан-

Digitized by Google

ской академіи почти всѣ облекались въ мундиры—и уходили. Большинство уходило на гражданскую службу. Почему уходило? Почему, напримѣръ, ушелъ изъ казанской академіи баккалавръ Алексѣй Александровичъ Бобровниковъ, предназначавшійся и долженствовавшій быть столпомъ этой миссіонерской академіи, какъ человѣкъ не только рѣдкаго ума, но едва ли не единственный въ Россіи вполнѣ компетентный знатокъ монгольско-калмыцкаго языка? Зная въ совершенствѣ и разговорный, и книжный языкъ этихъ племенъ, онъ такъ глубоко проникъ въ духъ этого языка и такъ умѣлъ овладѣть своеобразной постройкой грамматическихъ формъ, и въ особенности труднѣйшей синтаксической конструкціей этого языка, не имѣющими ничего похожаго на формы и синтаксическую конструкцію европейскихъ языковъ,—что черезъ два или три года по окончаніи курса въ академіи составилъ такую грамматику монгольскаго языка, которая привела въ восхищеніе въ академіи наукъ знатоковъ этого языка ученыхъ академиковъ, и Бобровникову присуждена была этой академіею полная демидовская премія. Это было въ концѣ сороковыхъ годовъ или въ началѣ пятидесятыхъ, когда Бобровниковъ былъ молодымъ баккалавромъ. Не употребило ли бы всякое другое высшее учебное заведеніе, существующее съ спеціальною цѣлью распространенія христіанства, между прочимъ, и среди многочисленныхъ поклонниковъ буддизма, всѣхъ средствъ, чтобы удержать этого выдающагося своими дарованіями человѣка на профессорской кафедрѣ? Но вотъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, этотъ даровитый человѣкъ, созданный для науки, въ половинѣ 50-хъ годовъ, или около того, бросаетъ профессорскую каѳедру и ѣдетъ чиновникомъ въ Оренбургъ,—кажется, въ тамошнее областное правленіе,—и тамъ въ 1865 году умираетъ въ самомъ полномъ расцвѣтѣ силъ для научной работы, не оставляя никакого слѣда своей ученой дѣятельности. Да имѣлъ ли онъ возможность и продолжать ее, сдѣлавшись чиновникомъ? Спрашивается: что заставило этого человѣка, созданнаго для науки, бѣжать изъ мѣста науки, можно сказать, почти спеціально для его дарованія внезапно создавшагося въ Казани,—отвѣта нѣтъ.

А вотъ другой фактъ изъ жизни казанской духовной академіи, также вызывающій на размышленіе. Поступилъ въ академію въ 1842 году на каѳедру философіи магистръ изъ только-что кончившихъ курсъ въ московской духовной академіи—Наѳанаилъ Петровичъ Соколовъ. Сначала онъ былъ баккалавромъ, потомъ возведенъ былъ въ званіе экстраординарнаго профессора, наконецъ сдѣлался и ординарнымъ профессоромъ. Читалъ онъ все это время

Digitized by Google

одну и ту же науку — философію, сначала исторію философіи, а потомъ метафизику и психологію. Изъ того, что академическое начальство постоянно повышало его на его каѳедрѣ, возводя его постепенно изъ баккалавровъ въ экстраординарные, а потомъ въ ординарные профессора, видно, что оно было довольно его преподаваніемъ и считало его достойно занимающимъ свою каѳедру. Какъ вдругъ въ 1858 году онъ, послѣ 16-ти-лѣтняго преподаванія философіи, внезапно лишается своей философской каѳедры и перемѣщается на каѳедру общей церковной исторіи. Отчего? почему? — ничего неизвѣстно. Можно только догадываться, что новый ректоръ не нашелъ поименованнаго профессора достойнымъ и способнымъ занимать философскую каѳедру. Предположимъ самое лучшее, и что въ данномъ случаѣ можно предположить, — что этотъ именно одинъ ректоръ (нынѣ уже умершій), послѣ всѣхъ шести или восьми предшествовавшихъ ему ректоровъ, которые всѣ цѣнили и повышали профессора, — не ошибся, и что профессоръ дѣйствительно былъ неудовлетворителенъ для философской каѳедры. Ошибки въ дѣлахъ человѣческихъ всегда и вездѣ возможны. Но при исправленіи ошибокъ всегда должно соблюдать извѣстную мѣру, которая не унижала бы личности и не оскорбляла ея самолюбія, въ особенности если съ ея стороны и вины никакой нѣтъ. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ человѣкъ, что его постоянно хвалили и поощряли, и вдругъ, послѣ 16 лѣтъ постояннаго преподаванія философіи, его-то именно къ преподаванію этой философіи и считаютъ совершенно неспособнымъ и смѣщаютъ съ каѳедры! Едва ли въ какомъ свѣтскомъ учебномъ заведеніи подобное отношеніе къ человѣку, отдавшему пол-жизни на служеніе дѣлу, на которое онъ былъ призванъ, было бы мыслимо.

Но это не все. Съ каѳедры философіи профессора перемѣщаютъ на каѳедру общей церковной исторіи. Какъ понять, въ какихъ соображеніяхъ это дѣлалось? Въ духовной академіи каѳедра общей церковной исторіи если не выше, то во всякомъ случаѣ ничуть не ниже философской. Но если профессоръ, читая 16 лѣтъ философію въ молодые годы, оказался настолько неудовлетворительнымъ, что признанъ негоднымъ для этой каѳедры, то чего же можно ожидать отъ него на каѳедрѣ исторіи, изученіе которой онъ долженъ начинать въ возрастѣ сорока или слишкомъ лѣтъ?

Но, можетъ быть онъ былъ, оставленъ на этой новой каѳедрѣ изъ состраданія къ его положенію, чтобы онъ дослужилъ до пенсіи, т.-е. еще на 9 лѣтъ? Ничуть не бывало. Срокъ пенсіи долженъ

Digitized by Google

былъ наступить въ 1867 году. А онъ благополучно служилъ до 1872 года. Слѣдовательно, и на новой, такъ внезапно и неожиданно навязанной ему. каѳедрѣ онъ не оказался неспособнымъ. Начальство, имѣвшее послѣ 25 лѣтъ полное право отказать ему отъ службы, не отказываетъ,—слѣдовательно, находитъ службу его полезною. Послѣ этого ни для кого не можетъ быть никакого сомнѣнія, что на философской каѳедрѣ, которую онъ изучалъ смолоду въ теченіе 16 лѣтъ, онъ навѣрное былъ бы еще полезнѣе. Слѣдовательно, причиною совершенно невиннаго, ничѣмъ имъ не заслуженнаго униженія было случайное усмотрѣніе ректора, въ основѣ котораго лежали, вѣроятно, личныя непріязненныя столкновенія и отношенія, и можетъ быть—очень давнишнія, такъ какъ, мнѣ говорили, ректоръ, былъ его товарищемъ-студентомъ по академіи. Такова была власть ректора въ академіи!

Представьте себѣ теперь, читатель, что при такихъ порядкахъ въ академіи процвѣтаетъ въ средѣ профессоровъ также профессоръ,—человѣкъ въ высшей степени даровитый, трудолюбивый, скромный. Онъ весь преданъ наукѣ, не ищетъ ни чиновъ, ни орденовъ, желаетъ только имѣть насущный хлѣбъ для себя и семьи и полное спокойствіе, чтобы заниматься наукой. Но именно этого-то спокойствія онъ и не находитъ. Время отъ времени, внезапно, въ мирный обычный порядокъ его жизни врывается точно стихійная сила, которая все ставитъ вверхъ дномъ. Не спасаютъ никакіе дипломы, ни способности, ни знанія, ни продолжительность службы. Товарищи бѣгутъ. Года два-три проходитъ благополучно. Потомъ опять неожиданно является новая стихійная сила—и опять такой же переворотъ, можетъ быть, нѣсколько въ другомъ родѣ. Точно идетъ процессъ геологическаго образованія новой планеты, когда разныя наводящія ужасъ пертурбаціи періодически необходимы для имѣющей основаться на ней жизни. Человѣку становится страшно за себя. Въ одинъ разъ стихійная сила его не коснулась, въ другой разъ не коснулась, а въ третій можетъ вѣдь и на немъ обрушиться. И вотъ, онъ начинаетъ приготовляться описаннымъ мною выше способомъ, чтобы она не захватила его врасплохъ: изъ фрака переодѣвается въ мундиръ, получаетъ чины и кресты, и т. д.

Всѣ эти мысли пришли мнѣ въ голову по поводу смерти въ прошедшемъ мѣсяцѣ одного изъ моихъ товарищей по службѣ, профессора казанской духовной академіи, Ивана Яковлевича Порфирьева. Вспоминая теперь о немъ, я невольно вспомнилъ и о другихъ лицахъ, коснулся и нѣкоторыхъ подробностей жизни въ нашихъ духовныхъ академіяхъ вообще. Но касаться подробностей

Digitized by Google

жизни нашихъ академій невозможно, не объяснивъ предварительно основъ ихъ устройства. Иначе на каждомъ шагу читателя будутъ поражать разныя несообразности и противорѣчія, и все ему будетъ казаться непонятнымъ хаосомъ. Хаосъ, дѣйствительно, былъ, но это—хаосъ, какъ увидитъ читатель, не разрушающагося, а недостроеннаго зданія, и нельзя еще терять надежды, чтобы оно осталось навсегда въ такомъ видѣ.

Основной планъ духовныхъ академій былъ созданъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія превосходно-геніальнымъ умомъ Сперанскаго. Но осуществленіе этого плана было поручено коммиссіи духовныхъ училищъ, которая по разнымъ причинамъ не привела его къ концу ни вообще, ни въ деталяхъ. По уничтоженіи коммиссіи духовныхъ училищъ, мѣсто ея заняло духовно-учебное управленіе съ оберъ-прокуроромъ во главѣ; оно стало приводить этотъ планъ въ исполненіе, но руководилось въ этомъ случаѣ не какой-нибудь опредѣленной идеей, а тѣми или другими случайно возникавшими потребностями. А такъ какъ коммиссія духовныхъ училищъ къ той цѣли, для которой единственно основаны академіи,—т.-е. для ученой разработки входящихъ въ программу ихъ наукъ и для приготовленія способныхъ и знающихъ наставниковъ для академій и семинарій,—присоединила еще другую, совершенно постороннюю и вредную для успѣха наукъ,—цѣль приготовленія изъ профессоровъ, монашествующихъ и занимающихъ каѳедры богословскихъ наукъ въ академіяхъ, дѣятелей административныхъ, то послѣдняя цѣль сдѣлалась руководящимъ принципомъ и при духовно-учебномъ управленіи. Такимъ образомъ выходило нѣчто несообразное и противорѣчащее прямому назначенію академій; на академію возложена была обязанность приготовлять достойныхъ людей науки, необходимыхъ для ученой разработки науки въ ней самой и для приготовленія хорошо знакомыхъ съ наукой наставниковъ для семинарій, а между тѣмъ даровитѣйшихъ наставниковъ, способныхъ сдѣлаться усердными разрабатывателями и даже двигателями науки, у нея немедленно брали—едва они успѣвали начинать заниматься наукой—на административные посты. Чѣмъ болѣе умножалось число семинарій и число архіерейскихъ каѳедръ, тѣмъ потери, которыя несли академіи въ даровитыхъ профессорахъ, дѣлались чувствительнѣе,—тѣмъ академіи быстрѣе падали, такъ какъ мало-по-малу цѣлямъ административнымъ стало отдаваться явное предпочтеніе передъ цѣлями науки. Наука пришла, наконецъ, въ такое небреженіе, что въ академіяхъ не стали обращать никакого вниманія ни на вполнѣ достаточное серьезное приготовленіе къ профессорству появлявшихся въ ней даровитыхъ

Digitized by Google

людей, ни на удержаніе ихъ въ академіи на положенный ученый 25-лѣтній срокъ хорошимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, или и полнымъ огражденіемъ ихъ человѣческаго и ученаго достоинства отъ воздѣйствія стихійныхъ силъ, случайно врывавшихся въ академію и нарушавшихъ спокойное и мирное теченіе ея жизни.

Очевидно, наши духовныя академіи могутъ сдѣлаться достойными храмами науки только тогда, когда будутъ имѣть въ виду только одну цѣль—чисто научную, не преслѣдуя никакихъ другихъ; когда, ради этой цѣли, даровитые люди, избираемые для профессуры, будутъ приготовляться такъ же тщательно, какъ это дѣлается въ университетахъ; когда приготовленныхъ такимъ образомъ профессоровъ академіи будутъ стараться удержать у себя въ теченіе 25-лѣтняго срока на исключительно профессорской службѣ, на той именно каѳедрѣ, къ которой они были приготовлены.

По окончаніи двадцатипятилѣтняго срока профессорской службы въ академіи, было бы вовсе не поздно монашествующихъ профессоровъ возводить на высшія іерархическія степени, и какъ вполнѣ компетентные спеціальные ученые въ той или другой богословской наукѣ, они тогда представляли бы собою украшеніе на нашихъ высшихъ архіерейскихъ каѳедрахъ.

При такомъ порядкѣ быстро поднялась бы наука въ нашихъ академіяхъ, а за ними и въ семинаріяхъ, и архіерейскія каѳедры покрылись бы еще большимъ блескомъ, чѣмъ теперь, окруженные вполнѣ подобающимъ искреннимъ уваженіемъ и почетомъ къ лицамъ, ихъ занимающимъ, также и отъ интеллигентной паствы.

Въ газетахъ были помѣщены краткія извѣстія о покойномъ профессорѣ казанской духовной академіи, Иванѣ Яковлевичѣ Порфирьевѣ. Онъ былъ не только профессоръ академіи, хотя бы и выдающійся, а нѣкоторымъ образомъ и одинъ изъ ея основателей, давшій ей извѣстное направленіе,—одинъ изъ ея столповъ, стар[illegible]ихъ ея опорою и вмѣстѣ знаменемъ. Такіе столпы бывали во всѣхъ нашихъ академіяхъ. Были, по крайней мѣрѣ, такіе въ академіи московской, которую я знаю. Назовите академію московскую, и всякій изъ знающихъ ее вамъ скажетъ, что она жила и дѣйствовала по тому направленію, которое заложили въ ней профессора Ѳ. А. Голубинскій и П. С. Делицынъ, а потомъ присоединившіеся къ нимъ А. В. Горскій и

Digitized by Google

Е. В. Амфитеатровъ. Всѣ эти четыре лица несомнѣнно должны быть признаны основателями и столпами московской академіи въ томъ смыслѣ, что они, каждый по своей спеціальности, внесли въ нее извѣстныя отрасли знанія, положили все свое дарованіе, всю свою дѣятельность на основаніе и упроченіе этого знанія, трудились надъ этимъ до конца своей жизни и сдѣлали то, что отдѣлы знаній, надъ которыми они работали, навсегда прочно утвердились въ академіи.

Казанская академія рѣзко отличается отъ всѣхъ нашихъ духовныхъ академій тѣмъ, что она, по идеѣ своей, какъ академія чисто миссіонерская, академія in partibus infidelium, основана для борьбы съ разными инородческими вѣроученіями, которыми обилуетъ нашъ Востокъ, преимущественно—съ магометанствомъ и буддизмомъ. Я не знаю, было ли первоначально въ намѣреніи правительства вооружить ее и для борьбы съ расколомъ. Но преосвященный Григорій, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій, переведенный изъ Твери на казанскую архіепископскую каѳедру, послѣ смерти преосвященнаго Владиміра, равно заботился какъ о борьбѣ съ иновѣрными исповѣданіями, такъ и о борьбѣ съ раскольниками. Сдѣлавшись казанскимъ архіереемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ попечителемъ академіи, онъ немедленно испросилъ у св. синода разрѣшеніе передать въ собственность казанской академіи богатую библіотеку соловецкаго монастыря, и основалъ журналъ „Православный Собесѣдникъ“ для борьбы съ расколомъ. Богатая соловецкая библіотека много помогла Ивану Яковлевичу въ его изслѣдованіяхъ для изученія исторіи русской литературы. Въ своей работѣ онъ не имѣлъ, конечно, миссіонерской цѣли. Но написать хорошую исторію русской литературы было если не болѣе, то во всякомъ случаѣ никакъ не менѣе нужно, чѣмъ спеціальныя изслѣдованія по расколу, для тѣхъ воспитанниковъ академіи, которые готовились для борьбы съ расколомъ. Курсъ исторіи русской литературы, написанный Иваномъ Яковлевичемъ Порфирьевымъ, и въ настоящее время составляетъ необходимое руководство. И если припомнить при этомъ, какая масса новыхъ, здравыхъ и свѣтлыхъ понятій, благодаря этому курсу, разольется по всѣмъ семинаріямъ и освѣтитъ умы и сердца всѣхъ будущихъ пастырей церкви, то нельзя не согласиться, что такая солидная работа, какъ учебный курсъ исторіи русской литературы, дѣлаетъ великую честь не только самому автору, но и миссіонерской дѣятельности академіи, которая незримо, безъ всякой борьбы, вно-

Digitized by Google

ситъ истинный свѣтъ христіанства, чуждый всякаго человѣконенавистничества, въ умы и сердца тѣхъ людей, до которыхъ не всегда можетъ достигать этотъ свѣтъ другимъ путемъ.

Вотъ почему я, нимало не сомнѣваясь, заношу Ивана Яковлевича Порфирьева, который положилъ сорокъ-два года своей жизни и дѣятельности безраздѣльно на службу своей академіи и умеръ съ перомъ въ рукахъ, въ число основателей и столповъ этой новой академіи.

Я познакомился съ Иваномъ Яковлевичемъ очень рано. Онъ поступилъ въ студенты казанской академіи въ томъ самомъ году, когда я пріѣхалъ туда на службу баккалавромъ по исторіи русской церкви и еврейскому языку. Черезъ четыре года онъ также сталъ баккалавромъ и моимъ товарищемъ. Мы жили въ одномъ и томъ же зданіи академіи и были близки между собою. Взаимныя симпатіи наши и сношенія не совсѣмъ прекратились и тогда, когда я оставилъ академію. Онъ не забывалъ меня и изрѣдка напоминалъ о себѣ, посылая мнѣ издаваемыя имъ сочиненія, и мы обмѣнивались письмами. Назадъ тому пять лѣтъ, между нами завязалась оживленная переписка, продолжавшаяся нѣсколько времени. Мнѣ оказалось нужнымъ добыть нѣкоторыя свѣденія изъ Казани, и я обратился къ нему съ просьбою по этому предмету, прося его вмѣстѣ сообщить свѣденія о его житьѣ-бытьѣ, и также о прежнихъ общихъ нашихъ товарищахъ по академіи изъ давно прошедшаго времени. Къ обѣимъ этимъ просьбамъ онъ отнесся очень любезно и сердечно. Онъ немедленно сообщилъ всѣ свѣденія, которыя имѣлъ въ рукахъ по первой моей просьбѣ, обѣщаясь подъискивать, мало-по-малу, то, чего у него въ рукахъ не было, и съ великою охотою сообщилъ самыя подробныя свѣденія о себѣ и о нашихъ общихъ старыхъ товарищахъ.

Въ это время Иванъ Яковлевичъ былъ уже, какъ говорятъ, штатскимъ генераломъ. Но Иванъ Яковлевичъ, находясь наверху своей славы, остался такимъ же скромнымъ баккалавромъ-труженикомъ, какимъ былъ назадъ тому тридцать лѣтъ, при нашемъ товарищескомъ житьѣ. Сообщая мнѣ о своемъ генеральствѣ, онъ мнѣ пишетъ, что передаетъ мнѣ этотъ свой секретъ о себѣ единственно ради полноты своего curriculum vitae; что о генеральствѣ его никто почти не знаетъ изъ его знакомыхъ, и никто его такъ не титулуетъ, поэтому онъ и меня просилъ держать это въ секретѣ и никакимъ образомъ не разглашать этого при адресахъ ему на письмахъ. Вскорѣ, однакожъ, я прочелъ въ газетахъ, что ему дали какую-то звѣзду. Мнѣ очень хотѣлось

Digitized by Google

спросить его: какъ онъ обходится съ этимъ отличіемъ? Но побоялся подобнымъ вопросомъ смущать старика.

Да, онъ былъ въ это время уже старикъ. Въ видѣ иллюстраціи къ своему curriculum vitae онъ прислалъ мнѣ свою карточку. Эта карточка до того была непохожа на того Ивана Яковлевича, котораго я зналъ назадъ тому 30 лѣтъ что, встрѣться я съ нимъ на улицѣ—я принялъ бы его за человѣка мнѣ совершенно незнакомаго.

Житьемъ-бытьемъ своимъ Иванъ Яковлевичъ былъ вполнѣ доволенъ. Да, впрочемъ, развѣ могъ такой человѣкъ быть чѣмъ-нибудь недоволенъ, еслибы и были какія-нибудь маленькія непріятности по службѣ,—человѣкъ, съ юныхъ лѣтъ ушедшій внутрь себя и вполнѣ отдавшійся своему дѣлу? Былъ бы только обезпеченъ достаточный кусокъ хлѣба для любимой имъ семьи,—а самъ онъ могъ довольствоваться самымъ ничтожнымъ минимумомъ въ удовлетвореніи своихъ потребностей; къ умѣренности онъ привыкъ еще на своемъ старомъ баккалаврскомъ жалованьѣ, получая и pour manger, и pour boire, и на всѣ другія потребности и нужды и удовольствія—однимъ словомъ, на все про все—неизмѣнные 29 руб. 83 коп. въ мѣсяцъ. Теперь онъ былъ совершенно въ другомъ положеніи. Онъ—ординарный профессоръ. Покойный графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, въ бытность свою оберъ-прокуроромъ св. синода, сравнилъ жалованье профессоровъ духовной академіи съ жалованьемъ профессоровъ университета. Жалованье—3.000 рублей въ годъ. Къ тому же немаловажное подспорье къ этому составлялъ его курсъ исторіи русской литературы. Книга шла хорошо. Семья его, правда, очень значительная, — тутъ и его собственныя дѣти, и дѣти дѣтей, т.-е. внуки, — могла жить не только безбѣдно, но и съ извѣстнымъ комфортомъ—на все доставало. По службѣ дѣла обстояли также какъ нельзя лучше. Ректоръ академіи, почтенный протоіерей, воспитанникъ той же казанской академіи, однимъ курсомъ только его старше,—его другъ и пріятель. Ближайшій попечитель академіи, казанскій архіерей, не могъ также быть къ нему неблагосклоннымъ, не отличать его. Ивану Яковлевичу оставалось на старости лѣтъ только благоденствовать и мечтать. Да, и мечтать. И у стариковъ эта слабость остается, и онъ мечталъ. На вопросъ мой: что онъ думаетъ о новомъ и новѣйшемъ періодѣ исторіи русской литературы и будетъ ли писать его? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что—да; что у него собранъ и подготовленъ матеріалъ даже для гоголевскаго періода литературы, и что у него есть страстное желаніе довести нача-

Digitized by Google

тое дѣло до конца. Вотъ была его мечта. Насколько удалось ему осуществить ее,—не знаю.

Но, говорятъ, что полнаго счастія у людей никогда не бываетъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, перечисливъ мнѣ всѣхъ членовъ своей семьи, онъ пишетъ: „такимъ образомъ, вы видите, что у меня семья большая (въ то время было всего 9 человѣкъ). Вотъ почему я еще остаюсь на службѣ, несмотря на свою старость. Мнѣ уже 63 года; послѣ 37-лѣтней службы пора бы на покой, но нечѣмъ будетъ кормить семью; пенсія у насъ маленькая—по старому уставу, не то, что въ университетѣ. Между тѣмъ, пришла совершенная старость: зубовъ уже давно нѣтъ; ноги отказываются ходить, а грудь не выноситъ совершенно даже 10-градуснаго холода“...

Да, это худо, подумалъ я, прочитавъ эти строки. Тутъ несомнѣнно угрожаетъ близкій, выражаясь словами покойнаго Кокорева, „провалъ“ существующему счастью. Я припомнилъ, что Иванъ Яковлевичъ былъ и въ молодости здоровья неважнаго, которое онъ сохранялъ и поддерживалъ только строго воздержною и регулярною жизнью. А теперь онъ старъ, даже и ходить можетъ не безъ труда, не можетъ выносить холода больше 10 градусовъ. Казань — не Италія, и даже не Петербургъ; тамъ климатъ континентальный и холодъ очень основательный. Первая суровая зима легко можетъ подкосить его. А сверхъ того, этотъ человѣкъ съ юности работаетъ постоянно и неутомимо головою. Работа несомнѣнно увлекательная. Можетъ быть, нѣтъ другой работы, которая бы иногда давала такія минуты наслажденія, какъ эта. Но зато нѣтъ ни одной, которая требовала бы такого страшнаго напряженія мысли, вела бы къ такому переутомленію вообще умственныхъ силъ и такъ разрушительно дѣйствовала на физическій организмъ человѣка, особенно въ лѣтахъ преклонныхъ,—какъ умственная. Потому въ нашихъ свѣтскихъ заведеніяхъ весьма предусмотрительно постановлено закономъ, что въ университетахъ срокъ службы полагается не болѣе двадцати-пяти лѣтъ. Здѣсь даже и такой срокъ работы считается не для всякаго по силамъ. Поэтому дальнѣйшее пребываніе на профессурѣ предоставляется только тѣмъ изъ желающихъ, которые удостоены будутъ этого продолженія выборомъ остальныхъ своихъ товарищей или совѣтомъ университета. Такіе профессора носятъ названіе заслуженныхъ и получаютъ два профессорскихъ жалованья: одно въ качествѣ жалованья за настоящую службу, другое—въ качествѣ пенсіи за про-

Digitized by Google

служенное двадцатипятилѣтіе. Нѣчто подобное такой справедливой предусмотрительности о непереутомленіи неумѣренною умственною работою людей, занимающихся науками, можно, пожалуй, находить и въ духовныхъ академіяхъ относительно профессоровъ изъ лицъ монашествующихъ. Такіе профессора черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ, а иногда и раньше, получаютъ мѣста ректоровъ семинарій или академій, а лѣтъ черезъ 25, а иногда и раньше, архіерейскія каѳедры. Уже мѣсто ректора значительно отвлекаетъ человѣка отъ неумѣренной умственной работы, возлагая на него множество разнообразныхъ обязанностей, которыя часто не имѣютъ никакого отношенія къ умственному труду и составляютъ скорѣе отдыхъ, чѣмъ занятіе. А кромѣ того, ректоръ, по выбору, можетъ взять для занятій такой изъ богословскихъ предметовъ, который ему по душѣ и по вкусу, можетъ ограничить преподаваніе въ классахъ такимъ количествомъ часовъ, какое найдетъ удобнымъ для совмѣщенія съ другими своими обязанностями, а въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности—можетъ, съ соизволенія мѣстнаго архіерея, и совсѣмъ отказаться отъ преподаванія. Когда же монашествующій профессоръ дѣлается архіереемъ, онъ не обязывается тѣмъ самымъ ни къ какому напряженному и срочному умственному труду. Отъ чрезмѣрнаго умственнаго напряженія его удерживаютъ и постоянно отвлекаютъ его прямыя обязанности, и въ особенности многосложныя обязанности управленія ввѣренною ему епархіею и соединенныя съ этимъ различныя письменныя и личныя сношенія съ безчисленнымъ множествомъ лицъ разныхъ званій и состояній. Все это требуетъ также извѣстныхъ заботъ и размышленій, но не утомляющихъ, а при обезпеченномъ матеріальномъ довольствѣ, при самостоятельномъ, независимомъ и даже властномъ положеніи—скорѣе разнообразящихъ жизнь и, слѣдовательно, доставляющихъ извѣстную долю самоудовлетворенія.

Совсѣмъ иное положеніе другихъ профессоровъ въ академіи; ихъ участь—быть постоянно въ зависимомъ положеніи, сколько бы они лѣтъ ни служили, отъ часто перемѣщающихся начальниковъ, ибо мѣсто ректора академіи, занимаемое обыкновенно монашествующими лицами, есть для послѣднихъ не болѣе какъ кратковременная переходная ступень на архіерейскую каѳедру; въ начальники иногда попадаютъ люди и не особенно даровитые, и не особенно богатые знаніями, а если профессоръ служитъ долго, то, по прихоти судьбы, попадаются иногда въ его начальники даже и не лучшіе изъ его бывшихъ слуша-

Digitized by Google

телей,—люди разныхъ характеровъ и темпераментовъ, иногда не особенной мягкости. А мы видѣли, что ректоръ, по своему усмотрѣнію или капризу, могъ у профессора отнять каѳедру, которую онъ занималъ болѣе десяти лѣтъ, и перевести его на другую—по предмету, ему совсѣмъ неизвѣстному.

Это одно, а вотъ и другое. Предположимъ, что такому вѣчному труженику, приговоренному судьбою на самую тяжкую, каждодневную разрушительную работу, безъ всякаго просвѣта впереди, безъ всякой надежды на какое-нибудь движеніе впередъ, кромѣ движенія по табели о рангахъ, повезло, какъ нашему Ивану Яковлевичу. Онъ пережилъ годы тяжелой зависимости, счастливо избѣжавъ непріятныхъ столкновеній съ разными начальниками,—а у него были всякіе, и нѣкоторые далеко не любезные,—что̀ грѣха таить. У него, правда, начальникъ академіи былъ его товарищъ, близкій его другъ и пріятель; самъ онъ своими сочиненіями создалъ себѣ извѣстное имя и нѣкоторымъ образомъ завоевалъ себѣ свою каѳедру, такъ что еслибы завтра явился и какой-нибудь новый, даже очень „нравный“ ректоръ, то и тотъ не рѣшился бы по своему усмотрѣнію столкнуть его съ этой каѳедры. Но зато онъ положилъ на пріобрѣтеніе подобной независимости 37 лѣтъ непрерывнаго тяжкаго умственнаго труда, отъ котораго сдѣлался совсѣмъ полуразрушеннымъ человѣкомъ; ему было бы и отдохнуть пора. Будь онъ въ университетѣ, онъ давно получалъ бы повышенное жалованье. Да притомъ, въ виду его признаннаго полезнымъ для учебныхъ заведеній труда и въ виду его страстнаго желанія продолжать этотъ полезный трудъ, не пожалѣли бы дать и экстраординарныя средства для сохраненія его здоровья и жизни. А тутъ человѣкъ служилъ 37 лѣтъ, изъ силъ выбился—и получалъ то же самое жалованье. Силъ прежнихъ давно уже нѣтъ, а уйти нельзя: уйди онъ завтра, онъ вмѣсто 3.000 р. получилъ бы пенсію всего 700 р. А у него на рукахъ 9 человѣкъ. Положеніе безвыходное и едва ли справедливое! Какъ! служилъ человѣкъ, какъ говорится, вѣрой-правдой, не щадилъ своего здоровья, сталъ развалиной, и вдругъ ему говорятъ: умирай *съ перомъ въ рукахъ*, или ты при жизни увидишь, какъ семья твоя будетъ бѣдствовать.

Но онъ не хотѣлъ видѣть своей семьи въ бѣдствіи, и напрягалъ остатокъ старческихъ силъ, продолжая работать. Работалъ годъ... работалъ два, все въ надеждѣ, что вотъ... вотъ... увидятъ и найдутъ средства, чтобы вполнѣ его обезпечить и дать ему отдохнуть. Прошелъ еще годъ—и еще годъ. А пенсія

Digitized by Google

въ 700 р. все остается одна и та же. Она какъ дамокловъ мечъ висѣла надъ его мыслью и гнала снова на работу. Старикъ опять берется за перо, но силъ больше нѣтъ, перо само валится изъ рукъ,—и онъ умираетъ...

Здѣсь и я кладу свое перо и умолкаю. Я не могу представить себѣ, чтобы такой любящій и сердечный человѣкъ, какъ покойный Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ, умеръ съ другими словами, а не со словами общаго всепрощенія и любви. Не хочу и я своими запоздалыми сѣтованіями нарушать гармоніи мира, завѣщанной имъ на его могилѣ.

Григорій Елисеевъ.

Digitized by Google

НОВЫЙ ИСТОРИКЪ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ

H. Taine, Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne. Tome I. Paris, 1891.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, приступая къ изученію историческихъ основъ современной Франціи, Ипполитъ Тенъ слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ свой методъ и свою задачу; „я постараюсь *точно описать* старый порядокъ, революцію и новое устройство Франціи. Никакой другой цѣли я не преслѣдую. Историку позволительно дѣйствовать по образцу естествоиспытателя. *Я относился къ моей темѣ, какъ натуралистъ относится къ метаморфозѣ насѣкомаго.* Событія такъ интересны, что сами по себѣ заслуживаютъ наблюденія; не нужно даже усилія, чтобы разсматривать ихъ безъ задней мысли. *Свободное отъ предвзятаго рѣшенія, любопытство принимаетъ научный характеръ* и сосредоточивается всецѣло на изученіи силъ, управляющихъ удивительнымъ переворотомъ". Таковы были *намѣренія* Тена—но не такимъ оказалось *исполненіе.* Мало найдется сочиненій, въ которыхъ авторъ уклонился бы такъ далеко отъ своего первоначальнаго замысла. Уже въ первомъ томѣ, говоря о до-революціонной Франціи, Тенъ не всегда остается спокойнымъ наблюдателемъ, безстрастно или хотя бы только безпристрастно излагающимъ результатъ своихъ наблюденій. Перейдя къ революціи, онъ окончательно мѣняетъ роль „натуралиста" на роль судьи или обвинителя—обвинителя запальчиваго и односторонняго. Онъ порицаетъ, громитъ, разноситъ, все больше и больше ожесточаясь,

Digitized by Google

все меньше и меньше стѣсняясь въ выборѣ выраженій. Осколками его гнѣва поражаются учрежденія, группы людей, отдѣльныя лица. „Болтовня и вопли“—вотъ, по его словамъ, содержаніе важнѣйшихъ засѣданій учредительнаго собранія; *страхъ*—одинъ изъ главныхъ двигателей собранія, *неразуміе*—отличительная черта его рѣшеній. Законодательное собраніе—это „сборище умовъ ограниченныхъ, торопливыхъ, напыщенныхъ и слабыхъ, фабрика глупостей, школа чудачествъ и декламаціи, коллекція ничего не размалывающихъ словесныхъ мельницъ“. Изъ 750 членовъ конвента у шестисотъ-пятидесяти „совѣсть и умъ извращены только на половину“ (у остальныхъ—извращеніе полное и безусловное). Столь рѣзкіе, рѣшительные приговоры постановляются, очевидно, подъ вліяніемъ общей идеи, другими словами—подъ вліяніемъ „предвзятой мысли“, отъ которой Тенъ, въ предисловіи къ „Старому порядку“, такъ усердно заявлялъ себя свободнымъ. И дѣйствительно, уже въ послѣднемъ (третьемъ) томѣ „Революціи“ эта идея, эта предвзятая мысль выступаетъ на сцену совершенно ясно и открыто. Мнимый „натуралистъ“ является здѣсь, по временамъ, даже не историкомъ, а публицистомъ—публицистомъ-доктринеромъ, приверженцемъ опредѣленной политической и политико-экономической теоріи. „Якобинской программѣ“ Тенъ противопоставляетъ свою, до крайности ограничивающую кругъ дѣйствій государственной власти. Охрана внѣшней и внутренней безопасности—вотъ, съ точки зрѣнія Тена, единственная законная область, единственное призваніе государства. Государство—это сторожевая собака; расширить его компетенцію дальше естественной ея границы—значитъ превратить его въ волка. Это мнѣніе не ново, оно имѣло и имѣетъ защитниковъ. Тенъ едва ли что-либо къ нему прибавилъ, едва ли въ чемъ-либо углубилъ или укрѣпилъ его основы. Скорѣе можно сказать, что оно умалило Тена, конечно—только въ томъ, въ чемъ онъ подчинился его власти. Повторяя, не безъ внѣшняго эффекта, но безъ большой убѣдительной силы, доводы такъ-называемой манчестерской школы, Тенъ слишкомъ часто становится адвокатомъ—и притомъ, иногда, адвокатомъ неправаго дѣла. Всего больше это замѣтно именно въ новомъ, только-что вышедшемъ отдѣлѣ его книги, потому что онъ соприкасается здѣсь съ современностью, съ ея партіями, съ ея жгучими вопросами.

Digitized by Google

I.

Единственный вышедшій до сихъ поръ томъ „Новаго порядка“ распадается на двѣ части: одна содержитъ въ себѣ портретъ Наполеона I, другая—характеристику созданнаго имъ строя. Мы начнемъ съ послѣдней, потому что здѣсь отразилась всего ярче указанная нами особенность автора. „Въ чемъ заключается,—спрашиваетъ себя Тенъ,—главная услуга, оказываемая обществу государственною властью?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ уже извѣстенъ. „Охраненіе общества отъ внѣшнихъ враговъ, членовъ общества—другъ отъ друга“—вотъ, въ глазахъ Тена, высшее и почти единственное назначеніе государства. Всякая дѣйствующая сила подчинена одному основному закону: чѣмъ лучше она приспособлена къ опредѣленному дѣлу, тѣмъ меньше она годна для какой бы то ни было другой работы. Чѣмъ совершеннѣе механизмъ, тѣмъ ограниченнѣе сфера его примѣненія. Эта формула, первоначально выставленная Адамомъ Смитомъ, распространенная Маколеемъ, Милнъ-Эдвардсомъ, Гербертомъ Спенсеромъ, иллюстрируется у Тена цѣлымъ рядомъ примѣровъ—и, въ концѣ концовъ, подъ нее подводится и государство. Расширеніе области государственнаго вмѣшательства объявляется несовмѣстнымъ съ правильнымъ исполненіемъ обязанностей, составляющихъ непосредственную, настоящую задачу государственной власти. По отношенію къ церкви, къ воспитательнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, по отношенію къ наукѣ, искусству и промышленности, по отношенію къ провинціямъ, общинамъ и семьямъ, государству подобаетъ только одно: наблюдать, чтобы управляющія ими правила не противорѣчили основнымъ цѣлямъ государственнаго общежитія и исполнялись безъ нарушенія правъ, кому-либо принадлежащихъ. Какъ только государство выходитъ за предѣлы этой роли, оно идетъ въ разрѣзъ съ своею важнѣйшею обязанностью и является плохимъ исполнителемъ добавочной работы. Вмѣсто того, чтобы обезпечивать свободу частной дѣятельности, оно ограничиваетъ ее или насильственно направляетъ ее къ навязаннымъ ей цѣлямъ; вмѣсто того, чтобы требовать отъ отдѣльныхъ лицъ только необходимаго—необходимаго въ видахъ существованія государства,—оно вынуждаетъ ихъ къ пожертвованіямъ, ничѣмъ не вызываемымъ и не оправдываемымъ. Съ другой стороны, увеличивъ, безъ надобности, число своихъ задачъ, государство или перестаетъ заниматься нѣкоторыми изъ нихъ, какъ слишкомъ трудными и

Digitized by Google

слишкомъ дорого стоющими, или извращаетъ ихъ характеръ, эксплуатируя ихъ въ смыслѣ односторонней теоріи или узкопонятаго государственнаго интереса, или, въ лучшемъ случаѣ, справляется съ ними кое-какъ, неудачно и неумѣло. У него нѣтъ тѣхъ могущественныхъ двигателей, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствуютъ частныя общества и частныя лица: мѣстнаго патріотизма, любви къ ближнимъ, религіозныхъ вѣрованій, научной любознательности. Въ его пріемахъ слишкомъ много механическаго, рутиннаго, не приспособляющагося къ обстоятельствамъ. Вотъ почему государство является никуда негоднымъ промышленникомъ, купцомъ и земледѣльцемъ, дурнымъ регуляторомъ производства, мѣны и потребленія, посредственнымъ администраторомъ провинціи и общины, неразборчивымъ филантропомъ, некомпетентнымъ руководителемъ церкви и воспитанія, искусствъ и науки. Его образъ дѣйствій, во всѣхъ этихъ сферахъ, медлителенъ или неуклюжъ, порывистъ или вялъ; онъ дорого стоитъ и мало приноситъ, проходя мимо истинныхъ нуждъ населенія. Его продукты—нѣчто въ родѣ костюмовъ, сшитыхъ безъ примѣрки и обязательно напяливаемыхъ на людей самаго различнаго роста, въ самую различную погоду. А между тѣмъ, по мѣрѣ распространенія государственной дѣятельности, слабѣетъ частная и общественная иниціатива. Сумма потери слагается не только изъ всего того, что не додѣлано или испорчено государствомъ, но и изъ всего того, что остается несдѣланнымъ корпораціями, обществами, группами всякаго рода, отдѣльными лицами.

Посмотримъ теперь, какъ примѣняется эта общая исходная точка къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, занимающимъ Тена. Община (сельская или городская), департаментъ, провинція составляютъ, въ глазахъ нашего автора, общества особаго рода, существенно отличныя отъ государства. Ихъ задачи, границы, составъ, устройство—все это, собственно говоря, заранѣе предрѣшено *мѣстнымъ* ихъ характеромъ, взаимною близостью ихъ членовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, всего лучше разсмотрѣть, изъ числа однородныхъ единицъ, наименьшую, такъ какъ именно въ ней наиболѣе близки между собою всѣ составныя части. За такую единицу Тенъ принимаетъ домъ, состоящій въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ собственниковъ. Одному изъ нихъ — какъ это часто встрѣчается въ юго-западныхъ городахъ Франціи (напр., въ Аннеси, въ Гренобль)—принадлежитъ одинъ этажъ, другому—другой, третьему — погребъ или чердакъ; бываетъ и такъ, что кто-либо изъ собственниковъ владѣетъ только частью этажа. Каждый собственникъ въ правѣ заложить, продать, завѣщать свою

Digitized by Google

часть; но когда идетъ рѣчь о поддержаніи наружныхъ стѣнъ и крыши, всѣ собственники составляютъ одно солидарное цѣлое. Отсюда явствуетъ, что вполнѣ свободнымъ образуемое ими товарищество признать нельзя. Сохранять неприкосновенность дома, чинить стѣну и крыши они всѣ обязаны. Освободиться отъ сопряженныхъ съ этимъ издержекъ они не могутъ даже по большинству голосовъ; необходимыя поправки обязательны, хотя бы ихъ требовалъ только одинъ изъ совладѣльцевъ. Въ случаѣ спора, стоимость поправокъ высчитывается экспертомъ, опредѣляется судомъ и разлагается между совладѣльцами, соразмѣрно съ цѣнностью принадлежащей каждому доли. Дальше этого обязательства совладѣльцевъ не простираются; никто не можетъ заставить ихъ отвести одну комнату подъ часовню, въ которой бы молились обитатели дома, другую — подъ больницу, въ которой бы они лечились, третью — подъ школу, въ которой бы обучались ихъ дѣти. Быть можетъ, владѣлецъ одного этажа не-христіанинъ, владѣлецъ другого—имѣетъ своего домашняго доктора, владѣлецъ третьяго—бездѣтенъ; зачѣмъ же первому — часовня, второму—больница, третьему—школа?.. Составляя частную собственность, домъ, разсматриваемый Теномъ, не состоитъ и не долженъ состоять въ вѣденіи государственной власти; его владѣльцы не находятся подъ опекой государства и не служатъ агентами правительства. Такимъ же точно, по мнѣнію Тена, должно быть положеніе всѣхъ другихъ *мѣстныхъ обществъ* (sociétés locales), начиная съ общины и оканчивая провинціей. Законны и допустимы здѣсь только тѣ отступленія отъ основного типа, которыя обусловливаются пространствомъ дѣйствія общества и числомъ его участниковъ.

Есть двѣ категоріи интересовъ, одинаково важныхъ для всѣхъ членовъ общества и вызывающихъ, поэтому, обязательное привлеченіе ихъ къ общимъ расходамъ. Первая категорія — это все относящееся къ путямъ сообщенія (проведеніе и починка дорогъ, каналы, шлюзы, водосточныя трубы, мосты, тротуары, мощеніе и освѣщеніе улицъ, и т. п.); вторая категорія — все относящееся къ защитѣ отъ общественныхъ бѣдствій (пожаровъ, наводненій, эпидемій, эпизоотій и т. п.). Безъ путей сообщенія деревня или городъ становятся необитаемыми—болѣе необитаемыми, чѣмъ домъ, въ которомъ протекаетъ крыша. Безъ мѣръ предосторожности противъ общественныхъ бѣдствій городу или деревнѣ угрожаетъ серьезная опасность—болѣе серьезная, чѣмъ та, которой подвергается домъ съ трещинами въ наружныхъ стѣнахъ. Конечно, всякій можетъ осудить самого себя на

Digitized by Google

неподвижность, на смерть отъ голода, воды, огня, ядовитыхъ испареній—но никто не въ правѣ присуждать къ тому другихъ, никто не въ правѣ уклоняться отъ участія въ расходѣ, полезномъ, между прочимъ, и для него самого. Что касается до доли участія въ расходахъ, то она должна быть строго пропорціональна получаемымъ услугамъ (il faut que, pour chaque membre, les charges compensent exactement les avantages). Обѣ категоріи необходимыхъ расходовъ, указанныя выше, улучшаютъ, съ одной стороны, положеніе лицъ, съ другой—положеніе вещей. Съ первой точки зрѣнія нѣтъ никакой разницы между богатымъ и бѣднымъ; улицами, дорогами, мостами, водопроводами, освѣщеніемъ, публичными садами, бѣдный пользуется не меньше богатаго, а можетъ быть, даже и больше. Одинаковымъ, поэтому, должно было бы быть и обложеніе богатыхъ и бѣдныхъ, еслибы не вторая точка зрѣнія. Улучшенія, вносимыя въ положеніе вещей, болѣе чувствительны, болѣе цѣнны для людей достаточныхъ, чѣмъ для бѣдняковъ—а для богачей еще чувствительнѣе, еще цѣннѣе. Облегчая сбытъ и доставку товаровъ, поднимая стоимость земли, увеличивая удобства жизни, они отзываются въ особенности благопріятно на промышленникахъ, купцахъ, крупныхъ землевладѣльцахъ, капиталистахъ. Отсюда необходимость двухъ сборовъ: одного —равнаго для всѣхъ членовъ „мѣстнаго общества“, другого— пропорціональнаго пользѣ, доставляемой „обществомъ“ каждому отдѣльному своему члену.

Такимъ образомъ опредѣляемое и понимаемое, „мѣстное общество“ является не чѣмъ инымъ, какъ юридическимъ, гражданскимъ лицомъ, частной компаніей, частнымъ синдикатомъ (syndicat privé). Въ его благосостояніи государство заинтересовано не больше, чѣмъ совокупность всѣхъ французовъ—въ здоровьѣ какого-либо отдѣльнаго француза. Отношеніе государства къ „мѣстному обществу“ ничѣмъ не должно отличаться отъ отношенія государства къ частному лицу; право на вмѣшательство въ обоихъ случаяхъ одно и то же, одинаковыми должны быть и его предѣлы. Большая сложность состава влечетъ за собою, однако, нѣсколько большую сложность функцій. Государство, по отношенію къ мѣстному обществу, должно охранять не только управляемыхъ отъ управителей и управителей отъ управляемыхъ, но и общество, какъ постоянное цѣлое, отъ временныхъ его уполномоченныхъ. Государство должно опредѣлять организацію общества, способъ завѣдыванія его дѣлами, мѣру обязанностей и правъ каждаго его члена. Все это не легко и не просто, но все это не мѣшаетъ „мѣстному обществу“, однажды установленному, быть столь же

Digitized by Google

отличнымъ и независимымъ отъ государства, какъ и любое частное лицо. Конечно, мѣстныя общества и государства могутъ помогать другъ другу, заимствовать другъ у друга исполнителей, агентовъ, въ видахъ уменьшенія числа должностныхъ лицъ, а слѣдовательно и суммы расходовъ. Такъ напримѣръ, государство можетъ принять на себя, вмѣсто общины или департамента, взиманіе мѣстныхъ сборовъ—и, наоборотъ, предоставить общинному или департаментскому совѣту распредѣленіе государственныхъ налоговъ, выборнымъ должностнымъ лицамъ общины—исполненіе нѣкоторыхъ простѣйшихъ правительственныхъ функцій. Подобныя услуги оказываются государству капитанами купеческаго корабля, администраторами частной желѣзной дороги, содержателями меблированныхъ комнатъ—но этимъ нимало не измѣняется частный характеръ частныхъ предпріятій. Государство не должно ни отрекаться отъ своей власти, ни расширять ее чрезъ мѣру. Оно впадаетъ въ ошибку, когда предоставляетъ общинамъ собирать государственные налоги, выбирать судей или полицейскихъ чиновниковъ; противоположною, не менѣе ошибочною крайностью является вмѣшательство государства въ завѣдываніе общиннымъ имуществомъ, понужденіе общины къ устройству учебныхъ или благотворительныхъ заведеній, произвольное назначеніе и увольненіе представителей общины.

Мы видѣли уже, что Тенъ провозглашаетъ принципъ пропорціональности между платежомъ и услугами. Ему хотѣлось бы свести этотъ принципъ къ самой простѣйшей его формѣ; идеальной организаціей налоговъ, какъ мѣстныхъ, такъ и государственныхъ, онъ считалъ бы ту, которая подходила бы всего ближе къ договору страхованія. Подобно тому, какъ страховая премія понижается или ростетъ соразмѣрно съ страховою суммой, количество уплачиваемыхъ сборовъ должно было бы понижаться или расти соразмѣрно съ имуществомъ плательщика, по отношенію къ которому государство, департаментъ, община являются чѣмъ-то въ родѣ страховыхъ обществъ. Строгое осуществленіе этой формулы, безъ сдѣлокъ и соглашеній съ дѣйствительностью, самъ Тенъ, однако, признаетъ невозможнымъ. Онъ понимаетъ, что брать съ бѣднаго, въ видѣ прямого налога, относительно столько же, сколько берется съ богатаго—значило бы ожесточить и разорить массу плательщиковъ, къ явному ущербу для благосостоянія и безопасности государства. Онъ оправдываетъ, поэтому, тѣ льготы, которыя податная система, установленная Наполеономъ I, предоставляетъ бѣднѣйшимъ классамъ населенія, какъ въ области общегосударственныхъ налоговъ, такъ

Digitized by Google

и еще болѣе въ области мѣстныхъ сборовъ. При неуклонномъ проведеніи принципа пропорціональности, поденьщикъ, зарабатывающій въ день 1 фр. 15 сант., платилъ бы государству въ годъ до 69 франковъ; платежи крестьянина-собственника, земля котораго—помимо вкладываемаго въ нее личнаго труда—приноситъ дохода не болѣе 100 франковъ, составляли бы до 89 франковъ въ годъ. Такое положеніе дѣлъ было бы столь же невыносимо, какъ и до-революціонные порядки; весьма основательно, поэтому, что съ поденьщика взимается не болѣе 6—7 франковъ, съ мелкаго землевладѣльца—не болѣе 19—21 фр. въ годъ. Но такъ какъ за бѣдныхъ платятъ достаточные и богатые, то послѣдніе имѣютъ право на компенсацію; иначе слишкомъ явно будетъ нарушена справедливость. Въ сферѣ государственнаго хозяйства такой компенсаціей служатъ косвенные налоги. Взимаемые съ предметовъ общаго потребленія: соли, вина, сахара, табаку, они упадаютъ преимущественно на массу населенія. Въ мѣстныхъ сборахъ косвенные налоги играютъ гораздо мѣньшую роль. Такъ-называемый octroi (сборъ съ продуктовъ, ввозимыхъ въ данную мѣстность) существуетъ, во Франціи, только въ 1.525 общинахъ изъ 36 тысячъ, и значительная часть его возвращается бѣднѣйшимъ обывателямъ, путемъ освобожденія отъ квартирнаго налога (въ Парижѣ отъ этого налога изъяты всѣ квартиры, за которыя платится менѣе 400 франковъ въ годъ). Другими словами, въ департаментѣ или въ общинѣ одни и тѣ же блага получаются одними—за возвышенную плату, другими—по дѣйствительной цѣнѣ, третьими—съ большой уступкой, четвертыми—почти или совершенно даромъ. Такое неравенство можетъ быть уравновѣшено, въ сферѣ „мѣстнаго общества", только *неравенствомъ правъ*. Образцовымъ, съ этой точки зрѣнія, представляется для Тена устройство акціонерныхъ обществъ, въ которыхъ число голосовъ, предоставляемыхъ акціонеру, соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе числу принадлежащихъ ему акцій, т.-е. долѣ участія его въ выгодахъ и убыткахъ предпріятія. Тѣмъ болѣе желательна, тѣмъ болѣе необходима пропорціональность правъ въ „мѣстномъ обществѣ", облегчающемъ недостаточныхъ плательщиковъ и обременяющемъ, этимъ самымъ, плательщиковъ болѣе крупныхъ. Тенъ сочувствуетъ вполнѣ прусской трехразрядной системѣ, англійскому „плюрализму" голосовъ [1]); онъ горячо возстаетъ противъ всеобщей подачи голосовъ, въ

[1]) Такъ называется система, предоставляющая нѣкоторымъ избирателямъ нѣсколько избирательныхъ голосовъ.

Digitized by Google

особенности противъ примѣненія ея къ мѣстному самоуправленію. Въ сравненіи съ нею ему кажется меньшимъ зломъ даже государственное вмѣшательство въ дѣла „мѣстныхъ обществъ“. Въ современной Франціи онъ считаетъ его „благодѣяніемъ“, предохраняющимъ общину и департаментъ отъ слѣпой, грубой власти толпы, отъ повторенія насилій и бѣдствій 1790, 1791 и 1792 г.

II.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, теоретическіе взгляды Тена, насколько они выразились въ новой его книгѣ. Онъ подтверждаетъ ихъ многочисленными ссылками на Поля Леруа-Больё и на другихъ экономистовъ того же оттѣнка. И дѣйствительно, самому Тену принадлежитъ здѣсь весьма немногое; онъ пользуется, большею частью, ходячей монетой буржуазной доктрины, иногда только перечеканивая ее по своему, налагая на нее блестящій штемпель своего образнаго слога, своихъ остроумныхъ сравненій. Нельзя, однако, игнорировать его экскурсіи въ область административнаго права и политической экономіи, потому что съ ними тѣсно связаны многіе изъ числа историческихъ выводовъ Тена. Ошибочной кажется намъ, прежде всего, исходная точка автора. Утверждая, что государство тѣмъ хуже исполняетъ свои задачи, чѣмъ больше ихъ на себя набираетъ, Тенъ смѣшиваетъ государственную власть съ отдѣльными ея органами. Въ какой бы степени ни была ограничена роль современнаго государства, она все-таки остается весьма сложной, требующей большого, дробнаго раздѣленія труда. Нельзя соединить въ однѣхъ рукахъ защиту государства отъ внѣшнихъ враговъ—и предупрежденіе преступленій, совершаемыхъ внутри государства; отъ предупрежденія преступленій неминуемо должно быть отдѣлено ихъ преслѣдованіе, которое, въ свою очередь, рѣзко отличается отъ наказанія преступниковъ. Современное государство, даже самое упрощенное, нуждается въ офицерахъ и солдатахъ, въ полицейскихъ чиновникахъ и служителяхъ, въ слѣдователяхъ и судьяхъ, въ тюремныхъ надзирателяхъ и сторожахъ. Формулы Тена: „удовлетворительно можно дѣлать только одно дѣло—орудіе, хорошо приспособленное къ одной работѣ, негодно для другой“,—непримѣнимы къ государству уже потому, что дѣлъ у государства во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ одно. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ задачи государства были, безъ сомнѣнія, и малочисленнѣе, и проще, нежели теперь; но кто же рѣшится

Digitized by Google

утверждать, что оно тогда лучше съ ними справлялось? Гдѣ мы видимъ бо́льшую безопасность лицъ и имуществъ—во Франціи Людовика XI или во Франціи Луи-Филиппа, въ Англіи конца прошлаго вѣка, или въ Англіи Гладстона и Салисбери, съ удвоенной или утроенной компетенціей государственной власти?.. „Если,—говоритъ Тенъ,—какое-либо общественное орудіе (instrument social), изготовленное въ видахъ исполненія какого-либо опредѣленнаго дѣла, соединить съ нимъ еще другое, то работа его будетъ неудовлетворительна и тамъ, и тутъ; обѣ функціи будутъ взаимно вредить другъ другу, одна изъ нихъ рѣшительно пострадаетъ изъ-за другой—а въ большинствѣ случаевъ неудача постигнетъ и ту, и другую". Мы совершенно согласны съ этимъ замѣчаніемъ, *но только подъ условіемъ примѣненія его не къ государству, а къ различнымъ представителямъ государственной власти.* Безспорно, администраторъ почти всегда бываетъ плохимъ судьею, судья—плохимъ администраторомъ; но развѣ отсюда слѣдуетъ, что государство не должно быть облечено какъ административною, такъ и судебною властью?.. Вся эта часть аргументаціи Тена основана на явномъ недоразумѣніи; она бьетъ, если можно такъ выразиться, мимо цѣли, доказывая вовсе не то, что́ хотѣлъ доказать авторъ. Принципъ раздѣленія труда не говоритъ ни въ пользу, ни противъ расширенія круга дѣйствій государства, по той простой причинѣ, что государственная власть, *разсматриваемая какъ одно цѣлое*, неизбѣжно имѣетъ дѣло съ нѣсколькими, существенно-различными задачами, а *органы* государственной власти могутъ быть, по мѣрѣ надобности, умножаемы и приспособляемы къ новымъ функціямъ государства. Возьмемъ, для примѣра, правительственный надзоръ за фабриками. Какъ только онъ признается необходимымъ и вводится въ сферу дѣятельности государства, для него тотчасъ же создается особый органъ—фабричная инспекція. Фабричные инспектора избираются—или, по крайней мѣрѣ, должны и могутъ быть избираемы—изъ числа лицъ, подготовленныхъ и способныхъ къ правильному веденію возлагаемаго на нихъ дѣла. Принципъ спеціализаціи остается, такимъ образомъ, въ полной силѣ. Новая функція государства ввѣряется новымъ, компетентнымъ исполнителямъ—и если государственная власть, съ точки зрѣнія Тена, можетъ, не нарушая своего призванія, назначать генераловъ, администраторовъ, судей, то мы не видимъ причины, по которой она не могла бы назначать фабричныхъ инспекторовъ.

Итакъ, формулою раздѣленія труда вопросъ о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства не предрѣшается вовсе. Это, по-

Digitized by Google

видимому, чувствуетъ и Тенъ, выдвигая, въ защиту своей темы, цѣлый рядъ добавочныхъ доводовъ. Государство—говоритъ онъ—исполняетъ удовлетворительно только свою основную, главную задачу; всѣ остальныя оно либо извращаетъ, либо не исполняетъ вовсе, либо исполняетъ плохо. Подтверждается это положеніе немногими отдѣльными фактами, которымъ нетрудно было бы противопоставить другіе, доказывающіе совершенно иное. Чтобы не усложнять нашей аргументаціи, останемся въ сферѣ примѣра, приведеннаго нами выше. Фабричный надзоръ существуетъ въ Англіи уже болѣе пятидесяти лѣтъ. Замѣчается ли въ немъ что-либо похожее на извращеніе—напримѣръ, такое притѣсненіе фабрикантовъ, которое задерживало бы развитіе фабричной промышленности? Можно ли упрекнуть англійскую фабричную инспекцію въ бездѣйствіи, въ оставленіи рабочихъ безъ той защиты, которую имъ обѣщалъ законъ? Много ли было сдѣлано ею неумѣлыхъ распоряженій, не достигающихъ цѣли или приносящихъ вредъ, вмѣсто пользы? На всѣ эти вопросы возможенъ только одинъ отвѣтъ, благопріятный для новаго учрежденія. Мы вовсе не стоимъ за безпредѣльность государственнаго вмѣшательства, не стоимъ даже за расширеніе его во что бы то ни стало. Многое зависитъ здѣсь отъ обстоятельствъ времени и мѣста, отъ организаціи власти, отъ степени развитія народа, отъ способности и привычки его къ самодѣятельности. Никакихъ неподвижныхъ, всегда и вездѣ обязательныхъ правилъ въ этой области быть не можетъ; одинъ изъ недостатковъ формулы Тена заключается, по нашему мнѣнію, именно въ томъ, что она слишкомъ абсолютна. Цѣлесообразно ли, въ данную минуту и въ данномъ государствѣ, данное распространеніе сферы дѣйствій правительственной власти — это вопросъ, не допускающій предвзятаго, заранѣе постановленнаго рѣшенія. Никакому сомнѣнію не подлежитъ только одно: рядомъ съ государственнымъ вмѣшательствомъ непремѣнно долженъ оставаться широкій просторъ для частной и общественной иниціативы. Многое можетъ быть сдѣлано только съ помощью тѣхъ двигателей, тѣхъ побужденій, которыми рѣдко и мало руководствуется государственная власть. Тенъ совершенно правъ, когда настаиваетъ на громадномъ значеніи „мѣстнаго патріотизма, любви къ ближнимъ, религіозныхъ вѣрованій, научной любознательности“. Не слѣдуетъ, однако, полагаться исключительно и всецѣло на эти чувства. Въ Англіи, напримѣръ, они, широко распространены и весьма интенсивны — и все-таки дѣло народнаго образованія быстро и успѣшно пошло въ ходъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ стало участвовать государство.

Digitized by Google

Взаимнодѣйствіе государства, „мѣстныхъ обществъ“, частныхъ корпорацій, отдѣльныхъ лицъ—вотъ лучшее условіе успѣха. Замыкать государственную власть, недовѣрчиво и боязливо, въ сферу дѣятельности „жандарма“ (любимое сравненіе Тена) нѣтъ, какъ намъ кажется, никакой надобности. Пускай она только не идетъ въ разрѣзъ съ стремленіями общества и народа, пускай пополняетъ пробѣлы, а не увеличиваетъ ихъ число, путемъ стѣсненій, урѣзываній и запрещеній.

Другую, не менѣе важную ошибку Тена, тѣсно связанную съ первой, мы усматриваемъ въ его отношеніи къ „мѣстнымъ обществамъ“: общинамъ, департаментамъ, провинціямъ. Желаніе ограничить и здѣсь, какъ можно больше, кругъ дѣйствій государственной власти приводитъ Тена къ явно-неправильному отождествленію общины и департамента съ частной компаніей, съ „частнымъ синдикатомъ“, съ юридическимъ лицомъ (въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ понимается гражданскимъ правомъ). Безспорно, община (или департаментъ) есть юридическое лицо; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она есть и нѣчто совершенно иное. Юридическимъ лицомъ она является въ качествѣ субъекта и объекта гражданскихъ правъ — въ качествѣ собственника и контрагента, пріобрѣтателя и продавца, должника и кредитора; но когда она облагаетъ своихъ членовъ обязательнымъ къ уплатѣ сборомъ, когда она издаетъ обязательныя постановленія, наблюдаетъ за исполненіемъ натуральныхъ повинностей, принимаетъ участіе въ распредѣленіи государственныхъ налоговъ, основываетъ общеполезныя заведенія и управляетъ ими—она дѣйствуетъ, очевидно, какъ учрежденіе публичнаго права, какъ делегатъ государственной власти. Косвенно и какъ бы невольно это признаетъ и самъ Тенъ, когда допускаетъ, что бо́льшая сложность состава „мѣстныхъ обществъ“ влечетъ за собою бо́льшую сложность отношеній между ними и государственной властью (сравнительно съ отношеніемъ ея къ частнымъ лицамъ и обыкновеннымъ частнымъ обществамъ). Государство, по словамъ Тена, должно опредѣлять организацію „мѣстнаго общества“, способъ завѣдыванія его дѣлами, мѣру правъ и обязанностей каждаго его члена; государство должно охранять „мѣстное общество“, какъ постоянное цѣлое, отъ временныхъ его уполномоченныхъ. Не указываетъ ли все это на солидарность между государствомъ и „мѣстнымъ обществомъ“, гораздо болѣе серьезную, чѣмъ предполагаетъ Тенъ? Не устраняетъ ли это всякую возможность утверждать, вмѣстѣ съ Теномъ, что въ благосостояніи „мѣстнаго общества“ государство заинтересовано не больше, чѣмъ народъ—въ здоровьѣ одного изъ граж-

Digitized by Google

данъ? Гораздо правильнѣе было бы сказать, что благосостояніе „мѣстныхъ обществъ“, занимающихъ всю территорію государства, настолько же важно для послѣдняго, насколько важно для народа здоровье массы гражданъ—или, другими словами, *собственное здоровье*.

Если „мѣстное общество“—нѣчто бо́льшее, чѣмъ частная компанія или юридическое лицо, то къ нему, очевидно, непримѣнима параллель съ домомъ, состоящимъ въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ собственниковъ. Общее владѣніе—такой же институтъ частнаго права, какъ и обыкновенное владѣніе. Его особенности должны быть предусмотрѣны гражданскимъ закономъ; необходимо опредѣлить взаимныя отношенія совладѣльцевъ, но нѣтъ надобности надѣлять ихъ правами, которыхъ не имѣютъ другіе домохозяева, нѣтъ надобности установлять различіе между нанимателями квартиръ въ домѣ, принадлежащемъ нѣсколькимъ собственникамъ, и нанимателями квартиръ въ домѣ, принадлежащемъ одному владѣльцу. Другое дѣло—„мѣстное общество“; здѣсь неизбѣжно выступаютъ на сцену такія права и обязанности цѣлаго, такія права и обязанности отдѣльныхъ его членовъ, о какихъ не можетъ быть и рѣчи въ примѣненіи къ *дому*, къ частному владѣнію. Тенъ старается провести аналогію между обязанностью совладѣльцевъ участвовать въ расходахъ по починкѣ крыши или наружныхъ стѣнъ общаго ихъ дома—и обязанностью членовъ общины участвовать въ расходахъ по устройству путей сообщенія, по оздоровленію мѣстности, по предупрежденію наводненій или пожаровъ. Намъ кажется, что аналогіи здѣсь нѣтъ никакой, ни по содержанію, ни по формѣ. Соучастники во владѣніи домомъ могутъ быть понуждаемы только къ самымъ необходимымъ расходамъ, отъ которыхъ прямо зависитъ дальнѣйшее существованіе дома; для членовъ общины обязательны и такіе расходы, безъ которыхъ община обходилась сотни или десятки лѣтъ и могла бы обойтись еще неопредѣленное время (возьмемъ для примѣра—въ перечнѣ самого Тена—хотя бы тротуары, мостовыя, водосточныя трубы). Чтобы понудить упорнаго совладѣльца къ участію въ безусловно-необходимой издержкѣ, мало рѣшенія, постановленнаго большинствомъ голосовъ: нужна еще экспертиза, нужно судебное опредѣленіе. Ничего подобнаго не требуется для того, чтобы вступило въ силу постановленіе мѣстнаго представительства, ведущее къ новымъ расходамъ, а слѣдовательно и къ увеличенію мѣстныхъ сборовъ. Мѣра участія каждаго совладѣльца въ расходахъ по дому опредѣляется соразмѣрно съ стоимостью его доли; мѣру

Digitized by Google

участія въ мѣстныхъ общинныхъ сборахъ самъ Тенъ ставитъ въ зависимость отъ совокупности условій, болѣе или менѣе сложныхъ.

Изъ различныхъ взглядовъ на свойство и характеръ „мѣстныхъ обществъ“ вытекаютъ совершенно различныя практическія заключенія. Если „мѣстное общество“ — не что иное, какъ частная компанія, то слишкомъ обширны даже тѣ функціи, слишкомъ велики даже тѣ права, которыя признаетъ за нимъ Тенъ. Наоборотъ, если „мѣстное общество“ представляетъ собою самоуправляющуюся единицу, облеченную, между прочимъ, нѣкоторыми функціями и правами государственной власти, то нѣтъ никакого основанія замыкать его въ тѣсныя рамки, указываемыя Теномъ. Частныя лица, владѣющія домомъ на правѣ общей собственности, конечно не могутъ устроивать въ немъ — безъ общаго согласія, но на общій счетъ — больницу или школу. Отсюда не слѣдуетъ еще, однако, чтобы этого не могла сдѣлать община, сельская или городская. Напротивъ того, ей безспорно принадлежитъ это право, именно потому, что значеніе ея простирается далеко за предѣлы чисто-гражданской сферы. Представимъ себѣ наше городское или земское самоуправленіе, лишенное возможности открывать, на счетъ городскихъ или земскихъ сборовъ, больницы и школы — и мы поймемъ всю практическую важность ошибки, въ которую впадаетъ Тенъ... Вмѣстѣ съ представленіемъ о „мѣстномъ обществѣ“, какъ объ одномъ изъ видовъ частной компаніи или частнаго синдиката, падаетъ, дальше, и представленіе о строгой пропорціональности между услугой и платежомъ, между платежомъ и правомъ. Такая пропорціональность мыслима въ акціонерномъ обществѣ (хотя и здѣсь, обыкновенно, есть черта, за которой увеличенію числа акцій перестаетъ соотвѣтствовать увеличеніе числа голосовъ); но она вовсе не свойственна учрежденію, въ основаніи котораго лежитъ публичный интересъ. Участники договорнаго, частно-гражданскаго соглашенія могутъ слѣдовать принципу: de ut des, facio ut facias — но не таково положеніе жителей общины, департамента, провинціи. Они соединены въ одно цѣлое не въ силу произвольнаго акта и не для преслѣдованія частныхъ, личныхъ цѣлей. Количество выгодъ, доставляемыхъ „мѣстнымъ обществомъ“ каждому изъ своихъ членовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не поддается не только точному, но даже приблизительному вычисленію. Напрасна была бы попытка опредѣлить, въ какой мѣрѣ расходы, производимые изъ мѣстныхъ сборовъ, улучшаютъ *положеніе лицъ*, въ какой — *положеніе вещей*. И то, и другое сливается въ одно нераздѣльное цѣлое. Не ясно ли, напримѣръ, что отъ облегченія въ доставкѣ

Digitized by Google

товаровъ прямо выигрываютъ *личные* интересы богача или достаточнаго человѣка? Удовольствіе во всякое время ѣсть устрицы или свѣжіе фрукты и удовольствіе гулять по ярко освѣщенной улицѣ принадлежатъ, очевидно, къ одной и той же категоріи, къ одному и тому же типу удовольствій, и только съ явной натяжкой могутъ быть разъединены, разложены въ разные ящики, приняты за основаніе для двухъ различныхъ способовъ обложенія. Еслибы цифра мѣстныхъ сборовъ должна была соотвѣтствовать суммѣ обусловливаемыхъ ими удобствъ или приносимой ими пользы, то съ больного, лишеннаго возможности выходить изъ дома, ничего не слѣдовало бы взимать въ возмѣщеніе расходовъ, упадающихъ на мощеніе и освѣщеніе улицъ, потому что онъ улицами не пользуется—и наоборотъ, слѣдовало бы взимать сравнительно больше на покрытіе расходовъ по канализаціи города, потому что чистый воздухъ въ домѣ особенно важенъ для лица, прикованнаго къ комнатамъ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество, но едва ли это нужно; искусственность взгляда, проводимаго Теномъ, бросается въ глаза сама собою... Мѣриломъ *обязанностей*, лежащихъ на членѣ „мѣстнаго общества“, должны служить его средства. Если они очень невелики, справедливость требуетъ совершеннаго освобожденія его отъ податного бремени; если они значительны, справедливость требуетъ прогрессивнаго ихъ обложенія. Источникомъ *правъ*, принадлежащихъ члену „мѣстнаго общества“, служитъ тѣсная связь его съ мѣстностью, заинтересованность во всемъ томъ, отъ чего зависитъ ея благосостояніе. Платежъ мѣстнаго сбора—только одинъ изъ показателей этой заинтересованности, и далеко не самый важный.

Принципы, свойственные частному, гражданскому праву, до такой степени симпатичны Тену, что онъ желалъ бы предоставить имъ господствующую роль не въ однихъ только „мѣстныхъ обществахъ“. Сравненіе государства съ страховымъ обществомъ, государственныхъ налоговъ—съ страховою преміей, свидѣтельствуетъ о томъ, что чѣмъ-то въ родѣ „частнаго синдиката“ или „юридическаго лица“ представляется Тену и государство. Здѣсь, однако, онъ останавливается передъ логическими выводами изъ своей основной идеи—или, по крайней мѣрѣ, формулируетъ ихъ не столь рѣшительно, какъ по отношенію къ „мѣстнымъ обществамъ“. Восхищаясь устройствомъ акціонерныхъ компаній, Тенъ рекомендуетъ его, какъ образецъ, лишь для общинъ и департаментовъ, а не для государства, хотя многіе изъ аргументовъ, приводимыхъ въ подтвержденіе его тезиса, примѣнимы къ государству

Digitized by Google

ничуть не меньше, чѣмъ къ „мѣстному обществу“. Только объ общинахъ и департаменахъ идетъ рѣчь и тогда, когда восхваляется плюрализмъ голосовъ и прусская трехразрядная система, и когда дѣлается une charge à fond противъ всеобщей подачи голосовъ. Быть можетъ, во второмъ томѣ „Новаго порядка“ Тенъ пойдетъ и дальше, безстрашно произнесетъ послѣднее слово своей доктрины; покамѣстъ оно слышится только между строками и берется назадъ, не достигая окончательной формулировки. Послѣдовательность разсужденій отъ этого нѣсколько страдаетъ, но за то безспорно выигрываетъ внутренняя цѣнность книги. До извѣстной степени она становится даже орудіемъ противъ стремленій, сочувственныхъ Тену. Если такой смѣлый мыслитель отступилъ передъ крайними результатами своей основной идеи, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что въ ней скрывается прирожденный, неустранимый, крупный недостатокъ?

Оспаривать мнѣніе Тена по вопросу о границахъ вмѣшательства государства въ дѣла „мѣстныхъ обществъ“—не значитъ еще становиться въ ряды противниковъ мѣстнаго самоуправленія. Оно должно быть независимо и свободно, но вовсе не въ силу аналогіи между „мѣстнымъ обществомъ“ и „частной компаніей“. Государственная *опека* надъ общиной или провинціей—мы подчеркиваемъ слово: *опека*, чтобы предупредить смѣшеніе ея съ *контролемъ*, законнымъ и необходимымъ — нежелательна и нецѣлесообразна не потому, что она нарушаетъ *гражданскія права* общины или провинціи, а потому, что она мѣшаетъ широкому развитію мѣстныхъ силъ, способствуетъ формализму и рутинѣ, подавляетъ общественную и частную иниціативу. Изъ того, что „мѣстное общество“ получаетъ, для нѣкоторыхъ своихъ функцій, государственную инвеституру, еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы оно должно было исполнять ихъ подъ диктовку государства, являясь только орудіемъ чужой воли. Не зачѣмъ было бы, въ такомъ случаѣ, и заводить рѣчь о самоуправленіи, не зачѣмъ было бы установлять различіе между общинными должностными лицами и другими агентами правительственной власти... Съ практической точки зрѣнія способъ защиты мѣстнаго самоуправленія избранный Теномъ, представляетъ двоякую опасность: онъ устраняетъ возможность расширенія функцій „мѣстнаго общества“—и вноситъ въ его устройство длинную цѣпь привилегій, заключающую въ себѣ зародышъ неизбѣжной розни. Если община или провинція—не что иное какъ „частная компанія“, то она должна заботиться исключительно о матеріальныхъ интересахъ своихъ членовъ, воздавая каждому не по потребностямъ его, а по мѣрѣ участія его

Digitized by Google

въ мѣстныхъ сборахъ. Если члены „мѣстнаго общества“ — все равно что акціонеры, то мелкіе плательщики должны пребывать въ зависимости отъ болѣе крупныхъ. Къ чему, въ концѣ концовъ, должно придти и привести такое „мѣстное общество“ — это не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій.

III.

Мы покончили съ наименѣе привлекательной частью нашей задачи. Когда говоришь о такомъ писателѣ, какъ Тенъ, гораздо пріятнѣе останавливаться на лучшихъ сторонахъ его, чѣмъ на болѣе слабыхъ. Полнымъ силы и блеска авторъ „Новаго порядка“ является вездѣ, гдѣ его не тянетъ внизъ узкая доктрина. Всего больше удаются ему, какъ и въ предшествующихъ его книгахъ, портреты и картины.

Изображенію того, что сдѣлано консульствомъ и первой имперіей, Тенъ предпосылаетъ краткій очеркъ положенія, въ которомъ находилась Франція наканунѣ 18-го брюмера. Здѣсь, какъ и въ болѣе подробныхъ заключительныхъ главахъ послѣдняго тома „Революціи“, колоритъ картины кажется намъ черезъ-чуръ мрачнымъ. Тенъ хочетъ показать и доказать, что для Франціи не было, въ данную минуту, другого исхода, кромѣ военнаго деспотизма. Такъ смотрятъ на дѣло и нѣкоторые другіе историки — напримѣръ, Зибель. Разбирая, лѣтъ десять тому назадъ [1]), послѣднюю часть его „Исторіи революціоннаго времени“, мы имѣли случай намѣтить факты, идущіе въ разрѣзъ съ господствующимъ мнѣніемъ. Реакція противъ крайностей революціонной эпохи, противъ анархіи вверху и внизу, обрисовалась совершенно ясно еще до 18-го брюмера и могла, при благопріятныхъ условіяхъ, привести, сама собою, къ желанной цѣли. Масса парижскихъ рабочихъ не только осталась равнодушной къ закрытію якобинскаго клуба, но относилась съ явной враждой къ неисправимымъ нарушителямъ общественнаго спокойствія, приписывая имъ застой въ дѣлахъ и бѣдственное положеніе трудящагося населенія. Законодательныя собранія (совѣтъ старѣйшинъ и совѣтъ пятисотъ), долго не желавшія допускать и мысли о существованіи дефицита, признали, наконецъ, его очевидность и приступили къ обсужденію способовъ возстановленія бюджетнаго равновѣсія. Все было готово къ отмѣнѣ закона о заложникахъ

[1]) См. Литературное Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1880 г.

Digitized by Google

и принудительнаго займа, т.-е. главныхъ революціонныхъ мѣръ послѣдняго времени. Во главѣ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ мятежныхъ вандейцевъ и шуановъ, былъ поставленъ мягкій, доброжелательный Гедувилль, съ полномочіемъ на открытіе мирныхъ переговоровъ. Предпринято или, по меньшей мѣрѣ, задумано было все то, что составляетъ свѣтлую сторону первыхъ лѣтъ консульства. Въ совѣтѣ пятисотъ умѣренной партіи удалось перетянуть къ себѣ ту колеблющуюся, нерѣшительную средину, которая до тѣхъ поръ чаще всего подавала голосъ съ якобинцами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предстояли выборы одной трети членовъ въ совѣты и одного директора; выйти изъ директоріи долженъ былъ ненадежный Баррасъ, а выборы въ совѣты, при господствовавшемъ настроеніи умовъ, непремѣнно должны были обратиться въ пользу умѣренной партіи. Пересмотръ конституціи, необходимый для болѣе прочнаго устройства и большаго единства органовъ власти, представлялся, такимъ образомъ, вопросомъ времени—а подождать Франція могла, потому что положеніе ея, хотя и медленно, но постоянно улучшалось. Вся эта сторона дѣла оставляется Теномъ безъ всякаго вниманія; son siège est fait, онъ заранѣе убѣжденъ въ неисправимости грѣшника, въ неисцѣлимости недуга. Онъ сравниваетъ республиканскій режимъ съ старикомъ Тиверіемъ, умирающимъ въ Капреѣ; военный трибунъ, задушившій тирана, только ускорилъ его смерть, во всякомъ случаѣ близкую и неизбѣжную.

Какъ бы то ни было, расшатано и расклеено, во Франціи 1799 г., было очень многое, и починка или перестройка предстояла весьма большая. Направленіе этой работы было предрѣшено отчасти личностью работника—къ ней мы возвратимся впослѣдствіи,—отчасти матеріаломъ, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло. Цѣлыхъ три вѣка французская государственная власть непрерывно насиловала, обезцвѣчивала, обезличивала всѣ независимыя силы, всѣ мѣстныя, сословныя, корпоративныя группы. Революція дѣйствовала въ томъ же смыслѣ—а то, что она вновь пыталась создать самостоятельнаго (напримѣръ, мѣстныя выборныя власти), оказалось неудачнымъ и неживучимъ. За всемогущество государства говорили и преданія монархіи, и революціонные прецеденты—послѣдніе въ большей еще степени, чѣмъ первыя. Какъ ни крѣпко была сплетена сѣть, накинутая на Францію старыми ея королями, въ ней были, однако, пробѣлы и прорѣхи. Основы королевской власти были троякія: феодальныя, церковныя и юридическія, заимствованныя изъ римскаго права. Эта тройственность была источникомъ силы, но вмѣстѣ

Digitized by Google

съ тѣмъ и залогомъ слабости. Именно потому, что французскій король былъ нѣкогда графомъ парижскимъ и аббатомъ сенъ-денисскимъ, онъ не могъ сдѣлаться настоящимъ Августомъ или Діоклетіаномъ; домашнія подпорки его власти ограничивали значеніе иноземной. Какъ наслѣдственный вождь феодальной арміи, онъ не могъ не покровительствовать наслѣдственнымъ ея офицерамъ, т.-е. дворянамъ. Какъ свѣтскій епископъ (évêque extérieur), онъ былъ обязанъ благодѣтельствовать церкви и поддерживать ея господство. Отсюда прерогативы дворянства и духовенства, отсюда остатки прежней независимости и даже прежняго суверенитета бывшихъ феодальныхъ владѣльцевъ. Не всецѣло были втянуты въ сѣть и нѣкоторыя провинціи (Лангедокъ, Бретань), соединенныя съ монархіей чѣмъ-то въ родѣ двухсторонняго договора. Другія петли были порваны рукою самихъ королей. Потребность въ деньгахъ заставляла ихъ создавать массу наслѣдственныхъ или продажныхъ должностей, торговать привилегіями, изъятіями изъ закона. Всѣ эти ограниченія власти были сметены революціею. Франція нивелированная, однообразная, скроенная какъ бы изъ одного куска, во имя одного простого, общаго начала, Франція, какой желали Ришельё и Людовикъ XIV, какую уже въ 1790 г. предвидѣлъ Мирабо—вотъ что̀ унаслѣдовалъ Наполеонъ и что̀ онъ поспѣшилъ закрѣпить и оформить. До 1789 г. государство было не зданіемъ, возведеннымъ по правильному плану, а какой-то кучей построекъ, разновременныхъ, разнокалиберныхъ, разнохарактерныхъ, едва связанныхъ между собою, оскорблявшихъ и здравый вкусъ, и здравый смыслъ. Парадные аппартаменты дома были, со временъ Людовика XIV, слишкомъ велики, слишкомъ роскошны; изъ дѣловыхъ помѣщеній они превратились въ салоны, праздные обитатели которыхъ разсуждали о будущихъ, идеальныхъ, для всѣхъ удобныхъ палатахъ. Всѣ остальные жильцы чувствовали себя стѣсненными и сдавленными: буржуазія—въ своихъ узкихъ антресоляхъ, народъ—въ своихъ сырыхъ и темныхъ подвалахъ. Не мало было и безпріютныхъ людей, для которыхъ въ домѣ вовсе не находилось мѣста; ничего не имѣя, они были готовы все уничтожить. Какая разница съ новымъ зданіемъ, огромнымъ, монументальнымъ, единымъ! Здѣсь, подъ одной крышей, соединяются всевозможныя управленія, не только общія, но и мѣстныя, и спеціальныя. Они распредѣлены симметрически вокругъ великолѣпнаго центральнаго зала; звонокъ, раздающійся отсюда, слышенъ вездѣ и все приводитъ въ соотвѣтствующее движеніе. Сообщеніе между этажами совершенно свободно; его не затрудняютъ ни перегородки, ни затворы; ши-

Digitized by Google

рокія, свѣтлыя лѣстницы для всѣхъ доступны, и достигнуть вершины можно только постепенно, на виду у всѣхъ. Нѣтъ потаенныхъ дверей, нѣтъ темныхъ корридоровъ; съ нижней ступени видна вся медленно поднимающаяся толпа, дисциплинированная, вытянутая въ одну прямую линію. Во всемъ зданіи есть что-то *классическое*, напоминающее версальскіе сады, постройки Мансара, трагедію или проповѣдь XVII вѣка. Въ новой исторіи это—первая постройка, возведенная разумомъ и все-таки прочная. И съ той, и съ другой точки зрѣнія, новая Франція—высшее произведеніе классическаго духа. Чтобы найти что-либо аналогичное, нужно обратиться къ древности, къ созданію Діоклетіана и Константина, столь же правильному, но еще болѣе колоссальному. Почва, атмосфера, подготовка матеріала—все благопріятствовало здѣсь торжеству классической архитектуры. Прецеденты и условія на рубежѣ III и IV вѣка были почти тѣ же, какъ и во Франціи 1799 г.: абсолютная монархія, административная централизація, упадокъ національной и муниципальной жизни, угасаніе мѣстнаго патріотизма и частной иниціативы—потомъ всеобщее крушеніе (только идущее сверху, отъ арміи, а не снизу, отъ народа)—наконецъ, возстановленіе порядка выходцами изъ рядовъ войска, представителями свѣжихъ, нетронутыхъ племенъ, при поддержкѣ цѣлой массы опытныхъ администраторовъ и юристовъ. Верховенство народа, какъ номинальный фундаментъ зданія; ничѣмъ неограниченная власть одного лица, по имени—избраннаго гражданами, на самомъ дѣлѣ—поставленнаго войскомъ; сенатъ—для вида, государственный совѣтъ—для дѣйствительной подготовки дѣлъ; всѣ мѣстныя корпораціи подъ опекой государства; подданные, украшенные титуломъ гражданъ, но, въ сущности, низведенные на степень плательщиковъ податей и исполнителей властныхъ приказаній; тысячерукая администрація, все на себя берущая и на себѣ выносящая, организованная въ одну огромную, стройную іерархію; территорія, геометрически или ариѳметически разбитая на участки; одинъ оффиціальный языкъ, одна оффиціальная церковь, одинъ кодексъ, проникнутый началами отвлеченнаго права; лѣстница почестей и титуловъ, самыя верхнія ступени которой доступны для пастуха, для солдата, для иноземца—вотъ черты, одинаково свойственныя обѣимъ эпохамъ. Безслѣдно погибнуть громадная постройка римскихъ императоровъ не могла, именно вслѣдствіе своей громадности. Отъ нея, какъ и отъ римскихъ цирковъ, акведуктовъ, тріумфальныхъ арокъ, уцѣлѣли отдѣльныя ея части, достаточно крупныя, чтобы виднѣться сквозь пристройки и передѣлки и возбуж-

Digitized by Google

дать удивленіе вѣковъ. Неудачныя попытки реставраціи—императорской и папской — еще больше выставили на видъ величіе древняго памятника. Въ продолженіе десяти вѣковъ онъ носился какъ призракъ въ воображеніи людей, особенно въ воображеніи итальянцевъ—и наконецъ, въ 1800 г., поработилъ запоздалую и необузданную фантазію великаго итальянца, сдѣлавшагося властителемъ Франціи. Этотъ Діоклетіанъ изъ Аяччіо, этотъ Константинъ-авторъ конкордата, этотъ Ѳеодосій, обитающій въ Тюльери и Сенъ-Клу, пересоздаетъ Францію и хочетъ пересоздать міръ по образцу видѣнія, овладѣвшаго имъ съ неотразимой силой. Онъ не списываетъ съ прошлаго—онъ его вновь находитъ; это не плагіатъ, а атавизмъ. Не даромъ же Наполеонъ былъ ультра-классикомъ въ вопросахъ литературы и искусства; классическимъ характеромъ запечатлѣно и творчество его въ сферѣ политической и соціальной. Другого типа, другого стиля онъ не признаетъ, они кажутся ему нелѣпыми; вотъ почему онъ не понимаетъ Англію, вотъ почему онъ разбивается объ Испанію и Россію. Присоединеннымъ провинціямъ, вассальнымъ государствамъ онъ навязываетъ однѣ и тѣ же, излюбленныя имъ формы; онъ является, въ одно и то же время, и завоевателемъ, и пропагандистомъ—и вѣритъ, по временамъ, что универсальная монархія, лелѣемая его мечтой, была бы благодѣяніемъ для Европы.

Если иниціатива взгляда, усматривающаго въ старой монархіи первый источникъ и главную основу, въ революціи—окончательную подготовку наполеоновской централизаціи, принадлежитъ Токвилю (чего отнюдь не отрицаетъ и не скрываетъ и самъ Тенъ), то за Теномъ, безспорно, должна быть признана честь блистательнаго развитія этой мысли, бросающей столь яркій свѣтъ на „происхожденіе современной Франціи“. Чрезвычайно мѣткимъ кажется намъ указаніе Тена на *классическій* характеръ императорской постройки; оно напоминаетъ тѣ превосходныя страницы „Стараго порядка“, которыя посвящены „классическому“ міросозерцанію, какъ одному изъ составныхъ элементовъ революціоннаго духа. Аналогія между наполеоновской системой и режимомъ, предшествовавшимъ паденію римской имперіи, существуетъ несомнѣнно; намъ кажется только, что, отмѣчая сходство, Тенъ долженъ былъ подчеркнуть и глубокое различіе между обоими порядками. Діоклетіанъ и его преемники застали античный міръ не только утомленнымъ отъ смутъ и междоусобій, но и истощеннымъ, умственно обезсиленнымъ, клонящимся къ упадку. Отсюда отсутствіе всякаго противодѣйствія, равнодушіе, апатія;

Digitized by Google

жизнь ушла всецѣло въ церковный міръ, со временъ Константина являющійся, за исключеніемъ рѣдкихъ моментовъ, союзникомъ свѣтской власти. Совсѣмъ не то мы видимъ въ наполеоновской Франціи. Правда, она жаждетъ порядка и спокойствія— но въ ней вовсе не прекратилось внутреннее движеніе, она вовсе не расположена отречься отъ самостоятельной мысли и самостоятельной дѣятельности. Въ ея литературѣ появляются именно тогда такія крупныя величины, какъ Шатобріанъ и madame де-Сталь. Даже въ политическихъ сферахъ существуютъ, съ самаго начала, зародыши оппозиціи, для подавленія которыхъ понадобилось искаженіе только-что созданныхъ порядковъ. Несмотря на временную усталость, нація таитъ въ себѣ громадный запасъ свѣжихъ силъ, прорывающихся наружу, какъ только падаетъ императорская диктатура.

Отъ общей характеристики наполеоновской системы Тенъ переходитъ къ подробному изученію ея средствъ и цѣлей. Съ этой частью его труда мы познакомимъ читателей въ слѣдующей статьѣ.

К. Арсеньевъ.

Digitized by Google

СЕРГѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЮРЬЕВЪ

— Въ память С. А. Юрьева. Сборникъ, изданный друзьями покойнаго. М. 1891 (съ портретомъ Юрьева).

Заслуживаетъ всякаго сочувствія мысль цѣлой группы писателей, почти исключительно москвичей, издать сборникъ, которымъ они хотѣли почтить память ихъ друга, покойнаго Юрьева, и гдѣ не малую долю заняли именно ихъ воспоминанія о немъ. Это послѣднее, т.-е. собраніе воспоминаній, было тѣмъ болѣе кстати, что Юрьевъ, въ послѣдніе годы своей жизни чрезвычайно популярный въ московскихъ литературныхъ кругахъ, старыхъ и молодыхъ, и мало извѣстный внѣ Москвы, дѣйствовалъ въ своемъ кругу, быть можетъ, не столько своими сочиненіями, сколько своими бесѣдами и своимъ личнымъ вліяніемъ. Одинъ изъ писателей молодого поколѣнія, разсказывающихъ здѣсь объ Юрьевѣ, замѣчаетъ, что есть два типа философовъ: одни, увѣрившись въ обладаніи высшею истиною, посвящаютъ жизнь выработкѣ своихъ идей, отдаляются отъ общества и дѣйствуютъ своими литературными трудами; другіе бываютъ скромнѣе,—они не считаютъ себя исключительными обладателями достовѣрнаго знанія, видятъ громадность задачи, поэтому даже не рѣшаются излагать свои взгляды письменно, но въ то же время такъ одушевлены вѣрой въ истину и жаждой ея раскрытія, что не могутъ молчать. „И вотъ эти неутомимые искатели истины,—говоритъ г. Лопатинъ, предпринявшій изложить въ цѣльной системѣ философскіе взгляды Юрьева,

Digitized by Google

никогда не собранные въ цѣлое имъ самимъ,—эти искатели истины дѣлаются вѣчными проповѣдниками, всегда увлекающимися, задушевными собесѣдниками, добровольными учителями всѣхъ, кто захочетъ ихъ слушать. Значеніе такихъ философовъ опредѣлить трудно, ихъ слово умираетъ вмѣстѣ съ ними, а между тѣмъ вліяніе ихъ бываетъ иногда громаднымъ. Классическій, всѣмъ знакомый, примѣръ тому представляетъ Сократъ...

„Русскіе философы той эпохи, когда впервые пробудилась самобытная философская мысль въ Россіи, почти всѣ принадлежали къ этому послѣднему разряду. Имена Хомякова, Станкевича, Кирѣевскаго, Юрія Самарина навсегда останутся въ исторіи русскаго просвѣщенія; направленія, ими основанныя, доселѣ живы между нами. А много ли дошло отъ нихъ философскихъ писаній? Покойный Сергѣй Андреевичъ соединялъ въ себѣ самыя симпатичныя черты этого перваго поколѣнія русскихъ мыслителей. Онъ являлся настоящимъ художникомъ устнаго слова; безъ преувеличенія можно сказать, помимо его безспорныхъ литературныхъ заслугъ, однѣ уже его бесѣды были серьезнымъ общественнымъ служеніемъ. Кто однажды говорилъ съ нимъ, не забывалъ его никогда, а говорилъ онъ со всѣми, кто къ нему обращался, и говорилъ отъ всей души. Артистъ, начинающій писатель, студентъ, спеціалистъ-ученый, общественный дѣятель направлялись къ нему, и каждый почерпалъ въ его горячихъ рѣчахъ что-нибудь такое, что навсегда сохраняло непреходящую цѣну. Юрьева интересовали самые разнообразные предметы и вопросы, все живое и серьезное сосредоточивало на себѣ его вѣчно-бодрую мысль, но, несмотря на такую многосторонность его умственныхъ интересовъ, въ его мнѣніяхъ не было внутренней разрозненности; онъ всегда былъ вѣренъ своимъ основнымъ убѣжденіямъ, онъ никогда не противорѣчилъ себѣ“ (стр. 196—197).

Это вліяніе самой личности Юрьева, его всегда одушевленной, даже восторженной рѣчи, способной увлекать и молодыхъ, и старыхъ, всегда проникнутой идеальнымъ стремленіемъ къ истинѣ, добру и красотѣ, это вліяніе изображается во всѣхъ воспоминаніяхъ, посвященныхъ ему молодыми его друзьями въ настоящей книгѣ. Надо сожалѣть, что столько воспоминаній не было сохранено о другихъ нашихъ дѣятеляхъ того же характера, какъ напримѣръ Станкевичѣ или П. В. Кирѣевскомъ: ихъ вліяніе не пропало въ общей суммѣ историческихъ результатовъ, отразившись и развившись въ дѣятельности ихъ непосредственныхъ преемниковъ; но, съ точки зрѣнія біографіи, жаль, что это вліяніе не опредѣлилось для насъ точнѣе, какъ, напримѣръ, опредѣляется

Digitized by Google

теперь дѣятельность Юрьева для тѣхъ, кто зналъ его только по его печатнымъ сочиненіямъ. Въ условіяхъ нашей жизни, не дающихъ простора именно для этого теоретическаго развитія идей, даже столь спокойныхъ и умѣренныхъ съ точки зрѣнія надзора, дѣятельность такихъ философовъ-проповѣдниковъ становится тѣмъ болѣе цѣнной, хотя бы и были ограничены тѣ размѣры, въ какихъ она совершалась. Юрьева, какъ философа-оратора, знали только въ Москвѣ, хотя знали въ очень разнообразныхъ кругахъ, но всегда это былъ кругъ просвѣщенныхъ или ищущихъ просвѣщенія людей, и какъ благотворно было его дѣйствіе на умы, свидѣтельствуютъ теплыя воспоминанія его друзей, близко видѣвшихъ его дѣятельность.

Собственно біографическихъ данныхъ о Юрьевѣ намъ встрѣтилось въ литературѣ очень мало. Юрьевъ родился 13-го мая 1821 года, въ селѣ Воскресенскомъ, калязинскаго уѣзда, тверской губерніи. Послѣ домашняго воспитанія онъ отданъ былъ въ московскій дворянскій институтъ (теперь 4-я московская гимназія), а оттуда поступилъ въ московскій университетъ по второму отдѣленію философскаго факультета (нынѣ это—математическій факультетъ), и кончилъ курсъ въ 1845. Онъ поступилъ сначала на службу чиновникомъ особыхъ порученій при тверскомъ губернаторѣ, но эта служба его мало интересовала, и черезъ шесть лѣтъ, въ 1853 году, Юрьевъ поступилъ на мѣсто астронома-наблюдателя при московской университетской обсерваторіи; результатомъ этихъ научныхъ занятій явились двѣ спеціальныя работы объ астрономіи, впослѣдствіи напечатанныя, но болѣзнь заставила его покинуть занятія астрономіей и, по совѣту докторовъ, онъ уѣхалъ за границу. Онъ путешествовалъ въ Германіи, во Франціи, слушалъ лекціи въ различныхъ университетахъ, но особенно интересовался литературой и театромъ. Онъ вернулся въ Россію въ началѣ прошлаго царствованія и сначала увлекся дѣломъ народнаго образованія: въ родовомъ имѣніи, еще до открытія земскихъ школъ, онъ устроилъ народное училище, а также и крестьянскій театръ, на которомъ ставились бытовыя пьесы Островскаго и Писемскаго и собственныя его передѣлки народныхъ произведеній; въ то же время онъ въ теченіе двухъ лѣтъ преподавалъ математику въ кандидатскихъ классахъ московскаго николаевскаго института [1]). Съ 60-хъ годовъ онъ отдается исключительно литературѣ и литературнымъ интересамъ. Предметомъ

[1]) Біографическія указанія въ некрологѣ Д. Языкова, „Историческій Вѣстникъ“, 1889, февраль, стр. 518—520.

Digitized by Google

его особливыхъ изученій дѣлается испанскій театръ—Кальдеронъ и Лопе-де-Вега, а впослѣдствіи Шекспиръ. Юрьевъ перевелъ нѣсколько пьесъ названныхъ писателей и въ 1877 году собралъ свои работы по этому предмету въ книгѣ: „Испанскій театръ цвѣтущаго періода XVI-XVII вѣковъ". Въ 1871 году онъ началъ издавать журналъ „Бесѣда". Это было изданіе своеобразное, вводившее въ литературу направленіе новаго типа, быть можетъ, тогда не вполнѣ выдержанное, но въ которомъ было живое, свѣжее зерно. По складу своихъ убѣжденій,—а убѣжденія были существомъ его характера,—Юрьевъ былъ вполнѣ человѣкъ сороковыхъ годовъ, склонный къ славянофильству, лично близкій съ этимъ кружкомъ, гдѣ его считали своимъ; но у него была своя самостоятельная сторона, которая въ разныхъ отношеніяхъ выдѣляла его изъ исключительной школы. Сначала гегельянецъ, потомъ послѣдователь новой философіи Шеллинга, онъ жилъ не въ рамкѣ національныхъ и теологическихъ преданій, а въ тѣхъ идеалистическихъ стремленіяхъ, центромъ которыхъ стало искусство и которыя въ другихъ областяхъ жизни направлялись къ гуманному либерализму. Въ своемъ журналѣ онъ именно хотѣлъ поставить задачей распространеніе въ русскомъ обществѣ философскаго духа, сравнительное изученіе нашей жизни параллельно съ жизнью европейскихъ народовъ, особенное изученіе жизни народной и славянской, но безъ той исключительности, какая постоянно отличала его прежній дружескій кругъ. Онъ именно думалъ, что многое изъ его общихъ идей можетъ быть вполнѣ раздѣлено лучшими людьми другихъ литературныхъ направленій и того молодого поколѣнія, которое въ тѣ годы было еще воспріимчиво къ идеальнымъ призывамъ. Средства на изданіе „Бесѣда" доставлены были А. И. Кошелевымъ, и въ томъ кружкѣ предполагалось, что новый журналъ долженъ быть продолженіемъ прежней „Русской Бесѣды". Но Юрьевъ поставилъ изданіе совсѣмъ иначе, какъ поставилъ оригинально и самое опредѣленіе будущаго характера журнала: программа изданія обсуждалась сообща цѣлымъ кружкомъ старыхъ и молодыхъ писателей, которыхъ Юрьевъ надѣялся имѣть своими сотрудниками. Повидимому, какъ можно судить по воспоминаніямъ его друзей, мнѣнія собесѣдниковъ сильно расходились, но, въ концѣ концовъ, Юрьевъ объединялъ разнорѣчія широкой постановкой вопросовъ, причемъ давался большой просторъ личнымъ варіаціямъ мнѣній. Дѣйствительно уже съ этихъ поръ онъ пріобрѣтаетъ горячихъ друзей въ самомъ разнообразномъ кругу, именно этой преданностью идеѣ, которая сглаживала противорѣчія въ виду широкихъ идеаловъ, носившихся въ

Digitized by Google

его мысли. Быть можетъ, самые противники должны бывали уступать передъ тѣмъ одушевленіемъ, съ какимъ онъ отдавался своей проповѣди. Журналъ существовалъ не долго, всего два года. Въ промежуткѣ до новаго изданія, Юрьевъ возвратился опять къ своимъ испанцамъ и къ Шекспиру; читалъ публичный курсъ по исторіи драмы въ домѣ Кошелевыхъ (1878—1880), читалъ лекціи о нѣмецкой литературѣ на высшихъ женскихъ курсахъ, основанныхъ профессоромъ Герье; съ 1878 года онъ былъ предсѣдателемъ московскаго общества любителей россійской словесности (до 1885), а позднѣе, по смерти Островскаго, былъ предсѣдателемъ общества русскихъ драматическихъ писателей. 1880-й годъ былъ опять знаменателенъ въ біографіи Юрьева: съ этого года началось изданіе новаго журнала, основаннаго по его иниціативѣ, и въ томъ же году происходилъ въ Москвѣ извѣстный Пушкинскій праздникъ, который, какъ говорятъ, могъ пріобрѣсти такое широкое общественное значеніе именно благодаря энергическимъ стараніямъ Юрьева. Въ „Русской Мысли“, имъ установленной, Юрьевъ работалъ, впрочемъ, не долго, около пяти лѣтъ: обстоятельства сложились такъ, что онъ былъ вынужденъ оставить этотъ журналъ, столько ему обязанный, и послѣдніе годы, кромѣ тягости разочарованія въ людяхъ, испыталъ и тягости матеріальныя: онъ умеръ, не оставивши семейству никакихъ средствъ (26-го декабря, 1888 года).

Мысль почтить память стараго друга собраніемъ своихъ трудовъ и разсказовъ объ его дѣятельности, литературной и общественной, заслуживаетъ всякаго сочувствія, какъ мы говорили, и тѣмъ болѣе, что она исполнена съ любовью и талантомъ. Независимо отъ своей спеціальной цѣли, „Юрьевскій сборникъ“ составляетъ любопытное и привлекательное литературное явленіе уже тѣмъ своимъ общимъ характеромъ, что, возвысившись надъ мелкимъ уровнемъ ходячей современности, вводитъ насъ въ область идеальныхъ интересовъ, столь забываемыхъ въ наше безсердечное и сухое время. Если самъ Юрьевъ до конца дней остался восторженнымъ идеалистомъ, будившимъ лучшія стремленія въ области мысли и искусства, сборникъ, посвященный его памяти, поддерживаетъ это настроеніе, въ которомъ и состоитъ настоящее достоинство литературы.

Составъ книги весьма разнообразенъ и интересенъ. На первомъ планѣ пьеса гр. Л. Н. Толстого, „Плоды просвѣщенія“, давно извѣстная по слухамъ и рукописнымъ копіямъ, ходившимъ по рукамъ, и здѣсь, наконецъ, являющаяся печатно. М. М. Ковалевскій, вмѣстѣ съ Юрьевымъ, одинъ изъ немногихъ, изучавшихъ

Digitized by Google

у насъ испанскую литературу, далъ статью о „народѣ въ драмѣ Лопе-де-Веги: Овечій источникъ", драмѣ, нѣкогда переведенной Юрьевымъ. Алексѣй Ник. Веселовскій посвятилъ памяти Юрьева живо и сердечно написанныя воспоминанія, и кромѣ того издалъ „Отрывки изъ старой переписки"—письма къ Юрьеву Тургенева, Достоевскаго, Салтыкова, А. И. Кошелева и Н. А. Чаева, съ нѣкоторыми поясненіями. Кн. А. И. Сумбатовъ разсказалъ, по личнымъ впечатлѣніямъ, объ отношеніяхъ Юрьева къ сценѣ за послѣдніе три года его жизни. Г-жа Л. сообщила свои воспоминанія о Юрьевѣ. Л. М. Лопатинъ далъ прекрасно исполненный очеркъ философскихъ взглядовъ Юрьева, являющійся любопытнымъ эпизодомъ изъ исторіи умственной жизни нашего общества. Г-жа Е. С. Некрасова сообщила новыя дополненія къ перепискѣ Гоголя, такъ усердно изучаемаго въ послѣднее время, а именно, переписку его съ гр. А. П. Толстымъ, простирающуюся съ 1839 до 1850 года: отношенія къ гр. А. П. Толстому играли, какъ извѣстно, большую роль въ развитіи послѣдняго, мистическаго направленія Гоголя, и эти письма, сообщенныя княжной А. В. Голицыной, даютъ въ первый разъ возможность точнѣе опредѣлить отношенія обѣихъ сторонъ. Н. И. Стороженко помѣстилъ интересный очеркъ: „Вольнодумецъ эпохи Возрожденія", біографію Этьена Доле, гуманиста, типографщика и издателя, сожженнаго въ Парижѣ въ 1546 году. Наконецъ, въ сборникѣ нашелъ мѣсто и матеріалъ литературный: кромѣ упомянутой пьесы гр. Толстого, разсказы г-жи Нелидовой, г. Нефедова, г-жи Сизовой, разсказъ Луиджи Капуана „Бѣдный докторъ!" въ переводѣ г-жи Веселовской, трагедія Кальдерона „Донъ-Фернандо, стойкій принцъ", въ переводѣ г. Арбенина, и нѣсколько стихотвореній г. Плещеева, ZZ., Ю. В—скаго, Влад. Соловьева.

Наибольшій литературный интересъ сборника представитъ, конечно, пьеса гр. Л. Н. Толстого. Газеты разсказывали ея содержаніе; многимъ она знакома еще въ рукописи; другіе поспѣшатъ теперь прочесть ее въ печати, такъ что нѣтъ надобности передавать ея содержаніе. Это—произведеніе „послѣдней манеры" автора, съ обычными проблесками высокаго таланта и съ односторонностями, сопровождающими эту послѣднюю манеру. „Плоды просвѣщенія", изображенные въ комедіи, заключаются въ спиритизмѣ, гдѣ просвѣщенныхъ людей обманываетъ и осмѣиваетъ горничная Таня, и деревенскіе люди дивуются нелѣпымъ обычаямъ высшаго круга. Дѣйствующія лица, великосвѣтскія и деревенскія, очерчены съ большимъ мастерствомъ; самая тема отражаетъ извѣстную анти-

Digitized by Google

патію автора къ „просвѣщенію“, къ городскимъ нравамъ, гдѣ накопляются однѣ безсмыслицы на другія; остается, какъ и прежде, неясно: неужели „плоды просвѣщенія“ только и заключаются въ этихъ безсмыслицахъ? Построеніе пьесы не свободно отъ невѣроятностей, свойственныхъ водевилю и иногда, конечно, забавныхъ; роль Тани, на которой вертится спиритическій сеансъ, свойственна больше субреткѣ французской комедіи, чѣмъ русской горничной. Но во всякомъ случаѣ пьеса интересна отдѣльными очерками дѣйствующихъ лицъ: хозяева дома, ихъ дочка, сынъ—членъ общества велосипедистовъ и поощренія борзыхъ собакъ, его такіе же пріятели, профессоръ—съ пріятно-самоувѣренными манерами, толстая барыня — знакомая со всѣми знаменитостями, прежними и теперешними, лакеи, мужики — пріѣхавшіе изъ деревни для покупки земли, все это живыя лица, прекрасно нарисованныя.

Изъ воспоминаній объ Юрьевѣ особенно любопытны разсказы г. Веселовскаго, который зналъ его лѣтъ двадцать, въ наиболѣе дѣятельную пору его жизни. Онъ познакомился близко съ Юрьевымъ около того времени, когда задумывалось изданіе „Бесѣды“. „Вы увидите очень умнаго и пріятнаго человѣка,—говорилъ ему общій знакомый, который сблизилъ его съ Юрьевымъ.—Въ немъ сходятся всевозможныя противоположности. Онъ прекрасный математикъ, даже астрономъ, и въ то же время бредитъ Шекспиромъ и Гёте; калязинскій землевладѣлецъ, популярный въ своей округѣ, ходитъ тамъ въ народномъ костюмѣ, играетъ у себя вмѣстѣ съ крестьянами на сценѣ, а потомъ углубляется съ Шеллингомъ въ дебри абстрактности; славянофилъ по многимъ мнѣніямъ и по дружескимъ связямъ, но радуется каждому успѣху европейскаго прогресса, съ интересомъ слѣдитъ за самыми смѣлыми направленіями въ наукѣ и жизни“.

Дѣйствительность превзошла ожиданія,—продолжаетъ г. Веселовскій. „Слишкомъ очевидно было, что *такой* человѣкъ не можетъ тѣшиться игрою противорѣчій и исканіемъ возбуждающихъ впечатлѣній. Это не дилеттантъ, съ самодовольнымъ эпикурействомъ испытывающій поочередно разнообразныя умственныя наслажденія; это и не Рудинъ, хотя рѣчь его такъ же трогаетъ и увлекаетъ. У этого человѣка есть своя, глубоко имъ продуманная и дорогая ему мысль. До ея осуществленія безмѣрно далеко; идеальный строй жизни, состоящій изъ „разнообразныхъ соединеній свободныхъ личностей, сливающихся въ гармоническомъ хорѣ“, въ которомъ личное примиряется съ общимъ, одна изъ грезъ, съ незапамятныхъ временъ манившихъ къ себѣ луч-

Digitized by Google

шихъ изъ людей; они не уставали напоминать о ней; несмотря на рѣдкое противорѣчіе жизни съ мечтою, говорили о братствѣ въ вѣка хищничества и произвола. Вотъ одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ. Передъ его вѣрой въ идею смолкаетъ холодное слово сомнѣнія или житейской мудрости. Съ такими людьми не станешь спорить, а только порадуешься, что они есть еще между нами".

Мы упоминали, что, основывая „Бесѣду", Юрьевъ именно хотѣлъ собрать въ своемъ журналѣ не людей какого-либо одного специфическаго направленія, а напротивъ, людей, хотя бы изъ различныхъ лагерей, но которые связывались бы высшимъ единствомъ идеальныхъ стремленій въ наукѣ, искусствѣ и жизни. Дѣло въ томъ, что самъ онъ не былъ человѣкомъ тѣсной партіи. „Въ планы Юрьева,—разсказываетъ дальше г. Веселовскій,—вовсе не входило искусственное образованіе того чахлаго, всегда недолговѣчнаго компромисса, который въ мірѣ политики носитъ названіе коалиціоннаго министерства, партіи примиренія и т. д. Его ученіе пыталось кореннымъ образомъ объединить то, что есть вѣрнаго, животворнаго, обезпечивающаго просторъ человѣчеству, въ какихъ бы то ни было теоріяхъ, не допытываясь, кому принадлежали эти догадки. Старое разъединеніе, узкій духъ партійности были ему противны; онъ шелъ своею дорогой и признавалъ только однихъ противниковъ — защитниковъ застоя и тьмы.

„Онъ видѣлъ, что часто на изученіе настоящей крестьянской жизни и ея нуждъ самоотверженно затрачивалось гораздо болѣе усилій людьми изъ того лагеря, который по прежнему корили европеизмомъ; что современная намъ жизнь западныхъ славянъ съ ея далеко ушедшей культурой и политической борьбой остается невѣдомою его славянофильскимъ товарищамъ, склоннымъ вмѣшивать въ подобные вопросы соображенія религіозныя и готовымъ принимать къ сердцу лишь судьбу единовѣрцевъ. Самъ онъ искренно вѣрилъ, но мысль его съ любовью обращалась къ первымъ вѣкамъ христіанства, къ первымъ общинамъ вѣрующихъ, и это придавало братски-демократическое освѣщеніе его религіознымъ взглядамъ и симпатіямъ.

„Съ другой стороны, онъ съ признательностью вспоминалъ завѣты первыхъ славянофиловъ, и особенно любимаго имъ Хомякова, доказывая, что всякое національное самомнѣніе и исключительность были имъ антипатичны, что гуманная терпимость была ихъ лозунгомъ, часто нарушаемымъ ихъ преемниками. Западный міръ, которому Юрьевъ обязанъ былъ и своимъ широ-

Digitized by Google

кимъ эстетическимъ образованіемъ, и научнымъ развитіемъ, не могъ представляться ему разлагающимся трупомъ... Ему казалось, что отовсюду пододвигаются новыя общественныя силы; съ любознательностью ученаго, воспитавшагося на точномъ методѣ, онъ слѣдилъ за этимъ историческимъ процессомъ, а переходя къ сравненіямъ съ русскимъ міромъ, любилъ доказывать, что чуть ли не всѣ тревожные для Европы вопросы могутъ быть рѣшены у насъ естественнымъ и мирнымъ, но самостоятельнымъ путемъ".

Еще разъ авторъ встрѣтился съ этимъ складомъ взглядовъ Юрьева, когда онъ бывалъ собесѣдникомъ новыхъ поколѣній въ извѣстномъ тогда молодомъ профессорскомъ кружкѣ. „Какъ всегда, онъ и тутъ стоялъ выше разногласія въ мнѣніяхъ. Въ философіи онъ боролся съ позитивизмомъ, а между тѣмъ большинство его новыхъ друзей состояло изъ позитивистовъ. Преданія, унаслѣдованныя имъ отъ старыхъ наставниковъ и окутанныя мистической дымкой, кореннымъ образомъ разбивались сравнительнымъ методомъ, соціологическими наблюденіями, изслѣдованіями въ области народнаго хозяйства, государственнаго права, изученіемъ исторіи учрежденій. Но прежняго ученаго привлекала научная трезвость пріемовъ и, предоставляя себѣ при случаѣ поспорить, онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за результатами работъ. Появленіе его было всегда желаннымъ; онъ казался патріархомъ среди окружавшей его молодой братіи, живымъ звеномъ между нею и старшимъ поколѣніемъ".

На какомъ теоретическомъ основаніи утверждалось міровоззрѣніе Юрьева,—хотя не изложенное имъ сполна, но связное и стройное,—это объясняетъ г. Лопатинъ въ упомянутой любопытной статьѣ.

Юрьевъ былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ сороковыхъ годовъ, живымъ преданіемъ тѣхъ временъ, которое дошло до новыхъ литературныхъ поколѣній и, какъ мы видѣли, оставляло въ нихъ самое привлекательное и ободряющее впечатлѣніе. Какъ вообще люди сороковыхъ годовъ, онъ жилъ идеей и убѣжденіемъ, которыя въ концѣ концовъ, путемъ внутренней работы, превратили математика въ эстетика и публициста. Въ этой послѣдней дѣятельности онъ выступилъ поздно. „Есть натуры,—говоритъ опять г. Веселовскій,—которыя обнаруживаютъ всю свою духовную силу лишь въ тотъ возрастъ, когда большинство людей утомленною походкой плетется подъ гору. Въ ихъ жизни самою свѣтлою порой является не весна съ цвѣтами и любовью, а согрѣтая прощальнымъ солнцемъ осень". Быть можетъ, потому, что Юрьевъ поздно вступилъ на это поприще, съ его утомляю-

Digitized by Google

щей и раздражающей борьбой, онъ сохранилъ то свѣтлое, богатое идеализмомъ настроеніе, которое оказывалось такъ ново и привлекательно для молодыхъ поколѣній, воспитывавшихся на другой наукѣ и уже на первыхъ порахъ испытавшихъ тяжелые и отталкивающіе опыты жизни: этотъ идеалистическій отголосокъ сороковыхъ годовъ являлся именно тѣмъ умственнымъ и нравственнымъ элементомъ, какого недоставало въ ихъ собственной школѣ. Понятно, что отголосокъ дѣйствовалъ въ особенности потому, что передавался человѣкомъ, глубоко вѣровавшимъ въ свои идеалы и самостоятельно работавшимъ надъ ними. Юрьева причисляли къ славянофиламъ; при началѣ своего журнальнаго поприща онъ въ самомъ дѣлѣ былъ, кажется, всего ближе именно къ этому кругу; но мы видѣли, что въ концѣ концовъ онъ принадлежалъ къ нему далеко не сполна. Высоко цѣня первыхъ славянофиловъ, онъ во многомъ расходился съ послѣдними, не принимая именно тѣхъ исключительныхъ крайностей національной и религіозной исключительности, въ которыя они впадали такъ нерѣдко. Защищая первыхъ славянофиловъ отъ упрека въ подобныхъ недостаткахъ, онъ, повидимому, считалъ свои взгляды солидарными съ ихъ взглядами и, быть можетъ, былъ именно болѣе вѣрнымъ продолжателемъ стараго славянофильства, видоизмѣняя его положенія по новымъ развитіямъ научной мысли и общественности.

Не будемъ останавливаться на другихъ статьяхъ сборника. Тѣ образчики, какіе выше приведены, имена писателей, принявшихъ участіе въ сборникѣ, даютъ понятіе объ интересѣ изданія, скрашеннаго притомъ новымъ произведеніемъ гр. Л. Н. Толстого. Мы находимъ одинъ пробѣлъ: въ книгѣ, посвященной памяти Юрьева и гдѣ такъ много заняли воспоминанія о немъ, читатель ожидалъ бы встрѣтить—хотя бы краткую—цѣльную біографію этого замѣчательнаго лица: такой біографіи нѣтъ.

А. В.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Въ августѣ мѣсяцѣ истекшаго года былъ данъ обѣдъ купечествомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ г. министру финансовъ, и въ рѣчи предсѣдателя ярмарочнаго биржевого комитета, г. Осипова, послѣ очерка дѣятельности министра за минувшее трехлѣтіе со времени посѣщенія имъ въ 1887 году нижегородской ярмарки было, между прочимъ, сказано: „Нынѣ вы привезли намъ новую, радостную вѣсть, что, по волѣ обожаемаго нашего Монарха, впредь до общаго пересмотра таможенныхъ тарифовъ въ зависимости отъ улучшенія курса, повышены на 20 процентовъ таможенные оклады на большинство товаровъ". Въ то же время въ газетахъ извѣщалось, что Высочайше утвержденная при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, три года тому назадъ, коммиссія—по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, занята въ настоящее время вопросомъ объ упорядоченіи рабочаго дѣла въ имперіи. Коммиссія раздѣлила, по словамъ газетъ, общій вопросъ о сельскихъ рабочихъ на восемь отдѣльныхъ вопросовъ, и кромѣ того будетъ разсматривать, какъ рабочихъ, нанимающихся артелями, такъ и тѣхъ, которые отдаются на работы волостнымъ начальствомъ. Такое случайное совпаденіе извѣстій о дѣятельности высшей администраціи относительно двухъ различныхъ отраслей народнаго труда было весьма знаменательно и наводило на нѣкоторыя мысли и соображенія, которыя постараюсь здѣсь изложить.

Итакъ, было признано необходимымъ успокоить отечественную промышленность, что доходность ея нисколько не уменьшится отъ начавшагося съ весны значительнаго повышенія курса нашей валюты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременно, мы узнали, что изученіе сельскохозяйственной промышленности еще не окончилось, а напротивъ, на

Digitized by Google

очередь поставленъ дѣйствительно весьма важный рабочій вопросъ. Въ сущности, это совпаденіе только съ нѣкоторой рельефностью рисуетъ направленіе нашей экономической политики,—направленіе далеко не новое и давно усвоенное нашимъ руководящимъ общественнымъ мнѣніемъ. Стараться измѣнить тѣ убѣжденія, на которыхъ основано это направленіе было бы самомнѣніемъ, въ которомъ я неповиненъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ кажется, что такъ какъ изученіе сельско-хозяйственной промышленности еще не закончено, то для каждаго сельскаго жителя вполнѣ возможно и своевременно высказаться о вліяніи настоящаго положенія отечественной промышленности на сельское хозяйство и сельское населеніе.

I.

Выраженіе: „московскій фабрикантъ", „московское издѣліе"—особенно знакомо нашему провинціальному уху. Однако, собственно въ Москвѣ положительно нѣтъ никакихъ мѣстныхъ причинъ для развитія фабричнаго производства: матеріалы — привозные, рабочіе—пришлые, топливо—дорогое. Конечно пріятнѣе жить въ крупномъ центрѣ народонаселенія или близко отъ него, чѣмъ въ какомъ-либо захолустьѣ, хотя тамъ и дешевы элементы производства. Это врядъ ли кто оспаривать будетъ. Точно также врядъ ли будетъ кто оспаривать, что самая возможность руководствоваться при основаніи фабрики или завода личными вкусами ихъ владѣльца указываетъ на особенное у насъ положеніе отечественной промышленности. Нынѣ мы не только видимъ фабричное производство сосредоточеннымъ въ Москвѣ и ближайшихъ ея окрестностяхъ, но встрѣчаемъ его въ центральныхъ частяхъ самаго города. Достаточно указать на заводы Эмиля Липгардта и Густава Листа, хорошо знакомые сельскимъ хозяевамъ и находящіеся: одинъ—на Мясницкой, а другой—противъ Кремля, чего не бываетъ въ самыхъ крупныхъ центрахъ западно-европейской, обработывающей промышленности. Въ этомъ отношеніи надо отдать намъ полную справедливость,—Россія въ короткое время опередила Европу. Москва издревле была сердцемъ Россіи, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, отражался характеръ и направленіе русской жизни въ данное время. Таковымъ осталась она и нынѣ. Старинное выраженіе о цвѣтущемъ провинціальномъ городѣ, что онъ „городокъ—Москвы уголокъ"—вѣрно и нынѣ. Всякій провинціальный городъ, имѣющій малѣйшее основаніе быть не только административнымъ центромъ, но имѣть свою собственную самостоятельную жизнь, представляетъ нынѣ тотъ же исключительно промышленно-торговый характеръ, что

Digitized by Google

и Москва. Въ немъ, точно также, какъ и въ Москвѣ, преобладающими частями народонаселенія являются нынѣ, съ одной стороны, плутократія, съ другой—пролетаріатъ, разумѣется, въ большей или меньшей степени пропорціонально сходству даннаго города со своимъ прототипомъ. Объ формы настоящаго городского населенія, плутократія и пролетаріатъ, явленіе совершенно новое въ Россіи. Несомнѣнно, въ городахъ прежней Россіи бывали и богатые, и бѣдные жители, но только нынѣ мы видимъ широкое, преобладающее развитіе вышеупомянутыхъ двухъ типовъ, и это безспорно—результатъ положенія, пріобрѣтеннаго отечественной промышленностью въ послѣднее время. Изъ статистическаго атласа города Москвы (выпускъ второй, 1890 г.) мы узнаемъ, что жильцовъ, нанимающихъ изъ вторыхъ рукъ отдѣльныя комнаты и части комнатъ (углы) въ Москвѣ 63.046 человѣкъ, что́ составляетъ нѣсколько болѣе 10% населенія обыкновенныхъ квартиръ, тогда какъ въ Берлинѣ ихъ менѣе *одного процента*. Надо отдать полную справедливость, что и относительно пролетаріата Москва въ короткое время опередила Европу.

Изъ того же атласа мы узнаемъ, что домовъ-особняковъ, составляющихъ одну квартиру, въ Москвѣ—2.359. Изъ нихъ во владѣніи купцовъ и почетныхъ гражданъ—955; цеховыхъ—461; крестьянъ—245 и дворянъ—151. Я зналъ, и очень хорошо зналъ Москву пятидесятыхъ годовъ, такъ какъ провелъ въ ней на службѣ слишкомъ восемь лѣтъ съ 1850 по 1859 годъ. Москва тогда была совершенно другимъ городомъ и вмѣстѣ являлась очень вліятельнымъ, умственнымъ центромъ. Помню очень хорошо, какое обаяніе производили на насъ, тогдашнюю молодежь, тѣ кружки и лица большей или меньшей величины, значеніе которыхъ обусловливалось единственно умственной дѣятельностью. Хотя тогдашняя молодежь усердно занималась танцовальными упражненіями, но на ней все же отражалось то общественное вліяніе, —тотъ, если можно такъ выразиться, тонъ, который придавали московскому обществу того времени такіе люди, какъ Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковы, Кирѣевскіе, Черкасскіе и пр. Часть зимы 1852—1853 г., помню, я провелъ въ Смоленскѣ на дворянскихъ выборахъ, продолжавшихся въ тѣ отдаленныя времена несравненно дольше, чѣмъ нынѣ, и тамъ, въ губернскомъ городѣ, я нашелъ отблескъ Москвы,—отблескъ, правда, слабый, не яркій, но общественно вполнѣ тождественный.

Нынѣ Москва давно уже перестала быть центромъ этой дѣятельности, или, лучше сказать, перестала быть центромъ умственной дѣятельности прежняго характера. Настоящій характеръ, настоящій колоритъ жизни и дѣятельности сердца Россіи проникъ и въ умственную сферу въ томъ видѣ, въ которомъ она нынѣ проявляется. Проявленіе это,

Digitized by Google

въ свою очередь, воздѣйствовало на деревню, привыкшую въ настоящее время въ почтовые дни воспринимать присылаемую ей городомъ умственную пищу. Относительно тѣхъ положеній, мыслей, изъ которыхъ составляются убѣжденія и, наконецъ, формируется то или другое направленіе общественнаго мнѣнія, надо сознаться, не деревня управляетъ городомъ, а городъ деревней. Это, полагаю, вѣрно повсюду. Крупные центры народонаселенія одни только могутъ удовлетворить той насущной потребности нашего времени въ ежедневномъ ознакомленіи со всеобщей жизнью, которое даетъ періодическая печать. Тѣмъ самымъ эти центры пріобрѣли безспорно могучее средство вліять на направленіе общественнаго мнѣнія деревни. Прежде интеллигенція деревни, дворянство, проводя зиму въ городахъ, могла взаимнымъ общеніемъ выработывать свои собственные взгляды и убѣжденія; нынѣ, когда нужда закрѣпила каждаго въ деревнѣ въ своемъ углу и устранила его даже отъ мѣстныхъ, доступныхъ, мелкихъ центровъ народонаселенія, деревня окончательно подпала вліянію города. Москва сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ имѣла безспорно громадное значеніе въ великихъ реформахъ прошлаго царствованія. Въ ней, подъ покровомъ оффиціальной наружности, умственная общественная жизнь выработала тѣ силы, которыя много помогли августѣйшему строителю жизни русской въ его дѣятельности; да и въ провинціальныхъ городахъ до-реформенной Россіи всюду находились люди, вполнѣ подготовленные для исполненія того, что предначертано было правительствомъ. Нынѣ прежняя связь города съ деревней порвалась: городъ пріобрѣлъ самостоятельную, вліятельную жизнь; деревня разбилась на разрозненныя единицы. Ничего нѣтъ удивительнаго при такомъ положеніи, что не только не встрѣчается въ деревнѣ противодѣйствія тѣмъ экономическимъ убѣжденіямъ, которыя положительно вредны ея интересамъ, но эти убѣжденія горячо ею раздѣляются. И въ деревнѣ вѣруютъ нынѣ въ государственную необходимость охраненія доходности отечественной промышленности, и въ деревнѣ убѣждены нынѣ, что это охраненіе—обязанность истиннаго патріотизма. Посмотримъ же, какова доходность отечественной промышленности.

Императорское вольное экономическое общество разработало подробно ходатайства объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ, и издало ихъ отдѣльной брошюрой, въ которой сгруппировало массу весьма интересныхъ цифръ, свѣденій и изысканій. Въ нихъ, въ этихъ ходатайствахъ (стр. 150), приведенъ размѣръ чистой прибыли на основной капиталъ двѣнадцати промышленныхъ товариществъ за 1887 годъ, взятый изъ опубликованныхъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ отчетовъ. Наименьшій размѣръ, это—15% (Россій-

Digitized by Google

ская бумагопрядильня въ Петербургѣ); наибольшій—45% (товарищество шерст. издѣлій Торнтона); средній же всѣхъ двѣнадцати—нѣсколько болѣе 26%. Несомнѣнно частные фабрики и заводы, не обязанные представлять оффиціальныхъ отчетовъ, получаютъ не меньшую прибыль; наконецъ, самые отчеты въ виду трехъ-процентнаго сбора въ казну, составляются вѣроятно не съ цѣлью показывать несуществующіе барыши. Во всякомъ случаѣ, средняя цифра: *двадцать-шесть процентовъ чистой прибыли*—достаточно краснорѣчива, и доходность отечественной промышленности слѣдуетъ признать высокою.

Сельско-хозяйственный кризисъ еще давно отвергался совершенно вліятельнымъ общественнымъ мнѣніемъ; теперь онъ признается, но далеко не безусловно. Департаментъ неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ въ отчетѣ своемъ за 1888 годъ высчитываетъ населеніе Россіи за этотъ годъ въ 114.800 тысячъ душъ и въ томъ числѣ горожанъ 13.700 тысячъ душъ; слѣдовательно, безошибочно можно сказать, что русскаго сельскаго населенія сто милліоновъ душъ. Это населеніе, какъ признано нынѣ, страдаетъ отъ пониженія цѣнъ на его произведенія. Причины этого явленія служатъ предметомъ споровъ, разъясняются различно, смотря потому, кто берется за ихъ разъясненіе,—но самый фактъ не отвергается. Вѣскимъ доказательствомъ существованія этого факта служитъ учрежденная три года тому назадъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссія по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія. Съ тѣхъ поръ, въ истекшіе три года, цѣны эти не измѣнились, и если мѣстами повысились, то только тамъ, гдѣ вслѣдствіе неурожая была настоятельная надобность въ зернѣ. Отъ такого временнаго, случайнаго повышенія —производители зерна ничего не выиграли, да и не могли выиграть. Въ неурожайной мѣстности продавать было нечего или очень мало, а въ урожайной, за отсутствіемъ у насъ улучшенныхъ путей сообщенія, направленныхъ для удовлетворенія внутренняго потребленія, цѣны на мѣстахъ не могли быть высокими. Положеніе сельскаго населенія въ послѣднее время нисколько не улучшилось, да и не могло улучшиться. Разоренное три года тому назадъ, оно еще болѣе разорилось. Между тѣмъ это же самое разоренное населеніе доставило въ эти послѣдніе три года громадный вывозъ своихъ произведеній за границу. Принято нашимъ руководящимъ общественнымъ мнѣніемъ указывать на выгодность торговаго баланса, какъ на единственную цѣль, къ которой должна стремиться наша экономическая политика. Для сего—поучаютъ насъ—необходимо всѣми средствами ограждать нашу отечественную промышленность съ тѣмъ, чтобы ни одинъ нашъ рубль не уходилъ за границу, такъ какъ онъ уже не вернется

Digitized by Google

къ намъ; а чѣмъ болѣе мы сохранимъ рублей, тѣмъ выше будетъ наше общее благосостояніе. Не стану оспаривать такого экономическаго ученія; научные споры съ ссылкой на научные авторитеты въ такой наукѣ, какъ политическая экономія, далеко не достигшей положенія точной науки, ни къ чему не ведутъ и мало разъясняютъ вопросы; да, наконецъ, научные споры не по плечу нашему брату деревенскому жителю. Мы въ деревнѣ имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью, и о ней только и будемъ говорить. Прекрасно,—выгодность торговаго баланса—главная и единственная цѣль нашей экономической политики; но въ такомъ случаѣ въ немъ, въ этомъ балансѣ, полагаю, никто не будетъ отвергать, что ввозъ, за который мы платимъ, составляетъ отрицательную величину, а вывозъ, за который мы получаемъ,—положительную. Вывозъ одинъ даетъ намъ тотъ рубль, о сохраненіи и накопленіи котораго мы такъ заботимся, да какой еще рубль: металлическій, золотой. Вывозъ же нашъ—это исключительно зерно, произведеніе сельскаго населенія. Мнѣ кажется, что главный факторъ положительной стороны нашего торговаго баланса—сельское населеніе, получившее за свои произведенія тотъ металлическій рубль, котораго другіе классы не получаютъ—долженъ благоденствовать. Посмотримъ теперь, выгодна ли для этого фактора пріобрѣтенная его трудомъ выгодность нашего торговаго баланса.

Въ ходатайствахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества (стр. 119) особенно интересна глава: *фактъ объдненія всѣхъ классовъ народонаселенія*. По приведеннымъ въ этой главѣ даннымъ оказывается, что среднее, годовое потребленіе хлѣба на душу населенія доходило въ десятилѣтіе 1870—1879 годовъ приблизительно до 16,98 пуд., а въ шестилѣтіе 1883—1889 годовъ сократилось до 16,81 пуд. Если же перевести эту цифру на суточную порцію, не теряя изъ виду, что въ составъ ея входитъ весь хлѣбъ, не только съѣдаемый душою, но и выпиваемый въ видѣ кваса, водки, браги, пива, а также скармливаемый домашнимъ животнымъ,—то окажется, что средняя русская душа потребляетъ въ сутки *менѣе половины солдатскаго пайка*, состоящаго, какъ извѣстно, кромѣ приварочныхъ денегъ, изъ трехъ фунтовъ печенаго хлѣба. Смѣло можно сказать, что нашъ блестящій хлѣбный экспортъ, доставляющій необходимое намъ золото, основанъ безусловно на нуждѣ, на тяжкой, безспорной нуждѣ. Если къ этому прибавить тѣ ужасныя, антигигіеническія условія, въ которыхъ живетъ сельское населеніе, особенно тамъ, гдѣ оно исключительно занимается земледѣліемъ, то вполнѣ понятно будетъ, что процентъ смертности въ Россіи увеличивается, а не уменьшается, какъ въ другихъ странахъ. По вычисленіямъ профессора Тарханова, въ двадцатилѣтіе 1779—1799 гг. процентъ этотъ не превышалъ 20 че-

Digitized by Google

ловѣкъ на тысячу душъ, а въ 1865—1885 годахъ онъ составлялъ 35,6 человѣкъ. Въ столѣтіе процентъ смертности въ Россіи чуть не удвоился. Замѣчательное явленіе,—если принять въ разсчетъ тѣ медицинскія силы, ту возможность борьбы съ болѣзнями, которая была у насъ сто лѣтъ тому назадъ, и—теперь.

Вышеприведенные разсчеты относятся ко всему народонаселенію Россіи; но мы уже видѣли, что сельское населеніе составляетъ главную, преобладающую его часть; наконецъ, въ городахъ нашихъ, при настоящемъ быстромъ ихъ ростѣ, то ихъ населеніе, которое обречено на недостаточное питаніе, скученность размѣщенія, болѣзни и въ концѣ концовъ на усиленную смертность,—безспорно тѣ же сельчане, загнанные нуждою въ городъ. Вслѣдствіе сего мы, полагаю, въ правѣ отнести настоящее общее уменьшеніе хлѣбнаго потребленія, а также и усиленіе смертности преимущественно на сельское населеніе. Это же самое населеніе — производитель того зерна, составляющаго единственно серьезный предметъ нашего экспорта, вмѣстѣ съ тѣмъ главный и—количественно—единственно серьезный потребитель произведеній нашей отечественной промышленности. Въ тѣхъ же ходатайствахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества мы находимъ интересную таблицу (стр. 116—117), въ коей вычислено, насколько дороже у насъ платитъ потребитель за нѣкоторые предметы, сравнительно съ тѣмъ, что̀ существуетъ въ Финляндіи, Германіи и Австріи. Беру изъ этой таблицы только двѣ статьи, всего болѣе необходимыя сельскому населенію, а именно сельско-хозяйственныя орудія и бумажныя ткани. За первыя—русскій потребитель платитъ дороже финляндца на 498 процентовъ, германца—на 159 и австрійца—на 119; за вторыя—дороже финляндца на 105 процентовъ, германца—357 и австрійца—на 445 процентовъ. Въ общемъ, по вычисленіямъ тѣхъ же ходатайствъ (стр. 123), охраненіе высокой доходности отечественной промышленности равносильно обложенію въ ея пользу русской души ежегодной податью въ 5 р. 77½ коп.

Только-что приведенныя мною цифровыя данныя подверглись уже обсужденію въ періодической печати и нѣкоторыми органами ея оспаривались. Статистическія данныя всюду, и особенно у насъ, далеки отъ непогрѣшимости, и такая цифра, какъ напримѣръ 5 р. 77½ к., легко можетъ быть оспариваема. Въ сущности однако нельзя не признать, что насколько выше искусственно поднята стоимость того или другого необходимаго фабриката, настолько дороже приходится за него платить потребителю. Слѣдовательно, можно оспаривать размѣръ обложенія, а никакъ уже не самаго движенія русской души въ пользу высокой доходности отечественной промышленности. Сократимъ цифру 5 р. 77½ к. на половину, даже болѣе, хотя бы до двухъ

Digitized by Google

рублей съ души, то и тогда это обложеніе будетъ превышать ту подушную подать, которую правительство признало необходимымъ уничтожить. Вообще обложеніе народонаселенія всегда и всюду всѣми признавалось неминуемымъ послѣдствіемъ покровительства промышленности. Обыкновенно такое покровительство, и особенно значительное, представляется временной мѣрой, которой предполагается съ выгодностью возбудить конкурренцію въ покровительствуемой промышленности и тѣмъ удешевить ея произведенія на внутреннемъ рынкѣ. Покровительство отечественной промышленности—дѣло не новое у насъ. Достаточно указать, что чины мануфактуръ- и коммерціи-совѣтниковъ, а также и другія отличія, даруемыя за успѣшную дѣятельность на поприщѣ отечественной промышленности и торговли,—изобрѣтеніе далеко не нашего времени. Наконецъ, послѣднее время, когда покровительство приняло болѣе чѣмъ когда-либо значительные размѣры, по многимъ фактическимъ даннымъ, приведеннымъ тѣми же ходатайствами Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, число фабрикъ и заводовъ у насъ нисколько не увеличилось, а, напротивъ, фабричное производство приняло фактически монопольный характеръ.

Собственно для сельскаго населенія обложеніе русской души для охраненія высокой доходности отечественной промышленности—имѣло еще другое, не менѣе тяжкое послѣдствіе. Въ виду повышенія нашихъ таможенныхъ пошлинъ, принявшаго въ 1877 году большіе размѣры переводомъ ихъ сразу съ кредитной на металлическую валюту, заграничный покупатель нашего зерна обложилъ его въ 1879 году довольно умѣренной пошлиной. Съ тѣхъ поръ изъ года въ годъ, по мѣрѣ ходатайствъ непосредственно заинтересованныхъ въ томъ лицъ, мы повышали таможенныя пошлины въ такомъ размѣрѣ, что онѣ утрачивали свой фискальный характеръ, а дѣлались запретительными,—слѣдовательно, правительство теряло въ своихъ доходахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ заграничный покупатель нашего зерна увеличилъ свою пошлину на него. По исчисленіямъ министерства финансовъ, сельское населеніе уплатило въ 1888 году иностраннымъ государствамъ за свое зерно 48.400 тысячъ рублей металл. пошлины. Руководящее общественное мнѣніе разъяснило, что пошлина эта якобы уплачивается преимущественно покупателемъ; что паденіе цѣны нашего зерна на мѣстахъ производства нисколько не зависитъ отъ того, что это зерно обложено въ пользу иностранныхъ казначействъ, а отъ многихъ другихъ причинъ чисто мѣстнаго характера. Такія старанія уменьшить или скрасить краснорѣчивую убѣдительность цифръ—дѣло не новое во всемъ, что можетъ хоть слегка поколебать настоящее направленіе нашей экономической политики. Уже давно

Digitized by Google

проповѣдуется, что иностранныя пошлины, коими обложено наше зерно, имѣютъ чисто политическій характеръ, что онѣ боевыя пошлины, вслѣдствіе чего долгъ патріотизма не подчиняться имъ, а вести борьбу; вести же ее можно и должно только повышеніемъ таможеннаго тарифа. Деревня, подъ вліяніемъ умственной дѣятельности города, увѣровала въ политическій колоритъ чисто экономической борьбы, и убѣдилась, что долгъ патріотизма употреблять только произведенія отечественной промышленности, забывая при томъ, что покупка вещи, оплатившей казнѣ извѣстную пошлину, гораздо полезнѣе этой казнѣ, чѣмъ пріобрѣтеніе таковой же вещи, сдѣланной дома,—разумѣется, предполагая, что въ таковомъ дѣлѣ есть малѣйшее мѣсто для патріотизма. Экономическая борьба и велась у насъ послѣднее время съ неослабной энергіей. Чуть не каждый годъ таможенный тарифъ то на тотъ, то на другой фабрикатъ—повышался, и сельское населеніе все болѣе и болѣе разорялось. Правда, доходность отечественной промышленности, какъ мы выше видѣли, оказалась очень высокой, и въ этомъ отношеніи мы можемъ сказать, что одержали побѣду,—и побѣду тѣмъ болѣе знаменательную и блестящую, что, при обѣднѣніи потребителя отечественныхъ фабрикатовъ сельскаго населенія, сбытъ произведеній отечественной промышленности долженъ былъ уменьшиться, а слѣдовательно, и доходность затрудниться.

Могло ли сельское населеніе не разориться подъ гнетомъ двухъ такихъ тяжкихъ обложеній? По вычисленіямъ ходатайствъ И. В. Э. Общества (стр. 117), сельское населеніе уплачиваетъ иностраннымъ казначействамъ пошлины за свое зерно 18 коп. съ пуда. Съ другой стороны, оно или платитъ въ три-дорога за необходимыя ему произведенія, или должно въ нихъ себѣ отказать. Для примѣра возьмемъ желѣзо, потребленіе котораго—лучшее мѣрило экономическаго развитія страны. Среднимъ числомъ (стр. 17, тамъ же), у насъ на душу населенія приходится всего $^1/_2$ пуда желѣза въ годъ, тогда какъ въ Германіи болѣе 5, во Франціи около 6, а въ Англіи до 10 пудовъ! Размѣръ потребленія желѣза у насъ указываетъ не только на уровень экономическаго развитія нашего сельскаго населенія, но и на возможность,—такъ сказать, на степень возможности такого развитія. Если мы къ этому прибавимъ обложеніе этого населенія въ пользу отечественной промышленности въ какомъ угодно уменьшенномъ размѣрѣ, то и тогда должны будемъ придти къ заключенію, что при настоящемъ направленіи нашей экономической политики сельское населеніе не могло не разориться, и также, что помощь этому населенію всего легче достигнется измѣненіемъ этого направленія. Въ сущности, дѣйствительная, наглядная причина паденія

Digitized by Google

цѣнъ на зерно у насъ—пошлина, уплачиваемая иностраннымъ казначействамъ; но эта пошлина введена въ отвѣтъ на запрещеніе ввоза къ намъ фабрикатовъ, слѣдовательно, отъ насъ зависитъ вполнѣ—не скажу—уничтожить эту пошлину, но уменьшить ее. Несомнѣнно, правительства, облагающія наше зерно, съ радостью вступятъ въ соглашеніе съ нами, разъ мы хоть сколько-нибудь отворить дверь для сбыта произведеній ихъ фабрикъ. Прекрасно, но тогда—возразятъ намъ—насъ наводнятъ иностранными фабрикатами. Если даже такъ, если послѣ столькихъ лѣтъ покровительства наша отечественная промышленность не въ состояніи конкуррировать съ иностранной, то и тутъ страшнаго ничего нѣтъ. Стомилліонное русское сельское населеніе станетъ болѣе получать за свои произведенія и менѣе платить за все, что̀ ему необходимо; очевидно, неминуемо благосостояніе его должно увеличиться и увеличиться настолько, насколько болѣе оно будетъ получать и менѣе платить. Благосостояніе же большинства въ государствѣ и увеличеніе этого благосостоянія не могутъ быть вредными этому государству. Положеніе это никакими аргументами и ссылками на научные авторитеты опровергнуто быть не можетъ; однако, оно опровергается.

У насъ принято говорить, что усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ въ шестидесятыхъ годахъ насъ разорила, такъ какъ мы переплатили массу денегъ за все необходимое для этихъ дорогъ, какъ-то: рельсы, паровозы, вагоны и проч. Отвергать необходимость или даже пользу желѣзныхъ дорогъ врядъ ли кто будетъ, а затѣмъ, разъ онѣ необходимы, то, мнѣ кажется, для страны, нуждающейся въ нихъ, весь вопросъ сводится къ тому, чтобы имѣть ихъ на возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ. Какимъ образомъ капитальное сооруженіе, имѣющее общеполезную цѣль и этой цѣли достигнувшее, разорило страну, разъ оно построено дешево? Въ ходатайствахъ И. В. Э. Общества (стр. 242) приводится примѣръ, что наши рельсы нынѣ, несмотря на громадныя затраты правительства для введенія ихъ производства у насъ, стоютъ въ $2^{1}/_{2}$ раза дороже иностранныхъ. Какъ извѣстно, правительство одно время, помимо покровительственной таможенной пошлины, выдавало попудную премію за выдѣлываемые въ нашемъ отечествѣ рельсы. Положительно трудно понять, какимъ образомъ желѣзная дорога, призванная при надлежащемъ ремонтѣ служить вѣчно, проведенная по разрѣшенію правительства,—слѣдовательно, тамъ, гдѣ слѣдуетъ,—и построеніая подъ наблюденіемъ правительственныхъ техниковъ,—значитъ, такъ, какъ слѣдуетъ,—разорила страну, потому что построена изъ дешевыхъ иностранныхъ матеріаловъ; а точно такая же дорога, построенная изъ болѣе дорогихъ отечественныхъ, т.-е. построенная съ бо̀льшими затратами, обогатила

Digitized by Google

страну. Еще труднѣе это понять, если мы вспомнимъ, что постройка желѣзныхъ дорогъ въ шестидесятыхъ годахъ была произведена на занятые за границей капиталы; слѣдовательно, никакъ уже нельзя утверждать, что нашъ рубль ушелъ за границу за тотъ или другой матеріалъ, пріобрѣтенный для сей постройки. Все, что̀ можно сказать, это—что часть заключеннаго займа мы получили въ видѣ рельсовъ, паровозовъ, вагоновъ и проч. Но вѣдь они у насъ остались, мы ими пользуемся, и даже тамъ, гдѣ проведенныя желѣзныя дороги достигли полной производительности, получаемъ отъ употребленія этихъ заграничныхъ матеріаловъ весьма приличный доходъ. Какъ же можно утверждать, что постройка желѣзныхъ дорогъ въ шестидесятыхъ годахъ насъ разорила? однако, это утверждается, и этому утвержденію вѣрятъ.

Одинъ изъ главныхъ аргументовъ лицъ, поддерживающихъ необходимость охраненія высокой доходности отечественной промышленности, это—указаніе на быстрое экономическое развитіе Сѣверной Америки, происшедшее якобы единственно отъ высокаго уровня таможенныхъ ея пошлинъ. Дѣйствительно, великая сѣверо-американская республика представляетъ образецъ замѣчательнаго экономическаго развитія; но оно болѣе всего произошло отъ того, что она, по своему положенію, избавлена отъ тѣхъ громадныхъ затратъ на вооруженіе, отъ которыхъ разоряются европейскія государства, и вслѣдствіе сего имѣетъ возможность болѣе тратить на производительные расходы. Можно смѣло сказать, что она экономически развилась и развивается не вслѣдствіе таможенной своей политики, а—вопреки ей. Сѣверная Америка представляетъ собою двѣ совершенно различныя части: восточные штаты съ культурой, ничѣмъ не уступающей западно-европейской, и западные—съ чисто-земледѣльческимъ населеніемъ, обработывающимъ дѣвственную почву, правда, все болѣе теряющую отъ культуры свое природное плодородіе. При существующемъ образѣ правленія, направленіе въ ней экономической политики зависитъ всецѣло отъ того, въ рукахъ представителей какихъ интересовъ находится политическая власть въ данное время. Въ Америкѣ, какъ и у насъ, покровительство обработывающей промышленности составляетъ обложеніе всего народонаселенія въ пользу ея, и точно также сельское населеніе обложено сугубой податью, какъ въ пользу мѣстной отечественной промышленности, такъ и въ пользу заграничнаго покупателя произведеній сельскаго населенія; но тамъ тягость этого двойного обложенія несравненно легче, чѣмъ у насъ для этого же населенія. Американская промышленность уже давно достигла такого развитія, что она вполнѣ можетъ конкуррировать съ западно-европейской. Мы это видѣли у себя; американскіе паровозы

Digitized by Google

еще недавно покупались для нашихъ желѣзныхъ дорогъ. При той внутренней конкурренціи, которая существуетъ въ Америкѣ, а также при существующей тамъ громадной сѣти улучшенныхъ путей сообщенія, пользованіе всѣмъ необходимымъ для потребителя облегчено чрезвычайно; также облегченъ и сбытъ произведеній земледѣльческаго труда. Кромѣ того, въ Америкѣ торговля, вообще хлѣбная, особенно доведена до высокой степени совершенства, такъ сказать, въ техническомъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ эта торговля съумѣла расширить сбытъ своего зерна въ Англіи, не облагающей пошлиной хлѣба, и значительно уменьшить на этомъ рынкѣ сбытъ нашего зерна, несмотря на то, что мы тамъ изстари были главными поставщиками хлѣбныхъ грузовъ. Вслѣдствіе того земледѣльческому населенію въ Америкѣ гораздо легче выносить сугубую тяжесть таможенныхъ пошлинъ, чѣмъ нашему русскому, не пользующемуся положительно никакими, облегчающими эту тяжесть, обстоятельствами. Врядъ ли послѣ этого можно сослаться на Сѣверную Америку какъ на убѣдительный аргументъ въ пользу охраненія высокой доходности нашей отечественной промышленности.

Убѣжденіе въ необходимости такового охраненія положительно удивительно у насъ, такъ какъ именно у насъ облегченіе таможенныхъ тарифовъ неоднократно производилось въ нашемъ отечествѣ и всегда сопровождалось не только увеличеніемъ всеобщаго благосостоянія, но и усиленіемъ развитія менѣе охраняемой отечественной промышленности. Въ ходатайствахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества (стр. 124—129) разсказаны затрудненія, которыя встрѣтила Екатерина Великая въ задуманномъ ею пониженіи чрезвычайно высокаго тарифа 1757 года. Только настойчивостью императрицы было достигнуто намѣченное ею пониженіе, и несмотря на то, что вѣкъ Екатерины II былъ для Россіи вѣкомъ почти непрекращавшихся войнъ, благодаря пониженію таможеннаго тарифа, торговые обороты Россіи въ тридцатилѣтіе съ 1762 по 1792 годъ увеличились въ *три съ половиною раза*; производство же русскихъ фабрикъ и заводовъ возросло—на 136½ процентовъ. Нынѣ, какъ и тогда, остаются глубоко вѣрными указанія, данныя императр. Екатериной въ ея Наказѣ: „не можетъ быть ни искусное рукодѣліе, ни твердо основанная торговля, гдѣ земледѣліе въ уничиженіи". Нельзя не вспомнить затѣмъ записку коммерціи совѣтника Попова, вызвавшую въ 1844 году собраніе особой, Высочайше утвержденной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Орлова. Въ этой запискѣ, между прочимъ, сказано, „что для развитія нашей торговли и промышленности вреденъ не принципъ покровительства, а избытокъ его".

Digitized by Google

Врядъ ли нынѣ этотъ избытокъ можетъ быть подвергнутъ малѣйшему сомнѣнію.

Путь къ поднятію благосостоянія стомилліоннаго русскаго сельскаго населенія вполнѣ ясенъ:—облегчить для него, по возможности, тягость охраненія высокой доходности отечественной промышленности. Чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ скорѣе это населеніе оправится отъ настоящаго своего обѣднѣнія. Къ несчастью, настроеніе руководящаго общественнаго мнѣнія не даетъ основанія надѣяться на таковую перемѣну въ нашей экономической политикѣ.

Въ обществѣ часто доводится слышать болѣе или менѣе остроумныя насмѣшки надъ трехлѣтними трудами коммиссіи, по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты,—трудами до сихъ поръ не достигшими ни до какихъ положительныхъ и серьезныхъ результатовъ. Въ сущности, эти нареканія врядъ ли могутъ быть признаны справедливыми. Трудно второстепенными мѣрами врачевать недугъ, когда причина его остается неизмѣнной. Въ печать проникли свѣденія о мѣрахъ, предположенныхъ коммиссіей; наконецъ, и самою печатью, такъ сказать, самостоятельно разработывались и предлагались мѣры къ поднятію у насъ сельскаго хозяйства. Постараемся сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

II.

Необходимость упорядоченія хлѣбной торговли врядъ ли нынѣ можетъ еще быть предметомъ какого-либо обсужденія. О существующихъ накладныхъ расходахъ этой торговли писалось и говорилось очень много и очень давно, а эти расходы все же остались и остаются тѣми же, какими были. Ожидавшееся значительное пониженіе тарифовъ желѣзныхъ дорогъ на хлѣбные грузы состоялось, но въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ; основанія этихъ тарифовъ, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, остались тѣ же, какъ и прежде. Точно также, какъ и прежде, тарифъ лѣтомъ понижается, чтобы отвлечь грузы отъ Волги, и зимой повышается, когда конкурренція Волги устранена. Точно также мѣстный тарифъ высокъ, и точно также, какъ и прежде, на короткихъ разстояніяхъ гужевая доставка успѣшно конкуррируетъ съ желѣзной дорогой. Впрочемъ, необходимость упорядоченія хлѣбной торговли никѣмъ не отвергается, а слѣдовательно остается только пожелать, чтобы это упорядоченіе тѣмъ или другимъ путемъ сдѣлалось совершившимся фактомъ. Изъ предлагаемыхъ затѣмъ въ послѣднее время мѣръ для поднятія нашего сельскаго хозяйства, наибольшимъ вниманіемъ общественнаго мнѣ-

Digitized by Google

нія пользовались двѣ, а именно: необходимость для сельскаго населенія научныхъ спеціальныхъ свѣденій для правильной обработки полей, и необходимость для того же населенія въ дешевомъ и доступномъ кредитѣ. Поговоримъ же о нихъ.

Никто не станетъ отрицать, что полеводство у насъ находится въ жалкомъ состояніи. Достаточно сказать, что мы еще не вышли изъ трехпольной системы, и что плодосмѣнная, многопольная культура является у насъ рѣдкимъ, весьма рѣдкимъ исключеніемъ. Точно также, полагаю, всякій скажетъ, что распространеніе, самое широкое распространеніе сельско-хозяйственнаго спеціальнаго знанія во всѣхъ его родахъ и видахъ въ высшей степени желательно. Принципіально это—такъ, но начавшее у насъ улучшаться сельское хозяйство стало падать въ послѣднее пятилѣтіе и падать вслѣдствіе своей бездоходности; вопросъ, значитъ, совсѣмъ не въ томъ, что́ нужно для улучшенія культуры, а какъ увеличить доходность этого хозяйства. Вслѣдствіе сего правильной постановкой вопроса была бы слѣдующая: необходимо ли знаніе для увеличенія доходности данной промышленности? Ходатайства Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества даютъ слѣдующій отвѣтъ. Тамъ (стр. 149 — 150) мы читаемъ: „оффиціально-собранныя въ 1887 году данныя показали, что изъ общаго числа 21.810 лицъ, завѣдывавшихъ въ Россіи фабрично-заводскимъ производствомъ, только 6,8 процентовъ получили техническое образованіе, да и въ этомъ ничтожномъ числѣ болѣе трети приходилось на долю иностранцевъ; остальные затѣмъ 93,2 процента не имѣли за собой не только технической, но даже элементарной научной подготовки“. Высокая доходность отечественной промышленности извѣстна, и смѣло можно сказать, что сельско-хозяйственная съ неописанной радостью удовольствовалась бы четвертой и даже меньшей частью этой доходности. Патологическія явленія полнокровія и малокровія очень сходны между собой: головокруженіе, капризный аппетитъ, замедленная дѣятельность главныхъ функцій организма—могутъ происходить отъ совершенно противоположныхъ причинъ. Такъ и въ данномъ случаѣ: отечественная промышленность не нуждается въ спеціальномъ знаніи, такъ какъ она и безъ него получаетъ громадные доходы; сельско-хозяйственной же это знаніе непосильно вслѣдствіе ея обѣднѣнія. Отсутствіе знанія въ обѣихъ главныхъ отрасляхъ народнаго труда—явленіе вполнѣ сходное, тождественное, но причины этого явленія діаметрально противоположныя. Высокая доходность и убыточность имѣютъ совершенно одинаковыя послѣдствія.

Спеціальное знаніе, само по себѣ, безъ приложенія, не имѣетъ спеціальнаго значенія; для приложенія же его въ сельскомъ именно

Digitized by Google

хозяйствѣ требуются затраты. Основаніе полеводства неминуемо—хорошая пахота. Какъ бы ни восхваляли всякія усовершенствованныя родныя сохи, но онѣ не могутъ замѣнить самаго плохого плуга, безъ котораго нѣтъ хорошей пашни. Улучшенныя же сельско-хозяйственныя орудія почти недоступны по цѣнѣ даже для средняго хозяйства. Они обложены у насъ весьма высокой таможенной пошлиной, и, разумѣется, туземное производство держится цѣнъ, которыя обусловливаются этой пошлиной. Исторія введенія ея очень интересна. До 1885 г. привозъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій былъ безпошлинный, что нисколько не помѣшало развитію сельско-хозяйственнаго машиностроенія въ Россіи. Это доказываютъ цифры. Число механическихъ заведеній и мастерскихъ, занимавшихся этимъ дѣломъ въ 1862 году, не превышало 64; къ 1885 г. оно возросло до 435. Ходатайства отечественной промышленности, занимающейся сельскохозяйственнымъ машиностроеніемъ, объ увеличеніи ея доходности давно поступали куда слѣдуетъ и передавались въ учреждаемыя на сей предметъ коммиссіи. Одна изъ таковыхъ признала необходимымъ обложить сельско-хозяйственныя машины и орудія таможенной пошлиной въ 30 коп. съ пуда. Тогдашній министръ финансовъ (генералъ-адъютантъ Грейгъ) далъ заключеніе, что при современномъ состояніи сельскаго хозяйства въ Россіи едва ли было бы справедливымъ облагать русское землевладѣніе какимъ-либо новымъ налогомъ. Заключеніе министра было принято государственнымъ совѣтомъ и удостоилось Высочайшаго одобренія 3-го іюля 1880 года. Такое воззрѣніе государственнаго совѣта не измѣнилось и при пересмотрѣ тарифа въ 1882 году. Положеніе русскаго землевладѣнія съ теченіемъ времени нисколько не улучшилось, а напротивъ, постепенно все болѣе ухудшалось; правительство, однако, перемѣнило свой взглядъ по сему вопросу, и въ 1885 году обложило сельско-хозяйственныя машины и орудія таможенной пошлиной въ 50 коп. метал. съ пуда, а въ 1887 г. пошлина эта была повышена до 70 коп. метал. съ пуда вообще, а съ локомобилей, сѣнныхъ прессовъ, жмыходробилокъ, зернодробилокъ, корнерѣзокъ, центробѣжныхъ сливкоотдѣлителей, мялокъ, трепалокъ, ручныхъ мельницъ и элеваторовъ для молотилокъ—до 1 р. 40 к. метал. съ пуда. Это обложеніе русскаго землевладѣнія совпало съ другимъ, принятымъ германскимъ правительствомъ въ томъ же 1885 году, а именно съ повышеніемъ пошлины на наше зерно съ 30 на 50 марокъ. Позволителенъ вопросъ: дѣйствительно ли требуется спеціальное знаніе, когда затрудняется его примѣненіе?

По правительственнымъ предположеніямъ, встрѣченнымъ весьма сочувственно общественнымъ мнѣніемъ, учреждаются у насъ низшія сельско-хозяйственныя школы,—и кромѣ того, преподаваніе краткихъ

Digitized by Google

необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ познаній теоретически и практически пріурочивается къ существующимъ сельскимъ училищамъ. Послѣднее намъ, деревенскимъ жителямъ, внушаетъ нѣкоторое недоумѣніе. Въ мѣстностяхъ чисто-земледѣльческихъ, гдѣ именно сельско-хозяйственныя, даже элементарныя познанія всего болѣе необходимы, занятія въ сельскихъ училищахъ начинаются очень поздно, по окончаніи полевыхъ работъ, и прекращаются съ началомъ ихъ. При производствѣ экзаменовъ, въ этихъ училищахъ каждогодно слышна всюду одна и та же жалоба учительскаго персонала, что многіе изъ учениковъ не могли явиться къ экзамену, такъ какъ, тотчасъ по вскрытіи полей отъ снѣга, были взяты на работы. При настоящемъ обѣднѣніи крестьянства, ребенокъ, достигшій возможности быть полезнымъ, по-неволѣ долженъ заработать свой хлѣбъ, или въ родительскомъ домѣ, или отдачей въ чужой. Позволительно недоумѣніе, какимъ образомъ при такихъ условіяхъ устроится та идилія, рекомендуемая многими, объ образцовомъ полѣ и садѣ при сельскомъ училищѣ, воздѣлываемомъ учениками подъ руководствомъ учителя. Что же касается спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ низшаго разряда, то очень вѣроятно, если настоящее положеніе землевладѣнія не измѣнится къ лучшему, что большинство окончившихъ въ нихъ курсъ не найдетъ возможности воспользоваться пріобрѣтеннымъ знаніемъ. Вообще, въ послѣднее время, учебныя заведенія, учреждаемыя съ спеціальною цѣлью удовлетворенія той или другой потребности, какъ-то не достигаютъ у насъ своей цѣли. Нельзя сказать, чтобы мы страдали избыткомъ спеціалистовъ, а между тѣмъ очень часто приходится встрѣчать людей, занимающихъ спеціальныя должности, совсѣмъ несогласныя съ научной подготовкой, ими полученной. Позволю себѣ привести одинъ примѣръ. Пензенское губернское земство открыло въ 1867 году фельдшерскую школу для обезпеченія губерніи въ низшемъ медицинскомъ персоналѣ. Съ 1867 по 1889 годъ выпущено было изъ этой школы 165 человѣкъ, со званіемъ фельдшера. По собраннымъ въ іюлѣ 1889 года свѣденіямъ, изъ этихъ 165 человѣкъ въ уѣздныхъ земствахъ губерніи состояло на службѣ: фельдшерами 39 человѣкъ и при губернской земской больницѣ 10. Объ участи остальныхъ 116 точныхъ свѣденій не имѣлось; но частнымъ образомъ извѣстно, что многіе изъ нихъ служатъ на желѣзной дорогѣ,—только совсѣмъ не въ качествѣ фельдшеровъ. Между тѣмъ, при разбросанности нашихъ сельскихъ поселеній на огромномъ пространствѣ, при частомъ появленіи въ нихъ всякихъ болѣзней и при нашихъ грунтовыхъ дорогахъ, потребность въ медицинскомъ персоналѣ всякаго рода, такъ сказать, безгранична. Къ несчастію, обстоятельства вынуждаютъ земства не расширять, а съужи-

Digitized by Google

вать свою дѣятельность. Съ другой стороны, мы видимъ совершенно противоположное явленіе. Съ введеніемъ акцизной системы фактически потребовался высокій уровень техники винокуренія. При существованіи обязательной нормы выкурки извѣстнаго количества безводнаго спирта изъ даннаго вѣса матеріала, какъ прежнія винокурни, такъ и прежніе винокуры оказались непригодными. Никакихъ спеціальныхъ заведеній для приготовленія механиковъ и винокуровъ не было, однако очень скоро отстроились повсюду винокуренные заводы, которые въ техническомъ отношеніи мало чѣмъ уступаютъ западно-европейскимъ; явились также и спеціалисты-винокуры, вполнѣ удовлетворительно справляющіеся съ трехъ-суточнымъ броженіемъ, которое еще недавно считалось невозможнымъ и немыслимымъ, и много винокуренъ дешевыхъ, вполнѣ пригодныхъ какъ для крупнаго, такъ и для мелкаго производства. Нельзя одобрить капиталистическаго направленія, даннаго въ послѣднее время винокуренію, но также нельзя не сказать, что вначалѣ акцизная система блистательно разрѣшила очень сложную задачу: она высоко подняла технику винокуреннаго производства безъ какихъ-либо затратъ со стороны правительства, и вмѣстѣ доставила, сравнительно съ прежнимъ, громадный доходъ казнѣ. Нельзя также, полагаю, не сказать, что на Руси всегда являются необходимые подходящіе люди, когда въ нихъ дѣйствительная надобность.

Однимъ распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ познаній не ограничивается руководящее общественное мнѣніе въ своей систематичной заботливости о поднятіи уровня крестьянскаго благосостоянія. Распространеніе техническихъ свѣденій необходимыхъ крестьянству въ его кустарномъ промыслѣ и поощреніе этого промысла занимаютъ его еще болѣе. Если взять всю періодическую печать за самый короткій періодъ времени, то непремѣнно въ ней окажется, пожалуй, и не одна статья о кустарномъ промыслѣ. Нѣтъ выставки, на которой не было бы спеціальнаго отдѣла и спеціальныхъ премій для этого промысла. Дѣйствительно, при настоящемъ общемъ положеніи землевладѣнія, земля можетъ прокормить крестьянство; но никакъ уже, развѣ за малыми исключеніями, она не уплатитъ лежащихъ на немъ обязательствъ. Слѣдовательно, обязательства эти должны быть выражены крестьяниномъ отдѣльно отъ земли, особымъ трудомъ, и потому все, что́ можетъ поднять, поощрить этотъ трудъ, является истиннымъ благодѣяніемъ; но осуществимо ли это благодѣяніе? Всякое производство, достигшее фабричнаго характера, неминуемо должно убить ручной трудъ, занимающійся одинаковымъ дѣломъ. Ожиданіе, что бѣдный крестьянинъ-кустарь можетъ конкуррировать съ богатой отечественной промышленностью, и конкуррировать хотя съ нѣкото-

Digitized by Google

рой выгодой,—врядъ ли осуществимо. Остается, затѣмъ, на долю кустарей удовлетвореніе незатѣйливыхъ нуждъ мѣстнаго населенія; но тутъ главнымъ, даже единственнымъ основаніемъ успѣшной дѣятельности кустарной промышленности будетъ требованіе населенія на ея произведенія; каковое требованіе въ свою очередь зависитъ отъ большей или меньшей платежной способности покупателя. Поясню это примѣромъ. Лѣтъ пять, шесть, тому назадъ, въ нашей мѣстности, готовую крестьянскую телѣгу, какъ говорится, на ходу, нельзя было купить дешевле 9—10 рублей, разумѣется, съ нешинованными колесами, безъ шкворня (по здѣшнему, сердечника), и вообще безъ желѣза, а только одно дерево. Теперь та же самая телѣга охотно продается за пять рублей и даже дешевле. Лѣтъ пять, шесть, тому назадъ, о поощреніи кустарной промышенности что-то не было слышно, а телѣжники благоденствовали; нынѣ, когда придумываютъ всякія мѣры къ поощренію этой промышленности, телѣжники бѣдствуютъ. Нужда въ телѣгахъ осталась та же, даже увеличилась, народонаселеніе безусловно ростетъ; цѣна же ихъ упала единственно потому, что благосостояніе населенія упало, и бѣдность заставляетъ его ограничивать до невозможности свои потребности.

Я позволю себѣ теперь небольшое отступленіе отъ принятаго мною плана. Послѣднее время много говорилось и писалось о мѣрахъ къ прекращенію тѣхъ опустошительныхъ пожаровъ, которые дѣйствительно составляютъ великое бѣдствіе деревни. Между ними болѣе всего рекомендовались сельскому населенію несгараемыя, разнаго рода, крыши,—и непринятіе ихъ объяснялось косностью этого населенія. Трудность бороться съ деревенскими пожарами, совершенно вѣрно, зависитъ отъ соломенныхъ крышъ крестьянскихъ избъ у дворовъ. Дѣйствительно, при сухой погодѣ и при слабомъ даже вѣтрѣ, быстрота распространенія и сила огня въ началѣ пожара таковы, что положительно ничего нельзя сдѣлать. Пока горятъ соломенныя крыши —на 20 саженъ, даже болѣе, нельзя подойти къ пожарищу. Правда, это продолжается очень недолго, солома сгараетъ быстро; но единственная возможность борьбы, это—съ подвѣтренной стороны заливать крыши, еще нетронутыя пожаромъ. Очевидно, что замѣна соломенныхъ крышъ другими, сколько-нибудь болѣе огнеупорными, была бы всеобщимъ благодѣяніемъ; но это невозможно. Всякая, даже самая дешевая, улучшенная крыша, все же стоитъ что-нибудь, тогда какъ та, которая теперь у крестьянина, ничего ему не стоитъ. Кромѣ того, у крестьянина крыша нужна не для одной только избы, въ которой онъ живетъ, но и для двора, находящагося съ избой въ одной связи и представляющаго, сравнительно съ избой, площадь крыши въ десять и болѣе разъ бо́льшую. Покрыть избу улучшенной

Digitized by Google

крышей и оставить дворъ подъ соломой—ни къ чему бы не повело относительно пожара: крыть же все сколько-нибудь огнеупорной крышей—это, особенно нынѣ, положительно невозможно даже для крестьянина справнаго. Необходимо принять еще въ соображеніе, что остовъ—скажемъ—крыши подъ соломой состоитъ изъ жердей и деревяшекъ, гдѣ нужно все связывать мочалой, когда крыша не конькомъ, какъ принято изображать крестьянскія избы, а гораздо болѣе распространеннымъ у насъ шатромъ. При всякой же другой системѣ потребовались бы стропила, рѣшетникъ и, наконецъ, желѣзо,—все такая роскошь, которая нынѣ недоступна большинству сельскаго населенія. При настоящемъ экономическомъ положеніи чисто-земледѣльческаго сельскаго населенія, вопросъ о несгараемыхъ для него крышахъ надо причислить къ тѣмъ благимъ пожеланіямъ, осуществленіе которыхъ возможно будетъ развѣ только въ отдаленномъ будущемъ, и то подъ условіемъ благопріятнаго для этого населенія измѣненія нашей экономической политики. Пока единственная возможность борьбы съ деревенскими пожарами, это—распланировка селеній съ цѣлью достигнуть, такъ сказать, фактической локализаціи огня. Пензенское губернское земство постановленіемъ своимъ 10-го декабря 1879 года издало правила о постройкахъ въ селеніяхъ пензенской губерніи. Въ статьѣ 19 этихъ правилъ сказано: „Въ селеніяхъ, устроиваемыхъ согласно плану, всѣ проѣзды и промежутки между гнѣздами, должны быть засажены по обѣ стороны, начиная отъ улицы, во всю глубину дворовъ, высоко растущими деревьями лиственной породы, или, смотря по удобству, ветловыми кольями, въ чертѣ осѣдлости крестьянъ, на счетъ всего общества; на земляхъ же частныхъ владѣльцевъ—сими послѣдними".

Несомнѣнно, распланировка селеній такимъ образомъ, чтобы между гнѣздами въ два или три двора находились площадки, засаженныя деревьями, надо признать, при настоящемъ положеніи сельскаго населенія, за самую лучшую, единственно практическую мѣру противъ сплошныхъ пожаровъ. Еслибы постановленіе пензенскаго земства 1879 г. строго исполнялось со времени его изданія, то, несомнѣнно, мы не видали бы тѣхъ ужасныхъ пожаровъ, которыми ознаменовалось послѣднее истекшее лѣто въ нашей губерніи; но оно не исполнялось. Надо надѣяться, что при предстоящей земской реформѣ провинціальная полиція перестанетъ считать для себя обиднымъ исполненіе земскихъ постановленій, а будетъ оказывать то необходимое содѣйствіе, безъ котораго во многихъ отрасляхъ своей дѣятельности земство не можетъ обойтись. Упрекъ крестьянству въ косности надо признать положительно несправедливымъ; напротивъ, оно обладаетъ замѣчательной способностью удачно примѣняться къ труд-

Digitized by Google

нымъ условіямъ своей жизни. Такъ и въ дѣлѣ противодѣйствія пожарнымъ убыткамъ. Безъ всякихъ поученій и понужденій, само собой устроилось въ послѣднее время, что чуть не въ каждомъ дворѣ существуетъ амбаръ изъ сырцевого кирпича, называемый мазанкой. Въ этихъ мазанкахъ хранящаяся крестьянская движимость остается бо̀льшею частью совершенно невредимой во время пожара. Будь благосостояніе сельскаго населенія хоть нѣсколько, немного лучше настоящаго его обѣднѣнія, скоро появились бы и огнеупорныя крыши. Въ нашей мѣстности многіе крестьяне умѣютъ отлично крыть ржаными снопиками, обмоченными въ растворѣ глины, что́ составляетъ прекрасную, почти совершенно несгараемую крышу, и бѣдность одна заставляетъ держаться въ этомъ отношеніи прежняго порядка вещей.

Общественное мнѣніе возлагаетъ большія надежды на кредитъ всякаго рода, въ которомъ оно видитъ могучее средство улучшенія у насъ какъ сельскаго хозяйства, такъ и благосостоянія сельскаго населенія. Если вѣрить газетнымъ слухамъ, облегченіе кредита составляетъ одну изъ мѣръ, выработанныхъ коммиссіей, находящейся подъ предсѣдательствомъ сенатора Плеве. Дѣйствительно, долгосрочный земельный кредитъ еще недавно существовалъ у насъ относительно суммы ссуды реально полученной, изъ такихъ процентовъ, которые прежде по закону считались лихвенными и подлежали преслѣдованію. Но не одной банковой, такъ сказать оффиціальной, видимой ограничивается задолженность землевладѣнія въ настоящее время. На крупномъ землевладѣніи, а также на крестьянствѣ, тяжелымъ гнетомъ лежитъ еще частная задолженность съ процентомъ несравненно болѣе еще высокимъ. Цѣлый рядъ лѣтъ низкихъ цѣнъ на зерно при постепенно понизившейся урожайности земли привелъ къ этому результату. Удовлетвореніе личныхъ потребностей какъ въ крестьянствѣ, такъ въ крупномъ землевладѣніи, доведено теперь положительно до минимума, и далѣе въ этомъ отношеніи идти невозможно. При настоящей невозможности земли уплачивать лежащія на ней оффиціальныя тягости происходитъ одно изъ двухъ: или имѣніе продается съ аукціона, а относительно крестьянства принимаются закономъ установленныя мѣры продажи движимаго имущества, отдачи въ работы и, наконецъ, отобранія надѣла или увеличеніе частной задолженности на весьма разорительныхъ условіяхъ. Мѣстные кулаки, скупающіе крестьянскіе надѣлы или будущіе урожаи во время взиманія податей—явленіе совершенно одинаковое съ тѣми капиталистами и торговцами, которые выдаютъ деньги подъ вторыя закладныя крупному землевладѣнію и закупаютъ у него хлѣбъ въ тотъ моментъ, когда надо внести въ банкъ за имѣніе, объявленное въ продажу. У насъ принято, что облегченіе взысканій срочныхъ банко-

Digitized by Google

выхъ платежей и податей ведетъ только къ увеличенію задолженности и накопленію недоимокъ. Это совершенно вѣрно; но при настоящихъ условіяхъ землевладѣнія строгость взысканія оффиціальныхъ тягостей, лежащихъ на землѣ, ведетъ къ усиленію частной задолженности и въ концѣ концовъ къ полному разоренію сельскаго населенія. Выразить эту задолженность одной общей формулой, одинаково вѣрной для всего землевладѣнія, невозможно. Постоянныя и временныя условія этого землевладѣнія до того разнообразны даже въ самой ограниченной мѣстности, что возможно только обобщеніе положенія большинства, нисколько не исключающее противоположныхъ явленій,—увы, крайне рѣдкихъ. Недавно закрывшееся наше мѣстное, уѣздное земское собраніе обсуждало весьма обстоятельно мотивированный докладъ управы о необходимости исходатайствованія ссуды для продовольствія мѣстнаго населенія; а между тѣмъ сборъ податей идетъ по уѣзду сравнительно недурно. Само по себѣ явленіе довольно любопытное: голодовка отъ полнаго неурожая, требующая исключительныхъ мѣръ для народонаселенія—и поступленіе платежей отъ того же народонаселенія. Помимо положительно виртуозности въ дѣлѣ взысканія податей, проявляемой въ настоящее время полиціей, успѣшность взысканія зависитъ и отъ мѣстныхъ причинъ, главное же, отъ возможности заработка личнымъ трудомъ и отъ возможности получить еще что-либо исключительное отъ земли. Впрочемъ, одна волость нашего уѣзда внесла полностью всѣ слѣдующія съ нея платежи чисто отъ землевладѣнія. Въ ней искони въ обширныхъ размѣрахъ разводится капуста, которая какъ разъ въ настоящемъ году, отъ засухи, мушки и червя, всюду почти пропала,—въ этой же волости дала порядочный урожай. Цѣна на капусту по осени была чрезвычайно высока, и волость ею блистательно расплатилась въ слѣдующихъ съ нея взносахъ. Съ другой стороны, одно сосѣднее, хорошо мнѣ знакомое крестьянское общество сдало бахчевникамъ подъ пашню на два года сорокъ-три десятины своихъ луговъ по р. Мокшѣ, получило за годъ впередъ деньги—и все же осталось въ крупной недоимкѣ.

Выразить частную задолженность землевладѣнія въ настоящее время одной общей формулой—невозможно; но она несомнѣнно существуетъ и также несомнѣнно ростетъ ежегодно тамъ, гдѣ существуетъ. Крестьянство закономъ до нѣкоторой степени еще ограждено отъ полнаго разоренія, крупное же землевладѣніе—нисколько. Пока земля не изъята еще отъ настоящаго владѣльца, на ней лежитъ эта задолженность, происшедшая отъ низкихъ цѣнъ произведеній этой земли. Цѣны эти послѣднее время не только не повысились, но грозятъ еще болѣе понизиться, вслѣдствіе повышенія курса нашей валюты. Что бы

Digitized by Google

ни говорили о курсѣ и съ какой бы стороны его ни обсуждали, но, безспорно, повышеніе его должно отражаться нѣкоторое время, продолженіе котораго впередъ опредѣлить невозможно,—пропорціональнымъ пониженіемъ продажной цѣнности сельско-хозяйственныхъ произведеній. Цѣны на эти произведенія, при нормальныхъ условіяхъ сбыта, опредѣляются заграничнымъ экспортомъ, заграничнымъ требованіемъ, слѣдовательно на металлическіе рубли. Вслѣдствіе сего, чѣмъ выше курсъ, тѣмъ меньше кредитныхъ бумажекъ получитъ сельско-хозяйственный производитель, а онъ ими расплачивается по своей задолженности. Здѣсь, въ нашемъ уѣздѣ, въ настоящую осень мы видѣли тому наглядный примѣръ: въ прошломъ году сурепка продавалась у насъ осенью по 1 р. 20 к.—1 р. 30 к. за пудъ на мѣстѣ; нынѣче 675 к. и гораздо дешевле. Цѣна ея дѣйствительно нѣсколько понизилась въ Кенигсбергѣ; но еслибы прошлогодній курсъ нашей валюты сохранился, за сурепку получилось бы въ настоящемъ году не менѣе 1 р. 10 к. за пудъ на мѣстѣ. Говорятъ, что курсъ еще болѣе повысится; говорятъ, что онъ дойдетъ до al pari, т.-е. до полнаго сравненія металлическаго рубля съ кредитнымъ,—безспорно, это было бы очень эффектнымъ явленіемъ; но также безспорно—цѣна на сельско-хозяйственныя произведенія должна еще понизиться въ такомъ случаѣ. Если сельское населеніе не могло, при настоящихъ низкихъ цѣнахъ на произведенія своего труда, легко уплачивать лежащія на немъ обязательства,—какимъ образомъ будетъ оно уплачивать увеличенныя обязательства при еще болѣе низкихъ цѣнахъ? Всякое же расширеніе кредита увеличитъ неминуемо размѣръ этихъ срочныхъ обязательствъ.

Главнымъ основаніемъ кредита всякаго рода, коимъ можетъ пользоваться земельная собственность, служитъ земля, ея цѣнность и доходность. Какъ та, такъ и другая, не только понизились, но должны еще понизиться вслѣдствіе предстоящаго пониженія цѣны ея произведеній. Несомнѣнно, настоящій сельско-хозяйственный кризисъ долженъ будетъ еще болѣе обостриться. Какія формы онъ притомъ приметъ—безразлично для настоящаго вопроса; но во всякомъ случаѣ цѣнность и доходность земли еще болѣе понизятся, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность кредита для земельной собственности совершенно уничтожится. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дешевый, доступный земельный кредитъ, какъ долгосрочный, такъ и краткосрочный, подъ непремѣннымъ условіемъ другого направленія нашей экономической политики, могъ бы создать благосостояніе сельскаго населенія, настолько прочное, что никакія невзгоды не были бы ему непосильны; въ настоящее же время вопросъ о расширеніи кредита этому населенію долженъ быть также причисленъ къ неосуществимымъ благимъ пожеланіямъ.

Digitized by Google

Суровая дѣйствительность, впрочемъ, уже нынѣ указываетъ не расширеніе, а стѣсненіе земельнаго кредита—и въ сущности совершенно правильное. Всѣ земельные банки, въ томъ числѣ и государственный дворянскій, понизили нормальную оцѣнку земель. По нашему, мокшанскому, напримѣръ, уѣзду—нормальная оцѣнка земли въ дворянскомъ банкѣ была 100 и 60 рублей за десятину, смотря по мѣстности; съ 18-го же сентября 1889 г., эта оцѣнка понижена на 75 и 50 рублей за десятину. Нельзя при этомъ не замѣтить, что для мокшанскаго, по крайней мѣрѣ, уѣзда было бы справедливо, сообразно съ мѣрой, принятой дворянскимъ банкомъ, понизить и оцѣнку судебнаго вѣдомства по взиманію пошлины за безмездный переходъ собственности, а то она осталась—какъ и прежде—*восемьдесятъ* рублей за десятину безразлично со всѣхъ земель уѣзда.

Разъ говорится о мѣрахъ, коими предполагаютъ у насъ поднять сельское хозяйство и благосостояніе сельскаго населенія, трудно не сказать хоть нѣсколько словъ о министерствѣ земледѣлія и торговли, въ учрежденіи котораго органы печати всѣхъ оттѣнковъ видятъ исцѣленіе недуговъ этого населенія. Несомнѣнно, съ точки зрѣнія административной симметріи будетъ значительная выгода, если все, что относится до экономической жизни страны, будетъ сосредоточено въ одномъ мѣстѣ. Если только однимъ правильнымъ отправленіемъ подлежащихъ дѣлъ ограничится новое, лучше сказать, желаемое министерство, а направленіе нашей экономической политики нисколько не измѣнится, то это будетъ увеличеніемъ чиновничества, котораго у насъ, слава Богу, и безъ того довольно. Если же новое министерство пойметъ свою задачу широко и займется не только врачеваніемъ недуга, порожденнаго прошлымъ, но будетъ думать и о будущемъ, то положительно оно можетъ принести громадную, существенную пользу нашему обширному и все же, несмотря ни на что, богатому будущностью отечеству. Патологическое состояніе сельскаго населенія, а вслѣдствіе того и сельско-хозяйственной промышленности, полагаю, очевидно; но и отечественная промышленность находится далеко не въ нормальныхъ, здоровыхъ условіяхъ. Понятія объ охраненіи высокой доходности этой промышленности и о правильномъ развитіи ея —ничего общаго между собой не имѣютъ. Каково же это развитіе—указываетъ намъ нижегородская ярмарка, дающая самое вѣрное понятіе о положеніи нашего внутренняго рынка, которымъ только и пользуется отечественная промышленность. На ней главнымъ привознымъ товаромъ, по бо́льшей цѣнности сравнительно съ другими, всегда были и есть бумажныя и полубумажныя издѣлія. Въ 1881 г. этихъ издѣлій было привезено на ярмарку на $63^1/_2$ милліона рублей; въ 1882 г.—на 49 мил., въ 1884 г.—на 45 мил. р., а въ 1890 году—

Digitized by Google

на 28.713.000 рублей. Другими словами, привозъ этихъ издѣлій въ послѣднее десятилѣтіе постепенно сократился болѣе чѣмъ на половину, и въ это же десятилѣтіе благосостояніе сельскаго населенія постепенно падало, и, разумѣется, пропорціонально сокращалась его покупная способность. Сокращеніе сбыта бумажныхъ издѣлій, это—единичный, фактъ вырванный изъ дѣйствительности, безусловно доказывающей въ своей совокупности полную солидарность интересовъ какъ отечественной, такъ и сельско-хозяйственной промышленности,—разумѣется, при правильной ихъ постановкѣ. Промышленность и торговля, благодаря научному прогрессу, достигли въ наше время изумительнаго развитія; но онѣ далеко не сказали еще своего послѣдняго слова. Несомнѣнно, международное общеніе должно со временемъ выработаться въ другія, новыя формы, опредѣлить которыя съ точностью врядъ ли нынѣ возможно. Несомнѣнно также, что этими новыми формами воспользуются скорѣе, лучше, выгоднѣе тѣ страны, которыя окажутся къ тому болѣе подготовленными. Россія, неразрывно соприкасающаяся съ четырьмя открытыми морями, дающими натуральный выходъ разнообразнымъ ея произведеніямъ, по одному своему географическому положенію призвана къ міровому экономическому значенію. Дать возможность странѣ воспользоваться своимъ положеніемъ, оживить всѣ части и стороны этого громаднаго національнаго дѣла—вотъ цѣль, при осуществленіи которой всѣ виды народнаго труда найдутъ себѣ полное удовлетвореніе, не стѣсняя другъ друга,—напротивъ, оказывая взаимную помощь.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

с. Знаменское, пенз. губ.
5-го ноября 1890 г.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1891 г.

Земскія учрежденія на рубежѣ старыхъ и новыхъ порядковъ. — Вопросъ объ избираемости въ городскіе гласные. — Нужно ли уменьшить численность городскихъ думъ и ограничить самостоятельность городского общественнаго самоуправленія?—Циркуляръ черниговскаго губернатора.—Вѣсти изъ провинціи.

Въ внутренней жизни Россіи минувшій годъ ознаменовался двумя событіями: введеніемъ въ дѣйствіе, въ шестнадцати губерніяхъ, новыхъ судебно-административныхъ учрежденій и обнародованіемъ новаго земскаго положенія, полагающаго конецъ цѣлой эпохѣ земской жизни. Ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ событій мы теперь возвращаться не будемъ. Замѣтимъ только, что земство, готовящееся сойти со сцены, вовсе не похоже на тяжело больного или на умирающаго. Оно продолжаетъ работать, какъ будто бы въ его устройствѣ, въ условіяхъ его дѣятельности вовсе не предстояло коренной перемѣны. Послѣдній періодъ его исторіи всего больше напоминаетъ собою первый. Теперь, какъ и тогда, оно ставитъ новыя задачи, открываетъ новые пути, точно озабоченное тѣмъ, чтобы передать своимъ преемникамъ по возможности богатое наслѣдство. За немногими исключеніями [1]), оно стоитъ внѣ сферы модныхъ вѣяній, и

[1]) Кстати объ исключеніяхъ. Два мѣсяца тому назадъ, въ Общественной Хроникѣ, мы упомянули, со словъ мѣстной газеты, о двухъ мало отрадныхъ постановленіяхъ сердобскаго уѣзднаго земскаго собранія: отказѣ въ небольшой прибавкѣ жалованья наиболѣе заслуженнымъ начальнымъ учителямъ и назначеніи значительнаго вознагражденія одному изъ членовъ училищнаго совѣта, въ возмѣщеніе расходовъ, понесенныхъ имъ при обозрѣніи начальныхъ училищъ. Теперь намъ пишутъ изъ Сердобска, что прибавка жалованья учителямъ не отклонена, а только отложена до болѣе благопріятнаго времени; что касается до вознагражденія въ 600 рублей, то оно назначено не одному изъ земскихъ членовъ училищнаго совѣта, а члену отъ министерства народнаго просвѣщенія, въ лицѣ котораго уже нѣсколько лѣтъ сряду

Digitized by Google

если и не идетъ съ ними прямо въ разрѣзъ, то не поддается ихъ вліянію. Въ попыткахъ перенести ихъ на земскую почву нѣтъ недостатка, но большинство гласныхъ почти всегда и почти вездѣ сохраняетъ вѣрность лучшимъ земскимъ традиціямъ. Весьма характеристиченъ, съ этой точки зрѣнія, слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ нижегородской губерніи. Если вѣрить „Саратовскому Дневнику“ (№ 250), гласный горбатовскаго уѣзднаго земскаго собранія Обтяжновъ выразилъ мнѣніе, что всѣ усилія государства и земства на поприщѣ развитія грамотности и образованія среди крестьянъ излишни и даже вредны, такъ какъ вредна, для крестьянъ, самая грамотность. Это мнѣніе нашло поддержку со стороны гласнаго Шванвича, заявившаго, что грамотные новобранцы—какъ онъ убѣдился въ продолженіе двѣнадцатилѣтней службы уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ—по большей части безнравственные сорванцы и люди пропащіе. Гласный изъ крестьянъ Сѣряковъ, состоявшій девять лѣтъ членомъ воинскаго присутствія, напомнилъ гласному Шванвичу, что послѣдній всегда былъ въ восторгѣ отъ грамотныхъ новобранцевъ, находя ихъ и умнѣе, и нравственнѣе, и понятливѣе неграмотныхъ. Противъ предложенія уничтожить всю земскую ассигновку на народное образованіе горячо возстали многіе гласные и инспекторъ народныхъ училищъ, и оно было отвергнуто громаднымъ большинствомъ голосовъ. Выходка немногихъ ревнителей невѣжества послужила, такимъ образомъ, только къ тому, чтобы яснѣе выставить на видъ сочувственное отношеніе горбатовскихъ земцевъ къ дѣлу обученія народа.

Народное образованіе — одна изъ тѣхъ задачъ, надъ которыми земство стало трудиться всего раньше и по которымъ оно сдѣлало всего больше. Это обнаружилось еще разъ во время послѣдней сессіи московскаго губернскаго собранія, ассигновавшаго 22.500 рублей—на выдачу въ 1891 г. пособій и ссудъ для постройки сельскихъ школъ, 13.110 рублей — на подготовку земскихъ учителей и учительницъ, 32.000 рублей — на добавочное вознагражденіе учителей и учительницъ, въ видѣ приплаты къ жалованью, получаемому ими изъ уѣздныхъ земскихъ средствъ, 30.000 рублей—на вознагражденіе законоучителей за уроки по закону Божію въ земскихъ школахъ, 1,900 р. —на пособія нѣкоторымъ уѣзднымъ земствамъ по содержанію двухклассныхъ училищъ, 3.500 рублей—на школьныя библіотеки и классы рисованія, 1.500 рублей—на содержаніе двухъ губернскихъ земскихъ училищъ, а всего, по разнымъ статьямъ, касающимся начальнаго

сосредоточенъ, de facto, надзоръ за земскими школами. Съ удовольствіемъ оглашаемъ эту поправку, хотя не можемъ не замѣтить, что отсрочка sine die немногимъ отличается отъ отказа, и что 600 рублей, выданные чиновнику учебнаго вѣдомства, съ большей пользой могли бы быть обращены на пособія бѣднѣйшимъ учителямъ.

Digitized by Google

обученія — почти сто-пять тысячъ рублей. Давно намѣченныя цѣли преслѣдуются земствомъ съ прежнимъ усердіемъ—и въ то же время къ нимъ присоединяются другія, не менѣе важныя. По образцу передовыхъ земствъ (московскаго, пермскаго, херсонскаго), многія губернскія и уѣздныя земскія собранія предпринимаютъ рядъ мѣръ для поднятія экономическаго благосостоянія населенія. Къ числу такихъ земствъ принадлежитъ, напримѣръ, саратовское губернское, трудамъ котораго въ этомъ направленіи еще недавно отдалъ справедливость мѣстный губернаторъ (въ рѣчи, произнесенной 7-го декабря при открытіи ссбранія). Московское губернское земское собраніе сдѣлало, въ продолженіе послѣдней сессіи, весьма важный шагъ впередъ на пути развитія земскаго хозяйства. Нуждаясь въ средствахъ для осуществленія широкихъ плановъ, проникнутыхъ заботливостью о народномъ благѣ, губернская управа предложила собранію привлечь къ земскому обложенію промышленныя и торговыя помѣщенія города Москвы, остававшіяся до сихъ поръ свободными отъ земскаго сбора. Земскому бюджету это обѣщаетъ прибавку въ двѣсти-двадцать-пять тысячъ рублей. Предложеніе управы встрѣтило горячія возраженія со стороны представителей Москвы, которыхъ въ собраніи двадцать-четыре. Характеръ возраженій былъ отчасти юридическій, отчасти практическій, житейскій. Доводовъ, основанныхъ на буквѣ закона, мы разбирать не станемъ, потому что это заставило бы насъ коснуться вопросовъ слишкомъ спеціальныхъ. Замѣтимъ только, что въ нашихъ глазахъ право губернскаго земства облагать Москву не подлежитъ никакому сомнѣнію; Петербургъ, какъ совершенно правильно замѣтилъ предсѣдатель московской губернской управы, давно уже участвуетъ въ губернскомъ земскомъ обложеніи наравнѣ съ уѣздами петербургской губерніи. Главнымъ аргументомъ противниковъ управы было отсутствіе основаній къ обложенію столицы въ пользу губерніи, ничего не дѣлающей для столицы. Прежде къ этому аргументу часто прибѣгали представители Петербурга въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи—и имъ приходилось объяснять, что послѣдовательное примѣненіе ихъ взгляда сдѣлало бы невозможнымъ существованіе всякой сколько-нибудь крупной самоуправляющейся единицы [1]). Трудно представить себѣ губернскій или уѣздный расходъ, *одинаково* касающійся всѣхъ частей губерніи или уѣзда. Дорогою, принимаемою на земскій счетъ, ближайшее населеніе пользуется больше, чѣмъ отдаленное; въ земскую больницу идутъ преимущественно жители той мѣстности, въ которой она открыта, въ земской школѣ учатся преимущественно дѣти сосѣднихъ жителей. Никому, однако, не прихо-

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1882 г.

Digitized by Google

дить въ голову утверждать, что земство не имѣетъ права тратить деньги на школы, больницы, дороги, такъ какъ принципъ территоріальности требуетъ возложенія всѣхъ расходовъ по этому предмету на средства отдѣльной волости или отдѣльнаго сельскаго общества... Не подлежитъ, притомъ, никакому сомнѣнію, что столица пользуется услугами губерніи и что ихъ интересы во многомъ совершенно солидарны. По справедливому замѣчанію одного изъ гласныхъ (А. А. Оленина), санитарная дѣятельность губернскаго земства оградила Москву отъ чумы рогатаго скота, уменьшила распространеніе заразныхъ болѣзней. Дороги, содержимыя губернскимъ земствомъ, служатъ подъѣздными путями для столицы. Учителя и учительницы, подготовляемые на земскій счетъ, преподаютъ, конечно, не только въ земскихъ, но и въ городскихъ школахъ. Воздѣйствіе губерніи на столицу проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и участіе послѣдней въ земскихъ сборахъ должно быть признано безусловно справедливымъ. Мы вполнѣ сочувствуемъ, поэтому, рѣшенію московскаго губернскаго земскаго собранія, утвердившаго, большинствомъ 38 голосовъ противъ 22, предложеніе губернской управы.

Прежде чѣмъ продолжать начатый нами въ прошломъ году разборъ дѣйствующихъ городскихъ порядковъ, дополнимъ наши замѣчанія о городской избирательной системѣ однимъ любопытнымъ фактомъ, только недавно оглашеннымъ въ печати. По словамъ тверского корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, общая сумма городскихъ сборовъ, служащихъ источникомъ избирательнаго права, составляетъ въ Твери около 30 тысячъ рублей. Одна треть этихъ сборовъ падаетъ на *одиннадцать* избирателей (бо́льшею частью—крупныхъ фабрикантовъ), которые и образовали, до сихъ поръ, первый избирательный разрядъ, избирая треть думы, т.-е. 24 гласныхъ. Во второмъ разрядѣ числится около 175, въ третьемъ—около 1.500 избирателей. Уменьшить столь явную несообразность могло бы примѣненіе ст. 25 городового положенія, допускающей, при малочисленности избирателей или однородности ихъ состава, замѣну трехъ разрядовъ—двумя (по ходатайству городской думы и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ). Тверская городская управа предпочла пойти другимъ путемъ; опираясь на какое-то старое разъясненіе (?), она нашла, что можно „до нѣкоторой степени“ не стѣсняться, при дѣленіи избирателей на разряды, строгимъ соблюденіемъ ст. 24 городового положенія. На этомъ основаніи она просто перечислила изъ второго разряда въ первый восемнадцать избирателей. Одинъ изъ гласныхъ призналъ такой способъ составленія списковъ неправильнымъ и замѣтилъ, что

Digitized by Google

если дѣйствительно существуетъ разъясненіе, освобождающее отъ исполненія закона, то слѣдовало бы допустить еще бо́льшее увеличеніе числа избирателей перваго разряда. Управа на это согласилась и перечислила изъ второго разряда въ первый еще одиннадцать избирателей, такъ что ихъ всѣхъ оказалось *сорокъ*. Уплачиваютъ они, вмѣстѣ взятые, около 45% городскихъ сборовъ. Мы сильно сомнѣваемся въ существованіи разъясненія, дозволяющаго нарушать законъ, и видимъ въ образѣ дѣйствій городской управы только новое доказательство тому, до какой степени необходимо измѣненіе избирательной системы. Предоставленіе *одиннадцати* избирателямъ, изъ числа *тысячи-семисотъ*, избирать цѣлую треть гласныхъ—нѣчто столь ненормальное, что мы не удивляемся попыткамъ тверского городского управленія смягчить, такъ или иначе, эту аномалію. Не воспользовалось оно правомъ, вытекающимъ изъ ст. 25 городового положенія, по всей вѣроятности потому, что это значило бы перейти отъ дождя да въ воду. При дѣленіи избирателей на два разряда, первому разряду, платящему половину городскихъ сборовъ, принадлежитъ право избирать половину гласныхъ. Изъ того, что сорокъ избирателей, въ Твери, платятъ около 45% городскихъ сборовъ, можно заключить, что при существованіи двухъ разрядовъ первый разрядъ состоялъ бы, приблизительно, изъ *пятидесяти* избирателей. Эта горсть крупныхъ плательщиковъ оказывала бы на исходъ выборовъ точно такое же вліяніе, какъ и второй разрядъ, состоящій изъ остальныхъ *тысячи-шестисотъ-пятидесяти* избирателей. Поправка, такимъ образомъ, привела бы къ чему-то еще худшему, чѣмъ дѣйствующій порядокъ. Дѣйствительную перемѣну къ лучшему можетъ произвести, очевидно, только новая избирательная система, построенная на другихъ, болѣе справедливыхъ началахъ. Ни къ чему не приведутъ мелкія починки въ родѣ тѣхъ, за которыя высказался недавно „Кіевлянинъ“,—напримѣръ, увеличеніе числа разрядовъ, съ сохраненіемъ принципа группировки избирателей по количеству платимыхъ ими сборовъ. Эта мѣра уменьшила бы нѣсколько перевѣсъ крупныхъ плательщиковъ надъ болѣе мелкими, но зато обострила бы другое зло — крайнюю малочисленность избирателей въ высшихъ разрядахъ. Излечить нашу главную городскую болѣзнь могутъ только радикальныя лекарства.

Переходимъ теперь къ другимъ вопросамъ, связаннымъ съ реформой городового положенія. По ст. 36 этого закона, каждому разряду избирателей предоставляется выбирать гласныхъ какъ изъ собственной среды, такъ и изъ числа избирателей, принадлежащихъ къ другимъ разрядамъ. На практикѣ избраніе изъ среды другого разряда встрѣчается довольно часто. Въ петербургской городской думѣ засѣдаютъ, напримѣръ, многіе избиратели третьяго разряда, выбранные

Digitized by Google

въ гласные первымъ разрядомъ. Въ губерніяхъ кіевской и черниговской, во время сенаторской ревизіи, около 25% всѣхъ гласныхъ были избраны не на своемъ разрядѣ. Проектомъ кахановской коммиссіи никакихъ перемѣнъ въ этомъ порядкѣ не намѣчалось. Теперь, сколько намъ извѣстно, существуетъ мнѣніе, клонящееся къ ограниченію избираемости. Намъ кажется, что всякое подобное ограниченіе было бы шагомъ назадъ, въ особенности при дѣленіи на разряды, основанномъ на количествѣ платимыхъ сборовъ. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, положеніе разряда, въ которомъ число избирателей, занесенныхъ въ списки,—а тѣмъ болѣе число избирателей, дѣйствительно являющихся на выборы,— едва превышаетъ число подлежащихъ избранію гласныхъ. Въ настоящее время такая малочисленность избирателей уравновѣшивается хоть сколько-нибудь многочисленностью лицъ, изъ среды которыхъ можетъ быть произведено избраніе. Уничтожить этотъ противовѣсъ, пріурочить избираемость къ узкимъ рамкамъ разряда, значило бы, во многихъ случаяхъ, поощрить *самоизбраніе,* т.-е. худшую форму выборовъ. Въ многочисленныхъ собраніяхъ неудобства ограниченія не такъ замѣтны, но едва ли менѣе существенны. Кому дано избирательное право, тотъ предполагается способнымъ пользоваться имъ сознательно и разсудительно. Если онъ убѣжденъ, что интересы города лучше всего будутъ охраняемы извѣстнымъ, правоспособнымъ лицомъ, то нѣтъ никакой причины запрещать ему подавать голосъ за это лицо, только въ виду принадлежности послѣдняго къ другой избирательной группѣ. Дѣленіе на группы предпринимается въ виду практическихъ соображеній, отнюдь не устраняя солидарность—если не во всемъ, то, по крайней мѣрѣ, во многомъ—всѣхъ городскихъ жителей. Нельзя требовать отъ избирателей, чтобы они вѣрили только членамъ своей группы, забывая о существованіи другихъ согражданъ, ближе имъ знакомыхъ, и въ бо́льшей степени пользующихся ихъ довѣріемъ. Какой бы принципъ ни былъ положенъ въ основаніе дѣленія на разряды— имущественный или податной, сословный или территоріальный, — полнаго общенія между избирателями одного и того же разряда, особенно въ городахъ сколько-нибудь обширныхъ, все таки не будетъ. Весьма возможно, наоборотъ, что избраніе полезнаго общественнаго дѣятеля будетъ сопряжено съ наибольшими трудностями именно въ его собственномъ разрядѣ. Поговорка: nul n'est prophète en son pays примѣнима, до нѣкоторой степени, и къ небольшимъ единицамъ, образуемымъ городскими сословіями, кварталами, категоріями плательщиковъ. Чѣмъ шире кто-либо смотритъ на призваніе гласнаго, чѣмъ больше считаетъ себя обязаннымъ дѣйствовать на пользу цѣлаго, а не той или другой отдѣльной группы, тѣмъ меньше шансы избранія

Digitized by Google

его именно этою группой, въ особенности если она уже имѣла случай убѣдиться въ его безпристрастіи, въ его независимости отъ кружковыхъ вліяній. Ограниченіе избираемости легко можетъ закрыть доступъ въ городскую думу многимъ изъ числа тѣхъ, кого всего желательнѣе было бы видѣть между гласными. Обычнымъ аргументомъ противъ свободы избранія изъ среды другихъ разрядовъ служитъ увеличеніе числа кандидатуръ, усиленіе избирательной агитаціи, избирательныхъ происковъ. Увеличеніе числа кандидатуръ, само по себѣ, вовсе не опасно; напротивъ того, оно поднимаетъ шансы удачнаго выбора. Нужно только сознательное отношеніе избирателей къ кандидатамъ, нужна возможность сравнительной оцѣнки—а для этого, въ свою очередь, необходимо, чтобы каждому избирательному собранію предстояло избрать небольшое число гласныхъ. Теперь, когда каждый избирательный разрядъ избираетъ отъ десяти до восьмидесяти-четырехъ гласныхъ, избирателямъ чрезвычайно трудно или даже почти невозможно подобрать надлежащее число лицъ, дѣйствительно имъ извѣстныхъ — и извѣстныхъ съ хорошей стороны. Они вынуждены, сплошь и рядомъ, голосовать или на удачу, или по списку, составленному коноводами той или другой „партіи". На такой почвѣ расцвѣтаютъ и процвѣтаютъ всякаго рода интриги — и будутъ процвѣтать, хотя бы избиратели одного разряда и были лишены права выбирать избирателей другихъ разрядовъ. Гарантію сознательности выборовъ нужно искать не въ ограниченіи избираемости, а въ установленіи небольшихъ территоріальныхъ округовъ, изъ которыхъ каждый избиралъ бы небольшое число гласныхъ—напримѣръ, не болѣе пяти. Въ такомъ округѣ избиратели могли бы подавать голосъ съ полнымъ знаніемъ и пониманіемъ дѣла—все равно, принадлежитъ ли кандидатъ въ гласные къ постояннымъ жителямъ округа. Между городскими общественными дѣятелями всегда найдется не мало такихъ, извѣстность которыхъ не ограничивается предѣлами квартала, сословія или какой-либо иной избирательной группы. Если крестьянскіе избирательные сходы, при дѣйствіи положенія 1864 г., избирали иногда землевладѣльцевъ, живущихъ въ другой части уѣзда, но съумѣвшихъ заслужить довѣріе всего уѣзднаго населенія, то еще чаще аналогичныя избранія могутъ встрѣчаться въ городахъ, какова бы ни была здѣсь группировка избирателей.

Мы только-что упомянули о земскихъ выборахъ, происходившихъ на основаніи закона 1884 г. Въ новомъ земскомъ положеніи строго проведенъ принципъ ограниченной избираемости; за силою ст. 38, земскіе избирательные собранія и съѣзды могутъ избирать только лицъ, имѣющихъ право голоса въ томъ самомъ собраніи или съѣздѣ,

Digitized by Google

гдѣ выборъ производится [1]). Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ предрѣшеніе вопроса и по отношенію къ городскимъ выборамъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Въ основаніе новаго земскаго устройства положенъ принципъ сословности, едва ли—какъ показано нами въ предъидущемъ обозрѣніи—примѣнимый къ городскому самоуправленію. Привилегированная обособленность дворянства, составляющая одну изъ главныхъ задачъ недавней земской реформы, не могла быть достигнута иначе, какъ пріуроченіемъ къ сословности не только активнаго избирательнаго права (т.-е. права избирать), но и пассивнаго (т.-е. права быть избраннымъ). Въ городахъ едва ли возможно выдѣленіе дворянъ изъ среды остального населенія—и совершенно немыслимо предоставленіе имъ господствующей роли; для этого ихъ слишкомъ мало, да и самое владѣніе городскою недвижимою собственностью (или, тѣмъ болѣе, обладаніе промышленнымъ или торговымъ заведеніемъ) вовсе не имѣетъ того характера, который приписывается дворянскому землевладѣнію въ уѣздѣ. Можно утверждать, хотя и съ большой натяжкой, что землевладѣлецъ не изъ дворянъ, по отношенію къ землевладѣльцамъ-дворянамъ—человѣкъ чужой, неспособный ни понять, ни отстаивать дворянскіе интересы; но въ городѣ „дворянскихъ интересовъ“ нѣтъ вовсе, и трудно представить себѣ такого городского обывателя, который, въ силу своего происхожденія, былъ бы совершенно чуждъ всѣмъ группамъ городского населенія, кромѣ одной. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, ничто не мѣшаетъ сохранить, въ новомъ городовомъ положеніи, ту широкую свободу избираемости, которая существуетъ въ городахъ въ настоящее время.

Существеннымъ недостаткомъ дѣйствующаго городового положенія признается иногда слишкомъ многочисленный составъ городскихъ думъ. Минимальное число гласныхъ—въ тѣхъ городахъ, гдѣ не болѣе трехсотъ избирателей—*тридцать*; затѣмъ на каждые сто-пятьдесятъ избирателей прибавляется по шести гласныхъ, пока общее ихъ число не достигнетъ семидесяти-двухъ (исключеніе составляютъ только Петербургъ, гдѣ 252, и Москва, гдѣ 180 гласныхъ). Итакъ, гдѣ болѣе тысячи-трехсотъ-пятидесяти избирателей, тамъ число гласныхъ доходитъ до максимальной цифры—а тысячѣ-тремстамъ-пятидесяти избирателямъ соотвѣтствуетъ, приблизительно, населеніе въ 15—20 тысячъ. Едва ли можно утверждать, что городу съ такимъ населеніемъ трудно найти 72 довѣренныхъ лица, способныхъ быть его представителями; едва ли, съ другой стороны, собраніе, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ членовъ, представляется слишкомъ

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 8 „Вѣстника Европы“ за 1890 г., стр. 813.

Digitized by Google

многочисленнымъ для правильнаго веденія дѣла. Опытному предсѣдателю нетрудно справиться даже съ такимъ сравнительно-многолюднымъ собраніемъ, какъ московская или петербургская городская дума. И дѣйствительно, изъ числа безчисленныхъ, часто справедливыхъ, еще чаще несправедливыхъ жалобъ на дѣятельность столичныхъ думъ, ни одна, кажется, не была мотивирована безпорядочностью думскихъ засѣданій, невозможностью руководить преніями, крайнею раздробленностью мнѣній—однимъ словомъ, недостатками, обусловливаемыми многолюдствомъ собранія. Ограниченіе числа гласныхъ затруднило бы доступъ въ думу для людей способныхъ, дѣльныхъ, честныхъ, но мало вліятельныхъ, стоящихъ вдали отъ избирательной агитаціи или только-что выступающихъ на общественное поприще. Чѣмъ меньше было бы мѣстъ въ думѣ, тѣмъ крѣпче держались бы за нихъ гласные, однажды ихъ занявшіе, тѣмъ ожесточеннѣе была бы выборная борьба, тѣмъ легче—образованіе въ самой думѣ небольшихъ группъ, руководимыхъ чисто-личными стремленіями. Относительная многочисленность состава имѣетъ еще одну полезную сторону: она позволяетъ обходиться безъ понудительныхъ мѣръ къ исправному посѣщенію засѣданій. При пятидесяти, шестидесяти, семидесяти гласныхъ можно разсчитывать, въ большинствѣ случаевъ, что собраніе состоится (для дѣйствительности засѣданія городовое положеніе 1870 г. требуетъ присутствія одной трети, а въ столицахъ —одной пятой всѣхъ гласныхъ). Встрѣчаются, конечно, и теперь засѣданія, не состоявшіяся вслѣдствіе неприбытія законнаго числа гласныхъ—но не настолько часто, чтобы отъ того страдало городское хозяйство. При значительномъ сокращеніи состава городскихъ думъ пришлось бы либо допустить рѣшеніе дѣлъ ничтожнымъ числомъ голосовъ, либо создать систему понужденій, представляющую весьма серьезныя неудобства. Важно не то, чтобы гласный сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; важно то, чтобы онъ пришелъ въ думу добровольно, съ намѣреніемъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и отнестись сознательно и добросовѣстно къ каждому вопросу, предлагаемому на разрѣшеніе думы. Опасеніе денежнаго штрафа можетъ увеличить число гласныхъ, являющихся въ засѣданіе, но не число гласныхъ, принимающихъ къ сердцу городскіе интересы. Что такое, наконецъ, самая явка въ засѣданіе? Не что иное, какъ отмѣтка въ спискѣ наличныхъ гласныхъ. Исполнивъ эту формальность (по характеристичному французскому выраженію—ayant fait acte de présence), гласный можетъ уѣхать, уйти въ курительную комнату, заняться чтеніемъ газетъ или разговоромъ съ сосѣдями. Отъ его такъ-называемаго присутствія дума, во всѣхъ этихъ случаяхъ, выиграетъ одинаково мало. Единственная дѣйствительная гарантія энергіи гласныхъ—это правильная избира-

Digitized by Google

тельная система, призывающая въ думу лучшія силы населенія, и контроль общественнаго мнѣнія, представляемаго, между прочимъ, независимою мѣстною прессой.

Гласные городской думы—люди, бо́льшею частью, занятые; нельзя требовать отъ нихъ, чтобы они отдавали думѣ значительную часть своего времени. Весьма важно, поэтому, чтобы засѣданія думы назначались не слишкомъ часто. Регламентировать ихъ число путемъ обязательнаго предписанія не представляется, однако, никакой возможности. Нельзя предусмотрѣть заранѣе ни числа, ни важности дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію думы—а отъ этихъ двухъ условій зависитъ, главнымъ образомъ, бо́льшая или мѣньшая учащенность засѣданій. Все, что можно опредѣлить закономъ—это минимальное число собраній (напримѣръ—двѣнадцать въ теченіе года, т.-е. по одному въ мѣсяцъ). Гораздо бо́льшаго можно достигнуть другимъ путемъ, намѣченнымъ въ проектѣ кахановской коммиссіи—увеличеніемъ числа вопросовъ, подлежащихъ окончательному разрѣшенію городской управы. Весьма важно, также, было бы позаботиться о томъ, чтобы гласные могли являться въ засѣданіе достаточно подготовленными къ слушанію очередныхъ дѣлъ. Для этого слѣдовало бы обязать городскія управы заблаговременно разсылать гласнымъ не только списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію, но и доклады, по крайней мѣрѣ по дѣламъ наиболѣе важнымъ. Это практикуется и теперь во многихъ земскихъ собраніяхъ и въ нѣкоторыхъ городскихъ думахъ— но, какъ видно изъ данныхъ сенаторскихъ ревизій, далеко не во всѣхъ. Предварительное разсмотрѣніе городскихъ росписей и отчетовъ городской управы, по дѣйствующему теперь закону, *можетъ* быть возложено думою на особую коммиссію. Это *право* слѣдовало бы превратить въ *обязанность*, потому что въ полномъ составѣ думы отчеты и росписи никогда не могутъ быть повѣрены такъ обстоятельно и подробно, какъ въ небольшой коммиссіи, докладъ которой слѣдовало бы, конечно, заранѣе сообщать всѣмъ гласнымъ. Бо́льшая подготовленность гласныхъ обезпечила бы не только болѣе правильное, но и болѣе быстрое разрѣшеніе текущихъ дѣлъ, и способствовала бы, такимъ образомъ, уменьшенію числа и продолжительности думскихъ засѣданій. Къ той же цѣли могла бы привести и другая мѣра, указанная кахановскою коммиссіею: болѣе точное опредѣленіе тѣхъ формальныхъ условій, которыми должно быть обставлено возбужденіе вопросовъ отдѣльными гласными. На основаніи дѣйствующаго закона, гласный, желающій сдѣлать въ засѣданіи думы предложеніе, обязанъ извѣстить о томъ городского голову за три дня до засѣданія. По предложенію, сдѣланному безъ предварительнаго извѣщенія, могутъ быть допущены пренія, но съ отсрочкою окончательнаго рѣшенія

Digitized by Google

до одного изъ слѣдующихъ засѣданій. Вторая часть этого постановленія парализуетъ, очевидно, дѣйствіе первой. Пренія по предмету, къ которому никто, кромѣ автора предложенія, не подготовленъ, являются, въ большинствѣ случаевъ, безплодной потерей времени, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующемъ засѣданіи думы, передъ приступомъ къ голосованію, они почти неминуемо должны возобновиться. Объ одномъ и томъ же вопросѣ приходится, совершенно напрасно, толковать два раза. Гораздо лучше было бы допускать пренія—и немедленное рѣшеніе—только по такимъ предложеніямъ, которыя заранѣе сообщены управѣ и внесены ею въ разосланный гласнымъ списокъ очередныхъ дѣлъ. Дальнѣйшую регламентацію запросовъ и предложеній, вносимыхъ отдѣльными гласными—напримѣръ, требованіе, чтобы они были подписаны не меньше чѣмъ опредѣленнымъ числомъ гласныхъ—мы считали бы нежелательною. Въ нашихъ городскихъ думахъ (за исключеніемъ столичныхъ и еще немногихъ другихъ) личная иниціатива, предполагающая извѣстную степень самостоятельности и энергіи, представляется еще явленіемъ настолько рѣдкимъ, что ее нужно скорѣе поощрять и вызывать, чѣмъ ограничивать и сдерживать.

Довольно распространеннымъ недостаткомъ городского управленія является, какъ видно изъ данныхъ сенаторскихъ ревизій и изъ другихъ свѣденій, несвоевременное представленіе думѣ, а слѣдовательно и несвоевременное утвержденіе ею городскихъ росписей и отчетовъ по ихъ исполненію. Зависитъ это, быть можетъ, отчасти отъ того, что срокъ для представленія росписей и отчетовъ опредѣляется, по дѣйствующему городовому положенію, самими думами. Ничто не мѣшало бы, повидимому, установить на этотъ счетъ точныя правила въ самомъ законѣ—и затѣмъ наблюдать за строгимъ ихъ исполненіемъ. Смѣты, напримѣръ, могли бы быть вносимы въ думу не позже какъ за два мѣсяца до начала смѣтнаго года, отчеты—не позже какъ черезъ четыре мѣсяца по окончаніи отчетнаго періода. Замедленіе въ томъ или другомъ, безъ основательной причины, должно было бы имѣть послѣдствіемъ судебную отвѣтственность членовъ городской управы. Отвѣтственности передъ судомъ, за нарушеніе своихъ оффиціальныхъ обязанностей, могли бы подлежать, наравнѣ съ должностными лицами городского общественнаго управленія (т.-е. членами городской управы, торговой депутаціи, коммиссіи для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ и другихъ исполнительныхъ коммиссій), и члены подготовительныхъ коммиссій. Невознаградимымъ ударомъ для городского самоуправленія было бы подчиненіе его представителей дисциплинарной отвѣтственности въ порядкѣ административномъ, передъ губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ и мини-

Digitized by Google

стерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Оно неминуемо повлекло бы за собою пониженіе уровня городского управленія. Наиболѣе независимые гласные стали бы уклоняться отъ принятія на себя какихъ бы то ни было должностей, исправленіе которыхъ было бы сопряжено съ опасностью произвольныхъ мѣропріятій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что въ кругъ „дисциплинарныхъ" каръ введено, съ нѣкоторыхъ поръ, *удаленіе отъ должности.*

Контролю администраціи подлежитъ до сихъ поръ почти исключительно *законность* дѣйствій городского общественнаго управленія; только въ нѣкоторыхъ, рѣдкихъ случаяхъ разсмотрѣнію губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ предоставляется *цѣлесообразность* думскихъ постановленій или распоряженій городской управы. Весьма возможно, что пересмотръ городового положенія внесетъ въ этотъ порядокъ радикальныя перемѣны, по образцу тѣхъ, которыя произведены недавно по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ. Безспорно, существующее городское самоуправленіе несвободно отъ недостатковъ, которыхъ мы не скрывали отъ нашихъ читателей; но столь же несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, и то, что оно доказало свою способность къ правильному развитію, а слѣдовательно и свое право на самостоятельность. При оцѣнкѣ всего сдѣланнаго—и, въ особенности, несдѣланнаго—нашими городскими думами, необходимо помнить, что́ такое большинство нашихъ уѣздныхъ городовъ. Многіе изъ нихъ представляются не чѣмъ инымъ, какъ большими, а иногда и не очень большими деревнями, случайно возведенными на степень административныхъ центровъ. Справедливо ли было бы требовать отъ деревни, даже сравнительно обширной и богатой, чтобы она замостила и освѣтила свои улицы, всюду провела чистую воду, приняла мѣры къ оздоровленію всѣхъ своихъ закоулковъ? Справедливо ли было бы осуждать крестьянское сельское управленіе, не исполнившее всѣхъ этихъ задачъ или даже вовсе къ нимъ не приступившее? Справедливо ли и основательно ли было бы выводить изъ его бездѣйствія необходимость взятія деревни подъ административный присмотръ или въ административную опеку? Не ясно ли, что здѣсь нѣтъ вины, а есть только несоразмѣрность между потребностями и силами, устранимая лишь медленнымъ, постепеннымъ возрастаніемъ послѣднихъ? То же самое слѣдуетъ сказать и о городахъ, приближающихся къ деревенскому типу. Для нихъ—да и не для нихъ однихъ—существуетъ еще одно серьезное оправданіе: это—подавляющее бремя обязательныхъ расходовъ. Припомнимъ, что во время сенаторскихъ ревизій они превышали, въ иныхъ городахъ, всю сумму обыкновенныхъ доходовъ. И въ большихъ городахъ (на-

Digitized by Google

примѣръ, въ Козловѣ), и въ городахъ средней величины (напримѣръ, въ Коротоякѣ), содержаніе полиціи, пожарной команды, тюремъ и казармъ поглощало иногда болѣе половины всего городского бюджета. Нѣтъ никакой причины думать, что за послѣднія десять лѣтъ въ этомъ положеніи дѣлъ произошла существенная перемѣна. Съ такими путами на ногахъ, города не могли быстро двигаться впередъ, и можно только удивляться, что нѣкоторымъ изъ нихъ все-таки удалось сдѣлать весьма многое. Наружное благоустройство почти нигдѣ не находится уже на низшей степени развитія; кое-что предпринято, въ этомъ направленіи, даже бѣдными, маленькими городами. Есть города (напримѣръ, описанный нами въ октябрьскомъ обозрѣніи городъ N), успѣвшіе обзавестись мостовыми, фонарями, бульварами, собственными зданіями—и все-таки сохранившіе или даже пріумножившіе свои денежные капиталы. Еще значительнѣе заслуги городского самоуправленія въ области народнаго образованія. Сколько начальныхъ школъ, и въ какомъ видѣ, получили изъ рукъ учебнаго вѣдомства обѣ столицы и какихъ блестящихъ результатовъ, количественныхъ и качественныхъ, онѣ на этомъ поприщѣ, въ короткое время (съ 1877 г.), достигли—это наши читатели хорошо знаютъ. Менѣе извѣстна, но едва ли менѣе замѣчательна дѣятельность нѣкоторыхъ другихъ городовъ, напримѣръ—Саратова. Петербургъ, съ почти восьмисотъ-тысячнымъ населеніемъ, имѣлъ, до вступленія города въ завѣдываніе начальнымъ обученіемъ, *шестнадцать* начальныхъ школъ, во всѣхъ отношеніяхъ плохо поставленныхъ и обставленныхъ; въ Саратовѣ, съ населеніемъ въ сто тысячъ, числилось, почти въ то же самое время (въ 1880 г., т.-е. черезъ восемь лѣтъ послѣ введенія городового положенія), *двадцать* начальныхъ школъ, прекрасно помѣщенныхъ, достаточно снабженныхъ всѣми учебными пособіями и руководимыхъ опытными, бо́льшею частью спеціально подготовленными учительницами и учителями. Правда, не вездѣ заботливость объ учебномъ дѣлѣ проявлялась въ столь разумныхъ формахъ; нѣкоторые города больше думали о гимназіяхъ, прогимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, чѣмъ о начальныхъ школахъ—но расходы на среднее образованіе, во всякомъ случаѣ, не могутъ быть названы производительными, и притомъ чрезмѣрный ихъ ростъ находится въ прямой зависимости отъ состава городскихъ думъ, т.-е. отъ избирательной системы. Понятно, что искусственное преобладаніе наиболѣе богатыхъ классовъ населенія не могло благопріятствовать попеченію о тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя существуютъ преимущественно для массы. Можно только удивляться, что для послѣднихъ все-таки было сдѣлано не мало, а кое-гдѣ даже и очень много. Лучшаго доказательства жизнеспо-

Digitized by Google

собности городского самоуправленія нельзя себѣ и представить. Чего оно, при сколько-нибудь хорошихъ условіяхъ, можетъ достигнуть въ сферѣ охраненія народнаго здоровья—объ этомъ можно судить по быстрому превращенію петербургскихъ городскихъ больницъ, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ, шесть лѣтъ тому назадъ, перешли въ руки городской думы. Вотъ что́ говоритъ, по этому поводу, писатель, котораго никакъ нельзя заподозрить въ излишнемъ сочувствіи къ самоуправленію, въ газетѣ, столь же свободной отъ подобныхъ подозрѣній: „1-го сентября 1884 г. передана въ вѣденіе города Обуховская больница. Немедленно вслѣдъ за этимъ расширились, распахнулись окна, до того малыя, тюрьмообразныя и, заодно со свѣтомъ, дохнулъ въ больницу и свѣжій воздухъ. По тщательномъ и добросовѣстномъ изслѣдованіи больные стали получать все, что́ имъ слѣдовало; исчезли знаменитые супы, варившіеся изъ однихъ только костей, жира, жилъ и обрѣзковъ; исчезли знаменитыя семь лоханокъ, съ семью классическими прачками, мывшими все колоссальное количество большею частью заразнаго бѣлья; исчезли знаменитые узлы съ лохмотьями, нерѣдко продававшіеся и въ помѣщеніе которыхъ нельзя было войти безъ того, чтобы не быть покрытымъ тысячами насѣкомыхъ; замѣнены тогда же новыми древнія оконныя рамы, постоянно промерзавшія зимою. Повсюду чувствуется и видится введеніе дезинфекціи, для которой прежде никакихъ рѣшительно приспособленій не существовало; обогатился инвентарь хирургическихъ инструментовъ до совершенной полности и при малѣйшей необходимости щедро и безостановочно пополняется; исчезъ возмутительный порядокъ наблюденія за дисциплиною между больными, которыхъ, за нарушеніе ея, сажали на овсянку или заключали въ безпокойное отдѣленіе. Средства на содержаніе больныхъ значительно увеличены, увеличено содержаніе прислуги, произведены капитальныя перестройки—напримѣръ, деревяннаго зданія во дворѣ больницы, обращеннаго въ лучшій изъ всѣхъ деревянныхъ бараковъ больницы; въ большинствѣ зданій упорядоченъ способъ удаленія нечистотъ и устранены условія для загрязненія почвы и каналовъ чрезъ посредство люковъ, прежде существовавшихъ въ этихъ зданіяхъ. Новехоньки и изобилуютъ свѣтомъ и воздухомъ операціонная и перевязочная; полною новизною отличается и аптека. Все, что́ могло быть сдѣлано въ короткій промежутокъ времени завѣдыванія больницею городомъ, то́ сдѣлано. Не сразу, конечно, можно исправить долгое, хроническое отсутствіе капитальныхъ ремонтовъ, не сразу достигнется очищеніе подпольнаго пространства и устройство хорошей вентиляціи, не сразу расширится помѣщеніе больныхъ, разсчитанное на 965 человѣкъ, а принимающее до 1.100; не сразу упорядочится въ конецъ и дезинфек-

Digitized by Google

ція—больное мѣсто больницы; но и то, что уже сдѣлано, заслуживаетъ полнѣйшаго признанія. По отзыву людей спеціальныхъ, больница неузнаваема и страшная ея репутація не только отходитъ, но и отошла въ былое". Дальше идетъ восторженное описаніе другой больницы—Александровской барачной,—построенной и устроенной непосредственно самимъ городомъ, а въ концѣ статьи подводятся общіе итоги санитарной дѣятельности петербургскаго городского общественнаго управленія. Со времени осуществленія санитарно-эпидеміологическаго надзора—въ 1881 г., учрежденія школьно-санитарнаго надзора и общедоступной помощи думскихъ врачей—въ 1882 г., перехода больницъ въ вѣденіе города—въ 1884 г., заболѣваемость и смертность по главнѣйшимъ и опаснѣйшимъ болѣзнямъ уменьшились значительно. Въ пятилѣтіе съ 1869 по 1873 г. заболѣванія тифозными формами доходили, въ среднемъ, до 14 тысячъ, въ пятилѣтія съ 1874 по 1878 и съ 1879 по 1883 г.—до 21 тысячи ежегодно; въ пятилѣтіе съ 1884 по 1888 г. ихъ средняя ежегодная цифра не составляла даже *восьми тысячъ*, хотя населеніе Петербурга, въ первое изъ четырехъ указанныхъ пятилѣтій простиравшееся до 696, во второе—до 774, въ третье—до 853 тысячъ, въ продолженіе четвертаго достигло 890 тысячъ... Статья, изъ которой мы заимствуемъ всѣ эти выводы и факты, принадлежитъ К. К. Случевскому и помѣщена въ № 5097 „Новаго Времени" за 1890 годъ.

Можно ли найти что-либо подобное въ исторіи прежняго, зависимаго городского управленія или хотя бы въ исторіи административно-хозяйственныхъ учрежденій? Не ясно ли, что стремленіе впередъ, энергичная борьба съ препятствіями, готовность не жалѣть ни труда, ни средствъ обусловливаются, прежде всего, сознаніемъ свободы и сопряженной съ нею нравственной отвѣтственности? Административный контроль, простирающійся не только на законность, но и на *цѣлесообразность* думскихъ постановленій, никогда не служилъ и не будетъ служить *стимуломъ къ дѣятельности*. Онъ можетъ только преграждать тѣ или другіе пути, но не выбирать ихъ; онъ можетъ только замедлять движеніе, но не направлять его къ желанной цѣли. Нельзя ожидать, поэтому, чтобы усиленіе административнаго надзора устранило односторонность, которой не чуждо иногда современное городское представительство; нельзя ожидать, чтобы оно улучшило положеніе массы, увеличило заботливость думы о бѣднѣйшихъ жителяхъ города. Законъ 12-го іюня 1890 г. предоставляетъ губернатору переносить на разсмотрѣніе высшихъ инстанцій постановленія земскихъ собраній, *явно нарушающія интересы мѣстнаго населенія*. Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь только о нарушеніяхъ несомнѣнныхъ, не подлежащихъ спору и притомъ вредныхъ

Digitized by Google

для всего населенія, а не для какой-нибудь одной ея группы. Между тѣмъ въ практикѣ городского самоуправленія мы встрѣчаемся, бо́льшею частью, съ нарушеніями совсѣмъ другого свойства. Поясни́мъ нашу мысль примѣромъ. Допустимъ, что городская дума постановляетъ отдать часть городской земли въ аренду на условіяхъ крайне невыгодныхъ для города—за несоразмѣрно-низкую плату, безъ залога, безъ ограниченія въ способахъ обработки, безъ обязанности содержать въ исправности находящіяся на землѣ постройки. Понятно, что такое постановленіе могло бы быть опротестовано администраціею, какъ явно идущее въ разрѣзъ съ интересами всего городского населенія. Въ другомъ случаѣ городская пахатная земля, раздѣленная на нѣсколько крупныхъ участковъ, берется въ аренду нѣсколькими вполнѣ состоятельными съемщиками, за высокую арендную плату, съ обезпеченіемъ города противъ всякихъ возможныхъ убытковъ. Здѣсь, съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія, нѣтъ никакого повода къ протесту. Интересы городского населенія, разсматриваемаго какъ одно цѣлое, ограждены вполнѣ; постановленіе думы наноситъ ударъ только тѣмъ мѣщанамъ, которые, живя исключительно или преимущественно хлѣбопашествомъ, могли и желали бы сами обрабатывать городскую пахатную землю, раздѣленную на мелкіе, доступные для нихъ, участки. Выборъ между двумя или нѣсколькими способами эксплуатаціи городской земли, одинаково выгодными для городской казны, не вызываетъ и не оправдываетъ вмѣшательства администраціи; онъ зависитъ всецѣло отъ хозяина земли, т.-е. отъ города. Для того, чтобы направить этотъ выборъ на пользу массы, нужно не расширеніе административнаго контроля, а коренное измѣненіе избирательной системы. Городское представительство, находящееся въ рукахъ небольшого меньшинства и оставляющее въ сторонѣ массу городскихъ жителей—вотъ Карѳагенъ, къ разрушенію котораго мы возвращаемся постоянно, потому что въ немъ одномъ заключается главный источникъ зла.

Присмотримся поближе къ тѣмъ сторонамъ городскихъ порядковъ, которыми, обыкновенно, мотивируется необходимость болѣе строгаго надзора со стороны администраціи. Сюда принадлежитъ, прежде всего, несораз[illegible]но-высокая, будто бы, цифра расходовъ на личный составъ городского управленія. Когда, года три тому назадъ, подготовлялся первый оффиціальный проектъ земской реформы, министерство внутреннихъ дѣлъ предполагало, между прочимъ, установить постоянныя нормы для жалованья предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ. Въ основаніи этого предположенія лежала, конечно, мысль объ излишней щедрости земства въ вознагражденіи своихъ должностныхъ лицъ. И что же? Когда мы подсчитали, что̀ получаютъ, въ

Digitized by Google

общей сложности, предсѣдатели и члены земскихъ управъ, по назначенію земскихъ собраній, и что̀ получали бы они на основаніи проекта, то оказалось, что послѣдняя сумма была бы больше первой! [1]) Объ опредѣленіи постоянныхъ нормъ для содержанія городскихъ головъ и членовъ городскихъ управъ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ и рѣчи, но мысль о преувеличенности этого содержанія несомнѣнно носится въ воздухѣ. Весьма вѣроятно, что точныя цифровыя данныя обнаружили бы ея полнѣйшую несостоятельность и заставили бы ее отойти въ область тѣхъ неоправдавшихся гипотезъ, въ которой погребена догадка о чрезмѣрной величинѣ земскаго „пирога“. Въ этомъ убѣждаютъ насъ, между прочимъ, свѣденія, собранныя сенаторскою ревизіею губерній кіевской и черниговской. Въ уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи трое изъ числа городскихъ головъ получали по 1.500 рублей въ годъ, исполняя, безъ особаго вознагражденія, и обязанности предсѣдателя сиротскаго суда; одинъ получалъ 1.200 рублей, двое—по тысячѣ, одинъ —750, двое—по 600 рублей. Высшая цифра жалованья члена городской управы, въ тѣхъ же городахъ, простиралась до 800 рублей; ее получалъ только *одинъ* членъ управы, изъ двадцати-восьми. Двое получали по 600, двое—по 250, четверо—по 500, шестеро—по 400, четверо—по 300, трое—по 280, двое—по 250, двое—по 200 рублей въ годъ; двое, наконецъ, никакого жалованья по должности члена управы не получали. Въ Черниговѣ городской голова получалъ 3.000 рублей; четыре члена городской управы служили безъ жалованья, двое получали по 800 рублей. Въ Нѣжинѣ городской голова получалъ 2.000, въ Глуховѣ—1.000 рублей; въ остальныхъ десяти уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи, о которыхъ собраны были свѣденія, городской голова получалъ отъ 600 до 200 рублей. Восемнадцать членовъ городскихъ управъ, изъ пятидесяти одного, служили безъ всякаго вознагражденія; остальные получали не болѣе 600 рублей, а въ большинствѣ случаевъ—300, 250, 200 и даже 150 рублей. Быть можетъ, съ тѣхъ поръ содержаніе городскихъ головъ и членовъ городскихъ управъ нѣсколько повысилось, но приведенныя нами цифры остаются, тѣмъ не менѣе, весьма характеристичными и вовсе не согласными съ обычными представленіями о городскихъ окладахъ. Еслибы, впрочемъ, въ этихъ представленіяхъ и была нѣкоторая доля правды, то логическимъ выводомъ изъ нихъ было бы не расширеніе административнаго контроля, а установленіе максимальныхъ нормъ содержанія (не неподвижныхъ, а приспособляющихся къ цифрѣ городского населенія или городского бюджета). Есть еще одно средство уменьшить расходъ на личный составъ городского управленія,

[1]) См. статью о земской реформѣ въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1888 г.

Digitized by Google

не распространяя область административнаго veto. По дѣйствующему городовому положенію, въ небольшихъ уѣздныхъ и безуѣздныхъ городахъ, а также въ посадахъ, предоставляется городскимъ думамъ, не учреждая городской управы, возлагать ея обязанности (съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ) единолично на городского голову. Уѣздные города, насколько намъ извѣстно, чрезвычайно рѣдко пользуются этимъ правомъ; въ кіевской и черниговской губерніяхъ, напримѣръ, не было, во время сенаторской ревизіи, ни одного уѣзднаго города, въ которомъ мѣсто городской управы заступалъ бы единолично городской голова. А между тѣмъ въ этихъ губерніяхъ есть уѣздные города очень незначительные и по населенности, и по размѣрамъ городского бюджета: таковы, напримѣръ, Каневъ, Радомыслъ, Городня, Остеръ, Сосница, Суражъ, Козелецъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ расходный бюджетъ не превышалъ пяти, даже четырехъ тысячъ рублей—но управа вездѣ имѣлась на-лицо, въ составѣ трехъ и болѣе членовъ. Намъ кажется, что въ законѣ могли бы быть опредѣлены условія, при наличности которыхъ городское управленіе *обязательно* сосредоточивалось бы въ рукахъ одного городского головы—развѣ если найдутся желающіе нести безвозмездно обязанности членовъ городской управы.

Другимъ недостаткомъ городского самоуправленія, подлежащимъ устраненію съ помощью административнаго вмѣшательства, признается, обыкновенно, слишкомъ широкая свобода городской думы въ распоряженіи городскими имуществами и городскими средствами. Чтобы судить о правильности этого мнѣнія, необходимо было бы знать его фактическія основы. Данныя, намъ доступныя, не заключаютъ въ себѣ никакихъ указаній на расточительность городскихъ думъ. Правда, есть города, капиталы которыхъ, со времени введенія въ дѣйствіе городового положенія 1870 г., нѣсколько уменьшились; но не объясняется ли это, главнымъ образомъ, высокой цифрой обязательныхъ расходовъ, на покрытіе которыхъ не всегда достаточны обыкновенные доходы? Съ другой стороны, неумѣлому веденію городского хозяйства способствуетъ составъ городскихъ думъ, бѣдный интеллигентными силами и слишкомъ богатый элементами, заинтересованными въ поддержаніи застоя и рутины. Не случайной же, въ самомъ дѣлѣ, представляется несоразмѣрно-низкая оцѣнка городскихъ имуществъ и обусловливаемая ею незначительность оцѣночнаго сбора; не случайно и ничтожное число ходатайствъ о введеніи квартирнаго налога, этого предвѣстника избирательной реформы, нежелательной для нынѣшнихъ „хозяевъ положенія“, но необходимой для дѣйствительнаго улучшенія городского хозяйства. Еслибы усиленіе административнаго контроля оказалось неизбѣжнымъ, то лучшей для

Digitized by Google

него формой было бы, какъ намъ кажется, нѣкоторое увеличеніе числа случаевъ, въ которыхъ постановленіе думы подлежитъ предварительному утвержденію административной власти. Такъ напримѣръ, сюда можно было бы отнести отчужденіе городской земли и отдачу ея въ аренду на продолжительные сроки.

Общее заключеніе наше по вопросу о городской реформѣ можетъ быть формулировано такимъ образомъ: полнѣйшей передѣлки требуетъ только городская избирательная система; во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ достаточно внести въ городовое положеніе 1870 г. лишь небольшія, частныя поправки, сохраняя неприкосновенными главныя его основы.

Свѣденія о дѣятельности земскихъ начальниковъ, появляющіяся въ печати, продолжаютъ быть весьма скудными. Подъ именемъ *свѣдѣній* мы понимаемъ, конечно, точныя фактическія данныя, а не общія мѣста, ничего не стоющія и не доказывающія. Образцомъ такихъ общихъ мѣстъ можетъ служить слѣдующее увѣреніе петербургскаго корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 344): „всѣ свѣденія изъ губерній, въ которыхъ введена реформа, свидѣтельствуютъ о полезной дѣятельности института земскихъ начальниковъ, вопреки тенденціознымъ слухамъ, распускаемымъ время отъ времени ретивыми противниками реформы, которые раздуваютъ изо всѣхъ силъ тѣ неизбѣжныя оплошности и недоразумѣнія, которыя неизбѣжны во всякомъ новомъ и сложномъ дѣлѣ“. Это, очевидно, только канцелярская отписка, шаблонное свидѣтельство о томъ, что „все обстоитъ благополучно“. Чтобы оживить свое сообщеніе, корреспондентъ московской газеты прибавляетъ къ нему маленькую вылазку противъ „либераловъ“. Въ началѣ осени,—говоритъ онъ,—„столичные либералы носились какъ съ писанною торбой съ однимъ изъ земскихъ начальниковъ черниговской губерніи, уволеннымъ отъ должности за его безтактность, хотя, къ слову сказать, нашимъ либераламъ объ этой исторіи слѣдовало бы молчать, ибо этотъ земскій начальникъ оказался человѣкомъ скорѣе изъ ихъ лагеря, именно послѣдователемъ яснополянской морали. Въ глазахъ людей безпристрастныхъ и здравомыслящихъ, эта такъ-называемая черниговская исторія свидѣтельствуетъ только о томъ, что дѣятельность земскихъ начальниковъ подлежитъ строгому контролю, и что они вовсе не безотвѣтственны за свои дѣйствія“. Намъ очень нравится своеобразная логика корреспондента. „Либераламъ“, по его мнѣнію, слѣдовало бы умолчать о черниговской исторіи, потому что уволенный (уволенный? мы думали до сихъ поръ, что г. Ч. только временно удаленъ отъ должности) земскій начальникъ оказался послѣдователемъ Льва Тол-

Digitized by Google

стого. Гораздо правильнѣе было бы усмотрѣть въ этомъ лишній поводъ говорить о „черниговской исторіи". Одна изъ характеристическихъ ея особенностей состоитъ именно въ томъ, что главнымъ поводомъ къ удаленію земскаго начальника послужилъ не его *образъ дѣйствій*, а *образъ мыслей*, не столько, притомъ, доказанный, сколько предполагаемый. Инкриминированныя *дѣйствія* земскаго начальника заключались исключительно въ усердномъ надзорѣ за волостными судами, съ цѣлью оградить интересы бѣднѣйшаго и наиболѣе притѣсняемаго класса населенія; всѣ остальные обвинительные пункты клопились единственно къ тому, чтобы выставить г. Ч. „несогласномыслящимъ". Мы и теперь продолжаемъ надѣяться, что „черниговская исторія" получила или получитъ не тотъ исходъ, на который намекаетъ корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей".

Хорошее всегда остается хорошимъ, въ какой бы сферѣ оно ни совершалось. Два мѣсяца тому назадъ мы съ удовольствіемъ занесли въ наше обозрѣніе циркуляръ нижегородскаго губернатора, предостерегавшій земскихъ начальниковъ противъ избытка усердія въ исполненіи приговоровъ волостныхъ судовъ; теперь мы столь же охотно заимствуемъ изъ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" весьма интересный циркуляръ черниговскаго губернатора. „До свѣденія моего дошло,—пишетъ г. Анастасьевъ,—что многія волостныя правленія ввѣренной мнѣ губерніи относятся съ легкомысленной небрежностью къ выдачѣ паспортовъ лицамъ сельскаго состоянія. Ко мнѣ часто поступаютъ жалобы на неполученіе отъ волостныхъ правленій паспортовъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Легко себѣ представить то затруднительное положеніе, въ которомъ находятся крестьяне, пославшіе въ родную волость для обмѣна старый паспортъ и не получающіе на его мѣсто новаго. Эти крестьяне должны часто лишаться той работы, которую имѣютъ на чужой сторонѣ, или не имѣть возможности наняться на работу за безпаспортностью. Кромѣ этой медленности волостныхъ правленій, дошло до моего свѣденія и еще худшее: крестьяне обязаны платить за годовой паспортъ 1 р. 45 коп.—между тѣмъ они посылаютъ въ волостныя правленія по 2 р. и болѣе, а получаютъ иногда лишь полугодовые паспорты, стоющіе 85 к., и получаютъ, какъ сказано, иногда по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Этимъ путемъ годовой паспортъ крестьянину обходится въ 4 руб., т.-е. на 2 руб. 55 коп. дороже. Такіе поступки волостныхъ правленій суть преступное лихоимство. Въ виду этого, предлагаю земскимъ начальникамъ строжайше приказать волостнымъ правленіямъ ввѣренныхъ имъ участковъ, чтобы рѣшительно ничего подобнаго никогда болѣе не было; приказать: 1) чтобы всякій паспортъ выдавался въ теченіе трехъ дней со времени заявленія о его

Digitized by Google

выдачѣ; 2) чтобы за паспорты взималась лишь та цѣна, которая дѣйствительно слѣдуетъ; 3) чтобы, въ случаяхъ промедленія въ выдачѣ паспорта, о законныхъ причинахъ такового доносилось волостными правленіями земскимъ начальникамъ. Я прошу земскихъ начальниковъ обратить свое особое вниманіе на этотъ вопросъ, выяснить волостному начальству, что задерживать обмѣнъ паспорта безсовѣстно, а брать лихву за выдачу его преступно, что за лихоимство виновные пойдутъ подъ судъ, что обижаютъ они въ этомъ случаѣ своихъ земляковъ, терпящихъ, быть можетъ, бѣду на чужой сторонѣ въ то время, когда они не хотятъ исполнять ихъ законныхъ просьбъ. Весьма полезно выяснить волостнымъ старшинамъ, что когда они въ церкви осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ при молитвѣ о странствующихъ на эктеніи, то они молятся и за этихъ своихъ земляковъ, живущихъ далеко отъ родной деревни, тѣхъ самыхъ земляковъ, о которыхъ они, придя въ волостное правленіе, не хотятъ позаботиться, да еще и обижаютъ ихъ взятіемъ лихвы. Я увѣренъ, что отнынѣ неаккуратность въ выдачѣ паспортовъ будетъ рѣдкимъ исключеніемъ, за каковую неаккуратность предлагаю земскимъ начальникамъ строжайше взыскивать съ виновныхъ". Вполнѣ сочувствуя этому распоряженію, мы сомнѣваемся только въ цѣлесообразности одной изъ мѣръ, рекомендуемыхъ въ видахъ точнаго его исполненія. Соединеніе угрозъ, основанныхъ на законѣ, и увѣщаній, основанныхъ на религіи, всегда производитъ тяжелое впечатлѣніе. Каждый изъ этихъ способовъ воздѣйствія гораздо дѣйствительнѣе самъ по себѣ, чѣмъ въ связи съ другимъ, противоположнымъ. Разъяснить волостнымъ старшинамъ, что исправной высылки паспортовъ требуетъ отъ нихъ не только обязанность ихъ званія, но и христіанскій долгъ, всего лучше, безъ сомнѣнія, можетъ священникъ. Онъ найдетъ для этого аргументы болѣе сильные и убѣдительные, чѣмъ приводимые въ губернаторскомъ циркулярѣ. Выслушавъ указаніе земскаго начальника, что молитва за странствующихъ обнимаетъ собою и отсутствующихъ, живущихъ далеко отъ родной деревни, волостной старшина можетъ сказать самому себѣ, что странствовать — значитъ переходить съ мѣста на мѣсто, и что крестьянинъ, много лѣтъ сряду безвыѣздно живущій въ городѣ, едва ли принадлежитъ къ числу тѣхъ, о комъ говорится въ данномъ мѣстѣ эктеніи. Правильно ли такое разсужденіе или неправильно — это все равно; съ нашей точки зрѣнія, достаточно установить, что оно вполнѣ возможно. Экскурсія въ область, не имѣющую ничего общаго съ административными требованіями и карами, можетъ, такимъ образомъ, не усилить, а ослабить дѣйствіе начальническаго внушенія.

Газетная агитація въ пользу увеличенія содержанія земскихъ начальниковъ все еще не прекратилась, но противъ нея начинаютъ

Digitized by Google

раздаваться голоса даже въ реакціонныхъ органахъ печати. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 340) появилось недавно письмо земскаго начальника, протестующее противъ неприличныхъ криковъ о прибавкѣ. Условія дѣятельности земскихъ начальниковъ еще мало выяснены; преждевременно, поэтому, говорить о недостаточности ихъ содержанія. „Для жизни въ деревнѣ,—замѣчаетъ авторъ, — 2.200 рублей—*деньги хорошія*; при имущественномъ цензѣ земскихъ начальниковъ, эта сумма является очень недурнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Я тутъ, конечно, имѣю въ виду *нормальный типъ* земскаго начальника—мѣстнаго помѣщика“. На это послѣднее обстоятельство было указано и въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи, какъ на одинъ изъ аргументовъ противъ *назначенія* земскихъ начальниковъ. Разбирая, дальше, обычныя фразы о громадныхъ, будто бы, расходахъ земскаго начальника, о наймѣ дорого-стоющихъ секретарей, письмоводителей, разсыльныхъ, авторъ доказываетъ, вполнѣ основательно, возможность свести всѣ эти расходы къ цифрамъ весьма скромнымъ, не превышающимъ пятисотъ рублей. Въ концѣ письма, однако, выступаетъ наружу тенденція совершенно иного свойства. Не предлагая, теперь же, *прямого* увеличенія содержанія земскихъ начальниковъ, авторъ высказывается за *косвенное возвышеніе* его, столь же выгодное для земскихъ начальниковъ, сколько неблагопріятное для населенія. Онъ полагаетъ, что отъ найма разсыльныхъ земскій начальникъ могъ бы быть избавленъ командировкой къ нему на дежурство, по очереди, сотскихъ и десятскихъ его участка, служащихъ, обыкновенно, на жалованьѣ и ровно ничего не дѣлающихъ. Подобныя дежурства „практикуются и теперь при уѣздныхъ полицейскихъ управленіяхъ и становыхъ приставахъ“, и сами сотскіе „согласятся на нихъ съ удовольствіемъ“. Здѣсь что ни слово, то ошибка. Весьма многіе десятскіе служатъ въ настоящее время безъ жалованья; эта должность имѣетъ, сплошь и рядомъ, характеръ натуральной повинности, отбываемой по очереди и необременительной только потому, что она не требуетъ отлучекъ изъ мѣста жительства. Обязательное дежурство при земскомъ начальникѣ совершенно измѣнило бы ея значеніе и повлекло бы за собой необходимость вознагражденія, которое всей своей тяжестью обрушилось бы на крестьянство. Сотскіе получаютъ жалованье, но никакъ нельзя сказать, чтобы они ничего не дѣлали; обращеніе ихъ въ разсыльныхъ земскаго начальника уменьшитъ мѣстную полицейскую охрану, и безъ того уже крайне незначительную. Къ становымъ приставамъ сотскіе и десятскіе дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, командируются на дежурство, но это всегда считалось и считается злоупотребленіемъ, на которое часто и много жаловалось населеніе. „Удовольствіе“, съ которымъ сотскіе примутъ на себя новую, трудную и

Digitized by Google

отвѣтственную обязанность, представляется намъ, по меньшей мѣрѣ, весьма сомнительнымъ... Другое предложеніе автора заключается въ томъ, чтобы земскимъ начальникамъ предоставлено было право безплатнаго проѣзда на земскихъ лошадяхъ. Это право было бы равносильно экономіи въ нѣсколько сотъ рублей для земскаго начальника и новому расходу въ нѣсколько тысячъ для мѣстнаго земства. Извѣстно, что подводная повинность и теперь уже лежитъ тяжелымъ бременемъ на земскихъ бюджетахъ; есть уѣзды, въ которыхъ она поглощаетъ отъ $^1/_6$ до $^1/_5$ всѣхъ земскихъ расходовъ. Тягость для населенія не стала бы меньшей отъ того, что прибавка была бы сдѣлана не къ государственнымъ, а къ земскимъ сборамъ... Чтобы быть вполнѣ послѣдовательнымъ, сотруднику московской газеты оставалось бы только сдѣлать еще одинъ шагъ въ томъ же направленіи и предложить, чтобы должность письмоводителя или секретаря при земскомъ начальникѣ исправляли, по очереди и безвозмездно, волостные писаря его участка. Съ помощью всѣхъ этихъ манипуляцій, жалованье земскаго начальника возвысилось бы, на самомъ дѣлѣ, почти на тысячу рублей,—а между тѣмъ можно было бы утверждать, съ помощью такъ-называемой réservation mentale, что къ нему не прибавлено ни одной копѣйки.

Рядомъ съ такими наивными финансовыми соображеніями, изъ провинціи поступаютъ и другія извѣстія, свидѣтельствующія, по крайней мѣрѣ, о томъ, что всякіе новыя учрежденія, не имѣя въ самихъ себѣ гарантій, точно опредѣляющихъ сферу вліянія, могутъ быть иногда поставлены въ зависимость отъ личныхъ характеровъ и темпераментовъ. Съ экипажемъ земскаго начальника, участокъ котораго прилегаетъ къ губернскому городу, столкнулась, *въ чертѣ города*, телѣга крестьянина В., обмѣнявшагося, по этому поводу, нѣсколькими крѣпкими словами съ кучеромъ земскаго начальника. Послѣдній вышелъ изъ экипажа и приказалъ крестьянину отправиться на три дня подъ арестъ въ волостное правленіе. Крестьянинъ, въ первый разъ видѣвшій земскаго начальника, выразилъ сомнѣніе въ обязательности объявленнаго ему распоряженія. Тогда земскій начальникъ сажаетъ его въ свой экипажъ и везетъ въ волостное правленіе. Тотчасъ же созывается волостной судъ, которому земскій начальникъ предлагаетъ приговорить крестьянина В. къ тѣлесному наказанію, за буйство. Волостной судъ исполняетъ это требованіе, хотя проступокъ В., если здѣсь можетъ быть рѣчь о проступкѣ, былъ совершенъ въ городѣ, т.-е. внѣ круга дѣйствій волостного суда. Исполненіе приговора, по настоянію земскаго начальника, слѣдуетъ непосредственно за его постановленіемъ, хотя волостной старшина и представлялъ земскому начальнику, что необходимо выждать вступленія приговора въ законную силу. Крестьянинъ В. подалъ три жалобы—уѣздному съѣзду, губерн-

Digitized by Google

скому присутствію и прокурору окружного суда. О результатѣ этихъ жалобъ нѣтъ свѣденій. На мѣстѣ же дѣйствія ходитъ слухъ, что жалобщика старались склонить къ прекращенію дѣла, но это едва ли вѣрно, потому что самое дѣло не принадлежитъ къ числу тѣхъ которыя могутъ быть прекращены по просьбѣ потерпѣвшаго. Невѣроятнымъ кажется и все разсказанное нами событіе, но невѣроятное бываетъ иногда вполнѣ истиннымъ. Не болѣе правдоподобны были извѣстія, сообщенныя въ печати, о присужденіи къ розгамъ за „допущеніе себя къ приводу по этапу", за вину малолѣтняго брата, за неуплату недоимки. А между тѣмъ всѣ эти сообщенія остаются до сихъ поръ неопровергнутыми. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 289) не такъ давно появилась статья, озаглавленная: „Волостной старшина—вопросъ крестьянскаго самоуправленія", изъ которой видно, что исправникамъ случается и теперь собственноручно *учить... волостныхъ старшинъ*! Правда, это *ученье* (уцѣлѣла, какъ видно, даже терминологія крѣпостной эпохи) производится при закрытыхъ дверяхъ, безъ свидѣтелей, но зато дѣйствующимъ лицомъ является исправникъ, т.-е. лицо, не облеченное особыми полномочіями, а страждущимъ лицомъ—волостной старшина, т.-е. первый между мѣстными крестьянами. Недавнее московское дѣло околоточнаго Годлевскаго свидѣтельствуетъ, впрочемъ, о томъ, что немыслимое совершается иногда и въ столицахъ...

Только-что окончившаяся сессія уѣздныхъ земскихъ собраній была первою, въ продолженіе которой земскіе начальники, состоящіе гласными, засѣдали рядомъ съ своими подчиненными—волостными старшинами, сельскими старостами и другими крестьянами. Какъ относятся другъ къ другу лица власть имѣющія и подвластныя, сойдясь на нейтральной почвѣ, въ качествѣ равноправныхъ, по имени, общественныхъ дѣятелей—въ газетахъ намъ не встрѣчалось никакихъ свѣденій по этому предмету. Мы слышали только, что въ одномъ изъ земскихъ собраній новгородской губерніи земскій начальникъ замѣтилъ, обращаясь къ двумъ возражавшимъ ему крестьянамъ: „вы забываете, что я вашъ земскій начальникъ"! Впрочемъ, земскій начальникъ и нѣкоторые другіе гласные заявили, что это былъ частный разговоръ. Въ другомъ земскомъ собраніи той же губерніи гласный-земскій начальникъ спросилъ гласнаго-волостного старшину, на какомъ основаніи онъ присутствуетъ въ собраніи, тогда какъ ему предписано было находиться въ такомъ-то селѣ? Старшина отвѣчалъ, что онъ, какъ гласный, считалъ себя обязаннымъ явиться въ собраніе. Тогда земскій начальникъ написалъ приказъ объ арестованіи старшины, который и просидѣлъ подъ арестомъ до окончанія сессіи. Если эти факты (намъ называли мѣстности и имена) достовѣрны, то слѣдовало бы дополнить новое земское

Digitized by Google

положеніе запрещеніемъ ареста гласныхъ-крестьянъ, во время сессіи или передъ самымъ ея открытіемъ, за проступки по должности и вообще въ силу дисциплинарной власти земскаго начальника. Еще правильнѣе, можетъ быть, было бы вовсе не допускать избранія земскихъ начальниковъ въ земскіе гласные, подобно тому, какъ не допускается выборъ въ гласные мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ и лицъ прокурорскаго надзора.

Пять мѣсяцевъ тому назадъ мы перепечатали въ внутреннемъ обозрѣніи подлинный текстъ Высочайшаго манифеста о почтовой части въ Финляндіи. На дняхъ распубликованъ другой манифестъ (отъ 1-го (13-го) декабря), не менѣе важный, который мы, поэтому, также приводимъ буквально.

„Въ видахъ устраненія неудобствъ и затрудненій, кои обусловливаются предстоящимъ 20 декабря 1890 года (1 января 1891 г.) приведеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія великаго княжества финляндскаго и дополнительныхъ къ сему уложенію узаконеній, Мы возложили на министра юстиціи и главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ при государственномъ совѣтѣ войти въ сношеніе съ генералъ-губернаторомъ и министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи относительно опредѣленія мѣръ, которыя надлежало бы принять для достиженія означенной цѣли.

„Нынѣ, одобривъ заключеніе, выработанное по сему предмету въ особомъ совѣщаніи изъ упомянутыхъ выше лицъ, Мы признали за благо повелѣть:

„1) Объ измѣненіи вновь изданныхъ для Финляндіи уголовныхъ узаконеній, въ чемъ сіе вызывается необходимостью, предложить земскимъ чинамъ созваннаго къ 8 (20) января 1891 года сейма.

„2) Приведеніе въ дѣйствіе сихъ узаконеній пріостановить впредь до утвержденія Нами представленія земскихъ чиновъ по указанному въ предшедшемъ пунктѣ предложенію.

„3) Постановленія дѣйствующихъ законоположеній, касающіяся производства дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ, совершаемымъ въ имперіи жителями великаго княжества финляндскаго и въ семъ краѣ жителями имперіи, сохранить въ силѣ и по введеніи въ ономъ новаго уголовнаго уложенія, съ тѣмъ, чтобы присутственныя мѣста и должностныя лица Финляндіи, при постановленіи и исполненіи приговоровъ о жителяхъ имперіи, принимали въ соображеніе права и преимущества, коими обвиняемые пользуются по законамъ имперіи“.

Digitized by Google

ОБОРОТЫ И ОПЕРАЦІИ КАЗНЫ ВЪ 1889 ГОДУ

ПО ОТЧЕТУ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ.

Отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи за 1889 годъ, сверхъ непосредственныхъ цифровыхъ данныхъ по исполненію смѣтныхъ предположеній этого года по доходамъ и по расходамъ [1]), представляетъ, по обыкновенію, за отчетный годъ сводъ оборотовъ государственнаго казначейства, а также результаты по болѣе крупнымъ отраслямъ государственнаго хозяйства. Главнѣйшими изъ нихъ представляются: исполненіе въ 1889 году расходовъ по государственнымъ росписямъ другихъ лѣтъ, какъ по росписи 1888 года (въ теченіе льготнаго срока), такъ и по заключеннымъ росписямъ прежнихъ лѣтъ; движеніе суммъ государственнаго казначейства въ 1889 году (считая съ 1-го января по 31-е декабря) съ выводомъ свободной наличности государственнаго казначейства къ 1-му января 1890 года; состояніе долговыхъ счетовъ государственнаго казначейства въ 1889 году; движеніе государственныхъ долговъ и движеніе въ недоимкахъ казны и въ долгахъ ей. Въ приложеніи къ отчету помѣщены: вѣдомости, по губерніямъ и областямъ, поступленія окладныхъ сборовъ и главнѣйшихъ изъ неокладныхъ, и нѣкоторые другіе счеты, въ томъ числѣ вѣдомость о положеніи разсчета правительства съ желѣзными дорогами и вѣдомость оборотовъ по спеціальнымъ сборамъ и капиталамъ.

Изъ упомянутыхъ рубрикъ особеннаго вниманія заслуживаютъ несомнѣнно свѣденія о состояніи долговыхъ счетовъ государственнаго казначейства.

По долгамъ казны за 1889 годъ произошли слѣдующія измѣненія: къ 1889 году долговыхъ обязательствъ государственнаго казначейства состояло:

1) на общегосударственныя потребности . . . . . (въ томъ числѣ безпроцентнаго долга по кредитнымъ билетамъ 568.559.743 р.)	3.629.145.412 р.
2) по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ	1.367.161.883 р.
3) по спеціальнымъ займамъ выкупной операціи.	469.041.150 р.
Всего . .	5.465.348.445 р. [2])

[1]) „Вѣстникъ Европы“, декабрь 1889 г., страницы 846 и слѣд.

[2]) Въ отчетѣ по исполненію государственной росписи за 1888 годъ государственные долги къ 1-му января 1889 года были показаны въ суммѣ 5.631.117.475 р.,

Digitized by Google

Къ 1-му января 1890 года счеты представляли долговъ казны:

1) на общегосударственныя потребности . . . . . (цифра долга по кредитнымъ билетамъ осталась та же, какъ и въ предшествовавшемъ году)	3.594.731.133 р.
2) по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ.	1.465.379.243 р.
3) по выкупной операціи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. .	465.129.650 р.
Всего . .	5.525.240.026 р.

болѣе противъ остававшагося къ 1889 году на 59.891.581 рубль, причемъ долгъ на общія государственныя потребности уменьшился на 34½ м. р., долгъ по выкупной операціи — почти на 4 м. р., а долгъ по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ возросъ на 98 мил. р. слишкомъ. Но это увеличеніе, по объясненію государственнаго контроля, не представляетъ новаго бремени для государственнаго казначейства, а, напротивъ, послужило къ его облегченію вслѣдствіе произведенной въ 1889 году конверсіи (замѣны) пятипроцентныхъ долговъ въ четырехпроцентные. Дѣйствительно, кредитъ на уплату процентовъ и погашенія по государственнымъ долгамъ, назначенный на 1889 годъ въ размѣрѣ 272.568.839 р. и израсходованный въ этомъ году въ суммѣ 270.692.892 р., въ росписи на 1890 годъ не превышаетъ 266.146.192 р.; при этомъ слѣдуетъ ожидать, что дѣйствительнаго расхода будетъ менѣе этой суммы, и въ кредитѣ этомъ окажется остатокъ, какъ оказался онъ и въ 1889 году, къ которому впервые были примѣнены Высочайше утвержденныя 1-го іюня 1890 года правила о порядкѣ закрытія остатковъ отъ ассигнованій по смѣтѣ системы государственнаго кредита, до того времени отпускавшихся безсрочно и закрытію не подлежавшихъ.

Въ числѣ долговыхъ обязательствъ государственнаго казначейства значатся 568½ мил. р. по кредитнымъ билетамъ. Собственно кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи въ 1888 и въ 1889 годахъ больше, именно 780.032.238 р., но долгомъ показана лишь сумма, на которую количество обращающихся билетовъ превышаетъ хранящійся въ государственномъ банкѣ „металлическій фондъ", простиравшійся въ указанные года до 211.472.495 р. (золотомъ 210.346.812 р. и серебромъ 1.125.683 рубля).

болѣе противъ нынѣ показываемой цифры на 166 м. р. Разница въ показаніяхъ происходитъ отъ разницы въ курсахъ, по которымъ переложены металлическіе долги (почти полтора милліарда) въ кредитные рубли. По установленному для росписей 1888 г. курсу они были переложены по счету 1 р. 80 коп. кр. за металлическій рубль, а въ отчетѣ за 1889 г., для наглядности сравненія, переведены по курсу, принятому для росписи этого года, т.-е. по 1 р. 70 к. кр. за металлическій рубль. Мы уже замѣчали, что ни тотъ, ни другой курсъ не соотвѣтствовалъ дѣйствительному отношенію золотого рубля къ кредитному.

Digitized by Google

Десять лѣтъ тому назадъ, къ 1880 году, какъ это видно изъ отчетовъ государственнаго контроля, кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи на 716½ мил. р., а металлическій фондъ равнялся 173 мил. р. съ небольшимъ, такъ что долгомъ считалось около 543½ мил. рублей. Въ томъ же положеніи приблизительно состояла эта часть государственнаго долга до 1887 года и лишь къ 1888 году произошло измѣненіе до указанныхъ выше цифръ, т.-е. количество кредитныхъ билетовъ увеличилось на 63½ м. р., до 780 м. р., фондъ на 38½ мил. р., до 211½ м. р.; долгъ по кредитнымъ билетамъ возросъ, слѣдовательно, на 25 мил. р.

Количество выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ возросло, какъ извѣстно, во время послѣдней турецкой войны, однако не въ такой степени, какъ это обыкновенно полагается. По отчетамъ государственнаго контроля, въ періодъ 1867—1886 года кредитныхъ билетовъ было на 566 м. р., менѣе противъ 1880 года всего лишь на 150½ м. рублей. 1-го января 1881 года послѣдовалъ Высочайшій указъ объ уплатѣ государственному банку въ теченіе 8 лѣтъ 417 м. р. и объ уничтоженіи кредитныхъ билетовъ, по мѣрѣ накопленія ихъ въ кассахъ банка и по соображенію съ потребностью въ денежномъ обращеніи. Въ указѣ опредѣлялась и цѣль этой мѣры: „установить болѣе правильныя отношенія государственнаго казначейства къ государственному банку и способствовать постепенному упроченію денежной единицы, безъ внезапнаго стѣсненія денежнаго рынка и происходящихъ отъ него промышленныхъ и торговыхъ затрудненій". Первая часть повелѣнія, т.-е. уплата банку, формально исполнена въ назначенный срокъ; въ дѣйствительности до настоящаго года банку уплачено 267 м. р., а на остальные 200 м. р. внесены въ банкъ четыре серіи непрерывно доходныхъ билетовъ, не подлежащихъ реализаціи. Но какъ видно изъ приведенныхъ цифръ находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ, количество ихъ не только не уменьшилось съ 1881 года, а даже увеличилось. Выражая неоднократно сожалѣніе по поводу того, что вторая половина Высочайшаго повелѣнія 1-го января 1881 года—уничтожать кредитные билеты по мѣрѣ накопленія ихъ въ банкѣ—осталась неисполненною, мы не рѣшились бы, однако, упрекнуть въ настоящее время министерство финансовъ въ этомъ неисполненіи. Указанное въ повелѣніи упроченіе денежной единицы могло завершиться однимъ путемъ — открытіемъ свободнаго обмѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету al pari рубль за рубль и притомъ на золотую, такъ какъ цѣнность серебряной монеты, сравнительно съ золотой, противъ прежняго значительно понизилась. Лѣтъ десять тому назадъ открытіе свободнаго размѣна и ставилось цѣлью министерствомъ финансовъ, хотя бы въ отдаленной перспек-

Digitized by Google

тивѣ. Съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились, и мысль объ упроченіи денежной единицы путемъ мѣропріятій, повидимому, оставлена. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что при установленіи размѣна дѣло шло бы не только о 780 м. р. кредитныхъ билетовъ, но и о милліардахъ цѣнныхъ бумагъ, написанныхъ въ кредитной валютѣ, по которымъ проценты и погашеніе пришлось бы уплачивать въ золотой валютѣ. При этомъ условіи изъятіе изъ обращенія въ значительномъ количествѣ кредитныхъ рублей, представляющихъ сколько-нибудь устойчивую денежную единицу для внутренняго рынка, оказалось бы весьма неудобнымъ. Возмѣщеніе недостатка ихъ звонкой монетой, стоющей на кредитные рубли сегодня не то, что стоила вчера, стоющей въ одномъ мѣстѣ не то, что стоитъ въ другомъ, породило бы, быть можетъ, еще бо̀льшія экономическія неурядицы, нежели какія возникаютъ теперь изъ постояннаго колебанія курса. Но эти послѣднія неурядицы очень велики и къ устраненію ихъ, т.-е. къ упрощенію нашей денежной единицы, несомнѣнно весьма настойчиво должна быть направлена наша финансовая политика.

Недоимки казны и долги государственному казначейству въ 1889 году также значительно возросли:

Къ 1-му января 1889 года ихъ числилось:

а) по счетамъ казенныхъ палатъ, казначействъ и распорядительныхъ управленій	179.851.828 р.
б) за обществами желѣзныхъ дорогъ	1.198.683.598 р.
всего. . .	1.378.535.426 р.

Къ 1-му января 1890 года ихъ оказалось:

а) по счетамъ казенныхъ палатъ, казначействъ и распорядительныхъ управленій	184.784.762 р.
б) за обществами желѣзныхъ дорогъ	1.237.509.900 р.
всего. . .	1.422.294.662 р.

Болѣе противъ предшествовавшаго года на 43.759.236 р. По первому изъ указанныхъ пунктовъ увеличеніе недоимокъ и долговъ не достигло 5 м. р. и оказалось преимущественно по выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ (на 4.088.254 р.) и по податямъ подушной и оброчной и по поземельному налогу; по второму пункту долги увеличились почти на 39 м. р.

Разсчеты правительства съ частными желѣзнодорожными обществами, долгъ которыхъ казнѣ достигъ къ 1890 году *милліарда съ четвертью*, представляютъ наиболѣе крупную финансовую операцію и въ то же время наиболѣе сложную.

Участіе правительства въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, эксплуатируемыхъ частными обществами, выражается въ гарантіи извѣстнаго дохода съ затраченныхъ на предпріятія капиталовъ, реа-

Digitized by Google

лизованныхъ самими обществами; въ реализаціи самимъ правительствомъ за счетъ желѣзнодорожныхъ обществъ нѣсколькихъ серій консолидированныхъ облигацій и въ выдачѣ желѣзнодорожнымъ обществамъ разныхъ денежныхъ и матеріальныхъ ссудъ.

Общая сумма гарантированныхъ правительствомъ акцій и облигацій къ 1-му января 1890 года составляла 2 милліарда рублей, при чемъ при переложеніи метал. рубли переложены въ кредитные не по курсу, принятому для росписи 1889 г. (1 р. 70 коп. кр. за мет. рубль), а по дѣйствительному среднему курсу 1889 г.—по 1 р. 50 коп. кр. за мет. рубль. Сверхъ того, итогъ ссудъ, выданныхъ желѣзными дорогами къ тому же сроку, составлялъ 272 м. р., безъ начисленія причитавшихся на эти ссуды процентовъ.

Размѣръ гарантированнаго правительствомъ дохода съ акціонерныхъ и облигаціонныхъ капиталовъ достигаетъ слишкомъ 94 мил. рублей въ годъ [1]).

Взаимныя обязательства правительства, съ одной стороны, и желѣзнодорожныхъ обществъ, съ другой, выражаются въ томъ, что правительство доплачиваетъ проценты и погашеніе по гарантированнымъ акціямъ и облигаціямъ, реализованнымъ самими обществами, въ случаѣ, если не окажется средствъ на эти платежи; по облигаціямъ же, реализованнымъ самимъ правительствомъ, производитъ непосредственную уплату процентовъ и погашенія. Желѣзнодорожныя общества, въ свою очередь, обязаны вносить въ казну суммы: на возмѣщеніе произведенныхъ такимъ образомъ правительствомъ затратъ, въ возвратъ прежде произведенныхъ съ тою же цѣлью расходовъ; на уплату процентовъ и погашенія по выданнымъ имъ ссудамъ и, наконецъ, нѣкоторую долю чистаго дохода, причитающуюся казнѣ, какъ участнику въ доходахъ желѣзныхъ дорогъ. Но всѣ эти уплаты производятся не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ дѣйствительно причитались бы, а по разсчету съ тѣмъ или другимъ чистымъ доходомъ дорогъ, при чемъ уплата никогда не достигала той суммы, которая дѣйствительно слѣдовала. Такъ, по самой росписи поступленія отъ желѣзныхъ дорогъ, по соображенію вѣроятной ихъ доходности, были исчислены въ 41 м. р., а расходы на нихъ казны безъ малаго въ 69 мил. рублей.

Эксплуатація желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ обязательныхъ къ правительству отношеніяхъ, оказалась въ 1889 г. менѣе благопріятна, нежели была въ 1888 году, такъ что чистый доходъ отъ нихъ уменьшился на 13½ м. р. (около 96 м. р. въ 1889 г. и 109½ м. р. въ 1888 г.), что отразилось невыгодно на итогѣ суммъ, причитав-

[1]) Въ 1889 г. причиталось меньше, именно 90 м. р. съ небольшимъ.

Digitized by Google

шихся государственному казначейству изъ эксплуатаціонныхъ доходовъ. Но благопріятный курсъ кредитнаго рубля (въ 1888 г. средній курсъ былъ 59 коп. мет. за кред. рубль, а въ 1889 году—66 коп.) повелъ къ уменьшенію размѣра обязательныхъ для общества платежей въ кредитныхъ рубляхъ по бумагамъ, реализованнымъ самими обществами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращеніе правительственныхъ приплатъ по гарантіи дохода. На платежи по акціямъ и облигаціямъ, реализованнымъ самими обществами, изъ чистаго дохода 1888 года причиталось къ уплатѣ 42½ мил. р., а изъ дохода 1889 года—менѣе 38½ м. р. Изъ казны также по гарантіи этихъ акцій и облигацій въ 1888 г. издержано 9 м. р., а въ 1889—менѣе 7½ т. рублей. Въ общемъ, правительствомъ произведено расходовъ на частныя желѣзныя дороги въ 1889 году 65 мил. р., а поступило отъ желѣзныхъ дорогъ 49½ м. р.; недоборъ, слѣдовательно, составилъ 15½ мил. руб. Вмѣстѣ же съ суммами причитавшихся казнѣ процентовъ по прежнимъ долгамъ, долгъ ей желѣзныхъ дорогъ увеличился, какъ показано выше, на 39 мил. рублей

Казнѣ принадлежатъ и ею непосредственно эксплуатируются слѣдующія дороги: ливенская, харьково-николаевская и ровно-кременчугская, баскунчакская, тамбово-саратовская, екатерининская, полѣсскія, уральская, муромская, ряжско-моршанская, самаро-уфимская, псково-рижская и закаспійская. Отъ нихъ, при расходѣ на эксплуатацію около 17 мил. рублей, поступило въ 1889 году около 33½ м. р., болѣе противъ 1888 года на 11 м. р. Такое увеличеніе объясняется государственнымъ контролемъ открытіемъ для движенія вновь построенныхъ желѣзныхъ дорогъ: самаро-уфимской, псково-рижской и самаркандскаго участка закаспійской желѣзной дороги, а также возвышеніемъ доходности нѣкоторыхъ дорогъ, особенно харьково-николаевской, екатерининской, полѣсскихъ и уральской. Впрочемъ, по даннымъ, находящимся въ отчетѣ по исполненію смѣтъ, слѣдуетъ заключить, что собственно заработокъ дорогъ въ 1889 году не превышаетъ 29 м. р., а что 4 м. р. поступили въ счетъ доходовъ предшествовавшихъ лѣтъ. Къ этому нужно прибавить, что расходы казны на упомянутыя дороги не ограничиваются упомянутыми 17 м. р. Это собственно расходы эксплуатаціи, къ которымъ нужно присоединить уплату процентовъ и погашенія на строительные капиталы, весьма значительные по дорогамъ, перешедшимъ въ казну отъ частныхъ обществъ. Во всякомъ случаѣ, передачу въ казну такихъ дорогъ, какъ харьково-николаевская, тамбово-саратовская, уральская и др., слѣдуетъ признать въ финансовомъ отношеніи для казны благопріятною, хотя вмѣстѣ съ передачей пришлось списать со счетовъ громадные долги казнѣ, числившіеся за этими дорогами. Но

Digitized by Google

долги эти, само собою разумѣется, никогда не были бы уплачены, а росли бы, какъ ростутъ долги большей части другихъ дорогъ, принадлежащихъ частнымъ обществамъ.

Спеціальныхъ сборовъ и капиталовъ, состоящихъ въ распоряженіи правительственныхъ учрежденій, числилось къ 1 января 1889 года 282.150.743 рубля, въ теченіе 1889 года поступило 51.691.366 р. и израсходовано 45.990.995 р., такъ что къ 1890 году капиталы эти образовали сумму въ 287.824.525 рублей.

Наиболѣе крупные расходы изъ спеціальныхъ средствъ въ 1889 году слѣдующіе: а) эмеритальныя пенсіи и пособія лицамъ, оставившимъ службу, и инвалидамъ—свыше 11 м. р.; б) устройство и содержаніе зданій, дорогъ и монументовъ и пр.—до 11 м. р.; в) содержаніе учебныхъ заведеній, стипендіи и пособія на воспитаніе—до 5½ м. р.; г) пособія по случаю пожаровъ, неурожая, падежа скота и т. п.—до 5 м. рублей.

Въ числѣ спеціальныхъ капиталовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ эмеритальныя кассы, которыя служатъ источникомъ, восполняющимъ для нѣкоторыхъ вѣдомствъ крайне скудный размѣръ пенсій, установленный по закону изъ общихъ средствъ казны. Значеніе этихъ кассъ показывается какъ размѣромъ выдаваемыхъ суммъ, такъ и быстрымъ ихъ ростомъ. Какъ извѣстно, одною изъ побудительныхъ причинъ основанія эмеритуръ служила всегда невозможность увеличенія казенныхъ пенсій, которыя и безъ того ложатся на казну обременительнымъ, ежегодно быстро увеличивающимся, расходомъ. Но въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1886 по 1889, расходъ на казенныя пенсіи увеличился съ 25.868.000 р. до 27.532.000 р.—на 1.764.000, т.-е. менѣе нежели на 6%, тогда какъ эмеритальныя выдачи, составлявшія въ 1886 году 9.817.000 руб., въ 1889 году достигли 11.137.000 р.,—слѣдовательно, увеличились на 1.320.000 р., на 13% слишкомъ. Еще разительнѣе увеличеніе расходовъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, какъ напримѣръ по эмеритурѣ военно-сухопутнаго вѣдомства: въ 1886 году онъ составлялъ 5.306.000 руб., а въ 1889 г.—уже 6.563.000 р., т.-е. увеличился почти на 20%. Въ эмеритальной кассѣ морского вѣдомства расходъ 1886 года въ 1.070.000 рублей возросъ въ 1889 году до 1.308.000 р., т.-е. на 23%. По эмеритурѣ горныхъ инженеровъ расходъ 1886 года, 136.000 руб., возросъ въ 1889 г. до 155.600 р., почти на 15%, при чемъ въ оборотахъ кассы оказался весьма зловѣщій признакъ: въ 1886 году годичныя поступленія превышали расходъ на 21.000 р., въ 1889 году въ оборотахъ оказался уже дефицитъ: поступило въ теченіе года 148.000 руб., а израсходовано 155.000 р. Это равносильно банкротству кассы, такъ какъ по основаніямъ эмеритуръ разъ обнаружившійся дефицитъ мо-

Digitized by Google

жетъ только расти и въ короткое время поглотить запасъ кассы, къ тому же небольшой, 1.580.000 рублей.

О неудовлетворительности нашего пенсіоннаго устава не можетъ быть двухъ мнѣній. Основы его тѣ же, какія положены первоначальнымъ уставомъ въ 20-хъ годахъ. Но значеніе денежной единицы теперь совершенно иное. Во-первыхъ, пенсіи были назначены въ размѣрахъ удовлетворительныхъ—отъ 100 до 4.000 кредитныхъ (ассигнаціонныхъ рублей), оффиціально считавшихся равными серебрянымъ. Въ сороковыхъ годахъ совершилась девальвація ассигнацій съ зачетомъ $3^1/_2$ р. „ассигнаціями“ за одинъ рубль „серебромъ“ (выраженіе, не вышедшее до сихъ поръ изъ употребленія,—такъ стойки слѣды пережитого прошлаго). Въ томъ же размѣрѣ на новыя денежныя единицы было перечислено содержаніе служащихъ, а равно и пенсіи: 100 рублей перечислены въ 28 р. съ копѣйками, 4.000 р. въ 1.143 р. „серебромъ“, положенные лишь для высшихъ чиновниковъ (исключая отставныхъ министровъ, которымъ опредѣлялась пенсія по особому назначенію). Это повлекло за собой явленіе, имѣющее мѣсто особенно теперь—назначеніе пенсій „внѣ правилъ“ для всѣхъ, о комъ есть кому похлопотать; кромѣ того, никогда не ослабѣвавшее стремленіе „къ пересмотру“ пенсіоннаго устава, при чемъ имѣлась въ виду двойная цѣль: во-первыхъ, установить пенсіи въ размѣрахъ сколько-нибудь обезпечивающихъ жизнь пенсіонеровъ; во-вторыхъ, сократить расходы казны на пенсіи, ежегодно ростущіе. Въ многочисленныхъ коммиссіяхъ, учреждавшихся по этому предмету съ пятидесятыхъ годовъ по восьмидесятый, возъ приходилось везти и щукѣ, и лебедю; немудрено, что возъ и нынѣ тамъ. Рѣшеніе неразрѣшимой задачи завершилось проектомъ какого-то вѣдомства объ изданіи *правилъ* для назначенія пенсій „внѣ правилъ“, но и этотъ оригинальный и заманчивый проектъ потерпѣлъ фіаско и не прошелъ. Палліативомъ, какъ бы примиряющимъ непримиримое, явились эмеритальныя кассы разныхъ вѣдомствъ, основанныя будто бы на коммерческихъ началахъ и сулящія пенсіи въ удовлетворительномъ размѣрѣ безъ обремененія казны лишнимъ расходомъ. Но мы не разъ высказывали, что это не болѣе какъ фикція. Условія, при которыхъ учреждаются въ томъ или другомъ вѣдомствѣ эмеритальныя кассы, таковы, что на первые годы (10—15 лѣтъ) онѣ какъ бы и разрѣшаютъ неразрѣшимое. Но не надолго, а затѣмъ сущность вещи должна сказаться. Эмеритура царства польскаго давно уже оказалась несостоятельна, и казнѣ приходится платиться за это крупнымъ ежегоднымъ расходомъ. Близка была несостоятельность эмеритуры горныхъ инженеровъ и отсрочена—но не устранена—значительнымъ сокращеніемъ

Digitized by Google

предоставляемыхъ уставомъ ея льготъ. Отъ перспективы несостоятельности не свободна и такая богатая, благодаря щедротамъ казны, касса, какъ эмеритура военнаго вѣдомства.

Въ основу пенсій, по нашему мнѣнію, не можетъ быть положено ни коммерческое, ни филантропическое начало, а должно быть принято государственное. Достаточнымъ обезпеченіемъ служащаго ему въ старости и въ болѣзни, а равно и его семьи въ случаѣ смерти, государство должно обезпечить себѣ возможность имѣть чиновниковъ, вполнѣ преданныхъ своимъ обязанностямъ, не чувствующихъ надобности искать запаса на черный день на сторонѣ. Расходъ на пенсіи долженъ разсматриваться какъ дополнительный расходъ на содержаніе служащихъ. Между тѣмъ у насъ не только пенсіонные оклады, но и общій расходъ на пенсіи меньше, нежели въ государствахъ западной Европы, Австріи, Италіи, Франціи, не говоря уже объ Англіи.

На основаніи сказаннаго, считаемъ не лишнимъ еще разъ упомянуть о необходимости измѣненія нынѣ дѣйствующаго пенсіоннаго устава, при чемъ существующія эмеритальныя кассы подлежали бы упраздненію, а пенсіи внѣ правилъ могли бы назначаться только въ экстренныхъ случаяхъ, при томъ въ предѣлахъ законодательнымъ путемъ опредѣленной въ росписи общей суммы и въ порядкѣ кандидатуръ.—О.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1891.

Важнѣйшія политическія событія истекшаго года.—Удаленіе князя Бисмарка и поворотъ въ германской политикѣ.—Личная дѣятельность Вильгельма II.—Его послѣднія рѣчи по школьному вопросу.—Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи.—Англійскія дѣла.—Парнелль и Гладстонъ.—Злоупотребленія нѣкоторыхъ англичанъ, и упреки г-жи Ольги Новиковой.

Истекшій годъ не богатъ крупными событіями, но онъ останется памятнымъ въ одномъ отношеніи: въ этомъ году Европа освободилась отъ многолѣтняго и безпокойнаго владычества князя Бисмарка въ области международной политики. Совершившаяся перемѣна оказалась въ высшей степени благопріятною для интересовъ общаго мира. Политическіе кризисы и конфликты, оффиціозныя угрозы и опасенія, раздражающая газетная полемика съ чужими государствами и народами, постоянные толки о враждебныхъ замыслахъ и союзахъ,—все это прекратилось само собою послѣ отставки князя Бисмарка. Мы имѣемъ предъ собою наглядное и положительное доказательство того, что та атмосфера внѣшней напряженности, которая въ теченіе многихъ лѣтъ господствовала надъ общимъ политическимъ положеніемъ, была личнымъ дѣломъ знаменитаго канцлера и составляла искусственный продуктъ его системы. Весь этотъ кошмаръ „войны на два фронта“, поддерживавшій тревогу въ умахъ и едва не приведшій, въ концѣ концовъ, къ дѣйствительной катастрофѣ, исчезъ почти безслѣдно съ удаленіемъ князя Бисмарка. Трудно было бы придумать болѣе яркій примѣръ преобладанія отдѣльной руководящей личности надъ политическою жизнью народовъ; предъ нами совершился интересный практическій опытъ по общему вопросу о роли личности въ исторіи,—опытъ чрезвычайно поучительный даже съ отвлеченно-теоретической точки зрѣнія. Съ тѣхъ поръ какъ бывшій германскій канцлеръ удалился со сцены, общественное мнѣніе въ Европѣ перестало волноваться перспективою грозныхъ событій и замѣшательствъ; самыя эти событія и замѣшательства, считавшіяся неминуемыми въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, кажутся уже мало вѣроятными и даже почти совсѣмъ неправдоподобными въ настоящее время. Каждое государство занялось своими внутренними дѣлами, и повсюду патріотическія чувства нашли себѣ законное удовлетвореніе, безъ ущерба для сосѣднихъ странъ. Нѣмецкіе патріоты увлекаются

Digitized by Google

теперь открытіями профессора Коха, энергіею и смѣлостью Вильгельма II, реформами соціальными, финансовыми и учебными; у насъ публицисты, неустанно громившіе Бисмарка и иноземную интригу въ разныхъ ея видахъ, легко и скоро направили свое усердіе въ другую сторону, избравъ себѣ добычей внутреннія иноплеменныя народности, которыя можно травить безнаказанно. Каждому свое: нѣмцамъ — научныя открытія и всякія реформы, нашимъ патріотамъ — травля инородцевъ и иновѣрцевъ; вездѣ патріотизмъ находитъ себѣ пищу, соотвѣтственно вкусамъ и нравственному уровню дѣйствующихъ лицъ. Внѣшніе международные счеты отошли на задній планъ даже въ отношеніяхъ между нѣмцами и французами, что особенно ясно выразилось по поводу рабочей конференціи въ Берлинѣ, а также во время берлинскаго медицинскаго конгресса и особенно позднѣе, подъ вліяніемъ открытія Коха; взаимное раздраженіе все болѣе уступаетъ мѣсто уваженію и сочувствію на почвѣ общихъ человѣческихъ интересовъ. Въ этомъ важномъ поворотѣ общественнаго настроенія, въ связи съ отставкою князя Бисмарка, заключается главнѣйшее политическое значеніе истекшаго года.

Старый канцлеръ потерпѣлъ неудачу въ вопросѣ о мѣрахъ борьбы противъ соціально-демократическаго движенія; имперскій сеймъ, въ засѣданіи 25-го января, отклонилъ проектъ постояннаго исключительнаго закона о соціалистахъ, вопреки настойчивымъ доводамъ министра Герфурта и оффиціозной печати. Въ томъ же самомъ засѣданіи была прочитана тронная рѣчь о закрытіи парламентской сессіи, и общій характеръ этой рѣчи несомнѣнно свидѣтельствовалъ о томъ, что неудача правительственнаго проекта, предусмотрѣнная заранѣе, не особенно огорчила Вильгельма II. Императоръ не раздѣлялъ воззрѣній князя Бисмарка и признавалъ вполнѣ возможнымъ обойтись безъ особыхъ репрессивныхъ мѣръ противъ соціалистовъ; онъ имѣлъ свои собственные взгляды на соціальный вопросъ, какъ это видно было изъ появившихся вслѣдъ затѣмъ рескриптовъ 4 февраля. Предстояли выборы въ новый сеймъ, и избирательная кампанія велась свободно, въ первый разъ за многіе годы. Всѣ партіи находились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ энергическаго призыва молодого императора къ серьезнымъ реформамъ на пользу рабочаго класса. Правительство сохраняло возможное безпристрастіе и воздерживалось отъ всякаго давленія на выборы; оффиціозные органы не поднимали своего голоса, и духъ князя Бисмарка уже отсутствовалъ въ приготовленіяхъ къ избранію новаго сейма. Выборы 20-го февраля дали результатъ рѣшительно неблагопріятный для канцлера. Наиболѣе пострадали тѣ именно парламентскія группы, которыя отличались наибольшею преданностью канцлеру,—національ-либералы и имперская

Digitized by Google

партія; эти партіи сократились почти на половину. Наиболѣе увеличились силы двухъ главныхъ оппозиціонныхъ группъ, свободомыслящихъ и соціаль-демократовъ; первыхъ избрано было до 70 человѣкъ, вмѣсто прежнихъ 38, а вторыхъ—35, вмѣсто 11. Пораженіе національ-либераловъ было для нихъ настоящимъ разгромомъ; изъ крупной и господствующей партіи правительственнаго большинства они превратились въ небольшую группу (около 40 человѣкъ, вмѣсто прежнихъ 94). Соціаль-демократы выросли сразу на степень внушительной парламентской партіи, почти равносильной національ-либераламъ; общее число голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ соціальной демократіи, доходило до полутора милліона и значительно превышало сумму голосовъ національно-либеральнаго лагеря.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этихъ выборовъ, а именно 20-го марта, обнародованы были указы объ отставкѣ князя Бисмарка и о назначеніи генерала Каприви имперскимъ канцлеромъ. Неожиданное событіе произошло въ то время, когда въ Берлинѣ засѣдала уже международная рабочая конференція, созванная по личному почину Вильгельма II, и когда всѣ умы въ Германіи заняты были великодушными проектами объ улучшеніи быта рабочихъ. Никто не думалъ тогда о князѣ Бисмаркѣ; газеты переполнены были свѣденіями о горячемъ и живомъ участіи императора въ совѣщаніяхъ по рабочему вопросу, объ интересныхъ разговорахъ съ французскими делегатами, особенно съ Жюлемъ Симономъ, который былъ предметомъ спеціальнаго вниманія со стороны Вильгельма II; въ газетахъ сообщались бесѣды императора съ представителями самихъ рабочихъ, и все это производило впечатлѣніе чего-то свѣжаго и бодраго, обѣщающаго хорошіе плоды въ будущемъ. Нельзя было выбрать лучшій психологическій моментъ для отставки князя Бисмарка. Всѣ симпатіи были заранѣе на сторонѣ молодого, предпріимчиваго монарха, покровителя и защитника низшихъ трудящихся классовъ. Кризисъ, который въ другое время возбудилъ бы общее волненіе и безпокойство, прошелъ какъ-то незамѣтно, среди шума, вызваннаго рабочей конференціею; развязка совершилась замѣчательно ловко, съ отданіемъ всевозможныхъ почестей отставляемому канцлеру, при торжественномъ превознесеніи его великихъ историческихъ заслугъ, съ заявленіями глубокой признательности и сочувствія. Дѣло обставлено было подобающимъ образомъ, какъ этого требовало самое положеніе и значеніе князя Бисмарка въ Пруссіи и Германіи. Въ этомъ случаѣ Вильгельмъ II выказалъ рѣдкій тактъ, самообладаніе и рѣшимость, въ соединеніи съ тонкимъ дипломатическимъ искусствомъ. Рескриптъ 20-го марта написанъ такъ, что даже ближайшіе поклонники канцлера должны были чувствовать себя удовлетворенными. Подобныхъ документовъ найдется

Digitized by Google

вообще очень немного въ европейской оффиціальной литературѣ; едва-ли приходилось какому-нибудь монарху столь краснорѣчиво и восторженно восхвалять министра, выходящаго въ отставку. Публика не могла не задуматься надъ вопросомъ: если заслуги Бисмарка такъ велики, по мнѣнію императора, то почему же это публичное признаніе сопровождается указомъ объ отставкѣ по прошенію? Старый канцлеръ изложилъ мотивы своей просьбы, какъ говорятъ, на двадцати страницахъ; уже эта обстоятельность изложенія указывала на возможность уступокъ или соглашенія по отдѣльнымъ пунктамъ. Повидимому, самъ Бисмаркъ былъ твердо убѣжденъ, что ему предложатъ по крайней мѣрѣ остаться руководителемъ внѣшней политики имперіи, такъ какъ разногласія относились только къ вопросамъ внутреннимъ, отъ которыхъ легко было освободить имперскаго канцлера. Но и этого не было предложено Бисмарку, какъ заявила съ горечью его „Сѣверогерманская газета“; на просьбу объ отставкѣ дано было полное и безусловное согласіе, съ громкими словами сожалѣнія и печали. Чтобы сдѣлать смыслъ перемѣны еще болѣе яснымъ, принята въ то же время безъ всякихъ оговорокъ отставка старшаго сына канцлера, графа Герберта Бисмарка, отъ должности имперскаго статсъ-секретаря по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. „Династія Бисмарковъ“, о которой незадолго предъ тѣмъ разсуждали въ англійскихъ журналахъ, внезапно утратила значеніе и обратилась къ мирной частной дѣятельности. Этотъ блестящій coup d'état, совершонный Вильгельмомъ II, положилъ конецъ тяжелому господству князя Бисмарка, его „династіи“ и его оффиціозовъ. Вопросъ о судьбѣ Германіи послѣ удаленія ея великаго канцлера, часто занимавшій добродѣтельныхъ нѣмцевъ въ послѣдніе годы, получилъ неожиданно-быстрое и благополучное рѣшеніе. Императоръ освободился отъ стѣснительной авторитетной опеки и пріобрѣлъ полную свободу движеній; онъ окружилъ себя дѣльными сотрудниками, какъ Берлепшъ и Микель, и смѣло началъ свое самостоятельное царствованіе, обѣщающее дать новый толчокъ соціально-политическому развитію Германіи, а можетъ быть, и Европы.

Международная конференція въ Берлинѣ по рабочему вопросу (15-го—28-го марта, н. ст.) не имѣла крупныхъ непосредственныхъ результатовъ, да и не могла имѣть ихъ по своей программѣ; но это былъ первый и весьма важный шагъ къ установленію общихъ принциповъ рабочаго законодательства путемъ принципіальнаго соглашенія между государствами. Выступить передъ лицомъ всей Европы въ защиту человѣческихъ правъ и интересовъ рабочаго класса и побудить правительства различныхъ европейскихъ державъ высказаться въ томъ же духѣ, противъ могущественныхъ силъ и злоупо-

Digitized by Google

требленій капитализма,—это уже сама по себѣ великая нравственная заслуга со стороны такого представителя крѣпкой военно-монархической власти, какъ императоръ германскій и король прусскій. Прежде привыкли думать, что крѣпкая власть должна наиболѣе давать себя чувствовать низшему трудящемуся населенію, что для высшихъ она должна быть опекунская и благотворительная, а для рабочихъ массъ — суровая и разорительная; многимъ казалось, что задача крѣпкой власти—обузданіе большинства, пріученіе его къ пассивному смиренному подчиненію, для пользы высшихъ сословій; примѣры Вильгельма II, какъ и его дѣда, и перваго канцлера, показываютъ намъ, насколько измѣнились эти старыя наивныя понятія въ современной Европѣ. Такъ какъ масса населенія служитъ главнымъ оплотомъ власти, то чѣмъ тѣснѣе нравственная связь этой массы съ интересами и стремленіями правителей, тѣмъ сильнѣе и крѣпче самая власть; это прекрасно выразилъ германскій императоръ въ одной изъ своихъ недавнихъ рѣчей, по поводу предпринятой имъ учебной реформы. При закрытіи конференціи, обсуждавшей вопросъ о реформѣ высшаго образованія (16-го декабря, н. ст.), Вильгельмъ II сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Мы переживаемъ моментъ перехода и вступленія въ новое столѣтіе, а привилегіею нашего дома было всегда пониманіе духа времени. Мои предки издавна отличались тѣмъ, что, чувствуя пульсъ эпохи, они заранѣе предусматривали ходъ событій, и затѣмъ становились во главѣ движенія, которое они рѣшались направлять и вести къ новымъ цѣлямъ. Я думаю, что я понялъ, куда направляется новое движеніе и куда клонится наше приближающееся къ концу столѣтіе, и я рѣшился вступить на новый путь, по которому нужно будетъ идти, во всякомъ случаѣ, въ дѣлѣ образованія нашихъ молодыхъ поколѣній, точно такъ же, какъ я поступилъ при возбужденіи соціальныхъ реформъ, ибо если мы не сдѣлали бы этого теперь, то вынуждены были бы сдѣлать это черезъ двадцать лѣтъ“. Стоять не только наверху, но и впереди народа во всѣхъ его высшихъ и общихъ интересахъ, руководить общественнымъ движеніемъ, а не тормозить его, удовлетворять назрѣвшія потребности, а не заглушать ихъ, заботиться о нуждахъ громаднаго большинства населенія, а не только о выгодахъ и привилегіяхъ верхнихъ слоевъ общества,—такова задача правительства съ точки зрѣнія Вильгельма II. При такомъ высокомъ взглядѣ на руководящую роль государственной власти не можетъ быть уже и рѣчи объ искусственномъ поддержаніи недовѣрія между народами, о созданіи поводовъ къ внѣшнимъ кризисамъ и столкновеніямъ ради цѣлей военнаго могущества и величія,

Digitized by Google

какъ это постоянно практиковалось усердными патріотами при князѣ Бисмаркѣ.

Въ числѣ серьезныхъ фактовъ внѣшней политики Германіи за прошлый годъ слѣдуетъ упомянуть о соглашеніи съ Англіею относительно африканскихъ дѣлъ (18-го мая, н. ст.) и о замѣтномъ оффиціальномъ сближеніи съ Россіею, въ связи съ поѣздкою Вильгельма II въ Нарву и Петергофъ, по случаю военныхъ маневровъ (5-го—12-го августа). По сдѣлкѣ съ англійскимъ правительствомъ Германія не только утвердила за собою громадную территорію въ Африкѣ, но пріобрѣла еще островъ Гельголандъ, къ великому удовольствію всѣхъ нѣмецкихъ патріотовъ въ имперіи.

Вслѣдъ за обширными финансовыми реформами, предложенными на разсмотрѣніе имперскаго сейма новымъ министромъ финансовъ Микелемъ, поднятъ самимъ императоромъ Вильгельмомъ II важный вопросъ о коренномъ преобразованіи школьной системы. Обстоятельная и длинная рѣчь, произнесенная имъ при открытіи конференціи для обсужденія этого предмета (2-го декабря н. ст.), произвела повсюду сильное впечатлѣніе, какъ по смѣлости и значительности реформаторской программы, такъ и по прямодушію и энергіи аргументаціи. Говоря о недостаткахъ гимназическаго обученія, императоръ нѣсколько разъ упоминалъ о томъ, что онъ самъ прошелъ курсъ гимназіи въ Кассель и что, слѣдовательно, онъ можетъ судить о дѣлѣ по личному опыту. Нѣмецкіе педагоги, по его словамъ, заботятся больше о количествѣ знаній, чѣмъ о развитіи ума и характера, и почти совсѣмъ не обращаютъ вниманія на то, годятся ли преподаваемыя знанія для жизни или нѣтъ. Требованія современной дѣйствительности упускаются изъ виду, и понынѣ удерживаются основы средневѣковаго монашескаго обученія, съ преобладаніемъ латыни и отчасти греческаго, въ ущербъ родному языку, отечественной литературѣ и исторіи. „Прочь съ латинскимъ сочиненіемъ,—выразился императоръ, между прочимъ,—оно мѣшаетъ намъ“ и отнимаетъ время у болѣе близкихъ и полезныхъ предметовъ преподаванія. „Прежде всего нужно близко ознакомиться съ своимъ собственнымъ домомъ, съ исторіею, географіею и преданіями родной страны, а затѣмъ уже изучать достопримѣчательности въ музеяхъ. Въ гимназіяхъ преподаваніе исторіи останавливается на концѣ прошлаго столѣтія, на періодѣ французской революціи, тогда какъ эта эпоха имѣетъ первостепенное, основное значеніе для пониманія всей новѣйшей и современной исторіи, а болѣе отдаленныя времена грековъ и римлянъ изучаются основательно и подробно. Очевидно, необходимо было бы поступать какъ разъ наоборотъ и удѣлять наибольше мѣста изученію болѣе близкихъ къ намъ и болѣе важныхъ для насъ эпохъ. Нужно подготов-

Digitized by Google

лять людей къ современной практической дѣятельности, а не дѣлать изъ нихъ грековъ или римлянъ; необходимо также пощадить физическія силы учащихся и не обременять ихъ непомѣрнымъ количествомъ рабочихъ часовъ. Элементарныя требованія гигіены не соблюдаются учителями и начальниками, которые часто вовсе не знакомы съ важнѣйшими гигіеническими вопросами и правилами; курсъ гигіены долженъ быть обязателенъ для преподавателей и наставниковъ. Статистическія цифры о близорукости среди учащихся просто ужасны; въ высшихъ классахъ гимназій число близорукихъ превышаетъ иногда 70 процентовъ. Множество учениковъ вынуждено употреблять очки, и цѣлыя поколѣнія лишаются условій правильнаго физическаго развитія. Такъ дальше идти не можетъ; люди не должны быть осуждены на то, чтобы чрезъ очки смотрѣть на міръ; они должны видѣть свѣтъ и наслаждаться имъ собственными глазами, и къ этому должны быть направлены усилія при реформѣ школьной системы".

Замѣчательная рѣчь Вильгельма II ясно и рѣзко указала на извѣстные всѣмъ недуги воспитанія въ классическихъ гимназіяхъ; въ ней авторитетно указанъ путь, по которому будетъ слѣдовать правительство въ школьномъ вопросѣ. Но подробныя заявленія и объясненія германскаго императора заключали въ себѣ также не мало такого, что̀ могло быть перетолковано въ духѣ какихъ-нибудь обскурантовъ, вопреки общему смыслу и содержанію рѣчи; такъ напримѣръ, нѣкоторымъ нашимъ патріотамъ особенно понравились слова о перепроизводствѣ образованныхъ людей, непригодныхъ къ полезному труду, о развитіи особаго учебнаго пролетаріата и о кандидатахъ голода, къ которымъ почему-то причислены журналисты. То, что̀ въ странѣ всеобщаго обязательнаго обученія имѣетъ смыслъ указанія на вредную односторонность данной школьной системы, можетъ быть понято въ другой странѣ и при другихъ условіяхъ совершенно иначе, какъ враждебный отзывъ объ образованіи вообще, какъ поощреніе простого невѣжества и обскурантизма, что̀, конечно, всего менѣе соотвѣтствовало бы мыслямъ нѣмецкаго оратора. Нѣкоторые патріоты усмотрѣли также нѣчто родственное своимъ идеямъ въ замѣчаніяхъ Вильгельма II о національной основѣ образованія, предполагая очевидно, что и нѣмцы понимаютъ „національное" въ смыслѣ узкой и поверхностной исключительности, отрицанія и преслѣдованія всего инородческаго, иноплеменнаго и иновѣрнаго. Между тѣмъ національность, какъ культурно-историческая объединяющая сила, имѣетъ очень мало общаго съ націонализмомъ, выражающимся въ злобной и безсмысленной травлѣ инородцевъ или иновѣрцевъ. Понятно, что Вильгельмъ II обращался къ культурному нѣмецкому

Digitized by Google

обществу и не могъ имѣть въ виду нашихъ самобытныхъ обскурантовъ, которые давно уже додумались до мысли о совершенной ненужности образованія для народа.

Само собою разумѣется, что о важномъ практическомъ значеніи упомянутыхъ рѣчей по школьному вопросу не можетъ быть двухъ мнѣній: это не простыя рѣчи, а настоящіе правительственные акты, дающіе могущественную практическую силу тѣмъ требованіямъ, которыя до сихъ поръ высказывались отдѣльными писателями и скорѣе чувствовались, чѣмъ сознавались большинствомъ. Заявленія такихъ властныхъ дѣятелей, какъ Вильгельмъ II, имѣютъ всегда большую силу, когда касаются вопросовъ и потребностей реальной дѣйствительности; эти заявленія, сказанныя предъ лицомъ цѣлой страны и обсуждаемыя затѣмъ во всей Европѣ, всегда производятъ свое дѣйствіе, направляя общее вниманіе на интересы, требующіе законодательныхъ реформъ и улучшеній. Притомъ подобныя заявленія имѣютъ ту особенность, что ораторы, произнесшіе ихъ, могутъ подписать подъ ними: „sic volo, sic jubeo“, какъ подписалъ Вильгельмъ II на своемъ портретѣ, присланномъ въ коммиссію по учебному дѣлу черезъ нѣсколько дней послѣ произнесенія вступительной рѣчи-программы. Не надо также забывать, что въ Германіи существуетъ полная свобода мнѣній и критики; поэтому тамъ не можетъ возникнуть никакого неудобства отъ отдѣльныхъ ошибокъ и увлеченій въ рѣчахъ правителя, особенно если самыя эти увлеченія проистекаютъ изъ хорошаго источника. Въ нѣмецкихъ газетахъ появились фактическія поправки и возраженія по поводу ссылокъ Вильгельма II на способы преподаванія въ кассельской гимназіи; указывалось, что онъ не былъ изъ лучшихъ учениковъ, тратилъ много времени на постороннія занятія и не дослушалъ курса исторіи, вслѣдствіе чего и оказались пробѣлы въ его знаніяхъ. Такія „разоблаченія“, исходившія отъ нѣкоторыхъ бывшихъ товарищей императора по гимназіи, найдены были только „нетоварищескими“; но въ самомъ правѣ дѣлать поправки и возраженія никто не сомнѣвался, какъ видно и изъ оговорки самого Вильгельма II въ его первой рѣчи. Между прочимъ, пренебрежительный отзывъ о журналистахъ, какъ „кандидатахъ голода“ и фантазерахъ, получилъ своеобразное освѣщеніе въ томъ фактѣ, что въ послѣдней своей рѣчи императоръ съ большими похвалами прочиталъ статью одной провинціальной газеты и выразилъ при этомъ благодарность неизвѣстному журналисту за распространеніе вѣрныхъ взглядовъ въ публикѣ. Основныя идеи Вильгельма II, въ какія бы формы онѣ ни облекались, остаются всегда идеями великаго культурнаго народа и вызываютъ общее сочувствіе даже при своей видимой односторонности; иногда можетъ казаться,

Digitized by Google

что военная точка зрѣнія преобладаетъ надъ остальными или выступаетъ слишкомъ рѣзко, но это только естественная дань милитаризму со стороны прусскаго короля, воспитаннаго въ военныхъ традиціяхъ. Говоря о томъ, что интересы и условія современности должны стоять на первомъ планѣ при опредѣленіи учебныхъ программъ, Вильгельмъ II выразилъ свою мысль приблизительно въ такой формѣ: „До сихъ поръ мы вели молодежь отъ Ѳермопилъ черезъ Канны до Россбаха и Тіонвилля; я предлагаю вести ее отъ Седана и Гравелотта черезъ Лейтенъ и Россбахъ назадъ къ Мантинеѣ и Ѳермопиламъ". Другими словами, прежде всего нужно имѣть въ виду настоящее и близкое, а затѣмъ уже обращаться къ болѣе отдаленному; но въ приведенной фразѣ выражается также узко-военный взглядъ на исторію, какъ на послѣдовательный рядъ битвъ, что́ не мѣшаетъ, однако, Вильгельму II имѣть весьма высокое представленіе о задачахъ государства и о духѣ времени. Стремленіе идти на встрѣчу будущему и удовлетворять потребности новой эпохи встрѣчается вообще не часто среди оффиціальныхъ представителей высшей государственной власти, и общій интересъ, возбуждаемый личностью и дѣятельностью нынѣшняго германскаго императора, вполнѣ понятенъ. Послѣ отставки князя Бисмарка, Вильгельмъ II представляетъ собою центральную политическую фигуру въ западной Европѣ, и нервная подвижность и предпріимчивость этого дѣятеля призваны играть большую роль въ общемъ ходѣ европейскихъ дѣлъ. Поэтому и намъ приходится, въ нашихъ обозрѣніяхъ, удѣлять такъ много мѣста дѣйствіямъ и заявленіямъ молодого императора Германіи.

Тройственный союзъ между Германіею, Австро-Венгріею и Италіею сохраняетъ еще свою силу, но практическое значеніе его ослабѣло со времени удаленія князя Бисмарка. Внѣшніе интересы утратили свою напряженность, и газеты уже едва упоминаютъ о пресловутой лигѣ мира. Въ Австро-Венгріи, какъ и въ Германіи, главное вниманіе обращено на внутреннія дѣла; вопросъ о чешско-нѣмецкомъ соглашеніи, казавшійся уже разрѣшеннымъ послѣ январьской конференціи въ Вѣнѣ (4—19 янв., нов. ст.), продолжаетъ понынѣ занимать общественное мнѣніе, благодаря энергическимъ усиліямъ младочеховъ. Престарѣлый чешскій дѣятель, Ригеръ, лишился отчасти своей прежней популярности послѣ злополучной сдѣлки съ нѣмцами,—сдѣлки, заключенной имъ отъ имени чешской національной партіи, безъ всякаго участія младочешской группы. Младочехамъ удалось разстроить проектъ соглашенія, не представлявшій никакихъ серьезныхъ выгодъ для Чехіи, и внутренняя борьба между двумя чешскими партіями ведется съ неменьшею горячностью, чѣмъ между чехами и нѣмцами. Неудача въ чешскомъ вопросѣ поколебала поло-

Digitized by Google

женіе австрійскаго министра-президента, графа Таафе, успѣшно проводившаго свою осторожную примирительную политику въ теченіе болѣе десяти лѣтъ. Въ другой половинѣ имперіи старый министръ-президентъ Коломанъ Тисса, управлявшій страною почти цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, вынужденъ былъ покинуть свой постъ подъ напоромъ оппозиціи, въ рядахъ которой особенною рѣшительностью отличались молодые венгерскіе аристократы, съ графомъ Карольи во главѣ. Паденіе Тиссы не повлекло за собою отставки всего кабинета, и дѣло ограничилось только замѣною стараго перваго министра новымъ, графомъ Сапари.

Венгерскій правительственный кризисъ произошелъ почти одновременно съ отставкою князя Бисмарка; въ то же время совершилась перемѣна кабинета и во Франціи, — министерство Тирара уступило мѣсто кабинету Фрейсинэ-Констана. Въ Испаніи министръ-президентъ Сагаста долженъ былъ передать власть своему консервативному противнику, Кановасу дель Кастильо. Въ Греціи министръ-президентъ Трикупись, послѣ неблагопріятнаго для него исхода парламентскихъ выборовъ, вышелъ въ отставку, и мѣсто его занялъ Дельянисъ. Истекшій годъ, какъ справедливо замѣтила парижская „Temps“, былъ рѣшительно неблагопріятенъ для первыхъ министровъ. Только Криспи въ Италіи съумѣлъ сохранить за собою репутацію „необходимаго человѣка“ и крѣпко держится за власть, мѣняя лишь своихъ товарищей по министерству, соотвѣтственно парламентскому и общественному настроенію.

Въ Англіи до послѣдняго времени господствовало сравнительное затишье въ политикѣ: африканскія дѣла, договоръ съ Германіею объ Африкѣ и Гельголандѣ, обычныя ирландскія волненія, рѣчи Гладстона и его противниковъ по тому же злосчастному ирландскому вопросу—таковы главныя внѣшнія событія англійской политической жизни за прошлый годъ. Можно еще прибавить два конгресса—одинъ оффиціальный, созванный по почину Англіи въ Брюсселѣ для принятія мѣръ противъ невольничества, а другой частный, собиравшійся въ Лондонѣ для обсужденія способовъ обезпеченія международнаго мира. Первый засѣдалъ болѣе полугода и постановилъ правила, едва ли могущія положить конецъ торговлѣ неграми; второй засѣдалъ всего два или три дня и выразилъ нѣсколько хорошихъ пожеланій, имѣющихъ довольно далекую связь съ принципіальнымъ вопросомъ о войнѣ и мирѣ. Восьмидесятилѣтній Гладстонъ неутомимо ратуетъ за либеральныя идеи вообще и за ирландскую автономію въ особенности; онъ руководитъ дѣйствіями своей партіи и произноситъ замѣчательныя рѣчи, обнаруживая въ нихъ обычную свѣжесть и гибкость ума, находчивость и остроуміе. Либеральная оппозиція одержала нѣсколько

Digitized by Google

побѣдъ при частныхъ парламентскихъ выборахъ, и общее положеніе ея казалось вполнѣ благопріятнымъ, пока не возникъ расколъ въ ирландской партіи. Дѣло Парнелля составляетъ теперь главнѣйшую злобу дня въ англійской печати; отчаянная борьба его за власть и авторитетъ — борьба съ вчерашними друзьями и приверженцами — вноситъ совершенно новый элементъ въ политическую жизнь Ирландіи, разрушаетъ достигнутое съ такимъ трудомъ единство національнаго движенія и разстроиваетъ союзъ съ англійскими либералами, вѣрными Гладстону. Недавній еще общепризнанный народный и парламентскій вождь, которому давался титулъ „некоронованнаго короля“ Ирландіи, становится какъ бы врагомъ своего собственнаго дѣла изъ-за интересовъ личнаго самолюбія и эгоизма, создаетъ внутреннюю смуту въ ирландскомъ лагерѣ, нападаетъ одновременно противъ Гладстона и противъ значительной части своей собственной партіи:—грустная картина для автономистовъ и либераловъ, но утѣшительная для консерваторовъ и для министерства.

Поведеніе Парнелля кажется непонятнымъ и страннымъ, такъ что возникли даже слухи о разстройствѣ его умственныхъ способностей; но дикая энергія его поступковъ объясняется его личнымъ характеромъ, а мотивы его воинственности имѣютъ за себя нѣкоторое формальное и нравственное оправданіе, какъ это признается даже такимъ рѣшительнымъ его врагомъ, какъ „Times“. Дѣло въ томъ, что передъ открытіемъ парламентской сессіи (25 ноября, н. ст.) происходило обычное засѣданіе ирландской группы, и главою партіи по прежнему единогласно провозглашенъ Парнелль; затѣмъ уже въ газетахъ появилось письмо Гладстона къ Морлею, указывающее на необходимость удаленія Парнелля послѣ процесса съ капитаномъ О'Ши. Гладстонъ намекаетъ на свой собственный отказъ отъ званія и роли предводителя партіи, въ случаѣ если не уйдетъ Парнелль. Послѣдній справедливо напомнилъ, что ирландская группа признала его вождемъ на предстоящую сессію уже послѣ приговора суда по дѣлу О'Ши и что Гладстонъ имѣлъ достаточно времени (около десяти дней), чтобы выразить свое мнѣніе заблаговременно, до упомянутаго собранія ирландскихъ депутатовъ; теперешнее же заявленіе знаменитаго англійскаго дѣятеля, по словамъ Парнелля, является попыткою прямого и незаконнаго вмѣшательства въ вопросъ, касающійся исключительно членовъ самостоятельной ирландской группы въ парламентѣ. Парнелль возсталъ противъ Гладстона именно за эту попытку оказать давленіе на ирландскую партію и нарушить независимость ея дѣйствій и рѣшеній; а когда сами ирландскіе представители, опасаясь разрыва съ Гладстономъ и съ англійскими либералами, стали говорить о необходимости подчиниться обстоятельствамъ, то Парнелль объявилъ

Digitized by Google

этихъ коварныхъ друзей малодушными измѣнниками и упрекнулъ ихъ за недостойную угодливость по отношенію къ высокомѣрнымъ англичанамъ. Рѣшительные протесты Парнелля относились именно къ этому предполагаемому притязанію Гладстона—предписывать законы ирландской парламентской группѣ въ дѣлѣ ея внутренней организаціи и дисциплины. Тѣ члены партіи, которые заявили готовность отречься отъ своего собственнаго недавняго рѣшенія, чтобы не лишиться поддержки англійскихъ либераловъ, поступали, быть можетъ, весьма политично и благоразумно; но очевидно, что формально они были вполнѣ неправы. Такъ какъ Парнелль былъ законно избранъ главою партіи въ парламентѣ, и послѣ этого избранія не произошло никакого новаго обстоятельства, которое могло бы повліять на его полномочія и на его положеніе, то онъ имѣлъ полное право считать себя единственнымъ законнымъ предводителемъ ирландцевъ и послѣ заявленія Гладстона; онъ могъ добровольно сложить съ себя свое званіе, но партія сама не имѣла повода перерѣшать дѣло. Такъ создалась та печальная путаница, которая раздѣлила ирландцевъ на два враждебные лагеря и волнуетъ теперь общественное мнѣніе Англіи. По словамъ Гладстона, онъ не возбудилъ вопроса раньше, тотчасъ по окончаніи процесса О'Ши, только потому, что ожидалъ какого-нибудь сообщенія объ этомъ предметѣ отъ самого Парнелля, а затѣмъ, въ виду молчанія послѣдняго, поручилъ переговорить съ нимъ Джону Морлею, еще до засѣданія ирландской партіи, такъ что взглядъ Гладстона былъ заранѣе извѣстенъ Парнеллю. Но и Гладстонъ въ свою очередь зналъ, что Парнелль не расположенъ руководствоваться его совѣтами въ данномъ случаѣ. Нельзя отрицать, что всѣ позднѣйшія недоразумѣнія и распри были бы избѣгнуты, еслибы письмо къ Морлею появилось хотя бы за одинъ день до собранія ирландской группы и до провозглашенія Парнелля оффиціальнымъ предводителемъ ея въ парламентѣ на предстоявшую сессію. Тогда партія могла бы сразу выбрать другого, на мѣсто Парнелля, и никакого раскола не произошло бы; самъ Парнелль не могъ бы ссылаться на свое право и объявлять противниковъ измѣнниками, отщепенцами, какъ онъ дѣлаетъ это теперь.

Какъ бы то ни было, расколъ совершился, и бывшій организаторъ ирландскаго движенія бросился въ междоусобную борьбу, имѣя противъ себя лучшихъ дѣятелей Ирландіи и разсчитывая единственно на прочныя симпатіи народныхъ массъ. Противъ Парнелля высказалось значительное большинство партіи, въ томъ числѣ такіе испытанные патріоты, какъ Дэвиттъ, Диллонъ, О'Брайнъ, Макъ-Карти, Секстонъ, Гили и другіе; ирландская группа распалась на двѣ неравныя части,—одна, въ 46 человѣкъ, отложилась отъ Парнелля

Digitized by Google

и избрала своимъ вождемъ Макъ-Карти, а другая, въ числѣ около 30 человѣкъ, осталась вѣрною прежде избранному предводителю. Надежда Парнелля на народъ отчасти оправдалась въ Дублинѣ, гдѣ ему устроены были восторженныя овація; дальнѣйшая поѣздка его по Ирландіи сопровождалась многими шумными сценами и стычками, кончавшимися не всегда благополучно для сторонниковъ Парнелля; въ одной такой схваткѣ сильно пострадалъ популярный противникъ его, Дэвиттъ, а Парнеллю брошенъ былъ въ лицо комъ грязи, едва не повредившій его зрѣніе, что не помѣшало ему произнести черезъ полчаса громовую рѣчь на митингѣ въ сосѣднемъ селѣ. Обѣ партіи имѣли случай провѣрить и испытать свои силы на мѣстѣ, такъ какъ въ одномъ изъ ирландскихъ округовъ предстояло избраніе новаго члена парламента; борьба велась горячо и упорно, но побѣда осталась за противникомъ Парнелля. Шансы послѣдняго уменьшаются, и рѣдкія качества характера и ума тратятся безплодно на чисто-личные счеты, въ ущербъ общимъ интересамъ. Смѣлость и стремительность Парнелля на этомъ новомъ пути открываютъ въ знаменитомъ „некоронованномъ королѣ“ такія черты, которыя всего менѣе должны быть свойственны представителю и защитнику народной автономіи и народныхъ правъ. Съ самаго начала послѣдняго кризиса онъ проявилъ недостатокъ искренности, склонность къ умолчанію и извращенію фактовъ, стремленіе затянуть и запутать дѣло, чѣмъ наибольше повредилъ себѣ въ общественномъ мнѣніи; послѣдующіе акты борьбы свидѣтельствовали о деспотическихъ замашкахъ и притязаніяхъ, довольно удивительныхъ со стороны передового бойца ирландской демократіи.

Рядомъ съ ирландскими дѣлами, много мѣста занимали въ англійской печати разоблаченія и пререканія по поводу злоупотребленій нѣкоторыхъ англійскихъ офицеровъ въ Африкѣ. Безконечная полемика между Стэнли и родственниками погибшихъ офицеровъ его аріергарда наполняла ежедневно цѣлые столбцы „Times“'а и другихъ газетъ. Можно сказать положительно, что этою полемикою газеты занимались гораздо больше, чѣмъ спорами объ ирландскомъ кризисѣ и о Парнеллѣ. Стэнли намекнулъ въ своей книгѣ, что гибель майора Бартелотта и части его спутниковъ была послѣдствіемъ слишкомъ крутого обращенія ихъ съ туземцами. Братъ Бартелотта находилъ возмутительнымъ со стороны Стэнли это желаніе свалить отвѣтственность за неудачу аріергарда на самихъ погибшихъ, которые въ сущности сдѣлались будто бы жертвами ошибокъ и произвола начальника экспедиціи; въ доказательство напечатаны были письма и замѣтки Бартелотта, полученныя отъ него въ разное время. Въ отвѣтъ на это Стэнли считалъ себя вынужденнымъ точнѣе передать

Digitized by Google

фактическія свѣденія о тѣхъ жестокостяхъ Бартелотта и его спутниковъ, о которыхъ ему было сообщено очевидцами и на которыя онъ только намекнулъ въ книгѣ; при этомъ оказались просто невѣроятныя вещи, допускающія лишь одно объясненіе, — что дѣйствовавшія лица находились въ ненормальномъ психическомъ состояніи, вслѣдствіе всевозможныхъ тяжелыхъ испытаній и невзгодъ. Майоръ Бартелоттъ безпощадно истязалъ провинившагося въ чемъ-то араба, убилъ пинкомъ ноги услуживавшаго ему мальчика и т. п.; офицеръ Джемсонъ пожелалъ видѣть обрядъ людоѣдства, и для этого купилъ дѣвочку, отдалъ ее на закланіе и изобразилъ въ шести рисункахъ различные фазисы этого дѣла. Стэнли былъ настолько предусмотрителенъ, что заблаговременно запасся документальными свидѣтельствами въ подтвержденіе этихъ обвиненій; оставшіеся въ живыхъ участники экспедиціи дополняли или исправляли въ газетахъ эти свѣденія, которыя въ общемъ производили крайне тяжелое впечатлѣніе. Новыя подробности, возраженія родственниковъ и различные комментаріи тянулись безъ конца, изо дня въ день, при дѣятельномъ участіи самого Стэнли. Вопросъ былъ, повидимому, исчерпанъ со всѣхъ сторонъ и точекъ зрѣнія; въ заключительномъ письмѣ своемъ знаменитый путешественникъ заявляетъ, что было бы въ высшей степени несправедливо дѣлать какія-либо обобщенія и выводы по поводу поступковъ отдѣльныхъ англичанъ, составляющихъ рѣдкое изъятіе среди многихъ англійскихъ филантроповъ и глубоко-гуманныхъ изслѣдователей, въ родѣ Ливингстона.

Оригинально, что наша соотечественница, г-жа Ольга Новикова, пишущая иногда въ англійскихъ газетахъ и журналахъ, нашла еще недостаточнымъ этотъ мучительный и всесторонній процессъ разоблаченія грѣховъ умершихъ англичанъ и упрекнула англійскихъ филантроповъ за то, что они будто бы слишкомъ мало интересуются подобными дѣлами и напрасно устраиваютъ митинги для обсужденія чужихъ несправедливостей, вмѣсто исправленія своихъ собственныхъ. Г-жа Новикова высказала эти упреки въ „Times“'ѣ по одному частному поводу; но уже одно напечатаніе такихъ рѣзкихъ заявленій въ наиболѣе распространенной англійской газетѣ заключаетъ въ себѣ полное ихъ опроверженіе. Англійская печать откровенно и съ полною свободою обсуждаетъ грѣхи и злоупотребленія англійскихъ дѣятелей, не только такихъ незначительныхъ, какъ спутники Стэнли, но и самыхъ вліятельныхъ и крупныхъ, не стѣсняясь ихъ рангомъ и положеніемъ; общей критикѣ подвергаются и лордъ Сольсбери, и Бальфуръ, и Гошенъ, и палата лордовъ, и управляющіе, и исполнители, безъ всякихъ изъятій. Какихъ же еще обсужденій англійскихъ дѣлъ требовалось бы въ Англіи, чтобы удовлетворить г-жу Ольгу Но-

Digitized by Google

викову и оправдать въ ея глазахъ критическіе отзывы англичанъ о чужихъ недостаткахъ и погрѣшностяхъ? Англичане интересуются не одними своими собственными дѣлами, а часто принимаютъ къ сердцу интересы человѣчности въ самыхъ отдаленныхъ странахъ свѣта, хлопочутъ объ уничтоженіи невольничества, негодуютъ по поводу болгарскихъ звѣрствъ или непорядковъ въ Арменіи, и этотъ живой интересъ ко всему человѣческому представляется почему-то ужасно смѣшнымъ нашей соотечественницѣ, г-жѣ Ольгѣ Новиковой. Очень можетъ быть, что англичане дѣлаютъ ошибку, устроивая въ Лондонѣ митинги, въ родѣ состоявшагося 10-го декабря (н. ст.) въ Гильдголлѣ; но едва-ли справедливо называть „пустой болтовнею“ весьма умѣренныя рѣчи о пользѣ вѣротерпимости и о вредѣ племенной вражды,—рѣчи, произнесенныя такими ораторами, какъ герцогъ Вестминстеръ и епископъ Райпонъ, въ собраніи людей довольно почтенныхъ, каковы архіепископъ Кентерберійскій, герцогъ Аргайлль, герцогъ Аберкорнъ, герцогъ Ньюкестль, маркизъ Райпонъ, графъ Спенсеръ, сэръ Леббокъ, кардиналъ Маннингъ, епископы лондонскій, глоучестерскій, манчестерскій и другіе. Конечно, развязные отзывы г-жи Ольги Новиковой о такихъ собраніяхъ англійскихъ дѣятелей, объ ихъ рѣчахъ и рѣшеніяхъ, нисколько не задѣваютъ англичанъ и свободно могутъ быть печатаемы въ ихъ собственныхъ газетахъ всякимъ иностранцемъ или иностранкою; но если англичане постоянно критикуютъ и позволяютъ другимъ сколько угодно критиковать свои собственные порядки, то послѣ этого не слѣдовало бы уже удивляться, что они позволяютъ себѣ иногда высказываться публично и о дѣлахъ чужихъ государствъ.

Digitized by Google

РАБОЧАЯ ГОЛЛАНДІЯ.

Письмо изъ-за границы.

I.

...—„Въ Голландію, почти какъ въ Китай, еще не часто заглядываютъ. Въ своихъ болотахъ и торфяныхъ копяхъ мы живемъ изолированно; никто не останавливаетъ на насъ съ любопытствомъ вниманія въ дѣлѣ внутренней нашей политической жизни, и оно, едва скользнувъ по нашимъ границамъ, къ намъ не проникаетъ и летитъ прочь, въ иныя страны. А между тѣмъ Голландія отнюдь не спитъ въ своихъ амбарахъ и житницахъ! Соціалистическая пропаганда за послѣднія десять лѣтъ сильно потрясла ее. Массовыя движенія сосѣднихъ странъ уже быстро приводятъ всю ее въ сотрясеніе, и она на нихъ громко отзывается. Здѣшній пролетаріатъ, какъ и французскій, ждетъ съ нетерпѣніемъ очереди и при всякомъ удобномъ случаѣ заявляетъ свою солидарность съ соціалистами-рабочими другихъ народовъ міра. Я не хочу преувеличивать, но смѣло утверждаю, что рабочее движеніе у насъ выражается съ такою силою, что на нее нельзя не обратить вниманія. Я согласенъ, что наша работа подвигается методически, безъ шуму, безъ блеску, но, тѣмъ не менѣе, на нее стоитъ взглянуть поближе!“...

Такъ говорилъ намъ на дняхъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, на Malakastrat, Домела Ньивенгёзъ (Domela Nieuwenhuis), депутатъ отъ Choterland въ генеральныхъ штатахъ и глава соціалистическаго движенія въ Голландіи; тонкая улыбка бродила по его губамъ, и голосъ его, обыкновенно-меланхолическій, звучалъ какъ-то насмѣшливо-весело. А я смотрѣлъ на этого политическаго агитатора бѣдныхъ рыбаковъ фризовъ, вспоминалъ ихъ энтузіазмъ къ нему и повѣрялъ его, насколько онъ правъ въ томъ, что мнѣ сообщаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, весьма велико и все еще увеличивается число почитателей Голландіи, страны музеевъ и пергаментовъ, которую можно бы назвать Голландіею мертвою, Голландіею прошедшаго; но кто знаетъ Голландію современную, народную, и ея жизнь, страстную и возбужденную? Да и изъ тѣхъ, кто видѣлъ эту жизнь вблизи, большинство знаетъ только, что въ Голландіи много мельницъ, и то потому, что крылья ихъ безпрестанно вертятся. А внѣ Голландіи оффиціальной, кто и когда инте-

Digitized by Google

ресовался Голландіей фабричной и рабочей, и движеніемъ ея народныхъ массъ? Внѣ небольшого кружка людей, спеціально занимающихся рабочимъ вопросомъ,—конечно, никто! Правда, что и средствъ еще было мало, чтобы знать, что происходитъ въ нѣдрахъ этого уголка земли, чуть не затерянаго въ океанѣ; всеобщей подачи голосовъ здѣсь еще не существуетъ, а слѣдовательно политическаго барометра нѣтъ, и судить о различныхъ направленіяхъ общественнаго мнѣнія было невозможно.

Особенно поражаетъ въ Голландіи то, что рабочая партія въ ней, разсматриваемая въ ея основныхъ элементахъ, совсѣмъ не похожа на рабочія партіи другихъ странъ. Конечно, по почвѣ и раса; но вѣдь вѣрно также и то, что каковы способы производства, таковы и типы производителей. Сравнивая физически и нравственно человѣка, работающаго въ уединеніи полей, или рабочаго-собственника, отбывающаго заказъ своими собственными инструментами у себя на дому, съ рабочимъ нашихъ великихъ промышленныхъ обществъ,—вы сразу поймете разницу между пролетаріемъ Голландіи и пролетаріемъ Франціи, Германіи и Бельгіи. Въ Голландіи народная работа еще не испытала вліянія механическаго производства; она сохраняетъ, такъ сказать, примитивную ручную форму, которая, какъ каждому, конечно, извѣстно, наименѣе способствуетъ къ воспріятію и развитію новыхъ идей. А вопросъ о средѣ всегда считался самымъ основнымъ вопросомъ въ дѣлѣ соціалистической пропаганды, и давно замѣчено, что агитаторы всегда придерживались тактики концентрировать ее въ промышленныхъ центрахъ,—тамъ, гдѣ группы уже существуютъ и дѣйствуютъ единодушно, какъ это можно было видѣть, напримѣръ, на манифестаціи 1-го мая.

По мнѣнію вожаковъ соціализма, экономическіе феномены, на которыхъ зиждется ихъ теорія, имѣютъ въ подобныхъ центрахъ свое неизмѣнное значеніе, такъ сказать, достоинство абсолютнаго доказательства, и самое ученіе нѣкоторымъ образомъ матеріализируется; тогда какъ въ мѣстахъ, гдѣ механическое производство еще не видоизмѣнило условій труда, распространеніе идей всегда считалось почти невозможнымъ. Такимъ образомъ, напр., во Франціи соціалисты дѣлили нѣкогда города и мѣстности республики на двѣ категоріи: въ первую—они заносили всѣ города и мѣстности, въ которыхъ еще сохранялась индивидуальная форма маленькаго ручного производства и преобладалъ элементъ мелкаго буржуа и крестьянина; а во вторую категорію отчисляли всѣ города и мѣста, гдѣ уже утверждалась коллективная форма машиннаго производства и преобладалъ земледѣльческій и фабричный пролетаріатъ. По этому поводу на одномъ изъ ихъ конгрессовъ говорилось категорически: „въ обще-

Digitized by Google

ствахъ и городахъ, гдѣ земледѣльческій и рабочій пролетаріатъ еще не существуетъ, или только начинаетъ появляться, мы не находимъ подходящихъ элементовъ, а если таковые и есть, то мы вынуждены ихъ игнорировать и предоставлять пока въ вѣденіе автономистовъ и радикаловъ; эти послѣдніе лучше насъ выражаютъ собою нужды и инстинкты подобныхъ мѣстностей; напротивъ, города и общины, въ которыхъ промышленный и земледѣльческій пролетаріатъ образовался, принадлежатъ намъ; въ нихъ — уже подготовленныхъ капиталистическимъ производствомъ—намъ суждено бороться и размножаться"...

Голландскіе соціалисты, конечно, не могли бы буквально слѣдовать подобнымъ соображеніямъ,—или, иначе, имъ пришлось бы отказаться отъ самаго своего существованія; но они обошли преграды вліянія среды и затрудненія, которыя встрѣтили въ темпераментѣ народа, неподвижнаго чуть не со временъ Вольтера и не имѣющаго склонности „ни къ какимъ нововведеніямъ и ни къ какимъ перемѣнамъ". Только человѣкъ, проникнувшій самъ въ тихія низменности Голландіи, послѣ пребыванія въ мрачныхъ, многолюдныхъ центрахъ Франціи, Бельгіи и Германіи, можетъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, какъ трудно было соціалистамъ здѣсь что-нибудь сдѣлать, и какую энергію и настойчивость пришлось приложить первымъ дѣятелямъ, чтобы сдѣлать много.

На всемъ протяженіи безконечно-плоскихъ полей не встрѣчаешь ни одной фабричной трубы, нигдѣ не слышишь шума машинъ, нигдѣ не видишь ни пылающихъ очаговъ кузницъ, ни разноцвѣтныхъ огней плавильныхъ и стальныхъ печей; ни разу не заслышишь стука прядильныхъ или ткацкихъ станковъ; ни разу не дохнешь прогорклымъ воздухомъ фабрикъ. Уходя изъ вида, стелются тучныя пажити, покрытыя великолѣпной зеленью, по которымъ пасутся сотнями толстобокія коровы. Многолистныя, ярко-зеленыя деревья полускрываютъ живописныя фермы, съ деревянными красивыми мостами, черезъ рвы и каналы, похожими на какія-то оперныя декораціи. Сады и огороды воздѣланы съ необыкновеннымъ искусствомъ. А въ гаваняхъ городовъ, вокругъ которыхъ, разрѣжая воздухъ, машутъ крыльями вѣтряныя мельницы, вздымаются цѣлые лѣса мачтъ и снастей торговыхъ флотилій; коричневые паруса ихъ пробѣгаютъ поминутно провинціи во всѣхъ направленіяхъ.

Вотъ, въ этой-то странѣ, гдѣ нѣтъ видимой бѣдности, гдѣ все чисто, опрятно и поражаетъ свѣжестью, гдѣ поверхностная наблюдательность не видитъ ничего, кромѣ „трехъ рабовъ, сидящихъ на цѣпи: воздуха, земли и воды"—въ этомъ краю (если вѣрить туристамъ) „простой жизни и тихаго счастья", рабочая соціалистическая партія медленно подрыла старыя основы общества, и въ настоящее время, конечно, пропорціонально величинѣ страны, она такъ же сильна,

Digitized by Google

какъ соціалисты Германіи! Значительное число земледѣльцевъ, рабочіе торфяныхъ болотъ, грузильщики судовъ, лодочники, злосчастные береговые рыбаки,—вотъ элементы, изъ которыхъ она составилась. Надо замѣтить, что это элементы—очень трудно поддающіеся вліянію,—такіе, которые во всякой другой странѣ утомили бы самыхъ настойчивыхъ организаторовъ. Но это-то и даетъ голландскому соціализму тотъ своеобразный характеръ, о которомъ мы уже упомянули.

Географическое положеніе страны также позволяетъ сдѣлать не безъинтересное наблюденіе. Въ ней, какъ и вездѣ, сѣверъ и югъ различаются темпераментомъ жителей: южане воспріимчивѣе и живѣе. Но югъ въ Голландіи—исповѣданія католическаго, а сѣверъ—протестантскаго, и югъ оказывается консервативнѣе. Гугенотскій сѣверъ, напротивъ, присталъ къ движенію немедля, точно по влеченію. Такъ-что здѣсь, въ землѣ фризовъ, манифестаціи принимаютъ всегда широкіе размѣры, и соціалистическая партія овладѣла почти всѣми городами.

Говоря вообще, народности и сѣвера, и юга Голландіи одарены гораздо большею впечатлительностью, чѣмъ то вездѣ полагаютъ; они торжествуютъ и ликуютъ при малѣйшемъ волненіи; напр., 1-го мая въ Гагѣ было 6.000 манифестантовъ; въ Ливорденѣ, столицѣ фризовъ—12.000. Въ Leewoulen, городкѣ совсѣмъ маленькомъ, ихъ набралось до двухъ тысячъ. Они прибывали группами изо всѣхъ окрестностей, одни пѣшкомъ, другіе на лодкахъ. Мужчины, женщины, дѣти, словомъ, люди обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, входили въ городъ, взявшись за-руки, по четверо, съ развѣвающимися напереди колоннъ знаменами, и шли съ высоко-поднятымъ челомъ, какъ побѣдители. Для примѣра упомянемъ еще о вліяніи лондонской стачки на рабочее населеніе Роттердама и Амстердама: продлись кризисъ на темзскихъ докахъ еще немного, и въ городахъ этихъ разразилась бы всеобщая стачка; это тѣмъ характеристичнѣе, что до сихъ поръ рабочіе портовъ и гаваней выражали весьма мало склонности къ солидарности.

Программа, принятая соціалистами-революціонерами Голландіи, въ главныхъ пунктахъ тождественна съ программою соціалистической демократіи другихъ странъ. Эта тождественность требованій, дѣлающая движеніе международнымъ и дающая ему единство направленія и цѣли, составляетъ выдающуюся сторону современной рабочей агитаціи. Въ идеѣ теперь всѣ они согласны; только отдѣльныя слова, формулы, терминологія—измѣняются, смотря по странѣ; но при этомъ типическія и краеугольныя выраженія повторяются безъ измѣненій на всѣхъ языкахъ. Рабочая демократія Голландіи, подобно всѣмъ другимъ соціалистическимъ партіямъ въ Европѣ, преслѣдуетъ цѣль: коллективнаго владѣнія почвою, орудіями труда и всѣми средствами про-

Digitized by Google

изводства, т.-е. двойную, политическую и экономическую, экспропріацію буржуазіи. Но, сходясь съ другими странами въ программѣ, она отличается отъ нихъ въ дѣлѣ внутренней организаціи нѣкоторыми пунктами, которые интересно отмѣтить.

Какъ во Франціи, Бельгіи и особенно въ Германіи,—въ Голландіи въ основѣ дѣла, составляя какъ бы его зерно, лежитъ группировка по корпораціямъ. Намъ хотѣлось бы очертить въ нѣсколькихъ словахъ ту организацію ремеслъ, которой соціалистическая партія предназначаетъ такую важную роль въ дѣлѣ развитія и преобразованія неимущаго класса, и которая во всякомъ случаѣ составляетъ въ ея рукахъ одно изъ самыхъ могущественныхъ орудій борьбы. Въ мысли рабочаго сословія организація ремеслъ должна быть и національной, и международной; современные синдикаты—не болѣе какъ ея зародыши; наконецъ, она должна имѣть цѣлью не одну только солидарность рабочихъ и единеніе личностей, занимающихся однимъ и тѣмъ же ремесломъ. Горизонтъ, гораздо болѣе обширный, раскрывается предъ нею.

Въ Голландіи соціалисты полагаютъ, что ремесленныя организаціи, достигнувъ извѣстной степени развитія, будутъ имѣть всѣ данныя для статистики рабочаго класса: количество рабочихъ каждаго ремесла; ихъ распредѣленіе по различнымъ мастерскимъ страны; отношеніе заработка къ цѣнамъ продовольствія и другихъ предметовъ первой необходимости; изобиліе и недостатокъ труда и т. п. Онѣ будутъ наблюдать за перемѣщеніями рабочихъ; будутъ направлять ихъ на пункты, гдѣ окажется требованіе на трудъ; будутъ препятствовать имъ попадать въ мѣста стачекъ и туда, гдѣ заработки незначительны, вслѣдствіе избытка рукъ, и т. д. Онѣ учредятъ помѣщенія для найма; будутъ выдавать отъ себя рабочимъ билеты на путешествія, съ которыми странствующіе рабочіе, подобно тому, какъ въ древнія времена, найдутъ вездѣ на пути товарищей, готовыхъ принять ихъ, пріискать имъ работу и помочь нравственно и матеріально. Кромѣ того, ремесленныя организаціи займутся статистикою производства, чтобы извлечь изъ нея всевозможныя выгоды для рабочаго класса, давая мѣсто стачкамъ только въ моментъ усиленной работы и пытаясь замедлять производство, какъ только товары накопятся.

Однако, эти учрежденія въ глазахъ голландскихъ соціалистовъ—не болѣе какъ переходная форма.

Придетъ моментъ, полагаютъ они, когда рабочій не будетъ замкнутъ въ одну какую-нибудь спеціальность развитіемъ машиннаго производства, раздѣленіемъ труда и профессіональнымъ обученіемъ, когда онъ будетъ переходить отъ одного ремесла къ другому;—тогда ремесленныя организаціи утратятъ свое значеніе, но статистическія коммиссіи и

Digitized by Google

созданныя ими администраціи и учрежденія останутся, видоизмѣнятся, и имъ будетъ поручено регламентировать производство и распредѣлять продукты сообразно общественнымъ нуждамъ. Такимъ образомъ, ремесленныя организаціи выработаютъ административные организмы будущаго рабочаго міра.

Такова идея. Мы изложили ее со строжайшею точностью, въ томъ видѣ, какъ соціалисты сформулировали ее сами на одномъ конгрессѣ. На практикѣ она далеко еще не имѣетъ такого обширнаго примѣненія.

Въ Голландіи, въ настоящее время, рабочія ассоціаціи ростутъ въ возростающей прогрессіи. Напр., синдикатъ желѣзнодорожныхъ чиновниковъ насчитываетъ уже 2.000 членовъ, хотя существуетъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Но сама партія состоитъ не изъ однѣхъ подобныхъ ассоціацій,—она рекрутируется и сторонними индивидуальностями,—и это опять-таки чисто голландская черта; каждый, кто согласенъ на программу, допускается въ партію, такъ что лига соціально-демократической голландской партіи имѣетъ и секціи, и членовъ временныхъ; секціи состоятъ изъ синдикатовъ, изъ женскихъ и различныхъ другихъ ассоціацій, и управляются мѣстнымъ комитетомъ или совѣтомъ; каждая мѣстная группа имѣетъ кассу, въ которую поступаютъ взносы членовъ, измѣняющіеся сообразно средѣ.

Центральная касса наполняется разъ навсегда установленнымъ еженедѣльнымъ взносомъ въ два сантима съ каждаго члена. Какъ во Франціи, въ Бельгіи, такъ и въ Голландіи дѣла партіи разсматриваются разъ въ годъ національнымъ конгрессомъ. Наконецъ, руководящій центральный комитетъ круглый годъ засѣдаетъ въ Гагѣ. По организаціи этого комитета—соціалистическая партія Голландіи также отличается нѣсколько отъ подобныхъ учрежденій другихъ странъ. Центральные комитеты другихъ странъ имѣютъ въ рукахъ высшую степень власти, они отдаютъ приказанія и самовластно ведутъ дѣла; въ Голландіи мѣстныя группы автономны; для защиты своихъ дѣлъ и интересовъ онѣ дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію и на свой страхъ; центральный комитетъ не можетъ даже принять никакого окончательнаго рѣшенія ни въ чемъ, не предложивъ его сначала на разсмотрѣніе мѣстнымъ группамъ посредствомъ референдума. Это нѣчто въ родѣ федеративнаго союза.

Такого рода вольная организація, вполнѣ согласная съ темпераментомъ голландскаго народа, кажется, вытекаетъ здѣсь изъ національныхъ традицій. Во всякомъ случаѣ, любителю историческихъ сопоставленій она очень ясно напоминаетъ древнюю конституцію Нижне-Рейнскихъ провинцій, гдѣ генеральные штаты не могли давать рѣшеній по важнымъ дѣламъ, не имѣя на то согласія частныхъ

Digitized by Google

штатовъ, а каждая вновь присоединявшаяся къ государству провинція сохраняла въ полномъ объемѣ свою власть и пріобрѣтала часть власти конфедераціи.

Соціалистическая партія Голландіи имѣетъ до сихъ поръ только одного представителя въ генеральныхъ штатахъ: это упомянутый уже нами—Домела; но будь здѣсь всеобщая подача голосовъ, число соціалистовъ-депутатовъ удесятерилось бы немедленно и опредѣлило бы съ бо́льшею точностью силу рабочей голландской демократіи.

II.

Дидеро́, отличавшійся вѣрной оцѣнкой мѣстностей, видѣнныхъ имъ, сказалъ о Гагѣ: „Это самое красивое селеніе въ мірѣ!“ Но опредѣленіе его,—конечно, имѣвшее значеніе въ свое время,—не даетъ точнаго понятія о современномъ состояніи стариннаго города, его улицъ, переулковъ и площадей. Гага, если хотите, все еще похожа на селеніе, и въ ней сравнительно мало шіонства и сплетенъ, которыя такъ возмущали философа; встрѣчаются въ Гагѣ и теперь уголки, чисто деревенскіе по виду, обособленные и неприкосновенные, въ родѣ знаменитаго Яванскаго архипелага [1]), гдѣ пріютилась богатая колоніальная буржуазія; островки полны роскошной зелени тополей, зеленыхъ изгородей и лужаекъ, дома красиво раскрашены, каналы живописны; но, помимо этой сельско-веселой ноты, встрѣчающейся, впрочемъ, во всѣхъ городахъ Голландіи, Гага, съ его стотысячнымъ населеніемъ и искусной симметріей улицъ въ фламандскомъ вкусѣ, имѣетъ видъ настоящей столицы. Это—столица грустная, сумрачная и лишенная дѣла: ея безлюдныя, мертвыя улицы напоминаютъ фобурги древнихъ парламентскихъ городовъ, только въ крупномъ размѣрѣ и первобытномъ великолѣпіи, да съ прибавкою развѣ чувства насыщенности золотомъ, о которомъ здѣсь такъ ясно говорятъ, сіяя спокойною роскошью, всѣ эти закрытые ставнями дома.

Гдѣ же здѣсь ютятся бѣдняки?—спрашиваешь себя.

Всѣ фасады всѣхъ улицъ во всю длину ихъ заняты рядомъ отелей, расписанныхъ свѣтлыми красками, вычищенныхъ, выхоленныхъ, ежедневно омываемыхъ снаружи, сверкающихъ на солнцѣ, съ окнами, кокетливо убранными бѣлоснѣжными занавѣсками, съ рѣдкими цвѣтами и растеніями, такъ что каждое изъ нихъ, изъ оконъ, похоже на своего рода маленькій храмъ. Но эта необыкновенная внѣшняя чи-

[1]) Такъ называютъ одну изъ богатыхъ частей города, расположенную на островахъ.

Digitized by Google

стота маскировала, во времена Дидеро, внутреннюю грязь жителей. И въ наши дни сельская внѣшняя элегантность Гаги тоже лицемѣрно набрасываетъ покрывало на общественную нищету, которую по чувству стыда хотятъ держать въ скрытомъ состояніи. Позади всѣхъ рядовъ пышныхъ отелей величественнаго вида,—до того великолѣпныхъ, что подумаешь, будто въ каждомъ изъ нихъ живутъ президенты судовъ и иные важные сановники,—на задворкахъ всей этой необыкновенной красоты и чистоты находится другой городъ, безъ свѣта и воздуха, и до него взглядъ иностранца не проникаетъ. Тутъ высятся безконечно-жалкіе и громадные рабочіе кварталы изъ черноватаго кирпича, съ узенькими огородцами, тонущими въ грязной почвѣ, и видъ ихъ какъ нельзя болѣе напоминаетъ грязныя помѣщенія нашихъ минеровъ и вообще кварталы рабочихъ большихъ промышленныхъ центровъ; тутъ рваная мокрая одежда развѣшена для просушки на протянутыхъ веревкахъ и развѣшена на гнилыхъ доскахъ; тутъ бездна полунагихъ ребятишекъ; въ центрѣ двора вонючая клоака, въ которую каждое утро сваливаются всѣ нечистоты, и т. п. Здѣсь-то гнѣздится бѣднота Гаги и отсюда-то стремится она, оборванная, на улицы, когда красное знамя развѣвается надъ городомъ, призывая къ народной манифестаціи.

Но сама соціалистическая партія въ Голландіи не бѣдна и живетъ окнами на улицу. Во-первыхъ, она имѣетъ свое кооперативное общество, затѣмъ свою типографію, которая выпускаетъ каждое утро быстрый и воинствующій листокъ подъ заголовкомъ „Recht voor Allen“ (Право всѣхъ), и, наконецъ, она пріобрѣла свое оффиціальное помѣщеніе, Walhalla, которое служитъ ей и мѣстомъ праздниковъ, и конференцій, и періодическимъ оживленнымъ центромъ большихъ рабочихъ собраній. Все это, устроенное на широкую ногу, функціонируетъ въ превосходномъ порядкѣ и даетъ партіи видъ силы, окончательно организованной.

Это кооперативное общество основано въ 1882 году, благодаря помощи Domela Nieuwenhius, который далъ, кромѣ того, въ распоряженіе партіи 32.000 франковъ для пріобрѣтенія Walhalla, а также внесъ весьма значительныя суммы въ кассу пропаганды и въ центральную кассу для поддержки стачекъ.

Созданіе кооперативнаго общества было подражаніемъ тому, что происходило въ соціалистическомъ движеніи сосѣдней Бельгіи. Гентскій „Vooruit“ (Впередъ), о которомъ разсказываютъ дѣла чуть не баснословныя, и который дѣйствительно имѣлъ замѣчательные денежные результаты, нѣсколько опьянилъ имъ умы. И вотъ, по примѣру своихъ гентскихъ товарищей и по ихъ слѣдамъ, обитатели Гаги пожелали вступить въ обѣтованную землю кооперацій. Но это времен-

Digitized by Google

ное увлеченіе примѣромъ другихъ вскорѣ ограничилось весьма неширокими рамками. Въ глубинѣ характера своего голландскіе соціалисты обнаруживаютъ мало наклонности къ кооперації; можно бы даже сказать, что они выказываютъ къ ней замѣтное отвращеніе. Конечно, выражаясь такъ, мы подразумѣваемъ элементъ наиболѣе значительный по числу и передовой.

Во Франціи и Германіи между соціалистами встрѣчается по отношенію къ кооперації аналогическое чувство, но гораздо болѣе опредѣленное. Соціалисты этихъ странъ не только не видятъ въ кооперативныхъ обществахъ орудія спасенія, но смотрятъ на нихъ какъ на чисто развращающія, за то состояніе духа, которое они развиваютъ въ рабочей средѣ. Если вѣрить имъ, такія общества создаютъ маленькихъ собственниковъ и, слѣдовательно, укрѣпляютъ (только въ новой формѣ) духъ собственности и буржуазіи, а его они считаютъ нужнымъ искоренить во что бы ни стало. А потому даже, какъ средство борьбы въ переходныя эпохи, кооперація кажется имъ очень опасною, и они ее отвергаютъ, такъ какъ она только отстраняетъ пролетаріатъ отъ его истинной цѣли, состоящей въ неустанной борьбѣ съ капиталистическимъ строемъ общества. Чтобы окончательно выяснить этотъ пунктъ, мы должны прибавить, что и въ Бельгіи, долгіе годы выражавшей приверженность, почти исключительную, къ кооперативному принципу, многіе начинаютъ съ безпокойствомъ спрашивать себя о полезности дѣла, которое они такъ трудолюбиво воздвигали.

Все то, что̀ мы сказали о господствующихъ взглядахъ на кооперацію, примѣняется и къ современной Голландіи, и можетъ вамъ дать понятіе, въ какомъ размѣрѣ и съ какими ограниченіями практикуется въ ней нынѣ кооперативная система.

Однако, безпрестанно расширяясь, въ теченіе восьми лѣтъ со времени своего основанія, соціалистическая кооперація въ Гагѣ приняла, наконецъ, весьма внушительные размѣры. Фасады четырехъ домовъ въ улицѣ Koninginne цѣликомъ заняты различными службами булочной, которая составляетъ корень предпріятія. Печи по образцу нѣмецкихъ, такъ-называемыя печи съ горячей водой, связаны между собою громадными кубами изъ кирпича, съ отверстіями въ высоту человѣческаго роста, и закрываются металлическими заслонами, поднимаемыми вверхъ при помощи цѣпей. Ящики для мѣсива тѣста, тоже изъ металла, находятся въ глубинѣ помѣщенія около парового двигателя; родъ вращающагося барабана съ изогнутыми лопастями проходитъ сквозь всю длину ихъ и механически мѣситъ тѣсто. Чтобы сыпать въ нихъ муку, нѣтъ надобности и пальцемъ шевелить,—она сама, при помощи особаго механизма, сыплется въ ящики въ необходимомъ

Digitized by Google

количествѣ. Такимъ образомъ, всякая потеря времени устранена, и все разсчитано на то, чтобы затрачивать наименѣе человѣческой силы. Здѣсь не слышишь болѣзненныхъ стоновъ въ родѣ „ahan!", которые поднимаются по ночамъ изъ подполій парижскихъ булочныхъ; здѣсь рабочій есть вмѣстѣ и простой надсмотрщикъ: стальные мускулы машинъ сами дѣлаютъ дѣло.

Верхніе этажи, служащіе складочными магазинами, стонутъ подъ тяжестью мѣшковъ съ мукою, разложенныхъ сотнями въ симметрическія колонны. На дворахъ запасы каменнаго угля, затѣмъ конюшня на три лошади и, наконецъ, сараи, въ которыхъ стоятъ необходимыя для развозки хлѣба тачки и разные экипажи. Чуть свѣтъ поутру до двадцати ручныхъ тачекъ быстро пробѣгаютъ городъ во всѣхъ направленіяхъ: булочная ежедневно снабжаетъ хлѣбомъ до 3.000 семействъ, которыя составляютъ ея практику. Кооперативное общество состоитъ въ распоряженіи выбираемаго членами управителя и даетъ работу тридцати возчикамъ и рабочимъ, выбраннымъ также изъ среды членовъ общества. Постороннихъ никого въ булочной нѣтъ: сами рабочіе своими собственными силами ведутъ свое дѣло на свой страхъ и отвѣтственность.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о цифрахъ дохода, укажемъ, что въ 1889 году кооперативное общество реализировало 60.000 франковъ чистой прибыли. Треть этой суммы пошла на увеличеніе общественнаго фонда, а остальныя двѣ трети были розданы участникамъ деньгами, сколько каждому приходилось на долю. Результатъ недурной, но здѣсь онъ никого не удивляетъ. Очевидно, что для всѣхъ этихъ убѣжденныхъ людей вопросъ денежный не занимаетъ главнаго мѣста.

Roggeveenstraat... Мы въ редакціи „Recht voor Allen" (Право для всѣхъ). По стѣнамъ гравюры, портреты и всякая прочая рабочая иконографія. Журналъ печатается въ 15.000 экземплярахъ; онъ ежедневный; редактируетъ его почти весь цѣликомъ самъ Домела. Типографія занимаетъ отдѣльный павильонъ, расположенный на серединѣ двора на улицу, и передъ нею поднимается врытая въ землю мачта, на которой вывѣшиваютъ красное знамя въ дни соціалистическихъ праздниковъ. Въ нижнемъ этажѣ печатные станки; въ верхнемъ—кассы для набора; все очень хорошо устроено; многіе изъ парижскихъ журналовъ могутъ только мечтать о подобной обстановкѣ.

И здѣсь все помѣщеніе и орудія труда—тоже собственность партіи. Кромѣ журнала, типографія печатаетъ брошюры по соціальному вопросу и различныя изданія, которыя ей кажутся полезными въ этомъ направленіи. Такъ, напримѣръ, въ витринахъ книжнаго магазина вы встрѣчаете обокъ съ трактатами по соціальной экономіи иллюстрированное изданіе „Germinal"'я Золя, переведеннаго на фламандскій языкъ Anseele, и мн. друг.

Digitized by Google

Но журналъ и брошюры—средства пропаганды только для чтенія; въ Гагѣ и большихъ центрахъ, гдѣ всѣ партіи имѣютъ главный контингентъ своихъ силъ и свои главные штабы, къ печати приходилось прибавить пропаганду устную. Отсюда идея о постоянномъ помѣщеніи для соціалистическихъ конференцій, гдѣ ораторы партіи могли бы вполнѣ безопасно развязать себѣ языкъ, внѣ помѣхи и вмѣшательства королевской полиціи. Такое помѣщеніе нашли и купили; оно носитъ имя Walhalla—слова, заимствованнаго изъ скандинавской миѳологіи; буквальное значеніе его—„Долина счастливцевъ". „Валгалла" соціалистовъ Гаги — древняя церковь, въ которой прекратили службу. Извнѣ въ ней все еще говоритъ о ея первоначальномъ назначеніи; внутри сдѣланы измѣненія, необходимыя для новаго рода службы; при входѣ—конторка, на которой въ дни собраній стоятъ кружки пива, а въ глубинѣ, подъ сводами, все еще освѣщенными двойными готическими окнами, расположены настоящія театральныя подмостки, съ рамкою и занавѣсомъ, и тутъ, въ дни застоя въ политикѣ, даются маленькія театральныя представленія. Чаще всего, впрочемъ, подмостки служатъ трибуною. Здѣсь нѣкогда давалъ конференціи Вольмаръ, соціалистъ-депутатъ нѣмецкаго рейхстага. Передъ сценою—стулья, столы, скамейки. На одной стѣнѣ въ подражаніе барельефу нарисованъ сѣрыми красками Лаокоонъ—символъ, долженствующій представлять агонію пролетаріата, а на другой, въ видѣ pendant къ нему, помѣщается знаменательная графическая фигура, изображающая черными кружками и красными линіями весь генезисъ капитала.

Walhalla — настоящій укрѣпленный лагерь голландскаго соціализма; тутъ онъ чувствуетъ себя неприкосновеннымъ и засѣдаетъ вполнѣ самовластно. Въ часы агитаціи и кризисовъ, когда улица въ лихорадочномъ состояніи, толпы, какъ бы по молчаливому соглашенію, стекаются сюда. Въ этомъ родѣ учрежденія функціонируютъ также въ Амстердамѣ, Роттердамѣ, Грѣнингенѣ и т. д. Скоро ими покроется вся Голландія.

Мы уже указали на общія идеи и тенденціи голландскаго соціализма, на элементы, изъ которыхъ онъ состоитъ, и на принятые имъ способы группировки. Детали намъ помогутъ яснѣе обрисовать его физіономію и все, что было здѣсь создано въ какія-нибудь двѣнадцать лѣтъ соціалистическою партіею.

Ставя слово: „партія", мы, можетъ быть, употребляемъ выраженіе слишкомъ широкое для этого періода дебютовъ, такъ какъ во всемъ, что здѣсь сдѣлано, высказывается въ особенности личность пока одного человѣка, или, лучше сказать, все здѣсь сдѣлано одною личностью — Домела. До него соціалистическая Голландія не существовала,

Digitized by Google

а если и существовала, то въ видѣ мечты въ умѣ весьма незначительнаго по числу авангарда, который ожидалъ во тьмѣ, разбросанный въ толпѣ. Домела далъ тѣло и духъ этой грёзѣ; онъ былъ и организаторомъ, и ораторомъ.

Можно бы указать на конгрессъ въ Гагѣ еще въ 1872 году, но это для мѣстнаго соціализма вовсе не исходная точка. Конгрессъ 1872 года, на которомъ интернаціоналъ, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, вспыхнулъ послѣднимъ свѣтомъ въ распрѣ Карла Маркса съ Бакунинымъ, былъ принятъ въ Гагѣ такъ недовѣрчиво всѣми, что даже жены самихъ рабочихъ, посылая дочерей въ школы, отбирали у нихъ серьги изъ боязни, что ихъ днемъ на улицѣ обокрадутъ коммунары.

Мѣстный соціализмъ открыто заявилъ себя въ рабочихъ массахъ Голландіи только нѣсколько лѣтъ спустя, и какой же поднялся скандалъ, когда узнали, что революціонное слово исходитъ изъ устъ протестантскаго пастора! Пастора! Да, пасторомъ и былъ, въ самомъ дѣлѣ,—Домела. Пасторъ самъ, и сынъ пастора, и внукъ пастора! Обладатель очень значительнаго личнаго имущества, онъ съ семействомъ былъ вполнѣ независимъ. Такъ-что, казалось, ничто его не предназначало къ его новой роли, ни его происхожденіе, ни его первоначальное воспитаніе, ни его позднѣйшія занятія паствою.

Въ реформатской церкви, въ Швеціи и Норвегіи, было уже нѣсколько примѣровъ того, что проповѣдники покидали каѳедру и мѣшались въ толпу, проповѣдуя соціализмъ и революцію.

Домела сказалъ и намъ, что книгою, просвѣтившею его, было Евангеліе.

Но евангельскій соціализмъ, котораго онъ придерживался въ теченіе двухъ лѣтъ, былъ для него только первымъ этапомъ на дальнѣйшемъ пути. Онъ прочелъ затѣмъ французскихъ соціалистовъ. Fourier и Victor Considerant имѣли на него рѣшительное вліяніе, они его покорили себѣ. Затѣмъ настала очередь Лассаля и Карла Маркса, и тогда насталъ самый полный разрывъ съ профессіей. Домела покинулъ храмъ и уже никогда въ немъ не показывался: онъ сталъ соціалистомъ-революціонеромъ въ политикѣ и матеріалистомъ въ философіи. Тутъ-то онъ предпринялъ ту продолжительную кампанію въ голландскихъ провинціяхъ, которая покрыла его популярностью, и огненнымъ словомъ онъ взволновалъ рабочія массы, погруженныя въ Голландіи въ вѣковой покой. Вокругъ него создалась партія. Онъ основалъ „Recht voor Allen“ и, какъ человѣкъ строгой честности, логически пришелъ къ выводу, что онъ долженъ пожертвовать на общее дѣло свое имущество. Партія послѣдовательно получила отъ него все, что мы уже описали: кассу вспомоще-

Digitized by Google

ствованія и кассу стачекъ, Walhall'y и, наконецъ, кооперативное общество. Проповѣднику недоставало только преслѣдованій; и они не заставили себя ждать. За одну изъ статей въ „Recht voor Allen" его привлекли въ судъ и приговорили къ годичному тюремному заключенію. Въ тюрьмѣ съ нимъ обращались жестоко; его—человѣка съ самымъ высшимъ научнымъ образованіемъ, человѣка съ характеромъ прямымъ, человѣка безграничнo честнаго—посадили въ среду мошенниковъ и злодѣевъ, обритаго и въ одеждѣ каторжника, и при этомъ подвергли самымъ унизительнымъ работамъ. Отбывъ срокъ, онъ вышелъ изъ тюрьмы, и, казалось, выросъ въ глазахъ толпы. Посреди безчисленныхъ овацій продолжалъ онъ свое дѣло, то говоря толпѣ изъ рыбачьей лодки, то съ высоты парапета моста, то подъ сводами храма, какъ это случилось, напр., недавно въ деревенькѣ Sainte-Anne-Parochie, гдѣ фабричный совѣтъ самъ пригласилъ соціалиста-оратора на церковную каѳедру и предупредительно бросился отпирать передъ нимъ и толпой двери.

Помимо манеръ, скромныхъ и нѣжныхъ, въ Домелá не осталось ни малѣйшаго слѣда бывшаго пастора. Мы съ любопытствомъ пробѣгали глазами полки его библіотеки; на нихъ не видать ни одной книги по теологіи, и, наоборотъ, на-лицо всѣ соціалистическія изданія и трактаты, расположенные какъ нельзя болѣе методически. Стѣны его рабочаго кабинета украшены революціонными иллюстраціями, начиная съ гравюръ коммуны и кончая портретами нѣмецкихъ делегатовъ готскаго конгресса. Но на бюро, посреди вороха бумагъ, стоитъ бѣлая статуэтка Христа, въ позѣ проповѣдника, съ распростертыми къ народу руками. И то же самое—въ маленькомъ красномъ салонѣ: еще голова Христа въ терновомъ вѣнцѣ, а надъ нею на стѣнѣ великолѣпная гравюра картины Мункасси: „Христосъ передъ Пилатомъ".

Изъ этого-то краснаго салона и вытекла рабочая манифестація 1-го мая, совершонная съ такою дисциплиною революціонерами стараго и новаго Свѣта: въ немъ, передъ Христомъ Мункасси,—на котораго такъ странно похожъ самъ Домелá, и бѣлокурыми вьющимися волосами, и кудрявою короткою бородкой,—состоялась конференція въ Гагѣ, на которой были выработаны основы интернаціональнаго парижскаго конгресса предпрошлаго года. На-лицо были здѣсь представители соціализма, собравшіеся со всѣхъ концовъ Европы. Бебель и Либкнехтъ за Германію, Anseele и Volders отъ Бельгіи, Бернштейнъ отъ Лондона, Reichel отъ Берна и Шереръ, президентъ Grüth-Verein изъ V.-Goll.

Ѳ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1891.

— *Николай Владиміровичъ Станкевичъ.* Стихотворенія — трагедія — проза. М. 1890. (Съ портретомъ).

Въ іюнѣ 1890 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины Н. В. Станкевича. Настоящая книга является прекраснымъ напоминаніемъ этой годовщины. Издатель, г. Алексѣй Станкевичъ, отнесся къ своей задачѣ весьма внимательно. Онъ собралъ всѣ, какія зналъ, сочиненія Н. В. Станкевича—состоящія изъ стихотвореній, трагедіи „Василій Шуйскій“ и нѣсколькихъ статей философскаго содержанія,— и въ приложеніяхъ помѣстилъ: современный отзывъ о трагедіи „Шуйскій“; письмо Станкевича къ редактору „Молвы“ (о томъ, что стихи его помѣщены были, безъ его вѣдома, въ журналѣ Булгарина и Греча); замѣтку изъ „Современника“ 1847 г. о томъ, что стихотворенія Станкевича сталъ присвоивать себѣ стихоплетъ того времени А. Славинъ; наконецъ, списокъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ печатались сочиненія Н. В. Станкевича.

Часть стихотвореній его, какъ и статей прозаическихъ, была собрана въ извѣстномъ біографическомъ сочиненіи П. В. Анненкова; нынѣшній издатель умножилъ число стихотвореній, сдѣлавъ поиски въ современныхъ журналахъ,—но сожалѣетъ, что не могъ разыскать нѣкоторыхъ стихотвореній, упомянутыхъ Анненковымъ, а также статьи „о возможности философіи какъ науки“. Въ расположеніи пьесъ издатель принялъ, какъ и слѣдовало, порядокъ хронологическій,—хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлить этотъ порядокъ съ точностью было трудно. Вопросъ о правописаніи, въ которомъ издатель имѣлъ недоумѣнія, не столь важенъ.

Въ отдѣлѣ прозы напрасно пропущена университетская работа Станкевича, именно статья его „о причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III“, помѣщенная въ „Ученыхъ

Digitized by Google

Запискахъ" московскаго университета (т. V, 1834). Эта статья, писанная двадцатилѣтнимъ юношей, была замѣчательнымъ явленіемъ тогдашней исторической литературы и не потеряла и донынѣ своей цѣны.

Литературное наслѣдство Н. В. Станкевича было невелико: небольшой сборникъ стихотвореній, составлявшихъ только начало поэтическаго развитія, нѣсколько статей, особливо философскихъ, которыя также были лишь приступомъ къ болѣе серьезной дѣятельности; тѣмъ не менѣе, его имя уже вошло въ исторію умственной и литературной жизни русскаго общества, какъ крупная величина. Историческое значеніе его создано было его глубокимъ личнымъ вліяніемъ: то содержаніе, какое онъ носилъ въ себѣ, его философско-поэтическій идеализмъ, стало возбуждающей силой для цѣлаго ряда собравшихся около него живыхъ умовъ и дарованій тогдашняго молодого поколѣнія. Его содержаніе стало ихъ завѣтомъ; они развили его дальше—и возбуждающее первое вліяніе Станкевича имѣло свою долю въ томъ расцвѣтѣ русской литературной и общественной мысли, какимъ отмѣчены сороковые годы. Имя Станкевича, умершаго почти юношей въ 1840 году, повторялось до конца съ любовью лучшими представителями сороковыхъ годовъ, какъ имя перваго друга-руководителя. Собравъ его труды, новый издатель оказалъ немалую услугу спеціалистамъ и любителямъ исторіи литературы.

Къ изданію приложена фототипія съ гипсоваго медальона, работы Эйхлера въ Берлинѣ. „По отзыву родственниковъ, онъ отличается наибольшимъ сходствомъ, тогда какъ другіе, литографическіе, портреты не могутъ считаться удовлетворительными".

Внѣшнее исполненіе изданія прекрасное.

— *Расколъ и его путеводители.* Изданіе и сочиненіе *К. Попова*. Саратовъ, 1890 (253 стр., больш. 8°).

Очень оригинальная, любопытная, но отчасти и дурная книга. При ней нѣтъ предисловія, изъ котораго можно было бы видѣть, въ какихъ условіяхъ авторъ изучалъ предметъ, почему онъ далъ именно эту форму и тонъ своимъ наблюденіямъ; но въ текстѣ книги не однажды упоминается, въ третьемъ лицѣ, К. Поповъ (стр. 144), или авторъ говоритъ о себѣ прямо (стр. 177), или намекается о немъ (стр. 197), и, сопоставивъ эти упоминанія, можно заключить, что авторъ, К. Поповъ, былъ въ молодости, еще не очень давней, старообрядцемъ, былъ прислужникомъ въ молельнѣ при „австрійскомъ" попѣ, въ Саратовѣ, а наконецъ, „благодаря своему научному раз-

Digitized by Google

витію", перешелъ въ православіе и сдѣлался православнымъ миссіонеромъ. Понятно, что, вращаясь съ дѣтства и до зрѣлыхъ лѣтъ въ старообрядческомъ мірѣ, то его членомъ, то обличителемъ, г. Поповъ пріобрѣлъ большое знаніе этихъ понятій и нравовъ; свое знаніе онъ примѣнилъ теперь къ изображенію „раскола и его путеводителей". Книга свидѣтельствуетъ о большой наблюдательности автора, о большомъ опытѣ, такъ что книга представляетъ не мало весьма любопытныхъ свѣденій. Кругъ наблюденій есть почти исключительно Саратовскій край, издавна обильный самыми разнообразными сектами, и авторъ перебывалъ въ разныхъ углахъ этого края, гдѣ существуютъ раскольническіе центры. Книга не есть ни исторія мѣстнаго раскола, ни описаніе его современнаго состоянія и распространенія; это—картина религіознаго быта, понятій и нравовъ, какъ они существуютъ въ расколѣ въ настоящее время; это—своего рода разсказы „изъ народнаго быта", этнографическіе очерки изъ той области, которая всего меньше была затронута нашей беллетристикой; но эти разсказы и очерки имѣютъ одну особенность, какая обыкновенно не встрѣчается въ подобныхъ произведеніяхъ: г. Поповъ изображаетъ не только типы или типическія, обычныя черты быта и нравовъ, а очень часто именно опредѣленныя лица, которыхъ называетъ по именамъ, и опредѣленные событія и случаи... Этнографія переходитъ такимъ образомъ въ показаніе репортера и въ протоколъ.

Благодаря жизненному опыту, авторъ достаточно насмотрѣлся на раскольничій бытъ, по крайней мѣрѣ, Саратовскаго края, замѣчательно овладѣлъ языкомъ, въ подробности знаетъ обычаи молельни, всякія повѣрья и суевѣрія, отношенія къ „никоніанамъ" и т. д. Свои наблюденія онъ передаетъ въ формѣ небольшихъ бытовыхъ разсказовъ, которые являются, какъ мы сказали, рѣдкими въ нашей литературѣ этнографическими картинками раскольничьяго быта. Такъ какъ по своей численности старообрядцы составляютъ весьма значительную долю русскаго народа (общую цифру всего раскола считали до 11 милліоновъ), то понятно, что эти очерки пріобрѣтаютъ особенное значеніе, какъ изображеніе быта очень большой доли цѣлаго русскаго народа. Они перестаютъ быть анекдотическимъ исключеніемъ, а, напротивъ, указываютъ крупную черту въ общемъ характерѣ того народа, на который теперь возлагаютъ столько надеждъ народническіе патріоты, полагая, что отъ этого народа можемъ многому научиться и мы, „интеллигенція". Но одиннадцать милліоновъ этого народа, и именно коренного великорусскаго (какъ извѣстно, въ немъ исключительно сосредоточены всѣ формы старообрядческаго раскола, кромѣ только новѣйшей, еще немногочисленной, малороссійской штунды), обрѣтаются, за рѣдкими исключеніями

Digitized by Google

сознательныхъ хранителей стараго преданія, въ такой умственной тьмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ такой ожесточенной ненависти къ „никоніанамъ", то-есть къ большинству всего народа, даже чуждаясь поэтому его крупнѣйшихъ историческихъ интересовъ,—что состояніе этой массы не должно было бы остаться индифферентнымъ для народныхъ патріотовъ и не озаботить вопросомъ, какъ считаться съ мыслями и желаніями этой доли населенія. Дѣйствительность раскольничьяго быта вовсе не есть та идиллія, въ какую иногда впадаетъ изображеніе ея, напримѣръ у Мельникова; если есть въ ней черты, которымъ отдаютъ справедливость даже суровые обличители раскола, какъ напримѣръ забота о грамотности, хотя бы своей, исключительно раскольничьей, трезвость, трудолюбіе, взаимная помощь, охрана преданій и т. п., то, съ другой стороны, самая основа раскола, въ его нынѣшнихъ формахъ, представляетъ такой запасъ упрямой косности, которая не даетъ, кажется, никакой надежды на то, чтобы содержаніе раскола могло когда-нибудь выработаться во что-либо болѣе совершенное, потому что болѣе раціональная постановка самихъ принциповъ раскола, во-первыхъ, отняла бы отъ него многія специфическія особенности, а во-вторыхъ, безъ сомнѣнія, произвела бы новое раздѣленіе въ самомъ расколѣ; противъ людей, которые захотѣли бы дать въ догматахъ раскола больше мѣста правамъ настоящей исторіи и вообще элементу научному, возстала бы масса слѣпыхъ приверженцевъ буквы и неподвижнаго обычая. Съ другой стороны, что въ расколѣ, съ его стойкимъ благочестіемъ, упорной вѣрностью преданію, съ его бытовыми нравами, хранится большая доля самой настоящей русской старины, это не подлежитъ сомнѣнію. Какъ сосчитаться со всѣмъ этимъ?

Обычные противники раскола, къ какимъ можетъ быть причисленъ и авторъ настоящей книги, полагаютъ, что онъ просто долженъ быть уничтоженъ, какъ „язва". Въ прежнее время противъ этой язвы употреблялись, какъ извѣстно, самыя энергическія мѣры административныя и даже военныя; извѣстно также, что эти мѣры остались вполнѣ безуспѣшны. Въ послѣднее время отношеніе власти, гражданской и церковной, къ расколу стало вообще гораздо мягче: противъ него принимаются мѣры убѣжденія, учреждено миссіонерство, производятся „собесѣдованія", и т. п.; не знаемъ, насколько успѣшны эти мѣры въ общемъ счетѣ, но не слышно, чтобы онѣ имѣли какое-нибудь широкое дѣйствіе, и напротивъ, приходится читать даже о вновь возникающихъ сектахъ, какъ напримѣръ эти ужасающіе „дыромоляи", о которыхъ недавно явились свѣденія въ печати. Въ отчетахъ о „собесѣдованіяхъ", какіе нерѣдко приходится теперь читать, мы постоянно находимъ, что миссіонеръ по-

Digitized by Google

бѣдоносно обличаетъ своихъ противниковъ — и не мудрено: онъ имѣетъ, вѣроятно, академическое образованіе, а противникъ имѣетъ только свою раскольничью грамотность; но побѣды остаются безплодны; ученое обличеніе направляется на такую почву, гдѣ оно просто непонятно, а потому остается безъ результата. Очевидно, для того, чтобы аргументація ученаго миссіонера приводила къ убѣжденію, необходимо, чтобы другая сторона была приготовлена къ пониманію ученой аргументаціи, то-есть имѣла школу, образованіе. Въ этомъ послѣднемъ и заключается одно изъ первостепенныхъ средствъ, какія должны бы быть употреблены противъ „язвы"; къ удивленію, объ этомъ-то средствѣ думаютъ всего меньше. Не говоримъ о томъ, что миссіонерству слѣдовало бы дѣйствовать не однѣми догматическими и обрядовыми опроверженіями...

Авторъ настоящей книги, въ качествѣ бывшаго старообрядца и въ качествѣ человѣка, получившаго „научное образованіе" (любопытно, какъ онъ получилъ это образованіе—оставаясь ли въ расколѣ, или покинувъ его), относится къ старообрядству крайне недружелюбно и пренебрежительно: старые уставщики, ложные попы, богатые покровители изъ купцовъ и купчихъ, богомольныя старухи, все это изображается имъ въ некрасивомъ свѣтѣ неразвитости, фанатизма, озлобленія противъ православныхъ, крайняго суевѣрія и легковѣрія и т. д. Все это, можетъ быть, и такъ; весьма вѣроятно, что подобными свойствами отличается огромный процентъ старообрядства; но для того, чтобы изображеніе не оказалось невѣрнымъ по односторонности, нужно было бы принять также въ соображеніе свойства народной массы не-раскольничьей, но того же уровня знаній и понятій. По части суевѣрія и легковѣрія эта остальная масса едва ли уступитъ старообрядцамъ: достаточно оглянуться кругомъ себя, чтобы встрѣтить сколько угодно примѣровъ. Не только общія суевѣрія, но и слишкомъ, даже исключительно, внѣшнее пониманіе религіи, чисто обрядовое благочестіе составляетъ черту не однихъ старообрядцевъ, но и громадной массы русскаго народа, обрѣтающейся въ патріархальномъ невѣжествѣ и не получающей правильнаго объясненія своей вѣры и своихъ христіанскихъ обязанностей. Въ главѣ подъ названіемъ: „Раскольникъ, дѣлающій фальшивые рубли", авторъ разсказываетъ исторію фальшиваго монетчика, который въ то же время выказывалъ большое благочестіе, и заключаетъ: „Вотъ и смотрите на раскольниковъ съ благочестивой стороны! Люди, молъ, Богу молятся по старымъ книгамъ, живутъ себѣ тихо, спокойно, даже трезво, а выходитъ, что въ тихомъ-то озерѣ и выводятся чертенята, да еще какіе!!" (стр. 120). Думаемъ, что уголовная лѣтопись можетъ доставить и внѣ раскола достаточное количество всякаго рода обманщи-

Digitized by Google

ковъ подъ видомъ благочестія. Въ главѣ „Отецъ Ардаліонъ", авторъ разсказываетъ объ одномъ проходимцѣ, который, выдавая себя за сборщика пожертвованій для какихъ-то святынь, собиралъ щедрыя жертвы между старообрядцами, затѣмъ попался въ трактирныхъ кутежахъ, былъ захваченъ полиціей, но съумѣлъ скрыться.

„Подобные обманщики,—говоритъ авторъ,—выдавали себя пріѣзжими, то изъ Турціи, то изъ Австріи, Румыніи: они называли себя іеромонахами, архимандритами и просто монахами, посланными отъ своихъ древне-благочестивыхъ епископовъ въ Россію за сборомъ денегъ, и собирали ихъ одинъ на украшеніе монастыря, другой—на колоколъ, третій—на облаченіе своего епископа. Старообрядцы нисколько не сомнѣвались въ истинности этихъ лицъ и совершаемыхъ ими поборовъ; охотно вѣрили ихъ словамъ и принимали ихъ съ почетомъ и уваженіемъ, угощая какъ и чѣмъ могли по своему состоянію. Жертвы лились въ ихъ карманы рѣкою... Давая деньги всѣмъ этимъ проходимцамъ, старообрядцы просили записать ихъ имена и вылить на колоколѣ, или вышить ихъ въ подкладкѣ церковнаго облаченія, чтобы жертва ихъ была на виду у всѣхъ. Проходимецъ записывалъ имена ихъ въ свою книжку и давалъ обѣщаніе выполнить все, согласно волѣ и просьбѣ жертвователей".

Но совершенно то же бываетъ и въ самомъ православномъ населеніи, которое дѣлается легковѣрной добычей такихъ же проходимцевъ, выдающихъ себя за аѳонскихъ, іерусалимскихъ и иныхъ монаховъ и іеромонаховъ, и еще недавно газеты разсказывали объ одномъ святомъ человѣкѣ подобнаго рода, который оказался просто персіяниномъ и магометаниномъ.

Однажды авторъ книги задаетъ себѣ вопросъ о томъ, откуда идетъ тьма раскола и кто здѣсь виноватъ, и отвѣчаетъ на это слѣдующее:

„Прежде всего виноваты начетники раскола, эти гасильники свѣта, эти эксплоататоры довѣрчиваго крестьянина. Именно такъ. Они, выдавая себя за начетниковъ и богослововъ въ священномъ писаніи, точно піявки, присосались къ его худосочному (?) тѣлу и сосутъ изъ него оставшіеся рубли и копѣйки, нажитые кровнымъ мозольнымъ трудомъ. Они толкуютъ мужику всякую небылицу, поддерживаютъ въ немъ суевѣріе и предразсудки съ исключительной цѣлью, чтобы создать себѣ послѣдователей, а чрезъ это возможность существовать безъ труда. Чтобы отнять этихъ піявокъ отъ мужика, ему необходимо дать школьное развитіе, не смотря на все его упорство и нежеланіе, такъ какъ послѣднее вытекаетъ отъ того же наученія наставника.

— „Развѣ можно въ никоніанскихъ школахъ обучать своихъ

Digitized by Google

дѣтей? Какой же ты христіанинъ послѣ этого!—говоритъ начетникъ. И мужикъ вѣритъ ему, вѣритъ, что все это грѣхъ, ересь и погибель. А злому начетнику этого и нужно. Въ потемкахъ ему лучше работать и проповѣдывать свою чепуху... Истинно, что расколъ нашъ есть дойная корова, доить которую не рѣшается только человѣкъ, помнящій Бога и имѣющій совѣсть" (стр. 90).

Авторъ не обратилъ только вниманія на одно обстоятельство. Эти начетники или начетчики составляютъ органическую принадлежность раскола: они бываютъ его порожденіемъ, становятся его представителями и руководителями, и потомъ сами поддерживаютъ и распространяютъ его въ томъ видѣ, какъ онъ самъ воспиталъ ихъ. Каковъ попъ, таковъ и приходъ; но и самъ попъ зависитъ отъ прихода. Еслибы можно было какимъ-нибудь образомъ устранить вліяніе однихъ уставщиковъ и начетчиковъ, завтра на ихъ мѣсто явились бы другіе такіе же. Если самъ авторъ разсказываетъ (стр. 192), что Амвросій, именующій себя теперь у раскольниковъ епископомъ и святителемъ саратовско-астраханской каѳедры, былъ до этого не кто иной, какъ ямщикъ села Ивантѣевки, николаевскаго уѣзда, и содержалъ почтовую станцію въ селѣ, слѣдовательно зналъ только кнутъ и возжи; а подчиненный его, нынѣ лжеіерей въ гор. Вольскѣ, Григорій Поповъ, есть крестьянинъ одного изъ подгородныхъ селеній вольскаго уѣзда, успѣвшій своимъ поповствомъ у раскольниковъ нажить большія деньги, на которыя открылъ бакалейную лавку въ городѣ Вольскѣ и теперь вдвойнѣ наживаетъ деньги, увеличивая свой капиталъ; если самъ авторъ приводитъ примѣры крайняго и, конечно, не весьма разумнаго фанатизма простыхъ обыкновенныхъ раскольниковъ, если, наконецъ, такова въ сущности вся среда, то понятно, что уставщики и „путеводители", которые набираются прямо изъ той же среды, не могутъ быть иными, чѣмъ они есть.

Безъ сомнѣнія, одна школа могла бы смягчить этотъ фанатизмъ, повысить уровень понятій, въ томъ числѣ и религіозныхъ; но едва ли одни руководители раскола виноваты тѣмъ, что старообрядцы не идутъ въ обыкновенную школу. Вражда къ „никоніанамъ"—общая во всемъ расколѣ; старообрядцы побоятся пустить своихъ дѣтей въ школу, гдѣ они или рискуютъ утратить „старую вѣру", или могутъ стать предметомъ насмѣшекъ. Не знаемъ, можетъ ли даже вообще мальчикъ-старообрядецъ поступить въ школу. Едва ли; между тѣмъ очевидно, что для привлеченія старообрядцевъ въ обыкновенную школу прежде всего нужно было бы предоставить имъ свободу оставаться въ своемъ исповѣданіи,—съ увѣренностью, что, независимо отъ этого вопроса, школьное образованіе само по себѣ разовьетъ понятія и будетъ способствовать устраненію наибольшихъ золъ раскола.

Digitized by Google

Но, какъ ни любопытно бытовое, этнографическое содержаніе книги г. Попова, она производитъ непріятное впечатлѣніе со стороны общественной, да и личной нравственности. Авторъ вышелъ изъ среды старообрядства; вслѣдствіе своего „научнаго развитія", онъ обратился въ православіе и сталъ проповѣдникомъ его между прежними единовѣрцами. Оба эти обстоятельства должны были бы побудить его отнестись если не съ любовью, то съ нѣкоторой терпимостью къ заблуждающимся прежнимъ собратьямъ: это повелѣвалъ бы притомъ не только христіанскій долгъ, о которомъ не слѣдовало бы забывать миссіонеру, но и простой воспитательный пріемъ. Вмѣсто того мы видимъ во всей книгѣ одно глумленіе надъ невѣжествомъ старообрядцевъ, ихъ фанатизмомъ, неразумнымъ суевѣріемъ (которое, какъ мы видѣли, раздѣляютъ и не-старообрядцы) и т. д. Авторъ недовольствуется общими изображеніями; онъ поименно называетъ мѣстныхъ руководителей и дѣятелей раскола, даже съ указаніемъ адресовъ, кто гдѣ живетъ и держитъ молельню. Эти поименныя указанія дѣлаетъ, впрочемъ, не первый г. Поповъ; ихъ стали вводить раньше и другіе, между прочимъ, болѣе ученые, чѣмъ г. Поповъ, обличители раскола; въ корреспонденціяхъ о расколѣ въ провинціальныхъ изданіяхъ мы постоянно встрѣчали въ послѣднее время такія же именныя указанія. Мы полагаемъ, что, по всей вѣроятности, эти указанія въ данномъ случаѣ не имѣли въ виду полицейскаго донесенія: вѣроятно, полиція не гонится теперь за такими свѣденіями; тѣмъ не менѣе, онѣ остаются неблаговидны. Расколъ во всякомъ случаѣ не пользуется доброй славой въ оффиціальномъ смыслѣ, и эти поименованія становятся своего рода диффамаціей. Еслибы авторъ полагалъ, что это есть только „гласность", это опровергалось бы тѣмъ, что настоящая гласность предполагала бы такое же право и для другой стороны, но этого права, какъ извѣстно, не существуетъ. Такимъ образомъ, это „гласное" обличеніе похоже на камень, бросаемый изъ-за угла. Не было бы удивительно, еслибы между старообрядцами имѣло мало успѣха миссіонерство, пользующееся такимъ оружіемъ.

— *Крылатыя слова.* Не спроста и не спуста слово молвится и до вѣку не сломится. По толкованію С. *Максимова.* Спб. 1890.

Г. Максимовъ принадлежитъ къ числу нашихъ старѣйшихъ этнографовъ поколѣнія 50-хъ годовъ, когда многихъ завлекла къ изслѣдованію народной жизни не та научная потребность, которая можетъ быть воспитана просто книгой, теоретическимъ запросомъ, а

Digitized by Google

живая потребность общественная, когда на первое время смутный, но тѣмъ не менѣе глубокій инстинктъ подсказывалъ, что народу, такъ долго пренебреженному, предстоитъ вскорѣ занять подобающее мѣсто, если пока не на самой практикѣ, то въ общественномъ и правительственномъ интересѣ, и что народная идея должна внести новые элементы въ жизнь самаго общества. Это было еще въ разгарѣ Крымской войны, когда не была еще заявлена крестьянская реформа. Инстинктъ былъ вѣренъ: уже вскорѣ потомъ поднялись толки о народѣ и народолюбіе стало не только серьезнымъ интересомъ для немногихъ, но и модой. Начатыя въ половинѣ 50-хъ годовъ этнографическія изученія г. Максимова продолжились потомъ на десятки лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ побывалъ во всѣхъ концахъ русской земли, отъ центральныхъ губерній, запада и сѣвера, до губерній южныхъ и до Амурскихъ окраинъ Сибири. Беллетристъ по первымъ опытамъ, онъ перенесъ свою наблюдательность и живость (хотя нерѣдко манерную) разсказа на изложеніе своихъ странствій и фактическое описаніе народнаго быта. Извѣстенъ длинный рядъ трудовъ, который былъ результатомъ его изученій: это не были спеціальныя изученія тѣхъ или другихъ сторонъ быта, преданій, народной поэзіи, а именно наблюденія надъ цѣлымъ складомъ жизни, надъ особенностями нравовъ, народнаго промысла, народной рѣчью и т. д.,—словомъ, надъ тѣмъ, что составляетъ физіономію извѣстнаго края и его населенія. Мало-по-малу накоплялся большой опытъ практическаго этнографа, между прочимъ накопилось знаніе народнаго языка, и нѣсколько лѣтъ назадъ г. Максимовъ началъ помѣщать въ газетахъ небольшія статьи, заключавшія въ себѣ объясненіе множества тѣхъ особенныхъ словъ и образныхъ выраженій, которыя имѣли свой опредѣленный и всѣмъ понятный смыслъ, но первоначальное значеніе которыхъ было почти для всѣхъ затеряно. Въ настоящее время г. Максимовъ собралъ эти разбросанныя статьи, дополнилъ ихъ и онѣ составили цѣлую весьма любопытную книгу.

Эти слова и обороты накопились изъ самыхъ разнообразныхъ періодовъ народной жизни, слоевъ народнаго быта, обычаевъ и промысловъ. „Объясненія однихъ выраженій и словъ,—говоритъ г. Максимовъ,—слѣдуетъ искать въ юридическомъ бытѣ древней Руси, въ пріемахъ розыскного процесса съ отвратительнымъ полосованіемъ человѣческихъ спинъ (слова „подлинный“, „подноготный“, „московскія правды“ и т. д.). Толкованіе другихъ выраженій и пословицъ можно было найти въ мирно-налаженной и спокойно-текущей струѣ сельской жизни, свободной въ ея бытовыхъ проявленіяхъ: земледѣльческихъ, промышленныхъ, ремесленныхъ и т. д. (таковы выраженія: „баклуши бить“, „попасть въ просакъ“, „лясы точить“, „нужда за-

Digitized by Google

ставитъ калачи ѣсть", „ни кола—ни двора", „канитель тянуть", „у чорта на куличкахъ", „сила солому ломитъ"). Смыслъ третьихъ подсказывается и возстановляется доселѣ сохранившимися (и лишь отчасти исчезнувшими, но памятными) народными обычаями и вѣрованіями (слова: „черезъ-чуръ", „чуръ меня", выраженія: „семь пятницъ на недѣлѣ", „горохъ при дорогѣ", „на улицѣ праздникъ", и проч.). Многія изъ бытовыхъ пословицъ оправдываются бывалыми событіями, успѣвшими облечься въ форму притчей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ анекдотовъ („собаку съѣлъ", „на ворѣ шапка горитъ", „вора выдала рѣчь", „огонь и попа жжетъ", „семи-пудовый пшикъ", „хоть тресни" и др.). Этимъ послѣднимъ способомъ съ полною откровенностью народъ поспѣшилъ объяснить и оправдать свои недостатки и характерныя свойства: „задній умъ", „русскій духъ", „русскія сваи", что вообще значитъ—дѣлать и поступать по-русски, „привѣчать, угостить", и т. д. Среди всѣхъ подобныхъ выраженій (вообще сравнительно небольшого количества) въ замѣчательно рѣдкихъ случаяхъ доводится искать толкованій въ языкахъ сосѣдящихъ съ нами инородцевъ (въ родѣ: „кавардакъ", „алала", „ни бельмеса"), а поиски за словами, вкравшимися въ русскій языкъ изъ европейскихъ языковъ, составляютъ уже особенный самостоятельный трудъ, предстоящій въ будущемъ. Теперь представляю кстати лишь нѣсколько образчиковъ („галиматья", „въ маѣ родиться", „камень въ воду", и пр.).

„Углубляясь въ дремучій и роскошный лѣсъ родного языка, богатаго, сильнаго и свѣжаго, краткаго и яснаго, на этотъ разъ, конечно, довелось пробраться лишь по опушкѣ его. Здѣсь легче было осмотрѣться, пересчитать все, что было наглядным, и произвести изслѣдованія и дать описаніе (одному изъ первыхъ) всему многочисленному разнообразію родовъ, видовъ и породъ до валежника включительно".

При каждомъ случаѣ, гдѣ оказываются нужны объясненія изъ этихъ разнообразныхъ областей старой исторіи и современнаго быта, авторъ не ограничивается голымъ указаніемъ, а, напротивъ, входитъ въ подробности, такъ что передъ нами являются небольшіе эскизы съ исторической или современной бытовой натуры. Всего помѣщено въ книгѣ 129 подобныхъ очерковъ. Вотъ для примѣра нѣсколько выраженій, которыя послужили автору темой для его объясненій языка: огонь попа жжетъ; въ просакъ попасть; на улицѣ праздникъ; баклуши бить; лясы точить; колокола льютъ; у чорта на куличкахъ; семь пятницъ; два девяноста; московскія правды; бей въ доску, поминай Москву; казанскій сирота; подкузьмить и подъегорить; гдѣ рука, тамъ и голова; гдѣ раки зимуютъ; собакъ гонять; каша сама

Digitized by Google

себя хвалить; чуръ меня; изъ кулька въ рогожку; турусы на колесахъ; краснаго пѣтуха пустить; Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, и т. п. Все это обычныя выраженія, но почти всѣ онѣ безъ исключенія остаются непонятны тѣмъ, кто ихъ употребляетъ сплошь и рядомъ: кто бьетъ баклуши, точитъ лясы, попадаетъ въ просакъ, гоняетъ собакъ и т. п., не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ, какъ не знаютъ этого и очевидцы этихъ дѣяній; точно также никто не знаетъ, куда ѣдетъ Улита, гдѣ зимуютъ раки, гдѣ находится мѣстность у чорта на куличкахъ, и т. д. По объясненіямъ г. Максимова, многія изъ этихъ выраженій становятся совершенно понятны, и онъ даетъ, напримѣръ, подробное описаніе разныхъ родовъ мастерства, откуда берутся баклуши, лясы или балясы, канитель и т. п. Изъ обычаевъ стариннаго судопроизводства, которымъ такъ щедро примѣнялась пытка, онъ объясняетъ слова „подлинный“ и „подноготный“, слабыми воспоминаніями изъ древней миѳологіи и быта онъ объясняетъ слова „чуръ“ и „черезъ-чуръ“, изъ народной пляски онъ объясняетъ слово „скандачка“, и т. п. Это послѣднее кажется намъ, впрочемъ, не вполнѣ доказаннымъ, какъ и нѣкоторыя другія объясненія, напримѣръ, объясненіе непонятныхъ словъ въ дѣтской пѣснѣ о томъ, какъ царь „туру ногу пишетъ“. Выраженія этого послѣдняго рода составляютъ въ языкѣ какъ бы окаменѣлости, иногда очень трудно объяснимыя или пока совсѣмъ необъяснимыя, и, между прочимъ, для ихъ истолкованія надо брать ихъ въ сопровождающемъ ихъ контекстѣ: въ данномъ случаѣ, напримѣръ, говорится, что царь пишетъ „на золотомъ блюдѣ“; это золотое блюдо не объясняется толкованіемъ г. Максимова. Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ онъ могъ дать только объясненіе смысла даннаго выраженія, историческое происхожденіе котораго остается неяснымъ; но вообще читатель найдетъ въ книгѣ г. Максимова множество интересныхъ эпизодовъ изъ исторіи народнаго языка, какъ и изъ самаго народнаго быта.

— Н. П. *Остроумовъ. Сарты.* Этнографическіе матеріалы. Выпускъ первый. Ташкентъ, 1890.

Въ Литературномъ Обозрѣніи бывали уже отмѣчены ташкентскія изданія; настоящее изданіе также сдѣлано въ Ташкентѣ, и, надо сказать, сдѣлано весьма исправно, на хорошей бумагѣ, съ хорошими шрифтами и даже съ нѣсколькими хорошо исполненными портретами мѣстныхъ жителей. Отмѣчаемъ это обстоятельство потому, что провинціальныя изданія и до сихъ поръ нерѣдко поражаютъ своимъ сѣробумажнымъ видомъ и плохими шрифтами, какъ будто при осно-

Digitized by Google

ваніи типографіи въ провинціи непремѣнно нуженъ дурной шрифтъ и дурная бумага.

Авторъ книги уже извѣстенъ въ литературѣ своими трудами о Туркестанѣ. Между прочимъ, въ 1883, тамъ же, въ Ташкентѣ, издана была имъ книжка: „Что такое коранъ?“ Въ настоящемъ своемъ трудѣ г. Остроумовъ предположилъ, повидимому, обширное этнографическое изслѣдованіе о весьма распространенномъ мѣстномъ осѣдломъ племени, сартахъ, число которыхъ въ одномъ Ташкентѣ полагается свыше ста тысячъ. „Редактируя съ 1883 года туркестанскую туземную газету,—говоритъ онъ,—я находился въ постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ сартами города Ташкента и другихъ мѣстностей туркестанскаго края, знакомился съ ихъ жизнью и собиралъ разные этнографическіе матеріалы: пословицы и поговорки, пѣсни, загадки сартовъ, и т. п.“. Настоящій выпускъ изданъ въ видѣ вступленія по поводу исполнившагося лѣтомъ прошлаго года двадцатипятилѣтія „русскаго управленія городомъ Ташкентомъ“ и по поводу сельско-хозяйственной и промышленной выставки, которая устроена была въ Ташкентѣ прошлою осенью. Настоящій выпускъ заключаетъ слѣдующія главы: историческія и этнографическія свѣденія о сартахъ; общая характеристика сартовъ; сближеніе сартовъ съ русскими и русское вліяніе на сартовъ; воспоминанія Саттаръ-хана Абдулъ-Гафарова; описаніе поѣздки самаркандскаго 2-й гильдіи купца Мирзы Бухарина Мирзы Абдуллина въ Харьковъ, Москву и Петербургъ; туркестанская туземная газета, заключеніе. Изложеніе книги не совсѣмъ ровно: авторъ или углубляется въ спеціальную литературу предмета, перечисляя читателю мнѣнія ученыхъ и путешественниковъ, хотя нерѣдко находитъ ихъ весьма неосновательными, а также приводя цитаты прямо на восточныхъ языкахъ; или даетъ простое популярное изложеніе; или приводитъ оффиціальныя газетныя извѣстія, а въ заключительной рубрикѣ помѣщаетъ цѣликомъ длинную телеграмму ташкентской городской думы къ генералу Розенбаху по поводу открытія закаспійской желѣзной дороги, которая приблизила и самый Ташкентъ къ внутренней Россіи. Все это не совсѣмъ вяжется, хотя, конечно, не мѣшаетъ книгѣ представлять интересныя данныя о краѣ, до сихъ поръ все еще мало извѣстномъ. Для обыкновеннаго читателя наиболѣе любопытны этнографическая характеристика сартовъ и глава о сближеніи сартовъ съ русскими и русскомъ вліяніи на нихъ. По этому послѣднему вопросу авторъ сообщаетъ нѣсколько оригинальныхъ подробностей о томъ, какое впечатлѣніе производили на туземцевъ различные формы и обычаи русской жизни, но, къ сожалѣнію, его наблюденія не собраны въ какой-нибудь цѣльный выводъ и пока остаются лишь анекдотическими замѣтками.

Digitized by Google

Было бы желательно, чтобы въ продолженіи своего труда г. Остроумовъ еще разъ возвратился къ этому предмету и, не задаваясь общими слишкомъ мудреными вопросами (гдѣ, замѣтимъ мимоходомъ, авторитетомъ для него является вмѣстѣ съ Оскаромъ Пешелемъ А. Д. Галаховъ), онъ собралъ простыя точныя данныя о томъ, какъ относятся къ русскимъ различные слои туземнаго населенія, простой народъ, рабочіе, купцы, люди ученые, мусульманское духовенство, наконецъ лица оффиціальныя, казіи, и т. п.; что имъ нравится или не нравится въ русскихъ учрежденіяхъ и нравахъ; что изъ этихъ нравовъ и бытовыхъ привычекъ начинаетъ проникать къ нимъ и въ какой формѣ; насколько начинаетъ распространяться русскій языкъ и т. д. Кое-какія черты этого рода приведены и въ его настоящемъ разсказѣ, но приведены отрывочно и иногда, можетъ быть, не совсѣмъ доказательно. Напримѣръ, когда авторъ, въ образецъ впечатлѣнія русскихъ обычаевъ на мѣстнаго жителя, приводитъ стихи туземнаго поэта, гдѣ описывается его первое посѣщеніе гимназіи и затѣмъ годичный актъ въ гимназіи, то постороннему читателю, не знающему этого туземнаго поэта, трудно судить, высказано ли здѣсь дѣйствительное впечатлѣніе поэта или просто восточная лесть русскому начальству. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ этого стихотворенія въ русскомъ переводѣ: „Въ залѣ было разставлено очень много стульевъ. Зелень отражалась на стульяхъ, и они имѣли цвѣтъ изумруднаго бархата... Дѣти надушили свои волосы духами... Не то это была розовая вода, не то волосы ихъ пахучи, какъ розы... Въ залу прибыли отцы учениковъ и чадолюбивыя матери, а также гости—мужчины и женщины,—подобные Платону своею мудростію (?!). Тамъ были и начальники разные... При выдачѣ наградъ играли музыканты и веселили духъ. Сердце услаждалось звуками, восторгалось какъ въ дни праздниковъ... Были на актѣ и нѣсколько мусульманскихъ воспитанниковъ, скромные люди. Они стояли на одномъ мѣстѣ, смотрѣли и рѣшительно ничего не говорили, кромѣ словъ одобренія. Учебное дѣло съ такими порядками и правилами вызываетъ удивленіе. Міръ освѣщается лучами знанія, сердце очищается чистотою знанія. У кого есть въ рукѣ свѣтильникъ, тотъ и въ темнотѣ не встрѣтитъ опасности на пути. Боже! Просвѣти темное сердце Фирката свѣтомъ знанія“ (стр. 69—70). Фиркатъ—имя самого поэта.

Тотъ же туземный поэтъ былъ, вѣроятно, совсѣмъ искрененъ, когда описывалъ съ цвѣтистымъ восточнымъ краснорѣчіемъ первый концертъ, на которомъ ему привелось быть въ Ташкентѣ и который привелъ его въ полное восхищеніе; но очевидно, что подобныя произведенія, появляющіяся, такъ сказать, оффиціально, требуютъ извѣст-

Digitized by Google

ной провѣрки, прежде чѣмъ дѣлать изъ нихъ выводы о русскомъ вліяніи на мѣстныхъ жителей.

Въ концѣ книжки авторъ сообщаетъ свѣденія о туркестанской туземной газетѣ. Первоначально она составляла „приложеніе“ къ „Туркестанскимъ Вѣдомостямъ“; эти „приложенія“ выходили съ 1870 года четыре раза въ мѣсяцъ, два раза на сартскомъ и два раза на киргизскомъ языкахъ; а съ 1883 года г. Остроумову поручено было издавать еженедѣльную газету только на сартскомъ языкѣ, а затѣмъ рядомъ съ текстомъ сартскимъ сталъ помѣщаться и его русскій переводъ. Газета предназначалась главнымъ образомъ для туземныхъ должностныхъ лицъ, которыхъ знакомила съ распоряженіями администраціи, сообщая также и разныя полезныя практическія свѣденія. Роль изданія была любопытная, и мысль основать газету для мѣстныхъ жителей была очень умная. Для сартовъ и киргизовъ это была вещь неслыханная; редакція, по словамъ г. Остроумова, кромѣ административныхъ сообщеній, старалась знакомить туземцевъ съ Россіей и русскимъ народомъ, объяснять пользу изученія русскаго языка и русской грамоты „примѣнительно къ понятіямъ сартовъ, большинство которыхъ смотритъ еще на европейское образованіе какъ на нѣчто несовмѣстимое съ мусульманскимъ міровоззрѣніемъ“. Къ сожалѣнію, и здѣсь г. Остроумовъ не далъ, какъ могъ бы, однако, дать, самаго любопытнаго: именно, подробно передавая программу газеты, не указываетъ, какъ она принимается мѣстными читателями. Онъ дѣлаетъ только общее, и весьма оригинальное, замѣчаніе: „Чтобы установить правильный взглядъ на туземную газету, не должно упускать изъ вида, что хотя она издается въ концѣ XIX вѣка, но издается для сартовъ (и киргизовъ), которые въ отношеніи умственнаго своего развитія напоминаютъ собою *русскихъ XVII столѣтія*. Каждый знакомый съ жизнью сартовъ можетъ безъ затрудненія признать, что многія стороны жизни сартовъ за время русскаго управленія ими могутъ быть поставлены въ параллель съ подобными сторонами жизни русскихъ конца XVII и начала XVIII вѣка“ (стр. 132). И въ подтвержденіе авторъ (цитируя Пекарскаго) приводитъ изреченія русскихъ людей, благочестиво отрицавшихъ науку въ XVII столѣтіи, сличая эти изреченія со взглядами современныхъ мусульманъ туркестанскаго края, или (цитируя Соловьева) говоритъ о значеніи первыхъ русскихъ „Вѣдомостей“ при Петрѣ В., съ которыми сличаетъ свою туркестанскую туземную газету. Думаемъ, что любителямъ стараго московскаго царства не понравится это сближеніе, но въ степени культуры есть дѣйствительное сходство.—А. П.

Digitized by Google

— Мелioраціонный кредитъ и состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи и иностранныхъ государствахъ. Изслѣдованіе *И. С. Бліоха.* Спб., 1890. Стр. XV, 250 и 10.

Трудъ г. Бліоха представляетъ большой практическій интересъ въ настоящее время, въ виду общаго тяжелаго кризиса, переживаемаго нашимъ сельскимъ хозяйствомъ. Вопросъ о созданіи у насъ спеціальнаго кредита для улучшенія земледѣлія поставленъ у насъ оффиціально при учрежденіи дворянскаго банка, и самыя изслѣдованія г. Бліоха имѣютъ непосредственную связь съ задачами существующей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія. Задачей автора было собрать возможно большее количество данныхъ о состояніи земледѣльческой промышленности и мелioраціоннаго кредита въ разныхъ государствахъ, а затѣмъ сопоставить эти свѣденія съ положеніемъ сельскаго хозяйства въ Россіи, съ цѣлью указанія того пути, по которому нужно слѣдовать для поднятія нашей земледѣльческой культуры.

Въ краткой вступительной статьѣ (стр. 1—8) авторъ дѣлаетъ „общій обзоръ переворота въ сельско-хозяйственномъ положеніи въ Европѣ, вызвавшаго потребность въ мелioраціонномъ кредитѣ". Прежде всего, упадокъ доходности земледѣлія, вслѣдствіе пониженія цѣнъ на продукты, касается только извѣстнаго рода хозяйствъ и вовсе не имѣетъ общаго значенія; такъ, въ общемъ итогѣ оборотовъ съ сельскохозяйственными продуктами въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ за послѣднія два десятилѣтія балансъ измѣненій въ цѣнахъ показываетъ не пониженіе, но приращеніе на сумму свыше трехъ милліардовъ марокъ. Дѣло въ томъ, что „продукты скотоводства не только не понизились въ цѣнѣ, но наоборотъ, цѣны на нихъ вздорожали и притомъ въ большемъ даже размѣрѣ, чѣмъ насколько упали цѣны на всѣ почти виды зерна". Россія-же „не воспользовалась этимъ передвиженіемъ цѣнъ и не можетъ имъ воспользоваться", по причинамъ, которыя указываются авторомъ. Притомъ „самыя условія эксплуатаціи земли, въ большинствѣ европейскихъ государствъ, совершенно измѣнились. Благодаря развитію и улучшенію средствъ сообщенія, а также успѣхамъ научнаго знанія, земледѣліе, можно сказать, совсѣмъ преобразилось". Измѣнились орудія обработки, появились машины, увеличилось число содержимыхъ животныхъ, умножились почвенныя улучшенія; „словомъ, культура, становясь все болѣе и болѣе интензивною, требуетъ все болѣе обширныхъ затратъ". Упомянувъ объ усилившейся потребности кредита, авторъ мимоходомъ замѣчаетъ, что, „вслѣдствіе происшедшаго въ семидесятыхъ годахъ повышенія цѣнъ на землю, задолженность землевладѣнія оказалась несоотвѣт-

Digitized by Google

ствующею, а это случилось не только у насъ". Впрочемъ, г. Бліохъ говоритъ о сельскомъ хозяйствѣ и кредитѣ съ слишкомъ формальной и отвлеченной точки зрѣнія, почти не останавливаясь вовсе на первостепенныхъ вопросахъ о хозяйственномъ положеніи земледѣльческаго класса и о послѣдствіяхъ чрезмѣрной задолженности.

Въ книгѣ сообщается много свѣденій о меліораціонномъ кредитѣ въ бывшемъ царствѣ польскомъ, въ Англіи, Германіи и отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ, во Франціи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Австріи, Румыніи, Турціи и сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Относительно Турціи мы узнаемъ, между прочимъ, что „оттоманское право воспрещаетъ захватъ (судебный арестъ) и продажу земледѣльческихъ орудій для погашенія долга заемщика-земледѣльца; существуетъ также правило, исключающее изъ продажи движимостей должника-земледѣльца пару воловъ и сѣмена; но правило это не всегда соблюдается". Въ послѣдніе годы, „съ учрежденіемъ министерства земледѣлія и назначеніемъ въ министры европейца-француза, предприняты были разныя мѣры для поднятія турецкаго сельскаго хозяйства". Не совсѣмъ точно и слишкомъ кратко говорится о положеніи дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ, особенно объ охранительныхъ законахъ—homesteadlaws. „По закону Луизіаны, homestead—говоритъ авторъ—изъятъ отъ всякаго захвата (т.-е. отъ наложенія ареста по суду). Законъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ ограниченій „homestead'a" и не допускаетъ продажи (принудительной, по суду ?) или секвестрованія его. При существованіи такихъ законовъ, легко, конечно, опредѣлить степень риска, который несутъ капиталисты (?) въ этой странѣ. Въ виду призрачности гарантіи, представляемой ипотекою, никто не рѣшается рисковать своимъ капиталомъ, несмотря на довольно высокій процентъ, который разрѣшенъ гражданскими законами нѣкоторыхъ штатовъ". Намъ кажется, что здѣсь допущено авторомъ маленькое недоразумѣніе: владѣльцамъ не запрещено продавать и закладывать свои имущества; самая охрана послѣднихъ отъ судебныхъ взысканій далеко не безусловна, а существованіе ипотечнаго долга на участкѣ отмѣняетъ дѣйствіе привилегіи по отношенію къ этому долгу, такъ что гарантія, представляемая ипотекою, должна быть признана вполнѣ достаточною. Незначительность поземельнаго кредита въ Сѣверной Америкѣ зависитъ не отъ степени риска и не отъ боязни капиталистовъ, а отъ другихъ условій, о которыхъ упоминаетъ самъ же авторъ: тамъ, „благодаря цѣлому ряду ассоціацій, широкое развитіе получилъ только личный кредитъ; реальный же кредитъ для сельскаго хозяйства почти не существуетъ, *и въ немъ мало кто нуждается*" (стр. 115).

Вторая часть книги, касающаяся Россіи, заключаетъ въ себѣ

Digitized by Google

прежде всего „перечень главныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію сельскаго хозяйства"; затѣмъ подробно обсуждается вопросъ объ осуществимости у насъ принциповъ меліораціоннаго кредита, и наконецъ въ послѣдней главѣ дѣлается обстоятельная „сравнительная оцѣнка сельско-хозяйственной доходности отъ затратъ на улучшенія въ Россіи и другихъ государствахъ". Уже изъ этого обзора содержанія книги можно видѣть, что трудъ г. Бліоха заслуживаетъ полнаго вниманія по важности предмета и по обилію собранныхъ матеріаловъ. Нѣкоторыя неточности изложенія могутъ быть легко исправлены внимательными читателями; иностранные термины приводятся въ оригиналѣ, такъ что невѣрная передача ихъ въ русскомъ переводѣ не мѣшаетъ пониманію текста; наприм., нѣмецкіе земскіе банки названы „земледѣльческими товариществами" (Landschaften); земскія и общинныя ссудосберегательныя кассы принимаются за „провинціальныя кассы, состоящія подъ управленіемъ мѣстной администраціи" (стр. 40—1); рентныя свидѣтельства названы „рентовыми", а „Landeskultur-Rentenscheine"—„билетами культуры земли" (стр. 43). Эти мелкія неточности не уменьшаютъ, конечно, положительныхъ достоинствъ изслѣдованій г. Бліоха.—Л. С.

— *В. Л. Величко.* Восточные мотивы (и другія стихотворенія). Спб. 1890.

Г-нъ Величко—стихотворецъ по призванію. Въ его книжкѣ виденъ несомнѣнный талантъ, который, можно надѣяться, еще разовьется и окрѣпнетъ. Главную особенность сборника составляетъ отдѣлъ восточныхъ мотивовъ, разработанный авторомъ съ любовью и въ общемъ довольно удачно. Бо́льшую половину этого отдѣла составляютъ притчи изъ восточной жизни и исторіи, разсказанныя очень живо и хорошими стихами. Вообще это есть единственная, вѣками освященная форма, которая можетъ сообщить дидактическому содержанію нѣкоторое поэтическое достоинство. Изъ восточныхъ притчей въ книжкѣ г. Величко наиболѣе удачными показались намъ: „Блохи", „Ахметъ на минаретѣ" и „Слѣпецъ". Этотъ послѣдній разсказъ, прекрасный по содержанію и стиху, значительно выигралъ бы, еслибы былъ болѣе сжатъ. Еще въ бо́льшей мѣрѣ это замѣчаніе относится къ сказкѣ: „Ханъ, свинья и три ученыхъ", которая непомѣрно растянута, хотя и въ ней есть прекрасныя мѣста. Вообще же, говоря въ восточномъ стилѣ, краткость есть вѣрная подруга поэзіи. Поэтъ долженъ поступать такъ, какъ арабъ въ притчѣ г. Величко—„Два мудреца":

Digitized by Google

Усталъ, охрипъ и смолкъ болонецъ, мужъ ученый;
Но ничего въ отвѣтъ арабъ не произнесъ,
А всталъ и, поклонясь, кувшинъ съ водой студеной
Свѣтилу Запада поднесъ.

Между мелкими пьесами восточнаго отдѣла слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько любовныхъ стихотвореній изъ Гафиза (напр.: „Красавица, прими букетъ душистыхъ розъ“) и сатирическихъ изъ Саади, напр.:

Я видѣлъ тучнаго глупца
Въ одеждѣ знатнаго вельможи.
Сіяло на противной рожѣ
Самодовольство безъ конца...

Вотъ это и кратко, и ясно, и поучительно.

Изъ собственныхъ лирическихъ стихотвореній г. Величко слѣдуетъ особенно похвалить: „Ночь усталый міръ заворожила“, „Вальсъ“, „Лѣтомъ“. Это послѣднее, къ сожалѣнію, испорчено однимъ прозаическимъ выраженіемъ:

И въ лицо повѣетъ *неожиданно*
Ароматъ полыни и гречихи.

Это „неожиданно“ такъ же рѣжетъ поэтическій слухъ, какъ и слѣдующее:

И хоть не знаю тайнъ судьбы ея былой,
Я чую: въ нихъ *секретъ* ея очарованья.

Впрочемъ, отъ подобныхъ грѣховъ авторъ, конечно, самъ избавится при бо̀льшей литературной опытности.

— *Ибервегъ-Гейнце.* Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ (Grundriss der Geschichte der neuen Philosophie). Переведъ съ седьмого нѣмецкаго изданія Я. Колубовскій. Въ приложеніи очерки философіи у славянъ и два указателя. Спб. Изд. Пантелеева. 1890.

Книга Ибервега не нуждается въ рекомендаціи. Переводъ г. Колубовскаго очень хорошъ. Мы замѣтили только одну и то весьма простительную ошибку. У астрологовъ и мистическихъ натуръ-философовъ подъ словомъ Gestirn разумѣются не *созвѣздія*, а „астральное начало“ или „астральныя силы“, дѣйствующія во всѣхъ небесныхъ тѣлахъ и прежде всего въ семи главныхъ свѣтилахъ астрологіи (солнце, луна и пять извѣстныхъ въ древности *планетъ*), которыя называть созвѣздіями неудобно. Вотъ единственная замѣтная неточность въ переводѣ г. Колубовскаго. Если есть другія, то развѣ лишь такія, о которыхъ не стоитъ говорить.

Для русскаго изданія Ибервега г. Заба написалъ краткій очеркъ

Digitized by Google

философіи у чеховъ, а г. Массоніусъ—у поляковъ, а самъ переводчикъ присоединилъ обширный и весьма тщательно составленный трактатъ о русскихъ авторахъ по философіи. Сущность ихъ взглядовъ изложена съ большою объективностью, а библіографическія указанія отличаются полнотою. Разумѣется, этотъ почтенный трудъ болѣе важенъ для историка русскаго образованія и для библіографа, нежели собственно для философа, но тутъ уже причиною не г. Колубовскій. Самъ онъ стоитъ на совершенно вѣрной точкѣ зрѣнія, и можно безусловно согласиться съ заключительными словами его трактата:

„Подводя итоги настоящему очерку философіи въ Россіи, можно сказать, что русскіе всегда были отзывчивы на всѣ философскія теченія, господствовавшія на Западѣ. Однако, результаты этой отзывчивости не отличаются высокой философской пробой, и только въ самое послѣднее время явилось нѣсколько мыслителей, замѣчательныхъ глубиной и силой мысли... Мечты о самобытной философіи высказываются уже давно, но онѣ такъ и остаются мечтами".—В. С.

Въ теченіе декабря мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Андреевскій. С. А.—Литературныя чтенія: Баратынскій, Достоевскій, Гаршинъ, Некрасовъ, Лермонтовъ, Л. Толстой. Спб. 91. Стр. 285. Ц. 1 р.

Анисимовъ, А., спб. нотар.—Алфавитный Указатель совершеннолѣтнимъ лицамъ, ограниченнымъ въ правоспособности. Спб. 90. Ц. 5 р.

Бекетовъ, А. Н.—Историческій очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Имп. Вольнаго Экономическаго Общества съ 1865 до 1890 г. Спб. 90. Стр. 200.

Беляровъ, А.—Идеалисты нашихъ дней. Спб. 91. Стр. 216. Ц. 1. р.

Бретъ-Гартъ.—Безродный, повѣсть. Спб. 90. Стр. 174. Ц. 60 к.

Ватсонъ, Э. К.—А. Шопенгауеръ, его жизнь и философская дѣятельность. Спб. 91. Стр. 98. Ц. 25 к.

Гаймъ, Р.—Романтическая школа. Вкладъ въ исторію нѣмецкаго ума. Перев. съ нѣм. В. Невѣдомскій. М. 91. Стр. 774. Ц. 5 р.

Гатцукъ, А.—Календарь Крестовый на 1891 г. Стр. 49. Ц. 15 к.

Гацисскій, А. С.—Нижегородскій Сборникъ, издав. губернск. статистич. комитетомъ. Т. X. Н.-Новг. 90. Стр. 414. Ц. 1 р. 50 к.

Григоровичъ, Д. В.—Пахарь. Изд. Спб. Комитета грамотности. Спб. 90. Стр. 41. Ц. 9 к.

Гюйо, М. Воспитаніе и наслѣдственность. Съ предисл. и прим. перев. съ франц. К. Толстой. Спб. 91. Стр. 329. Ц. 1 р. 50 к.

——— Происхожденіе времени. Психол. этюдъ. Перев. съ франц. А. И. Е—ва. Смоленскъ. 91. Стр. 128. Ц. 75 к.

Додэ, Альф.—Портъ Тарасконъ, послѣднее приключеніе славнаго Тартарена. Перев. съ франц. М. 91. Стр. 314. Ц. 1 р. 25 к.

Зварницкій, Д. И.—Вольности запорожскихъ казаковъ. Съ 3 карт. Спб. 90. Стр. 384. Ц. 2 р. 50 к.

Digitized by Google

Златовратскій, Н.—Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора. Т. I и II. М. 90. Стр. 437 и 491. Ц. за два т. 3 руб.

Иберверъ-Гейнце.—Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Перев. съ нѣм. Я. Колубовскій. Съ прилож. очерка у славянъ и два указателя. Спб. 90. Стр. 630. Ц. 5 р.

Камскій, А.—Опытъ объясненія звуковыхъ изслѣдованій рѣчи измѣненіемъ работъ органовъ. Ворон. 90. Стр. 120.

Клоповъ, А. А.—Отчетъ по изслѣдованію волжской хлѣбной торговли, въ 1889—90 г. Тверь. 90. Стр. 115. Ц. 70 к.

Корвинъ-Круковскій, Г. Ѳ., горн. инж.—Записка по поводу ожидаемаго пересмотра устава эмеритальной кассы горн. инженеровъ. Вятка. 90. Стр. 32.

Косинскій, В. А.—О пріемахъ научной разработки статистическихъ данныхъ. М. 90. Стр. 71. Изд. Москов. университета.

Латышевъ, П., врачъ.—Здоровье. Кн. 1: Бесѣды о томъ, какъ устроено человѣческое тѣло и чѣмъ оно живетъ. Составл. для школъ и грамотнаго народа. Съ прилож. табл. рисунковъ. М. 90. Стр. 101. Ц. 25 к.

Лисовскій, А. Н. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Полтава. 90. Стр. 52.

Любке.—Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура. Скульптура. Живопись. Музыка. Съ 140 рис. и портр. композиторовъ XIX в. Перев. Ѳ. И. Булгакова, очеркъ исторіи музыки М. И. Иванова. Спб. 90. Стр. 304. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, Евг.—Терское казачье войско. Владикавк. 90. Стр. 166. Ц. 1 р.

Марковъ, Евгеній.—Путешествіе по Св. Землѣ. Іерусалимъ и Палестина, Самарія, Галилея и берега Малой Азіи. Спб. 91. Стр. 523. Ц. 2 р. 25 к.

Мейеръ, Морицъ, д-ръ.—Главныя теченія въ современной политической экономіи. Спб. 91. Стр. 379. Ц. 1 р. 50 к.

Мизиновъ, П.—И. А. Гончаровъ въ его главныхъ произведеніяхъ. Яросл. 90. Стр. 54.

Миропольскій, С.—Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ. Изд. 3 (Педаг. музея военно-учебн. завед.). Спб. 91. Стр. 111. Ц. 15 к.

——— Наставленіе для обучающихъ по Учебнику грамоты для молодыхъ солдатъ. Изд. 4. Спб. 91. Стр. 30. Ц. 15 к.

Мушкетовъ, И. В.—Вѣрненское землетрясеніе 28 мая 1887 г. Съ 4 карт. и 43 политипаж. Спб. Стр. 154 (Труды Геологическаго Комитета, т. X, № 1).

Н. Д.—Государство и народы Балканскаго полуострова, ихъ прошедшее, настоящее и будущее и Болгарская кривда. Историч., полемич. и этнографич. статьи, посвящ. восточному вопросу. М. 90. Стр. 161. Ц. 1 р. 30 к.

Осиповъ, Н. Ѳ.—Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Курганскаго округа тобольской губ. Т. I. Спб. 90. Стр. 506, съ таблиц.

Павловскій, К. Ф.—Историческій очеркъ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—90 г.) Полт. 90. Стр. 113. Ц. 1 р. 50 к.

Парамоновъ, Ив.—Стихотворенія. Спб. 91. Стр. 63. Ц. 50 к.

Песоцкій, Н.—Атласъ чертежей къ сочиненію: Систематическое обученіе практическимъ пріемамъ столярнаго ремесла. Спб. 90. Лист. 36.

——— Систематическое обученіе практическимъ пріемамъ столярнаго ремесла. Спб. 90. Стр. 370. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ, Н.—Медіумическія матеріализаціи. Перев. съ англ. и америк. изд. Спб. 91. Стр. 338. Ц. 3 р. 75 к.

Самійленко, Володимиръ.—Зъ поэзій. Кіевъ. 90. Стр. 47. Ц. 20 к.

Самокишъ, Н.—Наброски изъ жизни гвардейской кавалеріи. Вып. II. 6 картинъ. Спб. 90.

Digitized by Google

Сергѣевскій, Н. Д.—Казуистика. Сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву. Изд. 2-е, сокращ. Спб. 91. Стр. 60. Ц. 50 к.

Спиноза, де, Бенедиктъ.—Переписка, съ прилож. Жизнеописанія Спинозы, І. Колеруса. Перевела съ лат. Л. Я. Гуревичъ, п. р. А. Л. Волынскаго, съ портр. и факсимиле. Спб. 91. Стр. 432. Ц. 6 р.

Ступинъ, А. Д. Современный Календарь на 1891 г. Стр. 72. Ц. 15 к.

Суворинъ, А.—Русскій Календарь на 1891 г. 20-й годъ. Спб. 91. Стр. 592. Ц. 1 р.

Харузинъ, Н.—Сборникъ свѣденій для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II. М. 90. Стр. 234. Ц. 2 р.

Шрайберъ, Б. Б.—По-братски. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ.—Онъ придетъ! сцена-монологъ. Одесса, 90. Стр. 110. Ц. 1 р.

Южаковъ, С. Н.—Соціологическіе этюды. Спб. 91. Стр. 276. Ц. 1 р. 50 к.

Goerst, L.—Cours élémentaire de langue française. St.-Pét. 90. Стр. 60, 100, 269. Ц. 1 р. 80 к.

Matschtet, G. A.—Fortaellinger fra Livet i Sibirien, med forfatterens tilladelse oversat fra russik af Iv. Schtschelkunow. Kiobenhavn. 90. Стр. 18.

Szabò Endre.—Oroszországbol uti emlékek. Budapest. 90. Стр. 48.

— Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека: В. Гюго, Ч. Дарвинъ, Галилей, Ж. Кювье, И. Лойола, А. Гумбольдтъ, Н. В. Гоголь, А. Линкольнъ, Д. Свифтъ, И. Н. Крамской, К. Линней, А. Шопенгауеръ. Спб. 91. Каждая біографія отдѣльно—25 к.

— Матеріалы для исторіи Имп. Академіи наукъ. Т. VI. Исторія Академіи Наукъ Г.-Ф. Миллера, съ продолж. І.-Г. Штриттера (1825—43). Спб. 90. Стр. 635.

— Объяснительная записка къ отчету Государственнаго Контроля по исполн. государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1889 г. Спб. 90. Стр. 125.

— Отчетъ Государственнаго Контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1889 г. Спб. 90. Стр. 643.

— Памяти А. Д. Градовскаго. Рѣчи И. Я. Фойницкаго, Н. М. Коркунова, М. И. Свѣшникова, К. К. Арсеньева и А. Ѳ. Кони, съ краткими свѣденіями о жизни и дѣятельности его, съ портретомъ. Спб. 90. Стр. 47. Ц. 60 к.

— Перечень нынѣ дѣйствующихъ исключит. и ограничит. законовъ объ евреяхъ въ Россіи, по 1-е дек. 1890 г. Спб. 90. Стр. 40.

— Сборникъ статистическихъ свѣденій по тамбовской губерніи. Т. XIV. Тамб. 90. Стр. 244. Ц. 2 р.

— Сельско-хозяйственный Календарь для черноземной полосы Россіи на 1891 г. Изд. Лохвиц. Общ. сельскихъ хозяевъ. Харьк. 91. Стр. 198. Ц. 30 к.

— Статистическій Сборникъ новгород. губерн. земства за 1889 г. Новг. 90.

— Труды Коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Вып. XVI. Спб. 87. Стр. 249. Ц. 2 р. 50.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— Essai sur les origines de l'idée du progrès, par Léon *Mury*. Paris, 1890. Стр. 188.

Въ книгѣ Мори проводится та мысль, что идея прогресса въ современномъ ея значеніи имѣетъ свой корень въ христіанствѣ. Греки и римляне находили свои идеалы въ прошедшемъ, они ничего не ждали отъ будущаго, которое не основывалось бы на традиціяхъ старины. Умственные и культурные успѣхи признавались, безъ сомнѣнія,—но въ нихъ видѣли скорѣе элементъ разложенія и упадка, чѣмъ совершенствованія; не только Гезіодъ, Эпикуръ, Лукрецій, оплакиваютъ вліяніе цивилизаціи, но и Сенека связываетъ съ научнымъ прогрессомъ развитіе нравственнаго зла и всякихъ пороковъ. Горацій и Плиній старшій осуждаютъ торговыя предпріятія; Ликургъ не допускаетъ ихъ въ Спартѣ. Промышленныя сношенія съ чужими народами разсматриваются какъ причины упадка. „Можно сказать, что цивилизація была только терпима, а не составляла предмета желаній, люди работали надъ нею, но осуждая ее. Этотъ неизбѣжный прогрессъ не могъ быть устраненъ язычествомъ: несмотря на всѣ призывы къ возстановленію прошлаго, къ возрожденію древней простоты жизни и нравовъ, послѣдовательное развитіе продолжалось".

Послѣ обстоятельнаго очерка научныхъ и нравственныхъ воззрѣній классической древности, авторъ переходитъ къ объясненію культурной роли христіанства. По мнѣнію Мори, непосредственная связь идеи прогресса съ христіанскимъ ученіемъ затемнялась организаціею и дѣятельностью католической церкви. Эта церковь стала преградою между христіанствомъ первыхъ вѣковъ и потребностями новѣйшихъ временъ; политика церкви стѣсняла и преслѣдовала науку, задерживала умственное развитіе народовъ, хотя и не могла заглушить стремленія къ увеличенію знаній. Образъ дѣйствій духовенства въ средніе вѣка и позднѣе породилъ много недоразумѣній во взглядахъ на христіанство; потому-то идея прогресса казалась чѣмъ-то новымъ, когда она распространилась въ XVI вѣкѣ; а между тѣмъ для этой идеи, какъ и для многихъ другихъ, наступило только возрожденіе. „Идея прогресса гораздо старѣе, чѣмъ думаютъ обыкновенно. Два фактора особенно содѣйствовали распространенію ея

Digitized by Google

со времени эпохи возрожденія: классицизмъ и христіанство. Относительно умственнаго прогресса древніе высказали уже то, что̀ повторяли и развивали новѣйшіе мыслители; Бэконъ и Декартъ слѣдовали теоріямъ Аристотеля и Сенеки. Въ области нравственнаго совершенствованія, Тюрго и другіе вдохновляются Евангеліемъ. То, что̀ XVIII вѣкъ создалъ лучшаго по вопросу о прогрессѣ, непосредственно связано съ ученіями христіанства. Христіанская идея есть настоящая идея прогресса".

Мори останавливается далѣе на доктринахъ позитивизма и эволюціи, разбираетъ взгляды Огюста Конта и Спенсера, говоритъ о пессимизмѣ писателей анти-христіанскаго направленія—Леопарди, г-жи Аккерманъ и Ришпена. Авторъ справедливо указываетъ на склонность нѣкоторыхъ позитивистовъ возводить прогрессъ на степень обязательнаго закона, осуществляющагося фатальнымъ образомъ въ силу послѣдовательнаго хода исторіи; нѣтъ ничего вреднѣе этой пассивной оптимистической вѣры въ такое свѣтлое будущее, котораго не подготовляютъ современники, и которое должно будто бы достаться намъ само собою, безъ всякихъ усилій съ нашей стороны. Чтобы достигнуть лучшихъ временъ, необходимо стремиться къ нимъ активно, не ждать наступленія ихъ безъ нашего участія, утѣшаясь иллюзіями мнимыхъ законовъ исторіи. Прогрессъ всегда былъ дѣломъ энергіи, творчества и труда цѣлыхъ поколѣній; прогресса нѣтъ, и общество клонится къ упадку, когда передовые элементы народа пребываютъ въ умственной спячкѣ, отдаются пассивному выжиданію, застою и неподвижности. Эта сторона ученія о прогрессѣ очень часто забывается теоретиками, хотя она имѣетъ первостепенную важность, не только научную, но и практическую. Мори только мимоходомъ затрогиваетъ этотъ вопросъ, не придавая ему, повидимому, большого значенія.

Въ интересной маленькой главѣ о литературномъ и философскомъ пессимизмѣ авторъ пробуетъ доказать свою мысль при помощи доводовъ отрицательнаго свойства: писатели и поэты, не признающіе христіанства, суть въ то же время рѣшительные пессимисты и отвергаютъ всякую идею и прогрессъ, что̀ еще яснѣе подтверждаетъ, по мнѣнію автора, неразрывную связь прогресса съ христіанствомъ. Въ доказательство дѣлается бѣглый анализъ произведеній поэтовъ пессимизма и отчаянія—Леопарди, г-жи Аккерманъ и Ришпена (въ его „Blasphèmes"). Вообще этюдъ пастора Мори, при всей односторонности и, быть можетъ, поверхностности нѣкоторыхъ его взглядовъ, представляетъ весьма добросовѣстный сводъ различныхъ мнѣній о прогрессѣ и можетъ быть прочитанъ съ интересомъ даже тѣми, кто не раздѣляетъ существенныхъ идей автора.

Digitized by Google

II.

Kleine Schriften von *Dr. Carl Rodbertus-Jagetzow*. Mit einem Anhange: Aufruf an die Deutschen, von Joseph Mazzini. Herausgegeben von Moritz Wirth. Berl., 1890. Стр. 379.

Очень немногіе изъ нѣмецкихъ ученыхъ могутъ сравниться съ Родбертусомъ по числу спеціальныхъ истолкователей въ литературѣ: въ сравнительно короткій періодъ времени появилось нѣсколько особыхъ трактатовъ, посвященныхъ изложенію и разбору его экономическихъ доктринъ. Въ 1882 году вышло изслѣдованіе Теофила Козака: „Rodbertus-Jagetzow's socialökonomische Ansichten" (первый томъ); въ 1884 году—книга Георга Адлера—„Rodbertus, als Begründer der wissenschaftlichen Socialismus"; въ 1886—88 годахъ—обширное сочиненіе дерптскаго профессора Дитцеля, въ двухъ частяхъ,—„Karl Rodbertus. Darstellung seines Lebens und seiner Lehre". О небольшихъ этюдахъ и брошюркахъ мы уже не говоримъ.

Много сдѣлано также для изданія оставшихся рукописей и переписки Родбертуса. Въ 1878 году былъ напечатанъ Адольфомъ Вагнеромъ первый выпускъ—„Aus dem literarischen Nachlass von Carl Rodbertus-Jagetzow", съ интересными письмами Лассаля къ Родбертусу. Рудольфъ Мейеръ издалъ въ 1882 году два тома писемъ и статей Родбертуса; въ 1884 году появилась книга о капиталѣ, отчасти приготовленная уже самимъ авторомъ къ печати,—„Das Kapital. Vierter Socialer Brief an v. Kirchmann, von Dr. Carl Rodbertus-Jagetzow. Herausg. und eingeleitet von Theophil Kozak" (315 стр.).

Теперь мы имѣемъ предъ собою собраніе небольшихъ работъ и статей Родбертуса, которыя или вовсе не выходили отдѣльно, или давно уже исчезли изъ обращенія и потому оставались малоизвѣстными публикѣ. Д-ръ Морицъ Виртъ оказалъ своимъ изданіемъ большую услугу всѣмъ интересующимся трудами и идеями Родбертуса, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ напечатанныхъ нынѣ разсужденій весьма поучительны и для настоящаго времени. Въ этихъ работахъ авторъ выступаетъ, большею частью, какъ практическій реформаторъ, а не только какъ теоретикъ; онъ предлагаетъ положительные проекты, подробно мотивируетъ ихъ, объясняетъ ихъ необходимость и пользу, придерживаясь твердой реальной почвы и избѣгая всякихъ излишнихъ отвлеченностей.

Ясность мысли и изложенія, вмѣстѣ съ блестящею стройностью и силою аргументаціи, совершенно выдѣляютъ Родбертуса изъ ряда обычныхъ ученыхъ писателей Германіи. Родбертусъ, какъ и Лассаль,

Digitized by Google

не былъ профессоромъ, оффиціальнымъ представителемъ науки; его научныя изслѣдованія всегда имѣютъ глубоко практическую основу и совершенно чужды той внѣшней, показной учености, которая составляетъ характерную черту большинства университетскихъ диссертацій и курсовъ. Родбертусъ писалъ горячо и энергично о самыхъ скучныхъ, повидимому, предметахъ, ибо для него дѣло шло не о простомъ изложеніи какой-либо теоріи и не о книжной разработкѣ извѣстныхъ вопросовъ, а объ устраненіи важныхъ недостатковъ экономическаго строя и законодательства, насколько эти недостатки зависятъ отъ ошибочныхъ идей и доктринъ. Изслѣдованія и выводы Родбертуса о поземельномъ кредитѣ, бросившіе новый свѣтъ на существенныя причины общаго сельско-хозяйственнаго кризиса, имѣютъ прямую связь съ насущными потребностями и условіями землевладѣнія; эта область интересовъ наиболѣе занимала Родбертуса, какъ крупнаго поземельнаго собственника. Тотъ принципъ, что земля не можетъ быть облагаема капитальными долгами, а только рентными, т.-е. обязательствами вѣчныхъ ежегодныхъ уплатъ, излагается подробно уже въ брошюрѣ 1847 года, озаглавленной: „Für den Kredit der Grundbesitzer. Eine Bitte an die Reichsstände“ (стр. 55—79). Этому же предмету посвященъ этюдъ 1858 года о „торговыхъ кризисахъ и ипотечной нуждѣ землевладѣльцевъ“ (стр. 213—868). Большое практическое значеніе имѣютъ мысли, высказанныя въ статьѣ 1871 года о нормальномъ рабочемъ днѣ, а также въ открытомъ письмѣ къ комитету нѣмецкаго рабочаго союза въ 1863 году (стр. 337—359 и 319—336). Двѣ остальныя спеціально-экономическія работы, помѣщенныя въ настоящемъ изданіи Морица Вирта,—о прусскомъ денежномъ кризисѣ (1845) и о способахъ поземельнаго обложенія, по проекту фонъ-Бюлова (1847 г.),—представляютъ сравнительно мало интереса.

Наиболѣе любопытны статьи, касающіяся политической дѣятельности Родбертуса и формулирующія его взгляды на внутреннюю политику, на національный вопросъ и на задачи Германіи. Въ брошюркѣ 1849 года, обращенной къ избирателямъ, авторъ, въ качествѣ депутата прусскаго національнаго собранія, подробно объясняетъ свое „поведеніе въ конфликтѣ между короною и народомъ“. Родбертусъ протестовалъ противъ распоряженій министерства Мантейфеля и защищалъ нарушенныя права народнаго представительства, съ строго-конституціонной точки зрѣнія. Выдвигая на первое мѣсто идею народнаго права въ сферѣ внутренней жизни, авторъ совсѣмъ иначе смотритъ на внѣшнія отношенія; онъ склоненъ тамъ признавать лишь авторитетъ силы и пользы, отвергая одинаково принципъ національностей и соображенія справедливости, точно также какъ и его

Digitized by Google

знаменитый единомышленникъ, Фердинандъ Лассаль. Въ четырехъ маленькихъ брошюркахъ, относящихся къ 1861 году и подписанныхъ не однимъ Родбертусомъ, а еще фонъ-Бергомъ и Лотаромъ Бухеромъ, развиваются воззрѣнія, поразительныя по своему узко-воинственному тону. Какъ политикъ, авторъ терялъ свою обычную ясность мысли и оказывался націоналистомъ шаблоннаго типа, врагомъ всякихъ уступокъ чужимъ народностямъ и государствамъ, причемъ обнаруживалъ замѣчательное непониманіе событій. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, незадолго до войны Пруссіи и Италіи съ Австріею,—войны, давшей итальянцамъ Венецію, — пруссакъ Родбертусъ горячо отвергаетъ притязанія Италіи на венеціанскую область, ссылается на право завоеванія, закрѣпившее будто бы эту область за нѣмцами, и доказываетъ необходимость Венеціи для Германіи, въ видахъ обезпеченнаго доступа къ Адріатическому морю. При этомъ авторъ постоянно называетъ Австрію Германіею, а австрійцевъ—нѣмцами. Принципъ національности кажется ему просто возмутительнымъ, такъ какъ онъ можетъ повлечь за собою отнятіе у нѣмцевъ нѣкоторыхъ нужныхъ имъ областей, какъ напр. Венеціи, южнаго Тироля и Тріеста. Въ то же время Родбертусъ стоитъ за безпощадное отобраніе Шлезвигъ-Голштиніи у датчанъ, за увеличеніе Германіи на счетъ сосѣдей, даже за завладѣніе частью оттоманской имперіи въ пользу нѣмцевъ. Гдѣ выгоденъ національный принципъ, тамъ онъ безусловно обязателенъ, какъ, напримѣръ, въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ; а гдѣ онъ неудобенъ или безразличенъ для Германіи, тамъ онъ раздражаетъ Родбертуса. Воззваніе: „Будьте нѣмцами!“ наполнено рѣзкими и безсодержательными фразами противъ національной идеи, выдвинутой итальянцами и враждебной будто бы нѣмцамъ (т.-е. австрійцамъ). Въ отвѣтъ на патріотическія требованія Маццини, авторъ заявляетъ словами Данте, что „добытое божественнымъ рѣшеніемъ оружія должно признаваться пріобрѣтеннымъ честно, по праву“. Въ письмѣ къ Маццини, по поводу одной статьи его о Германіи, Родбертусъ говоритъ неожиданно грубо, въ духѣ патріотизма худшаго сорта: „вы осмѣливаетесь выступать съ своимъ совѣтомъ въ нѣмецкомъ дѣлѣ, обсуждаемомъ между нѣмцами, чего вы не позволили бы себѣ сдѣлать по отношенію къ какому-либо другому народу. Мы отвѣчаемъ вамъ отъ имени многихъ, что есть еще нѣмцы, которые такъ же точно относятся къ совѣту итальянца въ нѣмецкихъ дѣлахъ, какъ вы отнеслись бы къ совѣту нѣмца о дѣлахъ итальянскихъ“. Этотъ тонъ враждебной нетерпимости тѣмъ болѣе страненъ, что Маццини выражалъ свои мнѣнія въ печати и вовсе не навязывалъ ихъ нѣмцамъ; притомъ и совѣты его были, въ сущности, очень хороши и доброжелательны. Родбертусъ негодуетъ на то, что итальянецъ совѣ-

Digitized by Google

туетъ нѣмцамъ объединиться въ союзѣ съ Италіею и одновременно съ нею; авторъ повторяетъ свое: Венеція намъ нужна для прикрытія нашихъ южныхъ границъ и ради доступа къ Адріатическому морю, а потому союзъ невозможенъ. Насколько недальновидны и вульгарны нѣмецко-патріотическія воззрѣнія Родбертуса, настолько ясны и проникнуты какъ бы даромъ пророчества заявленія итальянскаго патріота. „Дайте намъ достигнуть единства,—писалъ Маццини,—и устройте свое собственное объединеніе. Чтобы быть націею, мы должны имѣть Римъ и Венецію; пусть единодушное выраженіе вашего общественнаго мнѣнія поможетъ намъ освободить Римъ; отдѣлитесь отъ Австріи въ неминуемой войнѣ, которая возгорится между ею и нами по поводу Венеціи. Чтобы завоевать себѣ единство, вы должны освободиться отъ дуализма, представляемаго монархіями австрійскою и прусскою, и обратиться къ народу, единственному объединяющему и истинно германскому элементу. Мы поможемъ вамъ, чтобы вы освободились отъ этого дуализма; помогите намъ освободиться отъ угрозъ и козней австрійскихъ. Мы имѣемъ общаго врага; будемъ бороться съ нимъ общими силами". Въ концѣ книги помѣщено также отвѣтное объясненіе Маццини на высокомѣрный отзывъ фонъ-Берга, Родбертуса и Бухера. Письмо Маццини производитъ и теперь сильное впечатлѣніе, по замѣчательной логичности доводовъ и яркости образовъ, по спокойной энергіи содержанія и изяществу формы. „Вы говорите вашимъ согражданамъ: „будьте нѣмцами!"—пишетъ Маццини, между прочимъ,—но что разумѣете вы подъ этимъ словомъ, о какой Германіи разсуждаете вы,—о Германіи, которая подавляетъ право во имя силы, или о той, которая могуществомъ своего духа распространяетъ благо,—о Германіи Меттерниха или Лютера? Я, иностранецъ, знаю только одну Германію, предъ которою я преклоняюсь". Упрекая своихъ нѣмецкихъ противниковъ за поддержаніе насильственнаго австрійскаго режима въ Венеціи, авторъ отвѣта продолжаетъ: „Въ мірѣ существуетъ законъ возмездія; этотъ законъ сильнѣе всѣхъ софизмовъ матеріальнаго эгоизма, сильнѣе всякихъ военныхъ позицій: несправедливость недолговѣчна, тираннія сама себя уничтожаетъ. Вы не спасете Венеціи для Австріи,—это такъ же вѣрно, какъ и то, что я пишу эти строки. Въ скоромъ времени Венеція будетъ итальянскою землею; этому не воспрепятствуютъ никакія человѣческія силы". Маццини выражаетъ сожалѣніе, что англійскіе государственные люди, какъ и многіе нѣмцы, не обладаютъ пониманіемъ и чутьемъ Наполеона III; послѣдній „одинъ только понялъ, что принципъ національности сдѣлался всемогущимъ и что приближается моментъ преобразованія по этому началу". Все то, что писалъ Маццини, буквально исполнилось черезъ пять лѣтъ, и Италія получила Венецію при по-

Digitized by Google

мощи Пруссіи; итальянскіе „совѣты", возмущавшіе Родбертуса, оказались точными предсказаніями ближайшаго будущаго, и нѣмецкое объединеніе совершилось совмѣстно съ итальянскимъ, въ два пріема, въ 1866 и 1870—71 годахъ. Когда нѣмецкій національный принципъ торжествовалъ подъ стѣнами Парижа, Родбертусъ видѣлъ предъ собою какъ бы паденіе Рима, осажденнаго Аларихомъ; онъ говорилъ уже о наступленіи новой исторической эпохи, которой, однако, не предчувствовалъ пятью годами раньше и которую довольно точно возвѣщалъ ему знаменитый патріотъ Италіи. Читая теперь смутныя политическія разглагольствованія Родбертуса рядомъ съ благородными, полными силы и энергіи, пророчествами Маццини, трудно воздержаться отъ замѣчанія, что перепечатка нѣкоторыхъ мелкихъ чисто-политическихъ статей и воззваній нѣмецкаго экономиста могла лишь повредить его славѣ, какъ мыслителя.

III.

Die Bekämpfung der Socialdemokratie ohne Ausnahmegesetz, von Dr. *Albert Fr. Schäffle*. Tübingen, 1890. Стр. 73.

Извѣстный экономистъ и соціологъ, бывшій австрійскій министръ Шеффле, занимаетъ какое-то особенное положеніе по отношенію къ соціальному вопросу. Въ брошюркѣ о „квинтъ-эссенціи соціализма" онъ основательно резюмировалъ практическія требованія научной соціалистической доктрины, вслѣдствіе чего былъ даже заподозрѣнъ въ сочувствіи превратнымъ идеямъ. Чтобы очистить себя отъ этого подозрѣнія, онъ напечаталъ потомъ брошюру о внутренней несостоятельности соціально-демократической партіи—„Die Aussichtlosigkeit der Socialdemokratie, drei Briefe an einem Staasmann". Теперь онъ подробно доказываетъ, что для успѣшной борьбы съ соціально-демократическимъ движеніемъ не требуется никакихъ исключительныхъ законовъ; что для противодѣйствія опаснымъ сторонамъ этого движенія вполнѣ достаточны мѣры общаго законодательства и что вѣрнѣйшимъ способомъ къ исцѣленію или смягченію соціальнаго недуга остается положительная соціальная политика, которую авторъ рекомендовалъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ, въ книгѣ о „капитализмѣ и соціализмѣ". Сущность желательныхъ реформъ намѣчена авторомъ слишкомъ бѣгло и неясно; но общій характеръ указаній Шеффле по этому важному предмету исключаетъ мысль о дѣйствительномъ и прочномъ измѣненіи быта рабочаго класса, а слѣдовательно, и о прекращеніи или ослабленіи соціалистическаго движенія

Digitized by Google

среди неудовлетворенныхъ народныхъ массъ. Авторъ, между прочимъ, надѣется на какія-то нравственныя мѣры для ограниченія численности населенія, для воздержанія отъ легкомысленныхъ браковъ, при недостаткѣ средствъ, причемъ размноженіе не стѣснялось бы среди зажиточныхъ классовъ (стр. 46). Предлагать рабочимъ обходиться безъ семейной жизни и оставлять ее въ удѣлъ только хозяевамъ и капиталистамъ—едва ли послѣдовательно со стороны автора, относящагося вообще сочувственно къ судьбамъ рабочаго населенія. Шеффле написалъ такъ много научныхъ трактатовъ по соціальному вопросу и политической экономіи, что отдѣльныя неудачныя мнѣнія его въ послѣднихъ брошюрахъ не могутъ, конечно, повліять на его заслуженную репутацію въ ученомъ мірѣ.—Л. С.

ВОПРОСЪ О ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ОБУЧЕНІИ ВЪ ГЕРМАНІИ.

— Die Erziehung der deutschen Jugend, v. Paul Güssfeldt, Berl. 1890.
— Velléités pédagogiqus d'un Empereur, par A. Herzen, professeur à l'Université de Lausanne. Lausanne, 1890.

Однимъ изъ крупныхъ „событій“ истекшаго нынѣ года, безъ сомнѣнія, было извѣстное „слово“ германскаго императора Вильгельма II о его „волѣ“ самымъ коренным образомъ измѣнить то основаніе, на которомъ, будто бы, покоились цѣлыми вѣками среднія учебныя заведенія, а именно классицизмъ. Въ нашемъ обществѣ и — что болѣе странно—въ нашей печати отнеслись къ такому „слову“ съ удивленіемъ, какъ къ чему-то совершенно неожиданному, упавшему прямо съ неба,—быть можетъ, даже временному и преходящему капризу „воли“; многіе видѣли въ этой „волѣ“ новое доказательство прирожденныхъ усилій лица, даже и столь высоко поставленнаго, къ тому, чтобы обратить на себя вниманіе оригинальностью и широтою замысловъ. Но нашъ журналъ лишенъ права относиться такимъ образомъ къ этому „событію“ и такъ просто толковать его значеніе. Лѣтъ двадцать тому назадъ, въ концѣ 60-хъ годовъ и въ самомъ началѣ семидесятыхъ, когда обсуждался проектъ реформы нашихъ гимназій, мы постоянно сообщали своимъ читателямъ о томъ, что въ Германіи уже тогда

Digitized by Google

существовала цѣлая литература въ области педагогіи, доказывавшая, что ссылка нашихъ защитниковъ классицизма на то, будто въ Германіи никто и не сомнѣвается въ правильности и разумности такъ-называемой „вѣками господствующей“ системы образованія — есть самообманъ, если не просто обманъ,—а потому, говорили мы тогда, — при ссылкѣ на Германію, въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ обращать серьезное вниманіе и на то, что тамъ, хотя еще и издалека, подготовляется отмѣна всего того, на что у насъ хотятъ опереться, какъ на что-то незыблемое и испытанное вѣками. Намъ всегда отвѣчали и на это, что мы ссылаемся на отдѣльныхъ праздныхъ мечтателей, которые могутъ найтись и въ серьезной Германіи; а чтобы окончательно заглушить нашъ голосъ, намекали, по пріемамъ печати того времени, что такіе мечтатели въ Германіи имѣютъ въ въ виду потрясти общественныя основы и ослабить правительственную власть. Даже лѣтъ 10 спустя, послѣ утвержденія устава гимназій 1871 г.—уже въ 1879 г., намъ казалось, что и собственный нашъ, почти десятилѣтній, опытъ, подтверждавшій справедливость нашихъ соображеній, которыя мы высказывали въ эпоху обсужденія проекта реформы,—не принесъ ожидаемой пользы, и прямо сознались въ томъ, что намъ и теперь (въ 1879 г.) „непонятно, почему, напримѣръ, переводъ съ русскаго на древній считается признакомъ начитанности въ древнихъ авторахъ и развитія умственныхъ способностей“. На это мы получили тогда оффиціальное „разъясненіе“ [1]), въ которомъ говорилось: „Нельзя не признать крайне неприличнымъ такого яваго порицанія принциповъ, принятыхъ въ основаніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ при введеніи нашей учебной реформы, и той агитаціи, которая безъ всякаго повода и основанія возбуждается противъ нихъ въ ежемѣсячномъ журналѣ (т.-е. въ „Вѣстникѣ Европы“)—агитаціи и порицанія тѣмъ болѣе неумѣстныхъ, что спеціалисты, хорошо знакомые съ древнею классическою литературою, совершенно противоположнаго мнѣнія“. Тогда, конечно, нельзя было отвѣчать на все это, что пройдетъ какихъ-нибудь 10 лѣтъ, и доводы гг. „спеціалистовъ“ утратятъ свою—силу, что̀ именно съ ними и случилось недавно, когда уже не мы одни поняли истинное значеніе переводовъ съ русскаго языка на древніе языки.

---

[1]) „Разъясненіе“—печатается на основаніи ст. 44, прим. къ ст. 4 (примѣч.) Уст. Ценз. Св. зак., т. XIV, по продолж. 1876 г., „по требованію Мин. Народ. Просвѣщенія“ („Вѣстн. Европы“, 1879 г., нояб. 341 стр.).—На это „Разъясненіе“ редакція журнала дала въ слѣдующей книгѣ (дек. 1879 г., стр. 885), почтительный отвѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, книга могла быть выпущена въ свѣтъ только въ концѣ декабря, послѣ того какъ этотъ отвѣтъ былъ обсужденъ и оправданъ въ установленномъ на такой случай порядкѣ.

Digitized by Google

Въ началѣ прошедшаго года, проф. А. Окольскій у насъ, въ своемъ подробномъ очеркѣ (см. апр. и май 1889 г.): „Реформа гимназій въ Германіи"—слѣдовательно, задолго до произнесенія вышеупомянутой рѣчи германскаго императора,—показалъ, что настоящій классицизмъ въ Германіи вовсе не есть что-нибудь вѣковое, такъ какъ ему не насчитывается и ста лѣтъ, и что тамъ современное общественное мнѣніе вполнѣ подготовлено нынѣ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій къ весьма коренной реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Послѣ этого рѣчь имп. Вильгельма II едва ли могла удивить тѣхъ, кому было уже извѣстно, какъ давно въ Германіи идетъ подготовка реформы, а самая рѣчь служитъ уже только доказательствомъ, что мысль объ этой реформѣ вполнѣ овладѣла умами въ Германіи и ждала только повода къ тому, чтобы перешагнуть въ оффиціальныя сферы и правящіе круги.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна и интересна вышеназванная книга П. Гюссфельдта: „Воспитаніе нѣмецкаго юношества". Она появилась въ свѣтъ еще годъ тому назадъ, а слѣдовательно, задолго до рѣчи германскаго императора. При личныхъ близкихъ отношеніяхъ автора къ императору, его книга обратила на себя вниманіе и за предѣлами Германіи; такъ, еще въ началѣ истекшаго года, по поводу книги Гюссфельдта появилась, въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ въ Швейцаріи, статья проф. лозанскаго университета А. А. Герцена, а потомъ вышла и отдѣльною брошюрою подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ: „Педагогическія стремленія одного изъ императоровъ". Авторъ брошюры тогда, когда онъ писалъ, не могъ предвидѣть, что это—вовсе не однѣ „velléités", а весьма опредѣленная и ясно сознанная—voluntas, воля,—выраженная, наконецъ, громко въ томъ „словѣ".

Книгу Гюссфельдта можно считать самымъ подробнымъ и самымъ близкимъ выраженіемъ того, что коротко изложилъ императоръ, почти годъ спустя послѣ появленія ея въ свѣтъ. Впрочемъ, и независимо того, Вильгельмъ II самъ подготовилъ общественное мнѣніе къ реформѣ общаго образованія, занимавшей его, повидимому, давно, на что, впрочемъ, указываетъ и авторъ брошюры. Еще въ первой половинѣ истекшаго года германскій императоръ обратился съ „рескриптомъ" къ инспектору кадетскихъ корпусовъ, гдѣ мертвые языки занимали также свое мѣсто, и выразилъ желаніе, чтобы на будущее время обученіе въ корпусахъ группировалось только около трехъ главныхъ пунктовъ: первый пунктъ—родной языкъ; второй—исторія, и прежде всего отечественная; третій — французскій языкъ и литература, и практически—англійскій языкъ, а въ морскомъ корпусѣ—испанскій. Относительно гражданскихъ гимназій—писалъ въ то время авторъ

Digitized by Google

брошюры—мы еще не имѣемъ никакого „положительнаго выраженія императорской воли". Такое положительное выраженіе „воли", а не однихъ „velléités", и послѣдовало въ самомъ концѣ истекшаго года; въ книгѣ Гюссфельдта читатель найдетъ только гораздо болѣе обширное и всестороннее развитіе именно тѣхъ мыслей, которыя явились въ рѣчи Вильгельма II въ формѣ какъ бы набросковъ.

Но и помимо такого близкаго отношенія книги Гюссфельдта къ „событію" уже не дня, а цѣлаго года, а можетъ быть, и многихъ годовъ,—ея общая часть съ изложеніемъ взглядовъ на задачи воспитанія заслуживаетъ полнаго вниманія и вызываетъ къ ней глубокую симпатію. Гюссфельдтъ ясно формулируетъ послѣднюю задачу педагогіи, которой предстоитъ, въ концѣ концовъ, рѣшить вопросъ: „какимъ образомъ при помощи воспитанія сдѣлать дѣтей, счастливыхъ по своему возрасту, счастливыми впослѣдствіи людьми?"—„Разрѣшеніе этого важнаго вопроса—продолжаетъ Гюссфельдтъ—должно интересовать всѣхъ, и „пусть никто не дерзаетъ выступать впередъ и заявлять:—право разсуждать о воспитаніи юношества принадлежитъ исключительно только тѣмъ, кто призванъ къ тому по своей профессіи!—Это право принадлежитъ каждому, кто многое пережилъ и многое передумалъ; воспитаніе есть часть самой жизни, а жизнь принадлежитъ всѣмъ. Я обращаюсь потому не столько къ педагогамъ, сколько къ родителямъ, которые гораздо ближе ихъ заинтересованы вопросами воспитанія. Ученики и учителя мѣняются постоянно, а дѣти остаются для родителей ихъ дѣтьми разъ навсегда. Что такое для учителя неудачный ученикъ?—предметъ преходящаго огорченія или неудовольствія!—А что такое неудачное дитя для родителей?—червь, который будетъ всю жизнь подтачивать ихъ сердца".

Обращаясь собственно къ педагогамъ-рутинерамъ, Гюссфельдтъ обнаруживаетъ глубокое знаніе жизни ребенка и ея особенностей: „Каждый ребенокъ есть совершенно оригинальная личность; только впослѣдствіи, мало-по-малу, изъ него развивается шаблонный человѣкъ (Schablonenmensch). Міръ взрослыхъ еще совершенно чуждъ ребенку; но, къ сожалѣнію, встрѣчается и противное тому. Вотъ почему и было бы совершенно ложно въ дѣтяхъ видѣть только маленькихъ ангеловъ; я очень хорошо знаю, что многія изъ нихъ набрались дурного матеріала и сдѣлались дѣйствительно необузданными; что наказаніе такихъ дѣтей, своевременное, и благотворно, и необходимо, какъ вода пересохшему полю. Но я все-таки беру дѣтей подъ свою защиту, потому что сами они беззащитны, а съ ними бываютъ несправедливы; особенно же настаиваю на томъ, что ихъ дурное поведеніе въ большинствѣ случаевъ служитъ отраженіемъ

Digitized by Google

того, какъ съ ними обращаются... Строгіе господа воспитатели, не понимающіе того, какъ вредно дѣйствуетъ на дѣтей ихъ строгое обращеніе, знаютъ одно: дѣти прежде всего должны выучиться повиновенію. Нѣтъ!—восклицаетъ Гюссфельдтъ:—съ дѣтьми прежде всего должно быть справедливымъ; волю ихъ слѣдуетъ не ломать, а развивать... Взрослыхъ можно считать худыми, дѣтей—нельзя!—ибо рѣдко человѣкъ рождается съ чувствомъ удовольствія отъ зла. Первоначально ребенокъ не худъ, а дѣлается такимъ, и стимуломъ къ тому является чаще всего нужда во всѣхъ ея видахъ. Вотъ почему маркизъ Поза обратился съ восклицаніемъ къ королю Филиппу II: „И это-то мнѣ именно больно! они, вѣдь, были хороши!.“ Къ дѣтямъ не слѣдуетъ относиться съ пренебреженіемъ; не слѣдуетъ забывать ихъ физическую безпомощность: они гораздо болѣе насъ чувствительны, и въ своихъ мысляхъ они болѣе послѣдовательны, чѣмъ мы, взрослые... Очень часто взрослые въ обращеніи съ дѣтьми стараются сами быть дѣтьми. Но въ дѣтскихъ вопросахъ почти всегда лежитъ нѣчто наивно-серьезное,—первая попытка дѣтскаго усилія къ рѣшенію міровыхъ загадокъ; а потому, когда дѣти спрашиваютъ о чемъ-нибудь серьезномъ, имъ надобно отвѣчать серьезно, а не отталкивать ихъ грубо со словами: „ты еще глупый мальчикъ, а потому этого не понимаешь“... Конечно, и на десятую часть дѣтскихъ вопросовъ нельзя отвѣчать по существу; но отвѣтъ долженъ быть всегда направленъ къ тому, чтобы ослабить въ ребенкѣ то безпокойство, которое всегда является спутникомъ неудовлетворенной любознательности“...

Приведенной нами выдержки, думаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы охарактеризовать Гюссфельдта, какъ педагога. Онъ смотритъ на школу не только какъ на продолженіе семьи, но вмѣстѣ требуетъ отъ школы расширенія задачъ семьи; школа потому должна, будучи продолженіемъ семьи, имѣть въ виду не одно *обученіе*, но также культивированіе, *воспитаніе* ребенка, и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ: здоровье, мускульная сила, ловкость, воспріимчивость всѣхъ чувствъ, наблюдательность, строгость въ мышленіи, отчетливость въ выраженіи, характеръ, энергія воли, благородство души — все это должна имѣть въ виду школа, и только тогда „школа не будетъ производить риторовъ, украшенныхъ подобіемъ учености, а дастъ дѣйствительныхъ людей“.

При такомъ взглядѣ на мѣсто, которое должна занимать школа въ исторіи каждаго человѣка, какъ промежуточная станція, переводящая каждаго изъ семьи на широкое поприще дѣйствительной жизни, Гюссфельдтъ не могъ не примкнуть къ тому протесту, который въ те-

Digitized by Google

ченіе уже цѣлаго полустолѣтія раздавался въ Германіи все громче и громче противъ исключительнаго господства въ средней школѣ форменнаго классицизма, при чемъ родной языкъ занималъ мѣсто Сандрильоны, существовавшей на крохи времени, падающія со стола ея двухъ сестеръ-мертвецовъ. „Преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ у насъ (въ Германіи)—говоритъ Гюссфельдтъ,—очень похоже на роскошный обѣдъ, накрытый на театральной сценѣ: тутъ есть все, и стаканы, и бокалы, всякая посуда; участвующіе на пиршествѣ показываютъ видъ, что они весело пьютъ и ѣдятъ; однимъ словомъ, тутъ нѣтъ ни въ чемъ недостатка, — недостаетъ только яствъ и питія". Сравненіе понятно само собою, а выводомъ служитъ заключеніе, а именно, что родной языкъ и литература вмѣстѣ съ господствующими новѣйшими языками и ихъ богатыми литературами (авторъ ставитъ на первое мѣсто французскій, а за нимъ англійскій) должны быть пищею и питіемъ, и поставлены во главѣ угла средняго образованія, при чемъ классическіе языки и ихъ литература могутъ явиться сильнымъ подспорьемъ, какъ украшеніе.

Въ послѣдней части своего этюда, Гюссфельдтъ подробно излагаетъ свой собственный планъ обученія въ среднихъ школахъ; согласно высказаннымъ имъ общимъ положеніямъ, онъ развиваетъ при этомъ подробно и программу воспитательнаго обученія всѣмъ основнымъ предметамъ. „Обученіе формамъ древнихъ языковъ (грамматика, синтаксисъ) съ этого времени—говоритъ Гюссфельдтъ—не должно идти дальше того, сколько необходимо при его помощи ближе понимать древнихъ классиковъ, пользуясь нѣмецкими переводами. Такимъ образомъ, учащійся получитъ отъ школы ровно столько, сколько ему можетъ понадобиться послѣ въ жизни. О тѣхъ же, кому нужно въ этой области получить больше, должны позаботиться высшія школы"...

Авторъ брошюры: „Velléités pédagogiques d'un Empereur" — въ своемъ заключеніи рекомендуетъ швейцарскимъ читателямъ не ограничиваться тѣмъ resumé книги Гюссфельдта, какой онъ далъ имъ въ своемъ очеркѣ: „прочтите сами этюдъ г. Гюссфельдта,—говоритъ онъ—и вы больше не скажете, что школьные вопросы сухая матерія, и что нѣмцы пишутъ тяжело и скучно. Самое чтеніе трактата г. Гюссфельдта столько же интересно, сколько и благотворно... И тѣмъ не менѣе, оно произвело на меня тяжелое впечатлѣніе, отъ котораго я никакъ не могу освободиться: Германія, усвоивъ себѣ недавно идею, зародившуюся въ Швейцаріи, о международной конференціи по рабочему вопросу, овладѣваетъ теперь и другою идеею, возникшею также на швейцарской почвѣ, а именно, о реформѣ среднихъ учебныхъ за-

Digitized by Google

веденій, ибо, вы знаете, читатель, что такіе педагоги, какъ Potterat, Chavanne, Clavel (противники исключительнаго господства въ школѣ классицизма), были швейцарцы, и именно романскіе швейцарцы. Неужели и на этотъ разъ Германіи суждено осуществить тѣ реформы, которыхъ давно требовали наши швейцарскіе педагоги?!"

По поводу такого вопроса слѣдуетъ сдѣлать небольшую поправку и такое же дополненіе: въ нѣмецкой педагогической литературѣ этотъ вопросъ такъ же мало новъ, какъ и въ швейцарской; а съ другой стороны, судьба, постигшая швейцарскихъ педагоговъ, раздѣляется педагогами многихъ другихъ странъ, въ чемъ легко можно убѣдиться при чтеніи помѣщенной нами выше статьи: „Реформа классическихъ гимназій во Франціи".

М. М.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-ое января 1891.

Надгробное слово „либерализму“, варьируемое на всѣ лады реакціонной печатью.—Гдѣ слѣдуетъ искать движеніе и жизнь?—Саратовское дворянское собраніе.—Московское земство и Н. А. Алексѣевъ.—Перепись населенія въ Петербургѣ.—Нѣчто о „подтягиваньѣ“.—Неудачная параллель.—Г. П. Данилевскій †.

— Madame se meurt, Madame est morte!—такъ начинается одно изъ самыхъ извѣстныхъ надгробныхъ словъ Боссюэ. Пародируя, безсознательно, знаменитаго проповѣдника, наши реакціонные критики и публицисты восклицаютъ на всѣ лады: „либерализмъ умираетъ, либерализмъ скоро умретъ. Если онъ кое-гдѣ еще и существуетъ, то это только результатъ „дурной привычки“; если онъ имѣетъ еще нѣкоторый успѣхъ, то исключительно „по инерціи“... Разсуждая такимъ образомъ, наши „цѣнители и судьи“ принимаютъ свои желанія за дѣйствительность; плохіе наблюдатели,—они окажутся, мы въ этомъ убѣждены, еще худшими пророками. Происходитъ какъ разъ противоположное тому, что̀ имъ мерещится въ созданной ими самими или поддерживаемой ими полутьмѣ. Кто причислялъ себя къ „либеральному лагерю“ только по инерціи или въ силу привычки, тотъ, въ настоящее время, уже пересталъ или перестаетъ быть либераломъ. Отсюда кажущееся оскудѣніе „либерализма“, которое гораздо правильнѣе было бы назвать его очищеніемъ. Отъ него отдалились или отдаляются всѣ тѣ, которые увлекаются модой, слѣдуютъ за толпой, поклоняются силѣ,—отъ него отхлынула волна успѣха, унося все связанное съ нимъ поверхностною, внѣшнею связью. Торжествующимъ и господствующимъ либерализмъ у насъ, въ сущности, никогда не былъ, но онъ *казался* торжествующимъ или близкимъ къ торжеству,—и этого было достаточно, чтобы увеличить число его номинальныхъ послѣдователей. За нимъ бѣжали, или даже старались опередить его, многіе изъ тѣхъ, которые теперь провозглашаютъ его навсегда отжившимъ и сошедшимъ со сцены. Съ точки зрѣнія этихъ людей, обрѣтаться не въ авантажѣ—значитъ не имѣть права на существованіе. Не отъ нихъ, къ счастію, зависитъ жизненность и живучесть забытаго ими начала. Уменьшеніе числа „либераловъ“, какихъ бы размѣровъ оно ни достигало, отнюдь не равносильно пораженію либеральныхъ воззрѣній. Конецъ „либерализма“ наступитъ только тогда, когда осуществятся всѣ главныя его desiderata. Мы не

Digitized by Google

можемъ себѣ представить такого момента, когда потеряла бы свою цѣну, напримѣръ, свобода печатнаго слова. Она всегда будетъ составлять любимую мечту, завѣтную цѣль всѣхъ тѣхъ, кто видитъ въ ней неискоренимую потребность человѣческой мысли и незамѣнимое условіе общественнаго развитія. Мало ли, много ли у нея сторонниковъ, это опредѣляется измѣнчивыми обстоятельствами времени и мѣста; но вовсе остаться безъ приверженцевъ она не можетъ. Однажды пробудившись, разумная и глубокая идея не можетъ исчезнуть изъ оборота. Временно затемненная, она должна выйти на свѣтъ такъ же неизбѣжно, какъ выходитъ изъ-за тучъ солнце. То же самое слѣдуетъ сказать и о свободѣ вѣрованій, и о неприкосновенности личности, и о равенствѣ передъ закономъ, однимъ словомъ, о всемъ томъ, что̀ входитъ въ составъ давно извѣстной, но вѣчно-юной „либеральной программы“. Благо не перестаетъ быть благомъ, хотя бы его все меньше и меньше понимали и цѣнили. Можно находить духоту бальной залы болѣе пріятной, чѣмъ свѣжій лѣсной воздухъ, но послѣдній не теряетъ отъ того своей укрѣпляющей и животворящей силы...

Насъ хотятъ увѣрить, что въ „либеральныхъ“ сферахъ—или въ томъ, что̀ по старой памяти носитъ и присвоиваетъ себѣ это имя—нѣтъ ни движенія, ни мысли, ни жизни. Провѣримъ это положеніе на одномъ уголкѣ „либеральнаго“ міра, на земствѣ, *нынѣшнемъ* земствѣ. Его причастность къ „либерализму“ наши противники отрицать не станутъ, потому что именно она служила въ ихъ рукахъ главнымъ стѣнобитнымъ орудіемъ противъ закона 1-го января 1864 г., этого созданія „либеральной“ эпохи. Мы показали уже въ другомъ мѣстѣ [1]), что земство живетъ, живетъ въ виду наслѣдника, стоящаго уже у дверей и несущаго съ собою, быть можетъ, совершенно иное отношеніе къ земскимъ задачамъ. Что̀ же дѣлаетъ, въ то же время, другое учрежденіе, пользующееся въ полной мѣрѣ всѣми преимуществами благопріятнаго теченія и попутнаго вѣтра? Въ Саратовѣ происходитъ, за нѣсколько дней до открытія губернскаго земскаго собранія, очередная сессія мѣстнаго

---

[1]) См. выше: Внутреннее Обозрѣніе.—Оно было уже сдано въ печать, когда мы прочли въ газетахъ о весьма важномъ постановленіи нижегородскаго губернскаго земскаго собранія. Основываясь на подробномъ земско-статистическомъ изслѣдованіи положенія павловскихъ слесарей, собраніе рѣшило ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи постояннаго губернскаго кустарнаго комитета, въ составъ котораго вошли бы представители земства и другихъ вѣдомствъ. Ближайшими задачами комитета должны быть: организація для кустарей дешеваго краткосрочнаго кредита, распространеніе техническихъ знаній и устройство складовъ для пріобрѣтенія сырого матеріала хорошаго качества и по уменьшенной цѣнѣ.

Digitized by Google

дворянства. Губернскій предводитель дворянства, кн. Л. Л. Голицынъ, представляя отчетъ о порученіяхъ, возложенныхъ на него предъидущимъ собраніемъ, заявляетъ, что ходатайство объ измѣненіи устава дворянскаго земельнаго банка, возбужденное въ силу постановленія 1887 г., осталось безъ послѣдствій. Министръ финансовъ нашелъ, что оно „добивается еще бо̀льшихъ льготъ для дворянскаго землевладѣнія на счетъ интересовъ казны“, и потому уважено быть не можетъ. Сообщая объ этомъ, кн. Голицынъ проситъ на будущее время „солиднѣе обставлять“ дворянскія ходатайства по сложнымъ и спеціальнымъ вопросамъ. Это не мѣшаетъ собранію единогласно принять, въ томъ же засѣданіи, предложеніе о ходатайствѣ, направленномъ къ измѣненію закона о пошлинѣ съ наслѣдствъ. Насколько можно судить по краткому газетному сообщенію („Саратовскій Листокъ“, № 260), рѣчь идетъ о томъ, чтобы понизить до 1% размѣръ пошлины съ переходящихъ по наслѣдству дворянскихъ имѣній, „такъ какъ пошлину отъ 4 до 8% платить очень тяжело, и это нерѣдко вызываетъ фиктивныя прижизненныя запродажи имѣній“. Подобная мотивировка едва ли можетъ быть названа „солидной“. Платить налогъ всегда болѣе или менѣе тяжело—но именно потому это не можетъ служить аргументомъ противъ налога. Неправильнымъ налогъ представляется не тогда, когда онъ субъективно-непріятенъ, а только тогда, когда онъ обременителенъ *на самомъ дѣлѣ*, обременителенъ чрезъ мѣру, явно непропорціоналенъ платежной силѣ. Отъ 4 до 8% взимается съ имѣнія только тогда, когда оно переходитъ по наслѣдству къ боковымъ родственникамъ или къ постороннимъ, т.-е. къ такимъ лицамъ, для которыхъ наслѣдство является прямымъ приращеніемъ средствъ, иногда неожиданнымъ, иногда случайнымъ. Удѣлить государству небольшую долю этихъ средствъ (отъ одной двадцать-пятой до одной двѣнадцатой) для нихъ не разорительно и не обидно, а развѣ только досадно; но оберегать отъ досады, охранять душевное спокойствіе плательщиковъ государство вовсе не обязано. Иное дѣло—переходъ наслѣдства отъ мужа къ женѣ или отъ родителей къ дѣтямъ. Здѣсь иногда имѣетъ мѣсто не увеличеніе, а уменьшеніе средствъ (если семья жила, между прочимъ, личнымъ трудомъ умершаго или умершей)—но вѣдь пошлина, въ такихъ случаяхъ, и по дѣйствующему закону взимается только въ размѣрѣ 1%. Что касается до обхода закона, путемъ „фиктивныхъ прижизненныхъ запродажъ“, то мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ дворянское собраніе можетъ усматривать въ этомъ поводъ къ пониженію пошлины. Первенствующее сословіе должно подавать примѣръ уваженія къ закону, а не оправдывать его нарушенія, объясняя ихъ излишнею требовательностью государственной казны. Въ нашемъ

Digitized by Google

обществѣ несомнѣнно существуетъ наклонность къ безцеремонному обращенію съ интересами фиска. Обмануть таможню до сихъ поръ многими не считается за грѣхъ; многіе сердобольные люди тщательно обдумываютъ вопросъ, какъ бы уменьшить для своихъ родственниковъ, per fas et nefas, бремя пошлины съ наслѣдства. Это — завѣтъ той эпохи, когда свобода отъ налоговъ считалась почетной прерогативой, завиднымъ отличіемъ высшихъ сословій. Пора разстаться съ традиціями, идущими изъ столь мутнаго источника. Ходатайства, клонящіяся къ уменьшенію наслѣдственныхъ пошлинъ, уже нѣсколько разъ встрѣчали отпоръ со стороны правительственной власти. Меньше всего понятно возвращеніе къ разрѣшенному уже вопросу со стороны саратовскаго дворянства, только-что передъ тѣмъ выслушавшаго отказъ въ дарованіи льготъ, несовмѣстимыхъ съ государственнымъ интересомъ.

Отличительной чертой саратовскаго дворянства является уже давно усиленная заботливость о регламентаціи отношеній между хозяевами и рабочими — конечно, съ точки зрѣнія хозяевъ. Наши читатели не забыли, быть можетъ, проекта правилъ по этому предмету, составленный еще въ 1885 г., бывшимъ саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, П. А. Кривскимъ [1]). Законъ 12-го іюня 1886 г. не успокоилъ дворянъ и ихъ печальника. На очередномъ собраніи 1887 г., г. Кривскій возбудилъ вопросъ о пересмотрѣ только-что изданнаго закона, находя, что имъ не обезпечены интересы работодателей, не положенъ конецъ „задолженности и разоренію помѣстнаго землевладѣнія“. Собраніе согласилось съ г. Кривскимъ и возбудило соотвѣтствующее ходатайство, оказавшееся столь неопредѣленнымъ, что вызвало запросъ министра внутреннихъ дѣлъ, чего же именно желаетъ дворянство. Получивъ этотъ запросъ и имѣя въ виду предстоящее введеніе института земскихъ начальниковъ, собраніе предводителей и депутатовъ дворянства признало наиболѣе правильнымъ отложить дальнѣйшее обсужденіе дѣла до указаній опыта и практики. Въ дворянскомъ собраніи возникли, однако, пренія; П. А. Кривскій утверждалъ, что на почвѣ правилъ 1886 г. ничего не удастся сдѣлать и земскимъ начальникамъ. Совершенно иное мнѣніе, основанное на личномъ опытѣ и на разспросѣ многихъ дворянъ саратовской и пензенской губерній, выразилъ землевладѣлецъ петровскаго уѣзда, Н. С. Ермолаевъ. Онъ заявилъ, что рабочіе вовсе не такъ неисправны, и хозяева терпятъ отъ нихъ вовсе не такъ сильно, какъ утверждаютъ г. Кривскій и его единомышленники. Болѣе двадцати лѣтъ ведя хозяйство, г. Ермолаевъ постра-

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстника Европы“ за 1886 г.

Digitized by Google

далъ отъ рабочихъ рублей на 100—200, отъ купцовъ — тысячъ на семь, отъ дворянъ—тысячъ на двѣнадцать; „значитъ, оберегать себя нужно не отъ рабочихъ". Собраніе, по большинству голосовъ, постановило: вновь возбудить ходатайство о пересмотрѣ правилъ по найму рабочихъ и о приведеніи ихъ въ соотвѣтствіе съ дѣйствительной потребностью. Разработку этого ходатайства рѣшено было поручить особой коммиссіи, включивъ въ ея составъ по одному представителю отъ каждаго уѣзда. Четыре уѣзда (петровскій, вольскій, балашовскій и сердобскій—т. е., за исключеніемъ вольскаго, именно тѣ, гдѣ всего больше помѣщичьихъ хозяйствъ) не пожелали выбрать отъ себя уполномоченныхъ въ коммиссію и остались при своемъ отказѣ, несмотря на происходившія по этому предмету продолжительныя пренія. Нужно ли доказывать, что правда и справедливость, въ данномъ случаѣ, на сторонѣ меньшинства, а не большинства? Приведемъ, кстати, одинъ фактъ, въ достовѣрности котораго едва ли усомнится даже „партія" г. Кривскаго. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 192) напечатанъ былъ, прошлымъ лѣтомъ, фельетонъ постояннаго ихъ сотрудника, г. Иванюшенкова (подъ заглавіемъ: „Среди черноземныхъ полей"), посвященный преимущественно описанію извѣстнаго хозяйства гг. Шатиловыхъ (новосильскаго уѣзда, тульской губерніи). „Какъ покойный І. Н. Шатиловъ,—говоритъ г. Иванюшенковъ,—такъ и самъ Иванъ Іосифовичъ (теперешній хозяинъ, почти безвыѣздно проживающій въ имѣніи), крайне иронически относились и относятся къ воплямъ о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, наличность котораго они отрицали и отрицаютъ. И дѣйствительно, здѣсь не было и нѣтъ кризиса". Хотя окрестнымъ крестьянамъ и выдаются авансы подъ будущія работы, но „между владѣльцами и рабочими никогда нѣтъ недоразумѣній; нѣтъ воровства, нѣтъ потравъ, и въ мѣстныхъ судахъ по шатиловской экономіи нѣтъ никакихъ производствъ. Работа требуется чисто американская: скоро и хорошо, но зато такъ же скоро и хорошо оплачивается наличнымъ разсчетомъ. Поэтому служащіе и рабочіе крайне дорожатъ работой и мѣстомъ. Служатъ и работаютъ поколѣніями; работалъ отецъ, работаютъ дѣти... Системы штрафовъ не существуетъ... Хозяева держатся правилъ: всѣ будутъ работать исправно, если исправно будешь работать самъ"... „Не въ кредитѣ спасеніе сельскаго хозяйства, — сказалъ г. Иванюшенкову, на прощанье, И. І. Шатиловъ,—а въ приложеніи къ землѣ знанія и труда". „Положимъ,—прибавляетъ отъ себя г. Иванюшенковъ,—легче жить на счетъ кредита и ничего не дѣлать, нежели вставать каждый день въ четыре часа утра и восемь мѣсяцевъ въ году работать какъ волъ—*но тогда слѣдуетъ винить себя, а отнюдь не землю и экономическія условія жизни*". Эти слова слѣдовало бы твердо запомнить

Digitized by Google

всѣмъ тѣмъ, кто жалуется на „разореніе и задолженность" помѣщиковъ-землевладѣльцевъ и ищетъ выхода, съ одной стороны, въ пособіяхъ и льготахъ, съ другой—въ абсолютной подчиненности и безправности сельскаго рабочаго.

Возвращаемся къ саратовскому дворянскому собранію. Когда оно покончило съ вопросомъ о сельскихъ рабочихъ, П. А. Кривскій прочелъ записку объ обѣднѣніи, задолженности и тяжеломъ положеніи дворянства. Главною причиной зла выставлялось здѣсь апатичное отношеніе самого дворянства къ своимъ сословнымъ правамъ, преимуществамъ и интересамъ. Содержаніе записки въ мѣстной газетѣ, къ сожалѣнію, не изложено; мы узнаемъ только, что собраніе, по большинству голосовъ, приняло слѣдующія предложенія г. Кривскаго: 1) просить уѣздныхъ предводителей дворянства въ опредѣленные сроки, не менѣе двухъ разъ въ году, съѣзжаться въ губернскій городъ для совмѣстнаго обсужденія интересующихъ дворянство вопросовъ; 2) просить дворянъ представлять своимъ предводителямъ записки по тѣмъ или другимъ вопросамъ, каковыя записки должны обсуждаться предводителями дворянства, совмѣстно съ авторами, и затѣмъ докладываться губернскому собранію дворянъ, и 3) просить губернскаго предводителя дворянства ежегодно созывать экстренныя собранія дворянства губерніи въ тѣ же сроки, какъ созываются очередныя собранія". Намъ кажется, что наплывъ „записокъ", составленныхъ дворянами въ видѣ охраненія „сословныхъ правъ и интересовъ", напомнилъ бы собою, болѣе всего, Щедринскій „Дневникъ провинціала въ Петербургѣ". Ожидать отъ такихъ записокъ свѣжести и оригинальности взглядовъ было бы крайне наивно. Исторія дворянскихъ собраній за послѣднія 5—6 лѣтъ показываетъ съ полною ясностью, что дворянство, въ качествѣ корпораціи, никакъ не можетъ сойти съ однажды избранной позиціи. Дешевый кредитъ, финансовыя и экономическія льготы, заповѣдныя имѣнія, мѣры къ обузданію рабочихъ—вотъ тѣ немногія тэмы, на которыя разыгрываются безчисленныя варіаціи. Въ три-четыре дня, самое большее—въ недѣлю, дворянское собраніе исчерпаетъ всю свою программу, хотя собирается только разъ въ три года. Ежегодныя собранія, которыхъ желаетъ саратовское дворянство, показали бы еще яснѣе, что ограниченности круга дѣйствій вполнѣ соотвѣтствуетъ, въ данномъ случаѣ, ограниченность круга мыслей. И это не можетъ быть иначе. Неисчерпаема и безконечно-обширна только область заботъ объ общемъ благѣ, о народѣ, о всѣхъ классахъ населенія. Вотъ почему земство живетъ полною жизнью, постоянно ставитъ и разрѣшаетъ самые разнообразные вопросы, между тѣмъ какъ дворянство, при условіяхъ—гораздо болѣе благопріятныхъ, вращается въ волшеб-

Digitized by Google

номъ кругѣ однихъ и тѣхъ же, нешироких пожеланій [1]). Тою же узкостью спеціально-дворянскія стремленія запечатлѣны и тогда, когда высказываются въ печати. Ультра-сословная петербургская газета еще раньше г. Кривскаго завела рѣчь объ усиленномъ обмѣнѣ мыслей между дворянами, не только по вопросамъ экономической обезпеченности, но и по вопросамъ „нравственнымъ и духовнымъ". „Какъ должно жить земельное дворянство, — спрашиваетъ себя „Гражданинъ" (№ 300), — чтобы себя спасти отъ банкротства и позора и пережить кризисъ? Какъ вернуть себѣ духовную самостоятельность?" Затѣмъ идетъ слѣдующій перечень: „воспитаніе дѣтей, мѣстная служба дворянской молодежи, кредитъ, товарищество дворянское, дворянская касса, дворянскіе земельные сборы, дворянская самопомощь, дворянскій самосудъ, дворянскіе маіораты". И здѣсь— ни одного общаго вопроса, ни одного живого слова... „Россія, — замѣтилъ „Кіевлянинъ", осмѣивая вопли „Гражданина" о гибели дворянства, — Россія цѣнитъ дворянство, но то дворянство, которое является силою умственною, экономическою и политическою, которое само оказываетъ помощь и другимъ классамъ народа, и государству, а не служитъ предметомъ опеки и благотворительности". Съ спеціально-дворянской точки зрѣнія довольно трудно, повидимому, возразить что-либо противъ замѣчанія кіевской газеты. А между тѣмъ оно не понравилось „Московскимъ Вѣдомостямъ" (№ 304). „Въ дворянствѣ, —такова нотація, читаемая ими „Кіевлянину":—есть особая черта — именно *наслѣдственное*, *традиціонное* охраненіе и развитіе умственной, экономической и политической силы, чѣмъ оно и отличается отъ разночинскихъ умственныхъ, экономическихъ и политическихъ силъ. И вотъ, для сохраненія-то этой необходимой, чисто дворянской черты, необходимы извѣстныя внѣшнія условія. Если Россія любитъ дворянство, оказывающее ей помощь, и понимаетъ, что эта помощь важнѣе той, какую способенъ дать слой разночинскій, она должна, въ свою очередь, *дать* кое-что дворянству. Тотъ, кто этого не понимаетъ, кто воображаетъ, что дворянство можетъ развиться или сохраниться тѣми же средствами, какъ возникаетъ буржуазія—тоже вѣдь сила умственная, политическая и экономическая, — тотъ можетъ создать только буржуазію, а не дворянство. Многіе

[1]) Прежде чѣмъ разстаться съ саратовскимъ дворянскимъ собраніемъ, приведемъ еще одно постановленіе его, не требующее комментаріевъ. Губернскій предводитель спросилъ собраніе, угодно ли ему устроить дворянскій балъ на *остатки* отъ дворянскихъ суммъ или по подпискѣ между наличными дворянами. Большинствомъ голосовъ было рѣшено устроить балъ на счетъ остатковъ отъ дворянскихъ сборовъ, не ограничивая расхода максимальной суммой, съ тѣмъ, чтобы балъ вышелъ „блестящимъ, хорошимъ и веселымъ".

Digitized by Google

у насъ противъ этого ничего не имѣютъ, но это уже совершенно иной вопросъ. Тогда не зачѣмъ и говорить, что мы цѣнимъ дворянство".—Итакъ, необходимость „даяній" возводится въ принципъ; дѣлается попытка обосновать ее чѣмъ-то похожимъ на историческую философію. Сущность дѣла отъ этого не измѣняется; съ помощью философіи или безъ помощи философіи, *даяніе*, во всякомъ случаѣ, остается даяніемъ, т.-е. внѣшнимъ подспорьемъ не самостоятельной, не „самодовлѣющей" силы. Желательно было бы знать, однако, что же именно еще Россія должна *дать* дворянству?

Систематическіе враги земства стараются перетолковать въ своемъ смыслѣ даже лучшія явленія земской жизни. Яркій примѣръ этому мы видѣли недавно, во время послѣдней сессіи московскаго губернскаго земскаго собранія. Въ засѣданіи 14-го декабря обсуждался вопросъ о мѣстѣ и времени открытія психіатрической колоніи для душевно-больныхъ московской губерніи. Во время преній гласный Н. А. Алексѣевъ (московскій городской голова) предложилъ, не ожидая пріисканія и устройства окончательнаго помѣщенія, немедленно приступить къ пріему душевно-больныхъ въ какой-нибудь временно нанятой для того постройкѣ. Это предложеніе, развитое и поддержанное съ большимъ жаромъ и большою настойчивостью, было принято собраніемъ, и гласному Алексѣеву было поручено способствовать быстрому осуществленію его мысли. Въ промежутокъ между двумя засѣданіями онъ пріискалъ подходящее зданіе, распорядился отопленіемъ его, приказалъ привезти, изъ городскихъ госпиталей, слишкомъ шестьдесятъ кроватей, разрѣшилъ взять бѣлье и другія принадлежности, на первое время, изъ городской Преображенской больницы. Такой энергичный образъ дѣйствій заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, искренняго сочувствія, и московское губернское земское собраніе имѣло полное основаніе благодарить Н. А. Алексѣева. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду двухъ существенно-важныхъ обстоятельствъ. На открытіе психіатрической колоніи земское собраніе ассигновало, еще 13-го декабря, *шестьдесятъ тысячъ рублей*. Не будь этой ассигновки, не могло бы быть и рѣчи ни о предложеніи Н. А. Алексѣева, ни о немедленномъ приведеніи его въ дѣйствіе. Весьма много значитъ и то, что Н. А. Алексѣевъ состоитъ городскимъ головою, и городскимъ головою весьма вліятельнымъ, по крайней мѣрѣ въ средѣ городской управы; ни одинъ губернскій гласный, ни одинъ членъ губернской управы не имѣлъ бы физической возможности снабдить въ одинъ день больничное помѣщеніе всѣмъ необходимымъ—а безъ этого ни къ чему не привела бы крайняя поспѣшность въ наймѣ

Digitized by Google

временного помѣщенія. Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, у одного изъ членовъ губернскаго земскаго собранія вырвалось восклицаніе: „Н. А. Алексѣевъ въ десять минутъ разрѣшилъ вопросъ, который управа разсматривала пятнадцать лѣтъ". Это восклицаніе послужило темой для статьи, которою разразилась, на слѣдующій же день, московская реакціонная газета. „За пятнадцать лѣтъ,—злорадствуетъ она,—земство и выдающіеся земскіе дѣятели успѣли отпраздновать не одинъ юбилей, съ обязательнымъ взаимнымъ восхваленіемъ своихъ безсмертныхъ заслугъ передъ народомъ и съ не менѣе обязательными веселыми пирами, а облагодѣтельствованное ими населеніе по прежнему не знало, что́ ему дѣлать съ находившимися на его рукахъ несчастными больными, о которыхъ господа земцы такъ много говорили, но для которыхъ они такъ мало дѣлали. И вотъ, вчера этотъ пятнадцатилѣтній вопросъ сразу разрѣшился въ 15 минутъ. Черезъ десять дней московское земство будетъ имѣть свою больницу для умалишенныхъ. Какъ же совершилось это чудо? Откуда же явилась у земства эта внезапная энергія? Увы, земство тутъ не причемъ. Земское собраніе приняло всѣ мѣры, чтобы вопросъ о призрѣніи умалишенныхъ свести и въ эту сессію почти на нѣтъ. И вдругъ сразу все измѣнилось. На сѣромъ фонѣ обычной земской болтовни внезапно выдвигается человѣкъ не только слова, но и дѣла, Н. А. Алексѣевъ. Коллегіальная инерція многихъ людей уступаетъ мѣсто энергичной волѣ *одного* человѣка".—Сколько въ этихъ словахъ злобы —и какъ мало правды! Земство—*не при чемъ* въ дѣлѣ, которое имъ возбуждено и рѣшено, на которое имъ даны громадныя средства! Допустимъ, что вопросъ о земской больницѣ для умалишенныхъ возникъ въ первый разъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ; слѣдуетъ ли отсюда, что земство уже тогда имѣло возможность исполнить эту задачу, и не исполняло ея единственно по апатіи и инерціи? Конечно, нѣтъ. Московское губернское земство давно уже содержало на свой счетъ извѣстное количество кроватей въ одной изъ городскихъ больницъ для умалишенныхъ. Если оно не приступало до сихъ поръ къ устройству своей собственной психіатрической лечебницы, то исключительно по недостатку средствъ, которыхъ для такого предпріятія нужно весьма много [1]). Сколько бы ни старалась московская газета,

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что въ засѣданіи 13-го декабря слышались упреки городу, какъ виновнику медленнаго движенія вопроса о психіатрической лечебницѣ. „Городъ не желаетъ вступить въ соглашеніе съ земствомъ", сказалъ, по этому поводу, гласный Оленинъ; „городъ старается сковать земскую дѣятельность". Напомнимъ также, что гласные отъ Москвы были главными противниками новаго земскаго сбора, изъ котораго должны быть взяты, между прочимъ, средства на открытіе земской психіатрической больницы.

Digitized by Google

она никого не увѣритъ въ томъ, что московское земство — одно изъ самыхъ дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ — умѣетъ только восхвалять самого себя и праздновать юбилеи своихъ „выдающихся дѣятелей“ (въ чей огородъ пущенъ этотъ камешекъ — объяснять едва ли нужно). Пускай намъ покажутъ не-земскую губернію, въ которой, за послѣднюю четверть вѣка, сдѣлана для народнаго здоровья хоть половина, хоть четверть того, что успѣло сдѣлать московское земство!.. „Примѣръ Н. А. Алексѣева — такъ заканчивается статья „Московскихъ Вѣдомостей“ — убѣждаетъ насъ болѣе чѣмъ когда-либо въ неоднократно высказывавшейся нами истинѣ, что благо нашего мѣстнаго самоуправленія зависитъ не отъ многоглаголенія многочисленныхъ собраній, а отъ толковой, добросовѣстной индивидуальной энергіи отдѣльныхъ мѣстныхъ дѣятелей“. Отрицать значеніе личной иниціативы мы, конечно, не станемъ; но учрежденія способствуютъ или препятствуютъ развитію личности, создаютъ или уничтожаютъ дѣятелей, вызываютъ или подавляютъ дѣятельность. Малочисленное или многочисленное, но во всякомъ случаѣ независимое, свободное собраніе—вотъ почва, на которой вырабатывается трезвая „индивидуальная энергія“. Старая, сословная городская дума, не выходившая изъ-подъ административной опеки, едва ли могла произвести такого „мѣстнаго дѣятеля“, какимъ является Н. А. Алексѣевъ.

Мы никогда не скрывали слабыхъ сторонъ земскаго и городского самоуправленія; не скроемъ и теперь, что въ обсужденіи вопроса о психіатрической больницѣ московскаго земства слишкомъ большую роль игралъ элементъ личнаго самолюбія. Н. А. Алексѣевъ слишкомъ сильно подчеркивалъ значеніе роли, предоставленной ему собраніемъ, слишкомъ безцеремонно устранялъ управу отъ переговоровъ о наймѣ и первоначальномъ устройствѣ помѣщенія; предсѣдатель губернской управы и одинъ изъ членовъ санитарнаго совѣта (А. А. Оленинъ) слишкомъ близко принимали къ сердцу „быстроту и натискъ“ Н. А. Алексѣева, слишкомъ патетично жаловались на нанесенную имъ обиду. Конечно, Н. А. Алексѣевъ могъ думать, что совѣщаніе приведетъ къ разнымъ мнѣніямъ, а разныя мнѣнія — къ новой отсрочкѣ; но отсрочка, въ виду постановленія собранія, не могла продлиться болѣе десяти дней, и столь незначительное замедленіе въ ходѣ дѣла нисколько бы ему не повредило. Конечно, Д. А. Наумовъ и А. А. Оленинъ могли находить, что излишняя стремительность имѣетъ свои неудобства и что Н. А. Алексѣевъ принесъ бы больше пользы, какъ сотрудникъ управы, чѣмъ какъ ея замѣститель; но замѣчанія ихъ выиграли бы очень много, еслибы были представлены въ болѣе спокойной формѣ. Само собою разумѣется, что общаго впечатлѣнія все это почти не измѣняетъ. Люди всегда остаются людьми; само-

Digitized by Google

любіе, желаніе блеснуть, увлеченіе успѣхомъ, обидчивость, ревнивое охраненіе своей власти—всѣ эти „мелочи жизни“ возможны всюду, въ земскихъ сферахъ точно такъ же, какъ и въ административныхъ. Весь вопросъ въ томъ, какая среда наиболѣе или наименѣе благопріятна ихъ развитію...

По единогласному отзыву газетъ, къ какому бы оттѣнку онѣ ни принадлежали, перепись населенія Петербурга, произведенная между 12 и 15 декабря, встрѣтила всего меньше препятствій и затрудненій среди массы населенія. Даже въ такихъ домахъ, какъ пресловутая „Вяземская лавра“, не было слышно ни ругательствъ, ни грубыхъ выраженій. На вопросы счетчиковъ всѣ отвѣчали охотно и даже интересовались ихъ дѣломъ. Умышленно-неточные отвѣты, иногда съ претензіями на остроуміе, попадались только въ листкахъ (конечно, весьма немногихъ), подписанныхъ людьми съ претензіями на образованіе. Со стороны такихъ же людей, да еще нѣкоторыхъ „толстосумовъ“, встрѣчалась также въ рѣдкихъ случаяхъ и неучтивость по отношенію къ счетчикамъ. Весьма возможно, что именно тѣ качества счетчиковъ (большею частью, студентовъ или учащихся въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), которыя обезпечили за ними радушный пріемъ въ бѣднѣйшихъ квартирахъ и ночлежныхъ пріютахъ, расположили противъ нихъ наименѣе симпатичные элементы такъ-называемаго порядочнаго общества и разбогатѣвшаго „мѣщанства“. Вѣжливость, мягкость и простота обращенія вызвали наружу, по закону реакціи, надменность, чванство или просто грубость (припомнимъ доктора, раскричавшагося на счетчика за то, что тотъ пришелъ съ парадная хода, или купца, собиравшагося выгнать счетчика съ помощью „молодцовъ“). Какъ бы то ни было, громадное большинство отвѣтовъ представляется, какъ слышно, вполнѣ удовлетворительнымъ, и матеріалъ, пріобрѣтенный съ помощью переписи, можетъ быть названъ весьма цѣннымъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что для государства онъ еще важнѣе, чѣмъ для города. Городскому управленію всего больше пользы принесутъ, быть можетъ, *квартирные* листки, какъ совокупность данныхъ для разработки предположеній о квартирномъ налогѣ. Свѣденія, заключающіяся въ *личныхъ* листкахъ, имѣютъ, преимущественно, другое, болѣе общее значеніе. Какъ распредѣляется населеніе столицы по осѣдлости, вѣроисповѣданію, языку, сословіямъ, профессіямъ, средствамъ къ жизни—это вопросъ, интересный въ особенности съ правительственной точки зрѣнія. Мы думаемъ, поэтому, что городъ имѣлъ полное право на возмѣщеніе, изъ государственной казны, части расходовъ, сопряженныхъ съ переписью. Это признавалось прежде и министерствомъ финансовъ; но въ

Digitized by Google

прошломъ году ходатайство городского управленія о назначеніи пособія на производство переписи встрѣтило рѣшительный отказъ со стороны министра. Мотивы отказа—какъ видно изъ сообщенія, сдѣланнаго городскимъ головой въ засѣданіи думы, были слѣдующіе: „превышающія всякое ожиданіе требованія расходовъ и неудовлетворительные урожаи 1889 и 1890 годовъ, при самыхъ печальныхъ предзнаменованіяхъ на будущій годъ, вынуждаютъ министра отклонять всѣ предположенія о расходахъ, не представляющихся неотложными, хотя въ 1881 году и было оказано петербургской городской думѣ пособіе на производство переписи, но съ того времени финансовое положеніе города значительно улучшилось, а съ будущаго года средства города С.-Петербурга должны еще возрости вслѣдствіе наступленія срока выкупа городского водопровода, доходъ съ котораго долженъ значительно превысить потребную на постепенный его выкупъ сумму. Въ виду этого министръ полагаетъ, что предполагаемое производство переписи можетъ быть безъ затрудненія выполнено на средства города, безъ содѣйствія со стороны казны". Намъ кажется, что рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ должны были имѣть не средства города, а заинтересованность правительства въ производствѣ переписи. Если такая заинтересованность существуетъ—а сомнѣваться въ ея существованіи едва ли возможно, то изъ нея должно было вытекать само собою участіе государственной казны въ расходахъ, вызываемыхъ переписью. Безспорно, финансовое положеніе Петербурга во многомъ, съ 1881 г., перемѣнилось къ лучшему, но зато возросли и постоянно возростаютъ и расходы городского управленія. Въ какой степени будетъ для него выгоднымъ, въ матеріальномъ отношеніи, выкупъ водопроводовъ—это покажетъ время; теперь объ этомъ еще ничего нельзя сказать положительнаго, особенно въ виду высокой выкупной суммы (слишкомъ семьсотъ тысячъ въ годъ, въ продолженіе двадцати-трехъ лѣтъ).

Въ „предсмертной исповѣди" преосвященнаго Никанора, опубликованной въ „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ", тяжко заболѣвшій архипастырь проситъ прощенія у всѣхъ, „кого забылъ онъ строгостью".—„Я видѣлъ на своемъ вѣку,—говоритъ онъ дальше,—какъ мѣнялись принципы. Въ срединѣ нашего вѣка настала-было эпоха, когда сдѣлалось правиломъ у родителей, у старшихъ, у начальниковъ, у воспитателей, у властей, у судей—поблажать дѣтямъ, младшимъ, подчиненнымъ, воспитанникамъ, всѣмъ подвластнымъ, даже преступникамъ. Покланялся и я этому идолу эпохи. Было время, когда и я стоялъ только за *мягкія* мѣры. Но я съ своей стороны скоро опомнился, увидѣвъ, сколько зла причинилъ Россіи этотъ

Digitized by Google

духъ преступной поблажки. Съ тѣхъ поръ я сталъ твердить себѣ и другимъ: поблажать—это выходить въ отставку, *а служить—это значитъ натягивать возжи власти, да натягивая и вздергивать, да вздергивая давать возжей знать, кому знать надлежало, что возжа и бьется не небольно*"... „Такого рода исповѣдь,—прибавляютъ къ словамъ преосвященнаго Никанора „Московскія Вѣдомости",—можетъ сдѣлать вся *старая* Россія, Россія шестидесятыхъ годовъ, земская, общественная и даже правительственная. Пора подтянуться сознательно, и понять, что хотя отъ этой подтяжки иной разъ кому и больно достается,—да это необходимо для нашей общей *службы* родинѣ".—Мы думаемъ, наоборотъ, что проповѣдь *подтяжки* теперь менѣе своевременна, чѣмъ когда-либо. Подтягиванье безъ того уже находитъ слишкомъ много сторонниковъ; опасенъ, въ настоящую минуту, именно его избытокъ. Одно дѣло—*подтянуться*, другое—*подтянуть*. Первое зависитъ отъ доброй воли и никогда не бываетъ излишнимъ; второе, приходя извнѣ, слишкомъ легко принимаетъ характеръ насилія, ломки, приведенія къ одному знаменателю, уничтоженія всякой самостоятельной мысли. Если Россія шестидесятыхъ годовъ страдала отъ недостатка „подтягиванья"—чего, конечно, не было на самомъ дѣлѣ,—то ужъ про Россію пятидесятыхъ, сороковыхъ, тридцатыхъ годовъ этого сказать никакъ нельзя. Было ли ей отъ того лучше, была ли она счастливѣе и нравственно сильнѣе? Куда и съ какою скоростью ее везли задерганныя, измученныя лошади, взнузданныя возжами крѣпостного права, безгласности и всесильной бюрократіи?..

Не чѣмъ инымъ, какъ распространяющейся привычкой къ „подтягиванью", можно объяснить появленіе въ нашей печати—да еще въ какой?—полу-оффиціальной!—такихъ „шутокъ", какъ сообщеніе „Виленскаго Вѣстника" о евреѣ, высѣченномъ, по распоряженію губернатора, за грубость по отношенію къ „губернаторшѣ" (сохраняемъ терминологію газеты), и объ адвокатѣ, высѣченномъ, по распоряженію той же власти, за требованіе копіи съ протокола о наказаніи еврея. Желающихъ ознакомиться поближе съ этимъ „скверным анекдотомъ" отсылаемъ къ „Новому Времени" (№ 5318) и „Новостямъ" (№ 348); способъ изложенія его въ оригиналѣ вполнѣ достоинъ содержанія. Конечно, „событіе", на которомъ столь любовно останавливается виленская газета, на самомъ дѣлѣ не происходило; но характеристично уже и сочинительство, упражняющееся въ такомъ направленіи и на такихъ тэмахъ. Оно едва ли было бы возможно, еслибы ему не предшествовали извѣстный циркуляръ могилевскаго губернатора и еще болѣе извѣстная рѣчь мстиславскаго уѣзднаго предводителя дворянства, съ комментаріями товарища прокурора.

Digitized by Google

А вотъ еще образецъ „подтягиванья", на этотъ разъ уже не сочиненный. Вотъ что пишутъ въ „Недѣлю" изъ Уладовки, большого села винницкаго уѣзда (подольской губерніи), съ тремя заводами и многочисленнымъ фабричнымъ населеніемъ. У зажиточныхъ заводскихъ служащихъ имѣются свои гувернантки и учителя, но громадное большинство, все бѣдный народъ, довольствовалось тѣмъ, что дѣтей ихъ какіе-то инвалиды-учителя съ грѣхомъ пополамъ обучали начаткамъ грамотности, вполнѣ, впрочемъ, достаточнымъ для ожидающихъ по наслѣдству заводскихъ должностей. Такъ дѣло обстояло до послѣдняго времени. 6-го марта 1890 г. было опубликовано обязательное постановленіе начальника края объ усиленіи надзора надъ домашнимъ обученіемъ дѣтей. Это было только подтвержденіемъ давно существующаго закона и вовсе не исключало возможности домашняго обученія. Къ сожалѣнію, исполнительные органы истолковали это постановленіе по своему. Мѣстный урядникъ объявилъ поголовно всѣмъ обывателямъ, что отнынѣ обучать дѣтей не велѣно, а дабы они не околачивались (?) дома и не мѣшали взрослымъ —выгонять ихъ на улицу (sic), для удобства также его, урядника, при спеціальныхъ поѣздкахъ, съ цѣлью удостовѣренія, не предаются ли обывательскія дѣти занятіямъ науками. Обыватели покорились и отказали учителямъ; но, желая все-таки научить своихъ дѣтей хоть молиться Богу по книжкѣ, чему католики придаютъ весьма важное значеніе, стали сами заниматься обученіемъ своихъ подростающихъ поколѣній, урывая для этого время отъ службы или возлагая обученіе на старшихъ членовъ своей семьи. Но оказалось, что и такой способъ обученія противозаконенъ; мало того, обыватель узналъ, что даже дѣтскихъ книгъ, учебниковъ и тетрадей онъ не воленъ держать въ своемъ домѣ. На-дняхъ, неизвѣстно по чьему велѣнію, сотскій и десятскій с. Уладовки произвели повальный обыскъ въ нѣсколькихъ домахъ заводскихъ служащихъ, допрашивая, гдѣ учатся дѣти, кто ихъ учитъ и т. д.; въ квартирѣ же г. В., заставъ его дѣтей за ученіемъ, власти эти, не говоря дурного слова, забрали съ собой всѣ лежавшія на столѣ книги и учебныя пособія—и были таковы. „Кто уполномочилъ этихъ господъ—прибавляетъ корреспондентъ „Недѣли"—на захватъ собственности, да еще такой, о которой они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія, кто послалъ ихъ въ частные дома для производства обысковъ и выемокъ—неизвѣстно; но въ результатѣ вышло то, что просвѣщеніе въ с. Уладовкѣ упразднено; грамота изъята изъ употребленія, родители потеряли голову, а дѣти словно съ цѣпи сорвались". Нужно надѣяться, что мы скоро прочтемъ въ „Недѣлѣ" или опроверженіе этого сообщенія, или извѣстіе о возстановленіи въ Уладовкѣ прежняго положенія вещей, такъ

Digitized by Google

странно нарушеннаго урядниками, сотскими и десятскими. Желательно было бы знать также, не произошло ли чего-нибудь подобнаго въ какихъ-либо другихъ селахъ юго-западнаго края?

Съ нѣкоторыхъ поръ у нашихъ ретроградовъ появилась новая „bête noire"; предметомъ ихъ нападеній сдѣлался, вмѣстѣ съ „либералами", инородцами и земствомъ, императоръ Вильгельмъ II. Удивительнаго здѣсь нѣтъ ничего, и мы не сказали бы объ этомъ ни слова, еслибы не интересная параллель, встрѣченная нами въ берлинской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 347). „Многіе находятъ,—пишетъ корреспондентъ,—что настоящая эпоха замѣчательно походитъ на первые годы царствованія Фридриха-Вильгельма IV, какъ разъ того Гогенцоллерна, который, въ противность традиціямъ своего семейства, не умѣлъ угадывать духа времени. И въ то время была поднята масса назрѣвшихъ вопросовъ; монархъ говорилъ много, хотя не длинныхъ, но остроумныхъ рѣчей, и онъ проповѣдывалъ политику примиренія и „удовлетворенія законныхъ потребностей", закончившуюся мартовскою революціей. Ничего положительнаго изъ начинаній и предположеній короля не вышло, никакихъ реформъ, требовавшихся духомъ времени, осуществлено не было. Все это, конечно, не причина, чтобы и теперь было такъ; напротивъ, si duo faciunt idem, non est idem. Тѣмъ не менѣе, сходство между первыми шагами императора Вильгельма и его дѣда (Grossonkel) существуетъ и даетъ поводъ дѣлать сравненія. Императоръ Вильгельмъ *будитъ* силы, но будутъ ли это силы созидающія или нѣтъ, знаетъ только онъ, прозрѣвающій будущее". Умыселъ этого сравненія понятенъ; оно обѣщаетъ мало хорошаго Вильгельму II. Къ счастію для послѣдняго, сходство его съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV исчерпывается только одной, чисто внѣшней, чертою: наклонностью и желаніемъ говорить публично, произносить застольныя и всякія другія рѣчи. Но уже содержаніе и форма рѣчей являются у обоихъ монарховъ совершенно различными. Фридрихъ-Вильгельмъ говорилъ цвѣтисто, красиво, ища и часто достигая остроумія, почти никогда не высказываясь до конца, оставаясь, большею частью, расплывчатымъ и не совсѣмъ яснымъ. Его внучатный племянникъ говоритъ сжато, отрывисто, опредѣленно, гораздо болѣе, очевидно, думая о томъ, *что* сказать, чѣмъ о томъ, *какъ* это будетъ сказано. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ больше художникомъ, поэтомъ, ученымъ, чѣмъ правителемъ государства; военная жилка, свойственная Гогенцоллернамъ, отсутствовала въ немъ почти совершенно. Вильгельмъ II—прежде всего военный и политическій дѣятель. Фрид-

Digitized by Google

рихъ-Вильгельмъ, вступивъ на престолъ, мечталъ о достройкѣ кельнскаго собора, объ основаніи лютеранской епископской каѳедры въ Іерусалимѣ, объ учрежденіи „лебединаго ордена“ (Schwanenorden); Вильгельмъ II—мечтаетъ о мирномъ разрѣшеніи соціальнаго вопроса. Фридрихъ-Вильгельмъ окружалъ себя бюрократами въ родѣ Эйхгорна, фанатиками въ родѣ Герлаха и Шталя, протестантскими іезуитами въ родѣ Генгстенберга; Вильгельмъ II призываетъ въ министерство бургомистра-либерала Микеля и удаляетъ отъ себя Штеккера. Фридрихъ-Вильгельмъ стоялъ горой за свои права на Невшатель, совершенно ненужный для Пруссіи; Вильгельмъ II охотно поступается частью своихъ африканскихъ владѣній, чтобы пріобрѣсти близкій и сподручный Гельголандъ. Фридрихъ-Вильгельмъ не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть до послѣдней минуты надвигающуюся грозу; Вильгельмъ II несомнѣнно ее видитъ и старается найти громоотводъ. Что будетъ дальше—этого мы предсказывать не будемъ; для насъ ясно только одно—что ужъ если искать черты сходства между молодымъ императоромъ и однимъ изъ его предковъ по боковой линіи, то найти ихъ можно скорѣе въ Фридрихѣ II, чѣмъ въ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV. Отъ геніальности Фридриха II Вильгельмъ II, по всей вѣроятности, очень далекъ; но есть, несомнѣнно, кое-что общее между взглядами того и другого на государственныя задачи и на призваніе монарха... Отмѣтимъ, кстати, еще одно мѣсто изъ берлинской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 349). Если вѣрить корреспонденту, „нѣмцы, не утратившіе способность самостоятельно мыслить“, спрашиваютъ себя, при чтеніи извѣстной рѣчи императора: „гдѣ же эти славныя страницы германской исторіи, которыя должны воспитывать патріотическій духъ юношей? До 1866 г. вся исторія наша— исторія бѣдствій и пораженій, хроника жалкой роли въ судьбахъ нѣмецкаго племени“. Если эти слова — не собственное измышленіе корреспондента, то съ странными же нѣмцами ему приходится встрѣчаться,—съ нѣмцами, забывшими времена Карла Великаго, трехъ Оттоновъ и Гогенштауфеновъ, великую эпоху реформаціи, не менѣе великую эпоху гигантовъ нѣмецкой литературы, царствованіе Фридриха Великаго, освободительную войну 1813 года...

Г. П. Данилевскій, скончавшійся 6-го декабря минувшаго года,— не принадлежа къ небольшому числу нашихъ первоклассныхъ писателей, тѣмъ не менѣе занималъ видное мѣсто между прочими современными беллетристами. Ему особенно удавались и бытовые очерки („Бѣглые въ Новороссіи“), и картинки современныхъ нравовъ („Девятый валъ“); затѣмъ онъ перешелъ въ область историческаго ро-

Digitized by Google

мана, которому въ послѣдніе годы и посвятилъ себя почти всецѣло. Въ нашемъ журналѣ появился, до 1883 г., цѣлый рядъ крупныхъ его произведеній: „Девятый валъ“ (1874 г., №№ 1, 2 и 3); „Потемкинъ на Дунаѣ“ (1878 г., № 2); „Мировичъ“ (1879 г., №№ 6, 7 и 8); „На Индію“ (1880 г., № 12); „Княжна Тараканова“ (1883 г., № 5). Особенно памятнымъ и для автора, и для редакціи, оставался „Мировичъ“, который долженъ былъ войти въ составъ мартовской книжки 1877 г. Но эта книжка вышла 10-го марта, а самый романъ появился въ журналѣ, впрочемъ безъ измѣненій, спустя цѣлыхъ два года... Смерть застала Данилевскаго, какъ то сообщаютъ, за работой надъ романомъ изъ Петровскаго времени; нужно надѣяться, что она была близка къ концу и можетъ, хотя и не вполнѣ, появиться въ печати.

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ учредителей Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ.

При учрежденіи „Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ", мы имѣли въ виду объединить средства отдѣльныхъ лицъ, сочувствующихъ невзгодамъ переселенцевъ, и направить эти средства на удовлетвореніе ближайшихъ и самыхъ неотложныхъ нуждъ переселенцевъ на пути и въ первое время ихъ водворенія на мѣстахъ. Поэтому, учрежденное нами Общество имѣетъ характеръ, преимущественно, благотворительный. Если результатомъ его дѣятельности будетъ улучшеніе быта переселенцевъ, то это докажетъ лишь благотворное значеніе помощи, поданной во-время, въ минуту крайней нужды.

Нужда постигаетъ переселенцевъ въ пути, когда они скопляются массами въ нѣкоторыхъ пунктахъ, гдѣ для нихъ не имѣется достаточнаго и удобнаго помѣщенія. Къ этому присоединяются болѣзни, столь частыя при перемѣнѣ климата; болѣзни разорительны всегда и вездѣ, а особенно во время пути; при отсутствіи даровой медицинской помощи, онѣ часто имѣютъ роковой исходъ. Поэтому устройство помѣщеній въ главныхъ пунктахъ переселенческаго движенія, медицинская помощь больнымъ, снабженіе теплою одеждою и здоровою пищей—вотъ задачи, выполненіе которыхъ прежде всего предстоитъ Обществу.

Но и въ первое время по водвореніи въ незнакомой мѣстности переселенцы не могутъ обойтись безъ помощи и поддержки. Необходимо облегчить имъ пріобрѣтеніе строительныхъ матеріаловъ, скота, сельско-хозяйственныхъ орудій и сѣмянъ, необходимо дать пріютъ, пока не готовы собственные дома новыхъ посельниковъ; нужно предохранить ихъ отъ напрасныхъ передвиженій и безплодной траты силъ, времени и денегъ. Нужно подумать также о доставленіи имъ средствъ къ духовному просвѣщенію и умственному развитію.

Наше правительство издавна принимаетъ мѣры, чтобы поставить переселяющихся въ благопріятныя условія; наиболѣе важныя мѣропріятія относятся къ послѣднимъ годамъ. Въ 1881 году была основана переселенческая контора въ Батракахъ; съ 1883 года назна-

Digitized by Google

чены особые чиновники въ тобольской, томской, оренбургской и уфимской губерніяхъ, чтобы давать переселенцамъ указанія. Съ 1884 г. въ Западной Сибири дѣйствуетъ отрядъ межевыхъ чиновъ, который отводитъ переселенцамъ земельные участки. Наконецъ, 13-го іюля 1889 года изданъ очень важный законъ, которымъ опредѣляется: какія условія должны выполнить лица, желающія переселиться, и въ какихъ губеніяхъ переселенцы надѣляются землею. Заботами правительства же понижена плата по перевозкѣ переселенцевъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ. Всѣ эти мѣры тѣмъ болѣе доставили переселенцамъ существенныя облегченія, что должностныя лица, поставленныя у переселенческаго дѣла, съ большимъ рвеніемъ относятся къ своему служебному долгу.

Но изслѣдованія, произведенныя на мѣстѣ, при содѣйствіи правительственныхъ лицъ, которымъ ввѣрено дѣло переселенія, доказали, что на пользу переселенцевъ еще весьма многое предстоитъ сдѣлать общественной благотворительности. Разрѣшая учрежденіе Общества съ этою цѣлью, правительство выказало свою постоянную заботливость о переселенцахъ; отъ степени сочувствія этой цѣли со стороны отдѣльныхъ лицъ и будетъ зависѣть успѣхъ всего дѣла.

Управленіе Общества находится въ С.-Петербургѣ; но оно будетъ дѣйствовать при помощи и чрезъ посредство существующихъ уже въ Сибири и на Кавказѣ благотворительныхъ обществъ, которыя оказываютъ содѣйствіе переселенцамъ; оно будетъ также учреждать свои мѣстныя отдѣленія въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ въ нихъ окажется надобность. Съ нѣкоторыми пунктами, особенно важными для переселенческаго движенія, уже установлены связи, позволяющія разсчитывать на сотрудничество мѣстныхъ дѣятелей.

Мы, учредители, считаемъ лишнимъ доказывать очевидную пользу, которую Общество можетъ принести дѣлу упроченія экономическаго быта переселенцевъ сохраненіемъ ихъ силъ и здоровья, предупрежденіемъ обратныхъ, всегда разорительныхъ, переселеній и возможностью для остающихся на родинѣ крестьянъ получить прежніе надѣлы переселившихся. Дѣло благотворенія несомнѣнно окажется полезнымъ для общаго благосостоянія русской деревни.

Мы понимаемъ, какъ сложны и разнообразны обязанности основаннаго Общества. Благодарные правительству за высокое довѣріе, выраженное первою статьей устава, которая возлагаетъ на Общество „содѣйствіе правительству въ его заботахъ о лицахъ, переселяющихся на основаніи существующихъ правилъ и съ разрѣшенія подлежащаго начальства“, мы приглашаемъ къ участію всѣхъ русскихъ людей, сердцу которыхъ близки важные вопросы русской общественной жизни. Границы дѣятельности и задачи Общества получили въ

Digitized by Google

уставѣ столь точное опредѣленіе, что для разномыслія не остается мѣста. *Общество не рѣшаетъ, кто можетъ быть переселенцемъ: оно не имѣетъ дѣла съ тѣми лицами, которыя, быть можетъ, станутъ переселенцами: это рѣшаетъ только правительство въ лицѣ своихъ центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, опредѣляющихъ, кто въ правѣ оставить свою старинную осѣдлость.* Общество имѣетъ дѣло только съ тѣми лицами, которыя уже *получили дозволеніе переселиться*; за ними оно и будетъ слѣдовать, имъ оно и будетъ содѣйствовать во время пути и на мѣстѣ водворенія.

Кругъ дѣятельности Общества въ достаточной полнотѣ отвѣчаетъ на нужды переселенцевъ. Общество будетъ ставить себѣ на разрѣшеніе отдѣльныя задачи, соразмѣрно со своими средствами. Пока средства будутъ невелики, оно можетъ принимать только тѣ мѣры, которыя требуютъ, сравнительно, малыхъ затратъ: улучшеніе пріютовъ и больницъ въ тѣхъ пунктахъ, чрезъ которые передвигаются переселенцы, выдача самыхъ скромныхъ пособій и ссудъ. Съ возростаніемъ средствъ будутъ становиться доступнѣе и болѣе сложныя задачи—выдача переселенцамъ ссудъ для устроенія хозяйства, а равно содѣйствіе основанію храмовъ и школъ въ мѣстахъ водворенія.

Приступая, съ Божіею помощью, къ своей дѣятельности, мы, твердо вѣримъ, что русскіе люди дружно откликнутся на нашъ призывъ. Они поймутъ, что все, что̀ измѣняетъ къ лучшему условія переселеній, сохраняетъ народныя силы, возвышаетъ производительность труда, облегчаетъ русскимъ людямъ соперничество съ иностранцами, при занятіи русскихъ же земель, и противодѣйствуетъ вредному стремленію оставлять родину и искать приложенія рабочей силы въ далекой Америкѣ.

Лѣтомъ нынѣшняго года однимъ изъ учредителей Общества совершена была поѣздка по главному пути переселенцевъ. Мы приводимъ здѣсь собранныя имъ свѣденія; они показываютъ, въ чемъ преимущественно нуждаются переселенцы и какіе результаты достигнуты переселенцами, окончательно водворившимися въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири.

Самою большою станціею на пути переселенцевъ изстари служитъ Тюмень. За городомъ устроены бараки, гдѣ переселенцы находятъ себѣ пріютъ. Но бараки тѣсны, имѣютъ печь только въ одномъ отдѣленіи. И, вотъ, въ такіе-то бараки, гдѣ почти нѣтъ защиты отъ холода, можетъ быть съ трудомъ помѣщено человѣкъ до 1.000; обыкновенно же переселенцевъ скопляется не менѣе двухъ и даже трехъ тысячъ. А нынѣшнею весной, въ концѣ мая, ихъ было больше 14.000. При баракахъ вовсе нѣтъ навѣсовъ для склада вещей. Пере·

Digitized by Google

селенецъ везетъ съ собой ржаные сухари, харчится ими всю дорогу, надѣется, что, авось, доѣдетъ съ ними до мѣста водворенія, но одинъ дождь въ Тюмени—и сухари превращаются въ грязь. Большинство вынуждено останавливаться въ полѣ, и дѣти, не привыкшія къ суровымъ сибирскимъ ночамъ, во множествѣ заболѣваютъ и умираютъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ отъ оспы, скарлатины, дифтерита и тифа умерло слишкомъ 600 дѣтей. Въ Тюмени для переселенцевъ есть больница, но въ ней можно съ трудомъ помѣстить только 10—15 человѣкъ, а больныхъ сплошь и рядомъ набирается сотня, двѣ и больше.

Въ Томскѣ — вторая большая станція. Изъ Томска меньшинство идетъ въ Восточную Сибирь, а бо́льшая часть переселенцевъ направляется на отведенные имъ участки: поэтому здѣсь они не скопляются такими массами, какъ въ Тюмени; однако число ихъ доходитъ до 1000—1500 душъ, бараки же могутъ вмѣстить никакъ не больше 400. Въ Томскѣ барачныя зданія еще гораздо хуже, чѣмъ въ Тюмени; а такъ какъ они стоятъ въ очень болотистой мѣстности, то всѣ, кто не попалъ въ баракъ, должны располагаться на болотѣ: взрослые выдерживаютъ, а дѣти сильно хвораютъ и многія умираютъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ жаркіе, послѣдніе дни іюня среди томскихъ переселенцевъ было до 100 тяжкихъ больныхъ. Болѣзненность и смертность переселенцевъ нельзя измѣрять тѣми записями, которыя правильно ведутся въ Тюмени и Томскѣ. Многіе выѣзжаютъ изъ Тюмени тяжко больными и умираютъ во время 10 —12-дневнаго переѣзда на пароходѣ до Томска. Другіе минуютъ Томскъ и достигаютъ новой осѣдлости, но только для того, чтобы сложить свои кости. Трудно учесть, какъ велика смертность на пути; что она велика, доказывается переселенческою партіей, которая ѣхала въ 1889 году на баржѣ Функа: дорогой умерло болѣе 30 дѣтей.

Но, вотъ, побѣждены всѣ трудности пути, и переселенецъ садится на землю. Ему даютъ въ надѣлъ черноземный участокъ съ лѣсомъ; вблизи есть и вода. На такой землѣ можно получать урожаи, какіе на старомъ мѣстѣ и во снѣ не снились. Подъ рукой нерѣдко есть для избы такой крупный сосновый и еловый лѣсъ, какого въ курской или тамбовской губерніи и за большія деньги не купишь. Все хорошо, да не дается даромъ. Чтобы поднять новину, только-что расчищенную изъ-подъ лѣса, нужны 2 лошади; въ Сибири лошади дешевы, но за пару нужно, все-таки, заплатить 30—40 рублей; нужно десятка два рублей, чтобы купить соху, борону, телѣгу; нужно на первое время для посѣва хоть 15 пудовъ ржи и овса; нужна корова. Не велико имущество у крестьянской семьи, а на 100 рублей его, все-таки, не справишь. Кто приноситъ съ собой на мѣсто рублей полтораста, тотъ богатъ; кто принесъ только 100 рублей, тому не легко,

Digitized by Google

но онъ можетъ обзавестись всѣмъ, что особенно нужно для крестьянскаго обихода. У кого же меньше 100 рублей, тому ужъ очень трудно. 100—150 рублей на семью приносятъ съ собой немногіе счастливцы. Въ нынѣшнемъ году, съ весны до 1-го сентября, черезъ Томскъ прошло 2.282 семьи; изъ нихъ только 78 ($3^1/_2$%) имѣли при себѣ по 100 рублей и болѣе, а 1.499 (до 66%) семей имѣли по 3—5—10 рублей каждая, а частію и вовсе не имѣли денегъ. Не лучше обстояло дѣло и въ 1888 году. Томскій чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ собралъ свѣденія о 2.825 семьяхъ: оказалось, что только 756 (27%)—имѣли болѣе чѣмъ по 50 рублей на семью, а 1.250 (44%) вовсе не имѣли денегъ, или имѣли не болѣе 10 рублей. И самымъ лучшимъ черноземомъ не поможешь тому, кто пришелъ съ пустыми руками. Живетъ онъ въ землянкѣ, ѣстъ въ проголодь, расчиститъ изъ-подъ лѣса какую-нибудь полдесятины и, купивъ сѣмена въ долгъ, посѣетъ столько хлѣба, что и для себя на полгода не хватаетъ. Черезъ годъ, много черезъ два, такой переселенецъ, выбившись изъ силъ, или совсѣмъ попадаетъ въ руки кулаку, если найдетъ кулака по сосѣдству, или же идетъ обратно, на родину. А на родинѣ ждетъ его тяжелая доля: земля сдана міру, изба и скотъ проданы, нѣтъ своего угла, нужно искать самой дешевой поденьщины, а иной разъ даже питаться Христовымъ именемъ. Стоитъ не много поддержать такого переселенца на новомъ мѣстѣ, стоитъ дать ему въ ссуду 100 рублей, иногда 50 рублей на семью—и онъ будетъ благословлять свою судьбу. *Большинству не нужно безвозвратныхъ пособій:* устроитъ новоселъ понемногу хозяйство и въ 5—10 лѣтъ выплатитъ полученную ссуду. Есть много свѣденій о томъ достаткѣ, какого достигаютъ переселенцы, которые располагаютъ хотя небольшими средствами; ихъ трудолюбіе такъ велико, что они пріобрѣтаютъ болѣе высокое благосостояніе, чѣмъ старожилы, коренные жители сибирскихъ деревень. Въ селѣ Яркахъ, бійскаго округа, на средній дворъ переселенца приходится по 9 лошадей и 10 штукъ рогатаго скота. Въ селѣ Смоленскомъ, бійскаго округа, на средній дворъ переселенца приходится 8 лошадей и 9 коровъ, тогда какъ въ русскихъ черноземныхъ губерніяхъ средній крестьянскій дворъ имѣетъ всего 2—3 головы крупнаго скота. Въ маріинскомъ округѣ томской губерніи есть деревня Чернышева. Она была основана только въ 1885 году; теперь она имѣетъ 90 дворовъ, которые продали въ 1889 году 25.000 пудовъ хлѣба. А разъ хозяйство можетъ дѣлать такіе успѣхи, то нельзя помириться съ мыслью, что бѣдствуютъ и возвращаются на родину цѣлыя тысячи переселенцевъ; за 1889 годъ черезъ одинъ Оренбургъ возвратилось 757 семей въ числѣ 3.715 душъ, не говоря о тѣхъ, которые остались, но не успѣли устроиться на новомъ мѣстѣ.

Digitized by Google

Рядомъ съ матеріальной нуждой идетъ и нужда духовная. Русскій переселенецъ набоженъ; онъ отыскиваетъ для поселенія такую мѣстность, гдѣ бы неподалеку былъ Божій храмъ. Если такого мѣста не найдено, то онъ старается, по мѣрѣ притока новыхъ переселенцевъ, построить хотя самую маленькую церковь. Еще задолго до образованія прихода и назначенія священника, переселенцы ходятъ въ церковь и отыскиваютъ грамотѣя, который читалъ бы имъ св. писаніе. Гдѣ селеніе невелико, тамъ нужно много лѣтъ, чтобы построить даже самый маленькій храмъ. И помощь священными книгами, иконами и церковною утварью облегчила бы имъ удовлетвореніе ихъ религіознаго чувства.

Съ тѣмъ вмѣстѣ среди переселенцевъ обнаруживается и потребность въ просвѣщеніи. Выходцы изъ среднихъ и южныхъ губерній Европейской Россіи, гдѣ грамотность и школа стали уже замѣтною принадлежностью деревенской жизни, переселенцы ощущаютъ живую потребность въ школѣ. Большія поселенія могутъ удовлетворить эту потребность собственными силами; мелкіе же поселки не могутъ обойтись безъ сторонней помощи. Содѣйствіе могло бы принимать весьма различныя формы: иногда можно было бы содѣйствовать переселенцамъ въ сооруженіи школъ и снабженіи ихъ учебными пособіями; иногда огромной услугой — и особенно для самыхъ мелкихъ поселковъ—было бы одно снабженіе народными изданіями: въ долгіе зимніе вечера, при помощи такихъ изданій, грамотѣи, которыхъ переселенцы имѣютъ въ своей средѣ, могли бы хотя понемногу передавать подростающему поколѣнію начала грамотности.

Канцелярія Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ находится—въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту, д. № 65, кв. № 5.—Желающіе ознакомиться съ уставомъ Общества и поступить въ члены благоволятъ адресоваться въ Канцелярію Общества.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Изъ лекцій заслуженнаго профессора, доктора правъ П. Г. Рѣдкина по исторіи философіи права, въ связи съ исторіею философіи вообще. Т. VI. Спб., 91. Стр. 498. Ц. 3 р. 50 к.

Въ новомъ выпускѣ авторъ продолжаетъ начатое имъ обозрѣніе существеннаго содержанія философскихъ сочиненій Аристотеля и оканчиваетъ прежде всего разсмотрѣніе его Логики, а именно, послѣдней ея части — „топики“, или „діалектики“, слѣдующей за „аналитикой“; область ея составляетъ правдоподобное, въ отличіе отъ аподиктическаго, истиннаго—предмета аналитики. Главную часть настоящаго тома лекцій составляетъ самое интересное для большинства изъ всего написаннаго Аристотелемъ—его „Политика“, и именно, первая его часть, общая, служащая введеніемъ къ ученію о государствѣ вообще, гдѣ знаменитый философъ древности является антагонистомъ двухъ не менѣе знаменитыхъ его соотечественниковъ, Сократа и Платона, по вопросу объ опредѣленіи государства и власти. Въ послѣдующихъ главахъ „Политики“ Аристотель разсматриваетъ не менѣе интересный и вѣковой вопросъ о пріобрѣтеніи имущества, при чемъ, по заключенію автора, философъ является если не основателемъ новѣйшей политической экономіи, то „такимъ мыслителемъ, который подготовилъ ей основаніе, указавъ на предметъ и содержаніе этой науки, въ отличіе отъ прочихъ наукъ, именно, какъ науки о богатствѣ, и который съ замѣчательнымъ остроуміемъ освѣтилъ нѣкоторые факты какъ общественныя явленія, которыя и до сихъ поръ служатъ основою для этой науки“. И здѣсь, какъ и въ первомъ отдѣлѣ „Политики“, въ сужденіяхъ Аристотеля отражается міровоззрѣніе античнаго человѣка, по которому частные интересы должны стушевываться въ виду общаго блага государства—этой верховной цѣли всей человѣческой жизни и дѣятельности.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Т. VI: Исторія Академіи Наукъ Г.-Ф. Миллера, съ продолженіями Г.-Г. Штриттера (1725—1743). Спб. 90. Стр. 635.

Въ новомъ выпускѣ этого обширнаго изданія, предпринятаго нашею Академіею Наукъ, появилась исторія этого учрежденія, задуманнаго въ послѣднее время Петромъ В. и открытаго при его преемницѣ, 15-го августа 1725 г., въ Лѣтнемъ дворцѣ, когда Академія временно помѣщалась на Петербургской сторонѣ, въ домѣ вице-канцлера Шафирова. Самая исторія была написана извѣстнымъ Готфридомъ Миллеромъ и издана теперь въ оригиналѣ — на нѣмецкомъ языкѣ. Независимо значенія, какое имѣетъ этотъ трудъ для будущаго историка самой Академіи Наукъ, въ немъ можно найти много интересныхъ бытовыхъ подробностей, характеризующихъ и самую эпоху, и тогдашнее общество.

Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Имп. Вольнаго Экономическаго Общества, съ 1865 до 1890 г., составленный по порученію Общества секретаремъ его А. Н. Бекетовымъ. Спб. 90. Стр. 200.

Въ истекшемъ году Вольное Экономическое Общество завершило первое 25-лѣтіе своего второго столѣтія. Несмотря на относительную краткость новаго періода, сравнительно съ первымъ прожитымъ вѣкомъ дѣятельности Общества, это послѣднее 25-лѣтіе могло бы въ его дѣятельности превзойти все предшествующее время: 25 лѣтъ тому назадъ, празднованіе столѣтняго юбилея, въ 1865 г., почти совпало съ великимъ событіемъ освобожденія крестьянъ, и Общество въ первый разъ было въ состояніи, не вступая въ противорѣчіе съ окружавшею его до того времени дѣйствительностью крѣпостного права, взять на себя изслѣдованіе экономическихъ вопросовъ и быть дѣйствительно „вольнымъ“ при ихъ разрѣшеніи. Вѣроятно, въ виду такого новаго положенія страны, Общество исходатайствовало себѣ въ 1872 г. измѣненіе прежняго своего устава 1859 г., съ цѣлью сосредоточенія своей дѣятельности на вопросахъ преимущественно сельско-хозяйственныхъ и политико-экономическихъ. Авторъ историческаго очерка полагаетъ, что „оцѣнить то вліяніе, которое имѣли изслѣдованія и труды Общества на народное хозяйство, врядъ ли возможно“; но едва ли недостатокъ очевидности такого вліянія можетъ быть вмѣненъ въ вину Вольному Экономическому Обществу, хотя было бы интересно изслѣдовать, какія причины могли породить такой важный недостатокъ, какъ недостатокъ очевидности вліянія почтенныхъ трудовъ Общества на народное хозяйство.

Путешествіе по Св. Землѣ. Евг. Марковъ. Спб. 91. Стр. 523. Ц. 2 р. 25 к.

Мы еще недавно имѣли случай указывать на путешествіе Е. Л. Маркова на Востокъ; новая книга примыкаетъ тѣсно къ предъидущей и всецѣло занята описаніемъ странствованія автора по Сиріи и Малой Азіи, при чемъ онъ посѣтилъ прежде всего Св. Землю, которой и посвящена первая часть книги и значительная доля второй. Авторъ, хорошо, повидимому, подготовленный къ своему путешествію предварительнымъ изученіемъ литературы предмета, и привычный къ дѣлу, требующему наблюдательности, сообщилъ новый интересъ фактамъ, описаннымъ уже давно многократно и какъ бы общеизвѣстнымъ; въ то же время, все это вышло у него—не сухое изслѣдованіе, а весьма картинное изложеніе предмета, въ перемежку съ тѣми личными детальными похожденіями и впечатлѣніями, которые послужили иллюстраціею современнаго быта страны, служившей нѣкогда театромъ величайшихъ міровыхъ событій и переворотовъ.

Иллюстрированная исторія искусствъ, Любке. Архитектура, Скульптура, Живопись, Музыка. Съ 140 рисунками и портретами композиторовъ XIX вѣка. Второе дополненное изданіе перевода Ѳ. И. Булгакова, съ очеркомъ исторіи музыки М. М. Иванова. Спб. 91. Стр. 304. Ц. 2 р. 50 к.

Извѣстный трудъ Любке является нынѣ, во второмъ изданіи, дополненнымъ свѣденіями объ искусствѣ новѣйшаго времени, а именно, о школахъ французской, бельгійской, голландской и англійской; самыя свѣденія заимствованы изъ французскаго изданія руководства того же Любке, въ переводѣ Молля. Назначеніе книги—служить пособіемъ для школъ, самообученія и справокъ.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1891 г.

(Двадцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ **Съ перваго января открыта подписка на первую четверть 1891 года.** ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1891.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1891.

Стр.

I.—РЕФОРМА КЛАССИЧЕСКИХЪ ГИМНАЗІЙ ВО ФРАНЦІИ.—IV-V.—**Авт. Окольскаго** 489

II.—МИМОЧКА НА ВОДАХЪ.—Очеркъ.—I.—**В. М.** 526

III.—ТИХО-ОКЕАНСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА ВЪ КАНАДѢ.—**Платона Чихачева** 569

IV.—ПЕРВЫЕ ШАГИ.—Повѣсть.—VIII-XIV.—**К. М. Станюковича.** 588

V.—НАРОДНИКИ И НАРОДЪ.—Собраніе сочиненій Н. Златовратскаго.—**А. В—нъ.** 655

VI.—ДЭМОСЪ. — Романъ въ двухъ частяхъ. — Соч. Гиссинга. — Часть первая: VII-XI. — Пер. съ англ. **А. Э.** 696

VII.—СРЕДНЕВѢКОВОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ, ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІЕ И ИДЕАЛЪ.—II.—**В. И. Герье** 752

VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Зимою въ деревнѣ.—II. Обыкновенный случай.—**А. М. Жемчужникова** 782

IX.—НОВЫЙ ИСТОРИКЪ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. — H. Taine, Les origines de la France contemporaine.—IV-VII.—**К. К. Арсеньева** 784

X.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Уходишь ты...—**Влад. С. Соловьева.** 815

XI.—ФРАНКО-РУССКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ НАЧАЛѢ СТОЛѢТІЯ. — Поццо ди-Борго и его дѣятельность во Франціи.—**Л. З. Слонимскаго** . . . 816

XII.—СИЛУЭТЪ.—Стих. **В. Величко** 838

XIII.—ХРОНИКА.—По поводу финляндскаго сейма въ 1891 г.—**С. М.** . . . 839

XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Кончина Е. И. В. Николая Максимиліановича, герцога Лейхтенбергскаго.—Газетныя сообщенія о проектѣ городской реформы.—Городскіе выборы въ Саратовѣ. — Совѣтъ по земскимъ дѣламъ, проектируемый г. Коркуновымъ.—Рѣшеніе московскаго уѣзднаго съѣзда по дѣлу крестьянъ деревни Матушкиной.—Чрезвычайное дворянское собраніе въ Черниговѣ 848

XV.—ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1891 ГОДЪ.—**О.** 871

XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Недоумѣнія по вопросу о разоруженіи.—Сомнительные доводы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ патріотовъ. — Разговоръ одного журналиста съ княземъ Бисмаркомъ.—Внутреннія дѣла Германіи. — Отношеніе печати къ бывшему канцлеру и вопросъ о свободѣ печатнаго слова.—Остатки культуркампфа и проектъ Госслера 883

XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сборникъ свѣденій для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. II. — Историческое Обозрѣніе, т. I.—Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при новороссійскомъ университетѣ, т. I. — И. Я. Порфирьевъ, біограф. очеркъ. — Русскіе писатели, В. Острогорскаго. — **А. П.** — Введеніе въ философію, Г. Струве.—**В. С.**—Новыя книги и брошюры 893

XVIII.—ИСТОРІОГРАФІЯ И КОМПИЛЯЦІЯ. — По поводу третьяго тома „Исторіи Россіи", соч. Д. И. Иловайскаго.—**В. П. С—жева** 914

XIX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Liberty and a Living, by G. Hubert.—**И. Я.**—II. Naquet. Socialisme collectiviste et socialisme libéral.—III. Bulgarien, von Prinz v. Battenberg.—**Л. С.** 930

XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—„Отжившія учрежденія" Финляндіи и г. Коркуновъ; „низшая финляндская культура" и „Недѣля".—Открытіе сейма въ Гельсингфорсѣ.—Сессія московскаго и петербургскаго губернскихъ земскихъ собраній.—Нижегородское дворянское собраніе. — Похоронный вопросъ въ сенатѣ. — Юбилей А. Д. Шумахера. — Г. З. Елисеевъ и С. Я. Капустинъ † 940

XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Историко-филологическаго Общества при импер. новороссійскомъ университетѣ 957

XXII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ, Н. Бубнова, ч. II.—Мысли о воспитаніи, Дж. Локка.—Учебникъ русской исторіи, К. Елпатьевскаго.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова.—Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 28.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1891 г.

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки)

Digitized by Google

РЕФОРМА
КЛАССИЧЕСКИХЪ ГИМНАЗІЙ
ВО ФРАНЦІИ.

IV *).

Всѣ вредныя послѣдствія, вытекавшія изъ неудовлетворительнаго устройства коллегій (гимназій), въ дѣйствительности были несравненно хуже, вслѣдствіе особыхъ французскихъ школьныхъ порядковъ, усиливавшихъ этотъ вредъ во многихъ отношеніяхъ. Къ числу ихъ принадлежитъ и *конкурсъ*, о которомъ мы упоминали уже выше.

Въ первый разъ „конкурсъ" былъ учрежденъ для взаимнаго состязанія парижскихъ и версальскихъ коллегій въ 1748 г. Сначала къ состязанію были допущены только ученики высшихъ классовъ, начиная съ III-го. Каждое заведеніе могло представить къ состязанію 8 учениковъ на каждую конкурсную задачу. Три большія награды, prix d'honneur, давались за латинскую рѣчь; grand prix de rhétorique—за латинское разсужденіе философскаго содержанія и за математическую задачу. Вообще на каждую тэму было назначено по двѣ награды и по 8 похвальныхъ листовъ, такъ-называемыхъ—accessit. Впослѣдствіи допущены были къ состязанію и ученики низшихъ классовъ, начиная съ VI-го. Побѣдители на конкурсѣ пользовались сначала почетной привилегіей, состоявшею въ томъ, что были приглашаемы къ королев-

*) См. выше: январь, 44 стр.

Digitized by Google

скому столу. Впослѣдствіи, ученики, получившіе первыя награды, были освобождены отъ всѣхъ издержекъ по дальнѣйшему образованію, отъ всѣхъ экзаменовъ и даже отъ воинской повинности. Имена ихъ были провозглашаемы во всѣхъ газетахъ; они имѣли право на блестящую карьеру, а иногда получали и матеріальныя выгоды, такъ какъ они пріобрѣтали иногда отъ общинъ или корпорацій драгоцѣнные подарки. Въ 1864 г. учрежденіе это было расширено такимъ образомъ, что, на основаніи декрета 28-го мая, были назначены конкурсы между лицеями и коллегіями цѣлаго департамента, le concours général des lycées des departements. Распоряженіемъ 10-го апрѣля 1865 г. назначены конкурсы между коллегіями всего академическаго округа. Наконецъ, распоряженіемъ 30-го декабря 1868 г. допущены къ конкурсу ученики такъ-называемаго — enseignement spécial. Ученики, получившіе prix d'honneur на окружномъ конкурсѣ, были освобождены отъ воинской повинности, отъ взноса платы за обученіе, за испытаніе и дипломы. Такими же привилегіями пользовались тѣ, которые получили такъ-называемые le prix des ministres, по исторіи въ классѣ реторики. Другіе получали награды, состоявшія въ лавровыхъ вѣнкахъ и книгахъ, раздаваемыхъ на торжественныхъ актахъ, со всѣмъ средневѣковымъ церемоніаломъ.

Какія послѣдствія влекли за собою столь многочисленные конкурсы? Мы уже раньше обратили вниманіе на то, что конкурсныя соображенія производили самое рѣшительное вліяніе на школьное обученіе. Для болѣе способныхъ учениковъ полученіе награды на конкурсѣ дѣлалось исключительною цѣлью обученія, начиная съ VI класса. Трудно найти достаточно словъ, чтобы описать трудолюбіе, энергію, упорство, обнаруживаемое даже 12-лѣтними учениками, для того, чтобы не допустить ошибки въ thème или version, латинскомъ или греческомъ, которыя могли бы повредить имъ на конкурсѣ. Но оборотною стороною медали было то, что и эти, самые лучшіе ученики не развивали въ себѣ любви къ классическимъ наукамъ и древности. Въ самомъ счастливомъ случаѣ они достигали извѣстной проницательности мышленія и поверхностнаго литературнаго развитія, но не духовной зрѣлости. Впрочемъ, большинство съ самаго начала избирало извѣстную спеціальность, которой оно посвящало себя, надѣясь такимъ образомъ легче одержать побѣду. Такъ напр., одинъ избиралъ своею спеціальностью греческій языкъ, другой—латинскій, иной—thème или version latin, или исторію, и т. д. Каждый можетъ понять, какія слабыя стороны имѣла такая

Digitized by Google

система обученія. Профессора не только не старались противодѣйствовать столь вредному порядку вещей, но, напротивъ, поощряли его, такъ какъ и они участвовали въ славѣ, добытой учениками на конкурсѣ. Мы уже обратили выше вниманіе на то, что профессора, вслѣдствіе конкурса, не заботились о большинствѣ учениковъ, лишь бы только приготовить извѣстное количество отличающихся, бывшихъ въ состояніи состязаться на конкурсѣ. Поэтому они сами требовали отъ нихъ спеціализаціи, т.-е. избранія исключительнымъ своимъ занятіемъ части одного извѣстнаго предмета, напр., переводовъ съ французскаго языка на латинскій и т. п. Что, однакожъ, можно сказать объ образованіи молодого человѣка, который въ продолженіе всего пребыванія своего въ коллегіи изучалъ бы не одну, по крайней мѣрѣ, науку или извѣстный предметъ, но только часть ихъ, пренебрегая вполнѣ другими науками? Поэтому самымъ вреднымъ послѣдствіемъ конкурса было пренебреженіе громаднымъ большинствомъ учениковъ, ради нѣкоторыхъ избранныхъ, а затѣмъ—ложное направленіе даже въ обученіи этихъ нѣсколькихъ привилегированныхъ.

Можно бы еще до нѣкоторой степени защищать конкурсъ, еслибы эти избранные ученики, извлекающіе изъ него пользу, получали солидное образованіе,—но и этого сказать нельзя. Молодой побѣдитель на конкурсѣ, прославляемый въ газетахъ, которому всѣ университетскія власти отдавали почести во время торжественной раздачи наградъ, къ которому родной городъ иногда высылалъ депутаціи,—пропитывался ложнымъ убѣжденіемъ, что онъ одержалъ не простую школьную побѣду, но что уже сдѣлался человѣкомъ заслуженнымъ въ наукѣ. Самолюбіе и высокомѣріе препятствовали ему въ дальнѣйшихъ серьезныхъ занятіяхъ. Часто награда на конкурсѣ побуждала его къ посвященію себя литературѣ, въ которой онъ послѣ никогда не выходилъ изъ ряда посредственности. Этому же обстоятельству слѣдовало въ значительной степени приписать и то, что очень мало молодыхъ людей, окончившихъ коллегію, искали впослѣдствіи болѣе основательнаго образованія на филологическихъ факультетахъ, facultés-èslettres, хотя коллегія къ нимъ преимущественно и приготовляла. Въ самомъ дѣлѣ, не только на этихъ факультетахъ, но и на факультетахъ математически-естественныхъ наукъ, ès-sciences, въ 1868 г., и даже еще позже, почти не было студентовъ. Еще въ 1877 г. на 15 филологическихъ факультетахъ было только 238 студентовъ, хотя эти факультеты стоили государству 1.036.387 фр. Впрочемъ, зачѣмъ такимъ ученикамъ было поступать въ такой факультетъ, когда они степень лиценціата

Digitized by Google

(магистра) могли получить съ познаніями, вынесенными изъ коллегіи? Вѣдь на испытаніи на эту степень требовалось то же самое, что̀ и въ коллегіи: thème latin, version и т. д. Бывали даже случаи, что хорошіе ученики реторики выдерживали такое испытаніе безъ особаго приготовленія.

Изъ французскихъ писателей мало кто обращалъ до сихъ поръ должное вниманіе на вредное вліяніе, производимое конкурсомъ на всю французскую систему школьнаго обученія. Но нѣмецкіе педагоги,—менѣе, можетъ быть, увлеченные его наружнымъ блескомъ,—осуждали его такъ, какъ онъ этого заслуживалъ. Фёлькеръ называетъ его ракомъ, разъѣдающимъ французскую школу; Ганъ — вампиромъ, убивающимъ всякое педагогическое сознаніе. Послѣдній нѣмецкій писатель, доказывая необходимость полной отмѣны конкурса, примѣнилъ къ нему слова Катона старшаго о необходимости уничтоженія Карѳагена: caeterum censeo concursum delendum esse.

Если конкурсъ производилъ столь пагубное вліяніе на образованіе учениковъ, раздѣляя ихъ противоестественнымъ образомъ на незначительное меньшинство, о которомъ заботились, и на громадное большинство пренебрегаемыхъ, то не менѣе вредныя послѣдствія въ этомъ отношеніи происходили отъ другой особенности французскаго училищнаго устройства, а именно, отъ недостатка переходныхъ экзаменовъ, examens de passage.

Правда, что переходныя испытанія были заведены еще въ XVIII ст., но впослѣдствіи они вышли совершенно изъ употребленія. И позже еще статутъ 4-го сентября 1821 г. ввелъ два даже испытанія, въ каждомъ классѣ, въ продолженіе года: одинъ — во второй половинѣ пятаго мѣсяца преподаванія, а другой — во второй половинѣ десятаго мѣсяца. Распоряженіе это было развито впослѣдствіи изданными правилами, но эти правила, рекомендуемыя неоднократно министрами, не могли быть примѣняемы вслѣдствіе рѣшительнаго сопротивленія со стороны родителей. Экзаменъ въ концѣ десятаго мѣсяца почти совершенно вышелъ изъ употребленія. Въ настоящее время школьное начальство довольствуется тѣмъ, что предъявляетъ родителямъ требованіе объ оставленіи ихъ сына на второй годъ въ классѣ; если, однакожъ, родители не соглашаются, тогда начальство не настаиваетъ на этомъ и переводитъ ученика въ высшій классъ, подвергая его только pro forma экзамену. Такимъ образомъ, хотя и были испытанія, долженствующія препятствовать переходу учениковъ, несоотвѣтственно подготовленныхъ, изъ низшаго класса въ высшій, но только на бумагѣ. Бреаль говоритъ, что онъ не

Digitized by Google

знаетъ случая, когда ученикъ, разъ принятый въ коллегію, не могъ бы дойти до философіи. Директора только въ видѣ исключенія задерживали въ классѣ учениковъ очевидно слабыхъ, вообще же пропускали всѣхъ. Чаще всего въ классѣ оставались не слабые, но отличные ученики, если они не достигли возраста, опредѣленнаго для конкурса, и такимъ образомъ могли обезпечить въ свою пользу болѣе шансовъ побѣды. Такимъ образомъ, возрастъ, назначенный для конкурса, рѣшалъ вопросъ о переходѣ учениковъ изъ одного класса въ другой.

Послѣдствія этой системы были всѣмъ извѣстны; всѣ знали, что̀ слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ: la tête и la queue класса. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ болѣе разительное различіе, отличающее учениковъ, составляющихъ чело класса, отъ тѣхъ, которые составляютъ его хвостъ. По словамъ Бреаля, на 50 учениковъ въ классѣ, 10 работало усердно, 15—кое-какъ; остальные же тянулись какъ мародеры за арміею, принадлежа къ ней болѣе номинально, чѣмъ существенно. Различіе между ними было такое, что если лучшій ученикъ сдѣлалъ 1/4 ошибки, послѣдній дѣлалъ ихъ 60. Профессора почти не занимались учениками, принадлежащими къ queue класса. Качая головою, они говорили, что интересуются только челомъ класса, остальное же ихъ не касается. Иначе, впрочемъ, быть не могло, по причинѣ громаднаго различія въ знаніяхъ учениковъ. Вслѣдствіе того нѣсколько лучшихъ учениковъ стояло выше учениковъ соотвѣтственныхъ классовъ нѣмецкихъ гимназій, но остальные, 40—50, не могли даже сравниваться съ ними. Если въ письменной работѣ у перваго ученика была только одна ошибка, то въ работахъ послѣднихъ можно было насчитать 200.

Причиною того, что переходныя испытанія не принялись въ французской школьной практикѣ, было, съ одной стороны, то, что спеціальныя училища, въ которыя можно было поступить изъ коллегіи, опредѣляли довольно ограниченный возрастъ, до котораго можно было пользоваться этимъ правомъ, а съ другой стороны—конкурсъ. Опредѣленіе слишкомъ краткаго срока для поступленія въ эти училища принуждало учениковъ стараться какъ можно скорѣе окончить коллегію, учителей же—смотрѣть съ снисхожденіемъ на ихъ неудовлетворительные успѣхи въ наукахъ. Конкурсъ опять принуждалъ профессоровъ заботиться о приготовленіи въ каждомъ классѣ нѣсколькихъ отборныхъ учениковъ, пренебрегая остальными. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи конкурсъ производилъ пагубное вліяніе на французскія школьныя отношенія.

Digitized by Google

Вредныя послѣдствія, вытекающія изъ этого, очевидны. Понятно, что если ученикъ пробылъ девять лѣтъ въ коллегіи, ничѣмъ не занимаясь, то это было бѣдствіемъ для него самого, для его товарищей и для всего общества; для него самого—такъ какъ, ничего не дѣлая въ продолженіе этого времени, онъ былъ принужденъ, оставивъ коллегію, подвергнуться испытанію на баккалавра, которое могло только открыть ему доступъ къ различнымъ занятіямъ. Поэтому многіе, имѣя въ виду приготовленіе къ этому испытанію, не посѣщали уже классовъ реторики и философіи. Къ испытанію этому они приготовлялись на скорую руку и въ концѣ срѣзывались. Въ 1865 г., на 2.500 учениковъ, подвергшихся этому испытанію, не выдержали его 1.400. Многіе подвергались ему вторично, а многіе были принуждены окончательно отказаться отъ него, потерявъ самую прекрасную часть своей жизни. Они дѣлались déclassés, въ полномъ смыслѣ этого слова, ничего не зная, и не зная, что съ собою дѣлать. Для всѣхъ такихъ учениковъ было бы несравненно лучше, еслибы ихъ задержали по срединѣ дороги, а не предъ послѣднимъ препятствіемъ, стоящимъ на дорогѣ къ достиженію окончательной цѣли ихъ девятилѣтнихъ трудовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что для болѣе прилежныхъ учениковъ и для успѣха въ наукахъ вообще было бы несравненно выгоднѣе, еслибы такіе праздные или неспособные ученики, разстроивающіе только классъ, были изъ него раньше удалены. Вслѣдствіе отсутствія переходныхъ экзаменовъ, классы были переполнены такими именно учениками, а переполненіе это отражалось невыгодно и на лучшихъ ученикахъ. Ясно, что вслѣдствіе того профессоръ не былъ въ состояніи ни исправлять надлежащимъ образомъ письменныхъ работъ, ни удостовѣряться въ знаніи учениковъ. Несмотря на то, что профессоръ пренебрегалъ вообще la queue de la classe, онъ все-таки былъ принужденъ кое-какъ заниматься и такими учениками, теряя безплодно время, которое съ большею пользою могло бы быть употреблено для лучшихъ. Вообще отсутствіе переходныхъ испытаній вліяло на пониженіе уровня образованія въ школахъ.

Наконецъ, и общество имѣло бы пользу отъ переходныхъ экзаменовъ, такъ какъ оно освободилось бы отъ массы déclassés, которые, въ продолженіе девятилѣтняго празднаго пребыванія въ коллегіи, пріобрѣли только высокомѣрное понятіе о своемъ достоинствѣ, возвысили требованія относительно будущей карьеры, не получивъ къ ней соотвѣтственнаго приготовленія. Такой ученикъ, не выдержавъ испытанія на баккалавра, былъ слишкомъ

Digitized by Google

старъ и слишкомъ отвыкъ отъ работы, чтобы учиться съизнова. Онъ питался столько лѣтъ грезами, которыхъ не былъ въ состояніи осуществить. Онъ не хотѣлъ приняться за физическій трудъ, который презиралъ. Былъ онъ déclassé въ полномъ смыслѣ этого слова—умственнымъ пролетаріемъ. Поэтому и для общества было бы выгоднѣе, еслибы такіе ученики обратились раньше къ какимъ-нибудь продуктивнымъ занятіямъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, трудно не согласиться съ Ж. Симономъ, по мнѣнію котораго, введеніе переходныхъ экзаменовъ было бы самымъ настоятельнымъ требованіемъ французской школьной реформы.

Говоря о переходныхъ испытаніяхъ, мы упомянули объ испытаніи на степень баккалавра, bachelier. Испытаніе это представляло столько особенностей, свойственныхъ французской школьной системѣ, и было сопряжено съ такими вредными послѣдствіями, что намъ слѣдуетъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Это испытаніе служило, такъ сказать, путеводною звѣздою, руководящею всѣми учениками, во время пребыванія ихъ въ школѣ, окончательною цѣлью ихъ трудовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пробнымъ камнемъ, долженствующимъ удостовѣрить, насколько они воспользовались школьнымъ обученіемъ. Оно отличалось отъ экзамена зрѣлости, которому подвергаются наши гимназисты, тѣмъ, что происходило не въ лицеѣ или коллегіи, но въ философскомъ факультетѣ университета (faculté-ès-lettres); ученики, выдержавшіе его успѣшно, получали не свидѣтельство объ окончаніи ими курса наукъ въ гимназіи, а дипломъ на первую ученую степень въ университетѣ—баккалавра. Испытаніе это открывало ученикамъ доступъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, а также къ государственной службѣ. Производство его въ факультетахъ, очевидно, имѣло начало свое въ среднихъ вѣкахъ, когда коллегіи были только частью факультетовъ. Тогда все, даже факультетское преподаваніе, было перемѣщено въ коллегіи, профессора же университета были вмѣстѣ съ тѣмъ учителями въ коллегіяхъ. Связь эта между тѣми и другими учебными заведеніями сохранилась посредствомъ упомянутаго экзамена, даже послѣ формальнаго отдѣленія коллегій отъ факультетовъ въ новѣйшее время.

Испытаніе это, возстановленное декретомъ 1802 г. и по которому требовалось отъ учениковъ только удостовѣреніе въ знаніи наукъ, преподаваемыхъ въ двухъ высшихъ классахъ, впослѣдствіи подверглось различнымъ преобразованіямъ. Уже въ 1820 г. на этомъ экзаменѣ, кромѣ знанія реторики и философіи, требо-

Digitized by Google

вали еще знанія латинскихъ и греческихъ авторовъ, исторіи и географіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что онъ долженъ продолжаться, по крайней мѣрѣ, 3/4 часа. Въ 1821 г. прибавили къ нему математику и физику, а въ 1830 г.—письменныя работы. Такъ какъ къ этому испытанію являлись часто подставныя лица, то было опредѣлено, что они должны происходить въ томъ факультетѣ, въ округѣ котораго ученикъ окончилъ коллегію, или гдѣ имѣлъ постоянное мѣстожительство. Въ виду предупрежденія другихъ злоупотребленій, постановлено было, что экзаменующіеся должны получать вопросы по билетамъ. Изъ этого опять возникла потребность подробныхъ программъ, заключавшихъ 400 вопросовъ. Вскорѣ появилось другого рода неудобство, такъ-называемые репетиторы (prépараteurs). Были такіе, которые обязывались въ продолженіе шести мѣсяцевъ приготовить кандидата къ испытанію. Главная цѣль—дипломъ—за деньги была достигнута, хотя бы ученикъ чрезъ мѣсяцъ опять ничего не зналъ. Поэтому распоряженіе 1838 г. запрещало устроивать приготовительные курсы къ такому испытанію, подъ страхомъ судебнаго преслѣдованія противъ тѣхъ, которые сдѣлали бы о нихъ публичныя объявленія. Впослѣдствіи были еще повышены требованія отъ письменныхъ работъ, такъ какъ на испытаніи нужно было составить латинскую рѣчь (1857 г.). Министръ Дюрюи опредѣлилъ въ 1865 г., что письменныя испытанія должны состоять изъ письменныхъ работъ на французскомъ и латинскомъ языкѣ и изъ французскаго разсужденія по философіи. Одновременно съ этимъ были отмѣнены подробныя программы.

Несмотря на столь многочисленныя измѣненія, которымъ подвергся экзаменъ на баккалавра, всѣ были имъ недовольны; многіе даже утверждали, что если заранѣе не будутъ предприняты соотвѣтственныя мѣры—испытаніе это приведетъ къ полному паденію науки во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, испытаніе это производило самое пагубное вліяніе на школьное образованіе во Франціи, не представляя никакой гарантіи, что ученики, выдержавшіе его, дѣйствительно были этого достойны. Дѣйствительно, какимъ образомъ можно было требовать, чтобы такое испытаніе составляло вѣрное мѣрило знаній учениковъ, если оно продолжалось, за исключеніемъ письменныхъ работъ, не болѣе 3/4 часа, а въ Парижѣ—по недостатку времени и множеству кандидатовъ —еще менѣе. Въ это время кандидатъ обязанъ былъ отвѣчать по 9 предметамъ, такъ что на каждый приходилось не болѣе 5 минутъ. Если изъ этого вычтемъ еще время на предложеніе вопроса, приготовленіе книги для перевода и т. п., то при-

Digitized by Google

демъ къ убѣжденію, что экзаменаторъ не былъ въ состояніи рѣшить, зналъ ли кандидатъ свой предметъ, или нѣтъ? Онъ долженъ былъ довольствоваться самымъ сжатымъ его отвѣтомъ. Очевидно, что вслѣдствіе этого весь результатъ испытанія зависѣлъ отъ случая. Самый лучшій кандидатъ, которому память временно измѣнила, не выдерживалъ; между тѣмъ плохіе ученики выходили съ успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ, столь поверхностное испытаніе не давало никакого ручательства въ дѣйствительномъ приготовленіи кандидатовъ. Съ другой стороны, результатъ испытанія, зависящій просто отъ случая, производилъ вредное вліяніе на школьныя занятія, такъ какъ принуждалъ учениковъ двухъ высшихъ классовъ коллегіи пренебрегать преподаваемыми въ нихъ науками, лишь бы только приготовиться къ этому экзамену. Худшіе ученики уже въ классѣ реторики начинали заучивать наизусть одинъ изъ неисчислимыхъ Manuel du baccalauréat, въ которыхъ на каждый вопросъ оффиціальной программы былъ помѣщенъ коротенькій отвѣтъ. Лучшіе приступали къ тому же въ классѣ философіи. Вслѣдствіе того классы эти были вообще пусты; ученики не считали даже нужнымъ посѣщать ихъ. Такимъ образомъ, даже классы реторики и философіи, считаемые вѣнцомъ классическихъ наукъ, для большинства учениковъ пропадали безплодно. Ученики вмѣсто того, чтобы заниматься спокойно трудомъ, развивающимъ ихъ умъ, набивали себѣ лихорадочно голову свѣденіями изъ своего руководства. Но это было занятіе и упражненіе одной памяти, не оставляющее никакого слѣда въ самое короткое время. Здѣсь не могло быть и рѣчи о дѣйствительномъ развитіи умственныхъ способностей. Другіе ученики ввѣрялись спеціальнымъ репетиторамъ, содержащимъ особые пансіоны, которые изъ приготовленія къ этому испытанію дѣлали себѣ доходный промыселъ. Легко вообразить, къ какимъ послѣдствіямъ должно было это повести, въ особенности, если вспомнить, что во французскихъ коллегіяхъ не было переходныхъ экзаменовъ.

Поэтому многіе давно уже предлагали безусловную отмѣну этого испытанія и замѣну его экзаменомъ зрѣлости, какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, при посредствѣ профессоровъ коллегіи, бывшихъ въ состояніи лучше оцѣнить достоинство ученика, чѣмъ профессора факультета, видѣвшіе его въ первый разъ во время экзаменовъ. Ж. Симонъ предлагалъ раздѣленіе его на двѣ части, такъ чтобы по нѣкоторымъ предметамъ ученикъ держалъ испытаніе послѣ класса реторики, по остальнымъ же—послѣ класса философіи. Фарней высказалъ мнѣніе, что дотолѣ нельзя будетъ

Digitized by Google

исправить этого экзамена, существующаго столько вѣковъ, не смотря на всѣ его недостатки, доколѣ будетъ сохранена теперешняя школьная система; главный же недостатокъ этой системы состоялъ, по его мнѣнію, въ томъ, что все время школьнаго обученія представлялось чѣмъ-то цѣльнымъ, безъ всякаго перерыва, на чемъ ученики могли бы остановиться или даже закончить свое образованіе. Кто разъ поступилъ въ коллегію—долженъ былъ окончить ее, если хотѣлъ достигнуть извѣстнаго результата. Еслибы существовалъ такой перерывъ, ученики могли бы держать экзаменъ по частямъ. Но такъ какъ его не было, они были принуждены держать его въ концѣ обученія. Изъ этого вытекало чрезмѣрное расширеніе экзаменныхъ программъ, спѣшная работа учениковъ въ послѣднюю минуту, скороспѣлое производство баккалавровъ, но не образованіе людей. Отстаивая раздѣленіе этого экзамена на двѣ части, Фарней доказывалъ также необходимость перенести его изъ университета въ коллегію. Въ этомъ отношеніи онъ справедливо ссылался на то, что профессора коллегій были болѣе опытны въ дѣлахъ, относящихся до средняго образованія, вслѣдствіе чего они легче могли оцѣнить познанія учениковъ; профессора университета, вслѣдствіе другого рода занятій, легче могли ошибаться въ оцѣнкѣ учениковъ, которыхъ въ первый разъ видѣли во время столь поверхностнаго экзамена; занятіе это отнимало у нихъ напрасно ежегодно два или три мѣсяца времени, которые могли быть съ большею пользою употреблены на ихъ чисто ученыя занятія. Такимъ же образомъ и Боассье полагалъ, что лучше всего было бы перенести этотъ экзаменъ въ коллегію и сдѣлать изъ него такой же экзаменъ зрѣлости, какъ въ Германіи или въ другихъ странахъ. Но такая реформа казалась ему столь радикальною, что, по его мнѣнію, она могла быть введена только послѣ достаточнаго приготовленія общественнаго мнѣнія.

А интернаты, пансіоны, въ которыхъ помѣщались сотни учениковъ,—какое вліяніе производили они на обученіе и воспитаніе? Почему они сохранились, несмотря на то, что всѣ сознавали ихъ пагубное вліяніе на то и другое?

Нѣкоторые утверждаютъ, что обычай помѣщать мальчиковъ въ пансіонахъ, устроенныхъ при коллегіяхъ, столь укоренившійся во Франціи, слѣдуетъ приписать паденію семейной жизни въ этой странѣ, вслѣдствіе чего родители старались какъ можно скорѣе удалить изъ дому своихъ дѣтей и возложить обязанность воспитывать ихъ на постороннія лица. Фактъ этотъ Бреаль отрицаетъ рѣшительно. По его мнѣнію, каждый, знающій Францію

Digitized by Google

не только изъ романовъ и водевилей,—знаетъ, какъ тяжко родителямъ разстаться со своимъ сыномъ, какую это боль, страданіе причиняетъ имъ. Еслибы обычай помѣщать мальчиковъ въ интернатахъ былъ послѣдствіемъ ослабленія семейной связи, въ такомъ случаѣ онъ обнаружился бы одинаковымъ образомъ и по отношенію къ дочерямъ. Между тѣмъ этого нельзя замѣтить. Помѣщеніе дѣвочекъ или въ монастырскихъ, или въ частныхъ пансіонахъ, составляетъ исключеніе. Дѣвушки остаются, большею частью, въ домѣ, хотя и посѣщаютъ школу.

По мнѣнію Бреаля, интернаты суть учрежденіе, заведенное искусственно и поддерживаемое всемогущею рукою государства, хотя начало его коренится въ глубокомъ и отдаленномъ прошедшемъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго начала возстановленія коллегій, еще въ XIII ст., онѣ были интернатами. Впослѣдствіи, и іезуиты, учреждая коллегіи, старались прежде всего объ учрежденіи интернатовъ, въ которыхъ могли бы воспитывать молодежь въ монастырскомъ благочиніи, вдали отъ всякихъ посторонннихъ вліяній. Послѣ нихъ они были унаслѣдованы Наполеономъ I, который воспользовался этимъ учрежденіемъ, въ своихъ личныхъ цѣляхъ, желая обезпечить, въ видѣ награды, сыновьямъ своихъ солдатъ даровое обученіе. Съ того только времени обнаружилось вліяніе государства—для того, чтобы привлечь самое большое количество учениковъ въ интернаты. Къ этому стремились не только учрежденіемъ съ самаго начала значительнаго (6.400) количества стипендій, такъ-называемыхъ bourses, но и другими распоряженіями. Такъ напр., декретъ 18-го января 1811 г. запрещалъ профессорамъ коллегій принимать въ свой домъ, въ качествѣ пансіонеровъ и даже экстерновъ, болѣе двухъ учениковъ. Декретъ 15-го ноября того же года запрещалъ содержателямъ частныхъ учебныхъ заведеній принимать интерновъ, достигшихъ 9-лѣтняго возраста, если въ мѣстныхъ коллегіяхъ и казенныхъ лицеяхъ не было еще полнаго комплекта интерновъ, положеннаго по штату. Впослѣдствіи, хотя эти принудительныя средства были отмѣнены, но стипендіи, привилегированное положеніе коллегій и др. т. п. средства содѣйствовали уменьшенію конкурренціи въ этомъ отношеніи частныхъ лицъ, доставляли преобладаніе казеннымъ интернатамъ и усиливали обычай отдавать въ нихъ дѣтей. Обычай этотъ укоренился даже до такой степени, что вызываетъ въ настоящее время опасеніе у всѣхъ педагоговъ, смотрящихъ на этотъ вопросъ съ болѣе широкой точки зрѣнія. „Интернаты,—какъ выразился Маріонъ,—это главный источникъ всѣхъ нашихъ педагогическихъ недуговъ“.

Digitized by Google

Посредствомъ интернатовъ во Франціи, государство взяло на себя задачу доставить молодому поколѣнію не только образованіе, но и воспитаніе. Посмотримъ, насколько оно разрѣшило эту задачу, какое вліянія интернаты произвели на первое и послѣднее.

По отношенію къ воспитанію всѣ соглашаются, что интернаты произвели самое вредное вліяніе на нравственное существо молодежи. На первый видъ все въ интернатѣ идетъ отлично: внѣшній порядокъ безукоризненный; поведеніе учениковъ, точность и аккуратность не даютъ повода къ упрекамъ; во время, предназначенное на работу, тишина соблюдается безусловно; во время отдыха всякій неприличный разговоръ или проявленіе грубости нравовъ строго наказуется: никакое проявленіе порчи нравственной не можетъ обнаружиться. По отношенію къ строгой дисциплинѣ университетъ еще и теперь носитъ на себѣ отпечатокъ своего наполеоновскаго происхожденія. Вслѣдствіе того коллегія въ сущности составляетъ своеобразную смѣсь монастыря и казармъ. „Коллегія,—говоритъ Ж. Симонъ,—это въ сущности монастырь. Императоръ (Наполеонъ I) отмѣнилъ только ежедневную обѣдню, далъ ученикамъ фракъ вмѣсто рясы, вмѣсто колокола завелъ барабанъ и предписалъ полчаса военныхъ упражненій. Отнимите эту внѣшнюю обстановку, и вы будете имѣть монастырь". Въ самомъ дѣлѣ, все въ коллегіи предписано съ монастырскою точностью и монотонностью. Впрочемъ, иначе быть не могло, такъ какъ въ интернатахъ помѣщалось по нѣскольку сотъ учениковъ, вслѣдствіе чего нельзя было бы сохранить порядокъ другимъ образомъ. По общепринятому порядку, занятія въ лицеяхъ и коллегіяхъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ. Въ 5 часовъ 30 мин. утра ученики встаютъ и одѣваются. Съ 5 часовъ 50 мин. до 7 час. 15 мин. учится урокъ (étude). Съ 7 часовъ 15 мин. до 8 часовъ—завтракъ, отдыхъ и медицинскій осмотръ. Съ 8 до 10 часовъ—занятіе въ классѣ (classe). Съ 10 час. до 10 ч. 15 м. — отдыхъ, а потомъ до 12 часовъ ученіе уроковъ (étude). Съ 12 до 12 час. 30 мин.—обѣдъ, а потомъ до 1 ч. отдыхъ. Съ 2 до 4 час.—занятіе въ классѣ. Съ 4 до 5 час.—полдникъ и отдыхъ, а съ 5 до 8 час. —étude. Съ 8 до 8 час. 30 мин. ученики ужинаютъ и ложатся спать. Несмотря на все это, интернаты не достигали своей цѣли. Они были въ состояніи обезпечить одинъ строгій порядокъ, дисциплину, но не воспитаніе молодежи.

Но поверхностная дисциплина не въ состояніи замѣнить воспитанія. Она можетъ воздержать только проявленіе страстей, но не въ состояніи искоренить ихъ; она не въ состояніи возбудить или усилить лучшихъ наклонностей и принциповъ,

Digitized by Google

которые одни могутъ доставить человѣку болѣе сильную нравственную точку опоры; она не можетъ обезпечить его отъ заразительнаго вліянія другихъ. Какъ только дисциплина перестанетъ дѣйствовать и юноша получитъ обратно свою свободу,— неискорененныя пагубныя наклонности пробуждаются въ немъ съ небывалою прежде силою. И это неудивительно, такъ какъ внѣшняя дисциплина не была въ состояніи внушить ему болѣе сильныхъ нравственныхъ убѣжденій.

Различныя возраженія возбуждались противъ интернатовъ особенно съ воспитательной точки зрѣнія. Многіе обращали вниманіе на пагубное вліяніе въ нравственномъ отношеніи, бывшее послѣдствіемъ накопленія учениковъ, изъ которыхъ болѣе взрослые или болѣе испорченные дѣйствовали вреднымъ образомъ на младшихъ. Указывали также на обнаруживающіеся gewisse Luster der Sinnlichkeit, опасаясь, чтобы младшіе не выучились имъ отъ старшихъ. Дѣйствительно, многіе ученики уже съ ранняго возраста столь испорчены въ нравственномъ отношеніи, что вліяніе ихъ въ интернатѣ на другихъ можетъ быть только гибельно. Бреаль прямо говоритъ, что есть ученики, которыхъ будущая жизнь уже ничему новому не выучитъ. Вслѣдствіе того, хотя бы мальчикъ не подвергся нравственной порчѣ среди такого общества, во всякомъ случаѣ онъ потеряетъ нравственную безукоризненность, бывшую столь драгоцѣннымъ украшеніемъ молодости. Многіе считаютъ годы, проведенные въ интернатѣ, самыми грустными въ своей жизни, тяжелымъ опытомъ, чрезъ который проходитъ только французская молодежь.

Бреаль, изучая вліяніе интернатовъ на молодежь въ воспитательномъ отношеніи, указываетъ, что устройство нынѣшнихъ лицеевъ основывается на трехъ должностныхъ лицахъ, именно на провизорѣ (директорѣ), цензорѣ (инспекторѣ) и maître d'études, надзирателѣ въ учебныхъ залахъ, и подробно разбираетъ вліяніе, какое каждое изъ этихъ лицъ можетъ произвести на воспитаніе учениковъ. Провизоръ—это начальникъ всего учебнаго заведенія, управляющій имъ, и обученіемъ, и дисциплиною. Онъ обязанъ ежедневно осмотрѣть спальни, лазаретъ, классные журналы. Онъ имѣетъ сообщеніе съ родителями, совѣщается съ смотрителемъ, ведетъ переписку съ высшимъ начальствомъ, счетоводство всего заведенія. Понятно, что вслѣдствіе обремененія столь разнородными занятіями онъ не въ состояніи наблюдать за воспитаніемъ учениковъ, и поэтому вліяніе его въ этомъ отношеніи ничтожно. Такимъ же образомъ, и цензоръ, вслѣдствіе своихъ различныхъ занятій, не можетъ производить благотворнаго влія-

Digitized by Google

нія на воспитаніе молодежи. Остается, такимъ образомъ, maître d'études, бывшій одною изъ главнѣйшихъ составныхъ частей въ управленіи французскихъ интернатовъ. Maître d'études долженъ былъ бы имѣть такое вліяніе на учениковъ въ нравственномъ отношеніи, какое слѣдовало имѣть учителю въ учебномъ. Онъ имѣетъ надъ ними постоянное попеченіе, во время обученія, отдыха, прогулки,—однимъ словомъ, днемъ и ночью. Дѣйствительность, однакожъ, не отвѣчаетъ вовсе ожиданіямъ. Этими должностными лицами были, большею частью, или молодые люди, желающіе такимъ образомъ доставить себѣ время и возможность выдержать высшій экзаменъ и занять впослѣдствіи лучшее мѣсто, или люди разочарованные жизнью, которые, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, были принуждены довольствоваться столь незначительнымъ положеніемъ. И тѣ, и другіе состояли въ постоянной глухой борьбѣ съ учениками, которые, находясь подъ ихъ надзоромъ, ни любили ихъ, ни уважали. Большинство maîtres d'études заботилось не о томъ, чтобы произвести благотворное вліяніе на нравственность учениковъ, но о томъ, чтобы какъ можно сноснѣе устроиться въ этомъ адѣ, чрезъ который проходила ихъ жизнь, среди молодежи бурной, докучливой, иногда невыносимой. Имъ казалось, что они сдѣлали довольно, если толпа учениковъ, ввѣренная ихъ попеченію, соблюдала порядокъ въ шеренгѣ и вела себя смирно въ учебныхъ залахъ или въ спальняхъ. Но среди этой страшной нравственной пустоты, господствующей въ коллегіи, не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь довѣріи, привязанности учениковъ къ maîtres d'études. Коллегія обратила воспитаніе во внѣшнюю дисциплину (discipline), сохраняемую посредствомъ наградъ и наказаній. Таково воспитаніе въ странѣ,—восклицаетъ Бреаль,—въ которой писали Руссо и Фенелонъ!

Такая система отражается самымъ вреднымъ образомъ на нравственномъ состояніи учениковъ. Они, находясь подъ постояннымъ надзоромъ maître d'études, приходятъ къ тому, что считаютъ его своимъ личнымъ врагомъ. Все, что можетъ скрыться отъ его бдительнаго взора,—считается дозволеннымъ. Между учениками и коллегіею завязывается глухая борьба; первые увеличиваютъ хитрости, по мѣрѣ того какъ послѣдняя удвоиваетъ предосторожности, усиливаетъ надзоръ. „Извѣстно,—говоритъ Бреаль,—какъ очищается эта тяжелая атмосфера лицея. Отъ времени до времени мы читаемъ въ газетахъ, что въ такомъ-то городѣ вспыхнулъ бунтъ между учениками. Ученики построили баррикады въ классахъ, спальняхъ, оскорбили провизора, цензора. Нужно было вмѣшательство городскихъ властей, прокурора, коммиссара

Digitized by Google

полиціи. Развязка всегда одна и та же. Лекціи въ коллегіи прекращаются, зачинщики бунта отсылаются къ родителямъ. Потомъ принимаютъ опять остальныхъ и начинается сызнова прежняя система принужденія—съ одной, сопротивленія—съ другой стороны". Думаемъ, что эти слова составляютъ достаточную критику порядка, существующаго въ коллегіи и основаннаго только на внѣшнемъ принужденіи. Легко также понять вліяніе, производимое такимъ порядкомъ на нравственное настроеніе молодежи.

Такъ какъ въ интернатѣ должно быть все мельчайшимъ образомъ опредѣлено, устроено, предписано, то изъ этого вытекаетъ, что ученикъ лишается всякой самостоятельности въ распоряженіи своею личностью. Лицей, его опекунъ, думаетъ за него обо всемъ. Ему не чужды даже нѣкоторыя коммунистическія черты. Такъ напр., книги, которыми въ продолженіе столькихъ лѣтъ пользуются ученики, не составляютъ ихъ собственности, но—лицея, который имъ доставляетъ ихъ. Восемнадцатилѣтній молодой человѣкъ, такимъ же образомъ, какъ и десятилѣтній мальчикъ, не можетъ ничего сдѣлать самъ, за что бы самъ и отвѣчалъ. Вслѣдствіе этого молодые люди, окончившіе коллегію, всегда похожи на разнузданныхъ лошадей, и готовы на всякія шалости. И удивляться тому нельзя, такъ какъ нравственная, умственная зрѣлость была у нихъ на шесть лѣтъ искусственно отсрочена. Вотъ почему было бы несравненно лучше, еслибы эта молодежь имѣла способность проявлять свою иниціативу, упражнять свою волю, пріучаться дѣлать изъ своей свободы употребленіе—прежде, чѣмъ оставить коллегію.

Такимъ же образомъ Ж. Симонъ смотритъ на нравственныя послѣдствія интерната. „Когда же,—говоритъ онъ,—ученикъ въ продолженіе десяти лѣтъ можетъ самъ рѣшить что бы то ни было относительно своей одежды, или того, когда ему слѣдуетъ встать, или ложиться спать, или своего кушанья, или времени, когда хочетъ работать, или выбора своего занятія, или книги, которую хочетъ изучить, или дороги, которую онъ долженъ сдѣлать, чтобы пройти изъ одной комнаты въ другую, или употребленія полчаса времени? Даже задача, которую онъ долженъ сдѣлать, порабощаетъ его, такъ какъ онъ долженъ или что-либо выучить наизусть, или перевести, или переписать,—но никогда не думать. Въ томъ, что онъ свободное существо, можно убѣдиться только изъ усилій, дѣлаемыхъ съ тѣмъ, чтобы онъ отвыкъ отъ всякой свободы. Нельзя, однакожъ, не признать, что десять лѣтъ такого порядка создаютъ людей или слишкомъ покорныхъ, или слишкомъ легко возмущающихся. И въ этомъ, можетъ быть, вся психологія Франціи"...

Digitized by Google

„Все это дѣлаетъ изъ нашего образованія образованіе подавляющее, pour étouffer,—тогда какъ нужно, чтобы оно было развивающимъ, à développer".

Такія важныя, даже для общественнаго порядка, послѣдствія влекутъ за собою, по мнѣнію Ж. Симона, интернаты. Не менѣе строго осуждаетъ интернаты и Лависъ. По его мнѣнію, „нельзя придумать другой, лучшей системы образованія, еслибы кто захотѣлъ воспитать молодое поколѣніе, неспособное полюбить власть,—поколѣніе, опасающееся власти тогда только, когда она грозна, употребляющее относительно ея всякія хитрости, неспособное къ иниціативѣ, но быстро возмущающееся, идущее смѣло за рутиною, но революціонное".

Если интернатъ производитъ самыя гибельныя послѣдствія въ воспитательномъ отношеніи, дѣйствуя вредно на нравственное развитіе, на волю учениковъ, то не менѣе вредныя послѣдствія производитъ онъ и въ чисто-учебномъ отношеніи,—на образованіе въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Въ этомъ отношеніи прежде всего заслуживаетъ вниманія вліяніе, производимое интернатомъ на обремененіе учениковъ, сдѣлавшееся въ послѣднее время предметомъ постоянныхъ жалобъ. Связь между однимъ и другимъ очень ясна. Такъ какъ училищное начальство было принуждено безпрестанно наблюдать за учениками, не только тогда, когда они находились въ классѣ, но и тогда, когда они приготовляли свои уроки, то профессора, естественно, были приведены къ увеличенію этихъ уроковъ, въ особенности же письменныхъ работъ, для того, чтобы содержать учениковъ въ тишинѣ и порядкѣ въ это время. Въ свою очередь, увеличеніе письменныхъ задачъ принудило увеличить количество часовъ, предназначенныхъ въ интернатахъ на ихъ приготовленіе и вообще на обученіе, отнимая ихъ отъ времени, оставленнаго на отдыхъ или развлеченіе. Такой порядокъ образовалъ извѣстный circulus vitiosus, котораго не замѣчали только вслѣдствіе привычки, но который, тѣмъ не менѣе, произвелъ вредное вліяніе на обремененіе не только интерновъ, но и экстерновъ, и эти послѣдніе, очевидно, были обязаны приготовлять дома такіе же уроки, какъ и первые.

Не менѣе важнымъ послѣдствіемъ въ этомъ отношеніи было и то, что интернатъ исказилъ основное понятіе о школѣ вообще. По словамъ Бреаля, одного изъ самыхъ основательныхъ знатоковъ французскихъ школьныхъ отношеній, самый важный упрекъ, который можно было бы сдѣлать нынѣшней системѣ школьнаго обученія, состоялъ въ томъ, *что ученики не учились въ школѣ.*

Digitized by Google

Учитель контролировалъ только внѣклассныя занятія учениковъ и доставлялъ имъ новый матеріалъ для новыхъ занятій, посредствомъ новыхъ задачъ, переводовъ и т. п. Главное занятіе ученика, когда онъ упражнялъ свой умъ и расширялъ свои познанія, происходило внѣ класса, гдѣ онъ выучивалъ наизусть свою лекцію, приготовлялъ переводы и т. п. Когда онъ приходилъ въ классъ, то долженъ былъ уже все знать. Профессоръ не производилъ на него вліянія. Вслѣдствіе того вся животворящая сила обученія находилась внѣ класса, во внѣклассныхъ занятіяхъ, за которыми только медленно подвигались собственно классныя работы. Поэтому во Франціи было только четыре часа занятій въ классѣ съ профессоромъ, а 7 или 8 часовъ—étude; между тѣмъ, въ сущности, первое занятіе должно быть дольше, чѣмъ послѣднее. Послѣдствія столь извращеннаго отношенія между школою, классомъ и внѣшкольнымъ занятіемъ обнаружились прежде всего въ томъ, что всѣ письменныя работы пріобрѣли первенствующее значеніе. Сверхъ того, если ученикъ занимался самъ, то онъ не зналъ, какъ ему преодолѣвать встрѣчаемыя затрудненія; впослѣдствіи же, хотя профессоръ и исправлялъ задачи въ классѣ, но это не приносило надлежащей пользы, такъ какъ живой интересъ ученика, первое напряженіе его мысли, уже миновало. Иначе было бы, еслибы профессоръ руководилъ непосредственно занятіемъ учениковъ въ классѣ. Тогда руководство это было бы дѣйствительно полезно, тогда общій трудъ всѣхъ могъ бы оказаться плодотворнымъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на такое извращеніе самого понятія о школѣ, ея идеи, значительное вліяніе произвелъ интернатъ. Онъ именно принуждалъ задавать ученикамъ все болѣе и болѣе внѣклассныхъ задачъ, вслѣдствіе чего профессору въ классѣ едва хватало времени на исправленіе ихъ и назначеніе новыхъ. На непосредственное занятіе съ учениками времени уже недоставало.

Такимъ образомъ, интернаты произвели пагубное вліяніе не только на воспитаніе, но и на образованіе въ собственномъ смыслѣ этого слова,—вліяніе, отражающееся, впрочемъ, равнымъ образомъ неблагопріятно какъ на интернахъ, такъ и на экстернахъ. И они также были обременены въ одинаковомъ размѣрѣ домашними работами. Всѣ эти недостатки не были тайною для французскихъ педагоговъ. Чѣмъ же объяснить, что интернатъ, бывшій ихъ причиною, несмотря на то, сохранился до настоящаго времени? Ж. Симонъ указываетъ различныя на то причины. Прежде всего, по его мнѣнію, чтобы

Digitized by Google

стѣснить интернатъ, слѣдовало бы преобразовать радикально все законодательство о стипендіяхъ. Это, конечно, не составило бы существеннаго препятствія для отмѣны его. Другое препятствіе, болѣе важное, состояло въ обстоятельствахъ финансоваго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, доходъ съ интернатовъ составлялъ значительный источникъ доходовъ, предназначенныхъ на содержаніе среднихъ учебныхъ заведеній вообще. Но и эта причина, по его мнѣнію, не могла производить на то рѣшительнаго вліянія, такъ какъ если интернаты оказались вредными, то ихъ нельзя сохранять только потому, что они приносили извѣстный доходъ. Самою важною причиною, по которой до настоящаго времени интернаты во Франціи не могли быть отмѣнены, составляло опасеніе относительно того, что сдѣлается съ молодежью, которая до этого времени находила въ нихъ помѣщеніе. Очевидно, что дѣти родителей, не живущихъ въ городѣ, въ которомъ находилась коллегія, должны быть отдаваемы въ такомъ случаѣ на попеченіе частныхъ лицъ, въ пансіоны. Между этими послѣдними самую важную роль играли бы пансіоны, содержимые духовенствомъ, различными религіозными конгрегаціями, которыя уже и теперь, какъ мы видѣли выше, содержатъ значительное количество учениковъ. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что эти пансіоны были бы въ состояніи выдержать успѣшно конкурренцію съ частными пансіонатами, потому что были бы дешевле и, вслѣдствіе того, доступнѣе для большаго количества учениковъ. Вслѣдствіе того отмѣна интернатовъ замѣнила бы только одно зло другимъ. Во всякомъ случаѣ изъ этого можно заключить, что именно опасеніе, чтобы молодежь всей страны не попалась исключительно подъ руководство духовенства, и подъ его исключительное вліяніе, составляетъ, можетъ быть, самую главную причину, хотя и невысказываемую откровенно, по которой французское законодательство не отмѣнило еще столь вреднаго учрежденія, несмотря на то, что всѣ вообще требуютъ этого.

Намъ слѣдуетъ упомянуть еще коротко о вопросѣ, который мы затронули уже прежде, а именно, объ обремененіи учениковъ чрезмѣрными требованіями отъ ихъ умственныхъ способностей. Несомнѣнно, обремененіе это существуетъ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ постепеннаго расширенія программы наукъ, преподаваемыхъ въ коллегіяхъ. По постановленію 10-го декабря 1802 г., въ заведеніяхъ этихъ преподавались латинскій языкъ и математика. Курсъ въ нихъ былъ шестилѣтній. Не было тогда ни греческаго языка, ни философіи. Исторія и географія преподавались профессоромъ латинскаго языка, какъ предметы добавочные, второстепеннаго

Digitized by Google

значенія, тогда только, когда оставалось нѣсколько времени отъ латинскаго языка. Въ этомъ случаѣ профессора математики излагали основанія химіи и естественной исторіи. Поэтому можно сказать, что, въ сущности, въ этихъ заведеніяхъ ученики обучались только латинскому языку. Монополія латинскаго языка прекратилась наконецъ въ 1821 г., когда введены были въ школьное обученіе греческій языкъ и философія, съ двухгодичнымъ курсомъ преподаванія. Потомъ физика, химія, естественная исторія — получили особыхъ преподавателей и особое преподаваніе. Впослѣдствіи были прибавлены новые языки, сначала факультативно, а потомъ обязательно. Вслѣдствіе этихъ постепенныхъ преобразованій и прибавленій, курсъ наукъ, какъ выразился Ж. Симонъ, сдѣлался истинною энциклопедіею. Еслибы ученикъ былъ въ состояніи усвоить себѣ всѣ требуемыя отъ него науки, его можно было бы считать ученымъ уже при оставленіи имъ коллегіи. Для того, чтобы сдѣлать возможнымъ ученикамъ пріобрѣтеніе всѣхъ этихъ познаній, увеличивали время ихъ пребыванія въ школѣ, прибавляли классы, такъ что окончательно нормальное время, проводимое учениками въ классахъ, было продолжено до 10 лѣтъ. Если прибавить къ этому два, а иногда три года для выдержанія экзамена на степень баккалавра, то мы необходимо придемъ къ заключенію, что во Франціи время пребыванія учениковъ въ школѣ длится слишкомъ долго. „Хорошо быть въ школѣ, но нехорошо состарѣться въ ней“, — говоритъ Фрари. Поэтому и родители, и общество, домогаются теперь сокращенія школьнаго времени, хотя бы по экономическимъ соображеніямъ.

Несмотря, однакожъ, на такую чрезмѣрную продолжительность пребыванія учениковъ въ школѣ, вопреки интересамъ учениковъ, родителей и общества, ученики попрежнему обременены чрезмѣрнымъ трудомъ, вслѣдствіе расширенія программъ преподаванія. Между тѣмъ сутки и теперь, какъ въ 1802 г., имѣютъ только 24 часа, и дѣти чувствуютъ такую же потребность сна и отдыха. Обремененіе ихъ непосильнымъ трудомъ принесло имъ потому невыразимый ущербъ, не только въ физическомъ, но и въ умственномъ отношеніи. Такъ какъ они, вслѣдствіе обремененія работою, не въ состояніи ничего усвоить себѣ основательно, а только поверхностно, то, вскорѣ послѣ окончанія коллегіи, отъ ихъ труда не оставалось ничего, за исключеніемъ ничѣмъ неоправдываемаго высокомѣрія и самодовольства. По словамъ Ж. Симона, ученики принуждены проводить неподвижно надъ работою, по крайней мѣрѣ, 12 часовъ; но и взрослый человѣкъ не былъ бы въ состояніи выдержать долго такого напряженія мысли безнаказанно. И этого, однакожъ, не

Digitized by Google

было достаточно, такъ какъ изъ болѣе точнаго исчисленія видно, что требуется еще болѣе времени на классы и внѣклассныя занятія. Это было въ особенности вредно для интерновъ, которые, ради сохраненія порядка, бываютъ принуждены молчать даже во время обѣдовъ и ужиновъ. И не смотря на такія требованія умственнаго занятія отъ дѣтей, все это было, съ одной стороны, слишкомъ мало, чтобы они были въ состояніи имъ удовлетворить, а съ другой—слишкомъ много, чтобы они были въ состояніи вынести все это. Ученики не имѣли времени отдохнуть въ этомъ бѣшеномъ стремленіи къ знанію; думать самостоятельно было бы для нихъ невозможно, желать чего-нибудь было бы слишкомъ опасно: всѣ они должны были превратиться исключительно въ память. Вслѣдствіе такого обремененія, ученики доходили, сверхъ умственнаго и физическаго утомленія, до того, что, будучи принуждены слишкомъ много учиться, они кончали тѣмъ, что ничего не знали основательно.

V.

Таковы были, вообще говоря, недостатки французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Недостатковъ этихъ было, какъ видно изъ вышеизложеннаго, довольно много; почти всѣ они коренились въ отдаленномъ прошедшемъ. Такъ напр., интернаты, экзаменъ на баккалавра, преподаваніе философіи въ коллегіяхъ—были современны возникновенію парижскаго университета въ XIII ст. Преобладаніе латинскаго языка, латинское краснорѣчіе—происходили изъ того же времени, когда образованіе находилось исключительно въ рукахъ духовенства. Плохой, механическій методъ обученія былъ заимствованъ у іезуитовъ въ XVII ст. Конкурсы, производящіе столь пагубное вліяніе на все школьное обученіе, возникли въ XVIII ст. Изъ всѣхъ недостатковъ французскихъ коллегій только одно обремененіе учениковъ чрезмѣрнымъ трудомъ было произведеніемъ новаго времени, возникшимъ вслѣдствіе введенія новыхъ предметовъ обученія безъ всякаго ограниченія прежнихъ.

Понятно, что и прежде были люди, видѣвшіе эти недостатки и требовавшіе отмѣны ихъ,—улучшенія дурныхъ школьныхъ порядковъ. Уже Montaigne отлично выяснилъ ложность цѣли тогдашняго обученія, говоря въ своихъ знаменитыхъ „Essais“ (1580 г.) слѣдующимъ образомъ: „Нельзя удивляться, что, при существующей у насъ системѣ обученія, ни профессора, ни ученики, не

Digitized by Google

пріобрѣтаютъ большой способности для пониманія различныхъ отношеній жизни, хотя они обладаютъ въ достаточной степени наукою. Всѣ усилія и издержки нашихъ родителей имѣютъ въ виду набить намъ голову различными свѣденіями; но никто не думаетъ о томъ, чтобы мы сдѣлались болѣе добродѣтельны, или чтобы мы были въ состояніи составить себѣ наше собственное мнѣніе о вещахъ. Мы спрашиваемъ только о томъ, знаетъ ли кто-либо по-гречески или по-латыни? пишетъ ли кто прозою или стихами? Но не заботимся вовсе о томъ, сдѣлался ли онъ мудрѣе и лучше, что, однакожъ, должно быть главною цѣлью нашихъ заботъ. Мы должны спрашивать о томъ, кто изъ насъ лучше знаетъ, а не о томъ, кого больше учили. Мы трудимся только для того, чтобы наполнить нашу память, но оставляемъ пустыми нашъ разумъ и наше сердце. Ученики не въ состояніи вскормиться и укрѣпиться мудростью прошедшихъ временъ, которую съ такимъ трудомъ добываютъ; мудрость эта только для парада, для того, чтобы похвастаться передъ другими; но она въ сущности не что иное, какъ только жетонъ, годный для употребленія въ игрѣ. Мы говоримъ: „Цицеронъ такъ сказалъ, Платонъ это сдѣлалъ, вотъ слова Аристотеля“; но что *мы сами* говоримъ? что *мы сами* дѣлаемъ? какое *наше собственное* мнѣніе о вещахъ? Такъ можетъ поступать всякій попугай. Какую пользу вынесемъ отъ наполненія мясомъ нашего желудка, если его не переваримъ, если мясо это не передѣлается въ насъ, чтобы насъ кормить и укрѣпить? Мы настолько привыкли опираться на другихъ, что въ концѣ теряемъ нашу собственную силу. Если желаемъ вооружиться противъ страха смерти, мы обращаемся къ Сенекѣ; если нуждаемся въ утѣшеніи для себя или для другихъ, обращаемся къ Цицерону. Все это мы нашли бы въ насъ самихъ,—еслибы насъ этому учили. Я не могу вынести такого половиннаго существованія, будто бы подареннаго, какъ милостыня. Мудрымъ можно быть только своею собственною, но не чужою мудростью“. Изъ этого видно, какъ Монтэнь цѣнилъ высоко внутреннюю выработку человѣка, его характера, сердца, способности образовать сужденіе, а не пріобрѣтеніе только извѣстныхъ познаній, свѣденій. Сверхъ того, онъ требовалъ болѣе глубокаго изученія явленій окружающаго міра, природы и жизни. Мысли эти, однакожъ, опережали слишкомъ его вѣкъ, чтобы могли найти себѣ примѣненіе. Только впослѣдствіи онѣ были оцѣнены надлежащимъ образомъ. Точно также прошли безслѣдно голоса Фенелона, аббата Флери, Руссо и другихъ мыслителей, требовавшихъ реформы школьнаго образованія. Въ XIX ст. школы были устроены

Digitized by Google

съ мельчайшею подробностью, но въ нихъ не ввели животворящаго духа. Старые порядки, методъ обученія, всѣ прежніе недостатки сохранились въ своей силѣ.

Начало реформы среднихъ учебныхъ заведеній было сдѣлано только Жюлемъ Симономъ, который, будучи министромъ народнаго просвѣщенія, циркуляромъ 27-го сентября 1872 г. къ директорамъ лицеевъ и коллегій, указалъ на потребность преобразованія этихъ учебныхъ заведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ нѣкоторыя мысли относительно метода преподаванія въ нихъ наукъ. Исходною точкою Ж. Симона для введенія этой реформы было воззрѣніе, что мы учимся живымъ языкамъ для того, чтобы на нихъ говорить, а мертвымъ—для того, чтобы понимать ихъ (чтобы читать на нихъ). Жюль Симонъ причислялъ латинскій языкъ къ мертвымъ, какъ то видно изъ слѣдующаго параграфа его циркуляра: „Латинскій языкъ сдѣлался окончательно мертвымъ языкомъ въ наше время. Сперва онъ былъ языкомъ всего народа, впослѣдствіи сдѣлался языкомъ цѣлаго класса ученыхъ и литераторовъ, употреблявшихъ его въ своихъ сочиненіяхъ, письмахъ, обученіи. Напечатаніе по-французски Декартомъ „Discours de la méthode“ было небывалою до этого времени дерзостью. Тотчасъ его перевели обратно на латинскій языкъ. Такимъ же образомъ многія сочиненія XVII, а даже и XVIII ст., произведшія сильное вліяніе на развитіе человѣческаго ума, были напечатаны только на латинскомъ языкѣ. Но въ настоящее время языкъ этотъ уже умеръ въ полномъ смыслѣ этого слова, и прогрессъ въ обученіи новыхъ языковъ завершаетъ эту перемѣну [1]). Съ этого времени мы будемъ учиться латинскому языку для того, чтобы его понимать, но не для того, чтобы на немъ говорить“. Выходя изъ этой точки зрѣнія, Ж. Си-

[1]) Интересныя указанія доставляетъ Паульсенъ въ своей „Geschichte des gelehrten Unterrichts“, стр. 787, относительно постояннаго удаленія латинскаго языка изъ ученаго употребленія. По книжнымъ каталогамъ въ Лейпцигѣ, онъ указываетъ, что между 1564—1570 гг. изъ общаго числа 2.785 печатныхъ произведеній было 1.893, или 69,2%, на латинскомъ языкѣ; 835, или 30,6—на нѣмецкомъ, и 7, или 0,2—на французскомъ языкѣ. Отношенія эти постепенно измѣнялись, такъ что на 74.278 сочиненій, появившихся между 1841—1846 годами, 4.219, или 5,7%, было на латинскомъ языкѣ; 67.907, или 91,8—на нѣмецкомъ, и 2.152, или 2,5—на французскомъ. Въ числѣ, впрочемъ, латинскихъ произведеній ми не находимъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, ученыхъ трудовъ, но только школьныя книги, программы, академическія торжественныя рѣчи и т. п. Указывая на это медленное вымираніе латинскаго языка, Паульсенъ заключаетъ: „Es täuscht sich niemand darüber: was jetzt lateinisch geschrieben wird, wird, mit wenigen Ausnahmen, nur geschrieben, nicht gelesen; es kommt todtgeboren auf die Welt“.

Digitized by Google

монъ постановилъ, при обученіи этому языку, прекратить всѣ занятія съ учениками, которыя имѣли бы непосредственно въ виду усовершенствованіе учениковъ въ устномъ его употребленіи. На этомъ основаніи были или вовсе исключены, или ограничены въ значительномъ размѣрѣ, латинскія стихотворенія, thèmes, упражненія и рѣчи. Напротивъ, чтеніе и переводы авторовъ—и то не по хрестоматіямъ, но по подлинникамъ—должны были быть расширены. Происшедшее отсюда сбереженіе времени должно было быть обращено на усиленіе французскаго языка. Такимъ же образомъ должно было быть усилено преподаваніе новыхъ языковъ, исторіи и географіи. Циркуляръ Ж. Симона, однакожъ, вводя нѣкоторыя, очень важныя, измѣненія въ методѣ обученія, не затронулъ распредѣленія наукъ въ лицеяхъ и коллегіяхъ. Причина того состояла въ томъ, что подобныя перемѣны могли быть введены только съ согласія Conseil supérieur de l'instruction publique, который, вѣроятно, не сочувствовалъ этимъ намѣреніямъ, если соотвѣтственные проекты не были въ него даже и внесены.

Впрочемъ, всѣ благія начинанія Ж. Симона вскорѣ были уничтожены, такъ какъ преемникъ его въ министерствѣ Batbie, циркуляромъ 13-го сентября 1873 г., отмѣнилъ всѣ его распоряженія. Во всякомъ случаѣ Ж. Симонъ имѣлъ ту великую заслугу, что онъ первый оффиціально въ своемъ циркулярѣ призналъ положительно необходимость реформы, и такимъ образомъ ободрилъ ея сторонниковъ, а это вызвало споры относительно будущаго устройства среднихъ учебныхъ заведеній и дало сильный толчокъ къ ея осуществленію.

Окончательно реформа среднихъ учебныхъ заведеній была проведена только въ 1880 г. министромъ Ферри, въ видѣ новаго „Plan d'études", утвержденнаго преобразованнымъ въ томъ же году высшимъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія. По этому плану въ трехъ низшихъ классахъ должно было быть по 24 часа въ недѣлю классныхъ занятій, во всѣхъ остальныхъ—по 25 часовъ. Время это было распредѣлено между различными преподаваемыми предметами такъ, что на французскій языкъ, признанный самымъ важнымъ, назначено было во всѣхъ классахъ 49 часовъ въ недѣлю. Между тѣмъ время, назначенное на древніе языки, подверглось значительному сокращенію, именно: на латинскій языкъ было назначено 39 часовъ, а на греческій—только 20. Изъ другихъ предметовъ, новые языки получили 29 часовъ, исторія—25, географія—14, математика и естественныя науки—40, философія—8 и рисованіе—20 часовъ. Въ планѣ этомъ не упоминалось о законѣ Божіемъ, такъ какъ обученіе ему должно

Digitized by Google

было происходить внѣ классныхъ занятій [1]). Въ 1882 г. былъ учрежденъ еще приготовительный классъ, въ который принимаются ученики, не достигшіе даже 9-лѣтняго возраста. Всѣ классы раздѣлены на извѣстные циклы, группы. Вслѣдствіе того приготовительный классъ вмѣстѣ съ VIII и VII составляетъ элементарное отдѣленіе (Division élémentaire). Классы VI, V и IV составляютъ отдѣленіе грамматики (Division de grammaire); наконецъ, классы III, II, реторики и философіи, составляютъ высшее отдѣленіе (Division supérieure).

Основною мыслью, которою руководился Ферри при составленіи своего распредѣленія наукъ, было раздѣленіе всего учебнаго курса на три части или періода, строго отдѣленные одинъ отъ другого, для того, чтобы ученики могли остановиться на пути и тѣмъ не менѣе закончить. Первый періодъ, отдѣленіе элементарное, отличался тѣмъ, что ученики должны были въ продолженіе его обучаться новымъ языкамъ, французской грамматикѣ, исторіи и географіи Франціи, ариѳметикѣ и естественной исторіи. Второй періодъ разнился отъ предъидущаго тѣмъ, что, кромѣ продолженія вышеуказанныхъ наукъ, ученики обучались еще латинскому языку. Характеристическою чертою третьяго періода было то, что въ немъ къ прежнимъ предметамъ преподаванія былъ прибавленъ еще греческій языкъ. Раздѣленіе всего учебнаго курса на три періода, отличавшееся своею простотою и симметричностью, представляло то важное удобство, что дѣлало возможными, во время столь продолжительнаго учебнаго курса, извѣстнаго рода остановки, дозволявшія ученикамъ, не желавшимъ или не могшимъ продолжать до самаго конца ученіе въ лицеѣ, оставить его, вынося изъ него во всякомъ случаѣ извѣстный законченный, закругленный запасъ свѣденій. Такимъ образомъ, и тѣ ученики, которые задерживались на пути, не теряли напрасно времени на изученіе предметовъ, которыхъ впослѣдствіи не кончили бы. Между тѣмъ, по прежнему устройству, необходимо было окончить всѣ классы, чтобы извлечь оттуда извѣстную пользу. Для того, чтобы заручиться тѣмъ, что раздѣленіе это будетъ имѣть практическое значеніе, новыя школьныя программы требовали, чтобы ученики, переходящіе изъ одного отдѣленія въ другое, подвергались строгому переходному испытанію, на основаніи котораго могли бы получить соотвѣтственное свидѣтельство

[1]) Обязанность обученія закону Божію была возложена на капелановъ (aumonier) каждаго вѣроисповѣданія; они должны были присутствовать при утреннихъ и вечернихъ молитвахъ. Декретъ 24 декабря 1881 г.

Digitized by Google

(certificat) [1]). Но и теперь еще многіе сомнѣваются въ томъ, исполняется ли точно это требованіе [2]).

По мнѣнію педагоговъ, хотя основная мысль реформы была въ сущности правильна, но она не была точно примѣнена на практикѣ. Въ элементарномъ отдѣленіи не было принято во вниманіе то, что коллегіи и лицеи посѣщаются дѣтьми, которыя, или вслѣдствіе наслѣдственности, или вслѣдствіе лучшей, окружающей ихъ среды, вообще болѣе развиты умственно, почему можно было въ программѣ наукъ быть относительно ихъ болѣе требовательнымъ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи обученіе также не отвѣчало ни соціальнымъ, ни педагогическимъ требованіямъ. Латинскій языкъ въ первомъ году этого отдѣленія, вмѣстѣ съ массою различныхъ предметовъ, угрожалъ еще бо́льшимъ, чѣмъ прежде, обремененіемъ учениковъ. Въ послѣднемъ году этого отдѣленія начиналось обученіе даже греческому языку, несмотря на то, что, по основной мысли Ферри, оно должно было начинаться только въ слѣдующемъ, высшемъ отдѣленіи, и что для учениковъ, прекращающихъ на этомъ отдѣленіи свое образованіе, преподаваніе это не могло имѣть никакого значенія. Эта не вполнѣ умѣстная уступка была сдѣлана въ Conseil supérieur сторонникамъ древнихъ языковъ, которые, согласившись на то, чтобы латинскій языкъ начинался двумя годами позже (вмѣсто VIII класса въ VI), не могли примириться съ мыслью, чтобы греческій — начинался тремя годами позже (вмѣсто VI класса въ III). По мнѣнію Фернеля, такое значительное преобладаніе въ этомъ отдѣленіи латинскаго языка, на который было назначено по 10 часовъ въ недѣлю, должно было парализировать намѣренія совѣта просвѣщенія, относительно обновленія обученія въ коллегіяхъ вообще. Совѣтъ не пересталъ по прежнему смотрѣть на латинскій языкъ, какъ на основу общаго образованія, не только въ высшихъ, но и въ среднихъ классахъ, и вслѣдствіе того обременилъ чрезмѣрно учениковъ массою различныхъ наукъ. По его мнѣнію, довольно было бы начинать обученіе латинскому языку только съ IV класса; пріобрѣтеніе же элементарныхъ познаній по этому языку было бы полезнымъ даже для учениковъ, прекращающихъ свое ученіе въ этомъ классѣ.

---

[1]) Испытанія эти, впрочемъ, были заведены уже распоряженіемъ 23-го іюля 1875 г.

[2]) Bouillier, I.'Université sous M. Ferry, стр. 203. И теперь еще испытанія эти производятся довольно поверхностно. Общество для средняго образованія, Société pour l'étude des questions d'ens. secondaire, разсматривая этотъ вопросъ въ 1889 г., пришло даже къ заключенію, что лучшіе ученики должны быть переводимы безъ экзамена, которому должны подвергаться только болѣе слабые ученики.

Digitized by Google

Третье отдѣленіе вызвало такія же возраженія. Основою его были опять древніе языки съ прибавленіемъ только новыхъ предметовъ. Но прежде всего слѣдовало бы рѣшить вопросъ, будутъ ли ученики въ состояніи удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ.

Во всякомъ случаѣ, утвержденный Ферри „Plan d'études" подвергся еще впослѣдствіи нѣкоторымъ измѣненіямъ въ 1882, 1884 и 1885 г., когда 22-го января было принято новое распредѣленіе наукъ, обязательное и въ настоящее время. Распредѣленіе наукъ 1884 г., имѣя очевидно въ виду обремененіе учениковъ, уменьшало вообще классныя занятія до 20 часовъ въ недѣлю, включительно съ рисованіемъ, въ элементарномъ отдѣленіи,—и до 20 часовъ, за исключеніемъ рисованія, въ двухъ высшихъ отдѣленіяхъ. Сверхъ того, это распредѣленіе, дѣлая новую уступку сторонникамъ греческаго языка, постановило, что съ этого времени во второмъ полугодіи V класса языкъ этотъ долженъ преподаваться два часа въ недѣлю, а нужное для этого время должно быть отнято у латинскаго языка. Распредѣленіе наукъ 1885 г. ввело новое распредѣленіе времени между исторіею и географіею, математикою и естественными науками. Вслѣдствіе того, въ настоящее время существуетъ слѣдующее распредѣленіе наукъ:

Классъ:	Француз. языкъ	Латинскій	Греческій	Философія	Англ. или нѣмец.	Исторія	Географія	Математ.	Естеств. науки	Рисованіе	Возрастъ учениковъ:
Приготов.	9	—	—	—	4	1½	1½	1½	1	1	не опредѣленъ
VIII	9	—	—	—	4	1½	1½	2	1	1	9 лѣтъ
VII	9	—	—	—	4	1½	1½	2	1	1	10 „
VI	3	10	—	—	2	2	1	1	1	2 [2])	11 „
V	3	10	2 [1])	—	2	2	1	1	1	2	12 „
IV	2	5	6	—	2	2	1	1	1 [4])	2	13 „
III	2	5	5 [3])	—	2	2	1	2	2	2	14 „
II	3	4	5	—	2	2	1	2	2	2	15 „
Реторики	4	4	4	—	2	2	1	2	2	2	16 „
Философіи		1		8	1	2	—	4	2	—	17 „

Въ этомъ распредѣленіи бросается на первый видъ въ глаза рѣшительный перевѣсъ отечественнаго, французскаго языка надъ

---

[1]) Только во второмъ полугодіи, и за то менѣе 2 ч. латинскаго языка.

[2]) Начиная съ этого класса, рисованіе преподается внѣ классныхъ часовъ.

[3]) Пять часовъ въ первомъ полугодіи, и шесть во второмъ.

[4]) Съ этого класса естественныя науки преподаются только въ одномъ полугодіи. Въ классѣ философіи преподается біологія, а также физіологія животныхъ и растеній, по два часа въ продолженіе всего года.

Digitized by Google

древними. На этотъ языкъ назначено было самое большое количество часовъ, именно 44; на латинскій же—38 или 39. Послѣ латинскаго непосредственно самое значительное количество времени досталось новымъ языкамъ, именно 25 въ недѣлю, тогда какъ на греческій языкъ было выдѣлено только 21 или 22 часа. Изъ остальныхъ предметовъ исторія съ географіей получили 29 часовъ; естественно-математическія науки—32½ или, какъ въ нѣкоторыхъ полугодіяхъ, 25½ часовъ. Изъ этого распредѣленія видно именно, что законодатель приписывалъ несравненно менѣе, чѣмъ прежде, значенія древнимъ языкамъ, признавая одновременно необходимость придать болѣе вѣса новымъ языкамъ, естественно-математическимъ наукамъ, исторіи и географіи. Если же, однако, распредѣленіе это болѣе сообразно раздѣлило учебное время между различными предметами, то тѣмъ не менѣе оно обнаруживало извѣстное колебаніе, шаткость, такъ сказать случайность, доказывающія, что оно не было еще достаточно обдумано, что оно еще незрѣло. Такъ напр., бросается въ глаза недостатокъ въ немъ извѣстной равномѣрности, правильности. Обученіе французскому языку, напр., начинается съ 9 часовъ въ недѣлю, чтобы вдругъ понизиться до 3, даже до 2 часовъ и въ концѣ только повыситься опять до 4. Обученіе латинскому языку начинается сразу съ 10 часовъ—что несомнѣнно утомляетъ начинающихъ учениковъ—для того, чтобы понизиться также до 5 часовъ. Естественныя науки въ IV классѣ преподаются по одному часу, и только въ одномъ полугодіи; въ слѣдующихъ же классахъ—по 2 часа, но также только въ одномъ полугодіи. Вслѣдствіе того преподаваніе вообще лишено надлежащей безпрерывности; ученики прекращаютъ на нѣкоторое время обученіе извѣстному предмету, чтобы опять къ нему возвратиться.

Противъ этой реформы поднимались во Франціи голоса, даже и педагоговъ. Профессора, въ особенности древнихъ языковъ, потерявшіе вслѣдствіе нея исключительный перевѣсъ, почти—монополіи обученія, считали неслыханнымъ переворотомъ и безуміемъ, для себя же чрезмѣрнымъ уничиженіемъ, начинать латинскій языкъ только съ VI, а греческій съ IV класса. Леруа утверждаетъ по этому поводу, что духъ рутины въ университетской корпораціи столь силенъ, что большинству профессоровъ очень трудно пріучиться къ новому порядку. Тѣмъ не менѣе, прибавляетъ онъ, каждый безпристрастный человѣкъ долженъ отнестись съ уваженіемъ къ духу прогресса, руководившему законодателемъ въ составленіи новой программы наукъ. Уже давно во Франціи домогались, чтобы латинскій языкъ начинался съ VI, а греческій—съ IV класса.

Digitized by Google

Боассье полагаетъ, что какъ похвалы реформѣ, такъ и порицаніе ея слишкомъ преувеличены, что реформу эту нельзя считать какою-то революціею, перевернувшей все вверхъ дномъ въ среднемъ образованіи, но компромиссомъ между однимъ и другимъ стремленіемъ, между сторонниками исключительно классическаго образованія и тѣми, кои домогались построенія его на началахъ, болѣе отвѣчающихъ потребностямъ новаго общества. Ферней признавалъ эту реформу вообще недостаточною. По его мнѣнію, Conseil supérieur руководился тѣмъ соображеніемъ, что такъ какъ общественное мнѣніе настоятельно требовало реформы, то слѣдовало ему сдѣлать извѣстныя уступки въ этомъ отношеніи. Самымъ важнымъ для совѣта было, чтобы уступки эти сдѣлать по возможности менѣе значительными, такъ какъ онъ считалъ основанія прежней системы образованія хорошими и отвѣчающими потребностямъ современнаго общества. Для того, чтобы удовлетворить вполнѣ требованіямъ приверженцевъ реформы, довольно было, по мнѣнію совѣта, завести только нѣкоторыя измѣненія въ подробностяхъ, ввести вмѣсто устарѣвшихъ методовъ обученія—новые. Такая исходная точка зрѣнія была совершенно, неправильна, такъ какъ общественное мнѣніе требовало несравненно больше. Оно требовало преимущественно изслѣдованія и рѣшенія вопроса, отвѣчаетъ ли прежняя, исключительно классическая система, латино-греческая, безъ всякой оговорки, требованіямъ новаго времени, или нѣтъ,—и потребностямъ теперешняго устройства среднихъ классовъ французскаго общества? Общее образованіе, въ которомъ нуждаются эти классы, не основывается вовсе на классическихъ наукахъ. Если науки эти удовлетворяютъ еще потребностямъ парижскаго народонаселенія, то этого нельзя сказать о провинціальномъ народонаселеніи. Поэтому Ферней и не думалъ, чтобы новыя программы наукъ рѣшали окончательно вопросъ реформы средняго образованія. Онѣ были только компромиссомъ между однимъ и другимъ направленіемъ, могущимъ продолжаться болѣе или менѣе долго, но не окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса,—компромиссомъ, не удовлетворившимъ ни консерваторовъ, ни реформаторовъ,—компромиссомъ, котораго заслуга состояла только въ томъ, что онъ пошатнулъ священный ковчегъ средневѣковыхъ преданій.

Во всякомъ случаѣ, что бы ни говорили о реформѣ, несомнѣнно Ферри оказалъ громадную услугу своему народу, первый сдѣлавъ проломъ въ устарѣвшемъ, закоснѣломъ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній и внеся новую закваску въ систему его образованія. Поэтому слѣдовало ожидать, что его посѣвъ при-

Digitized by Google

несетъ со временемъ обильные плоды. Впрочемъ, и теперь уже можно указать нѣкоторые положительные результаты реформы.

Къ такимъ результатамъ можно, во-первыхъ, причислить то, что на отечественный языкъ было обращено больше вниманія; ученики элементарнаго отдѣленія изучаютъ прежде всего одинъ изъ новыхъ языковъ, изъ знанія котораго они могутъ вынести пользу, хотя бы не продолжали дальше обученія. Въ Германіи въ настоящее время многіе требуютъ, чтобы изученіе вообще языковъ начинать однимъ изъ новыхъ, а въ Швеціи и Норвегіи подобная реформа уже проведена. Къ такимъ результатамъ принадлежитъ, далѣе, сокращеніе времени, назначеннаго на изученіе древнихъ языковъ. „Въ настоящее время,—говорилъ до реформы Ж. Симонъ,—латинскій языкъ начинается съ перваго дня поступленія ученика въ коллегію, греческій же—слѣдуетъ непосредственно за нимъ. Изученіе ихъ, имѣя передъ собою восемь (а иногда девять) лѣтъ, двигается медленно, вяло, при выполненіи задачъ, лишенныхъ всякой привлекательности, и состоитъ въ изложеніи различныхъ правилъ, которыя были бы скучны для всякаго, и которыя смертельно скучны для дѣтей: они не въ состояніи даже понять ихъ значенія". Поэтому, сокращеніе времени, назначеннаго на оба эти языка, посредствомъ перенесенія начала ихъ изученія въ высшіе классы, въ которыхъ ученики достигли высшей степени умственной зрѣлости, можетъ только выгодно отразиться на самомъ преподаваніи этихъ языковъ. Наконецъ, усиленіе преподаванія исторіи, географіи, математики, естественныхъ наукъ, въ такой степени требуемыхъ условіями современной культуры, составляютъ также положительные результаты этой реформы.

Впрочемъ, быть можетъ, въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдуетъ еще болѣе значительное сокращеніе времени, назначеннаго на изученіе древнихъ языковъ. Это зависитъ отчасти отъ любопытнаго опыта, производимаго въ настоящее время въ лицеѣ Charlemagne, въ Парижѣ. Опытъ этотъ состоитъ въ томъ, что въ 1889 г., на основаніи распоряженія министра народнаго просвѣщенія и съ согласія родителей, взяли 22 учениковъ изъ такъ-называемыхъ écoles primaires supérieures, а слѣдовательно, не обучавшихся древнимъ языкамъ, имѣющихъ отъ 14 до 15 лѣтъ отъ роду, и помѣстили ихъ въ этомъ лицеѣ для изученія этихъ языковъ, подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ. Цѣль этого опыта состоитъ въ томъ, чтобы убѣдиться, могутъ ли ученики, пріобрѣвшіе общее образованіе и достигшіе уже извѣстной умственной зрѣлости, присвоить себѣ въ продолженіе двухъ или

Digitized by Google

трехъ лѣтъ такое знаніе древнихъ языковъ, чтобы быть въ состояніи выдержать испытаніе на степень баккалавра, на что прежде нужно было отъ 7 до 8 лѣтъ. Понятно, что въ случаѣ благопріятнаго исхода этого опыта послѣдовало бы еще болѣе значительное сокращеніе времени, назначеннаго для древнихъ языковъ, и болѣе коренное преобразованіе среднихъ учебныхъ заведеній во Франціи.

Реформа, произведенная Ферри, не ограничивалась, однако, только введеніемъ новаго распредѣленія уроковъ. Реформа въ этомъ отношеніи должна была неминуемо повлечь за собою и другую, а именно, въ программахъ преподаванія различныхъ наукъ, которыя должны были сообразоваться со временемъ, для этого назначеннымъ,—равнымъ образомъ и въ методѣ обученія, можетъ быть, еще болѣе нуждающейся въ реформѣ. Программы эти были вмѣстѣ съ распредѣленіемъ уроковъ утверждены 22-го января 1885 г. Конечно, намъ невозможно вдаваться въ подробное ихъ разсмотрѣніе, или указать на все, что по нимъ для каждаго класса было предписано [1]). Поэтому будемъ довольствоваться нѣкоторыми только общими, относительно этого, указаніями.

Усиленіе преподаванія французскаго языка вытекало изъ соображеній отчасти педагогическихъ, отчасти политическихъ. Прежде всего оно имѣло въ виду доставить ученикамъ болѣе основательное знаніе своего собственнаго языка, чѣмъ то было возможно до этого времени. Поэтому программы наукъ требовали, чтобы ученики съ самаго низшаго класса упражнялись, посредствомъ соотвѣтствующихъ ихъ возрасту письменныхъ работъ (composition), въ письменномъ выраженіи своихъ мыслей, между тѣмъ какъ прежде они приступали къ этому только въ классѣ реторики. Сверхъ того, они должны были заниматься чтеніемъ и разборомъ французскихъ авторовъ, не только XVII и XVIII ст., какъ дѣлали прежде, но и болѣе старинною литературою, какъ напр.: пѣснью Роланда, Жоанвиллемъ, Монтэнемъ и др. Такимъ образомъ, ученики должны были изучить свой языкъ не только грамматически, но до извѣстной степени исторически, какъ онъ развивался въ теченіе вѣковъ. Съ другой стороны, усиленіе преподаванія отечественнаго языка имѣло въ виду предупредить образованіе умственной пропасти между высшими и низшими классами народонаселенія, вслѣдствіе односторонняго классическаго образованія первыхъ; имѣло въ виду также предупредить,

[1]) Программы эти занимаютъ 43 страницы in-folio въ Statistique de l'enseign. secondaire.

Digitized by Google

чтобы высшіе классы не сдѣлались совершенно равнодушными къ умственному развитію низшихъ, или даже чуждыми ему. Оно имѣло въ виду возстановленіе болѣе тѣсной умственной связи между тѣми и другими классами народонаселенія. Сверхъ того, оно желало освѣжить и обогатить сокровищами народныхъ діалектовъ литературный французскій языкъ, сдѣлавшійся слишкомъ сухимъ и слишкомъ убогимъ, вслѣдствіе, можетъ быть, чрезмѣрнаго старанія академіи объ очищеніи его. Наконецъ, оно стремилось къ облегченію отличившимся ученикамъ начальныхъ училищъ перехода въ среднія учебныя заведенія, чего нельзя было бы ожидать, еслибы въ низшемъ отдѣленіи лицеевъ преподавался по прежнему латинскій языкъ.

Въ преподаваніи древнихъ языковъ,—сверхъ того, что обученіе ихъ начиналось двумя годами позже,—самою важною реформою было измѣненіе метода обученія. Выше мы указали многочисленныя возраженія, дѣлаемыя методу преподаванія, употребляемому до реформы. Методъ этотъ основывался на томъ воззрѣніи, что ученики должны были говорить и писать на латинскомъ языкѣ. Мысль эта совсѣмъ была оставлена вслѣдствіе того, что цѣлью изученія этихъ языковъ было признано только то, чтобы ученики были въ состояніи понимать древнюю культуру. Вслѣдствіе того всѣ занятія, имѣющія въ виду достиженіе первой цѣли, были или вполнѣ оставлены, или въ значительномъ размѣрѣ ограничены. Такъ напр., латинскія стихотворенія и рѣчи, занимавшія столько времени, а равнымъ образомъ, переводъ mot-à-mot, были вполнѣ отмѣнены. Правда, что thème latin, т.-е. переводъ съ латинскаго языка на французскій, на который прежде было обращено главное вниманіе, былъ оставленъ, несмотря на сопротивленіе тѣхъ, которые требовали полнаго его устраненія,—но въ несравненно меньшемъ размѣрѣ. Въ общихъ началахъ, приложенныхъ къ плану 1882 г., говорилось, что изученіе грамматическихъ правилъ слѣдуетъ ограничить необходимымъ. Начала эти требовали устраненія злоупотребленій съ письменными задачами и замѣны ихъ устными упражненіями, чтеніемъ авторовъ и толкованіемъ ихъ, долженствующимъ непосредственно довести учениковъ до пониманія авторовъ и познанія древняго міра. Вообще эти начала требовали, чтобы ученики занимались преимущественно въ классѣ, совмѣстно, подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ профессоровъ. Всякій сколько-нибудь знающій дѣло можетъ сразу оцѣнить важность подобнаго измѣненія и выигрышъ времени, которое съ большею пользою могло быть обращено на другія занятія. Вслѣдствіе того

Digitized by Google

ученики не теряли напрасно времени на выдѣлываніе латинскихъ стиховъ при помощи Gradus ad Parnassum, или такихъ же рѣчей съ помощью различныхъ сборниковъ, но занимались дѣйствительнымъ изученіемъ классическихъ авторовъ, и посредствомъ ихъ знакомились съ культурою античнаго міра.

Законодатель, въ стремленіи къ преобразованію среднихъ учебныхъ заведеній, не могъ упустить изъ виду и другихъ недостатковъ—и не предпринять извѣстныхъ мѣръ для ихъ устраненія. Къ такимъ недостаткамъ принадлежало также, какъ мы видѣли выше, и испытаніе на степень баккалавра философіи bachelier-ès-lettres, возбудившее столько возраженій. Въ этомъ отношеніи, однакоже, законодатель не могъ рѣшиться на столь коренное преобразованіе, какъ перемѣщеніе этого испытанія въ коллегію, что было бы всего лучше, и превращеніе въ экзаменъ зрѣлости, какъ это дѣлается въ другихъ странахъ. Декретъ и распоряженіе 19-го іюня 1880 г. опредѣлили только, что испытаніе это должно быть раздѣлено—согласно изданнымъ въ послѣднее время правиламъ—на двѣ части, съ годичнымъ промежуткомъ между тою и другою. Какъ первая, такъ и вторая часть состоитъ изъ письменнаго и устнаго испытанія. Къ письменному экзамену принадлежатъ: переводъ съ латинскаго языка на французскій (version latine), французское сочиненіе на тэму изъ исторіи или словесности и переводъ съ французскаго на англійскій или нѣмецкій языкъ. Устное испытаніе въ этой части состоитъ изъ толкованія авторовъ (explication d'auteurs) и устныхъ отвѣтовъ на вопросы. При толкованіи авторовъ латинскихъ, греческихъ, французскихъ или новыхъ, могутъ быть употребляемы авторы, предписанные для изученія въ классахъ III, II, или реторики. Экзаменующійся можетъ даже по каждому языку указать автора, по которому желаетъ экзаменоваться. Устные вопросы могутъ относиться къ словесности, исторіи, географіи, преподаваемымъ въ тѣхъ же классахъ. Въ другой части испытаніе состоитъ изъ французскаго разсужденія по программѣ философіи и сочиненія по математико-естественнымъ наукамъ, въ элементарномъ объемѣ. Устное испытаніе этой части состоитъ изъ отвѣтовъ на вопросы по философіи и исторіи, преподаваемымъ въ классѣ философіи, по математико-естественнымъ наукамъ, и изъ толкованія авторовъ, указанныхъ въ программѣ философіи [1]). Изъ первой части испытанія на баккалавра устранено

[1]) Испытаніе на степень баккалавра — ès-sciences, математико-естественныхъ наукъ, опредѣленное въ 1865 г., не подверглось никакому измѣненію. Statistique de l'enseig. supér, стр. 523.

Digitized by Google

было латинское сочиненіе, composition latine, такъ какъ убѣдились въ его безполезности. По словамъ Боассіе, большинство учениковъ „всегда выучивало наизусть отрывки различныхъ фразъ, общихъ положеній безъ всякаго значенія, но могущихъ вездѣ найти примѣненіе, какъ двусмысленные отвѣты волхвовъ. Все искусство состояло только въ извѣстномъ сопоставленіи ихъ и примѣненіи къ данному предмету. Если только это собраніе неясныхъ понятій было выражено относительно правильнымъ слогомъ, экзаменаторъ былъ принужденъ довольствоваться имъ. Но въ сущности это былъ tour de force, не научившій учениковъ ни писать, ни думать". Поэтому справедливо сочиненіе это было замѣнено французскимъ. Сверхъ того, изъ второй части испытанія экзаменъ по новымъ языкамъ былъ перенесенъ въ первую, но зато были введены сочиненія математико-естественныя, composition scientifique. Наконецъ, такъ какъ подробныя программы исчисляли значительное количество авторовъ, которыми профессора могли даже не заниматься съ учениками въ классѣ, то дозволено было экзаменующимся указывать того автора, изъ котораго они желали быть испытуемы въ томъ предположеніи, что они укажутъ именно того, которымъ занимались съ профессоромъ. Тѣмъ ограничилась реформа испытанія на баккалавра, хотя, какъ видно изъ вышеизложеннаго, она состояла только въ нѣкоторыхъ полумѣрахъ, не отвѣчающихъ вовсе требованіямъ реформаторовъ.

То же должно сказать о другихъ недостаткахъ въ устройствѣ французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, на которые мы указывали выше, и о средствахъ, какія были предприняты въ виду ихъ устраненія.

Прежде мы обратили уже вниманіе на вредныя послѣдствія, производимыя „конкурсомъ" на все школьное обученіе, и на чрезмѣрное количество этихъ конкурсовъ. Тѣмъ не менѣе, законодательство не рѣшилось отмѣнить ихъ вполнѣ. Тщеславіе родителей, желающихъ видѣть своихъ дѣтей, украшенныхъ лавровыми вѣнками, хотя бы съ ущербомъ ихъ физическаго и умственнаго развитія,—мѣшало тому рѣшительно. Можно только замѣтить нѣкоторое стремленіе къ ограниченію конкурсовъ и вслѣдствіе того къ уменьшенію вредныхъ ихъ послѣдствій. Такъ напримѣръ, по распоряженію Ферри, отъ 29-го декабря 1880 г., заключающему въ себѣ новыя правила относительно конкурса между учениками парижскихъ и версальскихъ коллегій и лицеевъ, къ нему были допущены только ученики четырехъ самыхъ высшихъ классовъ, начиная съ III класса. Между тѣмъ, по прежнимъ правиламъ, къ нему могли являться и ученики IV класса. Сверхъ того, изъ

Digitized by Google

этого конкурса были устранены латинскія диссертаціи и стихи, а вмѣсто ихъ введены тэмы по естественной исторіи, физикѣ и французскому языку. Дальше, декретъ 22-го іюня 1880 г. отмѣнилъ конкурсы между учениками того же самаго академическаго округа, того же департамента и такъ-называемаго enseignement spécial. Вмѣсто того былъ оставленъ только конкурсъ между учениками учебныхъ заведеній того же департамента и между учениками enseignement spécial, начиная съ 4-го года обученія. И здѣсь тоже было ограничено количество классовъ, въ которыхъ ученики могли состязаться на конкурсѣ. Именно, по прежнимъ правиламъ къ этимъ конкурсамъ были допускаемы ученики пяти высшихъ классовъ, начиная съ IV,—между тѣмъ, по вышеприведенному декрету, къ нему были допущены ученики двухъ только самыхъ высшихъ классовъ, т.-е. реторики и философіи.

Интернаты также не были закрыты, несмотря на ихъ всѣми признанныя гибельныя послѣдствія. Относительно этого министръ Fallières, въ рапортѣ къ президенту республики, отъ 3-го іюля 1889 г., сознался, что, не будучи въ состояніи ни упразднить интернатъ, ни уничтожить всѣ неудобства, съ нимъ соединенныя, министерство заботилось по крайней мѣрѣ объ измѣненіи и улучшеніи его матеріальныхъ условій. Для этого назначена была сумма 110.866.666 фр. 66 сант. или на постройку новыхъ школьныхъ помѣщеній, или на ремонтъ старинныхъ. Назначена была также коммиссія, состоящая изъ архитекторовъ, для составленія правилъ относительно постройки и способа устройства залъ, назначенныхъ на классы и для обученія, спаленъ, залъ для гимнастическихъ упражненій, рекреаціонныхъ дворовъ, и т. п.

Принимая въ соображеніе нѣкоторыя данныя, можно даже придти къ убѣжденію, что и въ обществѣ тоже стало усиливаться убѣжденіе во вредности интернатовъ. Къ такому заключенію можно придти на томъ основаніи, что большіе, многочисленные интернаты теперь исчезаютъ, и вмѣсто нихъ появляются малые, числомъ отъ 20 до 30 учениковъ и могущіе доставлять, какъ говорится въ объявленіяхъ, l'éducation de famille. Такой же выводъ можно сдѣлать изъ большаго приращенія въ послѣднее время экстерновъ, чѣмъ интерновъ, въ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ напр., въ лицеяхъ было въ 1876 году 20.920 интерновъ и 20.075 экстерновъ. Въ 1887 г. первыхъ было 25.706, а остальныхъ—28.110. Каждый лицей имѣлъ въ 1887 г. среднимъ числомъ 32 учениками больше въ сравненіи съ 1876 г. Но увеличеніе это совершилось такимъ образомъ, что каждый потерялъ одного интерна, а

Digitized by Google

выигрывалъ 33 экстерна. Въ collèges communales было въ 1876 г. 15.552 интерновъ и 22.681 экстерновъ. Въ 1887 г. количество первыхъ уменьшилось до 13.932, а количество вторыхъ—только до 22.154. Такимъ образомъ, каждая коллегія потеряла въ это время 7 интерновъ и только 2 экстерновъ. Одни духовныя учебныя заведенія показываютъ нѣкоторое, впрочемъ незначительное, увеличеніе количества интерновъ въ періодѣ съ 1876 по 1887 г. Именно, въ первомъ году интерновъ было 33.092, экстерновъ 13.724; въ послѣднемъ же—33.482 первыхъ и 16.603 послѣднихъ. Такимъ образомъ, въ нихъ увеличилось количество интерновъ на 390, экстерновъ же на 2.879. Частныя учебныя заведенія въ продолженіе того же времени потеряли какъ однихъ, такъ и другихъ учениковъ почти на $^1/_3$. Въ 1876 г. они имѣли 16.870 интерновъ и 14.379 экстерновъ—между тѣмъ въ 1887 г. первыхъ было 11.530, а вторыхъ 8.644. Сообразивъ всѣ вышеприведенныя числа, мы придемъ къ убѣжденію, что количество интерновъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи уменьшилось съ 1876 г. на 1.784—между тѣмъ количество экстерновъ увеличилось на 4.649.

Точно также нельзя сказать, чтобы послѣдняя реформа устранила обремененіе учениковъ. Правда, что количество классныхъ уроковъ уже въ 1884 г. было ограничено до 20 часовъ, включительно съ рисованіемъ, въ элементарномъ отдѣленіи, и до 20 часовъ въ недѣлю, безъ рисованія, въ высшихъ отдѣленіяхъ. Тѣмъ не менѣе, обремененіе продолжаетъ существовать по двумъ причинамъ. Законодательство, сокращая количество уроковъ, назначенныхъ на преподаваніе извѣстнаго предмета, тѣмъ не менѣе стремилось къ достиженію того же, какъ и прежде, результата, вслѣдствіе чего въ программахъ выставлены слишкомъ высокія требованія. Кромѣ того, стремясь къ достиженію извѣстной цѣли, требовали отъ учениковъ такихъ усилій, къ которымъ они, по причинѣ даже своего возраста, были безусловно неспособны. Довольно въ этомъ отношеніи просмотрѣть подробныя программы преподаванія, назначеннаго для каждаго класса, чтобы въ этомъ убѣдиться. Ни одинъ ученикъ не былъ бы въ состояніи удовлетворить всѣмъ ихъ требованіямъ. Относительно этого мы можемъ сослаться на столь опытнаго, какъ Фёлькеръ, педагога, который на каждомъ почти шагу доказываетъ чрезмѣрное расширеніе программъ, чрезмѣрное увеличеніе научнаго матеріала, подавляющаго своею громадностью французскую молодежь.

Въ чемъ же состоятъ положительные результаты реформы, несмотря на ея неудачу въ частностяхъ, несмотря на то, что

Digitized by Google

она не была въ состояніи устранить до настоящаго времени всѣхъ недостатковъ прежней школьной системы, что̀ слѣдуетъ считать ея заслугою? Въ этомъ отношеніи позволимъ себѣ привести сообщеніе изъ оффиціальнаго рапорта министра Фалльера президенту республики, отъ 3-го іюля 1889 г., характеризующаго успѣхи реформы, послѣдовавшей до сего времени. Въ рапортѣ этомъ сказано: „Преимущество, предоставленное французскому языку; ограниченія занятій латинскимъ языкомъ—занятій, признанныхъ безплодными для большинства учениковъ, и менѣе полезными, нежели прочія, для остальныхъ; примѣненіе менѣе формальныхъ, но болѣе побуждающихъ къ самостоятельности методовъ обученія; развитіе, данное математико-естественнымъ наукамъ и новымъ языкамъ; наконецъ, благодаря перенесенію начала обученія латинскому языку въ VI классъ, обезпеченіе за учениками, отличающимися въ начальномъ училищѣ, возможности воспользоваться гуманистическимъ образованіемъ, — вотъ положительные результаты этого послѣдняго законодательства". Къ этому слѣдуетъ еще прибавить все болѣе и болѣе усиливающуюся заботу о физическомъ развитіи молодого поколѣнія. „Эта реформа,—выразился дальше министръ,—несмотря на свои неизбѣжные недостатки, удержится въ своихъ главныхъ основаніяхъ, такъ какъ вытекаетъ изъ идеи прогресса"... „На этомъ пути мы уже не остановимся, и уже назначена, подъ предсѣдательствомъ Lockroy, коммиссія, долженствующая изучить вопросъ, какимъ образомъ примирить требованія образованія съ другими требованіями, заслуживающими равнымъ образомъ вниманія. Наша великая задача, это—приготовленіе нашихъ учениковъ къ практической жизни, къ исполненію обязанностей, лежащихъ на нихъ въ настоящее время, безъ ущерба, однакоже, для общаго образованія, котораго ищутъ въ нашихъ училищахъ". Извѣстно, что эта коммиссія постановила сдѣлать опытъ въ лицеѣ Charlemagne, о которомъ мы упомянули выше и отъ котораго находится въ зависимости дальнѣйшее ограниченіе древнихъ языковъ, и соразмѣрное тому преобразованіе программы наукъ, преподаваемыхъ въ коллегіяхъ.

Къ словамъ министра Фалльера и его оцѣнкѣ школьной реформы послѣднихъ временъ, можно бы еще прибавить, что реформа эта имѣетъ неоцѣненное значеніе въ томъ отношеніи, что она вноситъ новый духъ, новую жизнь въ учебныя заведенія, устроенныя средневѣковымъ образомъ. Она является дуновеніемъ свѣжаго, животворящаго воздуха, проникшимъ въ покрытое плесенью, древнее устройство французскихъ коллегій. Она въ первый разъ сильно

Digitized by Google

пошатнула окаменѣвшія формы этихъ учебныхъ заведеній, неподвижныя въ продолженіе столькихъ столѣтій.

Нельзя, однако, имѣть вполнѣ точное понятіе о реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній во Франціи, если довольствоваться вышесказаннымъ, и не сказать еще нѣсколько словъ о такъ-называемомъ среднемъ спеціальномъ образованіи, enseignement secondaire spécial, и о судьбахъ, пережитыхъ имъ въ послѣднее время. Этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, въ виду отношенія средняго спеціальнаго образованія къ образованію исключительно классическому, доставляемому до настоящаго времени въ коллегіяхъ. На основаніи всего сказаннаго нами выше, мы могли придти къ убѣжденію, что классическое образованіе во Франціи подверглось, вслѣдствіе именно описываемой нами реформы, значительному ограниченію. Ограниченіе это послѣдовало, или вслѣдствіе перенесенія обученія древнимъ языкамъ нѣсколькими классами выше, или вслѣдствіе сокращенія времени, для нихъ назначеннаго, или вслѣдствіе измѣненія даже цѣли въ обученіи этимъ языкамъ. Но классическое образованіе во Франціи подверглось въ послѣднее время не менѣе важному ограниченію, вслѣдствіе такъ-называемаго enseignement spécial, которое дало образованію значительной части французской молодежи совершенно другое,—не классическое направленіе.

Антонъ Окольскій.

Digitized by Google

МИМОЧКА НА ВОДАХЪ

ОЧЕРКЪ.

— Мимочка худѣетъ, Мимочка блѣднѣетъ, Мимочка скучаетъ... Maman тревожится и суетится; Спиридонъ Ивановичъ кряхтитъ и хмурится; бэби ревѣтъ и капризничаетъ...

Таковъ въ общихъ чертахъ строй жизни Мимочки,—а вѣдь какъ-было хорошо тогда началось!..

Прямо изъ-подъ вѣнца молодые уѣхали тогда за границу. Доктора давно посылали Спиридона Ивановича на воды, и еще до встрѣчи съ невѣстой у него положено было съѣздить лѣтомъ за границу. Неожиданная женитьба не измѣнила заранѣе принятаго рѣшенія, и, взявъ трехмѣсячный отпускъ, Спиридонъ Ивановичъ уѣхалъ съ молодой женой въ Виши.

Ѣхали съ возможнымъ комфортомъ, и Спиридонъ Ивановичъ былъ такъ заботливъ, такъ внимателенъ дорогой, что Мимочка должна была сознаться въ томъ, что съ нимъ еще лучше и удобнѣе путешествовать, чѣмъ съ maman. Положимъ, по пріѣздѣ въ Парижъ, она была все-таки очень утомлена, и главное такъ энервирована, такъ энервирована, что цѣлый день плакала и подумывала уже о томъ, не лишить ли себя жизни, такъ какъ ей казалось, что больше ей ничего не остается. Парижъ былъ мраченъ, страшенъ, отвратителенъ... Солнце померкло. И дождь лилъ, лилъ, лилъ... И она плакала, плакала... Слезы эти, конечно, смущали нѣсколько Спиридона Ивановича, но что-жъ ему было дѣлать, въ самомъ дѣлѣ?.. Дождь—такъ дождь! на все Божья воля... И онъ только барабанилъ по столу пальцами и сердился на прислугу.

Но когда молодые пріѣхали въ Виши, гдѣ ихъ ждала за-

Digitized by Google

ранѣе приготовленная для нихъ уютная квартирка съ балкономъ на людный бульваръ, когда они вкусно и сытно пообѣдали въ этой веселенькой свѣтлой квартиркѣ, и когда они, наконецъ, распаковали свои сундуки и чемоданы,—все стало опять хорошо и весело. Мимочка увидѣла, что какъ бы то ни было, а жить еще можно и, можетъ быть, будетъ еще и очень пріятно. Она отерла слезы и занялась развѣшиваньемъ своихъ новыхъ платьевъ.

Потомъ послали за докторомъ. Пришелъ молодой черноглазенькій французъ, красивый и говорливый. А какъ онъ говорилъ по-французски,—Царица Небесная, какъ онъ говорилъ! Да что докторъ! Всѣ, всѣ кругомъ, начиная съ сѣдовласаго хозяина меблированныхъ комнатъ и кончая Жозефомъ, четырехлѣтнимъ сыномъ портьé, всѣ были такъ любезны, изящны, живы, веселы... Мимочкѣ казалось, что она пріѣхала на родину. Аптекарь, къ которому молодые, сейчасъ же по пріѣздѣ, зашли за ревенемъ и магнезіей, былъ какъ двѣ капли воды похожъ на jeune premier Михайловскаго театра, такъ что Мимочка даже покраснѣла, когда Спиридонъ Ивановичъ, получивъ свою магнезію, принялся разспрашивать молодого человѣка еще о какихъ-то снарядахъ... А почтальонъ былъ очень похожъ на знакомаго куафёра съ Большой Конюшенной.

Спиридонъ Ивановичъ немедленно и съ полнымъ усердіемъ приступилъ къ своему леченію. Онъ любилъ и умѣлъ лечиться. Не довольствуясь пунктуальнымъ исполненіемъ предписаній пользующаго его врача, онъ совѣщался потихоньку и съ другими докторами, совѣщался и съ больными, съ которыми знакомился въ ваннахъ и у источниковъ, совѣщался съ аптекаремъ и другими своими поставщиками, накупилъ груды медицинскихъ книгъ, брошюръ и лечебниковъ, накупилъ врачебныхъ винъ и лекарствъ по газетнымъ объявленіямъ, каждый день находилъ въ себѣ новую болѣзнь, и такъ подробно, такъ многозначительно излагалъ доктору свои болѣзненныя ощущенія, что молодой французъ, выслушивая его съ глубокомысленнымъ и вѣжливымъ участіемъ, въ то же время не безъ нѣжнаго состраданія поглядывалъ украдкой на блѣдную, хорошенькую Мимочку и, покручивая концы шелковистыхъ усовъ, говорилъ ей взглядомъ: „Бѣдняжка! И такъ мила!..“

Спиридонъ Ивановичъ рѣшилъ лечить и Мимочку отъ малокровія и нервовъ. Maman такъ просила его объ этомъ! И Мимочка стала пить source Mesdames, и брать ванны, и похаживать по парку. Но такъ какъ ея леченье было все-таки менѣе сложно и серьезно, чѣмъ леченье Спиридона Ивановича, то у

Digitized by Google

нея оставалось еще много свободнаго времени, которое она посвящала разглядыванью прохожихъ и разглядыванью своихъ новыхъ платьевъ. И то, и другое занятіе было ей по сердцу, и она не скучала. Сезонъ былъ изъ удачныхъ, изъ блестящихъ. На-водахъ былъ Штраусъ, была Патти, былъ англійскій государственный человѣкъ съ женой, американскій богачъ съ дочерьми, а сколько кокотокъ, сколько аристократовъ!.. Было много романовъ, два-три скандала... Погода стояла чудная, жаркая, пожалуй, даже слишкомъ жаркая. Но зато какія прогулки, какія кавалькады вечеромъ по берегу Алье, какіе концерты и танцовальныя вечеринки въ казино! Конечно, Мимочка ни съ кѣмъ не знакомилась — общество на водахъ такъ смѣшано —но и вчужѣ забавно было поглядѣть на чужіе туалеты, на чужія интриги. Вообще ей было весело. И въ отвѣтъ на письма кузины Зины и подругъ ея, трехъ сестеръ Полтавцевыхъ, которыя спрашивали ее, счастлива ли она,—Мимочка писала: „Такъ счастлива, такъ счастлива... Jamais je ne me suis tant amusée qu'à Vichy. Figurez-vous..." и т. д.

Время летѣло и пролетѣло быстро и незамѣтно. Курсъ леченья Спиридона Ивановича кончился. Онъ похудѣлъ, но чувствовалъ себя бодрѣе и здоровѣе. Мимочка тоже расцвѣла и похорошѣла на чистомъ воздухѣ южной Франціи. Оставался еще мѣсяцъ отпуска. Спиридонъ Ивановичъ предложилъ женѣ на рѣшеніе, гдѣ провести этотъ мѣсяцъ: въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Парижѣ?.. Брошюрка доктора Сулигу рекомендовала для послѣдовательнаго леченія тихій уголокъ Швейцаріи, но Мимочка предпочла Парижъ. Спиридонъ Ивановичъ охотно подчинился этому рѣшенію,—и, щедро заплативъ квартирной хозяйкѣ, черномазенькому доктору и прочимъ, молодые уложили свой багажъ и вернулись въ Парижъ, гдѣ и начался настоящій медовый мѣсяцъ. Спиридонъ Ивановичъ получилъ къ этому времени кругленькую сумму отъ своего арендатора, и Мимочка блаженствовала, покупая направо и налѣво все, что ей нравилось... О, ея медовый мѣсяцъ!.. Стояли они въ дорогомъ и хорошемъ отелѣ. Утромъ генералъ вставалъ первый и, напившись кофе, читалъ русскія и французскія газеты, а Мимочка долго еще нѣжилась въ постели. Потомъ она вставала, когда хотѣла, и не спѣша приступала къ своему туалету. Каждый день у нея было новое мыло, новые духи, туалетныя воды, помады. А какихъ чулокъ, ботинокъ, подвязокъ накупила она себѣ!.. О, ея медовый мѣсяцъ!..

Одѣвшись, Мимочка выходила къ мужу, который цѣловалъ ея надушенную ручку, задерживая ее въ своей, и, подставлялъ ей для поцѣлуя свою лоснящуюся лысину. Они завтракали кот-

Digitized by Google

летками въ папильоткахъ, омаромъ и ордѣврами и, подкрѣпивъ силы, шли гулять или ѣхали кататься, осматривали музеи, окрестности... Передъ обѣдомъ Спиридонъ Ивановичъ возвращался въ нумеръ и ложился спать, а Мимочка ѣхала за покупками и покупала, покупала... Потомъ обѣдъ, а послѣ обѣда театръ, циркъ, café-concert... Спиридонъ Ивановичъ хорошо зналъ Парижъ, именно со стороны увеселительныхъ заведеній, и такъ какъ онъ держался того мнѣнія, что за границей порядочная женщина можетъ ходить всюду, потому что ея никто не знаетъ, то онъ водилъ жену и въ „Мабиль“, и въ „Бюлье“, и во всякія „Эльдорадо“, чтобы показать ей кокотокъ и съ того, и съ этого берега Сены...

Справивъ, такимъ образомъ, медовый мѣсяцъ, молодые вернулись въ Петербургъ съ опустѣвшимъ кошелькомъ, съ возросшимъ числомъ чемодановъ и картонокъ, съ запасомъ забавныхъ и пріятныхъ воспоминаній, съ упрочившимися дружескими отношеніями.

Всѣ родные встрѣтили Мимочку съ распростертыми объятіями. Теперь это была уже не бѣдная невѣста, которую тетушки не прочь были осадить и унизить при случаѣ... Теперь это была генеральша, дивизіонная командирша, жена почтеннаго и обезпеченнаго человѣка, дама со свѣжими туалетами изъ Парижа, съ положеніемъ въ свѣтѣ.

Вслѣдъ за положеніемъ въ свѣтѣ, Мимочка не замедлила пріобрѣсти и такъ-называемое „интересное“ положеніе. Надо сказать правду, что послѣднее положеніе было довольно тягостно, и еслибы maman и Спиридонъ Ивановичъ не ухаживали за ней, какъ за богиней,—кажется, Мимочка наложила бы на себя руки. Но когда кончилось все мучительное и непріятное, когда наслѣдникъ Спиридона Ивановича, занявъ предназначенное ему мѣсто въ мірѣ печали и слезъ, принялся оглашать своими воплями генеральскія хоромы, и когда Мимочка встала и поправилась, у нея было хорошо на душѣ—и она была довольна. Довольна и тѣмъ, что она похорошѣла и пополнѣла, и тѣмъ, что у нея все-таки есть уже свой настоящій, живой бэби, тогда какъ подруги ея, три сестры Полтавцевы, все еще рисуютъ на фарфорѣ и поютъ итальянскія аріи и цыганскіе романсы, въ тщетной надеждѣ привлечь этими аріями кого-нибудь, кто бы далъ имъ „une position dans le monde“ и живого, настоящаго бэби.

А у Мимочки есть уже и то, и другое. И хотя всѣ три сестры Полтавцевы, пріѣзжая къ Мимочкѣ, любуясь бэбичкой и

Digitized by Google

цѣлуя взасосъ его пухлыя ручки и ножки, и говорятъ въ одинъ голосъ, что онѣ понимаютъ только бракъ по любви, и что ни одна изъ нихъ не выйдетъ иначе, какъ по любви,—Мимочка отлично знаетъ, что это фразы, и что подвернись тогда Спиридонъ Ивановичъ не ей, а имъ,—всѣ три сейчасъ же пошли бы за него. Шутка ли? Командуетъ дивизіей, и цѣлая дивизія смотритъ ему въ глаза. А что еще ждетъ его впереди? Карьера Спиридона Ивановича далеко не кончена... Глупо было бы отказаться отъ такой партіи.

Отчего же теперь, на шестой годъ замужества, Мимочка скучаетъ? Отчего она худѣетъ и блѣднѣетъ? Чего ей недостаетъ? У нея есть семья. Съ нею ея сынъ, ея мужъ, ея мать. У нея есть деньги, есть экипажи, есть ложа въ Михайловскомъ театрѣ. Чего ей еще? Мимочка и сама не знаетъ, чего она хочетъ. Ничего ей не нужно. Ей просто надоѣло жить. Ей совсѣмъ, совсѣмъ все равно: жить или умереть. Умереть? Да хоть сейчасъ! Она такъ и говоритъ,—и бѣдная maman не можетъ слышать этого безъ слезъ и вздоховъ. Она видитъ, что дочь просто больна, что она таетъ, что она съ каждымъ днемъ становится раздражительнѣе, слабѣе... Maman умоляетъ Мимочку посовѣтоваться съ докторомъ Варяжскимъ (maman вѣритъ въ него какъ въ Бога). А Мимочка упрямится, сердится, говоритъ: „Ah, laissez donc! je me porte à merveille! Je suis tout-à-fait bien!“ И maman вздыхаетъ, а Мимочка худѣетъ и блѣднѣетъ.

Тетушки тоже озабочены перемѣною въ наружности Мимочки.

— Но какъ Мими дурнѣетъ!—говоритъ тетя Софи.—И съ чего это она все хвораетъ?

— Старый мужъ,—коротко замѣчаетъ тетя Мари.

— Ну, можно ли такъ смотрѣть на вещи?—съ упрекомъ говоритъ тетя Жюли.—И потомъ: старый, старый... Enfin, elle a un enfant. Qu'est-ce qu'elle a à se plaindre?

— Annette думаетъ, что это роды ее такъ истощили, роды и хлороформированье, и...

— Вотъ, старину вспомнили! Напротивъ, она тогда такъ поправилась.

— А я убѣждена въ томъ, что она просто отъ бездѣлья хвораетъ,—строго говоритъ тетя Жюли.—Вѣдь она цѣлыми днями палецъ о палецъ не ударитъ. Возьмите у меня Зина: и обѣдъ закажетъ, и чай разольетъ; потомъ идетъ къ Гизье, потомъ поетъ вокализы... Каждая минутка у нея занята. И посмотрите, какой

Digitized by Google

у дѣвочки цвѣтъ лица, какъ она здорова. Говорятъ: Петербургъ, Петербургъ... Вздоръ! Вездѣ можно быть здоровой. А Мимочка... Да веди я такой образъ жизни—я бы давно умерла.

И тетушки говорятъ правду. Мимочка дурнѣетъ, Мимочка скучаетъ, Мимочка ничего не дѣлаетъ. Maman такъ нѣжно любитъ ее, что всякое занятіе, хотя бы самое пустое и легкое, считаетъ непосильнымъ и обременительнымъ для Мими. Всѣ заботы по хозяйству, всѣ заботы о ребенкѣ maman взяла на себя, предоставляя Мимочкѣ кататься, одѣваться, выѣзжать и принимать. Сначала-было эти занятія и удовлетворяли Мимочку, но теперь и они ей постыли. Да и ничто уже ее не удовлетворяетъ... Говоря словами Шопенгауера, она потеряла аппетитъ къ жизни...

И рядомъ съ овладѣвающей ею апатіей въ ней наростаетъ инстинктивное раздраженіе противъ maman и Спиридона Ивановича,—раздраженіе, близкое къ антипатіи. Она не знаетъ, чѣмъ они ей мѣшаютъ, чего ея лишаютъ. Она только знаетъ, что съ каждымъ днемъ они становятся все болѣе и болѣе чуждыми и тягостными ей. Она смутно чувствуетъ, что тутъ же подлѣ нея они создали себѣ жизнь, въ которой имъ тепло и привольно, и въ которой она запуталась и бьется, какъ муха въ паутинѣ. И не выкарабкаться ей изъ этой паутины, потому что соткана она изъ нѣжнѣйшей заботливости о ней же. Ѣдетъ ли она въ театръ, на вечеръ—непремѣнно или maman, или Спиридонъ Ивановичъ сопутствуютъ ей, и она не можетъ сказать слова, сдѣлать шага, который не былъ бы имъ извѣстенъ и не вызывалъ бы ихъ комментаріевъ. Мимочка видитъ, что Спиридонъ Ивановичъ просто ревнуетъ ее,—конечно, даже и тетушки замѣчаютъ это. Но онъ не хочетъ въ этомъ сознаться, и свое недовѣріе маскируетъ словами: „такъ-де не принято“... „это неловко“... „такъ не дѣлается“... И дѣлается все такъ, что Мимочкѣ жизнь съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе постылой.

Maman и Спиридонъ Ивановичъ скоро сжились и сдружились. Они понимаютъ другъ друга съ полуслова. Служба Спиридона Ивановича, его смотры, коммиссіи, проекты—живо интересуютъ maman, которая, еще живя съ покойнымъ папà, сродилась съ военнымъ дѣломъ. Мимочкѣ же все, относящееся къ служебной дѣятельности мужа, кажется глупымъ и скучнымъ. Ей кажется, что онъ только нарочно болтаетъ передъ maman: „Коммиссіи, ре-орга-ни-за-ці-я... Со штыкомъ или безъ штыка“... А maman притворяется, будто ей это интересно! Кромѣ разговора о службѣ, у нихъ есть еще разговоръ о воспитаніи дѣтей, котораго она тоже слышать не можетъ. Мимочка знаетъ, что, какъ

Digitized by Google

ни воспитывай дѣтей, какія книжки ни читай, все равно дѣти будутъ кричать и пачкать пеленки, а потомъ капризничать и не слушаться. И никакихъ теорій не нужно. Нужна хорошая няня, а для этого нужны хорошія деньги. Чего же они переливаютъ изъ пустого въ порожнее?

Но хуже всего, невыносимѣе всего—это ихъ разговоръ о политикѣ. Политика—bête noire Мимочки. Она въ газетахъ читаетъ только послѣдній листъ, потому что ее интересуютъ покойники и объявленія о распродажахъ, а maman и Спиридонъ Ивановичъ осиливаютъ всю газету отъ A до Z; затѣмъ каждый день за обѣдомъ пережевываютъ передовую статью. Эти толки о Бисмаркѣ, о Вильгельмѣ, объ Италіи и Австріи, о скучнѣйшей Болгаріи—непремѣнно сведутъ съ ума Мимочку или сведутъ ее въ могилу. Что ей Кобургскій, что ей Баттенбергскій?! Ей двадцать-шесть лѣтъ; ей бы теперь надо жить, смѣяться, радоваться, а не сидѣть здѣсь, между сѣдой maman и лысымъ Спиридономъ Ивановичемъ, который сопитъ, и харкаетъ, и плюетъ, и подливаетъ себѣ въ вино amer picon. И Мимочка, сердясь на Баттенберга, капризно отодвигаетъ отъ себя тарелку съ котлетами, которыя опротивѣли ей, какъ и все у нея въ домѣ, и говоритъ: „Encore ce Batenberg! Il m'agace à la fin!“

И maman вздыхаетъ, а Спиридонъ Ивановичъ хмурится.

Вотъ Нетти Полтавцева вышла замужъ за молодого человѣка,—положимъ, за легкомысленнаго и ненадежнаго молодого человѣка,—но какъ они живутъ, Боже мой, какъ они живутъ! Правда, что они проматываютъ капиталъ, и старики Полтавцевы со страхомъ и неодобрительно покачиваютъ на это головами. Правда, что поклонникъ Нетти какъ бы крѣпче и крѣпче приростаетъ къ дому, такъ что многіе уже, говоря о немъ, многозначительно улыбаются; правда, что и сама Мимочка вслѣдъ за maman и тетками повторяетъ, что Нетти на опасной дорогѣ; правда, что и сама Мимочка, по совѣту тети Жюли, умышленно опаздываетъ срокомъ при отдачѣ визитовъ Нетти,—но что-жъ изъ этого? зато Нетти веселится, Нетти живетъ... Нетти одѣвается эксцентрично, Нетти ѣздитъ въ оперетку, въ маскарады, въ рестораны, смѣется надъ всѣмъ и всѣми и довольствуется мужскимъ обществомъ. О ней много говорятъ и нехорошо говорятъ; но она смѣется и надъ этимъ. Мужъ терпитъ, и всѣ терпятъ... И вокругъ Нетти жизнь и веселье играютъ и искрятся, какъ шампанское, которое не сходитъ у нея со стола.

Прежде Мимочка была ея подругой; но теперь maman и Спиридонъ Ивановичъ наложили veto на эту дружбу. Они находятъ

Digitized by Google

Нетти слишкомъ легкомысленной и видятъ тутъ дурной примѣръ для Мимочки. И Мимочка не отдаетъ ей визитовъ, потому что, конечно, разъ она на опасной дорогѣ... Но Мимочкѣ очень жаль, что она на опасной дорогѣ, потому что не будь она на опасной дорогѣ—ей было бы такъ весело у Нетти... Она все-таки добрая, эта Нетти, и такъ смѣшно болтаетъ, и такая бойкая... Да что Нетти! Мимочкѣ и у трехъ сестеръ Полтавцевыхъ веселѣе, чѣмъ у себя дома. Онѣ поютъ, играютъ, танцуютъ, мечтаютъ... Онѣ всегда влюблены, всегда говорятъ о капитанахъ и поручикахъ, о поклонникахъ Нетти... У нихъ есть мечты, надежды, планы на будущее; у нихъ все впереди. А она? Чего ей ждать? На что надѣяться? Жизнь исчерпана. Иллюзій никакихъ. Она знаетъ жизнь, знаетъ людей, знаетъ, что такое бракъ, что такое эта пресловутая любовь—une horreur! И тетя Мари еще говоритъ ей: „Смотри, не влюбись!..“ Ей—влюбиться! Да ей и жить-то не хочется... И лучшіе годы ушли, ушли безвозвратно... Она уже старуха. Ей двадцать-шесть лѣтъ. Да, конечно, это—старость... Она чувствуетъ себя такой старой, старой, такой отжившей...

И Мимочка скучаетъ, и Мимочка худѣетъ и блѣднѣетъ.

Къ веснѣ нервное разстройство ея доходитъ до такой степени, что когда въ одинъ прекрасный вечеръ Спиридонъ Ивановичъ предлагаетъ дамамъ на обсужденіе вопросъ, гдѣ имъ провести лѣто: въ деревнѣ или на дачѣ,—съ Мимочкой дѣлается истерическій припадокъ, настоящій истерическій припадокъ—съ хохотомъ, крикомъ, конвульсіями.... Maman въ отчаяніи. Вотъ до чего дошло! И чего она смотрѣла, какъ допустила?!..

Скорѣе, скорѣе надо принять энергическія мѣры. Теперь Мими сдается; она согласна посовѣтоваться съ докторомъ Варяжскимъ. Maman такъ вѣритъ въ Варяжскаго! Онъ принималъ у Мимочки, онъ разъ уже спасъ ее отъ смерти, онъ знаетъ ея натуру... И чудесный человѣкъ, внимательный, веселый... И не мальчишка какой-нибудь, а солидный, почтенный человѣкъ, профессоръ... Maman вѣритъ въ него какъ въ Бога. Теперь все спасеніе въ докторѣ Варяжскомъ. Какъ онъ скажетъ, такъ онѣ и сдѣлаютъ. Скажетъ: ѣхать на Мадеру—поѣдутъ на Мадеру... Спиридонъ Ивановичъ далъ денегъ. Нельзя останавливаться передъ расходами, когда дѣло идетъ о сохраненіи жизни, о сохраненіи жизни близкаго человѣка. Какъ Варяжскій скажетъ, такъ они и сдѣлаютъ.

— Кого я вижу! Мое почтеніе!—говоритъ докторъ Варяжскій, впуская въ свой кабинетъ maman и Мимочку и мелькомъ

Digitized by Google

оглядывая, сверхъ очковъ, пріемную, полную пацiентокъ всякаго вида и возраста, шушукающихъ по уголкамъ и перелистывающихъ журналы въ ожиданіи очереди.

Мимочка, войдя въ кабинетъ, устало опускается въ мягкое кресло около письменнаго стола и слабымъ голосомъ, неохотно и односложно, отвѣчаетъ на разспросы доктора; a maman переводитъ озабоченный взглядъ съ доктора на дочь и обратно, стараясь прочесть что-нибудь въ выраженіи его лица. И испуганное и любящее воображеніе видитъ уже за спиной любимой дочери страшные, грозные призраки: чахотка, смерть отъ истощенія... Но нѣтъ, докторъ спокоенъ, докторъ веселъ.

— Такъ вы думаете, Кронидъ Ѳедоровичъ, что можно побѣдить эту ужасную слабость?

— Да, я думаю, что въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго.

— Ахъ, дай Богъ, дай Богъ!.. Но, знаете, она не все вамъ говоритъ. Она такъ терпѣлива, такъ терпѣлива; но вѣдь я вижу, какъ она страдаетъ!—И maman, перебивая Мимочку, начинаетъ, съ волненіемъ и грустью въ голосѣ, разсказывать Крониду Ѳедоровичу подробнѣйшимъ образомъ о томъ, какъ Мимочка задыхается отъ восхожденія на лѣстницу, какъ она плачетъ безъ всякаго повода, какъ она сердится на горничную, на бэби, какъ она худѣетъ, что видно по ея лифамъ, какъ вчера она скушала за обѣдомъ только пол-котлетки, а сегодня и т. д.

— Такъ-съ,—говоритъ докторъ, прописывая рецептъ.—Ну, а что вы думаете дѣлать лѣтомъ?

— Ахъ, Кронидъ Ѳедоровичъ, это главное, съ чѣмъ мы къ вамъ пріѣхали. Какъ вы скажете, такъ мы и сдѣлаемъ. Куда бы вы насъ ни послали... Вы знаете, мы не стѣснены ни деньгами, ни временемъ. Я уже думала, что, можетъ быть, морскія купанья... за границей...

— Да, конечно; хорошо и за границей. А что бы вы сказали о Кавказѣ? Вы не бывали на Кавказѣ?

— Нѣтъ; но я отъ многихъ слышала, что тамъ все такъ еще примитивно, не устроено... Ни квартиръ, ни докторовъ... Говорятъ, ужасные коновалы... И ѣсть нечего...

— Ну, все это очень преувеличено. И поѣсть что найдется, не такъ же ужъ мы избалованы. А что касается докторовъ,—вѣдь вы, кажется, дѣлаете мнѣ честь довѣрять мнѣ?..

— О, Кронидъ Ѳедоровичъ, вы!.. Въ васъ я вѣрю какъ въ Бога!.. На васъ вся моя надежда!

— Ну, такъ изволите видѣть, другого доктора вамъ и не понадобится. Я самъ буду лечить Марью Ильинишну...

Digitized by Google

— Какъ, вы будете тамъ?.. О, это мѣняетъ вопросъ... Если вы тамъ будете... Когда же вы тамъ будете?

— А вотъ къ началу сезона; знаете, ужъ гдѣ дамы, тамъ и я. А тамъ все дамы. Желѣзноводскъ такъ и зовутъ: дамская группа.

Мимочка нѣсколько оживляется. Ей хочется ѣхать на Кавказъ. Нетти провела лѣто въ Кисловодскѣ и вернулась съ очень пріятными воспоминаніями. Тамъ она, главнымъ образомъ, и эмансипировалась, и оттуда же вывезла своего нынѣшняго обожателя. А главное, Мимочка сейчасъ, сидя здѣсь, впервые сознала ясно, чего именно ей хочется. Ей хочется уѣхать куда-нибудь одной. Она возьметъ съ собой Катю-горничную и уѣдетъ, а они всѣ пускай дѣлаютъ что хотятъ. Докторъ отмѣчаетъ про себя это оживленіе и продолжаетъ, изрѣдка косясь на Мимочку, сообщать maman необходимыя свѣденія о Желѣзноводскѣ. Мимочка попьетъ желѣзныя воды и покупается въ ваннахъ мѣсяца два, а тамъ еще съѣздитъ на мѣсяцъ въ Кисловодскъ, такъ сказать, для полировки, и къ осени она такъ поправится, что ее узнать нельзя будетъ.

— Дай Богъ, дай Богъ!—говоритъ maman съ недовѣрчивой и грустной улыбкой, и, деликатно просунувъ въ руку доктора красненькую бумажку, она выходитъ вслѣдъ за Мимочкой изъ кабинета, пропуская очередную паціентку.

— Что-жъ, Мими,—говоритъ maman, садясь въ карету подлѣ дочери:—что ты скажешь о его идеѣ? Я думаю, что слѣдуетъ ѣхать. Разъ онъ самъ тамъ будетъ... Ты бы поѣхала?

Мимочка молчитъ. Ея минутное оживленіе снова смѣняется выраженіемъ угнетенности и апатіи. Maman, взглянувъ на нее, умолкаетъ на пять минутъ, по истеченіи которыхъ она повторяетъ свой вопросъ.

— Ну, что говорить объ этомъ!—отвѣчаетъ Мимочка.—Мало ли чего я хочу... А онъ же скажетъ... Онъ опять скажетъ... (Мимочка задыхается.) Онъ скажетъ: въ деревню!—И Мимочка заливается горькими слезами.

Maman въ отчаяніи и старается улыбнуться. — Ну полно, полно, не волнуйся такъ, голубка!.. Никогда мы не поѣдемъ въ деревню... Онъ тебя такъ любитъ... Онъ сдѣлаетъ все, чего ты захочешь. Hier encore il m'a dit... Полно, не плачь же; это такъ истощаетъ!.. Гдѣ твой sel de vinaigre?.. Понюхай, голубка, это ты устала... Куда же мы: къ Жюли или въ лавки?

Digitized by Google

— Къ Кнопу, — рыдая, говоритъ Мимочка: — мнѣ надо къ Кнопу.

Ѣдутъ къ Кнопу. Дорогой дамы продолжаютъ обсуждать совѣтъ доктора Варяжскаго. Понюхавъ sel de vinaigre и высморкавшись, Мимочка высказывается опредѣленнѣе. Она бы поѣхала, конечно, безъ Спиридона Ивановича (ему, впрочемъ, и нельзя ѣхать). Бэби тоже пускай останется съ maman. Взять его съ собой Мимочка не можетъ. Она и то больна отъ дѣтскаго крика, а если за ней еще будутъ вездѣ таскать ребенка,—она никогда не поправится. Къ тому же, везти бэби значитъ везти няньку и подняньку, и доктора. Варяжскій не лечитъ дѣтей. Что они будутъ дѣлать безъ дѣтскаго доктора? Maman развѣ хочетъ уморить бэби? Нѣтъ, пускай она съ нимъ здѣсь останется, а Мимочка уѣдетъ одна, съ Катей...

Maman соглашается съ Мимочкой во всемъ, кромѣ одного пункта. Отпустить безъ себя дочь, у которой дѣлаются обмороки и припадки, отпустить ее съ молодой и неопытной дѣвчонкой, —нѣтъ, это немыслимо. Maman сама поѣдетъ съ ней. А кто же останется съ бэби? Можетъ быть, тетя Жюли возьметъ его съ няней къ себѣ на дачу? Ну да, она возьметъ его!.. У Кнопа всѣ заботы мгновенно поглощаются заботой о выборѣ зонтика. Мимочка переворачиваетъ весь магазинъ въ поискахъ за ручкой зонтика, которую она видѣла чуть ли не во снѣ. Мимоходомъ она находитъ много новыхъ и полезныхъ, практичныхъ и удобныхъ предметовъ, которые могутъ ей пригодиться въ предстоящей поѣздкѣ, и забираетъ ихъ. Такъ что когда она садится съ maman въ карету, за ними выносятъ ворохъ пакетовъ и картонокъ. Мимочка имѣетъ нѣсколько освѣженный и успокоившійся видъ.

— Ты не слишкомъ ли утомилась, Мими? Можетъ быть, отложить Жюли до другого раза?—спрашиваетъ maman.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ лучше за одно,—говоритъ Мимочка, закрывая глаза.

Тетя Жюли принимаетъ по средамъ. Утромъ у нея визиты и чай; вечеромъ—карты и черезъ среду—танцы для Зины и молодежи.

Тетя Жюли—почтенная и умная женщина съ большимъ характеромъ. Сестры говорятъ о ней: „Julie est une femme de beaucoup d'esprit, mais elle manque de coeur. C'est tout le contraire d'Annette".

Тетя Жюли—безупречная жена, хозяйка и мать. Она пре-

Digitized by Google

красно воспитала двухъ старшихъ дѣтей: Вову, румянаго кавалериста, и Зину, получившую образованіе у Трубà. И Вова, и Зина составляютъ гордость и радость матери, которой, впрочемъ, Господь послалъ испытаніе въ лицѣ младшей дочери Вавы, болѣзненной, капризной и причудливой дѣвочки. Ее лечатъ, исправляютъ, но безуспѣшно. И до сихъ поръ Вава—кошмаръ, язва и крестъ тети Жюли.

Когда maman и Мимочка входятъ въ темнолиловую гостиную тети Жюли, они застаютъ тамъ много дамъ и нѣсколько молодыхъ людей, товарищей Вовы. Перекрестный говоръ стоитъ въ комнатѣ.

— А вы опять въ Мерекюль?

— Да, въ Мерекюль. Мы всегда вѣрны Мерекюлю. А вы?..

— Oh, je n'aime pas à avoir une *дача*; j'aime mieux rester ici. Тогда ѣздишь одинъ день туда, одинъ сюда...

— Et Louise?.. Elle est toujours à Naples?..

— Comment? Le bordeau avec le rose pâle... oh, mais quand c'est fait par une française, par une bonne faiseuse... c'est délicieux comme mélange...

— А я вчера была на выставкѣ...

— Какъ вы находите выставку?

— Ахъ, мы такъ хохотали!.. Мы входимъ и встрѣчаемъ...

— Et tous les soirs elles vont aux îles. Et tous les soirs c'est la même chose. C'est triste...

Мимочку встрѣчаютъ вопросами о ея здоровьѣ. Maman сообщаетъ ближайшимъ сосѣдкамъ, что онѣ только-что отъ Варяжскаго.

— Какъ это вы вѣрите Варяжскому?—съ ужасомъ говоритъ тетя Мари, стряхивая пепелъ съ папироски. — Онъ зарѣзалъ одну мою знакомую. Она умерла подъ ножомъ. А потомъ оказалось, что вовсе не нужно было дѣлать операціи... C'était une grossesse...

— Ты смѣшиваешь, Мари. Ты это о Лисинскомъ разсказывала.

— Будто? Ну, можетъ быть. Все равно. Всѣ они стоютъ одинъ другого.

— Отчего вы не попробуете гомеопатіи? — говоритъ дама-гомеопатка. — Я убѣждена, что это такъ помогло бы вашей дочери. Именно въ нервныхъ болѣзняхъ...

— Да, я не понимаю,—продолжаетъ тетя Мари, закуривая новую папироску,—отчего вы ѣздите къ Варяжскому? Вѣдь онъ акушеръ... Si c'est une maladie de nerfs, отчего вы не посовѣтуетесь съ Мержеевскимъ?

Digitized by Google

— А я бы свозила ее просто къ Боткину,—говоритъ тетя Жюли.—Не можетъ быть, чтобы она такъ худѣла безъ всякой причины. Онъ опредѣлилъ бы болѣзнь и самъ рекомендовалъ бы вамъ спеціалистовъ, еслибы въ нихъ оказалась надобность. Я вѣрю только Боткину.

— И Боткинъ ошибается, — говоритъ дама-гомеопатка. — Нѣтъ, серьезно, попробуйте гомеопатію. Вѣдь вотъ я сама вамъ на-лицо живая реклама гомеопатіи. Подумайте, сколько я лечилась, у кого я ни лечилась, чего ни принимала... И вотъ только съ тѣхъ поръ, что я лечусь у Бразоля...

— Бразоль, а, Бразоль!.. Я встрѣчала его въ обществѣ. Il est très-bien.

— Онъ женатъ?.. На комъ онъ женатъ?

Разговоръ о медицинѣ становится общимъ.

— Бразоль? Да, на комъ же онъ женатъ?.. А Соловьевъ, вотъ удивительно добросовѣстный докторъ. Какъ же, какъ же... У него своя лечебница... И онъ такъ занятъ, такъ занятъ... А баронъ Вревскій... Вы шутите? Нисколько... Изумительный случай... Вылечилъ слѣпого, настоящаго слѣпого, совсѣмъ слѣпого, котораго я видѣла своими глазами... Это вода или электричество... Enfin, il réussit... Конечно, и вѣра очень много значитъ...—О, еще бы!.. Напримѣръ, отецъ Іоаннъ... Oh, ce n'est plus du tout la même chose... Vous croyez? Mais c'est un saint!!.—Грѣшный человѣкъ, je ne crois pas à sa sainteté. C'est la mode, voilà tout...—О, не говорите... Еслибы вы его видѣли... маленькій, худенькій... и во взглядѣ у него что-то есть, что-то такое свыше... Онъ у насъ пилъ чай и ѣлъ фрукты... Онъ очень любитъ виноградъ... Конечно, надо имѣть вѣру... О, да, вѣра—это все!.. Но кто еще дѣлаетъ чудеса, это Батмаевъ...—Qu'est ce que c'est que ce Батмаевъ? est-ce que c'est encore un saint?—Non, non, c'est un médecin... Я могу вамъ дать его адресъ...—А Эйхвальдъ умеръ?.. Какъ же, какъ же... Et le scandale donc... Vous savez, говорятъ, въ какой-то газетѣ были стихи... Да, стихи...

— А я вчера была на выставкѣ...

— Какъ же вамъ понравилась выставка?

— Ахъ, мы такъ хохотали!..

Подъ шумокъ maman разсказываетъ тетѣ Жюли о томъ, что Варяжскій посылаетъ ихъ въ Желѣзноводскъ, и старается вывѣдать, не возьметъ ли она на лѣто бэби съ няней. Тетя Жюли возьметъ ихъ къ себѣ съ радостью на все лѣто, если maman согласится взять съ собой Ваву въ Желѣзноводскъ. Мержеевскій совѣтовалъ удалить ее на время изъ семьи и велѣлъ

Digitized by Google

ей лѣтомъ принимать желѣзо. И они всѣ вздохнутъ свободно, когда Вава уѣдетъ. Она становится невозможна. И всѣ въ домѣ изъ-за нея перессорились. Братъ предсказываетъ, что она кончитъ на висѣлицѣ, и совѣтуетъ отослать ее года на два во Францію или хоть въ Швейцарію, въ какой-нибудь пансіонъ. Отецъ и слышать объ этомъ не хочетъ, онъ всегда держитъ сторону Вавы. Господи, если кто-нибудь возьметъ ее!.. Услуга за услугу. Вава за бэби, бэби за Ваву. И дѣло улаживается.

За обѣдомъ maman сообщаетъ Спиридону Ивановичу о результатахъ визита къ Варяжскому и о переговорахъ съ тетей Жюли. При упоминаніи о Кавказѣ Спиридонъ Ивановичъ оживляется и приходитъ въ прекрасное настроеніе. На Кавказѣ протекли лучшіе годы его жизни, лучшіе годы его службы. У него и поднесь много знакомыхъ въ Тифлисѣ, въ Пятигорскѣ. Чудный край, чудныя воспоминанія. Шашлыкъ, кахетинское, нарзанъ и кавалькады въ лунныя ночи! Будь Спиридонъ Ивановичъ свободенъ, онъ и самъ поѣхалъ бы съ дамами. Конечно, пускай Мимиша проѣдется, полечится. Кавказское солнце, желѣзныя воды непремѣнно возстановятъ ея здоровье. Можетъ быть, въ августѣ, ему удастся самому пріѣхать за ними. Пускай, пускай ѣдутъ. Одной ей, конечно, нельзя ѣхать. На водахъ чортъ знаетъ какое общество. Но съ maman и съ Вавой можно смѣло ѣхать. Во сколько же приблизительно обойдется имъ такая поѣздка?

Въ Петербургѣ—май. Холодный вѣтеръ поднимаетъ на улицахъ столбы пыли, но яркое солнце, свѣтлыя газовыя вуали и раскрытые дамскіе зонтики, грохотъ колесъ, смѣнившій величавую тишину зимы,—все это говоритъ уже о веснѣ, и яснѣе всего говоритъ о ней чистое, голубое небо, въ которомъ сквозитъ свѣтлая надежда, манящее обѣщаніе. Оно говоритъ, что гдѣ-то тамъ, далеко отъ гранитныхъ набережныхъ и каменныхъ домовъ, отъ пыльныхъ улицъ и скверовъ съ тощей зеленью, идетъ уже весна, настоящая весна съ ея легкимъ дыханіемъ, съ трелями соловьевъ и жаворонковъ, съ ароматомъ сирени и черемухи. Та весна, которою насладится всякій, кто только хочетъ и можетъ вырваться изъ душнаго и пыльнаго города. И кто хочетъ и можетъ—спѣшитъ сдѣлать это.

На вокзалѣ николаевской желѣзной дороги суета и оживленіе. Артельщики, носильщики снуютъ съ багажемъ, сталкиваясь

Digitized by Google

въ дверяхъ. Въ буфетѣ стучатъ ножи, звенятъ стаканы, слышенъ говоръ, восклицанія, шарканье ногъ, суетливый шумъ движущейся толпы.

На платформѣ, передъ высокимъ синимъ вагономъ, стоитъ элегантная группа провожающихъ Мимочку. Толстый Спиридонъ Ивановичъ въ пальто на красной подкладкѣ; высокая и величественная тетя Жюли съ длиннымъ лорнетомъ, въ который она брезгливо оглядываетъ окружающую публику; румяный и толстый Вова, любимецъ тети Жюли, ея радость и гордость; красавица Зина въ огромной модной шляпѣ и крошечной модной кофточкѣ, съ двумя бѣленькими болонками, которыя смотрятъ на Божій міръ такъ же надменно и безучастно, какъ и ихъ госпожа; m-me Lambert, три сестры Полтавцевы подъ густыми вуалями, тетя Мари съ сыномъ, тетя Софи съ мужемъ. Мимочка сидитъ уже въ вагонѣ съ своей собачкой, которую она не рѣшилась оставить въ Петербургѣ, и нюхаетъ sel de vinaigre. Она ужасно устала, и потомъ всѣ они такъ ей надоѣли. Ужъ поскорѣе бы ѣхать. А тутъ еще Спиридонъ Ивановичъ влѣзаетъ въ купэ и, еле поворачиваясь между диванами, освѣдомляется о томъ, удобно ли ей?.. Все, все прекрасно.

Вава, худенькая, черноглазая дѣвочка шестнадцати лѣтъ, стоитъ на платформѣ съ отцомъ и, держа его за обѣ руки, даетъ ему честное слово не ссориться съ теткой и вообще быть умницей и не такой, какъ въ Петербургѣ. И Вава, въ свою очередь, беретъ съ него слово, что онъ будетъ писать ей и много, и часто.

Maman суетливо и озабоченно перешептывается съ тетей Жюли, отдавая ей послѣднія инструкціи насчетъ бэби, няни и остающейся прислуги. Потомъ выраженіе лицъ обѣихъ мѣняется: maman выражаетъ соболѣзнующее участіе, тетя Жюли—терпѣливое смиреніе; очевидно, она говоритъ о крестѣ, который она несетъ,—о Вавѣ.

— Я понимаю, что это обуза,—говоритъ тетя Жюли,—но я тебѣ отплачу при случаѣ. И главное, чтобы она не ходила одна.

Двѣ старшія Полтавцевы, улыбаясь m-me Lambert, играютъ съ болонками Зины; младшая, кокетливо вращая глазами, говоритъ Вовѣ, что она не вѣритъ ни въ дружбу, ни въ любовь.

— А по моему это все-таки сумасшествіе,—говоритъ тетя Мари: — ну куда онѣ ѣдутъ? Вѣдь онѣ тамъ будутъ съ голоду умирать. Я отлично знаю, что Крымъ, что Кавказъ. Голодъ, скука, грязь. Брошенныя деньги. И что онѣ такъ вѣрятъ этому Варяжскому? Какъ будто нѣтъ докторовъ за границей?

— Еще бы!—подтверждаетъ тетя Софи.—Насъ тоже посы-

Digitized by Google

лали въ Эссентуки, но, конечно, мы поѣдемъ въ Карлсбадъ. Какъ можно!—Послѣдній звонокъ. Вава крѣпко цѣлуетъ отца и, взвизгнувъ, стремительно бросается въ вагонъ, сбивая съ ногъ кондуктора. Тетя Жюли обмѣнивается страдальческимъ взглядомъ съ Зиной. Блѣдная Мимочка показывается у окна и улыбается своимъ. Всѣ киваютъ ей, кланяются, улыбаются. Bon voyage! Bon voyage!

Спиридонъ Ивановичъ смотритъ на нее добрымъ, ласковымъ взглядомъ. И поѣздъ, не дрогнувъ, тихо трогается съ мѣста и выходитъ изъ-подъ темной арки.

Maman крестится, Мимочка зѣваетъ, Вава выходитъ изъ купэ.

Вотъ и конецъ платформѣ, и конецъ забору, и конецъ огородамъ. Казармы, глядѣвшія издали на отходящій поѣздъ всѣми своими окнами, скрылись, и поѣздъ вылетѣлъ въ чистое поле и понесся на всѣхъ парахъ.

Maman производитъ осмотръ вещей. Все ли здѣсь?.. все ли на мѣстѣ? А гдѣ Вава?..

— Должно быть, въ корридорѣ,—лѣниво говоритъ Мимочка, закрывая глаза.

— Это она, кажется, поетъ. Слышите? Какая сумасшедшая! —И Мимочка зѣваетъ.

Maman нѣсколько смущена тѣмъ, что Вава сейчасъ же отъ нихъ убѣжала. Какъ-то она довезетъ эту странную дѣвочку! Главное, надо дѣйствовать на нее лаской и мягкостью. И отецъ просилъ ее объ этомъ, и Мержеевскій тоже говорилъ. Конечно, такая тонкая, нервная натура. У maman и у тети Жюли совершенно противоположные взгляды на воспитаніе. Maman всегда находила, что тетя Жюли слишкомъ крута съ Вавой.—On ne prend pas les mouches avec du vinaigre, mais avec du miel. Maman покажетъ, что можно ужиться и съ Вавой. Жюли—est une femme de beaucoup d'esprit, mais elle manque de coeur. А maman—напротивъ: у нея сердце на первомъ планѣ, а умъ на послѣднемъ, по ея собственному выраженію. Она будетъ дѣйствовать на Ваву лаской.

Вава стоитъ въ корридорѣ у открытаго окна и во все горло поетъ:

„Тучки небесныя"...

Это дико и смѣшно, но maman, подумавъ, рѣшается оставить ее въ покоѣ. Пускай она стоитъ тамъ и поетъ,—она больная. Сначала надо приручить ее, а потомъ уже стараться перевоспитать ее.

И maman, осторожно выглянувъ въ щелку двери, садится на

Digitized by Google

свое мѣсто и снова начинаетъ пересчитывать вещи, ощупывая у себя на груди замшевую сумочку съ деньгами.

Мимочка сняла дорожную шляпку отъ Ivroz, разстегнула кофточку и, лежа на бархатномъ диванѣ, играетъ со своей собачкой, теребитъ ее за уши, гладитъ по головкѣ и говоритъ съ ней:

— Ну, что, Моничка, ну, что, душка моя? Моничка чаю хочетъ? Да?.. Дадутъ, дадутъ Монѣ чаю. Какъ можно, чтобы мосенька у насъ легла спать безъ чаю! Спроси, Моня, бабушку, гдѣ намъ чаю дадутъ? Да, да, Сабинька, чаю... Du thé... Et du sucre, oui, un peu de sucre.

Въ Любани мосеньку поятъ чаемъ съ сахаромъ и сухариками. Дамы тоже пьютъ чай, поданный въ вагонъ высокимъ, молодцеватымъ кондукторомъ, на котораго красная подкладка и щедрость Спиридона Ивановича сдѣлали должное впечатлѣніе.

Темнѣетъ. Мимочка укладываетъ мосеньку, maman укладываетъ Мимочку, кондукторъ поднимаетъ диванъ для Вавы, которая располагается надъ maman, задергиваетъ фонарикъ, и въ купэ водворяется темнота и тишина, нарушаемая только похрапываньемъ мосеньки, свернувшейся клубочкомъ на своей стеганой перинкѣ.

А поѣздъ летитъ, стуча и гремя, летитъ черезъ рвы, мосты и болота и поетъ свой однообразный, дикій гимнъ, убаюкивающій усталыхъ пассажировъ.

Maman чувствуетъ себя прекрасно. Уложивъ Мимочку, которая сегодня такъ спокойна и ни на что не жалуется, maman надѣваетъ туфли; снявъ чепчикъ, повязываетъ голову косынкой и съ удовольствіемъ растягивается на мягкомъ диванѣ... Ну, вотъ онѣ и выѣхали. Maman очень надѣется на то, что воды и перемѣна воздуха благодѣтельно подѣйствуютъ на ея бѣдную больную. И потомъ Варяжскій будетъ тамъ, а это — главное. Съ этой стороны, maman совершенно спокойна. Она сознаетъ, что ей и самой пріятно будетъ проѣхаться, провѣтриться, отдохнуть на время отъ дрязгъ съ прислугой, отъ постоянной мысли и заботы объ обѣдѣ, о говядинѣ, о кашкѣ для бэби, о его ванночкѣ, о цѣнахъ на сахаръ и свѣчи, о бѣльѣ и керосинѣ. Три мѣсяца полнаго отдыха! За бэби нечего тревожиться. Онъ въ надежныхъ рукахъ, и уходъ за нимъ будетъ образцовый. Къ тому же Спиридонъ Ивановичъ будетъ наѣзжать въ Петергофъ и навѣщать его и няню. Къ осени Спиридонъ Ивановичъ ждетъ монаршей милости — и, вѣроятно, дождется. Слѣдовательно, и тутъ все хорошо. А онѣ тѣмъ временемъ проѣдутся, провѣтрятся, соберутъ запасъ силъ

Digitized by Google

и здоровья къ зимѣ. Вава, лежащая надъ головой maman, можетъ, конечно, надѣлать хлопотъ,—ну да что Богъ дастъ. Главное, дѣйствовать на нее мягкостью. Катя будетъ вездѣ сопровождать ее; тетя Жюли положила Катѣ жалованье отъ себя и заплатила за проѣздъ ея въ одинъ конецъ. И вообще тетя Жюли очень щедро отпустила и на леченье Вавы, на ея столъ, квартиру, непредвидѣнные расходы. Maman везетъ такую кучу денегъ, что навѣрное не будетъ спать ночей изъ страха воровъ. А сестры еще говорятъ, что Жюли скупа. Нѣтъ, она не скупа. Она педантка, она аккуратная, но она не скупа. Напримѣръ, доктору, который будетъ лечить Ваву, она положила двѣсти рублей за лѣто. Maman находитъ, что это ужасно много. Неужели и Мимочкѣ заплатить Варяжскому столько же? Ну, нѣтъ. Мало онѣ переплатили ему въ Петербургѣ! И ста за глаза довольно. Или ужъ такъ и быть, дать полтораста. Maman вѣритъ въ него какъ въ Бога. И онъ, дѣйствительно, славный, симпатичный человѣкъ... и belhomme. Но все-таки сто—за глаза довольно. Сто?.. полтораста?.. сто?..

И не рѣшивъ этого вопроса, maman начинаетъ тихо храпѣть.

Мимочка лежитъ на сосѣднемъ диванѣ, граціозно положивъ на руку свою хорошенькую головку. Ей пріятно такъ лежать; ей здѣсь лучше, чѣмъ у себя въ кровати. Тамъ, во время истомившей ее безсонницы, ее окружала такая тишина, такое безмолвіе, но зато въ ней самой было смятеніе, была буря. Все въ ней дрожало, билось, стучало, колыхалось. Какая мука, какое томленіе! А здѣсь наоборотъ,—здѣсь весь шумъ, все безпокойное извнѣ, и это такъ хорошо на нее дѣйствуетъ. Ей пріятны и свистки, и звонки, и это покачиванье и подрагиванье дивана, и стукъ колесъ, и дребезжанье стеколъ, и побрякиванье пепельницы. Этотъ хаотическій однообразный шумъ убаюкиваетъ ее. Ей хорошо такъ лежать, и она думаетъ о своихъ новыхъ платьяхъ. Съ какой шляпкой будетъ она надѣвать свое платье mousse? Она везетъ съ собой пять шляпокъ, но ни одна изъ нихъ не идетъ къ платью mousse,—развѣ если снять съ черной шляпы голубые цвѣты и положить блѣднорозовые и ленту mousse. И Мимочка обдумываетъ эту шляпку. Но что хорошо, что безспорно хорошо, это—ея амазонка. У нея не было ни одного лифа въ жизни, который бы такъ сидѣлъ. Восторгъ! Когда амазонку принесли отъ Тедески, и Спиридону Ивановичу попался счетъ на глаза, онъ ворчалъ за расходы, и она тогда такъ плакала. Глупая! Чего было плакать, когда лифъ сидитъ такъ дивно. Но съ кѣмъ она будетъ ѣздить? Варяжскій будетъ тамъ. Онъ ей очень

Digitized by Google

нравится. Онъ такой высокій, стройный. Онъ сказалъ:—Я посмотрю, какъ вы будете тамъ скучать.—Можетъ быть, они будутъ сосѣдями. Во всякомъ случаѣ, они будутъ встрѣчаться. Они познакомятся. Это ничего, что онъ докторъ. Онъ такой же генералъ, какъ и Спиридонъ Ивановичъ. Они познакомятся и будутъ вмѣстѣ ѣздить верхомъ. Онъ, должно быть, хорошо ѣздитъ верхомъ. Онъ...

И Мимочка, закрывъ глаза, видитъ отчетливо образъ доктора Варяжскаго; понемногу образъ этотъ начинаетъ выглядывать на нее и изъ спинки бархатнаго дивана, и изъ дверей съ зеркаломъ, и изъ дребезжащихъ стеколъ, задернутыхъ синей шторкой, и съ потолка, въ которомъ мерцаетъ фонарикъ, задернутый лиловой занавѣской. И вліяніе ли этого образа, довѣріе ли къ своему врачу, усталость ли,— только Мимочка засыпаетъ, засыпаетъ безъ хлоралъ-гидрата, безъ валеріаны, и видитъ во снѣ доктора Варяжскаго.

Вава бодрствуетъ дольше всѣхъ. Ей вовсе не хотѣлось спать. Она бы и теперь охотно стояла еще у открытаго окна, вдыхая ночной вѣтерокъ, глядя, какъ роща убѣгаетъ за рощей, какъ зажигаются огоньки въ полѣ, какъ загораются въ небѣ звѣзды. Но она дала честное слово слушаться, а потому не успѣла тетка заикнуться о томъ, что пора спать, какъ Вава уже лѣзла наверхъ. Теперь ей жаль, что она сюда залѣзла. Ей тутъ душно и скучно; къ тому же надо смирно лежать, чтобы не будить maman и Мимочку.

Вава рада, что она ѣдетъ на Кавказъ, и главное—ѣдетъ одна. Вава считаетъ, что она ѣдетъ одна. Она знаетъ, что maman и Катя такъ будутъ поглощены заботами о Мимочкѣ и о ея комфортѣ, что имъ будетъ не до нея. И она будетъ свободна. А для нея это—главное: быть свободной и цѣлый день быть на воздухѣ. Какое счастіе!

Она будетъ гулять тамъ по горамъ и по лѣсамъ, и никакой француженки или англичанки не будетъ у нея за спиной, чтобы отравлять ей ея удовольствіе. Тамъ будетъ тепло, тамъ будетъ красивая мѣстность: горы, зелень, солнце... Будутъ новыя лица, новыя знакомства. Можетъ быть, тамъ, наконецъ, она увидитъ и узнаетъ тѣхъ хорошихъ, тѣхъ замѣчательныхъ людей, встрѣчи съ которыми она такъ жаждетъ, такъ ждетъ. Такихъ, какъ Вашингтонъ, Кромвель, Вильгельмъ Телль, Жанна д'Аркъ, мать Гракховъ... Не можетъ быть, чтобы такихъ людей не было. Если они были въ исторіи, они были въ жизни, они есть и теперь. Она только не встрѣчала ихъ. Но это случайность. И она еще встрѣ-

Digitized by Google

тить ихъ, потому что ей такъ хочется, такъ хочется познакомиться съ такими людьми, пожить въ ихъ близости, поучиться у нихъ, возвыситься до нихъ... Никогда она не повѣритъ тому, что весь міръ заселенъ такими людьми, какъ ихъ знакомые. Охъ, ужъ эти знакомые! Можно ли жить такъ безсмысленно и тупо! Кажется, еслибы жадность, зависть и тщеславіе немножко не подталкивали ихъ, они совсѣмъ заснули бы, застыли бы. И такой жизнью, такой пустой, безцѣльной, безсмысленной и низменной жизнью живетъ большинство тѣхъ, кого она знаетъ. Такъ живутъ ея мать, сестра, тетки... Надъ ней смѣются, ее зовутъ чудачкой и фантазеркой за то, что ей хочется чего-то другого, болѣе благороднаго и осмысленнаго. Она понимаетъ, что должна казаться имъ несносной, но она не можетъ винить себя за это... Отецъ—онъ не такой, какъ они всѣ; онъ-то, голубчикъ, хорошій. Онъ и уменъ, и добръ, и какъ онъ добръ къ ней! Еслибы не онъ,— она, кажется, давно убѣжала бы изъ дому. Отецъ—прелесть! Но все-таки и онъ труситъ... да, труситъ жены и сестеръ ея и уступаетъ имъ. Зачѣмъ? Онъ чуть-что не прикидывается такимъ же, какъ онѣ, а если и обнаруживаетъ лучшія стороны своей души, то дѣлаетъ это какъ бы шутя, какъ бы подтрунивая надъ собою и извиняясь передъ ними. Зачѣмъ? Чему, кому онъ уступаетъ? Чего боится? Отчего не повернуть по-своему, не повести ихъ за собою? То ли дѣло быть смѣлымъ, твердымъ, сильнымъ... А всѣ, кого она знаетъ, всѣ, всѣ такіе...

Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей...

Но не можетъ быть, чтобы не было настоящихъ людей. Она ихъ только еще не встрѣчала. Можетъ быть, въ ихъ кругу ихъ почти и нѣтъ. Но вѣдь міръ великъ. Есть же гдѣ-нибудь простые, честные, трудолюбивые и здоровые люди, мужчины энергичные, безкорыстные, великодушные,—женщины кроткія, самоотверженныя, терпѣливыя...

Конечно, Вава ихъ узнаетъ. Они научатъ ее, разъяснятъ ей всѣ ея сомнѣнія. У нея столько сомнѣній! Она уже думала-было написать письмо Льву Толстому; но ей было совѣстно. А потомъ, когда она узнала, что одна ея знакомая писала Льву Толстому, это даже не понравилось ей, и она была очень рада, что не исполнила своего намѣренія. Очень нужно всякой букашкѣ безпокоить такое солнце! Надо самой до всего додуматься, а знакомство съ хорошими людьми надо заслужить. И она постарается, она постарается...

Digitized by Google

Ей кажется, что именно тамъ, куда она ѣдетъ, гдѣ будутъ горы и орлы, гдѣ будетъ чудная природа, тамъ она и найдетъ этихъ хорошихъ людей. Тамъ все будетъ хорошо, и не будетъ тамъ ни жеманства, ни пустословія, не будетъ матери съ ея холоднымъ, враждебнымъ взглядомъ, ни брата съ его насмѣшками и издѣваніями, ни сестры, этой модной картинки... И поймавъ себя на осужденіи ближнихъ, Вава, какъ и всегда, ужаснулась собственной мерзости и злобѣ и сейчасъ же стала горячо молиться Богу, чтобы онъ простилъ ей ея грѣхи,—и грѣхъ осужденія ближнихъ, и страшный грѣхъ нелюбви къ матери,—чтобы онъ помогъ ей какъ-нибудь перетерпѣть все *это* и приготовиться къ жизни, чтобы онъ поддержалъ и не оставлялъ ее и далъ бы ей силъ и здоровья душѣ и тѣлу. И съ молитвой на устахъ и въ мысляхъ, худенькая черноволосая Вава заснула на своей вышкѣ, надъ мѣрно похрапывающей maman и блѣдной, воздушной Мимочкой.

На третьи сутки дамы благополучно высадились въ Ростовѣ, гдѣ предстояла пересадка. Несмотря на комфортъ, съ которымъ онѣ ѣхали, онѣ устали. И Вава, и Мимочка, сидя у стола въ ожиданіи заказаннаго завтрака, смотрѣли настолько кисло и плачевно, что не трудно было признать въ нихъ желѣзноводскихъ больныхъ. Мимочка такъ устала, что даже не въ силахъ была поднести къ носу свою нюхательную соль. И откинувшись къ стѣнѣ, она апатично смотрѣла на бутылки съ пестрыми ярлыками, уставленныя передъ ней. Мосенька лежала подлѣ нея и, высунувъ языкъ, тяжело дышала. Вава тоже уже не искала въ публикѣ ни Вашингтона, ни матери Гракховъ... У нея болѣла голова, въ виски стучало, глаза едва смотрѣли... Къ тому же вмѣсто Вашингтона и матери Гракховъ она видѣла около себя съ одной стороны знакомую ей по пріемной Мержеевскаго даму, которая трясла головой, съ другой стороны—мальчика въ пляскѣ св. Витта, который то высовывалъ языкъ, то дѣлалъ какія-то странныя тѣлодвиженія.

Да и большинство публики говорило уже о близости минеральныхъ водъ, этой купели Силоамской, къ которой со всѣхъ концовъ Россіи стекались недужные... Блѣдныя истеричныя дамы, табетики, паралитики, желтолицые и угрюмые эссентукскіе больные, пятигорскіе больные всякаго рода и вида, все это двигалось и сидѣло въ закуренной, дымной и пыльной залѣ, отдыхая и закусывая въ ожиданіи поѣзда.

Кого-то внесли на носилкахъ. Мимочка закрыла глаза. Боже

Digitized by Google

мой, неужели все лѣто имъ придется видѣть эти ужасы! Кажется, лучше умереть, чѣмъ продолжать это путешествіе.

Но вотъ среди этой невзрачной, разнокалиберной толпы, обращая на себя всеобщее вниманіе, вошелъ въ залу съ городского подъѣзда элегантно одѣтый господинъ лѣтъ тридцати-пяти. За нимъ шелъ огромный черный водолазъ, а носильщикъ несъ изящный чемоданъ и плэдъ, стянутый новенькими и красивыми ремнями. Молодой человѣкъ дошелъ до стола, за которымъ сидѣли Вава и Мимочка, небрежно заплатилъ носильщику, небрежно заказалъ подбѣжавшему лакею блюдо для себя и блюдо для своей собаки, сѣлъ за столъ, не снимая монокля, бѣгло оглядѣлъ Ваву и Мимочку, скинулъ монокль и еще разъ, уже пристальнѣе и внимательнѣе, посмотрѣлъ на Мимочку.

Она никакъ не ожидала встрѣтить такого элегантнаго кавалера въ этой душной грязной залѣ, среди такихъ уродовъ, и пожалѣла о томъ, что недостаточно почистилась и прикрасилась. Вава принялась искренно и довольно громко восхищаться собакой, а Мимочка тѣмъ временемъ разсматривала его блѣдное лицо съ чудесными черными глазами и всѣ подробности его изящнаго туалета.

Maman, бѣгавшая устроить Катю, вернулась, задыхаясь отъ жары и усталости, и сѣла рядомъ съ нимъ. Дамамъ подали завтракъ. Мимочка неохотно подняла вуаль: ей казалось, что она должна быть ужасна; но она ошибалась, и въ этомъ сейчасъ же убѣдилъ ее взглядъ его черныхъ глазъ, съ удовольствіемъ останавливавшихся на ней. Мимочкѣ стало весело, какъ ей давно не было, и съ этой минуты все ея путешествіе стало ей представляться совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Оно, конечно, немного утомительно, но зато такъ освѣжаетъ, встряхиваетъ, такъ не похоже на петербургскую, монотонную, будничную жизнь.

Maman принялась болтать, и онъ узналъ, что ее зовутъ Мимочкой, и что она ѣдетъ на Кавказъ. А онъ? Куда онъ ѣдетъ? Можетъ быть, тоже на воды?.. Онъ блѣденъ, и что-то въ его взглядѣ, въ углахъ рта говоритъ объ утомленіи, если не о страданіи... И онъ худъ, у него даже слегка впалыя щеки... Бѣдный, онъ тоже боленъ, тоже страдаетъ... И такъ изященъ, такъ изященъ... А какіе глаза! Ему тоже подали завтракъ, и онъ сталъ ѣсть, а Мимочка украдкой продолжала свои наблюденія. Все въ немъ—и манера ѣсть, и манера сидѣть, и прическа, и платье—обличало человѣка изъ общества.

Вава, между тѣмъ, уже гладила его собаку и собиралась отдать ей половину своего цыпленка; но maman такъ умоляюще посмот-

Digitized by Google

рѣла на нее, что она бросила собаку и приняла свой самый чинный и степенный видъ. Ньюфоундлэндъ, повертѣвшись около нея и оскорбившись ея внезапнымъ равнодушіемъ, подошелъ къ мосенькѣ, пробуя свести съ ней знакомство. Мосенька, проснувшись и увидавъ надъ собой такое чудовище, страшно перепугалась, затрепетала всѣмъ тѣломъ и принялась ожесточенно ворчать и лаять. Молодой человѣкъ отозвалъ ньюфоундлэнда, и дамы узнали, что его зовутъ—Rex. Затѣмъ всѣ продолжали завтракать; но Мимочкѣ казалось, что что-то сближаетъ ее съ этимъ молодымъ человѣкомъ,—вѣроятно, общій столъ, накрытый общей скатертью, на которой стояла тарелка съ хлѣбомъ и графинъ съ водой, тоже общіе для обоихъ, или же то, что они оба такъ красивы, молоды, элегантны и такъ непохожи на окружающихъ ихъ захолустныхъ помѣщиковъ и растрепанныхъ, измятыхъ провинціалокъ съ папиросками въ зубахъ. Они завтракали, и глаза ихъ часто встрѣчались и говорили что-то другъ другу. У него были большіе черные глаза; у нея были глаза Мадонны.

Мимочкѣ становилось все веселѣе и веселѣе. Эта усталость и легкая головная боль, звонъ стакановъ, шарканье ногъ и говоръ пестрой толпы, все это было что-то новое, начало чего-то... И время до отхода поѣзда пролетѣло незамѣтно.

Онѣ сѣли въ дамское отдѣленіе, а онъ сѣлъ въ сосѣдній вагонъ, и Мимочкѣ стоило высунуться изъ окна, чтобы увидѣть его, такъ какъ онъ тоже выглядывалъ изъ своего окошка.

И опять поѣздъ летитъ, летитъ по зеленой степи, пестрѣющей весенними цвѣтами. Въ дамскомъ отдѣленіи, кромѣ нашихъ дамъ, сидѣла еще одна дама изъ Москвы, съ которой maman сейчасъ же познакомилась. Дама, хоть и была москвичкой, но знала пол-Петербурга и не замедлила найти съ maman общихъ знакомыхъ и даже родственниковъ. Дама бывала на кавказскихъ водахъ и могла дать maman много драгоцѣнныхъ указаній насчетъ гостинницъ, квартиръ, прачекъ и т. п. А maman, въ свою очередь, разсказала ей о Мимочкиной болѣзни, о ея припадкахъ и безсонницѣ, и дама-москвичка, поглядывая на разрумянившуюся и развеселившуюся Мимочку, которая ребячески болтала и смѣялась съ Вавой, не знала, смѣется надъ ней maman или нѣтъ?..

На каждой станціи *онъ* выходилъ и прогуливался передъ ихъ вагономъ, поглядывая на Мимочку, которая смотрѣла на небо или на станцію. И какъ это сокращало дорогу! Теперь на немъ была уже не шляпа, а круглая дорожная шапочка, которая еще болѣе шла къ нему. Вава скоро замѣтила его манеры и сказала

Digitized by Google

Мимочкѣ: — Кажется, этотъ красавецъ для тебя здѣсь прохаживается. Какіе у него глупые башмаки!

Мимочка заступилась за него, говоря, что башмаки какъ башмаки, и что она видѣла точно такіе на французскомъ актерѣ въ его бенефисъ; вѣроятно, это въ модѣ...

Съ наступленіемъ вечера Вава ушла на свой любимый постъ — къ открытому окошку, провожать заходящее солнце... И стоя тамъ и глядя на розовыя и лиловыя облака, поминутно мѣняющія форму, на широкую зеленую степь, Вава испытывала часто находящій на нее приливъ любви къ Богу и людямъ. Ей хотѣлось обнять весь міръ, обнять людей, какъ братьевъ, дать имъ свѣта и тепла, и хотѣлось подвига и жертвы, и дѣла, какого-нибудь хорошаго дѣла, не узкаго, какъ этотъ изъѣзженный путь съ проложенными на немъ рельсами, а широкаго, безграничнаго, безпредѣльнаго, какъ эта степь, какъ небо, какъ море, какъ радость, какъ любовь... Молодой блѣдный мѣсяцъ вырѣзался уже на потемнѣвшемъ небѣ. Солнце скрылось. Съ его заходомъ степь мѣнялась и окутывалась тѣнями. Пробуждался міръ духовъ, міръ фантастическій... Вава смотрѣла на молодой мѣсяцъ и вспоминала недавно прочитанныя ею книги о спиритизмѣ. Правда это или неправда? Какъ живутъ души, разставшись съ тѣломъ? Гдѣ онѣ? Зачѣмъ и какъ живутъ? Видятъ ли онѣ насъ? Жалѣютъ ли насъ?.. Смѣшны ли имъ наши страданія?.. Жизнь и смерть... Сколько тайнъ, сколько загадокъ въ природѣ! Есть ли кто-нибудь, кто все, все знаетъ, или хоть много знаетъ, какъ Гётевскій Фаустъ? И хорошо ли знать такъ много, все понимать, все видѣть, подобрать ключи ко всѣмъ тайнамъ, или лучше быть такой, какъ она, ничего не знать и ощущать счастье только отъ сознанія своей молодости, своего полнаго любви сердца и прелести этой степи и этого молодого мѣсяца?..

Maman и дама продолжали неумолчно бесѣдовать въ вагонѣ. Онѣ не могли вспомнить, за кѣмъ была замужемъ дочь Веревкиной отъ перваго брака, которая была раньше невѣстой Мещерскаго, зятя Екатерины Ивановны?.. Мимочка тоже не помнила... И Вава не знала... Потомъ maman стала перечислять дамѣ все, что она везетъ съ собою. Maman держалась того мнѣнія, что если ѣдешь за границу, то можно ѣхать совсѣмъ на-легкѣ, такъ какъ за границей вездѣ и все можно достать. Въ Россіи же, въ провинціи, нигдѣ и ничего нельзя достать, поэтому надо выѣзжать съ запасами. Мимочка сидѣла одна у открытаго окна и тоже глядѣла на молодой мѣсяцъ и мечтала. Кто бы *онъ* былъ? Кто онъ? Куда и зачѣмъ ѣдетъ? Она видѣла

Digitized by Google

у него обручальное кольцо. Отчего онъ такъ смотритъ на нее? Понравилась она ему?.. Чѣмъ? Красотой? Но она такъ подурнѣла въ послѣднее время. Положимъ, сегодня она все-таки интересна. Она видѣла себя въ зеркалѣ, и сама себѣ удивилась. Что-то есть въ глазахъ, въ цвѣтѣ лица, что-то ее украшаетъ. Ну, тѣмъ лучше. Пускай онъ ходитъ—она ему не мѣшаетъ. Она вѣдь не отвѣчаетъ на его взгляды,—развѣ такъ чуть-чуть, помимо ея воли. Во всякомъ случаѣ, она не дѣлаетъ ничего дурного... Куда же онъ ѣдетъ? И кто онъ такой? И Мимочка смотрѣла на молодой мѣсяцъ, а искры золотымъ дождемъ летѣли мимо нея, и вѣтеръ игралъ ея бѣловурыми кудрями. Maman хотѣла поднять окно, но Мимочка сказала, что рано еще, и что въ вагонѣ слишкомъ душно.

Было уже совсѣмъ темно, и Вава, maman и дама изъ Москвы уже спали, когда Мимочка въ послѣдній разъ высунулась изъ окна. Станція была какъ станція. Маленькій деревянный домикъ съ колокольчикомъ, съ мезониномъ, изъ освѣщеннаго окна котораго выглядывала изъ-за горшковъ герани и бальзаминовъ растрепанная начальница станціи въ розовомъ ситцевомъ платьѣ. Фонарь освѣщалъ дрожащимъ свѣтомъ темную платформу, на которой застыли неподвижныя фигуры мужиковъ, устремившихъ тупой взглядъ на поѣздъ; неподвижно же стоялъ жандармъ. Кондуктора проходили мимо вагона. Кто-то здоровался съ начальникомъ станціи. А вотъ и онъ. Онъ еще не спитъ. Онъ еще разъ прошелъ мимо вагона Мимочки и прошелъ такъ близко и такъ выразительно заглянулъ ей въ глаза, что Мимочка даже испугалась и подняла окно. И поѣздъ полетѣлъ дальше. Мимочка легла спать, но она была смущена и недовольна и собой, и имъ, и всѣми. Зачѣмъ онъ такъ посмотрѣлъ на нее? Вѣдь это дерзость... И какъ онъ смѣлъ, за кого онъ ее принимаетъ? Положимъ, она сама немножко виновата... Но отчего и не подурачиться отъ скуки въ дорогѣ? Конечно, въ Петербургѣ она никогда не позволила бы себѣ ничего подобнаго. Какъ онъ посмотрѣлъ, какъ онъ посмотрѣлъ!.. Но все-таки какіе у него чудные глаза! Кажется, она никогда еще не видала такихъ глазъ. Ну, теперь довольно—и можно и забыть о немъ. Никто этого не узнаетъ, и онъ ея не знаетъ. Завтра они разъѣдутся въ разныя стороны и, можетъ быть, больше никогда и не увидятся... Пора спать.

И Мимочка переворачивала подушку и закрывалась плэдомъ. Но диванъ былъ неудобный и вообще было душно, пахло копотью и углемъ. Тщетно подносила она къ носу sel de vinaigre и отсчитывала себѣ валерьяновыя капли,—она заснула только

Digitized by Google

тогда, когда шторки вагона начали уже бѣлѣть отъ лучей разсвѣта.

Вотъ и конченъ дальній путь. Вава уже вглядывается въ горы, которыя дама-москвичка называетъ ей по именамъ: Бештау, Развалка, Желѣзная.

Кондукторъ отбираетъ билеты. Ручной багажъ стянутъ ремнями. Мимочка зѣваетъ; она не выспалась и не въ духѣ. Она желаетъ умереть. Поѣздъ останавливается у станціи минеральныхъ водъ, утонувшей въ садикѣ, полномъ бѣлой акаціи.

Боже, сколько пассажировъ выходитъ здѣсь! Хватитъ ли экипажей? А какъ сладко пахнетъ бѣлая акація! Что за небо! Какой свѣжій, чистый воздухъ!.. Maman торопливо прощается съ дамой, которая ѣдетъ дальше, и навьючиваетъ трехъ носильщиковъ ручнымъ багажемъ. Вава старается быть полезной, отыскиваетъ Катю, караулитъ вещи; Мимочка, закутавшись густымъ вуалемъ, идетъ въ дамскую уборную. Она прескверно себя чувствуетъ и желаетъ умереть. У нея все болитъ, и слезы слабости душатъ ее. Ей и немножко совѣстно за вчерашнее переглядыванье. Все-таки à son âge, dans sa position!.. И главное, кто его знаетъ, кто онъ такой? Она его не видѣла хорошенько. Это все темнота и воображеніе. Можетъ быть, онъ хвасталъ въ вагонѣ; положимъ, ему рѣшительно нечѣмъ хвастать... Да и, наконецъ, ей это все равно! И Мимочка, не оглядываясь, проходитъ черезъ залу, гдѣ онъ пьетъ чай; но, и не оглядываясь, она видитъ, что онъ переодѣлся. И какой онъ блѣдный; онъ даже вовсе не такъ хорошъ, какъ она вчера думала... Конечно, это все сдѣлали темнота и воображеніе.

Коляска найдена, подана, вещи уложены и дамы садятся вмѣстѣ съ Катей.—Ну, трогай, съ Богомъ!

И коляска катится среди зеленой степи, по мягкой проселочной дорогѣ. Въ небѣ журчатъ жаворонки. Другіе экипажи обгоняютъ нашихъ дамъ. Вотъ и дама, которая трясетъ головой, вотъ и мальчикъ въ плискѣ св. Витта... И вотъ, обгоняя всѣхъ, летитъ еще коляска, и въ ней сидитъ онъ, l'homme au chien, какъ мысленно прозвала его Мимочка. На немъ уже третья шляпа со вчерашняго дня. А у ногъ его, развалясь поперекъ коляски, лежитъ его чудный ньюфоундлэндъ.

Онѣ ѣдутъ за нимъ, потомъ сворачиваютъ направо. Какъ? Такъ они не будутъ вмѣстѣ, не будутъ встрѣчаться. Такъ въ самомъ дѣлѣ кончено? Куда же это онъ поѣхалъ? Мимочка ни за что не спроситъ объ этомъ. Авось maman придетъ ей на по-

Digitized by Google

мощь. И точно, maman уже спрашиваетъ извозчика:—Куда эта дорога?—Въ Пятигорскъ.

— Такъ мы не поѣдемъ мимо Пятигорска?

— А Желѣзноводска еще не видно?—спрашиваетъ Вава.

— А вотъ.—И извозчикъ показываетъ кнутомъ на бѣленькое селеніе, пріютившееся у подошвы зеленой горы.

Потомъ коляска въѣзжаетъ въ зеленую рощу изъ дубовъ и бѣрестовъ. Всѣ съ наслажденіемъ вдыхаютъ чистый утренній воздухъ. Вава, закинувъ голову, ищетъ въ небѣ жаворонковъ...

Maman ей сочувствуетъ; maman тоже очень любитъ природу, любитъ лѣса и рощи. Мимочка этого не понимаетъ. Она любитъ деревья только гдѣ-нибудь на музыкѣ, и то когда они въ кадкахъ и чисто содержатся, и съ нихъ не падаютъ гусеницы, пауки и прочая дрянь. Наконецъ, миновавъ почту, коляска останавливается у подъѣзда гостинницы Мистрова. Слава Богу, пріѣхали! — Какой смѣшной Желѣзноводскъ! — говоритъ Мимочка: —да это совсѣмъ деревня!

Прошло три недѣли. Мимочка не скучала. Мимочка хорошѣла и расцвѣтала. День шелъ за днемъ по правильно распредѣленной программѣ. Въ семь часовъ Мимочка и Вава вставали и въ восемь были уже на утренней музыкѣ, гдѣ пили воды и гуляли до чая; потомъ ванна, потомъ обѣдъ, и еще воды, и еще прогулка, и опять музыка, и опять воды, и опять прогулка, и такъ до вечера, пока, нагулявшіяся, усталыя, онѣ ложились и засыпали какъ убитыя. Докторъ Варяжскій, пріѣхавшій въ Желѣзноводскъ двумя днями раньше ихъ, встрѣтилъ ихъ очень любезно. Докторъ Варяжскій рекомендовалъ имъ квартиру; докторъ Варяжскій нашелъ имъ повара; докторъ Варяжскій указалъ имъ доктора для Вавы, спеціалиста по нервнымъ болѣзнямъ. Докторъ Варяжскій посовѣтовалъ Мимочкѣ ѣздить верхомъ и самъ предложилъ сопровождать ее въ этихъ прогулкахъ.

Maman все это было тѣмъ болѣе пріятно, что она вѣрила въ него какъ въ Бога!

А какъ добросовѣстно Мимочка лечилась! Maman такъ строго слѣдила за этимъ, что если у источника нечаянно наливали Мимочкѣ немножко больше полустакана, то она заставляла выплеснуть все и наливать снова... Какъ можно! Ужъ лечиться, такъ лечиться. Воды не шутка...

И добросовѣстное леченье шло Мимочкѣ впрокъ. На щекахъ ея заигралъ румянецъ, глаза заблистали живѣе и веселѣе... Она уже не такъ легко утомлялась, лучше спала и ѣла.

Digitized by Google

Со второго же вечера дамы наши показались на музыкѣ, гдѣ обратили на себя вниманіе изяществомъ своихъ туалетовъ и манеръ. Maman нашла водяное общество ужаснымъ. Дамы были все какія-то просвирни или захолустныя помѣщицы, а мужчины и того хуже. Петербургскихъ почти не было; знакомыхъ—никого. Въ первые дни maman только и раскланивалась что съ Варяжскимъ, да еще съ одной старой дѣвой изъ Петербурга, которая уже третье лѣто привозила сюда брата, не владѣющаго ногами. Дѣва чувствовала себя здѣсь какъ дома, и, вѣроятно, чувствовала себя лучше всѣхъ, потому что относилась ко всѣмъ очень свысока. Она знала всѣхъ докторовъ, ихъ женъ, ихъ романы и скандалы, ихъ сплетни... И хотя въ глазахъ maman докторскія жены были тѣ же просвирни, тѣмъ не менѣе она не безъ интереса наводила на нихъ лорнетъ, слушая разсказы m-lle Коссовичъ.

Вава чинно и послушно сидѣла подлѣ maman, но взглядомъ искала въ толпѣ Вашингтона и Вильгельма Телля, и, не найдя ихъ, начинала слѣдить за играми дѣтей, бѣгавшихъ въ полукругѣ.

Мимочка улыбалась доктору Варяжскому, а взглядомъ искала *его*,—l'homme au chien. Но его не было.

Онъ показался на музыкѣ только недѣли двѣ спустя по ихъ пріѣздѣ, тогда, когда Мимочка перестала уже ждать его и почти забыла о немъ. И появился онъ въ обществѣ самыхъ ужасныхъ дамъ. Кромѣ просвирней, докторскихъ женъ и всякихъ провинціалокъ, на водахъ были еще актрисы. Тутъ была почти вся труппа изъ Кіева. Въ числѣ актрисъ была Ленская, очень хорошенькая водевильная актриса, а съ ней пріѣхала и ея сестра, не-актриса, но уже положительная красавица. Обѣ сестры были всегда нарядно и ярко одѣты, всегда веселы и всегда окружены мужчинами. Всякій, пріѣзжавшій въ Желѣзноводскъ, ходилъ первые дни въ ихъ свитѣ; затѣмъ, освоившись и оглядѣвшись, находилъ себѣ другихъ знакомыхъ и уже едва имъ кланялся; но такъ какъ съ каждымъ днемъ все-таки прибывали все новыя лица, то онѣ и не оставались безъ кавалеровъ. Вотъ съ ними-то и показался онъ на музыкѣ. Онъ велъ подъ руку старшую Ленскую (не-актрису), которая улыбалась радостнѣе обыкновеннаго, показывая чудные бѣлые зубы. За ними шли младшая Ленская и актриса Морозова, окруженныя толпой молодежи. Впереди всѣхъ шелъ „Рексъ“. Господинъ его былъ одѣтъ уже совсѣмъ по новому, весь въ свѣтломъ, въ шляпѣ съ бѣлымъ вуалемъ, но съ тѣмъ же отпечаткомъ щегольства. Вава громко назвала по имени собаку, что̀ заставило его оглянуться и узнать уже видѣнныхъ имъ дамъ. Но онъ только мелькомъ взглянулъ на нихъ и сей-

Digitized by Google

часъ же принялся нашептывать что-то своей спутницѣ. Затѣмъ вся компанія расположилась въ полукругѣ, какъ разъ противъ Мимочки, которой это было очень непріятно.

Кто же онъ такой, если онъ находитъ удовольствіе въ такомъ обществѣ?.. Въ первый разъ сестра Ленской показалась Мимочкѣ такой отвратительной. Она красива, да, но какъ животное... И какіе у нея гадкіе глаза—влажные, окаймленные коричневой тѣнью. И руки не хороши. И какъ вульгарна, какъ пестро одѣта! И Рексъ лежитъ у ея ногъ, и она гладитъ его по головѣ рукой безъ перчатки, и смѣется, и сіяетъ удовольствіемъ, потому что *онъ* очевидно говоритъ ей что-то ласковое, и любезное, и пріятное.

Мимочка была уязвлена. Она сидѣла одна подлѣ maman и m-lle Коссовичъ, которыя вели свой разговоръ. Вава ушла со своей новой знакомой на гимнастику. Варяжскаго не было на музыкѣ; не было и знакомаго офицера изъ ея дивизіи. И она должна была сидѣть одна и смотрѣть на надоѣвшій ей Бештау и на эту неприличную компанію.

Въ этотъ вечеръ она вернулась домой очень не въ духѣ; ей даже хотѣлось плакать. Вѣроятно, она слишкомъ много ходила въ этотъ день, или это была „реакція“.

Къ утру, впрочемъ, досада стихла. Ей даже стало смѣшно, что она могла такъ принять къ сердцу равнодушіе или невниманіе совершенно чужого ей человѣка. Никого ей не нужно. Развѣ она ищетъ поклонника? Господи, да еслибъ она захотѣла... да вся дивизія за ней ухаживала бы, да за ней не одни офицеры ухаживали бы. Развѣ она не хороша? Во всякомъ случаѣ, она не хуже этихъ актрисъ въ пестрыхъ платьяхъ.

И что ей до нихъ, до всѣхъ? Она пріѣхала сюда лечиться. Ей пріятно, что она здѣсь одна, безъ Спиридона Ивановича, безъ бэби. Она снова чувствуетъ себя барышней, молодымъ и свободнымъ существомъ. Она знаетъ, что туалеты ея здѣсь лучше всѣхъ, что сама она тоже лучше всѣхъ. Она читаетъ это во взглядахъ встрѣчающихся ей мужчинъ и женщинъ... И это все, что ей нужно.

Она продолжала добросовѣстно пить воды, занималась своимъ туалетомъ и своей наружностью, и при встрѣчахъ съ *нимъ* (онъ переѣхалъ въ Желѣзноводскъ) смотрѣла на него такъ, какъ будто передъ нею былъ фонарный столбъ. Но, и не обращая на него вниманія, она всегда видѣла, какъ онъ одѣтъ, и съ кѣмъ онъ, и въ какомъ настроеніи, и какъ онъ на нее смотритъ...

Вава, тѣмъ временемъ, блаженствовала. Она гуляла одна. Maman не разрѣшала ей этого, но смотрѣла на это сквозь

Digitized by Google

пальцы. Утромъ Вава выходила на музыку вмѣстѣ съ Мимочкой, но чуть подходилъ къ Мимочкѣ докторъ Варяжскій или офицеръ изъ ея дивизіи, какъ Вава исчезала и черезъ минуту была уже гдѣ-нибудь въ чащѣ, въ глухихъ тропинкахъ, высоко на скалѣ, по которой она карабкалась, какъ коза. У нея были любимые уголки на каждый часъ дня. Она знала, откуда лучше всего видъ на закатъ, гдѣ прохладно въ полдень, гдѣ тепло утромъ... Вава не боялась ни змѣй, ни тарантуловъ, лѣзла въ чащу лѣса, въ бурьянъ и крапиву и возвращалась домой въ изорванныхъ башмакахъ, съ исцарапаннымъ лицомъ и руками, съ репейникомъ и травой въ волосахъ, съ клещами и гусеницами на бѣльѣ и платьѣ... Катя, по приказанію maman, принималась переодѣвать и отчищать ее, а Вава говорила, смѣясь, что ей по сердцу только такія прогулки, которыя свидѣтельствуютъ о ея общеніи съ природой. Утро Вава проводила, большею частью, на верху Желѣзной горы. Тамъ, не доходя до вершины, была маленькая площадка, заросшая полевыми мальвами и кустами орѣшника. Вава ложилась на траву или садилась на свой камень и смотрѣла на Бештау, на синѣющія долины, на маленькій Желѣзноводскъ, ютящійся подъ горой; тамъ бѣлѣли чистенькіе домики, блестѣлъ золотой крестъ церкви, тамъ кричали пѣтухи и лаяли собаки... А лѣвѣе, изъ кущи зеленыхъ деревьевъ поднимались звуки оркестра, игравшаго вальсъ „Невозвратное время“. Тамъ кружились и копошились, встрѣчаясь и здороваясь, и оглядывая другъ друга, больные, которыхъ Вава уже такъ знала. Вава смотрѣла на землю около себя, и ей казалось, что и тутъ та же суета и музыка. Хоръ кузнечиковъ свисталъ свои вальсы; муравьи сновали суетливо и озабоченно, точно доктора съ добычей и безъ добычи... А божьи коровки, жуки, гусеницы, мотыльки и пчелы составляли публику... Вавѣ гораздо веселѣе было на этой музыкѣ, чѣмъ на той. Здѣсь она ложилась на траву, и ей было такъ хорошо, такъ хорошо! Солнце согрѣвало ея безкровное тѣло, а въ душѣ были миръ и радость, которыхъ она не знала дома. Здѣсь она была у Бога! И она испытывала полное, ничѣмъ не отравленное, блаженство. Издали она любила мать. Вспоминая ее, она рисовала себѣ ее въ самомъ симпатичномъ свѣтѣ... Дѣятельная, разсудительная, заботливая, хотя и строгая... И Вава мечтала о томъ, что придетъ время, когда онѣ поймутъ другъ друга и сдружатся, и Вава покажетъ, что и въ ней есть же что-нибудь хорошее... Братъ женится и уйдетъ изъ семьи, сестра тоже выйдетъ замужъ... Зина говоритъ, что выйдетъ не иначе какъ за титулованнаго... Ну, чтожъ, можетъ найтись и

Digitized by Google

титулованный... И Вава останется дома одна съ отцомъ и матерью... Тогда, вѣроятно, ей будетъ легче, и все будетъ хорошо. А пока ей и здѣсь отлично. Здѣсь она не чувствуетъ себя ни несчастной, ни одинокой. Солнце ласково грѣетъ ее, лѣсъ шумитъ, пчелы жужжатъ надъ бѣлой акаціей, поникшей подъ тяжестью своего цвѣта... Мотыльки кружатся въ воздухѣ... И Вавѣ такъ хорошо, такъ хорошо, что она всѣмъ сердцемъ чувствуетъ, что нѣтъ у Бога существа одинокаго, несчастнаго и забытаго... И, лежа на травѣ, она смотритъ въ небо, а надъ головой ея орелъ тихо поднимается вверхъ, какъ бы унося на своихъ широкихъ крыльяхъ ея мечты, надежды и вѣру въ Бога.

Maman хоть и смотрѣла сквозь пальцы на эти одиночія прогулки Вавы, но, въ сущности, онѣ очень тревожили ее. Не говоря уже о змѣяхъ и бѣшеныхъ собакахъ, мало ли куда она могла забрести, кого встрѣтить... Въ горахъ бродили и музыканты, и нищіе... Поэтому maman была отчасти довольна, когда Вава нашла себѣ друзей и знакомыхъ. И хотя знакомые эти были не изъ такихъ, какихъ бы она выбрала для себя или для Мимочки, но ужъ хорошо было и то, что, по крайней мѣрѣ, Вава теперь не одна. Прежде всего, на гимнастикѣ, Вава познакомилась съ нѣсколькими дѣтьми, потомъ съ ихъ нянюшками, боннами, родителями, и не прошло трехъ недѣль, какъ узы нѣжнѣйшей дружбы связывали ее уже съ одной барышней, только-что окончившей курсъ институткой, съ юнкеромъ, братомъ этой барышни, съ одной гувернанткой, съ маленькимъ московскимъ докторишкой и его женой и со студентомъ, гувернеромъ десятилѣтняго сына актрисы Морозовой.

Они составили свой кружокъ, вмѣстѣ гуляли, предпринимали экскурсіи въ горы и по окрестностямъ, давали другъ другу книги, бесѣдовали и спорили... Вава была въ восхищеніи отъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Конечно, это еще не были Вашингтоны, но это были славные, хорошіе люди и такъ непохожіе на ея петербургскихъ знакомыхъ. Они ни надъ кѣмъ не смѣялись, ничѣмъ не гордились, были строги къ себѣ и снисходительны къ другимъ, не сплетничали, были заняты своимъ дѣломъ... Они не только передумали все то, что она думала, но у нихъ были еще свои мысли и взгляды, новые для нея и будившіе въ ней рой новыхъ мыслей. Это такъ радовало ее. Теперь, что бы она ни услыхала, что бы ни прочла—ей было съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ.

Это были чудные люди, и куда лучше ея... Особенно гувер-

Digitized by Google

нантка ей нравилась: умная, терпѣливая, ровная... Вава не стоила и ея мизинца.

О своихъ домашнихъ, о матери Вава никогда не говорила со своими новыми знакомыми. Она считала бы низостью жаловаться или интересничать своими огорченіями. Но изъ отвлеченныхъ разсужденій и изъ другихъ примѣровъ она видѣла, что съ ихъ точки зрѣнія она права въ томъ, что ей не нравится строй жизни ея семьи, и что ей хочется другого. Но теперь пока надо подчиниться и выждать, а потомъ устроиться по своему.

И, раздумывая о томъ, какъ она устроитъ впослѣдствіи свою жизнь, Вава особенно плѣнилась одной мечтой. Она нашла свое призваніе, придумала себѣ дѣло по сердцу, нашла цѣль жизни и достижимую, и осуществимую, и увлекательную.

Такъ жить, какъ живетъ Зина, она не можетъ. Еслибы у нея былъ талантъ, она жила бы для таланта; но у нея нѣтъ никакихъ талантовъ; поэтому она сдѣлаетъ вотъ что. Какъ только ей минетъ двадцать-пять лѣтъ, и всѣ увидятъ, что она осталась старой дѣвой, она попроситъ, чтобы ей отдали ея деньги. И на эти деньги она откроетъ домъ для подкидышей. И она возьметъ къ себѣ всѣхъ чужихъ дѣтей, которыхъ бросаютъ, которыхъ прячутъ, скрываютъ, убиваютъ... Она возьметъ ихъ къ себѣ, и у нея будетъ много-много дѣтей, сначала сто, потомъ двѣсти, потомъ больше и больше... И всѣхъ ихъ она сама будетъ купать и вытирать, и одѣвать, и укладывать спать, потомъ учить ходить, говорить, читать, думать, любить, прощать...

Вава уже видѣла свои залы, полныя дѣтскихъ кроватокъ, сверкающихъ ослѣпительной бѣлизной, и въ нихъ дѣтей, маленькихъ, нѣжныхъ, безпомощныхъ, милыхъ... Они засыпали, они просыпались, и улыбались, и кричали, и плакали, и звали ее: „мама!“ И она любила ихъ всѣхъ, всѣхъ... Одни здоровы, красивы, веселы и даютъ пищу ея гордости; другія—жалки, слабы, увѣчны и даютъ пищу ея жалости, ея нѣжности... И она любитъ ихъ всѣхъ, всѣхъ... Потомъ они ростутъ, въ нихъ развиваются характеры... Они помогаютъ ей воспитывать вновь прибывшихъ маленькихъ. Они трудятся, учатся, развиваются... И вотъ они Гракхи и Вильгельмы-Телли, которыхъ она ждала... И они вступаютъ въ жизнь, а она, сѣдая, старая, слѣдитъ за ними, готовая благословить, утѣшить...

Поскорѣй бы ей минуло двадцать-пять лѣтъ. Дожить можно. Мимочка дожила же. А пока надо подучиться, подготовиться, главное—исправиться и достигнуть душевнаго равновѣсія. Съ ея характеромъ это трудно. Но что-жъ такое? Она поработаетъ надъ

Digitized by Google

собой. А потомъ само дѣло дастъ ей силы. У нея будутъ помощницы. Она возьметъ къ себѣ молодыхъ дѣвушекъ, только хорошихъ молодыхъ дѣвушекъ, безприданницъ, и обставитъ ихъ настолько хорошо, чтобы онѣ не тяготились своимъ положеніемъ. Потомъ возьметъ старушекъ, такихъ, что идутъ въ богадельни, старенькихъ и простыхъ. Онѣ тоже могутъ быть нянями. Ей не надо ни гимнастики, ни боннъ-англичанокъ; все будетъ на самую простую ногу, безъ затѣй и фокусовъ. А зато потомъ, потомъ...

И мечты эти такъ одушевляли Ваву, что она здоровѣла съ каждымъ днемъ, и писала матери нѣжныя, почтительныя письма и такъ угождала теткѣ, что та искренно привязалась къ ней и часто говорила Мимочкѣ: „Décidément, Julie est une personne de beaucoup d'esprit, mais elle manque de cœur".

Первое время за Мимочкой поухаживалъ-было докторъ Варяжскій. Онъ гулялъ съ ней, сидѣлъ съ ней на музыкѣ, ѣздилъ съ ней верхомъ, раза три пилъ чай у нихъ, но скоро это ему наскучило. И maman надоѣдала ему своей болтовней, да и сама Мимочка была такъ незабавна, неловка и ненаходчива.

Она, со своей стороны, тоже разочаровалась въ докторѣ, который сначала-было ей очень понравился. Мимочка была избалована и изнѣжена, и привыкла къ тому, чтобы все дѣлалось къ ея благу и удовольствію, а докторъ былъ ужасный эгоистъ и думалъ только о себѣ. Напримѣръ, онъ ѣздилъ съ ней верхомъ и ѣздилъ все рысью (ему, почему-то, это было полезно). А каково ей, бѣдняжкѣ! И разъ она только-что выпила свой кумысъ, да и корсажъ былъ ей узокъ, и она терпѣла такія ужасныя мученія, что даже плакала, когда вернулась домой. А maman, растирая ей бока и отсчитывая пятнадцать капель валерьяны, думала: „Какія, однако, свиньи эти мужчины (про себя maman выражалась вульгарно). Скачетъ, скачетъ для своего удовольствія и не подумаетъ о томъ, что бѣдняжка слабаго здоровья. А еще докторъ!".

Но еще болѣе вознегодовала maman на доктора Варяжскаго, когда ей сказали, что онъ побѣжденъ своей сосѣдкой и паціенткой Черешневой. Черешнева была вдова, лѣтъ тридцати-четырехъ, и пріѣхала на воды съ няней и шестилѣтнимъ сыномъ. Она заняла квартиру рядомъ съ Варяжскимъ; балконы ихъ были смежны. У нея были хорошенькіе туалеты и вообще она казалась изящной и интересной. Все это maman узнала отъ m-lle Коссовичъ.

Скоро она воочію убѣдилась въ справедливости этихъ сообщеній. Варяжскій гулялъ съ Черешневой, онъ ѣздилъ съ ней

Digitized by Google

верхомъ, онъ ѣздилъ съ ней стрѣлять орловъ (она стрѣляла—и къ чему это женщинѣ?), онъ пилъ чай у нея, игралъ съ ея мальчикомъ,—словомъ, они не разставались. Это заставило нашихъ дамъ очень и очень охладѣть къ Варяжскому. Конечно, maman отнюдь не желала, чтобы онъ компрометировалъ ея дочь, какъ компрометировалъ Черешневу. Да онъ и не посмѣлъ бы. Мимочка и Черешнева, все-таки, не одно и то же. Мимочка могла имѣть поклонниковъ, но она не могла имѣть романа. И допустить ухаживать за собой доктора, человѣка, которому даешь десять рублей за визитъ, котораго отпускаешь, какъ парикмахера,—maman удивлялась Черешневой!.. Ужъ еслибъ Мимочка хотѣла, то, конечно, нашла бы и лучше... Да захоти она только, и за ней будетъ ухаживать вся дивизія... Да за ней князья будутъ ухаживать! А докторъ... Человѣкъ, которому даешь деньги за визитъ... И maman считала его серьезнымъ, почтеннымъ человѣкомъ... Слава Богу, вѣдь не юноша. И сидитъ цѣлыми днями у Черешневой; à son âge!.. Видно, правду говорилъ о немъ докторъ Скавронскій, когда разсказывалъ, что Варяжскій ѣздилъ въ фескѣ и съ трубочкой въ зубахъ, со свитой изъ восьми влюбленныхъ въ него дамъ... Чего-чего тутъ не наслушаешься, не насмотришься!.. И легкомысленное поведеніе доктора Варяжскаго настолько охладило къ нему maman и Мимочку, что на этотъ разъ положительно рѣшено было заплатить ему сто, а не полтораста.

Maman даже перестала вѣрить въ него какъ въ Бога.

Кисловодскъ готовился къ сезону. Цѣны въ гостинницахъ повышались уже въ ожиданіи наплыва подлечившихся больныхъ, которымъ оставалось еще съѣхаться здѣсь для полировки, для отдыха отъ режима. „Въ Кисловодскѣ,—говоритъ Лермонтовъ,—бываетъ развязка всѣхъ романовъ, начавшихся у подошвы Бештау, Машука и Желѣзной". Здѣсь вообще подводятся итоги, развязываются интриги, обнаруживаются обманы, доктора пересчитываютъ собранный гонораръ, больные испытываютъ пріобрѣтенное здоровье,—словомъ, здѣсь, въ поднарзаненномъ воздухѣ разыгрывается грандіозный финалъ водяного сезона.

Кисловодскъ готовился къ сезону. А пока на остальныхъ группахъ завязывались и развивались романы, которымъ суждено было развязаться въ Кисловодскѣ. Скучающія вдовы, разведенныя жены, неудовлетворенныя жены, легкомысленныя и вѣтрен-

Digitized by Google

ныя жены, сантиментальныя старыя дѣвы, засидѣвшіяся невѣсты, —все это копошилось у Желѣзныхъ источниковъ и, почерпая въ нихъ жизнь и отвагу, закидывало направо и налѣво крючки и сѣти. И рыбка, крупная и мелкая, клевала и запутывалась.

И вотъ насталъ день, когда первые три паціента доктора Иванова переселились изъ Желѣзноводска въ Кисловодскъ, а семь паціентовъ доктора Граціанскаго перебрались изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ, гдѣ сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ. Больные поправлялись, больные знакомились, больные веселились, втягиваясь въ праздную, но суетливую „водяную“ жизнь. Вечера становились все темнѣе, звѣзды ярче, грозы чаще.

Мимочка не скучала. Она хорошѣла и расцвѣтала.

У нея не было романа, о, нѣтъ! Сердце ли въ ней билось черезъ-чуръ спокойно, иль кругомъ все было страсти недостойно? Ни то, ни другое. Просто, она была слишкомъ хорошо воспитана для какого-нибудь уклоненія съ пути долга. И хотя вокругъ нея, на глазахъ ея, пары встрѣчались, улыбались, флиртовали, хотя ее окружала атмосфера влюбленности, Мимочка была совершенно холодна и спокойна. Что ей эти просвирни? Что ей до букашекъ, до кузнечиковъ, которые копошатся и ползаютъ въ травѣ подъ лучами солнца? Они живутъ какъ хотятъ; она живетъ, какъ она должна жить.

И, гордая сознаніемъ своей безупречности, своей недоступности, Мимочка, молоденькая, свѣженькая, хорошенькая, легко и граціозно похаживала по аллеямъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на одобрительные и жаркіе взгляды, которыми ее встрѣчали и провожали, ни на встрѣчи съ *нимъ*, съ l'homme au chien (а какъ онъ еще похорошѣлъ!).

У Мимочки не было и тѣни романа. И вмѣстѣ съ maman она смѣялась надъ ихъ сосѣдкой по балкону, молодой вдовой изъ Смоленска, которая, еще не снявъ траура, говорила своей знакомой: „Да, я не прочь бы отъ романа, только чтобы не моя иниціатива“. И когда, вслѣдъ затѣмъ, у нея сталъ бывать молодой армейскій офицеръ, maman такъ и прозвала его „офицеръ съ иниціативой“. И надоѣлъ же онъ имъ! Онъ плевалъ и кашлялъ и курилъ папиросу за папиросой, и самыя скверныя папиросы, а вдова томно пѣла:

„И ночь, и любовь, и луна“...

Maman подслушивала ихъ разговоры; ихъ раздѣлялъ только кусокъ холста.

Digitized by Google

— Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь почитать?—говорила вдова:—такая тоска!.. Дайте мнѣ какую-нибудь книжку, только, пожалуйста, чтобы безъ любви... Есть такія?

— Какъ не быть. Вы Глѣба Успенскаго читали?

— Глѣба? Нѣтъ. А хорошо?

— Вотъ прочтите. Я вамъ принесу.

— Принесите, принесите.

И они читали вмѣстѣ Глѣба Успенскаго, потомъ читали Шопенгауэра. И maman, сидя съ работой на своемъ балконѣ, тоже слушала Шопенгауэра и про себя улыбалась, думая: „читайте, читайте; видно, tout chemin mène à Rome“.

Уставъ читать, офицеръ клалъ книгу на столъ и закуривалъ папиросу.

— Какъ это вѣрно, какъ это вѣрно!—говорила вдова, задумчиво глядя на Бештау.—Я совершенно такъ же смотрю на жизнь, какъ и Шопенгауэръ. Нѣтъ ничего, что̀ не разлетѣлось бы какъ дымъ отъ прикосновенія анализа. Право, не стоитъ жить.

— Да, конечно, жизнь—порядочное безобразіе. Но все-таки отчего немножко и не пожить такъ, не анализируя, не задумываясь?

— Нѣтъ, разъ ужъ знаешь,—не стоитъ, не стоитъ жить.

— Нѣтъ, стоитъ попробовать, хоть бы для того, чтобъ убѣдиться.

— Да, когда заранѣе знаешь, что не стоитъ.

— Да отчего же не стоитъ? Вѣдь и Шопенгауэръ пожилъ прежде, чѣмъ написалъ все это.

— То-есть, какъ пожилъ? Ну да, извѣдалъ, что все ложь, призракъ, суета, что мы сами себя обманываемъ. И всѣ мы къ этому приходимъ. Стоитъ ли тратить силы на то, чтобы придти къ результату, уже извѣстному, хотя бы путемъ литературы!

— Ну вы это что-то очень высоко. Я проще смотрю на вещи.

— Что-жъ мы все болтаемъ? Читайте, читайте!..

Конечно, все это было смѣшно, и Мимочка никогда не допустила бы себя сдѣлаться такой же смѣшной, какъ эта вдова. Фи! Ей было такъ хорошо, такъ весело и безъ романа. Офицеръ изъ ея дивизіи ѣздилъ съ ней верхомъ и представлялъ ей своихъ знакомыхъ. Всѣ любовались ею, всѣмъ она нравилась. Ей ничего не стоило бы познакомиться и съ l'homme au chien. Но она сама не хотѣла. Вотъ еще, очень нужно! Мимочку, какъ

Digitized by Google

и Ваву, больше всего радовало сознаніе своей свободы, отсутствіе стѣсненія и опеки. Здѣсь maman не надоѣдала ей и не сопровождала ее въ прогулкахъ. Она бы и рада, да мѣшало ревнивое кавказское солнце. Maman не выносила жары. Утромъ, снарядивъ дѣтей и, какъ Провидѣніе, устроивъ для нихъ необходимый комфортъ, maman, по уходѣ ихъ, затворяла ставни, опускала шторы и, устроивъ себѣ темноту и прохладу, ложилась съ книгой на кровать. Мысленно она, конечно, была со своими бѣдными больными, которыя жарились на солнцѣ. За Мимочку она была совсѣмъ спокойна, но Вава порядочно безпокоила ее. Вава была такой огонь, такая порывистая, увлекающаяся (да и эти тоненькія—всегда такія страстныя), а тутъ еще эта атмосфера, это солнце... И при томъ Вава такъ весела, такъ мила, такъ похорошѣла, такъ всѣмъ довольна... Что, какъ это не спроста?

И maman трусила, сильно трусила, и не разъ въ ночной тиши образы юнкера и студента пролетали надъ ея изголовьемъ, какъ два демона, тревожа ея сонъ и спокойствіе. Подумавъ и приготовившись, maman какъ-то было-приступила къ Вавѣ съ предостереженіями. Вава отвѣтила на это предостереженіе только взглядомъ, но такимъ взглядомъ, что у maman душа ушла въ пятки, и она рѣшила никогда не возвращаться къ этому предмету. Чтобы успокоить свою совѣсть и снять съ себя отвѣтственность передъ Жюли, она позвала къ себѣ горничную Катю и велѣла ей строго-на-строго слѣдить за барышней и докладывать ей, съ кѣмъ барышня гуляетъ и куда ходитъ, и не бываетъ ли съ кѣмъ наединѣ.

И Катя, разгладивъ Мимочкины юбки и приготовивъ все нужное къ вечеру, выходила въ паркъ съ благимъ намѣреніемъ слѣдить за барышней. Но такъ какъ барышня была такая егоза, что бѣгать за нею по солнцу было слишкомъ утомительно, то Катя благоразумно садилась на скамейку, въ тѣни раскидистаго дерева, мимо котораго Вава непремѣнно должна была пройти, возвращаясь къ обѣду, и спокойно сидѣла, разглядывая проходящую публику.

Противъ скамейки, на возвышеніи стояли продавцы со своими витринами: итальянецъ съ кораллами и мозаикой и восточные люди съ кавказскимъ товаромъ. И стоялъ тамъ маленькій армянинъ съ хитрыми узкими глазками и огромнымъ носомъ, въ высокой черной шапкѣ. И стоя подлѣ своей витрины, въ которой красовалась кавказская бирюза и серебряныя издѣлія съ

Digitized by Google

чернью, пояса, кинжалы, брошки, булавки съ надписью: „Кавказъ, Кавказъ, Кавказъ", онъ такъ хитро и такъ многозначительно поглядывалъ на Катю, точно зналъ, какъ она проводитъ свою генеральшу.

Три дня подъ-рядъ Катя садилась на эту скамейку, а армянинъ, похаживая около своего товара, стрѣлялъ въ нее убійственными взглядами, причемъ, казалось, глазки его дѣлались еще уже, а носъ еще больше. А Катя дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, и чертила зонтикомъ по песку. Потомъ онъ заговорилъ съ ней. Она проходила мимо и смотрѣла черезъ него на Бештау, когда онъ сказалъ ей: „Какъ жарко! Что теперь гулять-то. Теперь нехорошо гулять. Хорошо гулять вечеромъ. Вечеромъ не жарко, вечеромъ хорошо". Катя опять сдѣлала видъ, что не слышитъ, и кокетливо поднималась въ гору, помахивая зонтикомъ. Потомъ онъ сталъ ей кланяться. Потомъ и Катя стала отвѣчать на поклоны, сперва серьезно, потомъ съ улыбкой. Онъ сталъ зазывать ее купить что-нибудь.

— Дорого продаете,—сказала Катя,—намъ не по карману.

— А ты узнай, а потомъ скажи... Дорого не возьмемъ... Ты узнай.... Ты посмотри.

И Катя стала разсматривать и выбирать вещи у него въ витринѣ. Черезъ недѣлю она уже знала наизусть все, что было въ витринѣ, знала, какъ его зовутъ, сколько ему лѣтъ, знала, что у него есть двоюродный братъ въ Петербургѣ, въ магазинѣ кавказскихъ винъ, что онъ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ, знала многое про Тифлисъ, про Кисловодскъ, знала, что по вечерамъ въ паркѣ гораздо лучше, чѣмъ днемъ, потому что не жарко и темно, темно!.. Катя знала все это, а все еще ничего не выбрала въ витринѣ, откладывая это до Кисловодска.

А Вава, возбуждавшая въ maman такія черныя подозрѣнія, мирно сидѣла на гимнастикѣ со своей подругой-институткой и, не утерпѣвъ, развивала ей свой проектъ дома для брошенныхъ дѣтей. Институтка сочувствовала идеѣ, но не очень вѣрила въ возможность ея осуществленія и недовѣрчиво улыбалась, качая головой.

— Все это прекрасно,—сказала она, дослушавъ Ваву.— Но ничего этого не будетъ. Вы выйдете замужъ и будете нянчить своихъ дѣтей. И это будетъ гораздо лучше.

— Чѣмъ?..

— Да натуральнѣе. Никогда нельзя любить чужого ребенка какъ своего.

Digitized by Google

— Какія же они чужія, когда они будутъ моими почти со дня рожденія?

— Все-таки не то. Господи, конечно, я не могу дѣлать сравненій. Но всѣ это говорятъ. Да мнѣ и самой такъ кажется. Нельзя любить чужого ребенка, какъ своего. Я бы не могла.

— А я вотъ могу... Какъ ихъ не любить? Да вѣдь ихъ жалко—маленькихъ, брошенныхъ, невиноватыхъ. А когда любишь съ жалостью,—лучше, крѣпче любишь.

— Нѣтъ, все-таки тутъ что-то ненатуральное. Я понимаю, еслибы вы были несчастны, еслибы у васъ было разочарованіе въ личномъ счастьѣ,—ну, тогда это хорошо, а то такъ выдумать себѣ это, когда вы еще можете быть такъ счастливы.

— Да, я только этимъ и могу быть счастлива.

Мимочка сидѣла въ это время одна въ Архіереевской бесѣдкѣ и читала „La grande marnière“. Читалось не очень хорошо. Романъ не заинтересовывалъ ее, и она по нѣскольку разъ перечитывала одну и ту же страницу. Въ бесѣдкѣ сидѣли еще два священника и няньки съ дѣтьми, и хотя разговоры ихъ были неинтересны, все-таки они развлекали ее. А уйти отсюда Мимочкѣ не хотѣлось, потому что все-таки здѣсь было лучше и прохладнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Священники встали и, выходя, наткнулись на l'homme au chien, который входилъ въ бесѣдку со своимъ ньюфоундлэндомъ. Молодой человѣкъ подошелъ къ периламъ и, облокотясь, сталъ смотрѣть вдаль. Мимочка еще прилежнѣе углубилась въ чтеніе. Няньки, оглядѣвъ вошедшаго, вернулись къ своему разговору.

— Отчего это тутъ священниковъ такъ много?

— Болѣзнь вѣрно такая. Отъ постнаго имъ животы подведетъ—вотъ они все грязнушку и пьютъ. Она хорошая вода, эта грязнушка. Наши пьютъ...

— И наши тоже спервоначалу грязнушку пили. Теперь барятинскую стали пить. А то барынѣ утромъ неохота идтить самой: сходи, говоритъ, нянька, принеси грязнушки. Ну и идешь. А далеко ходить-то. Теперь барятинскую.

— Такъ у васъ сама лечится?

— Нѣтъ, у насъ всѣ: и барышня, и баринъ, и барыня.

— Вправду больные, али такъ, съ жиру?

— Нѣтъ, оно не то что съ жиру, а, конечно, какъ кому отъ Бога. Баринъ у насъ въ родѣ какъ ума рѣшившійся. Онъ

Digitized by Google

и въ помѣшанномъ домѣ сидѣлъ, да!.. И въ воду бросался, покончить, значитъ, самъ надъ собой хотѣлъ. Ну, теперь, ему полегче. Кузьмичъ вылечилъ. Теперь онъ, значитъ, сейчасъ, самъ себѣ гуляетъ, воду тоже пьетъ, а послѣ еще въ Крымъ поѣдемъ. Теперь онъ ничего...

— Помѣшанный, это не дай Богъ!

— Не дай Богъ! И что это у насъ тогда было,—страсть! Кузьмичъ вылечилъ.

— А барышня у васъ что-жъ?

— Да ничего. Худощавая и застѣнчиста только... Ну, и прыщи на лицѣ. Она тихая барышня, ничего. Женихъ у насъ былъ, настоящій, военный, съ мундиромъ... Только, задатку приданаго взялъ, а самъ другую нашелъ. Ну, она поскучала, поскучала... Теперь ничего. Кузьмичъ помогъ.

— А барыня?

— А барыня страсть какая больная. Она и изъ себя, вы видѣли, изъ лица желтая такая. У ней нынѣшней зимой разливъ печени былъ, а позапрошлой—камни шли. Такъ, какъ они идутъ, камни-то, она ажъ благимъ матомъ кричитъ. Сколько, сколько ее лечили: и бабки, и дохтора—все болѣетъ, и ходить почти не можетъ, потому у нея внутренній разрывъ. Да! Сколько мы денегъ переплатили. Ѣздитъ дохторъ, лечитъ, а тамъ услышалъ, что другой дороже беретъ,—подавай его! Полечитъ, полечитъ, а тамъ скажутъ: „А вотъ еще дороже есть!“ Ну, и его позовутъ. И молебны служатъ, и иконы поднимаютъ, и все болѣютъ. А какъ весной мы собрались на Кавказъ, я, грѣшнымъ дѣломъ, говорю: матушка, говорю, барыня, а какъ это мы поѣдемъ, какой дорогой, говорю? Мимо Самары, говорю, не будетъ намъ дорога? „Поѣдемъ, говоритъ, пароходомъ по рѣкѣ Волгѣ и мимо Самары, говоритъ, проѣдемъ (а я самарская, бузулукскаго уѣзда). Ну, говорю, матушка, ужъ какъ хотите, а коли хотите барину добра и себѣ здоровья отъ Бога, — заѣзжайте къ Кузьмичу (у насъ Кузьмичъ есть, выше всѣхъ дохторовъ; изъ крестьянскаго званія, а только къ нему князья и генералы ѣздятъ лечиться, и много господъ. Потому кого дохтора залечатъ, а онъ вылечитъ). Поѣзжайте, говорю, матушка. Это самъ Богъ васъ въ Самару посылаетъ. „Молчи, говоритъ, нянька. Ты ничего не понимаешь. Какой такой Кузьмичъ? Иди, говоритъ, нянька, въ аптеку“. Хорошо, говорю, мнѣ что-жъ? Я пойду.—А потомъ это плывемъ мы по рѣкѣ Волгѣ, подъѣзжаемъ къ Самарѣ, барыня мнѣ и говорятъ: „Смотри, говоритъ, нянька, никому не сказы-

Digitized by Google

вай. Мы къ Кузьмичу съѣздимъ" (извѣстно, они купцы, хоть и богатые, пять домовъ у Калашниковской пристани, а все противъ господъ стыдятся). Я говорю:—Что-жъ? Зачѣмъ я скажу? Я не скажу.—Поѣдете такъ поѣдете. Мнѣ кому говорить-то? Я не скажу. Такъ и съѣздили къ нему, къ батюшкѣ. А онъ, батюшка, провидѣцъ, онъ ихъ обоихъ и вылечилъ. Сперва барина посмотрѣлъ, взялъ за руку и отъ плеча ощупалъ. Дохторà за кончикъ руку берутъ и по часамъ считаютъ, а онъ, батюшка, всю руку отъ плеча перещупаетъ, и безъ часовъ болѣзнь найдетъ. И барину сказалъ: „У тебя, говоритъ, подъ завалами рематиза. Не бойсь, говоритъ, поправишься, пей!" и бутыль сейчасъ далъ. Да! А барынѣ говоритъ: „Это точно, что у тебя печень развелась. Это, говоритъ, плевое дѣло; а вотъ что внутренній разрывъ, говоритъ, у тебя, это нехорошо. Ты, говоритъ, опасайся, потому, не будешь опасаться—помрешь. Да! Лежи, себѣ, говоритъ, да полеживай, легче будетъ, а вотъ тебѣ—пей!" И другую бутыль далъ. Барышня не хотѣла къ ему показываться, смѣется, говоритъ: „что онъ мужикъ понимаетъ!" А онъ, батюшка, говоритъ: „Чего смѣешься? Былъ, говоритъ, женихъ, да сплылъ".—Провидѣцъ!—„Не бойсь, другого найдешь. Деньги есть, говоритъ?" —Есть, батюшка, говоримъ, какъ не быть? пять домовъ у Калашниковой пристани. — „Ну, говоритъ, хорошо. Выйдетъ замужъ, здорова будетъ. А пока вотъ тебѣ—пей!" И еще бутыль далъ. И дѣтямъ велѣлъ пить. И мнѣ говоритъ. Я говорю: спина болитъ, батюшка. А онъ: „пей, говоритъ, старая". Ну, и пьемъ.

— И помогаетъ?

— Помогаетъ. Утромъ, какъ встанемъ, всѣ натощакъ и пьемъ. Дохтуру не сказываютъ. И грязнушку барыня пила, и теперь барятинскую пьетъ. А ужъ зато, какъ что изъ аптеки принесутъ, все вонъ выбрасываемъ. Потому Кузьмичъ сказалъ: не надо этого ничего. А какъ барынѣ похуже, такъ онѣ и воды оставляютъ, а только Кузьмичево пьютъ. На мятѣ настоенное...

— Мята — это хорошо. А я вотъ все михайловскую воду здѣсь пью. И такъ мнѣ нравится. Прохладная вода.

— Да нешто можно ее здоровому пить? Я не пью. Боюсь. Ну, какъ болѣзнь себѣ напьешь?

— Нѣтъ, оно ничего. Оно точно, что тучнымъ это и нехорошо пить, ну, а худощавымъ и полнокровнымъ вреда нѣтъ, а даже польза.

— Я бы выпила, да боюсь...

Digitized by Google

— Чего бояться? Да сейчасъ пойдемъ выпьемъ. Гдѣ мои пострѣлята? Ваня, Вася, идите сюда! Пойдемъ на гимнастику.

Няньки встали и вышли изъ бесѣдки, уводя пострѣлятъ. Мимочка и l'homme au chien остались вдвоемъ. Мимочка переворачивала страницы, не отрывая глазъ отъ книги. Онъ сѣлъ наискосокъ отъ нея, вынулъ газету и тоже сталъ читать. Оба чувствовали близость и присутствіе другъ друга и чувствовали, что если они бросятъ читать и начнутъ разговаривать, имъ будетъ пріятно и весело; но они не разговаривали. Онъ не смѣлъ; она не хотѣла. Изрѣдка Мимочка поднимала свои голубые глаза и устремляла ихъ въ голубую даль. Онъ украдкой любовался ею, ея прической, кончикомъ маленькой ножки, всей ея фигурой, молодой, изящной и свѣжей... Мимочка чувствовала на себѣ его взглядъ и не безъ злорадства думала: „Ага, такъ не однѣ актрисы хороши?“ Потомъ онъ спряталъ газету, вынулъ оксидированный портсигаръ и попросилъ у нея позволенія закурить. Мимочка изъявила согласіе наклоненіемъ головы. Потомъ ей вдругъ стало страшно. Сейчасъ онъ съ ней заговоритъ. Что она будетъ ему отвѣчать? И къ чему это поведетъ? До сихъ поръ все было такъ хорошо и интересно, и вдругъ все испортится. Если онъ съ ней заговоритъ какъ съ кокоткой, она оскорбится. Она—генеральша и порядочная женщина. И потомъ, что ей говорить? Она такъ не любитъ говорить. И Мимочка, закрывъ книгу, встала и вышла изъ бесѣдки своей граціозной и легкой походкой. А онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, насвистывая „Азру“. Больше ничего и не было. Но Мимочкѣ было весело, весело. И хоть ей очень хотѣлось вернуться къ нему, она, не оглядываясь, пошла домой.

Къ обѣду всѣ четверо сходились въ самомъ прекрасномъ настроеніи. Обѣдали дружно и весело, подсмѣиваясь надъ неудавшимися блюдами (надъ надоѣвшимъ барашкомъ), дѣлая честь удавшимся и похваливая стряпню maman, которая не только готовила котлеты и бифштексы на своей керосиновой кухнѣ, но ухитрялась приготовлять и пирожныя, желе, компоты и пр.

Катя отчищала Ваву отъ гусеницъ и клещей; Мимочка разсматривала въ зеркалѣ свое лицо, вытирая загаръ и пыль, а maman сообщала всѣмъ результатъ своихъ наблюденій надъ сосѣдями и сосѣдками. Эти окружающіе ее романы возмущали, но волновали и интересовали maman. Даромъ что героинями ихъ были просвирни,—maman сворачивала себѣ шею, слѣдя за ихъ

Digitized by Google

перипетіями... Катя, скромно подавая кушанье, дополняла разсказы maman своими сообщеніями.

— Теперь для меня все ясно,—захлебываясь, говорила maman о докторшѣ съ ихъ улицы:—Le mari sait tout... c'est clair comme le jour... Чего-чего тутъ не насмотришься, не наслушаешься!“...

Послѣ обѣда Мимочка и Вава снова исчезали, а maman, не спѣша, одѣвалась по-петербургски, отирала потъ съ лица, посыпала его пудрой и, прифрантившись, шла въ курзалъ, гдѣ прочитывала газеты, послѣ чего садилась на балконѣ со старенькимъ сановникомъ изъ Петербурга, страдающимъ желудкомъ и печенью, и играла съ нимъ въ пикетъ.

В. М.

Digitized by Google

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА

ТИХО-ОКЕАНСКАЯ

ВЪ КАНАДѢ.

Лѣтъ пять тому назадъ, въ 1886 году, закончена была постройка канадской тихо-океанской желѣзной дороги—предпріятіе замѣчательное по обширности и трудности исполненія и, въ особенности, по своему торговому и политическому значенію. Этимъ рельсовымъ путемъ завершилась въ С.-Америкѣ система магистральныхъ линій, по которымъ, съ возростающей силой, проникаютъ въ бассейнъ Тихаго океана англо-американскія колонизація и владычество. Въ виду извѣстныхъ отношеній Россіи и Англіи на Востокѣ, эта линія, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, имѣетъ еще особое значеніе, болѣе важное для русской торговли, чѣмъ остальныя американскія дороги. Поэтому будетъ не лишнимъ познакомиться съ характеромъ страны, по которой пролегаетъ англійская тихо-океанская дорога, и преимущественно съ западнымъ поморьемъ Канады—британской Колумбіей.

Канада, подобно Сибири, занимаетъ сѣверную часть цѣлаго материка во всю его ширину. По величинѣ она нѣсколько больше Соединенныхъ-Штатовъ и почти равна всей Европѣ или двумъ третямъ Сибири [1]); но пока населеніе ея не превышаетъ 5 милліоновъ душъ, тогда какъ въ Соединенныхъ-Штатахъ оно до-

[1]) Поверхность владѣнія федеративнаго союза Канады, „Dominion of Canada", равняется безъ малаго 3½ милліонамъ англ. кв. миль (слишкомъ 7.800.000 кв. верстъ). См. Canada, its History, Productions and natural Resources. 1886, Ottava, p. 14, изд. министра земледѣлія Канады.

Digitized by Google

стигаетъ 61 мил., хотя колонизація обѣихъ странъ началась приблизительно въ одно и то же время. Такая огромная разница въ размѣрахъ переселенія изъ Европы объясняется, въ значительной степени, тѣмъ невыгоднымъ мнѣніемъ о Канадѣ, которое издавна сложилось въ Англіи, гдѣ весь этотъ край представлялся „мерзлой пустыней“ (ice-bound desert), и только южная полоса его считалась хлѣбородной. Въ ошибочности этого взгляда убѣдились недавно, и съ тѣхъ поръ переселенцы изъ Англіи всего охотнѣе идутъ въ Канаду, гдѣ находятъ не худшія и даже отчасти лучшія условія жизни, чѣмъ на американскомъ сѣверо-западѣ. Хотя вся площадь удобныхъ земель Канады уступаетъ, по величинѣ, площади таковыхъ же земель въ Соединенныхъ-Штатахъ, а климатъ и предметы сельскаго продовольствія сравнительно однообразны, но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что страна имѣетъ полную возможность привлечь и удержать пришлое населеніе несравненно многочисленнѣе теперешняго.

По вычисленіямъ англійскаго статистика Гиффена (Giffen) [1]), въ Канадѣ остается еще незанятой удобной земли около 400.000 англ. кв. миль, т.-е. около 94 милліоновъ десятинъ (по 2.400 саженъ), или болѣе двухъ третей всей удобной земли въ странѣ. Этотъ запасъ, громадный самъ по себѣ, далеко превышаетъ площадь свободныхъ земель въ Соединенныхъ-Штатахъ (100 тысячъ кв. миль, или болѣе 23 милліоновъ десятинъ), уступая вообще запасу одной Австраліи, въ которой имѣется еще незанятой удобной земли около 500 тысячъ англ. кв. миль, или 117 милліоновъ десятинъ. Очевидно, что подобный просторъ дозволитъ населенію Канады увеличиваться несравненно свободнѣе, чѣмъ населенію сѣверо-американскихъ штатовъ, гдѣ, по мнѣнію Гиффена, свободныя земли будутъ разобраны черезъ какія-нибудь двадцать-пять лѣтъ. Но и въ Канадѣ, — если вѣрить тому же автору,—занятіе всѣхъ удобныхъ участковъ состоится въ недалекомъ будущемъ. Дѣйствительно, если мы обратимся къ даннымъ, обнародованнымъ канадскимъ министромъ земледѣлія [2]), то увидимъ, что Канада заселяется, въ настоящее время, съ поразительной и все возростающей быстротой. Такъ, въ 1851 году, насчитывалось около 2.548 милліоновъ душъ, тогда какъ въ 1881 считалось уже слишкомъ 4.324 мил., а по послѣднимъ источникамъ (Cumberland, The Queen's Highway), населеніе въ 1889 году оказывается уже въ 5 милліоновъ. Наглядным примѣромъ

[1]) См. рецензію Times'a, за апрѣль 1890, стр. 9.

[2]) Loco cit., стр. 44—45.

Digitized by Google

усиленія эмиграціи могутъ служить слѣдующія цифры: за четырехлѣтіе 1878—81 прибывало, среднимъ числомъ, около 39 тысячъ человѣкъ въ годъ; въ періодъ 1882—85 годовая прибыль выразилась, приблизительно, цифрой 10.700 чел. (loco cit.). Эти факты дѣлаютъ предположенія Гиффена вполнѣ правдоподобными; они предвѣщаютъ наступленіе коренныхъ экономическихъ перемѣнъ, а именно переходъ земледѣлія въ Америкѣ, Канадѣ и Австраліи отъ экстенсивной къ интенсивной системѣ и прекращеніе притока эмигрантовъ изъ Европы.

Въ противоположность тому, что происходило въ Новой-Англіи, починъ колонизаціи Канады принадлежитъ французамъ, а не англичанамъ. Jacques Cartier (1534—44 гг.), а за нимъ Champlain и другіе [1]) изслѣдовали атлантическій берегъ нынѣшней Канады и долину св. Лаврентія; de Monts основалъ первую колонію Портъ-Рояль въ 1605 году. Прибрежныя поселенія сдѣлались немедленно исходными и опорными пунктами для множества смѣлыхъ экспедицій далѣе къ западу и юго-западу. Канадскіе „voyageurs“ и „coureurs de bois“ въ погонѣ за пушиной проникли не только въ глубь самой Канады, но и въ бассейнъ Миссисипи. Благодаря имъ, Миссисипи и Огейо сдѣлались путями сообщенія между Канадой и Луизіаной, въ тылу англійскихъ владѣній. На этомъ пути возникъ рядъ поселеній, изъ которыхъ два: Новый-Орлеанъ и С.-Луи сдѣлались первыми торговыми центрами на берегахъ Миссисипи. Однако эти неутомимые промышленники, въ которыхъ проявилась чисто кочевая способность и страсть къ передвиженію [2]), не проникли до Тихаго Океана; они не доходили и до Скалистыхъ горъ, избѣгая даже „прерій“. Въ тѣ времена между большими озерами и Тихимъ океаномъ скитались одни только враждебные кочевые дикари да стада бизоновъ. Къ тому же частыя войны между Англіей и Франціей, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, положили конецъ расширенію французскаго владычества въ Америкѣ и привели къ окончательному изгнанію французовъ изъ большей части ихъ колоній.

Въ силу утрехтскаго договора 1713 года и парижскаго, 1763, вся Канада и бассейнъ Верхняго-Миссисипи постепенно перешли въ руки англичанъ, которые, такимъ образомъ, открыли себѣ путь на западъ и окончательно утвердили за англо-саксонскимъ племенемъ господство надъ сѣверо-американскимъ матери-

[1]) Собственно открытіе Канады относится къ 1497 году. Это было дѣло португальцевъ Каботъ (Cabot), отца и сына.

[2]) Разсказываютъ, между прочимъ, что они отправлялись иногда другъ къ другу за сотни верстъ, съ единственною цѣлью „побесѣдовать“.

Digitized by Google

комъ. Англійское владычество не встрѣтило вначалѣ сопротивленія; но, тѣмъ не менѣе, дѣло сліянія новой области съ метрополіей не совершилось до конца вполнѣ миролюбиво: „когда, въ 1763 году,—говоритъ бывшій англійскій министръ *сэръ Чарльсъ Дилькe*,—французскіе колонисты сдѣлались окончательно британскими подданными, англичане хотя и поклялись не нарушать ихъ обычаевъ, однако не теряли надежды, что англійская народность поглотитъ французскую. Мы дѣлали въ Квебекѣ то же, что и въ Капъ-Тоунѣ, и съ однимъ и тѣмъ же результатомъ. Сначала мы довели туземцевъ до возстанія, а потомъ принуждены были уступить и сдержать свои обѣщанія. Было время, когда мы навязывали французамъ наши законы, нашъ языкъ и отчасти нашу религію. Французы боролись сначала мирными средствами, впослѣдствіи и оружіемъ, тогда какъ голландцы Капской земли сопротивлялись сперва силою, а потомъ мирными способами“. Впрочемъ, канадцы-французы немедленно отказались отъ всякой оппозиціи, какъ скоро добились равноправности, и съ тѣхъ поръ считаются вѣрными приверженцами королевскаго правительства.

Замѣчательно, что французское населеніе нисколько не утратило здѣсь своего племеннаго характера, не взирая на давленіе все болѣе и болѣе возростающихъ кругомъ него массъ англо-саксонскихъ переселенцевъ. Обособленность не мѣшаетъ ему быть весьма плодовитымъ: французовъ было не болѣе 60.000 при занятіи края англичанами; нынѣ же ихъ насчитывается слишкомъ 1.400.000 душъ въ самой Канадѣ и около 700.000 въ Соединенныхъ-Штатахъ [1]). Крайне живописная физіономія города Квебека и образъ жизни его жителей напоминаютъ и до сихъ поръ Францію XVII столѣтія, между тѣмъ какъ англичанъ въ городѣ весьма немного. Вообще, преобладаніе французской народности и языка замѣчается во всѣхъ поселеніяхъ, основанныхъ до появленія англичанъ; французы, участвуя даже въ новѣйшемъ движеніи на западъ, успѣваютъ отчасти отстаивать свою національность, хотя здѣсь они являются уже меньшинствомъ. Можно ли послѣ этого утверждать, что французы плохіе колонизаторы?.. Они, впрочемъ, доказываютъ противное и въ Алжиріи [2]).

Англійскій элементъ дѣлается господствующимъ къ западу отъ Квебека. Уже Монтреаль съ его 200.000 населеніемъ представляется преимущественно англо-американскимъ городомъ. Поднимаясь вверхъ по теченію св. Лаврентія, вы видите, что пре-

[1]) Ibid. Canada, its History, Productions, etc. 1886. Ottava, t. I, p. 50.

[2]) См. соч. *Петра Чихачева*: Espagne, Algérie Tunisie. Paris, 1880.

Digitized by Google

обладаніе англійскаго элемента становится еще болѣе рѣзкимъ. Недавно основанная канадская столица Оттава и цвѣтущій городъ Торонто [1]) имѣютъ положительный англо-американскій типъ. Какъ и вездѣ, типъ этотъ выражается въ усиленной торгово-промышленной дѣятельности, возростающей съ необыкновенной быстротой, тогда какъ французскіе города развиваются гораздо медленнѣе.

Великія озера составляли еще недавно предѣлъ населенной части Канады. За ними начинаются владѣнія Гудзоновой компаніи, которая, изъ чисто-торговыхъ цѣлей, долго и съ успѣхомъ старалась помѣшать заселенію края. На ней главнымъ образомъ лежитъ отвѣтственность за распространеніе всякихъ сказокъ о *„мерзлыхъ пустыняхъ“* канадскаго Запада. Въ дѣйствительности, область Манитоба, смежная съ областью и озеромъ Онтаріо, отличается замѣчательнымъ плодородіемъ: здѣшняя озимая пшеница считается одной изъ лучшихъ въ мірѣ. Населеніе представляетъ собою смѣсь всевозможныхъ народностей: англичанъ, американцевъ, французо-канадскихъ метисовъ, русскихъ менонитовъ и евреевъ, нѣмцевъ, чеховъ и скандинавовъ. Главный городъ Винипегъ возникъ среди голой пустыни, на мѣстѣ форта Гарри, маленькой крѣпости Гудзоновой компаніи [2]). Мѣстоположеніе города чрезвычайно выгодное, такъ какъ онъ находится на половинѣ пути отъ Атлантическаго къ Тихому океану. Поэтому неудивительно, что въ теченіе четырнадцати лѣтъ (1871—1885) населеніе возросло отъ 241 человѣкъ до 20.000, а теперь, говорятъ, въ немъ насчитывается уже болѣе 30.000 жителей. Винипегъ сдѣлался исходной точкой нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ; въ многочисленныхъ ихъ элеваторахъ накопляются цѣлыя массы пшеницы для вывоза въ Европу. Самый городъ представляетъ собою наглядный образецъ той замѣчательной роскоши въ техническихъ сооруженіяхъ, которая такъ характерна для новыхъ поселеній американскаго материка. Любой столичный городъ Европы могъ бы позавидовать телеграфнымъ, телефоннымъ и другимъ подобнымъ приспособленіямъ сравнительно небольшихъ городовъ.

Манитоба находится за рубежомъ старой Канады, развивавшейся до послѣдняго времени довольно медленно, въ борьбѣ съ

---

[1]) Въ Оттавѣ было уже 32.000 жителей въ 1885 году, а въ Торонто 120.000, и не болѣе 70.000 въ Квебекѣ, торговля котораго находится въ упадкѣ, вслѣдствіе устройства океаническаго порта въ Монтреалѣ.

[2]) Во время моего пребыванія у Верхняго озера, въ тридцатыхъ годахъ, Винипегъ еще не существовалъ.

Digitized by Google

неудобствами плохихъ путей сообщенія и съ старыми предразсудками, противъ колонизаціи американскаго сѣвера. Городъ этотъ уже принадлежитъ къ землямъ, заселеннымъ при исключительно выгодныхъ условіяхъ новѣйшаго времени, а именно, полнѣйшей свободѣ передвиженія и широкомъ развитіи желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь и еще болѣе на западѣ закладка рельсоваго пути сопровождаетъ основаніе первыхъ поселеній и часто даже предшествуетъ имъ. Поэтому все настоящее и будущее западной части Канады связано съ проведеніемъ тихо-океанской желѣзной дороги.

Мысль о соединеніи рельсовымъ путемъ атлантическаго и тихо-океаническаго береговъ британской Сѣверной Америки—не новая и возникла уже въ 1847—48 годахъ нынѣшняго столѣтія [1]); но вопросъ не подвигался впередъ, пока страна представляла собою только группу независимыхъ колоній, отчасти разрозненныхъ владѣніями Гудзоновой компаніи. Въ 1866 году народные представители восточныхъ канадскихъ областей выслали депутацію въ Лондонъ, чтобы ходатайствовать объ упомянутомъ объединеніи. Эта депутація, подъ предсѣдательствомъ нынѣшняго даровитаго перваго министра Канады, сэра Джона Макдональда, такъ успѣшно повела дѣло, что уже въ 1867 году обнародована была королевская прокламація о соединеніи всѣхъ четырехъ областей, расположенныхъ на востокѣ отъ Великихъ озеръ, въ федеративный, самоуправляющійся союзъ, подъ названіемъ „Dominion of Canada“. Одною изъ первыхъ мѣръ новаго правительства былъ выкупъ сѣверо-западныхъ территорій отъ Гудзоновой компаніи (въ 1869 году) за 300.000 фунт. стерл. и принятіе Манитобы въ союзъ. Въ 1871—72 гг. объединеніе британской Сѣверной Америки было завершено вступленіемъ британской Колумбіи и острова принца Эдуарда въ члены союза [2]). Теперь уже ничто не мѣшало осуществленію проекта тихо-океанической дороги. Вопросъ настолько созрѣлъ, что постройка этой линіи была поставлена британской Колумбіей какъ непремѣнное условіе согласія на „федерацію“. Предварительныя изысканія начались въ томъ же году и продолжались до 1880 г.; союзное правительство израсходовало на нихъ до 350.000 долларовъ (около 3.500.000 руб. золотомъ) [3]).

Большимъ облегченіемъ при постройкѣ новой дороги послу-

[1]) Canada, its History, productions, etc., p. 82.

[2]) Тамъ же, стр. 34—35.

[3]) Тамъ же, стр. 143 и 144.

Digitized by Google

жило то обстоятельство, что въ бассейнѣ св. Лаврентія существовала уже хорошо развитая система желѣзныхъ дорогъ, которая выдвинула вѣтвь на западъ, вдоль Верхняго озера и до порта Артура. Отсюда проектировалась казенная линія къ Винипегу, и она уже строилась, когда заключенъ былъ контрактъ съ новой „Компаніей канадской тихо-океанической желѣзной дороги“ (Canadian Pacific Railway C^{0}“). Строительная дѣятельность этого общества началась, слѣдовательно, внутри страны, такъ какъ портъ Артуръ отстоитъ на 993 англ. миль (около 1.490 верстъ) отъ ближайшей стоянки атлантическихъ океаническихъ пароходовъ—Монтреаля, который самъ находится на разстояніи 1.500 верстъ отъ океана. Длина новой линіи достигаетъ 1.480 миль (около 2.220 верстъ, считая отъ Винипега до Ванкувера), а со включеніемъ начатаго казной участка (Винипегъ-портъ Артуръ) занимаетъ 1.910 англ. миль, или 2.865 верстъ [1]).

Казна, по примѣру Соединенныхъ-Штатовъ, обставила концессію большими льготами. Первоначально компаніи выдана была субсидія въ 25 милліоновъ долларовъ (слишкомъ 31 мил. руб. золот.); сверхъ того, компаніи отведено въ вѣчную собственность 25 милліоновъ акровъ земли (около 10 милл. десятинъ), вдоль полотна дороги, между Винипегомъ и Скалистыми горами, съ правомъ закладывать землю по пяти процентовъ; но изъ выпущенныхъ обществомъ облигацій казна оставила за собой на 5 милліоновъ долларовъ, въ видѣ залога. Вмѣстѣ съ тѣмъ, синдикату были даны различныя и весьма обширныя льготы и права относительно постройки боковыхъ линій, телеграфовъ и содержанія пароходовъ на большихъ озерахъ. Всѣ земли, потребныя на сооруженіе желѣзной дороги, были отданы компаніи безплатно, а все ея имущество и строительные матеріалы освобождены отъ всякихъ налоговъ и пошлинъ. Кромѣ того, въ 1884 году, правительство ассигновало, въ видѣ ссуды, еще 225 милліоновъ долларовъ, для окончанія всего рельсоваго пути. Такимъ образомъ, стоимость всей линіи отъ порта Артура до Ванкувера достигла 140 милліоновъ долларовъ [2]) (около 175 мил. руб. зол., т.-е. около 60.000 руб. зол. за версту). Открытіе движенія, по контракту, предполагалось весною 1891 года; въ дѣйствительности же оно состоялось лѣтомъ 1886 года, т.-е. съ неболь-

---

[1]) См. Cumberland, The Quen's Highway from Ocean to Ocean, pp. 137, 188 and 294.

[2]) Ibid. pp. 145, 146.

Digitized by Google

шимъ черезъ пять лѣтъ послѣ начала работъ и пятью годами раньше срока.

Дорога распадается на двѣ части, неравныя по длинѣ и совершенно различныя по характеру мѣстности. Восточная, болѣе длинная часть—отъ порта Артура до окрестностей богатой сѣрными водами станціи Банффъ—пролегаетъ по ровной степи (преріи) и не представляетъ никакихъ особенныхъ препятствій. Но у Банффа дорога вступаетъ въ систему Скалистыхъ горъ и безъ малаго на протяженіи 900 верстъ, до самаго Тихаго океана, извивается среди громадныхъ горныхъ массъ британской Колумбіи [1]). Переходъ отъ равнинъ къ горамъ чрезвычайно рѣзокъ, такъ какъ предгорья мало развиты, вслѣдствіе чего, окрестности Банффа (которыя, по живописности, сравниваютъ съ „National Yellowstone Park“ Соединенныхъ-Штатовъ) отличаются вполнѣ альпійскимъ характеромъ; тамъ есть и прекрасные ледники. По дикости и величію природы эта часть дороги не уступаетъ самымъ знаменитымъ горнымъ видамъ въ мірѣ, и въ этомъ отношеніи особой славой пользуется здѣсь „Kicking Horse Canon“ [2]), исполинская разсѣлина въ самомъ восточномъ изъ кряжей.

Понятно, что въ подобной мѣстности потребовалась масса техническихъ сооруженій, исполненіе которыхъ представляло весьма значительныя затрудненія. Задача эта была разрѣшена блистательнымъ образомъ и во многихъ случаяхъ крайне простыми способами. Такъ, на ряду съ винтообразными тунелями, встрѣчаются деревянные мосты самой простой, но чрезвычайно смѣлой постройки. Одинъ изъ этихъ мостовъ на „Kicking Horse Canon“ имѣетъ 176 футовъ въ вышину и 600 футовъ въ длину; другой — на „Stoni Creek Canon“ имѣетъ 296 футовъ высоты и 450 футовъ длины. Уклоны полотна болѣе пологіе, чѣмъ на другихъ американскихъ дорогахъ, а высшій перевалъ канадской линіи едва достигаетъ 5.000 футовъ надъ моремъ, между тѣмъ какъ на центральной американской желѣзной дорогѣ (Union Pacific Railway) высшая точка пути находится на абсолютной высотѣ слишкомъ 7.000 футовъ. Особыхъ заботъ потребовала организація средствъ для борьбы съ снѣжными заносами, которые,

[1]) Горныя массы британской Колумбіи распадаются на пять хребтовъ, приблизительно параллельныхъ берегу Тихаго океана, а именно: Береговой кряжъ (Coast Range), Золотой (Gold Range), Каскадный (Cascad Range), Селькиркъ (Selkirk Range) и, собственно, Скалистыя горы (Rocky Mountains или Rockies). Высота горъ, по линіи желѣзныхъ дорогъ, превышаетъ нерѣдко 10.000 футовъ.

[2]) Canon, слово, заимствованное изъ испанскаго, произносится *Каньонъ* и означаетъ ущелье.

Digitized by Google

подчасъ, принимаютъ размѣры, неизвѣстные даже въ Россіи. Во многихъ мѣстахъ полотно защищено противъ обваловъ деревянными навѣсами (snow sheds), въ нѣсколько сотъ саженей длины, а расчистка открытыхъ участковъ производится посредствомъ плуговъ громадныхъ размѣровъ. Такой желѣзный плугъ, имѣющій форму корабельнаго тарана, но съ боковыми отвалами, вѣситъ слишкомъ 10.000 пудовъ и не ниже двухъ-этажнаго дома; онъ двигается во главѣ цѣлаго поѣзда изъ 6—12-ти сильныхъ паровозовъ и подъ напоромъ ихъ; скорость хода достигаетъ 30 и даже 40 верстъ въ часъ. Но и это гигантское приспособленіе оказывается иногда безсильнымъ: случается, что и таранъ съ локомотивами бываютъ задержаны заносами.

Впрочемъ, подобныя неудачи рѣдки и, вообще, движеніе, даже въ зимнее время, совершается съ достаточною правильностью. При этомъ поѣзда отличаются образцовымъ комфортомъ; спальные вагоны удобны, освѣщеніе электрическое, въ каждомъ поѣздѣ имѣется хорошій ресторанъ. Средняя скорость движенія весьма значительная: слишкомъ 50 верстъ въ часъ, включая и остановки.

Значеніе этой дороги, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, что она, во-первыхъ, во всю длину пролегаетъ по британской территоріи, а во-вторыхъ, что въ связи съ англійскими океаническими пароходами она составляетъ *кратчайшій путь* между Англіей и ея тихо-океаническими владѣніями, а также Японіей, Китаемъ и Сибирью. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ данныхъ: длина желѣзно-дорожнаго сообщенія черезъ Канаду составляетъ 2.906 англ. „сухопутныхъ“ (statute) миль = 4.359 верстъ; отъ Монтреаля до Ванкувера или отъ Квебека 3.053 мили = 4.580 верстъ, между тѣмъ какъ отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско 3.211 миль = 4.907 верстъ [1]). Правда, зимою канадскіе поѣзда идутъ не на Монтреаль и Квебекъ, а на Галифаксъ, по причинѣ замерзанія озера св. Лаврентія; въ это время разстояніе отъ океана до океана возростаетъ до 3.595 сух. миль = 5.392 верстъ; зато разстояніе отъ Ливерпуля до канадскихъ портовъ гораздо меньше, чѣмъ до американскихъ.

---

[1]) См. Canada its History, Production, etc. pp. 85 — 90. Нѣкоторыя числа взяты изъ карты, приложенной къ книгѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что числовыя данныя въ текстѣ и на картѣ не всегда согласуются между собою. Что касается нижеслѣдующихъ цифръ, то на нихъ ссылаются и другія англійскія сочиненія; поэтому позволительно считать ихъ достаточно достовѣрными.

Digitized by Google

Нью-Іоркъ—Ливерпуль:	3.130	морскихъ	миль	= 5.446 верстъ [1])
Галифаксъ—Ливерпуль:	2.463	„	„	= 4.286 „
Квебекъ—Ливерпуль:	2.661	„	„	= 4.630 „
Монтреаль—Ливерпуль:	2.930	„	„	= 5.098 „

Выигрышъ во времени здѣсь весьма значителенъ, такъ какъ по канадской линіи самое большое сокращеніе приходится на долю движенія пароходовъ, болѣе медленнаго, чѣмъ желѣзнодорожное движеніе. Для примѣра возьмемъ путь изъ Ливерпуля въ Іокогаму—такъ сказать, къ порогу русскихъ тихо-океаническихъ владѣній:

	по Атлант. ок.: Мор. м. Дней. (Верстъ)	Жел. дор.: Stat. mile. Дней. (Верстъ)	Тихому ок.: Мор. м. Дней (Верстъ)	Всего. Мор. м. Дней. (Верстъ)
черезъ Нью-Іоркъ и С.-Франциско	3.130 8 д. 16 ч. (5.446)	3.271 5 д. 17 ч. (4.907)	4.470 12 д. 10 ч. (7.778)	10.420 26 д. 19 ч. (18.131)
черезъ Квебекъ и Ванкуверъ	2.661 7 д. 9 ч. (4.630)	3.053 3 д. 15 ч. (4.580)	4.232 11 д. 18 ч. (7.364)	9.525 22 д. 18 ч. (16.574)
Въ пользу Канады	469 1 д. 7 ч. (816)	218 2 д. 2 ч. (327)	238 — 16 ч. (414)	895 4 д. 1 ч. (1.557)

Въ ближайшемъ будущемъ разница въ пользу Канады увеличится еще больше, такъ какъ предполагаютъ учредить на Тихомъ океанѣ новыя пароходныя сообщенія съ Японіей, Китаемъ и Австраліей, причемъ скорость хода должна достигнуть 16 — 17 узловъ въ часъ, тогда какъ въ вышеприведенной таблицѣ скорость принята въ 15 узловъ.

Но и помимо вышеуказанныхъ преимуществъ канадская тихоокеаническая дорога представляетъ значеніе и въ томъ отношеніи, что конечныя станціи—Галифаксъ и Ванкуверъ—имѣютъ прекрасныя гавани, чрезвычайно удобныя для защиты и расположенныя недалеко отъ громадныхъ залежей первокласснаго каменнаго угля. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ устраняется главная причина дороговизны топлива, которая часто, какъ напримѣръ въ Индійскомъ океанѣ, не позволяетъ пароходамъ увеличивать ходъ въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и въ Атлантическомъ. Извѣстно, что съ увеличеніемъ хода трата угля возростаетъ гораздо быстрѣе, нежели самый ходъ, а при дешевомъ углѣ упомянутое увеличеніе скорости дѣлается вполнѣ достижимымъ. Осуществленіе на-

[1]) Морская англійская миля = 1,74 версты; сухопутная миля (statute mile) = 1,5 версты.

Digitized by Google

званнаго пароходнаго предпріятія имѣетъ еще особый интересъ для всѣхъ тихо-океаническихъ державъ, такъ какъ въ уставѣ новаго общества (предложенномъ еще въ прошломъ году на утвержденіе британскому правительству), предусмотрѣны съ особой заботливостью случаи употребленія новыхъ пароходовъ для крейсерской и транспортной службы.

Такимъ образомъ, мало-по-малу подготовляется вспомогательная морская сила, которая можетъ въ значительной степени облегчить дѣйствія боевой эскадры, имѣющей свой постоянный базисъ въ Эскимольтѣ—недалеко отъ Ванкувера. Понятно, что англійское правительство обратило вниманіе на провозную способность новой дороги съ точки зрѣнія потребностей военнаго времени. Но пока средства для передвиженія войскъ довольно ограничены: подвижной составъ дороги достаточенъ для одновременной перевозки изъ Галифакса въ Ванкуверъ пяти тысячъ человѣкъ пѣхоты, на что потребуется около шести сутокъ; для небольшого отряда полевой артиллеріи и кавалеріи потребуется до восьми сутокъ; а къ перевозкѣ орудій, вѣсомъ болѣе чѣмъ 30 тоннъ, дорога можетъ быть приспособлена въ двѣ недѣли [1]).

Мы указали выше на значеніе новаго рельсоваго пути для заселенія края. Со времени дарованія концессіи по 1889 г. поступило въ обработку около 100 милліоновъ акровъ (около 40 мил. десятинъ). Эта цифра еще болѣе увеличится по мѣрѣ постройки боковыхъ линій, которыя проектируются, преимущественно, въ сѣверо-западномъ направленіи, начиная отъ Манитобы, чѣмъ открывается доступъ къ удобнымъ для земледѣлія частямъ территоріи [2]). Но всего болѣе выиграло отъ проведенія дороги западное поморье Канады, британская Колумбія, которой несомнѣнно предстоятъ въ будущемъ весьма важная торговля и политическая роль.

Эта область, названная сначала Новой-Георгіею и Новой-Каледоніей, обнимаетъ всю систему Скалистыхъ горъ, между 49 и 60 градусами сѣверной широты, отъ прерій до Тихаго океана, надъ поверхностью котораго возвышается цѣлый архипелагъ острововъ (Ванкуверъ и группа королевы Шарлотты), въ видѣ обрывковъ затопленной горной цѣпи, параллельной Каскадному хребту. Эта горная цѣпь граничитъ на югѣ и сѣверо-востокѣ съ американскимъ штатомъ Вашингтономъ и территоріей Аляски, а на сѣверѣ, западѣ и юго-западѣ—съ канадскими территоріями, кото-

[1]) *Dilke*, Problems of Greater Britain, t. I, p. 145.

[2]) Существуетъ даже проектъ соединить городъ Виннипегъ съ Гудзоновымъ заливомъ.

Digitized by Google

рыя составляли прежнія владѣнія Гудзоновой компаніи. Величина всей площади британской Колумбіи доходитъ до 35.000 кв. англ. миль (около 787.000 кв. верстъ), между тѣмъ какъ ея населеніе по послѣдней переписи 1886 года, не превышало 80.000 душъ, въ томъ числѣ 25.000 китайцевъ [1]). Поверхность британской Колумбіи лѣсистая и многоводная; изъ многочисленныхъ, протекающихъ здѣсь рѣкъ самыя значительныя: Фрезеръ и Колумбія; первая впадаетъ въ Тихій океанъ, недалеко отъ города Ванкувера, вторая—въ среднемъ теченіи переходитъ черезъ границу Соединенныхъ-Штатовъ. Фрезеръ судоходенъ только на короткомъ разстояніи, между устьемъ и выходомъ изъ „Берегового хребта“ (Coast Range).

Вообще край мало доступенъ, въ сравненіи съ Калифорніей и отчасти съ Вашингтономъ и Орегономъ, а это и способствовало тому, что эмигранты такъ рѣдко заходили сюда. Съ другой стороны, здѣсь не найдено тѣхъ массъ дорогихъ металловъ, которыя сразу доставили западнымъ штатамъ Американскаго союза такую всемірную славу. Правда, Колумбія также имѣла свою „золотую горячку“ (почти въ одно время съ Калифорніей), по поводу открытія золотыхъ розсыпей въ мѣстности Карибу, въ Селькирскомъ кряжѣ; но она продолжалась не долго, такъ какъ добыча не оправдала надеждъ сбѣжавшейся ватаги искателей приключеній. Добываніе дорогихъ металловъ, ни тогда, ни послѣ, не имѣло рѣшающаго вліянія на развитіе края, хотя новѣйшіе розыски канадскихъ геологовъ доказали, что нѣтъ недостатка въ золотоносныхъ, серебряныхъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ мѣсторожденіяхъ. Въ то же время британская Колумбія чрезвычайно богата каменнымъ углемъ, изобиліе и доброкачественность котораго уже теперь даютъ мѣстному судоходству значительныя выгоды и обѣщаютъ еще бо́льшія въ будущемъ. Вывозъ въ Калифорнію, Сандвичевы острова и даже въ Азію ростетъ съ каждымъ годомъ; центръ его добычи въ окрестностяхъ городка Нанаимо, на островѣ Ванкуверѣ. Площадь каменноугольныхъ залежей, по имѣющимся свѣденіямъ, доходитъ до 900 кв. англ. миль (около 2.000 кв. верстъ), на островѣ Ванкуверѣ и 800 кв. англ. миль (1.800 кв. верстъ) на островахъ Королевы Шарлотты; кромѣ того на материкѣ расположены еще громадныя залежи магнита [2]).

Вообще британская Колумбія слишкомъ гориста, почвенныя, а равно и климатическія условія слишкомъ быстро мѣняются,

---

[1]) См. Proceedings of the Royal Colonian Institute, 1887, t. XVIII, p. 200.

[2]) См. Canada, its History, Productions, etc., p. 140.

Digitized by Google

чтобы здѣсь могли развиться крупныя сельскія хозяйства; но среднее и мелкое землевладѣніе процвѣтаетъ въ нѣкоторыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ, какъ напр. по долинамъ рѣкъ: Фрезера, Колумбіи, Кутенея и др. Безъ сомнѣнія, эти долины не могутъ сравниться по климату и полутропической растительности съ благодатными мѣстностями Южной Калифорніи, съ прекрасными долинами: Лосъ Анхелесъ, Санта Барбара, Риверсайдъ и др. [1]) Но, съ другой стороны, канадскій дальній западъ не имѣетъ такихъ безводныхъ пустырей, требующихъ обширныхъ и дорого стоющихъ работъ для своего орошенія, какъ многія западныя мѣстности Соединенныхъ-Штатовъ [2]). Главный тормазъ къ дальнѣйшему развитію Колумбіи—малочисленность европейской эмиграціи и отсутствіе капиталовъ, вслѣдствіе чего и цѣна земли не превосходитъ пока двухъ долларовъ за акръ (около 6,25 руб. золот. за десятину; одинъ акръ = 0,4 десятины). Скотоводство находится здѣсь въ совершенномъ младенчествѣ, но имѣетъ всѣ шансы для развитія, такъ какъ южная полоса, между 49 и 50 градусами широты, вполнѣ для него пригодна. Хозяйство „рангеровъ“ (ranheros), господствующее въ „преріяхъ“, уже не встрѣчается въ Колумбіи.

Климатъ Колумбіи вообще разнообразный, довольно суровый внутри страны, а на самомъ побережьѣ и на Ванкуверскомъ архипелагѣ сравнительно мягкій, но дождливый и туманный. Здѣсь безпрепятственно господствуетъ вліяніе теплаго экваторіальнаго морского теченія Куро-Шіо или Куросиво (Kuro-Shio or Kurosiwo). При этомъ Куро-Шіо, отстраняемый холоднымъ полярнымъ теченіемъ отъ береговъ Уссурійскаго края и Кореи [3]), уклоняется все болѣе къ востоку, описывая широкую дугу по Берингову морю, и течетъ затѣмъ непосредственно на югъ, вдоль береговъ британской Колумбіи. Присутствіе теплаго морского теченія даетъ себя чувствовать уже въ томъ, что берега Колумбіи остаются круглый годъ совершенно свободными отъ льда, между тѣмъ какъ замерзаніе моря у азіатскаго материка наблюдается гораздо южнѣе, до порта Лазарева, въ Кореѣ [4]). Излишне распростра-

[1]) *Kirchhoff*, Californische Kulturbilder, pp. 134—209; и *Nordhoff*, California, etc.

[2]) *Powel*, The irrigable lands of the Arid Region. — The non irrigable lands etc.— Institutions for the Arid Region. Эти три статьи напеч. въ „Century“, за мартъ, апрѣль и май 1890 года.

[3]) *Schrenck*, Memoires de l'Académie Impériale de St.-Pétersbourg, série VII, t. XXI. Также Boguslawski & Krümmel: „Oceanographie“, t. II, p. 442.

[4]) Однородное явленіе наблюдается въ Атлантическомъ океанѣ, гдѣ западное (американское) побережье также лишено вліянія теплаго морского теченія (гольфстрома) и омывается холодными водами изъ Ледовитаго океана.

Digitized by Google

няться относительно огромныхъ выгодъ, вытекающихъ для британской Колумбіи изъ подобныхъ климатическихъ условій.

Береговая линія этого края весьма замѣчательна по своимъ извилистымъ очертаніямъ; цѣлый архипелагъ острововъ окаймляетъ материкъ до Ситхи, какъ бы воспроизводя Японскій архипелагъ, въ уменьшенномъ масштабѣ. Самый обширный изъ этихъ острововъ—Ванкуверъ; онъ былъ уже открытъ въ 1592 году; но вскорѣ его совершенно потеряли изъ виду, и только въ 1792 г. англійскій капитанъ Ванкуверъ, посѣтивъ островъ, какъ бы вновь открылъ его. Испанцы, занявшіе-было этотъ островъ, въ силу своихъ притязаній на обладаніе всѣмъ западнымъ берегомъ Америки, должны были уступить его Англіи. Съ тѣхъ поръ, до 1866 года, онъ составлялъ отдѣльную небольшую колонію, затѣмъ примкнулъ къ остальной британской Колумбіи и, наконецъ, вмѣстѣ съ нею вошелъ въ составъ канадской конфедераціи. Островъ Ванкуверъ, также какъ и лежащая къ сѣверу отъ него группа острововъ Королевы Шарлотты, гористъ, изобилуетъ лѣсами и имѣетъ необычайное число гаваней, а длинный проливъ Георгія (Georgia Sound), отдѣляющій Ванкуверъ отъ материка, образуетъ на цѣлыя сотни верстъ удобный путь для прибрежнаго судоходства, совершенно защищенный отъ океаническаго волненія. Сѣверный входъ въ этотъ проливъ (Charlotte Sound) ведетъ прямо въ океанъ, южный—сообщается съ нимъ посредствомъ другого, болѣе широкаго, пролива, Хуано де-Фука (Juan de Fuca Strait), южный берегъ котораго принадлежитъ Соединеннымъ-Штатамъ.

На берегахъ этой водной системы сосредоточивается, въ настоящее время, вся жизнь британской Колумбіи, значительная часть населенія и всѣ техническія приспособленія, необходимыя для современной торговли, насколько она успѣла возникнуть въ этой новѣйшей изъ англійскихъ колоній. До открытія тихо-океанической желѣзной дороги, островъ Ванкуверъ былъ главнымъ центромъ населенія и торговли. Наиболѣе значительный городъ острова, Викторія, развился чрезвычайно быстро; въ немъ насчитываютъ нынѣ слишкомъ 12.000 жителей, въ томъ числѣ около 3.000 китайцевъ. Къ тому же отличный портъ и выгодное географическое положеніе, у выхода изъ пролива Хуанъ-де-Фука въ океанъ, привлекаютъ сюда массу судовъ, и городъ, благодаря цвѣтущей торговлѣ, обстроился съ соотвѣтствующей роскошью. Открытіе угольныхъ копей близъ Нанаимо и соединеніе ихъ съ Викторіей, посредствомъ желѣзной дороги, еще болѣе оживляютъ островъ. Но уже теперь замѣтно, что главнымъ центромъ колонизаціи будетъ долина рѣки Фрезера, по которой проходитъ но-

Digitized by Google

вый рельсовый путь. Этому будетъ способствовать и то обстоятельство, что здѣсь также имѣется рядъ отличныхъ бухтъ, изъ которыхъ иныя ничѣмъ не уступаютъ порту Викторіи, относительно удобства, но по своему положенію внутри страны гораздо болѣе безопасны въ военномъ отношеніи. Такова въ особенности бухта Буррардъ (Burrard Inlet), у которой, въ какіе-нибудь три года, возникъ—вокругъ конечной станціи канадской желѣзной дороги—городъ Ванкуверъ съ 13.000 жителей.

Однако, несмотря на эти преимущества, англійское правительство обставляетъ свою морскую станцію въ бухтѣ Эскимольтъ (въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ Викторіи); оно устроило тамъ арсеналъ и каменный обширный докъ, разсчитанный на помѣщеніе судовъ 1-го ранга, а также ассигновало значительную сумму денегъ на постройку береговыхъ батарей. Вѣроятно, при этомъ англійскими властями руководило то соображеніе, что Эскимольтъ, по своей близости къ открытому морю, болѣе удобенъ, какъ базисъ наступательныхъ операцій, и, въ то же время, не такъ легко будетъ блокированъ, хотя, съ другой стороны, рейдъ его болѣе открытъ, чѣмъ Буррардъ, имѣющій узкій входъ и окруженный со всѣхъ сторонъ горами. Сверхъ того, Эскимольтъ господствуетъ надъ входомъ въ громадный фіордъ Пюджетъ-Соундъ, который врѣзывается въ глубь американскаго штата Вашингтона, на протяженіи 100 англ. миль (150 верстъ), и отличается роскошными лѣсистыми берегами, а за ними виднѣются вдали снѣжныя вершины Каскаднаго хребта. Этотъ колоссальный фіордъ развѣтвляется на множество рукавовъ, очень глубокихъ и удобныхъ для якорныхъ стояновъ [1]).

Послѣ долгихъ пререканій, американцамъ удалось отнять этотъ заливъ у своихъ англійскихъ сосѣдей. Сначала они мало занимались своимъ пріобрѣтеніемъ; но, по слухамъ, въ настоящее время правительство Соединенныхъ-Штатовъ собирается основать военный портъ въ самомъ центрѣ Пюджетъ-Соунда, близъ мѣстности Орчардъ. Если еще прибавить къ этому предполагаемое, въ недалекомъ будущемъ, значительное увеличеніе американскаго флота, то становится очевиднымъ, что англичанамъ, при устройствѣ ихъ морского базиса на сѣверѣ Тихаго океана, приходится прежде всего обращать вниманіе на неожиданно появившагося подъ бокомъ сильнаго соперника, миролюбіе котораго можетъ оказаться недолговѣчнымъ.

Правда, въ настоящее время не имѣется серьезныхъ пово-

[1]) См. Hittel's Hand Book for Pacific Coast Travel, p. 192.

Digitized by Google

довъ къ столкновенію, а равно таковыя не предвидятся въ ближайшемъ будущемъ; но нельзя отрицать, что вѣковая непріязнь между англійскимъ и американскимъ народами существуетъ до сихъ поръ, несмотря на тѣсныя отношенія, которыя установились между ними въ послѣднюю четверть столѣтія. Это замѣтно по крайнему возбужденію, которое проявляется даже при такихъ второстепенныхъ поводахъ къ разногласію, какъ споръ о морскихъ промыслахъ на берегахъ Нью-Фоундлэнда и въ Беринговомъ морѣ. Слѣдуетъ еще принять во вниманіе вліяніе извѣстной доктрины „Монрое“ на общественное мнѣніе въ Америкѣ, а также и на то, что Канада представляетъ собой послѣдній остатокъ британскаго владычества на материкѣ, изъ-за котораго американцы потерпѣли рядъ крупныхъ пораженій во время войны за независимость и кампаніи 1812 года. Все это даетъ поводъ думать, что миръ, въ дѣйствительности, не такъ проченъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Кромѣ того, одна уже беззащитность края можетъ служить поощреніемъ для завоевательныхъ стремленій сосѣда. Во всей громадной пограничной полосѣ не имѣется никакихъ регулярныхъ войскъ, ни укрѣпленій, за исключеніемъ Галифакса и Эскимольта, а изъ этихъ двухъ крѣпостей вторая еще только начата, и работы, повидимому, идутъ медленно [1]).

Дѣйствительно, западная часть границы можетъ считаться непроходимой, вслѣдствіе горнаго характера мѣстности; но на всемъ остальномъ ея протяженіи Канада открыта для непріятеля. Военныя силы ея состоятъ всего изъ 30 или 40.000 человѣкъ милиціи, не имѣющей серьезной организаціи и подготовки. Очевидно, что при этихъ условіяхъ столкновеніе Англіи съ Америкой неминуемо кончится для первой изъ нихъ потерей Канады. Милиціонныя войска Соединенныхъ Штатовъ безъ всякаго затрудненія, одною своею массою раздавятъ канадцевъ, а присылка регулярнаго войска—если даже океанъ останется вполнѣ въ рукахъ британскаго правительства—едва ли повліяетъ на исходъ кампаніи, въ виду медленности перевозки и малочисленности англійской арміи. Отсрочить это событіе, хотя бы на время, можно только посредствомъ усиленія мѣстной военной организаціи и увеличенія населенія. Для достиженія обѣихъ этихъ цѣлей тихо-океаническая дорога и устройство портовъ британской Колумбіи имѣютъ первостепенное значеніе. Но при всѣхъ усиліяхъ англичанъ положеніе ихъ въ Канадѣ останется невы-

[1]) По свидѣтельству *Дильке*, которое относится къ 1889 году: Problems of great Britain, t. I, p. 140.

Digitized by Google

годнымъ; этимъ объясняется та робкая снисходительность, съ которой англійское правительство встрѣчаетъ крайне безцеремонныя выходки, на которыя не скупятся ихъ американскіе сосѣди [1]).

Канадская дорога можетъ имѣть еще другое значеніе, какъ базисъ для наступательныхъ дѣйствій въ бассейнѣ Тихаго океана и спеціально противъ русскихъ владѣній. Выгоды этого пути очевидны: Англія будетъ располагать линіей сообщенія, которая менѣе всякой другой можетъ быть подвержена перерыву, вслѣдствіе какихъ бы то ни было военныхъ или политическихъ соображеній (возможность участія Соединенныхъ-Штатовъ въ столкновеніи русско-англійскомъ не принимается здѣсь въ разсчетъ). Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ выводить заключенія, что Канада окажется *лучшимъ* базисомъ для наступленія на Владивостокъ, и что проведеніемъ тихо-океанической дороги Англія радикально измѣнила въ свою пользу шансы на этомъ театрѣ войны. Есть люди, и очень компетентные, которые невысокаго мнѣнія о достоинствахъ канадскаго базиса, и въ числѣ ихъ адмиралъ Сеймуръ (Sir Michael Seymour), командовавшій англійской тихо-океанической эскадрой въ 1886 году [2]). По его мнѣнію, положеніе Эскимольта невыгодно въ томъ отношеніи, что портъ слишкомъ далекъ отъ Владивостока и что плаваніе по Берингову и Охотскому морямъ затрудняется вѣтрами, туманами и теченіями, такъ что англійскій флотъ, помимо потери времени и опасностей, рискуетъ остаться безъ угля, по достиженіи театра войны [3]). Адмиралъ Сеймуръ считаетъ Гонгъ-Конгъ самымъ удобнымъ базисомъ англійскаго флота для операцій противъ Россіи, а Эскимольтъ—только вспомогательной станціей.

Съ другой стороны, опасенія англичанъ, что русскій флотъ сдѣлаетъ нападеніе на Эскимольтъ, едва ли имѣютъ серьезное основаніе, хотя и мотивируются сознаніемъ, что оборона рейда оказывается пока только номинальною: укрѣпленія хотя и по-

---

[1]) Достаточно будетъ указать на случай съ англійскимъ посланникомъ, буквально выгнаннымъ изъ Вашингтона, года два-три тому назадъ; на постоянные захваты англійскихъ рыболовныхъ судовъ въ Беринговомъ морѣ, на далекомъ разстояніи отъ американскаго берега; на многократное внесеніе въ конгрессъ предложеній о присоединеніи къ Соединеннымъ-Штатамъ той или другой пограничной области Канады и т. д.

[2]) Англія располагаетъ въ Тихомъ океанѣ четырьмя эскадрами: собственно тихо-океанической (Эскимольтъ), китайской (Гонгъ-Конгъ), австралійской и эскадрой южнаго Тихаго океана, которыя крейсируютъ вдоль береговъ Южной Америки и не имѣютъ стоянки на англійской территоріи. Кромѣ того, имѣются небольшія мѣстныя силы для обороны Австраліи и въ Гонгъ-Конгѣ.

[3]) См. Cumberland, loc. cit., pp. 123—124.

Digitized by Google

строены, но вотъ уже нѣсколько лѣтъ остаются безъ орудій, а городъ Ванкуверъ и бухта Буррардъ вовсе не защищены [1]). Но во всякомъ случаѣ относительная близость сильнаго англійскаго флота въ предѣлахъ сѣвернаго Тихаго океана должна считаться угрозою для нашего возникающаго владычества на окраинахъ Восточной Азіи, въ особенности если Китай возьметъ на себя роль, которую разыграла Франція подъ Севастополемъ. Будемъ надѣяться, что до этого времени прочное заселеніе приамурскаго края и постройка желѣзной дороги отъ Урала до Владивостока окажутся совершившимися фактами; тогда немыслимо будетъ повтореніе въ Сибири событій 1854—55 годовъ.

Изъ предъидущаго видно, что англійское могущество на Тихомъ океанѣ имѣетъ свои слабыя стороны. Коренную причину этого слѣдуетъ искать въ той крайней разбросанности британскихъ владѣній, которая при извѣстныхъ особенностяхъ англійскаго народнаго характера породила извѣстную децентрализацію въ государственномъ строѣ Англіи. Система предоставлять отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ колоніямъ право устроивать свой бытъ по собственному усмотрѣнію имѣла, какъ извѣстно, совершенно небывалый успѣхъ въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ; но, съ другой стороны, связь съ метрополіей, въ настоящее время, оказывается уже почти номинальной и въ нѣкоторыхъ случаяхъ—чѣмъ-то въ родѣ зависимости Болгаріи отъ Турціи. Неудивительно, что колонисты мало-по-малу становятся равнодушными къ метрополіи и иногда даже прямо претендуютъ на право отдѣлиться отъ нея, если этого потребуютъ мѣстные интересы. Подтвержденіемъ этого можетъ служить слѣдующая выдержка изъ „Sydney Telegraph'a", большой газеты, издаваемой въ столицѣ старѣйшей изъ австрійскихъ колоній, Новомъ-Южномъ-Уэльсѣ. Названная газета, обсуждая возможность столкновенія между Россіей и Англіей, замѣчаетъ, что „Австралія, отдѣлившись отъ Англіи, не имѣла бы никакого повода въ ссорѣ съ Россіей, а при существующихъ отношеніяхъ этой имперіи къ Китаю она могла бы оказаться нашимъ лучшимъ другомъ, точно также какъ она была надежнымъ другомъ для нашихъ американскихъ родичей, въ теченіе болѣе чѣмъ полустолѣтія"... Этотъ сепаратическій тонъ—вовсе не рѣдкость въ австралійской печати вообще и въ особенности въ Квинслэндѣ; но въ Канадѣ (въ Новой-Шотландіи) онъ проявляется, до сихъ поръ, только въ рѣдкихъ случаяхъ, что̀ и понятно. Канада, въ экономическомъ

[1]) См. *Dilke*, Problems, loc. cit., t. I, p. 140; t. II, p. 534.

Digitized by Google

отношеніи, гораздо тѣснѣе связана съ Англіей, чѣмъ Австралія, и, кромѣ того, находится въ постоянной опасности быть поглощенной своимъ американскимъ сосѣдомъ, между тѣмъ какъ Австралія имѣетъ всѣ шансы жить независимой жизнью.

Это сепаратическое движеніе и опасеніе его дальнѣйшаго развитія породили другое движеніе въ обратномъ направленіи, а именно агитацію въ пользу „имперской федераціи", т.-е. участія колоній въ парламентѣ, государственной оборонѣ и таможенной политикѣ [1]). Нельзя сказать, чтобы вообще это движеніе имѣло до сихъ поръ успѣхъ въ Англіи или колоніяхъ. Въ Канадѣ находятъ, что образованіемъ „Dominion" сдѣлано въ пользу усиленія англійскаго могущества въ Сѣверной-Америкѣ все совмѣстимое съ интересами самой Канады, и что въ этомъ отношеніи достаточно заботиться о дальнѣйшемъ преуспѣяніи страны, о расширеніи желѣзно-дорожной сѣти и, въ особенности, объ устройствѣ на тихо-океаническомъ побережьѣ прочнаго военно-морского базиса.

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ борьба между сепаратизмомъ и федерализмомъ составляетъ весьма выдающуюся черту въ современной внутренней жизни британскаго государства, и предстоящее развитіе этой борьбы, по ея возможнымъ послѣдствіямъ, заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, для которыхъ важна точная оцѣнка англійскихъ силъ.

Платонъ Чихачевъ.

Каннъ (Alpes Maritimes).

[1]) Обложеніе привозныхъ товаровъ производится колоніальными правительствами вполнѣ самостоятельно. Всѣ они болѣе или менѣе отъявленные протекціонисты и относятся къ метрополіи какъ къ иностранной державѣ.

Digitized by Google

ПЕРВЫЕ ШАГИ

ПОВѢСТЬ *).

Глава VIII [1]).

I.

И высокій сѣдой швейцаръ Земледѣльческаго банка, молчаливо, съ серьезнымъ достоинствомъ снявшій съ Стрепетова пальто, и пріемная зала, большая, нѣсколько мрачная отъ тяжелыхъ зеленыхъ гардинъ на большихъ окнахъ, съ громаднымъ круглымъ столомъ по

*) Хотя мы и увѣрены въ томъ, что литературный хроникеръ въ „Journal de St.-Pétersbourg“ (6-го января 1891 г.) и самъ, при случаѣ, исправитъ допущенную имъ неточность при отзывѣ о первыхъ семи главахъ повѣсти К. М. Станюковича въ январьской книгѣ журнала (стр. 86—122), но и мы, съ своей стороны, долгомъ считаемъ дать объясненіе. По отзыву французской газеты, *эти семь главъ* составляютъ, будто бы, перепечатку изъ „Сѣвернаго Вѣстника“ 1889 года. Дѣйствительно, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (май 1889 г.) была напечатана *одна* седьмая глава (менѣе 1 печатнаго листа), по поводу которой тогда и самъ хроникеръ упомянутой газеты отозвался такъ: „Le Messager du Nord“ a donné dans sa livraison de mai *une petite esquisse* de moeurs de M. Stanukovitch intitulée: „Un homme sincère“, que nous avons lue avec non moins d'intérêt que etc.“ Этотъ „маленькій эскизъ“ и въ тѣхъ семи главахъ, которыя вышли въ январьской книгѣ, не занимаетъ и одной трети мѣста, а въ совокупности повѣсти, состоящей изъ 28 главъ, является такою ничтожною величиной, исторію которой можно было бы упомянуть развѣ на тотъ случай, что кому-нибудь измѣнитъ его память, и онъ приметъ всѣ явившіяся семь главъ за простую перепечатку. Хроникеръ, по нашему мнѣнію, также неправъ, утверждая, что перепечатка небольшого эскиза въ большой повѣсти есть небывалое явленіе въ журналистикѣ: онъ, вѣроятно, помнитъ, какъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, покойный Тургеневъ, дописавъ конецъ одного изъ своихъ эскизовъ въ „Запискахъ Охотника“, а именно „Конецъ Чертопханова“, перепечаталъ потомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ вмѣстѣ съ тѣмъ и начало этого очерка,—для удобства читателя, которому иначе пришлось бы отыскивать это начало въ другомъ изданіи. Если въ главѣ VII редакція, предупрежденная авторомъ, не сдѣлала въ выноскѣ примѣчанія, то единственно по вышеизложенной причинѣ.—*Ред.*

[1]) См. выше: янв., 86 стр.

Digitized by Google

срединѣ, готическими высокими креслами и небольшими диванчиками по стѣнамъ, и, наконецъ, молодой человѣкъ, встрѣтившій Стрепетова въ пріемной,—словомъ, все здѣсь произвело на нашего провинціала впечатлѣніе чего-то строгаго, внушительнаго и солиднаго.

И Стрепетовъ нѣсколько оробѣлъ, очутившись въ этомъ святилищѣ земледѣльческаго кредита, и не сразу заговорилъ, когда молодой человѣкъ для справокъ и для пріема посѣтителей, элегантный и представительный, въ безукоризненномъ черномъ сюртукѣ, предупредительно пошелъ къ нему на встрѣчу съ вопросительно любезнымъ выраженіемъ на своей самодовольной, прилизанной физіономіи.

— Что вамъ угодно? — спросилъ, наконецъ, онъ серьезнымъ и въ то же время такимъ мягкимъ, тихимъ голосомъ, словно боялся нарушить строгую тишину, царившую въ этой большой залѣ.—Желаете подать заявленіе о залогѣ имѣнія?—продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и большею сухостью въ тонѣ послѣ бѣглаго осмотра Стрепетова.

— Нѣтъ, нѣтъ!—торопливо отвѣтилъ Стрепетовъ, невольно стараясь говорить такъ же тихо, какъ и этотъ элегантный молодой человѣкъ, и улыбаясь при мысли, что ему предлагаютъ закладывать имѣніе.—Мнѣ нужно видѣть г. Гринбека... Можно?..

Съ лица молодого человѣка для справокъ быстро слетѣла вопросительно-пріятная улыбка. Словно досадуя на себя, что онъ не сразу угадалъ просителя, банковскій молодой человѣкъ принялъ сосредоточенно-строгій видъ и, внезапно почувствовавъ необходимость освидѣтельствовать свои изящно отточенные ногти, опустилъ на нихъ глаза и замѣтилъ, нѣсколько растягивая слова:

— Вамъ придется подождать. Господинъ управляющій въ настоящее время занятъ. Потрудитесь дать вашу карточку.

— Карточку?..—переспросилъ Стрепетовъ.

Молодой человѣкъ для справокъ поднялъ на Стрепетова удивленный взглядъ и отчеканилъ еще внушительнѣе:

— Такъ точно-съ. Вашу визитную карточку!

— Я... я, видите ли, забылъ взять съ собой карточки!—отвѣчалъ Стрепетовъ, невольно краснѣя отъ сорвавшейся съ языка лжи и досадуя, что забылъ обзавестись такимъ необходимымъ въ столицѣ предметомъ.—Можно, я думаю, доложить такъ... безъ карточки? —не безъ иронiи продолжалъ онъ, чувствуя желаніе какъ-нибудь уязвить молодого человѣка:—кандидатъ университета Стрепетовъ.

Молодой человѣкъ для справокъ не даромъ старался подражать манерамъ тѣхъ элегантныхъ заемщиковъ, о которыхъ ему приходилось докладывать уже въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ отвѣтъ на замѣчаніе Стрепетова онъ только деликатно пожалъ плечами,

Digitized by Google

точно удивляясь, что есть на свѣтѣ люди безъ визитныхъ карточекъ, записалъ на клочкѣ бумаги фамилію Стрепетова и проговорилъ все тѣмъ же тихимъ голосомъ:

— Не угодно ли будетъ вамъ присѣсть. Я доложу, когда господинъ управляющій будетъ свободенъ.

— А онъ скоро будетъ свободенъ?

— Этого я предвидѣть не могу!—съ снисходительной усмѣшкой процѣдилъ молодой человѣкъ для справокъ.

И, повидимому, необыкновенно довольный своимъ умѣньемъ говорить съ посѣтителями, онъ отошелъ отъ Стрепетова, граціозно переваливаясь со стороны на сторону (такъ переваливался одинъ владѣлецъ заложенныхъ 20.000 десятинъ), и снова усѣлся въ свое кресло, рядомъ съ большими дверями, закрытыми портьерой, за которыми былъ самый алтарь этого громаднаго храма—комната засѣданій правленія и въ то же время кабинетъ управляющаго банкомъ, Эрнеста Богдановича Гринбека.

Оглядѣвъ еще разъ свои руки и смахнувъ мизинцемъ пушинку съ своего безукоризненнаго редингота, за который пришлось отдать Тедески чуть ли не все мѣсячное жалованье, молодой человѣкъ для справокъ сталъ читать „Journal de St.-Pétersbourg", отрываясь отъ газеты каждый разъ, какъ только кто-нибудь изъ посѣтителей входилъ въ пріемную.

Присѣвъ на боковой диванчикъ, Стрепетовъ съ покорнымъ терпѣніемъ ждалъ, когда, наконецъ, управляющій перестанетъ быть очень занятъ. Все, повидимому, говорило, что эта вожделѣнная минута наступитъ не скоро. Въ залѣ по прежнему царила строгая тишина. Только по временамъ доносились откуда-то тихіе звонки электрическихъ аппаратовъ, и вслѣдъ за тѣмъ черезъ пріемную проходили въ кабинетъ разные служащіе съ кипами бумагъ, съ бухгалтерскими книгами и съ тѣмъ же отпечаткомъ серьезности и солидности на лицахъ и на костюмахъ, который, казалось, былъ здѣсь на всѣхъ и на всемъ, и какъ бы подтверждалъ репутацію этого учрежденія, образцоваго, какъ гласила молва, по порядкамъ, веденію дѣла и дисциплинѣ.

Въ кабинетъ управляющаго входили разныя лица, изъ него выходили разныя лица, а Стрепетовъ все сидѣлъ и ждалъ. И чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ удрученнѣе становилось его расположеніе духа.

Куда дѣвалась та бодрая, молодая вѣра, съ какой онъ еще сегодня утромъ пріѣхалъ въ Петербургъ? Онъ ужъ теперь не такъ надѣялся на свои рекомендательныя письма и не торопился доставать изъ бокового кармана письмо къ Эрнесту Богдановичу

Digitized by Google

Гринбеку. Откровенныя признанія Чиркова произвели на простодушнаго провинціала сильное и безотрадное впечатлѣніе.

Совсѣмъ не знавшій еще изнанки жизни и людей, слишкомъ оберегаемый заботливой матерью отъ раннихъ разочарованій, Стрепетовъ, привыкшій вѣрить словамъ, невольно преувеличивалъ значеніе словъ страннаго бюрократа, и, раздумывая теперь объ этомъ свиданіи, припоминая все то, что̀ слышалъ сегодня, онъ не разъ спрашивалъ себя: — „Неужели все, что̀ говорилъ Чирковъ, правда?“

Не было, казалось, причины не вѣрить ему. Многое, о чемъ приходилось читать, о чемъ доводилось слышать и чему не хотѣлось вѣрить, находило теперь какъ бы подтвержденіе въ этихъ, возмущающихъ молодое сердце, признаніяхъ Чиркова.

И тяжелыя сомнѣнія, невеселые вопросы — невольно напрашивались сами собой въ его голову, требуя отвѣта, а перспектива, о которой Чирковъ говорилъ съ такою ядовитой горечью, казалась ему теперь, послѣ размышленій, еще страшнѣе и отвратительнѣе.

„Избави Богъ отъ нея!“ — открещивался Стрепетовъ при одной мысли, что и онъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ такъ же лицемѣрно жить, какъ и этотъ чиновный скептикъ, и, вѣроятно, множество людей.

А время между тѣмъ шло, пока молодой человѣкъ предавался невеселымъ размышленіямъ въ большой пріемной Земледѣльческаго банка. Онъ взглянулъ на часы. Прошелъ уже цѣлый часъ, какъ онъ ждетъ, а о немъ точно забыли.

„Однако, когда жъ этотъ франтъ доложитъ своему управляющему?“ — спохватился Стрепетовъ, посматривая не особенно дружелюбно на молодого человѣка для справокъ.

И онъ рѣшительно поднялся съ дивана.

Банковскій чиновникъ отлично видѣлъ приближеніе Стрепетова, но не тронулся съ мѣста и, казалось, еще внимательнѣе сталъ читать газету,

— Извините, пожалуйста, что я отвлекаю васъ отъ чтенія, — началъ Стрепетовъ, стараясь по возможности говорить спокойнѣе, несмотря на охватившее его волненіе, когда это серьезное, самодовольно-глупое лицо уставилось на него изъ-за газетнаго листа. — Что г. управляющій все еще очень занятъ?

— Господинъ управляющій теперь принимаетъ доклады начальниковъ отдѣленій! — съ важностью произнесъ тотъ.

— Но въ настоящую минуту у него, кажется, никого нѣтъ? — слегка возвысилъ голосъ Стрепетовъ.

— Но къ чему же вы изволите такъ волноваться? — проговорилъ молодой человѣкъ для справокъ, еще тише, бросая испу-

Digitized by Google

ганный взглядъ на двери.—Я доложу о васъ, какъ только будетъ возможно.

— А когда будетъ возможно?—рѣзко спросилъ Стрепетовъ.

Шокированный этимъ непривычнымъ здѣсь рѣзкимъ тономъ безпокойнаго просителя, элегантный молодой человѣкъ для справокъ, видимо, струсилъ, боясь, какъ бы не произошло какого-нибудь крупнаго разговора, который нарушитъ благоговѣйную тишину этого строгаго святилища. Онъ тотчасъ же вскочилъ съ кресла и, бросая глупо-испуганные взгляды на двери, сразу измѣнилъ манеру, заговоривъ въ самомъ успокоительномъ тонѣ.

Онъ сейчасъ же убѣдится, занятъ ли господинъ управляющій. Если онъ не очень занятъ, то онъ доложитъ, коль скоро господину Стрепетову ужъ такъ необходимо видѣть г. управляющаго, что онъ не можетъ подождать лишнихъ четверти часа.

— Позвольте узнать, по какому дѣлу вамъ угодно видѣть управляющаго?—заключилъ свои объясненія струсившій молодой человѣкъ для справокъ.

— Я пришелъ просить мѣста!—храбро проговорилъ Стрепетовъ.

— Мѣста? Здѣсь?

И молодой человѣкъ посмотрѣлъ во всѣ глаза на Стрепетова, точно на человѣка, только-что вырвавшагося изъ сумасшедшаго дома.

— Ну да, здѣсь!—ужъ далеко не съ прежней храбростью промолвилъ Стрепетовъ.

— Напрасно только будете безпокоить Эрнеста Богдановича. Онъ вѣдь такъ занятъ, такъ занятъ!—говорилъ молодой человѣкъ для справокъ, выражая въ то же время на лицѣ своемъ глубочайшее сочувствіе къ положенію Эрнеста Богдановича.—Сколько мнѣ извѣстно, у насъ въ настоящее время нѣтъ ни одной вакансіи. Ни одной! — прибавилъ онъ, выговаривая: „ни одной!“ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ.—И, кромѣ того, долженъ васъ предупредить, господинъ Стрепетовъ, въ наше учрежденіе очень трудно попасть. Многіе добиваются этой чести и...

— И не могутъ добиться этой чести?—насмѣшливо перебилъ Стрепетовъ.

— Да-съ... не могутъ. Надо имѣть весьма солидныя рекомендаціи. Если вы ужъ такъ настаиваете, я доложу, но, повторяю, напрасно вы будете безпокоить г. управляющаго. Не лучше ли передать ему вашу докладную записку?.. Онъ вѣдь такъ занятъ, такъ занятъ!.. Или у васъ, быть можетъ, есть рекомендаціи отъ какихъ-нибудь вліятельныхъ лицъ?.. О, въ такомъ случаѣ...

— Потрудитесь, пожалуйста, доложить! — рѣзко прервалъ Стрепетовъ эти совѣты.

Digitized by Google

Молодой человѣкъ безнадежно пожалъ плечами и направился къ дверямъ. Предварительно онъ обдернулъ сюртукъ, поправилъ волосы, тихонько кашлянулъ раза два и только послѣ всѣхъ этихъ манипуляцій осмѣлился пріотворить завѣтныя двери, сперва осторожно просунуть свою рыжеватую голову и затѣмъ ужъ войти.

„Экая лакейская душа!“—мысленно напутствовалъ его Стрепетовъ.

— Пожалуйте!—прошепталъ, возвращаясь чрезъ минуту, молодой человѣкъ для справокъ и, въ свою очередь, проводилъ Стрепетова злорадной усмѣшкой, полной увѣренности, что дѣло безпокойнаго просителя безнадежно.

II.

Плотный бѣлокурый господинъ лѣтъ за сорокъ, съ большой окладистой бородой, сидѣвшій за письменнымъ столомъ близь дверей, въ большой комнатѣ, среди которой стоялъ громадный столъ, съ разставленными вокругъ высокими креслами, поднялъ большіе голубые глаза на вошедшаго Стрепетова, отвѣчая на его поклонъ сдержаннымъ наклоненіемъ головы. Его широкое, бѣлое, съ болѣзненной желтизной, лицо глядѣло строго, серьезно и холодно, но въ выраженіи глазъ было что-то ласковое, смягчавшее суровую серьезность физіономіи.

— Кандидатъ университета,—началъ-было Стрепетовъ обычную свою формулу представленія.

Но управляющій остановилъ его словами:

— Извините, пожалуйста, но я долженъ васъ предварить, что безъ рекомендацій мы никого не принимаемъ.

— Какъ-же, какъ-же. У меня есть къ вамъ письмо.

И Стрепетовъ торопливо вынулъ изъ цилиндра конвертъ и не безъ надежды вручилъ его господину Гринбеку.

Тотъ развернулъ письмо, взглянулъ на подпись и только тогда указалъ Стрепетову на кресло, подлѣ стола,—честь, которой удостоивались немногіе просители.

Окончивъ чтеніе письма, онъ сказалъ:

— Рекомендаціи о васъ, г. Стрепетовъ, превосходныя, и мнѣ будетъ весьма пріятно имѣть васъ въ числѣ служащихъ нашего учрежденія. Мы принимаемъ съ большимъ выборомъ!—строго прибавилъ Эрнестъ Богдановичъ, оглядывая молодого человѣка.

Стрепетовъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія, что все устроилось такъ просто и скоро, и счелъ долгомъ весело поклониться въ отвѣтъ на такой комплиментъ.

Digitized by Google

— Но имѣете ли вы отчетливое представленіе о значеніи нашего учрежденія, о характерѣ нашихъ занятій и о нашемъ, такъ сказать, іерархическомъ устройствѣ?—продолжалъ господинъ Гринбекъ съ такою серьезностью въ лицѣ и въ тонѣ голоса, будто рѣчь шла о столь недоступномъ по своей важности предметѣ, понять который можетъ не всякій смертный.

И Стрепетовъ, смущенный этимъ серьезнымъ тономъ, вообразилъ, будто, въ самомъ дѣлѣ, трудности этого представленія слишкомъ велики для такого непосвященнаго, какъ онъ, и, словно чувствуя себя виноватымъ, что ранѣе не позаботился о ихъ преодолѣніи, онъ не безъ смущенія откровенно сознался, что „отчетливаго представленія не имѣетъ".

— Въ такомъ случаѣ я васъ предварительно познакомлю съ этимъ, чтобы вы впередъ знали, на что можете разсчитывать, и чтобы въ случаѣ поступленія къ намъ потомъ не искали другого мѣста. Признаюсь, я не люблю служащихъ, которые часто мѣняютъ мѣста. Это не рекомендуетъ ихъ и вредно отзывается на веденіи дѣла.

Вслѣдъ затѣмъ господинъ Гринбекъ объяснилъ Стрепетову важность и значеніе Земледѣльческаго банка, разсказалъ въ краткихъ чертахъ о характерѣ занятій и, порекомендовавъ ознакомиться съ подробностями изъ устава, который тутъ же и вручилъ Стрепетову, перешелъ къ іерархическому устройству.

Вѣроятно для большей наглядности, господинъ Гринбекъ предварительно взялъ карандашъ и листъ бѣлой бумаги и нарисовалъ нѣчто похожее на стволъ дерева. Сдѣлавъ это, онъ продолжалъ, указывая большимъ длиннымъ карандашомъ на рисунокъ, по прежнему серьезно и внушительно:

— Дерево это представляетъ собой, такъ сказать, наглядное изображеніе нашего учрежденія. Вотъ этотъ корень—правленіе и оцѣночная коммиссія. Стволъ—главный ихъ исполнительный органъ—управляющій банкомъ. Вы, конечно, и не претендуете пока на это мѣсто?—прибавилъ онъ, останавливаясь на минуту.

И безъ того удивленный началомъ этого иллюстрированнаго объясненія, Стрепетовъ, при послѣднихъ словахъ, вспыхнулъ. „Не смѣется ли надъ нимъ этотъ человѣкъ, предлагая подобный вопросъ?" Но достаточно было взглянуть на спокойное, строгое лицо управляющаго, чтобы всякая мысль о возможности насмѣшки исчезла, что не помѣшало, однако, Стрепетову нѣсколько смутиться отъ столь неожиданнаго предположенія и деликатно промолчать.

Принявъ, очевидно, смущеніе молодого человѣка за выра-

Digitized by Google

женіе нежеланія претендовать на столь отвѣтственное мѣсто, управляющій, послѣ паузы, продолжалъ:

— И, слѣдовательно, не будемъ больше говорить объ этомъ мѣстѣ и пойдемъ далѣе. Вотъ эти вѣтви (и господинъ Гринбекъ при этомъ послѣдовательно проводилъ карандашомъ отъ ствола боковыя вѣтви) представляютъ бухгалтера, кассира, контролера и начальниковъ четырехъ отдѣленій. Эти мѣста всѣ заняты, и нѣтъ основаній предполагать, чтобы они въ скоромъ времени освободились. За симъ у каждаго изъ названныхъ лицъ есть помощники (карандашъ опять наглядно изобразилъ ихъ въ видѣ боковыхъ сучковъ), комплектъ которыхъ тоже полонъ, и тоже нѣтъ причинъ думать, чтобы скоро открылась вакансія. Затѣмъ ужъ идутъ остальные младшіе наши служащіе: конторщики и переписчики. Ихъ у насъ много, человѣкъ до ста...

И управляющій уже съ меньшей, чѣмъ прежде, тщательностью провелъ значительное число боковыхъ черточекъ отъ всѣхъ сучковъ, и, такимъ образомъ, на листѣ бумаги получилось довольно большое и раскидистое бюрократическое дерево Земледѣльческаго банка, которое управляющій оглядывалъ съ тѣмъ спокойнымъ чувствомъ гордости и удовольствія, съ какимъ патріархальные отцы смотрятъ на свое многочисленное потомство.

И Стрепетову, тоже въ значительной степени заинтересованному этимъ деревомъ, въ одномъ изъ маленькихъ листиковъ котораго онъ ужъ какъ будто видѣлъ и себя, показалось, что большіе голубые глаза г. Гринбека свѣтились ярче и все его строгое и холодное лицо словно просвѣтлѣло.

Полюбовавшись деревомъ, управляющій снова заговорилъ:

— Обыкновенно, поступающіе къ намъ начинаютъ съ начала и со временемъ подвигаются впередъ, если открывается вакансія. Жалованье на первое время мы обыкновенно даемъ конторщику сорокъ рублей. Постепенно оно можетъ быть увеличено для старшаго конторщика до семидесяти-пяти и даже до ста рублей. Кромѣ того, ежегодно бываютъ награды. Работаютъ у насъ съ десяти до четырехъ часовъ, но въ исключительныхъ случаяхъ служащіе не должны отказываться и отъ вечернихъ занятій. Конторщикъ можетъ ежегодно пользоваться двухнедѣльнымъ отпускомъ, и, въ случаѣ болѣзни, не свыше мѣсяца сохраняетъ за собою жалованье. Затѣмъ, слѣдуетъ упомянуть, что хотя наше учрежденіе и частное, но у насъ существуетъ строгая дисциплина въ отношеніяхъ. Я, какъ бывшій военный, очень стою за нее!.. Каждый начальникъ отдѣленія вполнѣ у себя хозяинъ, и если онъ недоволенъ своимъ служащимъ, то я немедленно же увольняю такого, не входя ни въ какія объясненія.

Digitized by Google

Вамъ, быть можетъ, какъ бывшему студенту, эти требованія дисциплины покажутся нѣсколько строгими,—такъ я счелъ долгомъ васъ заранѣе предупредить.

Слушая всѣ эти объясненія, Стрепетовъ не сомнѣвался, что мѣсто у него въ карманѣ. Иначе къ чему бы управляющій терялъ напрасно столь дорогое для него время на рисованіе и на комментаріи? Правда, Стрепетова нѣсколько смущала дисциплина, которой стращалъ Гринбекъ, и, кромѣ того, онъ уже начиналъ испытывать томленіе отъ этого медленнаго, однообразнаго и нѣсколько торжественнаго голоса; но вѣдь не солдатская же дисциплина въ этомъ солидномъ учрежденіи, и въ числѣ будущихъ обязанностей Стрепетова не будетъ обязанности ежедневно выслушивать управляющаго! И потому нашъ молодой человѣкъ, предвидя близость радостнаго конца, улыбался, словно именинникъ, и въ головѣ его уже мелькнули дерзкія мысли о томъ, что кромѣ банка онъ можетъ имѣть еще другія занятія, и можно, пожалуй, тогда выписать мать и сестеръ. То-то будетъ славно!

Послѣ небольшой паузы управляющій замѣтилъ:

— Я изложилъ вамъ условія, которыя нами требуются, и вамъ остается принять или не принять ихъ.

Но прежде чѣмъ Стрепетовъ хотѣлъ-было отвѣчать, управляющій сказалъ:

— Еще одинъ вопросъ: вы знаете бухгалтерію?

— Немного знакомъ.

— Тѣмъ лучше. Вы, значитъ, можете разсчитывать на окладъ въ пятьдесятъ рублей съ перваго же мѣсяца.

— Я охотно поступлю на этихъ условіяхъ и надѣюсь оправдать рекомендацію!—застѣнчиво прибавилъ Стрепетовъ, полный радостнаго чувства.

— Въ такомъ случаѣ,—началъ господинъ Гринбекъ, произнося слова еще медленнѣе и значительнѣе, какъ будто приготовляя слушателя къ чему-то необыкновенно важному:—въ такомъ случаѣ вы можете, господинъ Стрепетовъ, разсчитывать на мѣсто въ нашемъ учрежденіи, и я отнынѣ считаю васъ кандидатомъ!—заключилъ онъ съ такой торжественной серьезностью, словно бы произносилъ обѣтъ посвященія новичка не въ конторщики, а въ рыцари Земледѣльческаго банка.

— Кандидатомъ!?—невольно вырвалось у молодого человѣка. И лицо его мгновенно вытянулось, и голосъ упалъ.

— Ну, разумѣется, кандидатомъ!—проговорилъ Эрнестъ Богдановичъ. И, замѣтивъ быструю перемѣну въ настроеніи молодого человѣка, обязательно пояснилъ.—Пока у насъ вакансій нѣтъ. Ни одной, конечно!—прибавилъ управляющій банкомъ тѣмъ тономъ,

Digitized by Google

какимъ говорятъ о вещахъ, не допускающихъ ни малѣйшаго сомнѣнія.—Но одна изъ первыхъ же вакансій на мѣсто конторщика будетъ за вами. Хотя у насъ и записано уже человѣкъ пятьдесятъ кандидатовъ, но въ виду вашихъ превосходныхъ рекомендацій и въ виду...—Тутъ управляющій нѣсколько замялся, подыскивая вторую причину, вмѣсто настоящей—благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него Стрепетовымъ,—и въ виду вашего образовательнаго ценза, — наконецъ, счастливо нашелся онъ,—вы будете имѣть преимущественное право. Потрудитесь сказать въ пріемной, чтобы васъ записали въ книгу кандидатовъ и, въ случаѣ перемѣны адреса, сообщите сюда.

— И... и скоро можно надѣяться?

— Этого я вамъ не могу сказать. Быть можетъ, черезъ мѣсяцъ, два, три, а быть можетъ и черезъ бо́льшій промежутокъ времени. Во всякомъ случаѣ, навѣдайтесь къ намъ черезъ мѣсяцъ!—промолвилъ управляющій и придвинулъ къ себѣ бумаги, какъ бы давая этимъ знать, что объясненіе кончено.

Читатель, бывавшій въ положеніи нашего молодого человѣка, легко можетъ себѣ представить, съ какимъ видомъ изумленія, разочарованія и досады вышелъ Стрепетовъ изъ кабинета и торопливо прошелъ чрезъ пріемную, позабывъ даже записаться въ книгу кандидатовъ.

„И къ чему онъ такъ распространялся?! Точно не могъ сразу сказать, что вакансій нѣтъ, а то рисовалъ, тянулъ, тянулъ душу и... „я считаю васъ кандидатомъ!“—передразнилъ онъ г. управляющаго и, должно сознаться, не отказалъ себѣ въ удовольствіи мысленно послать его туда, куда обыкновенно посылаютъ люди другихъ людей въ первую минуту досады.

Еслибы Стрепетовъ зналъ, что г. Гринбекъ рисуетъ деревья, поясняя рисунокъ объяснительнымъ текстомъ, только просителямъ, которые почему-либо удостоиваются его особеннаго вниманія и заслуживаютъ чести быть записанными въ кандидаты, то онъ, навѣрное, удержался бы отъ нѣкоторыхъ эпитетовъ, которыми про себя надѣлялъ г. управляющаго, очутившись на широкой лѣстницѣ, главнымъ образомъ, за то, что пришлось такъ жестоко обмануться.

„Однако, чтожъ это я?.. Все-таки записаться не мѣшаетъ на всякій случай!“—спохватился вдругъ Стрепетовъ, останавливаясь у конца лѣстницы. И, торопливо вернувшись назадъ, онъ уже съ мѣньшимъ смущеніемъ подошелъ къ молодому человѣку для справокъ и, стараясь скрыть передъ нимъ свое разочарованіе, развязно проговорилъ:

— А я, было, и забылъ передать вамъ приказаніе управ-

Digitized by Google

ляющаго. Потрудитесь, пожалуйста, записать меня въ книгу кандидатовъ.

— То-то, я, признаться, удивился, что вы такъ скоро ушли... Сію минуту я запишу васъ!—съ особенной учтивостью промолвилъ молодой человѣкъ для справокъ, очевидно, уже успѣвшій принять къ свѣденію долгій визитъ Стрепетова у управляющаго.

Записавъ въ толстую книгу адресъ, онъ прибавилъ съ любезной фамильярностью:

— Вѣроятно, будемъ сослуживцами. Позвольте познакомиться.

Онъ какъ-то поспѣшно назвалъ свою фамилію, протянулъ руку и спросилъ:

— Вѣрно, Эрнестъ Богдановичъ вамъ рисовалъ дерево?

— Рисовалъ.

— Ну, такъ поздравляю. Вы, значитъ, очень понравились управляющему. Какое мѣсто онъ обѣщалъ вамъ?

— Мѣсто конторщика.

— На сорокъ рублей?

— Нѣтъ, на пятьдесятъ.

— Вотъ какъ! Сразу на пятьдесятъ! Значитъ, вы поступите въ бухгалтерію. Это большой для васъ шансъ.

— Почему?

— Въ бухгалтеріи вы можете мѣсяца черезъ три получить семьдесятъ-пять рублей, и, вообще, тамъ служба виднѣе. Теперь вамъ остается только ждать, когда очистится вакансія.

— А долго придется ждать, какъ вы думаете?

— Все зависитъ отъ случая. La fatalité, какъ говоритъ Прекрасная Елена... Я, напримѣръ, полгода ждалъ.

— Полгода? — удивился Стрепетовъ, не знавшій еще, какъ долго въ Петербургѣ ждутъ мѣстъ.

— Это еще что—полгода! Есть товарищи, которые по году ждали, чтобы получить у насъ мѣсто. Вѣдь наше учрежденіе не даромъ пользуется репутаціей. Служба здѣсь вполнѣ приличная, самъ Эрнестъ Богдановичъ—превосходный начальникъ, и, наконецъ, примите во вниманіе, кто такіе кліенты нашего банка. Здѣсь вы можетъ увидѣть людей лучшихъ фамилій, настоящихъ аристократовъ, высокопоставленныхъ лицъ, богачей, лэндъ-лордовъ,—такъ сказать, сливки общества. Случается, что и связи возможно пріобрѣсти черезъ нихъ. Одинъ нашъ служащій прямо изъ агентовъ попалъ въ главноуправляющіе къ князю Отрепьеву на пятнадцать тысячъ жалованья. Къ такому аристократу и на пятнадцать тысячъ!—съ умиленіемъ въ голосѣ прибавилъ молодой человѣкъ для справокъ.—Члены нашего правленія все люди

Digitized by Google

съ положеніемъ и со связями, а предсѣдатель общаго собранія—вы знаете, кто?

— Не знаю.

— Графъ Говоруха-Пинскій! — таинственно восторженнымъ шопотомъ продолжалъ этотъ обожатель разныхъ „сливокъ", самъ носящій неблаговзвучную фамилію Цыганова и происходившій изъ весьма скромной купеческой семьи.—Вотъ вы его увидите когда-нибудь. Ахъ... какъ онъ говоритъ, какъ говоритъ!..

Повидимому, господинъ Цыгановъ не прочь былъ теперь пуститься и въ дальнѣйшія изліянія, въ томъ же духѣ, но въ это время въ пріемную вошелъ, съ бумагами въ рукахъ, красивый брюнетъ, въ безукоризненномъ синемъ сьютѣ, веселый, сіяющій, румяный, ни манерами, ни своимъ нѣсколько легкомысленнымъ видомъ нисколько не похожій на тѣ солидныя лица, которыя раньше видѣлъ здѣсь Стрепетовъ. Проходя мимо, брюнетъ на секунду пріостановился, распространяя вокругъ тонкій душистый ароматъ, и небрежно кинулъ нѣсколько словъ господину Цыганову, указывая головой на дверь и скользнувъ взглядомъ по Стрепетову:

— У Эрнеста Богдановича есть кто-нибудь?

— Никого нѣтъ, Александръ Ивановичъ!—поспѣшилъ съ особенной почтительностью отвѣтить молодой человѣкъ для справокъ.

— Кто это?—спросилъ Стрепетовъ, когда брюнетъ скрылся за дверью.

— Нашъ кассиръ.

И Цыгановъ назвалъ фамилію, которая спустя нѣсколько мѣсяцевъ облетѣла всю Россію, доказавъ, что солидные порядки въ храмѣ Земледѣльческаго банка не такъ безукоризненны, какъ казалось господамъ заемщикамъ и самому управляющему, съ такой заботливостью оберегавшему репутацію любимаго учрежденія и такъ вѣрившему въ отличныя рекомендаціи и въ дисциплину.

— Камеръ-юнкеръ!—продолжалъ молодой человѣкъ для справокъ, съ такимъ восхищеніемъ, точно онъ самъ былъ удостоенъ этого званія.—Вѣроятно, и камергеромъ будетъ.

Но Стрепетову ужъ надоѣло слушать этотъ восторженный шопотъ разболтавшагося молодого человѣка, и онъ поспѣшилъ раскланяться и уйти.

Очутившись на улицѣ, не зная, куда ему теперь направиться, онъ машинально пошелъ, куда глаза глядятъ, и скоро попалъ на Невскій, въ толпу гуляющей публики, останавливаясь по временамъ и глазѣя то на магазины, то на быстро мчавшіеся экипажи, въ которыхъ сидѣли красивыя, подмалеванныя женщины.

Но мысли о работѣ, о совѣтахъ Чиркова, объ іерархическомъ

Digitized by Google

деревѣ господина Гринбека назойливо лѣзли въ голову, перебивая другъ друга, и мѣшали ему наблюдать жизнь большой улицы съ безпечностью фланёра. Прежнія розовыя мечты таяли, и теперь, затерянный въ этой равнодушной многолюдной толпѣ, онъ чувствовалъ себя болѣе сиротливымъ, чѣмъ утромъ, когда бодрый, веселый, полный надеждъ, ѣхалъ по этой же улицѣ на Васильевскій-Островъ. Эта толпа, этотъ уличный шумъ, казалось, говорили ему, что достать себѣ кусокъ хлѣба не такъ-то просто и легко, какъ ему казалось, хотя бы въ карманѣ и были отличныя рекомендаціи.

Такъ размышлялъ Стрепетовъ, подвигаясь впередъ вмѣстѣ съ гуляющими, и не замѣтилъ, какъ дошелъ до конца Невскаго и увидалъ передъ собой николаевскій вокзалъ.

День близился къ концу. Развозить рекомендательныя письма было поздно, да и не хотѣлось. Еще будетъ время завтра, послѣзавтра!—подумалъ Стрепетовъ и рѣшилъ идти домой, сѣсть за письмо, чтобы подѣлиться впечатлѣніями этого перваго петербургскаго дня съ той, ради которой онъ такъ безпокоился о работѣ. Еще бы! Онъ зналъ, что отъ него одного зависитъ ея покой, въ которомъ она такъ нуждается. Устроитъ ли это онъ ей—вотъ вопросъ, рѣшеніе котораго возбуждало теперь по временамъ сомнѣніе.

Ориентировавшись въ виду вокзала, Стрепетовъ безъ особыхъ затрудненій отыскалъ маленькій сѣрый домъ, гдѣ помѣщались меблированныя комнаты господина Лукачева, и, поднявшись наверхъ, ощупью прошелъ по темному корридору и съ трудомъ нашелъ двери своей комнаты. Ни одинъ человѣческій голосъ не слышенъ былъ въ квартирѣ—она словно вымерла.

Его комнатка,—узкая какъ клѣтка, затхлая и мрачная,—мертвая тишина кругомъ, нарушаемая доносившимся гуломъ громаднаго города, еще острѣе заставили молодого человѣка почувствовать всю тяжесть одиночества. Его охватило тоскливое сознаніе затерянности, которое испытываютъ въ первые дни почти всѣ провинціалы, такіе же одинокіе, какъ и онъ,—и ему сдѣлалось невыносимо грустно.

Снявъ съ себя парадный костюмъ и облачившись въ домашнее платье, Стрепетовъ досталъ письменныя принадлежности и присѣлъ на диванчикъ. Но вмѣсто того, чтобы писать, онъ незамѣтно снова сталъ перебирать впечатлѣнія сегодняшняго дня, пока, усталый, наконецъ, не задремалъ съ твердымъ рѣшеніемъ завоевать себѣ кусокъ хлѣба въ этомъ непривѣтливомъ городѣ.

Когда онъ проснулся, въ комнатѣ стоялъ мракъ и кругомъ

Digitized by Google

по прежнему царила мертвая тишина. Онъ зажегъ свѣчи, взглянулъ на часы—было только семь часовъ.

„Вѣрно, никого нѣтъ дома!"—рѣшилъ онъ и принялся писать письмо.

Глава IX.

I.

Стрепетовъ дописывалъ уже второй листъ своего безконечнаго письма, какъ раздался тихій стукъ въ двери и, вслѣдъ за позволеніемъ, въ комнату вошелъ, шлепая туфлями, небольшого роста, худощавый господинъ, съ лысиной, сіявшей во всю большую, круглую голову, одѣтый по домашнему: въ пальто, изъ-подъ котораго виднѣлся разстегнутый воротъ ночной сорочки.

— Позвольте познакомиться и, если не помѣшаю, посидѣть у васъ. Скука смертельная. Никого изъ здѣшнихъ нѣтъ дома. Одинъ только философъ Ипатъ сторожитъ квартиру, то-есть дрыхнетъ сномъ праведника, не обижаемаго хоть во снѣ своей воинственной супругой...

Такъ заговорилъ вошедшій, заливаясь тѣмъ заразительно-веселымъ смѣхомъ, по которому Стрепетовъ тотчасъ же догадался, что передъ нимъ Галанинъ, предупреждавшій его еще утромъ изъ сосѣдней комнаты—не довѣрять краснорѣчію Ипата Никитича о котлетахъ.

— Ѳедоръ Петровичъ Галанинъ, россійскій праздношатающійся интеллигентъ!—прибавилъ вошедшій, приближаясь къ Стрепетову и протягивая ему свою широкую, мягкую руку.—А вы тотъ самый неопытный юноша, котораго выудилъ сегодня нашъ почтеннѣйшій Ипатъ Никитичъ?—продолжалъ Галанинъ и снова раскатился такъ заразительно, что и Стрепетовъ невольно разсмѣялся и весело проговорилъ:

— Я самый и есть. Очень радъ познакомиться. Павелъ Сергѣевичъ Стрепетовъ. Садитесь, пожалуйста.

— Ну, хоть, по крайней мѣрѣ, Ипатъ вамъ стулья цѣлые далъ! — замѣтилъ Галанинъ, присаживаясь къ столу:—а у меня такъ ни одного цѣлаго нѣтъ... Да вы, Павелъ Сергѣевичъ, можетъ, очень заняты, такъ вы безъ церемоній скажите,—я уйду.

— Нѣтъ, нѣтъ. Еще успѣю дописать письмо; и то рука устала.

— То-то, лучше отдохните. Я, признаться, ужъ порывался зайти къ вамъ, да видѣлъ—вы писали. Но только такая смертель-

Digitized by Google

ная тоска взяла меня, что я не утерпѣлъ. А вы къ намъ въ Питеръ за мѣстомъ пріѣхали?—неожиданно спросилъ онъ, оглядывая Стрепетова.

Онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ такъ просто и добродушно, улыбаясь и лицомъ, и глазами, что Стрепетову нисколько не показалось страннымъ такое любопытство, и онъ утвердительно кивнулъ головой.

— И я вотъ тоже ожидаю мѣста... Много ужъ ихъ перемѣнилъ. Надо опять попробовать! Ужъ цѣлый годъ въ праздности состою... надоѣло! — проговорилъ онъ, и Стрепетову показалось, что голосъ Галанина дрогнулъ при послѣднихъ словахъ.

Стрепетовъ, между тѣмъ, успѣлъ разглядѣть своего гостя. Это былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ некрасивымъ, но очень выразительнымъ лицомъ, опушеннымъ черной бородой, съ парой небольшихъ, живыхъ черныхъ глазъ, глядѣвшихъ тепло и привѣтливо изъ-подъ большого, выпуклаго, шишковатаго лба. Ярко-багровый съ сизымъ отливомъ цвѣтъ небольшого мясистаго носа, землистыя, обрюзглыя щеки съ глубокими бороздами и чуть замѣтное трясеніе рукъ—ясно говорили о пагубномъ недугѣ, а полураскрытыя толстыя губы, расплывчатыя линіи рта и подбородка какъ будто свидѣтельствовали о совершенномъ отсутствіи воли. Но въ этомъ преждевременно состарѣвшемся, испитомъ лицѣ было еще столько жизни, въ глазахъ, въ голосѣ, въ смѣхѣ—столько добродушія и юмора, что все это невольно располагало къ себѣ какой-то чарующей привлекательностью.

И Стрепетовъ, какъ и всѣ знавшіе Галанина, сразу почувствовалъ къ нему живѣйшую симпатію, и послѣ первыхъ же его словъ ему казалось, что онъ знакомъ съ Галанинымъ уже давно.

— Мнѣ ужъ Ипатъ сообщилъ всѣ свои свѣденія о васъ и даже вашъ паспортъ показывалъ!—продолжалъ Галанинъ, снова заливаясь смѣхомъ.

— Паспортъ. Зачѣмъ?

— А чтобы я удостовѣрилъ, что онъ не поддѣльный. Ипатъ, надо вамъ сказать, отчаянный трусъ и послѣ своей супруги болѣе всего боится полиціи... какъ бы она его не приняла за злоумышленника. Ха-ха-ха!.. Нынче вѣдь у насъ на этотъ счетъ довольно привольно, примите это на всякій случай къ свѣденію, Павелъ Сергѣевичъ.

— Ужъ меня предупреждали.

— Навѣрное, Ѳеничка?.. О, добрая душа эта Ѳеничка! Она всякаго пріѣзжаго предупреждаетъ. Славная дѣвочка! Жаль только, легкомысленна, того и гляди свихнется,—грустно промолвилъ Га-

Digitized by Google

ланинъ.—Любить, знаете ли, блескъ и все такое... Петербургскій выкормокъ меблированныхъ комнатъ! Удивительно еще, что не загрязнила своего золотого сердца по этимъ грязнымъ корридорамъ и съ такой маменькой. Вы еще не видали мучительницы Ипата, его благовѣрной?

— Нѣтъ еще.

— Тоже, въ нѣкоторомъ родѣ, дама, я вамъ скажу... Она да ея другъ сердца поручикъ Ефратовъ—тутъ ихъ пара. Вы, смотрите, Павелъ Сергѣевичъ, если онъ захочетъ познакомиться съ вами, гоните вонъ этого мерзавца. Хоть онъ и не носитъ гороховаго пальто, а душа—самая „гороховая". Ха-ха-ха! Волонтеръ по этой части, но по глупости не можетъ зарекомендовать себя надлежащимъ образомъ и, не имѣя опредѣленныхъ занятій, состоитъ въ „Артюрахъ" у здѣшней хозяйки... Ужъ я не разъ говорилъ Ипату, чтобы онъ очистилъ квартиру отъ этого негодяя, но бѣдный Ипатъ только мрачно вздыхаетъ... Вообще, надо вамъ сказать, вы попали въ порядочную-таки трущобу, и жильцы здѣсь все больше народъ, въ нѣкоторомъ родѣ, „античный". Я, въ качествѣ дойена, со всѣми знакомъ, и могу вамъ ихъ представить, если хотите. Не совѣтую только здѣсь обѣдать. Хоть Ипатъ и умолялъ меня сегодня утромъ „не разстроивать васъ по причинѣ котлетъ" и клялся, что будетъ вамъ давать особенно честную провизію, но я ему не давалъ слова, и потому предупреждаю, что на его добрыя намѣренія полагаться нельзя. Впрочемъ, и винить его очень тоже нельзя, ибо, какъ говоритъ философъ Ипатъ, его постоянно гнететъ „денежная меланхолія"... Скверная это штука, надо съ нимъ согласиться. А все-таки вамъ бы лучше, Павелъ Сергѣевичъ, перебраться отсюда въ болѣе приличное мѣсто. За тѣ деньги, которыя вы здѣсь платите, можно найти отличную комнату и не въ такой трущобѣ!— заключилъ Галанинъ.

— Но почему же вы сами живете въ этой трущобѣ?—невольно спросилъ Стрепетовъ.

— Я?—переспросилъ Галанинъ такимъ тономъ, будто ему было странно слышать подобный вопросъ.—Я—другое дѣло!—замѣтилъ онъ съ грустной, безнадежной ноткой въ голосѣ. — Мнѣ все равно, гдѣ ни жить... И не по такимъ трущобамъ приходилось скитаться. Что ужъ разбирать!

Онъ посмотрѣлъ на Стрепетова кроткимъ, застѣнчивымъ, словно виноватымъ взглядомъ, примолкъ на минуту и сталъ закуривать папироску.

— Да и привыкъ я, знаете ли, и къ этой трущобѣ, и къ

Digitized by Google

этому бѣднягѣ-философу, Ипату... Вы какъ-нибудь поговорите съ нимъ—увидите, какой это самородный философъ! А главное, Ѳеничку жаль! — прибавилъ Галанинъ, и—показалось Стрепетову, сипловатый его голосъ дрогнулъ и по испитому лицу разлилась краска.—Того и гляди, здѣсь ее погубятъ. Маменька сама съ удовольствіемъ бы пустила ее куда угодно. Ну, а я все-таки оберегаю ее. Нѣтъ, нѣтъ да и совѣтъ дамъ, книжку какую заставлю почитать. Жаль вѣдь дѣвушку! Ну, а вы какъ? Удачно ѣздили сегодня во фрачной парѣ? — круто перемѣнилъ онъ тэму разговора.—Много получили обѣщаній или только одни утѣшенія, что всѣ вакансіи заняты? Въ какихъ пріемныхъ побывали? Какихъ особъ повидали? Я кое-кого изъ нихъ довольно близко знавалъ когда-то. Тоже, я вамъ скажу, есть между ними сюжеты!—говорилъ Галанинъ, заливаясь своимъ заразительнымъ смѣхомъ.—На дняхъ еще, умора...

И онъ закатился, какъ ребенокъ, такъ что Стрепетовъ, глядя на него, невольно и самъ засмѣялся.

— Умора, ей-Богу... Ха-ха-ха! Надо было видѣть испугъ на этой длинной, худощавой физіономіи одного важнаго администратора, сіявшей до того самымъ торжественнымъ великолѣпіемъ, когда вашъ покорнѣйшій слуга въ костюмѣ, требующемъ, какъ выражается Ипатъ, „новой абонировки“, назвалъ его на Невскомъ старымъ товарищескимъ именемъ. Надо было видѣть, какъ онъ улепетывалъ отъ меня, хоть я не думалъ гнаться за нимъ... Ха-ха-ха!.. Такъ разскажите, не видали ли вы кого-либо изъ „великихъ сихъ“, и я вамъ отвѣчу, чего можно ждать отъ нихъ... Но прежде, знаете ли, не худо бы скомандовать самоварчикъ; какъ вы думаете, Павелъ Сергѣевичъ? Вы извините, что я такъ... безъ церемоніи.

— Конечно, конечно. Я только объ этомъ думалъ!.. Я очень хочу чаю, да и ѣсть хочется! — отвѣчалъ Стрепетовъ, краснѣя, что раньше не догадался угостить гостя.

И Стрепетовъ поднялся, чтобы распорядиться.

— Сидите, сидите!—остановилъ его Галанинъ.—Вы еще не знаете топографіи здѣшнихъ мѣстъ и не найдете того угла, гдѣ дремлетъ Марѳа... Я разбужу ее и попрошу дать самоваръ. А вотъ насчетъ ѣды, такъ ужъ не знаю какъ... Здѣсь, пожалуй, ничего теперь нѣтъ. Развѣ послать Марѳу. Чего вы хотите?

— А вы?

— Такъ это вы меня угощать вздумали?—разсмѣялся Галанинъ:—я, право, ѣсть не хочу, но ужъ если вы хотите угостить, то я, съ вашего позволенія, прикажу купить водки, не

Digitized by Google

много, всего сорокоушку... одну сорокоушечку только!—проговорилъ онъ съ особеннымъ оживленіемъ и нѣжностью.—Вы не безпокойтесь,—это мнѣ не повредитъ... напротивъ. И больше я не стану, parole d'un gentilhomme! — прибавилъ Галанинъ, считая почему-то нужнымъ на французскомъ діалектѣ успокоить Стрепетова, хотя молодой человѣкъ и не выражалъ никакого сомнѣнія. —Такъ чего вы хотите?

— А то знаете ли что, Ѳедоръ Петровичъ, пойдемте куда нибудь въ трактиръ

— Въ трактиръ? Да вы сюда съ капиталами, что-ли, пріѣхали?

— Пятьдесятъ рублей есть въ карманѣ! — весело отвѣчалъ Стрепетовъ.

— И на милліонъ надеждъ въ придачу!—съ хохотомъ прибавилъ Галанинъ. — Чтожъ, коли непремѣнно хотите, я васъ сведу. Ѣсть я не буду,—деликатно предупреждалъ Галанинъ,—а выпить рюмку, другую, и поговорить съ добрымъ человѣкомъ—это я съ удовольствіемъ... Это даже очень люблю.

— И отлично.

— Такъ черезъ пять минутъ я къ вашимъ услугамъ. Приведу себя въ болѣе приличный видъ и пойдемъ къ Палкину, что-ли. Тамъ органъ хорошій. А впрочемъ, не лучше ли въ какой-нибудь кабакъ поскромнѣе? У Палкина вѣдь дорого. Меньше полутора, а то и двухъ рублей визитъ не обойдется!.. —заботливо намекнулъ Галанинъ.

Но Стрепетовъ настаивалъ идти къ Палкину. „Куда ни шло! можно разъ бросить два рубля!“ —рѣшилъ онъ.

II.

Черезъ четверть часа наши новые знакомцы уже сидѣли въ большой, почти пустой въ это время залѣ за столикомъ, на которомъ, въ ожиданіи заказанной котлеты, стоялъ графинчикъ водки и селедка. И пока Стрепетовъ, необыкновенно довольный, что есть съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями, съ подробностями разсказывалъ, подъ звуки органа, о своихъ утреннихъ похожденіяхъ, Галанинъ внимательно слушалъ, заливаясь неудержимымъ хохотомъ, когда рѣчь зашла объ іерархическомъ деревѣ, и какъ-то незамѣтно тянулъ одну рюмку за другой, едва притрогиваясь къ закускѣ.

— А вѣдь я хорошо знаю Чиркова!—воскликнулъ Галанинъ, когда Стрепетовъ окончилъ свой разсказъ.

Digitized by Google

„Такъ это про него говорилъ Чирковъ!“—вспомнилъ Стрепетовъ.

— И даже отлично знаю. Чирковъ — товарищъ мой по школѣ (я вѣдь кончилъ курсъ и даже съ медалью! вставилъ Галанинъ съ комической торжественностью); пріятелями были. Онъ и теперь два раза въ годъ навѣщаетъ меня и... и аккуратно читаетъ мнѣ нравоученія, чтобы вернуть меня на путь добродѣтели!—съ нервнымъ смѣхомъ прибавилъ Галанинъ, сразу значительно оживившійся послѣ выпитыхъ рюмокъ. Глаза его блестѣли и щеки рдѣлись приливпшмъ румянцемъ. Что-то нервное и неспокойное было теперь во взглядѣ его черныхъ глазъ и во всей его худой фигурѣ.

— Вотъ какъ! — воскликнулъ Стрепетовъ, взглядывая на Галанина и невольно сравнивая этого скверно одѣтаго, испитого обитателя трущобныхъ комнатъ съ элегантнымъ важнымъ чиновникомъ.—Что это за человѣкъ? Признаюсь, онъ на меня произвелъ странное впечатлѣніе.

— Такихъ, видно, не видали?.. Это, дѣйствительно, въ своемъ родѣ любопытный типъ. Современный Пилатъ de la haute école. Онъ тяготится службой и служитъ. Не злой человѣкъ—онъ причиняетъ однако зло, что не мѣшаетъ ему жалѣть тѣхъ, кого онъ упекаетъ. Человѣкъ умный, а пишетъ самыя нелѣпыя записки и первый же презрительно отзывается о нихъ въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ. Онъ уживается со всякимъ начальствомъ и со всякими вѣяніями, утѣшая себя, что другой на его мѣстѣ можетъ быть еще хуже. Короче—это одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ себялюбцевъ, которые изъ-за крупнаго содержанія продаютъ свою независимость и готовы служить кому и чему угодно. Въ немъ точно два человѣка: одинъ неоффиціальный — пріятный, умный собесѣдникъ, хорошій музыкантъ, любитель книгъ, немножко ученый; другой — оффиціальный — безукоризненный исполнитель того, что въ данную минуту требуется, и оба эти человѣка какъ-то уживаются въ немъ, хотя одинъ и презираетъ немножко другого. Прибавьте къ этому эпикурейство стараго холостяка, привыкшаго хорошо поѣсть и выпить, но въ то же время осторожнаго, разсчетливаго, который не дѣлаетъ долговъ и не имѣетъ дорого стоющихъ любовницъ. Онъ всегда какъ-то умѣетъ устроиваться со всякими, а потомъ и съ воспитательнымъ домомъ, въ случаѣ послѣдствій. И, замѣтьте, не честолюбецъ—нѣтъ!.. Дайте ему средства—онъ сейчасъ же выйдетъ въ отставку и погрузится въ свои археологическія изслѣдованія. И теперь онъ только и ждетъ, какъ бы получить въ награду за всѣ свои, какъ онъ говоритъ,

Digitized by Google

прегрѣшенія какую-нибудь синекуру тысячъ въ семь, чтобы совсѣмъ умыть руки. Но съ вами онъ все-таки честно поступилъ. Узнаю его. Вы сходите къ нему... займитесь перепиской археологіи!—снова захохоталъ Галанинъ.

Стрепетовъ слушалъ и, какъ всякій молодой человѣкъ, не испорченный жизнью, не умѣющій еще понимать макіавелистическихъ увертокъ, порывисто воскликнулъ:

— Но вѣдь это ужасно!.. По-моему, убѣжденный обскурантъ лучше лицемѣра. По крайней мѣрѣ, первый никого не вводитъ въ заблужденіе.

— И я такихъ не люблю... А впрочемъ, не мнѣ бранить другихъ. Самъ-то я хорошъ... Очень хорошъ!—проговорилъ Галанинъ, съ безпокойной застѣнчивостью посматривая на графинъ.

И, быстрымъ движеніемъ наливъ въ рюмку послѣднее, что оставалось въ графинчикѣ, онъ выпилъ и промолвилъ:

— А все-таки, по совѣсти сказать, мнѣ жаль Чиркова. Я знаю, что по временамъ онъ смущается своимъ фальшивымъ положеніемъ и сильно хандритъ. И ко мнѣ онъ всегда былъ добръ. Два раза хлопоталъ за меня, и оба раза...

И, не окончивъ рѣчи, Галанинъ засмѣялся.

— Оба раза я, какъ говорятъ, не оправдалъ его рекомендацій. Ха-ха-ха! Теперь ужъ Николай Петровичъ не станетъ за меня хлопотать. Ни-ни! Довольно. И, разумѣется, онъ правъ. Кому охота хлопотать за такого человѣка, какъ Ѳедоръ Петровичъ Галанинъ,—позвольте васъ спросить, молодой человѣкъ, удостоившійся отъ Ипата прозванія „пижона“? Хотите прослушать, сколько разъ я, безпутный, не оправдывалъ рекомендацій?.. Такъ кушайте вашу котлету и слушайте, но только я, съ вашего позволенія, велю подать еще водки. Parole d'un gentilhomme, я только еще одну, другую рюмку!.. Мнѣ это укрѣпляетъ нервы! — понизивъ голосъ, проговорилъ Галанинъ съ такимъ умоляющимъ видомъ, что Стрепетову сдѣлалось больно при видѣ такой унизительной слабости этого человѣка.

И, приказавъ подать водки, Галанинъ сталъ разсказывать различные эпизоды изъ своей бродяжной жизни, успѣвая какъ-то незамѣтно, несмотря на слово gentilhomm'a, опоражнивать второй графинчикъ.

Digitized by Google

III.

Разсказъ его, полный какого-то безшабашнаго, чисто славянскаго юмора, былъ повтореніемъ одной изъ обыкновенныхъ и частыхъ на Руси исторій гибели доброй, честной личности, подававшей смолоду большія надежды,—гибели не вслѣдствіе какихъ-нибудь трагическихъ причинъ, а просто изъ-за распущенности, слабой воли и благодаря отсутствію какого-нибудь захватывающаго интереса, безъ котораго сѣренькая русская жизнь для человѣка, не охваченнаго только одними низменными инстинктами, дѣлается какими-то сплошными буднями.—Это постепенное, но быстрое паденіе многихъ болѣе или менѣе способныхъ русскихъ людей, зарывающихъ свои таланты отчасти потому, что некуда ихъ приложить, отчасти потому, что не умѣютъ ихъ приложить. Безхарактерные, способные на порывъ, но неспособные на стойкую борьбу съ жизнью, они падаютъ духомъ отъ первыхъ же неудачъ, встрѣчая вмѣсто поддержки холодное равнодушіе, а то—и злорадное глумленіе ближнихъ.

Кто, кромѣ отчаяннаго пессимиста, могъ бы предсказать живому, способному, талантливому юношѣ, бывшему гордостью курса, когда онъ, по выходѣ изъ училища уѣзжалъ судебнымъ слѣдователемъ въ провинцію, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сопьется и кончитъ карьеру праздношатающимся россійскимъ интеллигентомъ, живущимъ изо дня въ день на счетъ кого-нибудь изъ сердобольныхъ товарищей?..

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Галанинъ, сперва ретиво принявшійся за дѣло, любимый самими подсудимыми, которыхъ онъ какъ-то умѣлъ расположить къ себѣ искренностью и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, уже имѣлъ непріятности по службѣ съ ближайшимъ начальствомъ изъ-за разныхъ взглядовъ на примѣненіе закона. Его заставили поступать противъ совѣсти, и онъ, какъ бы въ отместку кому-то, охладѣлъ къ службѣ и сталъ относиться небрежно къ своимъ серьезнымъ обязанностямъ; провинціальная глушь съ ея сплетнями и бездѣльемъ постепенно стала засасывать его и онъ не замѣтилъ, какъ сталъ пить, сперва отъ нечего дѣлать, потомъ отъ скуки и затѣмъ ужъ вслѣдствіе распущенности. Новая „исторія“, новыя несправедливости, возмутившія слѣдователя, переводъ въ другую, еще болѣе глухую, губернію съ аттестаціей „безпокойнаго человѣка“, жизнь въ глухомъ уѣздномъ городкѣ, безъ людей, безъ книгъ, и... пьянство, настоящее фельдфебельское пьянство, сдѣлалось потребностью, хотя

Digitized by Google

въ другой губерніи ему и не было причины жаловаться на нарушеніе закона и справедливости со стороны своихъ коллегъ. Когда, наконецъ, товарищи узнали о его положеніи и вызвали его въ Петербургъ, то ужъ Галанинъ былъ человѣкъ почти безнадежный. Привычка обратилась въ недугъ, и онъ, проклинавшій свою слабость, дававшій слово и себѣ, и другимъ „бросить это", крѣпился годъ, другой и снова срывался. Службъ за это время онъ перемѣнилъ множество. Благодаря товарищескимъ связямъ, онъ, теряя одно мѣсто, получалъ другое, но, наконецъ, за него ужъ не стали хлопотать, и вотъ послѣ разныхъ скитаній по провинціальнымъ городамъ, послѣ житья на хлѣбахъ у товарищей, Галанинъ снова въ Петербургѣ—адвокатомъ. Опять свѣтлая полоса. Онъ снова „бросаетъ все" и даже вводитъ въ заблужденіе хорошо знавшихъ его,—не пьетъ, работаетъ, говоритъ одну изъ замѣчательныхъ рѣчей, защищая какого-то бѣдняка; ужъ у него являются дѣла, онъ можетъ существовать, не прибѣгая къ безцеремонному перехватыванью у товарищей, какъ вновь начинается „старая исторія", онъ пьетъ съ кліентами, пропускаетъ сроки и его исключаютъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ. Еще опытъ со стороны Чиркова, пристроившаго его смотрителемъ желѣзнодорожнаго училища, окончившійся скандаломъ. Пьяный пріѣхалъ онъ на новую должность, пропилъ недѣлю въ городкѣ, въ компаніи съ учителями, и пьяный же былъ увезенъ въ Петербургъ и застрялъ въ меблированныхъ комнатахъ Ипата Лукича.

Все это Галанинъ разсказалъ съ такою искренностью захмелѣвшаго человѣка, что Стрепетову еще болѣе стало жаль его, и онъ задушевно спросилъ:

— Неужели же вы, голубчикъ, не можете побороть себя? Попробуйте!..

— О, теперь ужъ довольно этого скотства. Довольно!—воскликнулъ онъ, сверкая своими маленькими живыми глазками. — Довольно! — рѣшительно проговорилъ онъ, протягивая руку къ графину и, замѣтивъ упрекающій взглядъ Стрепетова, прибавилъ:—parole d'un gentilhomme. Послѣднюю и... конецъ.

Онъ выпилъ ее и задорно продолжалъ:

— Вы думаете, — мнѣ жаль, что я не сдѣлалъ карьеры, какъ другіе? Вы думаете—жаль? Ни капельки. Понимаете—вотъ что для меня карьера!

И онъ плюнулъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на полъ.

— Мнѣ не жаль ни карьеры, ни окладовъ... Есть чего жалѣть!—усмѣхнулся Галанинъ.—Я хоть и называюсь пропащимъ человѣкомъ, homme perdu, но этотъ homme perdu, по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ, ближнихъ своихъ не обижалъ: никого не упекалъ, никого не излавливалъ на погибель, ради карьеры, не прелюбодѣйствовалъ, словомъ, за деньги, какъ многіе непропащіе люди... Я одного себя сгубилъ, а не другихъ—вотъ что...

Онъ примолкъ и какъ-то особенно ласково смотрѣлъ на Стрепетова, улыбаясь кроткой, задушевной улыбкой.

— И знаете ли, чего мнѣ жаль, милый, добрый юноша, который глядитъ на меня такъ сочувственно, безъ строгаго укора и не таитъ въ своемъ сердцѣ презрѣнія къ пропавшему человѣку?

— Чего?

— Мнѣ жаль потери образа Божія, потери того идеала, который былъ когда-то въ душѣ Ѳедора Галанина. Глядя на васъ, я вспомнилъ другого юношу... себя вспомнилъ... и... на меня повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, хорошимъ. Вотъ почему я не боюсь обнажать душу свою передъ вами. Вы вѣдь не осудите, какъ тѣ молодые серьезные старики, которыхъ теперь такъ много... я это сейчасъ же увидалъ, какъ только вошелъ къ вамъ. Такъ понимаете ли, голубчикъ, чего мнѣ жаль? Мнѣ жаль прежняго юношу, свои чистыя мечты и надежды жаль!

И сипловатый его голосъ, протяжный, какъ у выпившихъ людей, звучалъ теперь мягкими, грустными нотами и на возбужденномъ, раскраснѣвшемся лицѣ ужъ не было обычной улыбки. Тѣнь скорби омрачила черты всегда веселаго Галанина.

— А умереть—въ роскошномъ ли кабинетѣ, или на больничной койкѣ—не все ли равно? На кладбищѣ вѣдь настоящее égalité. Не такъ ли? Тамъ и мой товарищъ генералъ не убѣжитъ отъ меня, какъ на Невскомъ, еслибы даже и увидалъ меня въ больничномъ халатѣ. Дудки, ваше превосходительство! Здѣсь liberté, égalité, fraternité! — прибавилъ онъ, и снова раскатился заразительнымъ смѣхомъ, внезапно развеселившись при мысли о такой встрѣчѣ на кладбищѣ.

— Нѣтъ, довольно всѣхъ этихъ глупостей! Ѳедоръ Галанинъ имѣетъ еще характеръ. Баста!—И Галанинъ рѣшительно отодвинулъ отъ себя соблазнительный графинчикъ, въ которомъ, впрочемъ, почти ничего не осталось. — Онъ покажетъ, что онъ еще не совсѣмъ пропащій человѣкъ и можетъ бросить постыдную слабость.

И онъ продолжалъ говорить съ такой рѣшимостью о томъ, какъ онъ „броситъ все“ и снова станетъ человѣкъ,—такъ искренно, казалось, хотѣлъ этого и такъ серьезно объяснялъ, что завтра же онъ пойдетъ къ одному товарищу и возьметъ у него на пробу для перваго раза хоть переписку (и о васъ замолвлю ему—онъ

Digitized by Google

можетъ достать вамъ уроки!—прибавилъ онъ), что Стрепетовъ, не знавшій этихъ обманчивыхъ мимолетныхъ вспышекъ слабой воли, готовъ былъ повѣрить и радостно воскликнулъ:

— Вотъ видите, какъ отлично! Ей-Богу отлично! И вы бы могли у Чиркова заниматься вмѣсто меня, еслибы не нашли переписки!—предложилъ Стрепетовъ.

— Это вы мнѣ свою единственную пока работу?!. — пролепеталъ Галанинъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.—О, юноша!

И съ отуманеннымъ слезой взоромъ онъ поднялся со стула, подошелъ, слегка покачиваясь, къ Стрепетову и совершенно неожиданно напечатлѣлъ на его губахъ поцѣлуй, и затѣмъ объявилъ, что такой жертвы Ѳедоръ Галанинъ не приметъ.

— Я найду себѣ работу... найду!—заговорилъ онъ, возвращаясь на мѣсто.

— И Ѳеничка увидитъ, что я человѣкомъ стану. Еще сегодня она сказала: „на кого вы похожи, Ѳедоръ Петровичъ? какъ вамъ не стыдно?“ И, знаете ли, отъ этихъ ея сердечныхъ словъ мнѣ, можетъ быть, стыднѣе и больнѣе, чѣмъ отъ всѣхъ соболѣзнованій господъ товарищей. Вы еще не знаете, какое прелестное созданіе эта Ѳеничка. Вѣдь, вотъ, безъ образованія, а умна и все понимаетъ. Душа-дѣвушка и какъ хороша! Только боюсь я за нее. Ахъ, еслибы только я могъ спасти ее!

Галанинъ вдругъ спохватился и оборвалъ рѣчь, чуть-было не повѣривши своей сердечной тайны. Но Стрепетовъ и безъ того догадался о ней, по тому умиленію, съ какимъ говорилъ Галанинъ объ этой дѣвушкѣ, и еще разъ пожалѣлъ этого неудачника.

Было далеко за полночь, когда Галанинъ и Стрепетовъ вышли изъ трактира и пошли домой. Дорогой Галанинъ мечталъ вслухъ о будущемъ мѣстѣ и, между прочимъ, обѣщалъ обойти всѣхъ своихъ знакомыхъ, чтобы достать и Стрепетову работу.

Они ужъ дошли до угла Лиговки, какъ мимо нихъ проѣхали извозчичьи дрожки, а Галанинъ вдругъ остановился, нервно дернувъ за руку Стрепетова, и проговорилъ упавшимъ голосомъ, указывая рукой на сидѣвшихъ въ дрожкахъ мужчину и женщину:

— Видѣли?.. Это Ѳеничка проѣхала. А вѣдь говорила, что пойдетъ къ подругѣ, а вмѣсто того опять съ этимъ мерзавцемъ на Островахъ была. Зачѣмъ же лгать? Лгать зачѣмъ?

Онъ нѣсколько минутъ шелъ молча, но, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до дому, вдругъ остановился и сказалъ:

— Не откажите въ просьбѣ, Павелъ Сергѣевичъ. Дайте рубль. Очень нужно.

Стрепетовъ, нѣсколько изумленный, вынулъ деньги и подалъ ему.

Digitized by Google

— Мегсі!—проговорилъ Галанинъ и, крѣпко пожавъ ему руку, прибавилъ:—мнѣ надо въ одно мѣсто. До свиданья. Не безпокойтесь... я скоро вернусь и пить не буду! Parole d'un gentilhomme.

И Галанинъ круто повернулся и быстро зашагалъ по тротуару.

У Стрепетова, однако, мелькнуло подозрѣніе, что Галанинъ идетъ снова пить. Онъ хотѣлъ уговорить его, остановить, но было поздно: Галанинъ сѣлъ на извозчика и уѣхалъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на возгласы молодого человѣка.

Когда Стрепетовъ позвонилъ у дверей меблированныхъ комнатъ, ему отворила двери Ѳеничка. Онъ невольно пріостановился—такая она была нарядная въ своемъ шерстяномъ платьѣ, съ серебрянымъ porte bonheur на рукѣ, вся сіяющая, возбужденная. Отъ нея сильно пахло духами. Раскраснѣвшееся лицо ея улыбалось и глаза блестѣли тѣмъ вызывающимъ блескомъ, который бываетъ у многихъ женщинъ послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина.

— А гдѣ же Ѳедоръ Петровичъ? Вы сейчасъ вмѣстѣ шли, я видѣла!—проговорила она, пропуская Стрепетова.

Тотъ объяснилъ.

— Ну, вотъ, опять запьетъ! Не надо было давать ему денегъ!—досадливо промолвила дѣвушка, проходя впередъ со свѣчой въ рукѣ.—А я только-что вернулась... Въ Аркадіи была... Прелесть, какъ было весело!.. Давали „Корневильскіе колокола". Ахъ, какъ очаровательно пѣли!—весело говорила Ѳеничка, когда Стрепетовъ отворялъ двери своей комнаты.—Когда-нибудь поѣдемте въ Аркадію вмѣстѣ... Хотите? — неожиданно прибавила она, понижая голосъ и вскидывая на молодого человѣка свои улыбающіеся, блестящіе глаза.

Стрепетовъ совсѣмъ смутился отъ этого неожиданнаго предложенія и отъ этого вызывающе-улыбающагося взгляда, и, не зная, что отвѣчать, молча зажигалъ свѣчу.

— Такъ вы не хотите?—смѣясь, повторила она, останавливаясь у порога.—Ну, такъ спокойной ночи и пріятныхъ сновъ!

И съ этими словами она капризно кивнула головой и скрылась.

„Бѣдняга Галанинъ!"—невольно подумалъ Стрепетовъ, когда чрезъ нѣсколько минутъ онъ потягивался на своемъ жесткомъ тюфякѣ, готовый заснуть.

Digitized by Google

Глава X.

„Пишу тебѣ, моя голубушка мама, уже на новой квартирѣ (Вас. Островъ, 10 линія, 72), на которую я набрелъ совершенно случайно, возвращаясь отъ Чиркова послѣ окончательныхъ переговоровъ насчетъ работы. Дѣло съ нимъ уладилось скоро. Съ завтрашняго дня я буду ежедневно, кромѣ праздниковъ, ходить къ нему для занятій, съ девяти часовъ до двѣнадцати, и за три часа работы Чирковъ мнѣ предложилъ тридцать рублей въ мѣсяцъ. Вѣдь не дурно, не правда ли? Кромѣ того, у меня въ виду есть уроки. Все это, разумѣется, занятія временныя, въ ожиданіи мѣста. Ты вѣдь знаешь изъ моихъ писемъ, какъ трудно здѣсь скоро получить мѣсто даже и съ отличными рекомендаціями, и потому не смущайся, моя дорогая, что я еще не устроился болѣе солидно; и то, слава Богу, что я скоро нашелъ работу; другіе искатели занятій (а ихъ здѣсь множество) по годамъ ждутъ. Повторяю тебѣ: не тревожься, не воображай, что я бѣдствую, и не думай посылать мнѣ деньги. Онѣ мнѣ не нужны. На мѣсяцъ я вполнѣ обезпеченъ, а затѣмъ получу отъ Чиркова и, надѣюсь, за уроки. Быть можетъ, къ тому времени и вакансія откроется въ Земледѣльческомъ банкѣ, или же Чирковъ что-нибудь да устроитъ... Однимъ словомъ, дѣла мои пока не дурны, и если твой сынъ и не оправдалъ вполнѣ надеждъ своихъ сестренокъ и не можетъ, какъ Цезарь, сказать: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“, тѣмъ не менѣе онъ не падаетъ духомъ и надѣется скоро порадовать всѣхъ васъ, милыхъ, болѣе пріятными вѣстями.

„Перебрался я изъ „трущобъ“ Ипата Никитича недѣлю тому назадъ. Раньше не хотѣлось оставлять бѣднаго Галанина одного, вернувшагося домой послѣ памятнаго вечера нашего знакомства лишь на слѣдующій день и въ ужасномъ видѣ: почти безъ платья, въ страшномъ нервномъ возбужденіи, съ странно бѣгающими глазами. Онъ въ тотъ же день слегъ въ постель и въ теченіе недѣли былъ на волосъ отъ смерти. Докторъ только удивлялся его крѣпкому организму, пропитанному алкоголемъ. Теперь Галанинъ поправляется послѣ бурной горячки и при прощаніи со мной далъ слово окончательно бросить пить. Выдержитъ ли только этотъ симпатичный и безконечно несчастный человѣкъ!

„Отъ новой своей квартиры я въ восторгѣ. Комната у меня отличная: правда, маленькая, но зато свѣтлая, опрятная, уютная... словомъ, послѣ „номеровъ“ Ипата Никитича—рай да и только. А главное удобство то, что въ квартирѣ тишина: я един-

Digitized by Google

ственный жилецъ у хозяевъ—старика, гобоиста Маріинскаго театра и его старушки-жены, смирныхъ, аккуратныхъ, одинокихъ нѣмцевъ, въ маленькой квартирѣ которыхъ такой порядокъ, такая безукоризненная чистота, что и ты, богиня порядка, осталась бы довольна. Плачу я въ этомъ тихомъ нѣмецкомъ „закуткѣ“ за комнату со столомъ и прислугой, по петербургскимъ цѣнамъ, очень недорого: двадцать-пять рублей...

„Зная, какъ ты интересуешься всѣми мелочами, касающимися твоихъ дѣтей, прибавлю, что кормятъ меня мои нѣмцы недурно. Маленькая, толстенькая, суетливая Августа Карловна любезно освѣдомляется о моихъ вкусахъ и ежедневно, въ половинѣ перваго часа, присылаетъ мнѣ стаканъ отличнаго кофе со сливками и булкой на завтракъ. Судя по заботливости и предупредительности моихъ нѣмцевъ, надо думать, что они люди добрые и что твой сынъ имъ понравился. Ужъ Августа Карловна вчера заявила мнѣ, что ей и Рудольфу Андреевичу пріятно имѣть у себя жильца, къ которому не ходитъ много гостей, который не дѣлаетъ, какъ прежній жилецъ, изъ своей комнаты „свинства“ и, вдобавокъ, говоритъ по-нѣмецки. Вотъ, мама, три главныя достоинства, благодаря которымъ я удостоился ихъ благосклонности... Самъ Рудольфъ Андреевичъ,—худощавый, прямой, пресерьезный нѣмецъ, похожій слегка на тотъ самый гобой, на которомъ ежедневно упражняется по утрамъ,—простеръ благоволеніе свое до того, что обѣщалъ взять съ собой въ оперу и посадить,—gratis, конечно,—въ оркестръ... Это—любезность, которую, по словамъ Августы Карловны, мужъ ея оказываетъ только очень хорошимъ жильцамъ... Чувствуешь ли ты все это, моя голубушка? Я, значитъ, за свое добронравіе, увижу оперу не съ тропическихъ высотъ райка, а вблизи; для этого мнѣ только слѣдуетъ, какъ объяснилъ гобоистъ, одѣть черный сюртукъ, повязать бѣлый галстухъ и вести себя въ театрѣ добронравно... Знаешь ли, для чего бѣлый галстухъ? Для того, чтобы твоего сына приняли за музыканта.

„Однако, чтожъ я? Расписываю тебѣ своихъ нѣмцевъ, а не разсказалъ о моихъ дальнѣйшихъ похожденіяхъ съ остальными рекомендательными письмами, о которыхъ ты, родная, такъ хлопотала. Ты, пожалуй, можешь подумать, что я еще не всѣ ихъ развезъ и—чего добраго—упустилъ какую-нибудь свободную вакансію на такой кусокъ хлѣба, который не сталъ бы „поперекъ горла“, какъ—помнишь?—ты выразилась, говоря о нашемъ молодомъ товарищѣ прокурора... Всѣ письма, родная моя, развезъ и теперь остался безъ писемъ, если не считать письма къ дите-

Digitized by Google

ратору Поручневу, котораго я до сихъ поръ не могъ застать дома, хотя и былъ у него три раза... А тетушка Валентина Марковна, которая, по словамъ Чиркова, очень интересная женщина, еще не вернулась изъ Баденъ-Бадена... Ее ждутъ не раньше какъ черезъ мѣсяцъ или два... Значитъ, вскорѣ я буду имѣть удовольствіе познакомиться съ ней и, конечно, подробно опишу тебѣ свои впечатлѣнія...

„Признаюсь, послѣ разговора съ Чирковымъ, я не особенно вѣрилъ въ рекомендательныя письма и колебался: идти или нѣтъ къ Неустроеву и Киріакову. Печальная перспектива, нарисованная скептикомъ-генераломъ, не выходила у меня изъ головы. Но я все-таки, мама, надѣлъ фракъ и пошелъ сперва къ Неустроеву, а потомъ къ Киріакову.

„Неустроевъ—этотъ низенькій, маленькій, совсѣмъ худой старый господинъ въ вицъ-мундирѣ, со звѣздой, съ безжизненнымъ, болѣзненнымъ и утомленнымъ лицомъ и съ сѣрыми, глубоко-сидящими глазами, которые безстрастно и куда-то вдаль глядѣли изъ-подъ бѣлесоватыхъ бровей—показался мнѣ очень жесткимъ человѣкомъ въ своей большой пріемной, гдѣ насъ было съ десятокъ просителей. Всѣмъ онъ отказывалъ, и когда подошелъ ко мнѣ, протягивая крошечную, костлявую руку за прошеніемъ, котораго у меня не было, я совсѣмъ, признаться, оробѣлъ.

„Дежурный чиновникъ выручилъ меня, объяснивъ, что я такой-то и имѣю рекомендательное письмо къ его превосходительству.

„Тогда Неустроевъ опустилъ руку и уставилъ на меня глаза. Они теперь, казалось, оживились и зорко и строго смотрѣли изъ своихъ впадинъ на твоего сына.

„Прошла долгая для меня минута, пока онъ проговорилъ:

„— Хоть васъ и рекомендуетъ мой родственникъ, но эта рекомендація для меня недостаточна. Вы изъ Самары?

„Я отвѣтилъ, что изъ Самары.

„— Отчего вы тамъ не ищете мѣста?—рѣзко замѣтилъ Неустроевъ. — Въ провинціи тоже нужны люди... А то всѣ сюда лѣзутъ. Въ Петербургѣ и безъ того слишкомъ много праздной молодежи! — нравоучительно прибавилъ онъ и, скользнувъ неодобрительнымъ, какъ мнѣ показалось, взглядомъ по моимъ курчавымъ, неприглаженнымъ волосамъ, отошелъ къ слѣдующему просителю.

„Съ этимъ назиданіемъ я вышелъ на улицу и пошелъ къ Киріакову, но этотъ—молодой человѣкъ, принявшій меня съ большей любезностью—рѣшительно ничего не могъ для меня сдѣлать.

Digitized by Google

Онъ самъ только-что бросилъ прокуратуру и перешелъ въ присяжные повѣренные, объясняя, что на службѣ платятъ мало денегъ, а служба, подъ-часъ, затруднительная.

„И объяснялъ онъ это все, мама, съ такимъ веселымъ цинизмомъ, разсказывая, какъ онъ будетъ защищать того же самаго молодого человѣка, котораго еще недавно „имѣлъ намѣреніе отправить въ мѣста весьма отдаленныя", что я только диву давался...

„Прерываю, пока, свое длиннѣйшее посланіе. Августа Карловна, щеголяющая, по случаю воскресенья, въ своемъ парадномъ шерстяномъ платьѣ и въ чепцѣ съ бантомъ, зоветъ обѣдать съ ними вмѣстѣ.

„Обѣдъ конченъ (сегодня, по случаю праздника, кромѣ обычныхъ двухъ блюдъ, были еще шмандъ-кухенъ, и Рудольфъ Андреевичъ, выпившій вмѣсто одной бутылки пива двѣ, еще горячѣе хвалилъ Бисмарка и критиковалъ новую русскую музыку), — обѣдъ конченъ, и я снова берусь за перо, чтобы поговорить съ тобой, моя голубушка! Еслибы ты знала, какъ часто я жалѣю, что не могу поговорить съ тобой такъ, какъ мы, бывало, говаривали по вечерамъ... Многимъ хотѣлось бы подѣлиться.

„Ты спрашиваешь: „понравился ли мнѣ Петербургъ?" Пока, нѣтъ — онъ чужой мнѣ, и люди здѣсь кажутся равнодушными, апатичными, боязливыми и подозрительными. Такое впечатлѣніе вынесъ я съ улицы, изъ театра, изъ библіотеки, куда ежедневно хожу читать. Я до сихъ поръ чувствую себя какимъ-то затерянымъ въ этомъ громадномъ, блестящемъ городѣ. Но зато, мама, здѣсь хорошо и удобно учиться и работать, и я серьезно разсчитываю воспользоваться пребываніемъ здѣсь, чтобы пополнить свое образованіе. Вѣдь, въ сущности, несмотря на университетъ, я такъ мало знаю, такъ поверхностно знакомъ съ общественными науками. А многое знать такъ хочется; хочется уяснить себѣ тѣ „проклятые вопросы", которые назойливо лѣзутъ въ голову... Иногда читаешь книгу и думаешь: „вотъ гдѣ правда, вотъ гдѣ истина!" Возьмешь другую: и вновь сомнѣнія... Да, мама, надо еще много работать и учиться, чтобы имѣть свое мнѣніе, а не одни только инстинкты... Почти все время я провожу теперь въ публичной библіотекѣ, и знаешь ли, о чемъ я часто мечтаю? О возможности работать въ свободное время, какъ ты говоришь, „для души", но, разумѣется, подъ условіемъ, чтобы ты и сестрёнки были со мной, и чтобы опредѣленное мѣсто давало намъ возможность скромно жить. То-то было бы хорошо! И я надѣюсь, что мечта эта сбудется... Навѣрное сбудется... От-

Digitized by Google

кроется же когда-нибудь вакансія въ Земледѣльческомъ банкѣ... Устроитъ же что-нибудь Чирковъ или тетушка Валентина Марковна... Вѣдь я могу же работать!

„Знакомыхъ у меня новыхъ нѣтъ (я помню свое обѣщаніе, мама, и не ищу знакомствъ, которыя могли бы напугать тебя). Сегодня вечеромъ думаю пойти къ Риммѣ Михайловнѣ Нерпиной, къ той милой студенткѣ, о которой я писалъ тебѣ. Необыкновенно хорошее впечатлѣніе произвела на меня эта серьезная, добрая, деликатная дѣвушка... Не бойся, не бойся, голубушка, не влюблюсь... Да она и не посмотритъ на меня... Къ тому же она, кажется, ужъ отдала свое сердце... И, наконецъ, у меня, мама, не любовь на умѣ, а мѣсто, мѣсто и мѣсто, чтобы скорѣе я могъ избавить тебя отъ этихъ уроковъ...

„Ради всего святого, не изнуряй себя уроками... не думай хоть теперь обо мнѣ... довольно ужъ ты изъ-за меня натерпѣлась... Клянусь—мнѣ ничего не нужно... Ну, пока, довольно. Горячо обнимаю тебя и цѣлую твои золотыя ручки. Здорова ли ты? Здоровы ли Катя и Соня? Обними ихъ за меня и скажи, что на дняхъ напишу имъ отдѣльно, какъ только побываю, за музыканта, въ оперѣ. Прости. Пиши чаще, моя голубушка, моя любимая!“

Окончивъ свое длиннѣйшее письмо, Стрепетовъ заходилъ по своей крошечной комнаткѣ, которой достоинства онъ значительно преувеличилъ въ своемъ описаніи, ради спокойствія матери, какъ, съ такою же цѣлью, онъ подчеркнулъ объ урокѣ, еще проблематическомъ.

Онъ ходилъ по своей клѣткѣ, и въ головѣ его проносились планы той трудовой умственной жизни, которую онъ только-что описывалъ матери. Но, незамѣтно для него самого, мысли эти смѣнились другими, и напрасно онъ гналъ ихъ. Молодость и жажда еще невѣдомой жизни давали о себѣ знать. Ему хотѣлось людей, впечатлѣній, хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь сомнѣніями, вопросами, хотѣлось счастья и радости...

И онъ внезапно поймалъ себя на мечтахъ, въ которыхъ не съ матерью дѣлился онъ впечатлѣніями, а съ другимъ существомъ, сквозь неопредѣленныя туманныя черты котораго вырисовывался женскій молодой образъ идеальной красоты, охватившій все его существо жгучимъ чувствомъ любви, трепета и томленія.

Digitized by Google

Глава XI.

I.

Въ воскресенье, въ маленькой, незатѣйливо убранной гостиной женщины-врача, Вѣры Александровны Вѣнецкой, къ восьми часамъ вечера, собрался, по обыкновенію, маленькій кружокъ близкихъ знакомыхъ Вѣры Александровны и ея сожительницы, студентки Риммы Михайловны Нерпиной.

Общій разговоръ на время стихъ. Мужчины и женщины, сидѣвшіе за круглымъ столомъ, пили чай, лѣниво перебрасываясь отрывочными фразами. Сквозь запертыя двери сосѣдней комнаты доносился громкій, полный низкихъ нотъ, женскій голосъ.

— Однако, Коврова долго-таки муштруетъ бѣдную Римму!— промолвила, наконецъ, сидѣвшая у самовара хозяйка, худощавая дѣвушка не первой молодости, въ черномъ кашемировомъ платьѣ, съ живыми, быстрыми сѣрыми глазами, оживлявшими ея умное, подвижное, миловидное лицо, окаймленное гладко зачесанными назадъ пепельными волосами.

— Подождите, коллега, всѣмъ достанется!—замѣтилъ, значительно улыбаясь, молодой врачъ въ новенькомъ военномъ сюртукѣ, протягивая руку съ пустымъ стаканомъ.—Сегодня Надежда Васильевна въ ударѣ распекать!

Въ эту самую минуту двери распахнулись, и въ комнату быстро вошла Коврова, высокая, крупная брюнетка цыганскаго типа, съ взбитыми и вьющимися у лба колечками черными пышными волосами. Она была далеко не первой молодости и того возраста, который деликатно опредѣляется словами: „около тридцати“, но ея нервное, выразительное лицо, полное ума и жизни, съ блестящими глазами, сохраняло еще слѣды былой миловидности и, оживленное теперь, казалось моложавымъ.

Несмотря на расплывчатость начинавшаго полнѣть стана, она порывисто подошла къ столу, порывисто опустилась на стулъ и, словно бы продолжая прерванный разговоръ, воскликнула, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Сами и виноваты. Сами, сами, сами!

— Кто? Въ чемъ?—спросила съ улыбкой Вѣнецкая, перегибаясь чуть-чуть впередъ своимъ гибкимъ, изящнымъ станомъ.

— И ты, Вѣра, и Римма, и всѣ вы!—продолжала Коврова тѣмъ же возбужденнымъ тономъ, перебирая своими длинными, тонкими, слегка дрожавшими пальцами бѣлую скатерть.—Моло-

Digitized by Google

дость-то свою, лучшіе годы, убили надъ книжками, ради науки, отъ людей бѣгали, по принципу, душили въ себѣ жажду жизни, и вотъ теперь...

Она остановилась на секунду и, вскидывая свои черные, горѣвшіе неспокойнымъ блескомъ глаза на Вѣнецкую и на сидѣвшую около Вѣнецкой некрасивую дѣвушку тоже лѣтъ „около тридцати", неожиданно спросила:

— Ну, скажите, по совѣсти, вполнѣ вы счастливы со своими докторскими значками?

— Вотъ она, всегда такъ! Пріѣдетъ изъ своей провинціи и начнетъ браниться!—проговорила Вѣра Александровна, какъ будто жалуясь, но по ея улыбавшемуся лицу, по загорѣвшимся глазамъ видно было, что этотъ щекотливый вопросъ, несмотря на рѣзкую его постановку, не былъ непріятенъ докторшѣ.

— Какъ же не бранить васъ! Погляжу я, вы все живете по прежнему, чуждаясь жизни. Будто, въ самомъ дѣлѣ, только и свѣта въ окошкѣ, что въ вашихъ больницахъ да въ медицинскихъ книжкахъ?.. Эхъ, милые мои доктора, смотрите, годы пройдутъ, поздно будетъ!—прибавила Коврова, и въ ея голосѣ дрогнула грустная нотка.—Я вотъ сейчасъ допрашивала Римму, но вы вѣдь ее знаете, нашу монашенку Римму? Она помалчиваетъ и улыбается. Ей—дѣятельность въ земствѣ и ничего болѣе. Долгъ, самоотверженіе и крестъ!.. Превосходно, но жить, для себя жить, развѣ не хочется?—воскликнула Коврова, и въ этомъ восклицаніи, точно невольно, вырвался крикъ собственнаго сердца. —Отвѣчай же, Вѣра, на вопросъ... Только, смотри, не лукавь.

Сухощавый, пожилой господинъ, съ кудрявой, начинавшей сильно сѣдѣть, бородой, молча и равнодушно курившій сигару, на концѣ стола, и, повидимому, не особенно интересовавшійся разговоромъ, исподлобья взглянулъ на Вѣру Александровну. Его спокойное, умное и некрасивое лицо съ маленькими зоркими и насмѣшливыми глазами оживилось, и по губамъ скользнула усмѣшка. Это былъ одинъ изъ извѣстныхъ въ ученомъ медицинскомъ мірѣ врачей—профессоръ Черникъ.

Въ отвѣтъ на вопросъ Ковровой, Вѣнецкая улыбнулась той загадочной улыбкой, которой прикрываются женщины, когда почему-либо не хотятъ говорить правды, и, уклоняясь отъ прямого отвѣта, протянула:

— Счастіе вѣдь вещь условная, моя милая!

— Не финти, пожалуйста, Вѣра, и не отдѣлывайся фразой! Отвѣчай прямо.

— Да чего ты отъ меня хочешь? Какого отвѣта? Не всѣмъ

Digitized by Google

выпадаетъ на долю личное счастье... На нѣтъ и суда нѣтъ... Слава Богу и то, что есть дѣятельность.

— И ты вполнѣ удовлетворена одной дѣятельностью!?

— Покамѣстъ—да. Что будетъ дальше, не знаю!—отвѣчала дѣвушка, принимаясь наливать чай.

— И ничего тебѣ болѣе не нужно?—не унималась Коврова.

— Вотъ слѣдователь! Развѣ есть вполнѣ довольные люди на свѣтѣ?—лукаво усмѣхнулась дѣвушка, все-таки уклоняясь отъ отвѣта.—Андрей Ивановичъ!—обратилась она къ сидѣвшему на концѣ стола Чернику:—хотите чаю?

Онъ утвердительно кивнулъ головой, не проронивъ ни слова, и передалъ стаканъ.

— Что до меня,—твердо и спокойно заговорила, сидѣвшая рядомъ съ Вѣнецкой, здоровая, плотная, крѣпко сложенная немолодая и некрасивая дѣвушка съ крупными и рѣзкими чертами серьезнаго, энергическаго и довольнаго лица,—то я вполнѣ счастлива своей судьбой и ни о какомъ личномъ счастьѣ не думаю. Да и что думать о глупостяхъ!.. Насмотрѣлась я на него, на это семейное счастье, живши въ гувернанткахъ,—Богъ съ нимъ!.. По крайней мѣрѣ, у меня есть цѣль въ жизни, полезная дѣятельность, независимость и... и кусокъ хлѣба!—прибавила она, и ея лицо, ея голосъ, вся плотная, крѣпкая и спокойная фигура дышали тѣмъ выраженіемъ удовлетворенности и довольства, которое бываетъ у людей, достигшихъ независимаго положенія послѣ суровой и тяжелой жизненной борьбы.

— Вы себя обманываете, если говорите искренно!—воскликнула Коврова.—Все это, разумѣется, прекрасно: и цѣль, и дѣятельность, и независимость... Я понимаю, я сочувствую... Но куда-жъ вы дѣнете, мои милыя, свое *я*? Что вы отвѣтите на запросы личной жизни, личнаго счастья?.. Такое самоотреченіе бываетъ, не спорю, у натуръ исключительныхъ, преданныхъ какой-нибудь идеѣ, забывающихъ себя во имя ея. Но такіе люди—исключеніе. Да и они страдаютъ отъ одиночества. Вѣдь это, во всякомъ случаѣ, ненормальная жизнь!.. Нѣтъ, нѣтъ, вы все не то говорите, не то, или просто не хотите сознаться, что одна только дѣятельность не можетъ, не должна удовлетворить здороваго, живого человѣка!—окончила Коврова съ закипавшимъ раздраженіемъ въ голосѣ, встряхивая головой.

— Вы, Коврова, преувеличиваете!—серьезно замѣтила некрасивая дѣвушка.

— А я вамъ говорю: не шутите съ жизнью—она отмститъ вамъ. Хотѣла бы я заглянуть въ ваши сердца, милостивыя го-

Digitized by Google

сударыни, когда вы слушаете хоть на сценѣ Фауста, поющаго вѣчно юную пѣснь Маргаритѣ... Что съ вами тогда дѣлается?

— И ничего бы тамъ не увидали, право!—добродушно проговорила некрасивая дѣвушка.

— А я знаю, что дѣлается съ моимъ почтеннымъ коллегой, Вѣрой Александровной!—насмѣшливо проговорилъ докторъ Черникъ.

— Что?

— Она думаетъ въ это время, какая форма горловой чахотки можетъ развиться у Фауста.

Вѣра Александровна, смѣясь, пожала плечами, а Коврова съ досадой промолвила ему:

— Ничего вы не знаете, хоть и ученый докторъ. Вы сами въ это время вѣрно думаете объ ужинѣ.

— Грѣшенъ, думаю, и потому въ антрактахъ закусываю.

— Нѣтъ, полноте обманывать и другихъ, и себя!—горячилась Коврова, обращаясь къ Вѣнецкой.—Повторяю, сами виноваты, сами!

— Но послушай, однако!—вступилась Вѣнецкая:—при чемъ тутъ наука и докторскіе значки, о которыхъ ты говорила? вотъ чего я не понимаю! Не все ли равно—быть старой дѣвой со значкомъ или безъ значка? Въ послѣднемъ случаѣ еще тяжелѣе.

— Развѣ я говорила, что наука виновата? Виноваты вы, виновато доктринерство ваше... Вы сами отказались отъ личнаго счастья ради дѣятельности, точно одно другому мѣшаетъ!.. Точно мало васъ, докторовъ, замужемъ?.. Вы боялись, что личное счастье васъ свяжетъ. Не прикидывайся, пожалуйста, Вѣра, что не понимаешь! Отлично понимаешь, о чемъ я говорю.

Вѣра Александровна усмѣхнулась, припомнивъ свой давнишній романъ, прекращенный ею на первой же главѣ, и замѣтила:

— Если боялись,—значитъ, сильнаго чувства не было!

— Вздоръ! чувства не было!? Душили вы его. Любить, что-ли, вы не хотите? Да въ васъ во всѣхъ, монашенкахъ, такая потребность любви, что изъ-за нея вы не просто работаете, а... какъ бы вѣрнѣе сказать?.. вы вѣчно свершаете подвиги, надламывая свои силы, пока не надломите. Вотъ этотъ-то родникъ любви вы и кладете весь въ свою дѣятельность, заглушая ею потребности сердца... Что вы тамъ ни говорите, какъ меня ни увѣряйте, а все-таки безъ личнаго счастья никакого счастья нѣтъ. И вы это испытываете. Нечего усмѣхаться, Вѣра!.. Я правду говорю.

Интереснѣе всего было то, что заботившаяся такъ о дру-

Digitized by Google

гихъ Надежда Васильевна сама была далеко не избалованная личнымъ счастьемъ пожилая дѣвушка. Одиноко жила она въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ, заработывая себѣ кусокъ хлѣба уроками и журнальными статьями, всегда отзывчивая на все доброе, увлекающаяся и вѣчно устроивающая кого-нибудь. Сама она какъ-то просмотрѣла молодость, отдавши всю себя заботамъ сперва о больной матери, а послѣ смерти ея—заботамъ о другихъ, и съ горечью порѣшила, что теперь ей, пожалуй, и поздно думать о своемъ счастьѣ. Тѣмъ съ большимъ участіемъ относилась она къ своимъ друзьямъ. Разъ или два въ годъ пріѣзжала она въ Петербургъ, чтобъ повидаться съ ними, наговориться до-сыта о разныхъ вопросахъ, растормошить ихъ и непремѣнно отыскать какую-нибудь „интересную“ женщину. Отыскиванье „интересныхъ“ женщинъ было слабостью Надежды Васильевны. Въ каждый ея пріѣздъ она всегда ухитрялась найти что-нибудь „свѣжее“ и „оригинальное“, и серьезно сердилась, если друзья ея, съ которыми она тотчасъ же знакомила свою „интересную“ женщину, не находили въ ней ничего особенно интереснаго.

— Вопросъ исчерпанъ, надѣюсь?—засмѣялась хозяйка.

— Мы еще поговоримъ, поговоримъ объ этомъ. А гдѣ же Римма?.. Римма! Римма! Да брось ты, наконецъ, свою анатомію и иди къ намъ!—крикнула Коврова.

— Иду, иду!—откликнулся мягкій голосъ Риммы Михайловны.

— Всѣмъ на орѣхи досталось!—сказалъ, усмѣхнувшись, молодой военный врачъ, сохранявшій все время на своемъ молодомъ румяномъ лицѣ то выраженіе солидной серьезности, которымъ любятъ щеголять начинающіе молодые врачи.

— Подождите, и вамъ достанется!—проговорила, смѣясь, Коврова и обратила взоры на двери, въ которыхъ показалась маленькая фигурка Риммы Михайловны, ея любимицы.

Чуть-чуть покачиваясь своимъ гибкимъ, нѣжнымъ станомъ, приблизилась къ столу Римма Михайловна, одѣтая въ черномъ, отлично сидѣвшемъ на ней, платьѣ, перетянутомъ кожанымъ пояскомъ. Никакихъ украшеній не было въ ея костюмѣ,—только изъ-подъ воротника и изъ-подъ узкихъ рукавовъ платья бѣлѣли узкія полоски кружева. Пышныя косы, заплетенныя въ два ряда, спускались по плечамъ, и эта прическа очень шла къ ней, придавая ея серьезному лицу какую-то особенную, чисто-дѣтскую миловидность.

— А ты все кипятишься?—спокойно и точно удивляясь, что

Digitized by Google

можно такъ долго обсуждать эти вопросы, проговорила Римма Михайловна, садясь около Ковровой.—Налей-ка мнѣ, Вѣра, чаю.

Надежда Васильевна, слѣдившая за каждымъ, полнымъ граціи и изящества, движеніемъ своей любимицы, вмѣсто отвѣта глядѣла теперь на нее съ выраженіемъ влюбленности и эстетическаго удовольствія.

— Ты что это такъ смотришь?—застѣнчиво улыбнулась Римма Михайловна, и щеки ея густо покрылись румянцемъ.

— Ничего, ничего. Дай я поправлю твои косы.

Нѣсколько преувеличенная общимъ вниманіемъ горячность, съ какой говорила Коврова, остывала теперь въ присутствіи этого тихаго, повидимому, спокойствія Риммы Михайловны, и Коврова уже спокойнѣе спросила ее:

— Итакъ, Римма, мы поставили крестъ?

— Непремѣнно она насъ всѣхъ хочетъ замужъ выдать!—промолвила, улыбаясь, Римма Михайловна.—Поздно спохватилась!

— Не люблю я, Римма, когда ты корчишь изъ себя старуху.

— Старуха не старуха, а двадцать-восемь лѣтъ.

— Ну, и что-жъ?

— Ну, и ничего. Я говорю только, что пора примириться съ моимъ положеніемъ старой дѣвы.

Коврова пристально взглянула на нее. Она знала давнишній романъ Риммы Михайловны, давно мучилась за свою любимицу, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ героя этого романа безъ развязки, и подозрѣвая, что ея Римма все еще помнитъ старое, съ сердцемъ проговорила:

— И останешься старой дѣвой... И останешься!.. И всѣ вы останетесь старыми дѣвами, если будете продолжать вести жизнь монашекъ. Гдѣ у васъ знакомые? У васъ и мужчинъ-то знакомыхъ нѣтъ!

Всѣ расхохотались.

— Благодарите, господа, Надежду Васильевну!—воскликнула Вѣнецкая, обращаясь къ мужчинамъ.

— Да развѣ это мужчины? Это—коллеги, а не мужчины. Развѣ въ нихъ можно влюбиться?

— Обижаете вы насъ, Надежда Васильевна! — отозвался, смѣясь, Черникъ.

— Нынче и молодые люди какіе-то... черезъ-чуръ благоразумные. Вы вотъ спросите-ка Петра Аркадьевича, былъ ли онъ влюбленъ хоть разъ?

Молодой врачъ въ новенькомъ сюртукѣ подумалъ и отвѣчалъ:

— Настоящимъ образомъ, кажется, нѣтъ.

Digitized by Google

— Ну, вотъ, видите. А случись влюбиться—онъ струситъ и убѣжитъ, какъ Подколесинъ.

— Это вы вѣрно сказали. Убѣгу.

Общій взрывъ смѣха раздался въ комнатѣ. Но молодой докторъ не смутился.

— Отчего жъ вы убѣжите? — допрашивала неугомонная Коврова.

— Очень просто. Оттого, что мнѣ жениться нельзя. Разсудите сами, коллеги: получаю я жалованья пятьдесятъ рублей, практики почти никакой. Какъ же мнѣ влюбляться?

— И вы это серьезно?—вскипятилась Коврова.

— Совершенно серьезно.

— Вѣдь это Богъ знаетъ что такое! Такъ можно, пожалуй, разсуждать въ сорокъ лѣтъ, а не въ двадцать-семь.

— Говорите какъ хотите, а оно такъ! Чтобы жениться, надо имѣть, по крайней мѣрѣ, три тысячи въ годъ,—иначе невозможно жить. Все это я давно обсудилъ, и потому пока не влюбляюсь.

Хотя Петровъ (такъ звали молодого врача) и говорилъ самымъ серьезнымъ тономъ и хотя высказанныя имъ соображенія и соотвѣтствовали отчасти складу его характера, взглядовъ и привычекъ, но видно было, что онъ нарочно подчеркивалъ свой трезвый образъ мыслей, какъ будто довольный произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.

— И что жъ тутъ удивительнаго, милостивая государыня?— продолжалъ онъ.—Я говорю только откровенно то, что многіе скрываютъ. Я не храбрый человѣкъ, а чтобы жениться въ моемъ положеніи, надо имѣть много храбрости и легкомыслія. Прошлымъ лѣтомъ, когда я былъ за границей, одинъ французъ докторъ основательно мнѣ объяснялъ, какъ и когда онъ женится, сколько minimum приданаго должно быть за женой и сколько у нихъ будетъ дѣтей.

— Довольно, довольно! — воскликнула Коврова. — Все это извѣстно, и все это гадости. Да и вы сами рисуетесь вашей трезвостью. Впрочемъ, теперь многіе такъ разсуждаютъ. А вы почему во-время не женились, Андрей Ивановичъ?—вдругъ обратилась она къ доктору Чернику.—Тоже по бюджетнымъ соображеніямъ, что-ли? Теперь-то ужъ, пожалуй, и поздно?—прибавила она, смѣясь.

— Отчего поздно?—съ комичнымъ негодованіемъ замѣтилъ Черникъ.—Лучше поздно, чѣмъ никогда.

— Въ женитьбѣ, напротивъ—лучше никогда, чѣмъ поздно.

Digitized by Google

— Правильно, правильно, Надежда Васильевна! — смѣясь, проронилъ Черникъ.—Куда намъ, старикамъ, объ этомъ думать. Почему до сихъ поръ не женился? Могу сказать только, что не по бюджетнымъ соображеніямъ.

— А почему же?—спросила Вѣнецкая.

— Васъ это интересуетъ, коллега?—спросилъ Черникъ, и маленькіе его глаза засвѣтились лукавой усмѣшкой.—Какъ и вы, я также не желалъ стѣснять своей свободы и не искалъ во-время барышни, желающей выйти за меня замужъ. Вѣрно, на очень „интересныхъ субъектовъ“ не наталкивался, ибо „легкія воспаленія“ въ молодости бывали, а серьезной, хронической болѣзни не было.

— Теперь ужъ и не будетъ!—замѣтила Коврова.

— Кто знаетъ, Надежда Васильевна. Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро!—полушутя отвѣчалъ Черникъ.

— И по дѣломъ! Влюбитесь да и кайтесь отъ безнадежной любви!

— Что дѣлать?! Придется, видно, когда-нибудь каяться!—пошутилъ Черникъ.

Вѣнецкая пристально взглянула на профессора и, поймавъ его взглядъ, отвела глаза и притихла, а Черникъ, повидимому, спокойно курилъ сигару, пощипывая свою сѣдоватую бороду.

На минуту воцарилось общее молчаніе. Въ это время раздался звонокъ.

— Вѣрно, Орловскій,—замѣтила Вѣнецкая, безпокойно взглядывая на Римму Михайловну.

— Нѣтъ, онъ сказалъ, что не будетъ! Я вчера встрѣтила его на улицѣ!—равнодушно замѣтила Римма.

— И отлично, что не будетъ. Я терпѣть не могу этого Нарцисса!—шепнула Коврова на ухо Риммѣ Михайловнѣ.

Та только чуть-чуть пожала плечами.

Всѣ смотрѣли на двери, ожидая, кто войдетъ, и черезъ минуту увидали Стрепетова, который, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, пріостановился, смущенный при видѣ незнакомаго общества, и, откидывая послѣ поклона свои черныя кудри, спросилъ:—Здѣсь живетъ...

Но, увидавъ вдругъ поднявшуюся изъ-за стола Римму Михайловну, онъ, не окончивъ вопроса, торопливо подошелъ къ ней, порывисто пожимая ей руку, и его красивое, дышавшее свѣжестью лицо освѣтилось радостной, свѣтлой улыбкой.

Digitized by Google

Глава XII.

Нѣсколько смущенная проявленіемъ такой восторженной радости, Римма Михайловна поспѣшила перезнакомить Стрепетова со всѣми и указала ему мѣсто подлѣ себя. Всѣ женщины, уже слышавшія отъ Риммы Михайловны о ея дорожномъ спутникѣ, встрѣтили гостя радушно, съ той товарищеской простотой, которая тотчасъ же избавила Стрепетова отъ застѣнчиваго смущенія, охватившаго его въ первую минуту, и ему скоро почувствовалось необыкновенно хорошо и уютно за круглымъ столомъ, въ этой маленькой комнатѣ, гдѣ всѣ показались ему такими добрыми и хорошими, а Римма Михайловна—необыкновенно молодой и милой, со своими распущенными по плечамъ косами.

Мужчины, впрочемъ, отнеслись къ новому гостю сдержаннѣе. Петровъ напустилъ на себя еще болѣе солидной серьезности и затѣялъ медицинскій разговоръ съ Вѣрой Александровной, а докторъ Черникъ насупился и молча курилъ, изрѣдка бросая пытливые взгляды то на Вѣру Александровну, то на этого новаго гостя, о которомъ онъ ничего не слыхалъ.

На женщинъ Стрепетовъ произвелъ, повидимому, сразу хорошее впечатлѣніе. Чѣмъ-то непосредственнымъ, совсѣмъ не похожимъ на петербургскій шаблонъ, вѣяло отъ этого здороваго, румянаго, черноглазаго молодого человѣка, къ которому такъ шли и эта застѣнчивость, и эта наивная радость одинокаго провинціала при встрѣчѣ съ дорожной спутницей, и нескрываемое чувство преувеличеннаго уваженія, съ какимъ онъ относился ко всѣмъ этимъ женщинамъ-докторамъ. Вдобавокъ, всѣ, кажется, нашли, что Стрепетовъ очень недуренъ (Римма Михайловна, разсказывая о своемъ знакомствѣ съ „наивнымъ“ юношей, почему-то не догадалась сообщить объ его наружности), и это обстоятельство, надо думать, въ значительной мѣрѣ усиливало благопріятное впечатлѣніе, произведенное Стрепетовымъ на дѣвицъ „около тридцати лѣтъ“.

Съ обычной своей экспансивностью, Коврова уже возвела новаго гостя въ „интересные“ и рѣшила заняться имъ основательно для того, чтобы узнать, какъ она выражалась, „что это за типъ“? И пока онъ разговаривалъ съ Риммой Михайловной, порывисто разспрашивая о ея здоровьѣ, о ея занятіяхъ,—ея пылкая фантазія уже создавала будущій романъ. Онъ, конечно, влюбится, если ужъ не влюбленъ, этотъ красивый юноша, въ ея любимицу Римму, и этотъ монашескій скитъ, гдѣ у всѣхъ на

Digitized by Google

умѣ только медицина да больные, навѣрное оживится съ новымъ знакомствомъ. И слава Богу! А то Петровъ и Черникъ—единственные знакомые мужчины. Развѣ съ ними можетъ быть какой-нибудь интересный романъ? Развязка только не давалась Надеждѣ Васильевнѣ. Неужели Римма по прежнему будетъ неуязвима? Неужели она не похоронила еще старой привязанности, испортившей ея жизнь?

„И зачѣмъ этотъ „кудряшъ" такъ молодъ!"—чуть-было не сорвалось у нея съ языка послѣ напрасныхъ поисковъ благополучной развязки въ видѣ свадьбы, и она взглянула на Стрепетова почти что съ досадой за то, что онъ такъ безобразно молодъ.

Онъ, между тѣмъ, умолкъ, нѣсколько обиженный, что Римма Михайловна не поинтересовалась, въ свою очередь, узнать о томъ, какъ онъ устроился, что онъ дѣлаетъ, и молчала, упорно молчала, точно не находя тэмы для разговора. Онъ и на пароходѣ, когда они ѣхали вмѣстѣ, успѣлъ замѣтить, что Римма Михайловна сдержанна, отвѣчаетъ лишь на вопросы, о себѣ не говоритъ и ни о чемъ не разспрашиваетъ; но могла же она теперь кинуть хоть одно слово! „А, впрочемъ, какое ей до меня дѣло?"—подумалъ онъ съ горькимъ чувствомъ, и вдругъ застѣнчиво притихъ, какъ притихаютъ привыкшія къ ласкѣ дѣти, когда ихъ не приласкали.

Вѣра Александровна, замѣтившая это, прервала медицинскую бесѣду и съ чисто женскимъ тактомъ обратилась къ Стрепетову съ тѣми ничего не значащими вопросами, которые ободряютъ застѣнчиваго гостя, избавляя его отъ неловкаго молчанія. Даже некрасивая, серьезная дѣвушка, обыкновенно молчаливая въ обществѣ, и та о чемъ-то спросила Стрепетова и, сама не зная почему, весело улыбалась.

— А вѣдь мы думали, что вы раньше придете?—продолжала Вѣнецкая, передавая ему стаканъ чая.

— Я собирался и въ прошлое воскресенье шелъ даже сюда!

— И что же?

— И... не дошелъ!—отвѣчалъ со смѣхомъ Стрепетовъ, краснѣя въ то же время при воспоминаніи, какъ онъ малодушно вернулся, бывши у самыхъ дверей.

— Отчего не дошли?

— Да побоялся помѣшать занятіямъ Риммы Михайловны и... вернулся. Сегодня, какъ видите, не испугался!—прибавилъ Стрепетовъ съ улыбкой.

— И хорошо сдѣлали!—любезно промолвила Вѣра Александровна.

Digitized by Google

— Узнаю Римму!—воскликнула Коврова.—Она всѣхъ пугаетъ своими экзаменами. А вы не обращайте вниманія на ея слова и приходите, когда вздумается. И то заучилась до чертиковъ.

— Я его вовсе не пугала!—вставила Римма Михайловна.

— Нѣтъ, нѣтъ, но я все-таки боялся.

— Вѣрно, ужъ вы успѣли завести знакомства—не то что наши монашенки, которыя живутъ здѣсь цѣлые годы и не видятъ людей?—допрашивала Коврова.

— Никакихъ! Впрочемъ, виноватъ...

И Стрепетовъ разсказалъ о знакомствѣ въ меблированныхъ комнатахъ съ однимъ „прекраснѣйшимъ“ человѣкомъ да съ хозяевами: Ипатомъ Никитичемъ, его падчерицей и съ „нѣмцами“.

— Вотъ и всѣ мои знакомства, если не считать Чиркова да тѣхъ лицъ, которымъ я развозилъ свои рекомендательныя письма. Помните, какія я возлагалъ на нихъ надежды, Римма Михайловна?

— И помогли они вамъ?—освѣдомилась дѣвушка.

— То-то, не очень!

— Петербургъ, значитъ, пока не оправдалъ вашихъ надеждъ?

— Онъ показалъ мнѣ, Римма Михайловна, что я былъ большой дуракъ, когда, ѣхавши сюда, воображалъ, будто стоитъ показать свои рекомендательныя письма, и... сдѣлайте одолженіе, получите мѣсто. Онъ скоро подрѣзываетъ крылья, вашъ Петербургъ! – прибавилъ юноша.

— Не люблю я его... Бездушный, скверный, злой городъ!—воскликнула Коврова.—Вы разскажите намъ про ваши петербургскія впечатлѣнія. Это, должно быть, интересно.

— Едва ли.

— Разскажите, разскажите!—раздались женскіе голоса.

— Да, быть можетъ, Павелъ Сергѣевичъ не желаетъ, а вы его заставляете!—вступилась Римма Михайловна.

— Не всѣ такіе молчальники, какъ ты, Римма! Разсказывайте, разсказывайте, Павелъ Сергѣевичъ!—настаивала Коврова.

Стрепетовъ сталъ разсказывать про свои первые шаги, набрасывая портреты лицъ, сцены, разговоры, то съ наивнымъ юморомъ простодушнаго провинціала, то съ горячимъ чувствомъ того юнаго, неподдѣльнаго изумленія или негодованія, какого ужъ давно не приходилось слышать этимъ затворницамъ-докторамъ ни въ своихъ больницахъ, ни на журъ-фиксахъ у своихъ коллегъ. Что-то хорошее, свѣжее, какъ опьяняющій запахъ весны, что-то недавно забытое въ сухихъ медицинскихъ книгахъ, профессорскихъ лекціяхъ, спеціальныхъ разговорахъ и въ работѣ,

Digitized by Google

невольно сообщалось слушательницамъ отъ этихъ рѣчей юноши, и когда онъ вдругъ оборвалъ разсказъ, сконфуженный, что долго говорилъ и занялъ собою общее вниманіе этихъ серьезныхъ ученыхъ женщинъ, онѣ просили его еще разсказать о своихъ похожденіяхъ.

— Развѣ не надоѣло слушать мою болтовню?—застѣнчиво проговорилъ онъ и взглянулъ на Римму Михайловну, словно бы спрашивая совѣта:—продолжать ли ему, или нѣтъ?

— Говорите!—проронила она, невольно улыбаясь.

И Стрепетовъ снова заговорилъ обо всемъ, что поразило его въ Петербургѣ. Переполненный впечатлѣніями, возбужденный сочувствіемъ, онъ пустился въ откровенности: разсказывалъ о своихъ разочарованіяхъ на первыхъ порахъ, о своихъ надеждахъ, о томъ, какъ онъ устроитъ жизнь, какъ выпишетъ мать и сестеръ; разсказалъ, какъ боялась за него мать, предостерегая отъ знакомствъ, какъ и здѣсь всѣ говорили ему объ осторожности, какъ подчасъ тоскиво ему одному безъ друзей, въ этомъ непривѣтливомъ городѣ, гдѣ такъ подозрительно смотрятъ на молодыхъ людей, точно молодость ужъ сама по себѣ есть преступленіе, и гдѣ ему иногда вдругъ кажется, будто онъ, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ въ томъ, что ему двадцать-два года и онъ хочетъ честно завоевать себѣ кусокъ хлѣба. А этотъ циничный Кирьяковъ! А этотъ Неустроевъ! А мораль Чиркова!

Въ его торопливыхъ изліяніяхъ было столько подкупающей искренности, самъ говорившій, несмотря на первыя неудачи, былъ проникнутъ такимъ жизнерадостнымъ чувствомъ, такой вѣрой въ жизнь и людей, что эта простодушная откровенность, эта готовность открыть душу передъ людьми, которыхъ Стрепетовъ видѣлъ въ первый разъ, не только не показались странными, но, напротивъ, всѣхъ очаровали, какъ что-то новое, давно не слыханное въ трезвомъ Петербургѣ.

Даже профессоръ Черникъ, завзятый пессимистъ, сомнѣвавшійся и въ медицинѣ, въ которой завоевалъ себѣ крупное имя, слушалъ юношу внимательно. Мягкая, ласковая улыбка давно уже играла на его тонкихъ губахъ, и онъ по временамъ сочувственно взглядывалъ на возбужденное, полное жажды жизни, лицо Стрепетова, и въ то же время въ душѣ его подымалось больное чувство зависти человѣка, чувствовавшаго, что потерялъ въ житейской сутолокѣ ту искреннюю, чистую вѣру въ идеалъ добра, которою, казалось, былъ весь проникнутъ этотъ „счастливый пока“ юноша, совсѣмъ не похожій на большинство трезвенныхъ молодыхъ людей послѣдняго времени.

Digitized by Google

„И въ какой только Аркадіи онъ сохранилъ такую свѣжесть и наивность?“ — недоумѣвалъ докторъ.

Стрепетовъ скоро почувствовалъ, что понравился всѣмъ. Одна Римма Михайловна, казалось ему, не обращала на него вниманія и была сдержанна и холодна. И это возбуждало въ немъ чувство горечи. Ему хотѣлось, чтобы именно она была съ нимъ мягче, дружелюбнѣе, чтобы она обмолвилась словомъ участія. Развѣ не для нея, главнымъ образомъ, говорилъ онъ? Вниманіе другихъ хоть и было пріятно, но не имѣло въ глазахъ его того значенія, какое имѣло бы ласковое слово Риммы Михайловны. „Она перемѣнилась. Не та, какою была на пароходѣ“, — приходило на мысль молодому человѣку.

Стрепетовъ не разъ въ теченіе вечера пробовалъ заговаривать съ нею, но разговоръ обрывался на первыхъ же словахъ. Къ удивленію своему, онъ испытывалъ теперь какое-то робкое волненіе, мѣшавшее ему заговорить съ нею съ той свободой, съ какою болталъ раньше, во время путешествія. И онъ украдкой взглядывалъ на Римму Михайловну, взглядывалъ и поспѣшно отводилъ глаза, встрѣчая случайно ровный, спокойный взглядъ ея большихъ черныхъ глазъ, — словно боялся, какъ бы она не разсердилась за то, что онъ, недостойный, осмѣливается любоваться этою „мадонной“, какъ мысленно онъ уже называлъ Римму Михайловну.

„И какъ это онъ, слѣпой болванъ, могъ прежде, на пароходѣ, не замѣтить этой возвышенной, одухотворенной красоты?!. Почему только теперь она явилась во всей своей прелести, точно внезапно осѣнивъ его просвѣтленіемъ?“ — спрашивалъ себя не разъ молодой человѣкъ, счастливый уже тѣмъ, что онъ видитъ ее, чувствуетъ ея присутствіе.

Все теперь въ этой серьезной студенткѣ казалось Стрепетову чѣмъ-то идеальнымъ, проникновеннымъ, внушавшимъ желаніе преклониться передъ ней, какъ передъ высшимъ существомъ, не отъ міра сего. Прежнее чувство уваженія подъ новымъ впечатлѣніемъ сразу приняло форму обожанія.

По обыкновенію всѣхъ цѣломудренныхъ натуръ, жаждущихъ, но не испытавшихъ любви и не испорченныхъ дешевыми ласками, онъ теперь идеализировалъ до смѣшного объектъ своего поклоненія, и, разумѣется, никакая нескромная мысль не профанировала его благоговѣйнаго чувства, когда, стыдливо тая его въ глубинѣ души, онъ осторожно взглядывалъ на красивый, классически-строгій, словно изваянный профиль своей сосѣдки. Подъ этимъ цѣломудреннымъ бѣлымъ лбомъ, казалось Стрепетову, должны были

Digitized by Google

роиться благородныя, возвышенныя мысли. Самая молчаливая ея сдержанность плѣняла какою-то загадочностью. Въ этихъ бархатистыхъ глазахъ, кроткихъ и вдумчивыхъ, онъ видѣлъ глубину и умъ, самоотверженіе и тихую, затаенную скорбь. Сжатыя, пышныя алыя губы, подернутыя пушкомъ, говорили ему объ энергіи этого на видъ слабаго существа. Вся ея гибкая маленькая фигура, каждое ея движеніе, медленное, какъ у женщинъ Востока, казались ему полными чарующей граціи и цѣломудренной скромности, говорившей, что сама эта дѣвушка не сознаетъ, какъ она мила. И это еще болѣе увеличивало обаяніе ея красоты на восторженнаго юношу.

И пышныя, чудныя косы, подъ тяжестью которыхъ точно склонялась книзу голова дѣвушки, и родимое пятнышко на щекѣ, рдѣвшей приливавшимъ сквозь нѣжную кожу румянцемъ, и маленькія кисти красивыхъ, сложенныхъ на груди, рукъ съ просвѣчивающимися голубыми жилками, и самый костюмъ, черное кашемировое платье, плотно облегавшее нѣжный худощавый станъ, —все, казалось ему, имѣло печать особой прелести, все между собою гармонировало, сливаясь въ общемъ впечатлѣніи благородной, изящной красоты, чистоты и непорочности.

Мысль о возможности какихъ-либо несовершенствъ у этой дѣвушки, разумѣется, ни разу не приходила въ голову Стрепетова. Обрадованный, что Коврова затѣяла споръ съ Черникомъ, и что общее вниманіе было обращено на споривших, онъ, прислушиваясь къ спору, свободно любовался Риммой Михайловной, вѣрнѣе —внутренно молился на нее.

И еслибы въ эту минуту восторженнаго созерцанія Стрепетову сказали, что въ благоговѣйномъ чувствѣ, внезапно охватившемъ его, значительную роль играетъ и безсознательный чувственный инстинктъ, капризно воплотившій въ этой дѣвушкѣ неопредѣленные сны и грезы пробуждавшейся страсти, онъ замеръ бы отъ стыда, считая себя первѣйшимъ негодяемъ въ подлунной. Еслибъ ему предсказали, что онъ загорится когда-нибудь безумнымъ желаніемъ цѣловать руки, глаза, прильнуть къ губамъ этой самой „мадонны“, онъ въ ужасѣ отвергнулъ бы это предсказаніе, какъ невозможное святотатство.

Такъ дѣвственно занималась заря первой любви въ цѣломудренномъ сердцѣ юноши. Въ своемъ безкорыстномъ поклоненіи созданному божеству онъ еще не сознавалъ начала любви. Онъ только вдругъ припомнилъ, что до сихъ поръ ни одна женщина, кромѣ матери, не внушала ему такого святого обожанія. Теперь вдругъ нашлась и другая женщина.

Digitized by Google

Внезапный вопросъ Ковровой засталъ Стрепетова врасплохъ. Онъ отвѣчалъ разсѣянно, точно пробужденный отъ грезъ.

— Вы, кажется, и не слушали нашего спора, Павелъ Сергѣевичъ? О чемъ размечтались?—смѣясь, допрашивала Надежда Васильевна.

Стрепетовъ смутился, словно пойманный на преступленіи, и торопился увѣрить, что отлично слушалъ. Онъ вспомнилъ, что споръ шелъ объ одномъ писателѣ, и безусловно присоединился къ восторженнымъ отзывамъ Надежды Васильевны. Онъ самъ былъ горячимъ поклонникомъ его таланта.

— А вотъ есть люди, которые отрицаютъ въ немъ талантъ.

— Не талантъ, Надежда Васильевна, а только степень его, —перебилъ Черникъ.—Вашему любимцу такъ же далеко до Толстого, какъ звѣздѣ, хотя и крупной, до солнца.

— Сравненія ничего не доказываютъ. Лучше перестанемъ. Васъ не переспоришь.

— Ну, и васъ тоже!—смѣясь, отвѣчалъ Черникъ.

— Я разскажу вамъ, Павелъ Сергѣевичъ, когда-нибудь объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, если вы такъ имъ интересуетесь!—обратилась Коврова къ Стрепетову.—Это и человѣкъ необыкновенный. Все въ немъ оригинально, какъ и самый талантъ его.

— Вы знакомы съ нимъ?—воскликнулъ Стрепетовъ съ тѣмъ чувствомъ благоговѣйнаго почтенія, которое бываетъ у юныхъ поклонниковъ литературы.

— Знакома. Жаль, его нѣтъ теперь въ Петербургѣ, а то я бы и васъ познакомила.

— О, какое бы это было для меня счастіе! — восторженно проговорилъ Стрепетовъ.

— Писателей лучше читать, чѣмъ знакомиться съ ними! — вставилъ Черникъ.

— Пожалуйста, не смущайте его своимъ петербургскимъ скептицизмомъ!—закипятилась Надежда Васильевна.

— Зато ты, въ свою очередь, ужъ слишкомъ увлекаешься! —промолвила Вѣнецкая.—Не совѣтую вамъ, Павелъ Сергѣевичъ, знакомиться съ ея любимцами по ея разсказамъ. Она даже недостатки ихъ возводитъ въ перлъ созданія.

— А я скажу: не вѣрьте имъ, Павелъ Сергѣевичъ! Ужъ не такая я увлекающаяся, какъ онѣ меня ставятъ. Жаль, васъ раньше не было—вы бы услышали, какъ я бранила своихъ любимицъ, вотъ этихъ докторовъ! — смѣясь, говорила Коврова, указывая на

Digitized by Google

Римму Михайловну и другихъ дѣвушекъ. — Тогда вы убѣдились бы, что я безпристрастна.

— Бранили Римму Михайловну?—изумился Стрепетовъ.

— Ее-то больше всѣхъ.

— За что же?

— А за то, что вотъ эти госпожи-доктора боятся жизни, точно прячутся отъ нея за своими книгами. Впрочемъ, сами увидите, за что ихъ нужно бранить, когда узнаете покороче этихъ схимницъ. Вы вотъ, навѣрное, жизни не боитесь?

— Я?—повторилъ онъ.—Кажется, не боюсь!

— И не считаете себя застрахованнымъ отъ увлеченій, какъ многіе?

— Это въ мой огородъ!—усмѣхнулся молодой врачъ.

— И въ нашъ!—промолвила Вѣнецкая.

— Да развѣ безъ увлеченій возможна жизнь?—переспросилъ горячо Стрепетовъ.

— Браво, браво, Павелъ Сергѣевичъ! Мы, значитъ, съ вами сходимся. Я только-что это проповѣдовала, но голосъ мой—гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Помогите хоть вы мнѣ!

— Увлекаться, милостивыя государыни, положимъ, не грѣхъ, особенно въ молодые годы,—началъ докторъ Черникъ, взглядывая на часы.

— Во всякіе, докторъ, во всякіе!—перебила Коврова.

— Извольте: во всякіе, если вамъ угодно.

— Но, разумѣется, всѣмъ, кромѣ любви. Поздняя страсть—что завядшіе цвѣты!—снова вставила Коврова.

— И съ этимъ готовъ согласиться, Надежда Васильевна! Лучше никогда, чѣмъ поздно? Вы, кажется, такъ совѣтовали.

— Такъ, докторъ, такъ.

— Отлично. Послѣдую вашему совѣту и увлекаться не рѣшусь. Но я не о томъ. Я хотѣлъ сказать, что если увлекаться не грѣхъ, то засиживаться такъ поздно—положительное преступленіе. Ужъ первый часъ, а Вѣрѣ Александровнѣ надо къ восьми часамъ въ больницу.

— Успѣю выспаться.

— Это онъ самъ хочетъ спать!—воскликнула Коврова.

— Пора, пора. Мнѣ тоже надо завтра къ девяти часамъ на дежурство!—замѣтилъ, въ свою очередь, Петровъ и поднялся съ мѣста.

— Эхъ вы! Часа не доспать боитесь!—упрекнула его Надежда Васильевна.

— Нельзя, Надежда Васильевна, голова будетъ болѣть цѣлый

Digitized by Google

день. Вѣрно и Римма Михайловна спать хочетъ. И то она, къ удивленію, сегодня пропустила свой часъ.

— Обо мнѣ не безпокойтесь! — замѣтила, краснѣя, Римма Михайловна.—Если захочу спать—уйду.

— То-то я удивляюсь, коллега, что вы до сихъ поръ не хотите!

Гости стали собираться. Стрепетовъ съ сожалѣніемъ поднялся съ мѣста. Онъ съ удовольствіемъ посидѣлъ бы еще, но оставаться не осмѣлился. Не безъ волненія прощался онъ съ Риммой Михайловной, ожидая: пригласитъ ли она его заходить, или нѣтъ? Но она пожала ему руку, не сказавъ ни слова, и тѣнь омрачила его лицо. Зато Вѣнецкая любезно просила „не забывать ихъ".

— А ты что же, Римма, не приглашаешь Павла Сергѣевича? И безъ того ты его напугала своими занятіями!—замѣтила Надежда Васильевна.

Римма Михайловна пожала плечами.

— Захочетъ, и безъ лишнихъ приглашеній придетъ. Я разъ сказала Павлу Сергѣевичу, что по воскресеньямъ бываю свободна.

— Заходите и кромѣ воскресеній, если вамъ дома станетъ очень скучно и вы не побоитесь проскучать съ нами!—радушно пригласила Вѣнецкая и прибавила, что она по вечерамъ почти всегда дома.

— Да скорѣе приходите и ко мнѣ! — сказала Коврова. Я вамъ разскажу про нашего общаго любимца и, вообще, мы поговоримъ. Я здѣсь, у схимницъ, остановилась. Не бойтесь Риммы! —засмѣялась она, поймавъ нерѣшительный взглядъ Стрепетова.— У нея отдѣльная комната. Можетъ долбить своего Гиртля и къ намъ не показываться.

Стрепетовъ горячо благодарилъ обѣихъ за приглашеніе бывать. Онъ, разумѣется, воспользуется имъ. Онъ такъ счастливъ, что познакомился. Теперь онъ не одинокъ въ Петербургѣ. — И этимъ онъ обязанъ счастливой встрѣчѣ на пароходѣ!—прибавилъ Стрепетовъ, взглядывая на Римму Михайловну, и приблизился къ ней, чтобы еще разъ проститься и, быть можетъ, услыхать отъ нея самой то, что онъ сейчасъ услыхалъ отъ Вѣнецкой и Ковровой.

Вмѣсто приглашенія Римма Михайловна освѣдомилась, по какимъ предметамъ онъ даетъ уроки.

— Я... математикъ!—отвѣчалъ онъ, удивленный неожиданнымъ вопросомъ.

— Быть можетъ, услышу объ урокѣ, такъ дамъ вамъ знать! —пояснила Римма Михайловна.

Digitized by Google

„Такъ вотъ зачѣмъ она спрашивала!“

И Стрепетовъ, такъ порывисто, такъ крѣпко пожималъ руку дѣвушки, что она поморщилась отъ боли. Онъ былъ тронутъ участіемъ, но все-таки былъ бы гораздо счастливѣе, еслибы, вмѣсто этого, она сказала одно слово: „заходите!“

Онъ возвращался домой пѣшкомъ, полный впечатлѣній, возвышенно настроенный. Мысли о Риммѣ Михайловнѣ охватили его всего, и онъ радостно и свободно отдавался имъ, какъ пловецъ теплымъ волнамъ, припоминая разныя выраженія ея лица, ея голосъ съ низкими красивыми нотами, слова, интонацію ихъ, руки, косы, родимое пятно на щекѣ. Образъ ея неотступно носился передъ нимъ, и сердце его то билось безотчетной радостью, то наполнялось безотчетной грустью, отъ сознанія своихъ несовершенствъ по сравненію съ совершенствомъ идола.

Поднимая Римму Михайловну на высоту, онъ, разумѣется, принижалъ себя, приписывая дѣвушкѣ столько ума, знанія, развитія, нравственныхъ качествъ, сколько могла лишь вмѣстить самая пылкая фантазія влюбленнаго юноши, награждающаго каждую избранницу своего сердца прежде всего ореоломъ духовной красоты, сообразно своему идеалу. Сдержанность Риммы Михайловны и ея видимое (какъ ему казалось) нежеланіе его общества онъ объяснялъ своей умственной незрѣлостью. О чемъ, въ самомъ дѣлѣ, говорить съ нимъ ей, такой серьезной, погруженной въ занятія, дѣвушкѣ? Какой можетъ представить онъ для нея интересъ?

И Стрепетова сильнѣе охватывало желаніе читать, учиться, больше знать, чтобы заслужить честь ея вниманія и дружескаго отношенія. Тогда, быть можетъ, она подѣлится съ нимъ когда-нибудь своими мыслями, взглядами, введетъ его въ тайники своего духовнаго міра и затѣмъ... затѣмъ — ровно ничего болѣе. И этого совершенно достаточно, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ.

Онъ шелъ по улицамъ не спѣша, словно на прогулкѣ, и — странное дѣло! — теперь и этотъ „непривѣтный“ Петербургъ казался ему не такимъ сквернымъ, — напротивъ, даже не лишеннымъ красоты, когда Стрепетовъ, остановившись на Николаевскомъ мосту, любовался съ минуту видомъ освѣщенной луною, серебристой Невы, тихо катившей свои воды среди сверкающихъ на далекое пространство огней, оттѣнявшихъ громадные силуэты зданій и дворцовъ набережной. И себя онъ не считалъ одинокимъ, затерянным въ этомъ городѣ. Тутъ она, эта „святая дѣвушка“, знакомство съ которой стоитъ сотни знакомствъ.

Онъ ощущалъ потребность, обычную въ началѣ любви, излить

Digitized by Google

кому-нибудь свои впечатлѣнія, говорить о предметѣ своего обожанія или слушать о немъ,—въ томъ, конечно, случаѣ, еслибы Риммѣ Михайловнѣ слагали тѣ же хвалебные гимны, что слагались сами собой у него. Нарисуй кто-нибудь ея портретъ въ дѣйствительномъ видѣ, скажи ему, что Римма Михайловна—хорошая дѣвушка, но далеко не идеалъ всѣхъ совершенствъ—Стрепетовъ, разумѣется, не сталъ бы слушать, или, слушая, не повѣрилъ. И онъ жалѣлъ, что не съ кѣмъ поговорить о ней теперь, сейчасъ же. Развѣ идти къ Галанину? Поздно, да и онъ, пожалуй, опять нездоровъ.

Стрепетовъ успокоился, вспомнивъ о Ковровой. Вотъ кто можетъ разсказать о „его" мадоннѣ!.. Она разъяснитъ ему, отчего Римма Михайловна чуждается жизни?.. Нѣтъ ли тутъ тайны, имѣющей отношеніе къ „блондину", встрѣченному на вокзалѣ?

При воспоминаніи о „блондинѣ" Стрепетовъ чувствовалъ приливъ негодованія; воображеніе его надѣляло теперь „блондина" въ геометрической прогрессіи всевозможными скверными качествами, дѣлающими человѣка (котораго онъ видѣлъ разъ въ жизни) однимъ изъ „противнѣйшихъ эгоистовъ" на свѣтѣ.

Когда Стрепетовъ, во второмъ часу утра, пришелъ домой, не чувствуя усталости послѣ долгой прогулки, его первою мыслью было: сейчасъ же написать матери объ этой замѣчательной дѣвушкѣ; прежнее описаніе совершенно блѣднѣло предъ тѣмъ образомъ, который наполнялъ теперь душу молодого человѣка. Но какое-то стыдливое чувство остановило его отъ этого намѣренія. „Мать, пожалуй, иначе объяснитъ его чувства и не оцѣнитъ какъ слѣдуетъ Римму Михайловну!"—подумалъ Стрепетовъ, едва ли не впервые закрывая тайники своей души отъ матери.

Онъ увидалъ на письменномъ столѣ два письма. Одно обрадовало его — оно было отъ Галанина, который извѣщалъ, что урокъ для него готовъ. Другое, напротивъ, онъ тотчасъ же разорвалъ на мелкіе кусочки. Эти торопливыя строчки, писанныя карандашомъ, сквернымъ почеркомъ и съ грубыми ошибками, строчки, заставившія его покраснѣть отъ смущенія и досады, были отъ Ѳенички. Она сообщала, что такъ соскучилась, не видя Стрепетова, что рѣшилась безъ зова побывать сама у него и надѣялась упросить его ѣхать вмѣстѣ на Острова. Записочка оканчивалась извиненіемъ за „непрошенный визитъ" и просьбой навѣстить Галанина. „Безъ васъ Ѳедоръ Петровичъ соскучился, а я еще болѣе".

Стрепетовъ съ неудовольствіемъ вспомнилъ теперь объ особомъ вниманіи, которое ему оказывала Ѳеничка во время пре-

Digitized by Google

бываніе его въ нумерахъ Лукачева. Ея вызывающіе взгляды, шуточки и заигрываніе, частыя забѣганія въ его комнату подъ разными предлогами, наконецъ, грустная мина, когда Стрепетовъ прощался, уѣзжая изъ нумеровъ, долгое пожатіе руки, сопровождавшееся выразительнымъ приглашеніемъ навѣщать чаще Ѳедора Петровича,—все это невольно теперь пронеслось въ головѣ. Онъ и тогда умышленно не замѣчалъ этого вызывающаго кокетства легкомысленной дѣвушки. Зная о трогательной привязанности къ ней Галанина, онъ добросовѣстно избѣгалъ всякаго повода возбудить его ревнивыя подозрѣнія, и только разъ чуть-было не поддался искушенію. Онъ припомнилъ, какъ, за нѣсколько дней до отъѣзда изъ нумеровъ, Ѳеничка, вернувшаяся, по обыкновенію откуда-то поздно домой, незамѣтно подошла къ нему, погруженному въ книгу, какъ она обдала его быстрымъ, полнымъ страсти, взглядомъ и слишкомъ близко наклонилась надъ нимъ, чтобы взять со стола спички, за которыми пришла, касаясь его плеча волнующейся грудью. Онъ вспомнилъ,—и это воспоминаніе вызвало теперь на его лицо краску стыда и раскаянія,—что его внезапно охватило жгучее желаніе поцѣловать смущавшую его дѣвушку, и что только стыдливая робость и воспоминаніе о Галанинѣ заставили его въ ту минуту побороть желаніе и благоразумно отодвинуться. И Ѳеничка унесла спички, сухо простившись съ нимъ, на другой день при встрѣчѣ презрительно назвала его „пижономъ“ и до самаго его отъѣзда почти не говорила съ нимъ.

Неожиданный визитъ Ѳенички, ея приглашеніе ѣхать въ Аркадію показались теперь Стрепетову оскорбительными, профанирующими его настроеніе, и онъ, съ жестокостью, отличающей влюбленнаго идеалиста, осудилъ дѣвушку, непрошенно ворвавшуюся въ его душу, полную чистыхъ впечатлѣній свѣтлаго образа, и рѣшилъ, при первомъ же свиданіи, дать ей это почувствовать.

Больше онъ и не вспомнилъ о ней и, бросившись на постель, скоро заснулъ съ самыми чистыми грезами о своей „мадоннѣ“.

Глава XII.

На другой день, ровно въ девять часовъ, Стрепетовъ, плохо выспавшійся, торопливо проглотившій дома стаканъ чаю, явился къ Чиркову въ кабинетъ, сіяющій, счастливый и голодный, переживающій еще вчерашнія свои впечатлѣнія.

Николай Петровичъ уже сидѣлъ за письменнымъ столомъ. По

Digitized by Google

обыкновенію, онъ всталъ въ семь часовъ, продѣлалъ врачебную гимнастику съ приходившимъ къ нему на домъ гимнастеромъ, взялъ ванну, посвятилъ добрую четверть часа своему туалету и теперь, тщательно выбритый, свѣжій и благоухающій, въ щегольски сшитомъ кургузомъ пиджачкѣ и съ туфлями на ногахъ, просматривалъ кипу газетъ, лежавшихъ на письменномъ столѣ. Онъ курилъ сигару и прихлебывалъ чай, повертывая въ своихъ бѣлыхъ, короткихъ, съ круглыми ногтями пальцахъ большой, длинный карандашъ.

Какъ разъ передъ приходомъ Стрепетова, его превосходительство, до тѣхъ поръ равнодушно пробѣгавшій газеты, вдругъ заинтересовался какой-то статьей, и молодой человѣкъ, войдя въ кабинетъ, замѣтилъ, что Чирковъ какъ будто не въ духѣ. Брови его были нахмурены, губы поджаты, въ лицѣ стояло недовольное выраженіе. Что-то, видимо, раздражало его превосходительство.

Онъ молча протянулъ руку Стрепетову, взглянувъ на него съ недоумѣніемъ раздраженнаго человѣка, вдругъ увидавшаго передъ собой безконечно счастливое и потому немного глупое лицо. Остановившійся взглядъ чиновнаго скептика, казалось, спрашивалъ: „ты съ чего сіяешь?“ и, не интересуясь отвѣтомъ, снова перешелъ на газету.

— Прошу повременить минуту!—проговорилъ онъ, указывая на кресло.

Стрепетовъ присѣлъ, а Чирковъ дочитывалъ статью, отчеркивая ее, по временамъ, краснымъ карандашомъ. Стрепетовъ взглянулъ на газету—это была извѣстная московская газета, по мѣрѣ чтенія которой улыбка Чиркова становилась брезгливѣе и злѣе и въ глазахъ его вспыхивалъ огонекъ.

Знакомый съ газетой лишь по ея репутаціи, молодой человѣкъ недоумѣвалъ — что могло въ ней такъ раздражить такого философа, какъ его превосходительство. „Или его самого продернули?!“ пришло ему въ голову при видѣ досады, съ какою Чирковъ то-и-дѣло крестилъ карандашомъ.

— Этакіе наглецы!—чуть слышно шепнулъ Чирковъ, откладывая въ сторону нумеръ, и, поднявъ глаза на Стрепетова, проговорилъ рѣзкимъ, все еще неспокойнымъ голосомъ, полнымъ волненія:—Работа для васъ готова. Пойдемте!

Онъ всталъ и, чуть-чуть переваливаясь и вздрагивая бедрами, прошелъ черезъ столовую и гостиную въ небольшую угловую комнату, нѣчто въ родѣ диванной, убранной въ турецкомъ вкусѣ. Пестрый коверъ во всю комнату, низенькія оттоманки съ подушками, пара мягкихъ табуретокъ, нѣсколько японскихъ сто-

Digitized by Google

ликовъ, картины игриваго содержанія по стѣнамъ—таково было убранство этого маленькаго уютнаго уголка, въ которомъ Чирковъ любилъ подремать послѣ обѣда съ книгой въ рукахъ. У окна стоялъ разложенный ломберный столъ и на немъ были приготовлены письменныя принадлежности.

— Удобно вамъ будетъ здѣсь работать?—спросилъ Чирковъ.

— Вполнѣ! — отвѣчалъ Стрепетовъ, довольный, что ему не придется, какъ онъ думалъ, торчать постоянно на глазахъ у патрона.

— Мы не будемъ другъ другу мѣшать!—продолжалъ Чирковъ уже болѣе спокойнымъ и мягкимъ тономъ.—Каталогомъ и библіотекой займетесь послѣ, а пока вотъ не угодно ли будетъ, молодой человѣкъ, заняться археологіей... Разберете мои іероглифы? — прибавилъ Чирковъ, подавая Стрепетову объемистую рукопись.

Рукопись была написана хотя и мелкимъ, словно бисеръ, но четкимъ почеркомъ. Стрепетовъ взглянулъ и, отдавая ее назадъ, сказалъ, что разберетъ отлично.

— Если что затруднитъ васъ, пожалуйста спрашивайте. Главное, чтобы не было пропусковъ и невѣрныхъ выраженій, а за каллиграфіей не гонитесь... Мѣста для рисунковъ можно оставлять,—продолжалъ онъ, перелистывая съ видимымъ удовольствіемъ толстую тетрадь почтовой бумаги большого формата, испещренную рисунками.

— Я сниму копію съ рисунковъ, если хотите.

— Вы развѣ рисуете?

— Немножко.

— Въ такомъ случаѣ, снимайте. Сдѣлаете большое одолженіе. Мои рисунки плоховаты.

— Надѣюсь, мои выйдутъ удачнѣе! — проговорилъ весело Стрепетовъ.—А то еще бы лучше за́-ново ихъ снять съ оригиналовъ, если они у васъ есть.

Чирковъ просіялъ. Эта мысль ему понравилась.

— Оригиналы у меня почти всѣ есть, но только...

Онъ остановился на секунду въ нерѣшительности.

— Но только надо очень осторожно обращаться съ такими предметами. Между ними есть вещи замѣчательной археологической цѣнности!—заключилъ онъ, выдавая боязнь за свои сокровища, свойственную всѣмъ археологамъ.

Стрепетовъ обѣщалъ быть осторожнымъ. Онъ будетъ брать по одному предмету и надѣется ничего не испортить.

— Вы ручаетесь? — спрашивалъ Чирковъ.

Digitized by Google

— Ручаюсь, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Смотрите же. Будьте осторожны! Впрочемъ, болѣе хрупкія вещи я самъ буду приносить вамъ сюда. Мы, археологи, имѣемъ свои слабости! — прибавилъ онъ съ улыбкой, какъ бы извиняясь за свое недовѣріе.

Въ концѣ концовъ, было рѣшено дѣлать рисунки потомъ и помѣстить ихъ не въ текстѣ, а въ особой тетради.

Чирковъ удалился. Стрепетовъ присѣлъ къ столу и красивымъ, крупнымъ почеркомъ старательно вывелъ заголовокъ: „Раскопки пяти кургановъ въ псковской губерніи".

Несмотря на твердое намѣреніе сосредоточить вниманіе исключительно на племенахъ, населявшихъ когда-то псковскую область (о чемъ шла рѣчь во вступленіи къ статьѣ), образъ „мадонны" то-и-дѣло внезапно появлялся среди бывшихъ аборигеновъ, такъ что нашъ молодой человѣкъ долженъ былъ употреблять усиліе, чтобы направить мысли на людей до-историческихъ,—весьма мало, по правдѣ сказать, его интересовавшихъ въ такую минуту. Онъ чуть-было даже разъ не написалъ вмѣсто „Чудь" — „Римма Михайловна" и, спохватившись, рѣшилъ быть внимательнѣе къ работѣ. Тѣмъ не менѣе, первую же страницу пришлось переписать вновь. При сличеніи съ оригиналомъ Стрепетовъ замѣтилъ пропускъ цѣлыхъ трехъ строкъ.

— Не угодно ли чаю?

Стрепетовъ весело поднялъ голову. Передъ нимъ, съ подносомъ въ рукахъ, стояла щеголеватая, привѣтливо улыбающаяся Аксюша.

Онъ съ удовольствіемъ взглянулъ на подносъ, на которомъ и сливки, и маленькія сдобныя булочки глядѣли такъ аппетитно, и охотно принялъ предложеніе,

— Вы у насъ будете заниматься?—фамильярно спрашивала Аксюша, пока Стрепетовъ бралъ стаканъ.

Это „у насъ" заставило Стрепетова улыбнуться и утвердительно кивнуть головой.

— Сколько времени?

— Не знаю. А вамъ что?

— Такъ-съ...—проронила Аксюша и, замѣтивъ быстроту, съ какой Стрепетовъ принялся за чай, прибавила:—будете пить еще?

— Нѣтъ, довольно.

— Выпили бы. Я для васъ заварила свѣжаго чаю.

— Благодарю, больше не хочу!

— Аксюша! — раздался черезъ комнаты рѣзкій голосъ его превосходительства.

Digitized by Google

Аксюша нетерпѣливо передернула плечами, усмѣхнувшись про себя, и торопливо вышла, захвативъ въ руки подносъ.

„Рѣшительно генералъ сегодня не въ духѣ!“—подумалъ Стрепетовъ, допивая стаканъ и вновь принимаясь за работу.

Послѣ часа безпрерывнаго писанія, рука Стрепетова съ непривычки порядочно-таки устала; но онъ усердно продолжалъ переписку, прерывая работу на короткіе промежутки, чтобы размять члены, выкурить папироску и рѣшить все еще нерѣшенный имъ вопросъ: идти ли сегодня къ Ковровой? Этотъ вопросъ явился, какъ только Стрепетовъ проснулся. „Она вѣдь звала скорѣе придти!“—увѣрялъ себя молодой человѣкъ, прикрывая этимъ предлогомъ неодолимое желаніе увидать Римму Михайловну.

Въ квартирѣ стояла тишина. Стрепетовъ взглянулъ въ двери и черезъ анфиладу комнатъ увидалъ Чиркова за письменнымъ столомъ; повидимому, генералъ писалъ. Стрепетовъ посмотрѣлъ на часы. Оставалось еще полтора часа, и онъ ретиво принялся за окончаніе вступленія. Черезъ нѣсколько времени изъ кабинета раздались звуки рояля. Стрепетовъ старался не слушать, но чудные, мягкіе звуки какой-то незнакомой ему бетховенской сонаты незамѣтно приковывали его вниманіе. Онъ слушалъ, продолжая работать, но какъ-то незамѣтно перо остановилось само собой. Неопредѣленныя ощущенія, то сладкія, то грустныя, желаніе счастья и любви переполняли душу, и онъ весь отдался теперь музыкѣ, закрывъ глаза, погруженный въ чудныя грезы, среди которыхъ образъ „мадонны“ сливался съ главнымъ мотивомъ, и трудно было отдѣлить одинъ отъ другого. Онъ слушалъ, и тихо льющіеся дивные звуки открывали, казалось, ему самому тайну его любви. „Такъ это и есть любовь?“—мечталъ онъ, полный счастья и стыда, съ дрожавшими на глазахъ слезами.

Наступившая пауза заставила его очнуться. Игра возобновилась, но юноша уже писалъ, стараясь не слушать, стараясь не думать объ открытомъ имъ секретѣ. „Пусть этотъ секретъ на вѣки останется секретомъ!“—рѣшилъ онъ. И когда, наконецъ, звуки смолкли, уже было двѣнадцать часовъ. „Пора кончать“. И Стрепетовъ понесъ въ кабинетъ свою работу, чтобы узнать, доволенъ ли останется Чирковъ его почеркомъ.

— Отлично, отлично. Это лучше, чѣмъ надо!—проговорилъ Чирковъ, просмотрѣвъ первую страничку.—И ни одной ошибки въ археологическихъ терминахъ. Очень благодаренъ вамъ, Павелъ Сергѣевичъ!—прибавилъ Чирковъ, повидимому значительно успокоившійся.

Digitized by Google

Стрепетовъ сталъ откланиваться.

— Куда жъ вы? Сейчасъ будемъ завтракать! — остановилъ его Чирковъ.

Но Стрепетовъ отказался. Онъ еще раньше рѣшилъ не оставаться, чтобы не терять времени.

— Какъ хотите, но только имѣйте въ виду, что въ половинѣ перваго подаютъ завтракъ, и я разъ навсегда приглашаю васъ быть моимъ гостемъ. А что, музыка моя не мѣшала вамъ заниматься? Если мѣшаетъ, можно запирать двери.

— О, нѣтъ, нисколько не мѣшала. Напротивъ...

— Вѣрно, вы любите музыку?

— Люблю! — возбужденно отвѣтилъ Стрепетовъ.

Чирковъ пристально взглянулъ на молодого человѣка и, улыбаясь, спросилъ:

— Да что вы сегодня такой сіяющій, Павелъ Сергѣевичъ?.. Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь хорошихъ извѣстій о мѣстѣ?

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ Стрепетова. Онъ покраснѣлъ, какъ могутъ только краснѣть влюбленные, которыхъ мнительность въ каждомъ вопросѣ подозрѣваетъ, что открыта ихъ тайна любви. Онъ пробормоталъ, что никакихъ утѣшительныхъ извѣстій о мѣстѣ еще нѣтъ.

— Но я зато урокъ получилъ!—съ живостью подхватилъ онъ, стараясь овладѣть своимъ смущеніемъ.

— Урокъ? Ну, это еще небольшая находка. А у Варницкой были?

Стрепетовъ отвѣчалъ, что она еще не пріѣхала изъ-за границы.

— Непремѣнно побывайте у нея, непремѣнно!—заботливо началъ Чирковъ.—Я, вотъ, не далѣе, какъ въ субботу, говорилъ снова о васъ въ клубѣ съ однимъ вліятельнымъ въ банкѣ человѣкомъ, но пока одни неопредѣленныя обѣщанія. Даже досадно. При всемъ желаніи вамъ помочь, я до сихъ поръ ничего не могу сдѣлать, а то, что бы могъ, вамъ совсѣмъ не подходитъ.

Стрепетова тронула такая заботливость, и онъ счелъ долгомъ поблагодарить Чиркова.

— Благодарить-то не за что!—промолвилъ Чирковъ. Онъ поднялся съ кресла и, приблизившись къ Стрепетову, продолжалъ:

— Добрыми намѣреніями и адъ вымощенъ, а что толку? Тѣмъ не менѣе, я хочу, чтобы вы вѣрили, милый Павелъ Сергѣевичъ, что я не забылъ о васъ и употреблю всѣ усилія васъ устроить... Вѣдь вашъ покойный отецъ когда-то былъ моимъ единственнымъ, лучшимъ другомъ!—внезапно прибавилъ онъ съ

Digitized by Google

задушевной ноткой въ голосѣ, пожимая руку Стрепетова повыше локтя.

Онъ отпустилъ его руку и заговорилъ своимъ обычнымъ, слегка ироническимъ тономъ:

— И все-таки, несмотря на мои хлопоты, вамъ, вѣроятно, придется ждать, а сколько времени ждать—кто знаетъ?.. Мои фонды, какъ я уже говорилъ вамъ, не высоко стоятъ въ чужихъ вѣдомствахъ!.. Вотъ и нашъ московскій оракулъ распекаетъ за недостатокъ рѣшительности,—прибавилъ Чирковъ, указывая взглядомъ на газету и брезгливо морщась.—Того и гляди, и я попаду въ нигилисты!—усмѣхнулся его превосходительство.

Онъ примолкъ и черезъ минуту сказалъ:

— А ваша тетушка, если захочетъ, можетъ устроить васъ... Она это умѣетъ. У нея самое разнообразное знакомство... Потому-то я и совѣтую: непремѣнно побывайте у нея и... à la guerre comme à la guerre... постарайтесь понравиться своей двоюродной тетушкѣ... Что вы такъ нахмурились?—улыбнулся Чирковъ, замѣтивъ недоумѣвающій взглядъ Стрепетова.—Понравиться нужно, и это не трудно; главное: не распространяйтесь съ нею о своихъ убѣжденіяхъ, оставьте ихъ про себя... Какое кому дѣло до того, что вы тамъ думаете о судьбахъ міра?.. Не забывайте, что прежде всего вамъ нуженъ кусокъ хлѣба, хотя бы для того, чтобы имѣть возможность думать объ этихъ судьбахъ, если это вамъ будетъ угодно!—прибавилъ Чирковъ съ тонкой улыбкой.

— Она развѣ такая нетерпимая, моя тетушка?—спросилъ Стрепетовъ, недоумѣвая.

— Валентина Марковна!?—И Чирковъ разсмѣялся.—Вы, значитъ, о ней ничего не знаете?

— Рѣшительно ничего. Знаю только, что она не нравится матери.

— Ну это, конечно, дѣло вкуса. Во всякомъ случаѣ, ваша родственница—женщина интересная, по-женски, если хотите, умна и—запишите себѣ на память—покровительствуетъ только самымъ благонамѣреннымъ молодымъ людямъ!—подчеркнулъ генералъ съ саркастической усмѣшкой.—Я кое-что слышалъ о ней на-дняхъ. Она, видите-ли, въ послѣднее время играетъ въ обскурантизмъ и въ добраго русскаго мужичка, и потому, вѣроятно, называетъ себя правовѣрной консерваторкой—ваша тетушка Валентина Марковна. Состояніе у нея огромное. Она честолюбива, хороша собой и тщеславна—отчего-жъ ей и не забавляться игрушкой?.. Это даетъ извѣстный престижъ... О ней говорятъ...

Digitized by Google

Ну, бредитъ, разумѣется, разными „рындами“ и „гриднями“, проповѣдуетъ свое собственное евангеліе отъ Валентины и вездѣ говоритъ, что Россія погибнетъ, если не будетъ грозной власти. Въ устахъ женщины это не лишено пикантности, а?—усмѣхнулся онъ.—Однимъ словомъ, ваша тетушка вполнѣ на высотѣ извѣстныхъ взглядовъ!—проговорилъ его превосходительство послѣднюю фразу тѣмъ обычнымъ своимъ, двусмысленнымъ тономъ, который вводилъ въ заблужденіе людей, мало знавшихъ Чиркова, оставляя ихъ въ сомнѣніи: хвалитъ ли онъ, или порицаетъ?—Такъ ужъ вы, Павелъ Сергѣевичъ, не противорѣчьте ей, если она удостоитъ васъ конференціей во вкусѣ вотъ этой газеты, а то всю обѣдню испортите!.. Кстати, она, говорятъ, и въ перепискѣ съ самимъ издателемъ!.. и сама грѣшитъ статьями. Такъ пусть себѣ говоритъ, что ей вздумается—мало ли нынче болтаютъ благонамѣреннаго вздора!—заключилъ Чирковъ съ самымъ презрительнымъ выраженіемъ.

— Портретъ непривлекательный! — вымолвилъ ошеломленный провинціалъ, смутно понявшій значеніе нѣкоторыхъ словъ въ тирадѣ Чиркова, но схватившій общій ея смыслъ и видимо имъ возмущенный.

— Непривлекательный? — подхватилъ Чирковъ.—Смотрите, какъ бы, познакомившись съ оригиналомъ, вы не влюбились въ свою двоюродную тетушку!.. Она вѣдь очень хорошенькая ретроградка, несмотря на свои тридцать съ большимъ хвостикомъ, и, говорятъ, умѣетъ вербовать юныхъ прозелитовъ. Серьезно влюбляться, впрочемъ, не рекомендую, а... поухаживать за хорошенькой женщиной въ ваши годы не мѣшаетъ!—прибавилъ игриво Чирковъ, прищуривая глаза, что придало его лицу выраженіе лукаваго цинизма.—Bonne fortune!.. Такъ вы рѣшительно отказываетесь завтракать?—оборвалъ Чирковъ.—Ну, до свиданія, милый Павелъ Сергѣевичъ!—простился Чирковъ съ ласковымъ дружелюбіемъ, словно не замѣчая непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго послѣдними его словами на молодого человѣка.

— Что-жъ не остались завтракать?—спросила Аксюша въ передней, провожая Стрепетова.

— Некогда мнѣ у васъ завтракать!—сухо отрѣзалъ Стрепетовъ, торопливо выходя вонъ.

— Отвратительный циникъ!—проговорилъ онъ вслухъ, когда, очутившись на улицѣ, вполнѣ прочувствовалъ значеніе совѣтовъ Чиркова и его легкіе взгляды на отношенія къ женщинамъ. Только-что бывшій разговоръ казался Стрепетову комомъ грязи, брошеннымъ во что-то свѣтлое и чистое, хоронившееся въ его

Digitized by Google

душѣ. Не понимавшій еще, какъ всѣ неиспорченные и очень молодые люди, всей сложности и противорѣчій человѣческаго характера, привыкшій къ категорическимъ заключеніямъ, Стрепетовъ не могъ разобраться въ разнородныхъ ощущеніяхъ, охватившихъ его при мысляхъ о Чирковѣ. Онъ рѣшительно недоумѣвалъ, какъ могъ быть столь циниченъ человѣкъ, съ такимъ искреннимъ чувствомъ игравшій сонаты? Какъ согласить все то, что онъ говоритъ, съ его служебнымъ положеніемъ? И онъ чувствовалъ, что, несмотря на протестъ возмущеннаго сердца, умъ этого скептика положительно импонировалъ; гнѣвъ и отвращеніе, закипавшіе въ немъ, обезоруживались при воспоминаніи о своеобразномъ, но несомнѣнно искреннемъ участіи, которое проявилъ къ нему этотъ самый „циникъ“ съ перваго же дня знакомства.

И эта самая Валентина Марковна одновременно возбудила въ себѣ чувство непріязни и сильно задѣла любопытство, благодаря характеристикѣ Чиркова. Онъ припомнилъ теперь разные намеки матери, избѣгавшей почему-то входить въ подробности о замужествѣ этой родственницы,—замужествѣ, которое мать не одобряла; припомнилъ разсказы о богачѣ Варницкомъ, и рѣшилъ сходить разъ къ теткѣ, чтобы только имѣть понятіе объ этомъ новомъ для него типѣ—петербургской барыни, проповѣдующей какое-то свое евангеліе. Но, конечно, онъ ни за что не послѣдуетъ „гнуснымъ“ совѣтамъ „циника“. Онъ не намѣренъ нравиться подобной особѣ и, разумѣется, не станетъ искать ея покровительства. Чортъ съ нимъ! Онъ пробьетъ себѣ дорогу и безъ Валентины Марковны!

Словно для успокоенія возмущеннаго чувства, мысли Стрепетова вновь обратились къ Риммѣ Михайловнѣ, и, при сравненіи, образъ ея еще ярче засіялъ въ его сердцѣ. Онъ скоро забылъ и цинизмъ Чиркова, и тетку, и думалъ, что міръ Божій все-таки хорошъ, а люди добры и искренни.

Стрепетовъ шелъ на Лиговку, къ Галанину, справиться объ урокѣ и поблагодарить добраго человѣка за хлопоты, но, дойдя до Литейной, рѣшительно повернулъ въ эту улицу, точно влекомый посторонней силой, и, вмѣсто Лиговки, очутился на Кирочной, почти у Таврическаго сада, невдалекѣ отъ большого, четырехъ-этажнаго дома, во дворѣ котораго была квартира Вѣнецкой и Нерпиной.

„Быть можетъ, онъ ее встрѣтитъ? Она, сколько помнится,

Digitized by Google

говорила, что гуляетъ каждый день, послѣ двѣнадцати!" — думалъ онъ, разгуливая взадъ и впередъ по Кирочной, и пристально вглядывался чуть ли не въ каждую женщину, въ надеждѣ увидать Римму.

„Она!"

Сердце его забилось сильнѣе, когда онъ издали замѣтилъ приближающуюся маленькую женскую фигурку. Онъ смутился вдругъ и струсилъ, какъ школьникъ, придумывая и не находя приличнаго объясненія своего присутствія. Ужъ онъ, было, хотѣлъ повернуть назадъ и дать тягу, какъ его озарила счастливая мысль: онъ остановился у воротъ ближайшаго дома и пристально сталъ разглядывать нумеръ его. Теперь бояться нечего. Онъ объяснитъ „нечаянную" встрѣчу невинной ложью: онъ ищетъ домъ, гдѣ живетъ господинъ, обѣщавшій урокъ.

Когда, по его разсчету, Римма Михайловна должна была приблизиться, Стрепетовъ отошелъ отъ дома и, замирающій отъ волненія, не рѣшаясь поднять глазъ, пошелъ на встрѣчу. Наконецъ, онъ поднялъ глаза и увидалъ передъ собой пожилую, некрасивую даму, такъ же похожую на Римму Михайловну, какъ вѣдьма на ангела.

И нашъ молодой человѣкъ не могъ удержаться отъ восклицанія и вслѣдъ затѣмъ подарилъ даму взглядомъ, полнымъ такого выраженія досады и разочарованія, что дама сердито отвернулась и, вѣроятно, приняла Стрепетова либо за помѣшаннаго, либо за невозможнаго нахала.

Въ теченіе этой долгой прогулки, сперва по Кирочной, а потомъ по пустыннымъ аллеямъ Таврическаго сада, было еще нѣсколько такихъ неудачныхъ встрѣчъ и такихъ же разочарованій, такъ что Стрепетовъ, потерявшій всякую надежду, пошелъ, наконецъ, на Лиговку, все-таки всматриваясь, по пути, въ идущія на встрѣчу женскія фигуры зоркимъ, безпокойнымъ взглядомъ влюбленнаго, находящагося въ той „стадіи", когда всѣ эти „нечаянныя" встрѣчи съ объясненіями ихъ, сшитыми бѣлыми нитками, кажутся еще необыкновеннымъ счастьемъ.

Не осмѣливаясь даже и мечтать о частомъ посѣщеніи квартиры на Кирочной, онъ рѣшилъ узнать какъ-нибудь, въ какіе часы и гдѣ именно гуляетъ Римма, и если эти часы будутъ свободны, онъ станетъ приходить взглянуть на нее издали, разумѣется, незамѣтно, чтобы не оскорбить своего идола.

Digitized by Google

Глава XIV.

— Кто тутъ?.. Вамъ требуется комната, господинъ? Пожалуйте, пожалуйте... У меня есть преотличный, доложу вамъ, нумерокъ!—раздался изъ глубины корридора знакомый конфиденціальный басокъ приближающагося и шлепающаго туфлями Ипата Никитича, когда Стрепетовъ, въ началѣ третьяго часа, усталый, отворилъ двери меблированныхъ комнатъ господина Лукачева и очутился среди тьмы и невозможной вони.

— Здравствуйте, Ипатъ Никитичъ! Что, Ѳедоръ Петровичъ дома?

— А я васъ, было, и не узналъ, Павелъ Сергѣевичъ! Богатымъ вамъ быть! — воскликнулъ Ипатъ Никитичъ, разглядѣвъ Стрепетова. — Полагалъ, не жильца ли Богъ послалъ... Честь имѣю свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе!.. Совсѣмъ жильца нынче какъ-то не водится... Куда они только дѣваются! Пожалуйте!—говорилъ старикъ, отворяя комнату Галанина.

— Галанина нѣтъ дома?—спросилъ Стрепетовъ, останавливаясь на порогѣ пустой комнаты.

— То-то нѣтъ-съ, но они сейчасъ вернутся... Пожалуйте... отдохните... Ѳедоръ Петровичъ просили васъ безпремѣнно обождать, имѣя вамъ сообщить кое-что пріятное касательно занятій! — продолжалъ Ипатъ Никитичъ тѣмъ же таинственнымъ тономъ и съ тѣмъ же видомъ человѣка, сообщающаго важный секретъ, съ какимъ онъ обыкновенно рекомендовалъ на вокзалѣ свои нумера.—Вотъ на этотъ стульчикъ садитесь.. Онъ будетъ посолиднѣе...

И, по привычкѣ, смахнувъ на ходу густой слой пыли со стола, Ипатъ Никитичъ, какъ бы въ оправданіе безпорядка и грязи, царившихъ въ маленькомъ, непривѣтномъ „номеркѣ“ бездомнаго холостяка, замѣтилъ:

— Комната еще не убрана, по причинѣ, что Ѳедоръ Петровичъ недавно только встали.. Не извольте принять чего-нибудь такого въ мысли!—поспѣшилъ прибавить Ипатъ Никитичъ, замѣтивъ вопросительно-безпокойный взглядъ Стрепетова.—Нынче мы... по этой части, можно сказать, совсѣмъ другую методу приняли... Шабашъ! — проговорилъ Ипатъ Никитичъ съ радостно-торжественнымъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ.—Одну рюмку передъ обѣдомъ для апетита—вотъ и все наше потребленіе... Эта метода у нихъ заведена съ послѣдней ихней болѣзни... Помните, какъ Ѳедоръ Петровичъ тогда мучился?.. Я такъ полагаю: те-

Digitized by Google

перь у насъ пойдетъ полная оправка!.. только бы Господь помогъ... Вѣдь человѣкъ-то какой Ѳедоръ Петровичъ! Другого такого во всемъ Петербургѣ не сыщешь... Ей-Богу, не сыщешь!— съ чувствомъ прибавилъ старикъ.

Онъ помолчалъ, еще разъ стеръ обшлагомъ пыль со стола и послѣ деликатнаго опроса, не стѣсняетъ ли своимъ присутствіемъ, присѣлъ на кончикъ стула и продолжалъ таинственно-радостнымъ тономъ:

— Вчера Ѳедоръ Петровичъ почти всю ночь просидѣлъ за работой.. Экстра, изволите видѣть, такая для нихъ вышла отъ одного адвоката: чтобы къ двумъ часамъ сегодняшняго числа, и за то двадцать-пять рублей... Ѳедоръ Петровичъ и взялся, да въ ночь цѣлый ворохъ бумаги и отмахалъ... А ужъ насчетъ того, какъ умѣетъ написать Ѳедоръ Петровичъ, сами можете лучше моего понять. У нихъ въ головѣ понятія, можетъ быть, не меньше, чѣмъ у министра... Такъ, значитъ, сдѣлайте ваше одолженіе—на-пи-шемъ!—протянулъ Ипатъ Никитичъ съ такимъ горделивымъ и задорнымъ видомъ, словно бы честь обладанія такими талантами принадлежитъ ему самому, и ихъ кто-нибудь оспариваетъ.—Теперь, доложу вамъ, Ѳедору Петровичу выйдетъ совсѣмъ другая абонировка жизни!—прибавилъ онъ значительно послѣ нѣкотораго молчанія.

— Почему вы такъ думаете?

— Этотъ самый адвокатъ, изволите видѣть, обнадежилъ Ѳедоръ-Петровичу у себя мѣсто... Сто рублей въ мѣсяцъ—пиши только разныя кассаціи, съ позволенія сказать... Товарищъ тоже ихній... Деньги-то, говорятъ, лопатами загребаетъ... Вотъ онъ, значитъ, обнадежилъ, и самъ сомнѣвался, какъ бы опять, понимаете ли, насчетъ „игры воображенія“ у Ѳедоръ-Петровича не было, а теперь, какъ онъ увидитъ работу Ѳедоръ-Петровича и какъ это онъ ее къ часу принесъ, такъ если онъ человѣкъ съ настоящимъ понятіемъ,—я полагаю, сію минуту предложитъ мѣсто... Ѳедоръ Петровичъ даже очень на это обнадежены.. „Тогда, говоритъ, философъ Ипатъ, только омеблировку почище мнѣ сдѣлайте, а я, говоритъ, васъ не покину. По прежнему, говоритъ, буду жить въ твоей трущобѣ!“ И заливается, хохочетъ... Я за ними вистую, а самъ, однако, довольно чувствую, что онъ это по деликатному характеру своему не хочетъ насъ бросить... Господинъ душевный... Да-съ...

Ипатъ Никитичъ обвелъ комнату задумчивымъ взглядомъ и снова заговорилъ:

— Оно, точно, трущобисто. Давно бы слѣдовало всему об-

Digitized by Google

заведенью сдѣлать, въ нѣкоторомъ родѣ, капитальный ремонтъ, да вѣдь изъ пальца — я такъ смѣю полагать—его не высосешь? Слѣдственно, и изворачивайся по мѣрѣ силъ, и будь благодаренъ Богу, если хоть на сутки заманишь какого-нибудь путешественника. Вы, вотъ, дай вамъ Богъ всякаго благополучія, больше недѣли у насъ простояли, а то другіе постоятъ сутки и... только ихъ видали... И за сутки моли Бога-то!.. Другой путешественникъ зайдетъ, понюхаетъ, поглядитъ, да еще обругаетъ, уходя... Только и совсѣмъ это время стало плохо... Не клюетъ жилецъ, да и только!.. Ужъ, кажется, безъ всякаго, можно сказать, стыда на вокзалѣ номерки нахваливаешь... Изволите сами знать? — улыбнулся Ипатъ Никитичъ,—и все-таки возвращаешься домой одинъ.. Сегодня вотъ тоже... даже вспомнить досадно... А еще образованный господинъ! — неодобрительно промолвилъ Ипатъ Никитичъ и покачалъ головой.

— А что случилось, Ипатъ Никитичъ?

— Намѣтилъ я, изволите видѣть, одного молодого пассажира... съ виду подходящій: пальтишко неважное, самъ озирается, какъ есть пріѣзжій изъ провинціи пижонъ, въ родѣ, будто, студента... Я къ нему, руку подъ козырекъ—и давай, какъ слѣдуетъ, деликатно рекомендовать свое семейное гарни... Слушалъ онъ это съ большимъ вниманіемъ, спрашивалъ насчетъ обѣдовъ и всякихъ удобствъ... одно слово, быдто и въ серьёзъ клюнулъ... Я, значитъ, прибавляю, съ позволенія сказать, жару — откуда только слова берутся—а какъ кончилъ свою прокламацію и хотѣлъ-было, для вѣрности, принять его чемоданишко, какъ господинъ въ отвѣтъ: „Отлично, говоритъ, вы врете... превосходно... Вамъ бы, говоритъ, въ адвокаты... Но только мнѣ, къ сожалѣнію, вашего семейнаго гарни не требуется, у меня, говоритъ, квартира давно есть“... И смѣется. И наши „номерные“ тоже смѣются... Обидно... Господину забава, а изъ-за него я, быть можетъ, другого жильца потерялъ... Ну, и я его оконфузилъ...

— Что-жъ вы ему сказали, Ипатъ Никитичъ?

— А сказалъ я ему этакъ деликатнымъ манеромъ: „каждому, говорю, бѣдному человѣку хочется наврать себѣ на кусокъ хлѣба. Безъ надобности и собака не брешетъ. А вамъ, говорю, довольно стыдно, молодой господинъ, издѣваться!“ Вотъ что я ему сказалъ... Небойсь, понялъ.. Не даромъ поскорѣе улизнулъ...

Старикъ помолчалъ, нюхнулъ табаку, отеръ свой остренькій носикъ клѣтчатымъ платкомъ и, вздохнувъ, философски замѣтилъ:

— Тоже и мнѣ не лестно каждый день по четыре раза вы-

Digitized by Google

ходить къ поѣзду и звонить языкомъ... А если звонишь и за полтинникъ въ сутки обѣщаешь, съ позволенія сказать, царскіе чертоги, то можно, я полагаю, при образованіи, понимать, что я на хлѣбъ себѣ вызваниваю. А то: „отлично, говоритъ, врете!“ Оно точно... вру и, могу сказать, многіе изъ нашихъ завидуютъ, какъ я чувствительно выражаюсь насчетъ номеровъ; но коли нѣтъ капиталу, по-неволѣ игру фантазіи пускаешь въ ходъ... Еслибы меня одинъ, съ позволенія сказать, подлецъ не обманулъ, то всей обстановки номеровъ совсѣмъ бы другой былъ эфектъ!..— неожиданно прибавилъ Ипатъ Никитичъ съ сердцемъ..—Безъ малаго цѣлая тысяча, господинъ, гуляетъ, по причинѣ собственнаго довѣрія... Да я вамъ, кажется, имѣлъ честь разсказывать?

— Нѣтъ, не разсказывали... Разскажите.

И словоохотливый старикъ началъ издалека, касаясь біографическихъ подробностей, какъ онъ, послѣ воли, служилъ все больше по хорошимъ гостинницамъ, скопилъ до двухъ тысячъ капиталу („по нашему званію, это, сударь, большой капиталъ!“) и какъ, рѣшившись пять лѣтъ тому назадъ вступить въ супружество съ Анной Ивановной, чтобы „на склонѣ лѣтъ жить, съ позволенія сказать, не по свински, а по влеченію сердца“ („Анна Ивановна тогда еще виднѣе была!“—вставилъ снова Ипатъ Никитичъ, вздохнувъ), разсчитывалъ доставить и супругѣ, и Ѳеничкѣ спокойную, благородную жизнь и, съ этой цѣлью, снялъ эти самые нумера, заплативъ за всю обстановку пятьсотъ рублей и оставивъ, для обороту, тысячу про запасъ, чтобы со временемъ обновить заведеніе. Сперва хоть и не шибко, а дѣло шло, жилецъ водился... жили слава Богу.. Но тутъ-то и случилась эта самая „подлость“.

— Слышали, можетъ, про господина Безумова?.. Изъ тамбовскихъ они,—спросилъ вдругъ Ипатъ Никитичъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Такъ вотъ этотъ самый господинъ Безумовъ и есть мой разоритель, сынъ, значитъ, прежняго моего барина... Мы безумовскіе были. Пріѣхалъ это онъ, три года тому назадъ, въ Петербургъ, встрѣтилъ, на мою бѣду, меня какъ-то на улицѣ... призналъ... (мальчишкой онъ при мнѣ-то еще былъ, когда я состоялъ въ камердинерахъ у стараго барина) и этакъ въ скорости сюда... вотъ въ эти самые номера объявился. Ну, господинъ, какъ есть форменный, форсистый, изъ себя красивый, однимъ словомъ... Меня въ тѣ поры дома не было, такъ онъ давай зубы заговаривать Аннѣ Ивановнѣ, чтобы ему тысячу рублей на самое короткое время. На слѣдующій день опять ужъ ко мнѣ... „Не

Digitized by Google

хочу, говоритъ, процентъ большой платить ростовщикамъ... Надѣюсь, говоритъ, повѣрите!"... Ну, думаю, человѣкъ богатый, не захочетъ маленькаго человѣка обмануть... однако, все-таки, безъ супруги не рѣшился... А Анна Ивановна, по своему женскому великодушію: „дай да дай... такой, говоритъ, видный мужчина!"... Ну, и дали... да съ тѣхъ поръ и получаемъ... Документа-то нѣту. Ужъ я писалъ, писалъ къ нему въ тамбовскую—ни отвѣта, ни привѣта... Кто бы могъ полагать такую подлость у благороднаго господина съ состояніемъ? Ну, я и остался одинъ виноватъ... То-то оно и есть. Во всякомъ дѣлѣ виноватый требуется!—сентенціонно прибавилъ Ипатъ Никитичъ, деликатно умалчивая, однако, что это философское заключеніе выведено имъ изъ горькаго опыта, послѣ гонки, которую задала ему супруга, сваливъ всю вину за дачу денегъ на него.

Изъ корридора донесся визгъ отворяемыхъ дверей.

— Вѣрно Ѳедоръ Петровичъ! — проговорилъ Ипатъ Никитичъ, высовывая свою бѣлобрысую остриженную голову въ корридоръ.

Но онъ тотчасъ же откинулся назадъ и, закрывая двери, проговорилъ боязливымъ таинственнымъ шопотомъ:

— Наши дамы вернулись... Анна Ивановна съ Ѳеничкой!..

Вслѣдъ затѣмъ послышались шаги и шуршанье юбокъ.

— Счастливо оставаться, Павелъ Сергѣевичъ... Надо выходить къ поѣзду... Какъ на вашемъ хронометрѣ?

Стрепетовъ сказалъ.

— И то пора! — безпокойно промолвилъ онъ, скрываясь въ дверяхъ.

Не прошло и минуты, какъ изъ корридора раздался рѣзкій голосъ Анны Ивановны:

— А ты что же, лѣнтяй, не думаешь сегодня идти къ поѣзду?

— Иду, иду! Не тревожьтесь, Анна Ивановна! — долетѣлъ до слуха Стрепетова робкій отвѣтъ Ипата Никитича.

И все смолкло.

Стрепетовъ рѣшилъ дождаться Галанина, и, въ ожиданіи его, взялъ со стола книгу и сталъ читать; по временамъ онъ прерывалъ чтеніе и, прислушиваясь, безпокойно посматривалъ на двери.

„Зайдетъ или не зайдетъ Ѳеничка?"

Несмотря на рѣшительное намѣреніе дать понять дѣвушкѣ, что не питаетъ къ ней никакихъ чувствъ (это онъ считалъ непремѣнной обязанностью и передъ Ѳеничкой, и передъ самимъ собой), Стрепетовъ испытывалъ большое смущеніе въ ожиданіи неминуемаго, какъ онъ думалъ, объясненія, если придетъ Ѳе-

Digitized by Google

ничка, и малодушно, признаться, желалъ, чтобы она не приходила. Прошло съ минутъ десять. Стрепетовъ-было успокоился, какъ дверь беззвучно отворилась, и Ѳеничка, веселая, радостная и сіяющая, какъ птичка, впорхнула въ комнату.

Преувеличенная церемонность поклона, серьезность лица молодого человѣка сразу смутили Ѳеничку. Веселость и развязность въ мигъ исчезли. Она бросила робкій, испытующій взглядъ своихъ сѣрыхъ глазокъ и, опуская ихъ, проговорила тихимъ, приниженнымъ голоскомъ:

— Вы сердитесь, что я вчера заходила къ вамъ, Павелъ Сергѣевичъ?

При видѣ этого покорнаго смущенія, Стрепетовъ смутился самъ. Ему стало жаль дѣвушку, и онъ совсѣмъ позабылъ про свое намѣреніе „дать ей понять“ и собирался-было успокоить ее, какъ она, и безъ объясненій понявшая все, прошептала:

— Больше этого не будетъ... Вы только не сердитесь!—прибавила вдругъ она со слезами въ голосѣ, вся смущенная, притихшая, точно птичка съ подшибленными крылышками.

Стрепетовъ испытывалъ смѣшанное чувство жалости, стыда и досады и готовъ былъ провалиться сквозь землю, точно въ чемъ-то самъ виноватый.

Прошла не одна тяжелая секунда, пока онъ заговорилъ, наконецъ, стараясь взять добродушно невинный тонъ непонимающаго въ чемъ дѣло человѣка. Чувствуя въ то же время неестественность этого тона, онъ продолжалъ, однако, объяснять, что нисколько не сердится, но что у него нѣтъ времени ѣздить по Островамъ... Онъ занятъ...

— Да вы не объясняйте!—остановила его Ѳеничка.—Я сама вижу!—подчеркнула она, и въ тонѣ голоса звучала раздраженная нотка.

Съ этими словами она пошла-было къ дверямъ, но вдругъ повернулась и, подойдя къ Стрепетову, прошептала:

— Ѳедору Петровичу ни слова — что я у васъ была... Это его огорчитъ...

— Огорчитъ? Зачѣмъ же вы его огорчаете, Ѳеничка?

И, вдругъ, проникшись благороднымъ желаніемъ порадѣть за Галанина, онъ съ горячимъ воодушевленіемъ заговорилъ о томъ, какой хорошій человѣкъ Ѳедоръ Петровичъ, и какъ глубоко и искренно онъ привязанъ къ Ѳеничкѣ. Эта привязанность могла бы спасти его отъ недуга, еслибы ее берегли... Такую преданность не скоро найдешь... Она, вѣрно, не замѣчаетъ всей ея силы...

Digitized by Google

Оеничка слушала и грустно улыбалась. Но, вѣрно, слова молодого человѣка показались ей ужъ черезъ-чуръ наивно-жестокими, потому что она неожиданно тряхнула головой, нетерпѣливо вздернула плечами и, насмѣшливо поблагодаривъ за совѣтъ, вышла изъ комнаты, не дождавшись окончанія краснорѣчивой тирады и даже не простившись съ молодымъ человѣкомъ.

Такого неожиданнаго финала объясненія Стрепетовъ не ждалъ и находился въ глупомъ положеніи неудавшагося дипломата, когда, наконецъ, явился Галанинъ и веселый, сіяющій, принялся обнимать Стрепетова съ радостнымъ хохотомъ.

— У васъ урокъ, юноша. Тридцать рублей въ мѣсяцъ. Ежедневно, кромѣ праздниковъ, два часа въ день обучать математикѣ сына новаго моего патрона, присяжнаго повѣреннаго Зеленецкаго. Насчетъ часовъ сговоритесь съ его благовѣрной. Люди—ничего себѣ.

Стрепетовъ сталъ-было благодарить, но Галанинъ не далъ ему продолжать и весело продолжалъ:

— Поздравьте и меня, Павелъ Сергѣевичъ. Съ завтрашняго дня и я при мѣстѣ. Сто рублей въ мѣсяцъ... Пиши только, какъ выражается Ипатъ, „кассаціи“. Сейчасъ одну снесъ, получилъ за нее двадцать-пять рублей и кромѣ того взялъ пятьдесятъ рублей авансомъ на первое обзаведеніе. Глядите.

И, снявъ пальто, Галанинъ сталъ передъ Стрепетовымъ въ новой черной парѣ.

— Теперь вѣдь я приличенъ, а?.. У Корпуса обмундировался. При мѣстѣ нельзя безъ этого. Мой патронъ, вдобавокъ, любитъ солидность въ костюмѣ. Если къ нему да еще бѣлый галстухъ, то клэркъ хоть куда. Завтра надѣну бѣлый галстухъ и пойду во всемъ своемъ великолѣпіи писать кассаціи!—говорилъ Галанинъ, заливаясь своимъ раскатистымъ, добродушнымъ смѣхомъ.

— Ужъ Ипатъ Никитичъ сообщалъ мнѣ свои предположенія.

— Сообщалъ? И, конечно, распространялся о моихъ талантахъ?—продолжалъ Галанинъ, присаживаясь къ Стрепетову.—Философъ Ипатъ высокаго о нихъ мнѣнія и не прочь бы завтра назначить меня министромъ юстиціи.

— И еслибы вы знали, какъ онъ радовался за васъ!

— Еще бы. Вѣдь онъ добрякъ, этотъ несчастный Ипатъ. Мы съ нимъ пріятели. Вотъ только ссоримся иногда изъ-за „омеблировки“. Теперь, впрочемъ, и этихъ ссоръ не будетъ. Онъ обѣщалъ купить мнѣ цѣлый столъ и пол-дюжины крѣпкихъ стульевъ и устроить „настоящій салонъ“. А что, хотите отрав-

Digitized by Google

ляться котлетами вмѣстѣ?—спросилъ Галанинъ.—А то не пойдемъ ли къ Палкину? Я нынѣче богатъ!—улыбнулся Галанинъ.

Стрепетовъ отказался. Онъ долженъ быть къ четыремъ часамъ дома.

— А вы рѣшительно остаетесь здѣсь жить?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Здѣсь. Привыкъ я и къ Ипату, да и къ...

Галанинъ вдругъ слегка покраснѣлъ и замолчалъ.

— Ну, и есть одно обстоятельство!—неожиданно заговорилъ онъ, видимо готовый пуститься въ откровенности.

— Какое?

— Какое?.. Ну, да вамъ я скажу, мой юный другъ. Я хочу рѣшиться на одну глупость.

Стрепетовъ съ участіемъ взглянулъ на Галанина.

— На какую?

— Намѣренъ жениться.

— Жениться?—невольно вырвалось у Стрепетова.

— Да... На Ѳеничкѣ. Если только она повѣритъ, что я стану человѣкомъ и пойдетъ за меня!—тихо и смущенно промолвилъ Галанинъ.—Вы думаете: не пойдетъ?—безпокойно прибавилъ онъ.

И онъ съ такой нѣжной любовью сталъ хвалить золотое сердце и богато-одаренную натуру Ѳенички, такъ горячо вѣрилъ въ возможность счастія, что у Стрепетова недостало духа разубѣждать его. Слушая эту характеристику, Стрепетовъ подумалъ, что влюбленные дѣйствительно слѣпы, и когда Галанинъ окончилъ свои изліянія, молодой человѣкъ вскорѣ ушелъ, вполнѣ увѣренный, что Ѳеничка откажетъ, и что тогда бѣдный неудачникъ снова запьетъ.

К. Станюковичъ.

Digitized by Google

НАРОДНИКИ и НАРОДЪ

— Собраніе сочиненій Н. Златовратскаго. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора. Изданіе журнала „Русская Мысль". М. 1891.

Для будущаго историка русской жизни наше время будетъ, вѣроятно, казаться очень оригинальнымъ: быть можетъ, оно представитъ даже зрѣлище, единственное въ своемъ родѣ. Мы разумѣемъ ту роль, какую въ теченіе уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ „народъ" занялъ и въ литературѣ, и въ общественныхъ вопросахъ, и въ мечтаніяхъ молодыхъ поколѣній. Влеченія къ народному не единичны въ одной нашей литературѣ; онѣ становились не однажды господствующимъ мотивомъ и въ литературахъ европейскихъ, принимая весьма разнообразную окраску, смотря по условіямъ общественности, — тѣмъ не менѣе у насъ онѣ остаются весьма своеобразны.

Стремленіе къ народному или національному проявилось, напримѣръ, издавна, еще во второй половинѣ XVIII-го вѣка, въ Германіи, когда молодыя поколѣнія мечтали о возвращеніи древнегерманскаго вѣка и молодые поэты воображали себя „бардами"; нѣсколько позднѣе, въ философско-поэтическихъ воззваніяхъ Гердера, „народное" указывалось какъ истинное начало просвѣщенія и поэзіи, и изученіе поэзіи народной и возвращеніе къ ней указывались какъ средства обновленія. Но здѣсь, какъ и въ позднѣйшихъ романтическихъ обращеніяхъ къ народному, это послѣднее понималось обыкновенно почти только теоретическимъ образомъ, какъ нѣчто логически недостававшее въ историческихъ и эстетическихъ построеніяхъ, чѣмъ надо было бы оправдать философскую цѣльность этихъ построеній. Въ развитіи національ-

Digitized by Google

ной идеи, которое совпадаетъ съ эпохой романтизма и переживаетъ ее, народное опять является въ широкомъ объемѣ національнаго, понимается какъ самое общее представленіе національнаго духа, и практическія примѣненія идеи національности приводили къ исканію политическаго освобожденія національностей, гдѣ онѣ подавлены были чужимъ господствомъ. Можно было бы ожидать, что „народное“ скажется въ томъ новѣйшемъ демократическомъ движеніи, которое выразилось рабочимъ вопросомъ; но здѣсь шло дѣло о чисто экономическихъ отношеніяхъ, которыя опять получали политическій характеръ потому, что экономическій споръ для своего разрѣшенія требовалъ и извѣстной политической реформы. Рабочій вопросъ несомнѣнно касался близко народа, изъ котораго выходила рабочая масса; но послѣдняя все-таки не отождествлялась съ народомъ и въ рабочій вопросъ не замѣшивались тѣ соображенія о народномъ началѣ, къ которымъ мы такъ привыкли въ своей литературѣ. Нѣсколько иначе „народное“ поставлено было въ славянскомъ возрожденіи: дѣятелямъ этого возрожденія нужно было опереться на народъ, потому что почти во всѣхъ возрождавшихся племенахъ только въ народной средѣ и сохранилась та національная сторона, которая являлась фундаментомъ для національнаго возрожденія. Высшіе классы этихъ возрождавшихся племенъ обыкновенно уже съ давнихъ временъ утратили свою національность, или окончательно забывъ о ней, или сохранивъ о ней только слабую историческую память, такъ что возвращеніе на путь національный было для нихъ или совсѣмъ немыслимо, или возможно только искусственно, путемъ историческаго разсужденія и новаго изученія полузабытаго языка и обычая; съ другой стороны, чтобы пробудить въ массѣ племенное сознаніе, съ которымъ должна была возникнуть и окрѣпнуть мысль политическая, нужно было начать вновь или возстановить литературу на народномъ языкѣ, изучить этнографическій образъ племени, реставрировать исторію и пр. Такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ приходилось обращаться къ народному, вызывать его жизненныя начала, отождествлять дѣло національнаго возрожденія съ исконными началами народной жизни; тѣмъ не менѣе, и здѣсь мы не нашли бы того явленія, какое представляли увлеченія „народнымъ“ въ нашей литературѣ. Дѣло въ томъ, что возрожденіе славянскихъ племенъ совершалось среди безусловнаго господства европейскаго просвѣщенія и крѣпко установившихся формъ общественности. Когда возрождались славянскія племена и когда требовалось разработать ихъ историческое прошедшее, основать ихъ новѣйшее просвѣщеніе, искать

Digitized by Google

средствъ для укрѣпленія ихъ національнаго чувства, во всѣхъ этихъ случаяхъ надо было пользоваться установившимися условіями жизни—европейской наукой, европейскими формами общественности: эта наука помогала изучить и объяснить факты историческаго прошедшаго и сдѣлать изъ нихъ выводы; формы и содержаніе европейской литературы помогли создать образовательную народную книгу; формы общественности цѣликомъ перенимались. Правда, все это сосредоточивалось на интересахъ національнаго дѣла; но начинатели движенія, какъ у чеховъ Добровскій, у сербовъ Обрадовичъ и пр., исходили изъ просвѣтительныхъ идей XVIII-го вѣка; славянскіе ученые, Шафарикъ, Палацкій, Копитаръ, Миклошичъ и пр., являлись нѣмецкими гелертерами; новая славянская литература, поэзія, беллетристика, народная книга были сколкомъ европейской и именно нѣмецкой литературы; онѣ, конечно, трактовали славянскіе сюжеты, напримѣръ изображали славянскую народную жизнь, пробуждали историческія воспоминанія, но онѣ даже и не мечтали о созданіи какого-нибудь живого, непосредственно бытового славянскаго идеала, такъ какъ для него уже и не было никакого достаточнаго матеріала. Бывали, конечно, идеалистическія обращенія къ древности, вспоминались старинныя славянскія добродѣтели, дѣлались призывы къ единенію и братству, но эта древность давно уже стала археологіей—и единство остается мечтой неразрѣшимой и донынѣ; славянская древность не запомнитъ такого единства, и если оно когда-нибудь станетъ возможно, если племенныя особенности славянскихъ народностей въ ихъ борьбѣ съ иноплеменнымъ давленіемъ будутъ искать опоры противъ него въ этомъ единеніи, оно могло бы совершиться уже только на условіи удовлетворенія тѣхъ народно-политическихъ стремленій, какія воспитаны въ нихъ не однимъ духомъ славянскаго преданія (слишкомъ испарившимся), но и всей исторіей, и между прочимъ всѣми испытанными вліяніями западной европейской науки и политической жизни.

Въ новѣйшее время мы присутствуемъ опять при усиленномъ развитіи стремленія къ народному въ видѣ фольклоризма. Въ отдаленныхъ источникахъ этого движенія, теперь сильно распространяющагося, есть несомнѣнно стремленіе напитаться остатками народнаго преданія, которое въ западныхъ литературахъ было съ періода среднихъ вѣковъ слишкомъ заслонено новѣйшимъ развитіемъ философскимъ и литературнымъ, черпавшимъ, съ эпохи Возрожденія, изъ источниковъ классическаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, Возрожденіе до того овладѣвало умами, представляло въ далекой древности такіе высокіе образцы философскаго мыш-

Digitized by Google

ленія, поэтическаго и художественнаго совершенства, и ставило столь увлекательные идеалы свободнаго гуманизма, что надолго, въ сущности до нашихъ дней, стало господствующимъ тономъ литературной жизни, кончаясь въ наше время карикатурой нынѣшняго гимназическаго классицизма. Какъ извѣстно теперь, Возрожденіе подготовлялось очень медленно и постепенно; античное преданіе въ сущности не прерывалось въ западной Европѣ съ конца древняго міра и начала среднихъ вѣковъ; церковные писатели первыхъ вѣковъ христіанства, боровшіеся съ классическимъ язычествомъ, бывали знакомы съ классической философіей и литературой; латинскій языкъ сталъ языкомъ западной церкви и остался готовымъ проводникомъ литературнаго классицизма, какъ остался языкомъ римскаго права; когда были пережиты догматическія воззрѣнія и представленія народной религіи среднихъ вѣковъ, гуманизмъ эпохи Возрожденія явился тою высшею ступенью философской и литературной дѣятельности, которая уже вскорѣ привлекла всѣ наиболѣе сильные и просвѣщенные умы. Интересы чистой человѣчности, въ первый разъ освобожденные отъ догматической исключительности и средневѣкового суевѣрія, стали господствующимъ мотивомъ просвѣщенія и литературнаго развитія, и писатели древняго міра стали на цѣлые вѣка образцомъ для подражанія. Собственная старина отвергалась до такой степени, что становилась синонимомъ нецивилизованной грубости; литература среднихъ вѣковъ, а съ нею народные поэтическіе элементы считались тѣмъ первобытнымъ состояніемъ, отъ котораго чѣмъ больше удалиться, тѣмъ лучше. Такъ продолжалось вплоть до эпохи романтизма, въ которой, впрочемъ, народное являлось какъ бы только для противодѣйствія тѣсному, исключительному и уже надоѣвшему псевдо-классицизму. Новѣйшій фольклоризмъ пошелъ далѣе. Если романтики выбирали изъ запасовъ средневѣкового преданія лишь извѣстныя черты, напримѣръ мистицизмъ, отвѣчавшій новѣйшей меланхоліи и мечтательности, то фольклористы ищутъ стараго преданія цѣликомъ, безъ предвзятой идеи, съ научной всесторонностью и полнотой; но источникъ этого интереса къ народному есть по преимуществу отвлеченно-научный, лишь съ нѣкоторою мыслью о томъ, что эти элементы могутъ послужить когда-либо къ оживленію литературнаго содержанія и формы.

Иначе складываются народныя стремленія въ нашей литературѣ, съ ихъ послѣднимъ исходомъ въ народничествѣ разныхъ оттѣнковъ. Первые опыты этихъ стремленій съ конца XVIII-го вѣка были непосредственнымъ интересомъ къ народному быту, черты котораго еще въ большой степени сохранялись и въ быту у

Digitized by Google

самого образованнаго класса. Позднѣе, и особливо съ сороковыхъ годовъ, онѣ получаютъ прямо соціальный характеръ: изученіе народа и народной жизни сопровождается мыслью, что народъ есть основа націи, сопровождается сочувствіями къ его гражданскому положенію и желаніями, чтобы это положеніе было улучшено, чтобы народъ пріобрѣлъ гражданскія права; затѣмъ эти сочувствія все больше возростаютъ въ теоретическое и, наконецъ, въ полу-мистическое представленіе о томъ, что именно въ народѣ хранится та глубокая идея, которой принадлежитъ и все нравственное содержаніе національнаго цѣлаго, и та сила развитія, которая создала его внѣшнее государственное могущество. Словомъ, народныя стремленія въ нашей литературѣ заключали въ себѣ не только потребность научнаго изслѣдованія народнаго преданія (гдѣ мы были учениками европейской науки, особливо нѣмецкой), не только потребность найти для литературы болѣе реальное содержаніе и болѣе живую естественную форму (гдѣ опять наша литература находила опору въ европейскомъ движеніи, напримѣръ въ романтизмѣ), но и нѣчто другое: глубокій соціальный вопросъ и національную вѣру. Правда, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи стремленія нашей литературы вырабо́тывались подъ сильными вліяніями западнаго просвѣщенія—именно германской философіи, соціалистическихъ изученій, самыхъ политическихъ событій; но вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ развивался по своему въ условіяхъ русской жизни, доходя, наконецъ, до своеобразной постановки, гдѣ становился всеобъемлющимъ нравственнымъ вопросомъ, какъ у Л. Н. Толстого.

Нашъ народный интересъ развился, какъ извѣстно, въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ—въ изученіяхъ историческихъ и этнографическихъ, въ изслѣдованіяхъ экономическихъ и статистическихъ, наконецъ у спеціалистовъ этого дѣла въ изображеніяхъ литературныхъ и въ нравственно-философскихъ ученіяхъ. Наиболѣе ревностная преданность къ этимъ интересамъ окрестилась у насъ названіемъ „народничества“, и въ этой мѣрѣ для него нѣтъ, кажется, параллели ни въ какомъ другомъ обществѣ и литературѣ. Въ своей высшей ступени народничество есть какъ бы религія: дѣйствительно, это — вѣра въ великое, даже всеобъемлющее значеніе народа для всѣхъ отправленій національной жизни; народное начало должно быть руководящимъ принципомъ какъ въ государственномъ бытіи, такъ и въ общественной жизни и личной нравственности. Наше царство есть мужицкое царство, и мужикъ, крестьянинъ, исконный и подлинный русскій человѣкъ, земледѣлецъ нашей земледѣльческой страны, долженъ—въ идеѣ, конечно—

Digitized by Google

опредѣлить формы и стремленія нашей жизни. Есть, разумѣется, множество варіантовъ въ выводахъ изъ этого общаго положенія, но основной характеръ его именно таковъ. Въ это положеніе укладываются весьма различныя мнѣнія—отъ настоящаго консерватизма до крайнихъ радикальныхъ теорій, но въ основу ставится необходимость не только сосчитаться съ народнымъ началомъ, но и подчинить ему общественные и личные интересы... Можетъ показаться, что ничего подобнаго этой широкой постановкѣ народнаго вопроса мы не найдемъ въ жизни европейской, и что въ этомъ наше высокое преимущество надъ нею, но, присматриваясь ближе, мы находимъ нѣчто иное. Эта широкая постановка народнаго вопроса, поражающая на первый взглядъ и, безъ сомнѣнія, представляющая много сочувственнаго по беззавѣтной преданности идеѣ, въ которой есть много соціальной и нравственной правды, можетъ представиться, однако, слишкомъ односторонней и даже узкой. Дѣло въ томъ, что наше столь идеальное и повидимому столь широкое представленіе народнаго вопроса, въ сущности, оказывается весьма одностороннимъ и вмѣстѣ преувеличеннымъ: оно объясняется, съ одной стороны, особеннымъ, давно неизвѣстнымъ въ Европѣ, соціальнымъ положеніемъ народной массы, съ другой—крайне тѣсными предѣлами нашей общественности. Крѣпостное рабство удержалось у насъ гораздо дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, и притомъ въ формахъ нерѣдко крайне необузданныхъ; между тѣмъ въ образованнѣйшей части общества, рядомъ съ существованіемъ этого „института", успѣли распространиться понятія, отрицавшія въ корнѣ это учрежденіе, считавшія его безчеловѣчнымъ и даже государственно-вреднымъ и находившія необходимымъ не только освобожденіе народа, но и возможно скорое доставленіе ему средствъ просвѣщенія и обезпеченнаго труда на *своей* землѣ. Контрастъ былъ полный, и чѣмъ крѣпче до послѣдней минуты оберегалось крѣпостное право, тѣмъ сильнѣе становилось убѣжденіе въ нравственной необходимости вознагражденія. Идеализація народа возникала еще задолго до самой постановки крестьянскаго вопроса, съ сороковыхъ годовъ: просвѣщеннѣйшіе люди того времени жили среди крайняго подавленія свободы мысли, и когда не было возможности прямо говорить о томъ, что должно бы было быть насущной работой общества, общественная мысль тѣмъ легче впадала въ идеалистическія теоріи. Въ этомъ настроеніи смотрѣли на народъ въ сороковыхъ годахъ—одни съ полу-мистической точки зрѣнія высокаго національнаго предназначенія, другіе—съ болѣе осязательной точки зрѣнія соціальной справедливости. Съ освобожденіемъ кре-

Digitized by Google

стьянъ это настроеніе не только не уменьшилось, но еще усилилось: совершившійся фактъ въ первыя минуты наполнилъ общество самыми свѣтлыми надеждами; полагалось, что осуществятся старыя мечтанія, что наступитъ эра новой жизни съ широкимъ просторомъ для народнаго труда, просвѣщенія, самодѣятельности. Но старое никогда не смѣняется новымъ сполна; въ самыхъ рѣзкихъ переворотахъ всегда останется отзвукъ старины, и онъ долженъ былъ быть тѣмъ сильнѣе въ русской жизни, которая уже многіе вѣка не имѣла этого простора и самодѣятельности. Такимъ образомъ, съ освобожденіемъ крѣпостного народа, которое оффиціально названо было только „улучшеніемъ быта“, жизнь опять вступила въ старую колею. Вновь оказалось разногласіе между даннымъ ходомъ вещей и идеальными стремленіями тѣхъ поколѣній, которыя воспитались въ нетерпѣливомъ ожиданіи реформъ или при первомъ ихъ совершеніи; снова единственнымъ исходомъ для нравственныхъ стремленій остался путь безконечныхъ теоретическихъ и поэтическихъ построеній на тему народа... Люди положительные, съ охолодѣвшимъ чувствомъ и съ полнымъ отсутствіемъ фантазіи, обыкновенно осуждали эти новыя увлеченія туманнымъ народнымъ началомъ, но исторически и по положенію вещей эти увлеченія были весьма понятны. Въ жизни цѣлаго народа и государства произошелъ слишкомъ крупный переворотъ, который не могъ не подѣйствовать на умы очень сильнымъ, даже потрясающимъ образомъ: пробуждалось впервые въ большомъ кругу общества національное сознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ были весьма серьезнымъ образомъ затронуты матеріальные интересы; то образованіе, которое нѣкогда для наиболѣе просвѣщеннаго класса (это былъ классъ дворянскій) было только пріятнымъ услажденіемъ матеріально обезпеченныхъ досуговъ или средствомъ для служебныхъ успѣховъ, стало представляться практической необходимостью для житейскаго обезпеченія; прежній отвлеченный идеализмъ отыскивалъ себѣ реальную почву въ новыхъ общественныхъ условіяхъ и искалъ удовлетворенія въ „служеніи народу“; не желая иногда видѣть суровыхъ фактовъ дѣйствительности или намѣренно убѣгая отъ нихъ, чтобы сохранить свою вѣру въ будущее, новые идеалисты создавали себѣ особый нравственный міръ, реальной почвой котораго они дѣлали народъ, и наконецъ противопоставили его всему остальному обществу. Въ народѣ, въ складѣ его бытовыхъ и нравственныхъ понятій была вся правда, которой не могла или не хотѣла понять „интеллигенція“ (на первый разъ та интеллигенція, изъ которой набирались бюрократы и въ ко-

Digitized by Google

торой находились и враги народа; а затѣмъ и вся интеллигенція гуртомъ). Такъ-называемое народничество было готово.

Можно спорить противъ многихъ понятій и дѣйствій народничества, но нельзя не видѣть, что оно было естественнымъ порожденіемъ общественныхъ условій, результатомъ цѣлаго историческаго періода нашей жизни; вмѣсто суроваго осужденія, оно нерѣдко должно бы вызвать и сочувствіе къ его лучшимъ порывамъ, а иногда и глубокое сожалѣніе, что эти лучшіе порывы часто лишены всякой возможности ихъ нормальнаго, здороваго примѣненія. Бываетъ, конечно, непріятно встрѣчаться съ ограниченнымъ самодовольствомъ людей, рѣшившихъ всѣ вопросы (которые на дѣлѣ вовсе не рѣшены), какъ это бывало въ народничествѣ и какъ бываетъ, впрочемъ, во всякихъ иныхъ партіяхъ; но взамѣнъ, даже не раздѣляя тѣхъ или другихъ взглядовъ, нельзя не отдать сочувствія тому твердому убѣжденію или той вѣрѣ, которыя доискиваются правды для темной, мало себя сознающей и безпомощной массы, и которыя въ самой этой массѣ видятъ, однако, всѣ задатки для построенія здраваго нравственнаго и гражданскаго бытія цѣлой націи.

Это двойственное впечатлѣніе производятъ вообще идеи народничества и произведенія его писателей. Первые начатки этой специфической литературы можно относить къ 60-мъ годамъ; она продолжается и до сихъ поръ, частью въ лицѣ ея первыхъ представителей, частью въ лицѣ ея новыхъ дѣятелей, а въ послѣдніе годы эта литература пріобрѣла еще новаго, хотя въ данномъ случаѣ высказавшагося не довольно опредѣленно, но могущественнаго по своему вліянію писателя въ лицѣ графа Л. Н. Толстого... Какъ мы замѣтили раньше, для будущаго историка нашего времени представитъ величайшій интересъ и вообще литература нашего времени, и въ частности литература народническая; но вмѣстѣ съ тѣмъ этому историку очень не легко будетъ разобраться въ томъ хаосѣ противорѣчивыхъ стремленій, какія наполняютъ новѣйшую литературу и которыя, конечно, имѣютъ каждое свой исходный пунктъ и свою причину.

Мы не рискнемъ въ настоящемъ случаѣ погружаться въ этотъ хаосъ и остановимся въ немъ только на произведеніяхъ писателя, который въ особенности, уже съ первыхъ его произведеній, можетъ быть зачисленъ въ народническій лагерь. Поводъ къ этому даетъ новое собраніе сочиненій г. Златовратскаго, вышедшее недавно въ двухъ компактныхъ томахъ, гдѣ, за исключеніемъ своихъ юношескихъ работъ, онъ собралъ свои главныя произведенія — повѣсти и разсказы изъ быта народа и той „интеллигенціи“,

Digitized by Google

которая такъ или иначе сближается или сталкивается съ народомъ. Какъ извѣстно, народничество заявило себя какъ особый лагерь именно своеобразнымъ взглядомъ на отношенія народа и интеллигенціи. Вообще на нашей планетѣ полагается, что народъ и интеллигенція различаются только (если различаются) степенью образованія, и такъ какъ степеней образованія бываетъ, собственно говоря, множество, то, слѣдовательно, и противоположеніе можетъ быть весьма условное, а тамъ, гдѣ приняты мѣры къ возможно широкому, даже всеобщему, для всего народа, распространенію первоначальнаго образованія, даже рѣдко можно встрѣтить подобное противоположеніе, развѣ въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ словомъ „интеллигенція“ хотятъ указать наиболѣе образованный, даже ученый классъ [1]). Еще менѣе въ европейскомъ употребленіи можно было бы встрѣтить это противоположеніе въ томъ смыслѣ, какъ иногда подразумѣвается въ языкѣ нашего народничества, именно въ смыслѣ противоположности небогатаго, даже бѣднаго въ большинствѣ случаевъ, земледѣльца или селянина, и болѣе или менѣе обезпеченнаго человѣка изъ образованнаго класса, по крайней мѣрѣ привыкшаго или стремящагося къ извѣстнымъ удобствамъ жизни городской. Вообще неравенства въ степени образованія, въ размѣрахъ достатка, различія въ образѣ жизни вездѣ относятся къ обычнымъ явленіямъ состоянія школьнаго дѣла, экономическаго быта, промышленнаго развитія; въ случаяхъ крайняго экономическаго неравенства говорятъ о прискорбныхъ явленіяхъ пролетаріата, обдумываютъ мѣры для его уменьшенія, говорятъ о его политической опасности, когда онъ, доведенный до послѣдняго предѣла, можетъ стать революціоннымъ элементомъ и т. д.; но никому не приходитъ въ голову, чтобы неравенство экономическое или образовательное было какимъ-то различіемъ или противоположностью по существу самой человѣческой природы. Но именно такъ ставится различіе или противоположность народа и интеллигенціи у наиболѣе „послѣдовательныхъ“ народниковъ. По ихъ мнѣнію, это два враждебныхъ лагеря съ различнымъ пониманіемъ и гражданской, и нравственной жизни, причемъ на долю „народа“ остается самая настоящая истина, а интеллигенціи приходится погрязать во всякаго рода лжи и испорченности. Въ народѣ заключены идеалы правдиваго человѣческаго житія, а интеллигенціи, если она хочетъ исправиться, остается одинъ путь — примкнуть къ народу и воспринять его

[1]) Въ этомъ смыслѣ наши народники взяли это слово у нѣмцевъ; по-французски слово intelligence вовсе не имѣетъ этого значенія.

Digitized by Google

идеальное содержаніе; а исправиться интеллигенціи слѣдуетъ, потому что она кругомъ виновата передъ народомъ: долгіе годы, даже вѣка, она не хотѣла понимать всей глубины народной идеи и только грубо эксплуатировала и угнетала народъ, мѣшая ему самому правильно развивать свое содержаніе и свой бытъ.

Понятно, что въ такомъ опредѣленіи отношеній есть одинъ большой пробѣлъ, не говоря о другихъ: совсѣмъ забыто историческое развитіе въ положеніи и народа, и интеллигенціи. Какъ бы ни стояли они теперь между собою, эти отношенія образовались не даромъ, и виноватыхъ трудно искать на почвѣ до чрезвычайности сложныхъ историческихъ явленій. Одно вниманіе къ исторіи сильно видоизмѣнило бы эти положенія народничества, а можетъ быть, упразднило бы ихъ и совсѣмъ... Но если-бы мы стали искать источниковъ подобнаго взгляда, мы нашли бы ихъ въ тѣхъ общихъ условіяхъ нашей новѣйшей жизни, какія мы выше указывали, а въ частности, напримѣръ, въ славянофильствѣ, которое такъ много и такъ долго говорило объ оторванности высшихъ классовъ отъ народа, объ извращеніи народныхъ бытовыхъ и нравственныхъ началъ Петровскою реформой, о противоположности „народа и публики“ и т. д.; затѣмъ крестьянская реформа породила мысль о долгѣ бывшихъ владѣльцевъ „душъ“ вознаградить крѣпостной народъ матеріально и нравственно за бывшее владѣніе и т. д. Все это смѣшалось въ народничествѣ въ новую особую систему, причемъ иныя теоретическія соображенія были поняты въ нѣсколько грубомъ реальномъ смыслѣ, развиты дальше и сблизились, наконецъ, съ новѣйшими ученіями гр. Толстого. Эти послѣднія несомнѣнно также имѣютъ свою первую основу въ общихъ условіяхъ нашей жизни и образованія: ближайшимъ образомъ онѣ развились, кажется, независимо отъ стараго славянофильства, но въ несомнѣнной связи съ тѣмъ броженіемъ умовъ, какое вызвано было освобожденіемъ крестьянъ, и, начавшись съ самыхъ общихъ вопросовъ о вѣрѣ и знаніи, о началахъ нравственности, пришли къ положеніямъ, которыя не могли встрѣтить ни малѣйшаго сочувствія въ обыкновенно образованныхъ людяхъ, но нашли, какъ увидимъ, великія сочувствія въ лагерѣ народническомъ,—въ родѣ извѣстныхъ насмѣшекъ надъ „научной наукой“, „работой головой“, что есть не болѣе какъ идіотское битье головой объ стѣну, и т. п. Спеціальное народничество, при своемъ началѣ, вѣроятно, еще не имѣло въ виду гр. Толстого, идеи котораго, хотя уже существовавшія, въ то время еще не развились и не были вы-

Digitized by Google

сказываемы въ ихъ позднѣйшемъ изобиліи, но, въ концѣ концовъ, оно нашло въ гр. Толстомъ близкаго союзника.

У г. Златовратскаго мы находимъ разсказъ: „Мои видѣнія“ (1885). Какъ водится, авторъ однажды „нашелъ на своемъ столѣ рукопись, оставленную кѣмъ-то“ въ его отсутствіе и съ надписью: „можете распорядиться рукописью какъ знаете, мнѣ все равно“; обыкновенно остается неизвѣстнымъ, кто былъ творцомъ рукописи, но на этотъ разъ оказалось, что авторъ извѣстенъ: это былъ нѣкто Кузнецовъ, „мало кому извѣстный художникъ изъ мѣщанъ“, или собственно изъ самого „народа“, такъ какъ въ мѣщане онъ выписался изъ крестьянъ. Отмѣтимъ только, что стиль художника изъ мѣщанъ очень похожъ на стиль самого г. Златовратскаго.

Художникъ изъ мѣщанъ описываетъ въ рукописи свои видѣнія, являвшіяся ему подъ вліяніемъ мучившихъ его мыслей о томъ, „гдѣ и въ чемъ причина неудовлетворенности моей и тѣхъ, которыхъ я зналъ въ жизни, которыхъ любилъ и которымъ отдалъ все? И есть ли ей конецъ, и гдѣ онъ, и въ чемъ? И если эта неудовлетворенность неизбѣжна, какъ законъ жизни, то почему тотъ путь, какимъ мы старались отвѣтить ей (?), несетъ муки и зло, вмѣсто наслажденія и добра?“ (т. II, стр. 216). Нельзя сказать, чтобы вопросъ былъ поставленъ ясно; немудрено, что не совсѣмъ ясенъ и отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ дается видѣніемъ, гдѣ художникъ Кузнецовъ, замѣшавшись въ толпу на большой дорогѣ, увидѣлъ слѣдующее зрѣлище:

„Я вмѣстѣ съ другими подошелъ къ большому, дряхлому, странной *старо-русской архитектуры*, дому, стоявшему вбокъ отъ дороги, среди запущеннаго липоваго сада. Въ отворенныя настежь ворота, никѣмъ не охраняемыя, входили и выходили разныя лица.

„Я остановился и внимательно сталъ наблюдать: меня поразило странное разнообразіе посѣтителей, возможное только *въ храмѣ*. Я видѣлъ подъѣзжавшія кареты, изъ которыхъ выходили старые и молодые аристократы и аристократки, статскіе и военные генералы, графы и князья; видѣлъ простыя дрожки, подвозившія людей различнаго средняго положенія и достатка: профессоровъ, чиновниковъ, купцовъ; видѣлъ пѣшеходовъ: учительницъ и гувернантокъ, мелкихъ литераторовъ и артистовъ съ задумчивыми или гордо вызывающими физіономіями; наконецъ, я видѣлъ входившихъ и выходившихъ, вмѣстѣ съ другими, оборванныхъ нищихъ, въ рубищѣ или потасканныхъ старыхъ мундирахъ, крестьянъ, фабричныхъ рабочихъ, ремесленниковъ...

Digitized by Google

„На мой вопросъ, кто живетъ въ этомъ домѣ, одни говорили: это—мудрецъ, другіе: это—кающійся, третьи: это—ищущій правды, четвертые и пятые: это—большой человѣкъ".

Вошедши въ домъ вмѣстѣ съ художникомъ Кузнецовымъ, мы застаемъ бесѣду и проповѣдь, и по нѣсколькимъ словамъ послѣдней узнаемъ, кто былъ этотъ Большой человѣкъ. Проповѣдникъ говорилъ на тему: не противьтесь злу насиліемъ. Художникъ Кузнецовъ на первый разъ отнесся къ этой проповѣди скептически, но оказалось, что она произвела на него столь глубокое впечатлѣніе, что его потянуло опять послушать Большого человѣка; послѣдній какъ бы ожидалъ его и встрѣтилъ его съ удовольствіемъ: возвращеніе было знакомъ, что проповѣдь оказывала свое дѣйствіе, что недовольный слушатель начиналъ убѣждаться или вѣровать. Кузнецовъ услышалъ, что Большой человѣкъ считался нѣкогда „чудеснымъ художникомъ и поэтомъ", увѣренъ былъ нѣкогда, что дѣйствительно творитъ нѣчто прекрасное и полезное, а затѣмъ усомнился въ этомъ; однимъ словомъ, Кузнецовъ услышалъ то, что разсказывается въ извѣстной „Исповѣди" графа Толстого. Кузнецовъ услышалъ также, что Большой человѣкъ не дѣлаетъ въ своемъ ученіи о непротивленіи злу насиліемъ никакихъ исключеній и послабленій, что онъ убѣжденъ или вѣруетъ, что это ученіе можетъ быть, и должно быть, примѣнено тотчасъ, что Христосъ проповѣдовалъ это ученіе не для какихъ-нибудь будущихъ временъ, а для тѣхъ самыхъ, когда онъ училъ, и для всѣхъ, кто приметъ ученіе.

Кто-то замѣтилъ Большому человѣку, не рискуетъ ли онъ, что „живая жизнь" отвернется отъ него и его спасенія (вѣроятно, вслѣдствіе его неисполнимости).

„Онъ отрицательно покачалъ головой и, указавъ на сидѣвшихъ сбоку съ нимъ, сказалъ:

„— Вотъ они, эти матери и этотъ послѣднѣйшій изъ звеньевъ [1]), на которыя *вы* (?) разбили все человѣчество, они, которые вынесли на плечахъ весь гнетъ насилія,—они за меня... И если насъ будетъ даже столько, мы пересоздадимъ (?) весь *вашъ* міръ, какъ бы ни были сильны *ваши* геніи міра. На нихъ [2])—фундаментъ міра, прочнѣе котораго нѣтъ ничего.

„— Но что же дѣлать противъ зла безъ насилія?

---

[1]) „Послѣднѣйшій изъ звеньевъ" довольно страненъ для „чуднаго художника", какимъ былъ нѣкогда Большой человѣкъ; можетъ быть, впрочемъ, что Кузнецовъ нехорошо передалъ его рѣчь.

[2]) Опять: на комъ?

Digitized by Google

„— Все, что могутъ указать человѣку его разумъ и чувство, но только не насиліе.

„— Но разумъ человѣческій ничего не можетъ найти лучшаго.

„— Какое глубокое, ужасное недоразумѣніе!.. Какая жестокая, позорная ложь!.. Ложь!.. Ложь, за которую ужъ начинаютъ нести муки тѣ, о которыхъ вы не можете даже и предполагать этого... Но скоро придетъ время, и вы узнаете, вы увидите этихъ мучениковъ, не одного, не двухъ, а сотни, тысячи, и тогда содрогнется ваше сердце при видѣ этихъ мученій. Но тогда наступитъ и часъ вашего спасенія".

Далѣе.

„— Вы художникъ?—спросилъ онъ меня, опуская глаза, какъ будто желая скрыть ихъ странную игру, которой я не могъ понять.

„— Да.

„Онъ холодно и сурово отвернулъ отъ меня лицо и не сказалъ ничего".

Проповѣднику, конечно, подобаетъ этотъ апокалиптическій тонъ; но нельзя скрыть, что отъ этого проповѣдь не становится убѣдительнѣе. Довольно странно далѣе это *вы*, какъ будто какой-то скромный слушатель, обратившійся къ Большому человѣку съ своими весьма естественными недоумѣніями, былъ именно виноватъ въ томъ, что „міръ" устроился такъ нехорошо; по всѣмъ вѣроятіямъ, вопрошавшій принадлежалъ въ этомъ мірѣ къ числу весьма неважныхъ спицъ въ колесницѣ, и, напавши на него („вы"), Большой человѣкъ обратилъ нападеніе по весьма неточному адресу. Суровость къ „мало кому извѣстному" художнику въ послѣднемъ вопросѣ является даже забавной: самъ Большой человѣкъ, отказавшійся отъ искусства (усомнившись въ немъ), былъ по крайней мѣрѣ „чудесный художникъ", онъ производилъ сильное впечатлѣніе, оказывалъ вліяніе, которое сталъ теперь считать вреднымъ,—но чѣмъ особеннымъ могъ провиниться бѣдный Кузнецовъ, судя по его неизвѣстности художникъ неважный, художество котораго было недалеко отъ невиннаго ремесла?

Далѣе, Большой человѣкъ услышалъ отъ кого-то изъ своихъ слушателей „робкое" замѣчаніе, что ученіе его есть „мечта... утопія... прекрасная, свѣтлая, высокая".

„— Мечта?—быстро спросилъ Большой человѣкъ, обративъ на него загорѣвшіеся глаза.—Кто тотъ несчастный, который первый бросилъ людямъ эту ужасную мысль?.. Мечта!.. Но Богъ, которому вы поклоняетесь, который далъ вамъ высочайшую заповѣдь

Digitized by Google

любви и непротивленія злу насиліемъ, развѣ онъ... понималъ свое ученіе какъ какой-то далекій идеалъ человѣчества, исполненіе котораго невозможно, какъ мечтательныя поэтическія фантазіи, которыми онъ плѣнялъ простодушныхъ жителей Галилеи? Онъ понималъ свое ученіе какъ дѣло, такое дѣло, которое спасетъ человѣчество, и онъ не мечталъ на крестѣ, а кричалъ и умеръ за свое ученіе... И такъ же умирали и умрутъ еще много людей. Нельзя говорить про такое ученіе, что оно мечта".

Большой человѣкъ былъ возбужденъ; онъ взялъ потомъ „большую рукопись" и началъ читать.

„Онъ читалъ о Христѣ, о непониманіи его ученія, о нагорной проповѣди, о непротивленіи злу насиліемъ и, главнымъ образомъ, о *возможности* жить по его заповѣди теперь же, сейчасъ, и что мы несчастны только потому, что отвергаемъ, не признаемъ этой возможности и что поэтому наша жизнь—мечта, призракъ, безсмыслица".

Наконецъ, Большой человѣкъ представилъ своимъ слушателямъ картину нынѣшняго человѣческаго общежитія въ видѣ чудовищной пирамиды изъ живыхъ людей (уже извѣстная картина, между прочимъ, изображенная въ одномъ изъ первыхъ разсказовъ Салтыкова). „Это было нѣчто ужасное, чудовищное!.. Я видѣлъ составленную изъ цѣлаго ряда лѣстницъ пирамиду, на самой почти вершинѣ которой стоялъ я и много другихъ „избранниковъ", успѣвшихъ вскарабкаться на эту вышину. Подъ нами, на всѣхъ ступеняхъ, я увидалъ цѣлыя полчища такихъ же несчастныхъ, какъ мы, которые, охваченные неудовлетворенной жаждой добраться до насъ, толкали и мяли одни другихъ, карабкались другъ черезъ друга, терзали свои руки, ноги и груди и груди своихъ ближнихъ. Слышались стоны, крики отчаянія срывавшихся со ступеней или столкнутыхъ опять внизъ, самодовольные крики успѣвшихъ подняться на ступень выше. Я слышалъ эти вопли и крики, я видѣлъ лившуюся по лѣстницѣ кровь... Мнѣ стало мучительно страшно. Я хотѣлъ крикнуть всѣмъ этимъ полчищамъ, которыя кишѣли внизу меня: „Зачѣмъ вы, несчастные, стремитесь сюда? Вѣдь здѣсь мечта, фикція, безумное самообольщеніе!"—и когда я взвѣсилъ, сколькихъ жертвъ стоила эта мечта, мнѣ опротивѣли люди, я опротивѣлъ самъ себѣ... Я не зналъ, гдѣ и въ чемъ другой смыслъ жизни. Я только понялъ, что въ томъ, что я видѣлъ предъ собой, я уже не могъ находить смысла... Я не знаю, что было бы со мною, когда въ самомъ низу пирамиды, я сталъ мало-по-малу различать цѣлые милліоны маленькихъ, чуть примѣтныхъ для меня съ высоты пирамиды, человѣческихъ су-

Digitized by Google

ществъ, которыя жили какимъ-то особымъ отъ пирамиды смысломъ жизни и одни не карабкались на нее... Маленькіе люди, кишѣвшіе внизу, были пахари, люди труда, мира и вѣры, что въ этомъ-то и есть смыслъ жизни, вложенный въ нее Богомъ, что жизнь—не эти залы, не пирамида человѣческой борьбы за самосовершенствованіе, что жизнь, это—храмъ безъ идоловъ, безъ жрецовъ, безъ жертвъ" (т. II, стр. 216—222).

Апокалиптическій тонъ опять не совершенно вразумителенъ: какъ произойдетъ все это—мало понятно. Художникъ Кузнецовъ понялъ все это такимъ образомъ, что надо отрѣшиться отъ цивилизованной жизни и возвратиться въ ту среду, гдѣ живутъ люди труда, мира и вѣры, т.-е., въ народъ, къ которому онъ самъ нѣкогда принадлежалъ. У него есть еще братъ адвокатъ, сестра актриса, и пр., и ему казалось, что и другимъ надо также возвратиться въ народъ, но сестру онъ убѣждалъ безуспѣшно; и дѣйствительно ей, конечно, уже неспособной къ деревенскому труду, нечего было бы дѣлать въ деревнѣ, какъ, вѣроятно, нечего было бы дѣлать и самому художнику Кузнецову. Убѣждая ее къ переселенію въ деревню, онъ повторилъ по своему то, что̀ слышалъ отъ Большого человѣка. Чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно, такъ какъ рукопись осталась неконченной. Въ результатѣ исторіи выходитъ, что оставленіе деревни было фатально для семьи и что было бы гораздо лучше, еслибы она не покидала прежняго своего быта, гдѣ ей предстоялъ бы мирный сельскій трудъ и гдѣ она осталась бы безопасна отъ всякихъ золъ цивилизаціи.

Разсказъ характеренъ въ томъ отношеніи, что изъ него видно, какимъ образомъ народничество или, по крайней мѣрѣ, та его фракція, которую представляетъ г. Златовратскій, прямо примыкаетъ къ ученіямъ графа Толстого. Ихъ соединилъ одинъ весьма существенный пунктъ: отрицаніе цивилизаціи и превознесеніе деревни: „городская" цивилизація, по изображеніямъ графа Толстого, преисполнена всякой лжи, съ ея внѣшнимъ блескомъ и нравственной пустотой, ея „научной наукой" и пр.; единственная здоровая жизнь, нормальная физически и морально, есть жизнь народа, обитателя деревни; трудъ земледѣльца есть единственный отвѣчающій природѣ и нравственный. Народничество начинало приходить къ той же точкѣ зрѣнія еще ранѣе, чѣмъ явились эти ученія графа Толстого; въ 70-хъ годахъ въ народническомъ лагерѣ дѣлалось уже извѣстное противоположеніе города и деревни съ экономической, нравственной и даже національной точки зрѣнія. Сочиненія г. Златовратскаго издавна вращаются на этой самой темѣ; быть можетъ, сначала эта тема и не была у него доста-

Digitized by Google

точно выяснена въ теоретическомъ отношеніи, но онъ давно уже останавливался по преимуществу на изображеніяхъ народной, особливо сельской, жизни въ ея противоположности и противорѣчіи съ жизнью города и вообще всего того міра, который стоитъ внѣ деревни, который ею правитъ и слишкомъ часто нарушаетъ самыя завѣтныя черты ея жизни и матеріальной, и нравственной. Рядомъ съ изображеніемъ этихъ чистыхъ началъ деревенской жизни и упомянутаго нарушенія ихъ внѣшнею враждебною силою, г. Златовратскій очень часто, почти постоянно, обращается къ изображенію людей изъ цивилизованнаго круга, которые, напротивъ, стремятся изъ этого круга въ деревню, въ народъ, гдѣ ищутъ исцѣленія отъ одолѣвающаго ихъ душевнаго разлада, потому что они сознаютъ фальшивость и неправоту своей цивилизованной жизни и убѣждаются, что искомый миръ обрѣтается только въ средѣ народа, воспитаннаго вѣками на единственно чистомъ и честномъ трудѣ земледѣльца.

Кажется, никто между нашими беллетристами изъ народнаго быта не разработывалъ этого вопроса такъ настойчиво и съ такой любовью, какъ г. Златовратскій. Мы не намѣрены здѣсь ни дѣлать обзора его литературной дѣятельности, ни подвергать его произведеній эстетическому обзору (отчасти это уже было сдѣлано другими): произведенія г. Златовратскаго интересуютъ насъ именно этимъ своимъ содержаніемъ, картиною той особой области общественныхъ отношеній, которая въ послѣднее время, повидимому, начинаетъ дѣйствительно развиваться и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ интереса и изученія. Писатель можетъ изображать эту область съ бо́льшимъ или мѣньшимъ художественнымъ мастерствомъ, и у г. Златовратскаго въ этомъ отношеніи найдутся немалые недостатки, но худо ли, хорошо ли исполнены картины—остаются ихъ сюжеты, остаются наблюденія, факты или, наконецъ, если бы писатель иногда преувеличилъ эти факты, сдѣлалъ иной разъ ошибку въ ихъ объясненіи, нелишенный интереса фактъ составитъ его собственное міровоззрѣніе, его спеціально *народническій* взглядъ. Къ нему мы и обратимся.

Итакъ, области, на которыхъ останавливается г. Златовратскій, троякаго рода: самъ народъ, враждебные ему элементы жизни и, наконецъ, элементы ему дружественные—люди, стремящіеся возвратиться къ народу и слиться съ нимъ. Народъ есть область идеальная; враги его—или бюрократы, или какіе-либо эксплуататоры народнаго труда, ему чуждые по существу или, даже принадлежа къ нему по происхожденію, измѣняющіе

Digitized by Google

старымъ началамъ его быта; его друзья, конечно, народники. Всѣ эти три группы сосредоточены на одномъ общемъ вопросѣ: это народный бытъ въ его встрѣчахъ съ общественными элементами, его отрицающими или его подтверждающими, народный бытъ, какъ нравственная основа, на которой должны бы быть построены не только гражданскія и экономическія отношенія, но и самая нравственность. Мы встрѣтимся далѣе со многими недомолвками, неясностями въ этомъ міровоззрѣніи, но замѣтимъ прежде всего, что здѣсь, въ этой постановкѣ вопроса, заключается все существо представленій г. Златовратскаго, а съ нимъ вмѣстѣ цѣлой, вѣроятно, немалочисленной группы народничества. Прочитавши г. Златовратскаго, читатель приходитъ къ такому выводу. Въ русской жизни есть въ настоящее время два элемента: народъ и не-народъ; народъ подразумѣвается именно деревенскій, земледѣльческій; онъ одинъ ведетъ нормальную жизнь, указанную ему самой природой; его трудъ—единственный правдивый, потому что онъ имѣетъ дѣло съ одной природой и, живя на ея лонѣ, въ потѣ лица добываетъ свой хлѣбъ и остается свободнымъ отъ всякой лжи, проникающей всѣ другія искусственныя условія быта. На почвѣ этого естественнаго, правдиваго труда развиваются естественныя, правдивыя отношенія нравственныя—справедливость семейная и общинная: она выростаетъ сама собой, потому что эта жизнь и этотъ трудъ всегда на виду, всегда контролируются общимъ судомъ и сознаніемъ. Воспитанная вѣками, эта справедливость слагается въ твердые „устои“ деревенскаго быта, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ жизни такъ-называемыхъ цивилизованныхъ классовъ. Эти послѣдніе, оторвавшись отъ естественнаго и единственно правдиваго земледѣльческаго труда и быта, потеряли и его нравственныя основы; ихъ нравственныя начала строились на произволѣ и оттого въ нихъ такъ много случайнаго, непрочнаго, оттого они такъ легко подпадали порчѣ и извращенію. Понятно, что при такихъ условіяхъ между этими двумя мірами нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго: міръ народный и не-народный чужды другъ другу, и общенія между людьми того и другого міра возможны только тогда, когда человѣкъ изъ круга цивилизованнаго возвратится къ народу, добровольно отрекшись отъ своихъ цивилизованныхъ заблужденій. Народъ долго жилъ въ своемъ практическомъ и нравственномъ уединеніи отъ такъ-называемаго цивилизованнаго круга (этому способствовало само крѣпостное состояніе и гражданское безправіе народной массы) и тѣмъ сильнѣе могъ утвердить свои бытовыя и нравственныя начала; въ послѣднее время (очевидно,

Digitized by Google

послѣ освобожденія крестьянъ) въ людяхъ общества возникло сознаніе о необходимости возстановить давно порванную связь съ этимъ народомъ; это сознаніе пришло, кажется, потому (авторъ не даетъ этому достаточно обстоятельнаго объясненія), что общество само начало убѣждаться въ ложности своей цивилизаціи и въ необходимости возвратиться къ истиннымъ началамъ нравственности, хранящимся у народа. По крайней мѣрѣ, въ этомъ убѣдились народники, и ихъ мысли нашли глубокое подтвержденіе въ проповѣди Большого человѣка... Понятно, далѣе, что такое сознаніе, равняющееся покаянію, дается не вдругъ и не легко: человѣкъ приходитъ къ такому сознанію постепенно, рядомъ тяжелыхъ жизненныхъ опытовъ, и чтобы усвоить его — долженъ отказаться отъ многихъ, если не всѣхъ, привычныхъ понятій и съ трудомъ, и только съ трудомъ, можетъ примкнуть къ народной средѣ, которая на первый разъ встрѣтитъ его всегда съ естественнымъ недовѣріемъ.

Таковы общія положенія. Какъ видитъ читатель, онѣ до того исключительны, что человѣкъ непредубѣжденный, не слѣпо вѣрующій, словомъ, не народникъ, при всемъ добромъ желаніи спокойно вникнуть въ это ученіе, не можетъ не испытывать величайшихъ недоумѣній. Поражаетъ прежде всего полное отсутствіе какого-либо историческаго объясненія: какъ могло случиться, что образовались эти два, столь противоположные, міра и съ которыхъ поръ оказалась эта противоположность? Старинные историки, какъ извѣстно, совсѣмъ не задавались вопросомъ о томъ, участвовалъ ли народъ чѣмъ-нибудь въ образованіи государства (кромѣ повиновенія), но историки новѣйшіе, съ сороковыхъ и даже тридцатыхъ годовъ, именно поставили вопросъ о томъ, какъ образовалось государство и какую роль игралъ при этомъ самый народъ. Двѣ историческія школы, образовавшіяся въ то время и приходившія по многимъ основнымъ пунктамъ къ самымъ различнымъ рѣшеніямъ, соглашались, однако, въ главномъ: во-первыхъ, что созданіе государства было абсолютною историческою необходимостью, и во-вторыхъ, что характеръ сложившагося, наконецъ, государства былъ опредѣленъ всѣмъ характеромъ самого народа. Спорили только о томъ, что, по мнѣнію однихъ, этотъ характеръ истинно національнаго, въ народномъ духѣ, государства былъ нарушенъ и искаженъ Петромъ Великимъ, а по мнѣнію другихъ, тотъ историческій законъ, что характеръ государства опредѣляется характеромъ народа, оставался неизмѣннымъ и теперь, что сама реформа была также выраженіемъ и слѣдствіемъ этого характера. Теорія народническая, говоря о

Digitized by Google

разрывѣ съ народомъ, какъ будто примыкаетъ къ первому изъ этихъ ученій, но на дѣлѣ она идетъ гораздо дальше: она совсѣмъ не хочетъ знать исторіи, не желаетъ разбирать, откуда взялся тотъ порядокъ вещей, въ которомъ мы живемъ, и ставитъ абсолютнѣйшимъ образомъ вопросъ о народѣ и не-народѣ. Народничество хочетъ знать только настоящую минуту: объясняя по своему настоящее состояніе народной жизни, оно видитъ только два лагеря, изъ которыхъ въ одномъ правда, а въ другомъ неправда, и безъ дальнѣйшихъ сомнѣній изрекаетъ свое одобреніе и осужденіе.

Забывъ исторію, народническая теорія забываетъ и объ условіяхъ современнаго состоянія народовъ. Рѣшивъ вмѣстѣ съ Большимъ человѣкомъ, что трудъ земледѣльца есть единственный правдивый трудъ, народничество какъ бы призываетъ всѣхъ къ этому труду, приглашаетъ всѣхъ воздѣлывать землю и добывать свой хлѣбъ собственнымъ трудомъ, не задумываясь о томъ, что это просто физически невыполнимо. Рисуя земледѣльческую общинную идиллію, народничество не задаетъ даже вопроса объ отношеніяхъ правовыхъ и экономическихъ, ни объ отношеніяхъ государственныхъ, ни о самой цивилизаціи (которая, какъ бы ни мало нравилась она ревностнымъ народникамъ, все-таки, по всѣмъ вѣроятіямъ, не прекратится). Въ своихъ новѣйшихъ заключеніяхъ оно уже прямо ставитъ вопросъ на почву новой религіи, ищетъ практическаго выполненія христіанскаго ученія въ той формѣ, въ какой оно существовало только въ общинахъ первыхъ вѣковъ; здѣсь, очевидно, уже самое народничество прекращается— пришлось бы разбирать прямо ученія гр. Толстого. Этой стороны дѣла мы не коснемся, такъ какъ полагаемъ, что эта форма ученія принадлежитъ лишь одному разряду народниковъ и не составляетъ собственнаго ученія этой школы. Сколько извѣстно, не всѣ народники пошли въ науку къ гр. Толстому. Не доходя до этого предѣла, гдѣ, очевидно, становятся излишними толки о государствѣ и цивилизаціи, остановимся на тѣхъ сторонахъ ученія, гдѣ вопросъ не пришелъ еще къ одному чисто-религіозному рѣшенію и сохраняетъ практическое значеніе, общественное и бытовое.

Не мудрено, конечно, что г. Златовратскій, въ качествѣ беллетриста, рисующаго жизненные факты и типы, не счелъ себя обязаннымъ объяснять эти теоретическіе вопросы о государствѣ и цивилизаціи; но эти вопросы такъ крупны, что имъ слѣдовало бы найти мѣсто въ бесѣдахъ его дѣйствующихъ лицъ (замѣтимъ, между прочимъ, чрезвычайно болтливыхъ), собственныя идеи ко-

Digitized by Google

торыхъ безпрестанно встрѣчаются съ этими принципами. Внѣшніе порядки жизни являются относительно народа какъ бы чѣмъ-то случайнымъ; самую цивилизацію г. Златовратскій и его герои, несмотря на наставленія Большого человѣка, кажется, не совсѣмъ отвергаютъ: съ сочувствіемъ изображается человѣкъ полу-народнаго, даже полу-инородческаго происхожденія, получившій медицинское образованіе и практикующій по душѣ между крестьянами (правда, съ обыкновенной точки зрѣнія, это человѣкъ полудикій и сохранившій, несмотря на высшую школу, крестьянскій говоръ); или барышня, учившаяся въ какой-то женской школѣ, но оставшаяся въ ближайшихъ связяхъ съ крестьянствомъ (правда, и эта барышня произошла изъ „смѣшанной семьи"); или даже человѣкъ барскаго происхожденія и воспитанія, идущій въ видѣ покаянія на служеніе народу. Но вообще цивилизація одобряется не вполнѣ, и въ повѣствованіяхъ г. Златовратскаго можно не разъ встрѣтить людей изъ народа, какъ упомянутый художникъ Кузнецовъ, которымъ цивилизація не идетъ въ прокъ, которымъ она сообщаетъ только ложь и порчу, не удовлетворяя потребностямъ ихъ ума, сердца и народнаго чувства.

Въ концѣ концовъ, не легко понять, какъ долженъ былъ бы существовать народъ по представленію народнической теоріи. Самое лучшее, конечно, если бы водворилась христіанская община первыхъ вѣковъ; но такъ какъ въ настоящее время, когда человѣческая исторія зашла слишкомъ далеко на поприщѣ „ложной" цивилизаціи, нельзя ожидать водворенія подобной общины въ скоромъ времени, надо предполагать, что нужна была бы какая-нибудь организація человѣческихъ массъ, иначе надо было бы опасаться, что люди земледѣльческаго труда, состоя на правахъ природы, будутъ рѣзаться изъ-за земли, какъ рѣзались нѣкогда въ „патріархальныя" времена. О томъ, какъ могла бы быть устроена эта организація народныхъ массъ (въ ожиданіи будущей крестьянской общины), мы не находимъ указаній; нынѣшняя организація съ наѣздами становыхъ, со взятками чиновникамъ и т. п., удовлетворительной считаться не можетъ, такъ какъ слишкомъ нарушаетъ спокойствіе земледѣльческаго міра. Въ одномъ только мѣстѣ мы находимъ у г. Златовратскаго немного фантастическую картину, которая какъ будто должна изобразить благоденственное мірское житіе по идеалу земледѣльцевъ и, кажется, самого г. Златовратскаго. Эта картина изложена въ третьей части обширнаго разсказа „Устои", глава II, подъ названіемъ: „Сонъ счастливаго мужика".

Счастливый мужикъ, въ дѣтствѣ попавши сиротой къ старому

Digitized by Google

мужику, слышалъ отъ него разсказъ, какъ жилось нѣкогда въ ихъ Вальковщинѣ, которая, поселившись въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, ухитрилась остаться неизвѣстной мѣстнымъ властямъ. Несмотря на отсутствіе послѣднихъ или, вѣрнѣе, благодаря этому отсутствію, Вальковщина процвѣтала и благодушествовала. Вотъ какъ, между прочимъ, разсказывалъ объ этомъ старый Груздь, рѣчь котораго, какъ и весь „Сонъ", передается хотя въ прозѣ, но какимъ-то стихотворнымъ складомъ; этотъ складъ, по мысли автора, долженъ, вѣроятно, напомнить нѣчто народно-эпическое, но на дѣлѣ, какъ увидитъ читатель, напомнитъ скорѣе стихотворство въ Карамзинскомъ вкусѣ или въ стилѣ сказокъ Жуковскаго.

„Жили сами себѣ господа, — повѣствовалъ Груздь, — никого не знавали, да и насъ никто не касался. Судились, рядились, женились—все сообща, на міру; подъ нашимъ вотъ вязомъ вся Вальковщина тутъ и сбиралась. Сами тутъ выбирали себѣ цѣловальниковъ, мѣрщиковъ, вытныхъ и торговыхъ людей, что отъ міра въ довѣренныхъ были и за разной мірской потребой раза два въ годъ ѣздили въ городъ. Всѣмъ управлялись мы сами; сгоримъ ли — мигомъ всѣ соберемся, Вальковщиной всей, избы нарубимъ еще того лучше. Хворь ли какая деревню охватитъ — бывало, опять всю Вальковщину скличемъ: можжевельнику кучи изъ лѣсу натащимъ, обставимъ деревню кругомъ, подожжемъ и окуримъ, а больнымъ натаскаемъ и хлѣба, и молока. Когда же настанетъ страда — всѣ поля уберемъ имъ, хлѣбъ уложимъ въ скирды, обмолотимъ. Такъ дружно мы жили, никакой, кромѣ міра, власти не зная. Справедливѣе же міра не сыщешь, его не закупишь, не обойдешь, не обманешь, потому на міру все у каждаго всякому видно. Міръ никого не обидитъ напрасно, такъ какъ ему самому мзды не надо; строго и чинно блюдетъ онъ общее дѣло и пользу. Старшіе же въ мірѣ, что опытомъ долгимъ познали, что̀ для крестьянина ело и добро, совѣты даютъ молодымъ. Такъ мы жили, издавна повинность одну отправляли честно и твердо: въ городъ справляли овесъ мы и сѣно для царскихъ коней, что̀ стояли тутъ на запасѣ. Было у насъ здѣсь вдоволь всего—и земли, и лѣсу, и птицы. Случалось, заѣзжали къ намъ дальніе люди—и диву давались, глядя на наше житье, и страшнаго много намъ про себя говорили. Говорили, что міръ ихъ давно ужъ нарушенъ, что надъ нимъ была сила большая, что бары жили въ ихъ деревняхъ, что сѣкли кнутомъ ихъ и плетью, что хуже скотины держали, и что на базаръ, какъ коровъ, продавать выводили отцовъ, дочерей, сыновей; что съ близкими сердцу ихъ разлучали для прихоти барской; что отрывали ихъ отъ по-

Digitized by Google

лей, которыя сами вспоили потомъ и кровью... Отъ этихъ рѣчей вчужѣ жутко намъ становилось".

Стали потомъ появляться люди, укрывавшіеся въ ихъ лѣсахъ; доходили толки о томъ, что народился антихристъ, и слуги его кладутъ на людей клейма и отмѣчаютъ каждаго картой съ печатью.

„Собралась Вальковщина наша и порѣшила: „крѣпиться, сколь можно, съ сосѣдями меньше дѣлъ заводить, на гульбища къ нимъ не ходить, не водить съ ними свадебъ, смирнѣе сидѣть за лѣсною стѣной, а въ городъ пускай будутъ ѣздить по выбору лишь старики, что всѣхъ разумнѣй и тверже. Кто же противъ заказа мірского пойдетъ, будетъ тому строгая казнь. Бывало, къ намъ только и ѣздилъ что попъ, да и то когда сами за нимъ пріѣзжали. Тогда церковь отъ насъ была далеко, верстъ, поди, за 30. А тутъ порѣшили: не ходить и за нимъ. Свадьбы стали водить только между своими, безъ поповъ, самокруткой, на мірѣ, и хоронили тоже властью своей; это и прежде бывало".

Въ это время явился къ нимъ бѣглый раскольничій попъ Варламъ, который пришелся имъ очень по душѣ и утвердилъ у нихъ старую вѣру. Между тѣмъ изъ Вальковщины урвались въ городскую жизнь двое молодыхъ ребятъ, и отъ нихъ пошла бѣда на всю Вальковщину. Имъ понравилась городская жизнь, и они предались ея соблазнамъ; старикъ-отецъ пришелъ въ ужасъ, привезъ ихъ изъ города связанными, на міру ихъ поучили, а потомъ женили, чтобы привязать къ мѣсту. Впослѣдствіи, однако, старшій изъ ребятъ успѣлъ бѣжать въ городъ и сталъ требовать, чтобы къ нему отпустили жену и дѣтей; міръ не далъ согласія —пусть пропадаетъ одинъ. „А тѣмъ временемъ онъ, бойкости ради своей и ума, завелъ ужъ торговое дѣло, всякую вызналъ власть городскую и на міръ нашъ власти той жалобу подалъ, что старики, молъ, ему самовольно жену и дѣтей не даютъ".

Произошелъ разгромъ Вальковщины. Сначала пріѣхали чиновники принять Вальковщину въ управленіе, мужики взбунтовались, прогнали чиновниковъ и торжествовали освобожденіе; но попъ Варламъ охладилъ ихъ радость, пророча приходъ антихристовыхъ слугъ—они и явились въ видѣ военной команды. Варламъ кричалъ, чтобы Вальковщина не принимала антихристовыхъ печатей, и самъ, втроемъ съ стариками, крѣпко заперся въ избу и, къ ужасу народа и самой команды, погибъ самосожженіемъ. Вальковщина была усмирена, но не совсѣмъ.

„Не единожды послѣ того подымалась Вальковщина наша. Много народу у насъ сгибло въ лѣсахъ, отъ хозяйства отбилось;

Digitized by Google

много бѣжало на Волгу и въ степи; много мірскихъ стариковъ, духомъ крѣпкихъ и стойкихъ, было взято отъ насъ, бито нещадно плетьми, и въ кандалахъ на заводы въ Сибирь угнаны были... Такъ много народу загибло. Иныхъ не видали уже никогда; другіе же, что отъ страха и въ злобѣ скрылись въ лѣсахъ, не возвращались ужъ къ намъ, прятались тамъ, ровно звѣри, въ шайки сбирались и разбойному дѣлу предались: грабили, били купцовъ, богатыхъ и знатныхъ людей. А мирные были запрежде: были примѣрные слуги и Богу, и міру, и пашнѣ".

Вальковщина отдана была, наконецъ, какому-то барину въ вотчину. Она жила въ достаткѣ; но когда ждали наѣзда начальства, жители наряжались въ рубище, чтобы представить себя совсѣмъ нищими, собирали денегъ и откупались. „Упаси только Богъ, ежели кто найдется изъ насъ и начальству окажетъ!.. Одного мужичонку такъ-то совсѣмъ самосудомъ забили... *Тѣмъ только и крѣпки*! Давно бы и міръ развалился, и всѣ въ разоренье пришли бы, коли-бъ старики строго насъ на міру не казнили, какъ вздумаетъ кто ссорой иль буйствомъ, или худымъ поведеньемъ міръ довесть до отвѣта передъ строгимъ начальствомъ!"

Этотъ „Сонъ" есть, очевидно, и идеалъ. Въ этомъ идеалѣ желается, чтобы сельскій житель, земледѣлецъ, могъ знать только Бога, міръ и пашню, чтобы не достигали до него ни наѣзды начальства, ни всякіе соблазны жизни городской, чтобы міръ крѣпко держалъ свою обособленность. Дальше увидимъ, что нашъ авторъ постоянно возвращается къ этой крѣпости мірского быта, въ которой заключалось ручательство благосостоянія матеріальнаго и нравственнаго. На эту тему написанъ значительнѣйшій изъ его разсказовъ подъ названіемъ „Устои", подъ которыми разумѣются старозавѣтныя основы деревенскаго быта. Въ чемъ же дѣло: желательно ли и возможно ли пребываніе народа въ томъ состояніи, которое описывается столь блаженнымъ въ старой Вальковщинѣ? Не будемъ разбирать, представляется ли эта Вальковщина для однихъ крестьянъ стараго закала тѣмъ идеаломъ, который они хотѣли бы передать и младшимъ поколѣніямъ, или она кажется идеаломъ и для самого автора. Очевидно, что существованіе Вальковщины было бы возможно именно только въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она существовала въ свое первое время—совсѣмъ въ сторонѣ отъ общенія съ другими людьми, никому невѣдомой, запертой отъ какого-нибудь притока знанія и вообще умственнаго интереса, окруженной китайскою стѣною, которую міръ ревниво оберегаетъ. Вальковщина можетъ достигнуть въ этихъ условіяхъ извѣстнаго сельскаго благосостоянія, но превращается въ какой-

Digitized by Google

то монастырь или въ фанатическую секту, которой, въ концѣ концовъ, предстояло бы развалиться при встрѣчѣ съ остальнымъ міромъ, а встрѣча была бы неизбѣжна уже вслѣдствіе общаго роста населенія. Сама блаженная Вальковщина не могла обойтись безъ сношеній съ городомъ, и оказалось, что для нѣкоторыхъ ея сыновъ городъ представлялъ нѣчто столь привлекательное, что они бѣжали изъ своей Вальковщины и даже умѣли хорошо устроиться въ городѣ. Міру оставалось держать своихъ сочленовъ въ настоящемъ рабствѣ, чтобы оградить ихъ отъ вліянія города, которое, въ концѣ концовъ, вызывалось совершенно естественнымъ стремленіемъ болѣе живыхъ умовъ и подвижныхъ характеровъ въ жизни на просторѣ, а не въ клѣткѣ, естественной любознательностью и желаніемъ болѣе широкой дѣятельности. Такіе люди должны были задыхаться въ счастливой Вальковщинѣ, а ей самой предстояло бы, наконецъ, возвратиться въ первобытное состояніе и одичать. Попъ Варламъ и указывалъ Вальковщинѣ этотъ путь... То представленіе народа и не-народа, о которомъ мы выше говорили, выполняется на изображеніи Вальковщины во всей силѣ: Вальковщина желаетъ существовать сама по себѣ; не только начальство, но и „городъ“ съ его жителями (того же происхожденія, какъ и сами Вальковцы) являются точно какими-то чужеземцами и врагами. Мужику, видѣвшему во снѣ эту старую Вальковщину, а вѣроятно и автору, съ такой любовью передающему этотъ сонъ, кажется чрезвычайно привлекательной эта свободная, трудовая жизнь въ служеніи „Богу, міру (то-есть только своему деревенскому міру) и пашнѣ“; но ни тому, ни другому не приходитъ мысль, что наконецъ это есть только грубая, себялюбивая жизнь въ разобщеніи съ своимъ собственнымъ народомъ. Безъ сомнѣнія, свѣдущій болѣе или менѣе въ исторіи авторъ могъ бы припомнить, что нѣкогда Русь, жившая подобными общинами, и бывала добычею всѣхъ желающихъ ее грабить—хазаръ, печенѣговъ, татаръ и пр., что эта разрозненность и послужила источникомъ тѣхъ порядковъ, на которые стала такъ жаловаться позднѣйшая Вальковщина; что и донынѣ черезъ мѣру ревностный консерватизмъ старинной общины сообщаетъ ей тотъ характеръ застоя, который ведетъ, наконецъ, къ ея собственному ослабленію и упадку.

Въ разсказѣ „Устои“ г. Златовратскій останавливается подробно на этихъ отношеніяхъ сельскаго быта. Подъ именемъ „устоевъ“ авторъ понимаетъ именно стародавній обычай деревенскаго міра, на которомъ онъ держался цѣлые вѣка, который представляетъ собой наилучшую форму здравыхъ отношеній въ

Digitized by Google

земледѣльческой общинѣ. „Міръ", по понятіямъ настоящихъ деревенскихъ людей, великое дѣло: въ деревнѣ всѣ живутъ на міру, и крѣпость общины заключается именно въ томъ, чтобы соблюдать мірское дѣло, оставаться вѣрнымъ дѣдовскому обычаю. На эту тему постоянно говорятъ деревенскіе консерваторы: „Слушали бы, какъ дѣды да прадѣды жили,—вотъ и примѣры. Отъ устоевъ-то бы дѣдовскихъ не отбивались... Вѣка люди на нихъ прожили, такъ примѣра худого не будетъ", и пр. (т. I, стр. 235).

По новѣйшимъ теоріямъ народничества, которыя подтверждаетъ и Большой человѣкъ, настоящій трудъ человѣка, единственно правильный, безобидный и полезный, есть трудъ земледѣльца. Такъ говорятъ и всѣ разумные крестьяне у г. Златовратскаго. Въ числѣ дѣдовскихъ преданій было и это представленіе о безусловной правотѣ крестьянскаго дѣла. Они говорятъ объ этомъ постоянно, напримѣръ такъ: „Крестьянинъ—не баринъ,—говоритъ одинъ:—немного крестьянину надо, при неправомъ же дѣлѣ всегда всего мало"... „Въ томъ и мужицкая сила, что дѣла правѣе не сыщешь,—говоритъ другой.—Правота всему голова!.. Ежели ты правоту свою знаешь—и съ черствымъ кускомъ будешь доволенъ и счастливъ... А нѣтъ правоты въ твоемъ дѣлѣ—что тебѣ ни давай, только алчбу рождать въ тебѣ будетъ: все мало!.. Взять хоть бы баръ... Вы вотъ, молодые, слава Богу, не знаете ихъ, а мы при нихъ состояли довольно... Бывало, посмотришь, Господи Боже, чего у нихъ нѣтъ! Во всемъ сладкій скусъ, ни труда, ни заботы, нѣжатъ и тѣло, и умъ, сколько влѣзетъ... А вотъ, братецъ мой, чтобы довольство въ душѣ было... нѣтъ!.." Развивая эту тему объ отсутствіи довольства у баръ, тотъ же собесѣдникъ припоминаетъ случай изъ тогдашней жизни: „Бывало, молодой баринъ такъ-то, однажды, мнѣ говорилъ: „Минка, отчего ты всегда такъ доволенъ и веселъ?"—„Оттого, говорю, баринъ, что у меня въ душѣ довольство".—„Отчего жъ, говоритъ, это у тебя въ душѣ довольство?"—„А оттого, говорю, что я при правомъ дѣлѣ состою, хлѣбъ рощу... Безъ хлѣба людямъ жить нельзя".—„Ну, а у Захарки (Захарка камардинъ былъ при немъ), значитъ, нѣтъ этого довольства?"—„Нѣтъ, говорю".—„Да ты, говоритъ, посмотри на него: вся рожа у него оплыла... Видишь, какъ улыбается".—„Нѣтъ, говорю, не можетъ быть у него довольства, потому не при правомъ дѣлѣ состоитъ".—„Какъ, говоритъ, не при правомъ? Вѣдь онъ тоже работаетъ! вѣдь и поваръ Васька работаетъ, и Савельевна работаетъ" (Савельевна тогда была въ нянюшки взята).—„Савельевна, говорю, точно, имѣетъ въ душѣ довольство, потому что она при правомъ дѣлѣ:

Digitized by Google

при дѣточкахъ, дѣточекъ произрастаетъ... А при дѣточкахъ наблюдать все одно что при молодомъ хлѣбѣ... Въ дѣточкахъ неправаго положенія нѣтъ".

Разсужденія приходятъ къ слѣдующему выводу:

„— Въ свѣтѣ только двѣ правоты и есть,— продолжалъ, все еще играя въ торжественность, Минъ Аѳанасьевичъ: — крестьянинъ при хлѣбѣ и царь при мірѣ. И больше грѣха нѣтъ, какъ ежели крестьянинъ отъ хлѣба отобьется — значитъ, отъ правоты отшибся, а царь отъ міра, потому, значитъ, отъ мірской правоты отшибается. Какъ крестьянину за свой грѣхъ мало жизни, чтобъ умолить, такъ за единый, самый малый царскій грѣхъ— вся Россія не умолитъ... Вотъ она какая правота-то въ мірѣ! Сила въ ней, въ этой правотѣ, большая, и никакой неправдѣ противъ нея не выстоять... Не выстояла противъ нея и барская неправота... Слава Создателю!.."

Но было въ крестьянскихъ умахъ и другое представленіе, болѣе мрачнаго характера и раскольничьяго происхожденія. Отъ упомянутаго раньше стараго Груздя сбереглось рукописаніе, переданное ему попомъ Варламомъ. Рукописаніе хранилось десятки лѣтъ и оставалось не прочитано; теперь о немъ вспомнили и прочитали. Рукопись называлась „Слово о двухъ мужикахъ" и разсказывала о томъ, какъ нѣкогда начиналась православная церковь и какъ въ то время собрались мужики и постановили: „чтобы съ того часа великаго жить намъ въ мірѣ-любви о Господѣ, не дѣлить по себѣ свѣтъ солнца краснаго, не межевать землю-матушку, а жить всѣмъ намъ жизнью обчею, обчею жизнью апостольской". Но дьяволъ остался очень недоволенъ этимъ мужицкимъ рѣшеніемъ и постарался разстроить общую апостольскую жизнь. Близь Новгорода проживала честная вдова съ двумя сыновьями: старшій былъ нрава кроткаго и прилежалъ къ крестьянскому хозяйству, а младшій былъ красоты неописанной и ума дерзкаго; его-то дьяволъ и выбралъ своимъ орудіемъ. Онъ приблизился къ самому царю, и его дерзости не стало предѣла: онъ захотѣлъ быть выше апостольскихъ уставовъ, велѣлъ печатать новыя книги и сжечь старыя, истинныя, велѣлъ всѣхъ людей мѣтить печатью и клеймами, межевать земли, вводилъ иностранные обычаи и т. д. Дьяволъ, конечно, былъ очень радъ. Въ младшемъ братѣ рукописаніе очевидно соединило въ одно лицо Никона, Петра, присоединивъ сюда и нѣкоторыя мѣры Екатерины II. Тогда мужики посылали старшаго брата къ самому царю, чтобы онъ велѣлъ ему помѣряться съ младшимъ братомъ: чья правда вытянетъ, той правдѣ и быть на міру. Старшій братъ одолѣлъ,

Digitized by Google

но младшій разсвирѣпѣлъ какъ звѣрь и велѣлъ ковать старшаго въ кандалы и сажать въ тюрьму, и съ тѣхъ поръ въ мірѣ водворилась неправда, которая кончится только со вторымъ пришествіемъ. „Слово“ кончаетъ такой безотрадной картиной: „Съ того въ мірѣ брань-свара водворялася, наступали времена купующія, наступали времена самосудныя; покупались судьи неправедные. Кровь на кровь подымалася, братья на братьевъ вооружалися, на отцовъ дѣти ополчалися. Раскололася земля русская на-двое: расходились люди благочестивые по лѣсамъ дремучимъ, темнымъ, уносили съ собой правду старинную, хоронили ее отъ злого антихриста. И будутъ старинные люди уменьшатися и погибнуть старшему брату отъ младшаго, не видать на землѣ церкви апостольской, не знавать людямъ мірской правды, до второго пришествія самаго Христа Спаса справедливаго“.

Прочесть это рукописаніе дали грамотному человѣку, старообрядцу Іонѣ. Онъ пришелъ въ мрачный восторгъ и, когда кончилъ, у него полились слезы: онъ, наконецъ, пожелалъ пріобрѣсти рукопись и доходилъ до того, что предлагалъ за нее сначала четвертную, потомъ полсотни, даже прибидывалъ еще десятку, но владѣлецъ рукописи не согласился. Для раскольника рукопись являлась подтвержденіемъ ихъ взгляда на господство въ мірѣ никоніанской и антихристовой неправды, но другіе не согласились съ выводомъ рукописи: „Господь насъ въ обиду не дастъ... Господь милостивъ, милосердъ... Правому дѣлу онъ не дастъ погибнуть. Неправому дѣлу погибель, а правому нѣтъ... Онъ не допуститъ!.. Вотъ противъ чего неправотѣ не выстоять!. Богъ отъ насъ не отступится, потому мы при правомъ дѣлѣ“... На иныхъ нападало сомнѣніе. Одинъ старичокъ замѣтилъ: „Вотъ ты говорилъ про баръ, а свой-то братъ покруче будетъ... Ой, покруче!.. Въ барахъ баловства было много, а тутъ дѣло-то въ сурьезъ пошло!.. Въ большой сурьезъ!“ Былъ въ этой компаніи мужичокъ Минъ Аѳанасьевичъ, большой философъ-мечтатель, который твердо держался своей вѣры въ мужицкую правоту. Онъ былъ убѣжденъ, что „сгибнутъ“ и эти враги мужицкой правды.

„— Кулакамъ-міроѣдамъ не жить... А не жить имъ потому, что у нихъ *сытости* нѣтъ!.. Коли сытости нѣтъ—шабашъ, пропало!.. А у нихъ, милые, даже ни чуточки ея нѣтъ... У барина хоть малость, да было, а у кулака нѣтъ: у него одна алчба, жадность, гладъ душевный и тѣлесный... Чѣмъ больше жретъ, тѣмъ больше утроба проситъ... Вотъ что у пьяницъ: чѣмъ больше пьетъ, тѣмъ больше хочется... Онъ думаетъ: вотъ выпью еще, буду въ довольствѣ, сытости,—выпьетъ, а его пуще алчба му-

Digitized by Google

читъ... Вотъ отъ этого самаго... А отчего эта алчба? Отъ неправоты... Правоты въ своемъ положеніи не видитъ... Коли кто правоту чувствуетъ свою, онъ всегда и сытость чувствуетъ, у него есть предѣлъ, у него довольство въ себѣ есть... Вотъ, милые, гдѣ ихъ гибель ожидаетъ...

„— Отъ жадности, по твоему?

„— Да, отъ того, что *сытости* нѣтъ... довольства *въ себѣ* нѣтъ“ (I, стр. 328—333)...

По замѣчанію автора, „трудно брелъ мужицкій хозяйственный мозгъ“ за этими соображеніями мужика-идеалиста...

Что онъ трудно брелъ, это совершенно естественно: умъ простого человѣка, притомъ не прошедшаго никакой школы, вообще туго принимаетъ всякія отвлеченныя мысли, выходящія за предѣлы его непосредственныхъ практическихъ дѣлъ и интересовъ,—но если такъ, является вопросъ: насколько цѣнны могутъ быть тѣ соображенія народа о своей жизни, которыя возводятся народничествомъ въ высшую правду, въ національную вѣру? Эти соображенія, въ извѣстныхъ предѣлахъ, имѣютъ несомнѣнно свою большую цѣну, если и не разрѣшая вопроса, то указывая намъ народные мысли и идеалы: бытовые взгляды народа, какъ народная поэзія, какъ всякое народное преданіе и обычай, бываютъ коллективной работой цѣлыхъ массъ въ теченіе многихъ вѣковъ, но очевидно, что какъ народная поэзія и всякое народное преданіе имѣютъ свое историческое развитіе, свои измѣненія по вѣкамъ и историческимъ условіямъ, переживаютъ упадокъ однѣхъ формъ и возникновеніе другихъ, такъ то же самое должно происходить и въ бытовыхъ представленіяхъ народа, въ данномъ случаѣ—въ представленіяхъ народа о тѣхъ „устояхъ“, на которыхъ дѣлаетъ особое удареніе г. Златовратскій, и вообще народничество. Мы видѣли, что сельская и именно земледѣльческая жизнь получаетъ въ ихъ глазахъ мистическое, почти религіозное освященіе: признавая единственную правдивость земледѣльческаго труда, они почти требуютъ этого труда отъ всѣхъ, кто хочетъ поставить свою жизнь правдиво и свято. По ихъ словамъ, такъ думаетъ и самъ народъ, по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, кто смотритъ серьезно на сельское дѣло, кто остается вѣренъ старому вѣковому преданію. Но жизнь идетъ впередъ и создаетъ въ средѣ самаго народнаго быта условія, которыя вносятъ въ него новые элементы, непредвидѣнные старымъ обычаемъ: старые устои колеблются, возникаютъ новыя требованія—какъ быть съ ними? Изложенію этого вопроса и посвященъ разсказъ „Устои“.

Digitized by Google

Деревенскій міръ живетъ издавна своею мирною жизнью; онъ испытываетъ счастіе и несчастіе, радуется при урожаяхъ, бѣдствуетъ, когда хлѣбъ не уродился, есть въ немъ люди хорошіе и дурные, мужики „умственные“ и глупые, но всѣ живутъ въ одномъ складѣ понятій, вѣря въ одну мірскую „правду“. И вдругъ въ этотъ спокойно живущій міръ врывается что-то новое—не въ лицѣ какихъ-либо чужихъ людей, а въ лицѣ его собственныхъ дѣтищъ. Нѣкогда, когда земель было еще много, отъ большого села отдѣлился выселокъ; заводчикомъ его былъ нѣкто Мосей Волкъ, странный человѣкъ, которому крайне полюбилось мѣсто, гдѣ послѣ устроился этотъ выселокъ. Мосей нѣсколько лѣтъ гдѣ-то пропадалъ и вернулся въ деревню съ деньгами, на которыя и пріобрѣлъ землю. Его семья изъ нѣсколькихъ человѣкъ была очень дружная и работящая; устроившись на Волчьемъ-поселкѣ, они прекрасно повели дѣло на обильной землѣ и при усердномъ трудѣ. Населеніе поселка умножалось, у сыновей Мосея были свои новыя семьи, а кромѣ того лукавый староста села, служившаго метрополіей новаго поселенія, успѣлъ спровадить въ поселокъ нѣсколько обѣднѣвшихъ семей и отдѣльныхъ лицъ, которыми село тяготилось и которыя добродушно приняты были на поселокъ какъ бы въ одну общую семью. Эта семья жила однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ, но въ одно прекрасное утро надъ этой мирной общиной собрались грозныя тучи. Старый Мосей жилъ давно на покоѣ; главными лицами въ общинѣ были старшій изъ сыновей, Вонифатій, и оставшаяся незамужней и уже довольно пожилая сестра Вонифатія, Ульяна, или „Ульянея“, какъ звали ее иногда мужики, немного на церковный ладъ во вниманіе къ тому, что она была женщина благочестивая, бывавшая во святыхъ мѣстахъ, начетчица и разумная въ мірскихъ дѣлахъ. У Вонифатія былъ сынъ Петръ, который рано обнаруживалъ смышленость и охоту къ ученью, и отецъ надумалъ отправить его въ Москву, гдѣ онъ поступилъ на службу къ купцу, живя сначала въ артели земляковъ, а потомъ отдѣльно отъ нея. Въ Москвѣ Петръ, съ одной стороны, попалъ на интеллигентную молодежь, которая принялась его обучать и „развивать“, съ другой—насмотрѣлся на коммерческіе порядки и пріобрѣлъ дѣловую сноровку. Съ „интеллигенціей“ онъ разошелся, испытавши въ ея кругу нѣкоторыя непріятныя исторіи, а дѣловую сноровку рѣшилъ примѣнить у себя дома, для чего нашелся у него сотоварищъ изъ такихъ же московскихъ практиковъ. Именно, Петръ нашелъ, что на поселкѣ дѣла шли совершенно невозможнымъ образомъ: распоряжаться землей

Digitized by Google

могъ собственно Вонифатій; слѣдовало формальнымъ образомъ укрѣпить за собой владѣніе (отецъ предоставилъ ему въ этомъ полную волю), заложить его, чтобы имѣть въ рукахъ запасный капиталъ, и пустить его въ оборотъ. Петръ не хотѣлъ обижать своихъ, но не признавалъ никакого права посторонникъ, которые пристали къ поселку и, какъ упомянуто, считались въ общей семьѣ. Пріѣхавши домой, онъ сталъ приводить въ дѣйствіе свои планы, никого не спрашиваясь, и члены семьи, дяди, братья Вонифатія, и тетка Ульянея, пришли въ ужасъ, особливо послѣдняя, которая была строгой и убѣжденной хранительницей старыхъ „устоевъ". Петръ, съ своей стороны, считалъ себя правымъ, потому что обижать родныхъ не хотѣлъ, но желалъ поставить дѣло правильнымъ коммерческимъ манеромъ и оставлялъ распоряженіе дѣлами только за собой—такъ какъ другіе въ нихъ ничего не понимали. Произошли сначала споры, потомъ судьбище, раздѣлъ и паденіе поселка; населеніе его перебралось въ село; Петръ остался хозяиномъ на мѣстѣ и пошелъ въ ходъ.

Таково содержаніе „Устоевъ". Сюжетъ развитъ въ цѣлое обширное повѣствованіе, гдѣ авторъ описываетъ и картину мирнаго сельскаго довольства по старому бытовому обычаю, и нравы той интеллигенціи, въ какую попалъ Петръ въ Москвѣ, и нравы купеческой конторы, гдѣ его герой набирался практической мудрости, и деревенскую артель въ городѣ, и провинціальныхъ дѣльцовъ, и, наконецъ, вспышки деревенской вражды и неурядицы изъ-за сталкивавшихся интересовъ. Но главное вниманіе сосредоточено на „устояхъ": о нихъ говорятъ благомыслящіе, „умственные" мужики стараго закала, и едва-ли не больше всѣхъ говоритъ благочестивая Ульянея.

Когда жители поселка вернулись въ село, покинутое пятнадцать лѣтъ назадъ, Ульянея не узнала стараго „міра": и здѣсь прошла какая-то новая волна, явились новыя, непонятныя отношенія; разъ случилось Ульянѣ увидѣть буйное деревенское столкновеніе, и она не могла разобраться, кто правъ и кто виноватъ. И немудрено, что она перестала понимать эти новыя отношенія. Жизнь въ старомъ поселкѣ проходила слѣдующимъ образомъ:

„Въ этомъ Волчьемъ-поселкѣ прожили они пятнадцать лѣтъ, какъ Робинзоны, переселившіеся на необитаемый островъ, сами удовлетворяя всѣ свои неприхотливыя потребности, и только изрѣдка, и то больше одна Ульяна Мосевна, выходили они за границы выселка, и отъ времени до времени сталкивались съ окружавшимъ ихъ міромъ, въ которомъ, какъ имъ казалось, шло все такъ же, что и прежде. Были жалобы, были страданія,

Digitized by Google

такъ же, какъ и прежде, родили бабы въ полѣ, страдали отъ страды, также били ихъ подъ пьяную руку мужья; были бѣдные, забижаемые богатыми, были несчастные, забиваемые, вмѣсто барина, какимъ-то „начальствомъ“ (они даже не знали, какое это начальство было, какъ не знали и теперь; какой-то исправникъ, непремѣнный членъ, земство, мировой судья—все это смѣшивалось для нихъ въ одно прежнее лицо „барина“; только этому барину царь не позволялъ уже много „баловаться“, не позволялъ людей продавать, на барщину гонять, однимъ словомъ, за все, что прежде вносилось „натурой“, велѣно было вносить деньгами). Все было, повидимому, такъ же, какъ и прежде, на все считала своимъ долгомъ, по прежнему, откликаться „благомысленная“ Ульяна Мосевна, по прежнему помогала и сочувствовала чѣмъ и какъ могла, утѣшая всѣхъ тѣмъ, что „правоту Господь не оставитъ, что неправота, которая есть, погибнетъ, что не надо отчаяваться, а надо вѣрить и надѣяться“. И вотъ въ этой массѣ мелкихъ будничныхъ явленій для нея совершенно пропадалъ внутренній смыслъ ихъ; она не замѣчала, что подъ этимъ видимымъ прежнимъ однообразіемъ струилось что-то другое. Таково же, или еще наивнѣе, было отношеніе къ окружающему и всѣхъ прочихъ обитателей поселка. И вдругъ какая-то волна изъ житейскаго моря оторвалась и кинулась на ихъ укромный островъ, сразу потопила его въ пучинѣ, а ихъ, утопавшихъ и безнадежно и тщетно боровшихся съ нею, снова выкинула на материкъ.. Что это была за волна, они, конечно, не знали; не знали, что она именно и родилась отъ того непримѣтнаго родника, который прежде мирно и ни для кого невидимо текъ подъ внѣшнею неизмѣнностью будничной жизни, и вдругъ, теперь, сталъ все чаще и чаще заявлять о своемъ присутствіи какими-то внезапными, періодическими всплесками на поверхность“.

Жизнь Волчьяго-поселка, очевидно, была больше похожа на жизнь упомянутой раньше Вальковщины: обитатели поселка какъ будто даже не слыхали, что дѣлается рядомъ. Бытовая новизна пришла спугнуть ихъ въ самомъ гнѣздѣ.

„Но когда, возвратившись въ старый знакомый дергачевскій міръ, Ульяна увидѣла, что и тамъ вездѣ бушуетъ та же непонятная буря, и также рушитъ старые „устои“, видимымъ образомъ разрушая прежнюю гармонію и не созидая, вмѣсто нея, никакой новой, она рѣшила, робко и скромно, съ болью въ сердцѣ: „нѣтъ больше въ мірѣ правды“... Но развѣ прежде, при крѣпостномъ правѣ, была правда для нея? Была: кромѣ общей, неувядаемой правды труждающихся и обремененныхъ, для нея

Digitized by Google

существовалъ тотъ нравственный устой, который давалъ возможность ясно различать добро, ясно осязать страданія и идти на помощь; была возможность ясно различать добро, ясно осязать страданія и идти на помощь, была возможность подвига, былъ смыслъ въ самоотреченіи, были смыслъ и возможность идейной жизни для народнаго романтика. Этою возможностью, этимъ смысломъ жили милліоны „человѣческою жизнью", полною значенія, и умирали въ сознаніи этого „значенія", какъ люди, а не какъ подъяремные скоты. И вдругъ эта правда исчезла, стала непригодной, ненужной—и почемъ знать? (она могла судить по Петру, по всей исторіи со своей семьей)—можетъ быть, она уже приноситъ зло, вмѣсто добра, вызываетъ страданія, вмѣсто исцѣленія. Вотъ она и пошла на проломъ за эту „старую правду", она не щадила ни силы, ни энергіи, ни достатковъ, она все отдала на эту борьбу противъ племянника, и что же получилось въ концѣ? Хипа спился, озлобился; озлобилась его жена Прасковья; нелюдимъ сталъ Вахромѣй, сталъ бояться міра, улицы; сталъ „обособляться", чтобы только не тронули, даже дѣтей держитъ въ сторонѣ отъ улицы... Кто же виноватъ? Петръ? Да виноватъ ли онъ, полно? Развѣ не добра онъ имъ хотѣлъ? Развѣ бы ихъ не могли также разорить, но уже другіе, „чужіе", напримѣръ барыня, которая уже и намѣревалась это сдѣлать, не подоспѣй Петръ и не спаси ихъ имущество? Что бы они стали противъ нихъ, противъ этихъ чужихъ дѣлать? Также искать правды? но нашли ли бы они ее? Ужъ если не нашли тутъ, то тѣмъ паче не нашли бы тамъ... И, навѣрное, погибли бы они еще хуже, и еще больше было бы зла и страданій. Развѣ не знала она такихъ примѣровъ, гдѣ погибали смирные старые люди отъ „чужихъ" людей? А поселись они вмѣстѣ съ Петромъ, съ этимъ человѣкомъ, знающимъ все въ новыхъ положеніяхъ, знающимъ уже и „новую" правду, покорись они его уму—кто же бы ихъ разорилъ такъ легко тогда? И столько было бы избѣгнуто золъ и страданій!.. Такъ думала Ульяна Мосевна, у которой уплывала изъ рукъ „старая" правда, терялся смыслъ жизни; такъ безпомощно работалъ ея мозгъ, силясь постигнуть и разобраться въ новыхъ положеніяхъ, но не имѣя силъ, чтобы создать для себя „новую правду". Да и когда же создать ее? Если на выработку „старой правды" потребны были столѣтія, то почему же на созданіе „новой правды" достаточно должно быть два десятилѣтія?"

Однимъ словомъ, люди „старой правды" были сбиты съ толку, и авторъ слѣдующими словами изображаетъ состояніе ихъ мыслей:

Digitized by Google

„Въ такіе моменты внезапнаго нарожденія „новаго“,—говоритъ здѣсь же авторъ, — ничего нельзя себѣ представить болѣе печальнаго, жалкаго и трагическаго, какъ положеніе стариковъ, притомъ же не воспитанныхъ въ условіяхъ дисциплины ума, неспособныхъ быстро оріентироваться въ новыхъ сферахъ и не вооруженныхъ противъ неожиданностей. Положеніе это иногда траги-комическое, но всегда тяжелое и грустное, сразу вырываетъ у человѣка изъ-подъ ногъ, у самаго гроба, всю ту „гармонію жизни“, которою онъ жилъ, въ которой считалъ все яснымъ, опредѣленнымъ, понятнымъ, въ которой для него такъ ярко горѣлъ идеалъ несомнѣнной „правоты“. Не легко, не только у дверей гроба, но и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, при полномъ обладаніи здоровьемъ и умомъ, вдругъ узнать, что твои вѣрованія и идеалы—уже устарѣлые идеалы, что твое мѣрило добра и зла стало коротко, неприложимо, фальшиво, что непремѣнно, вотъ сейчасъ, тутъ же надо взять въ руки новое мѣрило, если ты не хочешь остаться индифферентнымъ къ окружающимъ тебя болямъ, жалобамъ, страданіямъ, требованіямъ“ (I, стр. 356—359)...

Оказывается, и весьма „умственные“ мужики были въ недоумѣніи отъ новыхъ житейскихъ порядковъ. Они находили, что теперь „всякому стало вольнѣе, а міру тѣснѣе; прежде было такъ: прежде было тебѣ утѣснительно, да зато міру просторно“. Дошло до того, что какъ будто стали жалѣть о прежнихъ крѣпостныхъ временахъ.

„Мы народъ робкій... Только и живы работой... Что̀ ужъ будетъ—и страшно подумать!.. Прежде, братъ, какъ-то спокойнѣе было... Тишь была... Какъ-то все само собой шло... *Главное, думъ этихъ не было*... Какъ о барщинѣ, больше ни о чемъ и не думалось... Въ міру передъ бариномъ всѣ равны были: земли было много, а коли кому недостача—баринъ достанетъ... Сосѣдъ забижаетъ—опять же баринъ заступа: пусть тамъ, какъ знаетъ, и думаетъ... Ну, а теперь *самъ все подумай*... А гдѣ же намъ думать?.. Къ этому мы непривычны... Теперь же, послушаешь, всякій несетъ слухи и смуты отовсюду... Молодежь, вонъ, теперь обо всемъ говоритъ ужъ: придутъ къ Покрову съ заработковъ—чего только не поразскажутъ!.. И объ купцахъ, и объ барахъ, и объ царскихъ указахъ... Признаться, мнѣ, старику, ужъ и жутко какъ будто“.

Другой собесѣдникъ, болѣе чуткій къ измѣняющимся условіямъ времени, отвѣчаетъ на это:

„Не тоскуй, другъ... Помалкивай только: всему времена и сроки... Все прейдетъ, только одно не прейдетъ—крестьянство

Digitized by Google

да хлѣбъ! Объявится правда, и будетъ надъ всѣмъ владыка одинъ — мужичокъ" (I, стр. 309).

Въ „Устояхъ" авторъ оставляетъ нерѣшеннымъ спорный вопросъ своихъ героевъ о старой и новой правдѣ; но по совокупности его повѣствованій, его сочувствія на сторонѣ того старинаго сельскаго міра, гдѣ жилось такъ мирно, спокойно и крѣпко, того міра, которому и въ будущемъ представляется перспектива господства. Деревенскій философъ Минъ Аѳанасьевичъ и Большой человѣкъ, а съ ними, кажется, и г. Златовратскій, увѣрены въ томъ, что когда „объявится правда", то „будетъ надъ всѣмъ владыка одинъ—мужичокъ!" Неизвѣстно только, что̀ это будетъ за правда и когда она объявится; но едва ли сомнительно одно, именно, что „мужичокъ" будетъ уже другой, а не тотъ, которому желается, чтобы „думъ этихъ не было", и который на этомъ основаніи почти сожалѣлъ, что крѣпостное право кончилось.

Какъ могъ видѣть читатель изъ цитатъ, какія мы приводили и которыя даютъ образчикъ остального изложенія, г. Златовратскій въ изображеніи старыхъ и вновь возникающихъ бытовыхъ отношеній деревни стоитъ на не совсѣмъ реальной точкѣ зрѣнія: онъ постоянно возводитъ эти отношенія на высоту идеальныхъ или идеалистическихъ принциповъ; мужики постоянно говорятъ о „правдѣ", и даже Ульяна Мосевна недоумѣваетъ объ „устояхъ". Не можемъ утверждать, бываетъ или не бываетъ такъ въ дѣйствительности; но по тому, что̀ извѣстно, нѣсколько сомнѣваемся, чтобы мужики, даже „умственные", такъ часто возводили факты своего быта къ отвлеченнымъ началамъ и такъ охотно употребляли книжные термины народничества. Народный языкъ, какъ народная мысль, отличается реализмомъ, даже очень тѣснымъ реализмомъ... Недостатокъ простоты чувствуется въ разсказѣ постоянно, и это мѣшаетъ читателю извлечь какое-либо опредѣленное впечатлѣніе изъ проходящихъ передъ нимъ картинъ. Языкъ дѣйствующихъ лицъ безпрестанно впадаетъ въ ту елейность или слащавость, другой примѣръ которыхъ представляютъ повѣсти Кохановской.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы говорили о „Деревенскихъ Будняхъ" г. Златовратскаго, посвященныхъ изображенію сельскаго „міра": народный бытъ такъ недоступенъ для „интеллигенціи", что послѣдняя не въ состояніи понять и „міра" безъ подробныхъ и настойчивыхъ толкованій. Авторъ, поселившись въ деревнѣ для изученія міра, идетъ, напр., на сходъ, на дѣлежъ

[1]) „Вѣстн. Европы" 1884, февраль: „Народничество".

Digitized by Google

луговъ и т. п., и поражается непонятными рѣчами; только послѣ долгихъ объясненій своего хозяина уразумѣваетъ, о чемъ идетъ рѣчь, въ чемъ состоятъ основанія дѣлежа. Авторъ любитъ озадачивать читателя такими спеціальными подробностями деревенскихъ соображеній, но, какъ мы раньше указывали, читатель убѣждается въ концѣ концовъ, что озадачиваніе было совершенно напрасно. Всякому человѣку, попадающему во всякую чужую спеціальность, сначала все будетъ казаться дико и непонятно; спеціальныхъ мірскихъ вопросовъ данной деревни одинаково не понялъ бы не только интеллигентный человѣкъ, но и самый настоящій „мірской" крестьянинъ изъ *другой* деревни, и еслибы авторъ вмѣсто земледѣльческой общины попалъ въ рыболовную или всякую иную промышленную артель, въ кружокъ мастеровыхъ, кустарей, онъ точно также на первое время приходилъ бы въ недоумѣніе отъ незнакомаго дѣла и спеціальнаго техническаго языка, и могъ бы потомъ такимъ же образомъ озадачивать читателя великими трудностями пониманія народной жизни.

Если представляется страннымъ изображеніе деревни, народной общины, идеаломъ которой (какъ надо догадываться) является возвращеніе ея въ состояніе первобытной ячейки, существующей уединенно, какъ будто безъ всякой мысли о государственномъ союзѣ, въ какомъ-то безвоздушномъ пространствѣ,—то не менѣе странны изображенія интеллигенціи въ ея отношеніяхъ къ деревнѣ. Міръ, пребывающій внѣ деревни, есть не-народъ; на какомъ основаніи онъ существуетъ, откуда онъ взялся и зачѣмъ онъ вообще нуженъ, это остается подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ; извѣстно одно, что онъ чуждъ и враждебенъ деревнѣ, за исключеніемъ тѣхъ, неизвѣстно — многихъ или немногихъ людей, которые въ послѣднее время начинаютъ проникаться сознаніемъ необходимости сблизиться съ народомъ, сознаніемъ, что въ народѣ заключена жизненная правда, къ которой нужно пріобщиться для того, чтобы собственная личная жизнь нашла себѣ нравственное оправданіе. Это, конечно, народники. Очевидно, что придти къ этому сознанію было не легко; нуженъ былъ цѣлый нравственный и умственный переворотъ для того, чтобы человѣкъ пришелъ къ такому важному рѣшенію, какъ выходъ изъ одного круга жизни, изъ однѣхъ понятій и убѣжденій, и стремленіе вступить въ иной кругъ съ совершенно инымъ, какъ говорятъ, даже противоположнымъ, содержаніемъ. Это такой же трудный процессъ, какъ перемѣна вѣры. Г. Златовратскій рисуетъ намъ цѣлый рядъ такихъ народниковъ, которые выходятъ не только изъ среды полу-народной, но и изъ самыхъ настоящихъ

Digitized by Google

баръ. Повидимому, г. Златовратскій имѣлъ случай не мало наблюдать и изучать этотъ типъ, тѣмъ не менѣе онъ нигдѣ не даетъ достаточно отчетливаго объясненія его происхожденія,— между тѣмъ этотъ послѣдній вопросъ именно въ высшей степени интересенъ: въ немъ заключалось бы существенное объясненіе всего явленія. Это стремленіе къ народу еще понятно въ тѣхъ людяхъ, которые вступили въ интеллигенцію изъ среды народной или полу-народной и затѣмъ, познакомившись съ великодушными идеями общественной равноправности и справедливости и проникнувшись ими, ищутъ примѣненія ихъ на почвѣ горячо любимой родины. Для народниковъ другого общественнаго класса это стремленіе необходимо должно имѣть болѣе сложный процессъ образованія: обыкновенно они знавали народъ въ качествѣ барскихъ дѣтей, и рѣшеніе сблизиться съ народомъ и „опроститься", для нихъ несравненно труднѣе, потому что соединяется съ отказомъ отъ всѣхъ бытовыхъ привычекъ, составляющихъ вторую природу; дѣти народа, вступающія въ интеллигенцію, всего чаще бываютъ пролетаріями; дѣти не-народа всегда болѣе или менѣе избалованные баричи. Г. Златовратскій изображаетъ и тѣхъ, и другихъ. Рядъ подобныхъ типовъ проходитъ въ разсказахъ, соединенныхъ общимъ заглавіемъ: „Золотыя сердца". Здѣсь изображенъ, между прочимъ, нѣкто Павелъ Миртовъ, характеристика котораго, вѣроятно, многимъ напомнитъ біографію одного изъ извѣстнѣйшихъ писателей-народниковъ, именно Левитова. Друзья Миртова видѣли въ его судьбѣ „фатальную миссію цыганства", исторически завѣщанную нашему переходному времени. Павелъ Миртовъ былъ истинный сынъ деревни. Рожденный въ убогой избѣ сельскаго дьячка, онъ все дѣтство провелъ на зрѣлищѣ вопіющей нужды, среди рабочей жизни „униженныхъ и оскорбленныхъ", среди однообразія деревенскихъ полей и лѣсовъ, и воспоминанія этого трагическаго и трогательнаго дѣтства были потомъ пересказаны въ его лучшихъ произведеніяхъ и остались глубокимъ основаніемъ его послѣдующихъ мечтаній.

„Судьба Павла была такова же, какъ судьба всѣхъ русскихъ писателей-разночинцевъ недавняго періода. Какой глубокій смыслъ скрытъ въ рядѣ этихъ страдальческихъ біографій, этихъ психическихъ мартирологовъ, изъ которыхъ каждый такъ внушительно и назидательно повторяетъ и подтверждаетъ другой, что болью сжимается сердце и глубокою скорбью наполняется душа! Кто не различалъ въ каждой изъ этихъ біографій трехъ, рѣзко опредѣленныхъ періодовъ: вначалѣ школа, баснословно дикая и мрачная, и въ тьмѣ царящей въ ней рутины, схоластики, отвлечен-

Digitized by Google

ной морали и лицемѣрія еле мерцаетъ готовая потухнуть и сгинуть безслѣдно „божья искра“ въ душѣ ребенка. Путемъ почти немыслимыхъ страданій, подъ страхомъ загубить навѣки все будущее, навѣки потерять право на дальнѣйшее развитіе, сохраняетъ юноша въ глубинѣ души, тайно отъ всѣхъ, какъ нѣчто запретное, эту „божью искру“, пока торжествующе не вынесетъ ее изъ мрачныхъ стѣнъ бурсы въ божій вольный свѣтъ. Далѣе жажда свѣта, новой жизни и длинный путь пѣшкомъ въ столицы изъ глухихъ деревень и городковъ обширной отчизны на поиски этого свѣта, на поиски „душевнаго дѣла“. Это рядъ голодныхъ годовъ борьбы за существованіе, борьбы сомнѣнія съ надеждой, вѣры съ отчаяніемъ и, въ то же время, лихорадочно-страстной, тяжелой выработки новыхъ нравственныхъ устоевъ... Наконецъ, проблескъ зари, предчувствіе близости „душевнаго дѣла“, трепетаніе въ груди ищущихъ исхода силъ: одно мгновеніе—и загорѣлись лучи славы, въ душу снизошелъ восторгъ нравственнаго удовлетворенія, сердце полно беззавѣтной вѣры... Но это только мгновеніе... Въ сущности, даже это мгновеніе—только иронія, грустная и тяжелая: это уголокъ обѣтованной земли, мелькнувшій вдали усталому и разбитому путнику, у котораго уже подкосились ноги, надорвалась грудь... Въ виду этой обѣтованной земли онъ изнемогаетъ, скорбя за кого-то и посылая сквозь жгучія слезы невольныя проклятія чему-то“ (т. II, стр. 67—68)...

Эта скорбь за „кого-то“ и проклятія „чему-то“ указываютъ, что мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-либо опредѣленнымъ стремленіемъ, а именно только съ инстинктомъ. Друзья Миртова, также народники, говоря о немъ, сами чувствовали, что судьба такихъ людей есть миссія „цыганства“, свойственная переходному времени. Дѣйствительно, таковы и были первыя проявленія новыхъ идей, возбужденныхъ издавна въ обществѣ и впервые получившихъ возможность высказаться послѣ крестьянской реформы. До тѣхъ поръ, въ эпоху крайняго подавленія умственныхъ и нравственныхъ интересовъ общества, эти идеи, состоявшія въ надеждѣ на будущую свободу народа и простора для общественной самодѣятельности, должны были заботливо скрываться, потому что малѣйшій признакъ ихъ былъ преступленіемъ; естественно, что, таясь въ глубинѣ умовъ и сердецъ, лишенныя всякой возможности открытаго обсужденія и критической провѣрки, эти стремленія впадали въ крайній идеализмъ, въ несбыточныя мечтанія. Когда наконецъ наступило время, когда можно было ждать исполненія давнишнихъ надеждъ, старое возбужденіе сдѣлалось исканіемъ „правды“, которая могла бы быть достигнута тотчасъ, по

Digitized by Google

одному желанію вѣрующихъ идеалистовъ. Этого, конечно, не произошло, и люди, какъ Миртовъ, остались мучениками собственныхъ мечтаній. Въ эту пору почти въ первый разъ достигнуты были правдиво-художественныя и теплыя изображенія народной жизни, но въ эту же пору стало создаваться фантастическое народничество: недостатокъ практической общественности отразился мистическимъ исканіемъ „правды“ и тою теоріей, какую мы выше излагали.

Не много далѣе Миртова ушли и другіе народники, описываемые г. Златовратскимъ. Одни изъ нихъ воспитались въ молодыхъ кружкахъ, которые съ юношескою смѣлостью ставили самые крупные вопросы и рѣшали ихъ съ тѣмъ отсутствіемъ опыта и обиліемъ чувства и фантазіи, какіе отличаютъ юность. Другіе, какъ нѣкто Русановъ (въ разсказѣ „Скиталецъ“), слышали съ дѣтства отъ нѣжныхъ матерей увѣщанія быть добрыми и справедливыми, не обижать бѣдныхъ людей (въ ту пору—своихъ крѣпостныхъ крестьянъ)—и по чуткости натуры сохранили этотъ завѣтъ, не съумѣвъ поддержать его только однимъ: спокойнымъ, разумнымъ пониманіемъ жизни [1]). Нѣкоторые изъ народниковъ бывали знакомы и съ дѣйствительной жизнью, стояли подлѣ практическаго дѣла (II, стр. 156), но ничего въ нихъ не поняли и принялись разыскивать „правду“ съ великимъ трудомъ, который часто былъ бы смѣшнымъ, еслибы не былъ вмѣстѣ и грустнымъ. Почвою этой искомой правды былъ, конечно, народъ, и всего чаще встрѣчи съ народомъ были сплошнымъ недоразумѣніемъ: между народникомъ-мечтателемъ и „*ими*“ оказывалась непереходимая пропасть.

Настроеніе этихъ искателей „правды“ можно видѣть по двумъ-тремъ образчикамъ.

Одинъ изъ героевъ г. Златовратскаго, Русановъ, чтобы выйти на подвижничество въ качествѣ народника, предпринялъ цѣлую тренировку: онъ „пробовалъ крѣпость и силу своихъ ногъ, рукъ, мышцъ и, улыбаясь, находилъ, что двухгодичныя гимнастическія упражненія, возня съ разнообразными ремеслами, отъ столярнаго и слесарнаго до сапожнаго (онъ даже учился два лѣта въ извѣстной фермѣ пахать, косить и вообще „мужицкому труду“) сдѣлали изъ него уже „почти совсѣмъ народъ“.

---

[1]) Довольно забавно, что, указывая источникъ „добрыхъ чувствъ“ у одного изъ своихъ героевъ, г. Златовратскій заставляетъ его говорить слѣдующее: „Моя *бабушка* когда-то держала масонскую ложу въ Москвѣ, около Мясницкой“ (т. II, стр. 181). Такая бабушка едва ли могла существовать, потому что женщины совсѣмъ даже не допускались въ масонскія ложи, не только не могли ихъ „держать“. Ср. II, стр. 129, гдѣ и Русанову данъ въ дяди франкъ-масонъ.

Digitized by Google

Но только—почти, и это оказалось при первой же встрѣчѣ. Дѣло въ томъ, что, получивъ въ наслѣдство имѣніе послѣ дяди-масона, Русановъ отдалъ землю крестьянамъ и полагалъ, что этимъ вполнѣ сошелся съ народомъ; онъ думалъ и самъ поселиться съ ними тутъ же. Крестьяне землю взяли, но къ его плану поселиться тутъ же рядомъ отнеслись весьма недружелюбно. Даровую отдачу земли они объяснили тѣмъ, что ему это „приказали“ (иначе это была бы, съ ихъ точки зрѣнія, одна глупость), а сосѣдство его, еслибы онъ здѣсь основался, считали подозрительнымъ: чего ему тутъ подсматривать, „у нихъ документы есть“. Очевидно, что имъ и нельзя было подумать иначе. Наконецъ, къ нему подослали „батюшку“, чтобы тотъ объяснилъ барину, что лучше бы ему уйти. Русановъ и ушелъ, пораженный этимъ результатомъ. Ему не удалось сойтись съ „ними“ по душѣ, какъ ему этого хотѣлось. Что же дѣлать?

„...Не могу же я жить безъ этой „правды отношеній“ между мною и *ими*!—размышлялъ Русановъ.—Что такое я безъ нея? Какой смыслъ въ моемъ умѣ, знаніи, богатствахъ души, во всѣхъ тѣхъ пріобрѣтеніяхъ, которыми я вооружилъ себя на счетъ *ихъ*, во всемъ томъ, что я удостоился воспринять отъ геніальнѣйшихъ умовъ человѣчества? Безъ нея, безъ этой правды—это ненужный, тяжелый, безсмысленный, давящій грузъ. Я долженъ найти, вернуть къ себѣ эту дѣтскую, поэтическую правду, въ гармоніи съ которой нѣкогда жила моя душа. Наивно было тогда ощущеніе этой правды, но оно было глубоко, правдиво, искренно... Изъ него, какъ изъ зародыша, истекло, выросло все то, во имя чего я отказался отъ себя самого, отряхнулъ послѣдній прахъ съ своихъ ногъ и иду *туда*. По крайней мѣрѣ, такъ было для меня... И если эта „правда“ скрылась отъ меня, я потерялъ ее,—я долженъ открыть: гдѣ, въ какихъ формахъ, въ какихъ проявленіяхъ она живетъ. И если меня раздѣляетъ, разъединяетъ съ нею ложь, то гдѣ, въ чемъ эта проклятая ложь?.. А безъ этого я не могу... не могу дышать безъ этой простой, дѣтской, поэтической „правды“! Все одно, я долженъ идти искать ее“ (II, стр. 144).

И онъ отправляется. Мечта его была такова: „отрясти послѣдній прахъ съ своихъ ногъ и расплыться, раствориться, растаять въ могучемъ океанѣ массы, въ великомъ общемъ массовомъ сознаніи“ (тамъ же, стр. 142).

До нѣкоторой степени онъ и достигъ этого. Онъ пошелъ въ работники къ бродячему сапожнику, который оказался изъ разряда „израильскихъ людей“, добрый человѣкъ, любившій поговорить о нравоученіи и, по основѣ взглядовъ, религіозный фата-

Digitized by Google

листъ. Было, конечно, счастьемъ Русанова, что, стремясь расплыться въ массовомъ сознаніи, онъ попалъ въ работники къ доброму хозяину: другой сталъ бы, пожалуй, бить его. Израильскій человѣкъ болѣлъ чахоткой и вскорѣ умеръ; конечно, Русановъ взялъ на себя заботу о его семьѣ. Затѣмъ онъ обратился къ другимъ видамъ душевной народнической дѣятельности.

Филантропія можетъ обнаруживаться, конечно, во всякихъ формахъ, и съ этой точки зрѣнія пребываніе Русанова въ подмастерьяхъ у бродячаго сапожника можетъ заслуживать похвалы. Читатель можетъ усомниться только въ томъ, имѣло ли оно какой-нибудь смыслъ какъ „служеніе народу“; Русановъ объясняетъ это потомъ въ письмѣ къ пріятелю:

„Теперь я, другъ мой, конечно, опять не сапожникъ, но... зато и не прежній. Не минутной экзальтированной выходкой было это „хожденіе“, не результатомъ „юношескихъ и незрѣлыхъ теорій“; оно было стихійнымъ, безсознательнымъ, эпидемическимъ влеченіемъ, результатомъ причинъ, для насъ пока еще не выясненныхъ... Но я знаю лично одно, что, только переболѣвъ этой „болѣзнью“, я понялъ теперь призрачность *прежняго* своего существованія (въ высотѣ предназначенія котораго смѣли ли мы даже усомниться тогда), ибо было оно не больше какъ „послѣдышемъ“ стараго—все равно, хорошаго или дурного, но *стараго* режима жизни... И это тѣмъ поучительнѣе...

„Есть болѣзни, которыя перерождаютъ до мозга костей весь организмъ. Такую болѣзнь пережилъ я. И благо!“ (II, стр. 156).

Не будемъ останавливаться на другихъ типахъ народниковъ, изображаемыхъ г. Златовратскимъ. У всѣхъ болѣе или менѣе повторяются тѣ же общія черты: туманное исканіе „правды“, желаніе служить народу безъ всякаго яснаго представленія о томъ, въ чемъ бы оно могло заключаться, и когда самъ народъ относится къ этимъ новымъ друзьямъ крайне недовѣрчиво; иные, правда, и достигаютъ этого общенія съ народомъ, но только болѣе или менѣе уродуя собственную жизнь, какъ Русановъ съ своимъ сапожнымъ ремесломъ. Однимъ словомъ, вопросъ сводится къ „душевному дѣлу“, которое успокоиваетъ, въ случаѣ удачи, самихъ дѣятелей, но не знаемъ, насколько помогаетъ чѣмъ-нибудь „народу“; тѣ бѣды, отъ которыхъ онъ страдаетъ въ своихъ матеріальныхъ и нравственныхъ отношеніяхъ, напр. круглое невѣжество, вредящее и матеріальнымъ интересамъ „міра“, какъ будто совсѣмъ не занимаютъ народниковъ.

Въ параллель этимъ дѣятелямъ, въ самой народной средѣ авторъ въ изобиліи рисуетъ типы „умственныхъ“ и благодуш-

Digitized by Google

ныхъ мужиковъ, безъ конца разсуждающихъ о мужицкой правдѣ. Благодушные философы и „израильскіе люди“ безконечно варьируютъ извѣстнаго Платона Каратаева въ „Войнѣ и Мирѣ“. Но странно одно: несмотря на обильные толки о народной правдѣ и душевномъ дѣлѣ, эти изображенія народной жизни не достигаютъ своей цѣли; онѣ производятъ впечатлѣніе чего-то искусственнаго и натянутаго. Едва ли сомнительно, что это происходитъ оттого, что самъ писатель приступаетъ къ дѣлу не просто, съ однимъ желаніемъ вѣрнаго изображенія жизни, а съ готовой теоріей. Изображаемая жизнь стоитъ одиноко, безъ связи съ остальнымъ міромъ, какъ будто и въ дѣйствительности она составляетъ нѣчто отдѣльное. Но даже въ тѣхъ предѣлахъ, какіе ставитъ нашъ авторъ, жизнь деревенскаго „міра“ искони не была такой обособленной: напримѣръ, то „бѣгство отъ міра“, которое оплакиваетъ старозавѣтная Ульяна Мосевна, издавна практиковалось въ крестьянскомъ быту; давнымъ-давно изъ крестьянъ выходили въ мѣщане и въ купцы; издавна, и въ громадныхъ размѣрахъ, существуютъ отхожіе промыслы и т. п.; такія блаженныя общины, какъ Вальковщина, могли быть только исключеніемъ—и едва-ли завиднымъ. Не ясно и другое: въ чемъ состоитъ настоящій смыслъ той новой волны, которая проникаетъ въ деревню въ послѣднее время. Само народничество, изображаемое г. Златовратскимъ, представляется чѣмъ-то патологическимъ и вмѣстѣ ребяческимъ. Одинъ изъ его героевъ самъ назвалъ свое хожденіе въ народъ „болѣзнью“, которая была въ тѣ времена даже „эпидемической“. Едва-ли не было справедливо замѣчаніе, высказанное по поводу этихъ людей, что это—„какіе-то народники безъ народа“ (II, стр. 197).

Авторъ не указываетъ, есть ли исходъ изъ этой эпидеміи: восторженныя указанія на проповѣдь „Большого человѣка“, повидимому раздѣляемыя авторомъ, свидѣтельствуютъ, что эпидемія продолжается.

А. В—нъ.

Digitized by Google

ДЭМОСЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

Соч. Гиссинга.

VII *).

Въ послѣднихъ числахъ іюня, утромъ, Губертъ Эльдонъ, въ первый разъ послѣ своей продолжительной болѣзни, сошелъ съ крыльца ванлейскаго замка.

Губертъ медленно побрелъ по направленію къ деревнѣ. Онъ былъ еще необыкновенно худъ и блѣденъ. Тусклый взглядъ и равнодушное, неподвижное лицо его не выражали обычнаго у выздоравливающихъ, особенно въ молодости, радостнаго чувства.

На половинѣ пути отъ замка къ деревнѣ со склона открывался видъ на всю долину. Здѣсь Губертъ остановился и, опершись на трость, устремилъ задумчивый взглядъ на разстилавшійся передъ нимъ пейзажъ.

Еще въ прошломъ году онъ часто любовался съ этого пункта плодородіемъ и роскошной растительностью благословенной долины, широкими лугами, которые зеленымъ ковромъ устилали берега рѣчки. Тамъ паслись стада, бродили овцы; выше, по склонамъ горнаго кряжа, пестрѣли виноградники; еще выше синѣли лѣса.

Теперь какъ бы по мановенію жезла волшебника вся картина измѣнилась. Губертъ видѣлъ только сѣрыя группы строеній, закоптѣлыя мастерскія, жавшіяся къ высокимъ фабричнымъ дымившимся трубамъ; бараки рабочихъ выстроились однообразными

---

*) См. выше: янв. 197 стр.

Digitized by Google

рядами, образуя скученныя улицы; въ цѣломъ все это глубоко оскорбляло эстетическій вкусъ Губерта. Куда ни обращалъ онъ свой взоръ, всюду, вмѣсто прежней изумрудной зелени, виднѣлась разрытая, размытая, голая земля... Вся долина, казалось, покрылась слоемъ копоти и грязи! Тачки, телѣжки, маленькіе ручные вагоны колесили по нѣкогда тучнымъ пастбищамъ и нивамъ.

Долина проснулась отъ вѣкового сна и приняла обликъ XIX-го столѣтія.

Меланхолическая физіономія молодого человѣка стала еще печальнѣе. Онъ что-то гнѣвно пробормоталъ и отвернулся.

Идя по улицѣ деревни, онъ старался не глядѣть на попадавшихся ему людей. Наконецъ, онъ остановился у двери дома, который занималъ теперь м-ръ Ричардъ Мотимеръ, и позвонилъ. Его ввели въ комнату, гдѣ сидѣли двое господъ, о чемъ-то оживленно толковавшихъ.

Одинъ изъ нихъ перелистывалъ какіе-то смѣты и чертежи, дѣлая на поляхъ отмѣтки.

Это и былъ самъ Ричардъ Мотимеръ. Одѣтый по лѣтнему, отъѣвшійся и выхоленный, онъ ничемъ не напоминалъ бывшаго механика-рабочаго.

М-ръ Родманъ сидѣлъ противъ него верхомъ на стулѣ, опершись на спинку, и сосалъ коротенькую трубочку.

Онъ казался на взглядъ гораздо старше м-ра Мотимера. Выраженіе лица его обличало въ немъ практическаго и знающаго жизнь человѣка.

Имя Эльдона, возвѣщенное слугой, заставило его быстро обернуться съ выраженіемъ живѣйшаго любопытства.

— Какъ поживаете, м-ръ Эльдонъ?—сказалъ, поднявшись ему на встрѣчу, Мотимеръ:—я радъ видѣть васъ на ногахъ. Прошу васъ, садитесь. Вы слыхали, конечно, о м-рѣ Родманѣ? хотя по имени знаете его?

Губертъ сдѣлалъ утвердительный знакъ. Онъ ждалъ всего худшаго отъ этого свиданія и приготовился къ этому,—тѣмъ не менѣе, тонъ превосходства, съ которымъ заговорилъ Мотимеръ, показался ему нестерпимымъ.

М-ръ Родманъ приподнялся и кивнулъ головой. Замѣтивъ смущеніе гостя, Мотимеръ поспѣшилъ обратиться къ м-ру Родману:

— Вы вѣдь придете сегодня ко мнѣ обѣдать, да? Принесите съ собою чертежи, и мы ихъ тогда на свободѣ и разсмотримъ.

— Боюсь, не помѣшалъ ли я вамъ?—сказалъ Эльдонъ.—Я могу зайти попозднѣе.

Digitized by Google

— Ни мало. Мы, если позволите, сейчасъ кончимъ,—отвѣчалъ Мотимеръ.

Наконецъ, м-ръ Родманъ удалился. Ричардъ предложилъ Эльдону закрыть окно,—послѣ болѣзни надо остерегаться сквозного вѣтра,—но тотъ просилъ его не безпокоиться.

Онъ дѣлалъ надъ собою страшныя усилія, чтобы сохранить полное спокойствіе.

Съ своей стороны, Мотимеръ выказывалъ необыкновенную снисходительность и добродушіе. На этотъ разъ выгода была не на сторонѣ аристократа. Болѣзненный и подавленный видъ Эльдона составлялъ поразительный контрастъ съ цвѣтущей, полной самодовольства фигурой Мотимера.

Пора было объяснить цѣль визита.

— Моя мать просила меня выразить вамъ живѣйшую благодарность за то вниманіе, съ которымъ вы отнеслись къ ней во время моей болѣзни. Съ своей стоорны, я тоже присоединяю свою искреннюю признательность вамъ. Я боюсь, что мы-таки надоѣли вамъ, м-ръ Мотимеръ.

— О, нисколько, увѣряю васъ,—отвѣчалъ Ричардъ.—Для меня достаточно двухъ комнатъ—мои потребности крайне ограниченны.

— Мы предполагаемъ освободить замокъ къ будущему понедѣльнику.

— Пожалуйста, не торопитесь! Живите сколько вамъ нужно! —вскричалъ Мотимеръ почти дружественнымъ тономъ.—Передайте отъ меня лэди Эльдонъ, что я прошу ее совершенно не стѣсняться.

— Благодарю васъ, вы очень добры,—отвѣчалъ Эльдонъ. Про себя онъ подумалъ: „Этотъ мастеровой разыгрываетъ роль большого барина. Онъ хочетъ показать себя щедрымъ и великодушнымъ, чортъ его побери!“

— Вы намѣрены разработать всю долину?—спросилъ онъ сколько возможно равнодушнѣе.

Ричардъ внимательно посмотрѣлъ на него, потомъ всталъ и, засунувъ руки въ карманы, подошелъ къ окошку, какъ бы съ цѣлью доставить себѣ удовольствіе полюбоваться на дѣло рукъ своихъ—исполинскія трубы, возвышавшіяся надъ домами.

— Да, если дѣло пойдетъ такъ же успѣшно, какъ шло до сихъ поръ, то годика черезъ два можно разсчитывать разработать всю эту мѣстность!—произнесъ онъ съ видомъ побѣдителя.

— Этого-то я и боюсь!

— Почему?—спросилъ Мотимеръ рѣзкимъ тономъ.

Digitized by Google

— Я люблю природу и никогда бы не рѣшился обезобразить ее.

— Любите природу? — презрительно повторилъ Мотимеръ, снова опускаясь на стулъ.—Прекрасно. Но позвольте спросить: теперь эксплуатація естественныхъ богатствъ долины даетъ пропитаніе нѣсколькимъ сотнямъ семействъ—ну, а ваша „необезображенная“ природа кормила, кажется, однихъ ея владѣльцевъ?

— Это ясно, какъ дважды два—четыре.

— Вы знаете,—продолжалъ Мотимеръ,—что я не ради одной наживы предпринялъ это дѣло?

— Мнѣ говорили. Надѣюсь, что ваши благія намѣренія будутъ оцѣнены по ихъ достоинству.

— Ихъ одобрятъ всѣ, кому дороги интересы народа,—раздражительно отвѣчалъ Мотимеръ.

Боясь, чтобы эти пререканія не перешли въ открытую ссору, Губертъ поспѣшилъ кончить визитъ. Онъ обѣщалъ Мотимеру извѣстить его, въ какой день они оставятъ замокъ. Ричардъ поблагодарилъ его, и они разстались. На краю деревни Губертъ встрѣтилъ м-ра Вейверна, возвращавшагося съ кладбища, на которое онъ только-что проводилъ одного изъ своихъ прихожанъ.

— Какъ я радъ, что вы, наконецъ, поправились настолько, что можете выходить на воздухъ!—сказалъ клерджименъ, дружески схвативъ за руку Губерта.

Тотъ вздрогнулъ и съ удивленіемъ и даже съ какимъ-то ужасомъ уставился на него.

Выразительное лицо м-ра Вейверна, лицо мыслителя, съ усталыми, распухшими отъ ночныхъ занятій глазами, съ нависшими бровями—обнаруживало въ немъ мужественную и твердую натуру. Добродушная улыбка клерджимена открывала его желтые отъ табачнаго дыма зубы—онъ имѣлъ слабость къ трубкѣ и сигарамъ.

— Вы меня не узнали, м-ръ Эльдонъ, не правда ли? Будьте такъ добры, удѣлите мнѣ немного времени. Пройдите со мною до моего дома, вамъ по пути. Какъ здоровье лэди?

— По прежнему плохо. Жду не дождусь, когда, наконецъ, она будетъ въ состояніи переѣхать въ свой новый домъ.—Послѣ краткаго молчанія Губертъ спросилъ:

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать, случайно или нѣтъ вы увидѣли насъ въ то утро?

— Послѣ ночи, проведенной безъ сна,—отвѣчалъ клерджименъ,—я захотѣлъ воспользоваться хорошимъ утромъ и пройтись,

Digitized by Google

чтобы немного освѣжить голову. Мало-по-малу я забрался въ лѣсную чащу, какъ вдругъ услышалъ звукъ выстрѣла.

— Мы одновременно спустили курки,—сказалъ быстро Губертъ, видимо волнуясь.

— Какой-то субъектъ быстро вышелъ вслѣдъ затѣмъ изъ лѣсу,—продолжалъ м-ръ Вейвернъ;—увидѣвъ меня, онъ, повидимому, совсѣмъ растерялся, пробормоталъ что-то по-французски, чего я не могъ разобрать, и скрылся.

— Мы дрались безъ секундантовъ. Мы рѣшили, что такъ будетъ удобнѣе. Мой противникъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ васъ попросить позаботиться обо мнѣ.

— Прокладывая себѣ дорогу сквозь перепутавшіяся сухія вѣтки кустарника, я быстро кинулся въ ту сторону, откуда вышелъ неизвѣстный. На небольшой полянѣ я нашелъ васъ. Вы лежали на землѣ безъ чувствъ. Мнѣ удалось остановить кровь, бившую изъ раны. Лежать на сырой землѣ въ вашемъ положеніи было бы гибельно для васъ. Я васъ поднялъ. Въ карманѣ вашего пальто я нашелъ пару писемъ. Я подумалъ, что не будетъ особенной нескромностью прочитать ихъ адресъ. Одно предназначалось лэди Эльдонъ, въ замокъ Ванлей. Я сейчасъ сообразилъ, что это должно быть та лэди Эльдонъ, которая проживаетъ въ томъ приходѣ, гдѣ предстояло мнѣ занять должность пастора по возвращеніи въ Англію. Я догадался, что вижу передъ собою ея сына. Другое письмо было адресовано къ дамѣ, проживавшей въ мѣстномъ отелѣ.

— Вы меня оставили и отправились къ ней? — спросилъ Эльдонъ.

— Прежде я доставилъ къ вамъ доктора, и когда онъ успокоилъ меня насчетъ вашего состоянія, то отправился къ ней. Въ этихъ письмахъ вы, вѣроятно, извѣщали о предстоящей трагической развязкѣ?

Губертъ наклонилъ голову и покраснѣлъ. Онъ попросилъ клерджимена разсказать о своемъ разговорѣ съ вышеупомянутой особой.

— Мы говорили очень мало. Я плохо понимаю по-французски.

— Но она прекрасно владѣетъ англійскимъ языкомъ!

— Вѣроятно, она такъ растерялась и встревожилась, что естественно стала говорить на родномъ языкѣ. Она захотѣла сейчасъ же отправиться къ вамъ. Я указалъ ей, гдѣ васъ оставилъ. На другой день утромъ она извѣстила меня, что беретъ васъ на свое попеченіе, и что вамъ лучше. Я долженъ былъ ѣхать въ

Digitized by Google

Англію. Я приказалъ хозяину гостинницы немедленно извѣстить меня телеграммой, въ случаѣ, еслибы ваше состояніе ухудшилось.

— Меня спасла моя записная книжка, — сказалъ Губертъ, кладя руку на раненый бокъ. — Пуля пронизала ее насквозь, и это ослабило ударъ.

— Позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ насчетъ этой дамы, — сказалъ клерджименъ.

— Вы имѣете полное право, — отвѣчалъ Губертъ.

— Я не желаю васъ разспрашивать о томъ, какъ вы съ ней познакомились и что произошло раньше того дня, когда я нашелъ васъ въ лѣсу раненымъ. Скажите только мнѣ: долго вы оставались на ея попеченіи?

— Два дня.

— Въ такомъ случаѣ я не ошибся: значитъ, это я ее встрѣтилъ въ Парижѣ.

— Въ Парижѣ? — переспросилъ изумленный Губертъ.

— Да; передъ отъѣздомъ въ Англію я былъ въ Парижѣ. Мнѣ нужно было получить деньги въ одномъ банкѣ; когда я стоялъ у рѣшетки, вдругъ подошелъ какой-то субъектъ — физіономія его мнѣ показалась знакомой; вглядѣвшись, я узналъ въ немъ того самаго француза, котораго я встрѣтилъ въ то утро на лѣсной опушкѣ. У меня не осталось никакихъ сомнѣній, когда я замѣтилъ его смущеніе. Онъ, видимо, старался избѣгать моихъ взглядовъ. У подъѣзда банка стояла карета, и въ ней сидѣла дама, взявшая васъ тогда на свое попеченіе. Французъ торопливо усѣлся рядомъ съ нею, дверцы захлопнулись и они уѣхали.

Губертъ тяжело дышалъ. Казалось, онъ задыхался отъ гнѣва.

М-ръ Вейвернъ продолжалъ:

— Я понимаю ваши чувства. Прежде, чѣмъ принять на себя званіе клерджимена, я много жилъ и былъ свѣтскимъ человѣкомъ. Я не хотѣлъ съ вами говорить наставительнымъ тономъ духовнаго лица, чтобы тѣмъ не оттолкнуть васъ отъ себя и не парализировать вашу откровенность.

— Благодарю васъ, — сказалъ Эльдонъ тихимъ голосомъ.

— Для меня остается загадкой этотъ удивительный поединокъ, но я не прошу объясненій.

— Я бы могъ дать ихъ вамъ, м-ръ Вейвернъ, но къ чему?

— Ваша правда. Хотя не слѣдуетъ, мнѣ кажется, пренебрегать совѣтами человѣка опытнаго и много пожившаго.

Губертъ промолчалъ. Лицо его выражало глубокую душевную муку. Видимо, воспоминанія недавняго прошлаго глубоко взволновали его.

Digitized by Google

— Скажите, какіе у васъ планы насчетъ будущаго?—спросилъ м-ръ Вейвернъ.

— Покамѣстъ у меня нѣтъ никакихъ.

— Простите мою нескромность: вы не стѣснены въ денежномъ отношеніи?

— Ни мало. Я получаю около тысячи фунтовъ дохода.

— Я думаю, вы все-таки не отказались отъ мысли докончить курсъ въ Оксфордѣ и получить степень.

— Я не вернусь туда больше.

— Во всякомъ случаѣ, подумайте объ этомъ. Надѣюсь, вы не станете избѣгать меня. Право же, я могу вамъ быть полезенъ. Меня интересуетъ ваша судьба. Вы извѣстите меня, если въ вашей жизни случится какая-нибудь особенная перемѣна?

— Даю вамъ слово.

Они простились, и Губертъ возвратился въ замокъ. У подъѣзда стояли два фургона для перевозки мебели. Сѣни были заставлены ящиками. Въ опустѣлыхъ покояхъ звонко отдавались шаги. Библіотеку уже всю уложили. Губертъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ глубокой задумчивости. Передъ нимъ носился все тотъ же плѣнительный образъ, который заставилъ его бросить Оксфордъ, занятія, все.

Это было странное существо; любовь къ ней не могла дать сердцу тихаго, мирнаго блаженства. Губертъ любилъ ее искренно. Это не была головная страсть юноши, начитавшагося романовъ; непохожа была также его любовь на обычныя, пошлыя „увлеченія“ молодыхъ людей, которые еще не „перебѣсились“ и „кутятъ“; чувство, овладѣвшее имъ, такъ же мало имѣло общаго съ этими увлеченіями, какъ вальсъ, терзаемый охрипшей уличной шарманкой, съ задумчивой мелодіей Шопена, исполняемой виртуозомъ.

Эта безумная страсть обожгла сердце Эльдона, разбила, измучила его, и, быть можетъ, теперь оно должно было успокоиться на вѣки.

Поглощенный воспоминаніями, Эльдонъ не замѣчалъ, какъ текло время. Наконецъ, онъ опомнился, отогналъ отъ себя горькія, докучныя мысли и отправился на половину лэди Эльдонъ, съ которою долженъ былъ завтракать. Она еще болѣе постарѣла за время болѣзни своего сына. Слабость не позволяла ей, какъ бы она хотѣла, проводить ночи около постели сына, самой ухаживать за нимъ, и бѣдная женщина плакала, изнывала въ тревожной тоскѣ, поминутно посылая справляться о его состояніи; все это окончательно обезсилило ее.

Digitized by Google

Хотя покамѣстъ мать и сынъ находились подъ одной крышей, но между ними стояла какая-то стѣна. Съ одной стороны, гордость не позволяла матери первой заговорить съ сыномъ о предметѣ, интересовавшемъ ихъ обоихъ, съ другой—молчаніе Губерта все болѣе и болѣе увеличивало фальшь ихъ отношеній. Состояніе ея здоровья не позволяло ей пренебрегать немногими старыми друзьями, жившими въ окрестностяхъ замка. Поэтому она распорядилась нанять домъ по близости отъ родного гнѣзда, и едва ли можно было надѣяться, что Губертъ долго пробудетъ возлѣ матери. Какъ бы то ни было, будущее далеко не улыбалось лэди Эльдонъ.

— Я былъ у Мотимера, — сказалъ Губертъ, почтительно цѣлуя руки матери.

— Какое онъ на тебя произвелъ впечатлѣніе?

— Я ожидалъ худшаго. Онъ, повидимому, не такъ ужъ необразованъ и непорядоченъ, какъ я предполагалъ. Конечно, произношеніе и манеры выдаютъ его происхожденіе, но онъ не безъ чувства собственнаго достоинства и не безъ нѣкотораго благородства. За всѣмъ тѣмъ, такъ и видишь мастера-механика.

— Письмо, которое онъ мнѣ прислалъ, написано очень порядочно; онъ выражаетъ въ немъ желаніе видѣть меня прежде нашего отъѣзда.

— Достаточно съ него и письма,—холодно сказалъ Губертъ.

— Ты передалъ ему мою благодарность?

— Весьма добросовѣстно.

— Тебѣ, я думаю, тяжело и непріятно было говорить съ нимъ?

— Какъ же могло быть иначе?

— Онъ не старался обратить тебя въ соціалистическую вѣру?

— Онъ понимаетъ, я думаю, что ему не переубѣдить меня. Впрочемъ, у насъ произошла маленькая схватка, но все обошлось очень мирно и вѣжливо. Когда я говорилъ съ нимъ, мнѣ казалось, что я стою передъ двадцатымъ столѣтіемъ. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Ахъ, до него еще далеко, Губертъ.

— Я желалъ бы этому вѣрить. Приближается царство „дэмоса“, и Мотимеръ считаетъ себя вождемъ этихъ новыхъ людей. Я сказалъ ему, что вы оставите замокъ, прежде чѣмъ фабричный дымъ отравитъ воздухъ долины.

— Ну, Мотимеръ едва ли въ состояніи понять, что можно задохнуться среди его фабрикъ.

— Безъ сомнѣнія. Я думаю, въ XX-мъ столѣтіи на всемъ земномъ шарѣ не останется клочка земли, покрытаго зеленью.

Digitized by Google

— Однако, имъ вѣдь нуженъ будетъ хлѣбъ и сѣно.

— Ба! они станутъ приготовлять пищу себѣ и своему скоту въ лабораторіяхъ, химическимъ способомъ. Ничего не останется въ естественномъ состояніи. Океаны будутъ покорены. Горы срыты; искусство погибнетъ—да и на что прекрасное дэмосу?

— Никогда этого не будетъ!—сказала лэди Эльдонъ, устремивъ грустный, задумчивый взоръ на старый, развѣсистый каштанъ.

Выраженіе лица ея видимо потрясло Губерта.

— Мама!—произнесъ онъ проникнутымъ голосомъ.

— Что тебѣ, мое дитя?—спросила та, сдерживая вздохъ.

Губертъ ласково провелъ рукою по серебристымъ волосамъ своей матери. Губы ея дрожали; видимо, она едва сдерживала себя, чтобы не разрыдаться.

— Чѣмъ я долженъ заняться послѣ того, какъ мы выѣдемъ изъ Ванлея?

— Это отъ тебя одного зависитъ.

— Дайте мнѣ совѣтъ.

— Совѣтъ?

— Если я прошу у васъ совѣта—значитъ, онъ мнѣ нуженъ, и я исполню все, что вы ни прикажете.

Онъ опустился на колѣни передъ лэди Эльдонъ, она охватила руками его голову и прижала къ своему сердцу.

Послѣ небольшого молчанія лэди Эльдонъ спросила Губерта, видѣлъ ли онъ Вальтамовъ. Тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Ты будешь у нихъ?

— Постараюсь.

На слѣдующій день, послѣ полудня, Губертъ отправился бродить около замка. Ему хотѣлось въ послѣдній разъ осмотрѣть родныя мѣста, гдѣ каждая дорожка, каждый камень, каждое деревцо связывалось для него съ дорогими воспоминаніями невозвратнаго дѣтства. Дорожка змѣею извивалась по склону долины до самой вершины Станбюри. Сколько разъ онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ возвращался по ней изъ школы! Кромѣ поденщиковъ, никто не попадался имъ на встрѣчу. Птицы пѣли свои весеннія пѣсни; все цвѣло и радовалось; яркій солнечный свѣтъ пронизывалъ изумрудную зелень деревъ.

Вотъ около этого куста они нашли разъ гнѣздо! Вотъ оврагъ, гдѣ по густой муравѣ всегда прыгали корольки!

Губертъ чувствовалъ безконечную грусть, глядя на эту смѣющуюся, роскошную природу. Тяжелое предчувствіе давило его сердце. Онъ зналъ, что отъ всего этого скоро не останется и слѣда. Онъ помнилъ время, когда—нынѣ все расширяющійся и

Digitized by Google

медленно, но непрестанно поглощающій долину, дымящійся, полный визга, грома, скрипа машинъ—Бельвикъ скромно темнѣлъ вдали, ни мало еще не нарушая гармоніи цѣлаго. Увы! онъ былъ лишь предвѣстникомъ грядущаго разрушенія. Тогда еще никому и въ голову не могло придти, чтобы кто-нибудь кромѣ Эльдоновъ, дѣды и прадѣды которыхъ владѣли этимъ замкомъ, могъ бы поселиться въ долинѣ.

Можно ли было тогда предвидѣть катастрофу, которая теперь, наконецъ, заставляетъ Губерта навсегда покинуть замокъ его предковъ? Почва, въ буквальномъ смыслѣ, уходила изъ-подъ его ногъ, подрытая глубокими минами углепромышленниковъ!

Сердце Губерта обливалось кровью. Его гордость жестоко страдала. Въ первый разъ онъ понялъ, что значитъ для него Вандей, въ первый разъ онъ ясно представилъ свое положеніе. До самой послѣдней минуты онъ еще на что-то надѣялся, но теперь неизбѣжность разлуки съ роднымъ гнѣздомъ раздавила его. Всякое мужество его оставило.

Губертъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понять все благодѣтельное значеніе испытанія, посланнаго ему. Онъ не могъ понять глубокой мудрости того закона, по которому всегда человѣкъ лишается дарованнаго ему блага, прежде чѣмъ успѣетъ вполнѣ насладиться имъ и привыкнуть къ нему. Въ такомъ случаѣ ему оставалось бы одно только: проклинать судьбу!

Онъ перешелъ широкій лугъ и поднялся на холмъ, гдѣ стоялъ сарай, окруженный нѣсколькими деревьями.

Съ этого пункта открывался чудный видъ на всю долину. Завернувъ за уголъ строенія, Губертъ замѣтилъ молодую дѣвушку, одѣтую въ бѣлое платье. Она любовалась въ бинокль видомъ, не подозрѣвая, что Губертъ стоитъ возлѣ нея. Круглая шляпа и красный поясъ дополняли костюмъ дѣвушки.

Ея прекрасные волосы были заплетены въ косу, приподняты и уложены короной на головѣ. Все въ ней дышало граціей и невинностью. Самыя складки ея платья ложились съ скульптурной простотой и изяществомъ. На травѣ Губертъ замѣтилъ слѣдъ ея маленькихъ ногъ. Тѣнь отъ листвы, падая на нее, казалось, покрывала ея личико тонкой, легкой вуалью.

Губертъ, сложивъ руки на груди, стоялъ и смотрѣлъ на нее, ожидая, когда, наконецъ, она повернется въ его сторону. Наконецъ, онъ рѣшился обратить на себя ея вниманіе и первый прервалъ молчаніе, сказавъ:

— Можете вы на минуту одолжить мнѣ вашъ бинокль, миссъ Вальтамъ?

Digitized by Google

Дѣвушка слегка вздрогнула и опустила руки, въ которыхъ держала бинокль, однако не уронила его, и въ ея движеніи не было ничего рѣзкаго; затѣмъ съ граціей газели она повернула голову и, подавая руку Губерту, сказала:

— Ахъ! это вы, мистеръ Эльдонъ. Какъ это вамъ удалось подкрасться такъ незамѣтно?

Щеки ея, покрывшіяся румянцемъ, въ эту минуту могли бы соперничать съ алой розой.

Мало-по-малу румянецъ сбѣжалъ съ нихъ, и лишь легкая тѣнь его проступала сквозь матовую, прозрачную кожу, какъ отблескъ утренней зари на лепесткахъ лиліи. Ея маленькая ручка совсѣмъ исчезла въ широкой рукѣ Губерта.

— Что это вы такъ внимательно разсматривали? — спросилъ тотъ.

— Я глядѣла на желѣзнодорожную станцію, — отвѣчала Адель:—поѣздъ, на которомъ пріѣдетъ Альфредъ, долженъ сейчасъ подойти. Альфредъ пріѣзжаетъ къ намъ каждую субботу.

— Въ самомъ дѣлѣ?—разсѣянно произнесъ Губертъ, погруженный въ пристальное разсматриваніе краснаго пояса молодой дѣвушки.

— Какъ я рада, что вижу, наконецъ, васъ здоровымъ! вы были такъ долго больны!

— Да, я былъ боленъ. Какъ здоровье м-съ Вальтамъ?

— Очень хорошо, благодарю васъ.

— А вашъ братъ какъ поживаетъ?

— О, онъ также здоровъ!

— Душевно радъ за него! Можно у васъ взять на одну минуту бинокль?—снова попросилъ онъ.

Въ это мгновеніе Адель замѣтила бѣлое облачко дыма на горизонтѣ.

— Вонъ идетъ поѣздъ, видите,—вонъ тамъ, между этими холмами!—вскричала дѣвушка.

— Вашъ братъ пойдетъ пѣшкомъ со станціи?

— Да, это ему очень полезно, послѣ недѣли, проведенной въ душномъ Бельвикѣ.

— Немного времени пройдетъ, и между Бельвикомъ и Ванлеемъ не будетъ никакой разницы.

— Ахъ! я думаю, вамъ очень больно, что это такъ будетъ! — сказала Адель съ выраженіемъ искренней симпатіи.

— Ну, а вы, скажите, вы этому рады, вы видите въ этомъ признакъ прогресса?

Digitized by Google

— Нѣтъ, мнѣ очень грустно видѣть, какъ наша милая долина обезображивается копями и фабриками, но только...

— Только что? Вы все-таки этому сочувствуете? Васъ что-нибудь примиряетъ съ этимъ?

— Альфредъ не допускаетъ сожалѣній въ этомъ родѣ,—сказала нерѣшительно дѣвушка:—онъ утверждаетъ, что это будетъ благодѣяніемъ для страны.

— Само собой разумѣется, что онъ радъ тому, что Ванлей перешелъ изъ моихъ непрактическихъ рукъ въ руки такого дѣльца, каковъ Мотимеръ. Это такъ и должно быть!

— Я не такъ выразилась, вы не поняли меня. Онъ смотритъ на дѣло съ высшей точки зрѣнія. Я вѣдь, впрочемъ, и не выражаю своего личнаго мнѣнія. Альфредъ по принципу всегда стоитъ за рабочихъ. Онъ такъ страстно преданъ ихъ интересамъ, что забываетъ интересы другихъ. Вы вѣдь навѣрно слышали и знаете о проектахъ м-ра Мотимера?

— Смутно.

— Вы ихъ одобряете?

— Они, если сказать правду, мало меня интересуютъ. Вы, кажется, иного мнѣнія? Быть можетъ, у васъ есть какія-нибудь свои основанія на то?

— Самый принципъ мнѣ кажется справедливымъ,—неопредѣленно отвѣчала Адель.—Преданность идеѣ, способность жертвовать личными интересами ради общаго блага—согласитесь—не такъ часто встрѣчаются въ наши дни!

— А вы знаете Мотимера?

— Альфредъ съ нимъ познакомился и представилъ его намъ.

— Онъ вамъ излагалъ свои планы?

— Нѣтъ, но мой братъ въ восторгѣ отъ нихъ. Онъ уже вступилъ въ число членовъ рабочаго союза.

— Кто знаетъ? быть можетъ, въ одинъ прекрасный день и вы очутитесь въ его рядахъ.

— Я не прочь, если союзъ нуждается во мнѣ, — сказала беззаботно Адель и засмѣялась серебристымъ смѣхомъ, похожимъ на щебетъ птички.

— Благодаря залежамъ Ванлея, всѣ члены союза весьма быстро обогатятся.

— Не говорите такъ, — отвѣчала быстро Адель, видимо недовольная словами своего собесѣдника.—Тутъ дѣло идетъ не о наживѣ. М-ръ Мотимеръ на свою долю получитъ не болѣе, чѣмъ каждый изъ работниковъ. Вмѣсто скудной рабочей платы, едва хватающей теперь, при господствѣ капиталистовъ-эксплуататоровъ,

Digitized by Google

на пропитаніе, рабочіе получатъ свой пай изъ общей суммы доходовъ. Излишекъ же употребятъ на пропаганду.

— Пропаганда! заработная плата! капиталисты-эксплуататоры! видно, что вы основательно ознакомились съ дѣломъ. Ахъ! еслибы вы знали, какъ странно звучатъ эти слова въ вашихъ устахъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскричала она, покраснѣвъ.

— Послушайтесь меня,—не привыкайте сыпать такими страшными словами.

— Послѣднее время Альфредъ такъ часто и много толкуетъ о рабочемъ вопросѣ! Но, пожалуйста, не думайте, что я сдѣлалась соціалисткой!—продолжала она быстро:—я ненавижу самое это имя. Въ соціализмѣ слишкомъ много вещей, которыхъ я не одобряю.

Пожалуй, болѣе строгій критикъ посмѣялся бы той значительности, съ которою Адель произнесла послѣднюю фразу.

Такъ какъ Губертъ молчалъ, Адель снова направила бинокль на горизонтъ.

— Вы можете различить вашего брата?—спросилъ Губертъ.

— Я вижу карету... Вонъ тамъ, по дорогѣ. Ахъ! это вѣрно м-ръ Мотимеръ... Онъ, вѣроятно, предложилъ моему брату подвезти его.

— Повидимому, они тѣсно сошлись,—сказалъ Эльдонъ.

— Я боюсь, что они подъѣдутъ къ нашему дому, прежде чѣмъ я успѣю возвратиться.

И, вложивъ бинокль въ футляръ, она собралась уходить. Губертъ предложилъ проводить ее. Они вмѣстѣ пошли назадъ по дорожкѣ мимо стараго сарая.

— Мнѣ ужасно хочется сбѣжать во весь духъ съ холма... Подъ гору такъ легко идти, сами ноги бѣгутъ,—сказала весело дѣвушка.—Я бы вамъ предложила послѣдовать моему примѣру, но вы, кажется, собираетесь повернуть?

— Да, я вернусь въ замокъ. Позвольте мнѣ здѣсь съ вами проститься. Въ понедѣльникъ намъ надо окончательно очистить замокъ.

— Въ понедѣльникъ? — повторила Адель, принимая снова серьезный видъ.—Но вѣдь вы поселитесь очень близко отъ Ванлея?

— Моя мать, да. Что же касается меня, то я, вѣроятно, переѣду въ Лондонъ.

— Вы намѣрены продолжать свое образованіе?

— По всей вѣроятности. До свиданія, миссъ Вальтамъ.

— Вы не будете у насъ? Мамѣ такъ хочется васъ видѣть.

Digitized by Google

— Въ самомъ дѣлѣ? Завтра, напримѣръ, вечеромъ вы будете дома?

— Да, будемъ. Итакъ, до свиданія или лучше—до завтрашняго вечера!—и она медленно пошла по направленію къ деревнѣ.

— Вамъ хотѣлось сбѣжать подъ гору, — сказалъ ей вслѣдъ Губертъ:—что же вы не исполняете вашего намѣренія? Или ужъ не хочется?

Адель, вмѣсто отвѣта, засмѣялась звонкимъ, здоровымъ металлическимъ смѣхомъ.

Она шла тихимъ, ровнымъ шагомъ до того мѣста, гдѣ тропинка пересѣкала большую дорогу.

Затѣмъ она, какъ вихрь, понеслась внизъ, и долго Губертъ Эльдонъ видѣлъ ея развѣвающееся бѣлое платье.

VIII.

Адель подошла къ подъѣзду въ ту самую минуту, когда къ нему подкатила карета Мотимера.

Она, впрочемъ, успѣла уже нѣсколько отдохнуть отъ безумнаго бѣга, такъ какъ благоразумно умѣрила его еще далеко отъ дома. Тѣмъ не менѣе щеки ея ярко разгорѣлись. Мотимеръ неуклюже ей поклонился. Выскочивъ изъ кареты, Альфредъ принялся его съ жаромъ благодарить.

— Я встрѣтился съ вашимъ братомъ на станціи, — сказалъ Мотимеръ Адели.

— Ему полезнѣе было бы прогуляться пѣшкомъ, — смѣясь, отвѣчала та:—онъ совсѣмъ засидѣлся въ своемъ противномъ Бельвикѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, я такъ рѣдко бываю здѣсь по субботамъ, что едва ли стану мѣшать этимъ полезнымъ, какъ вы говорите, прогулкамъ.

Ричардъ приказалъ кучеру ѣхать къ гостинницѣ, гдѣ обыкновенно стояли его лошади.

Братъ и сестра вошли въ подъѣздъ. Въ передней встрѣтила ихъ м-съ Вальтамъ.

— Кажется, м-ръ Мотимеръ довезъ тебя въ своей каретѣ, Альфредъ?—сказала она съ тѣмъ особымъ выраженіемъ взволнованнаго любопытства, которое въ праздныхъ провинціалахъ возбуждаетъ всякій, самый повидимому незначительный, казусъ.

— Да, подвезъ. Кстати я пригласилъ его къ намъ на завтра обѣдать.

Digitized by Google

— Ты хорошо сдѣлалъ,—отвѣчала м-съ Вальтамъ, улыбаясь: —ему, я думаю, очень скучно сидѣть одному въ своей берлогѣ!

На лицѣ Адели явилось выраженіе досады. Но этого не замѣтили ни мать ея, ни Альфредъ. Она спросила, повидимому, совершенно равнодушно:

— Какъ вы думаете, м-ръ Мотимеръ останется у насъ на весь вечеръ?

— Конечно. Почему же ему не остаться?

— Я боюсь, что онъ насъ совсѣмъ задушитъ своими соціалистическими проповѣдями.

— О, не безпокойся, мой другъ!—вскричала м-съ Вальтамъ: —у м-ра Мотимера, конечно, найдется достаточно такта, чтобы не говорить о такихъ вещахъ въ воскресенье.

Альфредъ расхохотался и сказалъ:

— Честное слово, ужъ давно я не слыхалъ такихъ удивительныхъ разсужденій! Какъ будто въ воскресенье запрещено говорить о томъ, что̀ одно можетъ улучшить судьбу рода человѣческаго!

— Соціализмъ заботится только о матеріальномъ благѣ, — отвѣчала м-съ Вальтамъ: —о пищѣ и одеждѣ; шести дней въ недѣлю достаточно, чтобы заботиться объ этомъ.

— Мама̀, право, я умру со смѣху. Подумаешь, вы нашли способъ отдѣлять душу отъ тѣла... Бросьте вы этотъ старый бредъ! Предоставьте справлять шабашъ евреямъ!

— По моему, мама права,—сказала Адель: — вашъ соціализмъ ни о чемъ не заботится, кромѣ тѣла. Намъ должно помнить не только о земномъ, но и о небесномъ.

— Кто вамъ сказалъ, что мы не заботимся о развитіи духовной стороны человѣка?—вскричалъ Альфредъ: —но мнѣ смѣшно слушать разсужденія о презрѣніи къ земному, къ матеріальному отъ обезпеченныхъ, сытыхъ людей! Вы же сами обратили народъ въ безправныхъ рабовъ, съ утра до ночи бьющихся изъ-за корки хлѣба, да еще требуете отъ него какихъ-то духовныхъ стремленій! Все это одно лицемѣріе, и вы, женщины, проѣдены имъ насквозь. Вы живете въ мірѣ жалкихъ химеръ и не хотите видѣть того, что̀ ясно какъ божій день!

Съ тѣхъ поръ какъ Альфредъ сошелся съ Мотимеромъ, онъ сталъ говорить съ особенною рѣзкостью и апломбомъ. Онъ, впрочемъ, и прежде не отличался добродушіемъ и мягкостью—теперь же дома онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы побѣдоносно громить капиталистовъ, пасторовъ и женщинъ, въ особенности женщинъ, при чемъ свою мать и сестру онъ приводилъ какъ

Digitized by Google

особенно яркій примѣръ умственнаго и всяческаго превосходства ихъ пола. Онъ расхаживалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, засунувъ руки въ карманы, и выкрикивалъ свои фразы, не стѣсняясь ни мало въ выраженіяхъ:—Безумцы! идіоты!—такъ и сыпалось съ его языка. Кончалось это тѣмъ, что онъ выбѣгалъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью. И на этотъ разъ споръ грозилъ принять обычное направленіе. Но Адель постаралась во-время остановить его.

— Альфредъ,—сказала она,—я надѣюсь, ты не станешь говорить такимъ тономъ въ присутствіи Летти. Ей это будетъ очень непріятно и больно.

— Ей будетъ непріятно! Это мнѣ нравится! Я долженъ стараться хоть сколько-нибудь развить ее. Вѣдь она получила такое же дикое воспитаніе, какъ и ты.

Въ это время молодая дѣвушка, о которой шла рѣчь, позвонила у дверей. Мы уже видѣли ее въ началѣ нашего разсказа, но тогда она еще не была невѣстой Альфреда. Летти Тью вполнѣ подходила къ роли послѣдней, обѣщала быть доброй, преданной женой и хорошей хозяйкой и матерью.

Природа дала ей мягкій, устойчивый характеръ, и она обожала своего будущаго мужа, хотя въ то же время ужасалась, слушая его еретическія, по ея мнѣнію, рѣчи.

Она очень подружилась съ Аделью. Благодаря словамъ послѣдней, Альфредъ въ этотъ вечеръ старался воздерживаться отъ черезъ-чуръ рѣзкихъ сужденій.

По своему обыкновенію, онъ привезъ съ собою цѣлую кипу ультра-радикальныхъ журналовъ и газетъ.

Между ними выдавался особо крайнимъ направленіемъ „Огненный Крестъ“. Альфредъ прочелъ дамамъ нѣкоторыя выдержки. Тѣ слушали съ видимымъ любопытствомъ, хотя въ особенно сильныхъ мѣстахъ и начинали въ ужасѣ махать на чтеца руками и поднимать глаза къ небу... Мало-по-малу Альфредъ пришелъ въ экстазъ и предложилъ Адели и Летти подписаться на „Огненный Крестъ“.

— Подпишитесь! всего одинъ шиллингъ за три мѣсяца съ доставкой.

Тѣ, разумѣется, отказались.

— Ты забылъ, Альфредъ, что ни она, ни я, не сочувствуемъ соціалистическимъ идеямъ!—вскричала Адель.

— Неправда! Летти станетъ сочувствовать, если я только этого пожелаю, а ты не можешь отъ нея отстать, такъ какъ она—твой другъ.

Digitized by Google

— Папа, можетъ быть, подпишется, я его попрошу,—сказала Летти.—Все-таки будетъ лишній подписчикъ, не правда ли, Альфредъ?

— Разумѣется; мы на подписномъ листѣ поставимъ: Стефанъ Тью, эсквайръ.

— Почему же эсквайръ?—спросила Адель.

— Потому что онъ не принадлежитъ къ числу „чистыхъ“ радикаловъ. Его еще могутъ тѣшить титулы и тому подобныя игрушки.

— Кого же ты называешь „чистыми“?

— Товарищей.

— А женщины какъ должны подписываться?

— Просто по имени: Летти Тью, Адель Вальтамъ...

— Ну, дѣти мои, довольно, однако, заниматься этимъ вздоромъ!—рѣшила мать.

Въ деревнѣ много говорили о новыхъ доктринахъ, которыхъ открыто держался Мотимеръ. М-ръ Вейвернъ сохранялъ полную нейтральность, предоставляя крайностямъ радикальныхъ идей самимъ изобличать свою нелѣпость. Однажды, когда м-съ Мьюлингъ, съ обычнымъ этой особѣ ехидствомъ, спросила его, не принадлежитъ ли и онъ къ соціалистической партіи, клерджименъ отвѣчалъ:—Я ничего не смыслю въ соціальныхъ вопросахъ; я просто христіанинъ.—Съ полдюжины ванлейскихъ коммерсантовъ надѣялись обогатиться, благодаря работамъ, предпринятымъ въ долинѣ. Понятно, что личность Мотимера возбуждала всеобщее любопытство. Достаточно было ему показаться на улицѣ, чтобы всѣ кинулись къ окнамъ; исключая Вальтамовъ, онъ ни съ кѣмъ не познакомился и, повидимому, не имѣлъ никакого желанія водиться съ жителями деревни. Тѣмъ не менѣе, всѣ были убѣждены, что Мотимеръ пріобрѣтетъ большую популярность въ округѣ. Маменьки, имѣвшія дочекъ на выданьѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали, когда, наконецъ, онъ окончательно поселится въ Ванлеѣ. Всѣмъ было ясно, что вѣдь ему понадобится же хозяйка, которая вела бы домъ и разливала супъ за обѣдомъ. Знали, что Мотимеръ холостъ.

Понятно также, какой шумъ и пересуды поднялись, когда обитатели мѣстечка узнали о его крайнихъ убѣжденіяхъ. Извѣстно, что соціалисты не признаютъ ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ; бракъ въ ихъ глазахъ—не болѣе, какъ смѣшной предразсудокъ. Болѣе рьяные утверждали, что все это не болѣе, какъ гнусная клевета; что въ брачномъ вопросѣ личная выгода заставитъ каждаго отказаться отъ всякихъ безумныхъ идей.

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, только и говорили что о Мотимерѣ. Объ Эльдонахъ никто ужъ и не вспоминалъ.

Докторъ Маннъ и слуги ванлейскаго замка, конечно, разболтали о драматической причинѣ болѣзни Губерта. Но даже и это заняло очень не надолго вниманіе мѣстныхъ жителей. Теперь Эльдонами интересовались не болѣе, чѣмъ прошлогоднимъ снѣгомъ.

Одно печалило матерей семействъ, это—что Мотимеръ по воскреснымъ днямъ уѣзжалъ въ Лондонъ и проводилъ тамъ весь день.

Его неожиданный пріѣздъ въ деревню въ субботу повергъ всѣхъ въ глубокое удивленіе. Терялись въ догадкахъ, не намѣренъ ли онъ, наконецъ, явиться на богослуженіе и занять скамейку, остававшуюся пустой съ самой смерти старика Мотимера?

Когда же увидѣли, что Мотимеръ въ воскресенье въ обѣденный часъ отправился къ Вальтамамъ, всѣ пришли въ страшное волненіе. Несомнѣнно, м-съ Вальтамъ, думавшая прежде отдать Адель за молодого Эльдона, теперь перемѣнила фронтъ и принялась атаковать новаго владѣльца ванлейской долины. Не безъ ехидства замѣчали, что м-ръ Мотимеръ сталъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣстителемъ Губерта Эльдона.

Между тѣмъ м-съ Мьюлингъ странствовала отъ одной кумушки къ другой, всюду сообщая „положительныя“ извѣстія о матримоніальныхъ планахъ м-съ Вальтамъ.

— Какова интриганка!—восклицала она, дополняя новыми и новыми подробностями сплетню, разраставшуюся, благодаря ея стараніямъ, подобно катящемуся кому снѣга.

Между тѣмъ Ричардъ, ни мало не тревожась ни о деревенскихъ сплетняхъ, ни о воскресной службѣ, очень пріятно проводилъ послѣ-обѣденное время у Вальтамовъ.

Хотя онъ еще не могъ различить оттѣнковъ обращенія и обстановки, кладущихъ такую рѣзкую грань между „порядочными“ и „не-порядочными“ людьми, тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ, что Вальтамы—не чета прочимъ мѣстнымъ жителямъ. Все въ нихъ поражало его утонченностью. Несмотря на свой радикализмъ, онъ теперь сталъ обращать большое вниманіе на манеры и старался самъ усвоить себѣ порядочность и хорошій тонъ.

За обѣдомъ онъ велъ себя съ крайней осмотрительностью. Онъ уже зналъ, какъ держать ножъ и вилку, зналъ, что пить и жевать надо безъ шума, но еще былъ способенъ взять руками кость или обтереть руки о скатерть.

Онъ мало говорилъ за столомъ, а больше наблюдалъ за другими.

Развязность Альфреда его непріятно поразила по сравненію

Digitized by Google

съ его сестрой. Эта послѣдняя казалась ему истиннымъ воплощеніемъ хорошаго тона и порядочности.

Ричардъ, насколько позволяла вѣжливость, разсматривалъ ее. Благодаря неистощимой болтовнѣ Альфреда, онъ могъ свободно предаваться своимъ мыслямъ и наблюденіямъ. Онъ представлялъ себѣ на мѣстѣ Адели, сидѣвшей противъ него, другую дѣвушку, однихъ съ нею лѣтъ, и мысленно сравнивалъ ихъ обѣихъ. Что, еслибы за этимъ столомъ сидѣла Эмма (тутъ краска бросилась ему въ лицо)—не та бѣдно одѣтая работница, какою до сихъ поръ она была, но въ такомъ же богатомъ, нарядномъ платьѣ, какъ и Адель?..

Въ эту минуту Адель обратилась къ нему съ какимъ-то вопросомъ. Онъ поднялъ глаза. Голосъ молодой дѣвушки проникъ до глубины его души, взволновалъ, потрясъ его... Стояла восхитительная погода. Окна были открыты и теплый, благовонный воздухъ мягкими волнами вливался въ комнату. Птицы громко щебетали подъ окнами. Столъ украшали только-что срѣзанные цвѣты—даръ обильнаго лѣта.

Ричарду представился скверъ между Гокстономъ и Ислингтономъ, по сосѣдству съ смрадными водами канала Регента... Тамъ, въ одномъ изъ маленькихъ, некрасивыхъ домиковъ, живетъ Эмма съ сестрами. Онъ вспомнилъ, что теперь какъ разъ часъ ихъ обѣда, и почувствовалъ, что еслибы ему предложили на выборъ—остаться здѣсь или очутиться въ Лондонѣ возлѣ его невѣсты, то онъ предпочелъ бы первое... Голосъ Адели прогналъ эти мысли; онъ забылъ о душномъ лондонскомъ кварталѣ, все забылъ... И долженъ былъ теперь сознаться, что слово „лэди“, къ которому онъ прежде относился съ такимъ презрѣніемъ, вдругъ пріобрѣло въ его глазахъ глубокій смыслъ.

Когда за дессертомъ Адель стала чистить апельсинъ, Ричардъ съ чувствомъ невольнаго восхищенія слѣдилъ за тѣмъ, какъ ея тонкіе пальчики отдѣляли золотистую кожу плода костянымъ ножикомъ. Съ какой граціей и изяществомъ умѣла она дѣлать такую простую вещь!

До этого времени Ричардъ всегда видѣлъ, что съ апельсина ногтями сдираютъ кожу, причемъ сокъ брызжетъ во всѣ стороны и течетъ по грязнымъ пальцамъ...

Изумительное превращеніе! Ричардъ Мотимеръ сталъ заботиться объ эстетикѣ!

Когда обѣдъ кончился, м-съ Вальтамъ сказала шутливымъ тономъ:

Digitized by Google

— Полагаю, вы настолько испорчены, что пожелаете теперь закурить.

— Мы не только желаемъ курить,—вскричалъ Альфредъ,—но и намѣрены пить кофе въ саду. Такимъ образомъ, ваша мебель не пострадаетъ отъ табачнаго дыма.

— А, понимаю васъ! вамъ хочется отдѣлаться отъ насъ и остаться однимъ!

— Ни за что въ мірѣ, — отвѣчалъ Альфредъ.—Просто мы не желаемъ васъ лишить обычнаго воскреснаго удовольствія.

— Сынъ намекаетъ на мою привычку послѣ обѣда въ воскресенье немного подремать,—объяснила м-съ Вальтамъ.

— Что касается меня, — сказалъ Мотимеръ, взглянувъ на Адѣль,—то я вовсе ужъ не такъ хочу курить!

— О, вы напрасно, м-ръ Мотимеръ, хотите стѣснить себя ради меня. Чтобы вамъ доказать, что я совершенно равнодушна къ табачному дыму, я къ вамъ приду черезъ полчаса,—сказала м-съ Вальтамъ своему гостю.

Затѣмъ Ричардъ съ Альфредомъ вышли въ садъ. Адель сидѣла задумчивая и печальная. Ея мать, усѣвшись у окна, мечтательно смотрѣла на голубое небо, думая между тѣмъ о самыхъ земныхъ, практическихъ вещахъ.

Адель первая нарушила молчаніе, объявивъ о намѣреніи сходить къ своей подругѣ Летти Тью, чтобы поговорить съ ней объ одномъ дѣлѣ. Затѣмъ она удалилась.

Она нашла Летти въ саду съ ея маленькими сестрами. Онѣ занимались чтеніемъ душеспасительной книжки. Младшая, пятилѣтняя крошка, бросилась къ Адели, и когда та наклонилась къ ней, крѣпко обняла ее шею ручонками и повисла на ней. Затѣмъ она изъявила настойчивое желаніе сѣсть въ ней верхомъ на колѣно и поиграть въ лошадку, но старшая сестра, тринадцатилѣтняя дѣвочка, отличавшаяся болѣе твердыми религіозными убѣжденіями, сказала, сдѣлавъ гримасу:

— Фи! въ воскресенье играть въ лошадки!

Крошка сконфузилась и отошла въ сторону. Адель выразила Летти желаніе поговорить съ нею наединѣ. Онѣ углубились въ одну изъ аллей и стали тамъ прохаживаться, обнявшись.

— Я ужасная дура!—сказала Адель.—Вообрази, Мотимеръ теперь у насъ, его Альфредъ пригласилъ обѣдать, а я позвала м-ра Эльдона къ намъ въ четыре часа; онъ зайдетъ проститься передъ отъѣздомъ.

— Я думаю, что ему не особенно пріятно будетъ встрѣтиться съ Мотимеромъ.

Digitized by Google

— Въ томъ-то и бѣда. Я боюсь, онъ очень будетъ недоволенъ: я сказала, что у насъ никого не будетъ; понимаешь, какъ это все непріятно?

— Да, неловко вышло. Но вѣдь, я думаю, м-ръ Эльдонъ пойметъ, что все произошло случайно, и извинитъ тебя!

Послѣ небольшой паузы она продолжала:

— Вотъ какая мнѣ пришла мысль: ты жди у дверей, когда придетъ м-ръ Эльдонъ. Тогда ты встрѣтишь его и скажешь, что братъ безъ твоего вѣдома пригласилъ Мотимера. Такимъ образомъ ты выпутаешься изъ затрудненія.

— Нѣтъ, вотъ какъ я сдѣлаю,—сказала Адель.—Я пойду какъ будто бы гулять по направленію къ ванлейскому замку, и такимъ образомъ встрѣчусь съ м-ромъ Эльдономъ и предупрежу его, что у насъ сидитъ его врагъ.

Летти нашла эту мысль счастливой, хотя немножко и смѣлой; но Адель увѣряла, что Эльдонъ посмотритъ на это съ хорошей стороны и будетъ ею доволенъ.

— Какъ бы то ни было, а надо дѣйствовать,—заключила она.—Я потомъ зайду къ тебѣ и разскажу о результатахъ моей прогулки.

И подруги разстались.

Адель пошла мимо церкви и пасторскаго дома по дорогѣ къ замку. Она старалась идти какъ можно тише. На половинѣ пути она замѣтила Эльдона. Взглядъ его, когда онъ ее увидѣлъ, не выразилъ ни удивленія, ни особеннаго равнодушія. Только легкая улыбка скользнула на его губахъ.

— Я нарочно вышла къ вамъ на встрѣчу,—сказала дѣвушка:—такъ досадно, обстоятельства такъ сложились... Вчера Альфредъ, оказывается, пригласилъ м-ра Мотимера къ намъ обѣдать. Я не знала объ этомъ. Теперь онъ сидитъ у насъ. Я рѣшила выйти къ вамъ на встрѣчу и предупредить васъ.

— Какъ вы добры!—вскричалъ Губертъ:—мнѣ дѣйствительно было бы очень непріятно встрѣтиться у васъ съ Мотимеромъ. Быть можетъ, вы находите, что это недостатокъ характера съ моей стороны?

— Нѣтъ, я понимаю васъ; вчера вы говорили о работахъ, обезобразившихъ долину, и я все поняла.

— Немного найдется людей, которые поймутъ меня такъ же, какъ вы!

Въ эту минуту Адель имѣла неудовольствіе замѣтить м-съ Мьюлингъ; она также, повидимому, шла къ замку. Она посмотрѣла на Адель, и въ ея взглядѣ, повидимому, ничего не вы-

Digitized by Google

разилось кромѣ добродушія и расположенія къ молодой дѣвушкѣ. Обмѣнявшись еще нѣсколькими фразами, молодые люди разстались.

Адель вернулась какъ разъ къ тому времени, когда м-съ Вальтамъ собралась идти въ садъ къ курильщикамъ.

Прежде чѣмъ послѣдовать за своей матерью, Адель посмотрѣла въ зеркало и приложила ладони къ своимъ разгорѣвшимся щекамъ. Альфредъ дымилъ въ саду какъ фабричная труба. Мотимеръ сидѣлъ праздно.

— Прекрасная вещь—отдыхъ!—вскричала, подходя къ нимъ, м-съ Вальтамъ:—я всегда это повторяю, особенно когда подумаю о бѣдныхъ бельвикскихъ рабочихъ. Я надѣюсь, м-ръ Мотимеръ, вы сохраните за воскреснымъ днемъ то значеніе, которое онъ долженъ имѣть въ жизни трудящагося люда?

— Безъ сомнѣнія. Я не только не уничтожу воскреснаго отдыха, но еще увеличу число праздничныхъ дней. Но, знаете, въ большихъ городахъ рабочіе въ воскресенье весь день слоняются по улицамъ и едва ли отдыхаютъ. Такъ что, по моему, праздники приносятъ тамъ болѣе зла рабочимъ, чѣмъ добра.

— Они никогда не бываютъ у воскресной службы?—спросила Адель.

— За рѣдкими исключеніями, рабочіе освобождаютъ себя отъ этой обязанности.

— Тогда совершенно понятно, почему воскресный отдыхъ приноситъ имъ такъ мало пользы,—сказала Адель сухо.

М-съ Вальтамъ почла нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ:

— Неужели вы говорите это серьезно? Я положительно не хочу вѣрить, чтобы рабочіе были такъ равнодушны къ религіи: это было бы слишкомъ печальное явленіе!

— Я сказалъ то, что видѣлъ, — отвѣчалъ Мотимеръ. — У рабочихъ не хватаетъ времени на то, чтобы заботиться о спасеніи своихъ душъ.

— Да и стоитъ ли тратить время на такое безполезное дѣло!—вскричалъ яростно Альфредъ.

— Они могли бы этотъ день посвящать благочестивымъ размышленіямъ.

— Да и кромѣ воскресенья у рабочихъ есть свободное время по вечерамъ, — сказала Адель.

— Къ счастію для васъ, миссъ Вальтамъ, вамъ не придется никогда испытать жизнь, какую ведутъ рабочіе. Работникъ не имѣетъ свободнаго времени: душа и тѣло его принадлежатъ нанимателю. О какой свободѣ можетъ думать человѣкъ подавленный

Digitized by Google

нуждой? Голодная смерть грозитъ ему ежеминутно: заболѣй онъ, потеряй работу, и онъ погибъ. Всю жизнь борется онъ съ нуждой, имѣя въ перспективѣ умереть гдѣ-нибудь въ госпиталѣ. Будьте же справедливы! Можно ли осуждать его за то, что онъ подавленъ матеріальными заботами и не въ состояніи думать еще о чемъ бы то ни было! Религія даетъ духовную пищу, говорите вы, но развѣ по своей винѣ лишенъ рабочій благъ религіи? Вы говорите: рабочій свободенъ по вечерамъ! Удѣлите мнѣ минуту вниманія, и я опишу вамъ вечеръ современнаго пролетарія. Онъ возвращается съ фабрики въ шесть часовъ, изнемогая отъ усталости. Замѣтьте, на слѣдующій день онъ долженъ подняться въ пять часовъ утра и идти на работу. Капиталистъ, съ одной стороны, разсчитываетъ такъ, чтобы рабочій за день сдѣлалъ возможно больше работы, и чтобы все-таки на слѣдующій у него хватило силъ встать на зарѣ и опять работать до вечера; съ другой, онъ понижаетъ заработную плату до minimum'а. Неужели вы думаете, что фабрикантъ позволилъ бы рабочему, такъ сказать, утаить у него часть физическихъ и умственныхъ силъ и истратить ихъ на себя? Никогда. Капиталистъ, въ рукахъ котораго все, который можетъ провести какой угодно законъ, держится принципа: всѣ силы рабочаго принадлежатъ его хозяину. Что можетъ сдѣлать въ такомъ случаѣ для рабочаго религія? А вы требуете отъ него еще благодарственныхъ гимновъ! Рабочему не за что благодарить небо, миссъ Вальтамъ.

— Все, что вы говорите, очень прискорбно,—сказала молодая дѣвушка.

Ричардъ продолжалъ, обращаясь по прежнему къ одной Адели:

— Случалось ли вамъ видѣть поѣзда, утромъ, по удешевленнымъ цѣнамъ, отвозящіе въ Лондонъ рабочихъ? Мужчины, женщины, дѣти, все смѣшалось. Душные, грязные вагоны набиты биткомъ. Рабочіе дремлютъ, прислонивъ голову на плечи другъ другу. Какое жалкое и въ то же время какое ужасное зрѣлище представляетъ это скопище людей, которыхъ везутъ какъ рабочій скотъ на фабрики капиталистовъ! О, еслибы вы видѣли, еслибы вы могли представить себѣ, какова жизнь, каковы нравы этихъ безправныхъ, забитыхъ людей, вы пожалѣли бы ихъ,—да, ваше сердце мучительно сжалось бы отъ состраданія! И такъ будетъ, пока богачи могутъ безнаказанно притѣснять бѣдныхъ; такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока хозяева не перестанутъ смотрѣть на рабочихъ какъ на людей другой, низшей расы; пока между тѣми и другими существуетъ антагонизмъ и недовѣріе; пока страшная

Digitized by Google

бездна лежитъ между ними; пока въ мірѣ царитъ золотой тѣлецъ — капиталъ.

Щеки Адели пылали. Въ первый разъ она слышала такую властную и смѣлую рѣчь, звучавшую неподдѣльнымъ паѳосомъ, проникнутую искреннимъ жаромъ.

— Я чувствую, — сказала она, — что у меня недостаточно краснорѣчія и знаній, чтобы отстоять свои убѣжденія.

— Вы можете повѣрить мнѣ, мисъ Вальтамъ. Я знаю жизнь рабочихъ, и кромѣ того, у меня былъ необходимый досугъ, чтобы всесторонне изучить рабочій вопросъ. Я много читалъ, много думалъ, мнѣ часто приходилось толковать объ этомъ со своими собратьями. Мнѣ выпала, сравнительно, счастливая доля. Мои родители были люди трудолюбивые, дѣятельные и экономные. Мы всѣ, братья и сестры, воспитывались на твореніяхъ великихъ экономистовъ. Не будь этого, и я остался бы такимъ же невѣжественнымъ, какъ мои собратья. И все же, хотя мы имѣли нѣкоторый достатокъ, мы только потому съумѣли сохранить свое независимое положеніе, что работали безъ отдыха, не покладая рукъ, не щадя силъ. Когда умеръ отецъ, пришлось наблюдать строжайшую экономію. Потомъ, когда мы стали на ноги и могли сами заработывать хлѣбъ, мы стали еженедѣльно вносить небольшую сумму въ сберегательную кассу.

— Въ сберегательную кассу? — переспросила Адель удивленно.

— Среди рабочихъ образованъ особаго рода фондъ, которымъ всякій можетъ пользоваться въ случаѣ болѣзни или прекращенія работъ. Какъ видите, я находился не въ особенно блестящемъ положеніи. Чтобы хоть сколько-нибудь развить и образовать себя, я былъ принужденъ урывать отъ необходимаго отдыха часъ-другой, лишать себя сна, прогулки, чтобы имѣть возможность прочесть нѣсколько книгъ. Но еще неизвѣстно, чѣмъ бы я кончилъ: за сорокъ-восемь часовъ до смерти моего дяди я очутился безъ мѣста; мои хозяева, узнавъ о моихъ соціалистическихъ убѣжденіяхъ, меня прогнали! Ну, и не найди я тогда другого мѣста, что̀ сталъ бы я дѣлать? Иного источника доходовъ, кромѣ эксплуатаціи собственныхъ мускуловъ, у меня не было. Я умеръ бы съ голода.

Адель внимательно слушала Мотимера, пристально вглядываясь въ его лицо. Альфредъ не разъ говорилъ въ такомъ же родѣ, но никогда на нее не производили впечатлѣнія его тирады; теперь же слова Мотимера потрясли ее. М-съ Вальтамъ, также съ широко раскрытыми глазами и съ видомъ величайшаго

Digitized by Google

удивленія, слушала новаго хозяина ванлейскаго замка. Она находила, что онъ поступаетъ безтактно, что ему слѣдовало бы поменьше распространяться о своемъ пропломъ. Добрая дама хотѣла уже какъ-нибудь обинякомъ дать понять неблаговоспитанному Мотимеру, что въ обществѣ говорить о рабочемъ вопросѣ и о жизни, какую ведетъ пролетаріатъ, лучше въ третьемъ лицѣ.

Наступилъ часъ вечерняго чая. Альфредъ и мать семейства ушли въ столовую. Видя, что Мотимеръ намѣренъ еще долго говорить объ интересовавшихъ его вещахъ, Адель сочла необходимымъ составить ему компанію. Они остались одни.

— Вы, можетъ быть, находите, — сказалъ Ричардъ,—что я говорю съ излишней горячностью. Истина одна, но существуютъ разныя манеры трактовать о ней. Я не умѣю говорить съ приличной сдержанностью. Я знаю, слушателямъ, вѣроятно, тяжела и непріятна моя манера, и къ тому же я касаюсь такихъ наболѣвшихъ вопросовъ, показываю такія глубокія язвы, изъѣвшія нашъ соціальный организмъ, что, говоря о чьихъ-либо страданіяхъ, мнѣ кажется, никто не станетъ заботиться о томъ, чтобы получше закруглить періодъ... если онъ дѣйствительно сочувствуетъ этимъ страданіямъ. Мнѣ кажется, вы мало сочувствуете моимъ убѣжденіямъ? Мнѣ кажется, вы меня приняли за бунтовщика?

— Мнѣ кажется, ваша ошибка—въ томъ, что вы не желаете замѣчать, какъ всякому равно выпадаютъ въ этой жизни горести, а вмѣстѣ съ тѣмъ у всѣхъ, и у богатыхъ, и у бѣдныхъ, есть и свои радости.

— Ахъ! миссъ Вальтамъ, еслибы вы могли проникнуть въ жилища рабочихъ, еслибы вы своими глазами увидѣли жизнь, которую они ведутъ,—вы поняли бы, какія это „радости“ выпадаютъ на долю бѣднякa, и вашъ всепримиряющій оптимизмъ нѣсколько поколебался бы. Моя манера говорить близка къ манерѣ вашего брата. Боюсь, на васъ она дѣйствуетъ отталкивающимъ образомъ.

Адель отрицательно покачала головой.

— Будьте увѣрены,—сказала она,—я вовсе не отношусь къ страданіямъ рабочихъ съ такимъ равнодушіемъ, какъ большинство живущихъ въ достаткѣ. Но, во всякомъ случаѣ, я не вижу, чѣмъ я могу тутъ помочь.

— Позвольте мнѣ вамъ сказать,—отвѣчалъ Ричардъ снисходительнымъ тономъ, — вы напрасно такъ думаете. Въ нашемъ союзѣ можетъ участвовать всякій. Но притѣснители не знаютъ или не хотятъ знать страданій угнетенныхъ, а потому и не хотятъ позаботиться объ ихъ интересахъ.

Digitized by Google

— Съ своей стороны, я никого не угнетаю,—сказала сухо Адель, теряя терпѣніе.

— На вашихъ глазахъ лежитъ повязка. Вы не понимаете, что если вы пользуетесь комфортомъ, то это потому лишь, что народъ не имѣетъ даже необходимаго. Надъ каждой мелочью вашего туалета работали на фабрикахъ тѣ, которымъ никогда не придется ихъ носить. Современный порядокъ вещей кажется вамъ нормальнымъ, вы не замѣчаете, что ваше благополучіе основано на угнетеніи народныхъ массъ; но еслибы вы хорошенько вглядѣлись въ то, что кругомъ васъ дѣлается, вы не считали бы себя непричастной страданіямъ рабочихъ.

Альфредъ, наконецъ, явился звать ихъ пить чай.

— Вы проповѣдуете въ пустынѣ, дружище! — сказалъ онъ насмѣшливо защитнику народныхъ правъ.—Логика, строгая аргументація, а главное—справедливость, не имѣютъ никакого значенія для женщинъ.

Послѣ чая Мотимеръ простился. М-съ Вальтамъ съ дочерью отправились къ вечернѣ. Альфредъ же продолжалъ курить, сидя въ саду.

Возвращаясь изъ церкви, Адель взяла подъ руку Летти Тью, и обѣ подруги пошли впередъ, оставивъ м-съ Вальтамъ болтать съ неистощимою по части новостей м-съ Мьюлингъ.

То-и-дѣло эта послѣдняя приникала къ уху почтенной м-съ Вальтамъ и начинала шептать давнымъ-давно уже разнесенные ею по всѣмъ закоулкамъ секреты.

Неизвѣстно, о чемъ именно бесѣдовали обѣ дамы, но только часа черезъ два, когда уже Вальтамы давно были дома, мать вошла въ комнату своей дочери и, устремивъ на нее проницающій взглядъ, произнесла слѣдующія таинственныя слова:

— Я не могу допустить, чтобы подъ какимъ бы то ни было предлогомъ вы позволяли себѣ сходить съ истиннаго пути, Адель. Вы меня понимаете, надѣюсь?

— Я не сдѣлала ничего такого, за что бы вы могли упрекать меня, мама,—отвѣчала Адель, поднимая глаза къ небу.—Мнѣ надо было только сказать кое-что Летти.

— Все это одно притворство. Молодая дѣвушка прежде всего должна сохранять достоинство, а главное, помнить, что отъ глазъ сосѣдей ничего не скроется и все будетъ перетолковано въ худую сторону.

— Выслушайте меня, мама, и вы увидите, что я ни въ чемъ не виновата. Я пошла къ Летти, чтобы посовѣтоваться съ нею, какъ мнѣ выпутаться изъ затруднительнаго положенія, въ

Digitized by Google

которое я попала. Вчера я совершенно случайно встрѣтилась съ м-ромъ Эльдономъ. Онъ пожелалъ васъ видѣть передъ отъѣздомъ, и я его пригласила къ намъ на сегодняшній вечеръ. Я не знала, что Альфредъ пригласитъ съ своей стороны Мотимера. Встрѣтиться у насъ съ послѣднимъ м-ру Эльдону было бы очень непріятно; я рѣшила его предупредить. М-съ Мьюлингъ видѣла меня около Ванлея и вызела, по своему обыкновенію, изъ этого Богъ знаетъ что.

— Мнѣ это очень непріятно. Я не желаю, чтобы ты видѣлась съ Эльдономъ.

— Не желаете, чтобы я съ нимъ видѣлась!—вскричала Адель сокрушеннымъ тономъ.

— Да, дочь моя. Если я не говорила еще съ тобою о м-рѣ Эльдонѣ, то это потому лишь, что я думала, что между вами все кончено. Въ прошлый вторникъ, когда я отправилась къ несчастной лэди Эльдонъ, я нарочно не взяла тебя съ собою: я не желала, чтобы ты встрѣтилась съ ея ужаснымъ сыномъ.

— Съ м-ромъ Эльдономъ... но почему же?

— Мнѣ кажется, лучше сказать тебѣ все, хотя тебѣ бы и не слѣдовало никогда и слышать объ этихъ вещахъ. Необходимо открыть тебѣ глаза. Знай, что поведеніе м-ра Эльдона во время его пребыванія на континентѣ было самое непозволительное. Въ то самое время, когда его дядя лежалъ на смертномъ одрѣ, онъ предавался самому ужасающему распутству въ Парижѣ.

Адель въ ужасѣ сложила руки и глубоко вздохнула. „Распутство!—предавался распутству въ Парижѣ“! Въ глазахъ Адели этотъ городъ отождествлялся съ библейскимъ Содомомъ. Рано или поздно, мерзости, творившіяся въ немъ, должны были, по ея искреннему мнѣнію, привлечь на него гнѣвъ небесный! Она не могла сомнѣваться въ истинѣ словъ своей матери. Отсутствіе м-ра Эльдона на погребеніи его дяди подтверждало все непобѣдимымъ образомъ. Щеки Адели горѣли. Мысль, что она такъ довѣрчиво относилась еще сегодня къ этому ужасному человѣку, наполняла мучительной тоской ея сердце.

Восхищенная впечатлѣніемъ, которое ей удалось произвести, м-съ Вальтамъ продолжала:

— Покойный м-ръ Мотимеръ былъ такъ возмущенъ поведеніемъ Губерта Эльдона, о подвигахъ котораго трубила молва, что разорвалъ свое завѣщаніе, а по этому завѣщанію молодой человѣкъ долженъ былъ стать единственнымъ наслѣдникомъ всего его состоянія. Безъ сомнѣнія, огорченіе и свело этого достойнаго человѣка въ могилу. Знай, кромѣ того, что болѣзнь м-ра

Digitized by Google

Эльдона вызвана раной, полученной имъ на дуэли, мотивы которой не служатъ къ его чести. Теперь, мое дитя, ты не будешь досадовать на меня за то, что я выговариваю тебѣ за твои встрѣчи съ подобнымъ господиномъ близь ванлейскаго замка! Я боялась, не было ли это формальнымъ свиданіемъ, но твои объясненія разсѣяли мои сомнѣнія. Къ несчастію, другіе могутъ посмотрѣть на это иначе. Надо быть осторожной, милочка. Не могу выразить, какъ я рада, что этотъ испорченный молодой человѣкъ уѣзжаетъ отсюда! Мнѣ жаль, искренно жаль бѣдную лэди Эльдонъ. Могла ли она думать, что ея собственный родной сынъ причинитъ ей столько горя!

Адель молчала. Сердце ея мучительно сжалось.

— Въ концѣ концовъ, — заключила мать,—я должна сознаться —старыя аристократическія фамиліи дѣйствительно начинаютъ вырождаться. Необходимо, чтобы кровь обновлялась притокомъ новой, свѣжей крови молодыхъ сословій. Надо благодарить судьбу, что состояніе стараго Мотимера не попало въ руки этого повѣсы; тотъ, кто имъ владѣетъ теперь, во всякомъ случаѣ не расточитъ и не промотаетъ его безполезно,—за это можно ручаться. Ну, довольно. Обними меня, мое дитя. Быть можетъ, я тебѣ сказала болѣе, чѣмъ слѣдовало, но ты для меня всего дороже, я мать, и должна охранять тебя, неопытное дитя мое!

За симъ м-съ Вальтамъ вернулась въ свою комнату, весьма довольная собой. Послѣ краткаго, но исполненнаго глубокомыслія размышленія она мирно заснула, чувствуя, что на душѣ ея спокойно.

Бѣдная Адель долго не могла заснуть. Въ первый разъ въ ея невинной душѣ пробудилось недовольство, въ первый разъ она роптала на жестокость судьбы!

IX.

Чувство семейной привязанности было сильно развито у Ричарда Мотимера; тѣмъ не менѣе, какъ и всѣ англійскіе рабочіе, онъ не любилъ выказывать его и терпѣть не могъ чувствительныхъ изліяній.

Никогда у него не находилось нѣжнаго слова для своихъ домашнихъ; онъ говорилъ съ ними сурово и повелительно, а подъ-часъ и гнѣвно. А между тѣмъ онъ прежде всего заботился о благополучіи своей матери, сестры и гуляки-брата.

Когда богатство неожиданно свалилось ему съ неба, онъ обрадованъ былъ имъ въ равной мѣрѣ какъ за себя, такъ и за нихъ.

Digitized by Google

Теперь всѣ его помышленія сосредоточивались на Гигбюри, куда переѣхало его семейство изъ Вильтонъ-сквера. Онъ оставилъ въ невѣденіи свою сестру и Генри относительно величины полученнаго имъ состоянія. Они знали только, что одинъ изъ ихъ родственниковъ оставилъ ему значительный капиталъ и недвижимость, но что, тѣмъ не менѣе, никакихъ особенно розовыхъ перспективъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, имъ ожидать нечего. Если теперь Алиса могла оставить свое скромное мѣсто, носить болѣе элегантные наряды и даже брать уроки музыки, если Генри теперь могъ перемѣнить свое положеніе комми на заводѣ свинцовыхъ издѣлій и заняться чѣмъ-либо болѣе пріятнымъ, то всѣмъ этимъ они обязаны единственно Ричарду.

М-съ Мотимеръ согласилась поддерживать ихъ въ невѣденіи.

Однако Ричардъ зналъ, что рано или поздно они должны узнать истину, а въ такомъ случаѣ предвидѣлась масса затрудненій и непріятностей. На Алису еще можно было положиться, но Генри, типичный представитель дэмоса, крайне его безпокоилъ.

Ричардъ старался сдерживать порочныя наклонности своего брата. Онъ понималъ, что разъ Генри забьетъ себѣ въ голову, что онъ богатъ, его уже невозможно будетъ держать въ рукахъ. Онъ старался хоть сколько-нибудь образовать и развить его. Положеніе комми не обѣщало ничего въ будущемъ. Онъ настоялъ, чтобы Генри слушалъ курсъ въ минной школѣ и готовился въ инженеры. На этомъ пути онъ могъ мало-по-малу привыкнуть къ серьезному умственному труду и понять цѣну знаній, могъ занять видное положеніе въ промышленномъ мірѣ и со временемъ даже стать во главѣ какого-нибудь большого промышленнаго предпріятія.

Такимъ образомъ, онъ выйдетъ изъ низшаго слоя общества и вступитъ въ образованный кругъ.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца Генри весьма усердно работалъ въ чаяніи будущихъ благъ, а Ричардъ внимательно слѣдилъ за его занятіями и надзиралъ за поведеніемъ. Онъ рѣшилъ пріѣхать въ воскресенье въ Ванлей и остаться тамъ на нѣсколько дней, чтобы, внезапно вернувшись въ Лондонъ, видѣть, какъ ведетъ себя Генри въ его отсутствіе, и также ли прилежно занимается, какъ и при немъ.

Былъ и еще мотивъ, болѣе интимнаго свойства, который заставлялъ Ричарда продлить свое пребываніе въ Ванлеѣ.

Эльдоны выѣхали, и ничто болѣе ему не препятствовало поселиться въ замкѣ и жениться на Эммѣ. Но въ послѣднее время онъ находился въ странномъ состояніи: какое-то непонятное ему

Digitized by Google

самому лихорадочное волненіе охватило его; онъ напрасно старался побѣдить его; мучительныя чувства не давали ему покоя; мысли, отъ которыхъ онъ не могъ отдѣлаться, тѣснились въ его умѣ, тревожили даже во снѣ. Ночь съ воскресенья на понедѣльникъ прошла особенно мучительно.

Вернувшись отъ Вальтамовъ, онъ думалъ отогнать навязчивыя мечты, занявшись своей корреспонденціей. Но перо валилось изъ его рукъ. Онъ пошелъ бродить по окрестностямъ, поднялся на Станбюри, надѣясь физической усталостью побѣдить нравственное волненіе. Но его обычное спокойствіе не возвращалось къ нему. Онъ вернулся въ такомъ же возбужденномъ состояніи, въ какомъ былъ и до прогулки.

Онъ началъ тогда письмо къ Эммѣ, но не могъ связать двухъ фразъ. Въ словахъ его чувствовались фальшь, искусственность. Онъ придумывалъ, что̀ сказать, и увы! ему нечего было сказать ей. Онъ не рѣшился назначить роковой срокъ свадьбы и отложилъ это до времени. „Вернусь въ Лондонъ, тогда на словахъ все и порѣшимъ“,—утѣшалъ онъ себя. Эмма казалась теперь такъ далеко отъ него! Онъ даже не могъ представить себѣ ея лица. Совсѣмъ о другомъ онъ думалъ, а между тѣмъ меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ ихъ союзъ долженъ быть заключенъ.

Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ около шести часовъ, взялъ фіакръ, который и доставилъ его къ подъѣзду двухъ-этажнаго, весьма приличнаго, загороднаго домика, съ большими окнами, весьма элегантнымъ фасадомъ, осѣненнымъ нѣсколькими прекрасными, старыми деревьями.

По этой улицѣ были все такіе дома. Ричардъ засталъ все семейство въ гостиной. Внѣшность самихъ членовъ фамиліи Мотимеровъ, какъ и вся обстановка комнаты, показывали уже, какая перемѣна произошла въ ихъ матеріальномъ положеніи. Но если м-съ Мотимеръ и была лучше одѣта, ея манеры не перемѣнились. Генри носилъ теперь всю недѣлю такое платье, какое прежде надѣвалъ только по воскреснымъ днямъ, и даже душился. Перстень внушительныхъ размѣровъ красовался на его мизинцѣ. Едва онъ замѣтилъ входящаго Ричарда, какъ быстро снялъ перстень и спряталъ въ карманъ своего жилета.

Что касается Алисы, то къ ней Ричардъ относился гораздо снисходительнѣе. Хотя онъ порою и возмущался ея любовью къ роскоши, но тѣмъ не менѣе ему пріятно было видѣть ее хорошо одѣтой, и онъ самъ потакалъ ей въ этомъ отношеніи.

Тоненькая, изящная серебряная цѣпочка, которую она носила на шеѣ, была подарена ей имъ самимъ, и онъ долженъ

Digitized by Google

былъ сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не поддаться желанію купить ей золотую. Благодаря вкусу молодой дѣвушки и умѣнью шить, она гораздо болѣе походила на настоящую даму, чѣмъ ея товарки.

Мало того, желая, чтобы его сестра вполнѣ пріобрѣла обликъ дѣвушки изъ порядочной семьи, онъ внушилъ своей матери, что Алиса должна непремѣнно заказывать платья у модной портнихи, и предоставилъ ей въ этомъ отношеніи полную свободу дѣйствій.

Результатъ превзошелъ всѣ его ожиданія. Молодая дѣвушка, отъ природы не лишенная граціи, съ тонкой, стройной таліей, съ хорошенькимъ личикомъ, къ тому же нѣсколько лѣтъ бывшая продавщицей въ модномъ магазинѣ, очень скоро научилась носить ловко сшитое и элегантное платье и безъ труда усвоила внѣшность чистокровныхъ „лэди“. На этотъ разъ нарядъ ея особенно шелъ къ ней. Она перемѣнила свою прежнюю, слишкомъ экстравагантную прическу на болѣе скромную и болѣе comme il faut.

Въ ту минуту, какъ ея братъ входилъ, она держала кусочекъ пирога и ѣла его съ такой граціей и деликатностью, какой до сихъ поръ Ричардъ никогда въ ней не замѣчалъ.

— Мы только-что говорили о тебѣ, Ричардъ, — сказала м-съ Мотимеръ:—не правда ли, Алиса? Хочешь чаю или котлетку?

— Достаточно одного чаю, — сказалъ Ричардъ, повидимому находившійся не въ особенно пріятномъ расположеніи духа.

— Ты сегодня былъ на лекціяхъ?—обратился онъ къ брату.

— Нѣтъ.

— Почему такъ?

— Потому что я не расположенъ сегодня слушать лекціи, —отвѣчалъ Генри, принимая независимый видъ.

— Даніель Доббъ заходилъ вчера, онъ хотѣлъ тебя видѣть, —сказала м-съ Мотимеръ:—ему надо о чемъ-то съ тобою поговорить, и онъ очень досадовалъ, что тебя не было на митингѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я сегодня постараюсь увидѣть его, если найду только время. Я буду вамъ очень обязанъ, мама, если вы дадите мнѣ въ девять часовъ поужинать.—Затѣмъ, обратившись къ брату, онъ приказалъ:—Приготовь твои тетрадки къ моему приходу. Ну, а ты, Алиса, что ты намѣрена дѣлать сегодня вечеромъ?

Она отвѣчала, впрочемъ не безъ нѣкоторой неувѣренности въ голосѣ, что они съ Генри разсчитывали этотъ вечеръ провести внѣ дома.

Digitized by Google

— Прекрасно,—заявилъ Ричардъ,—а я это вамъ запрещаю. Генри сегодня никуда не пойдетъ.

— Съ какой это стати, позвольте узнать?—спросилъ Генри съ нахальнымъ и въ то же время трусливымъ видомъ.

— Только тотъ, кто добросовѣстно исполнилъ свои обязанности, имѣетъ право развлекаться.

— Но это особенный случай, —сказала Алиса.—Одинъ изъ пріятелей Генри хотѣлъ зайти за нами, чтобы идти въ театръ.

— Кто это такой?

— М-ръ Кинъ. Онъ пишетъ въ газетахъ и живетъ недалеко отъ насъ.

— Гдѣ ты съ нимъ встрѣтилась?

— Онъ съ нами познакомился случайно.

— И ты пригласила его бывать у насъ?

— Онъ только разъ и былъ.

— М-ръ Кинъ очень желаетъ съ тобою познакомиться, Ричардъ,—сказала м-съ Мотимеръ.—Это очень пріятный и обязательный человѣкъ. Онъ даетъ книги Генри.

— Когда онъ у васъ былъ?

— Въ прошлый вторникъ.

— И сегодня онъ васъ поведетъ въ театръ?

— Да, но это намъ ничего не будетъ стоить. У него есть безплатныя мѣста.

— Мнѣ любопытно узнать, что это за господинъ. Я его увижу, значитъ, сегодня, когда онъ придетъ за вами. А теперь, Алиса, сыграй мнѣ что-нибудь.—Алиса съ величайшимъ трудомъ исполнила какое-то первоначальное упражненіе. Она уже недѣли двѣ какъ брала уроки музыки. Вначалѣ ее очень тѣшило сознаніе, что она занимается искусствомъ, которое до сихъ поръ считала исключительнымъ достояніемъ свѣтскихъ людей. Она не могла отказать себѣ въ удовольствіи нѣсколько свысока третировать свою учительницу, особу весьма почтенную.

Изъ-за пустяковъ она откладывала уроки, желая показать, что она вполнѣ можетъ располагать своимъ временемъ, какъ ей вздумается. Но скоро первый пылъ прошелъ. Она увидѣла, какъ трудно дается музыка, ей смертельно надоѣли діэзы и бемоли, черныя и бѣлыя ноты, паузы и полупаузы!

Она также абонировалась въ библіотекѣ. До сихъ поръ она ничего не читала, кромѣ дешевыхъ журналовъ, продававшихся за нѣсколько шиллинговъ.

Возможность, сидя на диванѣ, держать въ рукахъ модный романъ необыкновенно льстила ея самолюбію. Это и то, что

Digitized by Google

они теперь покупали вино корзинами, а не бутылками, въ ея глазахъ служило доказательствомъ, какъ высоко теперь стоятъ они на соціальной лѣстницѣ.

Алиса упивалась романами. Ричардъ, несмотря на то, что не имѣлъ никакого понятія объ этомъ родѣ литературы, тѣмъ не менѣе безпокоился новой страстью Алисы.

Въ половинѣ восьмого стукъ въ дверь возвѣстилъ приходъ гостя.

Алиса перестала играть и бросила тоскливый взглядъ на своего брата.

Генри пошелъ встрѣчать м-ра Кина и привелъ его въ гостиную. Это былъ господинъ лѣтъ подъ тридцать, но которому можно было легко дать сорокъ. Сухое, хитрое лицо; лобъ казался больше отъ начинающейся образовываться, лысины; онъ носилъ бумажные стоячіе воротнички, истертый пиджакъ и монокль въ глазу.

Генри представилъ его Мотимеру, пробормотавъ что-то довольно невнятно. Журналистъ, титулъ, которымъ величалъ себя м-ръ Кинъ, почтительно поклонился, поправилъ свой монокль и уставился на этого послѣдняго.

— Мало есть людей въ Англіи,—сказалъ онъ,—вѣрнѣе, даже нѣтъ ни одного, съ которымъ бы я такъ желалъ познакомиться, какъ съ вами, м-ръ Мотимеръ. Я слышалъ вашу рѣчь: вы превзошли—это мое глубокое убѣжденіе—искренностью чувства и глубиною мысли всѣхъ нашихъ даже самыхъ прославленныхъ ораторовъ. Положеніе, которое вы защищали, всегда глубоко меня занимало. Время и мѣсто не позволяютъ мнѣ распространиться объ этомъ крайне интересномъ вопросѣ, но я горю желаніемъ узнать полнѣе ваши идеи, вашу дедукцію и индукцію при построеніи системы въ ея цѣломъ... Позвольте мнѣ, м-ръ Мотимеръ, пожать вашу руку!—закончилъ журналистъ, стремительно протягивая свою.

Физіономія Мотимера показывала, что ему и пріятно слушать лесть гостя, и хочется въ то же время выгнать его за дверь.

— Вы членъ нашего союза?—спросилъ онъ м-ра Кина.

— Да, и горжусь этимъ... Кто знаетъ? быть можетъ, мое перо пригодится вамъ. Пресса, вы знаете, представляетъ великую силу.

— А вы въ какихъ органахъ участвуете?—спросилъ рѣзко Мотимеръ.

— Въ разныхъ... въ нѣсколькихъ... но больше безъ подписи, знаете. Я еще не сталъ на вѣрную дорогу, ищу направленія...

Digitized by Google

Трудно уловить, въ чемъ состоятъ политическія убѣжденія большинства, чтобы стать ихъ выразителемъ,—болталъ м-ръ Кинъ съ насмѣшливо-глумливымъ видомъ.—Вы извините меня, миссъ Мотимеръ,—неожиданно обратился онъ къ Адели,—что я такъ увлекся съ вашимъ братомъ... вашимъ знаменитымъ братомъ, прежде чѣмъ освѣдомиться о вашемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ?

— Оно хорошо... mercі!—отвѣчала Адель, немного смутившаяся отъ такой изысканной вѣжливости.

Вновь обратившись къ Ричарду, журналистъ побѣдоносно затрещалъ:

— Я предпринялъ трудъ, достойный привлечь ваше вниманіе, переводъ книги Маркса: „Das Capital". Не можете ли вы помѣстить главу или двѣ въ „Огненномъ Крестѣ"? Какъ вы на этотъ счетъ думаете?

— Относительно этого вамъ нужно обратиться къ м-ру Уэстлекъ.

— Къ м-ру Уэстлекъ? Но я полагалъ, что вы—редакторъ журнала!

— Ближайшій редакторъ журнала м-ръ Уэстлекъ, а я только главный редакторъ.

— Я, какъ журналистъ, имѣю нѣсколько даровыхъ билетовъ на сегодняшній вечеръ въ Регентъ-театрѣ. У меня пять креселъ... Могу ли я надѣяться, что вы не откажете сдѣлать мнѣ честь...

— У меня нѣтъ времени. Я не могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ.

— Какое несчастье! Но миссъ Мотимеръ и мой другъ Генри, надѣюсь...

— Вы должны будете ихъ извинить: я желаю, чтобы они провели этотъ вечеръ со мною.

— Какое горе! Ну, въ другой разъ, быть можетъ, я буду счастливѣе. Я имѣю притязаніе видѣть въ васъ не только политическаго единомышленника, но и сосѣда. Я живу здѣсь неподалеку. Значеніе, которое я придаю этому обстоятельству, извинитъ, надѣюсь, мою нескромность.

Ричардъ не отвѣчалъ ни слова. Послѣ нѣсколькихъ приторно-любезныхъ фразъ, м-ръ Кинъ удалился.

Ричардъ пошелъ къ матери въ столовую, которую она избрала своей постоянной резиденціей. Она все еще жалѣла, что не можетъ, какъ прежде, все время проводить въ кухнѣ. Въ первомъ этажѣ у нея была своя комната, но она находила ее слишкомъ отдаленной отъ центра хозяйственной дѣятельности.

Digitized by Google

Столовая являлась какъ бы компромиссомъ между гостиной и кухней.

— Я долженъ вамъ сказать, мама,—началъ Ричардъ,—что я противъ того, чтобы Генри и Адель знакомились и вводили въ нашъ домъ перваго попавшагося, кто только придется имъ по вкусу. Право, очень сожалѣю, что вы не видѣли, какъ ловко я сплавилъ этого нахала. Разъ навсегда: я не желаю, чтобы его нога была здѣсь!

— Ты долженъ знать, какъ трудно справиться съ твоею сестрой и Генри, если только они себѣ что-нибудь заберутъ въ голову.

— Ваша обязанность заставить ихъ себя слушаться. На какомъ основаніи Генри сегодня разсудилъ не идти въ школу? Что, это онъ часто продѣлываетъ? Часто сидитъ дома, вмѣсто того, чтобы идти на лекціи?

— Если онъ не на лекціяхъ, это еще не значитъ, что онъ дома.

— Прекрасно. Пошлите, пожалуйста, его сюда, а сами останьтесь въ гостиной съ Алисой,—я ему хорошенько намылю голову.

Когда два брата остались наединѣ, Ричардъ грубо схватилъ за руку Генри и сказалъ:

— Мнѣ съ вами надо объясниться. Почему, позвольте спросить, вы манкируете посѣщеніемъ лекцій, а? Такъ-то вы благодарите за всѣ мои заботы о васъ! Намѣрены вы продолжать курсъ и достигнуть званія инженера?

— Провались я сквозь землю, если вижу въ этомъ необходимость!—съ неожиданной запальчивостью отвѣчалъ Генри.

— Все это очень хорошо, но чѣмъ намѣрены вы существовать?

Вмѣсто отвѣта, Генри залился смѣхомъ.

— Чему ты смѣешься!—крикнулъ Ричардъ, блѣднѣя отъ гнѣва.

— На васъ глядя, любезный братецъ!—отвѣчалъ Генри.—Такъ же, какъ и ты, я не имѣю нужды работать!—объявилъ онъ дерзко.

— Что ты забралъ себѣ въ голову, говори!

Генри не сказалъ, что ему сообщили, какое громадное состояніе оставилъ имъ старый Мотимеръ, и что онъ знаетъ, что имѣетъ свою часть въ немъ, не потому, чтобы онъ не желалъ выдать м-ра Кина, отъ котораго все это узналъ и которому далъ слово не упоминать его имени, но чтобы похвастаться проницательностью.

Digitized by Google

— Съ какой стати, Ричардъ, ты скрываешь отъ меня настоящее положеніе вещей?—сказалъ онъ съ хитрымъ видомъ.— Ты поступаешь подобно тѣмъ родителямъ, которые тянутъ жилы изъ своихъ дѣтей, между тѣмъ какъ знаютъ, что они обезпечены. Съ какой стати буду я работать, скажи на милость? Зачѣмъ мнѣ переносить униженія, отказывать себѣ во всемъ, корпѣть цѣлые часы за работой? Нѣтъ, чортъ возьми! Я предпочитаю, также какъ и ты, ничего не дѣлать и жить въ свое удовольствіе!

Генри произнесъ свою тираду, засунувъ руки въ карманы, съ необыкновеннымъ апломбомъ.

— Итакъ, ты намѣренъ сложить руки? Ты забываешь, однако, что нельзя жить воздухомъ.

— Я это отлично знаю; поэтому и намѣренъ жить на доходы съ моего капитала.

— Какъ ты можешь говорить, будто я ничего не дѣлаю, когда вся моя жизнь есть сплошной трудъ?

— Извѣстно, что это значитъ.

— Нѣтъ, тебѣ ничего неизвѣстно. Я намѣренъ тебя взять съ собою въ Ванлей.

— Меня, Ричардъ?

— Да, тебя; будь спокоенъ, я еще запрягу тебя въ дѣло.

— Ну, а я объявляю, что не намѣренъ больше надрываться на работѣ.

Ричардъ сперва думалъ принять Генри въ компаніоны. Теперь, когда Генри, повидимому, намѣренъ вести безпорядочную жизнь, его необходимо было во-время устранить отъ соблазновъ лондонской жизни. Черезъ нѣсколько дней всѣ работы въ ванлейскомъ замкѣ должны быть окончены.

Вслѣдъ затѣмъ Эмма должна вступить въ него хозяйкой. Быть можетъ, будетъ разумнѣе поселиться тамъ всей семьей. Всѣ эти вопросы доставляли много мученій Ричарду. Со всѣхъ сторонъ возникали всевозможныя затрудненія именно теперь, когда бы, казалось, навсегда должно покончить со всѣми горестями жизни.

— Если бы у тебя было хоть на грошъ здраваго смысла, Генри, ты не говорилъ бы такъ со мной. Ты говоришь, что не хочешь больше работать, такъ какъ ты обезпеченъ; но ты забываешь, что мало быть богатымъ—надо еще составить себѣ положеніе въ обществѣ. Ты намѣренъ, что-ли, всю жизнь провести въ кабачкахъ и кафе-шантанахъ?

— Я буду жить такъ же, какъ жилъ и до сихъ поръ,—

Digitized by Google

отвѣчалъ Генри, разваливаясь въ креслахъ съ безцеремонностью лѣнтяя. Ричардъ вышелъ изъ комнаты и пошелъ предупредить свою мать, чтобы она не трудилась готовить ему ужинъ.

— Зажарить котлету—одна минута,—возразила м-съ Мотимеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо. Оставьте мнѣ чего-нибудь холоднаго; я и закушу, когда вернусь.

— Какъ нехорошо съ твоей стороны, что ты помѣшалъ намъ идти въ театръ!—упрекнула брата Алиса. Ричардъ не отвѣчалъ ни слова и вышелъ, съ силой захлопнувъ за собою дверь. Сѣвъ въ кэбъ, Ричардъ приказалъ ѣхать въ Гокстонъ. Проколесивъ нѣкоторое время по узкимъ и грязнымъ переулкамъ, экипажъ остановился передъ портерной, довольно невзрачнаго вида.

Хозяинъ заведенія сказалъ, протягивая руку Ричарду:

— Какъ поживаете, м-ръ Мотимеръ? Очень радъ васъ видѣть.

Николай Доббъ, братъ Даніеля, содержатель пивной былъ давнишнимъ знакомцемъ Ричарда, и они всегда, здороваясь, пожимали другъ другу руку, но величать Мотимера „мистеромъ“ онъ сталъ только въ послѣднее время, примѣняясь къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Онъ не желалъ навлечь на себя неудовольствіе человѣка, отказывая ему въ отличіи, на которое онъ теперь имѣлъ право по своему общественному положенію.

— Даніель пришелъ?—спросилъ Ричардъ.

— Онъ будетъ здѣсь черезъ пять минутъ; я знаю, что онъ очень желаетъ поговорить съ вами; я его позову.

Даніель явился почти сейчасъ же. Онъ, очевидно, хотѣлъ имѣть съ Ричардомъ конфиденціальный разговоръ, такъ какъ предложилъ своему другу запереть прежде двери.

— Постой,—сказалъ Ричардъ,—вели сперва принести намъ двѣ рюмки полынной.

Наконецъ, они остались глазъ-на-глазъ. Даніель придвинулся къ столу. Ему, очевидно, хотѣлось поскорѣе заговорить о своемъ дѣлѣ, но Ричардъ предупредилъ его:

— Генри забралъ себѣ въ голову,—сказалъ онъ,—что ему незачѣмъ больше работать. Боюсь, онъ мнѣ много надѣлаетъ хлопотъ. Поэтому я и хочу взять его съ собою въ Ванлей.

— Да, это будетъ разумно,—пробормоталъ Даніель, видимо, совершенно машинально.

— Но прежде поговоримъ о тебѣ. Ты что-то мнѣ хотѣлъ сообщить?

— Видишь ли, какое дѣло... Я, знаешь, ни на кого не жа-

Digitized by Google

луюсь... тутъ обстоятельства... обстоятельства сильнѣе людей. Помнишь, какъ ты мнѣ сказалъ: „Перемѣна въ моей судьбѣ нисколько не повліяетъ на наши отношенія". Я и не жалуюсь на тебя. Ты даже прибавилъ, что по прежнему будешь со мной видѣться. Ну, вотъ ужъ три или четыре воскресенья, какъ я тебя не видѣлъ. Но время покажетъ, и все, въ концѣ концовъ, выяснится. Съ другой стороны, твой братъ какъ-то недавно упрекалъ меня, что я рѣдко бываю у васъ. Твоя матушка и миссъ Алиса обо мнѣ, видишь, безпокоятся... Я рѣшился высказать тебѣ откровенно все; въ концѣ концовъ, лучше мнѣ совсѣмъ къ вамъ не показываться.

— Но почему же? Что, ты обидѣлся на что-нибудь? Скажи яснѣе.

— Я ни на кого не обидѣлся. Но къ чему толочь воду въ ступѣ? Какъ это говорится — горшокъ котлу не товарищъ. Ты знаешь хорошо, что въ былое время тянуло меня къ вамъ. Теперь все перемѣнилось. Я не могу сказать, чтобы она меня къ этому принудила, избави Богъ, но, тѣмъ не менѣе, лучше мнѣ постараться забыть о ней и думать. Ну, вотъ я и думаю перестать съ ней видаться, даже избѣгать всякой встрѣчи съ нею.

Мотимеръ слушалъ сбивчивую рѣчь Даніеля, молча барабаня пальцами по столу. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Я уже думалъ объ этомъ и самъ хотѣлъ поговорить съ тобою. Но, согласись самъ, я не могу говорить за мою сестру, да и къ ней приступить съ разсужденіями на эту тэму тоже рѣшительно не могу. Тутъ дѣло ея свободнаго выбора. Никогда бы я не посовѣтовалъ ей отвертываться отъ старыхъ друзей. Съ моей стороны, это было бы величайшей непослѣдовательностью, просто немыслимой. Какую цѣль поставилъ я себѣ? Уничтожать всякую рознь и соперничество между капиталистами и рабочими. Я такъ же далекъ отъ мысли совѣтовать тебѣ разойтись съ Алисой, какъ и самому порвать съ Эммой только потому, что я теперь сталъ богатъ.

— Между тобою и мною, Ричардъ, великая разница. Если, какъ говорится, король женится на пастушкѣ, это только доказываетъ его великодушіе. Но жениться на богатой невѣстѣ, когда самъ голъ какъ соколъ, это уже совсѣмъ другая музыка. Нѣтъ, дружище, это невозможное дѣло.

— Ну, ужъ какъ самъ знаешь, Даніель! Какъ бы то ни было, повторяю тебѣ, не я стану способствовать этому разрыву.

Даніель остался въ пивной, въ глубокой задумчивости, медленно прихлебывая изъ рюмки. Ричардъ же направился въ Виль-

Digitized by Google

тонъ-скверъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ стоялъ передъ дверью съ мѣдною дощечкой, на которой значилось: „М-съ Катерина Клей, портниха".

Молодая женщина сама отворила ему дверь и объявила, что Эмма отправилась за покупками. Жанна съ трудомъ приподнялась, чтобы привѣтствовать Мотимера; видимо, она была еще очень слаба и изнурена продолжительной болѣзнью. Несмотря на то, что лицо ея сильно измѣнилось отъ болѣзни, она была поразительно похожа на свою сестру Эмму. Она страдала порокомъ сердца, обыкновенно сопровождаемымъ ревматизмомъ въ суставахъ.

Ребенокъ Катерины ползалъ по полу на четверенькахъ. Мать взяла его на руки.

— Какъ вы себя чувствуете, Жанна?—спросилъ Мотимеръ, взявъ стулъ и садясь около нея.

— Мнѣ теперь гораздо лучше.

— Вамъ надо меньше работать. Не убивайтесь вы за шитьемъ!

— О, у насъ еще пока немного работы... надо время, чтобы заказчики ознакомились и привыкли къ намъ. Эмма очень скучаетъ, не видя васъ. Она думала, что вы пріѣдете, какъ обыкновенно, и очень огорчилась, когда обманулась въ своей надеждѣ. Вы уже теперь живете въ ванлейскомъ замкѣ?

— Нѣтъ, тамъ еще не кончены работы.

— Правда, что у Эммы будетъ своя роскошная комната, Ричардъ?

— Вы мнѣ посовѣтуете, какъ ее лучше убрать.

Приходъ Эммы прервалъ ихъ разговоръ. Ричардъ вышелъ къ ней на встрѣчу, и они остались вдвоемъ въ маленькой гостиной прежняго помѣщенія Мотимеровъ. Все было по старому въ этой комнатѣ. Въ ней сестры предполагали принимать заказчиковъ, если дѣло ихъ пойдетъ. Покамѣстъ къ портнихѣ Катеринѣ Клей рѣдко обращались. Эмма, видимо, находилась въ необычномъ ей крайне возбужденномъ состояніи. Она питала такое довѣріе къ Ричарду, что его не могла поколебать холодность ея жениха съ нею. Сердце мужчины—говорила она себѣ—болѣе независимо, чѣмъ сердце женщины. Въ ея глазахъ Ричардъ былъ надѣленъ всѣми совершенствами. Уже пять или шесть лѣтъ, какъ она любила Ричарда со всею преданностью, на какую только способно было ея кроткое, самоотверженное сердце. И она сохраняла въ немъ, какъ сокровище, малѣйшее проявленіе его привязанности къ ней. Любовь у женщинъ всегда сопряжена съ безконечными волненіями, ихъ подозрительность не даетъ имъ

Digitized by Google

покоя, но довѣріе къ любимому человѣку въ Эммѣ было равносильно любви къ нему, и она была спокойна.

— Ну, какъ подвигаются дѣла съ Ванлеемъ?—дружественно спросила она Ричарда.

— Эльдоны выѣхали изъ замка,—отвѣчалъ тотъ спокойно.

— И ты въ немъ уже поселился?—съ живостью спросила Эмма.

— Нѣтъ еще.

— А когда же?

— Видишь ли, это можно будетъ сдѣлать не такъ-то скоро, какъ я думалъ. Ну, а ты долго еще здѣсь пробудешь?

— Какъ только здоровье Жанны станетъ лучше, у меня руки развяжутся. Катеринѣ приходится возиться съ дѣтьми. Конечно, все это временно, однако что они будутъ дѣлать безъ меня? Я не могу ихъ такъ оставить. Жанна положительно не въ силахъ выходить къ заказчикамъ, а Катерина никогда не съумѣетъ угодить на ихъ вкусъ. Начало—ты самъ знаешь—всегда трудно.

Преданность и самоотверженіе Эммы всегда удивляли Ричарда.

— Я не понимаю, зачѣмъ ты наваливаешь на себя такое бремя, Эмма? Да, главное, дѣло и безъ тебя пойдетъ само собой потихоньку. Повѣрь, сестры сами съумѣютъ извернуться.

— Моя обязанность имъ помогать по мѣрѣ силъ.

— Впрочемъ, это твое дѣло!—оборвалъ Ричардъ съ нетерпѣніемъ.—Я не могу тебѣ въ этомъ препятствовать, да и лучше: пока ты будешь здѣсь, обойщики успѣютъ окончить работу въ домѣ.

Съ четвертъ часа поговорили еще женихъ и невѣста, но рѣчь все время шла лишь о работахъ, о разработкѣ ванлейской долины и т. д. Когда, наконецъ, Ричардъ ушелъ, Эмма пошла къ своей больной сестрѣ. Эта послѣдняя закидала ее вопросами. Она убѣждала ее ѣхать.

— Мы справимся и безъ тебя,—говорила она.—Ахъ, мнѣ такъ пріятно думать, что ты будешь женой такого человѣка, дорогая! Я всегда благодарю Бога, когда думаю объ этомъ.

— А я часто думаю, что недостойна быть его женой.

— Господи, да развѣ онъ найдетъ другую, которая стоила бы тебя?—вскричала Жанна.

Между тѣмъ Ричардъ былъ уже дома и говорилъ съ сестрой. Остальные члены семьи давно спали.

— Я не намѣренъ скрывать отъ тебя,—говорилъ онъ Алисѣ,—что субъектъ, который сегодня приходилъ со своими даровыми

Digitized by Google

билетами, мнѣ совсѣмъ не нравится. И на какого чорта вамъ шляться съ нимъ по театрамъ!

— Не можемъ же мы жить какъ зачумленные! Согласись, что м-ръ Кинъ вполнѣ свѣтскій человѣкъ.

— Ты его не знаешь, какой онъ. Мало съ тебя музыки и романовъ!

— Что-жъ ты хочешь насъ запереть, какъ въ тюрьму, чтобы мы не видѣли живой души?

— У насъ есть испытанные друзья, есть старые знакомые.

— Ты, безъ сомнѣнія, говоришь о Даніелѣ. Онъ вѣрно тебѣ уже достаточно наговорилъ.

— Да, довольно-таки разсказалъ, какъ ты корчишь изъ себя богатую миссъ и дѣлаешь презрительныя мины. Онъ не намѣренъ больше подвергаться твоимъ насмѣшкамъ.

— А и Богъ съ нимъ—это его дѣло. Ужъ этотъ совсѣмъ не похожъ на свѣтскаго молодого человѣка! — прибавила она, смѣясь.

— Это честный человѣкъ, а это много значитъ. Мнѣ казалось, что ты къ нему относишься съ симпатіей.

— Но наше положеніе теперь такъ различно!

— Что ты этимъ хочешь сказать?—спросилъ Ричардъ, навостривъ уши.

— Я кое-что слышала отъ Генри.

— Ну, и что же?

— А то, что наше положеніе измѣнилось, и теперь все будетъ по другому.

— Слушай, Алиса, прежде чѣмъ судить, хорошія ли манеры у человѣка или нѣтъ, нужно ихъ самому пріобрѣсти, а то какъ разъ попадешь въ просакъ.

Когда они хотѣли уже разойтись по своимъ комнатамъ, Алиса спросила брата:

— Когда твоя свадьба, Ричардъ?

— Эмма все откладываетъ, и я, право, не знаю теперь, когда,— отвѣчалъ Ричардъ Мотимеръ.

X.

Независимость, такъ неожиданно выказанная Генри, принудила Ричарда продолжить свое пребываніе въ Лондонѣ.

На семейномъ совѣтѣ въ столовой Ричардъ предоставилъ все дѣло на усмотрѣніе своей матери и Алисы.

— Если Генри намѣренъ упорствовать въ нежеланіи рабо-

Digitized by Google

тать,—объявила м-съ Мотимеръ,—то кто-нибудь изъ насъ двоихъ долженъ оставить домъ. Онъ намѣренъ вести жизнь фланёра и гуляки,—прекрасно, но я не желаю быть зрительницей его постепеннаго паденія; пусть онъ дѣлаетъ, что ему угодно, только не у меня на глазахъ!

— А я думалъ, это вашъ проектъ—отправить меня въ Ванлей,—сказалъ Генри, кидая гнѣвный взглядъ на своего брата.

— Да. Но прежде ты долженъ научиться вести себя, какъ слѣдуетъ,—вскричалъ Ричардъ;—праведное небо! что мнѣ дѣлать съ этимъ безпутнымъ лѣнтяемъ?

Въ концѣ концовъ, все осталось по старому. Ричардъ вернулся въ Ванлей, весьма мало удовлетворенный настоящимъ положеніемъ дѣлъ и въ смутномъ безпокойствѣ о будущемъ, представлявшемся ему въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ. Четыре воскресенья подъ-рядъ онъ не былъ въ Лондонѣ. Онъ чувствовалъ съ каждымъ днемъ, какъ возростала отвѣтственность, легшая на него, разъ его планы стали осуществляться.

Новый-Ванлей—имя рабочаго поселенія, основаніе которому положилъ еще старикъ дядя Ричарда,—выросталъ съ поразительной быстротой! Все было готово къ примѣненію на практикѣ принциповъ, выработанныхъ комитетомъ союза.

Между тѣмъ розовыя надежды Эммы не осуществились. Состояніе здоровья Жанны ухудшалось съ каждымъ днемъ. О свадьбѣ уже не было и рѣчи. Совѣсть не позволяла самоотверженной дѣвушкѣ и думать о личномъ счастьѣ прежде выздоровленія сестры.

Въ концѣ осени Ричардъ предложилъ Эммѣ провести съ больною недѣли три на берегу моря. Онъ помогалъ Катеринѣ Клей, снабжая ее деньгами, такъ какъ дѣла ея шли съ весьма сомнительнымъ успѣхомъ—заказчиковъ было мало. Осень—самое благословенное время года въ ванлейской долинѣ.

Въ сентябрѣ воздухъ здѣсь напоенъ самыми разнообразными ароматами, свѣжій, бодрящій, живительный. Плодовыя деревья гнутся отъ тяжести дозрѣвающихъ на нихъ золотистыхъ плодовъ.

Но въ этомъ году ранніе морозы повредили всѣмъ земнымъ плодамъ. Яблоки и груши уродились плохо. Западный вѣтеръ, проносясь надъ долиной, между двухъ горъ, нагонялъ только густой, удушливый дымъ, валившій изъ трубъ новыхъ, недавно лишь возникшихъ, строеній. Поверхность полей начинала терять свой чистый, радостный колоритъ. Богатые, прекрасные виноградники исчезали, уступая мѣсто скучнымъ каменнымъ домамъ съ сѣрыми, печальными крышами изъ аспиднаго камня. Работы

Digitized by Google

быстро подвигались впередъ. Въ сторонѣ возвышалось уже громадное зданіе, заключавшее въ себѣ библіотеку, залъ для чтеній, рабочій кабинетъ. Однимъ словомъ, со дня на день Новый-Ванлей долженъ былъ появиться на географическихъ картахъ. Какъ только помѣщеніе было окончено, Ричардъ разослалъ приглашенія къ себѣ на новоселье. Онъ завелъ экономку, четырехъ лакеевъ и пару лошадей. Казалось, ничего въ этомъ не было особеннаго, а между тѣмъ это породило самые странные слухи. О немъ стали разсказывать удивительнѣйшія исторіи.

Его старые лондонскіе друзья, соціалисты чистѣйшей крови, каковы, напримѣръ, были м-ръ Коусъ и м-ръ Кулленъ, замѣтили, что Ричардъ сталъ относиться къ нимъ гораздо холоднѣе. Впрочемъ, разъ рѣчь шла о богачѣ Мотимерѣ, публика видѣла все въ увеличительное стекло. Обѣды, которые онъ давалъ, превращались въ пиры, его домъ—въ дворецъ, скромные служители—въ парадныхъ, ливрейныхъ лакеевъ въ напудренныхъ парикахъ.

Гокстонскіе обыватели, принадлежавшіе къ союзу, говорили о бѣдной молодой дѣвушкѣ, на которой долженъ жениться Мотимеръ, но—прибавляли они—по всему видно, что онъ весьма не прочь взять свое слово назадъ. Даніель Доббъ долженъ былъ бы изъ принципа уже защищать Мотимера всюду и противъ всѣхъ нападокъ. А онъ, видимо, отступился отъ него и, когда говорили про Эмму, хранилъ непроницаемое молчаніе.

Сказать правду, онъ не зналъ, что ему думать о своемъ другѣ.

М-ръ и м-съ Уэстлекъ были въ числѣ первыхъ приглашенныхъ въ заново-отдѣланный ванлейскій замокъ. Они провели у него цѣлый день. Что касается до наиболѣе значительныхъ членовъ союза, то Ричардъ, въ концѣ осени, зазвалъ къ себѣ до пятидесяти „братьевъ“ и „сестеръ“, оплативъ ихъ проѣздъ до Лондона туда и обратно. Всѣ они гостили въ замкѣ съ субботы до понедѣльника.

Упомянемъ вскользь, что большинство изъ нихъ, едва переступивъ за порогъ замка, принялись перемывать косточки хозяину съ замѣчательнымъ единодушіемъ и злорадствомъ.

Нѣкоторымъ изъ особенно нахальныхъ господъ удалось проникнуть къ Мотимеру и безъ приглашенія.

Такъ, м-ръ Кинъ, уже извѣстный читателямъ журналистъ, подъ предлогомъ дѣла, касающагося самого хозяина, успѣлъ-таки побывать въ ванлейскомъ замкѣ.

— Извините меня, — разсыпался онъ передъ Ричардомъ,—

Digitized by Google

что я осмѣлился васъ потревожить и занять нѣсколько драгоцѣнныхъ минутъ... Но я желалъ вручить вамъ нумеръ „Belwick Chronicle", гдѣ помѣщено ваше жизнеописаніе. Статейка написана въ самомъ лестномъ для васъ духѣ. Замѣтьте, вы помѣщены въ серію великихъ людей современной эпохи. Зная, что вы, изъ скромности, откажетесь мнѣ помочь въ этомъ трудѣ, я прошу у васъ извиненія post delictum, какъ мы говоримъ.

И м-ръ Кинъ вынулъ изъ кармана нумеръ. Подъ заголовкомъ: *„Великіе люди нашихъ дней"*, напечатаннымъ жирнымъ шрифтомъ, значилось: „Одиннадцатый. М-ръ Ричардъ Мотимеръ".

М-ръ Кинъ былъ приглашенъ на открытіе работъ. Альфредъ Вальтамъ особенно часто посѣщалъ ванлейскій замокъ. Теперь Ричардъ рѣдко когда проводилъ воскресенье въ Лондонѣ. Онъ горѣлъ желаніемъ пригласить къ себѣ м-съ Вальтамъ съ дочерью, но не смѣлъ, опасаясь быть безтактнымъ. Онъ повѣрилъ свои опасенія Альфреду, который, разумѣется, нашелъ ихъ совершенно нестоющими вниманія, и всѣ трое были приглашены въ замокъ къ богатому холостяку.

М-съ Вальтамъ съ радостью и необыкновенной готовностью изъявила свое согласіе посѣтить Ванлей; что же касается Адели, то она предпочла бы остаться дома.

Въ концѣ сентября, на другой день послѣ перваго визита къ м-ру Мотимеру, м-съ Вальтамъ сидѣла въ гостиной со своею дочерью. Разговоръ, какъ часто случалось за послѣднее время, зашелъ о новомъ владѣльцѣ долины.

— До сихъ поръ, — сказала мать, — я никогда не встрѣчала такого деликатнаго, такого благовоспитаннаго человѣка. Мы глубоко ошибались, считая его вульгарнымъ плебеемъ.

— Ему достаточно раскрыть ротъ и заговорить о рабочемъ вопросѣ, чтобы исчезло всякое сомнѣніе въ этомъ,—сказала Адель съ яснымъ раздраженіемъ.

— Дитя мое, это у него происходитъ отъ скромности, а главнымъ образомъ, убѣжденія заставляютъ его желать, во что бы то ни стало, доказать самому себѣ свое низкое происхожденіе. Онъ инженеръ, а ты знаешь, что люди этого сословія занимаютъ въ обществѣ первое мѣсто. И замѣть себѣ, что за благородный, безкорыстный человѣкъ былъ его дядя! Онъ обладалъ положительно аристократическими вкусами, привычками, манерами! Если не ошибаюсь, имя стараго Мотимера хорошо извѣстно въ Гемпширѣ; человѣкъ изъ рабочаго сословія не имѣетъ такого склада, что ни говори! Работника сейчасъ узнаешь по

Digitized by Google

формѣ рукъ; ты обратила вниманіе на его руки? ну, что ты скажешь?

— Я скажу, что онѣ у него широки, какъ валекъ, которымъ прачки колотятъ бѣлье,—какъ-разъ такія, какимъ и слѣдуетъ быть у слесаря,—отвѣчала Адель.

— Какіе пустяки! Ты разсмотри хорошенько его пальцы въ слѣдующій разъ, какъ его увидишь.

— Ну, вотъ тоже стоитъ!

— Я не понимаю, откуда у тебя такое предубѣжденіе противъ него?

— Это только равнодушіе, не болѣе.

Молодая дѣвушка покраснѣла, произнося эти слова. Она чувствовала, что ее мало-по-малу опутываетъ сѣть, хотя и сотканная дружеской рукой, но которая все же лишала ее свободы, возмущала и ужасала ее. И она всѣми силами старалась выбиться изъ нея.

— Ты забываешь, Адель, что онъ другъ твоего брата.

— Я не вижу, почему друзья Альфреда необходимо должны быть и моими; я вамъ скажу откровенно: м-ръ Мотимеръ возбуждаетъ во мнѣ глубокое недовѣріе и антипатію.

— Это для меня новость. Я не понимаю, чѣмъ м-ръ Мотимеръ могъ заслужить твою неблагосклонность; его поведеніе относительно тебя было безупречно.

— Я другого мнѣнія,—отвѣчала Адель рѣшительнымъ тономъ. — Безполезно входить въ излишнія подробности, мама, но я скажу откровенно: пусть м-ръ Мотимеръ обладаетъ высокими достоинствами, какъ бы то ни было, я и говорить о немъ не хочу! Знайте, я рѣшила, что моя нога не будетъ больше въ замкѣ! Я не хочу. Это отвратительно!

— Повѣрь моей опытности: я знаю, что тебѣ можно позволить и чего нельзя.

— Я отдаю должное вашей опытности, но примите же въ разсчетъ и мои личныя чувства! Должны же вы понять это!

— О, дитя мое, я отлично все понимаю. Я старой школы, и хотя и не склонна къ мечтательности и фантазерству, какъ ты, но что касается благопристойности, то ужъ, повѣрь, я ничего такого тебѣ не посовѣтую, что бы шло въ разрѣзъ съ нею.

— Не примите словъ моихъ въ худую сторону, но я не хочу давать м-ру Мотимеру питать надежды, которымъ не суждено сбыться. Онъ у насъ такъ часто бываетъ и мы у него также, что уже начинаютъ ходить про насъ сплетни... Развѣ это пріятно?

Digitized by Google

Адель обняла свою мать, и всякій слѣдъ недоразумѣнія исчезъ вмѣстѣ съ поцѣлуемъ. Послѣ этой маленькой сцены она сѣла у окошка. Въ это время къ ихъ дому подходилъ молодой человѣкъ. Онъ замѣтилъ Адель въ окнѣ и поклонился ей.

— Мама́, къ намъ идетъ м-ръ Эльдонъ! — сказала дѣвушка трепещущимъ голосомъ.

— Эльдонъ!—вскричала м-съ Вальтамъ, и взоръ ея загорѣлся гнѣвомъ:—каковъ нахалъ! и онъ думаетъ, что я позволю ему переступить порогъ моего дома!

Она велѣла служанкѣ, шедшей отворять дверь, сказать гостю, что господъ нѣтъ дома.

На другой день Ричардъ былъ въ восторгѣ, узнавъ, что м-съ Вальтамъ не приняла Губерта Эльдона. Онъ понималъ, какое значеніе имѣетъ это для него. Поступокъ м-съ Вальтамъ выводилъ его изъ того тупика, въ которомъ онъ находился. Онъ не могъ болѣе сомнѣваться, какого рода чувства наполняли его грудь.

Съ каждымъ днемъ соблазнъ становился сильнѣе, а средства бороться противъ него слабѣли. Онъ все болѣе и болѣе поддавался чарующему обаянію опаснаго чувства, но въ то же время порвать съ Эммой ему, пока, казалось болѣе невозможнымъ, чѣмъ бракъ, о которомъ онъ теперь мечталъ.

У людей съ такимъ пылкимъ характеромъ, какимъ обладалъ Ричардъ, что̀ разъ заняло ихъ воображеніе, пріобрѣтаетъ надъ ними тиранническую власть, лишь бы обстоятельства тому помогали. Мотимеръ былъ теперь на короткой ногѣ съ Вальтамами, онъ ихъ видитъ постоянно,—а извѣстно, что привычка рождаетъ довѣріе, а порою и любовь.

Два или три недавнихъ случая онъ могъ безошибочно истолковать, какъ выраженіе поощренія со стороны м-съ Вальтамъ.

Лишь только она оставалась наединѣ съ нимъ, какъ принимала материнскій тонъ. Она любила распространяться о характерахъ своихъ дѣтей и плакалась, что не можетъ доставить Адели удовольствій, свойственныхъ ея лѣтамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она говорила, что скромная, уединенная и строго нравственная жизнь необходима для счастія женщины, и тѣмъ болѣе должна цѣниться тѣмъ, кто намѣренъ стать ея мужемъ.

— По истинѣ,—прибавляла она обыкновенно въ заключеніе,—этотъ милый ребенокъ не доставилъ мнѣ ни минуты безпокойства. Она вполнѣ подчиняется волѣ своей матери.

Со стороны самой Адели, Мотимеръ не получалъ ни малѣйшаго поощренія, но онъ объяснялъ это дѣвической скромностью и сдержанностью, свойственной дѣвушкѣ хорошей фамиліи.

Digitized by Google

XI.

Въ концѣ сентября Ричардъ получилъ письмо, написанное сплошь рукою его матери,—только адресъ надписала Алиса.

М-съ Мотимеръ весьма рѣдко и только въ крайнихъ случаяхъ брала въ руки благородное орудіе, называемое перомъ.

Хотя почеркъ и орѳографія дѣлали чтеніе письма довольно затруднительнымъ, Ричардъ скоро уразумѣлъ смыслъ немногихъ строкъ посланія:

„Вотъ ужъ сколько времени, милый сынъ, какъ мы тебя не видимъ. Вчера вечеромъ я была у Эммы —сердце надрывается, глядя на нее! Бѣдняжка не жалуется, но видно, что страдаетъ ужасно. Три недѣли, какъ ты не пишешь ей ни строчки, и не извѣстно, что̀ съ тобой, гдѣ ты, что̀ дѣлаешь.

„Ты, можетъ быть, скажешь, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, но я, право, не могу молчать. Жаннѣ становится все хуже и хуже; я не думаю, чтобы она долго еще протянула. Какъ бы то ни было, работать она уже никогда не будетъ въ состояніи. И я не понимаю, чего ты ждешь? Отчего ты не обвѣнчаешься съ Эммой? Чего, кажется, проще, взять Жанну къ себѣ! Развѣ ты не видишь, что Эмма ни за что не разстанется съ больною сестрой? А мечта Жанны увидѣть прежде смерти сестру твоей женою. Пожалуйста, пріѣзжай,—утѣшь свою невѣсту!

„Твоя вѣрная мать Мотимеръ".

Ричардъ читалъ и перечитывалъ письмо. Это утро онъ провелъ, запершись у себя. Нерѣшительный, колеблющійся, въ глубинѣ души онъ сознавалъ, что даже если Адель и откажетъ ему, онъ все-таки ни за что не женится на Эммѣ. Мечта ввести въ свой домъ благородную лэди овладѣла имъ всецѣло. Нѣтъ, онъ не сдастся, а пойдетъ на проломъ и достигнетъ своего, какою бы то ни было цѣною!

Послѣ долгихъ размышленій, настрочилъ онъ въ отвѣтъ коротенькое письмецо, въ которомъ говорилъ, что такъ задавленъ дѣломъ, отъ котораго зависятъ сотни семей рабочихъ, что своими личными дѣлами ему заниматься рѣшительно некогда. Надо подождать еще нѣсколько недѣль, пока онъ управится съ работою, а до тѣхъ поръ ему и думать нельзя ни о какихъ брачныхъ вопросахъ.

Онъ разсчитываетъ скоро написать Эммѣ. Пусть потерпитъ —недолго ужъ! Для бѣдной же больной онъ вышлетъ денегъ.

Digitized by Google

Наступилъ день открытія предпріятія, долженствовавшаго начать эксплуатацію минеральныхъ богатствъ ванлейской долины на соціалистическихъ основаніяхъ. Все обошлось благополучно, и день этотъ не принесъ никакихъ разочарованій Ричарду, за исключеніемъ одного—изъ семейства Вальтамовъ на открытіи присутствовалъ только одинъ Альфредъ.

А Ричардъ льстилъ себѣ надеждою, что Адель явится на торжество уже не по приглашенію, но ex officio, какъ его невѣста.

Тѣмъ не менѣе, Ричардъ нѣсколько отдохнулъ отъ мучившихъ его послѣднее время безпокойствъ. Мать ему ничего больше не писала, а въ письмахъ Алисы не упоминалось ни о какихъ новыхъ непріятныхъ инцидентахъ въ Гигбюри.

По прежнему два раза въ недѣлю онъ получалъ письма отъ Эммы. Она оставалась такою же преданной, терпѣливой и великодушной дѣвушкой; по прежнему, совершенно забывая о себѣ, только и говорила что о больной Жаннѣ.

При свиданіяхъ съ м-съ Вальтамъ, Ричардъ не разъ уже заговаривалъ съ нею о своихъ надеждахъ на будущее, конечно, не прямо, но такъ, что она отлично понимала, о чемъ шла рѣчь. Изъ ея словъ Ричардъ ясно видѣлъ, что она ему вполнѣ сочувствуетъ.

Она всячески старалась его ободрить и поощрить, просила его быть терпѣливымъ и даже—довольно, впрочемъ, неопредѣленно—назначила срокъ свадьбы.

Въ день открытія работъ Ричардъ находился въ необыкновенно возбужденномъ состояніи. Съ утреннимъ поѣздомъ прибыли изъ Лондона м-ръ и м-съ Уэстлекъ. Мотимеръ показывалъ имъ Новый-Ванлей. Мало-по-малу собрались всѣ приглашенные. Обѣдъ прошелъ необыкновенно оживленно. Амфитріонъ съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія обозрѣвалъ своихъ гостей, сидя во главѣ стола.

Одно только портило ему удовольствіе... Но два стакана вина настолько окрылили воображеніе Ричарда, что онъ видѣлъ противъ себя хорошенькое личико Адели.

М-ръ Уэстлекъ произнесъ рѣчь. Гостей было много, и въ средѣ ихъ Ричардъ съ удовольствіемъ замѣтилъ нѣсколькихъ газетныхъ репортеровъ.

На праздникѣ Альфредъ познакомился со многими интересными личностями и между прочими съ м-ромъ Киномъ—журналистомъ. Они разговорились, и м-ръ Кинъ, вынувъ изъ кармана нумеръ „Belwick Chronicle“, сказалъ ему:

— Здѣсь вы найдете нѣсколько строкъ, принадлежащихъ

Digitized by Google

перу вашего покорнаго слуги. При случаѣ дайте прочесть м-ру Мотимеру вотъ эту статейку—видите?—я отчеркнулъ карандашомъ. Къ несчастію, статейка немного запоздала, а то бы она уже значительно помогла дѣлу, благополучный исходъ котораго былъ бы пріятенъ намъ обоимъ!

Когда колоколъ извѣщалъ рабочихъ, что пора пить чай, Губертъ Эльдонъ шелъ со станціи желѣзной дороги по дорогѣ въ Ванлей. Не безъ причины выбралъ онъ такой поздній часъ. Слѣдующія строки письма лэди Эльдонъ побудили Губерта поспѣшить свидѣться со своею матерью: „Здѣсь ходятъ упорные слухи, —писала она,—что Адель Вальтамъ выходитъ за Мотимера. Я крайне была удивлена, услышавъ это. Несомнѣнно, эта странная свадьба сочинена кѣмъ-либо третьимъ. Ясно какъ дважды два четыре, что бѣдная дѣвушка не имѣла голоса при рѣшеніи ея участи. Ахъ, какая страшная и зловредная сила—эти деньги!“

Лэди Эльдонъ тѣмъ болѣе была удивлена при видѣ Губерта, что она сразу угадала, что его привело къ ней. Обмѣнявшись съ матерью нѣсколькими незначительными фразами, Губертъ приступилъ къ цѣли своего посѣщенія.

— Я бы желалъ знать,—сказалъ онъ,—насколько основательны слухи о женитьбѣ Мотимера на миссъ Вальтамъ.

— Неужели это тебя такъ затронуло, Губертъ!—съ участіемъ сказала лэди Эльдонъ, и, такъ какъ на это сынъ не отвѣчалъ ей ни слова, продолжала:—У кого ты думаешь узнать объ этомъ?

— У м-ра Вейверна.

— Клерджимена? Развѣ ты съ нимъ знакомъ лично?

— Да; мы съ нимъ были даже одно время въ перепискѣ. Я познакомился съ нимъ еще раньше его пріѣзда въ Ванлей.

Мать и сынъ не говорили болѣе ничего на эту тэму, но когда Губертъ сталъ прощаться, лэди Эльдонъ обняла сына съ большей нѣжностью, чѣмъ всегда.

Сумерки сгустились и вся долина покрылась тѣнью. Только, словно гигантскіе призраки, возносились надъ нею двѣ высокія фабричныя трубы, жерла которыхъ извергали тучи искръ и чернаго дыма. Губертъ отвернулся, чтобы не видѣть торжества своего врага. Его удивило, что по боковой вѣтви, проведенной Мотимеромъ отъ Ванлея къ станціи, шелъ поѣздъ, наполненный пассажирами. Это возвращались запоздалые гости съ церемоніи открытія Новаго-Ванлея.

Но Губертъ не зналъ объ этомъ. Онъ миновалъ деревню, и скоро, перейдя черезъ поле, очутился у дверей пасторскаго дома.

Онъ засталъ клерджимена за скромнымъ ужиномъ. Разговоръ

Digitized by Google

сейчасъ же перешелъ на событія послѣднихъ дней. По тону, какимъ говорилъ м-ръ Вейвернъ о затѣяхъ Мотимера, видно было, что онъ склоненъ относиться къ нимъ скептически. Онъ пригласилъ гостя въ кабинетъ. На бюро лежалъ томъ Платона, раскрытый на молитвѣ Сократа: „О, Панъ и вы, божества этихъ водъ, даруйте красоту моей душѣ и сдѣлайте, чтобы и моя внѣшность была въ гармоніи съ этой высшей красотою! Чтобы мудрость помогала мнѣ довольствоваться малымъ и желать лишь столько богатства, сколько позволяетъ имѣть мужу разсудительность!“

— Когда я поселился въ Ванлеѣ,—сказалъ клерджименъ,—я мечталъ, что въ этой мирной долинѣ ничто не возмутитъ спокойствія бога полей—Пана... Иллюзія! Теперь я вижу, что Гефестъ и здѣсь утвердилъ свое владычество!

— Я завидую вашему философскому отношенію къ вещамъ! — вскричалъ Губертъ.

— Я не всегда сохраняю мудрое спокойствіе. Напримѣръ, сегодня я чувствую себя совсѣмъ разстроеннымъ, я взволнованъ. Но, однако, могу ли я узнать о цѣли вашего визита?

— Я бы хотѣлъ знать, справедливы ли слухи, распространившіеся насчетъ миссъ Вальтамъ?

— Боюсь, что они имѣютъ основаніе.

— Неужели! Такъ значитъ вѣрно, что говорятъ о женитьбѣ Мотимера?

— Кажется; и это меня огорчаетъ.

— Они уже помолвлены?—спросилъ Губертъ.

— Нѣтъ еще, насколько мнѣ извѣстно. Слухи часто предваряютъ событія.

— Это просто невѣроятно!—вскричалъ Губертъ съ горячностью.—Положительно, пользуются ея неопытностью! Вѣдь это еще совершенный ребенокъ. Бѣдное дитя! она такъ же мало, вѣроятно, подозрѣваетъ, что ждетъ ее, какъ ягненокъ, котораго ведутъ на бойню! Я не могу объяснить вамъ, почему, но я буду несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ, если только эта свадьба состоится. Тутъ есть еще одно обстоятельство. Видите, недавно я сдѣлалъ визитъ м-съ Вальтамъ; мнѣ сказали, что „господъ нѣтъ дома“, а между тѣмъ я видѣлъ въ окошкѣ миссъ Вальтамъ. Что это значитъ? Неужели потому, что фортуна обернулась ко мнѣ спиной, и м-съ Вальтамъ считаетъ долгомъ отвернуться отъ меня?

— Можно иначе объяснить ея поведеніе, — сказалъ м-ръ Вейвернъ.

— Какъ же иначе?

— Вы знаете, какіе длинные языки у ванлейскихъ обитателей.

Digitized by Google

— А! вы хотите намекнуть...

— Да, хочу напомнить вамъ событія, о которыхъ здѣсь всѣ толковали еще задолго до моего пріѣзда.

— Боже! неужели же эта дама считаетъ меня недостойнымъ ея знакомства? Неужели же Адель относится ко мнѣ какъ къ безпутному гулякѣ? Но еще не такъ давно послѣ моей болѣзни я встрѣтилъ миссъ Вальтамъ, и она говорила со мною съ самымъ дружественнымъ довѣріемъ и искренностью.

— Вѣроятно, она тогда еще ни о чемъ не знала.

— Ея мать выжидала удобнаго случая, чтобы возстановить ее противъ меня. Какъ это ловко все обдѣлано!—и Губертъ горько засмѣялся; потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ:—Это справедливо. Надо все это забыть, забыть! Ахъ! какъ хорошо я ихъ понимаю!

Онъ произнесъ послѣднія слова съ напускнымъ спокойствіемъ, какъ человѣкъ, старающійся скрыть подъ личиной презрѣнія уязвленное самолюбіе.

— Будемъ справедливы, — возразилъ м-ръ Вейверн, и его безстрастный тонъ составлялъ замѣчательный контрастъ съ рѣчью Эльдона, полной юношеской страстности:—Въ поведеніи м-съ Вальтамъ нѣтъ ничего удивительнаго. На ея мѣстѣ, быть можетъ, и я поступилъ бы такимъ же образомъ.

Губертъ задумался.

— Я бы могъ все-таки увидѣться съ нею...—сказалъ онъ. — Но нѣтъ! это невинное существо не должно даже дышать однимъ воздухомъ съ такимъ испорченнымъ человѣкомъ, каковъ я!

— Вы сейчасъ отправитесь на станцію?—перебилъ его прозаическимъ вопросомъ клерджименъ.

— Да.

— Вечеръ такъ хорошъ, что я воспользуюсь случаемъ и провожу васъ.

Они не пошли улицей деревни, а избрали узенькую, уединенную дорожку, которая, обогнувъ ее, пересѣкала большую дорогу.

Едва успѣли они выйти на эту послѣднюю, какъ на ту же дорожку торопливо проскользнула Адель. Она шла къ пастору, но судьбѣ было угодно, чтобы она не застала его дома.

Утромъ м-съ Вальтамъ прямо объявила дочери о предложеніи Мотимера. Она прибавила, что онъ поручилъ все дѣло ей, а самъ на время прекращаетъ свои визиты. Желая возвысить своего кандидата въ мнѣніи Адели, она распространилась о торжествѣ, долженствовавшемъ произойти въ этотъ день, и, въ концѣ концовъ, сказала:

Digitized by Google

— Можно что̀ угодно думать объ убѣжденіяхъ м-ра Мотимера, но нельзя не согласиться, что онъ наилучшимъ образомъ употребляетъ свои деньги.

Щеки Адели покрылись мертвенной блѣдностью. Мать испугалась, огорчилась, даже заплакала, но, тѣмъ не менѣе, нельзя было и предположить, что она уступитъ дочери.

Адель послѣ чая ушла въ свою комнату. Она не принадлежала къ числу тѣхъ слабонервныхъ дѣвушекъ, которыя плачутъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Съ самой смерти своего отца ея живые, веселые глаза ни разу не краснѣли отъ слезъ. Но съ того дня, какъ ея мать разсказала ей о предосудительномъ поведеніи Губерта Эльдона, молодая дѣвушка совершенно перемѣнилась. Казалось, въ нѣсколько недѣль она стала старше на много лѣтъ. Глубокая печаль легла на ея поблѣднѣвшее личико. Безпечность, шаловливая рѣзвость смѣнились какою-то сосредоточенностью, улыбка потеряла свою веселость, глаза глядѣли строго. Мысль стать женою Мотимера казалась ей ужасной, отвратительной. Она чувствовала къ нему теперь глубокую, необъяснимую антипатію. Она чувствовала необходимость съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться и рѣшила пойти къ м-ру Вейверну, всегда внушавшему ей большое довѣріе. Она не хотѣла говорить ему обо всемъ, открывать ему всю душу, она надѣялась только, что онъ посовѣтуетъ ей, какъ уладить недоразумѣнія съ матерью, и вступится за нее; но она чувствовала, что ей придется коснуться многихъ обстоятельствъ, о которыхъ тяжело говорить съ кѣмъ бы то ни было... Поэтому она не очень огорчилась, не заставъ пастора дома. Она рѣшила, идя домой, откровенно поговорить съ матерью. Обыкновенно въ послѣднее время Адель вечеромъ запиралась въ своей комнатѣ. Сегодня она спустилась внизъ, въ гостиную, гдѣ сидѣли ея мать и Альфредъ.

М-съ Вальтамъ ни слова не спросила у Адели насчетъ ея кратковременнаго отсутствія. Альфредъ неожиданно объявилъ, что м-ръ Кинъ, журналистъ, далъ ему нумеръ газеты, въ которой онъ сотрудничаетъ и гдѣ подъ рубрикой „Свѣтскія новости“ напечатаны довольно любопытныя вещи о Губертѣ Эльдонѣ.

— Я не думаю, чтобы это могло быть для насъ любопытнымъ,—сказала м-съ Вальтамъ.

Адель молчала.

Пробѣжавъ въ поданномъ ей Альфредомъ нумерѣ отмѣченныя строки, м-съ Вальтамъ не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть отъ радостнаго изумленія. Въ газетѣ стояло:

„Намъ пишутъ изъ Лондона:

Digitized by Google

„Въ настоящее время ходятъ слухи, что одна извѣстная актриса, по происхожденію француженка, возвращается изъ своего путешествія по континенту.

„Прошлую зиму она пользовалась большимъ успѣхомъ на главныхъ театрахъ Лондона. Теперь она выступитъ въ новой роли, въ которой, вѣроятно, проявитъ не менѣе таланта. Но и не на однихъ подмосткахъ ожидаетъ ее новая роль: говорятъ, что прежде, чѣмъ возвратиться на сцену, она перемѣнитъ свое имя и приметъ фамилію Эльдона, не такъ давно еще обитавшаго въ ванлейскомъ замкѣ".

Руки м-съ Вальтамъ дрожали, когда она складывала газету, и глаза свѣтились радостью.

— Когда прочитаешь нумеръ, пришли его мнѣ,—сказала она Альфреду.

Адель молча встала и удалилась въ свою комнату.

Разспросивъ подробно Альфреда, кто такой м-ръ Кинъ, и узнавъ, что онъ знакомъ со всѣми лондонскими актерами и свой человѣкъ за кулисами театровъ, м-съ Вальтамъ выразила сожалѣніе о „бѣдной" лэди Эльдонъ, на голову которой падаетъ одинъ ударъ за другимъ, и затѣмъ пошла къ Адели.

Она нашла ее въ глубокой задумчивости. Слѣды слезъ замѣтны были на ея лицѣ. На колѣняхъ у нея лежала библія.

— Хотя мнѣ не хотѣлось бы загрязнить твою чистую и невинную душу,—сказала м-съ Вальтамъ,—но что дѣлать, ты должна все знать. Извѣстіе это слишкомъ важно.

И она подала газету Адели; та прочла и возвратила ее матери, не сказавъ ни слова.

М-съ Вальтамъ сочла нужнымъ распространиться о благоразуміи Ричарда Мотимера, противополагая его распущенности Губерта.

— Я бы хотѣла знать,—сказала Адель:—отчего вамъ такъ хочется видѣть меня женою Мотимера?

— М-ръ Мотимеръ достойный человѣкъ. Онъ внушаетъ мнѣ большое довѣріе. Что же касается его религіозныхъ убѣжденій, то ты можешь имѣть на него самое благотворное вліяніе. Заблужденія ума не страшны тому, у кого доброе сердце.

— Но я не люблю его!—сказала Адель, покраснѣвъ.

— Повѣрь мнѣ: любовь придетъ въ свое время. М-ръ Мотимеръ уважаетъ тебя—онъ мнѣ говорилъ.

— Ахъ, что мнѣ дѣлать! Вы не можете мнѣ желать зла... Въ подобныхъ обстоятельствахъ такъ трудно на что-нибудь рѣшиться... Я подчинюсь вашему рѣшенію, мама.

Digitized by Google

— Да, Адель, да, я горячо желаю этой свадьбы; потомъ ты убѣдишься, что я имѣла основаніе желать ея.

— Я согласна,—упавшимъ голосомъ произнесла Адель, протягивая руку матери.

Въ тотъ же вечеръ слѣдующій разговоръ происходилъ между Ричардомъ и м-ромъ Родманомъ, инспекторомъ работъ въ Новомъ-Ванлеѣ.

— Читали вы послѣдній нумеръ „Belwick Chronicle"?—спросилъ Родманъ.—Тутъ есть кое-что весьма любопытное.

И онъ протянулъ нумеръ Мотимеру.

— Это, вѣроятно, настрочилъ м-ръ Кинъ?—сказалъ Ричардъ, прочтя сенсаціонное извѣстіе. Закуривъ сигару, онъ сталъ грѣть ноги, положивъ ихъ на рѣшетку камина.

— Да, безъ сомнѣнія. Онъ же мнѣ и далъ газету.

— А какъ фамилія этой женщины?

— Не знаю. Но извѣстіе въ высшей степени вѣроятное. Это—развязка старой исторіи.

Оставшись одинъ, Ричардъ задумался. Онъ зналъ, что Родманъ за послѣднее время подружился съ м-ромъ Киномъ.

Очевидно, они хотѣли услужить ему, но вопросъ еще, что̀ изъ этого могло выйти!

Утромъ, просматривая груду полученныхъ писемъ, Ричардъ нашелъ письмо отъ Эммы. Онъ прочелъ его послѣднимъ.

„Благодарю васъ, милый Ричардъ, писала она, за присланныя вами деньги, но я больше бы обрадовалась, получивъ отъ васъ хотя нѣсколько строчекъ. Я такъ васъ давно не видала! Но я знаю, вамъ некогда, и терпѣливо жду.

„Одна дама отдала намъ шить траурныя платья для своихъ слугъ. Это большая радость, и мнѣ пріятно подѣлиться ею съ вами.

„Бѣдная Жанна меня ужасно тревожитъ: ей все хуже и хуже. Она страшно страдаетъ и почти не спитъ. А главное, у нея очень тяжелое душевное состояніе: она плачетъ, и я ничѣмъ не могу ее успокоить. Къ счастію еще, что у Катерины дѣти не хвораютъ. Берти уже читаетъ. Онъ часто говоритъ, что желалъ бы васъ видѣть. Благодарю васъ, другъ мой, за вашу доброту ко мнѣ! Я постоянно о васъ думаю.—Эмма".

Ричардъ хотѣлъ-было уже бросить письмо въ каминъ, но замѣтилъ внизу приписку, сдѣланную дрожащимъ почеркомъ. Видно было, что писала слабая рука больной.

„Дорогой Ричардъ, прошу васъ, пріѣзжайте къ намъ. Мнѣ

Digitized by Google

уже не долго жить,—не отказывайте мнѣ въ этой послѣдней просьбѣ; мнѣ очень *нужно* васъ видѣть.—Жанна".

Сжавъ губы и сурово сдвинувъ брови, читалъ Ричардъ эти строки. Потомъ кинулъ письмо въ огонь. Листокъ вспыхнулъ, и черезъ мгновеніе отъ него ничего не осталось, кромѣ чернаго пепла, по которому бѣгали маленькія искорки. Ричардъ рѣшилъ сейчасъ же пойти къ Вальтамамъ. Онъ хотѣлъ не являться къ нимъ цѣлую недѣлю, но что до того? Какъ разъ въ ту минуту, когда онъ подходилъ къ ихъ дому, м-съ Вальтамъ открыла окно и, взглянувъ, замѣтила его.

„Сама судьба помогаетъ мнѣ!" подумалъ обрадованный Ричардъ. Онъ подошелъ къ окну и, поговоривъ съ своей будущей тещей минутъ пять, пошелъ осматривать работы.

Не успѣла м-съ Вальтамъ отойти отъ окна, какъ новый гость пожаловалъ къ ней—это былъ м-ръ Вейвернъ. Узнавъ, что Адель заходила къ нему и не застала его дома, онъ рѣшилъ самъ повидаться съ нею.

По возбужденной и торжествующей физіономіи м-съ Вальтамъ клерджименъ не безъ основанія заключилъ, что произошло нѣчто необыкновенное. Когда онъ выразилъ желаніе поговорить нѣсколько минутъ съ миссъ Аделью, она отвѣчала, бросая на него удивленный взглядъ:

— Вы должны извинить мою дочь: она не можетъ сегодня видѣть васъ.—И, понизивъ голосъ, она прибавила:—сегодня рѣшительный день въ ея жизни—м-ръ Мотимеръ сдѣлалъ ей предложеніе, и она приняла его.

— Да, въ такомъ случаѣ мнѣ безполезно видѣться съ ней,—сказалъ клерджименъ унылымъ тономъ.

М-съ Вальтамъ, непріятно удивленная тѣмъ, какъ онъ принимаетъ извѣстіе о свадьбѣ ея дочери, и видя, что ей не дождаться отъ него обычныхъ въ такихъ случаяхъ комплиментовъ, продолжала:

— Въ высшей степени скандальные слухи ходятъ насчетъ Губерта Эльдона! Вы ничего не знаете?

— Я ничего не слыхалъ.

— Быть не можетъ? Объ этомъ даже говорятъ въ печати!—вскричала хозяйка, и на сцену снова появился знаменитый нумеръ газеты.

— Это гнусная клевета!—вскричалъ клерджименъ, прочитавъ извѣстіе.

— Вы въ этомъ увѣрены, м-ръ Вейвернъ?

Digitized by Google

— Глубоко увѣренъ. Увѣряю васъ, что это совершенно ни на чемъ не основанная ложь.

— Тѣмъ лучше для бѣдной лэди Эльдонъ! Право, ваши слова совсѣмъ оживили меня. Какъ-то невольно вѣришь тому, что прочтешь на страницахъ газеты. И я глубоко огорчилась, прочтя это скандалезное извѣстіе.

Клерджименъ положилъ газету въ карманъ и, простившись съ хозяйкой, удалился.

А. Э.

Digitized by Google

СРЕДНЕВѢКОВОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ

ЕГО

ВОЗНИКНОВЕНІЕ и ИДЕАЛЪ

II *).

Существенное содержаніе исторіи составляютъ идеи. Онѣ даютъ направленіе творческой дѣятельности историческихъ лицъ и управляютъ событіями. Въ послѣднее время историки стали обращать больше вниманія, чѣмъ прежде, на *интересы*: интересы экономическіе—и вызванные условіями, въ которыя поставлена хозяйственная жизнь народовъ; интересы соціальные, вызванные потребностями отдѣльныхъ слоевъ въ народѣ;—но такое изученіе интересовъ не уменьшило значеніе идей. Напротивъ, мы постоянно видимъ, что самые интересы становятся подъ знамя какой-нибудь идеи, стараются воспользоваться господствующими идеями, чтобы восторжествовать въ борьбѣ съ противоположными интересами. Въ средніе вѣка господствовала надъ людьми идея „божескаго царства“. Мы слѣдили за ея возникновеніемъ; стояли, такъ сказать, у ея колыбели и познакомились съ ея теоретической формулой, съ догмою, въ которую она вылилась. Мы видѣли затѣмъ, какъ она реализировалась въ двухъ могущественныхъ учрежденіяхъ—въ монашествѣ и въ римской церкви. Нашу цѣль составляетъ не изученіе этихъ учрежденій, душою которыхъ была идея „божескаго царства“, а ознакомленіе съ тѣми людьми, которые ее собою олицетворяли.

---

*) См. выше, январь, 172 стр.

Digitized by Google

Самымъ глубоко убѣжденнымъ ея представителемъ и самымъ вліятельнымъ ея поборникомъ былъ—Бернардъ де-Клервò. Св. Бернардъ былъ сыномъ эпохи, представляющей высшій расцвѣтъ того воинственно-религіознаго одушевленія, которое выразилось въ крестовыхъ походахъ. Ему было 8 лѣтъ, когда западное рыцарство водрузило христіанскія знамена на стѣнахъ и башняхъ Іерусалима, и это „чудесное", для людей того времени, событіе залегло неизгладимыми чертами въ душу ребенка. Онъ самъ принадлежалъ къ тому рыцарству, которое посвящало жизнь и достояніе пріобрѣтенію Божьяго града. Въ Бургундіи, у склона тѣхъ холмовъ, которымъ дано знаменательное названіе Côte d'Or и на вулканической почвѣ которыхъ произрастаетъ и самое огненное изъ французскихъ винъ, стоялъ замокъ его отца Тесселина, одного изъ знатныхъ и богатыхъ вассаловъ герцога Бургундіи. Тесселинъ обладалъ всѣми качествами отличнаго рыцаря, и современники отличали въ немъ, кромѣ того, благочестіе и милосердіе къ бѣднымъ; но что въ немъ въ особенности привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе—это рѣдкая любовь къ справедливости. Поставленный однажды въ необходимость, по обычаямъ того времени, выиграть одно дѣло судебнымъ поединкомъ и будучи сильнѣе своего противника, онъ, вопреки нравамъ эпохи, отказался отъ своего иска и примирился съ тѣмъ, побѣдить котораго считалъ несправедливымъ. Черты отца мы находимъ въ сынѣ; но взоры историка невольно останавливаются еще съ бо́льшимъ вниманіемъ на матери Бернарда, Алитѣ. Она имѣла рѣшающее вліяніе на судьбу своего сына. Идеальные интересы эпохи, когда овладѣютъ сердцемъ женщины, съ непреодолимой силою дѣйствуютъ черезъ нее на окружающій ее міръ. Біографы Бернарда изображаютъ его мать какъ святую, по ея благочестію и дѣламъ милосердія. Окруженная многочисленною семьею,—у нея было шесть сыновей и дочь,—она находила время посѣщать бѣдныхъ и больныхъ и сама ходить за ними. Въ свои послѣдніе годы, она, оставаясь въ семьѣ, по отношенію къ одеждѣ, посту и молитвѣ вела иноческій образъ жизни. Въ особенности же ея благочестивая кончина должна была произвести глубокое впечатлѣніе на ея сыновей, которыхъ она, тотчасъ по рожденіи ихъ, посвящала Богу.

Изъ нихъ Бернардъ первый осуществилъ завѣтъ матери; но во время смерти ея онъ былъ еще такъ молодъ, что его жизненный путь не былъ опредѣленъ. Это опредѣленіе не могло состояться безъ мучительной борьбы, и Бернарду, этому страстному представителю средневѣкового монашества, было не легко раз-

Digitized by Google

статься съ міромъ. Этотъ моментъ въ жизни героевъ монашескаго идеализма заслуживаетъ всегда особеннаго вниманія. Идеализмъ монашескій требовалъ не только всего человѣка, съ устраненіемъ всякаго другого интереса, но требовалъ безповоротнаго рѣшенія служить ему. Въ положеніи Бернарда жертва, которую онъ хотѣлъ принести, была въ особенности чувствительна. Правда, онъ былъ отъ природы „замѣчательно задумчивъ" и любилъ уже въ дѣтствѣ уединеніе, но онъ выросъ среди рыцарскихъ нравовъ; примѣръ его отца, дяди и старшихъ братьевъ раскрывалъ предъ нимъ заманчивую сторону рыцарскаго быта; его красивая наружность и симпатія, которую онъ внушалъ вокругъ себя, обѣщали ему успѣхъ въ мірѣ; у Бернарда былъ еще и другой интересъ, который могъ его удержать въ мірѣ. Онъ учился въ шатильонской школѣ и выдавался въ ней своими способностями надъ товарищами и своимъ краснорѣчіемъ; его самолюбіе было сильно затронуто, и родственники старались увлечь его перспективой литературной и ученой славы, которую уже доставляли развившіяся въ то время схоластика и діалектика. Но память матери помогла Бернарду преодолѣть эти искушенія. Отправляясь однажды къ своимъ братьямъ, находившимся въ дружинѣ герцога бургундскаго при осадѣ одного замка, Бернардъ свернулъ съ пути, чтобы войти въ стоявшую близъ дороги церковь, и тамъ среди многихъ слезъ и молитвъ окончательно созрѣло его рѣшеніе.

Двадцати лѣтъ Бернардъ вступилъ въ монастырь и выбралъ для этого недавно учрежденный, очень бѣдный монастырь, Ситò, съ чрезвычайно суровымъ уставомъ. Здѣсь, а затѣмъ въ новомъ монастырѣ, Клервò (Clairvaux, Clara vallis—Ясная-Долина), имъ самимъ учрежденномъ, Бернардъ превзошелъ въ умерщвленіи плоти самый строгій, аскетическій уставъ. Онъ постился такъ усердно, что уничтожилъ въ себѣ самое желаніе пищи; принятіе ея вызывало въ немъ непріятное ощущеніе, такъ что, наконецъ, онъ впалъ въ болѣзнь мучительную для него самого и тяжелую для товарищей. Его спасла только преданность одного изъ его друзей, извѣстнаго діалектика, Guillaume de Champeaux, бывшаго въ то время епископомъ шалонскимъ, который заставилъ его въ силу монашескаго послушанія лечиться и сдѣлаться умѣреннѣе въ аскетизмѣ. Бернардъ, однако, довелъ себя до такого омертвѣнія внѣшняго чувства, что утратилъ способность различать пищу по вкусу, и его біографъ приводитъ поразительные примѣры недоразумѣній, въ которые онъ впадалъ въ этомъ отношеніи.

Въ подобное же состояніе нечувствительности Бернардъ ста-

Digitized by Google

рался привести себя и относительно *духовнаго* общенія съ внѣшнимъ міромъ. Онъ сталъ тяготиться посѣщеніемъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ: ихъ разсказы разсѣивали его, и послѣ ихъ ухода онъ чувствовалъ себя менѣе способнымъ къ молитвѣ. Вслѣдствіе этого онъ пересталъ ихъ принимать, а когда, по приказанію аббата, долженъ былъ къ нимъ выходить, то сталъ подъ своимъ монашескимъ капюшономъ закупоривать воскомъ уши, чтобы среди людей оставаться глухимъ къ ихъ суетнымъ интересамъ.

Бернардъ дѣйствительно скоро достигъ до такой сосредоточенности и замкнутости въ себѣ, что часто не замѣчалъ того, что̀ вокругъ него происходило. Во время одной изъ своихъ первыхъ поѣздокъ Бернардъ посѣтилъ главный картузіанскій монастырь (La Grande Chartreuse) близъ Гренобля. Пріоръ монастыря изумился, когда увидѣлъ, на какомъ великолѣпно убранномъ конѣ прибылъ Бернардъ, который такъ строго осуждалъ всякую роскошь со стороны монаховъ; пріоръ не могъ скрыть своего неудовольствія и выразилъ это одному изъ спутниковъ Бернарда. Узнавъ объ этомъ, Бернардъ велѣлъ подвести себѣ своего коня и самъ пришелъ въ изумленіе: оказалось, что этого коня дали Бернарду для проѣзда въ одномъ изъ клюнійскихъ монастырей, и что онъ сѣлъ на него, не обративъ вниманія на богатство сбруи. Въ другой разъ ему пришлось въ теченіе нѣсколькихъ дней совершать свой путь вдоль береговъ Женевскаго озера; онъ ничего не замѣтилъ, и когда уже миновалъ озеро, привлекающее и теперь взоры тысячи любопытныхъ, съ удивленіемъ спросилъ своихъ спутниковъ, о какомъ озерѣ они между собой говорятъ?

Изъ приведеннаго факта, однако, отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобы Бернардъ былъ равнодушенъ къ природѣ. Напротивъ, онъ говоритъ о ней въ своихъ сочиненіяхъ съ такимъ чувствомъ, что одинъ изъ его послѣднихъ біографовъ приписываетъ ему даже любовь къ природѣ [1]). По свидѣтельству аббата Гвилельма, перваго жизнеописателя Бернарда, этотъ послѣдній признавался, что все свое знаніе въ св. писаніи и въ особенности пониманіе его *духовнаго* смысла онъ главнымъ образомъ пріобрѣлъ въ лѣсахъ и поляхъ посредствомъ размышленія и молитвы; среди же друзей онъ любилъ говорить съ свойственной ему граціозной шуткой, что въ этомъ отношеніи никогда не имѣлъ иныхъ учителей, кромѣ дубовъ и буковъ [2]).

---

[1]) Morison. Life and Times of St. Bernard. 1834, p. 20.

[2]) Migne. T. 183, p. 240.

Digitized by Google

Одному магистру, о которомъ ему говорили, что онъ усиленно изучаетъ пророковъ, Бернардъ писалъ, предостерегая его противъ мертвенной учености книжниковъ: „Повѣрь испытавшему это на себѣ: въ лѣсахъ ты найдешь нѣчто лучшее, чѣмъ книги. Деревья и скалы научатъ тебя тому, чего отъ учителей не услышишь".

Въ чемъ же разгадка? Что влекло Бернарда къ природѣ, и что онъ въ ней любилъ? Очевидно, не эстетическое наслажденіе доставляла природа Бернарду, а религіозное настроеніе. Подъ тѣнью дубовъ и буковъ, Бернардъ живѣе чувствовалъ близость божества. Охватывая его своей таинственностью, природа уединяла его среди міра, устраняла все, что могло развлечь его душу, и располагала ее къ мистическому созерцанію божества. Въ своихъ, полныхъ поэзіи, проповѣдяхъ о „Пѣснѣ Пѣсней", Бернардъ изображаетъ, какъ въ религіозномъ уединеніи человѣкъ „поднимается выше самого себя, соприкасается Бога и духовно сливается съ нимъ". „Такъ ищи же уединенія, подобно горлицѣ (Sede solitarius sicut turtur)!—въ поэтическомъ образѣ, восклицаетъ Бернардъ. „Нѣтъ тебѣ дѣла до толпы, ничего нѣтъ у тебя общаго со всѣми прочими; самый народъ свой забудь и домъ отцовскій, и тогда Царь почувствуетъ вожделѣніе къ твоей красотѣ. О, святая душа, будь наединѣ, чтобы сохранить себя для одного Того, котораго ты изъ всѣхъ себѣ избрала, бѣги отъ общества, бѣги даже отъ домашнихъ, сторонись отъ друзей и близкихъ и даже отъ того, кто тебѣ служитъ [1])!"

Какъ источникъ религіознаго восторга и мистическаго упоенія, уединеніе было для Бернарда необходимымъ условіемъ душевнаго мира и внутренняго блаженства, и въ этомъ смыслѣ онъ восклицалъ: o, beata Solitudo, o, sola beatitudo [2])! „О, блаженное уединеніе, о, единое блаженство!". Но это уединеніе въ мірѣ, посвященное религіозному созерцанію, которое Бернардъ находилъ среди природы, доставляла ему и монашеская келья; его-то именно онъ и искалъ за монастырской оградой. Вступивъ въ монашество, Бернардъ всецѣло отдался своему призванію. Нельзя было найти болѣе суроваго исполнителя монашескаго устава или болѣе страстнаго истолкователя монашескихъ обѣтовъ, чѣмъ Бернардъ. На первомъ планѣ стояло для средневѣкового монаха истязаніе плоти. Бернардъ въ этомъ отношеніи былъ неумолимъ; щадить жизнь и руководиться для этого указаніями медицинской науки

[1]) Serm. in Cant. № 40. Migne. Bern. Op. V. 183, col. 993.
[2]) Vacandard. St. Bern. Orateur, p. 48.

Digitized by Google

онъ считалъ постыднымъ для истинныхъ христіанъ. „Гиппократъ и его послѣдователи,—говорилъ онъ однажды своимъ монахамъ,—учатъ, какъ сохранить жизнь въ этомъ мірѣ; Христосъ и его ученики—какъ ее потерять. Кого же изъ двухъ вы избираете своимъ учителемъ, за кѣмъ будете слѣдовать? Не скрываетъ своего намѣренія тотъ, кто станетъ такъ разсуждать: такая-то пища вредна глазамъ, отъ такой-то происходитъ боль въ головѣ, въ груди или въ желудкѣ. Развѣ вы въ евангеліяхъ или въ пророкахъ читали объ этихъ различіяхъ? Конечно, нѣтъ; плоть и кровь открыли вамъ эту истину... Развѣ я обѣщалъ излагать вамъ ученіе Гиппократа и Галена, или бесѣдовать съ вами о школѣ Эпикура? Я ученикъ Христа и говорю съ учениками Христа; если я введу сюда чуждое ему ученіе, то самъ согрѣшу. Эпикуръ и Гиппократъ предпочитаютъ: одинъ—наслажденіе плоти, другой—ея сохраненіе; мой Учитель наставляетъ, какъ презирать и то, и другое“ [1]). Такъ и въ письмѣ къ монахамъ св. Анастасія (№ 345), которые жили въ нездоровой мѣстности и оттого часто хворали, Бернардъ, „сожалѣя о ихъ болѣзняхъ“, осуждалъ излишнюю заботу монаховъ о здоровьѣ. „Слишкомъ несогласно съ вашимъ монашествомъ искать тѣлеснаго лекарства и не полезно для спасенія. Прибѣгать иногда къ простымъ (vilibus) травамъ—это терпимо и кое-гдѣ въ обычаѣ. Но покупать лекарства, посылать за врачами, пить декокты—недостойно монашества (religione) и противно чистотѣ, въ особенности же чести и чистотѣ нашего ордена. Все это, правда, принято у людей! Но мы знаемъ, что живущіе во плоти не угодны Богу“ [2]). Не менѣе строго отстаивалъ Бернардъ другую черту монашескаго идеала—бѣдность. Недовольный ослабленіемъ требованія абсолютной бѣдности въ современныхъ ему монастыряхъ, Бернардъ вступилъ въ монастырь Ситò и, какъ мы увидимъ, проводилъ принципъ бѣдности въ своемъ орденѣ такъ сурово, что высказывался даже противъ всякой роскоши въ отдѣлкѣ и убранствѣ церквей. Но съ своей поэтической натурой,

[1]) Serm. in Cant. 30. Тутъ же дальше любопытное мѣсто, доказывающее, какъ даже въ монастыряхъ XII в. разбирали и знали свойства различной пищи: „стручковыя овощи пучатъ животъ, сыръ тяжело ложится на желудокъ, отъ молока болитъ голова, грудь не выноситъ сырой воды, капуста возбуждаетъ меланхолію, латухъ (поррей) раздражаетъ желчь, рыба изъ пруда или болотистой рѣки вредна моей натурѣ“,—иронически заявляетъ Бернардъ отъ лица монаховъ, принимавшихъ во вниманіе опытъ тогдашней гигіены.

[2]) Недавно извѣстный вѣнскій врачъ, открывая курсъ своихъ лекцій, предостерегалъ слушателей противъ мнѣній о врачахъ и о медицинѣ гр. Л. Н. Толстого и Бернарда; изъ приведенныхъ здѣсь словъ видно, что св. Бернардъ порицалъ только обращеніе *монаховъ* къ врачебному искусству.

Digitized by Google

Бернардъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съумѣлъ озарить поэтически-религіознымъ блескомъ бѣдность. Въ одной изъ своихъ проповѣдей въ канунъ Рождества, Бернардъ объясняетъ, какое значеніе имѣетъ рожденіе Христа въ Виѳлеемѣ. Оно служитъ знаменіемъ того, какъ его слѣдуетъ принимать на землѣ. „Можетъ быть, кто-нибудь полагаетъ, что ему слѣдовало бы избрать для своего рожденія величественный чертогъ, гдѣ царь славы былъ бы принятъ съ великою славою; но не ради этого Христосъ сошелъ съ своего царственнаго жилища. Богатства и славы на небесахъ вѣчное изобиліе, но одного тамъ не обрѣталось—бѣдности. Зато на землѣ ея было много и слишкомъ много, но человѣкъ не зналъ ея цѣны. Бѣдности именно и пожелалъ, сходя на землю, сынъ Божій, чтобы, избравъ ее для себя, своею оцѣнкой сдѣлать ее намъ драгоцѣнной“ [1]). Въ знаменательныхъ словахъ, которыя въ своей латинской формѣ врѣзываются въ память какъ прекрасный стихъ поэта, какъ глубокое слово мудреца, прославляетъ Бернардъ бѣдность въ одномъ изъ своихъ писемъ (№ 103): „Перестань добиваться того, что̀ и по достиженіи даетъ несчастіе. Блаженъ тотъ, кто не гонится за тѣмъ, что̀ имѣть—есть бремя, любить зазорно, утратить мучительно (quae possessa onerant, amata inquinant, amissa cruciant). Я желаю, чтобы ты былъ другомъ бѣдныхъ; еще болѣе желаю того, чтобы ты слѣдовалъ ихъ примѣру. Первое есть путь грядущихъ къ совершенству, второе же есть свойство лицъ, достигнувшихъ его“. Точно также и третій монашескій обѣтъ—повиновеніе—получилъ у Бернарда болѣе широкое и общее толкованіе. Повиновеніе представляется ему лишь средствомъ для болѣе высокой цѣли—уничтоженія личной воли. „Своя воля“ въ человѣкѣ—источникъ грѣха и всякаго нравственнаго зла. „Поэтому,—говоритъ Бернардъ въ одной изъ своихъ проповѣдей,—собственная воля человѣка такъ ненавистна Господу, что дѣлаетъ для Него противными всѣ жертвы людскія, вслѣдствіе яда, который она къ нимъ подмѣшиваетъ. „Если, напримѣръ,—поясняетъ Бернардъ,—въ день моего поста окажется, что я пощусь по своей волѣ, то постъ мой не будетъ угоденъ Господу, такъ какъ будетъ отзываться не благовоніемъ лиліи повиновенія, а смрадомъ своеволія. То же самое я полагаю и относительно молчанія, бдѣнія, молитвы, чтенія, ручного труда, вообще всякаго монашескаго правила, въ соблюденіи котораго монахъ проявляетъ свою волю, а не повиновеніе наставнику своему. „Да, всякое зло—

[1]) Serm. in Vig. nat. I. Migne, 183, col. 89.

Digitized by Google

собственная воля, ибо она дѣлаетъ то, что твое доброе дѣяніе служитъ тебѣ не къ добру“ [1]).

Весьма характерно и другое опредѣленіе „своеволія“ у Бернарда, въ одной изъ его проповѣдей въ день Пасхи [2]), на текстъ объ исцѣленіи отъ проказы сирійскаго военачальника Неемана пророкомъ Елисеемъ. По своему обычаю, Бернардъ придаетъ этому разсказу аллегорическій смыслъ, и сообразно съ тѣмъ, что Елисей приказалъ Нееману семь разъ омыться въ Іорданѣ, онъ различаетъ семь видовъ нравственной проказы въ человѣкѣ, или семь главныхъ пороковъ. Въ сердцѣ человѣка Бернардъ находитъ проказу своеволія тѣмъ болѣе гибельною, что она скрыта отъ глазъ. „Своею волею,—говоритъ по этому поводу Бернардъ,—я называю ту, которая не тождественна съ волею Божіей или людскою, но принадлежитъ намъ самимъ; она проявляется, когда мы дѣлаемъ то, что желаемъ, не ради славы Божіей, не ради пользы братьевъ, но ради насъ самихъ, удовлетворяя собственнымъ движеніямъ души. Ей прямо противоположна любовь (caritas), которая тождественна съ Богомъ. Ибо что же ненавидитъ или караетъ въ насъ Господь, какъ не собственную нашу волю? Не будь въ насъ своей воли, и не стало бы ада“ (cesset voluntas propria, et infernus non erit).

Приведенное мѣсто указываетъ на высокое значеніе, которое Бернардъ придавалъ *любви*, противополагая ее личному началу въ человѣкѣ и отождествляя ее съ божественнымъ.

Слово апостола Іоанна (I посл. 4, 16): „Богъ есть любовь“, можно назвать исходною точкою его размышленій; оно такъ часто встрѣчается у него, такъ естественно сливается съ его мыслями и разсужденіями, что его можно принять за его собственное опредѣленіе; оно становится неисчерпаемымъ источникомъ его восхваленій какъ божественной сущности, такъ и свойства и силы любви.

Въ такомъ превознесеніи любви заключается существенная сторона личности Бернарда и его монашеской этики. Всѣ аскетическіе подвиги въ его глазахъ лишь средства для усовершенствованія въ любви.

Въ этомъ отношеніи Бернардъ представляетъ собою совершенно другой моментъ въ исторіи аскетизма, чѣмъ тѣ знаме-

---

[1]) Serm. in Cant. LXXI. M. 183, col. 1128. Vacandard., p. 414.

[2]) Serm. III in temp. Resurr. Migne. V. 183, col. 289.

Digitized by Google

нитые аскеты, которыхъ не даромъ сравнивали съ атлетами греческой палестры, такъ какъ, подобно атлетамъ, они упражнялись и старались усовершенствоваться въ физическомъ подвигѣ. Для такихъ аскетовъ сподвижничество въ перенесеніи физическихъ страданій, побѣдѣ духа и воли надъ плотью, становилось само по себѣ цѣлью; для Бернарда любовь есть вѣнецъ монашескаго сподвижничества и стоитъ выше всѣхъ монастырскихъ добродѣтелей. Такъ, комментируя слова Пѣсни Пѣсней: „Кто это восходитъ какъ заря занимающаяся, прекрасная какъ луна, желанная какъ солнце“, и т. д., Бернардъ отождествляетъ съ утреннею зарею смиреніе, а цѣломудріе съ луною, которая „имѣетъ свой блескъ не отъ себя, а получаетъ его отъ солнца“; солнце—то лучезарное свѣтило, которое удѣляетъ свой свѣтъ всѣмъ прочимъ свѣтиламъ—для Бернарда знаменуетъ собою любовь. „Ибо всѣ остальныя добродѣтели, сколько бы ихъ ни было, безъ любви, нисколько не безпокоятъ демоновъ“ [1]).

Любви было отведено у Бернарда высшее мѣсто не только среди монашескаго, но и среди общихъ, такъ-называемыхъ кардинальныхъ, добродѣтелей; четыре изъ этихъ семи основныхъ добродѣтелей были заимствованы средневѣковою этикой у греческихъ философовъ, но, согласно съ духомъ эпохи, имъ былъ приданъ аскетическій смыслъ. Такъ и Бернардъ опредѣляетъ мудрость знаніемъ вещей, къ которымъ слѣдуетъ стремиться и которыхъ избѣгать, разумѣя подъ первыми небесныя, а подъ послѣдними земныя блага; мужество опредѣлялось твердостью души въ перенесеніи невзгодъ, а подъ ними Бернардъ преимущественно разумѣлъ искушеніе плоти и дьявола, и т. д. Всѣ эти основныя добродѣтели Бернардъ уподоблялъ семи днямъ недѣли, причемъ умѣренность, мудрость, мужество, справедливость и присоединенныя къ нимъ христіанской этикой вѣру и надежду отождествлялъ съ буднями, любовь же—съ днемъ *субботнимъ*. Подобно тому, какъ будни завершаются днемъ всеобщаго отдохновенія, такъ въ его глазахъ и всѣ добродѣтели обрѣтали свои завершенія въ *любви*.

Но о какой же любви здѣсь идетъ рѣчь? Конечно, о любви къ Богу. Въ ученіи Бернарда о любви къ Богу ярко выступаетъ органическая связь между монашествомъ и всей средневѣковой этикой. Аскетическое самоотреченіе человѣка является совершенствомъ не только для монаха, но общечеловѣческимъ

[1]) Serm. de Diversis 91. Migne, 183, col. 712. Приведенныя слова переведены съ текста вульгаты. VI, 9.

Digitized by Google

этическимъ идеаломъ; на этой почвѣ монашество представляетъ собою не отдѣльный классъ людей, не особое призваніе, а *лучшихъ людей*, высшую ступень въ достиженіи общаго идеала.

Бернардъ различаетъ четыре ступени любви къ Богу. Первая ступень—это любовь человѣка къ Богу ради самого себя. „Такъ какъ мы,—говоритъ Бернардъ въ письмѣ къ пріятелю Гвилону (№ 11),—отъ плоти и получаемъ начало отъ любви къ плоти, то наша любовь по необходимости начинается съ плоти. Вначалѣ, поэтому, человѣкъ любитъ самого себя и ради себя. Но когда онъ видитъ, что не въ состояніи самъ по себѣ существовать, онъ начинаетъ вѣрою искать Бога, какъ необходимаго для себя, и любитъ его. Любитъ онъ, такимъ образомъ, на второй ступени Бога, но опять ради себя, а не ради него. Когда же онъ начинаетъ, по случаю собственной нужды, чтить Бога и находить его размышленіемъ, чтеніемъ молитвъ и повиновеніемъ, онъ постепенно познаетъ Бога, сближается съ нимъ и постигаетъ его сладость: такъ онъ переходитъ на третью ступень, любя Бога уже не ради себя, но ради него. На этой ступени онъ останавливается, и я не знаю, достигнута ли кѣмъ-нибудь изъ людей, въ этой жизни, четвертая ступень, когда человѣкъ любитъ себя только ради Бога. Пусть утверждаетъ это тотъ, кто это испыталъ,—мнѣ, признаюсь, это кажется невозможнымъ". Это случится тогда, когда человѣкъ въ полномъ упоеніи божественномъ забудетъ о самомъ себѣ и, какъ бы отпавши отъ себя, весь погрузится въ Бога и, слившись съ нимъ, будетъ единымъ съ нимъ духомъ. Эту любовь къ Богу Бернардъ прославляетъ, можно было бы сказать, воспѣваетъ на всѣ тоны не только въ отвлеченномъ трактатѣ, посвященномъ этому предмету (de diligendo Deo), но въ особенности въ своихъ проповѣдяхъ на текстъ Пѣсни Пѣсней. Этотъ гимнъ любви въ особенности воодушевляетъ Бернарда, такъ какъ поэтически-страстныя рѣчи еврейскаго пѣснопѣвца онъ прилагаетъ къ мистическому вожделѣнію человѣческой души, къ соединенію съ Творцомъ вселенной. Поэтому онъ никакъ не могъ разстаться съ этимъ гимномъ; часто прерываемый въ своемъ истолкованіи его, онъ постоянно къ нему возвращается; произнесши на его текстъ 86 проповѣдей, Бернардъ могъ бы еще долго продолжать свое истолкованіе,—такъ неутомимо отыскиваетъ онъ въ каждомъ оборотѣ и въ каждомъ словѣ новый аллегорическій смыслъ. Въ этомъ твореніи Бернарда можно найти лучшіе перлы средневѣковой религіозной поэзіи; укажемъ, напримѣръ, на 83-ю проповѣдь. Вся она не что иное, какъ величественный гимнъ на основной мотивъ: magna res est amor (вели-

Digitized by Google

кое дѣло — любовь): „Одному Господу честь и слава,—говоритъ здѣсь Бернардъ, — но ни то, ни другое не будетъ угодно Господу, не приправленное медомъ любви. Любовь сама себѣ довлѣетъ, сама по себѣ угодна и ради самой себя. Въ ней самой ея заслуга, она сама себѣ служитъ наградой. Любовь не ищетъ внѣ себя своей причины, не ищетъ для себя и плода. Ея польза въ самомъ ея проявленіи. Я люблю, потому что люблю; я люблю для того, чтобы любить. Великое дѣло — любовь"...

Легко можно было бы привести цѣлый рядъ образчиковъ поэтическаго творчества Бернарда, но мы воздержимся отъ этого, примѣняя къ этимъ проповѣдямъ слова самого Бернарда по поводу Пѣсни Пѣсней: „Здѣсь вездѣ говоритъ любовь; поэтому, если кто желаетъ усвоить себѣ смыслъ того, что здѣсь сказано, то пусть полюбитъ (amet). Безъ этого напрасно приступитъ къ слушанію или чтенію гимна любви тотъ, кому невѣдома любовь, ибо пламенную рѣчь совершенно не въ состояніи понять холодное сердце. И подобно тому, какъ говорящаго по-гречески не понимаетъ тотъ, кто не знаетъ по-гречески, такъ и языкъ любви— варварскій языкъ для того, кто не любитъ".

Страницы душевныхъ изліяній Бернарда представляютъ для потомковъ замѣчательный памятникъ религіозной поэзіи среднихъ вѣковъ; для него самого онѣ знаменуютъ минуты высшаго блаженства, когда его душа, высоко поднимаясь въ религіозномъ восторгѣ и отрѣшившись отъ всего, что задерживало ея полетъ обрѣтаясь наединѣ съ Божествомъ (una uni), всецѣло отдавалась ему. И чѣмъ выше было блаженство, которое такія минуты доставляли Бернарду, тѣмъ болѣе онъ тосковалъ по нимъ (gaga hora et parva mara!—рѣдокъ часъ и кратко мгновеніе!—восклицалъ онъ) и жаждалъ ихъ повторенія.

Понятно, что при такомъ страстномъ религіозномъ одушевленіи, при томъ глубокомъ душевномъ удовлетвореніи, которое онъ находилъ въ монастырѣ, Бернардъ страстно желалъ направить на путь къ этому блаженству всѣхъ, кого любилъ.

Эта забота Бернарда о привлеченіи въ монастырь близкихъ ему лицъ выражалась часто въ самыхъ безпощадныхъ формахъ. Особеннаго труда стоило Бернарду побудить своего старшаго брата Гвидона вступить въ монашество. Этотъ братъ былъ владѣтелемъ родового замка; онъ былъ уже женатъ и имѣлъ дѣтей. Однако, онъ выразилъ готовность уступить требованіямъ брата, если жена дастъ на то свое согласіе. Но жена Гвидона согласія

Digitized by Google

своего не дала. Тогда Бернардъ предсказалъ брату, что его жена или умретъ, или дастъ свое согласіе. Даже и это предсказаніе, несмотря на суевѣрность того вѣка, не надломило твердаго рѣшенія невѣстки Бернарда сохранить мужа и дѣтей. Гвидонъ, чтобы смягчить брата, соглашался отказаться отъ войны и рыцарскаго образа жизни и, подобно крестьянину, содержать семью личнымъ трудомъ. Но Бернардъ былъ неумолимъ. Наконецъ, невѣстка впала въ тяжкую болѣзнь; тогда она послала за Бернардомъ, просила у него прощенія, и по ея выздоровленіи оба, и мужъ, и жена, вступили въ монастырь.

И со вторымъ братомъ, Герардомъ, который былъ страстно преданъ рыцарскому образу жизни, Бернарду пришлось бороться такими же средствами. Прикоснувшись пальцемъ къ его груди, Бернардъ предсказалъ брату, что скоро придетъ день, когда копье вонзится въ его тѣло и проложитъ путь къ его сердцу для спасительнаго совѣта, которымъ онъ теперь пренебрегаетъ. Предсказаніе сбылось, и раненый Герардъ далъ обѣтъ постричься. Такъ Бернардъ увлекъ за собою въ монастырь всю свою семью: своего отца и замужнюю сестру Умбелину, несмотря на продолжительное сопротивленіе со стороны ея мужа. Но еще съ большею страстностью Бернардъ старался *удержать* на пути монашескаго спасенія тѣхъ, кто уже избралъ этотъ путь. Какимъ гнѣвомъ и негодованіемъ пылалъ Бернардъ, когда кто-либо дерзалъ похитить дорогое для него сокровище изъ монастырской ограды или отступить отъ монашескаго идеала! Дошедшая до насъ переписка Бернарда начинается именно съ двухъ писемъ, вызванныхъ попыткой нарушить или ослабить монастырскій уставъ. Первое изъ нихъ [1]) обращено къ Роберту, молодому монаху и родственнику Бернарда, который съ нимъ поступилъ въ Ситò, а затѣмъ, изнемогая подъ суровостью устава, уступилъ настояніямъ клюнійскаго аббата и перешелъ въ этотъ богатый и менѣе взыскательный орденъ. Глубоко оскорбленный, Бернардъ не можетъ сдержать своего чувства. „Чрезмѣрное горе,—восклицаетъ онъ,—не разсуждаетъ, не сдерживается, не сообразуется съ благоразуміемъ, не боится умаленія достоинства, не повинуется закону, не мирится съ приговоромъ, не знаетъ ни очереди, ни предѣловъ“. Съ великимъ презрѣніемъ клеймитъ Бернардъ „этого важнаго аббата“, „этого хищнаго волка“, явившагося въ его отсутствіе въ овечьей одеждѣ, чтобы обмануть и

[1]) Оно поставлено во главѣ писемъ Бернарда первымъ собирателемъ этихъ писемъ, ученикомъ Бернарда, монахомъ Гвильельмомъ, въ виду преданія о его чудесномъ сохраненіи.

Digitized by Google

прельстить бѣдную овечку Христову—„этого проповѣдника новаго евангелія, который прославляетъ похмелье, осуждаетъ скудную трапезу, добровольную бѣдность называетъ бѣдствіемъ; постъ, бдѣніе, молчаніе, ручной трудъ считаетъ безуміемъ, а, наоборотъ, бездѣльничанье величаетъ именемъ созерцанія и беретъ подъ свою защиту обжорство, болтливость, любопытство и всякаго рода неумѣренность". Съ какою язвительностью изображаетъ Бернардъ прибытіе новаго члена клюнійскаго братства въ этотъ монастырь, описывая, какъ его тамъ стригутъ, брѣютъ, моютъ, какъ совлекаютъ съ него мужицкую ветхую, грязную одежду, одѣваютъ въ новую, дорогую, блестящую рясу, окружаютъ почестями, какъ великаго побѣдителя! Второе письмо написано къ Фулькону, вступившему въ число монашествующихъ канониковъ, но, по просьбѣ стараго и богатаго дяди, возвратившагося къ нему въ домъ. „Зачѣмъ ты пребываешь въ городѣ,—обращается къ нему Бернардъ,—когда ты избралъ для жизни монастырь? Какое дѣло тебѣ до міра, когда ты презрѣлъ міръ?.. Что дѣлаешь ты въ городѣ, изнѣженный воинъ? товарищи твои, которыхъ ты покинулъ въ своемъ бѣгствѣ, сражаются и побѣждаютъ, разбиваютъ враговъ и рвутся впередъ, берутъ приступомъ небо и царствуютъ въ немъ, а ты, возсѣдая на твоемъ иноходцѣ, одѣтый въ пурпуръ и батистъ, прогуливаешься по улицамъ и разъѣзжаешь по деревнямъ. Пурпуръ, однако, не избавляетъ отъ страстей, не побѣждаетъ ни гордости, ни жадности, не спасаетъ отъ того, чего ты такъ боишься—лихорадки, и не предотвращаетъ отъ смерти. Гдѣ твое воинское оружіе? гдѣ щитъ вѣры? гдѣ шлемъ спасенія, гдѣ броня терпѣнія? Чего ты дрожишь? больше силъ съ нами, чѣмъ съ ними. Возьмись же за оружіе, соберись съ силами, пока продолжается бой. Въ немъ принимаютъ участіе ангелы, какъ зрители и охранители, при немъ присутствуетъ самъ Господь, наша помощь и убѣжище, да направитъ онъ десницу твою въ сраженіи и да научитъ твою руку владѣть оружіемъ въ бою".

Кто, однако, хочетъ знать, до какого пренебреженія всякими земными связями, даже самыми дорогими и законными, могъ доходить Бернардъ, когда изъ-за нихъ порывались связи небесныя, тотъ пусть прочтетъ письмо его (№ 111), написанное отъ имени монаха Иліи къ родителямъ послѣдняго, желавшимъ вернуть сына въ семью: „Ради одного только,—говоритъ Бернардъ,—не слѣдуетъ повиноваться родителямъ, это—Бога ради". Обращаясь отъ имени сына къ отцу и матери его, Бернардъ восклицаетъ: „Если вы истинно меня любите, какъ добрые, какъ благочести-

Digitized by Google

вые родители, если вы питаете къ сыну истинное и вѣрное расположеніе, то для чего вы тревожите меня, старающагося быть угоднымъ всеобщему Отцу, Господу? для чего вы пытаетесь отвлечь меня отъ служенія тому, кому служить—значитъ царствовать? Теперь я познаю, что враги человѣка — это домашніе его. Въ этомъ дѣлѣ я не долженъ вамъ повиноваться, въ этомъ признаю васъ не родителями, а врагами. Если бы вы меня любили, вы радовались бы тому, что я гряду къ моему и вашему, скажу лучше, къ всеобщему отцу. Вообще, что мнѣ теперь до васъ? что мнѣ досталось отъ васъ кромѣ грѣха и горя? Одно только это тлѣнное тѣло, которое я влачу съ собою, я признаю, что получилъ отъ васъ. И вамъ, жалкимъ, не довольно того, что вы ввели меня, жалкаго, въ этотъ жалкій міръ? О, жестокій отецъ! о, безжалостная мать! о, родители жестокіе и нечестивые—не родители, а убійцы, ваше горе—залогъ спасенія, ваше утѣшеніе—смерть сына вашего; вы предпочитаете, чтобы я погибъ съ вами, чѣмъ царствовалъ безъ васъ; вы пытаетесь меня снова подвергнуть крушенію, отъ котораго я только-что спасся, всего лишившись, ввергнуть меня въ огонь, въ которомъ я на половину сгорѣлъ, предать меня разбойникамъ, отъ которыхъ ушелъ полуживой. Такъ какъ же? Неужели мнѣ пойти и утѣшить скорбящую мать кратковременнымъ посѣщеніемъ для того, чтобы въ вѣки вѣчности скорбѣть о себѣ и о ней безутѣшно? Неужели, говорю я, мнѣ пойти и исполнить волю отца, который гнѣвается на мое временное отсутствіе, для того, чтобы потомъ мы оба, каждый за себя и одинъ за другого, горевали безутѣшною скорбью? Кто отвѣдалъ духовнаго, тому неизбѣжно опостыла плоть; кто жаждетъ небеснаго, тотъ утратилъ вкусъ къ земному; кто взираетъ къ вѣчному, тому опротивѣло все мимолетное".

Такъ отстаивалъ Бернардъ монашескій идеалъ противъ людей міра. Но тотъ, кто такъ неумолимо приносилъ все въ жертву своему идеалу, кто называлъ жестокими родителей, звавшихъ къ себѣ сына, самъ долженъ показаться жестокимъ и безсердечнымъ. И однако, это было бы совершенно несправедливо относительно Бернарда. Правда, вся сила его любви была устремлена къ великому міровому началу, стоявшему надъ міромъ и внѣ міра; разнообразныя явленія міра были для Бернарда только „лучами Божества", и его взоръ по этимъ лучамъ скользилъ и поднимался къ источнику свѣта. Самъ человѣкъ, созданный по образу Божію со всѣми своими, достойными любви, свойствами, напоминалъ ему лишь его прообразъ. Если, какъ признавался Бернардъ, у него иногда, при мысли объ умершемъ или отсутствую-

Digitized by Google

щемъ, навертывались слезы, то ему становилось стыдно, что память о человѣкѣ была болѣе способна его расчувствовать, чѣмъ мысль о Богѣ [1]). И однако, тѣ самыя пламенныя страницы, въ которыхъ изливается его любовь къ Богу, показываютъ, какъ онъ былъ способенъ любить и понимать человѣческую любовь. Одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ изъ упомянутаго нами толкованія Бернарда на ветхозавѣтный гимнъ любви заключаетъ въ себѣ глубоко прочувствованное восхваленіе того именно человѣческаго чувства, которое было такъ чуждо Бернарду въ личной жизни—супружеской любви. Этой любви онъ отдаетъ первое мѣсто между чувствами человѣка: „Magna res est amor,—восклицаетъ онъ,—sed sunt in eo gradus, sponsa in summo stat“ (великое дѣло любовь, но много въ ней ступеней, выше же всего стоитъ въ любви жена). Всю силу этой любви, на которую онъ самъ былъ способенъ, Бернардъ перенесъ на мистическій союзъ души съ Христомъ въ аллегоріи невѣсты и жениха. Зато сердце его было вполнѣ раскрыто для дружбы. Съ нѣсколькими изъ своихъ современниковъ и учениковъ онъ былъ связанъ самыми тѣсными узами, и какъ страстно онъ любилъ ихъ, это мы узнаемъ особенно въ тѣ тяжелыя для него минуты, когда эти узы разрывались. Если кто пожелаетъ особенно глубоко взглянуть въ сердце этого неумолимаго аскета, пусть прочтетъ его раздирающій душу плачъ о смерти его брата Герарда. Это вопль материнскаго сердца, утратившаго единственнаго сына, утѣшеніе и опору жизни. Герардъ жертвовалъ собою для брата, бралъ на себя тяжелыя хлопоты по хозяйству и представительству монастыря, чтобы дать возможность Бернарду предаваться созерцательной жизни и духовному труду. Безграничная благодарность, съ которою Бернардъ признаетъ эту заслугу брата, раскрываетъ намъ всю тонкость и деликатность его натуры, а въ неподдѣльномъ и безпомощномъ горѣ его пробивается сквозь всѣ утѣшенія религіи крикъ измученнаго человѣческаго сердца.

Смерть Герарда прервала рядъ проповѣдей, которыя Бернардъ произносилъ на текстъ Пѣсни Пѣсней. Молча и не проливая слезъ, присутствовалъ Бернардъ при отпѣваніи брата и затѣмъ вступилъ на каѳедру, чтобы продолжать обычное дѣло. Онъ напомнилъ слушателямъ, на чемъ онъ остановился въ послѣдній разъ, и началъ свое двадцать шестое толкованіе. Но не долго оно продолжалось. „Сколько же, однако,—восклицаетъ Бернардъ,—я буду притворяться твердымъ, а огонь, который я скры-

[1]) Serm. in Cant. 14. Migne. 183 col. 812.

Digitized by Google

ваю въ себѣ, будетъ сожигать мое печальное сердце и пожирать мою внутренность? Скрытый внутри, онъ шире захватываетъ и больнѣе терзаетъ. Какое мнѣ дѣло до этой пѣсни,—мнѣ, погруженному въ горечь! сила горя отклоняетъ меня отъ намѣренія... Лишившись того, благодаря которому я былъ воленъ посвящать мои занятія Богу, я чувствую, что и силы оставили меня"...

Упомянувъ, какъ долго онъ крѣпился, чтобы не дать горю превозмочь себя, какъ онъ съ сухими глазами произносилъ въ священническомъ облаченіи обычныя молитвы и руками своими бросалъ, по обычаю, землю на тѣло дорогого ему лица, Бернардъ продолжаетъ: „Плакали тѣ, кто видѣлъ меня, и удивлялись, что я не плачу самъ, и жалѣли всѣ не столько его, сколько меня, его утратившаго... Я же всѣми силами, какія давала мнѣ вѣра, боролся съ горемъ, стараясь не поддаваться голосу природы... Но, совладавъ со слезами, я не могъ совладать со скорбью. Подавленное горе все глубже во мнѣ укоренялось и, я чувствую, становится все болѣе жгучимъ, не находя выхода. Признаюсь—я побѣжденъ. Нужно, чтобы прорвалось наружу мое сокровенное страданіе. Нужно, чтобы оно излилось на глазахъ сыновъ моихъ, которые, зная мою утрату, человѣчнѣе отнесутся къ моему плачу и доставятъ мнѣ болѣе сладкое утѣшеніе".

И горе Бернарда долго изливается предъ его учениками. Изобразивъ достоинства брата, онъ продолжаетъ: „Зачѣмъ ты отнятъ у меня, зачѣмъ вырванъ изъ моихъ объятій? ты былъ человѣкъ по сердцу моему, съ тобой мы жили душа въ душу. Мы любили другъ друга въ жизни; какъ же мы разстались въ смерти?.. Но развѣ это не смерть и для меня? нѣтъ, это хуже смерти, такъ какъ мнѣ осталась жизнь болѣе тяжелая, чѣмъ смерть. Я живъ, чтобы, живя, умирать, и можно ли это назвать жизнью! Милосерднѣе была бы ты ко мнѣ, суровая смерть, еслибы лишила меня жизни, а не смысла жизни (vitae usu quam fructu). Зачѣмъ, скажите мнѣ, любили мы другъ друга, или же зачѣмъ утратили другъ друга?"...

Бернарду пришлось еще разъ испытать подобное горе. Послѣ смерти Герарда, онъ привязался къ монаху Умберту, который оставилъ въ это время свой санъ аббата и переѣхалъ на покой въ Клерво. И надъ его могилой Бернардъ далъ выходъ въ пламенной рѣчи своему горю и своей любви. До конца своей жизни онъ оставался доступенъ чувству нѣжной привязанности. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его отношенія къ ирландскому архіепископу Малахіи, свидѣтельствуетъ его письмо къ дядѣ, напи-

Digitized by Google

санное незадолго до смерти, гдѣ Бернардъ борется между желаніемъ еще разъ увидѣть дядю и намѣреніемъ удержать его въ Палестинѣ, гдѣ его присутствіе было полезно для христіанскаго дѣла.

Но не только въ тѣсномъ кругу родныхъ и друзей проявляется мягкость и чувствительность Бернарда; потребность въ любви и ея обиліе въ его натурѣ обнаруживаются еще нагляднѣе въ отношеніяхъ, которыя не имѣли личнаго характера, и въ такихъ вопросахъ, гдѣ его чувство сталкивалось съ предубѣжденіями и страстями вѣка. Сердце Бернарда полно состраданія. Изъ проповѣдей его видно, какъ онъ надрывается жалостью къ своимъ монахамъ, когда взираетъ на ихъ подвиги, на то, какъ они весь день истязаютъ себя постомъ, бдѣніемъ и тяжелыми работами. Изъ переписки Бернарда видно, что онъ вступается за чужихъ монаховъ, подлежавшихъ наказанію за нарушеніе обѣта. Въ письмѣ, напр., къ аббату Гвидону (№ 70), оправдывая свое заступничество, Бернардъ выражаетъ свое состраданіе въ слѣдующихъ, достойныхъ памяти, словахъ: „Состраданіе есть чувство, которое не управляется волею и не подчиняется разсудку; невольнымъ побужденіемъ оно принуждаетъ сожалѣть о скорбящихъ, такъ что еслибы и грѣшно было сострадать, то я, при всемъ стараніи, не могъ бы не сострадать“. Это милосердіе руководитъ Бернардомъ въ двухъ вопросахъ, въ которыхъ онъ высоко сталъ надъ своимъ вѣкомъ. Полемизируя въ своихъ проповѣдяхъ „противъ синагоги“, онъ говорилъ и о любви „церкви къ синагогѣ“ [1]), но онъ не довольствовался въ этомъ отношеніи одной теоріею, а когда, при религіозномъ возбужденіи, предшествовавшемъ крестовому походу и при общемъ неудовольствіи противъ ростовщиковъ, на Рейнѣ началось кровавое гоненіе на евреевъ, Бернардъ поднялъ свой мощный голосъ на защиту ихъ и въ окружномъ посланіи къ духовенству Франконіи заявилъ: „Не должны быть преслѣдуемы евреи, не должны быть избиваемы, не должно даже ихъ избѣгать; вопросите о нихъ божественныя книги [2])!“ Труднѣе еще было стать Бернарду выше страстей своего вѣка въ вопросѣ объ еретикахъ, Здѣсь было не такъ легко взывать къ божественнымъ книгамъ: ихъ свидѣтельство было не въ пользу еретиковъ, т.-е. ихъ свидѣтельство, какъ оно въ то время истолковывалось. Шестьдесятъ-

[1]) Sermo in Cant., 79. Ne aemulae quidam Synagogae suas delicias invidet.

[2]) Ep. 363. Non sunt persequendi Judaei, non sunt trucidandi sed nec effugandi quidam... и далѣе: pejus Judaizare dolemus Christianos feneratores, si tamen Christianos et non magis baptizatos Judaeos convenit appelari.

Digitized by Google

четвертую свою проповѣдь на Пѣсню Пѣсней Бернарду пришлось говорить на текстъ: „Ловите намъ лисенятъ, которые портятъ намъ виноградники, а виноградники наши въ цвѣту“ (II, 15). По общепринятому толкованію, въ лисенятахъ, портившихъ виноградники, видѣли еретиковъ, подрывавшихся подъ благосостояніе церкви. Бернардъ подъ лисами разумѣлъ искушенія, а именно, въ данномъ случаѣ, искушенія, грозившія монахамъ, преуспѣвшимъ въ своемъ подвигѣ. Въ концѣ проповѣди онъ касается общепринятаго аллегорическаго толкованія приведеннаго текста и придаетъ ему смыслъ, который далъ бы совсѣмъ иное направленіе исторіи и избавилъ бы ее отъ величайшихъ бѣдствій, еслибы былъ усвоенъ церковью и государствомъ. „Смыслъ этотъ ясенъ: еретиковъ слѣдуетъ брать, но не избѣгать. *Брать*, говорю я, не оружіемъ, а доводами, опровергая заблужденія ихъ. Такова именно воля Того, Кто хочетъ, чтобы всѣ люди были спасены“.

Мы были вынуждены привести факты, относящіеся къ позднѣйшей жизни Бернарда, для того, чтобы характеризовать мягкость и гуманность его натуры и предупредить обвиненіе его въ фанатизмѣ. При сопоставленіи указанныхъ нами данныхъ горячности, съ которою Бернардъ вербовалъ новыхъ членовъ для своего монастыря,—и суровая риторика, которую онъ обнаруживалъ въ письмахъ по поводу монаховъ Роберта и Иліи, будетъ представляться въ болѣе вѣрномъ освѣщеніи. На самомъ дѣлѣ все это доказываетъ лишь одно—какъ дорогъ былъ Бернарду аскетическій идеалъ, и какъ его волновало все то, что препятствовало ему и другимъ служить этому идеалу.

И между тѣмъ этотъ молодой монахъ, который желалъ весь міръ обратить въ монастырь, который затыкалъ себѣ уши воскомъ, чтобы не слышать шума струившейся вокругъ него жизни, чтобы не отвѣчать на запросы, обращаемые къ нему изъ покинутаго имъ міра, сталъ руководителемъ этого міра и занялъ въ немъ господствующее положеніе; исторія его вѣка совершалась подъ его вліяніемъ и для насъ остается непонятною безъ знакомства съ его личностью и дѣятельностью. Бернардъ сдѣлался духовнымъ вождемъ своихъ современниковъ не только какъ проповѣдникъ, какъ авторъ религіозныхъ и нравственныхъ трактатовъ, но и какъ всеобщій совѣтникъ и наставникъ. Этого мало: ему пришлось выступить изъ своей тѣсной кельи, нарушить тишину и молчаніе, къ которымъ онъ привыкъ, сѣсть на коня, объѣзжать города, области и сосѣднія царства, вести диспуты съ са-

Digitized by Google

мыми учеными людьми своего времени, предсѣдательствовать на соборахъ, обращаться къ народу, останавливать кровопролитіе, поднимать толпы крестоносцевъ, давать приказанія императору и рѣшать судьбу папъ. Задавшись мыслью осуществить идею божескаго царства въ своемъ личномъ существованіи, въ своемъ внутреннемъ *я*, Бернардъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ строителей того конкретнаго божескаго царства, которое пыталась осуществить средневѣковая Европа. Познакомиться, хотя и въ общихъ чертахъ, съ историческою дѣятельностью Бернарда и наблюдать при этомъ за тѣмъ, какъ уживалось въ душѣ его это двойное призваніе — достигнуть для себя идеала и бороться за осуществленіе идеала въ мірѣ—будетъ нашей задачей. Согласно съ тѣмъ, что было сейчасъ сказано о дѣятельности Бернарда въ мірѣ, эта задача наша будетъ распадаться на двѣ части. Мы разсмотримъ сначала, какъ Бернардъ вступилъ въ сношеніе съ міромъ, не выходя изъ монастыря, и посвятимъ вторую половину нашего очерка его дѣятельности внѣ монастыря.

Для того, чтобы судить о внутренней жизни Бернарда въ монастырѣ и объ его отношеніяхъ къ лицамъ и событіямъ внѣ монастыря, мы обладаемъ чрезвычайно интереснымъ источникомъ —его, сохранившейся до насъ, перепиской. Какъ ни было велико желаніе со стороны Бернарда найти въ монастырѣ успокоеніе отъ мірскихъ тревогъ и людскихъ связей—міръ не оставлялъ его въ покоѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ обширная его переписка, одинъ изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ историческихъ памятниковъ [1]).

Кругъ переписки Бернарда былъ чрезвычайно разнообразенъ и съ теченіемъ времени все болѣе расширялся. Его письма адресованы и къ простымъ монахамъ, и къ аббатамъ, къ епископамъ и попамъ, къ сеньорамъ и королямъ, къ женщинамъ, въ келью и къ престолу; наконецъ, въ числѣ его писемъ есть посланіе ко всему христіанскому міру. Не менѣе писемъ онъ и самъ получалъ со всѣхъ сторонъ. У Бернарда часто не хватало досуга

[1]) Переписка Бернарда представляетъ въ изданіи извѣстной патрологіи Миньe (Migne) 495 писемъ, изъ которыхъ 37 обращено къ Бернарду. Изъ этого числа 495-ти должны быть, впрочемъ, исключены, по разнымъ причинамъ, 22 письма. Зато оно можетъ быть увеличено на 36 писемъ (изъ нихъ 7 написаны Бернардомъ), не вошедшія въ изданіе Миньe. Это число, конечно, далеко не заключаетъ въ себѣ настоящаго состава переписки. Къ сожалѣнію, самые тщательные розыски, предпринятые Гюферомъ во всѣхъ главныхъ библіотекахъ западной Европы, доставили въ результатѣ только 19 новыхъ писемъ самого Бернарда и 4 ему адресованныхъ. См. Hüffer, Vorstudien zu einer Darstellung d. Lebens u Wirkens des h. Bernard v. Cl. Münster, 1886, p. 189.

Digitized by Google

прочитывать получаемыя имъ письма, и онъ пробѣгалъ ихъ во время своей скудной трапезы; тѣмъ труднѣе было для него отвѣчать на письма, и среди обязанностей своего монашескаго призванія онъ иногда не находилъ свободной минуты, чтобы даже оправдать свое молчаніе и объяснить причины, замедлившія его отвѣтъ. Онъ самъ даетъ намъ возможность взглянуть въ его душу, постоянно волнуемую запросами извнѣ, и слѣдить за происходившей въ немъ борьбой между желаніемъ забыть міръ, чтобы погрузиться въ религіозное созерцаніе, и необходимостью отозваться на запросы изъ міра. „Ты, можетъ быть, негодуешь,—пишетъ Бернардъ канонику Огерію (№ 891),—или, выражусь мягче, удивляешься, что вмѣсто пространнаго письма, которое ты отъ меня ожидалъ, получилъ краткую записку. Но вспомни, что, по словамъ мудреца, для всего подъ небомъ есть свое время; есть время для рѣчи—и время для молчанія. Но когда же, однако, будетъ у насъ время для молчанія, если наша бесѣда не пощадитъ даже святыхъ дней наступившаго поста? Въ эти дни, когда даже присутствующимъ запрещается сказать другъ другу вскользь о своихъ желаніяхъ, намъ приходится съ отсутствующими усердно переписываться о томъ, что намъ или имъ нужно. Если я стану обдумывать, диктовать, писать, отправлять то, что тебѣ предназначается, скажи, гдѣ же будетъ досугъ, гдѣ покой молчанія? Ты скажешь, пожалуй, что все это можно сдѣлать молчаливо. Но странно было бы, еслибы ты искренно далъ такой отвѣтъ. Ибо какова смута въ головѣ пишущихъ, когда въ ней бродитъ такая масса словъ, когда на умъ набѣгаетъ столько разнообразныхъ оборотовъ рѣчи, столько различныхъ оттѣнковъ смысла, когда то-и-дѣло отгоняешь отъ себя то, что напрашивается на умъ, и ищешь того, что не дается, когда съ напряженнымъ вниманіемъ подбираешь то, что изящнѣе по формѣ или послѣдовательнѣе относительно мысли, что нужнѣе для ясности, что полезнѣе для совѣсти, что чему должно предшествовать, что за чѣмъ слѣдовать? И ты скажешь мнѣ, что я при всемъ этомъ могу сохранить спокойствіе? ты назовешь это молчаніемъ въ виду того только, что языкъ хранитъ молчаніе?“—Эти слова обращены къ другу, который самъ такъ цѣнилъ монашескій покой, что не удовлетворился уставомъ канониковъ и перешелъ въ монастырь. Какую же послѣ этого смуту должны были возбуждать въ душѣ Бернарда посторонніе и свѣтскіе люди, когда они своими письмами вносили въ монастырь страсти и тревоги міра?

Прежде, однако, чѣмъ коснуться сношеній Бернарда съ міранами по поводу мірскихъ дѣлъ, мы воспользуемся его перепиской,

Digitized by Google

чтобы освѣтить одну интересную проблему монастырскаго быта, глубоко волновавшую его душевную жизнь и ярко въ ней отразившуюся. Мы разумѣемъ вопросъ о совмѣстности писательской и ученой дѣятельности съ монашескимъ призваніемъ и о ея послѣдствіяхъ для душевнаго покоя монаха. Уже многіе изъ частныхъ писемъ Бернарда по своему содержанію представляютъ собой нравственные и религіозные трактаты, которые имѣли общее значеніе и потому передавались другимъ и ходили по рукамъ. Еще большую извѣстность получили проповѣди [1]), произносившіяся Бернардомъ передъ монахами его монастыря, и которыми интересовались и внѣ монастыря. Но писательская дѣятельность Бернарда этимъ не ограничилась. Онъ рано почувствовалъ въ себѣ призваніе писателя и часто отдавался ему въ тѣ часы, которые даже по суровому уставу его ордена могли быть посвящены сну и отдыху. Предметъ литературной дѣятельности Бернарда не выходилъ изъ предѣловъ религіозно-созерцательной жизни; его наука заключалась въ изученіи и аллегорическомъ толкованіи св. писанія, его мудрость—въ знаніи тайниковъ грѣховнаго человѣческаго сердца. Но при всемъ томъ, и эта дѣятельность Бернарда, въ извѣстномъ смыслѣ, была обращена къ міру и его суетѣ. Всѣ эти богословскіе и назидательные труды Бернарда доставляли ему популярность и вызывали вездѣ восхваленіе его таланта. Вотъ въ этомъ отношеніи и проявляется противорѣчіе между писательской дѣятельностью и монашескимъ призваніемъ. Вступая въ монастырь, Бернардъ принесъ въ жертву литературную и ученую славу, которая ждала его въ мірѣ, но слава со всѣми своими искушеніями и волненіями послѣдовала за нимъ въ монастырь. Бернардъ, правда, всегда рѣшительно и даже рѣзко отклонялъ отъ себя всякую похвалу: „я не признаю себя,—писалъ онъ своему другу Огерію, (№ 87),—заслуживающимъ твоихъ похвалъ, приписываю ихъ твоему ко мнѣ расположенію и прощаю твоему невѣденію“. Не самодовольствомъ или тщеславіемъ, а, напротивъ, противоположною крайностью проникнуты всѣ отзывы Бернарда о его литературной и ученой дѣятельности. Его скромность въ этомъ отношеніи доходитъ до излишней мнительности и до полнаго самоуниженія. Посылая однажды Огерію наставленіе, котораго тотъ отъ него требовалъ, Бернардъ заключаетъ письмо словами: „Вотъ и вся мудрость того изящнѣйшаго и краснорѣчивѣйшаго ученаго, отъ котораго ты пожелалъ изъ такой дали по-

[1]) См. Евг. Корелинъ: Бернардъ Клервоскій, церковный дѣятель и проповѣдникъ. Православ. Обозр. 1889, іюль—авг.

Digitized by Google

лучить наставленіе; вотъ столь ожидаемое и желанное поученіе, которое ты такъ старался услышать. Вотъ и вся суть нашей учености. Или ты еще чего-нибудь важнаго ожидаешь? Ты все услышалъ. Чего же тебѣ больше? Изсякъ источникъ, и ты требуешь воды тамъ, гдѣ все пересохло. По примѣру вдовы въ евангеліи, я отъ бѣдности моей послалъ тебѣ все, что имѣлъ. Чего же ты совѣстишься? что опускаешь глаза? Ты самъ принудилъ меня къ этому. Ты захотѣлъ проповѣди и получилъ проповѣдь; проповѣдь, правда, обильную словами и длинную, но нѣмую и скудную смысломъ; не такова она, чтобы зажечь въ твоемъ сердцѣ, какъ ты желалъ, любовь божескую, но такова, что въ ней только обнаружилось мое невѣжество, и это невѣжество никакимъ образомъ не можетъ найти себѣ извиненія. Я могъ бы, можетъ быть, сказать, что страдаю перемежающейся лихорадкой, что написалъ все это, будучи поглощенъ обязанностями моего званія, могъ бы привести слова писанія: „Мудрость книжная пріобрѣтается въ благопріятное время досуга“. Но на все это я имѣлъ бы лишь тогда право сослаться, еслибы предпринялъ какое-нибудь обширное и трудное сочиненіе. Нынѣ же, по поводу такого мелкаго произведенія, не могу найти оправданія ни въ какихъ обстоятельствахъ, и мнѣ остается только, какъ я и прежде часто говорилъ, извиняться скудостью умѣнія“.

Такое строгое сужденіе Бернарда о своихъ литературныхъ трудахъ, однако, не сопровождается у него равнодушіемъ къ тому, какъ они будутъ приняты другими; напротивъ, Бернардъ проявляетъ въ этомъ отношеніи большой интересъ. „Книжку, которую ты просишь, — пишетъ Бернардъ Огерію въ другомъ письмѣ (№ 88), — я еще до прибытія твоего посланнаго потребовалъ назадъ у лица, которому ее передалъ но еще не получилъ назадъ. Я постараюсь, чтобы ты, когда посѣтишь меня,—если, впрочемъ, когда-нибудь посѣтишь,—нашелъ ее у меня и имѣлъ случай просмотрѣть ее и прочесть, но никакъ не списать. Ибо ту, другую книжку, о которой ты мнѣ сообщаешь, что ее списалъ, я давалъ тебѣ для прочтенія, а не для переписки. Впрочемъ, твое дѣло судить о томъ, какая и кому можетъ быть польза отъ того, что ты ее списалъ. Относительно же того, что ты ее послалъ аббату св. Теодорика, и что она теперь у него, то этого я тебѣ не поручалъ, но я на это не сержусь. Умоляю тебя, не откажись поискать случая, чтобы побывать у него, и не позволяй никому списать или прочесть упомянутую книжку, пока ты ее всю не пересмотришь съ нимъ. Посовѣтуйся также съ нимъ о томъ, что слѣдуетъ исправить въ ней, а затѣмъ исправьте ее. И рѣшите,

Digitized by Google

слѣдуетъ ли изъ нея показывать кому-нибудь что-либо, или давать ее только немногимъ, или же показывать всякому, кто пожелаетъ, или, можетъ быть, и никому. Вашему сужденію я предоставляю рѣшить, годится ли то предисловіе, которое ты приладилъ къ ней изъ другого моего письма, или нужно придумать къ ней предисловіе болѣе подходящее".

Такая, можно сказать, даже мелочная заботливость о своихъ произведеніяхъ находится въ противорѣчіи съ рѣзкой критикой ихъ у Бернарда. И тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ права считать отзывы Бернарда о скудости своихъ знаній и способностей неискренними и утверждать, что онъ только рисовался своимъ безпристрастіемъ къ себѣ, или же что его излишняя скромность вытекала изъ крайняго авторскаго самолюбія. Въ основаніи этого самоуниженія лежитъ другая, болѣе серьезная причина: сознаніе коренного противорѣчія между монашествомъ и литературнымъ творчествомъ. Творчество разсчитано на дѣйствіе извнѣ, на вліяніе въ мірѣ—монашество есть самоуглубленіе, отрѣшеніе отъ міра. Творчество есть проявленіе личности, развитіе ея на просторѣ духовной жизни — монашество есть самоуничтоженіе личности. Творчество немыслимо безъ сознанія нѣкоторыхъ силъ и способностей—монашество зиждется на сознаніи человѣческой слабости и ничтожности. Творчество доставляетъ извѣстность, „ведетъ къ славѣ", т.-е. удаляетъ отъ смиренія, которое составляетъ исходную точку и цѣль монашества. Мысль объ опасности литературной славы для монашескаго смиренія не покидала Бернарда. Мы находимъ ее, между прочимъ, въ томъ именно изъ его произведеній, которое своимъ содержаніемъ показываетъ, какъ глубоко вдумывался Бернардъ въ центральный вопросъ монашества,—это трактатъ его „о ступеняхъ смиренія и гордости". Содержаніе его было передано Бернарду братьямъ его монастыря въ видѣ устнаго поученія, а затѣмъ оно было пополнено и отдѣлано въ формѣ трактата, такъ сказать издано, по просьбѣ монаха Готфрида. Посылая свой трактатъ Готфриду, Бернардъ въ предисловіи высказываетъ, какія сомнѣнія и колебанія его при этомъ мучили. Прежде всего его удерживалъ страхъ, что онъ не справится какъ слѣдуетъ съ дѣломъ. „Если любовь къ ближнему побуждала меня—говоритъ далѣе Бернардъ—изгнать страхъ, что я подвергнусь насмѣшкамъ по поводу дѣла мнѣ непосильнаго, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, вкрадывался въ мою душу противоположный страхъ: я началъ бояться болѣе серьезной опасности, грозившей мнѣ со стороны славы, еслибы я успѣшно довершилъ дѣло (perfecissem), чѣмъ со стороны позора въ томъ случаѣ, еслибы я съ

Digitized by Google

нимъ не справился (defecissem). Между этимъ страхомъ и любовью, поставленной какъ бы на распутьѣ, я долго колебался, какой путь считать болѣе безопаснымъ: опасаюсь, что, заговоривъ съ пользою о смиреніи, я самъ окажусь не смиреннымъ, или же, если стану смиренно молчать, окажусь ни на что негоднымъ. И такъ какъ ни одинъ изъ этихъ путей не представляетъ мнѣ безопасности, а одинъ изъ нихъ нужно же было избрать, я предпочелъ сообщить тебѣ плодъ моего поученія, если можно говорить о таковомъ, чѣмъ спасать себя одного въ безопасной „гавани“ молчанія. При этомъ я уповалъ, что еслибы я сказалъ что-нибудь достойное твоего одобренія, я, благодаря твоимъ молитвамъ, буду въ состояніи не возгордиться; если же (что я считаю болѣе вѣроятнымъ) я ничего не произвелъ тебя достойнаго, то мнѣ нечего будетъ гордиться“ [1]). Изъ приведенныхъ словъ видно, какъ Бернардъ, побуждаемый заботой о спасеніи ближняго, публично выступаетъ учителемъ и писателемъ, и вмѣстѣ съ этимъ тревожится мыслью, чтобы успѣхъ его словъ не сдѣлался для него источникомъ гордости.

Въ этомъ состояніи духа онъ нерѣдко какъ будто утѣшалъ себя предположеніемъ, что его произведенія будутъ признаны неудовлетворительными и его способности недостаточными. Такъ, въ вышеприведенномъ письмѣ, гдѣ онъ говоритъ о слабости своихъ произведеній и недостаточности своихъ способностей, Бернардъ продолжаетъ: „Но у меня есть нѣкоторое утѣшеніе въ моемъ смущеніи. Если я не исполнилъ того, чего ты просишь, если не прислалъ того, на что ты разсчитывалъ, то ты, по крайней мѣрѣ, признаешь мою добрую волю: приходится довольствоваться намѣреніемъ тамъ, гдѣ недостаетъ способности для исполненія. Наконецъ, если мое произведеніе и не доставитъ тебѣ пользы, то оно будетъ полезно мнѣ смиренія ради. „Глупецъ, пока не заговорилъ, можетъ считаться мудрымъ“, ибо его молчаніе объясняется не отсутствіемъ смысла, а соблюденіемъ смиренія. И я также, еслибы сохранилъ молчаніе, считался бы мудрымъ, не будучи таковымъ. Теперь же одни будутъ насмѣхаться надъ моимъ скудоуміемъ, другіе будутъ глумиться надо мною, какъ надъ невѣждой, третьи будутъ негодовать на мою притязательность. Но, скажи, развѣ мало будетъ отъ этого пользы моему благочестію, ибо смиреніе (humilitas), къ которому ведетъ униженіе (humiliatio), составляетъ основаніе всего духовнаго строя? Какъ терпѣніе есть путь къ міру (patientia ad pacem),

[1]) Migne. Op. Bern. V. 182, col. 242.

Digitized by Google

какъ чтеніе есть путь къ знанію, такъ и униженіе составляетъ путь къ смиренію. Если ты стремишься къ добродѣтели смиренія, то не избѣгай униженія: ибо если ты не въ состояніи претерпѣвать униженіе, то ты не можешь достигнуть смиренія". Изъ этого-то состоянія духа, т.-е. опасенія литературной славы, и объясняется то самоуниженіе, къ которому Бернардъ такъ часто прибѣгалъ въ своихъ письмахъ и литературныхъ трудахъ; оно является у него противовѣсомъ, намѣреннымъ противодѣйствіемъ тщеславію, средствомъ напоминанія себѣ о смиреніи и преуспѣянія въ немъ. Смиреніе, какъ опредѣляетъ его Бернардъ въ упомянутомъ трактатѣ, „есть добродѣтель, въ силу которой человѣкъ, вслѣдствіе полнѣйшаго знанія самого себя, становится ничтожнымъ (vilescit) въ своихъ собственныхъ глазахъ". Низкой оцѣнкой своей дѣятельности и своихъ силъ Бернардъ старался, унижая себя, достигнуть смиренія. Достигалось ли, однако, или поддерживалось ли смиреніе такими искусственными пріемами? Очевидно, средневѣковое монашество страдало въ этомъ случаѣ большимъ самообольщеніемъ. Но болѣе важный интересъ представляетъ для насъ теперь вопросъ о монашескомъ смиреніи въ другомъ еще отношеніи. Въ числѣ прочихъ монашескихъ совершенствъ смиреніе является наиболѣе важнымъ, ибо обузданіе духа составляло подвигъ, нерѣдко болѣе трудный, чѣмъ обузданіе плоти. Поэтому оно еще больше, чѣмъ другія монашескія совершенства, было подвержено опасности по своимъ послѣдствіямъ, возможностью привести къ результатамъ, противоположнымъ причинѣ или началу. Какъ всякій подвигъ, такъ и смиреніе не могло не возбудить въ подвижникѣ сознанія исполненнаго долга или заслуги и такимъ образомъ сдѣлаться источникомъ гордости. Самый трактатъ Бернарда о „смиреніи и гордости" служитъ тому краснорѣчивымъ доказательствомъ. Въ особенности поучительна въ этомъ отношеніи вторая часть трактата, гдѣ Бернардъ описываетъ 12 ступеней, по которымъ развивается гордость. Онъ даетъ намъ здѣсь живое изображеніе монастырской жизни и того соревнованія, которое возбуждалось въ монастырѣ общимъ стремленіемъ къ одной задачѣ, того честолюбія, которое являлось вслѣдствіе сознанія своего превосходства надъ другими въ побѣдѣ надъ самимъ собою.

Но и въ томъ случаѣ, если монахъ успѣвалъ побѣдить искушенія гордости, если онъ, подобно Бернарду, побѣдоносно совершилъ самый трудный подвигъ—ни во что не считать свое монашеское подвижничество, онъ не обезпечивалъ за собою душевнаго покоя и не избавлялъ себя отъ соприкосновеній міра. На-

Digitized by Google

противъ, одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій средневѣковой жизни заключается именно въ томъ, что чѣмъ болѣе монахъ преуспѣвалъ на пути иноческаго совершенства, т.-е. удалялся отъ міра, тѣмъ болѣе онъ притягивалъ къ себѣ этотъ сдѣлавшійся ему чуждымъ міръ съ его заботами и страстями. Вѣдь монастырь стоялъ не одинъ среди міра; вокругъ него всѣ глубоко интересуются тѣмъ, что въ немъ происходитъ: монастырь, какъ учрежденіе, самъ пользуется вліяніемъ и властью въ мірѣ, и тому, кто въ немъ превзошелъ другихъ въ смиреніи, тому міръ готовитъ вѣнецъ славы и власти. Такъ было и съ Бернардомъ де-Клервò: чѣмъ болѣе онъ преуспѣвалъ на пути монашескаго совершенства, тѣмъ болѣе росла его слава и тѣмъ выше становился его авторитетъ въ мірѣ.

О пріобрѣтенномъ имъ значеніи для міра свидѣтельствуетъ его переписка, къ которой теперь мы возвращаемся, какъ къ источнику свѣденій о его дѣятельности въ современномъ ему мірѣ. До сихъ поръ мы говорили о ней, насколько она касалась его монашеской жизни, его дѣятельности проповѣдника и духовнаго писателя. Мы видѣли, какой въ ней заключался чуждый иночеству элементъ, какъ забота о достоинствѣ его произведеній тревожила внутренній покой Бернарда. Но, конечно, въ гораздо большей степени нарушала его душевный міръ переписка, касавшаяся свѣтскихъ интересовъ, обращеніе къ нему за совѣтомъ и за помощью въ мірскихъ дѣлахъ. Въ этихъ случаяхъ душу Бернарда смущала не одна только форма письма, не одинъ подборъ благозвучныхъ словъ и выраженій; душа его по-неволѣ воспринимала въ себѣ отраженіе той борьбы интересовъ, изъ которой слагается жизнь міра; она страдала за страждущихъ, возмущалась неправдой и негодовала на насилія, повсюду происходившія. Переписка этого рода занимаетъ все болѣе и болѣе мѣста въ жизни Бернарда, и это не проходитъ для него даромъ. По вѣрному замѣчанію одного изъ его біографовъ, его письма все болѣе и болѣе утрачиваютъ риторичность и становятся суше и дѣловитѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ письмахъ отражается все болѣе и болѣе возростающее вліяніе, пріобрѣтаемое одинокимъ монахомъ далеко за предѣлами его монастыря.

Переписка Бернарда свидѣтельствуетъ, однако, не только о силѣ его вліянія на окружающій его міръ, но и о необходимости этого вліянія. Духовное лицо—если оно, какъ Бернардъ, стояло

Digitized by Google

на высотѣ своего призванія—было въ средніе вѣка проводникомъ начала духовнаго среди матеріальныхъ интересовъ, культурнаго принципа среди варварства, гуманности среди безчеловѣчности. Бернардъ являлся, подобно другимъ представителямъ монашества, примирителемъ враждующихъ, покровителемъ обиженныхъ, заступникомъ за угнетенныхъ и блюстителемъ справедливости,—справедливости тѣмъ болѣе высокой, что его понятіе о ней было просвѣтлено христіанскими началами, и онъ поэтому легче, чѣмъ свѣтскія лица, могъ отрѣшиться отъ феодальныхъ принциповъ, сложившихся среди народовъ воинственныхъ на первобытной ступени культуры.

Для того, чтобы подтвердить и объяснить это, достаточно указать, напримѣръ, на переписку Бернарда съ графомъ Шампани Теобальдомъ, во владѣніяхъ котораго лежалъ монастырь Клервò. До насъ дошло шесть писемъ Бернарда къ графу. Въ трехъ изъ нихъ онъ является представителемъ церковныхъ интересовъ и ходатаемъ за монаховъ, въ остальныхъ—заступникомъ за людей свѣтскихъ предъ ихъ сеньоромъ и представителемъ благотворнаго вліянія христіанской религіи на средневѣковое общество. Въ одномъ изъ нихъ Бернардъ вступается за жену одного изъ графскихъ вассаловъ, понесшаго тяжелую кару, и проситъ графа быть къ ней милостивымъ. Тутъ же онъ описываетъ случай, обыкновенный въ феодальномъ судопроизводствѣ. Одинъ изъ вассаловъ, побѣжденный на судебномъ поединкѣ, былъ по распоряженію графа—человѣка, впрочемъ, благочестиваго и добраго—подвергнутъ ослѣпленію. Сверхъ того, „какъ будто этого мало“, прибавляетъ Бернардъ, „что онъ былъ побѣжденъ, т.-е. проигралъ дѣло и лишенъ зрѣнія“,—у него было конфисковано все его имущество. И вотъ раздается голосъ изъ монастыря, подобно церковному колоколу среди ночного мрака. „Справедливо было бы,—пишетъ Бернардъ графу,—возвратить ему, въ силу вашего благочестія, столько имущества, сколько нужно для поддержанія его жалкой жизни. Но и невиннымъ сыновьямъ его не должна вмѣняться въ вину отцовская неправда, а имъ слѣдуетъ дозволить унаслѣдовать отцовскіе дома“. Только французская революція окончательно уничтожила въ уголовномъ правѣ отвѣтственность дѣтей за поступки родителей. Семью вѣками раньше Бернардъ проводитъ этотъ принципъ, и не въ видѣ милости, а на основаніи справедливости.

Въ другомъ письмѣ онъ проситъ милости графа по отношенію къ нѣкоему Гумберту, обвиненному въ какомъ-то преступ-

Digitized by Google

леніи и „очистившемуся отъ обвиненія“, вѣроятно, судебнымъ поединкомъ. Теобальдъ не признавалъ оправданія на томъ основаніи, что оно совершилось не на его глазахъ, не въ его куріи. Бернардъ проситъ дать Гумберту возможность оправдаться въ присутствіи графа и затѣмъ помиловать его.

Здѣсь важна не только просьба, но и доводы, на которые опирается Бернардъ. Онъ сначала проситъ графа исполнить его просьбу ради ихъ отношеній. Въ виду необыкновенной щедрости графа къ церквамъ и монастырямъ, Бернардъ говоритъ, что еслибы онъ сталъ просить у графа золота или серебра, то, безъ сомнѣнія, ихъ бы получилъ, да и просить объ этомъ ему бы не пришлось. Въ этомъ же случаѣ,—продолжаетъ Бернардъ, возвышая тонъ,—онъ вступается не за свое личное дѣло, а за дѣло Божіе, и не въ своемъ интересѣ требуетъ онъ, а въ интересѣ графа. „Или вы не знаете, что также легко, какъ вы лишили Гумберта достоянія,—нѣтъ, несравненно легче,—Господь можетъ лишить отцовскаго имущества графа Теобальда?“ Бернардъ, однако, не только ласкаетъ и грозитъ, онъ и наставляетъ людей феодальнаго міра принципамъ высшей справедливости. „Даже тамъ,—говоритъ Бернардъ,—гдѣ вина столь же очевидна, какъ и неизвинительна, такъ что милосердіе можетъ быть оказано лишь въ ущербъ справедливости,—и тамъ вы должны приступать къ карѣ со страхомъ и скорбью, болѣе побуждаемые необходимостью положенія, чѣмъ желаніемъ мести. Но гдѣ поставленное въ вину преступленіе недостаточно достовѣрно или можетъ быть извинено, вы не только не должны отвергать оправданіе, но охотно признать его, радуясь, что при соблюденіи справедливости вы имѣете случай проявить ваше благочестіе“.

А въ слѣдующемъ письмѣ Бернардъ благодаритъ графа въ горячихъ выраженіяхъ за то, что онъ принялъ оправданіе Гумберта, и настаивалъ на исполненіи обѣщанія графа возвратить женѣ и дѣтямъ Гумберта ихъ имущество. „Не могу не сострадать вдовамъ и сиротамъ, но сироты при живомъ отцѣ—что можетъ быть достойнѣе жалости?“ По этому образчику можно судить, какія связи завязывались между Бернардомъ и внѣшнимъ міромъ, посредствомъ его переписки. Она служила, такъ сказать, мостомъ, перекинутымъ изъ его одинокой кельи въ шумный людской міръ. Бернардъ по прежнему оставался въ монастырѣ, но мысль его постоянно переносилась въ тѣсные дворы феодальныхъ замковъ, въ напитанное кровью поле для судебнаго поединка, повсюду, гдѣ творились неправды и насилія. Бернардъ старался

Digitized by Google

вліять на людей заочно своими мольбами, своими угрозами, своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Но при такомъ положеніи дѣла должны были возникать случаи, когда его личное вліяніе и его присутствіе на мѣстѣ становились необходимыми. Уставъ ордена, къ которому принадлежалъ Бернардъ, былъ очень строгъ въ отношеніи къ отлучкамъ изъ монастыря. Монаху дозволялось выходить за предѣлы монастырской земли лишь съ разрѣшенія аббата. Аббатъ могъ покинуть монастырь только въ опредѣленныхъ уставомъ случаяхъ. Бернардъ очень несочувственно относился къ бродящимъ монахамъ. О немъ впослѣдствіи разсказывали, что онъ выражалъ желаніе просидѣть три года на папскомъ престолѣ ради трехъ цѣлей: для подчиненія епископовъ митрополитамъ, а аббатовъ епископамъ, для уничтоженія совмѣстительства церковныхъ должностей и для воспрещенія монахамъ пребывать внѣ кельи и внѣ монастыря. Что касается до него самого, то намъ извѣстно, что онъ высказывалъ твердое намѣреніе никогда не удаляться изъ монастыря, за исключеніемъ трехъ случаевъ: въ интересахъ ордена или по приглашенію папскаго легата, или по приказанію епархіальнаго епископа. Онъ, дѣйствительно, въ первые годы крайне рѣдко предпринималъ поѣздки изъ монастыря, вѣроятно, каждый разъ по какому-нибудь изъ указанныхъ случаевъ. Даже въ позднѣйшее время, когда интересы его ордена совпали съ міровыми интересами, Бернардъ съ тревогой и скорбью относился къ случаямъ, когда эти міровые интересы извлекали монаха изъ монастыря. Когда, по смерти папы Люція II, кардиналы избрали ему въ преемники аббата св. Анастасія близъ Рима, бывшаго прежде ученикомъ Бернарда де-Клервò, послѣдній обратился къ римской куріи съ слѣдующимъ письмомъ (№ 237): „Помилуй васъ Богъ, что̀ вы сдѣлали? погребеннаго человѣка вы вызвали въ среду людей; бѣжавшаго отъ заботъ и отъ толпы вы снова вовлекли въ заботу и ввергли въ толпу... Того, кто захотѣлъ быть презрѣннымъ въ обители Господа своего, того самаго вы поставили господиномъ надъ всѣми. Зачѣмъ вы посрамили намѣреніе бѣдняги, зачѣмъ смутили мысль человѣка убогаго и сокрушеннаго сердцемъ? Шелъ онъ хорошею стезею; съ усиліемъ вырвался онъ, такъ сказать, изъ насильственныхъ объятій дьявола, ушелъ отъ искушеній плоти и отъ славы міра сего, но, однако, не удалось ему избѣгнуть рукъ вашихъ... Право, смѣшно подобрать нищаго человѣка (pannosum homuncionem), чтобы сдѣлать его главою государей, правителемъ епископовъ, распорядителемъ державъ и царствъ“...

Digitized by Google

Но могъ ли самъ Бернардъ отказываться отъ возвращенія въ міръ, по крайней мѣрѣ, на время, когда представлялась въ этомъ какая-нибудь особенно важная нужда—grandis aliquis necessitas? А эпоха Бернарда была такова, что три раза въ его жизни наступала „великая нужда", извлекавшая его изъ монастырской кельи. Помимо разныхъ другихъ дѣлъ, Бернарду было суждено играть передовую роль въ трехъ важнѣйшихъ вопросахъ, или интересахъ времени: въ установленіи власти церковной, въ утвержденіи ученія церковнаго и въ упроченіи господства церкви въ мірѣ, т.-е. побѣдѣ христіанства надъ исламомъ.

В. Герье.

Digitized by Google

ЗИМОЮ ВЪ ДЕРЕВНѢ

1.

ОДИНОЧЕСТВО.

Глубокая въ домѣ царитъ тишина,
И крадется время шагами нескорыми.
Предъ снѣжной пустыней стою у окна,
Смотрю черезъ мерзлыя стекла съ узорами.

Близъ дома сугробы мятель намела;
Деревья покрыты пылинками инея;
Вдали—непроглядная бѣлая мгла;
Межъ небомъ и долomъ стушёвана линія.

Безмолвны долины, безмолвны холмы;
Какъ будто объяла ихъ дума угрюмая...
И я, передъ грустной картиной зимы,
Безмолвно стою, вспоминая и думая.

Digitized by Google

2.

ОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ.

Не саванъ простертый бѣлѣетъ, къ обряду готовъ погребенья;
Не хора хватаетъ за сердце надъ гробомъ печальное пѣнье;
Не гробъ уже въ яму опущенъ и прахомъ могильнымъ покрытъ;
Не блѣдный покойникъ во гробѣ подъ крышкою низкой лежитъ...

То снѣга бѣлѣетъ равнина, бѣлѣетъ отъ края до края;
То мерзлая вьюга гуляетъ, крутитъ и метётъ, завывая;
То въ полѣ возокъ еле виденъ, въ сугробѣ себя схоронивъ;
То путникъ злосчастный полъ-сутокъ сидитъ въ немъ, не мертвъ
—и не живъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Digitized by Google

НОВЫЙ ИСТОРИКЪ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ

H. Taine, Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne. Tome I. Paris, 1891 *).

IV.

Когда Наполеонъ, послѣ 18-го брюмера, сдѣлался распорядителемъ судебъ Франціи, у французскаго народа были двѣ главныя потребности—или, лучше сказать, двѣ группы потребностей. Революція всѣхъ утомила, все поставила вверхъ дномъ, вездѣ водворила смятеніе и хаосъ; отсюда жажда спокойствія, безопасности, порядка, отсюда тоска по потеряннымъ благамъ и удобствамъ жизни. Это—одна группа потребностей, возникшая послѣ и вслѣдствіе революціи. Средоточіемъ другой группы, гораздо болѣе давней, служило стремленіе къ справедливому распредѣленію правъ и обязанностей. Оно существовало до революціи, принадлежало къ числу главныхъ ея причинъ, но не нашло въ ней удовлетворенія, и въ 1800 г. чувствовалось живѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Всего настоятельнѣе, однако, было залеченіе свѣжихъ ранъ; съ него Тэнъ и начинаетъ свое изображеніе наполеоновской системы.

Отмѣна декретовъ о заложникахъ и о принудительномъ займѣ; постепенное смягченіе законодательства объ эмигрантахъ, право возврата во Францію, предоставляемое то отдѣльнымъ лицамъ,

*) См. выше: январь, стр. 313.

Digitized by Google

то цѣлымъ категоріямъ или группамъ; возстановленіе политическихъ правъ бывшихъ дворянъ и родственниковъ эмигрантовъ; амнистія всѣмъ высланнымъ и сосланнымъ послѣ фрюктидорскаго переворота,—таковы были первыя мѣры консульства, самыя плодотворныя для внутренняго мира. Правда, большинство эмигрантовъ возвращаются во Францію нуждающимися, не имѣющими ни собственности, ни занятій. Сначала, во многихъ случаяхъ, они бѣдствуютъ даже больше, чѣмъ за границей, потому что у себя дома не могутъ давать уроковъ фехтованья, танцевъ, французскаго языка. Изъ массы конфискованныхъ имѣній въ руки прежнихъ собственниковъ переходятъ только тѣ немногія, для которыхъ не нашлось покупателей (приблизительно на сумму 100 милліоновъ, изъ двухъ милліардовъ). По разсчету самого Наполеона, пять лѣтъ спустя послѣ 18-го брюмера около сорока тысячъ бывшихъ эмигрантовъ не имѣютъ еще никакихъ средствъ къ существованію. Это заставляетъ ихъ, сплошь и рядомъ, обращаться къ поддержкѣ правительства, и искать хоть небольшого административнаго мѣстечка. Де-Пюимегръ, до 1789 г. бывшій милліонеромъ, принимаетъ должность контролера, съ вознагражденіемъ въ 2.400 франковъ; Эшеролль, отставной генералъ королевской службы, завѣдуетъ въ Ліонѣ, за 1.200 франковъ, конторой почтовыхъ дилижансовъ. Иногда императоръ идетъ на встрѣчу просьбамъ; де-Витролль, извѣстный, впослѣдствіи, дѣятель временъ реставраціи, получаетъ, безъ всякаго о томъ ходатайства, мѣсто смотрителя императорскихъ овчаренъ. Привлеченіе на службу становится, мало-по-малу, средствомъ порабощенія аристократіи. Она, по необходимости, подчиняется новому порядку, но не примиряется съ нимъ, потому что ему нужна только покорность, а не преданность. Такихъ друзей имперіи и императора, какъ Ласъ-Казъ или Сегюръ, въ рядахъ старинныхъ фамилій насчитывается очень мало; Наполеонъ отталкиваетъ ихъ отъ себя суровостью и холодностью, граничащею съ пренебреженіемъ. Подъ конецъ царствованія неслужащіе дворяне становятся подозрительными въ глазахъ правительства. Императоръ *требуетъ*, чтобы сыновья ихъ поступали въ офицеры или въ военныя школы; въ 1813 г. онъ образуетъ, этимъ путемъ, „почетную гвардію“ въ десять тысячъ человѣкъ, не взирая на то, подлежатъ ли забираемые имъ молодые люди, по закону, воинской повинности, не освобождая ни женатыхъ людей, ни даже отцовъ семейства. Эти подневольные тѣлохранители являются, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ заложниками; имперія вступаетъ на путь осужденнаго консульствомъ якобинства.

Digitized by Google

Въ церковной политикѣ Наполеона происходитъ аналогичная эволюція. Консульство застаетъ народъ жаждущимъ возстановленія католическаго культа. Прежде, до 1789 г., масса крестьянъ и горожанъ не сознавала своей духовной связи съ церковью. Мало расположенный, по натурѣ, къ уваженію и поклоненію, французъ относился къ церковнымъ обрядамъ съ оттѣнкомъ иронiи и критики, къ священнику—какъ и ко всякому, свободному отъ необходимости физическаго труда,—съ нѣкоторою завистью. О различiи между правовѣріемъ и ересью, между правильно поставленнымъ служителемъ церкви и самозваннымъ претендентомъ на это званіе, почти никто тогда не думалъ; интересъ къ подобнымъ вопросамъ создаетъ только революція, своимъ „гражданскимъ устройствомъ" духовенства и своими преслѣдованіями непокорныхъ священниковъ. Зависть уступаетъ мѣсто состраданію къ гонимымъ, удивленію передъ мучениками. Громаднымъ большинствомъ молчаніе колоколовъ, отсутствіе церковныхъ торжествъ чувствуется какъ тяжкое лишеніе. Храмы, пустые или запертые на ключъ, но всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ напоминающіе объ истинномъ ихъ назначеніи, постоянно наводятъ мысль на утраченное благо. Нужно возстановить, по возможности, прежнее положеніе вещей; но при этомъ нельзя обойтись безъ содѣйствія папы. Интересъ церкви требуетъ возвращенія конфискованныхъ церковныхъ имѣній —но этого не допускаетъ интересъ государства, обязаннаго, въ видахъ общественнаго благосостоянія и порядка, охранять легально установившееся владѣніе. Экспропріація новыхъ собственниковъ представлялась бы такимъ же *воровствомъ*, какимъ была, въ свое время, продажа церковныхъ имѣній (просимъ припомнить, что мы теперь только *излагаемъ* мнѣнія Тэна, воздерживаясь отъ ихъ оцѣнки). Для спокойствія пріобрѣтателей церковной собственности необходима сдѣлка между правительствомъ и церковью, закрѣпленная навсегда одобреніемъ высшей церковной власти. Такою сдѣлкою является конкордатъ. Вознаградить церковь за ея потери было неизбѣжно, но Наполеонъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы сумма вознагражденія была не слишкомъ велика. Обезпеченность—одно изъ условій независимости; а независимость духовенства симпатична Наполеону столь же мало, какъ и всякая другая. Не возвращаются въ собственность духовенства даже церковныя зданія; они предоставляются ему только въ пользованіе. Воспитанники духовныхъ семинарій освобождаются отъ военной службы только условно, впредь до посвященія въ духовный санъ, а число посвящаемыхъ доводится до минимума, такъ что во всѣхъ епархіяхъ раздаются жалобы на недостатокъ молодыхъ священ-

Digitized by Google

никовъ. Допускаются пожертвованія въ пользу духовенства, но только въ формѣ государственной ренты. Къ монашескимъ орденамъ, даже оффиціально неразрѣшеннымъ, императоръ оказывается снисходительнымъ, пока они ему безсознательно служатъ или, по меньшей мѣрѣ, не мѣшаютъ. Въ концѣ царствованія онъ точно такъ же возстановляетъ противъ себя духовенство, какъ и дворянство. Въ гоненіи, воздвигнутомъ на папу, въ арестованіи епископовъ, въ ссылкѣ священниковъ, въ принудительномъ зачисленіи семинаристовъ въ ряды арміи, якобинскія традиціи оживаютъ съ новой силой, и дѣло примиренія, торжествующее въ 1802 г., десять лѣтъ спустя терпитъ полную неудачу.

Революція уничтожила значительную часть того, что было сдѣлано до нея на почвѣ общественной благотворительности и народнаго образованія—и ничѣмъ не замѣнила уничтоженнаго. По приблизительному разсчету Тэна, число призрѣваемыхъ уменьшилось вдвое или втрое, между тѣмъ какъ число нуждающихся въ призрѣніи стало вдвое больше. Покинутыхъ дѣтей въ 1789 г. было около 25 тысячъ, въ 1799 г. ихъ насчитывается болѣе 60 тысячъ. Незаконнорожденные, въ 1780 г., составляли $^1/_{47}$, въ 1800 г.—$^1/_{11}$ всѣхъ рождающихся. Терроръ сильно способствовалъ распространенію душевныхъ болѣзней... До революціи начальныхъ школъ (petites écoles), въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, было почти столько же, сколько приходовъ; во всей Франціи ихъ считалось отъ 20 до 25 тысячъ. Изъ 100 мужчинъ читать и писать (или, по крайней мѣрѣ, подписать свое имя) умѣли, въ 1789 г., *сорокъ-семь*, изъ 100 женщинъ—*двадцать-шесть*. Казнѣ начальныя школы не стоили ничего, плательщикамъ налоговъ—почти ничего, родителямъ—очень мало, потому что преподаваніе велось, большею частью, приходскимъ священникомъ, монахами или монахинями. Гдѣ былъ особый учитель, тамъ содержаніе его оплачивалось, обыкновенно, доходомъ съ спеціально-пожертвованныхъ на то суммъ или съ отведеннаго подъ школу земельнаго участка. Мѣстной и частной иниціативѣ удалось еще лучше устройство среднихъ школъ, которыхъ въ 1789 г. было болѣе 550 (въ томъ числѣ болѣе ста, дававшихъ полное среднее образованіе). Изъ 72.000 учениковъ этихъ школъ больше половины (до сорока тысячъ) ничего не платили за обученіе, между тѣмъ какъ теперь изъ 79.000 учениковъ лицеевъ и коллегій даромъ обучается только пять тысячъ. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что большинство преподавателей принадлежало къ духовному сословію и, не имѣя семьи, могло довольствоваться весьма скудными окладами. Содержаніе учениковъ стоило сравнительно

Digitized by Google

дешево, потому что многочисленность коллегій (отъ 7 до 8 на теперешній департаментъ) приближала ихъ къ родителямъ. Всему этому революція нанесла ударъ, трудно-поправимый. Имущества школъ распроданы почти безъ остатка, учителя изгнаны или сосланы; къ концу директоріи начальное обученіе, можно сказать, не существуетъ вовсе или существуетъ въ тайнѣ, прячась отъ глазъ власти. Былъ, правда, промежутокъ времени—съ 13 вандемьера по 18 фрюктидора (т.-е. съ 1795 по 1797 г.),—когда частныя школы возникали вновь довольно быстро; но побѣда якобинства опять остановила это движеніе, потому что побѣдители хотѣли сохранить монополію за государственными (центральными) училищами. Такихъ училищъ числится 88 (по одному въ департаментѣ), но они плохо обставлены, не внушаютъ довѣрія и остаются почти пустыми. Всѣхъ учениковъ, получающихъ среднее образованіе, не болѣе 7—8 тысячъ, и самое образованіе имѣетъ не столько общій, сколько профессіональный характеръ. Еще хуже положеніе начальныхъ школъ, учителя которыхъ, большею частью—отставные клубисты, голодные и замаранные якобинцы. Jacobin и vaurien—эти слова, около 1800 г., считаются синонимами. Понятно, что никто не хочетъ посылать своихъ дѣтей въ правительственныя школы. Наполеонъ возвращаетъ духовенству господствующую роль въ начальномъ обученіи; образованіе дѣвочекъ, въ особенности, до самаго паденія имперіи остается почти исключительно въ рукахъ монахинь. Община, учреждающая у себя начальную школу, обязана отвести квартиру для учителя; жалованье уплачивается ему родителями учениковъ. Что касается до среднихъ школъ, то здѣсь на долю общины выпадаетъ устройство и содержаніе школьнаго зданія. Государство беретъ на себя только плату за нѣкоторую часть учениковъ—а такъ какъ на казеннокоштныя вакансіи опредѣляются преимущественно дѣти чиновниковъ и офицеровъ, то государственный расходъ на коллегіи и лицеи представляетъ собою, въ сущности, не что иное, какъ прибавку къ жалованью служащихъ. Все учащее сословіе стоитъ казнѣ только 400 тысячъ франковъ—меньше, чѣмъ получала до революціи самая богатая изъ парижскихъ коллегій (Collège St. Louis); всѣ остальныя издержки на университетъ (въ французскомъ смыслѣ этого слова) покрываются сборами съ учащихся и съ частныхъ учебныхъ заведеній. На начальныя школы государство, въ 1812 г., ассигнуетъ всего 25 тысячъ, дѣйствительно тратитъ—только 4.500 франковъ! Недорого обходятся казнѣ и благотворительныя учрежденія; помимо сбора съ спектаклей и доли изъ городскихъ доходовъ, помимо небольшого

Digitized by Google

числа домовъ и земельныхъ участковъ, взятыхъ изъ общаго запаса національныхъ имѣній, больницы и богадельни живутъ исключительно частными пожертвованіями. До революціи церковь, школы и благотворительныя учрежденія располагали, въ общей сложности, доходомъ въ 270 милліоновъ франковъ. Государство, поглотившее ихъ собственность, вознаграждаетъ ихъ доходомъ въ 17 милліоновъ франковъ. Неисправный должникъ уплачиваетъ, такимъ образомъ, своимъ кредиторамъ шесть сантимовъ вмѣсто франка —и требуетъ отъ нихъ, вдобавокъ, благодарности и преданности, сохраняя за собою, по отношенію къ нимъ, неограниченное право распоряженія и контроля.

Какъ бы то ни было, въ 1815 году Франція, возвращенная въ прежнія свои границы, обладаетъ 404 лицеями и коллегіями, 1.255 частными средними школами, 22.348 начальными училищами; грамотныхъ насчитывается больше, чѣмъ въ 1789 году. „Главные недостатки исправлены“, говоритъ Тэнъ; „въ домѣ, опустошенномъ революціею, новый хозяинъ завелъ вновь всѣ аппараты, необходимые для топки, вентиляціи и освѣщенія. Хорошо понимая свои интересы и не располагая большими наличными суммами, онъ затратилъ изъ своего кармана весьма незначительную сумму; все остальное онъ получилъ отъ жильцовъ, сгруппированныхъ по категоріямъ и обращенныхъ въ плательщиковъ, вольныхъ или невольныхъ. Ключи отъ всѣхъ трехъ аппаратовъ хозяинъ, однако, оставилъ у себя, чтобы распредѣлять по своему усмотрѣнію, между этажами и квартирами, и свѣтъ, и тепло, и воздухъ. Наконецъ-то, послѣ долгихъ лишеній, жильцы перестали зябнуть, задыхаться, бродить въ потемкахъ. Они такъ довольны этимъ, что и не думаютъ критиковать дѣйствія хозяина, оспаривать монополію, которую онъ себѣ присвоилъ“... „Уравновѣшивая худшее лучшимъ,—читаемъ мы дальше, — и останавливаясь не столько на подробностяхъ, сколько на цѣломъ, можно сказать утвердительно, что Франція получила, благодаря Наполеону, все недоставшее ей съ 1789 года: внутренній миръ, общественное спокойствіе, правильную администрацію, безпристрастный судъ, исполнительную полицію, безопасность лицъ и имуществъ, свободу совѣсти и богослуженія, независимость частной жизни, возможность безпрепятственнаго выѣзда за границу и безпрепятственнаго возвращенія въ отечество, хорошую организацію путей сообщенія, благотворительности и школы. Удовлетворены были, однимъ словомъ, всѣ потребности, созданныя революціею“.

Digitized by Google

V.

Ко второй группѣ потребностей Тэнъ, какъ мы уже знаемъ, относитъ тѣ, которыя *предшествовали революціи*. Въ матеріальномъ и моральномъ бюджетѣ до-революціонной Франціи дивидендъ былъ обратно пропорціоналенъ вкладу; иными словами, чѣмъ больше кто-либо вносилъ, трудомъ и вещественными средствами, въ общую массу, тѣмъ меньше онъ участвовалъ въ общихъ выгодахъ. Во всѣхъ общественныхъ сферахъ большинство работало для меньшинства, меньшинство пользовалось благами жизни въ ущербъ большинству: придворная аристократія — въ ущербъ провинціальному дворянству, дворянство—въ ущербъ недворянамъ, прелаты—въ ущербъ низшему духовенству, буржуазія—въ ущербъ народу, города—въ ущербъ деревнямъ, цехи—въ ущербъ свободнымъ рабочимъ, болѣе богатые и сильные, вездѣ и всегда — въ ущербъ болѣе бѣднымъ и слабымъ. Замѣченное лучшими умами (напримѣръ, Ла-Брюйеромъ) еще за сто лѣтъ до революціи, это ненормальное положеніе вещей, къ концу царствованія Людовика XVI, чувствовалось всѣми и каждымъ. Всѣ возставали противъ чужихъ привилегій, стараясь сохранить свои собственныя; каждый старался урѣзать часть общественнаго пирога (gâteau public; любопытно, что въ выборѣ реторической фигуры Тэнъ сходится здѣсь съ Салтыковымъ), причитающуюся другимъ, и увеличить кусокъ, достающійся ему самому. Нападеніе было всеобщимъ, защита была лишена всякаго единодушія— и въ результатѣ получилось паденіе всего общественнаго порядка. Въ революціонной Франціи „распредѣлительная справедливость“ (justice distributive) отсутствуетъ однако, точно такъ же, какъ и въ до-революціонной. Произошла только перемѣна ролей; притѣснители сдѣлались притѣсненными, и наоборотъ. Вмѣсто олигархіи знатныхъ и богатыхъ явилась олигархія якобинцевъ, большихъ и малыхъ. До 1789 г. привилегированнымъ положеніемъ пользовалось 300 или 400 тысячъ человѣкъ, отличительнымъ признакомъ которыхъ служили красные каблуки или башмаки съ серебряными пряжками; послѣ 1789 г. привилегированныхъ было столько же, но отличительнымъ ихъ признакомъ сдѣлался красный колпакъ. Сугубо-привилегированные аристократы, имѣвшіе право ѣздить въ королевскихъ каретахъ, уступили мѣсто такому же числу (отъ 3 до 4 тысячъ) сугубо-привилегированныхъ якобинцевъ, засѣдавшихъ въ клубѣ улицы Сентъ-Онорé. Государственная казна, прежде кормившая версальскій дворъ, кормила

Digitized by Google

теперь гораздо болѣе требовательную парижскую чернь. Отсюда такое же отвращеніе къ революціи, какое существовало, за десять лѣтъ передъ тѣмъ, къ старому порядку.

Устранить оба вида несправедливости, прежній и новый — вотъ существенно-важная задача, предстоящая Наполеону; и онъ какъ нельзя лучше понимаетъ ея важность. Разрѣшеніе ея облегчено тѣмъ, что кругомъ новаго владыки нѣтъ обычаевъ, освященныхъ временемъ, нѣтъ притязаній, построенныхъ на традиціи. Для Наполеона всѣ равны, не исключая приближенныхъ, которыхъ онъ подчиняетъ самой строгой дисциплинѣ. Издержки придворнаго управленія понижаются, сравнительно съ тѣмъ что было до революціи, почти въ восемь разъ, хотя роскошь двора остается та же; подъ бдительнымъ глазомъ императора никто не позволяетъ себѣ и думать о злоупотребленіяхъ. Въ податную систему вносится не только порядокъ, но и снисхожденіе къ неимущимъ (цифры, свидѣтельствующія объ облегченіи податного бремени, приведены нами въ предыдущей статьѣ). Не страдаютъ, однако, и достаточные классы населенія, потому что равновѣсіе между ними и массой возстановляется косвенными налогами, упадающими въ особенности на послѣднюю. Громаднымъ выигрышемъ для народа является сборъ косвенныхъ налоговъ непосредственно агентами государства, а не откупщиками, какъ это практиковалось до революціи. Въ видѣ налога на соль взималось, напримѣръ, сто милліоновъ, изъ которыхъ поступало въ казну только 45; остальные 55 милліоновъ поглощались откупомъ. Исчезли, дальше, всѣ притѣснительныя мѣры, сопряженныя, при старомъ порядкѣ, съ системой косвенныхъ налоговъ (напримѣръ, обязанность каждой семьи купить непремѣнно извѣстное число фунтовъ соли и употреблять ее исключительно за столомъ, а не на заготовленіе въ прокъ и т. п.). До 1789 г. крестьянинъ уплачивалъ казнѣ, духовенству и сеньёру болѣе трехъ четвертей своего дохода; теперь онъ платитъ казнѣ, и только казнѣ, меньше одной четверти того, что получаетъ. Народное благосостояніе ростетъ съ удивительною быстротою; страшнѣйшій изъ его враговъ—голодъ, почти періодическій во время монархіи, еще во время республики унесшій около милліона жизней—отходитъ въ область преданій. Мѣстныя и случайныя голодовки 1812 и 1817 г. были послѣдними вспышками вѣковой болѣзни... Слабой стороной наполеоновской финансовой системы Тэнъ считаетъ единственно запретительныя мѣры по отношенію къ внѣшней торговлѣ, влекущія за собою сильнѣйшее развитіе контрабанды, разореніе фабрикантовъ и цѣлый рядъ лишеній для потребителей.

Digitized by Google

Есть еще одинъ налогъ, поражающій уже не имущество, а личность: это—воинская повинность. До 1789 г. она была легка, потому что отбывалась преимущественно путемъ добровольной вербовки. Принудительною—бо́льшею частью для однихъ крестьянъ — была только служба въ милиціи; но милиція имѣла значеніе резерва и двигалась съ мѣста лишь во время войны. Въ мирное время ее созывали для девятидневныхъ упражненій, а съ 1778 г. не созывали вовсе. Въ постоянномъ войскѣ было цѣлыхъ двадцать-пять полковъ, набиравшихся изъ среды иностранцевъ; въ 145 собственно фра̀нцузскихъ полкахъ служили исключительно добровольцы. Правда, на самомъ дѣлѣ добрая воля была иногда мнимой; вербовщики нерѣдко позволяли себѣ обманъ или даже насиліе, но въ послѣднее время злоупотребленія были рѣдки, и самыя крупныя изъ нихъ были запрещены ордонансомъ 1788 г. И при злоупотребленіяхъ, впрочемъ, система вербовки имѣла свои достоинства. Благодаря ей, армія была средствомъ очищенія общества отъ испорченной или слишкомъ горячей крови. Самые антисоціальные элементы—люди безъ опредѣленныхъ занятій, авантюристы, развратники, пропойцы—привлекались къ защитѣ общества. Тэнъ сравниваетъ ихъ съ бродячими собаками, пойманными посредствомъ приманки, посаженными на цѣпь и обращенными въ охранителей усадьбы, на которую онѣ передъ тѣмъ наводили страхъ... Всѣмъ остальнымъ членамъ общества вербовка доставляла неоцѣнимое благо—свободу отъ самой обременительной повинности, отнимающей лучшіе годы жизни, налагающей тяжкія узы и на тѣло, и на душу. Если порядокъ вещей, столь разумный и удобный, переста̀лъ быть возможнымъ, то причину этому слѣдуетъ искать въ торжествѣ доктрины, провозгласившей верховность народа. Европейскіе государи всѣ неизбѣжно являются людьми военными; присвоивъ себѣ ихъ права, народъ самъ обрекъ себя на обязательную военную службу. Введенная сначала въ видѣ временной мѣры, для отраженія непріятеля, конскринція обращается Наполеономъ въ постоянное правило. Изъ Франціи она переходитъ—вмѣстѣ съ своимъ братомъ-близнецомъ, всеобщей подачей голосовъ—въ другія европейскія государства и создаетъ настоящее положеніе вещей, столь мало обѣщающее утѣшительнаго въ XX вѣкѣ. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Европѣ было нѣсколько сотъ тысячъ солдатъ, въ концѣ нынѣшняго ихъ число доходитъ до 18 милліоновъ. До 1789 г. Франція, въ случаѣ войны, рисковала 150.000 жизнями, наименѣе цѣнными для общества (150.000 vies de qualité secondaire, de valeur médiocre, dont le sacrifice n'était pas un dom-

Digitized by Google

mage grave pour la société ni pour la civilisation); теперь она рискуетъ четырьмя милліонами гражданъ, въ томъ числѣ и такими, которые всего менѣе приспособлены къ военному дѣлу и всего болѣе—къ другимъ, высшимъ задачамъ. Пора бы самому народу понять, что право подать голосъ, разъ въ четыре года, въ качествѣ избирателя—не эквивалентъ обязанности, на четыре года приковывающей къ казармамъ и въ продолженіе двадцати лѣтъ грозящей призывомъ подъ знамена, чтобы убивать или быть убитымъ... Неуклонно придерживаясь *принципа* общеобязательной воинской повинности, Наполеонъ допускалъ, однако, всевозможныя смягченія его на практикѣ; онъ не только установилъ категоріи лицъ, освобожденныхъ отъ военной службы (священники, учителя, единственные сыновья вдовъ и т. п.), но и разрѣшилъ наемъ замѣстителей, т.-е., de facto, сдѣлалъ военную службу факультативной, добровольной для достаточныхъ классовъ населенія. „Государство,—говоритъ Тэнъ,—не въ правѣ противодѣйствовать свободному соглашенію, сознательному обмѣну услугъ, выгодному для обѣихъ сторонъ, а иногда и для самого государства“ (если замѣститель болѣе годенъ для военной службы, чѣмъ замѣщаемый). Благодаря замѣстительству, воинская повинность сначала являлась сносной; чудовищной она стала только къ концу имперіи, когда страшная убыль въ рядахъ войска заставила призывать подъ знамена, съ одной стороны, отроковъ, съ другой—людей, откупившихся или освобожденныхъ отъ военной службы. Когда завершился періодъ войнъ, правительству реставраціи стоило только узаконить льготы, при Наполеонѣ имѣвшія характеръ милостей, чтобы создать порядокъ вещей, болѣе полустолѣтія уменьшавшій до возможнаго минимума недостатки общеобязательной воинской повинности (Тэнъ имѣетъ здѣсь въ виду законъ 18-го марта 1818 г., допускавшій замѣстительство и отмѣненный лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, правительствомъ третьей республики).

Справедливому распредѣленію подлежатъ не только обязанности, но и права. Старая монархія погрѣшала одинаково какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи. Она установляла громадное неравенство правъ между провинціями, между сословіями, между отдѣльными лицами, и оставляла почти безправными крестьянъ, иностранцевъ, кальвинистовъ, евреевъ. Революція создаетъ, на бумагѣ, равенство передъ закономъ, но уничтожаетъ его на самомъ дѣлѣ; католическое большинство преслѣдуется ею, напримѣръ, ничуть не меньше, чѣмъ преслѣдовалось, при старомъ порядкѣ, протестантское меньшинство. Тѣмъ не менѣе, идея равен-

Digitized by Google

ства глубоко проникла въ французскій умъ, заранѣе къ ней расположенный въ силу наклонности къ обобщеніямъ и къ логическимъ выводамъ изъ отвлеченнаго начала. Въ наполеоновскомъ режимѣ она получаетъ широкое осуществленіе. Мало того, что кальвинистамъ и евреямъ даруется свобода богослуженія: ихъ пасторамъ и раввинамъ отводится, въ новомъ государственномъ строѣ, такое же мѣсто, какъ и католическимъ священникамъ. Нѣтъ больше привилегированныхъ классовъ или сословій; всѣ подведены подъ одну мѣрку. Ограниченія или лишенія, обусловливаемыя всемогуществомъ государства, гораздо менѣе чувствительны для толпы, нежели для людей достаточныхъ и образованныхъ; первой даже пріятно видѣть послѣднихъ низведенными до ея уровня. Дорога къ почету, богатству, власти открыта для всѣхъ; всѣ призваны къ состязанію, а наградами для побѣдителей служатъ самыя разнообразныя должности и званія: административныя, судебныя, военныя, духовныя, учебныя, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ. При старомъ порядкѣ громадное большинство оставалось въ сферѣ, къ которой принадлежало по рожденію; къ этому всѣ привыкли, этимъ возмущались только немногіе. Солдатъ не мечталъ объ офицерскомъ чинѣ, незначный и небогатый офицеръ не надѣялся быть генераломъ. Почти у каждаго чиновника былъ заранѣе намѣченный преемникъ—сынъ, зять или племянникъ. Люди предпріимчивые и смѣлые искали счастья за границей или въ французскихъ колоніяхъ. Отецъ Мирабо хотѣлъ, одно время, отправить непокорнаго сына въ голландскую Индію; онъ нашелъ бы тамъ либо смерть, либо владычество надъ нѣсколькими десятками тысячъ малайцевъ. Дантонъ могъ бы сдѣлаться любимцемъ Типпо-Саиба и устроить, въ азіатскихъ тюрьмахъ, нѣчто въ родѣ сентябрскихъ избіеній. Бонапарте, потерявъ своихъ первыхъ покровителей—Робеспьеровъ,—думалъ-было поступить на службу къ турецкому султану. Революція опрокинула прежнія преграды и всѣхъ соединила въ одно безразличное цѣлое; но право выбирать между конкуррентами было дано худшему судьѣ—всеобщей подачѣ голосовъ; и этому соотвѣтствовало достоинство выборовъ. Повышались не наиболѣе, а наименѣе способные. Исключеніемъ изъ этого правила служила одна армія, и то лишь до нѣкоторой степени; и здѣсь, по временамъ, выдвигались на первый планъ Ганріо, Карто, Россиньоли. Компетентный цѣнитель заслугъ и силъ является, наконецъ, въ лицѣ Наполеона. Для него важны только два условія: способность и трудолюбіе. Ближайшими его помощниками становятся бывшій членъ провинціальнаго суда (Камбасересъ, второй

Digitized by Google

консулъ, позже архиканцлеръ имперіи и герцогъ парижскій) и бывшій секретарь Мопу, плодовитый переводчикъ мало извѣстныхъ сочиненій (Лебренъ, третій консулъ, позже архиказначей имперіи и герцогъ піаченцскій). Между наполеоновскими маршалами мы находимъ сына виноторговца (Массена), сына трактирщика (Мюратъ), сына конюха (Ланнъ), сына каменщика и торговки фруктами (Ожеро). Это отнюдь не значитъ, чтобы новый порядокъ не давалъ хода аристократамъ; между министрами Наполеона одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Талейранъ, въ его магистратурѣ встрѣчаются старинныя имена Сегье, Моле и Пакье, въ его духовенствѣ—громкія имена Броль (Broglie) и Роганъ. Еще больше представителей знатные роды имѣютъ между наполеоновскими придворными. Не вліяетъ на назначенія и прошедшее назначаемыхъ. Высокія мѣста занимаютъ, при Наполеонѣ, и монархисты, противившіеся реформамъ (Мори—архіепископъ парижскій), и конституціоналисты законодательнаго собранія (Нарбоннъ—посолъ въ Вѣнѣ), и уцѣлѣвшіе жирондисты (Ланжюине—сенаторъ), и члены комитета общественнаго спасенія (Жанъ-Бонъ-Сентъ-Андре—префектъ въ Майнцѣ), и наиболѣе крайніе изъ террористовъ (Фуше—министръ полиціи). Число должностей, раздаваемыхъ правительствомъ, чрезвычайно велико, какъ вслѣдствіе географическаго роста имперіи, такъ и вслѣдствіе увеличенія сферы государственной дѣятельности. Множество французовъ находятъ для себя служебное положеніе въ вассальныхъ государствахъ, фактически подвластныхъ Наполеону—въ Испаніи и Голландіи, въ Неаполѣ и Вестфаліи. Со ступеньки на ступеньку многіе поднимаются тѣмъ быстрѣе, чѣмъ меньше, послѣ революціонныхъ бурь, осталось лицъ, подготовленныхъ къ высшей государственной службѣ. А между тѣмъ награды, ожидающія избранныхъ, ослѣпительны по своему блеску, громадны по своей матеріальной цѣнности. Баронскій титулъ при Наполеонѣ получаютъ 1.090 лицъ, титулъ графа—388, титулъ герцога—31, титулъ князя—три лица. Нею обезпеченъ доходъ въ 728 тысячъ, Даву—въ 910 тысячъ, Бертье—въ 1.354.000 ливровъ. Честолюбію нѣтъ предѣла; *герцогъ* Массена тянется къ *княжескому* титулу; другіе, видя передъ собою примѣръ Мюрата и Бернадотта, мечтаютъ о королевской коронѣ. „Молодой солдатъ, получающій капральскіе галуны, слышитъ, въ воображеніи, звуки трубъ, барабанный бой, пушечные выстрѣлы, провозглашающіе его маршаломъ имперіи“. Однимъ изъ главныхъ призовъ всеобщаго конкурса служитъ, наконецъ, орденъ почетнаго легіона. Сначала предполагалось, что число кавалеровъ этого ордена не будетъ

Digitized by Google

превышать шести тысячъ; но къ концу царствованія Наполеона оно доходило до тридцати тысячъ. Всего чаще орденъ жаловался за военныя заслуги; гражданскихъ чиновниковъ-кавалеровъ почетнаго легіона при Наполеонѣ было не болѣе тысячи двухъ сотъ [1]).

Соревнованіе, въ наполеоновской Франціи, является громадной силой, однородной съ тѣми, которыя воодушевляли первыхъ крестоносцевъ или аравитянъ временъ Магомета. Подъ вліяніемъ такихъ силъ удесятеряется энергія, обостряются способности, забываются мелочи жизни. Смотря по обстоятельствамъ, на первый планъ выдвигаются лучшія или худшія, божественныя или звѣрскія стороны человѣческой природы. Для французовъ возбужденное состояніе начинается съ 1789 г.; уже съ этого времени они живутъ не для себя, а изъ-за идеи. Сначала они чувствуютъ себя гражданами, философами, разрушителями предразсудковъ и злоупотребленій, потомъ—защитниками отечества, вооруженными пропагандистами великихъ принциповъ. Около 1796 г. обаяніе принциповъ начинаетъ меркнуть; освободитель и благодѣтель человѣчества уступаетъ мѣсто герою, способному на громкіе подвиги, заслуживающему удивленія и славы. Мелкое тщеславіе и честолюбивый разсчетъ еще не выступаютъ на сцену. Внѣшнему повышенію еще не придается цѣны; оно принимается, но не служитъ предметомъ сознательныхъ усилій. Постепенно, медленно появляются признаки порчи. Война деморализируетъ побѣдителей, пробуждаетъ въ нихъ дурные инстинкты, пріучаетъ ихъ презирать чужую жизнь и чужое счастье, искать наслажденій въ настоящемъ, готовить для себя сокровища въ будущемъ. Около 1808 или 1809 г. паденіе достигаетъ крайней степени. Единственнымъ стимумомъ дѣятельности становятся ордена, титулы, шитые мундиры, громадныя содержанія—а такъ какъ все это зависитъ отъ императора, то преданность ему лично замѣняетъ собою преданность Франціи или идеѣ. Всѣ стремятся вверхъ, во что бы то ни стало, какою бы то ни было цѣною; въ убитомъ товарищѣ начинаютъ видѣть не потеряннаго друга, а очистившуюся вакансію. Свирѣпый эгоизмъ направляется, наконецъ, противъ того, кто воспиталъ и разнуздалъ его, какъ орудіе для достиженія личныхъ цѣлей: противъ самого Наполеона. Измѣна проникаетъ въ среду лицъ, наиболѣе къ нему приближенныхъ; вѣрными ему, безъ задней мысли, остаются только простые солдаты. Слишкомъ напряженная пружина испортила весь меха-

[1]) Въ настоящее время всѣхъ кавалеровъ почетнаго легіона насчитывается около 53 тысячъ; военныхъ, между ними, около 32 тысячъ.

Digitized by Google

низмъ. То же самое явленіе повторяется и послѣ Наполеона; механизмы смѣняются одинъ другимъ, дѣйствуютъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени—и ломаются по той же причинѣ, вслѣдствіе которой пала первая имперія. *Ни одно французское правительство, со времени революціи, не существовало болѣе двадцати лѣтъ*... Слова, нами подчеркнутыя, были написаны Тэномъ въ 1889 г. Ко времени выхода его книги въ свѣтъ они уже не соотвѣтствовали дѣйствительности, и онъ дѣлаетъ къ нимъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „въ сентябрѣ 1890 г. третьей республикѣ исполнилось двадцать лѣтъ, но изъ четырехъ ея президентовъ трое были вынуждены отказаться отъ должности, четвертый былъ избранъ подъ угрозой муниципальнаго возстанія, а въ прошломъ году правительство чуть было не погибло подъ ударомъ пародіи на 18-ое брюмера".

VI.

Мы не прерывали изложенія мыслей Тэна нашими замѣчаніями, чтобы не нарушить цѣльность впечатлѣнія; но наши читатели сами, вѣроятно, успѣли замѣтить, что и въ чисто-историческомъ отдѣлѣ книги безпристрастіе не всегда составляетъ отличительную черту автора. Антипатія его къ революціи внушаетъ ему, мѣстами, слишкомъ снисходительное отношеніе къ ея предшественникамъ и къ ея преемнику—къ старой бурбонской монархіи и къ наполеоновской системѣ. Не думаемъ, напримѣръ, чтобы полна и точна была картина школьныхъ порядковъ, существовавшихъ до 1789 г., разрушенныхъ революціею и вновь созданныхъ имперіею. До-революціонная Франція обладала, на бумагѣ, двумя десятками тысячъ начальныхъ школъ; но что̀ это были за школы, чему и какъ онѣ обучали, что̀ выносило оттуда большинство учениковъ? Не трудно себѣ представить характеръ преподаванія, составлявшаго вынужденный придатокъ къ священнической или иной церковной должности; не трудно себѣ представить объемъ свѣденій, сообщавшихся учителями изъ такъ-называемыхъ frères ignorantins или другихъ монашескихъ орденовъ, меньше всего расположенныхъ къ просвѣщенію народа. Изъ ссылокъ, дѣлаемыхъ самимъ Тэномъ, видно, что всего больше безграмотныхъ было именно тамъ, гдѣ всего сильнѣе было вліяніе католическаго духовенства (Вандея, Бретань, Пуату, Овернь). Можно ли, дальше, придавать серьезное значеніе статистиче-

Digitized by Google

скимъ даннымъ о числѣ грамотныхъ, основаннымъ исключительно на брачныхъ записяхъ? Неужели умѣнье, съ грѣхомъ пополамъ, подписать свое имя служитъ достаточнымъ доказательствомъ грамотности? Столь же мало убѣдительны и цифры среднихъ школъ и учащихся въ этихъ школахъ. Были, конечно, коллегіи, дававшія своимъ ученикамъ солидное образованіе; но сколько на каждую изъ нихъ приходилось училищъ совершенно иного рода? Припомнимъ, что полный курсъ ученія проходился изъ 562 среднихъ школъ только въ *ста восьми*. Потеря, причиненная революціей, едва ли, поэтому, была такъ велика, какъ это кажется Тэну. Стеревъ съ лица земли прежнія школы, дѣятели революціонной эпохи хотѣли замѣнить ихъ другими, гораздо болѣе совершенными. Общій планъ организаціи народнаго образованія, чрезвычайно высоко цѣнимый даже наиболѣе разумными изъ числа современныхъ французскихъ консерваторовъ [1]), былъ представленъ Талейраномъ учредительному собранію еще въ 1790 г., и дальнѣйшая разработка этого предмета не прекращалась ни при конвентѣ, ни при директоріи. Осуществлено было, правда, весьма немногое изъ широкихъ и великодушныхъ предначертаній; но это и не могло быть иначе, въ виду постоянной смѣны правительствъ, идей и учрежденій. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Тэнъ не принимаетъ въ разсчетъ общее свойство переходныхъ эпохъ, больше намѣчающихъ, чѣмъ исполняющихъ. Онъ предъявляетъ къ революціонному правительству такія же требованія, какъ и къ правительству, дѣйствующему среди глубокаго мира—и чувствуетъ себя разочарованнымъ и раздраженнымъ, разъ что эти требованія оказываются неудовлетворенными. Онъ не хочетъ видѣть, что обиліе начальныхъ школъ при Наполеонѣ—такая же иллюзія, какъ и обиліе ихъ во время старой монархіи; онъ забываетъ, что существованіе правильно-организованной начальной школы начинается во Франціи только съ 1833 г., т.-е. со времени изданія закона, составляющаго главную заслугу Гизо и открывающаго эру *государственной заботы* о народномъ образованіи... Ассигновать на начальное обученіе 25 тысячъ франковъ и истратить, на самомъ дѣлѣ, только пятую часть этой ничтожной суммы,—какъ это было сдѣлано Наполеономъ въ 1812 г.,—значило далеко отстать даже отъ директоріи, понимавшей, что попеченіе о начальной школѣ входитъ въ число задачъ правительственной власти.

Признавая „привилегированность“ якобинцевъ чѣмъ-то ана-

[1]) См. „Les hommes d'état français du XIX siècle“, маркиза де-Кастеллана.

Digitized by Google

логичнымъ съ прежнею привилегированностью первыхъ двухъ сословій, Тэнъ впадаетъ, какъ намъ кажется, въ двойную ошибку. Онъ приравниваетъ, во-первыхъ, фактическую, случайную, непрочную власть къ юридически-регулированному, твердо-установившемуся порядку. Явленіемъ, продолжавшимся какихъ-нибудь два года, онъ характеризуетъ, во-вторыхъ, цѣлый десятилѣтній періодъ. Много ли общаго между мимолетной силой якобинцевъ и вѣковымъ преобладаніемъ аристократіи? Что извлекло громадное большинство якобинцевъ, лично для себя, изъ своего „привилегированнаго“ положенія? Не сводилось ли оно, всего чаще, къ праву рукоплескать любимымъ ораторамъ и подавлять голоса противниковъ? Если можетъ быть рѣчь о „привилегированности“ якобинцевъ, то почему бы не заговорить о „привилегированности“ парижскихъ лигёровъ 1588 г. или парижскихъ фрондёровъ 1649 года? Вѣдь и они имѣли въ своихъ рукахъ власть, и они были, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или дней, господами положенія... Вслѣдъ за 9-мъ термидора якобинцы являются скорѣе угнетенными, чѣмъ угнетателями. Послѣ 13-го вандемьера, послѣ 18-го фрюктидора, лѣтомъ 1799 г. на ихъ улицѣ опять какъ бы начинается праздникъ—но это только иллюзія, продолжающаяся весьма недолго и оканчивающаяся каждый разъ не къ авантажу мнимо-привилегированной группы. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ концѣ 1794 г., въ 1796 г., осенью 1799 г., якобинцамъ жилось гораздо хуже, чѣмъ болѣе умѣреннымъ элементамъ населенія.

Тѣсно связано съ вопросомъ о „привилегированности“ другое мнѣніе Тэна, съ которымъ мы также не можемъ согласиться. Тэнъ полагаетъ, что въ продолженіе революціонной эпохи равенство передъ закономъ, въ смыслѣ возможности для каждаго идти впередъ и достигнуть мѣста, соотвѣтствующаго его призванію, существовало только по имени, парализуемое политическими страстями и всеобщей подачей голосовъ. До 1799 г. повышались — такъ думаетъ Тэнъ—не наиболѣе, а наименѣе способные; настоящая, правильная оцѣнка, настоящая конкурренція дарованій сдѣлалась возможной только при Наполеонѣ. Намъ кажется, наоборотъ, что никогда подборъ талантовъ не проявлялся такъ широко и такъ ярко, какъ именно въ періодъ времени между 1789 и 1799 г. Сколько выдающихся людей, наканунѣ еще неизвѣстныхъ, выдвинулось на первый планъ въ учредительномъ и законодательномъ собраніяхъ, даже въ конвентѣ, даже въ совѣтахъ директоріальной эпохи — это слишкомъ хорошо извѣстно: достаточно назвать Мирабо, Сіейса

Digitized by Google

и Барнава, Верньо и Бриссо, Карно и Камбона, Порталиса и Камилла Жордана. Страшныя опустошенія между ними произвелъ эшафотъ, но все-таки ихъ осталось не мало, и именно изъ ихъ среды Наполеонъ беретъ своихъ способнѣйшихъ министровъ, составителей кодексовъ, организаторовъ, администраторовъ и судей (Талейранъ, Карно, Камбасересъ, Мерленъ, Трельяръ, Барбе-Марбуа, Симеонъ, Порталисъ, Редереръ и многіе другіе). Объ арміи нечего и говорить; только революція сдѣлала возможнымъ быстрое возвышеніе самого Бонапарте, Журдана, Пишегрю, Гоша, Моро, Жубера. Всѣ будущіе сподвижники императора прославились еще до 18 брюмера, во время революціонныхъ войнъ. Въ военной средѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, имперія производитъ, въ результатѣ, скорѣе пониженіе, чѣмъ повышеніе уровня. „Непогрѣшимый цѣнитель“ ошибается отнюдь не меньше, чѣмъ всеобщая подача голосовъ—и ошибается, иногда, съ открытыми глазами. Не можетъ быть, чтобы Наполеонъ не понималъ превосходства Талейрана надъ Шампаньи и Маре, Фуше—надъ Савари, Гувіонъ-Сенъ-Сира—надъ Сультомъ; но онъ предпочитаетъ послѣднихъ, потому что они послушнѣе, покладистѣе, безцвѣтнѣе.

Къ чему приводитъ бѣшеная скачка съ препятствіями, устроенная Наполеономъ—это показано Тэномъ какъ нельзя лучше. Изображая постепенное измѣненіе руководящихъ мотивовъ, нашъ историкъ въ первый разъ отдаетъ нѣкоторую справедливость людямъ революціонной эпохи. Онъ признаетъ, что они боролись и сражались изъ-за идеи, изъ-за „великихъ принциповъ“; онъ признаетъ, что господство тщеславія, мелкаго честолюбія, своекорыстнаго разсчета началось гораздо позже и достигло своего апогея одновременно съ полнымъ развитіемъ наполеоновской системы. Не совсѣмъ понятной кажется намъ только аналогія, проводимая Тэномъ, съ этой точки зрѣнія, между первой имперіей и послѣдующими режимами. Ихъ недолговѣчность —*фатальная* недолговѣчность, предсказываемая и третьей республикѣ—приписывается чрезмѣрному напряженію той же пружины, которая лопнула въ рукахъ Наполеона. Такъ ли это? Неужели реставрація, напримѣръ, пала отъ избытка соревнованія, отъ разнузданной погони за чинами, званіями, мѣстами? Съ большимъ основаніемъ можно было бы сказать, что ей повредило внезапное съуженіе путей, ведущихъ къ общественнымъ вершинамъ. Іюльская монархія безспорно пострадала отъ соревнованія, но соревнованія иного рода, видѣвшаго въ государствѣ не столько источникъ всяческихъ благъ, сколько „жандарма“ (любимое вы-

Digitized by Google

раженіе Тэна), подъ охраной котораго можно спокойно и безпрепятственно наживаться. Формула Гизо: enrichissez-vous существенно отлична отъ формулы Наполеона, которую можно было бы выразить такъ: venez que je vous enrichisse. Первая имперія сама раздавала великія и щедрыя милости; правительство Людовика-Филиппа только призывало и поощряло къ добыванію богатства. Ни въ чемъ подобномъ не была повинна вторая республика, уже вслѣдствіе кратковременности ея существованія. Вторая имперія во многомъ была похожа на первую, но во многомъ напоминала и іюльскую монархію; какъ бы то ни было, къ ней еще скорѣе всего подходитъ обобщеніе Тэна. Къ третьей республикѣ, наконецъ, оно вовсе непримѣнимо. Республиканское правительство располагаетъ гораздо мѣньшимъ количествомъ „призовъ", чѣмъ наполеоновское. Сегодня раздача „призовъ" зависитъ отъ одного, завтра—отъ другого; измѣняются, сообразно съ этимъ, и мѣрило, и способъ оцѣнки вознаграждаемыхъ заслугъ. Разсчетъ на награду не можетъ, слѣдовательно, служить главнымъ стимуломъ дѣятельности... Нерасположеніе Тэна къ существующему режиму выразилось весьма ясно въ попыткѣ объяснить, почему республика *еще* не пала, несмотря на истеченіе рокового двадцатилѣтняго срока. Онъ говоритъ объ отставкѣ трехъ президентовъ, какъ будто бы она была несовмѣстима съ правильнымъ функціонированіемъ республиканскихъ учрежденій; онъ считаетъ несомнѣннымъ, что Сади-Карно былъ избранъ только изъ страха передъ парижанами и что республика не погибла, въ 1889 г., только вслѣдствіе нерѣшительности генерала Буланже. Съ помощью такихъ доводовъ можно *доказывать* что угодно, но *доказать* можно только одно: собственное пристрастіе.

Къ числу спорныхъ мнѣній Тэна слѣдуетъ отнести и взглядъ его на общеобязательную воинскую повинность. Отстаивая замѣстительство, какъ „свободное соглашеніе, выгодное для обѣихъ договаривающихся сторонъ", Тэнъ является именно тѣмъ, чѣмъ мы его видѣли въ предъидущей статьѣ—экономистомъ правовѣрной школы, противникомъ государственнаго вмѣшательства, приверженцемъ формальной справедливости. Въ пренебреженіи къ завербованному „пушечному мясу", въ установленіи различія между жизнями высшаго и низшаго качества мы узнаемъ „аристократа мысли", для котораго ненавистно всякое равенство—а слѣдовательно, и равенство передъ опасностью и смертью. Болѣе чѣмъ произвольной кажется намъ генеалогія конскрипціи, намѣчаемая Тэномъ. Если общеобязательная воинская повинность—дочь доктрины о верховной власти народа и родная сестра

Digitized by Google

всеобщей подачи голосовъ, то какимъ же образомъ она могла и можетъ существовать въ государствахъ, гдѣ нѣтъ и тѣни народныхъ правъ, гдѣ отсутствуетъ не только всеобщая, но и какая бы то ни было подача голосовъ? Самъ Тэнъ удостовѣряетъ, что во время революціи конскрипція была введена лишь въ видѣ чрезвычайной мѣры, для защиты отечества отъ внѣшнихъ враговъ, а Наполеономъ была удержана и узаконена какъ instrumentum regni. Въ чемъ же и когда выразилась связь между конскрипціей и политической философіей XVIII-го вѣка? Гораздо правильнѣе было бы признать, что источникомъ новаго военнаго строя послужила коалиція 1792—95 г., вынудившая Францію къ самооборонѣ въ небывалыхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ... Допустимъ, что французскій народъ согласился бы съ Тэномъ и призналъ бы избирательное право недостаточнымъ эквивалентомъ обязательной военной службы. Что же, измѣнилось ли бы отъ этого хоть сколько-нибудь настоящее положеніе вещей? Развѣ отказъ отъ всеобщей подачи голосовъ или даже отъ всякаго представительства уменьшилъ бы для французовъ опасность, угрожающую имъ съ востока и юго-востока? Безспорно, колоссальныя всеобщія вооруженія предвѣщаютъ мало утѣшительнаго въ ближайшемъ будущемъ; но развѣ въ общеобязательной воинской повинности коренится основная причина вооруженій? Не слѣдуетъ ли видѣть въ ней, наоборотъ, *результатъ* тѣхъ самыхъ условій, которыми вызываются вооруженія?

VII.

Самое замѣчательное въ новомъ сочиненіи Тэна—это характеристика Наполеона. „Когда хочешь объяснить себѣ зданіе,—такъ начинаетъ авторъ,—необходимо познакомиться съ матеріалами, изъ которыхъ—и съ условіями, при которыхъ оно построено; но еще важнѣе знать архитектора, въ особенности если онъ—собственникъ зданія, строящій и устроивающій его для самого себя. Такимъ архитекторомъ, по отношенію къ новой Франціи, былъ Наполеонъ Бонапарте—и немного найдется коллективныхъ работъ, на которыхъ столь рѣзко отразилась бы индивидуальность главнаго работника-руководителя". Большую важность Тэнъ придаетъ происхожденію Наполеона, потомка итальянцевъ, уроженца Корсики, сына полу-дикарки, энергичной, страстной, едва тронутой цивилизаціею. Въ отрочествѣ, въ ранней юности Наполеонъ не сознаетъ и не чувствуетъ себя французомъ. „Твоимъ

Digitized by Google

французамъ,—говоритъ онъ школьному товарищу своему Бурріену,—я сдѣлаю столько вреда, сколько могу". Уже послѣ выпуска изъ школы онъ пишетъ Паоли (извѣстному корсиканскому патріоту): „тридцать тысячъ французовъ, топящихъ въ крови корсиканскую свободу—вотъ отвратительное зрѣлище, представившееся моему дѣтскому взгляду". 12-го вандемьера онъ мечтаетъ о томъ, какъ бы стать во главѣ возставшихъ роялистовъ и разогнать „презрѣнныхъ" членовъ конвента; нѣсколькими часами позже, 13-го вандемьера, онъ принимаетъ, послѣ пятиминутнаго размышленія, команду надъ войсками конвента и кладетъ основаніе своей фортунѣ, разгоняя роялистовъ. Не виденъ ли уже здѣсь прирожденный кондоттьере, никому не отдающійся всецѣло, а только торгующій своими услугами, предлагающій ихъ то тамъ, то здѣсь, берущій ихъ назадъ и, въ концѣ концовъ, все захватывающій въ собственную свою пользу? Да, это именно кондоттьере—или, пожалуй, средневѣковый итальянскій тираннъ, прямой наслѣдникъ Каструччіо-Кастракани, Сфорца или Малатеста. Разница только въ томъ, что тогда людей этого закала было много, они мѣшали другъ другу, ихъ стѣснялъ недостатокъ простора—а отдаленный ихъ преемникъ стоитъ одинокимъ, не встрѣчая противодѣйствія со стороны однородныхъ силъ. Отпрыскъ перенесенъ изъ своего роднаго лѣса на чужую, но благопріятную почву. Лѣсъ давно пересталъ существовать, но изъ отпрыска выросло колоссальное дерево, болѣе могучее, чѣмъ его предки, едва измѣненное новѣйшей культурой, жадно втягивающее въ себя всѣми порами все, чѣмъ насыщена земля и атмосфера.

Человѣческое растеніе, по словамъ Альфіери, нигдѣ не родится такимъ сильнымъ, какъ въ Италіи. Особенно сильнымъ—прибавляетъ Тэнъ—оно было въ Италіи XIV-го и XV-го вѣка, въ Италіи Данте, Микель-Анджело, Цезаря Борджіа и Макіавелли, въ той Италіи, типичныя черты которой воскресли и воплотились въ Наполеонѣ. Отличительное свойство средневѣковыхъ итальянцевъ —нетронутость, неприкосновенность умственнаго механизма (l'intégrité de l'instrument mental). Послѣдующія столѣтія уменьшили остроту и гибкость этого механизма. Все болѣе и болѣе растущая спеціализація дѣлаетъ умъ одностороннимъ, мозговое напряженіе его утомляетъ, множество готовыхъ, извнѣ принимаемыхъ представленій располагаетъ его къ рутинѣ. Не таковъ Наполеонъ; онъ неутомимъ, всегда свѣжъ, всегда внимателенъ, одинаково воспріимчивъ къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ. По его собственному выраженію, все ему извѣстное, все его интересующее

Digitized by Google

распредѣлялось въ его головѣ словно по ящикамъ; отъ него, во всякое время, зависѣло закрыть одинъ ящикъ, открыть другой — или задвинуть всѣ ящики и заснуть, чтобы собраться съ силами для дальнѣйшей работы. Онъ предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, продолжающихся съ девяти часовъ утра до пяти часовъ дня, съ однимъ перерывомъ въ четверть часа — и къ концу засѣданія кажется столь же мало утомленнымъ, какъ и въ началѣ. Во время ночныхъ засѣданій совѣта многіе падаютъ отъ усталости или засыпаютъ; Наполеонъ бодрствуетъ самъ и ободряетъ другихъ, какъ будто они и онъ только-что принялись за дѣло. Его мысль никогда не остается безъ реальнаго содержанія (jamais il ne fonctionne à vide); въ этомъ — другое существенное его отличіе отъ громаднаго большинства современниковъ. Въ послѣдніе три вѣка все больше и больше терялось и теряется непосредственное, прямое отношеніе къ внѣшнему міру. Благодаря книжному воспитанію, слишкомъ продолжительному и совершающемуся въ четырехъ стѣнахъ, современный человѣкъ изучаетъ, вмѣсто предметовъ, означающіе ихъ знаки, вмѣсто мѣстности — карту, вмѣсто живыхъ существъ — ихъ классификацію или номенклатуру, вмѣсто людей — слова, и, что̀ еще хуже, слова абстрактныя, все меньше и меньше близкія къ дѣйствительности. Общество, государство, право, свобода — все это, къ концу XVIII вѣка, обратилось въ метафизическіе символы, въ догматы и аксіомы, произвольно связанные между собою. Въ умѣ Наполеона нѣтъ мѣста для такихъ химеръ; въ этомъ — главная причина его ненависти къ идеологіи и идеологамъ. Онъ мало читалъ, но много наблюдалъ, многое знаетъ изъ первыхъ рукъ, по собственному опыту. Отсюда его превосходство надъ полководцами и дипломатами, надъ финансистами и администраторами. Со всѣхъ сторонъ получая недостающія ему свѣденія, онъ сразу впитываетъ ихъ въ себя, повѣряетъ ихъ, отводитъ имъ надлежащее мѣсто; идея у него всегда соотвѣтствуетъ своему предмету (l'idée se trouve adéquate à son objet). Онъ любитъ подробности, потому что въ его глазахъ онѣ неразрывны съ цѣлымъ — или, правильнѣе, именно и составляютъ цѣлое. Дѣла каждаго министерства извѣстны ему лучше, чѣмъ министру, дѣла каждаго бюро — лучше, чѣмъ завѣдывающему ими чиновнику. У него нѣтъ памяти на стихи, но удивительная память на факты. Въ его мозгу помѣщаются какъ бы три атласа, объемистые и содержимые въ величайшемъ порядкѣ. Первый атласъ — военный, составленный изъ топографическихъ картъ и плановъ крѣпостей, съ точнымъ означеніемъ полковъ, артиллерійскихъ бригадъ, кораблей, арсеналовъ, пар-

Digitized by Google

ковъ, вещевыхъ складовъ. Второй атласъ—гражданскій; это—подробная роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, налоговъ, контрибуцій, долговъ, казенныхъ имуществъ, общественныхъ работъ, административныхъ и судебныхъ должностей, съ присвоенными имъ окладами и функціями. Третій атласъ—это нѣчто въ родѣ біографическаго и нравственнаго словаря, полнаго свѣденій о народахъ, сословіяхъ, корпораціяхъ, профессіяхъ, общественныхъ группахъ, выдающихся лицахъ. Въ первыхъ двухъ атласахъ, несмотря на постоянное и громадное накопленіе матеріала, все, даже въ концѣ царствованія Наполеона, безошибочно и точно; въ третьемъ атласѣ есть неправильности—но это не столько заблужденія, сколько добровольно поддерживаемыя иллюзіи. Такова, напримѣръ, слишкомъ низкая оцѣнка національнаго чувства въ Испаніи и Германіи, таково недостаточное пониманіе силы религіозныхъ вѣрованій или слишкомъ большое довѣріе къ собственному престижу... Весь, повидимому, живя въ настоящемъ, чуткій ко всему совершающемуся кругомъ него, Наполеонъ постоянно витаетъ мыслью въ будущемъ, проектируетъ громадныя предпріятія, взвѣшиваетъ всѣ случайности, сравниваетъ между собою самые различные способы дѣйствій. „Когда я составляю планъ кампаніи,—таковы его собственныя слова,—нѣтъ человѣка болѣе боязливаго, чѣмъ я. Я преувеличиваю возможную опасность, воображаю себѣ всяческія бѣдствія, нахожусь въ самомъ тягостномъ волненіи, но сохраняю спокойный видъ, какъ дѣвушка, испытывающая предродовыя муки". Молодымъ полководцемъ онъ мечтаетъ о покореніи Востока; едва надѣвъ на себя императорскую корону, онъ думаетъ о возстановленіи имперіи Карла Великаго. Готовя походъ 1812 г., онъ вспоминаетъ, что чрезъ Россію идетъ дорога въ Индію. Дойти до береговъ Ганга—представляется ему чѣмъ-то гигантскимъ, но осуществимымъ; онъ вдается въ подробности, пересчитываетъ препятствія, указываетъ средства къ ихъ устраненію. Въ такія минуты его захватывало вдохновеніе, онъ отдавался весь господствующему своему свойству (faculté maîtresse); изъ-за государственнаго человѣка показывался художникъ, поздно-рожденный братъ Микель-Анджело и Данте.

Характеромъ средневѣковые итальянцы отличались отъ насъ еще больше, чѣмъ умомъ. Триста лѣтъ общественной дисциплины, государственнаго порядка и наслѣдственной цивилизаціи уменьшили въ насъ пылъ страстей, еще не тронутый въ эпоху Возрожденія. Въ Наполеонѣ онъ является во всей своей первобытной силѣ. Ни одна идея не воспринимается имъ въ ея чистомъ,

Digitized by Google

спекулятивномъ видѣ; всякая мысль, всякое впечатлѣніе производитъ въ немъ внутренній толчокъ, тотчасъ же вызывающій реакцію, неотразимо влекущій къ дѣйствію. Его гнѣвъ, не знающій ни мѣры, ни предѣловъ, на половину непроизволенъ, на половину разсчитанъ, какъ средство навести страхъ и вынудить повиновеніе. Взрывы страсти его облегчаютъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ ему служатъ. Угрозы кулакомъ, удары ногой, ломка мебели, грубыя ругательства—вотъ обычныя выраженія его неудовольствія. Невозмутимо-спокойный въ торжественныхъ случаяхъ и во время битвы, онъ не стѣсняется съ своими близкими, вымещая свою злобу на комъ попало и какъ попало. Спѣша и досадуя на буквы, не поспѣвающія за его мыслью, онъ пишетъ такъ неразборчиво, что самъ не можетъ понять написаннаго; къ концу царствованія онъ почти теряетъ способность писать, даже подпись его обращается въ какія-то каракули. Диктуетъ онъ такъ быстро, что секретари его приходятъ въ отчаяніе и радуются, когда потокъ брани за медленность даетъ имъ возможность дописать начатую фразу. Онъ говоритъ много, долго, вдается въ отступленія, повторяется, горячится, пользуясь тѣмъ, что прервать его никто не смѣетъ. Равнодушный къ величайшему чужому горю, къ величайшимъ народнымъ бѣдствіямъ, онъ содрогается при видѣ крови, плачетъ, прощаясь съ женой, истерически рыдаетъ при мысли о разводѣ. Гражданское мужество не соотвѣтствуетъ въ немъ военному. Извѣстно его смущеніе въ день 18-го брюмера, при первой попыткѣ сопротивленія со стороны совѣта пятисотъ. Послѣ отреченія въ Фонтенбло онъ находится нѣсколько дней подъ гнетомъ какого-то паническаго страха, переодѣвается въ иностранный мундиръ, опасается тайныхъ убійцъ или отравителей. Тѣмъ удивительнѣе его обычное хладнокровіе; чтобы оцѣнить его по достоинству, необходимо помнить, что ему постоянно приходится управлять не только другими, но и самимъ собою. Въ чемъ же источникъ необыкновенной силы, порывистой и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанной, увлекающейся и вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ дающей себѣ отчетъ, ко всему относящейся критически? Въ *эгоизмѣ*, не инертномъ, но активномъ и захватывающемъ, прямо пропорціональномъ громадности и интенсивности дарованій. Начатки этого эгоизма замѣтны еще въ дѣтствѣ, развиты корсиканскими нравами, констатированы школьнымъ начальствомъ; но успѣхъ и власть увеличили его до колоссальныхъ, все поглощающихъ размѣровъ. Уже въ Италіи, въ 1796 г., генералъ Бонапарте попадаетъ въ среду людей, извѣрившихся въ принципы, думающихъ только о себѣ, о своемъ благосостояніи или своей славѣ.

Digitized by Google

Въ Египтѣ онъ пріучается дѣйствовать по-султански, относиться пренебрежительно сначала къ туземцамъ, какъ къ низшей расѣ, а потомъ и къ соотечественникамъ, въ которыхъ онъ узнаетъ, подъ легкимъ слоемъ культуры, всѣ инстинкты дикаря. Во Франціи, послѣ 18-го брюмера, все падаетъ ницъ передъ побѣдителемъ. Въ бывшихъ революціонерахъ онъ находитъ самыхъ покорныхъ пособниковъ деспотизма. Если немногіе пуритане, въ родѣ Камбона, отказываются отъ вступленія на службу, если немногіе генералы-якобинцы, въ родѣ Дельма или Лекурба, ворчатъ во время коронаціи, Наполеонъ приписываетъ это ихъ ограниченности,—а для людей безспорно талантливыхъ и умныхъ, какъ Лафайетъ, у него готова кличка „идеолога". Страхъ, жадность, самолюбіе, тщеславіе—вотъ орудія, посредствомъ которыхъ, по убѣжденію Наполеона, можно управиться съ кѣмъ угодно. Въ болѣе высокія чувства онъ не вѣритъ, не вѣритъ даже тогда, когда видитъ, лицомъ къ лицу, натріотизмъ нѣмцевъ и испанцевъ. Для Наполеона существуетъ только одно: онъ самъ и его безграничное честолюбіе, заставляющее его сожалѣть о временахъ, когда Александру легко было провозгласить себя и прослыть сыномъ Юпитера. Никакой независимости онъ рядомъ съ собой не выноситъ; мало-по-малу ему становится противной всякая умственная и нравственная сила, потому что она существуетъ внѣ его, помимо его и вопреки ему. Наоборотъ, ему пріятно видѣть вокругъ себя людей порочныхъ и слабыхъ, потому что по отношенію къ нимъ онъ можетъ дать полную волю своему презрѣнію. Онъ охотно подчеркиваетъ и поощряетъ корыстолюбіе Савари, низкопоклонство Маре, чувственность Камбасереса, безпечный цинизмъ Талейрана, сухость Дюрока, ограниченность Бертье. По первому манію его руки, его приближенные должны идти не только на сдѣлки съ совѣстью, не только на низость, но даже на преступленіе. Отъ Ремюза онъ требуетъ тайныхъ выѣдываній, съ помощью которыхъ можно было бы найти и схватить заранѣе намѣченную жертву—и когда Ремюза отказывается исполнить это требованіе, то Савари, достойный исполнитель воли императора, восклицаетъ, съ неподдѣльнымъ удивленіемъ: „какъ, вы упускаете столь удобный случай обезпечить вашу карьеру"! И этотъ самый Савари, однако, начинаетъ, наконецъ, тяготиться ожидаемыми отъ него „услугами"; даже ему не по сердцу приказъ приготовить небольшую адскую машину, предназначенную для истребленія Бурбоновъ, если они появятся на французской почвѣ... Для Наполеона не обязательно даже то, чему подчинялся Людовикъ XIV: вѣжливость, соблюденіе приличій, хоро-

Digitized by Google

шій тонъ и хорошій вкусъ. Онъ никогда никого не хвалитъ, всѣхъ стѣсняетъ своимъ присутствіемъ, на всѣхъ наводитъ страхъ и неловкость; онъ неучтивъ даже съ дамами, его манера въ разговорѣ съ ними напоминаетъ обращеніе полкового командира съ полковыми маркитантками. Привычки, пріобрѣтенныя въ кругу подчиненныхъ, онъ переноситъ, мало-по-малу, и въ сношенія съ равными. Онъ наполняетъ свои бюллетени и вдохновляемыя имъ газетныя статьи оскорбительными выходками противъ государей, клевещетъ на королеву Луизу, порицаетъ въ оффиціальной бесѣдѣ съ русскимъ посломъ личныя дѣйствія императора Александра. Онъ говоритъ съ европейскими монархами такимъ же языкомъ, какимъ говорилъ римскій сенатъ съ Антіохомъ или англійскій резидентъ на рубежѣ XVIII и XIX вѣка—съ туземными индійскими владѣльцами. Не трудно, затѣмъ, себѣ представить, какъ онъ относится къ народамъ. Уже съ 1808 г. они еще болѣе ему враждебны, чѣмъ государи; слишкомъ ужъ онъ насилуетъ ихъ задушевныя чувства, слишкомъ безцеремонно попираетъ ногами ихъ интересы, слишкомъ большія налагаетъ на нихъ жертвы. Съ такимъ человѣкомъ нельзя ужиться; его геній слишкомъ великъ, слишкомъ зловреденъ—зловреденъ именно въ такой же мѣрѣ, въ какой великъ. Его нельзя ни смягчить, ни сдержать, ни ограничить; нормальныя, правильныя сношенія съ нимъ невозможны (il est insociable); пока въ рукахъ его власть, всякій миръ будетъ только перемиріемъ. Это отлично понимаетъ Европа, возстающая, какъ одинъ человѣкъ, при первой вѣсти о возвращеніи его съ острова Эльбы. Въ Вѣну эта вѣсть пришла 7-го марта въ восемь часовъ утра; къ девяти часамъ между монархами русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ состоялось уже полное соглашеніе, а въ десять часовъ адъютанты везли во всѣ концы приказанія остановить войска, удалявшіяся отъ французской границы.

Были и другіе государственные дѣятели, не дорожившіе народами и людьми; но они всѣ служили—или думали, что служатъ—какому-нибудь національному интересу. Для нихъ существовало нѣчто высшее и большее, чѣмъ собственная личность: государство, общественный организмъ, безконечный рядъ преемственно-смѣняющихся поколѣній. Они были хорошими хирургами, обладали сознаніемъ профессіональнаго долга, заботились, въ концѣ концовъ, о здоровьѣ и жизни своего паціента; вслѣдствіе этого они избѣгали рискованныхъ операцій и рѣдко увлекались желаніемъ блеснуть своимъ искусствомъ, доказать новизну своихъ пріемовъ, совершенство своихъ инструментовъ. Они чувствовали, что

Digitized by Google

продолжаютъ собою жизнь предковъ и подготовляютъ жизнь потомковъ; они старались оградить свое государство отъ будущихъ бѣдствій. Отсюда та совокупность соображеній, которую, при старомъ порядкѣ, называли raison d'état. Во имя ея совершилось не мало беззаконій и преступленій; ею оправдывалось, въ области политики, многое непозволительное въ частной жизни—но, въ послѣднемъ счетѣ, вліяніе ея все-таки было болѣе или менѣе благотворно. Наполеону она чужда; на императорскомъ престолѣ онъ остается „случайнымъ человѣкомъ", думающимъ только о собственномъ повышеніи. Въ его воспитаніи, въ его совѣсти, въ его сердцѣ существуетъ громадный пробѣлъ, въ силу котораго онъ подчиняетъ не себя—государству, а государство—себѣ. Онъ жертвуетъ будущимъ ради настоящаго, потому что настоящее принадлежитъ ему, а будущее принадлежать не будетъ. Après moi le déluge—онъ этого не говоритъ, но, очевидно, думаетъ; онъ ничего не подготовляетъ на случай смерти, не принимаетъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы его могло пережить воздвигнутое имъ зданіе. Онъ говоритъ въ завѣщаніи, написанномъ на островѣ св. Елены, о своей любви къ французскому народу. Да, онъ любилъ его, но какъ? Какъ всадникъ любитъ красивую и сильную лошадь, быстро несущуюся вдаль, перескакивающую черезъ всѣ преграды. Все больше и больше отъ нея требуя, онъ ведетъ ее къ неизбѣжной усталости и гибели. Допустимъ, что кампанія 1812 года окончилась бы, вмѣсто страшной неудачи, блестящимъ успѣхомъ: что изъ этого бы вышло? На обоихъ концахъ европейскаго континента, въ Испаніи и въ Россіи—народная война, т.-е. безконечная и безнадежная борьба съ неуловимымъ и непримиримымъ врагомъ; по срединѣ—глухая, но столь же глубокая ненависть побѣжденныхъ; чтобы справиться съ тѣмъ и другимъ—истощенная Франція, армія, пополняемая чуть не мальчиками, цѣлый народъ, не видящій передъ собой ничего кромѣ смерти на полѣ битвы или неблагодарной службы въ чужихъ, враждебныхъ странахъ. Пускай будетъ завоевана даже Англія—къ прежнимъ тягостямъ прибавится еще одна, потребуется еще больше жандармовъ, полицейскихъ чиновниковъ, угнетателей всякаго рода. Вотъ перспектива, угрожающая Франціи въ случаѣ окончательнаго торжества Наполеона. Во что обошлось ей его пораженіе—это слишкомъ хорошо извѣстно. Двукратное нашествіе непріятелей, потеря всего пріобрѣтеннаго республикой, недовѣріе Европы, крайній упадокъ силъ—вотъ конечный результатъ эгоизма, соединеннаго съ геніемъ и располагающаго неограниченною властью.

Digitized by Google

Сходенъ ли портретъ, нарисованный Тэномъ, съ оригиналомъ, столько разъ изображавшимся въ другомъ, несравненно болѣе привлекательномъ свѣтѣ—это вопросъ, детальная разработка котораго потребовала бы очень много времени и мѣста. Нужно было бы, прежде всего, опредѣлить достоинство источниковъ, изъ которыхъ черпаетъ Тэнъ—источниковъ весьма разнообразныхъ и далеко не равноцѣнныхъ. Процессъ работы здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ разбираемой нами книги, преимущественно мозаическій: Тэнъ набираетъ отовсюду маленькіе, ярко окрашенные кусочки—и составляетъ изъ нихъ поразительно эффектную картину. Весьма можетъ быть, что нѣкоторые кусочки, при болѣе критическомъ отношеніи къ матеріалу, пришлось бы отбросить въ сторону. Такъ напримѣръ, свѣденіе объ адской машинѣ, приготовленной Савари, по приказанію Наполеона, съ цѣлью истребленія Бурбоновъ, Тэнъ заимствуетъ изъ записокъ какого-то безъименнаго автора (Mémoires inédits de Mr. X.), вовсе не касаясь вопроса о томъ, насколько можно, по внѣшнимъ и внутреннимъ основаніямъ, вѣрить этимъ запискамъ вообще, а въ данномъ случаѣ—въ особенности. Много споровъ происходило во Франціи о достовѣрности воспоминаній madame де-Ремюза, которыми Тэнъ также пользуется часто и много. Мы думаемъ, однако, что im Grossen und Ganzen характеристика Наполеона, данная Тэномъ, не только художественна, но и близка къ истинѣ. Главной ея основой служатъ факты, не подлежащіе никакому сомнѣнію; новымъ является преимущественно ихъ освѣщеніе и объясненіе. Теорія Тэна о вліяніи расы, среды и момента сослужила ему здѣсь хорошую службу. Духовное родство Наполеона съ отдаленными его предками-итальянцами, типа Борджіа или Сфорца—схвачено чрезвычайно мѣтко и служитъ ключомъ къ пониманію его натуры. Дѣйствительно, Корсика заключала въ себѣ всѣ условія, чтобы сохранить, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, заброшенное въ нее сѣмя. Вдали отъ міровыхъ событій, вдали отъ успѣховъ цивилизаціи, оно покоилось безвѣстнымъ, но неизмѣннымъ, пока не наступила комбинація обстоятельствъ, благопріятныхъ для его развитія. Наполеонъ—это своего рода „аватаръ“, представитель давно вымершей породы, вооруженный, съ головы до ногъ, въ ея доспѣхи, но присоединившій къ нимъ всѣ выработанныя съ тѣхъ поръ средства вліянія и власти. Что человѣкъ, до двадцати двухъ или трехъ лѣтъ сознававшій и чувствовавшій себя корсиканцемъ (и, слѣдовательно, противникомъ Франціи, только-что покорившей Корсику), не могъ сдѣлаться истиннымъ французомъ—на это, въ послѣднее время, указывалось весьма

Digitized by Google

часто; но гипотеза Тэна придаетъ еще больше вѣса корсиканскому происхожденію Наполеона и, въ связи съ мастерски сгруппированными чертами характера и дѣятельности императора, разрушаетъ послѣднія подпорки наполеоновской легенды. Да, этотъ мнимый народный герой до конца оставался безусловно чуждымъ своему народу, не имѣлъ и не могъ имѣть ничего общаго съ своимъ государствомъ. Тэнъ и не думаетъ отрицать, по примѣру Ланфре или Шарра, военный, административный, организаторскій геній Наполеона; напротивъ того, онъ признаетъ его вполнѣ, изображаетъ его самыми яркими красками—но показываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что это былъ геній *зловредный*, вслѣдствіе коренного, неустранимаго пробѣла въ основныхъ свойствахъ его натуры.

Стоило ли, однако, посвящать такъ много времени и труда низверженію безъ того уже падшаго кумира? Если наполеоновскій культъ, созданный ошибками реставраціи и возведенный въ систему историками въ родѣ Тьера, въ цѣлую серію миѳовъ — поэтами въ родѣ Беранже, представлялъ серьезную опасность для Франціи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, то стоитъ ли бороться съ нимъ теперь, послѣ разочарованій второй имперіи, послѣ историческихъ трудовъ, не оставившихъ камня на камнѣ въ панегирикахъ Тьера, послѣ перемѣнъ въ народномъ чувствѣ и вкусѣ, положившихъ конецъ популярности Беранже и измѣнившихъ характеръ и окраску „народныхъ воспоминаній“ („Souvenirs du peuple“)? Мы думаемъ, прежде всего, что возстановленіе исторической истины никогда не можетъ быть слишкомъ полнымъ; для него нѣтъ ни мѣры, ни границы. Фигура Наполеона занимаетъ громадное мѣсто въ исторіи нашего вѣка; правильное пониманіе ея представляетъ величайшій теоретическій интересъ, совершенно независимо отъ практическихъ выводовъ, къ которымъ она даетъ предлогъ или поводъ. Ошибочно было бы думать, впрочемъ, что миновала опасность, сопряженная съ идеализаціей Наполеона. Бонапартисты еще не исчезли ни во Франціи, ни даже внѣ Франціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно раскрыть сочиненія нашего русскаго писателя Н. Я. Данилевскаго, столь усиленно восхваляемаго и превозносимаго небольшой, но крикливой и суетливой группой славянофильствующихъ эпигоновъ. Въ его статьѣ: „Горе побѣдителямъ“ — той самой статьѣ, въ которой г. Страховъ видитъ лучшій перлъ русской публицистики [1]),—Наполеонъ является какимъ-то невиннымъ агнцемъ, котораго всѣ обижаютъ и вынуждаютъ къ самообороне. Когда онъ возобновилъ

[1]) См. Литерат. Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстника Европы“ за 1890 г.

Digitized by Google

войну съ Англіей (въ 1803 г.), право, по мнѣнію Данилевскаго, „было на его сторонѣ"; въ его образѣ дѣйствій не было и признаковъ „алчнаго, ненасытимаго честолюбія". Съ точки зрѣнія всемірныхъ интересовъ, „политика Наполеона была въ этомъ случаѣ разумна и справедлива". А между тѣмъ, изъ возобновленія войны съ Англіей, „въ которомъ все право было на сторонѣ Наполеона (bis repetitum placet), проистекла уже по необходимости, роковымъ образомъ, вся послѣдующая его дѣятельность". Побѣды надъ врагами „поставили Наполеона на вершину политическаго величія и тѣмъ заслужили ему укоръ въ ненасытимомъ честолюбіи. Не онъ былъ зачинщикомъ войнъ 1805, 1806 и 1809 годовъ; а разгромивъ своихъ враговъ, не могъ же онъ оставить въ ихъ рукахъ ту силу, которую они повторительно употребляли противъ него". Итакъ, Наполеонъ оказывается честолюбцемъ противъ воли, по образцу знаменитаго мольеровскаго médecin malgré lui! Невиновенъ онъ, по словамъ Данилевскаго, и въ войнѣ 1812 г., сдѣлавшейся неизбѣжной только потому, что Россія не захотѣла искренно принять его дружбу!.. Пока высказываются и одобряются такія мнѣнія, труды въ родѣ того, который совершенъ Тэномъ, являются полезными и необходимыми не съ одной только чисто-научной точки зрѣнія.

Если сопоставить характеристику личности Наполеона, составляющую предметъ первой книги „Новаго порядка", съ послѣдующими двумя книгами, трактующими объ общихъ свойствахъ и достоинствахъ наполеоновской системы, то нельзя не обратить вниманія на нѣкоторую двойственность во взглядахъ автора. Пока онъ имѣетъ дѣло *только* съ Наполеономъ, онъ ясно видитъ всѣ отталкивающія его стороны, прямо осуждаетъ все заслуживающее осужденія, ничего не сглаживая и не смягчая; но когда заходитъ рѣчь о созданномъ имперіею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникаетъ необходимость сравненія съ предъидущей эпохой, ненависть къ революціи, болѣе сильная, чѣмъ нерасположеніе къ Наполеону, пробивается наружу и приводитъ иногда къ возвеличенію, par contre-coup, императорской политики и императорскихъ учрежденій. Мы уже видѣли этому примѣръ, когда говорили о школахъ до и послѣ 18-го брюмера. Еще больше это замѣтно въ общемъ перечнѣ благъ, дарованныхъ Франціи имперіею. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить серьезно о правильной администраціи—въ виду подвиговъ Фуше и Савари; о безпристрастномъ судѣ—въ виду, хотя бы, того давленія на судей, которое привело къ осужденію Моро или Монне; о личной безопасности—въ виду возстановленія Бастиліи или Бастилій (подъ

Digitized by Google

именемъ „государственныхъ тюремъ“ —prisons d'état); о неприкосновенности имуществъ — въ виду уничтоженія книгъ, пропущенныхъ цензурой (припомнимъ извѣстный случай съ сочиненіемъ: de l'Allemagne), или обложенія журналовъ пенсіями въ пользу „пріятныхъ“ правительству литераторовъ и ученыхъ; о свободѣ передвиженія — въ виду запретительныхъ мѣръ, жертвою которыхъ постоянно была, напримѣръ, madame де-Сталь; о свободѣ совѣсти — въ виду образа дѣйствій императора по отношенію къ непокорному католическому духовенству; о независимости частной жизни — въ виду вмѣшательства Наполеона въ устройство браковъ, въ выборъ профессіи (припомнимъ вербовку молодыхъ аристократовъ въ „тѣлохранители“ или въ воспитанники военной школы), въ выборъ знакомыхъ? [1]) Нѣтъ, сколько бы ни старался Тэнъ возвысить Наполеона на счетъ его ближайшихъ предшественниковъ—или, лучше сказать, унизить послѣднихъ, хотя бы ad majorem gloriam Наполеона,—ему едва ли удастся заставить забыть ту несомнѣнную истину, для выясненія которой онъ самъ столь много сдѣлалъ: Наполеонъ—это худшій изъ „якобинцевъ“, худшій потому, что единственнымъ двигателемъ его былъ „эгоизмъ“, тогда какъ дѣятели революціонной эпохи находились болѣе или менѣе подъ вліяніемъ „идей“ и „принциповъ“.

Въ концѣ первой книги мы читаемъ слѣдующія знаменательныя слова: „обѣ постройки, возведенныя Наполеономъ—европейская и спеціально-французская—страдали капитальнымъ недостаткомъ, источникъ котораго—безграничный эгоизмъ строителя. Въ постройкѣ европейской этотъ недостатокъ обнаружился очень быстро и привелъ, черезъ пятнадцать лѣтъ, къ полному ея разрушенію; въ постройкѣ французской онъ сталъ замѣтенъ гораздо позже и даже теперь выясненъ еще не вполнѣ, хотя его дѣйствіе столь же неизбѣжно и не менѣе вредно“. Въ другомъ мѣстѣ, какъ мы уже видѣли, Тэнъ объясняетъ паденіе всѣхъ режимовъ, слѣдовавшихъ за имперіей, избыткомъ соревнованія, господствомъ эгоизма. Подробному развитію этой основной мысли будетъ посвященъ, по всей вѣроятности, второй томъ „Новаго порядка“. Четвертая и послѣдняя глава перваго тома, озаглавленная: „Недостатокъ и послѣдствія системы“, но трактующая исключительно о мѣстномъ управленіи (общинномъ и департаментскомъ), изображаетъ не столько разъѣдающую язву эгоизма, сколько несостоятельность

[1]) По словамъ самого Тэна, провинціальному аристократу стоило только не сдѣлать визита префекту, чтобы попасть „на замѣчаніе“ въ министерствѣ полиціи.

Digitized by Google

государственной опеки надъ „мѣстными обществами“ и злокачественную негодность всеобщей подачи голосовъ. Перескочивъ почти непосредственно отъ первой имперіи къ третьей республикѣ, Тэнъ съ наибольшимъ ожесточеніемъ порицаетъ вторженіе политики въ мѣстную жизнь, заставляющее правительственныхъ агентовъ считаться съ мэрами и департаментскими „постоянными коммиссіями“, съ муниципальными и генеральными совѣтами, съ избирателями и депутатами. Все это, очевидно, не можетъ считаться непосредственнымъ результатомъ наполеоновской системы. Въ послѣднемъ отдѣлѣ „Новаго порядка“ Тэнъ больше чѣмъ гдѣ-либо является не историкомъ, а публицистомъ, не наблюдателемъ политическихъ и соціальныхъ явленій, а страстнымъ ихъ судьею.

К. Арсеньевъ.

Digitized by Google

* * *

Уходишь ты,—и сердце въ часъ разлуки
Ужъ не звучитъ желаньемъ и мольбой.
Утомлено годами долгой муки,
Ненужной лжи, отчаянья и скуки,
Оно сдалось и смолкло предъ судьбой.

И какъ среди песковъ степи безводной
Бѣлѣетъ рядъ покинутыхъ гробовъ,
Такъ въ памяти моей найдутъ покой холодный
Гробницы свѣтлыхъ грёзъ моей любви безплодной,
Невыраженныхъ чувствъ, невысказанныхъ словъ.

И если нѣкогда надъ этими гробами
Нежданно прозвучитъ призывный голосъ твой—
Лишь отзвукъ каменный застывшими волнами
О той пустынѣ, что лежитъ межъ нами,
Пошлетъ тебѣ отвѣтъ холодный и нѣмой.

Владиміръ Соловьевъ.

Digitized by Google

ФРАНКО-РУССКАЯ ПОЛИТИКА

ВЪ

НАЧАЛѢ СТОЛѢТІЯ.

Поццо ди-Борго и его дѣятельность во Франціи.

— Correspondance diplomatique du comte Pozzo di-Borgo, ambassadeur de Russie en France, et du comte de Nesselrode, depuis la restauration des Bourbons, jusqu'au congrès d'Aix-la-Chapelle (1814—1818), publiée avec une introduction et des notes, par le comte *Charles Pozzo di-Borgo*. Paris, 1890. I.

— Corse, France et Russie. *Pozzo di-Borgo*. 1764 — 1842. Par le V-te Adrien *Maggiolo*. Paris, 1890.

Въ политической исторіи государствъ бываютъ періоды странныхъ недоразумѣній и иллюзій: правительства долго и упорно преслѣдуютъ задачи, не соотвѣтствующія ихъ дѣйствительному положенію, и поддерживаютъ интересы, прямо противоположные реальнымъ потребностямъ народовъ; первенствующій нравственный авторитетъ предполагается тамъ, гдѣ есть только внѣшніе признаки силы; громадныя жертвы приносятся для достиженія цѣлей фантастическихъ или слишкомъ отдаленныхъ, тогда какъ близкія и насущныя нужды оставляются безъ вниманія. Такимъ именно характеромъ отличалась эпоха международной политики въ Европѣ послѣ паденія Наполеона I. Тогдашняя Россія, страдавшая отъ произвола крѣпостного права, отъ всякихъ внутреннихъ неправдъ и хищеній, направляла главныя свои заботы на устройство порядка въ западно-европейскихъ государствахъ, на защиту интересовъ короля сардинскаго, императора австрійскаго,

Digitized by Google

мелкихъ германскихъ владѣтелей и наконецъ даже турецкаго султана.

Самоотверженная заботливость о чужихъ правительствахъ, въ ущербъ своимъ собственнымъ дѣламъ, составляетъ общую черту нашей политики при Александрѣ I. Это направленіе внѣшней государственной дѣятельности господствовало еще въ большей мѣрѣ при императорѣ Николаѣ, выражаясь въ такихъ предпріятіяхъ и проектахъ, какъ спасеніе Австріи отъ венгерскихъ войскъ, вмѣшательство въ дѣла Бельгіи и Франціи, союзъ съ Турціею противъ египетскаго вице-короля.

Нѣкоторые новѣйшіе историки-патріоты пытаются объяснить эту политику личнымъ составомъ дипломатіи, иноземнымъ происхожденіемъ ея главныхъ руководителей и исполнителей. Все дѣло будто бы въ томъ, что министромъ иностранныхъ дѣлъ состоялъ у насъ въ теченіе сорока лѣтъ „послушный и преданный ученикъ и послѣдователь“ Меттерниха, „дипломатическій Молчалинъ“, принадлежавшій къ англиканскому исповѣданію и не умѣвшій „ни говорить, ни писать по-русски“, — какъ выражается г. С. Татищевъ о графѣ Нессельроде. Наши дипломатическіе дѣятели, по словамъ названнаго автора, „почти всѣ безъ исключенія были инородцы по происхожденію, иновѣрцы по религіи, чуждые Россіи по воспитанію своему, по родственнымъ связямъ, по образу жизни, по усвоеннымъ привычкамъ и пріемамъ“. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, однако, что еще хуже этихъ иноземцевъ дѣйствовали дипломаты съ чисто-русскими именами, какъ „покорный слуга Меттерниха, Татищевъ“, посланникъ въ Константинополѣ Бутеневъ и другіе, тогда какъ національная русская политика проводилась наиболѣе успѣшно двумя дѣйствительными иностранцами, графами Каподистрія и Поццо ди-Борго [1]). Дипломаты, каковы бы они ни были по вѣрѣ и происхожденію, обязаны были подчиняться указаніямъ и инструкціямъ, даваемымъ имъ свыше, а императоры Александръ I и Николай руководствовались совѣтами австрійскаго канцлера и питали къ нему „безграничное довѣріе“, съ чѣмъ должны были поневолѣ сообразоваться всѣ наши „дипломатическіе Молчалины“, хотя бы и несомнѣнно русскіе и православные. Понятно, что графъ Нессельроде не могъ бы быть министромъ въ продолженіе сорока лѣтъ, если бы онъ не былъ точнымъ исполнителемъ намѣреній и идей обоихъ государей; это косвенно признается

[1]) См. С. С. Татищева: „Внѣшняя политика императора Николая I“, Спб., 1887, стр. 12, 141, 191, 274 и др.; „Императоръ Николай и иностранные дворы“, Спб., 1889 (рецензіи въ „Вѣстникѣ Европы“ 1887, іюнь, и 1889, апрѣль).

Digitized by Google

даже новѣйшимъ его обвинителемъ, нашедшимъ въ немъ черты Молчалина, т.-е. аккуратнаго и осторожнаго чиновника, который не смѣетъ высказывать свои собственныя мнѣнія, несогласныя съ желаніями высшаго начальства. Но графъ Нессельроде далеко не всегда былъ только пассивнымъ исполнителемъ; онъ позволялъ себѣ иногда въ важныхъ случаяхъ возражать противъ взглядовъ императора Николая, когда эти взгляды могли повлечь за собою опасныя международныя усложненія, какъ напр. въ бельгійскомъ вопросѣ 1830 года. Императоръ Николай находилъ тогда необходимымъ принять крутыя мѣры противъ „всеобщей революціи, которая все ближе и скорѣе угрожаетъ намъ самимъ, если увидятъ, что мы трепещемъ предъ нею"; вице-канцлеръ съ своей стороны доказывалъ, что для Россіи лучше не вмутываться въ постороннія дѣла и что нужно „предоставить иниціативу державамъ, наиболѣе заинтересованнымъ, по своему географическому положенію, въ возникшихъ замѣшательствахъ". Доводы министра не были уважены, и только вспыхнувшее вслѣдъ затѣмъ польское возстаніе помѣшало нашему правительству начать европейскую войну изъ-за Бельгіи. Если роковой шагъ не былъ сдѣланъ раньше, благодаря представленіямъ графа Нессельроде, то слѣдуетъ ли винить за это дипломата-иновѣрца? Всегда ли поступали столь патріотично другіе государственные люди, носители чисто-русскихъ и нерѣдко громкихъ историческихъ именъ? Позднѣйшіе дѣятели, какъ князь Горчаковъ и графъ Шуваловъ, совершили рядъ крупныхъ и важныхъ ошибокъ, которыя чрезвычайно дорого обошлись Россіи;—справедливо ли приписывать эти печальные результаты вѣроисповѣданію и происхожденію дѣйствовавшихъ лицъ? Лордъ Биконсфильдъ не былъ британцемъ по крови, и однако англійскіе патріоты понынѣ считаютъ его однимъ изъ самыхъ удачныхъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, какихъ имѣла Англія за послѣднее столѣтіе. Примѣшивать племенныя и вѣроисповѣдныя различія къ вопросу о качествахъ и достоинствахъ практической дѣятельности—безполезно уже потому, что внѣшніе, формальные признаки могутъ совершенно не соотвѣтствовать содержанію. Не все то національно и патріотично, что кричитъ о своемъ національнизмѣ и патріотизмѣ; подъ чисто-русской оболочкою скрывается много такого, что вовсе не заслуживаетъ поощренія и сочувствія, тогда какъ иноземное по имени можетъ оказаться русскимъ по существу, чѣмъ-то роднымъ и цѣннымъ для Россіи. Дипломатія не составляетъ исключенія въ этомъ случаѣ: лучшія ея имена не всегда совпадаютъ съ русскими именами, а иностранныя фамиліи

Digitized by Google

нерѣдко украшаютъ наиболѣе почетныя страницы нашей политической исторіи. Къ числу этихъ иностранныхъ именъ, неразрывно связанныхъ съ блестящими періодами нашей внѣшней политики, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, имя Поццо ди-Борго.

Корсиканецъ родомъ, другъ и соперникъ Наполеона въ юности, Поццо ди-Борго отдалъ значительную часть своей жизни на служеніе интересамъ Франціи и Россіи, въ качествѣ русскаго дипломата. Какъ русскій посланникъ въ Парижѣ съ 1814 до 1835 года, Поццо былъ постояннымъ охранителемъ и союзникомъ Франціи, и въ этомъ смыслѣ онъ могъ считаться олицетвореніемъ идеи франко-русскаго союза. Въ то же время онъ представлялъ собою тотъ старый и отчасти исчезающій у насъ типъ государственнаго человѣка, для котораго служебная дѣятельность есть дѣло не личной карьеры или честолюбія, а жизненнаго призванія,—типъ, совмѣщающій независимость характера и убѣжденій съ сознательнымъ исполненіемъ оффиціальныхъ функцій. Будучи иностранцемъ по происхожденію, традиціямъ и связямъ, Поццо ди-Борго оберегалъ русскіе интересы съ твердостью, не отступавшею даже передъ рискомъ опалы и отставки; можно сказать, что въ 1830 году онъ избавилъ Россію отъ прямого разрыва и войны съ Франціею, воздержавшись отъ буквальнаго исполненія суровыхъ приказаній имп. Николая послѣ іюльской революціи и успѣшной „узурпаціи“ Людовика-Филиппа въ Парижѣ. Неожиданныя и опасныя для Россіи рѣшенія, которыя часто принимались или подготовлялись въ Петербургѣ подъ вліяніемъ заботъ о чужихъ короляхъ и династіяхъ, встрѣчали разсудительнаго возражателя и критика въ лицѣ Поццо ди-Борго, который въ этихъ случаяхъ обнаруживалъ гораздо больше гражданскаго мужества и больше пониманія истинныхъ выгодъ Россіи, чѣмъ многіе изъ его чисто-русскихъ сослуживцевъ. Въ 1815 году онъ съ замѣчательною дальновидностью оспаривалъ проектъ Александра I относительно военно-политической организаціи царства польскаго, причемъ высказывалъ соображенія, которыя совершенно не согласовались съ личными идеями императора. Тогда говорили о неминуемомъ удаленіи совѣтника, выражавшаго свои взгляды съ непривычною при дворѣ свободою; но послѣ польскаго возстанія 1830 года императоръ Николай писалъ своему посланнику: „какъ вѣрно и точно вы предвидѣли событія! Вы предотвратили бы у насъ много затрудненій“. Въ польскомъ вопросѣ Поццо ди-Борго, какъ и Нессельроде, былъ болѣе русскимъ патріотомъ, чѣмъ можно было ждать отъ дипломата; онъ былъ plus royaliste que le roi. При преобладаніи у насъ политики само-

Digitized by Google

отверженнаго и разорительнаго вмѣшательства въ чужія дѣла, этотъ инородецъ напоминалъ иногда о забытыхъ интересахъ Россіи и о самостоятельномъ кругѣ ея дѣйствія, чѣмъ навлекалъ на себя неудовольствіе. Въ одной депешѣ 1816 года онъ замѣтилъ, между прочимъ, что стараніе Англіи искусственно продлить ненормальное положеніе Франціи и Европы объясняется отчасти стремленіемъ помѣшать Россіи думать о какой-либо собственной системѣ, согласной съ ея особыми интересами. Въ отвѣтѣ изъ Петербурга обращено было спеціальное вниманіе на эту обмолвку по поводу возможной реальной политики русскаго правительства: никакихъ собственныхъ цѣлей и плановъ Россія не имѣетъ; „эта идея столь далека отъ мыслей императора и настолько противна его уму, его сердцу и его принципамъ, что ему было бы непріятно видѣть допущеніе ея даже въ области желаній и соображеній его слугъ". Мимоходомъ сказанная фраза о возможности для Россіи имѣть свою собственную систему вызвала рѣшительное опроверженіе со стороны императора Александра I и сдѣлалась предметомъ оживленной переписки между Каподистріею и Поццо ди-Борго; послѣдній ссылался на то, что онъ передалъ лишь взгляды западно-европейскихъ кабинетовъ которые могутъ приписывать намъ особую политическую программу, не существующую въ дѣйствительности. Иноземному дипломату, служившему Россіи, приходилось защищаться отъ обвиненія въ томъ, что онъ предполагалъ въ нашей политикѣ сознательныя реальныя цѣли и отличалъ русскіе интересы отъ отвлеченно-европейскихъ.

Новые матеріалы для біографіи Поццо ди-Борго, обнародованные недавно однимъ изъ его наслѣдниковъ, особенно ярко освѣщаютъ политическую роль знаменитаго дипломата по отношенію къ Франціи въ первые годы реставраціи; эта роль пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ глазахъ современныхъ французовъ, въ виду популярной идеи о франко-русскомъ союзѣ. Вышедшій первый томъ изданія, предпринятаго графомъ Шарлемъ Поццо ди-Борго, заключаетъ въ себѣ дипломатическую переписку до 1818 года; а въ книгѣ Адріана Маджіоло сдѣлана попытка полнаго описанія жизни и дѣятельности Поццо, на основаніи тѣхъ же источниковъ—документовъ семейнаго архива, которыми разрѣшено было пользоваться автору. Въ нашемъ журналѣ былъ напечатанъ этюдъ С. М. Соловьева о Поццо ди-Борго [1]); по-

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1879, мартъ и май; въ этой статьѣ изложеніе фактовъ начинается съ конца 1824 года, такъ какъ предъидущая дѣятельность Поццо ди-Борго была разсмотрѣна авторомъ въ книгѣ: „Императоръ Александръ I". Спб. 1877.

Digitized by Google

явившіеся теперь матеріалы дают возможность прибавить новыя черты къ характеристикѣ, сдѣланной покойнымъ историкомъ.

Семейства Бонапартовъ и Поццо ди-Борго поддерживали между собою постоянныя политическія связи со времени послѣдней неудавшейся борьбы корсиканцевъ за независимость и свободу. Французскій губернаторъ де-Марбёфъ особенно покровительствовалъ фамиліи Бонапартовъ и старался устроить избраніе ея старшаго представителя депутатомъ отъ Корсики, въ качествѣ уполномоченнаго отъ дворянства; для этого онъ долженъ былъ заручиться содѣйствіемъ вліятельной семьи Поццо ди-Борго. Молодой Шарль-Андрэ Поццо ди-Борго, окончивъ въ Пизѣ университетскій курсъ со степенью доктора правъ, принялъ живое участіе въ мѣстныхъ дѣлахъ острова и сошелся довольно близко съ сыновьями Шарля Бонапарта, Жозефомъ и Наполеономъ. „Молодые Бонапарты и я, — писалъ онъ подъ конецъ своей жизни,—были почти одного возраста. Наше воспитаніе было несомнѣнно болѣе старательное, чѣмъ у большинства нашихъ согражданъ, особенно въ томъ кантонѣ, гдѣ мы жили. Мои личныя отношенія съ обоими братьями были неодинаковы. Жозефъ былъ мягокъ и пріятенъ въ обществѣ; Наполеонъ имѣлъ больше живости и горячности въ поступкахъ и манерахъ. Но съ нимъ надо было вступать въ соглашеніе, когда дѣло шло о мѣстныхъ практическихъ вопросахъ, стоявшихъ на очереди". Отголоски парижскихъ событій дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на умы корсиканскихъ патріотовъ. „Наполеонъ и я, мы толковали о томъ, что совершалось и что могло произойти. Наши головы кружились, и я могу сказать, что за нимъ оставалось превосходство въ этомъ отношеніи. Мы вмѣстѣ читали Монтескьё и другія книги по политикѣ и законодательству. Онъ схватывалъ всѣ великія идеи съ невѣроятнымъ нетерпѣніемъ" [1]). Знаменитый патріотъ Паоли, бывшій руководитель борьбы за освобожденіе, былъ возвращенъ изъ ссылки; городъ Аяччіо выслалъ ему на встрѣчу

[1]) Въ книгѣ Тэна „Le régime moderne" приводятся свѣденія другого рода: Наполеонъ „читалъ мало и быстро"; онъ „не зналъ большей части великихъ истинъ, открытыхъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, и именно тѣхъ истинъ, которыя касаются человѣка и общества. Напр., онъ не читалъ Монтескьё, какъ слѣдуетъ его читать (?), т.-е. такъ, чтобы принимать или отвергать каждую изъ тридцати одной книги „Esprit des lois". Онъ не читалъ такъ ни словаря Бейля, ни трактата Адама Смита о богатствѣ народовъ" (стр. 29—30, примѣч., выдержки изъ мемуаровъ Стендаля и др.). Свидѣтельство Поццо ди-Борго противорѣчитъ этимъ одностороннимъ и придирчивымъ отзывамъ.

Digitized by Google

двухъ депутатовъ—молодого Поццо и Жозефа Бонапарта. Поццо ди-Борго былъ избранъ также делегатомъ въ Парижъ, вмѣстѣ съ генераломъ Джентили, для предъявленія національному собранію петиціи о признаніи Корсики неразрывною частью Франціи; онъ провелъ пять мѣсяцевъ въ столицѣ, посѣщая засѣданія палаты и знакомясь съ наиболѣе видными людьми эпохи. Онъ часто бывалъ у Мирабо, слушалъ революціонныя рѣчи въ клубѣ якобинцевъ и среди общаго волненія умовъ оставался хладнокровнымъ скептикомъ. Конституцію, созданную учредительнымъ собраніемъ, онъ считалъ „дѣломъ неопытности и философскаго тщеславія". Вернувшись на родину, куда призывалъ его Паоли, фактически управлявшій дѣлами острова въ званіи главнаго начальника національной гвардіи, Поццо ди-Борго былъ выбранъ въ законодательное собраніе депутатомъ отъ Корсики. Слишкомъ смѣлыя и рѣзкія перемѣны были противны его натурѣ; онъ стоялъ за умѣренныя реформы, совмѣстимыя съ монархіей, и публично высказывалъ свои консервативныя убѣжденія въ палатѣ, въ самомъ разгарѣ революціи, въ 1792 году. Когда провозглашена была республика, онъ покинулъ Францію и занялся устройствомъ дѣлъ Корсики, гдѣ Паоли подготовилъ назначеніе его на главнѣйшій административный постъ „генеральнаго прокурора-синдика". Дружба съ Наполеономъ уступила мѣсто охлажденію, сначала изъ-за фамильнаго соперничества, а затѣмъ по причинамъ политическимъ; Бонапарты открыто примкнули къ якобинцамъ и стали дѣйствовать враждебно противъ Поццо ди-Борго и Паоли, обвиняя ихъ въ непріязни къ республикѣ. Присланные изъ Парижа коммиссары конвента желали смѣнить правителей, но встрѣтили въ нихъ отпоръ и должны были уѣхать ни съ чѣмъ; конвентъ призвалъ виновныхъ къ отвѣту, и виновные не явились, а предпочли организовать сопротивленіе противъ угрожавшаго террора, оставаясь при этомъ на легальной почвѣ. Патріотическія рѣшенія Паоли и Поццо ди-Борго были приняты на островѣ съ восторженнымъ сочувствіемъ; Наполеонъ былъ тогда заодно съ коммиссарами и пытался завладѣть цитаделью Аяччіо, но безъ успѣха. Народное собраніе изъ выборныхъ представителей общинъ, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ, объявило Паоли „отцомъ отечества" и главнокомандующимъ, признало заслуги Поццо и утвердило его въ прежней должности, постановило послать адресъ конвенту съ заявленіемъ твердой рѣшимости остаться въ французскомъ подданствѣ, но подъ условіемъ свободы и безъ угнетенія. Членамъ фамиліи Бонапартовъ было высказано публичное порицаніе за ихъ антинародный образъ дѣйствій. Дороги бывшихъ друзей оконча-

Digitized by Google

тельно разошлись. Послѣ неудачной попытки коммиссаровъ взять Аяччіо съ моря, Наполеонъ отправился во Францію; родительскій домъ его былъ сожженъ патріотами, и вся семья должна была оставить островъ. Разрывъ и вражда съ Бонапартами не измѣняли, однако, высокаго мнѣнія Поццо ди-Борго о способностяхъ и талантахъ Наполеона; въ позднѣйшіе годы онъ отзывался о немъ, какъ о „существѣ огромномъ и непостижимомъ", какъ о „феноменѣ, который не повторится больше, и который самъ по себѣ есть цѣлый міръ нравственный и политическій". Будучи непримиримымъ врагомъ великаго корсиканца, онъ не могъ не гордиться его славою и его успѣхами; ему пріятно было сознавать, что изъ Корсики „вышелъ человѣкъ, который своимъ геніемъ возвысился надъ всѣми соперниками на поприщѣ открытомъ для всѣхъ честолюбій, сдѣлался первымъ полководцемъ между первыми генералами своей эпохи, захватилъ власть вопреки всѣмъ противникамъ, достигъ верховнаго владычества и въ этомъ положеніи признанъ пятьюдесятью милліонами отборнаго населенія Европы, которые, наконецъ, считаютъ за честь быть его подданными". Наполеонъ съ своей стороны безпощадно преслѣдовалъ Поццо ди-Борго повсюду, разослалъ всѣмъ префектамъ Италіи приказы объ его арестованіи съ точнымъ перечисленіемъ его примѣтъ, требовалъ изгнанія его изъ предѣловъ австрійской территоріи и добился удаленія его изъ Россіи послѣ свиданія императоровъ въ Эрфуртѣ; ту же судьбу раздѣляла вся семья Поццо ди-Борго. Побѣдитель мстилъ за тѣ два-три года его молодости, когда онъ и его родные пострадали отъ восторжествовавшихъ соперниковъ; семейный и политическій антагонизмъ продолжался и послѣ того, какъ Корсика перестала играть роль въ жизни и карьерѣ обоихъ дѣятелей. Дипломатъ по темпераменту и по профессіи, Поццо ди-Борго поступалъ несравненно симпатичнѣе и великодушнѣе своего врага; онъ не питалъ къ нему личнаго раздраженія и даже не допускалъ въ своемъ присутствіи пренебрежительныхъ отзывовъ о Наполеонѣ.

Въ концѣ 1793 года Корсика порвала свои связи съ Франціею и отдалась подъ покровительство Англіи. Поццо ди-Борго, бывшій прежде правою рукою Паоли, стоялъ теперь во главѣ управленія при англійскомъ вице-королѣ; черезъ три года онъ долженъ былъ выйти въ отставку и удалиться въ изгнаніе. Послѣ возвышенія Бонапарта и паденія террора во Франціи, островъ былъ вновь занятъ республиканскими войсками, почти безъ выстрѣла. Поццо ди-Борго былъ прямо названъ въ числѣ лицъ, къ которымъ не должна быть примѣнена амнистія; съ тѣхъ поръ

Digitized by Google

онъ велъ жизнь политическаго изгнанника и вольнаго дипломата, пока не открылся ему доступъ къ оффиціальной дѣятельности на службѣ Россіи. Обладая блестящими внѣшними качествами, онъ легко пріобрѣталъ друзей и поклонниковъ въ такъ-называемомъ высшемъ свѣтѣ, въ кружкахъ выдающихся эмигрантовъ и при дворахъ европейскихъ государей. Онъ былъ аристократъ въ душѣ, салонный политикъ по призванію, остроумный и разговорчивый въ обществѣ; его тянуло въ сферу придворнаго блеска и вліянія, хотя матеріальныя средства его не соотвѣтствовали его утонченнымъ вкусамъ. Онъ поселился въ Англіи, гдѣ пользовался дружбою бывшаго вице-короля острова Корсики, лорда Минто, который ввелъ его въ среду лондонской аристократіи; этотъ же лордъ, получивъ назначеніе въ Вѣну на постъ посланника, пригласилъ съ собою и Поццо ди-Борго. Представительный и изящный корсиканецъ сдѣлался весьма замѣтною фигурою въ вѣнскихъ салонахъ; онъ обращалъ на себя вниманіе политическихъ дѣятелей своими вѣскими сужденіями о текущихъ событіяхъ, составлялъ подробныя записки о положеніи дѣлъ въ Европѣ и предлагалъ программу дѣйствій противъ возроставшаго могущества революціонной Франціи. Онъ сошелся тогда, между прочимъ, съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ. Вынужденный, однако, покинуть Вѣну, вслѣдствіе настоянія французскаго правительства, онъ уѣхалъ обратно въ Англію, чтобы чувствовать себя ближе къ центру борьбы и завязать отношенія съ французскимъ наслѣдникомъ престола, графомъ Артуа, который жилъ въ Эдинбургѣ. Рѣшившись вновь отправиться въ Вѣну, куда передвинулись главныя пружины европейской дипломатіи, Поццо ди-Борго въ прощальномъ письмѣ къ графу Артуа возобновилъ свои увѣренія въ непоколебимой преданности дѣлу монархіи, напомнилъ о своемъ давнишнемъ предложеніи служить ему лично и выразилъ готовность сообщать одному изъ его приближенныхъ о ходѣ политическихъ дѣлъ. Поццо ди-Борго исполнялъ функціи царедворца безкорыстно, изъ любви къ искусству, въ надеждѣ повліять на событія тѣмъ или другимъ способомъ. Бездѣйствіе мучило его; онъ повсюду искалъ возможности примѣнять свои силы на практикѣ, и послѣ многихъ разочарованій и неудавшихся попытокъ онъ обратилъ свои взоры на Россію, на ея молодого, предпріимчиваго императора и окружавшихъ его сановниковъ. Адамъ Чарторыйскій сталъ руководителемъ нашей внѣшней политики, и обращеніе къ нему Поццо ди-Борго было вполнѣ естественно.

Въ началѣ 1804 года Поццо сдѣлалъ тотъ шагъ, который опредѣлилъ его дальнѣйшую судьбу,—онъ предложилъ свои услуги

Digitized by Google

русскому министру иностранныхъ дѣлъ, который имѣлъ случай оцѣнить его таланты въ Вѣнѣ. Въ письмѣ своемъ къ Чарторыйскому онъ жалуется на „страшное бремя", къ которому приговорили его обстоятельства — „ничего не дѣлать" (condamné au terrible fardeau de ne rien faire). „Оторванный,—пишетъ онъ,—неодолимыми причинами отъ сферы моихъ обязанностей и моей дѣятельности, я часто бросалъ свой взглядъ на карту земного шара, отыскивая страну и монарха, которымъ я желалъ бы имѣть возможность служить, и признаюсь, что ни одна страна не привлекала меня такъ, какъ Россія: это единственная имперія, достигшая величія, не развивъ еще всѣхъ своихъ естественныхъ силъ, — счастливое положеніе, позволяющее ей пускать въ оборотъ всѣ свои средства, не опасаясь остановки или помѣхи изъ-за обстоятельствъ, которыя не зависѣли бы отъ ея воли. Выдающіяся качества государя, его любовь къ добру, сама молодость его,—должны поощрять всякаго, кто стремится служить съ прямодушіемъ и постоянствомъ". Князь Чарторыйскій отвѣтилъ не сразу; онъ постарался подготовить почву для положительнаго и опредѣленнаго отвѣта, который и данъ былъ лѣтомъ 1804 года. Поццо ди-Борго получилъ приглашеніе пріѣхать немедленно въ Петербургъ. Въ Вѣнѣ онъ оставилъ преданныхъ друзей и поклонниковъ, въ томъ числѣ такихъ, какъ извѣстный Генцъ, правая рука Меттерниха. Князь де-Линь, славившійся своимъ свѣтскимъ остроуміемъ, выразилъ свои чувства къ Поццо ди-Борго въ самыхъ восторженныхъ и изысканныхъ формахъ: „Невскіе льды,—писалъ онъ ему,—никогда не покроютъ Везувія вашего сердца и вашего ума; лава, немного остановившаяся, потечетъ еще лучше въ маленькій розовый домъ, по вашемъ возвращеніи... Возвращайтесь къ намъ скорѣе... Я хочу видѣть эти прекрасные черные глаза и эти бѣлые зубы, освѣщавшіе мой салонъ, когда потухала маленькая свѣчка при работѣ мадамъ де-Линь". Еще интереснѣе письма Генца, которому Поццо часто сообщалъ свои политическіе взгляды и записки по текущимъ общимъ вопросамъ. „Мы испытываемъ жестокую потерю, лишаясь вашего присутствія,—говорится въ письмѣ Генца,—но вы будете принадлежать намъ повсюду, гдѣ бы вы ни были;—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Узы, связывающія спеціально меня съ вами, столь крѣпки, что малыя событія и мелкіе люди не въ состояніи даже затронуть ихъ. Каково бы ни было ваше положеніе, я всегда буду васъ слушать, буду угадывать васъ и, слѣдовательно, буду судить о васъ хорошо... Въ лучшіе моменты моей жизни, въ тѣ моменты, когда я наиболѣе доволенъ собою,

Digitized by Google

когда я наиболѣе цѣню себя, я особенно расположенъ думать о васъ". Человѣкъ, который внушалъ такія чувства и свѣтскимъ аристократамъ, въ родѣ князя де-Линя, и дѣловымъ дипломатамъ-публицистамъ, какъ Фридрихъ Генцъ, былъ очевидно обаятельною личностью. Онъ очаровывалъ однихъ своею свѣтскою представительностью, своими красивыми черными глазами, своею пріятною улыбкою, открывавшею рядъ бѣлыхъ зубовъ, своимъ умѣніемъ занимать общество и своими удачными bons-mots; другихъ онъ привлекалъ своими энергичными и изящными разсужденіями о политикѣ, своими интересными и обстоятельными мемуарами, которые ходили по рукамъ между дипломатами и государственными людьми.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Поццо ди-Борго тотчасъ принялся за подробное письменное изложеніе своихъ взглядовъ по главнымъ вопросамъ внѣшней политики; онъ представилъ двѣ записки объ отношеніяхъ между Россіею и Франціею, этюдъ о состояніи Швейцаріи и о наиболѣе подходящемъ для нея правительственномъ устройствѣ, замѣчанія о дѣлахъ Испаніи. Въ январѣ 1805 года ему дана была первая дипломатическая миссія—въ Вѣну и затѣмъ въ Италію; по дорогѣ онъ заѣхалъ въ Митаву, гдѣ находился Людовикъ XVIII, подъ именемъ графа Лилльскаго. Онъ былъ принятъ „королемъ" съ распростертыми объятіями, но говорилъ съ нимъ уже какъ дипломатъ, обязанный скрывать свои мысли о будущемъ. Пока онъ ѣздилъ черезъ Вѣну и Тріестъ въ Италію, всѣ планы и разсчеты коалиціи были разрушены Наполеономъ: кампанія закончилась битвою при Аустерлицѣ. Мѣсто Чарторыйскаго занялъ баронъ Будбергъ. Поццо ди-Борго не терялъ энергіи и бодрости духа; онъ продолжалъ вѣрить въ торжество своихъ идей, хотя личное его положеніе становилось довольно шаткимъ и неопредѣленнымъ. Онъ былъ назначенъ уполномоченнымъ для веденія переговоровъ съ Турціею, но никакого результата не было еще достигнуто, когда пришло извѣстіе о свиданіи Александра I съ Наполеономъ въ Тильзитѣ. Поццо ди-Борго чувствовалъ, что почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ; онъ рѣшилъ удалиться на время изъ Россіи и откровенно объяснилъ мотивы, побуждавшіе его желать этого удаленія. Онъ поселился въ Австріи, но ему было предложено выѣхать изъ предѣловъ монархіи, по требованію Наполеона, и онъ не нашелъ защиты у русскаго посланника въ Вѣнѣ. Поццо ди-Борго немедленно написалъ Александру I почтительное письмо, въ которомъ отказывался отъ всѣхъ выгодъ и милостей, полученныхъ отъ русскаго правительства, и просилъ позволенія по-

Digitized by Google

кинуть европейскій материкъ до лучшихъ временъ. „Я не могу забыть, — писалъ онъ, — что я родился свободнымъ и дворяниномъ, что я пожертвовалъ всѣмъ, чтобы сохранить себя такимъ въ глазахъ людей выше поставленныхъ и равныхъ мнѣ, и я никогда не откажусь отъ права на ихъ уваженіе по какимъ бы то ни было соображеніямъ опасности или интереса". Обѣщая остаться вѣрнымъ слугою Россіи, куда бы ни занесла его судьба, онъ кончилъ письмо словами, которыя въ 1810 году были вполнѣ пророческими: „Настанетъ день, когда всѣ, связанные сердцемъ съ судьбою Россіи, будутъ имѣть случай раздѣлять ея опасности, и я надѣюсь участвовать въ дѣлѣ ея торжества, подъ руководствомъ вашего величества".

Два года спустя, предсказаніе исполнилось въ точности. Поццо ди-Борго проживалъ въ Англіи и присылалъ оттуда частныя донесенія, записки, отчеты о разговорахъ съ министрами. Въ концѣ 1812 года онъ могъ, наконецъ, вернуться въ Петербургъ, откуда отправился къ арміи, вслѣдъ за императоромъ. Удачно исполнивъ важныя политическія миссіи къ наслѣдному принцу шведскому, Бернадотту, и къ лондонскому двору, онъ сдѣлался постояннымъ и близкимъ совѣтникомъ Александра I во время военнаго шествія къ Парижу. Воззваніе къ парижанамъ, обнародованное отъ имени союзниковъ послѣ занятія Парижа, было составлено Поццо ди-Борго, съ поправками императора. Въ этомъ манифестѣ впервые дѣлается намекъ на необходимость возстановленія Бурбоновъ. Монархическая реставрація совершилась, и генералъ Поццо ди-Борго достигъ цѣли своихъ мечтаній: онъ былъ аккредитованъ при французскомъ дворѣ, въ качествѣ русскаго чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. На этомъ посту онъ дѣйствовалъ неутомимо цѣлыхъ двадцать лѣтъ, до 1835 года, и исключительное вліяніе, которымъ онъ пользовался съ обычною своею энергіею и находчивостью, составляло одинъ изъ важныхъ элементовъ французской политики того времени.

Новому русскому посланнику въ Парижѣ было уже свыше пятидесяти лѣтъ, когда ему пришлось на дѣлѣ наблюдать и поддерживать во Франціи тотъ порядокъ вещей, за который онъ боролся всю свою жизнь. Въ первые же годы реставраціи онъ испыталъ нѣсколько крупныхъ разочарованій. Люди, имѣвшіе право на власть по своему положенію при королѣ Людовикѣ XVIII и при его наслѣдникѣ, графѣ Артуа, оказывались, большею частью, мелкими честолюбцами и интриганами, не понимавшими ни потребностей страны, ни истинныхъ выгодъ монархіи. Въ пере-

Digitized by Google

письмѣ Поццо ди-Борго съ графомъ Нессельроде постоянно повторяются жалобы на ничтожество и близорукость этихъ дѣятелей, въ устахъ которыхъ высокіе консервативные принципы опошливаются и получаютъ вредный смыслъ. Поццо ди-Борго указывалъ на недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ правительства, на антагонизмъ закулисныхъ вліяній и оффиціальныхъ, на скрытое вмѣшательство фаворитовъ, на неспособность министровъ и придворныхъ сановниковъ. Представитель Россіи неоднократно объяснялъ въ Парижѣ, что необходимо установить единство и солидарность въ управленіи, что нужно держаться конституціи и внимательно относиться къ общественному мнѣнію. Благоразумные и своевременные совѣты Поццо ди-Борго предупреждали не мало безтактностей и увлеченій, особенно со стороны графа Артуа и его единомышленниковъ; но весь режимъ былъ далеко не такой, какой нуженъ былъ Франціи. Даже проектъ болѣе тѣснаго сближенія французской королевской династіи съ русской императорской фамиліею—проектъ чрезвычайно выгодный и желательный, повидимому, для монархистовъ—былъ встрѣченъ довольно холодно королемъ, и бракъ герцога Беррійскаго съ сестрою Александра I, великою княжною Анною Павловною, не могъ состояться по религіознымъ причинамъ, несмотря на всѣ старанія русской дипломатіи. Людовикъ XVIII поддался вліянію Талейрана и видѣлъ политическій успѣхъ въ заключеніи секретнаго союза съ Англіею и Австріею, во время вѣнскаго конгресса. Монархія, почти всѣмъ обязанная Россіи, обнаруживала готовность дѣйствовать противъ своихъ покровителей и союзниковъ; это было полною неожиданностью для Поццо ди-Борго. Двойная неудача въ дѣлѣ брачнаго союза и въ вопросѣ о секретныхъ союзахъ была тѣмъ болѣе чувствительна для русскаго посланника, что онъ въ обоихъ случаяхъ выказывалъ замѣчательную довѣрчивость, доходившую иногда до наивности. Чрезмѣрный оптимизмъ его по отношенію къ Бурбонамъ вызвалъ даже изъ Петербурга упрекъ въ излишнемъ пристрастіи, противъ чего онъ горячо и подробно возражалъ въ письмѣ, заключавшемъ въ себѣ слѣдующія гордыя строки: „въ пятьдесятъ лѣтъ, меня могутъ сдѣлать несчастнымъ, но никто не имѣетъ права унижать меня“. Справедливость упрека графа Нессельроде подтверждается многими сообщеніями и увѣреніями Поццо ди-Борго, основанными отчасти на иллюзіяхъ. „Міръ не имѣетъ еще точнаго понятія о Франціи, — писалъ онъ въ іюлѣ 1814 года, — это уже не Франція Бонапарта или Людовика XVIII въ изгнаніи, а французская монархія подъ властью своихъ законныхъ королей, и я могу васъ увѣрить, что

Digitized by Google

черезъ нѣсколько лѣтъ она возстановитъ свой блескъ, быть можетъ, свое честолюбіе и, во всякомъ случаѣ, свое важное значеніе". Это говорилось о монархіи, которая, нѣсколько времени спустя, исчезла при одномъ имени Наполеона, вернувшагося съ острова Эльбы. Поццо ди-Борго до пятидесяти лѣтъ вѣрилъ въ спасительность извѣстныхъ принциповъ и доказывалъ необходимость ихъ торжества; онъ продолжалъ разсуждать отвлеченно объ этихъ принципахъ, когда они уже облеклись въ живыя формы, не соотвѣтствовавшія теоретическимъ ожиданіямъ.

Въ совѣтахъ, которые давались французскимъ правителямъ отъ имени петербургскаго кабинета, всегда господствовалъ духъ послѣдовательнаго и откровеннаго либерализма; какъ при Людовикѣ XVIII, такъ и при Карлѣ X русскому посланнику приходилось быть на стражѣ конституціонныхъ правъ и вольностей во Франціи. Передъ вторичнымъ вступленіемъ союзныхъ войскъ въ Парижъ, императоръ Александръ I прислалъ Поццо ди-Борго интересный мемуаръ для сообщенія королю и для руководства въ сношеніяхъ съ союзными державами. Въ этомъ мемуарѣ изложена и объяснена программа дѣйствій, необходимыхъ для упроченія внутренняго порядка во Франціи. Программа оказалась столь либеральною, что представитель парламентской Англіи, герцогъ Веллингтонъ, долженъ былъ оспаривать ее, какъ непримѣнимую къ даннымъ условіямъ. „Чтобы отрѣшить отъ Бонапарта преобладающую часть общества и привлечь ее на сторону короля,—говорится въ русскомъ мемуарѣ,—необходимо признать тотъ принципъ, что націи принадлежитъ право дать себѣ учредительный актъ. Конституціонная хартія, которую Франція дала бы себѣ сама, подъ эгидою своего короля, примирила бы страну съ Европою, представляя ей гарантіи постоянства и прочности". Король долженъ поэтому признать хартію 1814 года недѣйствительною и предписать новые выборы въ законодательное собраніе, чтобы удовлетворить желанія народа и явиться его избранникомъ, а не получить власть лишь при помощи военной силы. Поццо ди-Борго весьма добросовѣстно передаетъ всѣ доводы, выставленные противъ этихъ предположеній побѣдителемъ Наполеона, герцогомъ Веллингтономъ. Россія была слишкомъ либеральна для Англіи, по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ французской монархіи. Британскій полководецъ, союзные кабинеты и повидимому самъ Поццо ди-Борго, — не говоря уже о королѣ Людовикѣ XVIII и его придворныхъ, — считали болѣе благоразумнымъ сохранить прежнюю конституцію и прежнія палаты, не вызывая никакихъ новыхъ перемѣнъ и замѣшательствъ.

Digitized by Google

Русскій проектъ остался лишь любопытнымъ свидѣтельствомъ заботливаго вниманія нашей дипломатіи къ народнымъ правамъ и интересамъ въ чужихъ государствахъ. Какъ дорого обходилась эта заботливость собственному народу, можно видѣть изъ откровеннаго заявленія графа Нессельроде, что „мы идемъ къ банкротству", если Англія не дастъ еще денегъ (письмо къ Поццо ди-Борго, отъ 1-го мая 1815 г.).

Впрочемъ, щедро тратя силы и средства населенія для пользы оффиціальной Европы, правительство наше отстаивало свободу для французовъ не столько изъ сочувствія къ либеральнымъ идеямъ, сколько по здравому взгляду на бездарныхъ и надменныхъ людей, готовившихся управлять страною при Бурбонахъ. Къ придворнымъ дѣятелямъ и любимцамъ короля и его брата-наслѣдника прилагаются въ депешахъ Нессельроде самые рѣзкіе эпитеты; въ этомъ отношеніи министръ былъ проницательнѣе или откровеннѣе посланника. Графъ Нессельроде прямо объясняетъ, что петербургскій кабинетъ не имѣетъ повода высказываться заранѣе за систему легитимизма и находитъ болѣе цѣлесообразнымъ предоставить французамъ и королю Людовику XVIII создать необходимыя либеральныя учрежденія, отвѣчающія духу новой Франціи. „Если король долженъ принести извѣстныя жертвы, чтобы соединить націю около своего трона,—пишетъ министръ,—то почему онъ не сдѣлаетъ этихъ уступокъ заблаговременно, прежде чѣмъ обстоятельства превратятъ ихъ въ условія, которыя Европа или французская нація поставятъ при передачѣ ему скипетра его предковъ?" Поццо ди-Борго стоялъ на болѣе консервативной точкѣ зрѣнія и косвенно возражалъ министру, ссылаясь на общія желанія вліятельныхъ политическихъ кружковъ и представителей союзныхъ державъ. Еще до окончательнаго утвержденія Бурбоновъ во Франціи графъ Нессельроде ясно предвидѣлъ и предсказывалъ судьбу монархіи въ слабыхъ рукахъ короля, при отсутствіи надлежащихъ гарантій противъ увлеченій и ошибокъ ничтожнаго придворнаго антуража. Посланникъ нашъ въ Парижѣ дѣлалъ себѣ иллюзіи, отдѣляя принципіальные вопросы отъ практическаго ихъ примѣненія; онъ отмѣчалъ совершавшіяся безтактности, предупреждалъ ихъ своими настойчивыми совѣтами по мѣрѣ возможности, обвинялъ тѣхъ или другихъ дѣятелей, ослѣпленныхъ фанатиковъ или безчестныхъ карьеристовъ, ведшихъ династію къ гибели, но не могъ видѣть дальше и глубже этого поверхностнаго вопроса о лицахъ. Онъ всегда надѣялся на какую-нибудь благопріятную перемѣну и не замѣчалъ, что корень зла лежитъ именно въ чрезмѣрной зависимости государ-

Digitized by Google

ственныхъ дѣлъ отъ случайныхъ личныхъ элементовъ придворной аристократіи. Въ инструкціяхъ, данныхъ графомъ Нессельроде посланнику, рекомендуется королю „политика существенно либеральная", которая одна только можетъ сосредоточить нравственныя силы націи и оказать достаточное противодѣйствіе всякимъ попыткамъ новыхъ волненій. Поццо ди-Борго понималъ либерализмъ довольно узко и ограничивался частнымъ воздѣйствіемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы думать о самой природѣ учрежденій. Недальновидный въ вопросахъ внутреннихъ, онъ былъ великій мастеръ въ дѣлахъ дипломатіи, когда не имѣлъ противъ себя Талейрана; по своей правдивой натурѣ и прямодушному рыцарскому характеру, онъ не годился для лживыхъ закулисныхъ интригъ, и не могъ поэтому соперничать съ знаменитымъ французскимъ министромъ.

Образчикомъ дипломатическаго искусства Поццо ди-Борго можетъ служить замѣчательная ловкость, съ какою онъ отразилъ великій ударъ, грозившій Франціи со стороны союзныхъ кабинетовъ при вторичномъ занятіи Парижа, въ 1815 году: державы согласились отрѣзать значительную часть французской территоріи и наложить на страну такія военныя и финансовыя условія, которыя надолго лишили бы ее всякаго политическаго значенія въ Европѣ. Поццо ди-Борго не только возсталъ противъ этого „разрушительнаго" проекта и указалъ его невозможность для монархіи, но предложилъ практическую мѣру, которая и была приведена въ исполненіе съ замѣчательнымъ успѣхомъ: Людовикъ XVIII обратился къ Александру I съ оффиціальнымъ письмомъ, въ которомъ заявлялъ рѣшимость отречься отъ возстановленія монархіи, если оно должно быть достигнуто цѣною позора и униженія Франціи. Энергическое заявленіе, текстъ котораго былъ написанъ Поццо ди-Борго, было сообщено союзнымъ кабинетамъ и поддержано русскимъ государемъ, который не могъ сочувствовать суровому проекту, хотя раньше одобрилъ его формально. Перспектива новыхъ усложненій и кризисовъ заставила державы отказаться отъ задуманнаго плана, который безъ вмѣшательства русскаго посланника могъ бы, пожалуй, осуществиться въ болѣе или менѣе смягченной формѣ. Поццо ди-Борго сообщаетъ часто объ угрожающемъ поведеніи прусскихъ генераловъ во время оккупаціи, объ ихъ высокомѣрныхъ и преувеличенныхъ требованіяхъ, которыя едва умѣрялись дипломатіею; проекты раздробленія или, по крайней мѣрѣ, значительнаго ослабленія Франціи горячо обсуждались въ прусской главной квартирѣ, и бороться противъ этого воинственнаго прусскаго патріотизма было чрезвы-

Digitized by Google

чайно трудно послѣ разгрома наполеоновскихъ армій. Поццо ди-Борго пускалъ въ ходъ все свое вліяніе и находчивость, чтобы способствовать освобожденію Франціи отъ внѣшнихъ опасностей въ критическій періодъ дѣйствій союзниковъ, послѣ Ватерлоо.

Поццо ди-Борго относился съ недовѣріемъ ко всякому вообще народному движенію, но онъ мирился съ фактами и умѣлъ устроивать компромиссы безъ ущерба для консервативныхъ началъ. Съ однимъ только не мирился онъ—съ національно-патріотическимъ пыломъ нѣмцевъ; его раздражалъ „этотъ новый вооруженный энтузіазмъ, который одновременно дѣйствуетъ перомъ Макіавелли и саблей Магомета". Но возбужденіе улеглось, шумныя и грозныя событія уступили мѣсто мелкимъ и заурядным, крупныя историческія фигуры сошли со сцены, и народъ, привыкшій волновать Европу смѣлыми предпріятіями и идеями, долженъ былъ довольствоваться извѣстіями о томъ, что затѣвается въ свѣтскихъ салонахъ, какія мѣры придумываются ханжами и невѣждами для спасенія Франціи отъ вольнодумства. Русскій посланникъ не щадитъ этихъ хлопотливыхъ патріотовъ, и чѣмъ болѣе онъ присматривается къ нимъ, тѣмъ рѣзче становятся его приговоры. Въ палатѣ депутатовъ, говоритъ онъ, образовалась съ перваго же засѣданія крайняя группа такъ-называемыхъ исключительныхъ роялистовъ, людей безъ способностей и безъ знаній, и что еще гораздо хуже—безъ всякаго пониманія того зла, которое они дѣлаютъ. Заблужденія ихъ, повидимому, раздѣляются членами королевской семьи, у которыхъ эти мнимые охранители ищутъ поддержки и покровительства. „Необузданные" реакціонеры, „пагубные совѣтники" и интриганы, выставлявшіе на показъ свои усердныя вѣрноподданническія чувства, постоянно нападали на правительство короля, на отдѣльныхъ министровъ, на ихъ дѣйствія и проекты, не останавливаясь даже передъ прямою королевскою волею, которая въ этихъ случаяхъ безцеремонно признавалась будто бы ненастоящею, вынужденною, результатомъ обольщенія со стороны либераловъ. Истинною и законною волею короля всегда предполагалась только та, которая совпадала съ желаніями и интересами этой горсти ультра-консерваторовъ. Безпокойная реакціонная оппозиція, опираясь на сильныя придворныя вліянія, не давала жить умѣренному и добросовѣстному министерству герцога Ришельё; много разъ закулисныя интриги распутывались или оставались безплодными единственно лишь благодаря авторитетному вмѣшательству Поццо ди-Борго. „Если машина идетъ не особенно хорошо,—

Digitized by Google

замѣчаетъ онъ въ одномъ письмѣ,—то я долженъ сказать, что она совсѣмъ не шла бы безъ меня". Реакціонеры стремились очистить администрацію отъ неблагонадежныхъ элементовъ и подъ этимъ предлогомъ добивались удаленія наиболѣе просвѣщенныхъ и честныхъ дѣятелей. „Эти господа,—сострилъ разъ Людовикъ XVIII въ разговорѣ съ нашимъ посланникомъ,—если бы дать имъ полную волю, довели бы дѣло очищенія до того, что, наконецъ, очистили бы самого меня". Во главѣ этихъ усердныхъ охранителей стоялъ неисправимый графъ Артуа, поставившій себѣ какъ будто цѣлью сдѣлать монархію невозможною для большинства населенія. Нессельроде выражается о немъ весьма энергично въ одномъ изъ писемъ къ Поццо-ди-Борго: „дайте же понять ему, наконецъ, что державы существуютъ не для того, чтобы поддерживать его глупости и помочь ему въ будущемъ вступить на престолъ съ такою безсмысленною системою реакціи. Все это по истинѣ достойно жалости!" Этотъ рѣзкій и категорическій тонъ министра невольно обращаетъ на себя вниманіе, сравнительно съ отзывами посланника;—послѣдній говоритъ свободно только о второстепенныхъ лицахъ, а сужденія и поступки королевскаго брата онъ критикуетъ всегда очень сдержанно и мягко, объясняя ихъ излишнею его довѣрчивостью и добротою къ окружающимъ. Почему эти окружающіе состоятъ большею частью изъ вредныхъ интригановъ и „глупо-честолюбивыхъ Тартюфовъ" — остается недосказаннымъ въ отчетахъ Поццо-ди-Борго. Очевидно, графъ Нессельроде былъ свободенъ отъ предразсудковъ, которые стѣсняли его корреспондента.

Это жалкое положеніе внутренней политики во Франціи начинало уже надоѣдать петербургскому кабинету, который потратилъ столько русскихъ силъ для доставленія торжества подобному порядку вещей; „не стоитъ,—писалъ тогда Каподистрія, ссориться съ державами и допускать тревожную неопредѣленность въ судьбѣ націй, ради удовольствія кучки эгоистовъ, ни на что не годныхъ". Поццо ди-Борго и герцогъ Веллингтонъ имѣли продолжительные разговоры съ графомъ Артуа, съ цѣлью удержать его отъ неудобныхъ крайностей; этимъ людямъ, какъ говорилъ Нессельроде, „можно принести пользу только противъ ихъ воли, извлекая ихъ изъ глупаго ослѣпленія". Нессельроде сомнѣвался въ возможности побудить короля совершить какую-нибудь полезную реформу, въ виду пагубнаго вліянія охранителей; а между тѣмъ легитимная монархія, по словамъ министра, ничѣмъ не отличалась бы отъ узурпаціи по своимъ послѣдствіямъ, еслибы сдѣлалась источникомъ замѣшательствъ и реакціи. Лѣтомъ 1816 года переданъ

Digitized by Google

былъ французскому правительству оффиціальный русскій мемуаръ по поводу ненормальнаго положенія дѣлъ во Франціи; настойчивые совѣты соблюдать конституцію и не нарушать прежнихъ либеральныхъ обѣщаній повторялись при всякомъ подходящемъ случаѣ; даже сокращеніе состава союзной арміи, занимавшей французскую территорію, ставилось императоромъ Александромъ I въ зависимость отъ степени прочности конституціоннаго порядка въ странѣ. Русская дипломатія совѣтовала Людовику XVIII прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ—распустить палату съ ея консервативнымъ большинствомъ и произвести новые выборы. Настоянія Поццо ди-Борго увѣнчались успѣхомъ; принятое рѣшеніе было встрѣчено сочувственно всѣми, кромѣ ультра-роялистовъ. „Со времени этого распущенія палаты, писалъ Нессельроде, мы можемъ дышать свободнѣе". Конечно, для Россіи французская конституція не составляла первостепеннаго интереса, и намъ едва ли было легче дышать послѣ назначенія новыхъ выборовъ во Франціи; но ясно только одно, что годъ спустя послѣ подписанія договора о „священномъ союзѣ" русская внѣшняя политика сохраняла вполнѣ либеральный характеръ и проводила принципы справедливости и свободы въ чужихъ государствахъ. Полоса мертвящаго консерватизма надвинулась на европейскую жизнь позднѣе, при руководящемъ участіи Меттерниха.

Для Поццо ди-Борго широкая политическая дѣятельность началась послѣ того, какъ окончилась карьера его друга дѣтства, Наполеона. Одинъ былъ пятью годами старше другого, но оба принадлежали какъ будто къ двумъ разнымъ эпохамъ, къ двумъ противоположнымъ теченіямъ исторіи. Кабинетный и салонный дипломатъ, мирный защитникъ традицій, порядка и свободы, не могъ не чувствовать глубокой вражды къ неутомимому полководцу-разрушителю; это были прирожденные антагонисты, понимавшіе и цѣнившіе другъ друга. Дѣятель и союзникъ революціи, Наполеонъ, подавилъ свободу, а противникъ революціи, Поццо ди-Борго, защищалъ либеральныя учрежденія; оба посвящали свои силы Франціи: первый довелъ ее до истощенія, а второй смягчалъ ея трудное состояніе и старался возстановить ея правильную политическую жизнь. Наполеонъ воевалъ съ Россіею, Поццо служилъ ей и мечталъ о прочномъ союзѣ ея съ Франціею. Поццо ди-Борго связывалъ свои политическія надежды и планы съ судьбою французской законной монархіи; всѣ испытанныя имъ разочарованія въ людяхъ, всѣ примѣры ничтожества и вреднаго усердія роялистовъ, не поколебали его основныхъ воззрѣній, хотя сообщили меланхолическій отпечатокъ всему его міросозерцанію.

Digitized by Google

Іюльская революція 1830 года была сильнѣйшимъ ударомъ для стараго дипломата; она уничтожила плоды многолѣтнихъ его усилій и окончательно разсѣяла упорныя иллюзіи прошлаго. Когда, пять лѣтъ спустя, Поццо ди-Борго былъ неожиданно отозванъ изъ Франціи и переведенъ посланникомъ въ Лондонъ, онъ уже доживалъ свой вѣкъ и доканчивалъ свою дипломатическую службу. Въ 1840 году онъ вышелъ въ отставку и черезъ два года умеръ въ своемъ любимомъ Парижѣ, 74 лѣтъ отъ роду.

Поццо-ди-Борго служилъ во Франціи отъ имени Россіи, силою ея великаго вліянія и авторитета; но онъ не промѣнялъ этой русской службы на французскую, когда ему предложенъ былъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ при Людовикѣ XVIII. Занимая прочное и блестящее положеніе, которое давало ему отчасти роль покровителя, „патрона Франціи“, онъ долженъ былъ свысока смотрѣть на перемѣнчивую судьбу французскихъ министровъ и на игру политическихъ честолюбій. Онъ по-своему искренно служилъ Россіи, которую не разъ оберегалъ отъ опасныхъ политическихъ ошибокъ и столкновеній; а между тѣмъ Россія была для него лишь отвлеченною величиною, чѣмъ-то чуждымъ и далекимъ. Онъ осуществилъ идею франко-русскаго союза въ самой невинной ея формѣ: онъ оказывалъ помощь и поддержку Франціи безъ ущерба для Россіи, безъ всякихъ съ русской стороны усилій и жертвъ, тогда какъ чисто-русскіе предшественники его въ Парижѣ, Колычевъ, графъ Морковъ и гр. Толстой, разстроивали наши отношенія съ Франціею, вредили ей безъ малѣйшей пользы для Россіи и подготовляли для насъ ненужныя войны. Въ политикѣ, какъ и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, наибольше значенія имѣетъ талантъ, знаніе, искусство; чистокровный патріотизмъ, соединенный съ бездарностью и самомнѣніемъ, можетъ причинить странѣ непоправимый вредъ, и едва ли кто усомнился бы отдать десятокъ такихъ чисто-русскихъ дѣятелей, какъ Колычевъ или Морковъ, за одного такого инородца, какъ Поццо ди-Борго. Если же либеральная русская опека надъ монархическою Франціею кажется намъ странною въ настоящее время, то это направленіе политики зависѣло уже не отъ исполнителей и не отъ дипломатовъ по профессіи.

Документы, напечатанные до сихъ поръ наслѣдникомъ Поццо ди-Борго, касаются того періода европейской политики, когда принципы человѣчности, справедливости и свободы защищались въ извѣстной мѣрѣ даже консервативными правительствами. Либеральныя идеи не считались еще превратными; графъ Нессельроде преслѣдовалъ реакцію, какъ великое зло, заботился о полезныхъ

Digitized by Google

реформахъ во Франціи, осмѣивалъ „глупости“ крайнихъ охранителей, даже высокопоставленныхъ, и не относился серьезно къ голому легитимизму, выдвинутому впослѣдствіи на первый планъ въ западной Европѣ. Позднѣйшее разлагающее вліяніе Меттерниха не имѣло въ сущности разумной идейной основы, а держалось неопредѣленнымъ, искуственно возбуждаемымъ страхомъ правительствъ передъ народами. Спокойствіе, молчаливое прозябаніе, смиреніе, отсутствіе движенія и развитія—разсматривались какъ необходимыя условія государственнаго благополучія и порядка; мирное, придавленное рабочее населеніе признавалось истиннымъ народомъ, а наиболѣе культурная, образованная часть общества была предметомъ безпокойства, подозрѣній и преслѣдованій. Настоящее, строгое правительство, какъ предполагалось, должно было видѣть свою задачу въ неусыпномъ полицейскомъ надзорѣ за цѣлымъ народомъ. Этотъ меттерниховскій идеалъ былъ построенъ на рядѣ грубыхъ софизмовъ и явныхъ заблужденій. „Настоящее правительство,—говоритъ нашъ историкъ С. М. Соловьевъ, — не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живой водой, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое, въ минуту искушенія, дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію. Народу нужно либеральное, широкое воспитаніе, чтобы ему не колебаться, не мятись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ громкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стеколъ, какъ дѣти, которыхъ долго держали взаперти и вдругъ выпустили на свободу. Но либеральное правительство должно быть сильно, и сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, опирается на нихъ; правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно, оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые называются революціями, ибо, возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направить ее. Правительство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ, и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, думаютъ, что эту силу они пріі-

Digitized by Google

обрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить—очень легкое дѣло; особенной силы здѣсь не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ! Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другіе пріемы, потруднѣе и посложнѣе, требуются при обращеніи съ тѣломъ живымъ, при охраненіи и развитіи жизни" [1]).

Такіе же точно взгляды высказывались и примѣнялись императоромъ Александромъ I и его посланникомъ въ Парижѣ, по отношенію къ внутренней политикѣ французской монархіи, въ первые годы реставраціи.

Л. Слонимскій.

---

[1]) С. М. Соловьевъ: „Императоръ Александръ I", стр. 197-198. — Кстати будетъ здѣсь припомнить возникшую на-дняхъ полемику г. Иловайскаго съ критиками его „Исторіи Россіи"; въ эту полемику вмѣшался одинъ изъ его сыновей, г. Всеволодъ Соловьевъ—тотъ самый, который просилъ, газетнымъ путемъ, не смѣшивать его съ братомъ, Владиміромъ, что, впрочемъ, и само по себѣ довольно легко. Нынѣшній разъ, выражая свое сочувствіе идеямъ г. Иловайскаго, г. Всеволодъ Соловьевъ свидѣтельствуетъ, что онъ въ то же время всецѣло раздѣляетъ взгляды покойнаго отца. Въ приведенной выше цитатѣ, можно сказать, выразился весь покойный Сергѣй Михайловичъ; его мысли, взгляды и убѣжденія, очевидно, были діаметрально противоположны всему, что высказывается г. Иловайскимъ, какъ то ясно видно и изъ приведенной цитаты, а потому отъ г. Всеволода Соловьева можно было бы ожидать только одного осужденія такихъ взглядовъ. Разъ г. Всеволодъ Соловьевъ весьма справедливо опубликовалъ различіе его съ братомъ—ему слѣдовало бы такъ же справедливо указать и на различіе его съ покойнымъ отцомъ,—различіе не менѣе существенное, если только—не болѣе. Мы особенно настаиваемъ на послѣднемъ, такъ какъ съ самаго основанія журнала и до самой смерти С. М. Соловьева, въ теченіе 11 лѣтъ, его труды служили постояннымъ украшеніемъ нашего журнала, а самъ онъ прожилъ свой вѣкъ—точно также постоянно окружаемый всеобщимъ уваженіемъ къ его личному характеру и научнымъ трудамъ и заслугамъ.—*Ред.*

Digitized by Google

СИЛУЭТЪ

Свободно дышетъ грудь... Спокоенъ, ясенъ взоръ,
Чело безоблачно... Съ улыбкою привѣта,
Давно привычная къ приличьямъ строгимъ свѣта,
Она ведетъ пустой, шутливый разговоръ;
Чужда тревогъ любви, на видъ она безстрастна,
Радушна и мила со всѣми наравнѣ...
На видъ... Но знаю: тамъ, въ сердечной глубинѣ,
Безмолвно дремлетъ страсть... Она проснется, властно,
Побѣдно рѣчь ея нежданно прозвенитъ!
Она размечетъ все, она все то разрушитъ,
Что сердце пылкое въ груди гнететъ и душитъ,
Что кровь кипучую дыханьемъ леденитъ!..
Я знаю, будетъ такъ! Для всѣхъ неуловимо
Порой чуть блещетъ взглядъ зарницами тревогъ,—
Въ немъ сердцемъ я прочелъ: часъ бури недалёкъ;
Она придетъ, грозна, придетъ, неотразима!..
Порой спокойствіе такъ на морѣ царитъ:
Сіяютъ небеса прозрачно-голубыя,
Едва колышется лазурная стихія,
Тревожный вѣтеръ, къ ней прильнувши, сладко спитъ...
Но тамъ, но далеко, гдѣ съ бездной небосвода
Просторъ спокойныхъ водъ неуловимо слитъ,
Чуть видно облачко: оно грозу таитъ!
Настанетъ страшный часъ—и грянетъ непогода!..

Василій Величко.

Январь, 1891 г.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ ФИНЛЯНДСКАГО СЕЙМА

въ 1891 году.

20-го (8) января собрался въ Гельсингфорсѣ финляндскій сеймъ. Задача финляндскаго сейма въ органической жизни страны заключается, по преимуществу, въ участіи въ законодательствѣ и установленіи налоговъ. Общія постановленія о правахъ земскихъ чиновъ изложены въ основныхъ законахъ, утвержденныхъ въ 1809 г. императоромъ Александромъ I для Финляндіи, въ ея соединеніи съ имперіею. Согласно съ этими основными законами, время для собиранія сейма вполнѣ зависѣло отъ благоусмотрѣнія Монарха. Послѣ боргоскаго сейма 1809 года не разъ возбуждался вопросъ о созваніи земскихъ чиновъ для устраненія недостатковъ законодательства, но дѣло постоянно откладывалось. Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II, и въ Финляндіи приступлено было къ осуществленію тѣхъ благотворныхъ реформъ, которыя до того времени откладывались за отсутствіемъ сейма. По окончаніи обширныхъ пріуготовительныхъ работъ, императоръ Александръ II созвалъ въ сентябрѣ 1863 года и лично открылъ сеймъ, имѣвшій важное значеніе для страны, такъ какъ работы этого сейма послужили исходною точкою дальнѣйшаго ея преуспѣянія по всѣмъ отраслямъ общественной и экономической жизни.

Въ своей рѣчи при открытіи сейма императоръ, между прочимъ, высказывалъ:

„Plusieurs des stipulations des lois fondamentales du Grand-Duché ne sont plus applicables à l'état des choses survenu depuis sa réunion à l'Empire; d'autres manquent de clarté et de précision. Désirant remédier à ces imperfections, Mon intention est de faire élaborer un projet de loi, qui contiendra des explications et des suppléments à ces stipu-

Digitized by Google

lations pour être soumis à l'examen des Etats lors de la prochaine Diète, que je pense convoquer dans trois ans. En maintenant le principe Monarchique constitutionel inhérent aux moeurs du peuple Finlandois et dont toutes ses lois et ses institutions portent le caractère, je veux faire admettre dans ce projet un droit, plus étendu que celui que possèdent déjà les Etats quant au règlement de l'assiette des impôts, ainsi que le droit de motion qu'ils ont anciennement possédé, Me réservant toutefois celui de prendre l'initiative dans toutes les questions qui touchent au changement de la loi fondamentale".

Часть предвѣщанной реформы основного закона осуществилась предложеніемъ сеймового устава, принятымъ въ сессію 1867 года и Высочайше утвержденнымъ 3-го (15) апрѣля 1869, какъ „ненарушимый основной законъ для Монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ рѣшеніемъ" (Сейм. Уст. § 83).

Новымъ закономъ сохранено раздѣленіе сейма на четыре сословія, но зато прежній соціально-сословный характеръ представительства измѣненъ значительнымъ расширеніемъ избирательнаго права и постановленіемъ устава, въ силу котораго собранные на сеймѣ земскіе чины представляютъ финскій народъ. Сеймовый уставъ 1869 года имѣетъ, впрочемъ, и другое особое значеніе, такъ какъ онъ установляетъ періодичность сеймовъ и существенно улучшаетъ ихъ дѣлопроизводство.

Кромѣ правъ сейма по участію въ законодательствѣ и устройствѣ финансовъ, по установленію налоговъ, по управленію, чрезъ посредство делегатовъ, финляндскимъ банкомъ и контролированію его, сейму издавна принадлежало право петицій или испрошенія мѣропріятій, зависящихъ отъ правительства, или законодательныхъ проектовъ. Сверхъ сего, Высочайшимъ манифестомъ 13-го (25) іюня 1886 г., согласно предложенію, принятому сеймомъ 1885 г., расширено право земскихъ чиновъ предоставленіемъ имъ, за нѣкоторымъ исключеніемъ, права законодательной иниціативы.

По сеймовому уставу 1869 года, земскіе чины состоятъ изъ сословій рыцарства и дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ. Земскіе чины собираются по призыву Государя Императора и Великаго Князя на очередной или обыкновенный сеймъ, по крайней мѣрѣ, каждыя пять лѣтъ. Съ 1882 года сеймъ собирался черезъ три года, что значительно облегчало работу сейма, особенно по составленію бюджета и по чрезвычайнымъ налогамъ на предстоящій финансовый періодъ.

Сеймъ собирается въ административномъ центрѣ страны, Гельсингфорсѣ, и продолжается обыкновенно четыре мѣсяца. Отъ Госу-

Digitized by Google

даря Императора зависитъ продолжить сессію долѣе этого срока или закрыть ее ранѣе, по желанію всѣхъ сословій или если признаетъ то нужнымъ.

Право представительства *въ дворянскомъ сословіи* принадлежитъ, наслѣдственно, главамъ всѣхъ дворянскихъ фамилій страны, внесенныхъ въ списки рыцарскаго дома. Если глава фамиліи не воспользуется этимъ правомъ, то другой ея членъ, по праву первородства, можетъ занять его мѣсто; а если въ опредѣленный закономъ срокъ никто изъ членовъ семейства не займетъ такого мѣста, то глава его можетъ передать свое право, по довѣренности, члену другой фамиліи.

Въ настоящее время числится въ Финляндіи 238 дворянскихъ фамилій; изъ нихъ 7 графскихъ, 50 баронскихъ и 181 нетитулованныхъ дворянъ.

Сословіе духовенства состоитъ изъ архіепископа и двухъ епископовъ лютеранской церкви и 28 депутатовъ, избранныхъ духовенствомъ трехъ епархій, 1-го или 2-хъ депутатовъ, избранныхъ профессорами и чиновниками гельсингфорскаго университета, и изъ 1-го или 2-хъ депутатовъ по выбору преподавателей классическихъ и реальныхъ общественныхъ училищъ каждой епархіи.

Порядокъ выборовъ зависитъ отъ усмотрѣнія каждой группы; всѣми примѣняется система прямыхъ выборовъ.

Сословіе горожанъ состоитъ изъ депутатовъ отъ городовъ. Каждый городъ посылаетъ одного депутата и сверхъ того еще по одному депутату на каждыя шесть тысячъ жителей. Городъ съ населеніемъ менѣе 1.500 душъ имѣетъ право соединиться съ другимъ, имѣющимъ менѣе 6.000 жителей, для выбора депутата.

Правомъ выбора пользуется каждый, имѣющій законное жительство въ городѣ, обложенный по общинному закону сборами и правильно вносившій въ общину подати, за исключеніемъ, однако, дворянъ и лицъ, имѣющихъ право выбора въ сословіи духовенства, женщинъ, солдатъ, матросовъ, прислуги и работниковъ, пропитывающихся случайною работою. Голоса считаются по числу единицъ обложенія, съ ограниченіемъ или безъ ограниченія максимальнаго числа голосовъ. Установленіе порядка выборовъ предоставлено самимъ городамъ, съ тѣмъ, однако, что принятый городомъ порядокъ долженъ быть представленъ на утвержденіе Государя Императора. Во всѣхъ городахъ примѣняются прямые выборы; число депутатовъ на предстоящемъ сеймѣ—57.

Сословіе крестьянъ состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ по одному въ каждомъ судебномъ округѣ (domsaga), число которыхъ нынѣ—61.

Правомъ выбора въ этомъ сословіи пользуется всякій владѣлецъ

Digitized by Google

кадастроваго недвижимаго имѣнія и арендаторъ казенныхъ земель, за исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ, а также состоящихъ на государственной службѣ. Въ каждой земской общинѣ избирается одинъ электоръ и, сверхъ того, по одному на каждыя полныя двѣ тысячи населенія общины. Всѣ электоры судебнаго округа собираются затѣмъ передъ судьей и выбираютъ одного депутата, причемъ каждый электоръ пользуется однимъ голосомъ.

Для права выбора требуется во всѣхъ сословіяхъ совершеннолѣтіе, финляндское гражданство и жительство въ избирательномъ округѣ; вѣроисповѣданіе же не принимается въ соображеніе. Этимъ правомъ не пользуются: состоящіе подъ опекою, объявленные несостоятельными должниками, присужденные за позорящее преступленіе къ лишенію общественнаго довѣрія, виновные въ подкупѣ, продажности или посягательствѣ на свободу подачи голосовъ при выборахъ, подавшіе свой голосъ въ избирательномъ собраніи другого сословія и незаписанные, въ теченіе послѣднихъ предъ выборами трехъ лѣтъ, въ качествѣ платящихъ подать. Право голоса не можетъ быть передаваемо.

Всякій, имѣющій право выбора, можетъ быть избраннымъ въ томъ сословіи, къ которому принадлежитъ, безразлично въ своемъ ли округѣ, или въ другомъ, лишь бы достигъ двадцатипятилѣтняго возраста и принадлежалъ къ одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Обстоятельства, препятствующія пользоваться избирательнымъ правомъ въ другихъ сословіяхъ, служатъ и препятствіемъ представительству въ дворянскомъ сословіи.

Продолжительность полномочій депутата ограничивается одною сессіею сейма.

Депутатъ въ исполненіи своихъ *обязанностей* связанъ лишь предписаніями основныхъ законовъ и не обязанъ исполнять требованія своихъ избирателей.

Представителю не можетъ быть отказано участвовать въ сеймѣ, за исключеніемъ того лишь случая, когда принадлежащій къ арміи въ военное время получаетъ порученіе по службѣ.

Депутаты изъ не-дворянъ имѣютъ право на денежное вознагражденіе отъ избирателей, по ихъ опредѣленію, какъ за время сеймовой сессіи, такъ и за путевыя издержки.

Въ день собранія сейма объявляется, кого Императоръ соизволилъ назначить предсѣдателемъ дворянскаго сословія, именуемымъ ландмаршаломъ, и о назначеніи архіепископа, а въ случаѣ его отсутствія, одного изъ епископовъ — предсѣдателемъ сословія духовенства, а также о назначеніи вице-предсѣдателей для этихъ сословій. По провѣркѣ полномочій депутатовъ прочихъ сословій назначаются Императоромъ

Digitized by Google

или уполномоченнымъ имъ лицомъ предсѣдатели и вице-предсѣдатели этихъ сословій, именуемые тальманами и вицетальманами. Секретари избираются каждымъ сословіемъ, кромѣ крестьянскаго, для котораго секретарь назначается Государемъ Императоромъ изъ юристовъ.

Въ назначенный день всѣ сословія, послѣ присутствія на торжественномъ богослуженіи, собираются въ тронной залѣ, гдѣ Императоръ или его представитель обращается къ сословіямъ съ рѣчью и объявляетъ сеймъ открытымъ, послѣ чего сословія, черезъ своихъ предсѣдателей, подносятъ заявленія своей вѣрноподданнической преданности. Засимъ сообщается сословіямъ перечень передаваемыхъ имъ предложеній.

Въ теченіе восьми дней по открытіи, каждый обыкновенный сеймъ назначаетъ пять коммиссій для подготовленія дѣлъ, а именно: коммиссію законовъ, хозяйственныхъ дѣлъ, статную или финансовую, чрезвычайныхъ налоговъ и банковую. Первыя три состоятъ изъ 16 членовъ каждая, послѣднія двѣ—изъ 12 членовъ. Каждое сословіе выбираетъ, черезъ посредство особо выбранныхъ электоровъ, четвертую часть каждой коммиссіи. Сенаторы не могутъ быть членами коммиссій, а также никто, чья отчетность подлежитъ разбору коммиссіи. Кромѣ сказанныхъ, сеймъ можетъ назначить и другія коммиссіи, по мѣрѣ надобности. Каждая коммиссія выбираетъ своего предсѣдателя изъ среды себя и секретарей.

Предложенія Императора и Великаго Князя, а также законопроекты, представленные депутатами, должны быть переданы въ подлежащія коммиссіи до окончательнаго обсужденія ихъ въ засѣданіяхъ сословій. Петиціи могутъ быть рѣшены непосредственно сословіями или передаются ими предварительно въ подлежащія коммиссіи.

На каждомъ урочномъ сеймѣ сообщается земскимъ чинамъ о состояніи статнаго вѣдомства и употребленіи доходовъ казны въ пользу края.

Это сообщеніе, со всѣми требуемыми счетами, передается статной коммиссіи, которая, въ случаѣ недостатка ординарныхъ доходовъ, предлагаетъ сейму способы для покрытія необходимыхъ издержекъ. Коммиссія разсматриваетъ, какимъ образомъ употреблены ассигнованныя послѣднимъ сеймомъ суммы и представляетъ отзывы по всѣмъ вопросамъ касательно статныхъ суммъ.

Банковая коммиссія повѣряетъ управленіе финляндскимъ банкомъ, даетъ отчетъ о томъ сейму и предложенія, касающіяся завѣдыванія фондами.

Засѣданія сословій происходятъ отдѣльно для каждаго изъ нихъ.

Digitized by Google

Резолюціи сословія безотлагательно сообщаются другимъ сословіямъ, въ формѣ извлеченій изъ протоколовъ.

Сословія могутъ, по предложенію одного изъ нихъ, поддержанному, по крайней мѣрѣ, еще однимъ изъ прочихъ сословій, составлять *общее собраніе* подъ предсѣдательствомъ ландмаршала. Въ общихъ собраніяхъ со стороны правительства могутъ присутствовать и сенаторы. Въ засѣданіяхъ этихъ происходятъ лишь пренія по обсуждаемымъ вопросамъ; рѣшенія по нимъ постановляются затѣмъ немедленно въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ, отдѣльно каждымъ сословіемъ, безъ возобновленія преній.

Засѣданія сословій открыты для публики, но могутъ, по особому каждый разъ постановленію, быть объявлены закрытыми.

Рѣшенія постановляются, въ каждомъ сословіи, простымъ большинствомъ поданныхъ голосовъ.

Основной законъ можетъ быть установленъ, измѣненъ, поясненъ или отмѣненъ лишь по представленію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ четырехъ сословій; окончательное рѣшеніе по такимъ дѣламъ отлагается до слѣдующаго сейма, если, по крайней мѣрѣ, два сословія того потребуютъ. Согласіе всѣхъ сословій требуется также для рѣшенія предложеній, касательно сословныхъ привилегій. Всѣ прочія дѣла, кромѣ дѣлъ о чрезвычайныхъ налогахъ и ассигнованіи суммъ на особыя потребности, рѣшаются согласными постановленіями трехъ сословій.

Когда не всѣ четыре сословія согласны касательно основаній примѣненія или распредѣленія чрезвычайнаго налога, дѣло передается коммиссіи о чрезвычайныхъ налогахъ, усиленной непосреднственнымъ выборомъ въ каждомъ сословіи двѣнадцати новыхъ членовъ. Эта усиленная коммиссія изъ 60 членовъ приступаетъ, безъ преній, къ закрытой подачѣ голосовъ по внесеннымъ въ нее, одобреннымъ сословіями, предложеніямъ неусиленной коммиссіи. Тѣ предложенія, которыя будутъ одобрены большинствомъ не менѣе двухъ третей голосовъ, считаются рѣшеніемъ сейма; относительно прочихъ неусиленная коммиссія должна войти съ новыми предложеніями.

Если не всѣ сословія согласны касательно ассигнованія суммъ на особыя потребности, то дѣло вносится въ усиленную сказаннымъ порядкомъ финансовую коммиссію изъ 60 членовъ. Если менѣе двухъ третей голосовъ будетъ за ассигнованіе, то предложеніе считается отвергнутымъ земскими чинами.

Когда въ дѣлѣ, которое можетъ быть рѣшаемо согласнымъ постановленіемъ трехъ сословій, два сословія вынесутъ одну резолюцію, а другія два — другую, то проектъ считается непринятымъ, исключая того случая, когда сеймъ признаетъ дѣло безотлагательнымъ.

Digitized by Google

Въ этомъ случаѣ оно поступаетъ на рѣшеніе подготовлявшей его коммиссіи, усиленной сказаннымъ порядкомъ до 60 членовъ, и рѣшается простымъ большинствомъ поданныхъ голосовъ.

Если Государь Императоръ потребуетъ отзыва земскихъ чиновъ по административнымъ дѣламъ, то доносится объ отзывѣ каждаго отдѣльнаго сословія въ томъ случаѣ, когда отзывы эти несогласны между собою.

Для составленія и отправленія на имя Государя Императора отвѣтовъ на предложенія сейму и другихъ донесеній, составляется особая экспедиціонная коммиссія изъ двухъ членовъ отъ каждаго сословія; изложенія коммиссіи повѣряются или самими сословіями, или ихъ довѣренными. Сеймовое рѣшеніе, которое состоитъ изъ краткаго изложенія всѣхъ частныхъ постановленій сейма, подписывается всѣми членами сословій, а прочія, отъ сейма исходящія, бумаги—только ландмаршаломъ и тальманами.

Всѣ сеймовые акты публикуются, сеймовое рѣшеніе включается, кромѣ того, въ собраніе дѣйствующихъ въ краѣ общихъ постановленій. Общіе расходы по сейму покрываются изъ средствъ, состоящихъ въ распоряженіи земскихъ чиновъ.

Для закрытія сейма, депутаты, въ назначенный Государемъ Императоромъ день, собираются, по окончаніи богослуженія, въ тронной залѣ, гдѣ сословія, какъ при открытіи сейма, заявляютъ свое вѣрноподданническое почтеніе, послѣ чего ландмаршалъ передаетъ сеймовое рѣшеніе, и Государь Императоръ, или Высочайше назначенное для этого лицо, объявляетъ сеймъ закрытымъ.

Въ первые дни по собраніи сейма въ нынѣшнемъ году происходила провѣрка полномочій избранныхъ депутатовъ и записи дворянъ, объявившихъ желаніе въ званіи сеймовыхъ депутатовъ занять мѣсто въ дворянскомъ сословіи; за симъ послѣдовали взаимныя привѣтствія сословій черезъ особыя депутаціи, объявленіе о назначеніи ландмаршала и тальмановъ сословій, а также вице-ландмаршала и вице-тальмановъ и принесеніе ими присяги.

На нынѣшній сеймъ назначены тѣ же лица, которыя занимали эти мѣста на послѣднемъ сеймѣ; изъ нихъ нѣкоторыя въ тѣхъ же званіяхъ участвовали въ сеймовыхъ занятіяхъ въ теченіе цѣлаго ряда сеймовъ.

$^{12}/_{24}$-го января, по окончаніи богослуженія въ лютеранскомъ Николаевскомъ соборѣ, происходило торжественное открытіе сейма въ тронномъ залѣ гельсингфорскаго дворца. При этомъ была прочитана нижеслѣдующая Высочайшая рѣчь земскимъ чинамъ Финляндіи отъ

Digitized by Google

августѣйшаго имени генералъ-губернаторомъ края, генералъ-адъютантомъ графомъ Гейденомъ,—сначала на русскомъ языкѣ, а потомъ сенаторомъ Стренгомъ — на шведскомъ и финскомъ языкахъ:

„Представители финскаго народа!

„Въ непрестанномъ попеченіи о всѣхъ вѣрныхъ Моихъ подданныхъ, призналъ Я за благо созвать васъ нынѣ на предстоящій сеймъ для обсужденія проектовъ нѣкоторыхъ новыхъ законовъ и финансовыхъ мѣръ для края.

„Вмѣстѣ съ симъ, дабы облегчить вамъ изысканіе средствъ на окончаніе предпринятой уже постройки карельской и бьернеборгской желѣзныхъ дорогъ, Я повелѣлъ отчислить изъ остатковъ статныхъ суммъ шесть съ половиною милліоновъ марокъ въ коммуникаціонный фондъ.

„Желая вамъ успѣшно выполнить возложенныя Мною на васъ обязанности, объявляю сеймъ открытымъ".

На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „АЛЕКСАНДРЪ".

Вслѣдъ затѣмъ ландмаршалъ фонъ-Гартманъ и тальманъ крестьянскаго сословія, крестьянинъ-собственникъ Слотте, обратились къ графу Гейдену съ рѣчами, помѣщенными въ мѣстныхъ газетахъ...

При самомъ открытіи сейма было сообщено земскимъ чинамъ лишь небольшое число предложеній; прочія, въ томъ числѣ о чрезвычайныхъ налогахъ, будутъ переданы сейму въ теченіе самой сессіи.

Первыя двѣ недѣли по открытіи сейма назначены на составленіе сеймовыхъ коммиссій и распредѣленіе предложеній между ними, на подачу депутатами петицій и законопроектовъ и распредѣленіе ихъ по коммиссіямъ. По мѣрѣ приготовленія ими дѣлъ, отзывы и заключенія коммиссій будутъ поступать въ собранія сословій, гдѣ обсуждаются, по возможности, одновременно во всѣхъ сословіяхъ.

Въ дворянскомъ сословіи употребляется при этомъ лишь шведскій языкъ; въ прочихъ—шведскій или финскій, по усмотрѣнію каждаго депутата—первый предпочтительно въ сословіи горожанъ, второй, большею частью—въ двухъ прочихъ сословіяхъ. Только въ крестьянскомъ сословіи, въ которомъ переводъ обязателенъ и лежитъ на оффиціальныхъ переводчикахъ, каждая рѣчь переводится съ шведскаго на финскій и съ финскаго на шведскій языкъ. Во всѣхъ сословіяхъ рѣчи записываются стенографами.

Относительно состава нынѣшняго сейма замѣтимъ, что къ предварительнымъ до открытія его записямъ явились 89 дворянскихъ депутатовъ, въ томъ числѣ 13 помѣщиковъ, 30 юристовъ, 15 состоя-

Digitized by Google

щихъ на службѣ не-юридической, 11 состоящихъ или состоявшихъ на военной службѣ и 20 депутатовъ различныхъ званій и занятій. Впрочемъ, сословіе дворянъ, по составу и численности, подлежитъ значительнымъ измѣненіямъ въ теченіе самой сессіи. Сословіе духовенства, кромѣ архіепископа и двухъ епископовъ, состоитъ нынѣ изъ 23 духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ 9 пробстовъ, изъ 5 профессоровъ университета и 7 преподавателей училищъ. Сословіе горожанъ составлено изъ 21 юриста, 3 публицистовъ, 10 состоящихъ на службѣ не-юридической, 2-хъ отставныхъ военныхъ и 21 занимающихся частными, преимущественно торговыми, дѣлами. Наконецъ, изъ 61-го депутата крестьянскаго сословія, 34 принадлежатъ къ числу крестьянъ-собственниковъ, 18—къ разряду помѣщиковъ, остальное составляютъ народные учители, занимающіеся торговлею въ деревняхъ, и пр.

С. М.

Гельсингфорсъ.
15 (27) янв. 1891.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1891 г.

Кончина Е. И. В. Николая Максимиліановича, герцога Лейхтенбергскаго.— Газетныя сообщенія о проектѣ городской реформы. — Городскіе выборы въ Саратовѣ.—Совѣтъ по земскимъ дѣламъ, проектируемый г. Коркуновымъ.—Рѣшеніе московскаго уѣзднаго съѣзда по дѣлу крестьянъ деревни Матушкиной.— Чрезвычайное дворянское собраніе въ Черниговѣ.

25-го декабря истекшаго 1890 г. скончался въ Парижѣ Е. И. В. Николай Максимиліановичъ, князь Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій, сынъ великой княгини Маріи Николаевны—на 48-мъ году отъ рожденія; онъ былъ ровесникомъ покойнаго цесаревича Николая Александровича, его двоюроднаго брата, скончавшагося въ Ниццѣ на 22-мъ году жизни. Одаренный отъ природы прекрасными качествами души и сердца, получившій тщательное и разностороннее образованіе подъ руководствомъ преданнаго своему дѣлу К. Г. Ребиндера, покойный Николай Максимиліановичъ всегда вызывалъ къ себѣ всеобщія симпатіи со стороны всѣхъ, сколько-нибудь знавшихъ его лично; возлагаемыя на него надежды, какъ на будущаго просвѣщеннаго и гуманнаго дѣятеля, основывались вовсе не на одномъ его высокомъ положеніи. Если этимъ справедливымъ надеждамъ не суждено было, къ сожалѣнію, сбыться, то виною того было, главнымъ образомъ, его слабое съ дѣтства здоровье, подкосившее, наконецъ, такъ преждевременно и самую жизнь.

Въ газетахъ появились, въ послѣднее время, довольно подробныя свѣденія о работахъ коммиссіи, подготовляющей, подъ предсѣдательствомъ одного изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ, пересмотръ городового положенія. Общія основанія проекта, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей", уже разработаны. Предположено, прежде всего, измѣнить изложеніе ст. 2-й городового положенія, перечисляю-

Digitized by Google

щей предметы вѣдомства городского управленія, и распредѣлить ихъ по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) народное здравіе и ветеринарная часть, 2) народное продовольствіе, 3) общественное призрѣніе, 4) пожарная и строительная часть, 5) средства сношеній и сообщеній, 6) народное образованіе и 7) попеченіе о развитіи торговли и промышленности. Для насъ не совсѣмъ ясно значеніе этой перемѣны. Имѣетъ ли она исключительно характеръ формальный, редакціонный — или направлена къ ограниченію круга дѣйствій городского самоуправленія? Съ перваго взгляда можетъ показаться послѣднее, такъ какъ вновь проектируемый перечень не обнимаетъ собою всего предусмотрѣннаго дѣйствующимъ закономъ. Такъ, напримѣръ, въ составъ попеченія *о внѣшнемъ благоустройствѣ* города входитъ, по буквальному смыслу пун. 2 ст. 2-й городового положенія, устройство городскихъ общественныхъ садовъ и бульваровъ, не подходящее ни подъ одинъ изъ пунктовъ перечня. То же самое слѣдуетъ сказать и объ устройствѣ театровъ и музеевъ, разрѣшаемомъ городскому управленію пунктомъ 4-мъ той же второй статьи городового положенія. Не упоминается въ перечнѣ и о правѣ ходатайства по предметамъ, касающимся нуждъ и пользъ города. Мы полагаемъ, однако, что неполнота перечня—только кажущаяся, зависящая или отъ неточности газетнаго сообщенія, или отъ системы, принятой новымъ проектомъ. Раскроемъ новое земское положеніе, во многомъ, безъ сомнѣнія, предрѣшающее городскую реформу,—и мы увидимъ, что и тамъ, въ общемъ перечисленіи функцій земскихъ учрежденій (ст. 2), нѣтъ ни слова о правѣ ходатайства; а между тѣмъ это право закономъ 12-го іюня подтверждено и даже нѣсколько расширено (въ тѣхъ статьяхъ, которыми установляются предметы вѣдомства губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній). Не можетъ быть, дальше, чтобы городская реформа имѣла въ виду стѣснить дѣятельность городского управленія именно въ той области, которая наиболѣе ему близка и свойственна — въ области попеченія о благоустройствѣ и процвѣтаніи города. Всего вѣроятнѣе, поэтому, что компетенція городского управленія останется, въ главныхъ чертахъ, прежняя, а уменьшится только его самостоятельность, какъ уменьшилась самостоятельность земства. Спѣшимъ прибавить, что, употребляя слово: *только*, мы вовсе не хотимъ умалить значеніе ограничиваемаго блага. Напротивъ того, мы считаемъ его въ высшей степени цѣннымъ, и всякую потерю въ этомъ направленіи—весьма прискорбной; но мы говоримъ, пока, не о степени независимости будущаго городского самоуправленія, а исключительно о сферѣ, въ которой ему предназначено обращаться.

„Реформа, — читаемъ мы дальше въ сообщеніи „Московскихъ

Digitized by Google

Вѣдомостей", — касается нынѣшняго состава избирательныхъ собраній, при которомъ весьма затруднителенъ правильный исходъ выборовъ. Возбужденъ также вопросъ объ устраненіи, въ случаѣ малочисленности состава извѣстнаго разряда избирателей, всякаго дѣленія на разряды". Въ другой газетѣ („С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ") мотивы къ измѣненію состава избирательныхъ собраній выражены въ нѣсколько болѣе опредѣленной формѣ: указано, съ одной стороны, на излишнюю многочисленность собраній, съ другой — на то, что „при допущеніи составного избирательнаго ценза, по владѣнію недвижимою собственностью и по торговымъ документамъ, преобладаніе всюду остается за торгово-промышленнымъ классомъ, въ ущербъ высшимъ городскимъ сословіямъ". Намъ кажется, что *многочисленность* избирательныхъ собраній третьяго разряда — недостатокъ гораздо менѣе серьезный, чѣмъ *малочисленность* избирательныхъ собраній второго и въ особенности перваго разряда. Устранить первое неудобство можно мѣрами чисто-формальнаго свойства, упорядочивающими процедуру выборовъ и распредѣляющими избирателей по группамъ, территоріальнымъ или какимъ-либо инымъ. Второе неудобство коренится въ самомъ основаніи избирательной системы и ведетъ къ господству незначительнаго меньшинства, ни въ чемъ, какъ мы уже видѣли, не находящему для себя оправданій. Что касается до преобладанія торгово-промышленнаго класса, то оно едва ли зависитъ отъ „составного ценза"; къ нему ведетъ неизбѣжно самое дѣленіе избирателей на три разряда, по количеству платимыхъ сборовъ. Тяготѣетъ это преобладаніе не столько надъ „высшими городскими сословіями" (въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ „высшимъ сословіемъ" является, почти всегда, именно торгово-промышленный классъ), сколько надъ массой населенія. Едва ли, поэтому, можно ожидать большой пользы отъ пріуроченія избирательнаго права исключительно или преимущественно къ владѣнію недвижимою собственностью, а также отъ такой группировки избирателей, при которой искусственно увеличивалось бы вліяніе „высшихъ городскихъ сословій"... Яркой иллюстраціей существующихъ избирательныхъ порядковъ можетъ служить результатъ городскихъ выборовъ, происходившихъ въ Саратовѣ въ концѣ 1890 и началѣ 1891 года. По первому разряду избрано 18 купцовъ, 4 потомственныхъ почетныхъ гражданина, 5 дворянъ или чиновниковъ; по второму разряду — 15 купцовъ, 3 потомственныхъ почетныхъ гражданина, 6 дворянъ или чиновниковъ, 1 мѣщанинъ; по третьему разряду — 8 купцовъ, 2 потомственныхъ почетныхъ гражданина, 12 мѣщанъ, 2 цеховыхъ [1]). Купцы, такимъ образомъ, со-

[1]) Каждый разрядъ избираетъ, въ Саратовѣ, 24 гласныхъ, но по первому разряду избрано, сверхъ того, три, по второму — одинъ замѣститель, которые, въ перечнѣ „Саратовскаго Дневника", не отдѣлены отъ остальныхъ избранныхъ.

Digitized by Google

ставляютъ рѣшительное большинство, даже если и не причислять къ нимъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ, которые, большею частью, также принадлежатъ къ купеческому классу. На каждомъ изъ первыхъ двухъ разрядовъ ихъ избрано гораздо больше, чѣмъ на третьемъ. Торговцы по профессіи преобладаютъ почти одинаково на всѣхъ разрядахъ (21 на первомъ, 18 на второмъ, 22 на третьемъ); всего ихъ избрано 61. Между остальными избранниками чиновниковъ—8, нотаріусовъ—3, адвокатовъ—3, литераторъ—одинъ. Не слѣдуетъ думать, однако, что главнымъ основаніемъ для избранія столь многихъ торговцевъ послужилъ торгово-промышленный цензъ; мы вполнѣ убѣждены, что громадное ихъ большинство владѣетъ домами и могло бы быть выбрано въ гласные и при допущеніи въ избиратели однихъ домовладѣльцевъ. Какъ бы то ни было, городская дума, на шесть седьмыхъ составленная изъ торговцевъ — явленіе крайне ненормальное, особенно въ такомъ городѣ какъ Саратовъ, гдѣ имѣются судебная палата, окружной судъ, дивизіонный штабъ, значительное число учебныхъ заведеній, множество ремесленниковъ, рабочихъ и мѣщанъ-хлѣбопашцевъ. Единственное объясненіе подобныхъ явленій —вполнѣ неудовлетворительная избирательная система.

Возвращаемся къ сообщеніямъ печати о предположеніяхъ коммиссіи, пересматривающей городовое положеніе. Теперь каждый избиратель можетъ, какъ извѣстно, баллотироваться въ гласные не только въ томъ избирательномъ собраніи, къ которому онъ принадлежитъ, но и въ другихъ. Это право предполагается отмѣнить, на томъ основаніи, что оно „нерѣдко ведетъ къ личной борьбѣ“. Предполагается также уменьшить численный составъ городскихъ думъ, установить нормальные размѣры содержанія должностныхъ лицъ городского общественнаго управленія и опредѣлить отвѣтственность гласныхъ за непосѣщеніе думскихъ засѣданій. О всѣхъ этихъ мѣрахъ мы уже говорили подробно; мы старались доказать, что нѣкоторыя изъ нихъ вредны (въ особенности — ограниченіе избираемости), другія, по меньшей мѣрѣ, безполезны. Проектируемую коммиссіею отвѣтственность членовъ подготовительныхъ и исполнительныхъ коммиссій (за медленное или небрежное исполненіе возлагаемыхъ на нихъ обязанностей) можно признать цѣлесообразной лишь въ томъ случаѣ, если это будетъ исключительно отвѣтственность передъ судомъ. Остальныя предположенія коммиссіи касаются ограниченія совмѣстительства, измѣненія порядка дѣлопроизводства въ губернскомъ по городскимъ дѣламъ присутствіи, запрещенія избирать въ гласные служащихъ по найму въ городской управѣ, установленія опредѣленныхъ сроковъ для думскихъ засѣданій и нѣкоторыхъ другихъ подробностей, не имѣющихъ существеннаго значенія.

Digitized by Google

Выборъ въ гласные служащихъ по найму, равно какъ и совмѣстительство городской и земской службы, составляютъ и теперь рѣдкое исключеніе. Дѣлопроизводитель губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія не имѣетъ никакого вліянія на его рѣшенія. Важно не то, чтобы дума собиралась часто, а то, чтобы ея членамъ была предоставлена возможность подготовиться къ очереднымъ дѣламъ; между тѣмъ обязательной разсылки гласнымъ очередныхъ докладовъ городской управы коммиссія, судя по газетнымъ сообщеніямъ, не предлагаетъ. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что коммиссія, повидимому, оставляетъ въ силѣ соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей предсѣдателя городской думы и предсѣдателя городской управы. Неудобства, обусловливаемыя такимъ соединеніемъ, предусматривались еще во время подготовки городового положенія (коммиссія, его составлявшая, высказалась противъ соединенія); ихъ констатировали сенаторскія ревизіи, ихъ признало меньшинство кахановской коммиссіи— да и большинство этой коммиссіи ихъ не отрицало и полагало сохранить существующій порядокъ лишь еще на нѣкоторое время. Доводы, приводимые обыкновенно защитниками status quo, поражаютъ своею слабостью. Указывается, напримѣръ, на трудность опредѣленія отношеній предсѣдателя думы къ предсѣдателю управы и въ особенности къ правительству; но отчего же никакихъ затрудненій этого рода не возникало и не возникаетъ въ земской сферѣ, гдѣ разъединеніе предсѣдательства въ собраніи и въ управѣ съ самаго начала установлено закономъ и — за рѣдкими и почти всегда неудачными исключеніями [1])—усвоено жизнью? Правда, земское собраніе засѣдаетъ одинъ разъ въ годъ, дума — по одному или даже по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ; но обязанности предсѣдателя собранія, разъ что онъ освобожденъ отъ всякихъ исполнительныхъ функцій, вовсе не такъ сложны, чтобы затруднительно было найти лицо, готовое принять ихъ на себя даже безвозмездно. Опасаются „раздвоенія отвѣтственности“; но и это опасеніе едва ли можно признать основательнымъ. Какъ предсѣдатель думы, такъ и предсѣдатель управы, отвѣчалъ бы, на общемъ основаніи, только за личныя свои дѣйствія, или бездѣйствіе; никакихъ недоразумѣній по этому предмету ожидать нельзя, потому что дѣятельность предсѣдателя собранія не имѣетъ ничего общаго съ дѣятельностью предсѣдателя исполнительной коллегіи. А между тѣмъ соединеніе разнородныхъ обязанностей нежелательно уже потому, что каждая изъ нихъ требуетъ особыхъ свойствъ и условій. Для предсѣдательства въ испол-

[1]) Мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда въ предсѣдатели управы избирается предводитель дворянства. Противъ такого совмѣстительства высказывались не только земскія, но и дворянскія собранія.

Digitized by Google

нительной коллегіи — и, тѣмъ болѣе, для единоличнаго завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ, возможнаго, какъ мы уже знаемъ, въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ,—необходимы, прежде всего, энергія, распорядительность, предпріимчивость, быстрота и рѣшительность дѣйствій. Въ предсѣдателѣ собранія сильное развитіе всѣхъ этихъ качествъ представляется, наоборотъ, вовсе нежелательнымъ; здѣсь они слишкомъ легко обращаются въ орудія гнета, стѣсняющаго свободу мнѣній и фактически уничтожающаго контроль, вездѣ и всегда столь необходимый. Едва ли, напримѣръ, можно сомнѣваться въ томъ, что нынѣшній московскій городской голова былъ бы еще полезнѣе для Москвы, еслибы на немъ не лежало предсѣдательство въ городской думѣ. Прекрасный исполнитель, талантливый иниціаторъ, онъ именно потому слишкомъ чувствителенъ къ противорѣчію, слишкомъ склоненъ къ деспотическому обращенію съ гласными. Руководить, вполнѣ безпристрастно, обсужденіемъ и даже осужденіемъ собственныхъ своихъ дѣйствій — это задача, посильная и осуществимая лишь для весьма и весьма немногихъ. До извѣстной степени это сознается и дѣйствующимъ закономъ, устраняющимъ городского голову отъ предсѣдательства въ думѣ на время разсмотрѣнія ею отчета городской управы. Но развѣ дѣятельность городского головы только въ эти минуты служитъ предметомъ повѣрки со стороны думы? Развѣ она меньше подлежитъ критикѣ при обсужденіи любого предложенія, любого доклада городской управы? Послѣдовательно ли признавать, что городской голова не долженъ занимать перваго мѣста въ думѣ, когда рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ *общаго* отчета управы—и вмѣстѣ съ тѣмъ оставлять за нимъ предсѣдательское кресло, когда разбирается *отдѣльное* распоряженіе управы или самого городского головы? Припомнимъ, напримѣръ, что когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ петербургской городской думѣ возникъ вопросъ о возможности совмѣщенія званія городского головы съ службой въ частныхъ обществахъ, преніями по этому вопросу руководилъ самъ городской голова. Законъ, допускающій такія аномаліи, едва ли можетъ быть оставленъ въ прежней силѣ.

Хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, если вѣрить газетному сообщенію, „призналъ безусловно необходимымъ усилить правительственное вліяніе на городскія дѣла, а также значительно подчинить контролю и власти правительства дѣло народнаго образованія, вѣдаемое городскими управленіями, и дѣло распоряженія городскими имуществами. Въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы сосредоточить контроль по всѣмъ этимъ дѣламъ въ лицѣ одного органа, предполагается учредить при министерствѣ особый городской отдѣлъ, по образцу существующаго земскаго отдѣла. Городской отдѣлъ могъ

Digitized by Google

бы состоять изъ представителей отъ административнаго, финансоваго и другихъ вѣдомствъ и вести отъ себя сношенія съ высшими правительственными учрежденіями по дѣламъ, касающимся народнаго образованія, финансовымъ и инымъ". Какъ отнеслась къ этимъ предположеніямъ департамента коммиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ—газеты не сообщаютъ. Не касаясь общаго вопроса объ „усиленіи правительственнаго вліянія", такъ какъ мы говорили о немъ часто и много при обсужденіи земской реформы, остановимся только на двухъ частныхъ недоумѣніяхъ, возбуждаемыхъ вышеприведеннымъ газетнымъ извѣстіемъ. Если „контроль и власть правительства" въ области городского управленія предположено усилить *вообще*, то на какомъ же основаніи признается необходимымъ позаботиться еще, сверхъ того, особо и спеціально, о подчиненіи этому контролю и этой власти *дѣла народнаго образованія?* Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что объясненіе этому слѣдуетъ искать въ существующихъ кое-гдѣ (напримѣръ, въ Петербургѣ, въ Саратовѣ) городскихъ исполнительныхъ коммиссіяхъ по народному образованію. Хотя эти коммиссіи ни въ чемъ не противорѣчатъ закону (ср. пун. 4 ст. 2 городов. положенія съ пункт. 10 и 11 ст. 55 и ст. 73, 74, 75) и оказываются на практикѣ весьма полезными,—онѣ давно уже не пользуются расположеніемъ учебнаго вѣдомства. Сомнѣніе въ ихъ законности высказывалось представителемъ министерства народнаго просвѣщенія еще въ кахановской коммиссіи; доказывалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимость введенія ихъ дѣятельности въ самые тѣсные предѣлы. Съ тѣхъ поръ признаки антагонизма почти никогда не исчезали, и если въ Петербургѣ, въ прошломъ году, всѣ пререканія между учебнымъ вѣдомствомъ и училищною коммиссіею окончились благополучно (благодаря не реформѣ городового положенія, а перемѣнамъ въ личномъ составѣ управленія округомъ и дирекціей народныхъ училищъ), то въ Саратовѣ, наоборотъ, они привели къ закрытію училищной коммиссіи, на что со стороны думы принесена жалоба Сенату (см. „Саратовскій Дневникъ" 1891 г., № 1). Нельзя не удивляться возможности подобныхъ явленій. Положеніе 25-го мая 1874 г. даетъ учебному вѣдомству такія средства наблюденія за начальными школами, при которыхъ не можетъ быть и рѣчи о независимости ихъ отъ правительственной власти и контроля. Ни одно училище не можетъ быть открыто, ни одинъ учитель не можетъ быть допущенъ къ преподаванію безъ согласія инспекціи; ни одна книга не можетъ проникнуть въ школу, если на то нѣтъ разрѣшенія со стороны министерства народнаго просвѣщенія; программа преподаванія ни въ чемъ не можетъ быть измѣнена ни учителемъ, ни училищной коммиссіей,

Digitized by Google

ни городской думой, ни даже училищнымъ совѣтомъ. Идти еще дальше, ограничивать роль городской думы отпускомъ средствъ на содержаніе школъ, запрещать ей приглашеніе экспертовъ для наблюденія за технической стороной преподаванія — значило бы рисковать уменьшеніемъ интереса городского управленія къ народному образованію и остановкой въ дальнѣйшемъ развитіи дѣла, такъ прекрасно начатаго и давшаго, во многихъ мѣстахъ, такіе блестящіе результаты.

Другое недоумѣніе касается проектируемаго учрежденія, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, особаго *городского отдѣла*, для осуществленія надзора за городскимъ самоуправленіемъ. Если-бы этотъ городской отдѣлъ дѣйствительно предполагалось устроить „по образцу существующаго земскаго отдѣла", то весь вопросъ сводился бы къ тому, нужно ли открывать вновь цѣлый департаментъ, или же можно ограничиться нѣкоторымъ усиленіемъ хозяйственнаго департамента, завѣдующаго теперь городскими дѣлами. Совершенно иначе пришлось бы отнестись къ такому „городскому отдѣлу", который состоялъ бы „изъ представителей отъ административнаго, финансоваго и другихъ вѣдомствъ" и велъ бы отъ себя „сношенія съ высшими правительственными учрежденіями по дѣламъ, касающимся народнаго образованія, финансовымъ и инымъ". Ничего подобнаго въ нынѣшнемъ земскомъ отдѣлѣ мы не видимъ. Земскій отдѣлъ— не что иное, какъ одинъ изъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, ничѣмъ, кромѣ имени, не отличающійся отъ всѣхъ другихъ. Городской отдѣлъ, въ томъ составѣ и съ тѣми функціями, о которыхъ говорится въ газетномъ сообщеніи, былъ бы учрежденіемъ sui generis, гораздо болѣе похожимъ на совѣтъ по желѣзнодорожнымъ или тарифнымъ дѣламъ, чѣмъ на обыкновенный министерскій департаментъ. Неизбѣжной принадлежностью такого учрежденія была бы сравнительно широкая власть, въ силу которой нѣкоторыя функціи, теперь возложенныя на сенатъ или комитетъ министровъ, перешли бы, de jure или de facto, въ руки министра внутреннихъ дѣлъ.

Сходство проектируемаго, будто бы, „городского отдѣла" съ совѣтами по дѣламъ желѣзнодорожнымъ и тарифнымъ напоминаетъ намъ о другомъ проектѣ, обсуждавшемся недавно въ административномъ отдѣленіи петербургскаго юридическаго общества. Авторъ этого проекта (напечатаннаго въ № 12 „Юридической Лѣтописи" за прошлый годъ), профессоръ Н. М. Коркуновъ, высказывается за учрежденіе „совѣта по земскимъ дѣламъ", основываясь на такихъ соображеніяхъ, которыя примѣнимы, въ равной степени, и къ дѣламъ городскимъ, если отношеніе между городами и администраціей будетъ регулировано новымъ закономъ по типу земскаго положенія 12-го

Digitized by Google

іюня 1890 г. Аргументація г. Коркунова, въ главныхъ чертахъ, слѣдующая. Новое земское положеніе, дѣлая комитетъ министровъ рѣшителемъ разногласій между администраціей и земствомъ, возлагаетъ на него такую работу, которая не соотвѣтствуетъ его силамъ. Въ особенности неудобнымъ является съ этой точки зрѣнія отсутствіе въ комитетѣ спеціальныхъ секцій, которыя подготовляли бы рѣшеніе дѣлъ in pleno, подобно тому, какъ по отношенію къ общему собранію государственнаго совѣта оно подготовляется департаментами законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи. Первую попытку къ пополненію этого пробѣла г. Коркуновъ видитъ въ совѣтахъ по желѣзнодорожнымъ и тарифнымъ дѣламъ—учрежденіяхъ „между-министерскихъ", составленныхъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ и различныхъ отраслей промышленности. Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ на этомъ пути было бы, по мнѣнію г. Коркунова, образованіе совѣта по земскимъ дѣламъ, который числился бы при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и состоялъ бы, подъ предсѣдательствомъ министра, изъ двухъ товарищей его, двухъ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, членовъ (по одному) отъ министерствъ финансовъ, государственныхъ имуществъ, юстиціи, путей сообщенія, народнаго просвѣщенія и отъ государственнаго контроля и, наконецъ, изъ представителей самихъ земствъ. „Въ совѣтѣ по тарифнымъ дѣламъ,—говоритъ авторъ проекта, —число представителей (различныхъ видовъ промышленности) равно числу другихъ членовъ, если не считать предсѣдателя. Примѣняя то же начало и здѣсь, получимъ десять представителей отъ земства. Какимъ порядкомъ ихъ назначать? Представители отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ избираются самими желѣзнодорожниками. Земскіе дѣятели, разумѣется, не меньше заслуживаютъ довѣрія. Десять представителей отъ земства могли бы избираться губернскими земскими собраніями, при чемъ двое изъ нихъ всегда бы избирались отъ петербургскаго и московскаго земства, а восемь остальныхъ—отъ различныхъ земствъ, по очереди, опредѣляемой хотя бы министромъ внутреннихъ дѣлъ. Тридцать двѣ губерніи, не получающія постояннаго представительства, могли бы быть раздѣлены на восемь группъ, сообразно сходству мѣстныхъ условій, такъ чтобы каждая группа имѣла всегда своего представителя въ совѣтѣ. Представители отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ избираются на годъ. Для представителей отъ мѣстныхъ земствъ пришлось бы срокъ этотъ удлиннить, уравнявъ его съ срокомъ земскихъ выборовъ. Составленный такимъ образомъ совѣтъ по земскимъ дѣламъ представлялъ бы всѣ условія для обстоятельнаго и всесторонняго обсужденія возникающихъ сомнѣній въ цѣлесообразности постановленій земскихъ собраній. Всѣ

Digitized by Google

могущіе быть затронутыми при этомъ интересы имѣли бы въ немъ своихъ представителей и, что особенно важно, въ немъ были бы и люди, близко знакомые съ разнообразными мѣстными условіями различныхъ областей нашего отечества. Естественной склонности бюрократіи все подгонять подъ одинъ общій шаблонъ былъ бы этимъ созданъ должный противовѣсъ. Рѣшенія совѣта по земскимъ дѣламъ признавались бы окончательными лишь подъ условіемъ согласія съ ними министра внутреннихъ дѣлъ и начальниковъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ, имѣющихъ въ немъ своихъ представителей. Въ противномъ случаѣ дѣло переходило бы въ комитетъ министровъ. При такихъ условіяхъ надзоръ комитета за цѣлесообразностью земскихъ постановленій получилъ бы гораздо большее практическое значеніе. Комитетъ могъ бы тогда отнестись къ этому дѣлу болѣе сознательно и съ бо́льшимъ вниманіемъ, такъ какъ задача его была бы значительно облегчена. Съ учрежденіемъ совѣта по земскимъ дѣламъ, во-первыхъ, значительно сократилось бы число дѣлъ, поступающихъ въ комитетъ. Во-вторыхъ, тѣ немногія дѣла, которыя доходили бы до него, поступали бы туда послѣ предварительной всесторонней и детальной разработки, съ вполнѣ опредѣлившейся формулировкой спорнаго вопроса".

Признавая, вмѣстѣ съ г. Коркуновымъ, что задача, возлагаемая новымъ земскимъ положеніемъ на комитетъ министровъ, едва ли окажется ему по силамъ (въ особенности если къ ней присоединится аналогичная задача по отношенію къ городскому управленію), мы никакъ не можемъ согласиться съ предлагаемымъ выходомъ изъ затрудненія, съ положительною стороною изложеннаго нами проекта. Прежде, чѣмъ представить наши возраженія, посмотримъ, какъ отнеслась къ мысли г. Коркунова реакціонная пресса. Въ № 356 „Московскихъ Вѣдомостей" появилась статья, подписанная: „Земскій избиратель", и прямо направленная противъ совѣта по земскимъ дѣламъ [1]). Исходя изъ убѣжденія въ солидарности земскихъ и общегосударственныхъ интересовъ, сотрудникъ московской газеты считаетъ излишнимъ привлекать земскихъ дѣятелей къ участію въ обсужденіи пререканій между администраціей и земствомъ. Уяснить себѣ вполнѣ мотивы спорнаго земскаго постановленія министерство внутреннихъ дѣлъ можетъ путемъ непосредственныхъ сношеній съ подлежащимъ земствомъ. Представительство *десяти*, по отношенію къ земству всей Россіи, было бы только преміей въ пользу отдѣль-

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что въ засѣданіи юридическаго общества проектъ г. Коркунова встрѣтилъ не „чрезвычайное сочувствіе", какъ полагаетъ авторъ разбираемой нами статьи, а, наоборотъ, всеобщія возраженія (см. „Юридическую Лѣтопись" 1891 г., № 1).

Digitized by Google

ныхъ лицъ на поѣздку въ столицу, къ министерскимъ центрамъ. Участіе земскихъ представителей въ центральномъ органѣ по дѣламъ земства было бы вредно для самого земства, потому что „перенесло бы центръ мѣстнаго контроля отъ нашего очага, изъ нашихъ собственныхъ рукъ, вдаль отъ насъ и къ непринадлежащимъ нашей мѣстности лицамъ". Совѣту по земскимъ дѣламъ, проектируемому г. Коркуновымъ, могутъ, поэтому, симпатизировать только земскіе „идеалисты", вздыхающіе о недостающемъ вѣнцѣ зданія. Облегчить работу комитета министровъ „земскій избиратель" предлагаетъ инымъ путемъ, менѣе сложнымъ: перенесеніемъ на обсужденіе комитета только тѣхъ пререканій между администраціей и земствомъ, по которымъ не состоится соглашенія между министромъ внутреннихъ дѣлъ и... его совѣтомъ! „Было бы нелогично предполагать,—говоритъ „земскій избиратель",—что члены совѣта министра *не будутъ имѣть свое сужденіе имѣть*, а члены земскаго совѣта—будутъ, такъ какъ часть ихъ не принадлежитъ къ тому же вѣдомству. Люди молчалинскаго покроя всегда поставятъ поверхъ всякихъ сужденій—*какъ прикажете*, какому бы постороннему вѣдомству ни принадлежали; люди съ гражданскими убѣжденіями всегда скажутъ свое мнѣніе, какъ бы дорого имъ это ни стоило".

Конечно, въ сравненіи съ такими взглядами—но *только* въ сравненіи съ ними—можетъ показаться „симпатичнымъ" даже проектъ г. Коркунова. Предложеніе „земскаго избирателя" сводится, въ сущности, къ тому, чего домогался первый, составленный еще гр. Д. А. Толстымъ, проектъ земской реформы: къ разрѣшенію всѣхъ пререканій между администраціей и земствомъ *единоличною властью* министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ исходъ, уже слишкомъ простой, не былъ принятъ при изданіи новаго закона, но не перестаетъ, какъ видно, составлять любимую мечту прямолинейныхъ приверженцевъ административнаго всевластія. Въ самомъ дѣлѣ, признать достаточнымъ, для окончательнаго рѣшенія, единодушіе между министромъ и совѣщательной коллегіей, имъ назначаемой, ему подчиненной и отъ него вполнѣ зависимой—значило бы, de facto, изъять всю или почти всю массу спорныхъ земскихъ дѣлъ изъ вѣденія комитета министровъ. Признавая крайне невѣроятнымъ разногласіе между министромъ и большинствомъ его совѣта, мы далеки отъ мысли, чтобы члены совѣта придерживались „молчалинскихъ" тенденцій; мы думаемъ только, основываясь на всѣмъ извѣстныхъ данныхъ, что высшіе чины министерства, за рѣдкими исключеніями, раздѣляютъ воззрѣнія министра и не привыкли идти въ разрѣзъ съ его желаніями. Не слѣдуетъ забывать, что многіе изъ числа членовъ совѣта занимали прежде губернаторскія мѣста или другіе администра-

Digitized by Google

тивные посты, пріучившіе ихъ цѣнить выше всего авторитетъ администраціи и поддерживать, во имя неприкосновенности этого авторитета, даже не совсѣмъ правильныя административныя распоряженія. Съ точки зрѣнія безпристрастія, преимущество надъ совѣтомъ министра внутреннихъ дѣлъ слѣдовало бы признать даже за „междуминистерскимъ" учрежденіемъ въ родѣ „городского отдѣла", о которомъ мы говорили выше—а тѣмъ болѣе за совѣтомъ по земскимъ дѣламъ, устроеннымъ по плану г. Коркунова.

До крайности слабы доводы, приводимые „земскимъ избирателемъ" противъ участія земскихъ представителей въ центральномъ органѣ по дѣламъ земскимъ. Онъ указываетъ на перенесеніе контроля надъ земствомъ „въ даль" и въ чужія руки, какъ на нѣчто связанное съ участіемъ земцевъ въ центральномъ органѣ по дѣламъ земскимъ. На самомъ дѣлѣ, перенесеніе „въ даль" происходитъ совершенно независимо отъ состава центральнаго органа—а чужими, по отношенію къ данному земству, представители другихъ земствъ являются, во всякомъ случаѣ, меньше, чѣмъ представители администраціи. Безспорно, между *интересами* земскими и общегосударственными нѣтъ и не можетъ быть внутренняго противорѣчія; но оно можетъ быть, и бываетъ, между земскими и административными *взглядами* на эти интересы. Администрація дѣйствуетъ, сплошь и рядомъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ временныхъ теченій, требованія которыхъ разсматриваются какъ требованія государственной или общественной пользы, далеко, въ сущности, съ ними не совпадая. Противовѣсъ такимъ теченіямъ былъ бы весьма желателенъ, лишь бы только обладалъ достаточною устойчивостью и силой. Вотъ этого-то условія мы и не находимъ въ проектѣ г. Коркунова. Возьмемъ самое благопріятное предположеніе: допустимъ, что представители, избранные земскими собраніями, могли бы вступать въ совѣтъ по земскимъ дѣламъ безъ предварительнаго утвержденія со стороны министра внутреннихъ дѣлъ [1]). Составляя меньшинство въ совѣтѣ, они были бы совершенно безсильны каждый разъ, когда между представителями администраціи установился бы однообразный взглядъ

[1]) Въ первоначальномъ докладѣ г. Коркунова объ утвержденіи или неутвержденіи земскихъ членовъ совѣта не говорилось вовсе. Во время преній докладчикъ заявилъ, что утвержденіе земскихъ членовъ не представлялось бы необходимымъ; но если бы оно и было установлено закономъ, земскіе представители все-таки являлись бы земскими людьми, а не чиновниками. Это послѣднее мнѣніе можетъ быть принято только съ большими оговорками. Отказомъ въ утвержденіи нетрудно было бы достигнуть, въ концѣ концовъ, выбора лицъ не столько самостоятельныхъ, сколько „удобныхъ". На характеръ избранія вліяла бы весьма сильно уже одна *возможность* неутвержденія, всегда непріятнаго для избирателей.

Digitized by Google

на дѣло. А это случалось бы весьма часто. Для большинства административныхъ вѣдомствъ, перечисленныхъ г. Коркуновымъ, земскіе вопросы не представляютъ большого интереса; они затрогиваютъ за живое только министерство внутреннихъ дѣлъ, на долю котораго уже по этому одному выпало бы подавляющее вліяніе въ совѣтѣ по земскимъ дѣламъ. Усиленію этого вліянія способствовало бы, безъ сомнѣнія, и то обстоятельство, что министерство внутреннихъ дѣлъ было бы представлено въ совѣтѣ *пятью* членами, къ числу которыхъ принадлежали бы министръ и два его товарища. Значительно бо́льшая часть тѣхъ дѣлъ, которыя, по закону 12-го іюня 1890 г., должны поступать въ комитетъ министровъ, заканчивались бы, такимъ образомъ, въ совѣтѣ по земскимъ дѣламъ— другими словами, разрѣшались бы, въ сущности, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. По справедливому замѣчанію одного изъ оппонентовъ г. Коркунова (М. И. Свѣшникова), комитетъ министровъ составленъ исключительно изъ лицъ, занимающихъ равное съ министромъ внутреннихъ дѣлъ положеніе, не стоящихъ къ нему въ отношеніяхъ подчиненности. Совсѣмъ не то—члены совѣта по земскимъ дѣламъ; по своему служебному положенію они стояли бы гораздо ниже министра внутреннихъ дѣлъ и были бы угнетаемы его авторитетомъ. Возражая на это замѣчаніе, г. Коркуновъ указалъ на право каждаго министра остановить исполненіе постановленія совѣта по желѣзнодорожнымъ или тарифнымъ дѣламъ, состоявшагося вопреки мнѣнію представителя даннаго министерства. То же самое право принадлежало бы министрамъ и по отношенію къ постановленіямъ совѣта по земскимъ дѣламъ. Если представители всѣхъ административныхъ вѣдомствъ держатся одного мнѣнія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то и министры, слѣдовательно, раздѣляютъ это мнѣніе, а при такомъ условіи представленіе министра внутреннихъ дѣлъ и въ комитетѣ министровъ было бы принято рѣшительнымъ большинствомъ. По мнѣнію г. Коркунова, разногласіе между министрами, обнаружившееся при обсужденіи дѣла въ земскомъ совѣтѣ, служило бы залогомъ всесторонняго разсмотрѣнія дѣла въ комитетѣ министровъ. „Комитетъ министровъ,—говоритъ г. Коркуновъ,—естественно склоненъ поддерживать представленія министровъ. Нужны какія-нибудь особыя условія, чтобы вызвать въ комитетѣ противодѣйствіе министерскому предложенію. Другое дѣло, когда разрѣшенію комитета представляется уже выяснившееся разногласіе двухъ или нѣсколькихъ министровъ. Тутъ естественная склонность каждаго министра не вмѣшиваться въ дѣла другого, чтобы не вызвать вмѣшательства его въ свои дѣла, не можетъ вліять на рѣшеніе дѣла. Съ мнѣніемъ того или другого министра придется все-таки комитету не согласиться, и потому, конечно, принятое имъ

Digitized by Google

рѣшеніе должно будетъ опредѣлиться самымъ существомъ дѣла". Въ этой аргументаціи есть, прежде всего, одна капитальная погрѣшность. Фактъ согласія всѣхъ административныхъ членовъ земскаго совѣта съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ нисколько не доказываетъ еще того, что такое же согласіе установилось бы между министрами и при разсмотрѣніи вопроса прямо въ комитетѣ министровъ. Большая разница—выслушать докладъ своего подчиненнаго, всецѣло проникнутый взглядомъ, восторжествовавшимъ въ земскомъ совѣтѣ, или присутствовать лично при обсужденіи дѣла въ комитетѣ министровъ. Въ первомъ случаѣ весьма легко могутъ остаться въ тѣни такія обстоятельства, которыя ярко выступили бы на свѣтъ при болѣе полномъ и болѣе непосредственномъ знакомствѣ съ дѣломъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ комитетѣ министровъ засѣдаютъ и такія лица, къ которымъ вовсе не примѣнимы соображенія г. Коркунова о наклонности къ взаимной поддержкѣ. Мы имѣемъ въ виду предсѣдателя комитета министровъ и предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта, стоящихъ въ сторонѣ отъ активной политики, а слѣдовательно—и отъ административныхъ увлеченій. Невознаградимой потерей для земскаго дѣла было бы устраненіе этихъ лицъ отъ участія въ разрѣшеніи цѣлаго ряда вопросовъ, спорныхъ между администраціей и земствомъ. Правда, министрамъ принадлежитъ въ комитетѣ большинство голосовъ; но вѣдь это большинство нельзя же считать чѣмъ-то недѣлимымъ или неразъединимымъ, безусловно нечувствительнымъ къ доводамъ меньшинства. Самъ г. Коркуновъ допускаетъ возможность несогласія одного или нѣсколькихъ министровъ съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, высказаннымъ въ совѣтѣ по земскимъ дѣламъ; гдѣ же причина думать, что съ тѣмъ же мнѣніемъ, высказаннымъ въ комитетѣ министровъ, непремѣнно согласятся всѣ министры?.. Чтобы обезпечить всестороннюю разработку земскаго дѣла въ комитетѣ министровъ, весьма полезно было бы, конечно, провести его, предварительно, черезъ „спеціальную секцію"; но такая секція могла бы быть учреждена въ составѣ самого комитета министровъ, по образцу департаментовъ государственнаго совѣта. Для этого понадобилось бы, быть можетъ, увеличеніе числа членовъ комитета, не занимающихъ министерскаго поста; но такое увеличеніе, по справедливому замѣчанію г. Коркунова, желательно и по многимъ другимъ основаніямъ и нисколько не противорѣчитъ характеру и организаціи учрежденія. Замѣтимъ, въ заключеніе, что противъ проекта г. Коркунова говоритъ еще одно существенно-важное соображеніе, указанное въ засѣданіи юридическаго общества. Роль представителей отъ земства въ совѣтѣ по земскимъ дѣламъ была бы, по всей вѣроятности, весьма мало вліятельная,

Digitized by Google

можетъ быть, даже не совсѣмъ независимая; между тѣмъ присутствіе ихъ въ совѣтѣ давало бы поводъ утверждать, что въ рѣшеніи земскихъ вопросовъ принимаютъ участіе сами земцы. Фикція получила бы видъ дѣйствительности; въ защиту существующаго порядка можно было бы приводить аргументъ, ничтожный по существу, но не лишенный внѣшней, обманчивой силы.

Находя, что способъ разрѣшенія спорныхъ земскихъ вопросовъ, установленный закономъ 12-го іюня 1890 г., имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ способомъ, проектируемымъ г. Коркуновымъ, мы, конечно, далеки отъ мысли, чтобы первый изъ этихъ двухъ способовъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Мы продолжаемъ думать, что правительственный надзоръ не только за законностью, но и за цѣлесообразностью земскихъ постановленій могъ бы быть сосредоточенъ съ наибольшей пользой въ рукахъ сената. Къ этому положенію мы еще возвратимся, тѣмъ болѣе, что оно находится въ тѣсной связи съ нѣкоторыми другими, весьма интересными вопросами, возбужденными г. Коркуновымъ относительно значенія и задачъ комитета министровъ.

9-го числа минувшаго января въ Москвѣ произошло событіе, о которомъ поспѣшили сообщить urbi et orbi „Московскія Вѣдомости“ (№ 10). Въ московскомъ уѣздномъ съѣздѣ состоялся въ этотъ день, „впервые со времени введенія въ московской губерніи положенія о земскихъ начальникахъ и уѣздныхъ съѣздахъ, судебный приговоръ, которымъ девять человѣкъ крестьянъ изъ дурыкинской волости московскаго уѣзда приговорены *къ тѣлесному наказанію* (курсивъ въ подлинникѣ), въ отмѣну другого, болѣе легкаго наказанія. Самое дѣло не сложно, но характеризуетъ тѣ порядки подмосковной сельской жизни, которыми вызываются такіе приговоры. Въ деревнѣ Матушкиной, дурыкинской волости, крестьяне собрались на сходъ, не имѣвшій законнаго характера, такъ какъ не было сельскаго старосты, и продали общественный „лапникъ“ (сосновыя и еловыя вѣтви, идущія, между прочимъ, для обстановки дорогъ). Послѣ продажи и „мірской выпивки“, девять крестьянъ, желая еще выпить, но не имѣя денегъ, отправились къ избѣ одного изъ своихъ односельцевъ. Вызвавъ его и придираясь, что онъ самовольно скосилъ общественную осоку, они стали требовать съ него денегъ на выпивку въ видѣ удовлетворенія за осоку. Тотъ, отрицая, что эта осока общественная, и указывая, что онъ купилъ ее у другого крестьянина, давать денегъ пришедшимъ девяти человѣкамъ не пожелалъ, и они бросились его бить. На крики его выбѣжала жена со словами: „Бога вы не боитесь, міроѣды!“ Тѣ, находя, что и она бунтуетъ „противъ міра“, стали бить и ее, разорвали

Digitized by Google

на ней сорочку, таскали ее за волосы. Избивъ обоихъ, они забрали осоку на возъ, продали затѣмъ ее за 1 рубль 60 коп. и деньги пропили. При разбирательствѣ дѣла въ дурыкинскомъ волостномъ судѣ, всѣ девять крестьянъ приговорены были къ *выговору въ присутствіи волостного суда*. Мѣстный земскій начальникъ В. Н. Мартыновъ, разсматривая этотъ приговоръ, не согласился съ нимъ, и дѣло перешло во вторую инстанцію—уѣздный съѣздъ. При разсмотрѣніи этого дѣла, предсѣдалъ въ уѣздномъ съѣздѣ уѣздный предводитель дворянства, князь П. Н. Трубецкой; въ составѣ съѣзда были: уѣздный членъ окружного суда г. Григорьевъ, почетные мировые судьи: графъ Ланской и князь Голицынъ, и всѣ земскіе начальники уѣзда. По разсмотрѣніи дѣла, причемъ допрашивались всѣ участвующія въ немъ лица и въ числѣ ихъ свидѣтель крестьянинъ, которымъ дѣйствительно, какъ онъ удостовѣрилъ, была продана потерпѣвшему осока, уѣздный съѣздъ, отмѣнивъ приговоръ волостного суда, постановилъ подвергнуть всѣхъ 9 человѣкъ подсудимыхъ тѣлесному наказанію: зачинщика 15 ударамъ, а прочихъ 8 человѣкъ 10 ударамъ; въ томъ же случаѣ, если среди нихъ окажутся лица, изъятыя по закону отъ тѣлеснаго наказанія (одно изъ основаній для этого—возрастъ свыше 70 лѣтъ), подвергнуть ихъ *строгому аресту* по разсчету одного дня ареста за ударъ розгъ, то-есть на 15 и 10 дней".

Мы привели in extenso всю замѣтку „Московскихъ Вѣдомостей", не только потому, что она характеристична своимъ торжествующимъ тономъ, своимъ стремленіемъ увѣковѣчить имена участниковъ достопамятнаго приговора, но и потому, что она возбуждаетъ нѣсколько весьма важныхъ юридическихъ вопросовъ. На основаніи ст. 20 временныхъ правилъ 12-го іюля 1889 г. о волостномъ судѣ, земскій начальникъ, въ случаѣ постановленія волостнымъ судомъ рѣшенія по дѣлу о проступкѣ, нарушающаго предѣлы его власти *ими же явно неправосудно*, останавливаетъ исполненіе рѣшенія и представляетъ оное уѣздному съѣзду, хотя бы и не было въ виду жалобы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Пятая глава тѣхъ же правилъ озаглавлена: *наказанія, налагаемыя волостнымъ судомъ*. Въ составъ этой главы входятъ статьи 33, 36, 37 и 38. Пунктомъ 4-мъ ст. 33 тѣлесное наказаніе отнесено къ числу каръ, которыя „волостной судъ назначаетъ за подсудные ему проступки". Статья 36-я перечисляетъ проступки, за которые волостной судъ *можетъ*, при обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину, назначить тѣлесное наказаніе, если признаетъ необходимымъ подвергнуть виновнаго *именно этому наказанію*. Ст. 37-я имѣетъ въ виду тѣ случаи, въ которыхъ тѣлесное наказаніе *можетъ быть* опредѣлено лишь при повтореніи или совокупности проступковъ, а ст. 38-я—тѣ преступленія, за которыя назначается,

Digitized by Google

смотря по обстоятельствамъ дѣла, или тѣлесное наказаніе, *или* арестъ, *или* и то, и другое. Какъ квалифицированъ уѣзднымъ съѣздомъ, въ данномъ случаѣ, проступокъ подсудимыхъ—это изъ замѣтки московской газеты не видно; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ немъ усмотрѣно либо буйство, либо самоуправство, либо оскорбленіе дѣйствіемъ. Признаковъ какого-либо другого дѣянія, могущаго повлечь за собою тѣлесное наказаніе, проступокъ подсудимыхъ въ себѣ не заключаетъ [1]). За буйство, самоуправство и оскорбленіе дѣйствіемъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 38, 134, 135, 143), опредѣляетъ наказаніе не выше ареста—а вмѣсто ареста волостной судъ, за силою ст. 34 временныхъ правилъ, можетъ назначать выговоръ въ присутствіи суда. Если все сказанное нами до сихъ поръ фактически вѣрно—а въ этомъ едва ли можно сомнѣваться,—то въ приговорѣ волостного суда, отмѣненномъ, по представленію земскаго начальника, уѣзднымъ съѣздомъ, не было ничего похожаго на *неправосудіе*. Опредѣленіе неправосудія мы находимъ въ ст. 366—369 уложенія о наказаніяхъ. Неправосуднымъ, по смыслу этихъ статей, можетъ быть признано только такое рѣшеніе, которое постановлено *съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки положительному оныхъ смыслу*. Въ частности неправосудіемъ признается назначеніе наказанія ниже того рода, который за данную вину опредѣленъ закономъ, или назначеніе наказанія хотя и того же рода, но выше или ниже той степени или мѣры онаго, которая долженствовала быть опредѣлена *по точному содержанію законовъ*. Дурыкинскій волостной судъ не допустилъ ничего подобнаго; онъ примѣнилъ къ винѣ подсудимыхъ такой родъ наказанія, который, для проступковъ данной категоріи, прямо установленъ закономъ. Когда выборъ между нѣсколькими видами наказанія предоставленъ усмотрѣнію суда (какъ это сдѣлано временными правилами 1889 г. по отношенію къ буйству, самоуправству и оскорбленію дѣйствіемъ), то этотъ выборъ можетъ быть болѣе или менѣе удачнымъ, болѣе или менѣе разсудительнымъ, слишкомъ снисходительнымъ или слишкомъ строгимъ; *неправосуднымъ*, а тѣмъ болѣе *явно неправосуднымъ* онъ быть не можетъ. Разсматривая дѣло во всемъ его объемѣ, по жалобѣ обвинителя или подсудимаго, высшая судебная инстанція въ правѣ измѣнить этотъ выборъ, замѣнить одно изъ наказаній, допускаемыхъ закономъ, другимъ, точно такъ же основаннымъ на законѣ [2]). Совсѣмъ

[1]) Захватъ осоки не можетъ считаться ни *кражей*—потому что онъ совершенъ открыто, ни *присвоеніемъ чужого имущества*—потому что осока перешла въ руки подсудимыхъ не по доброй волѣ ея владѣльца.

[2]) Изъ этого общаго правила могутъ быть исключенія; съ однимъ изъ нихъ мы встрѣтимся ниже.

Digitized by Google

инымъ представляется ея положеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда ей предстоитъ только опредѣлить, есть ли на-лицо *явное неправосудіе*, и если есть—устранить его послѣдствія. Фактическое несоотвѣтствіе между виною и наказаніемъ, это—нѣчто относительное, субъективное, признаваемое одними, отрицаемое другими. Пока оно остается въ предѣлахъ закона, не противорѣча *точному его содержанію и положительному его смыслу*, оно не можетъ быть разсматриваемо ни какъ неправосудіе, ни даже какъ простое нарушеніе закона. Въ случаѣ, насъ занимающемъ, земскій начальникъ, по буквѣ и духу ст. 20 временныхъ правилъ, не имѣлъ законнаго основанія представлять приговоръ волостного суда, proprio motu, на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда, а слѣдовательно, и съѣздъ не имѣлъ законнаго основанія отмѣнять приговоръ и присуждать подсудимыхъ къ тѣлесному наказанію.

Изъ соображеній, нами изложенныхъ, вытекаетъ еще другое, болѣе общее заключеніе. Мы полагаемъ, что если волостной судъ не присудилъ обвиняемыхъ къ тѣлесному наказанію, то они *ни въ какомъ случаѣ* не могутъ быть присуждены къ нему уѣзднымъ съѣздомъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли между проступками, подсудными волостному суду, хоть одинъ, за который *обязательно* было бы присуждать виновнаго къ тѣлесному наказанію? Нѣтъ, такого проступка не существуетъ. Въ чемъ бы ни обвинялся подсудимый, онъ только *можетъ*, но не *долженъ* быть присужденъ къ тѣлесному наказанію; назначеніе послѣдняго всегда составляетъ только *право*, а не *обязанность* волостного суда, и не-назначеніе его *никогда*, слѣдовательно, не можетъ быть разсматриваемо какъ неправосудіе, дающее земскому начальнику законный поводъ къ перенесенію дѣла въ уѣздный съѣздъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною перехода дѣла въ съѣздъ является жалоба обвинителя (по ст. 30 и 31 временныхъ правилъ), взысканіе, назначенное волостнымъ судомъ (денежный штрафъ, выговоръ, арестъ простой или строгій), не можетъ быть, по нашему мнѣнію, замѣнено тѣлеснымъ наказаніемъ—и вотъ почему. До послѣдней судебно-административной реформы тѣлесное наказаніе за маловажные проступки могло быть опредѣляемо только судомъ сословно-крестьянскимъ. За этимъ же судомъ право присуждать къ тѣлесному наказанію удержано и узаконеніями 12-го іюля 1889 г., съ предоставленіемъ ему, какъ мы уже видѣли, права выбора между розгами и другими карательными мѣрами. Законодатель сознавалъ, очевидно, что во многихъ случаяхъ, предусмотрѣть и заранѣе предопредѣлить которые не представляется возможности, тѣлесное наказаніе было бы карой безусловно нецѣлесообразной, не подходящей ни къ характеру проступка, ни къ личнымъ свойствамъ обвиняемаго, ни къ степени

Digitized by Google

умственнаго и нравственнаго его развитія. Отсюда широкій просторъ, предоставленный волостному суду, какъ учрежденію, наиболѣе близкому къ крестьянамъ и всего лучше знающему каждое изъ нихъ. Въ иномъ положеніи находятся земскій начальникъ и уѣздный съѣздъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они могутъ судить о личности обвиняемаго только по даннымъ, имѣющимся въ дѣлѣ, или по отзывамъ и слухамъ, болѣе или менѣе неопредѣленнымъ. Правильный выборъ подходящей формы наказанія затрудняется этимъ чрезвычайно; возможность ошибокъ, иногда весьма серьезныхъ, усиливается въ прямой пропорціи къ отдаленности суда отъ мѣста совершенія проступка. Исходя отъ людей, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, приговоръ, присуждающій къ розгамъ, имѣетъ, притомъ, совершенно другое значеніе, а не то—когда онъ произнесенъ самими крестьянами. Довольно уже и того, что общія судебно-административныя учрежденія облечены правомъ утверждать подобные приговоры; крайне нежелательно, чтобы къ *утвержденію* присоединилось еще и *постановленіе*. Рѣшеніе московскаго уѣзднаго съѣзда по дѣлу матушкинскихъ крестьянъ кажется намъ неправильнымъ не только съ юридической, но и съ практической, житейской точки зрѣнія... Тяжелое впечатлѣніе, имъ производимое, усиливается еще двумя обстоятельствами. Къ тѣлесному наказанію присуждено *девять* крестьянъ, которые, по всей вѣроятности, всѣ—домохозяева, отцы семействъ (думаемъ такъ потому, что непосредственно передъ совершеніемъ проступка всѣ обвиняемые участвовали въ сельскомъ сходѣ). Что должно будетъ испытать сельское общество при вѣсти объ одновременномъ тѣлесномъ наказаніи столь значительнаго числа полноправныхъ общественниковъ—это не трудно себѣ представить. При такомъ отношеніи къ розгамъ, какое выразилось въ рѣшеніи съѣзда, въ московскомъ уѣздѣ скоро будутъ встрѣчаться цѣлыя деревни, въ которыхъ всѣ или почти всѣ взрослые мужчины окажутся наказанными тѣлесно, и не легко будетъ найти неопороченныхъ людей для занятія сельскихъ общественныхъ должностей... Вторая особенность рѣшенія заключается въ томъ, что съѣздъ не потрудился самъ привести въ извѣстность, нѣтъ ли между обвиняемыми лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и возложилъ выясненіе этого важнаго вопроса на исполнителя рѣшенія, т.-е. на волостного старшину.

Читатели припомнятъ, быть можетъ, разсказанный нами въ предъидущемъ обозрѣніи фактъ нарушенія волостнымъ судомъ, по требованію земскаго начальника, основныхъ правилъ о подсудности (принятіемъ къ своему разсмотрѣнію проступка, совершеннаго въ чертѣ города). Достовѣрность этого факта подтверждена теперь корреспонденціею „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 3), съ указаніемъ и самаго мѣста

Digitized by Google

происшествія (Курскъ). Когда волостной судъ—читаемъ мы въ корреспонденціи—„приговорилъ крестьянина къ двадцати ударамъ розогъ, волостной старшина куда-то отлучился, но земскій начальникъ самъ распорядился немедленнымъ приведеніемъ приговора въ исполненіе. Послѣ этого наказанный крестьянинъ подалъ двѣ жалобы: одну, кассаціонную, въ уѣздный съѣздъ, другую, на дѣйствія земскаго начальника, въ губернское присутствіе. Уѣздный съѣздъ, признавая, что по мѣсту совершенія проступка дѣло подлежало разбору не на волостномъ судѣ, а у городского судьи, все-таки нашелъ, что, въ виду особыхъ обстоятельствъ, требовалась быстрота распоряженія и оставилъ кассаціонную жалобу безъ послѣдствій; при этомъ нѣкоторые члены съѣзда остались при особомъ мнѣніи. Что касается до губернскаго присутствія, то оно, тоже признавая наличность особыхъ условій, объясняющихъ дѣйствія земскаго начальника, постановило сдѣлать ему замѣчаніе за приведеніе въ исполненіе приговора до истеченія законнаго срока. И въ губернскомъ присутствіи часть членовъ осталась при особомъ мнѣніи. Это дѣло, случившееся подъ самымъ Курскомъ и притомъ вызвавшее какъ въ уѣздномъ съѣздѣ, такъ и въ губернскомъ присутствіи разногласія прямо съ юридической стороны, возбудило, конечно, не мало толковъ"... Мы отказываемся понять, какимъ образомъ явное, несомнѣнное нарушеніе закона, признаваемое самими высшими инстанціями, могло остаться неотмѣненнымъ, а виновникъ его — почти безнаказаннымъ. „Особыя обстоятельства", требующія „быстраго распоряженія", служатъ, иногда, оправданіемъ для власти административной; но мы никогда не слыхали, чтобы они могли быть принимаемы въ разсчетъ властью судебной, какою является волостной судъ и контролирующій его земскій начальникъ. Въ чемъ заключались, притомъ, „особыя обстоятельства" даннаго дѣла? Исключительно въ томъ, что пьяный крестьянинъ поругался съ кучеромъ земскаго начальника и не переставалъ браниться, когда земскій начальникъ (котораго онъ, очевидно, не зналъ) приказалъ ему замолчать. Неужели обыкновенныя мѣры правосудія оказались бы недостаточными для репрессіи такого проступка? Кому и чему угрожало нѣкоторое промедленіе, сопряженное съ передачей дѣла городскому судьѣ? Чѣмъ вызывалось, наконецъ, противозаконное уже и само по себѣ приведеніе въ дѣйствіе противозаконнаго приговора, до истеченія срока на его обжалованіе? Правило объ исполненіи такихъ лишь приговоровъ, которые вступили въ законную силу (ст. 29 временныхъ правилъ 12-го іюля 1889 г.), совершенно абсолютно, и не допускаетъ рѣшительно никакихъ исключеній. Если губернское присутствіе, по большинству голосовъ, нашло возможнымъ сдѣлать земскому начальнику только *замѣчаніе*,

Digitized by Google

то это значитъ, что оно примѣнило къ его дѣйствіямъ ст. 343 уложенія о наказаніяхъ. Эта статья предусматриваетъ такое превышеніе власти, послѣдствія котораго не были и не могли быть важны, если, притомъ, вина должностного лица уменьшается сопровождавшими оную обстоятельствами. Какія обстоятельства сопровождали, въ данномъ случаѣ, распоряженіе земскаго начальника—это мы уже знаемъ; замѣтимъ только, что совокупность проступковъ (приказаніе волостному суду разсмотрѣть неподсудное ему дѣло – и приведеніе въ исполненіе, даже помимо волостного старшины, рѣшенія, не вошедшаго въ законную силу) никогда и нигдѣ не разсматривается какъ обстоятельство, уменьшающее вину. Что касается до послѣдствій превышенія власти, допущеннаго земскимъ начальникомъ, то они не могли не быть важными. Надзоръ за точнымъ соблюденіемъ порядка, установленнаго для волостныхъ судовъ, составляетъ одну изъ главныхъ обязанностей земскаго начальника (временныя правила о волостныхъ судахъ, ст. 13). Чего же можно ожидать отъ волостныхъ судовъ—да и вообще отъ мѣстъ и лицъ крестьянскаго управленія,—если блюститель правильности ихъ дѣйствій самъ подаетъ примѣръ полнѣйшаго пренебреженія къ закону? Quis custodiet custodes, если въ глазахъ уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій „особыя“—и даже вовсе не „особыя“—обстоятельства будутъ служить достаточнымъ оправданіемъ очевидныхъ закононарушеній?.. Въ вступительной рѣчи, обращенной курскимъ губернаторомъ къ земскимъ начальникамъ, задача послѣднихъ была опредѣлена такъ: „вамъ предстоитъ воспитать народъ въ уваженіи къ закону“. Совмѣстны ли съ этой задачей случаи въ родѣ того, о которомъ мы до сихъ поръ говорили?..

Чѣмъ меньше хорошаго мы привыкли ожидать отъ того или другого органа печати, тѣмъ пріятнѣе встрѣтить въ немъ дѣльное, основательное замѣчаніе. Такихъ замѣчаній не мало въ статьѣ: „Мысли земскаго начальника“, напечатанной въ № 9 „Гражданина“ за текущій годъ. Авторъ не согласенъ съ модньмъ взглядомъ, требующимъ возможно-бо́льшаго увеличенія числа земскихъ начальниковъ. Онъ доказываетъ, и совершенно справедливо, что и теперь уже не вездѣ легко найти подходящихъ кандидатовъ на должность земскаго начальника; что́ же было бы при еще бо́льшемъ раздробленіи земскихъ участковъ? За всѣмъ усмотрѣть, все уладить, все неправильное предупредить—земскій начальникъ не могъ бы и въ самомъ небольшомъ районѣ дѣйствій... Болѣе спорнымъ кажется намъ мнѣніе автора о мѣрахъ, съ помощью которыхъ можно было бы достигнуть успѣшной дѣятельности земскихъ начальниковъ. Первая изъ нихъ—это назначеніе постояннаго и притомъ достаточнаго жалованья волостнымъ

Digitized by Google

старшинамъ (не менѣе 240 р.), писарямъ (не менѣе 300 руб.), сельскимъ старостамъ (не менѣе 100 руб.), сельскимъ писарямъ (не менѣе 100 руб.), предсѣдателямъ волостныхъ судовъ (не менѣе 100 р.) и волостнымъ судьямъ (не менѣе 60 руб.). Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай замѣтить, что однимъ увеличеніемъ жалованья лучшихъ людей къ участію въ крестьянскомъ управленіи не привлечешь; гораздо важнѣе, съ этой точки зрѣнія, независимое положеніе должностныхъ лицъ—т.-е. именно то, чего теперь въ сферѣ спеціально-крестьянскихъ должностей нѣтъ вовсе. Вторая мѣра, предлагаемая авторомъ—уменьшеніе численности сельскихъ сходовъ, путемъ включенія въ ихъ составъ не всѣхъ домохозяевъ, а только извѣстнаго числа выборныхъ,—имѣла бы свои хорошія стороны (въ большихъ селахъ) нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но едва ли желательна въ настоящее время. Подъ рукою земскаго начальника малочисленный сельскій сходъ былъ бы еще менѣе самостоятеленъ, чѣмъ многочисленный.

Въ № 2 „Недѣли“ напечатана слѣдующая корреспонденція изъ Твери: „Предстоящее распространеніе реформы мѣстнаго управленія на тверскую губернію побудило наше земство еще въ прошломъ году обсудить вопросъ о тѣлесномъ наказаніи, примѣненія котораго вводимыми земскими начальниками многіе опасались. На прошлогоднемъ губернскомъ земскомъ собраніи однимъ изъ гласныхъ было предложено ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ начальную школу. Большинство собранія поставило вопросъ шире и рѣшило ходатайствовать о безусловной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, какъ несовмѣстимаго съ понятіями о человѣческомъ достоинствѣ и о правахъ личности. Это постановленіе было опротестовано губернаторомъ, какъ выходящее изъ предѣловъ вѣденія земства. Нынѣшнее губернское собраніе не согласилось съ протестомъ губернатора и огромнымъ большинствомъ голосовъ рѣшило оставить въ силѣ свое прошлогоднее постановленіе. Горячимъ защитникомъ этого постановленія выступилъ иниціаторъ предложенія о ходатайствѣ, Ф. И. Родичевъ. Свою рѣчь противъ тѣлеснаго наказанія, которымъ нерѣдко злоупотребляютъ, онъ иллюстрировалъ примѣромъ, недавно имѣвшимъ мѣсто въ старицкомъ уѣздѣ. Одинъ учитель грамотности, возбудившій гнѣвъ волостного старшины за раскрытіе его злоупотребленій, былъ приговоренъ волостнымъ судомъ, подъ давленіемъ старшины, къ наказанію пятью розгами за самоуправство. Два раза дѣло доходило до уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и, наконецъ, рѣшеніе суда было утверждено губернскимъ присутствіемъ. Оставалось привести приговоръ суда въ исполненіе. Тогда приговоренный обратился съ прошеніемъ къ губернатору, по предложенію

Digitized by Google

котораго дѣло снова было разсмотрѣно въ губернскомъ присутствіи, причемъ выяснилась полная невиновность учителя грамотности и злоупотребленіе старшины. Не имѣя права отмѣнить постановленіе волостного суда, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе передало дѣло въ сенатъ".

Намъ доставленъ отъ черниговскаго губернскаго предводителя дворянства печатный экземпляръ протокола чрезвычайнаго черниговскаго дворянскаго собранія, состоявшагося 11-го декабря 1890 года [1]). Заимствуемъ изъ этого протокола единственное мѣсто, не лишенное общаго интереса (все остальное касается вопросовъ узко-спеціальныхъ—дворянскаго сбора съ городскихъ имуществъ, приведенія въ порядокъ дворянскаго архива, ремонтированія зала дворянскаго собранія и т. п.): „Г. черниговскій губернаторъ обратился къ гг. дворянамъ съ слѣдующею рѣчью: по ходатайству бывшаго въ маѣ мѣсяцѣ этого (1890) года губернскаго дворянскаго собранія объ отмѣнѣ преданія суду предводителей дворянства М. И. Посудевскаго, В. В. Тарновскаго и К. Е. Троцины, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: прекратить дѣло о преданіи суду названныхъ предводителей. Дворянству, безъ сомнѣнія, весьма пріятно будетъ услышать о таковой милости Государя, и потому онъ, губернаторъ, счелъ своимъ долгомъ сообщить объ этомъ гг. дворянамъ. По выслушаніи рѣчи г. губернатора раздалось громкое, долго не умолкавшее ура". Въ чемъ именно обвинялись предводители дворянства и гдѣ состоялось постановленіе о преданіи ихъ суду—этого изъ присланнаго намъ г. черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства протокола не видно.

---

[1]) Этотъ протоколъ появился, впрочемъ, и въ мѣстныхъ губернскихъ „Вѣдомостяхъ", № 99.

Digitized by Google

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1891 ГОДЪ.

Наиболѣе крупное явленіе нашей общественной жизни въ началѣ каждаго года, возбуждающее общее вниманіе какъ внутри имперіи, такъ и преимущественно за границей, составляетъ обнародованіе всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи на предстоящій годъ. Докладъ этотъ и появился 1-го января наступившаго года. По государственной росписи на 1891 годъ *обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ* (съ оборотными) ожидается 900.757.570 р., а *обыкновенные расходы* (также съ оборотными) [1]) предвидятся въ суммѣ 898.889.021 р., что̀ приводитъ къ превышенію доходовъ надъ расходами на 1.868.549 рублей. *По чрезвычайному бюджету* поступленія исчислены въ суммѣ 13.750.139 р., а расходы—въ 63.413.500 р. *Всего* доходы по росписи опредѣлены въ 914.507.709 р., а расходы—въ 962.302.521 рубль, слѣдовательно съ недоборомъ въ доходахъ на 47.794.812 р., который и предполагается покрыть изъ свободной наличности государственнаго казначейства. Недоборъ этотъ не можетъ быть названъ дефицитомъ, такъ какъ причина его лежитъ въ круп-

[1]) Мы не можемъ не принимать во вниманіе оборотныхъ доходовъ и расходовъ, такъ какъ иначе намъ пришлось бы передѣлывать всѣ цифры и росписей, и отчетовъ государственнаго контроля по ихъ требованію. Сущность такихъ оборотныхъ исчисленій можетъ быть выяснена слѣдующимъ примѣромъ: заработанъ рубль, купленъ на него обѣдъ и внесенъ въ статью дохода: заработанъ рубль (1 руб.), стоимость обѣда (1 р.), итого 2 рубля; а въ расходъ: плата за обѣдъ 1 р. и потребляемый обѣдъ 1 р., итого 2 р. По бюджету 1891 г. назначено на перевооруженіе 20 м. р.; если все нужное для этого будетъ пріобрѣтено покупкой у частныхъ заводовъ, то расходъ и внесется въ бюджетъ въ размѣрѣ 20 м. р.; если же предметы перевооруженія будутъ заказаны казеннымъ заводамъ, то въ бюджетъ попадетъ: во-первыхъ, 20 м. р., употребленныхъ заводами на изготовленія этихъ предметовъ и, во-вторыхъ, 20 м. р., отчисленные за нихъ изъ смѣтъ военнаго вѣдомства за изготовленные для него предметы. Излишекъ расхода въ 20 м. р. балансируется тѣмъ, что въ доходныхъ статьяхъ заводовъ будутъ показаны полученные будто бы отъ военнаго вѣдомства 20 м. рублей. Балансъ такимъ образомъ сохранится, но бюджетъ неосновательно увеличивается. Raison d'être такого порядка счетоводства въ томъ, что иначе военное вѣдомство, получивъ даромъ издѣлія казенныхъ заводовъ, отпущенные ему на эти издѣлія 20 м. р. израсходуетъ на другое. Но избѣжать этого легко какимъ-нибудь бухгалтерскимъ пріемомъ, напр. прямымъ перенесеніемъ кредита военнаго вѣдомства въ распоряженіе заводовъ въ размѣрѣ изготовленныхъ ими издѣлій. Насколько мы знаемъ, неправильность оборотныхъ исчисленій сознается и въ министерствѣ финансовъ. Исключеніе этого осложняющаго и путающаго бюджеты пріема, повидимому, безъ труда могло бы быть устранено.

Digitized by Google

ныхъ *чрезвычайныхъ* расходахъ; а они, если только опредѣленіе ихъ сдѣлано правильно, не могутъ упадать на бюджетъ одного года, а должны покрываться изъ *чрезвычайныхъ* же источниковъ, какимъ въ данномъ случаѣ и оказываются суммы, считающіяся въ наличности государственнаго казначейства. Но возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли недоборъ вообще по росписи можетъ простираться до цифры, значащейся въ докладѣ министра финансовъ.

Для уясненія цифръ росписи 1891 года сопоставимъ по обыкновенному бюджету ихъ съ цифрами росписей двухъ предшествовавшихъ лѣтъ 1890 и 1889 года, а также и съ результатами, оказавшимися по исполненію государственной росписи 1889 года:

	По росписямъ предположено: 1891 г.	1890 г.	1889 г.	По исполненію росписи 1889 г. оказалось:
		рублей.		
обыкновенныхъ (съ оборотными) доходовъ	900.757.570	891.491.303	865.462.965	927.035.439
обыкновенныхъ (съ оборотными) расходовъ . . .	898.889.021	890.050.539	860.954.828	857.881.126
избытокъ въ обыкновенныхъ доходахъ надъ расходами.	1.868.549	1.440.769	4.508.137	69.154.313

Изъ этихъ цифръ видно, что въ смѣтномъ исчисленіи доходовъ и расходовъ за всѣ три года весьма незначительная разница, которая и объясняется главнымъ образомъ постепеннымъ расширеніемъ и развитіемъ сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, что̀ увеличиваетъ и доходы отъ нихъ, и расходы по ихъ эксплуатаціи. По росписи 1889 года доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ былъ исчисленъ въ 25½ мил. р.; по росписи 1890 года—въ 51½ м. р., а по росписи 1891 года исчисляется въ размѣрѣ до 55 мил. рублей. Соотвѣтственно увеличиваются и расходы эксплуатаціи. Разница въ балансѣ, съ которымъ сведены росписи указанныхъ трехъ лѣтъ, также не велика, но другое дѣло, если сравнить результатъ, выведенный по росписи 1889 года, съ результатомъ, оказавшимся по ея исполненію: тамъ, гдѣ предвидѣлось превышеніе доходовъ надъ расходами въ 4½ м. р., оно оказалось въ 69 м. р., изъ которыхъ съ значительнымъ избыткомъ покрыты всѣ чрезвычайные расходы этого года. Доходъ 1891 г. предполагается слишкомъ на 26 м. р. ниже дохода 1889 года, несмотря на то, что отъ однѣхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ должно получиться на 25 м. р. болѣе.

Разсматривая роспись на 1890 годъ [1]), мы находили исчисленія этой росписи по доходамъ скромными до пессимизма и утверждали, что въ дѣйствительности избыткомъ обыкновенныхъ доходовъ дол-

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1890 г., февраль, стр. 825 и слѣд.

Digitized by Google

женъ быть покрытъ если не весь выведенный по росписи общій дефицитъ (40½ м. р.), то по меньшей мѣрѣ его половина. Насколько можно судить въ настоящее время, предположенія наши болѣе нежели оправдались: по свѣденіямъ, сообщаемымъ въ „Вѣстникѣ финансовъ и промышленности", о поступленіи доходовъ по 1 октября 1890 года, ихъ поступило за 9 мѣсяцевъ на 9 м. р. болѣе противъ поступленій за тотъ же періодъ 1889 года. Между тѣмъ обыкновенные доходы 1889 года на 35 мил. рублей превосходятъ смѣтное исчисленіе 1890 года. Съ присоединеніемъ къ нимъ указанныхъ 9 мил. р. получается излишка противъ росписи въ 44 м. р., съ избыткомъ покрывающихъ недоборъ по чрезвычайному бюджету, выведенный по росписи 1890 года, если только указанное отношеніе между доходами 1889 и 1890 года къ концу года не измѣнится. Судя по слухамъ о доходахъ за 11 мѣсяцевъ, поступленіе ихъ въ 1890 году оказывается еще болѣе благопріятнымъ. Примѣръ двухъ предшествующихъ лѣтъ a priori убѣждаетъ въ томъ, что и въ 1891 г. результаты исполненія государственной росписи далеко превзойдутъ выраженныя въ ней ожиданія; хотя, конечно, нельзя ручаться, что избыткомъ обыкновенныхъ доходовъ будетъ цѣликомъ покрытъ недоборъ чрезвычайнаго бюджета при расходѣ въ 63½ м. р., значительно превышающемъ чрезвычайные расходы 1889 и 1890 годовъ.

За точку отправленія для опредѣленія доходныхъ и расходныхъ цифръ по разнымъ рубрикамъ росписи въ докладѣ министра финансовъ принимается роспись 1890 года. Останавливаясь на главнѣйшихъ изъ этихъ рубрикъ, мы будемъ принимать во вниманіе исполненіе росписи 1889 года, а равно и предшествовавшихъ лѣтъ.

Наибольшій изъ государственныхъ доходовъ—питейный—внесенъ въ роспись въ размѣрѣ 259½ м. р., болѣе противъ росписи 1880 г. на 6 м. р. По словамъ самого доклада, на основаніи данныхъ о поступленіи питейнаго дохода въ 1887—1889 гг., а также въ 1890 г., цифра его по росписи 1891 г. могла бы быть еще болѣе увеличена; но въ виду не совсѣмъ удовлетворительнаго урожая хлѣбовъ въ 1890 году, оказавшагося уже пониженіемъ въ поступленіи акциза со спирта и вина за первые десять мѣсяцевъ этого года, министерство и ограничилось исчисленіемъ питейнаго дохода въ приведенной выше цифрѣ. По нашему мнѣнію, одно изъ двухъ: или слѣдовало, или не слѣдовало увеличить. Необходимо было взвѣсить доводы какъ за, такъ и противъ, и придти къ опредѣленному результату, не останавливаясь на колеблющейся альтернативѣ. Питейный доходъ въ 1889 г. доставилъ казнѣ 275 мил. рублей. За 9 мѣсяцевъ 1890 года (свѣденій за 10 мѣсяцевъ мы пока не имѣемъ) поступленіе его оказалось слабѣе предшествовавшаго года на 4½ м. р.; если и въ остальные 3 мѣсяца

Digitized by Google

окажется такое же уменьшеніе, то оно достигнетъ суммы 6, много 7 мил. рублей, т.-е. питейнаго дохода поступитъ 268—269 м. рублей. Урожай 1890 года вовсе не такъ повсемѣстно плохъ, чтобы могъ оказать въ теченіе всего 1891 года еще болѣе невыгодное вліяніе на поступленіе питейнаго дохода, размѣръ поступленій котораго будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ экономическаго состоянія страны именно въ этомъ году. Оно можетъ оказаться очень плохимъ, но можетъ быть и очень хорошимъ. Смѣтное исчисленіе не есть выводъ непреложный, а только гадательный, въ основу котораго принимается среднее, при чемъ, по отношенію къ государственнымъ доходамъ, недоборъ, противъ предположенія, по одной статьѣ—можетъ быть покрытъ избыткомъ по другой. Если выведенную нами цифру питейнаго дохода, 268 м. р., уменьшить еще на 3 мил. р., и предположить этотъ доходъ въ 265 м. р., болѣе противъ росписи на $5^1/_2$ м. р., то это—все, до чего можетъ идти самая крайняя осторожность, если только не руководствоваться предвзятою мыслію.

Другой крупный доходъ — таможенный—исчисленъ по росписи 1891 года въ размѣрѣ 110.655.000 р., менѣе сравнительно съ росписью 1890 года на 11 мил. р. и сравнительно съ поступленіемъ этого дохода въ 1889 году (138 м. р.) на $27^1/_2$ м. рублей. Нѣкоторая часть уменьшенія является слѣдствіемъ пріема счетоводства. Поступающія въ золотой валютѣ таможенныя пошлины и въ росписяхъ, и въ отчетахъ по ихъ исполненію показываются въ кредитныхъ рубляхъ, въ которые перечисляются по заранѣе опредѣленному, для каждой росписи особо, курсу. Для росписей 1889 и 1890 гг. курсъ былъ установленъ въ 1 р. 70 коп. кр. за золотой рубль, а для росписи 1889 года—въ 1 р. 60 коп. кр. Такое измѣненіе въ курсѣ влечетъ уже пониженіе противъ дохода 1889 года на 8 мил. р. Но за тѣмъ все-таки остается уменьшеніе на $19^1/_2$ мил. рублей.

Въ своемъ докладѣ министръ финансовъ, указывая на пониженіе таможеннаго дохода въ росписи 1891 г. съ росписью предшествовавшаго года на 10.819.000 р., часть этой суммы, 6.855.000 руб., относитъ къ измѣненію курса [1]), а остальное пониженіе объясняется слѣдствіемъ „различныхъ причинъ и главнѣйше отъ ожидаемаго сокращенія въ 1891 году привоза чая, потому что въ 1890 году продуктъ этотъ былъ привезенъ въ усиленномъ размѣрѣ“. По смыслу этого мѣста доклада слѣдуетъ заключить, что предусматриваемое министромъ финансовъ уменьшеніе въ 1891 г. таможеннаго дохода сравнительно съ 1890 годомъ, происходящее отъ сокращенія ввоза

[1]) Такъ какъ по исчисленію министра финансовъ таможенныхъ пошлинъ должно поступить въ 1891 году золотомъ 68.550.000 рублей.

Digitized by Google

чая и отъ другихъ причинъ, не превышаетъ 4 мил. руб., но именно сравнительно съ доходомъ 1890 года, а не съ цифрой росписи на этотъ годъ. Доходъ же, какъ слѣдуетъ ожидать, значительно превзойдетъ цифру росписи; уже за 9 мѣсяцевъ его поступило 115 мил. р., всего же на 850.000 р. болѣе дохода 1889 года. При такомъ же отношеніи поступленій и въ остальные 2 мѣсяца вѣроятная цифра таможеннаго дохода доходитъ до 139 мил. руб. При уменьшеніи этой цифры на 8 мил. р. вслѣдствіе разницы курса и на 4 мил. р. отъ другихъ указываемыхъ министромъ финансовъ причинъ, вѣроятный таможенный доходъ 1891 года опредѣляется въ размѣрѣ 127 мил. р., т.-е. болѣе противъ того, что̀ предвидится по росписи, на 16½ м. р.

Говоря о таможенномъ доходѣ, необходимо принять во вниманіе еще одно обстоятельство, о которомъ вовсе не упоминается въ докладѣ министра финансовъ: о повышеніи съ конца августа минувшаго года, по Высочайшему повелѣнію отъ 16-го августа 1890 года, нашего таможеннаго тарифа на 20% почти по всѣмъ видамъ товаровъ, а по нѣкоторымъ и больше. Должно же это повышеніе оказать какое-либо вліяніе на нашъ таможенный доходъ. Ближе всего можно было бы ожидать, что послѣдуетъ увеличеніе этого дохода въ размѣрѣ сколько-нибудь соотвѣтствующемъ размѣру повышенія тарифа. Но если предвидится не увеличеніе таможеннаго дохода, а, напротивъ, его пониженіе, то позволительно усомниться въ своевременности мѣры, налагающей на населеніе значительное пожертвованіе, какъ въ видѣ прямой приплаты за иностранные товары, такъ и приплаты отечественнымъ промышленникамъ, которые не преминутъ воспользоваться благопріятнымъ для нихъ случаемъ, затруднившимъ иностранную конкурренцію.

По остальнымъ статьямъ доходы, исчисленные въ росписи на 1891 г., довольно близки къ дѣйствительному поступленію 1889 года. Наибольшее отступленіе оказывается по желѣзнымъ дорогамъ. Дохода отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ ожидается въ 1891 г. до 55 м. р., тогда какъ въ 1889 году его поступило только до 33½ мил. р. Наоборотъ, обязательные платежи обществъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ внесены въ роспись текущаго года въ суммѣ 38½ мил. руб., а въ 1889 г. ихъ поступило 49½ мил. р. Причина измѣненія въ томъ, что въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ нѣсколько частныхъ желѣзныхъ дорогъ перешли въ казенное вѣденіе, а именно дороги: закавказская, моршанско-сызранская, ряжско-вяземская и тамбово-козловская. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что разсчеты съ частными желѣзными дорогами слишкомъ сложны для того, чтобы можно было предвидѣть всѣ случайности, какъ относительно размѣра, такъ и сроковъ ихъ платежей. При дознанной крайней осторожности мини-

Digitized by Google

стерства финансовъ въ доходныхъ исчисленіяхъ можно предвидѣть, что и обязательныхъ платежей отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ поступитъ нѣсколько больше, нежели значится въ росписи.

Пособій государственному казначейству изъ городскихъ доходовъ и другихъ источниковъ внесено въ роспись 1891 г. 18½ мил. руб., болѣе противъ росписи предшествующаго года на 2 мил. р. слишкомъ и болѣе поступленія 1889 года слишкомъ на 5 мил. р. Такое увеличеніе объясняется, главнымъ образомъ, внесеніемъ въ роспись пособій изъ губернскаго земскаго сбора по приведенію въ дѣйствіе положенія 12-го іюля 1889 года о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Уже въ роспись 1890 года на этотъ предметъ было внесено по губерніямъ первой и нѣкоторымъ второй очереди около 2 мил. р.; нынѣ внесена въ роспись еще приблизительно такая же сумма, какъ по губерніямъ тѣхъ же очередей, такъ и третьей.

Переходимъ къ расходамъ.

Обыкновенныхъ расходовъ, какъ показано выше, исчислено на 1891 годъ 899 мил. р., менѣе противъ росписи 1890 года на милліонъ рублей. Сравнительно съ исполненіемъ расходной росписи 1889 года (858 мил. р.) они увеличиваются на 41 мил. р. Это увеличеніе является результатомъ, съ одной стороны, значительнымъ (на 14 мил. р.) уменьшеніемъ расходовъ по системѣ государственнаго кредита и увеличеніемъ ихъ, въ бо́льшемъ или мѐньшемъ размѣрѣ, по остальнымъ смѣтамъ всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ министерства двора. Наибольшее увеличеніе—на 21 мил. р. слишкомъ—оказывается по министерству путей сообщенія, вслѣдствіе расходовъ по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, послѣ 1889 года поступившихъ въ казенное вѣденіе. Въ 1889 году расходы по принадлежащимъ казнѣ желѣзнымъ дорогамъ составляли около 22 мил. р., а по росписи на 1891 годъ они исчислены въ размѣрѣ 36 мил. рублей. По министерству финансовъ испрошено кредитовъ на 115 мил. р., болѣе расхода 1889 года на 7½ мил. р. Но и въ 1889 году въ расходную роспись по этому министерству было внесено 112 мил. р., изъ которыхъ 4½ мил. р. остались неизрасходованными. По министерству внутреннихъ дѣлъ увеличеніе смѣтнаго назначенія противъ расхода 1889 года составляетъ 4½ мил. р., и вызвано, главнымъ образомъ, приведеніемъ въ исполненіе положенія о земскихъ начальникахъ Расходъ этотъ покрывается, какъ показано выше, пособіемъ изъ губернскаго земскаго сбора. Увеличеніе смѣтнаго назначенія по морскому министерству (около 44 мил. р.) на 3 мил. р. сравнительно съ расходомъ 1889 года объясняется въ докладѣ увеличеніемъ строительныхъ расходовъ, т.-е. на судостроеніе, на что въ 1889 году из-

Digitized by Google

расходовано менѣе 12 мил. р., а по росписи 1891 года назначено 17 мил. рублей.

Изъ того, что̀ сказано здѣсь о расходахъ, видно, что, по исключеніи уплатъ по государственнымъ дѣламъ, на остальныя государственныя *обыкновенныя* потребности по росписи 1889 года испрошено болѣе расхода 1889 года всего на 55 мил. рублей. Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, совершенно вышли изъ обихода сверхсмѣтные кредиты, превышающіе вносимую уже въ самую роспись сумму въ 6 м. р. расходовъ, не предусмотрѣнныхъ смѣтами на экстренныя, въ теченіе года, надобности [1]). Слѣдуетъ ожидать, что если не случится какихъ-нибудь дѣйствительно чрезвычайныхъ обстоятельствъ, то и въ 1891 году сверхсмѣтныхъ кредитовъ не будетъ—напротивъ, по кредитамъ, отпущеннымъ по росписи окажутся сбереженія, хотя бы и не въ такой значительной суммѣ, въ какой оказались въ 1889 г. ($12^1/_2$ мил. р.). Но еслибы ихъ и не было, то увеличеніе расходовъ на 55 мил. р., вызываемое новыми предметами расхода, и притомъ въ значительной части уравновѣшиваемое или новымъ доходомъ (какъ напр. со вновь пріобрѣтенныхъ казною желѣзныхъ дорогъ), или поступленіями, упраздняющими прежній расходъ (какъ напр. пособія на содержаніе земскихъ начальниковъ), должно считаться весьма умѣреннымъ. Оно служитъ подтвержденіемъ прочности той системы строгой бережливости, какая внесена въ наши бюджеты съ 1882 года.

Уменьшеніе расходовъ по системѣ государственнаго кредита отчасти, именно на 5.768.000 рублей, противъ 1889 года произошло вслѣдствіе перечисленія золотыхъ рублей въ кредитные по болѣе выгодному курсу, по 1 р. 60 коп. кред. за золотой рубль вмѣсто 1 р. 70 коп. Уменьшеніе на остальную сумму (8 мил. руб. слишкомъ) является слѣдствіемъ финансовыхъ операцій, произведенныхъ, какъ въ 1889, такъ и въ прошломъ году, а именно погашенія части займовъ и конверсіи нѣкоторыхъ пятипроцентныхъ долговъ въ четырехпроцентные. Въ докладѣ министра финансовъ подробно развиваются результаты этихъ операцій и измѣненія, внесенныя ими въ положеніе нашихъ долговыхъ обязательствъ. Приводить этихъ объясненій мы не будемъ, такъ какъ въ періодической печати въ свое время достаточно говорилось pro и contra о конверсіяхъ, представляющихъ не простую уплату 4 процентовъ тамъ, гдѣ прежде платилось 5, а рядъ банкирскихъ операцій съ измѣненіемъ срока займовъ, съ биржевою уступкою въ номинальной цѣнѣ, съ банкирскими и коммис-

[1]) Какъ мы уже указывали, въ роспись на 1890 г. былъ еще внесенъ кредитъ въ 3 мил. р., имѣющій характеръ сверхсмѣтнаго: „на покрытіе расходовъ въ случаѣ возвышенія цѣнъ на провіантъ и фуражъ“. Такой же кредитъ, въ размѣрѣ 2 м. р., внесенъ и въ роспись 1891 года.

Digitized by Google

сіонными расходами и т. п. Результаты операцій, произведенныхъ въ 1890 году (три конверсіи), ясно и точно указываются во всеподданнѣйшемъ докладѣ: благодаря имъ, „состояніе пятипроцентныхъ государственныхъ долговъ уменьшилось на 186.574.000 р., а состояніе четырехпроцентныхъ долговъ увеличилось на 175.441.000 руб.“ при уплатѣ изъ наличныхъ средствъ государственнаго казначейства 25.693.000 р. „Казалось бы,—заключаетъ министръ финансовъ,—такое пожертвованіе невелико, по сравненію съ полнымъ уничтоженіемъ пятипроцентнаго долга на 11.133.000 р. зол. и съ превращеніемъ остальныхъ 175.441.000 руб. изъ пятипроцентнаго долга въ четырехпроцентный долгъ той же суммы“.

Говоря о долгахъ, мы еще разъ остановимся на обстоятельствѣ, о которомъ намъ уже случалось упоминать: на курсѣ, принимаемомъ для росписей отчетовъ при переложеніи въ кредитные рубли поступленій и расходовъ въ золотой валютѣ. Курсъ этотъ для росписи 1891 г. опредѣленъ въ 1 р. 60 коп. за золотой рубль. Не правильнѣе ли было бы опредѣлить въ 1 руб. 40 коп., приблизительно къ дѣйствительному курсу, или, по крайней мѣрѣ, въ 1 р. 50 коп., что было бы несравненно удобнѣе. Это значительно облегчило бы счетоводство, а во-вторыхъ, возстановило бы курсъ, по которому исчислялись указанные доходы и расходы въ росписяхъ до 1887 года.

По чрезвычайному бюджету поступленія исчислены въ суммѣ 13.750.139 р. изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и въ предшествующіе годы, а именно: а) военнаго вознагражденія 3.337.139 р.; б) вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время 713.000 р.; в) ожидаемой уплаты долга государственному казначейству отъ желѣзныхъ дорогъ 3.700.000 р., и г) освободившихся спеціальныхъ капиталовъ 6.000.000 р. *Чрезвычайные расходы* назначены въ размѣрѣ, превосходящемъ назначеніе и расходы предшествовавшихъ лѣтъ, именно въ суммѣ 63.413.500 р., болѣе противъ росписи 1890 г. на $5^1/_2$ мил. р. и болѣе расхода 1889 года, если не считать уплаты банку 50-тимилліоннаго долга за кредитные билеты и 18 мил. р. на погашеніе билетовъ государственнаго казначейства, на $26^1/_2$ мил. руб. Столь значительное увеличеніе противъ расхода 1889 г. зависитъ отъ назначенія 20 мил. р. на расходы по перевооруженію, на что по росписи 1890 г. было назначено 10 мил. р., и отъ большей суммы, отпущенной на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ, до 43 мил. р., тогда какъ въ 1889 году было израсходовано около 37 мил. рублей.

Сводя балансъ по всей росписи, нельзя не предвидѣть такимъ образомъ, что въ дѣйствительности доходовъ поступитъ значительно больше той суммы, въ какой они исчислены, не только по двумъ указаннымъ нами рубрикамъ, питейному и таможенному доходамъ,

Digitized by Google

но и по нѣкоторымъ другимъ. Что касается расходовъ, то при отсутствіи сверхсмѣтныхъ кредитовъ они неминуемо будутъ менѣе суммы, назначенной по росписи. Не было года, когда бы не оказывалось болѣе или менѣе значительнаго остатка отъ кредитовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, за исключеніемъ тѣхъ, по которымъ разъ отпущенные кредиты не закрывались. Такой порядокъ отпуска кредитовъ на неопредѣленное время существовалъ для платежей по государственнымъ долгамъ; въ минувшемъ году онъ отмѣненъ. Нынѣ онъ примѣняется только къ военному вѣдомству, остатки отъ кредитовъ котораго отчисляются въ спеціальный запасъ. Насколько велики могутъ быть неизрасходованные остатки по всей росписи, предвидѣть, разумѣется, нельзя. По исполненію росписи обыкновенныхъ расходовъ 1887 года ихъ оказалось болѣе $9^1/_2$ мил. р.; по росписи 1888 года—$13^1/_2$ мил. р., и по росписи 1889 года—болѣе $12^1/_2$ мил. рублей. Эти цифры даютъ право предполагать, что и по росписи 1891 года окажется неизрасходованныхъ кредитовъ, по крайней мѣрѣ, на 5 мил. р. Наконецъ, по принятому порядку, къ доходамъ каждаго года присоединяются остатки отъ расходныхъ кредитовъ (по именнымъ спискамъ и строительнымъ) той росписи, которая въ данномъ году подлежитъ окончательному заключенію. Такой росписью для 1891 года будетъ роспись 1887 года. По обыкновенной росписи 1883 года, заключенной въ 1887 году, такихъ остатковъ было 2.672.000 руб.; по росписи 1884 г., заключенной въ 1888 году—2.297.000 руб. Къ доходамъ росписи 1889 года было присоединено остатковъ 17.345.000 р. Но это потому, что съ установленіемъ сроковъ для закрытія кредитовъ на уплаты по государственнымъ, до 1889 г. отпускавшимся безсрочно, въ 1889 г. были присоединены по этимъ кредитамъ остатки не одного 1885 года, но и другихъ лѣтъ—по 1887 годъ. Во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе новаго порядка для кредитовъ по уплатѣ государственныхъ долговъ, остатки отъ заключенныхъ смѣтъ значительно увеличатся.

Такимъ образомъ, перевѣсъ *обыкновенныхъ* доходовъ надъ *обыкновенными* расходами, выведенный по росписи 1891 г. въ 1.868.549 р., слѣдуетъ, повидимому, увеличить: а) милліоновъ на 20 по доходамъ; б) милліоновъ на 5 по остаткамъ отъ расходныхъ кредитовъ 1891 г., подлежащихъ закрытію въ счетъ росписи того же года, т.-е. по истеченіи льготнаго срока, и в) милліоновъ 5 остатковъ отъ заключенной росписи 1887 года—всего милліоновъ на тридцать. Вслѣдствіе этого, недоборъ по всей росписи, опредѣляемый нынѣ ею почти въ 48 мил. р., не превзойдетъ 18 мил. рублей.

Въ заключеніе всеподданнѣйшаго доклада о росписи 1891 г. министръ финансовъ представляетъ перечень главнѣйшихъ мѣропріятій

Digitized by Google

по министерству финансовъ въ теченіе 1890 года. О каждомъ изъ нихъ говорилось въ свое время; считаемъ не лишнимъ, однако, вкратцѣ снова упомянуть о нихъ. Сверхъ конверсіи займовъ и ликвидаціи нѣкоторыхъ долговъ, мѣропріятія эти слѣдующія: 1) окончательное переустройство дворянскаго банка, съ введеніемъ въ уставъ его Высочайше дарованныхъ льготъ, что̀ повело къ уменьшенію числившейся по дворянскимъ имѣніямъ шестимилліонной недоимки до 600.000 р. съ небольшимъ; 2) окончательное преобразованіе общества взаимнаго поземельнаго кредита чрезъ сліяніе его съ дворянскимъ банкомъ, также съ значительными льготами заемщикамъ; 3) завершеніе объединенія монетной единицы, съ полнымъ уничтоженіемъ относительно ея тѣхъ отступленій отъ государственной монетной единицы, которыя были допускаемы на окраинахъ. Это было начато съ изъятія изъ обращенія польскаго биллона, а въ 1890 г. примѣнено къ коканамъ и деньгамъ, обращающимся на восточной окраинѣ; 4) пересмотръ устава русскаго общества пароходства и торговли въ видахъ уменьшить пожертвованіе казны въ пользу этого общества и лучше обезпечить его содѣйствіе тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ оно учреждено; 5) изданіе закона о сельскохозяйственномъ винокуреніи, который долженъ возстановить утраченную съ давняго времени связь между винокуреніемъ и сельскимъ хозяйствомъ; открытіе въ Москвѣ казеннаго склада, въ которомъ винокуренные заводчики могли бы хранить свой спиртъ, не отвѣчая за его утрату вслѣдствіе усышки и утечки и не обезпечивая акциза залогами; 6) запрещеніе вотякамъ вятской губерніи варенія кумышки, вредъ котораго былъ давно сознанъ; 7) изданіе Высочайше утвержденныхъ правилъ, регулирующихъ финансовыя отношенія казны къ желѣзнымъ дорогамъ; 8) принятіе на себя министерствомъ финансовъ перевода за границу уплатъ, причитающихся заграничнымъ держателямъ заграничныхъ бумагъ, съ цѣлью устранить неудобства, вытекающія изъ посредства для этого разныхъ банкирскихъ конторъ; 9) сліяніе, по добровольному соглашенію, варшавско-вѣнской и варшавско-бромбергской желѣзныхъ дорогъ на такихъ финансовыхъ условіяхъ, что вмѣсто прежнихъ постоянныхъ приплатъ по гарантіи варшавско-бромбергской дороги, казна можетъ ожидать немаловажныхъ денежныхъ взносовъ отъ соединенныхъ обществъ; 10) пересмотръ желѣзнодорожныхъ тарифовъ и упорядоченіе ихъ въ видахъ огражденія интересовъ населенія, промышленности, торговли и казны; 11) изданіе новаго закона о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ, съ распространеніемъ правилъ о работѣ и обученіи малолѣтнихъ и на ремесленныя заведенія. Законъ этотъ замѣнилъ временное положеніе о фабричномъ трудѣ малолѣтнихъ и женщинъ,

Digitized by Google

которое издано было впервые въ 1882 году; 12) дополненіе существенными постановленіями уставовъ торговаго и таможеннаго, съ цѣлью облегченія и упрощенія надзора за торговлею, а равно и содѣйствія успѣшному веденію ея; таковы новыя правила о складкахъ въ таможняхъ, облегчающія пользованіе таможенными складами; правила о транзитѣ товаровъ, отмѣняющія существовавшія до сего стѣсненія транзитной торговли; обандероленіе (необязательное) чая подъ таможеннымъ надзоромъ, съ цѣлью обезпеченія покупателей отъ подѣлки; правила объ упаковкѣ льна, которыя должны содѣйствовать возстановленію репутаціи нашего льна за границей и расширенію нашей льняной торговли.

Сверхъ этого въ министерствѣ финансовъ производилась весьма дѣятельная работа по пересмотру таможеннаго тарифа, начатая еще въ 1887 г., къ участію въ которой были приглашены, въ качествѣ экспертовъ-товаровѣдовъ, профессора технологическаго института, представители разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, а равно и представители разныхъ отраслей труда и промышленности: дворянскаго землевладѣнія, сельско-хозяйственной промышленности, членовъ отъ совѣта торговли и мануфактуръ, и пр. Работы эти представляются, по словамъ министра финансовъ, на обсужденіе государственнаго совѣта.

Приведенный нами перечень вопросовъ, рѣшенныхъ и подготовленныхъ къ окончательному рѣшенію въ теченіе года, свидѣтельствуетъ о томъ, что дѣятельность министерства финансовъ во многомъ выходитъ изъ области непосредственно финансовой, переходя въ область экономической народной жизни.

Вотъ уже второй годъ, вслѣдъ за опубликованіемъ нашей государственной росписи, въ русскихъ газетахъ сообщаются хвалебные отзывы о ней заграничной печати. Роспись признается почему-то образцовой, а министръ финансовъ—въ одной изъ газетъ—провозглашается властелиномъ европейскаго денежнаго рынка,—qui y fait la pluie et le beau temps. Все это несомнѣнно весьма лестно, такъ какъ оказывается, что мы затмили финансами не только Германію, но и Францію и Англію, которую вдобавокъ, по словамъ какой-то газеты, успѣли спасти даже отъ государственнаго банкротства. Памятуя, однако, съ какимъ недовѣріемъ, нерасположеніемъ, та же печать относилась къ Россіи еще недавно, а отчасти относится и теперь, мы начинаемъ сомнѣваться въ искренности похвалъ.

Любопытно, что одновременно съ восхваленіемъ нашего финансоваго положенія курсъ нашего кредитнаго рубля понизился, пови-

Digitized by Google

димому, безъ всякой причины. Дѣйствительно, причинъ къ этому не усматривается, и состояніе средствъ нашего государственнаго казначейства должно быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ, и притомъ въ короткій срокъ послѣ того, какъ нашъ государственный бюджетъ являлся почти безнадежнымъ. Цѣлый рядъ дефицитовъ, иногда весьма значительныхъ, представлявшихъ за семь лѣтъ, 1881—1887, въ общей сложности болѣе 210 мил. р. только по росписи обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, помимо расходовъ чрезвычайныхъ, смѣнились въ 1888 году такимъ превышеніемъ въ доходахъ надъ расходами, что имъ съ большимъ избыткомъ были покрыты всѣ чрезвычайные расходы; то же оказалось и въ 1889 г.; по слухамъ, тоже окажется по росписи за минувшій годъ, а по нашимъ соображеніямъ, приблизительно и по росписи текущаго года, несмотря на значительно увеличившійся размѣръ чрезвычайныхъ расходовъ.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что столь блестящій результатъ, не только оправдавшій, но и превзошедшій надежды на улучшеніе нашихъ государственныхъ финансовъ, независимо отъ счастливо сложившихся въ послѣднее время экономическихъ условій страны, былъ слѣдствіемъ весьма замѣтнаго напряженія платежныхъ силъ страны; а такое напряженіе, долго продолжающееся, само по себѣ составляетъ уже зло, не искупаемое избыткомъ средствъ государственнаго казначейства. Оно въ основѣ вредитъ производительности и экономіи населенія и такимъ образомъ подрываетъ тотъ источникъ, изъ котораго казна черпаетъ свои средства.

Затѣмъ, финансы несомнѣнно составляютъ весьма важную отрасль государственнаго управленія; они—рычагъ, которымъ все движется, но только рычагъ, который самъ по себѣ не можетъ быть цѣлью. Напряженное политическое состояніе Европы вызываетъ преимущественно усиленныя издержки на вооруженіе; дѣлать нечего, эти потребности приходится удовлетворить прежде всего. Но затѣмъ, если средства достаточны, они должны быть направлены къ удовлетворенію болѣе производительныхъ народныхъ нуждъ и преимущественно на народное образованіе. Это было бы нѣкоторымъ возмездіемъ усилій, на которыя была вызвана страна неудовлетворительнымъ состояніемъ государственнаго казначейства, и которыя увѣнчались столь блистательнымъ успѣхомъ.

О

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1891.

Недоумѣнія по вопросу о разоруженіи.—Сомнительные доводы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ патріотовъ.—Разговоръ одного журналиста съ княземъ Бисмаркомъ.—Внутреннія дѣла Германіи.—Отношеніе печати къ бывшему канцлеру и вопросъ о свободѣ печатнаго слова.—Остатки культуркампфа и проектъ Госслера.

Нѣкоторыя иностранныя газеты серьезно приписывали германскому императору намѣреніе созвать международный конгрессъ для обсужденія вопроса о разоруженіи, т.-е. о сокращеніи постоянныхъ армій. Конечно, послѣ рабочей конференціи было бы вполнѣ логично заняться облегченіемъ военныхъ бюджетовъ и тягостей, наиболѣе чувствительныхъ для рабочаго класса; но для прусскаго правительства это немыслимо по многимъ причинамъ. Никто не ждетъ отъ Пруссіи, что она добровольно откажется отъ выгодъ своего военно-политическаго положенія въ Европѣ; и если нѣмецкіе патріоты говорятъ о необходимости разоруженія, то они имѣютъ въ виду разоруженіе Франціи, которое облегчило бы соотвѣтственнымъ образомъ военныя заботы Германіи. Нѣмцы разсуждаютъ такъ: „мы достигли объединенія и могущества; намъ больше ничего не нужно, Германія сыта и не имѣетъ никакого повода нападать на сосѣдей, а потому мы готовы снять съ себя военные доспѣхи, если французы сократятъ свою армію и отрекутся окончательно отъ идеи возмездія“. Другими словами, отъ Франціи требуется, чтобы она основывала свою внѣшнюю безопасность на безусловномъ довѣріи къ такому неопредѣленному и непрочному факту, какъ временное чувство германской сытости. Но это чувство сытости, удостовѣряемое правительствомъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ перейти въ противоположное состояніе при перемѣнѣ политическаго настроенія, подъ вліяніемъ честолюбивыхъ элементовъ арміи. Сытая теперь Германія можетъ проголодаться въ ближайшемъ будущемъ; чѣмъ же будетъ тогда обезпечена Франція отъ нападенія и разгрома? Нѣтъ ничего обманчивѣе этихъ ссылокъ на предполагаемую удовлетворенность политическаго честолюбія той или другой державы; нельзя строить систему прочнаго мира на такой шаткой и перемѣнчивой почвѣ. Объяснять миролюбіе сытостью—значитъ заранѣе оправдывать нападеніе на сосѣдніе народы въ случаѣ надобности, ради корыстныхъ, грабительскихъ соображеній, для удовлетворенія политическаго голода, а разъ

Digitized by Google

допускается подобный принципъ—всякое довѣріе къ будущему становится невозможнымъ, и непрерывныя вооруженія дѣлаются обязательными для народовъ.

Такимъ образомъ, тотъ главный доводъ, который приводится нѣмецкими патріотами въ пользу идеи разоруженія, уничтожаетъ эту идею въ самомъ корнѣ и заставляетъ другія государства еще болѣе усиливать принимаемыя мѣры предосторожности. Въ скептическихъ умахъ можетъ даже появиться мысль, что самая удовлетворенность нынѣшней оффиціальной Германіи есть результатъ внѣшнихъ условій, не благопріятствующихъ честолюбивымъ планамъ, и что не будь милліонныхъ армій Франціи и Россіи—прусскіе правители не говорили бы о сытости, а, напротивъ, считали бы необходимымъ довершить зданіе германскаго могущества дальнѣйшими воинственными предпріятіями; они могли бы легко увлечься перспективою присоединенія Голландіи, нѣмецкой части Швейцаріи, даже нашихъ остзейскихъ провинцій. Какія мечты бродятъ въ головахъ иныхъ нѣмецкихъ патріотовъ, можно видѣть изъ недавняго обстоятельнаго отчета одного нѣмецкаго журналиста о бесѣдахъ съ княземъ Бисмаркомъ. Въ этомъ отчетѣ, перепечатанномъ почти всѣми нѣмецкими и французскими газетами, высказывается предположеніе, что нѣмцы вполнѣ помирились бы съ провансальскою Франціею, отрѣзанною отъ Парижа, лишенною военныхъ силъ и преданною мирному труду винодѣлія; а для того, чтобы приблизить страну къ этому идеалу, слѣдовало бы отнять у французовъ право и возможность содержанія значительнаго войска, вытребовать у нихъ весь военный флотъ и т. п. Князь Бисмаркъ съ своей стороны замѣтилъ, что принудительное сокращеніе численности французской арміи неосуществимо и что отнятые военные корабли сами по себѣ не имѣли бы значенія, безъ опытныхъ моряковъ; журналисту же казалось, что можно было бы въ такомъ случаѣ продать излишніе корабли или даже сжечь ихъ, какъ это практиковалось въ древности. Бывшій канцлеръ прервалъ разговоръ на эту щекотливую тэму меланхолическимъ замѣчаніемъ, что „нельзя уничтожить французскую націю“. Германія, по словамъ Бисмарка, никогда не будетъ вести войну предохранительную; она не станетъ брать на себя роль нападающей стороны. Говорилось о практической неосуществимости или нецѣлесообразности извѣстныхъ проектовъ, которые, въ сущности, носятъ на себѣ характеръ дикаго варварства и не должны были бы допускаться даже въ видѣ гипотезъ, съ точки зрѣнія современныхъ культурныхъ народовъ. Собесѣдникъ князя Бисмарка, подобно многимъ другимъ патріотамъ, представляетъ себѣ враждебную націю въ видѣ безжизненной массы, которую можно дѣлить и давить по произволу при помощи военнаго

Digitized by Google

насилія; онъ рисуетъ себѣ какихъ-то небывалыхъ французовъ, довольныхъ и успокоенныхъ послѣ окончательнаго разгрома ихъ отечества; онъ не можетъ понять, что великій многомилліонный народъ, обладающій блестящею и высокою культурою, останется великою стихійною силою даже послѣ самыхъ грозныхъ военныхъ пораженій и не потерпитъ надъ собою иноземнаго ига. Притязаніе побѣдителей на прочное подавленіе враговъ и соперниковъ сдѣлало бы миръ совершенно невозможнымъ; оно вызывало бы рядъ отчаянныхъ войнъ, которыя подорвали бы самыя основы существованія и развитія народовъ. Все это само по себѣ слишкомъ очевидно, чтобы нуждаться еще въ разъясненіи, и тотъ же нѣмецкій журналистъ, который съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ высказывалъ свои идеи о маленькой провансальской Франціи, былъ бы возмущенъ до глубины души, еслибы французская печать стала проповѣдовать что-либо подобное относительно Германіи или Пруссіи. Любопытно тутъ только отношеніе князя Бисмарка къ этимъ своеобразнымъ политическимъ теоріямъ: онъ не отвергалъ ихъ въ принципѣ, не находилъ въ нихъ ничего возмутительнаго, а только указывалъ на трудность примѣненія ихъ на практикѣ, на невозможность уничтожить такую націю, какъ французская. Такъ же точно и большинство нѣмецкихъ газетъ отнеслось къ этимъ взглядамъ вполнѣ безразлично; а между тѣмъ что должны думать французы объ этихъ миролюбивыхъ нѣмцахъ, печатно обсуждающихъ способы отобранія у Франціи ея военнаго флота, ограниченія ея военныхъ силъ и низведенія ея на степень безсильной третьестепенной державы? Нѣкоторыя изъ французскихъ газетъ напомнили по этому поводу, что самъ князь Бисмаркъ не прочь былъ, въ 1875 году, предпринять дополнительную кампанію противъ Франціи, безъ всякаго повода съ ея стороны, съ единственною цѣлью довести ненавистную націю до полнаго истощенія и наложить на нее новыя тяжелыя обязательства, въ родѣ уменьшенія ея арміи. То, что казалось еще осуществимымъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, признается невозможнымъ въ настоящее время, вслѣдствіе измѣнившагося военнаго и международнаго положенія Франціи. Идеи нѣмецкихъ патріотовъ остались тѣ же, но обстоятельства не даютъ имъ большого простора; интеллигентная толпа продолжаетъ мечтать объ усмиреніи безпокойной французской націи, хотя и мало надѣется на исполненіе своихъ мечтаній. Можетъ ли быть рѣчь о разоруженіи при такихъ условіяхъ?

При всемъ томъ, перемѣна къ лучшему замѣчается во многомъ вражда смягчилась и стала какою-то отвлеченною, теоретическою. Старый духъ недовѣрія и подозрительности какъ будто исчезъ, послѣ удаленія князя Бисмарка. Французская печать съ замѣчательнымъ

Digitized by Google

тактомъ поддерживаетъ это новое настроеніе. Какъ это ни странно, но открытіе Коха играло тутъ нѣкоторую политическую роль; оно облегчило взаимное сближеніе въ такой области, которая собственно должна быть въ сторонѣ отъ политики. Выдающіеся французскіе врачи обнаружили безпристрастіе, котораго совершенно не ожидали отъ нихъ нѣмецкіе коллеги и публицисты; а такъ какъ открытіе Коха завладѣло на время вниманіемъ всей нѣмецкой журналистики, то сочувственные и отчасти восторженные отзывы французовъ должны были произвести впечатлѣніе въ Германіи. Мысль о прочномъ мирѣ съ Франціею выступаетъ все яснѣе на первый планъ, вопреки всѣмъ предубѣжденіямъ и ложнымъ взглядамъ; миролюбіе находитъ уже болѣе надежную основу, чѣмъ простая сытость Германіи. Перемѣна атмосферы чувствуется и въ предѣлахъ тройственнаго союза; отношенія берлинскаго кабинета къ Австро-Венгріи сдѣлались болѣе свободными и равноправными, чѣмъ и пользуется вѣнская дипломатія съ обычною своею ловкостью.

Бывшій имперскій канцлеръ недоволенъ новою политикою германскаго правительства и отчасти выражаетъ это недовольство въ своемъ органѣ „Hamburger Nachrichten“; критическіе отзывы этой газеты, быть можетъ, не всегда принадлежатъ самому Бисмарку, но часто носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ его личныхъ воззрѣній. Эти газетныя замѣчанія даютъ поводъ къ весьма странной полемикѣ о томъ, имѣетъ ли бывшій канцлеръ право высказывать или проводить свои взгляды въ печати. Статьи и сообщенія „Hamburger Nachrichten“ написаны вообще въ приличномъ и умѣренномъ тонѣ; однако благонамѣренные люди, даже передовые либералы и прогрессисты, говорятъ о „нападеніяхъ“ князя Бисмарка на правительство, волнуются по поводу его мнѣній и поднимаютъ вопросъ о мѣрахъ къ удержанію его отъ какихъ-либо сношеній съ печатью. Въ „Hamburger Nachrichten“ было даже признано нужнымъ заявить, что въ политическомъ отношеніи князь Бисмаркъ пользуется такою же свободою частнаго лица, какъ и редакторы возражающихъ ему газетъ. Годъ тому назадъ всемогущій канцлеръ не только высказывалъ, что̀ хотѣлъ, но и примѣнялъ свои взгляды на дѣлѣ, не опасаясь обычной оппозиціи въ газетахъ; а теперь оспаривается его право голоса въ печати, хотя всякій можетъ печатно спорить съ нимъ и опровергать его заявленія. Если Бисмаркъ могъ еще недавно руководить дѣлами Пруссіи и Германіи, съ пользою для нѣмецкихъ интересовъ, то почему же теперь его авторитетные отзывы и совѣты не могутъ быть даже выслушиваемы терпѣливо, съ подобающимъ вниманіемъ? Въ этихъ призывахъ къ обузданію свободы слова бывшаго канцлера проявляется обычный поворотъ судьбы: кто прежде самъ по возмож-

Digitized by Google

ности обуздывалъ другихъ,—долженъ испытывать на себѣ непріятныя послѣдствія своей собственной политики обузданія. Какъ ни строгъ былъ онъ, однако, къ графу Арниму и Геффкену, онъ не преслѣдовалъ ихъ за враждебныя мнѣнія, а отдалъ ихъ подъ судъ за разглашеніе государственныхъ тайнъ; онъ былъ также строгъ къ личнымъ обидчикамъ и преслѣдовалъ многихъ за оскорбленіе его въ печати, но не мѣшалъ и не имѣлъ возможности мѣшать оппозиціи высказываться свободно о его политическихъ мѣропріятіяхъ и проектахъ. Нынѣшніе противники князя Бисмарка идутъ уже слишкомъ далеко въ своемъ возмездіи; они хотѣли бы отнять у него право, которымъ сами всегда пользовались безъ стѣсненія. Непривычка къ публичной и свободной государственной жизни побуждаетъ ихъ волноваться по поводу фактовъ, составляющихъ общее правило при парламентской системѣ управленія. Въ Англіи, напр., никому не приходило въ голову желать молчанія Биконсфильда послѣ его отставки или требовать особенной сдержанности отъ Гладстона; бывшіе первые министры, стоявшіе во главѣ правительства, не только не сходятъ со сцены и не удаляются на покой, а, напротивъ, дѣйствуютъ съ большею еще свободою и энергіею въ странѣ и въ парламентѣ, пользуясь своею опытностью и талантами для всесторонняго освѣщенія главнѣйшихъ текущихъ вопросовъ. Такъ какъ князь Бисмаркъ не принадлежитъ къ оппозиціи и не можетъ стремиться къ возвращенію себѣ власти путемъ журнальной или парламентской борьбы, то его рѣчи не могутъ быть даже заподозрѣны въ партійности или пристрастіи, и если онъ проводитъ свои мнѣнія въ небольшой провинціальной газетѣ или бесѣдуетъ иногда съ посѣщающими его репортерами, то это участіе въ политикѣ должно быть признано чрезвычайно скромнымъ для человѣка, привыкшаго заправлять государственными дѣлами въ теченіе почти тридцати лѣтъ. Бывшій канцлеръ занимался около сорока лѣтъ политическими вопросами первостепенной важности, писалъ ноты, инструкціи, заключалъ союзы, говорилъ рѣчи, составлялъ законопроекты; что же удивительнаго, если онъ теперь чувствуетъ потребность предлагать иногда свои сужденія, по крайней мѣрѣ, въ мѣстной, мало распространенной газетѣ? Вмѣсто того, чтобы интересоваться этими мнѣніями стараго государственнаго дѣятеля, публицисты разныхъ партій возстаютъ противъ самаго права его говорить съ публикою черезъ посредство печати. Это странное заблужденіе представляетъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ перемѣнчивости человѣческихъ судебъ: годъ тому назадъ было совершенно немыслимо предвидѣть что-либо подобное по отношенію къ могучему канцлеру. Жаль только, что прежніе враги его не соблюдаютъ должной мѣры въ полемикѣ противъ „павшаго льва“,

Digitized by Google

невольно заставляя дѣлать невыгодныя для себя сравненія и заключенія.

Нельзя отрицать, что критика князя Бисмарка имѣетъ предъ собою отчасти благодарный матеріалъ; нѣкоторые министры, прошедшіе его школу и привыкшіе пассивно слѣдовать его указаніямъ, остались теперь безъ прежняго руководства и не всегда умѣютъ сохранить равновѣсіе между новыми требованіями и старыми принципами. Въ такія противорѣчія часто впадаетъ, напримѣръ, прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, Герфуртъ, обладающій достоинствами добросовѣстнаго и исполнительнаго администратора; еще сильнѣе уклоняется отъ стараго пути министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, фонъ-Госслеръ. Весною прошлаго года фонъ-Госслеръ внесъ въ прусскую палату депутатовъ проектъ, имѣвшій цѣлью окончательно ликвидировать финансовые счеты прекращенной нынѣ культурной борьбы; дѣло шло о тѣхъ суммахъ, которыя подлежали выдачѣ католическому духовенству прусскихъ епархій изъ средствъ государственнаго казначейства и которыя были удержаны правительствомъ на основаніи закона 1875 года. Правительство перестало давать субсидіи духовенству, уклонявшемуся отъ исполненія распоряженій государственной власти; такихъ удержанныхъ денегъ накопилось теперь больше шестнадцати милліоновъ, и вопросъ о томъ, какъ поступить съ этими деньгами, занималъ правительство и общественное мнѣніе задолго до отставки князя Бисмарка. Удержаніе этихъ суммъ (Sperrgelder) имѣло въ свое время характеръ понудительной мѣры къ подчиненію непокорнаго католическаго духовенства; однако эта мѣра ни къ чему не привела и только усилила симпатіи населенія къ епископамъ и священникамъ, не обращавшимъ вниманія на финансовыя, судебныя и иныя репрессаліи. Въ концѣ концовъ, сдалась не церковь, а свѣтская власть: послѣ десятка лѣтъ напрасныхъ угрозъ и усилій, князь Бисмаркъ пошелъ на уступки и постепенно отрекся отъ затѣянной имъ культурной борьбы, поддерживавшей постоянное волненіе въ умахъ католическаго населенія Германіи. Однимъ изъ непредвидѣнныхъ результатовъ этой борьбы было образованіе многочисленной и тѣсно сплоченной католической партіи центра въ парламентѣ, подъ предводительствомъ ловкаго и энергическаго Виндгорста. Имперскій канцлеръ рѣшился „идти въ Каноссу“, сваливая отвѣтственность за сдѣланныя ошибки на прежнихъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ, національ-либераловъ. Нужно было привлечь партію центра на сторону правительства, при парламентскомъ обсужденіи военныхъ законопроектовъ, законовъ о страхованіи рабочихъ и др. Партія центра держалась твердо и независимо, при-

Digitized by Google

мѣняя тактику самого Бисмарка, по правилу: не давать ничего безъ соотвѣтственной уступки со стороны противниковъ. Требовалось такъ или иначе возмѣстить католическому духовенству потери отъ удержанія слѣдовавшихъ ему денегъ; въ прошлогоднемъ проектѣ Госслера предположено было выдавать ежегодную ренту заинтересованнымъ епархіямъ, въ количествѣ свыше полумилліона марокъ, причемъ употребленіе денегъ подлежало бы контролю администраціи; самый же капиталъ остался бы въ распоряженіи правительства. Проектъ былъ рѣшительно отвергнутъ партіею центра и не могъ быть принятъ парламентомъ. Виндгорстъ рѣзко протестовалъ противъ попытки отнять у духовенства должныя ему суммы; онъ отвергалъ подачку ренты, какъ недостойную государства и обидную для церкви. Теперь министръ Госслеръ предлагаетъ поступить прямо противоположно тому, что онъ рекомендовалъ весною прошлаго года. По новому проекту, вся капитальная сумма, въ размѣрѣ болѣе 16 милліоновъ, должна быть выдана епархіямъ сполна и распредѣлена между ними по точному разсчету удержанныхъ денегъ; употребленіе суммъ зависитъ уже отъ епископовъ, изъ которыхъ каждый назначаетъ отъ себя коммиссію изъ трехъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ членовъ для выдачи лицамъ, не получавшимъ казеннаго жалованья за время культурной борьбы или потерпѣвшимъ ущербъ отъ дѣйствій правительства; остальныя деньги пойдутъ на удовлетвореніе церковныхъ епархіальныхъ нуждъ, безъ контроля со стороны государственной власти.

Министръ Госслеръ не имѣлъ успѣха въ палатѣ депутатовъ, когда онъ пытался объяснить мотивы такой полной перемѣны фронта по отношенію къ католическому духовенству; увѣренія его о томъ, что онъ, въ сущности, не отступилъ отъ прежняго взгляда, были встрѣчены смѣхомъ и неудовольствіемъ даже среди консервативныхъ и умѣренно-либеральныхъ группъ. Конечно, министръ могъ бы сказать просто и откровенно, что оставаться на прошлогодней точкѣ зрѣнія невозможно при измѣнившихся обстоятельствахъ и что отставка главнаго руководителя культуркампфа позволяетъ теперь радикально покончить всѣ старые счеты съ католическою церковью и удовлетворить справедливыя финансовыя требованія духовенства, поддерживаемыя вліятельною партіею центра. Но представители государственной власти обыкновенно считаютъ почему-то обязательнымъ для себя избѣгать прямыхъ и искреннихъ заявленій, которыя могутъ будто бы подорвать авторитетъ правительства; министръ Госслеръ пожелалъ какъ будто доказать публикѣ, что правительство не можетъ ошибаться или противорѣчить себѣ, что оно должно сохранять видъ непогрѣшимости въ глазахъ населенія при помощи оффиціальныхъ софиз-

Digitized by Google

мовъ и умолчаній. Представители власти любятъ иногда смотрѣть на общество и народъ какъ на толпу наивныхъ людей, принимающихъ на вѣру всякое замысловатое или темное объясненіе, предлагаемое администраціею; предполагается, что публика не знаетъ и не понимаетъ того, что́ совершается у всѣхъ предъ глазами, пока факты не признаны и не истолкованы оффиціально правительствомъ. Понятно, что въ Пруссіи не можетъ быть и рѣчи о подобномъ пренебрежительномъ отношеніи къ общественному мнѣнію; поэтому странные доводы Госслера удивили многихъ. По словамъ министра, правительство по прежнему отрицаетъ существованіе какихъ-либо законныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ или учрежденій на удержанныя государствомъ суммы; если же теперь выданъ будетъ самый капиталъ, вмѣсто ренты, то на общія потребности церковныхъ вѣдомствъ останется все-таки немного, такъ какъ бо́льшая часть денегъ уйдетъ на удовлетвореніе заинтересованныхъ лицъ и институтовъ. Нелогичность этой аргументаціи бросается въ глаза: то отдѣльныя лица и учрежденія не имѣютъ законнаго права на полученіе денегъ, то главная часть всей суммы достанется именно этимъ лицамъ и учрежденіямъ. Трудно также сообразить, почему выдача громаднаго капитала доставитъ духовенству меньше выгодъ, нежели назначеніе ежегодной ренты, и какимъ образомъ правительство можетъ судить о распредѣленіи и употребленіи суммъ, которыми будутъ свободно распоряжаться управляющіе епархіями. Министру будутъ, правда, доставляемы свѣденія о расходованіи свободныхъ суммъ, но самыя распоряженія духовныхъ властей останутся безконтрольными. Нечего и говорить, что новый проектъ Госслера и особенно самый образъ дѣйствій этого министра возстановили противъ него значительную часть парламента и печати. Только партія центра безусловно одобряетъ рѣшеніе правительства, хотя видитъ въ законопроектѣ только простую отдачу должнаго, необходимое возстановленіе нарушенныхъ законныхъ правъ. Оппозиція указываетъ на явное и непростительное будто бы отреченіе отъ государственныхъ правъ, которыя еще въ прошломъ году твердо отстаивались правительствомъ и тѣмъ же министромъ Госслеромъ.

Къ этому хору осужденія присоединилъ свой голосъ и бывшій канцлеръ въ „Hamburger Nachrichten“. Но откуда возникло то щекотливое положеніе, которое пришлось распутывать Госслеру? Удержаніе церковныхъ суммъ и разныя другія мѣры борьбы противъ римской іерархіи придуманы были княземъ Бисмаркомъ; онъ же потомъ отказался отъ этой кампаніи, примирился съ католическою церковью и пробовалъ вступить въ согласіе съ партіею центра. Мѣра Госслера есть только заключительный выводъ изъ всѣхъ дѣйствій и заявленій

Digitized by Google

князя Бисмарка за послѣдніе два-три года его канцлерства. Бывшій канцлеръ имѣетъ всего меньше основаній упрекать правительство за нанесеніе ущерба авторитету государства, ибо онъ самъ „пошелъ въ Каноссу“ и публично призналъ несостоятельность цѣлаго ряда мѣръ, принятыхъ имъ отъ имени государственной власти по церковному вопросу; а сравнительно съ этимъ торжественнымъ отреченіемъ отъ сложной многолѣтней программы теряетъ всякое значеніе финансовая уступка, рѣшенная теперь Госслеромъ и Микелемъ. Одно изъ двухъ: или правительство дѣйствительно поступало неосновательно противъ католической іерархіи и должно теперь поправить ошибки прошлаго, какъ это вытекаетъ, повидимому, изъ неоднократныхъ косвенныхъ признаній князя Бисмарка: тогда нѣтъ законнаго повода удерживать суммы, не выданныя духовенству своевременно; или же, наоборотъ, дѣйствія правительства были вполнѣ законны и справедливы, и задержанныя деньги, въ самомъ дѣлѣ, не подлежали выдачѣ духовенству: тогда оба проекта, и прошлогодній, и теперешній, одинаково не имѣли бы смысла, ибо дѣлать подарокъ католическимъ епархіямъ, въ видѣ ли единовременной капитальной суммы или ежегодной ренты, было бы одинаково странно со стороны государства. Въ томъ-то и дѣло, что, по общему признанію нѣмецкой печати, нельзя избѣгнуть возврата денегъ, если эти деньги удерживались только въ видахъ угрозы или понужденія, безъ намѣренія присвоить ихъ государству. Разъ прекращена культурная борьба, сами собою падаютъ и ея послѣдствія, и употреблявшіеся при ней пріемы административнаго давленія; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ законное основаніе для распоряженія суммами, которыя только временно и условно сохранялись правительствомъ. Признать, что эти деньги не принадлежатъ казнѣ, и все-таки распорядиться ими въ пользу казначейства въ той или другой формѣ—было бы неловко и нецѣлесообразно, въ виду необходимости покончить разъ навсегда съ церковнымъ конфликтомъ и успокоить умы нѣмецкихъ католиковъ; поэтому не оставалось ничего дѣлать, какъ рѣшиться на полную уступку требованіямъ партіи центра. Тѣмъ не менѣе, министръ Госслеръ такъ неудачно поставилъ дѣло съ самаго начала, что весь проектъ рискуетъ провалиться въ палатѣ депутатовъ. Результатомъ такой неудачи была бы, вѣроятно, отставка этого министра; но сущность проекта едва ли можетъ быть измѣнена, и принятіе его парламентомъ не заставитъ себя долго ждать, при современномъ положеніи политическихъ партій въ Германіи.

Для внѣшней политики Германіи можетъ имѣть серьезное значеніе министерскій кризисъ въ Италіи, о которомъ получены пока

Digitized by Google

только краткія телеграфныя извѣстія (отъ 19 янв.). Паденіе Криспи есть логическое послѣдствіе отставки князя Бисмарка и упадка всей созданной имъ системы тройственнаго союза или такъ-называемой лиги мира. Непопулярный въ Италіи союзъ съ Германіею можетъ теперь потерять свою силу; точно такъ же явственно колеблются основы союза Германіи съ Австро-Венгріею, которая обнаруживаетъ готовность вновь сблизиться съ Россіею. Для международной дипломатіи открываются новыя перспективы, о значеніи которыхъ для будущаго судить еще трудно.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1891.

— Сборникъ свѣденій для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II. Подъ редакціею Николая Харузина. М. 1890. 4°. 234 стр. и 12 стр. нотъ (Извѣстія Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Т. LXIX. Труды Этногр. Отдѣла, т. XI, вып. I).

Названное Общество въ послѣднее время очень дѣятельно: одно за другимъ выходятъ его изданія, къ которымъ присоединилось съ 1889 года не разъ нами упомянутое „Этнографическое Обозрѣніе". Мы говорили объ особомъ изданіи, которое предпринято Обществомъ для объединенія этнографическихъ свѣденій о крестьянскомъ бытѣ; въ настоящее время вышелъ второй выпускъ этого изданія. Онъ весь занятъ трудомъ Н. А. Иваницкаго: „Матеріалы по этнографіи вологодской губерніи". Этотъ сборникъ составленъ по программѣ, изданной Обществомъ года три тому назадъ, и обнимаетъ по возможности всѣ стороны быта, подлежащія этнографическому описанію. Такимъ образомъ, авторъ въ нѣсколькихъ главахъ излагаетъ слѣдующія свѣденія: поверхность и климатъ вологодской губерніи; составъ населенія; преданія населенія о своемъ происхожденіи и исторіи края; физическій типъ населенія; жилище и его принадлежности, одежда, пища; бытъ и занятія: хлѣбопашество, охота, рыболовство; повѣрья, сопряженныя съ этими занятіями; уходъ за домашними животными; отхожіе и ручные промыслы; мѣра, счетъ; семейные нравы и обычаи; свадебные обряды; вѣрованія. Во второмъ отдѣлѣ находятся слѣдующія главы: заговоры; списокъ растеній, употребляемыхъ въ вологодской губерніи, какъ лекарственныя; дѣтскія игры; сказки, легенды и перегудки. Наконецъ, помѣщены въ сборникѣ пѣсенные тексты г. Иваницкаго къ напѣвамъ, собраннымъ г. Куклинымъ, и замѣтка о музыкѣ вологодскихъ пѣсенъ, г. Мельгунова.

Таково разнообразное содержаніе сборника. Насколько точны быто-

Digitized by Google

выя описанія и тексты пѣсенъ и преданій, судить объ этомъ бываетъ обыкновенно очень трудно; ученые, которымъ приходится пользоваться подобными текстами и описаніями, всего чаще должны вѣрить на слово собирателямъ, провѣрка которыхъ была бы возможна только на мѣстѣ новымъ собираніемъ. Судя по обстоятельности описаній, какія даетъ г. Иваницкій, и по тому, что онъ уже не новичокъ въ этнографической работѣ, надо полагать, что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой матеріалъ достаточно достовѣрный. Что касается редакціи изданія, мы сказали бы слѣдующее.

Въ предисловіи редакціи говорится, что по вызову Общества въ этнографическій его отдѣлъ доставлено было мѣстными жителями разныхъ краевъ Россіи много, между прочимъ, важнаго матеріала, такъ что „въ виду накопленія матеріала является возможнымъ группировать его по областямъ или губерніямъ". Редакція высказываетъ надежду, что слѣдующіе выпуски сборника, подобно настоящему, будутъ содержать въ себѣ матеріалы послѣдовательно по вятской, олонецкой и ярославской губерніямъ и по Малороссіи.

Такая постановка дѣла заслуживаетъ всякаго сочувствія; но, кажется, пора было бы выяснить этотъ вопросъ сполна и провести его систематически. Всѣмъ заинтересованнымъ этнографіей слишкомъ извѣстно, какъ разбросанъ ея матеріалъ: чтобы сосредоточить данныя по тому или другому предмету этнографіи или по извѣстной мѣстности, нужно перерывать цѣлыя груды различныхъ изданій, въ томъ числѣ чрезвычайно трудно доступныхъ изданій провинціальныхъ. Помочь этому могъ бы или библіографическій обзоръ этой литературы, пока не существующій, а особливо такой рядъ изданій, мысль о которомъ мелькаетъ въ соображеніяхъ редакціи настоящаго „Сборника". Нашему этнографическому собиранію давно бы слѣдовало принять это топографическое направленіе съ цѣлью объединить мѣстный матеріалъ, напримѣръ, въ такомъ родѣ, какъ это сдѣлано въ трудахъ знаменитаго польскаго этнографа Оскара Кольберга. У насъ и имѣется уже весьма значительное количество мѣстныхъ сборниковъ, но обыкновенно это сборники небольшіе и далеко не исчерпывающіе мѣстнаго матеріала. Было бы очень желательно и доставило бы драгоцѣнный матеріалъ для науки, еслибы по каждой мѣстности сосредоточенъ былъ возможно полный матеріалъ, гдѣ, кромѣ результатовъ новѣйшаго собиранія, присоединено было бы и то, что́ сдѣлано было относительно этой мѣстности раньше. Собственно говоря, такіе сборники должны были бы составляться на мѣстахъ, гдѣ у этнографа была бы ближайшая возможность непосредственнаго дополненія и провѣрки собранныхъ фактовъ; къ сожалѣнію, несмотря на нынѣшнее размноженіе любителей этнографіи, такой трудъ для

Digitized by Google

мѣстныхъ дѣятелей былъ бы не по силамъ и научнымъ, и матеріальнымъ, и въ нашихъ условіяхъ онъ могъ бы быть исполненъ скорѣе учеными обществами, какъ Географическое въ Петербургѣ и Общество естествознанія, антропологіи и этнографіи въ Москвѣ: онѣ могли бы даже обдумать и исполнить подобное предпріятіе сообща. Предпріятіе, безъ сомнѣнія, чрезвычайно сложное, но абсолютно необходимое: только съ нимъ наша этнографическая наука получила бы сполна наличный матеріалъ, могла бы восполнить оказывающіеся пробѣлы и пріобрѣла бы прочную основу для сравненій и выводовъ. Извѣстная серія статистическихъ описаній, исполнявшихся тридцать лѣтъ тому назадъ офицерами генеральнаго штаба, можетъ свидѣтельствовать, что подобное предпріятіе не невозможно, и подобная серія описаній этнографическихъ стоитъ, кажется, на очереди.

Пока, въ ожиданіи будущаго, тѣ описанія, какія предполагаются въ московскомъ Обществѣ, могли бы быть поставлены много обстоятельнѣе, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ. Въ предисловіи редакціи говорится слѣдующее: „Вологодская губ., несмотря на свою относительную близость къ столицамъ, является въ этнографическомъ отношеніи менѣе изслѣдованной, чѣмъ многія отдаленныя окраины Россіи. Въ то время, какъ относительно многихъ племенъ, населяющихъ крайніе пункты Россіи, мы имѣемъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣденія, этнографическая литература—какъ объ инородцахъ, такъ и о русскихъ жителяхъ вологодской губ.—ограничивается лишь небольшими статьями, разбросанными въ №№ „Вологодскихъ Г. В.“, отчетахъ статистическаго комитета и т. п. Если изъ этихъ статей, и безъ того малочисленныхъ, выключить тѣ, которыя касаются чисто экономическаго быта населенія, то наши этнографическія свѣденія о вологодской губ. сведутся почти на ничто. Между тѣмъ вологодскій край представляетъ не мало интереса“. Что мѣшало бы редакціи указать эти статьи мѣстныхъ изданій и другія работы, относящіяся къ этнографіи вологодской губерніи, — если ихъ такъ мало; но ихъ на дѣлѣ вовсе и не такъ мало. Подобное указаніе относящагося сюда матеріала очень облегчило бы цѣльное изученіе края по даннымъ, существующимъ въ литературѣ, и въ настоящемъ случаѣ это было бы тѣмъ полезнѣе, что свѣденія, собранныя г. Иваницкимъ, относятся, по его словамъ, главнымъ образомъ только къ двумъ уѣздамъ, кадниковскому и вологодскому. Авторъ не указалъ, напримѣръ, даже собственныхъ статей и пѣсенныхъ собраній, которыя были помѣщены въ разныхъ томахъ „Вологодскаго Сборника“. Между прочимъ, въ этомъ послѣднемъ изданіи уже помѣщено было описаніе лекарственныхъ травъ, составленное г. Куклинымъ; описаніе г. Иваницкаго, напечатанное теперь и иногда совпадающее съ данными

Digitized by Google

г. Куклина (но болѣе подробное), могло бы упомянуть о прежней работѣ по тому же предмету.

— *Историческое Обозрѣніе.* Сборникъ Историческаго Общества при Импер. С.-Петербургскомъ университетѣ за 1890 годъ. Томъ первый. Спб. 1890.

При университетахъ начинаютъ размножаться ученыя общества по разнымъ отраслямъ науки, и нельзя этому не порадоваться: всякій новый органъ научной дѣятельности какъ будто даетъ новое ручательство укрѣпленія образовательныхъ интересовъ въ обществѣ, какъ наше, въ которомъ слишкомъ еще крѣпко держатся и легко распространяются совсѣмъ противоположные инстинкты, прямая и косвенная вражда къ наукѣ; съ другой стороны, ученые кружки этого рода могутъ оказать и, сколько мы имѣли случай видѣть, оказываютъ благотворное вліяніе на работы начинающихъ ученыхъ, давая имъ возможность въ кругу спеціалистовъ своего предмета, старыхъ и молодыхъ, ближе знакомиться и съ разными отдѣлами своей науки и дѣлать провѣрку собственныхъ работъ. Новое „Историческое Общество“ основалось въ 1889 году, главнымъ образомъ по иниціативѣ проф. Карѣева, какъ видно изъ протоколовъ („Истор. Обозр.“, отдѣлъ второй, стр. 17). Кружокъ преподавателей Спб. университета, составившій докладную записку объ основаніи Общества и проектъ устава (впослѣдствіи утвержденнаго г. министромъ народнаго просвѣщенія), опредѣлялъ цѣлью Общества: 1) изученіе исторіи какъ русской, такъ и всеобщей во всѣхъ ея отдѣлахъ; 2) разработку теоретическихъ вопросовъ исторической науки и 3) содѣйствіе успѣхамъ историческаго преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ посредствомъ обсужденія относящихся къ нему вопросовъ. Кромѣ изданія „Ооозрѣнія“, Общество въ дальнѣйшемъ развитіи своей дѣятельности имѣетъ въ виду также устройство публичныхъ чтеній и ученыхъ съѣздовъ.

Настоящій выпускъ „Обозрѣнія“, по объясненію редакціи, могъ вмѣстить лишь тѣ статьи, какія поступили къ концу прошлаго года, и этимъ только объясняется, что здѣсь нѣтъ пока ни одной статьи по русской исторіи,—онѣ въ свое время не были получены; по той же причинѣ остался неполонъ отдѣлъ исторической хроники. Несмотря на эти пробѣлы, которыхъ редакція надѣется избѣгнуть въ продолженіи изданія, составъ первой книги „Историческаго Обозрѣнія“ довольно разнообразенъ, и надо ожидать, что изданіе вообще будетъ полезнымъ подспорьемъ для развитія нашихъ историческихъ изученій и, быть можетъ, также для улучшенія историческаго пре-

Digitized by Google

подаванія въ учебныхъ заведеніяхъ. Содержаніе настоящаго тома состоитъ въ слѣдующемъ. Г. Карѣевъ помѣстилъ три статьи: „Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки"; „Новѣйшія работы по исторіи французской революціи"; „Философія, исторія и теорія прогресса". Затѣмъ, находятся здѣсь статьи: г. Форстена—„Къ вопросу о внѣшней политикѣ Швеціи въ 30-лѣтнюю войну"; П. Д. Погодина—о Маколеѣ какъ историкѣ; А. И. Покровскаго — „Новыя явленія въ области разработки древне-греческой исторіи"; А. И. Павинскаго—„Обзоръ современнаго состоянія польской исторіографіи"; С. Л. Степанова—„Новые труды по вопросу о земельной собственности во франкскомъ государствѣ"; наконецъ, замѣтки объ иностранныхъ историческихъ журналахъ. Въ отдѣлѣ Исторической Хроники помѣщены свѣденія о ходѣ нашего историческаго преподаванія въ университетахъ и высшихъ женскихъ курсахъ, о дѣятельности ученыхъ историческихъ обществъ, публичныхъ лекціяхъ и диспутахъ, наконецъ, свѣденія о новыхъ явленіяхъ нашей исторической литературы.

Таково содержаніе новаго журнала, и изъ одного нашего указанія видно, что онъ является весьма полезнымъ органомъ нашей исторической литературы, какъ давно недостававшій опытъ объединенія историческихъ изученій хотя бы въ библіографическомъ обзорѣ, и какъ спеціальное изданіе, гдѣ могутъ найти мѣсто, между прочимъ, работы по всеобщей исторіи и по теоретическимъ вопросамъ науки. Мы говорили, какую пользу можетъ имѣть дѣятельность самого историческаго Общества въ ближайшемъ кругу его участниковъ.

— *Лѣтопись Историко-филологическаго Общества* при Импер. Новороссійскомъ университетѣ. I. Посвящается 25-лѣтію Импер. Новороссійскаго Университета. Одесса, 1890 (Мал. 8°, 133 стр.).

Эта небольшая книжка заявляетъ о возникновеніи еще новаго ученаго университетскаго Общества. Какъ видимъ изъ краткихъ свѣденій, сообщенныхъ въ началѣ „Лѣтописи", это Общество, утвержденное г. министромъ народнаго просвѣщенія въ декабрѣ 1888 года, открыло свою дѣятельность въ февралѣ слѣдующаго года, въ составѣ десяти членовъ-учредителей, подъ предсѣдательствомъ профессора Ѳ. И. Успенскаго. По уставу, цѣль Общества—способствовать ученными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній, и въ теченіе 1889—1890 отчетнаго года въ Обществѣ сдѣланъ былъ рядъ научныхъ сообщеній по весьма разнообразнымъ вопросамъ историко-филологической науки, а именно по классической филологіи, по средневѣковой

Digitized by Google

западной старинѣ, по славянской литературной исторіи, наконецъ, по старой русской письменности и по мѣстной исторіи Новороссійскаго края. Публичныя лекціи нѣсколькихъ профессоровъ университета доставили Обществу скромную сумму 400 рублей, которая дала возможность приступить къ изданію перваго выпуска трудовъ Общества въ видѣ настоящей „Лѣтописи". Вѣроятно, эта скудость средствъ и не позволила помѣстить въ „Лѣтописи" упомянутыхъ рефератовъ, читанныхъ въ Обществѣ, и которые, судя по ихъ заглавіямъ, могли бы представить не мало интереса. Кромѣ устава и краткихъ извѣстій о дѣятельности Общества, въ „Лѣтописи" помѣщены только двѣ статьи: „Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ", Ѳ. И. Успенскаго и „Описаніе рукописей Григоровича", В. Н. Мочульскаго.

„Воспоминанія" г. Успенскаго, составившія актовую рѣчь въ день празднованія 25-лѣтія новороссійскаго университета, 1-го мая 1890, даютъ чрезвычайно любопытный біографическій очеркъ знаменитаго слависта, который занималъ каѳедру въ Одессѣ въ послѣдніе годы своей жизни, съ основанія университета въ 1865 и до 1876, когда Григоровичъ вышелъ въ отставку и вскорѣ умеръ. Оригинальная личность Григоровича и до сихъ поръ остается не вполнѣ выясненной. По его смерти, въ некрологическихъ воспоминаніяхъ были высоко оцѣнены его труды, приведены своеобразныя черты его характера, разсказывалось объ его идеализмѣ, чрезвычайной застѣнчивости, житейской непрактичности, вмѣстѣ съ тѣмъ большой добротѣ и т. д.; но оставалась не совсѣмъ понятной та особенная складка этого характера, рѣдкая въ людяхъ нашего общества, въ которой боязливая уклончивость соединялась съ глубокимъ убѣжденіемъ, идеалистическими стремленіями и обширной ученостью. Въ концѣ концовъ, его замкнутость становилась искусственностью... Г. Успенскій, когда назначенъ былъ въ 1874 году въ одесскій университетъ, желалъ сблизиться съ давно уважаемымъ ученымъ, славянскія и византійскія изученія котораго совпадали съ его собственной спеціальностью. „Я искалъ случая,—разсказываетъ г. Успенскій,—побесѣдовать съ нимъ запросто, чтобы воспользоваться его опытомъ и начитанностью и попросить его совѣта. Въ этихъ расположеніяхъ я отправился къ нему разъ вечеромъ. Никогда не забуду того церемоннаго пріема и искусственной бесѣды, которая охладила мой піетэтъ и поставила меня въ крайнее недоразумѣніе. Прежде всего онъ началъ всемѣрно принижать себя и расточать похвалы собесѣднику. Онъ „скромный труженикъ" провинціальнаго университета, онъ „старый чернорабочій", который можетъ только таскать камни, созидать же зданіе будутъ другіе, лучше его къ тому приготовленные и счастливѣе одаренные. —Вы учились у Срезневскаго... у Ламанскаго? Ахъ, да, это счастливые

Digitized by Google

люди, имъ все такъ легко дается! Какъ я радъ, что вы будете служить здѣсь! мнѣ, старику, большая отрада — привѣтствовать ученые труды молодыхъ людей". Послѣ я узналъ, что это была обыкновенная манера у Виктора Ивановича въ сношеніяхъ съ людьми одной съ нимъ профессіи. Это было „смиреніе паче гордости"...

„Впослѣдствіи не разъ удавалось находить его въ счастливомъ настроеніи, онъ становился занимательнымъ и живымъ собесѣдникомъ и охотно дѣлился своими наблюденіями и опытомъ. Григоровичъ былъ далеко не заурядный человѣкъ, хотя и любилъ называть себя „чернорабочимъ" и „тяглымъ". Онъ обладалъ обширнымъ образованіемъ, тонкимъ и отзывчивымъ чувствомъ, беззавѣтной любовью къ наукѣ, обиліемъ идей. Постоянная сосредоточенность и замкнутость, холостая и одинокая жизнь давали ему много досуга для самоуглубленія и анализа. Онъ относится къ числу типическихъ представителей профессорскаго сословія, воспитавшихся подъ вліяніемъ идей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ".

По разсказамъ Срезневскаго, который близко зналъ Григоровича во время студенчества послѣдняго въ харьковскомъ университетѣ, онъ уже въ то время отличался большой застѣнчивостью, сближался съ очень немногими, былъ какъ будто скрытенъ и недовѣрчивъ, но, говорилъ Срезневскій, „это была недовѣрчивость не къ товарищамъ, а къ самому себѣ, къ каждому своему поступку, къ каждому слову". Г. Успенскій замѣчаетъ, однако, что будущему біографу Григоровича встрѣтится необходимость выяснить условія, въ которыхъ слагался его оригинальный характеръ. Важный матеріалъ для этого онъ находитъ въ самыхъ трудахъ Григоровича, и въ его диссертаціи, написанной по возвращеніи изъ перваго заграничнаго путешествія („Опытъ изложенія литературы словенъ", 1842), указываетъ тѣ основныя черты его воззрѣній, которыя развивались въ его дальнѣйшихъ трудахъ: во главѣ ея была поставлена философская мысль, взятая изъ Гегеля, что въ исторіи нѣтъ ничего случайнаго, что всѣ отдѣльные моменты развитія находятъ объясненіе въ предъидущихъ стадіяхъ, Руководящимъ мотивомъ служитъ ему идея народности, а славянская исторія и литература изображаются какъ стадія общеевропейскаго умственнаго и политическаго развитія. Задавая вопросъ о томъ, какъ сложились эти идеи Григоровича, г. Успенскій думаетъ, что для объясненія ихъ пришлось бы остановиться или на пребываніи его въ Дерптѣ, или на путешествіи за границей, и склоняется къ предположенію, что Григоровичъ „обязанъ былъ своими оригинальными построеніями по славянской исторіи глубокимъ и сильнымъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ имъ изъ пребыванія въ Римѣ въ 1840—1841 годахъ". Дѣло въ томъ, что въ бумагахъ Григоровича (хранящихся въ

Digitized by Google

московскомъ Румянцовскомъ музеѣ) есть любопытныя замѣтки изъ того времени, указывающія, что именно здѣсь совершился въ немъ какой-то внутренній переломъ и его осѣнило какое-то историческое откровеніе. Онъ пишетъ о своемъ пребываніи въ Римѣ: „Скоро минули три недѣли... и распались оковы гнѣздившагося во мнѣ дотолѣ односторонняго нѣмецкаго вліянія, сосредоточившія для меня все знаніе, весь опытъ въ стѣнахъ нѣмецкаго университета, и что́ еще сильнѣе—все совершенство человѣка въ формахъ нѣмецкой жизни. Совершилось освобожденіе, котораго еще не въ силахъ были доставить ни Ломбардія, ни Венеція. Я рѣшился не ѣхать эту зиму въ Берлинъ и остался въ Римѣ, и вмѣсто трехъ недѣль провелъ въ немъ почти восемь мѣсяцевъ. Это имѣло рѣшительное вліяніе на всѣ мои путешествія“... Однажды, на прогулкѣ съ пріятелями въ окрестностяхъ Рима, Григоровичъ поднялся на Monte Cavo, гдѣ стоитъ уединенный монастырь. Здѣсь посѣтило его нравственное и историческое откровеніе. „Съ этой вершины,—записываетъ онъ,—открылось мнѣ величіе Божіе. Этого чувства не поймешь... но я помню его. Память его да представится мнѣ грознымъ укоромъ всякій разъ, когда возропщу на жизнь. Въ открытомъ предо мною пространствѣ казались написанными судьбы Божіи во всѣ времена человѣчества. Но не объяснить ни въ одномъ словѣ, ни въ цѣлой книгѣ того, что́ было только чувство, сосредоточившее въ себѣ полное развитіе. Это было откровеніе, котораго удостоивается человѣкъ, но которое проносится передъ нимъ, какъ молнія, мгновенно и оставляетъ за собой жизнь, чтобы, благодаря за него, развивать его въ своемъ сознаніи“ (стр. 21—22).

Это можетъ показаться романтическимъ мистицизмомъ, но „чувство“ сопровождалось историческимъ размышленіемъ — повидимому, въ духѣ той же нѣмецкой философіи того времени. Въ воспоминаніяхъ о судьбѣ древняго и средневѣковаго Рима, ему представлялась, какъ нѣчто неизмѣнное, идея національности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нѣчто необходимое и совмѣстимое съ національнымъ самосознаніемъ, идея всеобщности. Изъ этого цѣльнаго взгляда на судьбы древняго и новаго Рима развилось, по мнѣнію г. Успенскаго, дальнѣйшее положеніе, въ силу котораго все разнообразіе историческихъ фактовъ сводится къ двумъ руководящимъ началамъ: національность и христіанство. Въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ, говоритъ г. Успенскій, Григоровичъ „пытался раскрыть и обосновать индивидуальныя и общечеловѣческія черты у славянъ. Высшее проявленіе послѣднихъ онъ усматриваетъ въ христіанскомъ просвѣщеніи. Христіанскіе народы, говоритъ онъ, во всѣхъ направленіяхъ своей нравственной дѣятельности, христіанствомъ приводятъ въ движеніе

Digitized by Google

всѣ свои нравственныя силы. Христіанство, какъ источникъ индивидуальнаго и народнаго просвѣщенія, поставило славянскія племена въ ряду народовъ, трудящихся для человѣчества, связало ихъ жизнь съ жизнью древнихъ и новыхъ цивилизованныхъ народовъ и спасло ихъ для человѣчества. Этимъ основнымъ воззрѣніемъ Григоровича объясняется то, что онъ съ особенной любовью и пытливостью разыскивалъ слѣды памяти о жизни и дѣяніяхъ славянскихъ просвѣтителей. Его главное вниманіе устремлено было на христіанскую древность, для чего онъ (во время путешествій по славянскимъ землямъ, особливо Турціи) обозрѣвалъ монастыри и церкви, допытывался остатковъ старинной славянской письменности. Испытанные имъ при этомъ труды и лишенія не пропали даромъ. Онъ доискался памятниковъ, никѣмъ дотолѣ не виданныхъ и никому неизвѣстныхъ. Частію пріобрѣтенныя имъ, частію же списанныя рукописи дали ему неисчерпаемый матеріалъ для послѣдующихъ работъ, которыя отличаются особенными, присущими Григоровичу, качествами оригинальности" (стр. 25—26).

„На Григоровича,—говоритъ дальше г. Успенскій,—возлагались большія надежды, отъ него ожидали крупныхъ филологическихъ работъ. Его спеціальная подготовка и обширное образованіе, казалось, выдвигали въ немъ первокласснаго славянскаго филолога, который долженъ стать выше Бодянскаго, Прейса и Срезневскаго. Но Григоровичъ былъ слишкомъ живая и отзывчивая натура, онъ любилъ ставить себѣ разнообразныя темы и каждою занимался охотно и съ любовью, достигая часто блестящихъ выводовъ... Вообще, не плодовитый писатель и не охотникъ печататься, Григоровичъ такъ поставилъ себя въ глазахъ ученаго міра, что отъ него ждали крупнаго труда, въ которомъ будетъ сказано новое слово. И онъ, дѣйствительно, часто говорилъ о неисполненномъ долгѣ, о подведеніи итоговъ, но до конца жизни остался лишь при добрыхъ пожеланіяхъ" (стр. 30).

Отчего произошло это послѣднее, и донынѣ еще неясно. Люди, довольно близко знавшіе Григоровича въ Казани, говорили, что при внѣшне-боязливомъ характерѣ Григоровича, на него подавляющимъ образомъ подѣйствовали, въ концѣ сороковыхъ годовъ, начавшіяся тогда заподозриванія литературы и науки, и въ томъ числѣ возникавшихъ тогда панславянскихъ интересовъ. Эти заподозриванія коснулись отчасти и Григоровича, и это заставило его еще болѣе укрыться въ свою раковину. Г. Успенскій узналъ Григоровича только въ самые послѣдніе годы его жизни, когда эти старыя, охлаждающія и пугающія обстоятельства уже не существовали, такъ что г. Успенскій могъ и не знать о нихъ, но онѣ могли оставить слѣдъ въ характерѣ. Съ

Digitized by Google

другой стороны, разсказывали, что Григоровичу пришлось испытать и другое, что́ должно было подѣйствовать на его впечатлительность не менѣе удручающимъ образомъ: это — не вполнѣ сочувственное отношеніе къ нему товарищей по профессіи. Это, быть можетъ, отчасти и сдѣлало его „не охотникомъ печататься". Говорятъ, что въ его почтительныхъ отзывахъ о коллегахъ, которымъ „такъ легко все дается", звучала нѣкоторая иронія.

Въ послѣдніе годы, живя въ Одессѣ, Григоровичъ долженъ былъ разочароваться въ нѣкоторыхъ изъ его прежнихъ идеалистическихъ представленій: онъ думалъ, что тамъ, на югѣ, въ сосѣдствѣ съ южными славянами и греками, потомками старой Византіи, давшими христіанство сѣверному и южному славянству, и съ румынами, жившими нѣкогда въ славянско-православномъ общеніи, можетъ вновь возникнуть нравственная связь, которая могла бы повлечь и благіе политическіе результаты; на дѣлѣ онъ встрѣтилъ не только крайнюю разрозненность, но и настоящую вражду, не только между людьми разныхъ національностей, но и между единовѣрцами и единоплеменниками, какъ сербы и болгары; вмѣсто всякаго идеализма, онъ встрѣтилъ только грубые, меркантильные или узко племенные интересы. Очевидно, жизнь не такъ легко укладывается въ кабинетный идеализмъ, и исполненіе теоретическихъ надеждъ требуетъ гораздо больше времени и встрѣчаетъ гораздо болѣе сложныя условія дѣйствительности на своей дорогѣ, чѣмъ это кажется ученому мечтателю.

Григоровичъ сдѣлалъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать по обширному запасу его знаній и своеобразной самостоятельности его взглядовъ; надо пожалѣть, что какія-то внѣшнія и внутреннія причины помѣшали этому содержанію развиться въ бо́льшей полнотѣ; тѣмъ не менѣе и то, что́ онъ сдѣлалъ, занимаетъ весьма важное мѣсто въ развитіи нашихъ славянскихъ изученій и его личность остается привлекательнымъ примѣромъ преданности жизненно-научному идеалу, и вмѣстѣ той „безпримѣрной доброты", которая бываетъ столь рѣдкимъ и столь сочувственнымъ признакомъ истинно-просвѣщеннаго ума и чувства.

„Воспоминанія" г. Успенскаго послужатъ весьма цѣннымъ матеріаломъ для біографа Григоровича. Къ нимъ присоединенъ списокъ сочиненій Григоровича, и затѣмъ, какъ упомянуто, описаніе рукописей Григоровича, составленное г. Мочульскимъ. Эти рукописи пожертвованы были Григоровичемъ новороссійскому университету при его основаніи, въ 1865 г.; впослѣдствіи къ этому дару онъ прибавилъ еще нѣсколько рукописей. Въ числѣ ихъ есть немало важныхъ для изученія старой южно-славянской и русской письменности.

Digitized by Google

— *Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ*. Біографическій очеркъ и рѣчи при погребеніи. Казань, 1891.

Біографическій очеркъ И. Я. Порфирьева, умершаго недавно профессора казанской духовной академіи по каѳедрѣ словесности, составленъ г. П. Знаменскимъ, сотоварищемъ по профессурѣ, а нѣкогда слушателемъ Порфирьева. Очеркъ, написанный очень тепло, рисуетъ весьма симпатичную личность скромнаго профессора, который въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ неизмѣнно привлекалъ къ себѣ любовь и уваженіе слушателей—не только прекраснымъ преподаваніемъ, но и личнымъ нравственнымъ вліяніемъ. Внѣшняя біографія была весьма несложная. Сынъ сельскаго священника вятской губерніи, Порфирьевъ (род. 1823) изъ вятской семинаріи присланъ былъ въ казанскую академію въ 1844, кончилъ въ ней курсъ въ 1848, и въ концѣ того же года назначенъ былъ на освободившуюся тогда каѳедру, которую и занималъ до конца своей жизни. Это была жизнь усерднаго труда на каѳедрѣ и въ ученой литературѣ: очень извѣстна его исторія русской словесности, выдержавшая нѣсколько изданій.

Біографіи общественныхъ дѣятелей, а между прочимъ, ученыхъ, у насъ бываютъ нерѣдко любопытны не только какъ исторія даннаго лица, но и какъ матеріалъ для исторіи нравовъ и просвѣщенія. Таковы въ біографіи Порфирьева подробности о томъ, какъ поставлено было, въ годы его ученья, преподаваніе словесности въ казанской академіи. Когда вступилъ Порфирьевъ въ академію, словесность преподавалъ нѣкто Холмогоровъ, никогда прежде этимъ предметомъ не занимавшійся; назначенный въ академію изъ виѳанской семинаріи, „онъ привезъ съ собой какія-то готовыя записки, составленныя по Блеру и Бутервеку, и читалъ ихъ до того безучастно и вяло, что его никто не слушалъ и не понималъ въ аудиторіи, не исключая, кажется, и его самого. Случалось, что смыслъ читаемаго вдругъ нечаянно дойдетъ до его сознанія и окажется несогласнымъ съ его собственнымъ мнѣніемъ въ данную минуту; тогда онъ въ недоумѣніи останавливался, перечитывалъ сомнительное мѣсто снова a parte и объявлялъ: „а вотъ это не такъ“, немного поправлялъ, какъ бы слѣдовало сказать, и продолжалъ свое чтеніе далѣе“. Но Холмогоровъ профессорствовалъ недолго; его смѣнилъ преподаватель, вступленіе котораго, по словамъ г. Знаменскаго, „было настоящей эрой научнаго преподаванія словесности въ академіи“. Это былъ С. И. Протопоповъ, баккалавръ московской академіи, принявшій впослѣдствіи монашество (нынѣ Серафимъ, епископъ самарскій). „Онъ повелъ свое преподаваніе (съ января 1845 г.) на началахъ господствовавшей тогда эсте-

Digitized by Google

тической теоріи Гегеля, которой держалась и современная русская критика, въ лицѣ своего знаменитаго вождя, Бѣлинскаго. Его первыя лекціи—объ изящномъ въ природѣ и искусствѣ, о началѣ искусства, выясненномъ изъ самой идеи изящнаго, и о различіи между древнимъ и христіанскимъ искусствомъ, составлявшія сжатый, но необыкновенно ясно осмысленный пересказъ первой части эстетики Гегеля, были настоящимъ откровеніемъ въ академической аудиторіи... Въ полтора года того курса, когда его слушалъ И. Я. Порфирьевъ, бакалавръ Протопоповъ успѣлъ составить очень обстоятельную и стройную программу своего предмета, примѣнительно къ принятой въ академіяхъ программѣ, данной еще бывшей коммиссіей духовныхъ училищъ, и съ проведеніемъ въ ней новыхъ воззрѣній гегелевской эстетики и современной критики Бѣлинскаго... Благодаря этому замѣчательному профессору, въ академіи едва ли не впервые только поняли тогда всю серьезность науки словесности... С. И. Протопопову приходилось поэтому, въ собственномъ смыслѣ, прокладывать въ академіи самые первые пути для своей науки, борясь въ то же время съ сильнымъ предразсудочнымъ противъ нея предубѣжденіемъ между студентами".

Порфирьевъ унаслѣдовалъ пріемы и стремленія своего наставника и предшественника, и въ его преподаваніи и личномъ вліяніи молодое академическое поколѣніе нашло новую, раньше неизвѣстную, умственную и нравственную жизнь. „Жизнь наставниковъ академіи, помѣщавшихся тогда на казенныхъ квартирахъ, была жизнью чисто школьною, жизнью бѣдныхъ ученыхъ тружениковъ, беззавѣтно преданныхъ своему научному дѣлу, монотонной, бѣдной внѣшними фактами, но полной духовнаго содержанія". Въ средѣ молодыхъ преподавателей, гдѣ были между прочимъ замѣчательно талантливые люди, сложился дружескій кружокъ, въ которомъ занялъ мѣсто Порфирьевъ. Направленіе, одушевлявшее этихъ людей, отразилось и на преподаваніи словесности. Нѣкогда духовныя заведенія, среднія и даже высшія были спеціальнымъ замкнутымъ кругомъ, далекимъ отъ жизни; теперь жизнь врывалась и сюда.

„Литературный интересъ, возбужденный въ студентахъ еще С. И. Протопоповымъ,—разсказываетъ г. Знаменскій,—былъ поддержанъ и усиленъ его симпатичнымъ преемникомъ, который весь жилъ въ области литературы и неудержимо тянулъ въ нее за собою и своихъ слушателей. При бѣдности тогдашнихъ средствъ академіи къ образованію богословско-философскому и историческому, въ занятіяхъ литературою они находили если не единственный, то, по крайней мѣрѣ, лучшій и притомъ вполнѣ современный исходъ своимъ научнымъ силамъ и стремленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ массу идеальныхъ

Digitized by Google

наслажденій, на которыя указывалъ имъ эстетически-развитый вкусъ ихъ руководителя и которыми онъ училъ ихъ пользоваться разумно и въ интересахъ широкаго гуманнаго развитія. Студенты чуть не поголовно занимались литературою не только въ младшемъ, но и въ старшемъ богословскомъ отдѣленіи. Образовались студенческіе кружки, среди которыхъ сообща читались всякія литературныя произведенія, какія только можно было достать. Критическія статьи Бѣлинскаго заучивались почти наизусть. Въ русской литературѣ не было писателя, сколько-нибудь извѣстнаго, съ которымъ студенты не успѣли бы познакомиться въ совершенствѣ. Изъ иностранныхъ литературъ, не исключая англійской, прочитывали всѣ лучшія произведенія, существовавшія въ переводахъ, а то даже и въ подлинникѣ...

„Теперь трудно и представить, какое сильное впечатлѣніе производили на студентовъ, наприм., переводы Диккенса и Тэккерея. Каждая книжка журнала, гдѣ они помѣщались, была событіемъ; ее торжественно приносили въ академію и прочитывали сообща въ многочисленномъ кружкѣ слушателей; чтеніе сопровождалось замѣчаніями, критикой и жаркими спорами. Драгоцѣнная книжка приносилась даже въ классъ, на лекцію какого-нибудь скучнаго профессора и читалась тутъ контрабандой".

Объ отношеніяхъ Порфирьева къ слушателямъ, г. Знаменскій разсказываетъ: „На студентовъ онъ имѣлъ всегда большое развивающее вліяніе и не въ одной только научной литературной области, а вліяніе нравственное, основанное на симпатіи, какую возбуждала самая его личность, на постоянно серьезномъ, идеально-возвышенномъ, благородномъ тонѣ его лекцій, на его мягкомъ, человѣчномъ отношеніи къ молодежи и живомъ участіи въ ея развитіи. Лекція его носила всегда убѣжденный, правдивый и задушевный характеръ; въ ней никогда не было фразы, а было одно стремленіе уяснить, развить и внушить слушателямъ то, въ чемъ онъ былъ убѣжденъ самъ и что считалъ нужнымъ для ихъ литературнаго развитія. Въ студенческихъ работахъ по своему предмету онъ бралъ самое близкое участіе, дѣлая указанія, наводилъ на мысль и проч., а получивъ изготовленную работу, начиналъ серьезно разбирать ее, отыскивая въ ней не одни недостатки, но и достоинства, даже особенно достоинства, стараясь уловить самый строй мыслей автора и радостно привѣтствуя всякій проблескъ таланта".

Такова была личность скромнаго провинціальнаго профессора, исполнявшаго истинный завѣтъ научнаго преподаванія—воспитаніе не только умственное, но и нравственное, и какъ жаль, что едва ли не гораздо болѣе рѣдокъ этотъ типъ, нежели другой, нынѣ не рѣд-

Digitized by Google

кій, типъ профессора, хотя ученаго, но одичалаго по своимъ отношеніямъ общественнымъ и даже научнымъ.

— *Русскіе писатели*, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Виктора *Острогорскаго*. Изданіе третье, значительное дополненное. М. 1891.

Авторъ этой книжки въ теченіе своей преподавательской дѣятельности, теперь, кажется, уже законченной, пріобрѣлъ давно извѣстность какъ опытный наставникъ, умѣвшій внушать своимъ слушателямъ любовь къ предмету. Кромѣ непосредственнаго преподаванія, г. Острогорскій много работалъ и въ учебной литературѣ по русской словесности, и въ числѣ его трудовъ настоящая книжка, выходящая теперь въ третьемъ изданіи, касается предмета, который заслуживалъ бы особеннаго вниманія преподавателей словесности и въ домашнемъ воспитаніи. Въ послѣднее время слышатся довольно часто жалобы на упадокъ преподаванія русской словесности и языка: молодые люди приходятъ иногда даже въ университетъ, плохо владѣя письменной рѣчью и имѣя весьма смутныя представленія о русской литературѣ. Не будемъ разбирать причинъ этого прискорбнаго явленія, между которыми не малое значеніе должна имѣть принятая гимназическая программа,—но фактъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, и необходимо помочь ему хотя бы внѣ школы, если школа оказалась бы здѣсь недостаточною. Одно изъ главныхъ средствъ содѣйствовать изученію своего языка и литературы есть, конечно, чтеніе, и г. Острогорскій предпринялъ обзоръ нашей новой художественной литературы, чтобы указать въ ея объемѣ то, что особенно пригодно для дѣтскаго и юношескаго, а также и народнаго чтенія. „Своею книгою,—говоритъ онъ,—мы хотѣли бы помочь родителямъ, воспитателямъ и учителямъ въ руководствѣ чтеніемъ и въ бесѣдахъ о прочитанномъ, чтобы это чтеніе не было случайнымъ и поверхностнымъ, а по праву могло занять дома и въ школѣ подобающее ему мѣсто, какъ дѣло серьезное, отъ котораго, при воспріимчивости дѣтей, нерѣдко зависитъ весь ихъ будущій душевный складъ. Не говоря уже о томъ, что дѣти на своихъ родныхъ писателяхъ невольно усвоиваютъ *духъ языка*, на нихъ же они пріучаются честно мыслить и чувствовать изъ честныхъ мыслей и чувствъ лучшихъ людей родины. Скажемъ даже такъ: намъ хотѣлось бы, чтобы юноша не только читалъ и изучалъ своихъ поэтовъ, но чтобы онъ и *любилъ ихъ*“... Онъ останавливается на главнѣйшихъ писателяхъ, отъ Жуковскаго до гр. Л. Н. Толстого включительно, отбирая тѣ изъ ихъ произведеній, которыя могутъ служить для разныхъ ступеней воспитательнаго чтенія,

Digitized by Google

и прибавляетъ къ нимъ комментарій, объясняющій особенности ихъ содержанія.

Съ тою же любовью относится авторъ къ вопросу о народномъ чтеніи. Указавъ въ предисловіи извѣстную книгу „Что̀ читать народу?“ и настаивая на томъ, что народу слѣдовало бы давать для чтенія только сочиненія лучшихъ, талантливѣйшихъ писателей, только художественныя произведенія, которыя могутъ образовать чувство, воображеніе, вкусъ и умъ, г. Острогорскій такъ опредѣляетъ задачу народнаго чтенія: „...Въ школѣ, какъ единственной, послѣ церкви, руководительницѣ и нравственной воспитательницѣ темнаго люда, имѣютъ мѣсто только такія художественныя книги, которыя силою яркаго таланта, живыхъ изображеній, могутъ... направить на доброе и укрѣпить примѣрами благую волю, наконецъ, просвѣтить простого, мало думающаго человѣка свѣтомъ разума. Заставить уважать самого себя безъ гордости, любить и помогать ближнему своему безъ разсчета, цѣнить семью, проникнуться любовью и желаніемъ добра своей родинѣ, даже до готовности сложить за нее голову, осмыслить свою жизнь и свой трудъ... показать разумное употребленіе досуга,—вотъ какова задача такъ-называемаго художественнаго или литературнаго чтенія въ народной школѣ, которая въ этомъ случаѣ беретъ на себя какъ бы практическое обученіе нравственности въ смыслѣ разумномъ, христіанскомъ“ (стр. 3).

Но г. Острогорскій отвергаетъ, и справедливо, всякія придуманныя нравоучительныя повѣсти и сказки, написанныя „народными доброжелателями“, съ поддѣлкой подъ народную рѣчь, и даже талантливыя, но пустыя сказочки. Между прочимъ высоко цѣня писанные для народа разсказы гр. Толстого, онъ исключаетъ нѣкоторыя изъ его новѣйшихъ произведеній, какъ фальшивыя по существу и неполезныя.—А. П.

— *Введеніе въ философію. Разборъ основныхъ началъ философіи вообще.* Сочиненіе Генриха Струве. Варшава. 1890.

Книга почтеннаго варшавскаго профессора носитъ еще другое общее заглавіе: *Энциклопедія философскихъ наукъ и направленій въ связи съ введеніемъ въ философію, или философія философіи. Часть первая. Введеніе въ философію.* Эту „философію философіи“ авторъ считаетъ какою-то особою наукой. „При ближайшемъ обзорѣ содержанія этой науки,—говоритъ онъ,—оказывается (?), что она должна (?) обнять собою слѣдующее: во-1-хъ, разборъ основныхъ началъ философіи вообще, ея предмета и задачъ, ея характеристическихъ чертъ

Digitized by Google

въ сравненіи съ другими явленіями умственной жизни, ея метода и пособій (*введеніе въ философію*); во-2-хъ, разсмотрѣніе научной организаціи философіи, истекающей изъ спеціализаціи ея задачъ, проблемъ (*энциклопедія философскихъ наукъ*); и, наконецъ, въ-3-хъ, обозрѣніе и сравнительную оцѣнку разнородныхъ типическихъ попытокъ рѣшенія философскихъ задачъ, т.-е. такъ-называемыхъ направленій и школъ (*энциклопедія философскихъ направленій*)" (стр. VI).

Такимъ образомъ, предполагаемая профессоромъ Струве наука обнимаетъ собою всѣ философскія науки и разсматриваетъ всѣ философскія направленія; значитъ, она включаетъ въ себя всю философію. Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ особою наукой, а только съ особымъ способомъ изложенія книжнаго философскаго матеріала,— именно, способомъ *энциклопедическимъ*. Далѣе авторъ самъ это подтверждаетъ. Въ параграфѣ 1, примѣчаніе 4, читаемъ: „*Способы составленія энциклопедическихъ сочиненій*. Существуютъ два способа составленія энциклопедическихъ сочиненій: систематическій и алфавитный. По первому способу излагается данный предметъ въ логической послѣдовательности своего содержанія, какъ одно стройное цѣлое, какъ система (σύστημα, отъ συν и ἱστανα=сопоставлять, сопоставленіе). По второму же раздѣляется предметъ механически на разныя понятія и слова, которыя объясняются отдѣльно въ алфавитномъ порядкѣ" (8—9). Совершенно вѣрно: существуютъ философскіе словари и существуютъ систематическія энциклопедіи по философіи; и какъ философскіе словари не составляютъ особой науки, такъ нельзя сдѣлать ея и изъ систематическихъ энциклопедій, по той причинѣ, что онѣ не имѣютъ своего особаго содержанія, а лишь передаютъ въ извѣстномъ порядкѣ содержаніе различныхъ философскихъ дисциплинъ, сообразно философской точкѣ зрѣнія, на какой стоитъ авторъ подобнаго энциклопедическаго сочиненія. Правда, помимо энциклопедіи философскихъ наукъ и энциклопедіи философскихъ направленій, „наука" профессора Струве имѣетъ еще, какъ мы видѣли, первую часть, разбирающую „основныя начала философіи вообще". Но и это „введеніе въ философію" лишено собственнаго содержанія и слѣдовательно не можетъ имѣть значенія особой науки. Основныя начала философіи со стороны объективной, онтологической, суть тѣ ἀρχαί, которыя изслѣдуются метафизикою, или первою философіею—по терминологіи Аристотеля; а со стороны субъективной, интеллектуальной, эти начала составляютъ (ее, повидимому, и разумѣетъ здѣсь нашъ авторъ) предметъ гнозеологіи, или теоріи познанія. Такимъ образомъ, съ мнимою наукою профессора Струве происходитъ, между прочимъ, и то несчастіе, что первая основная ея часть цѣликомъ входитъ во вторую—въ энциклопедію философскихъ

Digitized by Google

наукъ, между которыми гнозеологія необходимо занимаетъ видное мѣсто.

Философія, достойная этого имени, непремѣнно есть и „философія философіи", т.-е. даетъ отчетъ о своихъ основаніяхъ, изслѣдуетъ не только свой предметъ, но и свое отношеніе къ нему. Мысля о всеобщей истинѣ, какъ предметѣ философіи, философъ размышляетъ и объ этомъ своемъ мышленіи, т.-е. о философіи. Отдѣлять же размышленіе о философіи отъ самой философіи, сочинять „философію философіи", какъ особую науку—весьма опасно. Ибо тогда это размышленіе о философіи, эта особая философія философіи—можетъ въ свою очередь стать предметомъ новаго размышленія, новой науки, о которой опять можно размышлять—и такъ далѣе до безконечности. Профессору Струве захотѣлось возвести философію въ квадратъ; другому захочется возвести ее въ кубъ, въ четвертую, въ пятую степень и т. д. Не лучше ли уже заразъ возвести ее въ *n*—ную степень, принявши, что здѣсь *n* равняется единицѣ? Свѣтомъ разума слѣдуетъ пользоваться для прямого изслѣдованія истины, а не ставить его, точно свѣчку, между двухъ зеркалъ, производя такимъ образомъ безконечный рядъ фиктивныхъ свѣчей, которыми никакого новаго предмета освѣтить нельзя.

„Энциклопедія философіи,—продолжаетъ нашъ авторъ,—есть въ сущности первая основная наука философіи, ведущая къ ея всестороннему уразумѣнію. Науку эту по справедливости (?) можно назвать *философіею философіи*, или *философикою*" (11). Назвать, конечно, можно, но что никакой справедливости тутъ нѣтъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ проф. Струве, когда на 47 стр. онъ предлагаетъ намъ слѣдующую „естественную классификацію наукъ".

I. Система философскихъ наукъ.

Первая основная наука: *энциклопедія философскихъ наукъ и направленій*, разсматривающая общія начала философіи, слѣдовательно (?) и отдѣльныя науки, входящія въ ея составъ.

II. Система спеціальныхъ наукъ.

Основная наука всѣхъ спеціальныхъ наукъ—*математика*.

1. *Естественныя науки*.

2. *Гуманитарныя*, или *антропологическія науки*. Ихъ общее основаніе—опытная психологія съ психофизикой, антропологія и этнологія, далѣе (?) историческія и общественныя науки.

3. *Богословскія науки*.

Конечно, эта „естественная" классификація имѣетъ тотъ недостатокъ, что дѣлаетъ математику основною наукою *всѣхъ* спеціальныхъ наукъ, т.-е., между прочимъ, исторіи, правовѣденія, богословія. Но

Digitized by Google

зато здѣсь исправлено главное заблужденіе нашего автора: мнимая, хотя и многоименная основная наука философіи вдругъ потеряла свою особность и слилась нераздѣльно со всею философіею, изъ которой ее никогда и не слѣдовало выдѣлять. Самъ изобрѣтатель этой философіи въ квадратѣ, или философики, нечаянно признался, что это только другое названіе для философіи вообще.

Изъ сказаннаго было бы ошибочно заключать, что книга проф. Струве безсодержательна. Напротивъ, она довольно богата содержаніемъ, но только это содержаніе никакой особой науки не образуетъ. Почтенный авторъ частію передаетъ и критикуетъ чужія мнѣнія, частію излагаетъ свои собственные взгляды на различные предметы, относящіеся къ философіи. При этомъ онъ является рѣшительнымъ сторонникомъ извѣстнаго философскаго направленія, опредѣленныхъ метафизическихъ догматовъ. Если это есть введеніе въ философію, то только въ философію самого автора; если это—основная наука, то на такомъ основаніи можетъ строить только онъ самъ. Не то чтобы взгляды проф. Струве были сами по себѣ невѣрны,—но, излагаемые догматически, они не заключаютъ въ себѣ никакого общеобязательнаго элемента, ничего научнаго. Такъ, напримѣръ, на стр. 101, читаемъ: „Объективное бытіе представляется мыслящему человѣку въ трехъ главныхъ моментахъ:

Во-1-хъ, чувственное бытіе, или *природа*.

Во-2-хъ, другіе *люди*,—и наконецъ,

Въ-3-хъ, основное начало всего существующаго, или *Богъ*.

Природа, человѣкъ и Богъ—это три предмета, на которые распадается для ума объективное бытіе; три начала той среды, съ которою индивидъ находится въ постоянномъ соотношеніи; три составныхъ момента того всеобъемлющаго цѣлаго, частицею котораго является каждый отдѣльный индивидъ". Не говоря уже о неточности выраженій, вслѣдствіе которой люди оказываются непринадлежащими къ чувственному бытію, или природѣ,—общая мысль тутъ можетъ быть и вѣрна, но высказанная столь же рѣшительно, сколь и бездоказательно, она будетъ по праву отвергнута безъ обсужденія всѣми послѣдователями другихъ ученій. Правда, они заранѣе исключены изъ числа мыслящихъ людей, но едва ли такая анаѳема можетъ замѣнить недостатокъ основаній для мнимой основной науки.

Въ другихъ случаяхъ авторъ разсуждаетъ о предметахъ менѣе спорныхъ, но еще менѣе способныхъ образовать какую-нибудь науку. Таковы отдѣлы: философія и наука, философія и творчество, философія и жизнь. Отдѣлъ о философскомъ методѣ принадлежитъ частію къ формальной логикѣ, частію—къ теоріи познанія.

Совершенно не раздѣляя взгляда проф. Струве на характеръ его

Digitized by Google

сочиненія, излагающаго будто бы основную часть особой философской науки, мы должны, однако, отдать справедливость обширной философской эрудиціи почтеннаго автора, а также многимъ вѣрнымъ разсужденіямъ и замѣчаніямъ, встрѣчающимся въ этой книгѣ. Обильныя указанія на иностранную и русскую литературу по различнымъ отдѣламъ философіи могутъ служить весьма полезнымъ пособіемъ для студентовъ и начинающихъ ученыхъ, а иллюзіи автора насчетъ его „философики“ едва ли могутъ ввести кого-нибудь въ заблужденіе.—В. С.

Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Адріановъ, А. В.—Городъ Томскъ въ прошломъ и настоящемъ. Томскъ, 90. Стр. 433 и 27. Ц. 1 р.

Апраксинъ, А. Д.—На волоскѣ. Спб. 91. Стр. 224. Ц. 1 р.

Астыревъ, Н. Деревенскіе типы и картинки. Очерки и разсказы. М. 91. Стр. 261. Ц. 1 р. 20 к.

Барсуковъ, Н.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. Спб. 91. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к.

Б—въ, И.—Родные звуки. Сборникъ стихотвореній. Вып. 2. М. 91. Стр. 62. Ц. 50 к.

Благовѣщенскій, Н. М. — Винкельманъ и позднія эпохи греческой культуры. Съ рис. Спб. 91. Стр. 149. Ц. 1 р. 50 к.

Боткинъ, С. П.—Клиническія лекціи. Вып. III. Спб. 91. Стр. 178. Ц. 1 р. 50 к.

Бретъ-Гартъ и *Твенъ*, Маркъ.—Американцы, разсказы. Перев. съ англ. Д. М. Кіевъ. 90. Стр. 172. Ц. 25 к.

Бубновъ, Ник.—Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ (983—997). Критическая монографія по рукописямъ. Ч. I; Ч. II: отд. 1 и 2. Спб. 88, 89 и 90. Стр. 369 и 1038. Ц. 6 р. 50 к.

Валуевъ, гр. П. А.—Очерки изъ естествознанія. Од. 91. Стр. 92. Ц. 1 р. 50 к.

Венгеровъ, С. А.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русск. образов. до нашихъ дней). Вып. 28. Спб. 90. Стр. 289—336. Ц. 35 к.

Витевскій, В. Н.—И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Вып. 3. Каз. 91. Стр. 369—616. Каз. 91. Ц. 2 р. 50 к.

Воронихинъ, Н.—Двадцатипятилѣтіе дѣятельности врачей, окончившихъ курсъ въ Имп. Мед.-хирург. Академіи въ 1865 г. Спб. 90. Стр. 272.

Голицынъ, Л. Л. и *Краснодубровскій*, С. С.—Укекъ. Доклады и изслѣдованія по археологіи и исторіи Укека. Сарат. 91. Стр. 101.

Гордонъ, д-ръ Л.—Голосъ и рѣчь. Общедоступное описаніе органовъ голоса и рѣчи и ихъ дѣятельности въ больномъ и здоровомъ состояніи. Съ 87 рис. Вильна, 91. Стр. 288. Ц. 1 р. 75 к.

Гроссъ, Г.—Научная сторона экономической системы К. Маркса. Перев., съ предисл. Н. С. Рашковскаго. Од. 90. Стр. 52. Ц. 50 к.

Digitized by Google

Елпатьевскій, К. Учебникъ русской исторіи, съ прилож. родослови. и хронолог. табл. и указат. личныхъ именъ. Спб. 91. Стр. 431. Ц. 1 р. 30 к.

Искандеръ.—Кто виноватъ? Ром. въ 2 ч. Ч. I. Спб. 91. Стр. 122 (Семейная Библіотека № 13). Ц. 25 к.

Каблуковъ, Н.—Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1890 г. М. 90. Ц. 1 р.

Кайгородовъ, Дм.—Изъ царства пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. III. Спб. 90.

Канаевъ, А. Н.—Очеркъ жизни В. С. Шпака. Спб. 91. Стр. 16. Ц. 20 к.

Клоссовскій, А.—Колебанія уровня и температуры въ береговой полосѣ Чернаго—Азовскаго морей. Спб. 90. Стр. 70, съ прилож.

Котъ-Мурлыка.—Повѣсти, сказки и разсказы. Т. V. Спб. 91. Стр. 334. Ц. 1 р. 75 к.

Крестовскій, В., псевдонимъ.—Первая борьба. Спб. 90. Стр. 261.

Локкъ, Дж.—Мысли о воспитаніи. Перев. съ англ. П. Вейнберга. Спб. 90. Стр. 246.

Марбо, Фирм.—Практическое руководство къ устройству и веденію „Яслей". Перев. Т. А. Цемша. М. 90. Стр. 45 съ прилож.

Мехеминъ, Л. — Противорѣчатъ ли права Финляндіи интересамъ Россіи? Переводъ. Гельсингф. 90. Стр. 58.

Михальскій, А.—Аммониты нижняго Волжскаго округа, съ 13 табл. съ рис. Вып. 1 (русскій текстъ и таблицы). Спб. 90. Стр. 330. Ц. (за оба вып.) 10 р.

Оршанскій, И. Г.—Наши преступники и ученіе Ломброзо. Медико-психологическій этюдъ. Спб. 91. Стр. 20.

Першке, Л. Л.—Акцизно-бандерольная система табачнаго налога въ Россіи и въ Соединен. Шт. Сѣв. Америки. Рига, 90. Стр. 439.

Плещеевъ, А. Н.—Жизнь Диккенса. Спб. 91. Стр. 294. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н.—Повѣсти и разсказы. Т. I и II. Спб. 91. Стр. 317 и 320. Ц. 2 р.

Рененкампфъ, Влад.—Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка. Кіевъ. 90. Стр. 414.

Рыдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. VI. Спб. 91. Стр. 498. Ц. 3 р.

С. В.—Замѣтки и отзывы по разнымъ предметамъ, вмѣстѣ съ житейскими сценами изъ недавняго прошлаго. Спб. 90. Стр. 190. Ц. 1 р.

Случевскій, В.—Учебникъ русскаго уголовнаго права. Судоустройство. Стр. 91. Стр. 320. Ц. 2 р.

Стефановскій, П.—Терскій Календарь на 1891 г. Годъ I. Владикавк. 90. Стр. 104.

——— Терскій Сборникъ, прилож. къ Терск. Календ. Вып. 1. Владикавк. 90. Стр. 176.

Успенскій, Глѣбъ. — Сочиненія, съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго (при первомъ томѣ). Т. III. Спб. 91. Стр. 740. Ц. 1 р. 50 к.

Штукенбергъ, А.—Общая геологическая карта Россіи, л. 138-й: Геологическія изслѣдованія сѣв.-зап. части области, 138 лист., въ басс. рр. Чусовой, Бисерти и Уфы. Спб. 90. Стр. 115. Ц. 1 р. 25 к.

— Извѣстія Имп. Томскаго Университета. Кн. II. Томскъ, 90. Стр. 278.

— Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историч. Общества при Имп. Спб. Университетѣ за 1890 г. Т. I. Спб. 90. Ц. 2 р. 50 к.

Digitized by Google

— Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1889 г. Спб. 90.

— Общедоступный вѣчный Календарь, съ карманнымъ календаремъ на 200 лѣтъ (съ 1800 до 2000 г.). Харьковъ, 91. Ц. 30 к.

— Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ мин. юстиціи. Кн. VII. М. 90. Стр. 423. Ц. 3 р.

— Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1889 г. Спб. 90. Стр. 245 и 59. Съ приложеніемъ, стр. 274 и 259.

— Справочная книга для врачей. Т. I. Изд. Медиц. Деп. Спб. 90. Стр. 487. и CXV. Ц. 4 р.

— Этнографическое Обозрѣніе, изд. п. р. Н. А. Янчука. № 4. М. 90. Стр. 268. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

ИСТОРІОГРАФІЯ И КОМПИЛЯЦІЯ.

По поводу третьяго тома „Исторіи Россіи“ соч. Д. И. Иловайскаго.

Лессингъ, приводя въ своей „Гамбургской Драматургіи“ эпилогъ, произнесенный г-жею Гензель послѣ перваго представленія трагедіи „Олинтъ и Софронія“,—замѣтилъ, что „есть такія явленія въ нравственной сферѣ человѣческой дѣятельности, которыя слишкомъ ничтожны по своему непосредственному вліянію на благосостояніе общества и такъ измѣнчивы по своему характеру, что ихъ нельзя подвести подъ контроль закона“; есть „и такія, которыя неуловимы ни для какого законодательства, которыхъ побудительныя причины непонятны, а между тѣмъ они такъ важны сами по себѣ и такъ неизмѣримы по своимъ послѣдствіямъ, что или совсѣмъ ускользаютъ отъ силы закона, или рѣшительно не могутъ быть постигнуты во всемъ ихъ объемѣ“. Эти слова невольно припомнились намъ, когда мы прочли третій томъ „Исторіи Россіи“, соч. г. Иловайскаго, и остановились въ полномъ недоумѣніи предъ вопросомъ, что сказать о книгѣ, авторъ которой сталъ въ одно изъ тѣхъ положеній, на которыя указываетъ Лессингъ. Критикѣ тутъ, собственно говоря, нечего дѣлать; трудъ г. Иловайскаго есть трудъ чисто-компилятивный, и если что при этомъ оригинально, то только одинъ способъ компиляціи—безъ указанія тѣхъ писателей, которымъ онъ хотѣлъ сдѣлать честь своими позаимствованіями. Иногда ему хотѣлось, правда, блеснуть какимъ-нибудь сравненіемъ или сближеніемъ,—напримѣръ, провести параллель между завоевателемъ Сибири Ермакомъ Тимоѳеевичемъ и завоевателемъ Мексики Кортецомъ; но и въ такомъ случаѣ г. Иловайскій не утруждаетъ своей творческой фантазіи, а ищетъ что-нибудь готовое у своихъ великихъ предшественниковъ, въ настоящемъ случаѣ у Карамзина (срав. Иловайскій, стр. 391, 399, и Карамзинъ, по изд. А. Смирнова. Спб. 1852, т. IX, стр. 384—386). Это умѣнье ученаго позаимствованія доведено г. Иловайскимъ до такой виртуозности, что кто-то серьезно посовѣтовалъ ему оставить въ покоѣ публицистику и сосредоточить всѣ свои силы на исторической компиляціи. Дѣйствительно, историческая компиляція можетъ быть работою вообще очень почтенною, особливо у насъ, гдѣ еще такъ мало историческихъ сочиненій, доступныхъ для чтенія большой публикѣ. Дѣльная, сжатая, хотя бы и компилятив-

Digitized by Google

ная исторія Россіи при современномъ состояніи науки русской исторіи—вещь вполнѣ уже возможная и способная доставить автору имя. Скажемъ болѣе, одна простая переработка „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ", С. М. Соловьева, съ соотвѣтствующими дополненіями по источникамъ, не можетъ считаться праздною работою. Въ самомъ дѣлѣ, что можно рекомендовать для чтенія по отечественной исторіи большинству, которое никогда не найдетъ времени сѣсть за многотомные труды нашихъ отечественныхъ историографовъ?—Ничего, или почти ничего, если не считать нѣсколькихъ превосходныхъ монографій Н. И. Костомарова. „Исторія Россіи" г. Иловайскаго и должна была бы удовлетворить этой насущной потребности, но, къ сожалѣнію, оказывается, что это—компиляціи для компиляціи, быть можетъ, не лишенной значенія на книжномъ рынкѣ для продавца, но никакъ не для покупателя. Судя по отвѣтамъ, которыми г. Иловайскій уже почтилъ отзывы о третьемъ томѣ его „Исторіи Россіи", онъ и не согласился бы на роль скромнаго и добросовѣстнаго компилятора; онъ, повидимому, претендуетъ на званіе историографа и усиливается стать рядомъ съ Карамзинымъ и Соловьевымъ. Но не такъ начинали свою работу и авторъ „Исторіи Государства Россійскаго", и авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Помимо обычныхъ трудностей справиться съ массою новаго матеріала, послѣднему изъ нихъ приходилось выдерживать еще борьбу съ защитниками взглядовъ его предшественника. Даже люди, разрушавшіе дѣло Ивана III и Н. М. Карамзина,—славянофилы—и тѣ были противъ С. М. Соловьева, хотя и выходили совсѣмъ изъ другихъ основаній. К. С. Аксаковъ началъ свою рецензію на первый томъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" категорическимъ признаніемъ „трудолюбія и даровитости" С. М. Соловьева, а сводилъ на полное отрицаніе возможности въ его время писать исторію Россіи. „Наше время, — писалъ онъ, — есть время изслѣдованій, изысканій, приготовительной обработки... Среди этой предварительной работы можетъ ли быть производима работа окончательная? Можно ли строить зданіе, когда ни матеріалы, ни планъ не готовы?" (Сочин. К. С. Аксакова. Т. I. М. 1889, стр. 44—45). „Исторія Россіи въ наше время возможна только въ видѣ опыта,—продолжаетъ К. С. Аксаковъ;—въ настоящее время, при состояніи исторической науки, исторія Россіи невозможна". Нужна была энергія и сила воли С. М. Соловьева, чтобы преодолѣть всю эту оппозицію и сомнѣнія со стороны призванныхъ и непризванныхъ радѣтелей русской исторіи, которую они желали видѣть написанною по ихъ образу и подобію. Г. Иловайскій, выступая теперь съ своей „Исторіей" послѣ С. М. Соловьева, собственно долженъ былъ стать въ извѣстное подчиненное ему положеніе, что и не заключало бы

Digitized by Google

въ себѣ ничего предосудительнаго, еслибы самъ г. Иловайскій опредѣлилъ отношеніе своего компилятивнаго труда къ ученымъ трудамъ нашихъ исторіографовъ и такихъ самостоятельныхъ изслѣдователей, какъ Костомаровъ или К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Но г. Иловайскій о всемъ этомъ умалчиваетъ, и ни въ одномъ изъ его предисловій нельзя найти какихъ-либо указаній на то мѣсто, какое занимаетъ его трудъ по отношенію хотя бы къ труду ближайшаго къ нему по времени исторіографа, С. М. Соловьева. Отвѣта на такой вопросъ слѣдуетъ, такимъ образомъ, искать въ самомъ текстѣ „исторіи" г. Иловайскаго, или въ примѣчаніяхъ къ нему. Текстъ и примѣчанія, дѣйствительно, даютъ такой отвѣтъ, но крайне невыгодный, по нашему мнѣнію, для автора, положившаго свою задачу исключительно „въ научно-литературной обработкѣ" (см. т. II, М., 1884, стр. VI). Кто прочтетъ одну первую главу третьяго тома, уже замѣтитъ въ ней что-то знакомое, давно гдѣ-то читанное, и это первое впечатлѣніе сохраняется до конца книги, а въ заключеніе получается слѣдующій результатъ:

1) въ основаніе третьяго тома „Исторіи Россіи" г. Иловайскаго положена цѣликомъ „Исторія Россіи" С. М. Соловьева, дополняемая мѣстами Н. М. Карамзинымъ; при этомъ авторъ пользовался для своей книги какъ изложеніемъ, такъ и эрудиціей С. М. Соловьева;

2) въ примѣчаніяхъ имя С. М. Соловьева не встрѣчается даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда такое упоминаніе его имени требуется простою литературною опрятностью, и, напротивъ, рѣзко подчеркиваются немногія несогласія съ С. М. Соловьевымъ; да и такія несогласія опять, въ свою очередь, или заимствуются у другихъ, или являются самостоятельною натяжкою со стороны автора;

3) новѣйшими трудами по русской исторіи авторъ почти совершенно не пользуется даже въ такихъ случаяхъ, когда упущеніе ихъ изъ виду приходится относить къ числу промаховъ автора, такъ какъ онъ въ то же время усердно перечисляетъ въ примѣчаніяхъ почти всѣ новѣйшія работы;

4) черпая щедрою рукою содержаніе у С. М. Соловьева, — въ языкѣ и нерѣдко въ основныхъ взглядахъ на историческія личности и даже на отдѣльныя событія, авторъ поддѣлывается подъ Карамзина.

Короче, „Исторія Россіи" г. Иловайскаго, несмотря на свое громкое и полное притязаній наименованіе, есть не что иное, какъ подмалеванный учебникъ исторіи того же г. Иловайскаго, съ позаимствованіемъ красокъ, безъ точнаго указанія мѣста, откуда онѣ добыты.

Самостоятельность историка прежде всего выражается въ общемъ планѣ его труда; отъ плана много зависитъ выборъ фактовъ и ихъ группировка; удачно составленный планъ показываетъ, вмѣстѣ съ

Digitized by Google

тѣмъ, способность живо охватить предметъ—и въ многообразіи массы фактовъ усмотрѣть извѣстное единство или разгадать извѣстную историческую ихъ преемственность, или оцѣнить ихъ сравнительную важность. У С. М. Соловьева, какъ изслѣдователя, только еще пролагавшаго путь, выбранъ вполнѣ стройный *по внѣшности* планъ, и выдержанъ съ такою строгою послѣдовательностью, что одинъ изъ нашихъ критиковъ упрекалъ его за „форму погоднаго изложенія“ (Историч. записка о дѣятельности Москов. Археол. Общ. М. 1890, стр. 217). Но едва ли и было возможно по иному плану писать русскую исторію тому, кто долженъ былъ прокладывать новые пути, а потому весьма справедливо самъ Соловьевъ такъ опредѣлилъ свою задачу: „не дѣлить, не дробить Русскую Исторію на отдѣльныя части, періоды, не соединять ихъ, а слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимнодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію“—вотъ планъ, имъ намѣченный и осуществленный при разсмотрѣніи событій по княженіямъ и царствованіямъ, въ возможно хронологической послѣдовательности и съ подраздѣленіемъ на внѣшнія и внутреннія событія. Г-нъ Иловайскій, если онъ не задался мыслью продолжать разыскивать и собирать, а ограничиться тѣмъ, что́ готово,—могъ бы до нѣкоторой степени охватить предметъ и сосредоточиться, такъ какъ онъ пишетъ для большинства публики, для того, чтобы „способствовать развитію народнаго самопознанія“, какъ онъ выражается самъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ цѣликомъ усвоиваетъ себѣ тотъ же планъ Соловьева. Также какъ Соловьевъ, онъ ведетъ свое изложеніе по княженіямъ и царствованіямъ, также старается излагать сперва дѣла внѣшнія, потомъ внутреннія, придерживаясь хронологической послѣдовательности, старается даже въ распорядкѣ историческаго матеріала слѣдовать неуклонно за С. М. Соловьевымъ. И мы не упрекнули бы его особенно за такое позаимствованіе плана у нашего историографа, который при этомъ служилъ для него вмѣстѣ и главнымъ матеріаломъ. Но г. Иловайскій, вѣроятно, захотѣлъ обнаружить при этомъ нѣкоторую самостоятельность — въ формѣ частнаго отступленія отъ плана Соловьева,—и тѣмъ внесъ только крайнюю запутанность въ изложеніе своей „Исторіи“. Мѣстами онъ опять дробитъ русскую исторію на періоды, вѣка, произвольно разрываетъ ее на части, періоды, и ничѣмъ не оправдываетъ такого дробленія. Напримѣръ, XIV и XV вѣка у г. Иловайскаго — „московско-литовскій періодъ“, а XVI вѣкъ—„московско-царскій періодъ“. Какіе же внутренніе признаки того и другого періода, въ чемъ между ними

Digitized by Google

различіе, почему исторія княженія Василія III относится къ московско-царскому періоду, а не къ московско-литовскому, почему Иванъ III отнесенъ къ московско-литовскому періоду, и почему личность его сына отнесена къ другому періоду, тогда какъ она точно такъ же тѣсно связана съ нимъ, какъ самъ Иванъ III съ своими предшественниками? На всѣ эти вопросы у г. Иловайскаго мы не найдемъ отвѣта, и не найдемъ потому, что по выходѣ въ свѣтъ II и III томовъ „Исторіи Россіи", вѣроятно, самъ авторъ принужденъ былъ изумиться произвольности и неосновательности подобнаго дѣленія. А между тѣмъ, очевидно, случилось все это такъ. Славянофилы, для различенія періодовъ въ русской исторіи приняли топографическій признакъ, и дѣлятъ ее на кіевскій періодъ, владимірскій, *московскій и петербургскій*. Собирая свой медъ, подобно пчелѣ, отовсюду, г. Иловайскій придерживается въ общемъ планѣ Соловьева, но въ то же время дѣлаетъ, повидимому, позаимствованіе и у К. С. Аксакова. Мы можемъ не соглашаться съ К. С. Аксаковымъ, но должны признать, что, съ точки зрѣнія его міросозерцанія, указанное дѣленіе по столицамъ имѣетъ для него значеніе (см. Сочиненія т. I, стр. 50, слѣд. по изд. 1889). Если г. Иловайскій согласенъ съ К. С. Аксаковымъ, то ему и слѣдовало бы взять предложенное послѣднимъ дѣленіе такъ, какъ оно есть. Но г. Иловайскій исказилъ и планъ Аксакова: единый московскій періодъ г. Иловайскій дѣлитъ на два, забывая, что въ основаніе общаго дѣленія положенъ признакъ топографическій; отсюда получаются необъяснимые московско-литовскій (признакъ топографическо-этнографическій) и московско-царскій періоды (признакъ топографическо-государственный). Подъ монгольскимъ періодомъ русской исторіи обыкновенно разумѣли эпоху монгольскаго ига; что же подразумѣвать подъ „литовскимъ" періодомъ? Все это не было бы особенно важно, ибо дѣленіе на періоды у г. Иловайскаго есть простая формальность, пріемъ учебника, ничѣмъ не отражающійся на изложеніи,—и вся бѣда ограничивается иногда тѣмъ, что у г. Иловайскаго *великій князь* попадаетъ въ *царскій* періодъ.

Гораздо тяжелѣе отозвалась на общемъ изложеніи оригинальная мысль г. Иловайскаго, при внѣшнемъ усвоеніи плана Соловьева, ввести особыя главы, которыя обнимали бы извѣстный рядъ внутреннихъ фактовъ за цѣлый періодъ; тутъ, вѣроятно, онъ увлекся своимъ школьнымъ учебникомъ по русской исторіи. Между тѣмъ отъ такого пріема произошла большая запутанность въ его „Исторіи": о явленіяхъ внутренней жизни говорится и въ главахъ по княженіямъ и царствованіямъ, и отдѣльно въ особыхъ трехъ главахъ. Читатель не знаетъ, такимъ образомъ, гдѣ ему искать того, что именно его интересуетъ, при возможности частыхъ повтореній, пропусковъ и т. п. О посольствѣ

Digitized by Google

Герберштейна говорится, напр., и въ первой, и въ XI главахъ; о Іосифѣ Волоцкомъ—и во второй, и въ XIII главахъ; о губныхъ грамотахъ—и въ пятой, и въ XI главахъ. Ищемъ въ XI главѣ о Судебникѣ; оказывается, что о Судебникѣ тамъ нѣтъ ни слова, а между тѣмъ глава носитъ громкое заглавіе „государственнаго строя московской Руси“ (неизвѣстно опять какой: московско-литовской, или московско-царской? авторъ, очевидно, забылъ о своемъ дѣленіи), подъ которое г. Иловайскій ухитрился помѣстить разсмотрѣніе московскихъ дворцовыхъ зданій, а о нихъ читатель сталъ бы искать въ XIII главѣ. Кто же могъ бы предположить, что для автора нѣтъ разницы между вопросами архитектуры и вопросами государственнаго права!

Мы воздержимся отъ дальнѣйшихъ примѣровъ въ этомъ родѣ, встрѣчающихся въ книгѣ г. Иловайскаго, ибо это завело бы слишкомъ далеко. Впрочемъ, держась плана Соловьева, г. Иловайскій, понятно, не могъ не попользоваться и текстомъ его исторіи; наконецъ, такое сличеніе текстовъ уже сдѣлано до насъ, а потому ограничимся указаніемъ только на одну особенность подобныхъ позаимствованій чужого текста: г. Иловайскій копируетъ Соловьева даже въ тѣхъ случаяхъ, когда усиленно подчеркиваетъ свое съ нимъ разногласіе (въ изложеніи, напримѣръ, эпохи царя Ивана IV). Любопытствующіе могутъ сами сличить постранично текстъ г. Иловайскаго съ текстомъ С. М. Соловьева, и результаты получатся самые оригинальные. Нѣтъ никакихъ новыхъ фактовъ, новой ихъ группировки, сопоставленія, освѣщенія; все приводимое вы найдете у С. М. Соловьева, исключая немногихъ мѣстъ, заимствованныхъ главнымъ образомъ у Н. М. Карамзина (разсказъ о царевичѣ Петрѣ въ началѣ I главы см. у Н. М. Карамзина т. VII, гл. I, стр. 10 по изд. А. Смирдина; перечисленіе членовъ думы въ началѣ V главы сокращено по Н. М. Карамзину, т. VIII, стр. 7; подробности о построеніи Китая-города—оттуда же, стр. 43; взглядъ на правительницу Елену не вполнѣ точно обработанъ по Н. М. Карамзину же; взглядъ на Ивана Грознаго—копія съ Н. М. Карамзина по московскому хронографу; сравненіе Ермака съ Кортецомъ, замѣчаніе о необходимости сильныхъ потрясеній для образумленія царя Ивана, взяты также у Н. М. Карамзина, VIII, 99, IX, 384). Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что г. Иловайскій не всегда внимателенъ къ своему источнику и не всегда обращаетъ вниманіе на противорѣчія первоисточниковъ, на что указываютъ Н. М. Карамзинъ и С. М. Соловьевъ. Такъ, въ началѣ V главы (стр. 151) г. Иловайскій пишетъ: „хотя въ главѣ управленія онъ (т.-е. Василій III) и поставилъ свою молодую супругу Елену, приказавъ докладывать ей дѣла, однако главное правительственное значеніе естественно переходило теперь въ руки высшаго

Digitized by Google

государственнаго учрежденія или совѣта, именуемаго Боярскою Думой". Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ у С. М. Соловьева читаемъ, что „въ подробномъ описаніи кончины Василія, среди подробныхъ извѣстій о послѣднихъ словахъ его и распоряженіяхъ, не говорится прямо о томъ, чтобы великій князь назначилъ жену свою правительницею". С. М. Соловьевъ имѣлъ въ виду подчеркнуть извѣстное юридическое понятіе, господствовавшее на практикѣ, вовсе не отрицая того, что Елена была правительницею и по желанію умершаго князя; тогда г. Иловайскій пишетъ непонятное ему мѣсто по Н. М. Карамзину. Читатель ждетъ разъясненія въ примѣчаніи (28), но и въ примѣчаніи г. Иловайскій ни слова не говоритъ о томъ, почему онъ допустилъ отступленіе отъ первоисточниковъ, разнорѣчивыя показанія которыхъ съ соотвѣтствующимъ разъясненіемъ приведены С. М. Соловьевымъ въ примѣчаніи къ цитованному мѣсту. Другой примѣръ. Дѣло идетъ объ убійствѣ удѣльнаго князя Юрія Ивановича Дмитровскаго. Въ передачѣ судьбы этого князя „сказанія лѣтописцевъ не согласны", какъ пишетъ Н. М. Карамзинъ (VIII, 8), и „лѣтописцы оставили намъ объ этомъ дѣлѣ разныя свидѣтельства", какъ читаемъ у С. М. Соловьева (VI, 3). Что же у г. Иловайскаго (стр. 152)? Ни слова о разногласіи источниковъ. Г. Иловайскій ограничивается простою выпискою у С. М. Соловьева нѣсколькихъ словъ о заключеніи князя Юрія, съ глухимъ намекомъ на крамолу. Въ разсказѣ объ арестѣ псковичей-жалобщиковъ (стр. 10) у г. Иловайскаго читаемъ одну псковскую версію, а между тѣмъ есть и другія, что̀ равно указано и С. М. Соловьевымъ (V, 338 по 3 изд.), и Н. М. Карамзинымъ (прим. 60 къ VII тому). Г. Иловайскій молчитъ о разногласіи и въ текстѣ, и въ примѣчаніяхъ. Тутъ, конечно, произволъ у автора объясняется его тенденціозностью: вторая версія оказывается удобнѣе для г. Иловайскаго. Очевидно, паденіе Пскова г. Иловайскій излагалъ главнымъ образомъ по Н. М. Карамзину, который въ текстѣ не упомянулъ о разногласіи, а въ примѣчаніи сдѣлалъ выписку изъ первоисточника. А г. Иловайскій въ 4 примѣчаніи, упомянувъ о псковской лѣтописи, замѣчаетъ: „короткое извѣстіе въ другихъ (въ какихъ же именно?) лѣтописныхъ сводахъ". Обращаясь произвольно съ показаніями первоисточниковъ, которыя авторъ находилъ у С. М. Соловьева, онъ продолжалъ тотъ же пріемъ и вообще при выборѣ фактовъ для своей компиляціи.

Собственно говоря, исторія Россіи у г. Иловайскаго превращается въ исторію московскаго княжескаго дома Калиты; все остальное для г. Иловайскаго — простые аксессуары, порою вводимые имъ просто потому, что ихъ пришлось прочесть у С. М. Соловьева. Когда вы читаете книгу г. Иловайскаго, то совершенно

Digitized by Google

забываете, что существуетъ еще цѣлая страна и населяющая ее масса; но стоитъ ли говорить о ней, когда „народная масса, по представленію г. Иловайскаго, есть не что иное, какъ этнографическая почва, которая выдѣляетъ изъ себя дѣйствующія лица"; посредствомъ такихъ выдѣленныхъ изъ себя лицъ народъ и проявляетъ себя въ разныхъ сферахъ общественнаго развитія. Это мы читаемъ еще въ предисловіи къ первому тому. И въ третьемъ томѣ г. Иловайскій своимъ изложеніемъ дѣйствительно пытается показать, что исторія имѣетъ дѣло преимущественно съ лицами, выдѣленными народомъ. Но не имѣя никакого прочно сложившагося, цѣльнаго міросозерцанія, г. Иловайскій постоянно противорѣчитъ самому себѣ. Такъ, говоря о царѣ Грозномъ, онъ совсѣмъ забылъ о своей теоріи, а именно, что, по его же словамъ, Грозный долженъ быть олицетвореніемъ русскаго народа; оказывается, что Грозный есть произведеніе татарщины (это, конечно, искаженіе теоріи Н. И. Костомарова, но у него не одинъ Грозный является результатомъ татарщины) и въ то же время чудесная кара, посланная Провидѣніемъ! Выходитъ, что Грозный не „выдѣлился" изъ своего народа, а служилъ испытаніемъ, ниспосланнымъ на русскій народъ, послѣ пріуготовительнаго воспитанія въ татарскомъ духѣ. Въ исторіи русскаго народа случилась, такимъ образомъ, по теоріи того же г. Иловайскаго, прорѣха: этнографическая масса не выдѣлила на этотъ разъ изъ себя главы... „Но,—какъ бы утѣшаетъ г. Иловайскій,—государственный смыслъ великорусскаго племени выдержалъ это испытаніе, взглянувъ на него какъ на временную кару, ниспосланную Богомъ" (стр. 410), „какъ на одно изъ бѣдствій, свыше ниспосланныхъ русскому народу для его испытанія (у г. Иловайскаго здѣсь какъ будто мелькаетъ мысль о богоизбранности русскаго народа на подобіе древне-еврейскаго), для его закала въ терпѣніи и благочестивой преданности Промыслу" (стр. 331). „И это воззрѣніе,—восклицаетъ г. Иловайскій,—*далеко не такъ наивно*, какъ оно представляется многимъ въ наше время, время разносторонней исторической критики" (sic!). Здѣсь мы рѣшительно не понимаемъ, какъ выбраться изъ хаоса всѣхъ этихъ несвязныхъ фразъ. Если Грозный—чудесное явленіе, ниспосланное на русскую землю свыше для нравственнаго исправленія, то при чемъ тутъ окажется государственный смыслъ великорусскаго племени? Если Грозный—деспотъ, тиранъ, воспитанникъ татарщины, какъ думаетъ все тотъ же г. Иловайскій, то какъ объяснить, что великорусское племя въ результатѣ своей выносливости и какъ бы въ награду за нее испытало затѣмъ всѣ бѣдствія смутнаго времени? Попытки личныхъ объясненій, чудесность въ исторіи, врожденность государственнаго смысла, дѣйствіе невѣдомыхъ роковыхъ силъ (даже и это есть у

Digitized by Google

г. Иловайскаго; стр. 121, говоря о разводѣ польскаго короля Августа съ Екатериной нѣмецкой, прибавляетъ: „*очевидно*, какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ домомъ Ягеллоновъ, отказывая имъ въ продолженіи потомства“)—все это такіе дешевые пріемы, о которыхъ дѣйствительно наивно было бы разсуждать. Къ подобнымъ перламъ философіи исторіи нельзя не присоединить разсужденій автора о томъ, какъ историкъ въ сужденіи о Грозномъ и оцѣнкѣ его не долженъ полагаться *на сужденія простонародья*. Пѣсня народная иногда сочувственно относится къ Грозному, но—предостерегаетъ г. Иловайскій (стр. 331)—пѣсня воспѣваетъ и *разбойничьихъ атамановъ*!! Къ тому же простонародье,—прибавляетъ авторъ,—„всегда болѣе или менѣе сочувственно относится къ *уравнительнымъ* (?!) дѣйствіямъ власти, хотя бы это уравненіе выражалось только въ безпощадныхъ казняхъ“.

Языкъ и манера изложенія у г. Иловайскаго также не собственные, и, надобно думать, вмѣстѣ съ текстомъ заимствованы у Н. М. Карамзина (ср., напр., описаніе осады Казани съ тѣмъ же предметомъ у Н. М. Карамзина). Г-нъ Иловайскій вмѣсто „этотъ“ пишетъ „сей“ („сей послѣдній“, „сія обитель“, „на сей разъ“; послѣднимъ выраженіемъ авторъ даже злоупотребляетъ, повторяя его иногда по нѣскольку разъ на одной страницѣ); вмѣсто „человѣкъ“—„мужъ“ (напр., Герберштейнъ—мужъ весьма образованный“, стр. 28; Сильвестръ и Адашевъ—„два незнатные мужа“; „благотворное вліяніе двухъ мужей“, стр. 174, см. также стр. 245, 249, 257, 275), а по временамъ опять является „человѣкъ“; онъ пишетъ то Иванъ, то Іоаннъ, избѣгаетъ употребленія иностранныхъ словъ, или сопровождаетъ ихъ объясненіями, что дисциплина (стр. 390, 399) есть строгій военный порядокъ, что консерватизмъ есть устойчивость (стр. 412), а диверсія есть отвлеченіе (стр. 217). По-карамзински г. Иловайскій сильно злоупотребляетъ эпитетами; эпитеты нерѣдко замѣняютъ у него аргументы или необходимость характеристики. Царь Грозный большею частью называется „тираномъ“, къ чему прибавляются нерѣдко эпитеты: „хитрый“ (стр. 259), „подозрительный“ (стр. 258), „лицемѣрный“ (стр. 260), „робкій“ (стр. 261—263), „кровожадный“ (стр. 264), „полоумный“ (стр. 269, на стр. 271, „безумныя распоряженія“, „сатанино воинство“—опричнина). Если г. Иловайскій не щадитъ въ своихъ эпитетахъ Грознаго, то, наоборотъ, по адресу московскаго правительства вообще и дипломатовъ въ частности нерѣдко встрѣчаешься у него съ комплиментами въ родѣ: „умно“, „ловко“, хотя не всегда поймешь, почему именно авторъ счелъ нужнымъ употребить такое выраженіе. Подчеркнувъ, что московская дипломатія „прежде всего заботилась о сохраненіи достоинства своего

Digitized by Google

государства" (государя?), что она показала „себя достойною своихъ греческихъ учителей" (стр. 28, 30: „умные московскіе дипломаты", ср. стр. 191 и 218: „умные московскіе совѣтники"), авторъ пишетъ: „ясно сознаваемая цѣль, вѣжливый языкъ (напр., бранныя слова Татищева во время переговоровъ?), обстоятельныя сужденія (С. М. Соловьевъ не разъ отмѣчаетъ незнаніе московскими дипломатами европейскаго положенія дѣлъ, наивность ихъ сужденій, etc.) и твердость въ національной политикѣ—вотъ тѣ качества, которыя надолго усвоила себѣ эта дипломатія". Эта льстивая, но далеко не вполнѣ вѣрная фраза, какъ то можетъ быть ясно всѣмъ читавшимъ С. М. Соловьева, подкрѣпляется въ дальнѣйшемъ изложеніи лишь одними эпитетами указаннаго характера (см. ниж., стр. 338, во время переговоровъ въ Польшѣ, московскіе послы „ловко" подорвали довѣріе къ словамъ Головина; въ 1586 г. бояре съумѣли дать польскимъ посламъ „ловкій" отвѣтъ; стр. 348, чтобы устранить пріѣзжаго грека отъ патріаршества въ Россіи, московское правительство поступило „съ обычною дипломатическою ловкостью"). Можно подумать, что московская дипломатія XVI-го в. была образцовою. Являясь апологетомъ политики московскаго княжества, нашъ авторъ восхищается рѣшительною политикою правительства Елены, которую еще Н. М. Карамзинъ клеймилъ за жестокость, подчеркиваетъ „ловкость" присоединенія Рязани къ Москвѣ (стр. 39), „удачность" принятыхъ мѣръ по случаю похода Девлетъ-Гирея (стр. 190—курьезное мѣсто о двухъ Тулахъ), „умныя" мѣры при осадѣ Казани (стр. 196), „умное и разсчетливое" веденіе дѣла русской колонизаціи (стр. 405) и т. п. Итакъ, все умно, ловко, искусно, разсчетливо, національно, а къ концу XVI в. государство приведено было на край гибели, чего не отрицаетъ и самъ авторъ, слагая всю вину на личность царя Грознаго. Автора въ этомъ хаосѣ не выручаетъ, конечно, благородный „стиль", о которомъ онъ такъ много мечтаетъ, считая необходимымъ „найти всему соотвѣтствующее выраженіе въ языкѣ, усвоить своему изложенію достойный высокой задачи благородный стиль". Позволимъ себѣ не согласиться съ авторомъ въ томъ, чтобы злоупотребленіе ничего не выражающими эпитетами можно было счесть за „благородство стиля".

Мы уже замѣтили выше, что г. Иловайскій по временамъ заявляетъ свою самостоятельность и не указываетъ на позаимствованіе у Соловьева, зато онъ старается рѣзко подчеркнуть свое несогласіе съ нимъ. Но, по нашему мнѣнію, и въ этомъ отношеніи онъ не имѣлъ особой удачи. „Губныя и общинныя земскія учрежденія XVI-го вѣка, —пишетъ г. Иловайскій,—въ нашей исторической и юридической литературѣ сдѣлались извѣстны подъ названіемъ реформъ Ивана IV

Digitized by Google

и прямо приписывались личному его почину. Особенно ярко выступило это воззрѣніе у Соловьева въ его Исторіи Россіи... Простое указаніе на хронологію губныхъ и земскихъ уставныхъ грамотъ устраняетъ такое воззрѣніе: первыя извѣстныя намъ губныя грамоты относятся къ 1539 году, когда Ивану IV было 9 лѣтъ отъ роду, и когда онъ еще не могъ имѣть никакого самостоятельнаго участія въ управленіи" (стр. 676). Далѣе, г. Иловайскій утверждаетъ, что какъ только царь Грозный сталъ „править вполнѣ самостоятельно и произвольно", опъ отмѣнилъ земскую реформу. Но, во-первыхъ, С. М. Соловьевъ очень ясно говоритъ, что земская реформа (въ сферѣ губнаго управленія) вводилась „еще въ малолѣтство Грознаго, во время боярскаго правленія" (т. VII, стр. 37 по изд. 1857 г.), а во-вторыхъ, царь Иванъ не отмѣнялъ реформы, потому что самъ же продолжалъ выдачу губныхъ и откупныхъ грамотъ, встрѣчаемыхъ даже въ XVII вѣкѣ (г. Иловайскій не можетъ этого не знать). Какое же тутъ разногласіе съ Соловьевымъ! Далѣе. Излагая приблизительно по В. О. Ключевскому вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ, г. Иловайскій въ примѣчаніи (стр. 670) заявляетъ, что онъ несогласенъ съ мнѣніемъ С. М. Соловьева, „будто Годуновъ хлопоталъ (!) о прикрѣпленіи крестьянъ главнымъ образомъ въ интересахъ мелкихъ помѣщиковъ, т.-е. дѣтей боярскихъ, чтобы привлечь на свою сторону это военно-служилое сословіе", а затѣмъ говоритъ, что Годуновъ прикрѣплялъ крестьянъ въ интересахъ бояръ. Но гдѣ въ IV главѣ VII тома „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева дается такое объясненіе прикрѣпленія крестьянъ Годуновымъ его личными интересами? Просмотрѣвъ внимательно указанную главу у Соловьева, мы окончательно убѣдились въ томъ, что вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ у него поставленъ на *соціально-экономическую*, а вовсе не на *личную* почву. Въ чемъ же опять у г. Иловайскаго принципіальное разногласіе съ Соловьевымъ, если послѣдній ведетъ свою аргументацію такъ, что доказываетъ необходимость прикрѣпленія крестьянъ въ московской Руси не въ интересахъ сословныхъ, а въ интересахъ экономическихъ? Не менѣе любопытно несогласіе г. Иловайскаго съ С. М. Соловьевымъ по вопросу о томъ, кому принадлежитъ иниціатива сибирскаго похода. По С. М. Соловьеву, иниціатива на сторонѣ фамиліи Строгановыхъ; г. Иловайскому не желательно согласиться съ нимъ, а аргументы противъ Соловьева подобрать трудно, —и въ результатѣ является мнѣніе (стр. 660), что хотя и Строгановы предприняли походъ, однако *едва ли не* предпринялъ его и самъ Ермакъ (ср. еще стр. 648)! Но особенно рѣзко старается выставить г. Иловайскій свое несогласіе съ С. М. Соловьевымъ во взглядѣ на царя Грознаго, въ общемъ, однако, всецѣло слѣдуя из-

Digitized by Google

ложенію послѣдняго и лишь набрасывая на него черты изъ Н. М. Карамзина, унаслѣдованныя имъ отъ московскихъ хронографовъ. Надъ подобными научными пріемами остроумно посмѣялся С. М. Соловьевъ (т. VI, стр. 386 по 3 изд.): „прославилось извѣстное историческое лицо добромъ, и вотъ повѣствователи о дѣлахъ его не хотятъ допустить ни одного поступка, который бы нарушалъ это господствующее представленіе объ историческомъ лицѣ; если источники указываютъ на подобный поступокъ, то повѣствователи стараются, во что бы то ни стало, оправдать своего героя, и наоборотъ, въ лицѣ, оставившемъ по себѣ дурную славу, не хотятъ признать никакого достоинства". Не менѣе странно нападеніе г. Иловайскаго на Соловьева, который думаетъ, что чтеніемъ Священнаго Писанія царь Грозный занимался еще въ эпоху боярщины, а по мнѣнію г. Иловайскаго Грозный въ то время ничего не читалъ. На сторонѣ Соловьева факты, на сторонѣ же г. Иловайскаго—только одно тщетное стремленіе показать, что у него и по этому предмету есть все-таки свое мнѣніе. Приводимое имъ мѣсто (стр. 620), изъ сказанія князя А. М. Курбскаго, скорѣе можетъ служить въ пользу Соловьева, чѣмъ автора. Разногласіе, которое г. Иловайскій усиленно старается выставить на видъ (стр. 218, 288, 248, 276, 320, 626), заключается въ томъ, что онъ принимаетъ мнѣніе Н. М. Карамзина и главнымъ образомъ Н. И. Костомарова, по мнѣнію котораго царю Грозному слѣдовало бы вести войну не съ Ливоніей, а съ Крымомъ. Защищая опять-таки не свое, а чужое мнѣніе противъ Соловьева, г. Иловайскій забываетъ, что дѣло идетъ о предположеніи, и что вообще трудно судить о томъ, что было бы, если бы ходъ историческихъ событій былъ иной, чѣмъ какимъ онъ явился на самомъ дѣлѣ.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что у г. Иловайскаго встрѣчается масса цитатъ, гдѣ указаны новѣйшія сочиненія, и что, слѣдовательно, онъ, вѣроятно, воспользовался новѣйшими трудами, исправлялъ, дополнялъ трудъ С. М. Соловьева. Но къ сожалѣнію, и этого не случилось на дѣлѣ. Ссылки на новыя сочиненія, повидимому, предназначены лишь для украшенія компиляціи. Два, три примѣра обрисуютъ намъ лучше всего отношеніе г. Иловайскаго къ новѣйшей литературѣ, которую онъ усердно старается собрать въ примѣчаніяхъ.

Въ текстѣ г. Иловайскаго Берсень Беклемишевъ, извѣстный опальный эпохи Василія III, фигурируетъ въ качествѣ „боярина" (стр. 68), принадлежавшаго „къ старой боярской партіи" (стр. 54 и 446), „опальный бояринъ" (стр. 71); бояриномъ названъ онъ и у С. М. Соловьева. Г-нъ Иловайскій, очевидно, переписалъ безъ разсужденій ошибку С. М. Соловьева. Между тѣмъ на эту ошибку было указано проф. В. О. Ключевскимъ въ его „Боярской думѣ" (стр. 275 по изд.

Digitized by Google

1883 г.), а затѣмъ, въ недавнее время, это обстоятельство особенно рѣзко было подчеркнуто Н. П. Лихачевымъ (въ его брошюрѣ: „Отвѣтъ суровому критику. Возраженіе на рецензію Д. А. Корсакова о книгѣ „Разрядные дьяки XVI-го вѣка". М., 1890, стр. 13), который основательно говоритъ, что „Берсень Беклемишевъ былъ бояриномъ развѣ въ томъ смыслѣ, какъ на панихидахъ всѣхъ дворянъ поминаютъ боларами". Просматриваемъ цитаты г. Иловайскаго, и въ нихъ находимъ ссылки на оба труда (стр. 677). Еще примѣръ. Для изученія теоретическаго развитія московскаго самодержавія особенно важно не такъ давно вышедшее сочиненіе М. А. Дьяконова: „Власть московскихъ государей" (Спб. 1889); ссылку на это сочиненіе у г. Иловайскаго (стр. 664) мы находимъ, но въ текстѣ не видимъ ни малѣйшаго слѣда знакомства съ самою книгою, что особенно бросается въ глаза при упоминаніи о политической доктринѣ игумена Іосифа Волоцкаго. „Государственная власть опасалась затрогивать матеріальные интересы самаго могущественнаго своего союзника—церковной іерархіи",—пишетъ г. Иловайскій (стр. 50);—„Іосифъ Волоцкій въ своихъ сочиненіяхъ являлся не только горячимъ *сторонникомъ* этого союза, но также краснорѣчивымъ *поборникомъ* возникавшаго московскаго самодержавія". Все это такъ, но еслибы г. Иловайскій далъ себѣ трудъ ознакомиться не съ однимъ заглавіемъ, а съ самой книгой М. А. Дьяконова, то онъ замѣтилъ бы, что политическая доктрина иг. Іосифа Волоцкаго носила прямо революціонный характеръ, какъ замѣчаетъ М. А. Дьяконовъ (стр. 95): „поклоненіе и служеніе царю должно быть, по ученію Іосифа, результатомъ критики общенравственныхъ и религіозныхъ свойствъ личности царствующаго". Точно также г. Иловайскій приводитъ въ примѣчаніяхъ сочиненіе А. С. Лаппо-Данилевскаго: „Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ". (Спб., 1890), но ни слова не проронилъ о новыхъ толкованіяхъ А. С. Лаппо-Данилевскаго, касающихся волости и прикрѣпленія крестьянъ. А между тѣмъ, въ отдѣлѣ: „крестьянская община", въ первой главѣ названнаго изслѣдованія, встрѣчается опредѣленіе волости, „какъ крестьянской общины съ ея управленіемъ, въ составъ котораго съ теченіемъ времени могли, конечно, входить и правительственныя лица"; это обстоятельство должно было бы особенно заинтересовать г. Иловайскаго, въ виду его замѣчанія (на стр. 671) о сторонникахъ исконной общины въ московскомъ государствѣ. Есть у г. Иловайскаго ссылка на книгу Н. Д. Чечулина: „Города московскаго государства XVI вѣка"; результатовъ же изученія этой книги у г. Иловайскаго не видно, такъ какъ Н. Д. Чечулинъ ставитъ, напр., довольно рѣзко вопросъ о „земцахъ"; г. Иловайскій, ссылаясь на названную книгу, не подозрѣваетъ ихъ суще-

Digitized by Google

ствованія, несмотря на то, что о нихъ говоритъ и С. М. Соловьевъ. То же самое приходится замѣтить и о книгѣ С. Ѳ. Платонова: „Древнерусскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени“ (Спб., 1888); воспользоваться ею (стр. 210, 249), а не только ссылаться на нее, было бы необходимо для г. Иловайскаго.

Примѣчаніями занято у г. Иловайскаго около 120 страницъ мелкой, убористой печати; при первомъ взглядѣ на нихъ, благодушный читатель можетъ проникнуться благоговѣніемъ къ глубинѣ учености автора. На самомъ же дѣлѣ все это не такъ страшно, какъ кажется при первомъ взглядѣ. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что въ компиляціи г. Иловайскаго цитаты, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, лишнія, а во-вторыхъ, какъ мы только-что видѣли, либо носятъ на себѣ характеръ украшенія, либо даже прямо не принадлежатъ автору компиляціи. Одно время въ научной литературѣ была большая мода на цитаты; кстати и некстати ими изобильно уснащали сочиненія. Всѣ, конечно, хорошо помнятъ эту забавную цитатоманію. Въ ученомъ изслѣдованіи цитаты, примѣчанія, должны служить либо для оправданія сказаннаго въ текстѣ, либо для болѣе детальной разработки затронутыхъ тамъ вопросовъ, либо, наконецъ, для цѣлыхъ спеціальныхъ изслѣдованій по тому или другому побочному вопросу, не нашедшему себѣ пристанища въ текстѣ. Ничего подобнаго почти и не могъ имѣть въ виду г. Иловайскій, воздвигая груду примѣчаній съ самою неопредѣленною цѣлью. Г. Иловайскій могъ въ предисловіи разъ навсегда оговориться, что главнымъ его источникомъ былъ С. М. Соловьевъ съ его эрудиціей, дополненный Н. М. Карамзинымъ, а затѣмъ указать на тѣ новѣйшія сочиненія по русской исторіи, которыми онъ *дѣйствительно* пользовался, и на тѣ первоисточники, которые *дѣйствительно* просмотрѣлъ. Вмѣсто этого г. Иловайскій предлагаетъ рядъ большихъ глухихъ примѣчаній, ничуть не оправдывающихъ текста, въ силу своей огульности: рядъ ссылокъ у него обыкновенно относится къ цѣлому отдѣлу; ссылки нерѣдко дѣлаются безъ указанія тома и страницы; нерѣдко однѣ и тѣ же ссылки повторяются въ разныхъ мѣстахъ, хотя относятся къ одному и тому же отдѣлу. Объ ошибкахъ и неточностяхъ ссылокъ говорить нечего,—порою онѣ имъ просто перепечатаны; но все же странно ссылаться на одинъ и тотъ же памятникъ, называя его то изданнымъ, то неизданнымъ (Александро-невская лѣтопись); ссылаться на архивный подлинникъ, давно уже напечатанный, какъ это дѣлаетъ г. Иловайскій. Въ основаніе этихъ ссылокъ большею частью положены цитаты С. М. Соловьева и отчасти Н. М. Карамзина (повидимому, г. Иловайскій эксплуатировалъ и К. Н. Бестужева-Рюмина); правда, нѣкоторыя цитаты исправлены, дополнены или подробнѣе

Digitized by Google

означены. Все это—еще нѣкоторый трудъ и болѣе или менѣе терпимо. А вотъ что́ уже выходитъ совершенно за предѣлы дозволеннаго: г. Иловайскій ссылается на архивныя дѣла, неизданные документы, но всѣ эти архивныя цитаты просто беретъ изъ своихъ основныхъ источниковъ, т.-е. изъ трудовъ С. М. Соловьева и Н. М. Карамзина, причемъ нерѣдко совсѣмъ не указываетъ, кому онъ обязанъ этими цитатами (см., напр., г. Илов., стр. 601, пр. 2, и С. М. Сол., V, пр. 305; г. Илов., стр. 605, пр. 8, и С. М. Сол., V, пр. 345, 357, 368 и др.; г. Илов., стр. 607, пр. 10, и С. М. Сол., V, пр. 305 и 406 etc.). Какой, спрашивается, смыслъ указывать на „архивъ", когда вмѣсто этого указанія надо было просто сказать: см. у С. М. Соловьева, томъ такой-то, примѣчаніе такое-то. У г. Иловайскаго находимъ далѣе рядъ безстраничныхъ ссылокъ на сочиненія, касающіяся правовой, экономической и соціальной сторонъ русской жизни. Къ чему, спрашивается, г. Иловайскій перепечатываетъ весь этотъ неупотребленный почти въ дѣло библіографическій матеріалъ, который уже напечатанъ въ курсахъ Неволина, И. Ф. Владимірскаго-Буданова и В. И. Сергѣевича? Г. Иловайскій указываетъ, напр., литературу о городахъ московскаго государства, но неужели онъ полагалъ, что ни одинъ простодушный читатель не догадается, что эта литература о городахъ указана въ книгѣ Н. Д. Чечулина: „Города московскаго государства", и разъ есть ссылка на послѣднюю, то всѣ остальныя—балластъ, ни для чего непригодный? Можетъ быть, г. Иловайскій мечталъ о библіографической полнотѣ своей компиляціи; но это совершенно напрасно: каталоги гг. Ламбина и Межова все-таки полнѣе его компиляціи.

Г. Иловайскій, очевидно, забылъ то, что́ должно составлять главную цѣль каждаго автора. Его компиляція должна была удовлетворять потребностямъ читающей публики, которой нуженъ связный, живой разсказъ, а не рисовка въ ученой мантіи, взятой притомъ на прокатъ съ чужого плеча; онъ даетъ груду примѣчаній, напрасно затрудняющихъ читателя, негодныхъ и для ученаго, ибо послѣдній предпочтетъ обратиться къ его первоисточнику, т.-е. къ С. М. Соловьеву, и совершенно сбиваетъ съ толку каждаго, когда предлагаетъ безпорядочный и безсвязный разсказъ о правовыхъ, экономическихъ и соціальныхъ явленіяхъ, которыя составляютъ существо серьезнаго историческаго изученія. Г. Иловайскій вообще довольно презрительно отзывается объ изученіи жизни народныхъ массъ и въ то же время, при случаѣ, какъ мы сказали выше, драпируется „народникомъ", „націоналистомъ". Послѣ этого было бы совершенно напрасно искать въ „Исторіи" г. Иловайскаго какихъ-нибудь слѣдовъ изученія имъ философіи исторіи. Въ этомъ отношеніи у него исправ-

Digitized by Google

ляютъ обязанности философіи исторіи „освященныя“ вѣками формулы, а иногда и собственное краснорѣчіе. Вслѣдствіе же того, тамъ, гдѣ нужно изложить послѣдовательную смѣну явленій или непрерывное теченіе общественной мысли, гдѣ нужно прослѣдить внутренній процессъ развитія идеи права, гдѣ нужно обобщить мелкіе юридическіе случаи и связать съ основными началами формальнаго законодательства, гдѣ слѣдуетъ выяснить руководящія начала политики, или все многообразіе народнаго міровоззрѣнія, въ сравненіи съ узкими, иногда и односторонними, бюрократическими представленіями —тамъ г. Иловайскій является вполнѣ несостоятельнымъ, не потому только, что у него *не* хватаетъ эрудиціи, но еще болѣе въ силу того, что подобное философское отношеніе къ дѣлу ему несимпатично. Точно также напрасно стали бы мы искать у г. Иловайскаго признаковъ исторической перспективы, указаній связи между предъидущимъ и послѣдующимъ, наглядnаго изображенія выдающихся явленій или истолкованія поворотныхъ пунктовъ въ исторіи. Мы нигдѣ не найдемъ у г. Иловайскаго картины постепеннаго развитія московскаго самодержавія, его происхожденія и теоретическаго обоснованія; нигдѣ не выяснено политическое значеніе помѣстной системы со всѣми многообразными ея послѣдствіями въ народной жизни; нѣтъ и попытки къ характеристикѣ центральнаго и областного управленія,— а простой каталогъ приказовъ, хотя бы и выписанный у Неволина, не составляетъ особаго труда и не служитъ характеристикою.

Вообще, г. Иловайскій имѣлъ, повидимому, замыслы и притязанія большія, но они ему не удались и не могли удаться, по причинамъ, на которыя мы указали выше; компиляція, хотя бы и болѣе тщательно замаскированная ученостью, все-таки утрачиваетъ даже и то значеніе, какое она могла бы еще имѣть въ качествѣ простой компиляціи, но умѣлой и вполнѣ добросовѣстной.

Н. В. С—жевъ.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— Liberty and a Living, the record of an attempt to secure bread and butter, sunshine and content, by gardening, fishing and hunting. By *Philip G. Hubert.* 1890. New-York.

Несовершенство общественнаго строя и неудобства городской жизни, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи, вызываютъ противъ себя уже давно и повсюду въ образованномъ обществѣ разнородные протесты и, въ томъ или въ иномъ видѣ, приглашенія вернуться на лоно природы, переселиться въ деревню, не только съ ея тихими и скромными удовольствіями, но и съ ея мускульнымъ трудомъ, отличнымъ отъ той работы, къ которой привыкъ интиллигентный человѣкъ въ городѣ. Наиболѣе громкимъ представителемъ этого движенія въ пользу возвращенія къ сельской жизни, какъ извѣстно, является еще въ прошломъ вѣкѣ знаменитый Жанъ-Жакъ Руссо, по съ тѣхъ поръ и по настоящее время этотъ призывъ къ природѣ съ разными варіантами, равно какъ и однородный литературный типъ, повторяется у многихъ народовъ Европы. Проповѣдь уваженія къ физическому труду и къ его представителямъ, въ отличіе отъ эгоизма нашего времени и исключительной преданности лишь умственнымъ профессіямъ, слышится то тамъ, то сямъ, нерѣдко встрѣчая значительное сочувствіе; примѣромъ можетъ служить извѣстный Джонъ Рёскинъ въ Англіи, который, не ограничиваясь словами и личными убѣжденіями, еще въ семидесятыхъ годахъ, въ бытность свою оксфордскимъ профессоромъ, и слѣдуя своей любимой англійской поговоркѣ, что „дюймъ дѣла стоитъ дороже цѣлаго ярда проповѣдей“,—чинилъ, вмѣстѣ со своими слушателями, дороги въ окрестностяхъ этого университетскаго города, а въ концѣ концовъ вызвалъ то великое филантропическое движеніе среди образованнаго общества Англіи, которое еще до сихъ поръ не кончилось [1]). Мы, русскіе, имѣемъ также своего писателя, который нѣсколько лѣтъ уже

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, февр. и мартъ 1889 года.

Digitized by Google

усиливается доказать собственнымъ примѣромъ пользу и цѣлесообразность физическаго труда.

Но еще гораздо раньше—въ юной, сравнительно, странѣ—въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ городская жизнь развилась еще недавно—тотъ же самый призывъ въ деревню и возвращеніе къ сельскому труду рекомендуются и находятъ практическое выраженіе со стороны различныхъ выдающихся писателей страны. Во главѣ ихъ стоитъ американецъ, съ французской фамиліей—Генри Дэвидъ Торо (Thoreau)—писатель преимущественно сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, у насъ совершенно неизвѣстный, да и въ западной Европѣ, напримѣръ въ Англіи, начинающій пользоваться значительнымъ вниманіемъ публики именно теперь, спустя много лѣтъ послѣ своей смерти. Только нынѣ появилась полная его біографія, а сочиненія перепечатываются теперь въ народныхъ дешевыхъ изданіяхъ. Общій характеръ его дѣятельности, какъ и у Руссо, выражается въ двухъ направленіяхъ: въ критикѣ существующаго строя американской городской жизни, поклоненія мамонѣ въ разныхъ видахъ и погони за деньгами, а отсюда — тщетности и пустоты „дѣловой жизни“ — business life — истиннаго янки; по выраженію одного писателя, Торо на всѣ лады старался доказать и провести новую для американскаго общества идею, что $^{9}/_{10}$ его городского населенія въ дѣйствительности теряютъ время въ неустанной погонѣ за деньгами; онъ былъ, однимъ словомъ, первымъ и виднымъ въ Америкѣ борцомъ, сильнымъ, страстнымъ и настойчивымъ, противъ своекорыстнаго матеріализма, столь характеризующаго, при всѣхъ ея достоинствахъ, американскую республику, по отзывамъ ея же собственныхъ писателей. Не ограничиваясь, однако, такимъ мирнымъ протестомъ и увлеченный аболиціонистическимъ движеніемъ въ пользу освобожденія негровъ еще въ 1843 году, Торо отказался платить личный налогъ въ казну штата Массачузетса, гражданиномъ котораго онъ состоялъ, съ цѣлью, какъ онъ выражался, „подать другимъ примѣръ и принудить правительство штата, лишивъ его средствъ, отказаться отъ поддержки недостойнаго учрежденія рабства“. За это онъ былъ заключенъ въ тюрьму, и только когда друзья заплатили за него налогъ, ему была предоставлена свобода. Какъ противоположность городской жизни, съ ея условной ложью и иными недостатками, Торо всегда сопоставлялъ съ ней—напримѣръ, въ своемъ произведеніи „Walden“ и другихъ очеркахъ—деревенскую идиллію и достоинства жизни, близкой къ природѣ. Онъ старался осуществить ее, проживъ болѣе двухъ лѣтъ пустынникомъ въ лѣсу, посреди цвѣтовъ, птицъ и звѣрей, существуя лишь трудами своихъ рукъ, безъ всякой посторонней по-

Digitized by Google

мощи и отказавшись отъ многихъ городскихъ привычекъ, какъ-то: мясной пищи и всѣхъ напитковъ, кромѣ воды [1]).

Прошло много лѣтъ со времени этихъ послѣднихъ экспериментовъ Генри Торо, а его примѣръ и совѣты и до сихъ поръ находятъ себѣ многихъ подражателей и продолжателей въ Америкѣ, какъ это доказываетъ новая очень интересная книга Филиппа Губерта. Авторъ принадлежитъ къ обширной, но мало извѣстной категоріи мелкихъ журналистовъ въ Нью-Іоркѣ. Посвящая всю свою жизнь, съ ранняго утра до поздней ночи, газетной работѣ, онъ заработывалъ лишь настолько, чтобы кое-какъ перебиваться со своей семьей. Годъ за годомъ, сидя за письменнымъ столомъ, Губертъ мечталъ, считая свои маленькія сбереженія, о томъ, когда, наконецъ, настанетъ блаженный день, и онъ получитъ возможность покинуть городъ, съ его поклоненіемъ золотому тельцу, презрѣніемъ къ бѣдности, лицемѣріемъ и другими видами грязи, какъ моральной, такъ и физической, и переселится въ деревню, на лоно природы, проводя тамъ со своей семьей неразлучно цѣлый день, посвящая себя здоровому физическому труду, вмѣсто вреднаго, опротивѣвшаго до-нельзя, сидѣнья за конторкой, чуть не ежедневно, съ 9 часовъ утра до 12 часовъ ночи. Какъ часто бываетъ въ жизни, дѣло кончилось компромиссомъ: Губертъ не успѣлъ составить капитала, который доставилъ бы ему обезпеченіе и возможность отказаться всецѣло отъ газетной работы, располагая временемъ по своему усмотрѣнію; тѣмъ не менѣе, съ маленькимъ капиталомъ, доходъ отъ котораго пополнялся писательствомъ,—въ среднемъ, не болѣе полутора или двухъ часовъ въ день и притомъ не ежедневно,—а въ общемъ составилъ доходъ около 600 долларовъ въ годъ, что, по-американски, весьма немного,—онъ нашелъ возможность осуществить мечту: уже четвертый годъ, какъ онъ переселился въ деревню, живетъ здоровой сельской жизнью, добываетъ, вмѣстѣ со своими дѣтьми, пропитаніе, обработывая свой огородъ, садъ, занимаясь рыбной ловлей и пчеловодствомъ, и счастливъ, благословляетъ свою судьбу, приглашая всѣхъ лицъ, любящихъ природу, послѣдовать его примѣру.

Содержаніе книги, сообразно ея цѣли, распадается на двѣ части. Сначала онъ старается изложить и мотивировать поводы своего переселенія въ деревню и занятія физическимъ трудомъ, и въ то же время устраняетъ тѣ аргументы, которые приводились его друзьями относительно такого смѣлаго шага; и затѣмъ излагаетъ самую дѣятельность свою въ деревнѣ, которая вся вра-

[1]) См. „Walden". By *Henri David Thoreau*. With an introductory note by *Will H. Dircks*. Camelot Series. London. 1888.

Digitized by Google

щается около четырехъ пунктовъ: огородничества и садоводства, рыбной ловли, приготовленія топлива (рубка деревьевъ и колка ихъ) и пчеловодства. При огромной разницѣ всей жизни въ Америкѣ и природныхъ условій отъ нашей сельской жизни, любопытною представляется собственно, конечно, лишь первая часть изложенныхъ имъ соображеній. Главный аргументъ противъ подобнаго бѣгства интеллигентнаго рабочаго изъ городовъ заключается въ деревенскомъ уединеніи, скукѣ, которая должна воспослѣдовать, вслѣдствіе лишенія образованнаго общества. На это Губертъ отвѣчаетъ указаніемъ на тотъ простой фактъ, что онъ переселился не одинъ, а со своей довольно большой семьей, которая и въ состояніи доставить ему совершенно достаточное общество, а потому онъ никакой скуки и не испытываетъ. Кромѣ того, онъ задается вопросомъ: изъ кого состоитъ значительная часть интеллигентнаго общества американскихъ горожанъ, которыхъ онъ покинулъ? стоятъ ли они такъ высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, чтобы жалѣть и чуть не считать несчастіемъ лишеніе ихъ общества? На это онъ приводитъ въ отвѣтъ сатирическое описаніе цѣлой кучки нью-іоркскихъ горожанъ—своихъ знакомыхъ, изъ господствующаго класса дѣльцовъ. Спекулятивная игра всѣхъ видовъ и родовъ подъ разными наименованіями составляетъ основу ихъ существованія, а обогащеніе во что бы ни стало—хотя бы иногда и съ опасностью даже считаться съ правосудіемъ—ихъ цѣль. „Дешево купилъ, дорого продалъ"—служитъ какъ бы девизомъ ихъ и въ то же время главнѣйшимъ предметомъ и интересомъ ихъ бесѣды; большинство сочтетъ, конечно, за сумасшедшаго всякое лицо, которое позволитъ себѣ высказать сомнѣніе въ честности и добросовѣстности такихъ сдѣлокъ, основанныхъ на выигрышѣ, лишь благодаря незнанію или невѣжеству противника или прямому его обману: „на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ",—какъ говоритъ и наша пословица.

Не высоко Губертъ ставитъ также съ нравственной и умственной стороны и американскую газетную прессу съ ея представителями, къ которой онъ самъ принадлежитъ до сихъ поръ. Она вполнѣ является вѣрнымъ зеркаломъ той внутренней пустоты, безсодержательности, съ одной стороны, а съ другой, беззастѣнчивой погони за деньгами, которую представляетъ собой вышеуказанный зажиточный классъ американскаго общества. Другое дѣло—журналы и книги, которые являются истинными друзьями человѣка, доставляя ему, сообразно вкусамъ и потребностямъ, незамѣнимое общество. Но что касается до нихъ, то при удобствахъ теперешняго желѣзнодорожнаго сообщенія и при хорошей организаціи почты, нѣтъ такого отдаленнѣйшаго уголка Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ бы нельзя было поль-

Digitized by Google

зоваться этимъ ни съ чѣмъ несравнимымъ и драгоцѣннымъ средствомъ сношенія и единенія съ міромъ. Поэтому, въ виду важности чтенія, какъ замѣны общества при сельскомъ уединеніи, людямъ недостаточно образованнымъ и не привыкшимъ жить настолько духовною жизнью, чтобы предпочитать чтеніе хорошей книги болтовнѣ съ первымъ встрѣчнымъ, Губертъ не совѣтуетъ переселяться въ деревню: такіе люди могутъ тамъ соскучиться.

Другое важное возраженіе, разбираемое Губертомъ, и которое, бо́льшею частью, дѣлаютъ противъ подобныхъ попытокъ, заключается обыкновенно въ томъ, что физическій трудъ слишкомъ дурно вознаграждаетъ усилія, и, сверхъ того, обычный трудъ образованнаго человѣка даетъ гораздо больше и, слѣдовательно, скорѣе избавитъ человѣка отъ бѣдности со всѣми ея лишеніями. На это Губертъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ несогласіемъ съ господствующими по этому поводу въ американскомъ обществѣ мнѣніями и относится къ нимъ критически. Трудъ самъ по себѣ, говоритъ онъ, не можетъ являться цѣлью; весь ходъ цивилизаціи имѣетъ, наоборотъ, свою тенденцію—поднять важность личности и, слѣдовательно, облегчить трудъ; широкое примѣненіе механизмовъ и разнородныхъ изобрѣтеній послѣдняго времени имѣетъ своимъ назначеніемъ именно способствовать сбереженію человѣческаго труда и доставить человѣку возможность бо́льшаго отдыха и мѣньшаго напряженія силъ,—а вовсе не увеличеніе заботъ и работы. „Сто лѣтъ тому назадъ предки наши,—говоритъ Губертъ,—пуритане, впадали въ крайность, осуждая, какъ грѣховное, всякую жизнерадостность, все, что́ веселитъ сердце и чувство человѣка; мы нынѣ впадаемъ въ другую крайность, преувеличивая значеніе труда или работы въ жизни человѣка: одинъ фетишъ замѣнилъ мѣсто другого!.“ Въ связи съ тѣмъ же является сильно развитое въ американскомъ обществѣ презрѣніе къ бѣдности, которое развилось слѣдующимъ простымъ путемъ: „я ношу—приводитъ онъ примѣръ—сюртукъ съ заплатами, слѣдовательно,—разсуждаютъ,—у меня нѣтъ денегъ купить новый; отсутствіе денегъ, въ свою очередь, показываетъ неспособность ихъ заработать; слѣдовательно, я не такъ энергиченъ и уменъ, какъ тѣ изъ моихъ согражданъ, которые заработываютъ больше денегъ и имѣютъ хорошіе сюртуки. Отсюда, въ странѣ, гдѣ мѣркой человѣка служитъ сумма денегъ или собственности, которую онъ способенъ пріобрѣтать своимъ промысломъ или счастіемъ въ спекулятивной игрѣ, является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ то, что денежное мѣрило, а если хотите, и качество костюма, получаетъ для всѣхъ вѣсъ и значеніе чуть не нравственнаго закона или обязательства“.

„Въ Старомъ свѣтѣ, обратно съ Америкой,—продолжаетъ онъ,—

Digitized by Google

борьба за деньги и матеріальное благосостояніе въ послѣднія сто лѣтъ далеко не была такъ интенсивна и не исключала духовной жизни въ такой степени, какъ въ Америкѣ. Поэтому внѣшніе знаки способности заработывать деньги, подобно описанному,—замѣчаетъ Губертъ, —никогда въ Европѣ не признавались столь существенными для опредѣленія положенія человѣка въ обществѣ. Во Франціи и Англіи, по его словамъ, носить заплатанный сюртукъ и работать собственными руками въ саду—вовсе не лишаетъ человѣка уваженія и не соединяется съ представленіемъ о чемъ-то низменномъ". Далѣе, для сравненія Губертъ приводитъ примѣръ одного пастора изъ Англіи, который, привыкши у себя дома на родинѣ къ физическому труду, вздумалъ, переселившись въ Америку, въ окрестностяхъ Нью-Іорка работать днемъ открыто въ собственномъ садикѣ, съ заступомъ въ рукахъ. Его новые прихожане были скандализированы этимъ фактомъ, и немедленно отрядили къ нему депутацію съ предложеніемъ—собрать для него достаточную складчину для найма садовника и, во всякомъ случаѣ, отказаться отъ своей странной фантазіи рыться въ землѣ, что̀ едва ли согласно, по ихъ мнѣнію, съ достоинствомъ церкви... Вотъ противъ такихъ-то воззрѣній американскаго общества Губертъ рѣшительно возстаетъ, указывая на разнообразную плодотворность физическаго труда и на лживость положенія—все мѣрить лишь одной денежной мѣркой. „Еслибы собраніе денегъ составляло конечную цѣль жизни,—говоритъ въ заключеніе Губертъ,—общее мнѣніе въ данномъ случаѣ было бы еще справедливо, но прежде всего, конечно, оно въ корнѣ лживо, ибо эта цѣль заключается въ возможномъ счастьѣ или довольствѣ жизнью, которое достижимо въ извѣстныхъ размѣрахъ и помимо этого условія; даже еслибы и признать первое мнѣніе основательнымъ, то и тогда явится еще вопросъ— не выигрываетъ ли человѣкъ, занятый въ деревнѣ систематически физическимъ трудомъ на воздухѣ, пріобрѣтая прекрасное здоровье, а тѣмъ самымъ и лучшіе шансы, благодаря болѣе продолжительной жизни, для пріобрѣтенія денегъ, нежели $^{9}/_{10}$ его городскихъ сотоварищей?"

Весьма любопытную разницу, при всемъ пессимизмѣ своихъ воззрѣній на городскую жизнь, представляетъ Губертъ, сравнительно съ нѣкоторыми аналогичными явленіями въ Европѣ,—въ своихъ мнѣніяхъ о воспитаніи дѣтей. Въ то время, какъ другіе поклонники и проповѣдники физическаго труда часто являются чуть не защитниками невѣжества, Губертъ не только считаетъ заботу въ этомъ случаѣ объ образованіи своихъ дѣтей чрезвычайно важной, но и посвящаетъ ей значительную часть своего времени. Общественныя школы въ Америкѣ не пользуются, однако, его расположеніемъ, осо-

Digitized by Google

бенно при условіи поступленія дѣтей въ нихъ въ слишкомъ раннемъ возрастѣ. Общественныя школы, по его словамъ, стремятся уничтожить въ ребенкѣ всякую индивидуальность; „въ самомъ нѣжномъ, впечатлительномъ возрастѣ,—говоритъ онъ,—мы посылаемъ нашихъ дѣтей въ школу, гдѣ всѣ усилія употребляются къ тому, чтобы всѣ наши мальчики и дѣвочки знали одно и то же, обо всякомъ вопросѣ имѣли бы одинаковое мнѣніе и смотрѣли съ той же точки зрѣнія и вообще приближались бы къ тому типу, къ которому истинно образованные люди питаютъ менѣе всего симпатію и который называется ходячимъ общимъ мѣстомъ". Поэтому Губертъ высказывается въ пользу того, чтобы начинать систематическое обученіе дѣтей не раньше восьми и десяти лѣтъ, причемъ забота о физическомъ развитіи должна стоять на первомъ планѣ и раньше всего; „тенденція, нынѣ часто встрѣчаемая, замѣчаетъ онъ, давать книжку въ руки маленькимъ дѣтямъ, всегда казалась мнѣ вредной, и я не чувствую никакихъ угрызеній совѣсти относительно своихъ дѣтей, если я обучалъ ихъ плавать и грести, полюбить рыбную ловлю и охоту всякаго рода раньше, нежели читать и писать. Мальчикъ, который въ 12 лѣтъ является уже хорошимъ пловцомъ и матросомъ, любитъ охоту, рыбную ловлю, всякаго рода занятіе на воздухѣ, знаетъ читать и писать и успѣлъ полюбить и оцѣнить, еще живя въ своей семьѣ, небольшое число хорошихъ образцовыхъ произведеній человѣческаго ума, немного познакомился и съ хорошей музыкой, — такой мальчикъ хорошо пойдетъ, въ какую бы онъ школу ни попалъ, и все, что онъ будетъ знать, будетъ знать основательно, а не поверхностно". Истинная школа, такимъ образомъ, по мнѣнію Губерта, есть семья, въ которой отецъ и мать являются главными учителями. Это послѣднее обстоятельство служитъ новымъ аргументомъ въ пользу главной идеи автора, т.-е. переселенія въ деревню. Въ городской жизни, отца семейства, въ большинствѣ случаевъ, дѣти могутъ видѣть развѣ только за завтракомъ и много—передъ своимъ отходомъ ко сну, да по воскресеньямъ, когда отецъ слишкомъ утомленъ недѣльнымъ напряженіемъ, чтобы тратить много времени на общеніе съ собственными дѣтьми; между тѣмъ въ деревнѣ отецъ бо́льшую часть дня проводитъ дома или около него, и если только весь складъ его жизни имѣетъ на себѣ печать культуры и образованія, то, разумѣется, дѣти первыя выигрываютъ отъ того. Въ свою очередь, половину удовольствія отъ своей сельской жизни авторъ получилъ, по его словамъ, отъ постояннаго сообщества съ своими дѣтьми.

„Я утверждаю,—заключаетъ Губертъ свою интересную книжку,—что сельская жизнь представляетъ собой у насъ эмансипацію отъ всѣхъ золъ городской—лишь съ весьма незначительными, сравни-

Digitized by Google

тельно говоря, неудобствами. Возьмите полдюжину — предлагаетъ онъ — самыхъ преуспѣвающихъ горожанъ изъ вашихъ знакомыхъ и справьтесь у нихъ: 1) какъ часто и какъ много, въ интересахъ здоровья приходится имъ пользоваться свѣжимъ воздухомъ и солнечнымъ сіяніемъ; 2) какъ много имъ приходится проводить времени со своими дѣтьми и семействами; 3) какъ много имѣютъ они интеллектуальныхъ занятій,—сколько, напримѣръ, хорошихъ книгъ приходится прочитать имъ въ теченіе года,—на всѣ эти вопросы, я увѣренъ, вы получите отвѣты неудовлетворительные, и образованный поселянинъ во всѣхъ отношеніяхъ выиграетъ предъ горожаниномъ"...—И. Я.

II.

A. Naquet. Socialisme collectiviste et socialisme libéral. Paris, 1890. Стр. 202.

Недавній союзникъ и горячій поклонникъ Буланже, бывшій сенаторъ, а нынѣ депутатъ, Накѐ окончательно, повидимому, разочаровался въ своихъ мечтахъ о „національной", открытой для всѣхъ партій, снисходительной и веселой республикѣ, лучшимъ олицетвореніемъ которой казался ему общедоступный, любезный и нѣсколько легкомысленный генералъ. Ясные слѣды этого разочарованія можно видѣть и въ книжкѣ о соціализмѣ. Авторъ разсуждаетъ объ экономическихъ и соціальныхъ идеалахъ, какъ трезвый философъ-реалистъ, свободный отъ всякихъ иллюзій; онъ косвенно даетъ понять, что и политическія фантазіи, связанныя имъ почему-то съ именемъ генерала Буланже, уступили мѣсто болѣе здравому пониманію реальной дѣйствительности. Но трезвый реализмъ Накѐ въ области соціальныхъ теорій обнаруживаетъ слишкомъ большіе пробѣлы въ политико-экономическихъ знаніяхъ; авторъ часто оспариваетъ взгляды, которыхъ никто не высказывалъ, повторяетъ возраженія, давно устраненныя или опровергнутыя, и изъ всей обширной литературы предмета знаетъ только книгу Маркса о капиталѣ, брошюрку Шеффле о квинтъ-эссенціи соціализма, сочиненіе Поля Леруа-Больѐ о коллективизмѣ, книжки Жюля Геда и Девилля. Съ такимъ скуднымъ багажемъ авторъ пускается въ изслѣдованіе труднѣйшихъ экономическихъ проблемъ, и въ результатѣ получился рядъ общихъ разсужденій, болѣе или менѣе односторонніхъ, отчасти произвольныхъ и бездоказательныхъ. Доводы Накѐ серьезны, пока авторъ опирается на Леруа-Больѐ; они становятся сомнительными и ошибочными, когда авторъ разсуждаетъ отъ себя и истолковываетъ экономическія теоріи

Digitized by Google

по собственному своему вдохновенію. Между прочимъ, Накѐ ссылается иногда даже на такіе авторитеты, какъ его другъ Франсисъ Лоръ, буланжистскій депутатъ, авторъ многихъ скандаловъ въ парламентѣ.

По мнѣнію Накѐ, главная ошибка соціалистовъ заключается въ томъ, что они исходятъ изъ предположенія о присущей міру и человѣчеству идеѣ справедливости и довольствуются критикой существующаго экономическаго порядка съ точки зрѣнія этой идеи; а между тѣмъ въ дѣйствительности природа не знаетъ справедливости, и по общему естественному ходу вещей сильные уничтожаютъ слабыхъ, крупныя существа поглощаютъ малыя, безпощадно и неизбѣжно. „Недостаточно поэтому доказать, что современное общество устроено дурно. Коллективисты должны были бы еще представить доказательство, что возможно устроить лучшее общество на развалинахъ прежняго, и что это новое общество будетъ меньше страдать отъ злоупотребленій и несправедливостей, чѣмъ нынѣшнее". Авторъ находитъ, что положительная часть ученій коллективистовъ совершенно несостоятельна, и что вмѣстѣ съ тѣмъ остаются вполнѣ безцѣльными и безплодными всѣ нападки и возраженія ихъ противъ нынѣшняго капиталистическаго строя. Впрочемъ, Накѐ извлекаетъ изъ отвергаемыхъ теорій нѣкоторыя разумныя положенія и переноситъ ихъ въ другую рубрику, подъ названіемъ „либеральнаго соціализма".

Въ первыхъ двухъ отдѣлахъ своей книжки Наке излагаетъ и опровергаетъ Карла Маркса, которому отчасти приписываетъ теоретическіе выводы, принадлежащіе вовсе не ему лично, а всей англійской классической школѣ. Аргументы, выставляемые авторомъ противъ этихъ теорій, могутъ считаться литературною собственностью Бастіа и Маклеода и были много разъ разобраны и опровергнуты, въ томъ числѣ и самимъ Марксомъ, такъ что выдвигать ихъ вновь безъ соотвѣтственныхъ оговорокъ можно было только по недоразумѣнію. Главы о теоріи цѣнности, о „желѣзномъ законѣ" рабочей платы, о производителѣ капитала, о принципѣ народонаселенія, содержатъ въ себѣ не мало такихъ ошибокъ. Въ третьей части подробно доказывается, что осуществленіе идеаловъ коллективизма привело бы къ пагубнымъ послѣдствіямъ, подорвало бы основы промышленной дѣятельности, парализовало бы личный починъ, энергію и изобрѣтательность; эти доводы заимствованы почти сплошь у Леруа-Больѐ, гдѣ они изложены несравненно основательнѣе и полнѣе. Въ заключеніе, говоря о „либеральномъ соціализмѣ", т.-е., вѣрнѣе, просто о либеральномъ направленіи въ политической экономіи, авторъ совѣтуетъ соціалистамъ-теоретикамъ бороться не противъ экономиче-

Digitized by Google

скаго строя, а противъ вооруженнаго мира, истощающаго народы и не позволяющаго думать ни о какихъ серьезныхъ общественныхъ реформахъ.

III.

Bulgarien, von Franz Joseph *Prinz von Battenberg*. Die wirthschaftliche Entwickelung Bulgariens von 1879 bis zur Gegenwart, nach amtlichen Quellen bearbeitet. Leipzig, 1891. Стр. 202.

Книга принца Баттенберга, брата бывшаго болгарскаго князя, не заключаетъ въ себѣ ничего политическаго или тенденціознаго въ какомъ бы то ни было отношеніи; это сухое собраніе свѣденій и цифръ, касающихся экономическаго быта Болгаріи за послѣднее десятилѣтіе. Авторъ даетъ читателю обширный статистическій матеріалъ, распредѣленный и обработанный съ несомнѣннымъ стараніемъ, не только по оффиціальнымъ, но и по частнымъ источникамъ. Наибольше мѣста отведено свѣденіямъ о земледѣліи, торговлѣ и промышленности, о желѣзныхъ дорогахъ и государственныхъ долгахъ. Книга посвящена принцу Александру Баттенбергу, и все содержаніе ея свидѣтельствуетъ, впрочемъ, о большой преданности автора интересамъ Болгаріи и о твердой вѣрѣ его въ будущность болгарскаго народа.—Л. С.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-ое февраля 1891.

„Отжившія учрежденія“ Финляндіи и г. Коркуновъ; „низшая финляндская культура“ и „Недѣля“.—Открытіе сейма въ Гельсингфорсѣ.—Сессіи московскаго и петербургскаго губернскихъ земскихъ собраній.—Нижегородское дворянское собраніе.—Похоронный вопросъ въ сенатѣ.—Юбилей А. Д. Шумахера.—Г. З. Елисеевъ и С. Я. Капустинъ †.

Въ Гельсингфорсѣ открылась сессія финляндскаго сейма; въ Петербургѣ и Москвѣ открылся вновь батальный огонь по „финляндскому сепаратизму“. Знаменіемъ времени, весьма прискорбнымъ для дѣла внутренняго мира, представляется расширеніе сферы, откуда идетъ этотъ огонь. Пока финляндскія „особенности“ служили предметомъ нападеній со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“, „Гражданина“, „Новаго Времени“, до тѣхъ поръ все это было въ порядкѣ вещей; ничего другого нельзя было и ожидать отъ доктринеровъ и партизановъ узкаго, злобнаго и близорукаго „національнизма“. Теперь тенденціи того же рода выступаютъ на сцену подъ флагомъ науки, демократіи, свободной мысли! Финляндскимъ учрежденіямъ ставится въ вину ихъ отсталость; финляндская народность провозглашается „чуждой Европѣ“, финляндская культура приравнивается къ „византійско-татарской“. Финляндскій сеймъ—говорятъ намъ ex cathedra (см. статью профессора Коркунова въ № 1 („Юридической Лѣтописи“ за 1891 г.)—вовсе не можетъ быть разсматриваемъ какъ *народное представительство* Финляндіи. Сеймовый уставъ 1869 года составляетъ „рабскій сколокъ“ съ шведскаго устава 1810 г., отмѣненнаго въ Швеціи еще въ 1866 г. Если старому порядку было дано предпочтеніе предъ новымъ, гораздо лучшимъ, то это объясняется преобладающимъ въ Финляндіи вліяніемъ дворянства и духовенства, для которыхъ выгодно сословное устройство сейма. „Руководители финляндской общественной жизни подхватили то, что̀ было, наконецъ, отброшено Швеціей, какъ негодное, какъ изжившее свое содержаніе. Не только народное представительство по образцу конституціонныхъ государствъ, *но даже просто наше земское положеніе, хотя бы въ новомъ, измѣненномъ его видѣ*, съ усиленіемъ сословнаго элемента, было бы для финскаго народа *неизмѣримымъ шагомъ впередъ*, сравнительно съ сеймовымъ уста-

Digitized by Google

вомъ 1869 года". Кто незнакомъ съ финляндскими учрежденіями, тотъ, прочитавъ эту тираду, можетъ и долженъ подумать, что финляндскій сеймъ впервые получилъ свое устройство въ 1869 г.; что оно зависѣло исключительно отъ усмотрѣнія сейма, и что сеймъ, во всякое время, въ правѣ замѣнить его другимъ, также по своему усмотрѣнію. На самомъ же дѣлѣ сословное устройство сейма существовало съ самаго присоединенія Финляндіи къ Россіи. Сеймовый уставъ 1869 г. только регламентировалъ его детали. До 1886 г. финляндскій сеймъ вовсе не имѣлъ права законодательнаго почина. Не въ его власти, слѣдовательно, было предпочесть новую шведскую организацію—старой; не въ его власти было перейти отъ сословнаго строя къ безсословному или конституціонному, въ современномъ, западно-европейскомъ смыслѣ слова. Не въ его власти это и теперь, потому что манифестъ 1886 г., даровавшій сейму право иниціативы, не распространилъ его на *основные законы* Финляндіи, подлежащіе пересмотру не иначе, какъ по предложенію Императора Великаго Князя. Объ этомъ упоминается и въ статьѣ г. Коркунова; обвиненіе въ излишнемъ консерватизмѣ, взводимое имъ на финляндскій сеймъ, является, такимъ образомъ, не только несправедливымъ, но просто непонятнымъ... Сословное устройство сейма не мѣшаетъ ему быть представительствомъ Финляндіи — представительствомъ несовершеннымъ, неполнымъ, но вполнѣ достаточнымъ для солидарности между представляемыми и представляющими. По праву, безъ избранія, на сеймѣ засѣдаютъ только дворяне и епископы; всѣхъ остальныхъ участниковъ сейма свободно выбираютъ разные классы населенія. „Представителями финскаго народа" члены сейма именуются и въ рѣчи, произнесенной 12-го января, отъ Августѣйшаго Имени, при открытіи сейма. Болѣе чѣмъ страннымъ, въ виду всего этого, слѣдуетъ признать мнѣніе г. Коркунова, что „шагомъ впередъ", да еще „неизмѣримымъ", было бы для Финляндіи примѣненіе къ ней нашего земскаго положенія, даже въ той формѣ, которая дана ему 12-го іюня 1890 г. Нужно ли доказывать, что финляндскій сеймъ и наши земскія собранія—величины совершенно различнаго порядка, учрежденія совершенно различнаго характера, вовсе не подлежащія сравненію? Преимущество послѣднихъ не можетъ заключаться въ томъ, что гласные отъ крестьянъ нуждаются, кромѣ полномочія отъ своихъ избирателей, еще въ утвержденіи губернатора. Правда, въ нашихъ преобразованныхъ земскихъ собраніяхъ гласные отъ крестьянъ будутъ засѣдать вмѣстѣ съ гласными отъ дворянъ—но вѣдь это не говоритъ о ихъ независимости. Особое крестьянское собраніе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ Финляндіи, имѣетъ на своей сторонѣ все-таки гораздо больше шансовъ самостоятельности и

Digitized by Google

вліянія, чѣмъ меньшинство крестьянъ, поставленное рядомъ съ дворянскимъ большинствомъ—и, вдобавокъ, рядомъ съ своимъ непосредственнымъ начальствомъ [1]).

Г. Коркунову кажутся удивительными русскіе публицисты, „горячо ратующіе въ вопросахъ русской общественной жизни противъ всякаго проявленія сословности, противъ духа религіозной нетерпимости и клерикализма, противъ всякаго ограниченія права народнаго языка, а въ финляндскомъ вопросѣ переходящіе на сторону ревнивыхъ оберегателей корпоративнаго духа дворянства, исключительныхъ притязаній лютеранскаго духовенства и національной исключительности, выражающейся въ стремленіи не допускать русскихъ къ какой-либо государственной дѣятельности въ Финляндіи". Въ нашихъ глазахъ удивительно здѣсь только одно: удивленіе г. Коркунова. Да, еслибы въ Финляндіи вопросъ былъ поставленъ такъ: сословный сеймъ—или безсословный; сохраненіе привилегій — или установленіе равенства передъ закономъ; вѣроисповѣдныя стѣсненія—или свобода совѣсти; ограниченіе финскаго языка въ пользу шведскаго—или равноправность того и другого,—тогда со стороны публицистовъ, которыхъ имѣетъ въ виду г. Коркуновъ, непослѣдовательно было бы защищать Финляндію противъ враговъ ея въ русской печати. Но вѣдь ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Финляндскій сеймъ отстаиваетъ вовсе не свою сословность; дворянство и духовенство не идутъ въ разрѣзъ съ остальными классами населенія, а дѣйствуютъ въ тѣсномъ съ ними союзѣ; переходъ изъ лютеранизма въ другое вѣроисповѣданіе никому въ Финляндіи не возбраненъ, и мѣстные жители православнаго исповѣданія пользуются тѣми же правами, какъ и лютеране; народный языкъ, т.-е. финскій, поставленъ на одинъ уровень съ шведскимъ. Во имя какой же логики требуютъ отъ „несогласно-мыслящихъ" присоединенія къ анти-финляндскому хору, и безъ того уже довольно многочисленному? Во имя правъ русскаго языка? Но въ Финляндіи они, въ сущности, имѣютъ значеніе развѣ для „русскихъ дачниковъ". Г. Коркуновъ спрашиваетъ себя: почему же русскимъ людямъ, хотя бы и дачникамъ, и не быть „въ роли патріотовъ"? Мы также не видимъ къ тому никакихъ препятствій,—но пускай же такихъ лѣтнихъ „патріотовъ" и беретъ подъ свое покровительство одна только „патріотическая" пресса. Что касается до „государственной дѣятельности русскихъ въ Финляндіи", то едва ли за нее стоитъ ломать копья даже „патріотамъ". Она требуетъ, во всякомъ

[1]) Припомнимъ, что земскимъ начальникамъ не закрытъ доступъ въ гласные отъ дворянскаго сословія.

Digitized by Google

случаѣ, знанія шведскаго и финскаго языковъ, т.-е. такого условія, которому удовлетворяетъ лишь самая инфинитезимальная доля коренныхъ русскихъ.

„Русское дѣло въ Финляндіи,—такъ заканчивается статья г. Коркунова,—не есть дѣло какого-либо лагеря, а дѣло русскаго народа. Если интересъ къ этому дѣлу теперь оживился, то причина тутъ не въ какой-то національной исключительности, а въ великой реформѣ Царя-Освободителя, освободившаго крестьянъ и тѣмъ, по мѣткому выраженію Ростовцева, создавшаго русскій народъ. Девятнадцатое февраля сдѣлало отнынѣ невозможной для Россіи иную политику, кромѣ національной". Не всуе ли упоминается здѣсь великій день 19-го февраля? Припомнимъ, что именно онъ предшествовалъ возобновленію въ Финляндіи политической жизни, послѣ перерыва, продолжавшагося слишкомъ полвѣка. Не случайно же финляндскій сеймъ былъ созванъ черезъ два года послѣ освобожденія крестьянъ; не случайно эпоха реформъ въ Финляндіи совпала съ эпохой реформъ въ Россіи. Истинно-національной—или, лучше сказать, народной—политикѣ нимало не противорѣчитъ сохраненіе особенностей, существующихъ въ одной изъ пограничныхъ областей государства. Интересъ къ финляндскому вопросу оживился искусственно, благодаря многолѣтней, настойчивой газетной агитаціи, совпавшей съ всестороннимъ обостреніемъ націонализма. Это движеніе не идетъ въ глубь, но оно поднимаетъ, на поверхности общества, массивныя, пѣнящіяся волны, за которыми исчезаетъ изъ виду спокойное, благодушное настроеніе нашего русскаго народа, свободнаго отъ нетерпимости къ чужимъ правамъ и зависти къ чужому счастью. Въ самомъ обществѣ стремленіе къ національной нивеллировкѣ едва ли имѣетъ на своей сторонѣ симпатіи большинства. Какъ ни слабо распространено у насъ знакомство съ финляндскими порядками, главныя ихъ черты все-таки настолько извѣстны, чтобы предупредить смѣшеніе ихъ съ недавно пошатнувшимся остзейскимъ общественнымъ строемъ. „Было время,—восклицаетъ г. Коркуновъ,—когда мы зачѣмъ-то оберегали въ прибалтійскомъ краѣ патримоніальную юрисдикцію и вотчинную полицію. Теперь въ Финляндіи мы сохраняемъ чуждое русской жизни наслѣдіе средневѣковой старины—сословный сеймъ". Аналогіи между обоими случаями нѣтъ никакой. Судебныя и полицейскія учрежденія остзейскихъ губерній были выгодны только для незначительнаго меньшинства; эсты и латыши, т.-е. масса населенія, давно желали радикальной перемѣны. Въ Финляндіи не найдется сословія, не найдется класса или группы, которые не дорожили бы сеймомъ, хотя бы и въ настоящемъ его видѣ. Въ остзейскомъ краѣ патримоніальная юрисдикція уступила мѣсто суду безспорно высшаго типа; а

Digitized by Google

чему уступилъ бы мѣсто финляндскій сеймъ? Земскимъ собраніямъ, согласованнымъ съ закономъ 12-го іюня 1890 г.? Но вѣдь превосходство ихъ предъ сеймомъ—пока личное мнѣніе г. Коркунова, съ которымъ едва ли согласится хоть одинъ финляндецъ, имѣющій ясное представленіе и о своемъ сеймѣ, и о нашемъ земствѣ.

Въ статьѣ г. Коркунова звучитъ, съ начала до конца, нота чопорнаго національнаго, оскорбленнаго тѣмъ, что какая-то провинція осмѣливается „имѣть свое сужденіе“ и высоко цѣнить свою исторически сложившуюся самобытность. Въ статьѣ „Недѣли“ (№ 2) слышится снисходительное сожалѣніе о „крошечной народности“, проявляющей, въ своемъ „сепаратизмѣ“, „идейную и нравственную несостоятельность“. Основываясь на изреченіи Ларошфуко: „споры не были бы продолжительны, еслибы ошибалась только одна сторона“, „Недѣля“ отыскиваетъ и находитъ длинный рядъ ошибокъ, сдѣланныхъ финляндцами. Рядомъ съ фактами мы находимъ здѣсь слухи, рядомъ съ обвиненіями неосновательными—обвиненія просто смѣшныя (напримѣръ, „объявленіе себя отдѣльною отъ Россіи конституціонною монархіей *въ календаряхъ*, *въ родѣ готскаго*“). Со стороны Россіи ошибка, по мнѣнію „Недѣли“, была допущена только одна: избытокъ великодушія, которое теперь по-неволѣ приходится ограничить. „Истинный національнымъ,—такъ поучаетъ „Недѣля“ финляндскихъ „сепаратистовъ“,—заключается не въ отстаиваніи непремѣнно *своихъ*, хотя бы и дурныхъ народныхъ отличій, а въ такомъ развитіи духовнаго типа своей народности, который воплощалъ бы въ себѣ наиболѣе благородныя *человѣческія* черты“. Это поученіе было бы совершенно умѣстно, еслибы оно было обращено по другому адресу—по адресу нашихъ ультра-націоналистовъ (къ которымъ, спѣшимъ прибавить, мы „Недѣлю“ не причисляли). „Отличія“, дорогія финляндцамъ, не содержатъ въ себѣ ничего „дурного“; напротивъ того, именно благодаря имъ Финляндія, за послѣднюю четверть вѣка, такъ быстро двинулась впередъ и достигла столь многаго, не смотря на неблагопріятныя климатическія, почвенныя и этнографическія условія... „Русскій народъ, — продолжаетъ „Недѣля“,—поступаетъ правильно, отказываясь отъ культуры византійско-татарскаго періода въ пользу высшей, европейской, и мелкіе инородцы Россіи поступятъ тоже правильно, если послѣдуютъ ея примѣру... Подобно тому, какъ нѣкогда многочисленныя финскія племена приняли на сѣверо-западѣ шведскую, а южнѣе — славянскую культуру, ничего не потерявъ, такъ и нынѣшніе остатки тѣхъ же финновъ, эстовъ, латышей, а также русскіе нѣмцы, евреи и т. п. окажутъ услугу своему потомству, слившись съ преобладающею великою расою — не низшею, а для многихъ народностей высшею ихъ самихъ“. Отъ шведскихъ и фин-

Digitized by Google

скихъ уроженцевъ Финляндіи требуется здѣсь, въ сущности, нѣчто еще бо́льшее, чѣмъ въ діатрибахъ московской реакціонной печати. Открытымъ врагамъ Финляндіи нужно только одно ея пассивное повиновеніе; благожелательнымъ совѣтникамъ нуженъ добровольный ея отказъ отъ всѣхъ особенностей ея культуры, т.-е. нѣчто въ родѣ политическаго самоубійства. Это было бы немыслимо даже въ такомъ случаѣ, еслибы „мелкіе инородцы" Финляндіи стояли на весьма низкой степени развитія; тѣмъ менѣе можетъ быть объ этомъ рѣчь теперь, когда у финновъ, какъ и у шведовъ, есть своя литература, своя журналистика, широко распространенная, любимая народомъ. Поглощеніе мелкой народности другою, болѣе крупною и болѣе культурною, возможно лишь до тѣхъ поръ, пока первая не сознаетъ самой себя, не дорожитъ своею самобытной жизнью. Примѣры, заимствованные изъ давно прошедшаго, не имѣютъ, поэтому, никакой убѣдительной силы по отношенію къ настоящему. Современное населеніе Финляндіи не имѣетъ ничего общаго съ полу-дикими финскими племенами, потонувшими, нѣсколько столѣтій тому назадъ, среди славянскихъ пришельцевъ... Нужно отдать справедливость „Недѣлѣ": о насильственномъ или хотя бы только искусственномъ „обрусѣніи" Финляндіи она не думаетъ и не мечтаетъ. „Всѣ инородческіе вопросы въ Россіи,—читаемъ мы въ концѣ статьи,—суть недоконченныя завоеванія, которыя необходимо закончить, и для этого единственное орудіе — усиленіе духовной мощи и высоты центральной народности, введеніе въ *общую* жизнь государства *общихъ* возвышенныхъ началъ, которыя своимъ нравственнымъ обаяніемъ покоряли бы себѣ людей и объединяли бы на почвѣ высшихъ формъ жизни. Объединеніе и не желательно на иной почвѣ, и едва ли даже возможно". Прекрасно; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же заводить уже теперь рѣчь о „сліяніи", зачѣмъ приглашать „мелкихъ инородцевъ" къ обмѣну реальныхъ, наличныхъ благъ на блага будущія, проблематичныя? При условіяхъ, о которыхъ говоритъ „Недѣля", *сближеніе* состоится непремѣнно (*объединеніе*, въ смыслѣ уничтоженія всякихъ различій, и тогда останется невѣроятнымъ, да и ненужнымъ); но пускай же сначала наступятъ эти вожделѣнныя условія. Пока этого нѣтъ, проповѣдь самоотреченія или отказа отъ „низшей культуры" выгодна только для систематическихъ противниковъ Финляндіи; не даромъ же „Московскія Вѣдомости" привѣтствуютъ съ такою радостью статью „Недѣли" и разсужденія г. Коркунова. „*Упорство* финляндцевъ, —могутъ сказать наши финнофобы,—признаемъ не мы одни; ergo, —это несомнѣнный фактъ, противъ котораго слѣдуетъ принять надлежащія мѣры. Нечего ждать, пока упорство исчезнетъ само собою; нужно *сломить* его—а для этого нужна только сила, которая есть на-

Digitized by Google

лицо. Нечего церемониться съ *отжившими учрежденіями* (vide статью профессора Коркунова) и съ *отсталой культурой* (см. статью „Недѣли"); операція будетъ полезна не только для Россіи, но и для самой Финляндіи".

О размѣрахъ „операціи", составляющей предметъ желаній нашей реакціонной печати, можно судить по корреспонденціи изъ Петербурга, напечатанной въ № 14 „Московскихъ Вѣдомостей". По словамъ корреспондента, ему извѣстны выводы, къ которымъ пришла смѣшанная коммиссія (изъ финляндскихъ сенаторовъ и чиновъ нашего министерства юстиціи и кодификаціоннаго отдѣла), учрежденная для приведенія въ ясность отношеній между Финляндіей и Россіей. Повѣрить этому довольно трудно; заключенія по столь важнымъ вопросамъ, не получившія еще окончательной санкціи, сохраняются, обыкновенно, въ тайнѣ или разглашаются только отчасти, путемъ слуховъ, далеко не достовѣрныхъ. Такими-то слухами, недостаточно отдѣленными, вдобавокъ, отъ собственныхъ взглядовъ и стремленій, руководствовался, по всей вѣроятности, и корреспондентъ московской газеты. „Финляндскій сеймъ", пишетъ онъ, „есть учрежденіе чисто совѣщательное, коему Высочайшей властью предоставлено какъ обсужденіе вносимыхъ въ него законодательныхъ проектовъ, такъ и право моціи (возбужденія) законодательныхъ вопросовъ, причемъ, однако, Государь Императоръ, независимо отъ сейма, можетъ издавать всякаго рода законы, которые признаетъ могущими служить для блага этой страны, составляющей нераздѣльную часть русской имперіи. Дарованныя Высочайшею властью права и преимущества Финляндіи устанавливаютъ въ извѣстный срокъ (пятилѣтній) созывъ сейма, коему предоставлена разработка законодательныхъ вопросовъ, что, однако, отнюдь не ограничиваетъ права изданія законовъ помимо и независимо отъ обсужденія ихъ сеймомъ. Сеймовый уставъ 1869 года устанавливаетъ въ этомъ отношеніи только то, что представляемые сеймомъ законопроекты Высочайше одобряются или отвергаются цѣликомъ, причемъ признаваемыя въ нихъ необходимыми исправленія подвергаются обсужденію сейма. Но въ случаѣ какихъ-либо затрудненій въ этомъ отношеніи, ничто не препятствуетъ Державной власти составить и издать новые законы независимо отъ сейма, и притомъ по всѣмъ отраслямъ законодательства. Въ существующихъ законодательныхъ актахъ никакихъ ограниченій на этотъ предметъ не заключается". Чтобы судить о томъ, въ какой степени правдоподобны всѣ эти сообщенія, достаточно привести нѣсколько выдержекъ изъ Высочайшаго манифеста 13-го (25) іюня 1886 г., даровавшаго сейму право законодательной иниціативы (съ тѣми ограниченіями, о которыхъ мы уже упоминали). „Соотвѣтственно выраженнымъ по § 71

Digitized by Google

сеймоваго устава 1869 г. одобренію и согласію земскихъ чиновъ Финляндіи, Мы признали за благо, съ отмѣною 6-го пункта акта соединенія и охраненія отъ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 г., Высочайше постановить и повелѣть, чтобы § 51 сеймоваго устава получилъ слѣдующее измѣненное содержаніе: земскіе чины имѣютъ право вносить на сеймъ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами". Этотъ законодательный актъ, состоявшійся менѣе пяти лѣтъ тому назадъ, доказываетъ съ полною ясностью: 1) что основные законы Финляндіи, сохранившіеся еще со времени шведскаго господства — актъ соединенія и охраненія 1789 г., а слѣдозательно и тѣсно связанная съ нимъ форма правленія 1772 г.—признаются дѣйствующими и въ настоящее время, по скольку они не измѣнены послѣдующимъ законодательствомъ; 2) что измѣненія этихъ законовъ происходятъ съ „согласія и одобренія сейма" и 3) что существуютъ законы, зависящіе отъ „совокупнаго рѣшенія Государя и Великаго Князя съ земскими чинами". Совмѣстимы ли эти безспорныя положенія съ выводами корреспондента московской газеты—пускай рѣшатъ сами читатели.

Въ виду интереса, возбуждаемаго въ настоящее время финляндскими дѣлами, можно было ожидать, что столичныя газеты будутъ перепечатывать всѣ доступныя для нихъ извѣстія о сессіи финляндскаго сейма. Мы не нашли, однако, въ главныхъ петербургскихъ газетахъ никакихъ отрывковъ изъ рѣчей, произнесенныхъ, при открытіи или по поводу открытія сейма, тальманами (предсѣдателями) или другими представителями сословій. Больше, сравнительно, дали однѣ „Московскія Вѣдомости" (№ 18). По ихъ сообщенію, архіепископъ абоскій Ренвалъ, тальманъ духовнаго сословія, говорилъ, въ первомъ засѣданіи этого сословія, „о весеннихъ и лѣтнихъ вѣтрахъ, въ теченіе трехъ десятилѣтій дувшихъ въ финляндскомъ отечествѣ", и о наступившихъ затѣмъ „осеннихъ буряхъ". Подъ вліяніемъ этихъ бурь—продолжалъ онъ—„собираются теперь представители финскаго народа. Тяжелая и полная заботъ задача предстоитъ имъ,—задача, состоящая въ томъ, чтобы во время бури мужественно и съ надеждой работать для обезпеченія будущаго. Велики затрудненія въ этомъ отношеніи, такъ какъ теперь случилось нѣчто новое, чего мы раньше не могли и представить себѣ, а именно: то, что всегда было честью и похвалой для финскаго народа, обращается въ упрекъ и оружіе противъ него; быть и называться финномъ признается за проступокъ. Въ такомъ именно направленіи высказывались дающіе тонъ и—по крайней мѣрѣ, по своему собственному мнѣнію,—могущественные (?) органы печати въ русской имперіи,

Digitized by Google

и старались подѣйствовать на тамошнее общественное мнѣніе. Но, не смотря на всѣ эти громкія и дерзкія выходки противъ безобидной автономіи финскаго народа, народъ этотъ, однакоже, свою лояльную надежду на то, что ему дадутъ и впредь тихо и спокойно развиваться согласно своимъ національнымъ особенностямъ и природнымъ условіямъ, основываетъ на торжественныхъ удостовѣреніяхъ и обѣщаніяхъ, данныхъ великодушными монархами—какъ нынѣ царствующимъ нашимъ милостивымъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, такъ и всѣми его славными предшественниками на соединенныхъ тронахъ Россіи и Финляндіи". Предводитель депутаціи, посланной отъ бюргерскаго сословія въ дворянское (г. Гейкель), въ своей привѣтственной рѣчи сравнивалъ блестящее развитіе Финляндіи въ послѣднія десятилѣтія, со времени „возстановленія конституціоннаго строя", съ ея теперешнимъ положеніемъ. При самомъ открытіи сейма ландмаршалъ дворянскаго сословія, тайный совѣтникъ В. Г. фонъ-Гэартманъ, также говорилъ о „тяжкихъ испытаніяхъ", наступившихъ для Финляндіи; дальше, по оригинальному выраженію московской газеты, онъ „*распространился* (?) о вѣрности финляндскаго дворянства Монарху и о преданности его торжественно утвержденной конституціи". Гельсингфорсскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" констатируетъ, съ очевиднымъ злорадствомъ, что церемоніалъ открытія сейма во многомъ отличался, на этотъ разъ, отъ соблюдавшагося прежде. Такъ напримѣръ, опущено совсѣмъ „помпозное" чтеніе объявленія о созывѣ сейма съ сенатскаго крыльца „герольдомъ", подъ звуки трубъ и въ присутствіи роты солдатъ. Оно замѣнено на этотъ разъ просто вывѣшиваніемъ объявленія на дверяхъ сеймовыхъ зданій. Нынѣшній церемоніалъ не говоритъ, затѣмъ, ничего о присутствіи на торжественномъ открытіи сейма генераловъ, придворныхъ кавалеровъ и консуловъ иностранныхъ державъ. Изъ мѣстной газеты „Hufvudstadsbladet" „Московскія Вѣдомости" перепечатываютъ слѣдующее сообщеніе: „когда земскіе чины при открытіи послѣдняго сейма шли (въ процессіи) изъ церкви въ императорскій дворецъ, то поставленная у дворца команда финскаго гвардейскаго батальона отдала имъ честь. Въ субботу (12-го января) тоже стояла команда на упомянутомъ мѣстѣ, но когда земскіе чины стали приближаться ко дворцу, то солдатамъ скомандовали уйти со двора въ караульную комнату, и снова они показались уже послѣ того какъ земскіе чины вошли во дворецъ".—Приводимъ всѣ эти мелкія сообщенія изъ „Московскихъ Вѣдомостей", не ручаясь, конечно, за ихъ точность и достовѣрность. Въ нихъ несомнѣнно и интересно одно, а именно, усиліе нашихъ „могущественныхъ" газетъ,—такимъ эпитетомъ почтилъ ихъ на сеймѣ архіепископъ Рен-

Digitized by Google

валь,—сѣять повсюду раздоръ и ненависть—ремесло незавидное и мало почтенное.

Почти въ одно и то же время, около половины января, окончились сессіи московскаго и петербургскаго губернскихъ земскихъ собраній. Характеръ и продолжительность ихъ были до крайности различны. Московское губернское собраніе имѣло, въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, *двадцать-три* засѣданія, такъ что на продленіе сессіи понадобилось особое разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ; петербургское губернское собраніе, открытое 9-го января, покончило всѣ свои дѣла въ *семь* засѣданій. Въ Москвѣ происходили бурныя пренія, разыгрывались страсти, вносились и проходили важныя предложенія; заключеніемъ сессіи послужила отставка предсѣдателя и всѣхъ членовъ губернской управы. Въ Петербургѣ все было тихо, мирно—и безцвѣтно; все осталось по старому, ни въ чемъ даже не предвидится перемѣны. Признаемся откровенно: московская атмосфера кажется намъ, въ данную минуту, болѣе благопріятною для земской дѣятельности, чѣмъ петербургская. Весьма жаль, конечно, что въ общее дѣло вносятся личные вопросы; жаль, что почтеннымъ земскимъ дѣятелямъ приходится выслушивать рѣзкія замѣчанія, не всегда заслуженныя, отвѣчать на нападенія, далеко не отличающіяся сдержанностью—но во всемъ этомъ чувствуется жизнь, а гдѣ жизнь, тамъ и шансы движенія, развитія. Въ „исторіи“, поднятой изъ-за лечебницы для душевно-больныхъ, г. Алексѣевъ, какъ показали послѣдствія, былъ неправъ [1])—но его настойчивость безспорно ускорила разрѣшеніе спорнаго вопроса. Не беремся судить, насколько основательна была кампанія, предпринятая ревизіонною коммиссіею противъ дорожнаго отдѣла московской губернской управы—но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что ея результатомъ будетъ лучшая организація дорожной части. Совсѣмъ иное дѣло—система отсрочекъ и проволочекъ, праздновавшая одну побѣду за другую во время послѣдней сессіи петербургскаго губернскаго земскаго собранія. Представляется, напримѣръ, докладъ губернской санитарной коммиссіи, и на обсужденіе его уходитъ цѣлое засѣданіе собранія. Коммиссія предлагаетъ, между прочимъ, оказывать помощь уѣзднымъ земствамъ на устройство при земскихъ больницахъ и пріемныхъ покояхъ особыхъ отдѣленій для изоляціи заразныхъ больныхъ; собраніе, не рѣшая вопроса въ принципѣ, поручаетъ губернской управѣ представить, къ

[1]) Ноева дача, въ которой г. Алексѣевъ хотѣлъ открыть, tambour battant, лечебницу для душевныхъ больныхъ (см. предъидущую хронику), оказалась неподходящею для этой цѣли, и губернская управа устроила дѣло иначе, путемъ соглашенія съ одною изъ московскихъ общинъ сестеръ милосердія.

Digitized by Google

будущей очередной сессіи, докладъ о желательности содѣйствія по этому предмету со стороны губернскаго земства уѣзднымъ земствамъ. Коммиссія предлагаетъ принять за правило, чтобы при появленіи холеры, оспы, дифтерита, скарлатины, сыпного и возвратнаго тифа, на губернскій счетъ относимъ былъ расходъ по усиленію медицинскаго персонала, найму помѣщеній и первоначальному ихъ обзаведенію, дезинфекціи вещей и т. п.; собраніе постановляетъ, что на всѣ эти надобности губернское земство *можетъ* оказывать пособіе уѣздамъ. Такое рѣшеніе, очевидно, вовсе не можетъ быть названо рѣшеніемъ. Оказывать *пособіе* уѣздамъ, во время эпидемій, губернское земство и до сихъ поръ имѣло право, и это право не оставалось мертвой буквой. Рѣчь шла о томъ, чтобы обратить *право* въ *обязанность*, случайность—въ общее начало. Для уѣздовъ весьма важно знать, на что́ они, при появленіи заразныхъ болѣзней, могутъ *положительно разсчитывать* со стороны губернскаго земства. Отъ губернскаго собранія зависѣло съузить или расширить участіе свое въ борьбѣ съ эпидеміями—но ему не было причины уклоняться отъ установленія тѣхъ или другихъ точныхъ нормъ, устраняющихъ возможность взаимныхъ жалобъ и недоразумѣній... Ту же нерѣшительность мы видимъ и по отношенію къ другому важному вопросу—страховому. Страховой капиталъ петербургскаго земства не увеличивается, а уменьшается, несмотря на ростущее число страхованій и возвышеніе страхового риска. Это значитъ, что въ постановкѣ страхового дѣла есть слабыя стороны, которыя нужно найти и устранить—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Губернская управа проектируетъ, съ этою цѣлью, совокупность мѣръ, касающихся какъ добровольнаго, такъ и обязательнаго страхованія; нѣсколько предложеній дѣлаетъ отъ себя и ревизіонная коммиссія. Собраніе посвящаетъ нѣсколько часовъ разсмотрѣнію докладовъ коммиссіи и управы—и затѣмъ, *ничего* не рѣшая, передаетъ весь вопросъ цѣликомъ въ особую коммиссію, о составѣ и численности которой происходятъ продолжительныя пренія... Еще одинъ, послѣдній примѣръ. Въ прошломъ году собраніе избрало коммиссію „для изысканія способовъ къ улучшенію народнаго хозяйства въ петербургской губерніи". Коммиссія составила перечень мѣръ, которыми можно было бы достигнуть этой цѣли; одинъ изъ членовъ губернской управы указалъ вопросы, которые слѣдовало бы поставить на ближайшую очередь. Оставалось только создать въ составѣ губернскаго земскаго управленія нѣчто въ родѣ экономическаго бюро, учрежденнаго московскимъ земствомъ, или, по меньшей мѣрѣ, ассигновать нѣкоторую сумму на первыя земскія экономическія работы. Громадное большинство коммиссіи (въ составъ которой входила и губернская управа) находитъ, однако, „прежде-

Digitized by Google

временнымъ" и то, и другое, и предлагаетъ только поручить губернской управѣ, по мѣрѣ разработки того или другого изъ намѣченныхъ вопросовъ, представлять о томъ доклады на обсужденіе губернскаго собранія. Предложеніе коммиссіи принято собраніемъ безъ преній—и дѣло первостепенной важности, во многихъ другихъ губерніяхъ давно уже идущее полнымъ ходомъ, у насъ отложено, такимъ образомъ, въ долгій ящикъ... Многолѣтняя практика убѣждаетъ въ томъ, что губернская управа, обремененная текущими дѣлами, не въ силахъ присоединять къ нимъ сама новыя, широкія задачи. Статистическое изслѣдованіе губерніи пошло въ ходъ только со времени открытія статистическаго бюро; санитарная часть получила правильную организацію только съ тѣхъ поръ какъ существуютъ губернскій санитарный врачъ и губернская санитарная коммиссія. Быть можетъ, постановленіе собранія побудитъ губернскую управу выйти изъ застоя, въ которомъ находилась до сихъ поръ экономическая дѣятельность петербургскаго губернскаго земства; но разсчитывать на это довольно трудно, именно потому, что собраніе не снабдило для того управу ни новыми личными силами, ни вещественными средствами. Петербургское губернское земство до крайности неохотно увеличиваетъ свою смѣту — а безъ значительныхъ ассигновокъ немногое удастся сдѣлать для поднятія благосостоянія губерніи.

Не слѣдуетъ думать, однако, что нынѣшняя сессія петербургскаго губернскаго земства прошла совсѣмъ безслѣдно. Большой шагъ впередъ сдѣланъ въ области попеченія о народномъ здоровьѣ. Несмотря на оппозицію „партикуляристовъ", желающихъ ограничить какъ можно больше заботливость губерніи объ уѣздахъ, и „сберегателей", боящихся, какъ огня, каждаго новаго расхода, губернское собраніе ассигновало значительную сумму (болѣе 6.000 рублей) на постройку новаго больничнаго зданія, стоящаго на границѣ трехъ уѣздовъ (гдовскаго, лужскаго и ямбургскаго). Врачъ этой больницы уже съ прошлаго года получаетъ жалованье отъ губернскаго земства; содержаніе больныхъ и лекарство упадаютъ отчасти на счетъ заинтересованныхъ уѣздовъ, отчасти на счетъ мѣстныхъ крестьянъ. Больницъ, такимъ образомъ организованныхъ, въ московской губерніи давно уже не мало; въ петербургской губерніи это—первый опытъ, взятый съ бою у земскаго „партикуляризма". Другимъ постановленіемъ собраніе назначило петербургскому уѣзду пособіе въ 910 руб. на постройку помѣщеній для изоляціи заразныхъ больныхъ. Весьма значительно увеличена ассигновка на призрѣніе и леченіе душевно-больныхъ (съ 8.400 руб. —до 12 тысячъ). Лѣтомъ нынѣшняго года предположено открыть, для начальныхъ учителей и учительницъ губерніи, курсъ садоводства и огородничества, какъ предметовъ весьма важныхъ и для

Digitized by Google

улучшенія матеріальнаго быта учащихъ, и для развитія учащихся. На устройство этихъ курсовъ собраніе опредѣлило 660 рублей; добавочныя назначенія будутъ, по всей вѣроятности, сдѣланы уѣздными земствами, для увеличенія числа учителей и учительницъ, могущихъ воспользоваться курсами (лужское уѣздное земское собраніе еще раньше ассигновало на это двѣсти рублей). Иниціатива подобныхъ курсовъ принадлежитъ псковскому губернскому земству, мысль о перенесеніи ихъ въ нашу губернію—одному изъ инспекторовъ народныхъ училищъ (В. А. Александрову), представившему о томъ записку лужскому и гдовскому земствамъ; но хорошо уже и то, что петербургское губернское земство послѣдовало, въ данномъ случаѣ, доброму примѣру своего сосѣда и не отвергло полезныхъ указаній г. Александрова [1]).

Итакъ, даже тамъ, гдѣ дѣятельность земскихъ собраній оставляетъ желать весьма многаго, у нея есть хорошія стороны, примиряющія, до извѣстной степени, съ ея недостатками. Теперь обратимся къ дворянскимъ собраніямъ. Плохой активъ, напримѣръ, можно противопоставить пассиву нижегородскаго дворянства, слѣдующимъ образомъ изображенному „Новостями“: „г. Андреевъ, въ качествѣ нижегородскаго уѣзднаго предводителя дворянства и предсѣдателя нижегородской уѣздной управы, допустилъ массу неправильностей по службѣ и растратилъ сиротскихъ и земскихъ денегъ на сумму до 40 слишкомъ тысячъ рублей. Растрата эта, по предложенію губернскаго предводителя дворянства, была пополнена изъ прибылей Александровскаго дворянскаго банка, по уставу котораго прибыли, за извѣстнымъ отчисленіемъ, употребляются *на нужды дворянства*. Дворянскому собранію надлежало обсудить какъ правильность подобнаго употребленія прибылей дворянскаго банка, такъ и дѣйствія г. Андреева. Послѣ продолжительныхъ и бурныхъ преній, большинство дворянъ раздѣлило допущенное ихъ предводителемъ широкое толкованіе понятія *нуждъ дворянства*; что же касается г. Андреева, то постановлено, не подвергая его уголовной отвѣтственности за растрату и злоупотребленія по службѣ, лишить его права участія въ дворянскихъ собраніяхъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Другое изъ крупныхъ щекотливыхъ дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію дворянскаго собранія, заключается въ ссудѣ правленіемъ того же банка одному изъ директоровъ его—надъ которымъ, кстати сказать, тяго-

[1]) В. А. Александровъ, праздновавшій недавно двадцатипятилѣтіе своей педагогической дѣятельности, принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ инспекторовъ народныхъ училищъ, которые искренно преданы дѣлу народнаго образованія и заботятся исключительно о его развитіи, избѣгая напрасныхъ пререканій съ земствомъ и стараясь, наоборотъ, идти съ нимъ рука объ руку.

Digitized by Google

тѣетъ обвиненіе въ другомъ, еще болѣе тяжкомъ уголовномъ преступленіи [1]),—подъ залогъ имѣнія въ несоотвѣтствующемъ его дѣйствительной стоимости размѣрѣ. Операція эта обратила на себя вниманіе прокурорской власти, и съѣхавшимся на собраніе дворянамъ предстояло, такимъ образомъ, рѣшить, по предложенію прокурора, отдавать ли подъ судъ правленіе своего банка, или же простить и ему, какъ простили грѣхи г. Андрееву. Собраніе постановило не возбуждать преслѣдованія противъ директоровъ банка". Если вѣрить „Недѣлѣ" (№ 52), это постановленіе не было единогласнымъ; по отношенію къ одному изъ директоровъ банка большинство (90 голосовъ противъ 70) высказалось даже за преданіе суду; но такъ какъ оно не обнимало собою двухъ третей голосовъ, то вопросъ о преданіи суду признанъ рѣшеннымъ отрицательно. По свѣденіямъ той же газеты, сумму, взятую изъ банка на пополненіе растраты г. Андреева, постановлено, по большинству голосовъ, разложить на всѣхъ дворянъ губерніи, имѣющихъ право участвовать въ дворянскомъ собраніи. „Является вопросъ,—продолжаетъ „Недѣля":—всѣ ли признанные подлежащими обложенію дворяне согласятся на этотъ платежъ, такъ какъ обязательность его для нихъ возбуждаетъ большія юридическія сомнѣнія". Правильнѣе, кажется, было бы замѣнить слово: *сомнѣнія*—другимъ, болѣе рѣшительнымъ. Дворянскія „складки", по ст. 152 т. IX св. зак. о сост., обязательны для всѣхъ дворянъ только тогда, когда онѣ дѣлаются на „предметъ общей необходимости дворянства всей губерніи или общеполезный". Подъ это опредѣленіе уплата суммы, растраченной однимъ изъ дворянъ, очевидно, не подходитъ.

Вслѣдствіе одной изъ кодификаціонныхъ ошибокъ, которыя встрѣчались у насъ нерѣдко, статья 234 уложенія о наказаніяхъ (изданія 1857 г.), предназначавшаяся къ перенесенію въ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, исчезла изъ уложенія, не найдя себѣ мѣста въ уставѣ. Уголовный кассаціонный департаментъ сената недавно констатировалъ этотъ фактъ и призналъ невозможнымъ примѣнить статью, болѣе двадцати лѣтъ уже не существующую. Выписка изъ опредѣленія сената была напечатана въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", какъ это дѣлается, съ нѣкоторыхъ поръ, по отношенію ко всѣмъ рѣшеніямъ, разъясняющимъ общіе вопросы уголовнаго права и судопроизводства. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего чрезвычайнаго, необыкновеннаго—а между тѣмъ въ печати поднялся

[1]) Изъ позднѣйшихъ газетныхъ сообщеній („Новости", № 17) видно, что упомянутое здѣсь лицо (г. П.) подвергнуто предварительному аресту по обвиненію въ поджогѣ собственнаго имущества, съ цѣлью полученія страховой преміи.

Digitized by Google

шумъ, посыпались рѣзкія обвиненія противъ сената. Почему—это мы сейчасъ увидимъ.

Ст. 234 уложенія назначала наказаніе (арестъ отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ) за погребеніе христіанина „безъ совершенія притомъ надлежащихъ христіанскихъ того вѣроисповѣданія обрядовъ". Статья 107 устава о наказаніяхъ, замѣнившая собою — по списку, приложенному къ уставу,—ст. 234 уложенія, помѣщена въ главѣ, озаглавленной: „о проступкахъ противъ народнаго здравія", и предусматриваетъ „погребеніе мертвыхъ не въ назначенныхъ для того мѣстахъ или безъ соблюденія установленныхъ правилъ". Очевидно, что подъ именемъ *правилъ* разумѣются здѣсь вовсе не христіанскіе обряды, а гигіеническія мѣры предосторожности. Къ случаю же погребенія безъ соблюденія церковныхъ требованій ст. 107 ея-томъ, поэтому, примѣнена быть не могла. Столь же очевидно и то, что нельзя было примѣнить и бывшую 234-ую статью, какъ не вошедшую ни въ составъ новаго изданія уложенія, ни въ какое бы ни было другое дѣйствующее узаконеніе. Сенатъ не можетъ пополнить пробѣлъ закона, устранимый только актомъ законодательной власти: онъ не можетъ ни воскресить статью, хотя бы и неправильно исключенную изъ свода, ни опредѣлить, по своему усмотрѣнію, уголовную кару за поступокъ, не запрещенный, въ данную минуту, подъ страхомъ наказанія. Говорятъ, что сенатъ долженъ былъ признать ст. 234 сохранившею свою силу, потому что она никогда не была отмѣнена въ установленномъ для того порядкѣ; но вѣдь она помѣщена въ такомъ сборникѣ законовъ, который, вслѣдствіе замѣны его новымъ, Высочайше утвержденнымъ, потерялъ всякое значеніе и не можетъ болѣе служить основаніемъ для судебныхъ рѣшеній. Отдѣльный законъ отмѣняется такимъ же отдѣльнымъ закономъ; старое изданіе того или другого тома свода законовъ уступаетъ мѣсто новому изданію, всецѣло его упраздняющему [1]). Возбужденіе вопроса о необходимости новаго закона—только право, а не обязанность сената; недостатокъ закона, сдѣлавшійся очевиднымъ вслѣдствіе сенатскаго рѣшенія, можетъ быть пополненъ по иниціативѣ вѣдомства или учрежденія, ближайшимъ образомъ въ томъ заинтересованнаго. Если нѣкоторыя газеты заговорили, ничто же сумняшеся, объ *опротестованіи* сенатскаго опредѣленія министерствомъ юстиціи или святѣйшимъ синодомъ, объ *обжалованіи* его въ коммиссію прошеній, то это свидѣтельствуетъ только о ихъ крайнемъ невѣжествѣ. Всѣ подобныя мѣры были бы явнымъ наруше-

[1]) Исключеніе мыслимо здѣсь только тогда, когда примѣненіе новаго закона или новаго изданія свода законовъ нарушило бы основное правило о неприсвоеніи законамъ обратной силы.

Digitized by Google

ніемъ закона—и притомъ нарушеніемъ совершенно ненужнымъ, потому что та же цѣль можетъ быть достигнута, легче и быстрѣе, путемъ изданія новаго закона. Напрасно также были пущены въ ходъ указанія на опасность, которою будто бы грозитъ сенатское опредѣленіе, на возможность вящшаго „ослабленія религіозныхъ началъ и развитія лжеученій". Неужели господа алармисты полагаютъ, что арестъ на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ послужилъ бы противовѣсомъ религіозному фанатизму, влекущему къ нарушенію закона?.. Если случаи погребенія безъ соблюденія христіанскихъ обрядовъ встрѣчались чрезвычайно рѣдко, какъ при дѣйствіи ст. 234, такъ и послѣ ея исчезновенія (иначе оно было бы замѣчено гораздо раньше), то, конечно, объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ желаніи избѣжать суда, а отчасти въ опасеніи другой отвѣтственности, болѣе серьезной, хотя и не регулированной закономъ, отчасти—и преимущественно—въ слабомъ распространеніи тѣхъ побужденій, которыми обусловливается рѣшимость похоронить близкаго человѣка безъ соблюденія церковныхъ обрадовъ. Всего скорѣе такая рѣшимость можетъ возникнуть у раскольниковъ или сектантовъ, номинально принадлежащихъ къ православной церкви—но именно по отношенію къ нимъ всего меньше можетъ оказаться дѣйствительнымъ возобновленное и даже обостренное примѣненіе бывшей 234-ой статьи стараго уложенія о наказаніяхъ.

4-го минувшаго января исполнилось пятидесятилѣтіе службы А. Д. Шумахера, бывшаго директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, а теперь много лѣтъ сряду засѣдающаго въ первомъ департаментѣ сената. Въ шестидесятыхъ годахъ А. Д. Шумахеру принадлежала выдающаяся роль въ подготовкѣ земской и въ особенности городской реформы; онъ былъ однимъ изъ главныхъ редакторовъ городового положенія 1870 г. Каковы бы ни были недостатки этого закона, онъ имѣлъ и имѣетъ одно крупное, неоцѣнимое достоинство: онъ создалъ *самостоятельную* дѣятельность городского самоуправленія—и этимъ самымъ положилъ начало новой, лучшей эпохѣ въ жизни русскихъ городовъ, такъ какъ только съ самостоятельностью ихъ общественнаго управленія была тѣсно связана и отвѣтственность—и наоборотъ: при отсутствіи самостоятельности, не было бы и отвѣтственности. Съ городовымъ положеніемъ 1870 г., а слѣдовательно и съ именемъ А. Д. Шумахера, связано такимъ образомъ все полезное, предпринятое и сдѣланное, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, столичными и провинціальными городскими думами. Менѣе замѣтна, но далеко не безплодна служба А. Д. Шумахера въ сенатѣ; значеніе ея разъяснитъ нашимъ потом-

Digitized by Google

камъ, въ наступающемъ XX вѣкѣ, будущій безпристрастный историкъ только-что окончившагося десятилѣтія.

18-го января скончался въ Петербургѣ Григорій Захаровичъ Елисеевъ, послѣдняя статья котораго напечатана въ январьской книжкѣ нашего журнала. Воинствующимъ публицистомъ онъ пересталъ быть задолго до смерти; но въ продолженіе двадцати лѣтъ онъ стоялъ въ первыхъ рядахъ нашей журналистики. Его внутреннія обозрѣнія (въ „Современникѣ“ шестидесятыхъ—и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ второй половины семидесятыхъ годовъ), вмѣстѣ съ другими его статьями по политическимъ и экономическимъ вопросамъ, послужатъ, со временемъ, цѣннымъ матеріаломъ для исторіи эпохи преобразованій. Въ 1862 г., Григорій Захаровичъ сдѣлалъ, вмѣстѣ съ немногими другими литераторами, чуть ли не первую попытку издавать газету на началахъ ассоціаціонныхъ. Пріобрѣтена была, съ этою цѣлью, газета „Вѣкъ“, образованъ наблюдательный комитетъ, избранъ редакторъ (именно Г. З. Елисеевъ); но дѣло остановилось въ самомъ началѣ, за недостаткомъ подписчиковъ, зависѣвшимъ всецѣло отъ ошибокъ прежней редакціи... Какъ близко покойный принималъ къ сердцу интересы литературы—это видно изъ его завѣщанія; онъ оставилъ почти все свое состояніе литературному фонду, предоставивъ женѣ своей пожизненное пользованіе процентами съ капитала. При жизни Гр. Зах. не приступалъ къ отдѣльному изданію своихъ статей; нельзя не пожелать, чтобы лучшія изъ нихъ были собраны и изданы исполнителями послѣдней его воли.

Чувствительную потерю наша періодическая печать понесла также въ лицѣ С. Я. Капустина. Теперь, когда онъ скончался, мы можемъ сказать, что именно къ нему относились слова К. Д. Кавелина, приведенныя въ нашей декабрьской хроникѣ: „онъ, подобно мнѣ, Никита Пустосвятъ или Аввакумъ—безгранично преданный интересамъ сельскаго русскаго населенія, твердо вѣрующій въ общинные элементы русскаго народа и убѣжденный, что только ими мы можемъ обновиться“. Это — прекрасная эпитафія честному, даровитому труженику и глубокому знатоку народнаго быта.

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Историко-филологическаго Общества при имп. новороссійскомъ университетѣ.

Въ виду особенно важныхъ ученыхъ заслугъ профессора В. И. Григоровича по славяновѣденію и по изученію южно-русской старины, вскорѣ по смерти его, между учениками и почитателями его возникла мысль объ устройствѣ памятника на могилѣ Григоровича въ Елисаветградѣ. Тогда же собрана была для этой цѣли небольшая сумма, хранившаяся сначала у бывшаго директора елисаветградскаго реальнаго училища г. Завадскаго, а потомъ переданная г. ректору новороссійскаго университета.

Такъ какъ профессоръ Григоровичъ своими сочиненіями и въ особенности лекціями и устными бесѣдами старался возбуждать интересъ къ изученію мѣстной южно-русской старины и успѣлъ заохотить многихъ молодыхъ людей къ занятіямъ древностями, то нынѣ, по случаю исполнившагося 25-ти лѣтія новороссійскаго университета, снова ожили воспоминанія о покойномъ Григоровичѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе видныхъ представителей профессорскаго сословія за минувшій періодъ жизни университета. Довольно значительная на югѣ среда учениковъ и почитателей Григоровича снова вспомнила о полузабытой могилѣ его въ Елисаветградѣ.

Цѣня ученыя заслуги Григоровича и желая почтить память его, правленіе Историко-филологическаго Общества при императорскомъ новороссійскомъ университетѣ, въ засѣданіи 14-го марта 1890 г., постановило возбудить ходатайство предъ господиномъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа объ испрошеніи въ установленномъ порядкѣ разрѣшенія на сборъ пожертвованій между учениками и почитателями покойнаго профессора Григоровича въ Казани, Москвѣ и Одессѣ, по мѣсту службы его, для устройства памятника на могилѣ его въ Елисаветградѣ.

Въ настоящее время, въ виду послѣдовавшаго со стороны господина министра народнаго просвѣщенія разрѣшенія открыть для означенной цѣли сборъ пожертвованій между бывшими учениками

Digitized by Google

и почитателями Григоровича въ Казани, Москвѣ и Одессѣ, Правленіе Историко-филологическаго Общества имѣетъ честь обратиться къ ученикамъ и почитателямъ Григоровича съ приглашеніемъ содѣйствовать своими пожертвованіями къ образованію суммы, потребной на сооруженіе памятника, причемъ съ своей стороны принимаетъ на себя заботы о дальнѣйшихъ мѣрахъ къ осуществленію предположенной цѣли.

Иногородные благоволятъ присылать пожертвованія въ Одессу, въ университетъ, въ Историко-филологическое Общество.

Въ городѣ Одессѣ пожертвованія принимаются у казначея Общества, агента министерства иностранныхъ дѣлъ, А. Д. Путяты, на Нѣжинской улицѣ, противъ телеграфа, въ домѣ Яковлева, № 58, отъ 12 до 1 ч. ежедневно.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1891.

Книга первая. — Январь. стр.

Скованный Прометей.—Трагедія Эсхила.—Пер. Д. МЕРЕЖКОВСКАГО. . . 5

Реформы классическихъ гимназій во Франціи.—I-III.—АНТ. ОКОЛЬСКАГО . 44

Первые шаги.—Повѣсть.—I-VII.—К. М. СТАНЮКОВИЧА 86

Стихотворенія.—I. Сонетъ.—II. На родинѣ.—В. ЛАДЫЖЕНСКАГО . . . 123

Загровная тоска.—Посвящается гр. Л. Н. Толстому.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 161

Средневѣковое міровоззрѣніе, его возникновеніе и идеалъ.—I.—В. И. ГЕРЬЕ. 172

Дэмосъ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Соч. Гиссинга.—Часть первая: I-VI.—Пер. съ англ. А. Э. 197

Народная грамотность.—А. Н. ПЫПИНА 245

На мотивъ Стекетти.—I. Передъ грозой.—II. Я не вѣрю.—О. М—ВОЙ . . . 280

Изъ далекаго прошлаго двухъ академій. — По поводу смерти проф. казан. духовной академіи И. Я. Порфирьева.—Г. З. ЕЛИСѢЕВА 282

Новый историкъ современной Франціи.—H. Taine, Les origines de la France contemporaine, t. I.—К. К. АРСЕНЬЕВА 313

Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ.—Сборникъ въ память покойнаго.—А. В. 335

Хроника.—Современное положеніе отечественной и сельско-хозяйственной промышленности.—КН. ДМ. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО 345

Внутреннее Обозрѣніе.—Земскія учрежденія на рубежѣ старыхъ и новыхъ порядковъ.—Вопросъ объ избираемости въ городскіе гласные.—Нужно ли уменьшить численность городскихъ думъ и ограничить самостоятельность городского общественнаго самоуправленія?—Циркуляръ черниговскаго губернатора.—Вѣсти изъ провинціи 369

Обороты и операціи казны въ 1889 г., по отчету государственнаго контроля.—О. 394

Иностранное Обозрѣніе. — Важнѣйшія политическія событія истекшаго года. — Удаленіе князя Бисмарка и поворотъ въ германской политикѣ.—Личная дѣятельность Вильгельма II.—Его послѣднія рѣчи по школьному вопросу. — Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи.—Англійскія дѣла. — Парнелль и Гладстонъ.—Злоупотребленія нѣкоторыхъ англичанъ, и упреки г-жи Ольги Новиковой 403

Рабочая Голландія. — Письмо изъ-за границы.—Ѳ. 418

Литературное Обозрѣніе.—Н. В. Станкевичъ, Стихотворенія, трагедіи, проза.—Расколъ и его путеводители, К. Попова. — Крылатыя слова, С. Максимова. — Сарты. Н. Остроумова. — А. П. — Меліораціонный кредитъ, И. Блиоха. — Л. С. — В. Величко, Восточные мотивы. — Ибервегъ-Гейнцъ, Исторія новой философіи.—В. С.—Новыя книги и брошюры 431

Новости иностранной литературы.—I. Essai sur les origines de l'idée du progrès, par L. Maury.—II. Kleine Schriften von Dr. C. Rodbertus-Jagetzow.—III. Die Bekämpfung der Socialdemokratie ohne Ausnahmegesetz, von A. Fr. Schäffle.—Л. С. 452

Вопросъ о воспитательномъ обученіи въ Германіи. — Die Erziehung der deutschen Jugend, von P. Güssfeldt. — Velléités pédagogiques d'un Empereur, par le professeur A. Herzen.—М. М. 459

Изъ Общественной Хроники. — Надгробное слово „либерализму", варьируемое на всѣ лады реакціонной печатью. — Гдѣ слѣдуетъ искать движеніе и жизнь?—Саратовское дворянское собраніе.—Московское земство и Н. А. Алексѣевъ. — Перепись населенія въ Петербургѣ. — Нѣчто о „подтягиваньѣ". —Неудачная параллель.—Г. П. Данилевскій †. 466

Извѣщенія.—Отъ учредителей Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ 483

Библіографическій Листокъ.—Изъ лекцій П. Г. Рѣдкина, т. VI.—Матеріалы для Академіи Наукъ, т. VI. — Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности И. В. Экон. Общества, А. Н. Бекетова.—Путешествіе по Св. Землѣ, Евг. Маркова. —Иллюстрированная исторія искусствъ, Любке.

Digitized by Google

Февраль. — Книга вторая.

стр.

Реформа классическихъ гимназій во Франціи.—IV-V.—АНТ. ОКОЛЬСКАГО. 489

Мимочка на водахъ.—Очеркъ.—I.—В. М. 526

Тихоокеанская желѣзная дорога въ Канадѣ.—ПЛАТОНА ЧИХАЧЕВА . . . 569

Первые шаги.—Повѣсть.—VIII-XIV.—К. М. СТАНЮКОВИЧА 588

Народники и народъ.—Собраніе сочиненій Н. Златовратскаго.—А. В—НЪ . 655

Дэмосъ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Соч. Гиссинга.—Часть первая: VII-XI. —Пер. съ англ.—А. Э. 696

Средневѣковое міровоззрѣніе, его возникновеніе и идеалъ.—II.—В. И. ГЕРЬЕ. 752

Стихотворенія.—I. Зимою въ деревнѣ.—II. Обыкновенный случай.—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА. 782

Новый историкъ современной Франціи. — H. Taine, Les origines de la France contemporaine.—IV-VII.—К. К. АРСЕНЬЕВА 784

Стихотворенія.—Уходишь ты...—ВЛАД. С. СОЛОВЬЕВА 815

Франко-русская политика въ началѣ столѣтія.—Поццо ди-Борго и его дѣятельность во Франціи.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 816

Силуэтъ.—Стих. — В. ВЕЛИЧКО. 838

Хроника.—По поводу финляндскаго сейма въ 1891 г.—С. М. 839

Внутреннее Обозрѣніе. — Кончина Е. И. В. Николая Максимиліановича, герцога Лейхтенбергскаго. — Газетныя сообщенія о проектѣ городской реформы.—Городскіе выборы въ Саратовѣ. — Совѣтъ по земскимъ дѣламъ, проектируемый г. Коркуновымъ.—Рѣшеніе московскаго уѣзднаго съѣзда по дѣлу крестьянъ деревни Матушкиной.—Чрезвычайное дворянское собраніе въ Черниговѣ 848

Государственная роспись на 1891 годъ.—О. 871

Иностранное Обозрѣніе.—Недоумѣніе по вопросу о разоруженіи. — Сомнительные доводы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ патріотовъ.—Разговоръ одного журналиста съ княземъ Бисмаркомъ.—Внутреннія дѣла Германіи. — Отношеніе печати къ бывшему канцлеру и вопросъ о свободѣ печатнаго слова.—Остатки культуркампфа и проектъ Госслера 883

Литературное Обозрѣніе.—Сборникъ свѣденій для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. II. — Историческое обозрѣніе, т. I. — Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при новороссійскомъ университетѣ, т. I.—И. Я. Порфирьевъ, біогр. очеркъ. — Русскіе писатели, В. Острогорскаго.—А. П.—Введеніе въ философію, Г. Струве.— В. С. — Новыя книги и брошюры. 893

Исторіографія и компиляція.—По поводу третьяго тома „Исторіи Россіи“, соч. Д. И. Иловайскаго.—В. Н. С—ЖЕВА 914

Новости иностранной литературы.—I. Liberty and a Living, by G. Hubert. — И. Я. — II. Naquet, Socialisme collectiviste et socialisme libéral. — III. Bulgarien, von Prinz v. Battenberg.—Л. С. 930

Изъ Общественной Хроники.—„Отжившія учрежденія“ Финляндіи и г. Коркуновъ; „низшая финляндская культура“ и „Недѣля“. — Открытіе сейма въ Гельсингфорсѣ. — Сессія московскаго и петербургскаго губернскихъ земскихъ собраній.—Нижегородское дворянское собраніе.—Похоронный вопросъ въ сенатѣ.—Юбилей А. Д. Шумахера.—Г. З. Елисеевъ и С. Я. Капустинъ † 940

Извѣщенія. — Отъ Историко-филологическаго Общества при импер. новороссійскомъ университетѣ 957

Библіографическій Листокъ. — Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ, Н. Бубнова, ч. II.—Мысли о воспитаніи, Дж. Локка.—Учебникъ русской исторіи, К. Елпатьевскаго. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова. — Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 28.

Digitized by Google

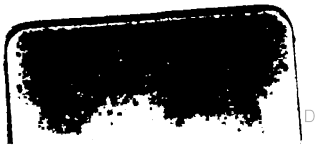
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

AUG 2 0 1965



Digitized by Google

Digitized by Google